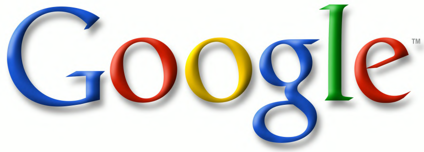
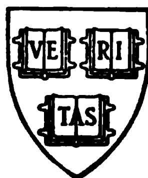

VE RI
TAS

№ 1140.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ XIII

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XIII

1883

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1883

СОДЕРЖАНІЕ ТРИНАДЦАТАГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ И СЕНТЯБРЬ 1883 ГОДА).

ВОСЕМЬСОТЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ.

Разсказъ [1]).

РАФЪ Аракчеевъ предупредилъ императора Александра Павловича о тайномъ обществѣ «Союзѣ благоденствія» открытомъ Шервудомъ, на югѣ Россіи, и доставилъ послѣдняго въ Петербургъ.

Шервуду было велѣно явиться въ зимній дворецъ. Онъ и его вожатый, генералъ Клейнмихель, прошли рядъ полуосвѣщенныхъ залъ дворца.

Они остановились въ небольшой пріемной залѣ, украшенной картинами изъ войны двѣнадцатаго года.

Заставленная цвѣтами, дверь налѣво вела во внутреннія государевы покои. Ее охранялъ, одѣтый въ расшитую золотомъ, красную куртку и въ тюрбанъ, съ страусовыми перьями, дежурный арапъ. На диванѣ дремалъ добродушный, гладко-выбритый, въ чулкахъ на толстыхъ икрахъ и въ башмакахъ, нѣмецъ камерлакей.

— Доложи—вѣжливо шепнулъ по-нѣмецки послѣднему Клейнмихель.

Лакей молча исчезъ за дверью. Едва былъ слышенъ шорохъ его удаляющихся, беззвучныхъ шаговъ. Клейнмихель, сдвинувъ брови и тревожно подтянувъ поясной шарфъ, не шелохнувшись вглядывался черезъ цвѣтущія фукціи и геліотропы въ притворенную дверь.

---

[1]) Отрывокъ изъ неконченнаго романа. Два другіе отрывка изъ того же романа были напечатаны авторомъ: «Каменка» въ «Русской Мысли» и «Шервудъ передъ Аракчеевымъ» въ сборникѣ г-жи Ахматовой въ 1880 году.

Въ мысляхъ Шервуда пролетало недавнее прошлое: его учительство, невѣста мамзель Ушакова, стремленіе выбиться изъ неизвѣстности, отличиться. Вспомнилось ему и его подслушиваніе заговорщиковъ въ Каменкѣ, ихъ купанье у мельницы, слова Пестеля и Бестужева, его доносъ въ Грузино и трехсуточная гоньба на фельдъегерскихъ.

Въ комнатѣ была полная тишина. На столѣ у зеркала лежала государева треуголка съ плюмажемъ и его смятыя замшевыя перчатки.—«Гдѣ же я наконецъ?—подумалъ Шервудъ: «неужели это вещи государя, его собственные, жилые покои? неужели я, послѣ столькихъ усилій, испытаній, въ зимнемъ дворцѣ»?

Дверная ручка, въ видѣ спящаго льва, повернулась. Дверь тихо отворилась.

— Пожалуйте, — вполголоса сказалъ лакей, изъ-за цвѣточной заставки, указывая Шервуду дверь и пропуская его впередъ себя.

Клейнмихель хотѣлъ слѣдовать за нимъ; лакей отрицательно качнулъ ему головой. Клейнмихель, поднявшись на цыпочки, замеръ, въ почтительномъ смиреніи.

Шервудъ вошелъ за лакеемъ въ смежную комнату, уставленную книжными шкафами, со стеклами, задернутыми зеленою тафтой. Среди комнаты стоялъ бильярдъ. Миновавъ послѣдній, лакей остановился, помедлилъ, какъ бы къ чему-то прислушиваясь, взялся за ручку новой двери и, оглянувшись на Шервуда, сказалъ еще тише:

— Прямо ступайте... налѣво у камина.

Шервудъ вошелъ въ государевъ кабинетъ.

Восковыя свѣчи, на рабочемъ столѣ и въ высокихъ канделябрахъ, у зеркала, не вполнѣ освѣщали высокую, увѣшанную портретами и оружіемъ комнату.

Императоръ Александръ Павловичъ, въ разстегнутомъ мундирѣ, изъ подъ котораго виднѣлся бѣлый пикейный жилетъ, стоялъ въ полоборота у темнаго, мраморнаго, погасавшаго камина, облокотясь лѣвой рукой о выступъ его карниза. Вправо, съ другой стороны камина, брезгливо сгорбившись и слушая государя, стояла мрачная, въ наглухо-застегнутомъ, узкомъ мундирѣ, съ большими мясистыми ушами, торчавшими надъ коротко-остриженной головой, высокая и сутуловатая фигура Аракчеева. «Обезьяна въ мундирѣ!» невольно подумалъ Шервудъ, увидя большую голову графа, съ длинною шеей, впалыми щеками и тусклыми, впалыми глазами, которыми графъ вяло всматривался въ вошедшаго.

Шервудъ не сразу разглядѣлъ государя. Его вниманіе привлекло ярко-освѣщенное канделябромъ, улыбающееся, съ вздернутымъ носикомъ и полными щечками, изображеніе надъ каминомъ миловидной молодой женщины.—«Кто она»? подумалъ Шервудъ. Ему вспомнилось прощаніе съ невѣстой, клятвы, надежды. — «Любовь тол-

каетъ на злодѣянія, на убійства»—пронеслось въ его умѣ: «а здѣсь подвигъ, отличіе, безсмертная услуга Россіи, царю»...

На шорохъ шаговъ, государь повернулъ голову въ направленіи къ порогу.

— Подойди,—раздался ласковый, грудной, какъ бы женскій голосъ.

Шервудъ понялъ, что его зоветъ государь, тотъ государь, котораго такъ привѣтствовала когда-то освобожденная Европа. Онъ, вытянувшись, медленнымъ фронтовымъ шагомъ, осторожно минуя дремавшую собаку, прошелъ по ковру къ камину.

— Ты открылъ тайный заговоръ противъ правительства?—спросилъ государь, поднося къ носу флаконъ со спиртомъ и брызгая имъ себѣ на чуть прикрытую волосами широкую, блѣдную лысину.—Видъ государя былъ усталый, встревоженный.

— Точно такъ, ваше величество, отвѣчалъ Шервудъ.

— Доказательства? ты знаешь, такъ нельзя,—сказалъ Александръ:—дѣло такой важности... и я говорилъ графу... Голословныя указанія въ подобномъ случаѣ опасны.. ты касаешься такихъ вещей, арміи, долга присяги... быть не можетъ! не вѣрится...

Шервудъ задыхался и медлилъ, чувствуя, какъ кровь подступала къ его горлу, давила его, билась въ вискахъ. Изъ-за камина въ него впивались два круглые, тусклые, глаза, точно двѣ свинцовыя пули. Шервудъ невольно оглянулся на Аракчеева, разглядѣвъ, какъ на длинной шеѣ графа вздулись жилы и какъ судорожно морщился его гладко-выбритый, точно отшлифованный, каменный подбородокъ.

«Не докажу—все кончено! не удастся сразу убѣдить, пропалъ!» проносилось въ мысляхъ Шервуда: «выхода нѣтъ; о! будь, что будетъ, пусть другимъ плаха, висѣлица... мнѣ надо счастья, жизни»!

Стоя на вытяжку передъ государемъ, въ припачканной отъ дороги, мундирной курткѣ, онъ какъ-то вдругъ передернулся, точно сломило его; дрожащими пальцами торопливо отстегнулъ пуговку на груди, съ искаженнымъ, испуганнымъ лицомъ вынулъ изъ боковаго кармана сплюснутый листъ бумаги и протянулъ его государю.

— Что это?—нерѣшительно спросилъ Александръ, оглядываясь на Аракчеева.

— Списокъ заговорщиковъ... всѣ имена, вотъ... по губерніямъ и полкамъ,—прошептали бѣлыя губы Шервуда.

— Откуда ты получилъ?

— Изъ рукъ соучастника.

— Кто нибудь раскаялся, выдалъ?

— Добылъ хитростью, — отвѣтилъ Шервудъ: одинъ изъ заговорщиковъ, Вадковскій, довѣрилъ бумагу... я ее тайно списалъ.

Александръ развернулъ поданную бумагу, прочелъ первыя ея

строки и невольно отвелъ отъ нихъ глаза; въ спискѣ мелькали имена крупныхъ чиновъ: генералъ-интендантъ, начальникъ штаба арміи, командиры эскадроновъ, дивизіоновъ, полковъ, оберъ-прокуроръ сената, Муравьевы, Пестель, князь Волконскій, князь Трубецкой.

— Богъ мой! какія открытія!—произнесъ съ содроганіемъ Александръ, обращая къ Аракчееву покрывшееся багровыми пятнами, встревоженное лицо: Алексѣй Андреичъ читай! ты и не ожидаешь, что здѣсь написано, кто названъ... думали-ли мы дожить до такого позора, измѣны—и гдѣ же? среди первыхъ, ближнихъ защитниковъ.

Аракчеевъ, поднеся бумагу ближе къ камину, сталъ ее медленно читать. Жилы на его шеѣ вздулись еще болѣе. Тѣнь отъ его головы колыхалась на стѣнѣ.

— Какъ ты узналъ эту страшную тайну?—обратился Александръ къ Шервуду: сообщи подробнѣе... говори смѣло, не таи ничего...

Шервудъ, оправясь и стараясь не проронить ни одной важной подробности, началъ разсказъ. Онъ изложилъ до мелочи, какъ былъ посланъ изъ полка въ кіевское имѣніе Давыдовыхъ, Каменку, какъ тамъ исправлялъ водяную мельницу, случайно узналъ о субботнихъ съѣздахъ тайнаго общества, по ночамъ подслушалъ ихъ совѣщанія; какъ, выслѣдивъ ихъ преступную, раскинутую по всей южной арміи сѣть, рѣшилъ самъ проникнуть въ ихъ составъ, и какъ его замыселъ удался...

— Съ рискомъ жизни все это исполнено,—прибавилъ, переводя дыханіе, Шервудъ: и все лишь съ одною мыслію — угодить вамъ, государь, въ надеждѣ на милостивое монаршее вниманіе.

Александръ давно уже какъ бы пересталъ слушать разсказчика. Въ его затуманенныхъ глазахъ виднѣлись слезы. Онъ смотрѣлъ въ погасавшій каминъ; его мысли были далеко.

— Монаршая милость лучшая награда вѣрныхъ слугъ,—произнесъ Шервудъ: до послѣдняго издыханія, до послѣдней капли крови...

Государь очнулся, велѣлъ Шервуду выйти, подождать въ ближайшей комнатѣ.

— И за что? за что?—едва Шервудъ сталъ за дверью, проговорилъ Александръ Аракчееву, какъ бы въ отвѣтъ на волновавшіе его вопросы: я ли не стремился къ благу отечества? я ли не отдавалъ всего себя?.. Забыто все, что сдѣлано послѣ суровыхъ годовъ отца... сколько вольностей, льготъ! И развѣ Россія теперь та, чѣмъ была, когда оплакивали бабку Екатерину? Ты, Алексѣй Андреичъ, свидѣтель — новыхъ законовъ, процвѣтанія промысловъ, литературы, наукъ... а двѣнадцатый, тяжкій годъ?

— Имъ, кровопійцамъ, всего мало,—прохрипѣлъ, прокашливаясь, Аракчеевъ: тутъ, государь батюшка, одно врачеванье—кнутъ и веревка, веревка и кнутъ.

Говоря это, Аракчеевъ думалъ: «Вотъ онъ—ученикъ Лагарпа, изъ русскаго царя ставшій повелителемъ освобожденной имъ Европы... Къ чему привели эти идеальныя стремленія, эта филантропія»?

Государь прошелся по комнатѣ, опять остановился у камина и сказалъ графу: зови его. Аракчеевъ, отворивъ дверь, кликнулъ Шервуда.

— Что имъ нужно? скажи ты мнѣ... ты спрашивалъ ихъ?—обратился Александръ къ Шервуду: говорили они тебѣ, въ чемъ ихъ главныя домогательства?

— Воля... освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ.

— Но воля, Богъ мой, безъ образованія... развѣ это воля?—возразилъ, опять покраснѣвъ, государь:—нужно прежде подготовить, смягчить нравы, просвѣтить умы. Иначе сегодняшніе рабы завтра бросятъ работу, перестанутъ платить подати, слушаться властей. Примѣръ Франціи, Германіи... что же? они хотятъ крестьянскихъ бунтовъ, внутреннихъ войнъ?

Государь смолкъ и задумался. Въ его смущенныхъ, опечаленныхъ мысляхъ проносилось недавнее, свѣтлое прошлое — картины общей къ нему любви и преданности, торжество надъ врагами Россіи, міровая слава.

Онъ обратилъ глаза къ портретамъ отца и бабки. Одинъ на него смотрѣлъ изъ глубины комнаты холодно, точно съ укоромъ и недовѣріемъ; взглядъ второй былъ мягокъ и свѣтелъ. Александръ вертѣлъ въ рукахъ поданный ему графомъ списокъ заговорщикамъ и видимо колебался.

Вспомнился ему политическій погромъ Франціи, разсказы о немъ свидѣтелей и въ томъ числѣ его учителя Лагарпа.—«Тамъ это все кончилось военной диктатурой,—мыслилъ онъ: Маратъ, Сенъ-Жюстъ и Робеспьеръ смѣнились Бонапартомъ. Но и самъ Наполеонъ чѣмъ кончилъ... Чего же имъ, безумцамъ, надо?..»

— Благодарю за преданность мнѣ и престолу, сказалъ Александръ Шервуду: — по чести, ты сдѣлалъ важныя открытія... И ежели сказанное тобою правда, ты будешь награжденъ.

Шервудъ упалъ на колѣни, цѣлуя руки государя.

— Твоей услуги не забуду, продолжалъ Александръ, ласково поднимая его:—но я не ожидалъ, мнѣ и теперь не вѣрится, пойми—да... не хочется вѣрить...

Шервудъ взглянулъ на Аракчеева. Тотъ молча стоялъ, съ опущеннымъ, сердитымъ, какъ бы почернѣлымъ лицомъ.

— Ваше величество, проговорилъ Шервудъ:—я стремился, ночей не спалъ... имѣю неоцѣненное счастіе лично... Клянусь, все мною сказанное вѣрно... Отдайте приказъ, повелите—все откроется, повелите... вся ихъ адская измѣна... На смотру, подъ Бѣлою церковью, заговорщики условились, поклялись нанести роковой ударъ... Они смѣлы, все ими задуманное разсчитано, распредѣлено...

Шервудъ произнесъ послѣднія слова громко, безъ запинки, горячо. Аракчеевъ, слушая непривычно-возвышенный и, какъ онъ рѣшилъ въ умѣ, дерзкій голосъ смѣльчака унтеръ-офицера, судорожно сжималъ пальцы рукъ. Государь снова не слышалъ произнесеннаго Шервудомъ. Его мысли были не здѣсь, не въ этой его рабочей комнатѣ, гдѣ столько пережилось встрѣчъ, докладовъ и бесѣдъ. Передъ Александромъ проносились его дѣтскіе и юношескіе годы, воспитаніе у бабки, великой Екатерины, ея ласки, заботы—«бабушкина азбука» и «бабушкины» то трудовые у письменнаго стола, то пышно-торжественные дни, пріемы, выходы, пудренные, въ бархатѣ и позументахъ министры, острословы, докладчики, писатели, послы. Вспомнилась Александру его женитьба, путешествіе, знакомство съ Европой, смерть бабки, потомъ отца, первые годы его царствованія и первые молодые, пылкіе и свободолюбивые его сподвижники—Новосильцовъ, Чарторыжскій, Сперанскій и Кочубей, учрежденіе министерствъ, коммисіи составленія законовъ, появленіе первыхъ басень Крылова и первыхъ томовъ исторіи Карамзина. Память подсказала ему въ этотъ мигъ и стихи Державина на его рожденіе:

«Геніи къ нему слетѣли—
«Тотъ принесъ ему тѣлесну,
«Тотъ душевну красоту...»

Вспомнилась императору Александру и смутная година нашествія Наполеона, паденіе Сперанскаго, парижскій миръ, сеймъ въ Варшавѣ, конгрессы въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ, бунтъ въ семеновскомъ полку и закрытіе массонскихъ ложъ.

— Еще слово, ваше величество,—раздался передъ нимъ отчаянный, какъ бы о чемъ-то молившій, голосъ.

Александръ очнулся.

— Говори,—произнесъ онъ, опять разглядѣвъ передъ собою Шервуда.

— У южныхъ заговорщиковъ немало пособниковъ и въ Петербургѣ,—сказалъ Шервудъ:—здѣсь многое можно узнать, открыть... нить въ этомъ спискѣ... повелите, государь! все откроется, все въ вашей волѣ...

— Но не вѣрится мнѣ, слушай ты, чтобъ въ Россіи нашлись измѣнники!—сказалъ, выпрямляясь, Александръ, и въ его голосѣ дрожали слезы острой скорби и обиды: чѣмъ я, по правдѣ, и кому вредилъ? Кого обидѣлъ, кѣмъ пренебрегъ? Тяжелый, страшный, невѣроятный сонъ... Графъ! ты видѣлъ, ты видишь мою душу...

Аракчеевъ, неуклюже-подобострастно склонивъ верхнюю часть своего туловища, что-то пробормоталъ, чего не разслышалъ Шервудъ.

— Ну, чему быть, того не миновать!—продолжалъ государь, тряхнувъ головой: — отпусти его, Алексѣй Андреичъ, къ мѣсту;

дай ему на дорогу и всѣ средства къ дальнѣйшему раскрытію злодѣевъ, если только они дѣйствительно существуютъ не въ одномъ воображеніи этого преданнаго, молодаго человѣка... А ты, Шервудъ, дѣйствуй, какъ тебѣ укажетъ твоя совѣсть и относись во всемъ прямо... къ графу,—заключилъ, помедливъ и какъ бы заикнувшись, государь.

Легкій поклонъ головы Александра показалъ Шервуду, что его аудіенція кончилась. Но слова̀, тысячи словъ еще рвались изъ его груди. Горло сжималось; губы и руки тряслись. Ему хотѣлось такъ много еще высказать, посовѣтовать государю, убѣдить его. Дѣлать нечего, надо было удалиться.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ, Шервудъ по правиламъ сдѣлалъ налѣво кругомъ, двинулся отъ камина къ выходу, взялся за ручку двери и на мгновеніе оглянулся. Государь безпомощно, прикрывъ рукой лицо, въ изнеможеніи упалъ въ кресло и очевидно плакалъ: его голова тряслась. Аракчеевъ, склонясь, что-то говорилъ ему въ утѣшеніе.—«Ахъ забылъ, надо еще сказать важное, неотложное!» подумалъ вдругъ Шервудъ, остановясь въ полуосвѣщенной бильярдной: «но, что̀ сказать, не вспомню!» Онъ простоялъ съ минуту.

«Кончено безповоротно! ужели все потеряно или побѣда?» мыслилъ Шервудъ, подходя къ цвѣточной перегородкѣ, у которой его поджидалъ дежурный лакей. Раздраженный долгою аудіенціей низшему чину, Клейнмихель встрѣтилъ его еще суше и надменнѣе и молча опять отвезъ его въ домъ Аракчеева, на Литейную. «Побѣда! обращено вниманіе!» мелькнуло въ умѣ Шервуда, когда онъ, не раздѣваясь, упалъ на жесткую, въ родѣ больничной койки, желѣзную, пахнувшую новою краской, постель на антресоляхъ Аракчеева.

Рано утромъ Шервуда разбудили и снова позвали къ графу. Онъ снова увидѣлъ обширный, суровый и пустынный, рабочій кабинетъ грознаго временщика. У оконъ и кое-гдѣ вдоль стѣнъ стояла плетеная, неуклюжая мебель; большой письменный столъ, среди кабинета, былъ заваленъ грудами бумагъ. У стола сидѣлъ тотъ же холодно-каменный старикъ, съ каменнымъ лицомъ на длинной шеѣ и вялыми, арестантскими глазами.

— Насвистался соловей! доволенъ ли?—проговорилъ въ носъ, стараясь, впрочемъ, говорить мягко и даже ласково, Аракчеевъ:—ну, вотъ, батенька, не хотѣлъ мнѣ, малому, открывать, захотѣлось самому царю... анъ и удалось, что-жъ! да-ба! вотъ опять-таки все было при мнѣ, и ко мнѣ же пришло...

Шервудъ ждалъ, что̀ будетъ далѣе. Аракчеевъ зѣвнулъ и потянулся, потирая руки. Въ комнатѣ было прохладно. Шервудъ, съ просонковъ и голода, также чувствовалъ позывъ къ дремотѣ и дрожь.

— Ну-съ, ты все открылъ, это похвально... вотъ и твой документъ!—продолжалъ графъ, похлопавъ костлявыми пальцами по грудѣ бумагъ, сверху которыхъ лежалъ доставленный Шервудомъ списокъ заговорщиковъ:—это уже называется не устный, а письменный доносъ. Теперь еще болѣе помни: не докажешь—кнутъ, а не то висѣлица. Понимаешь?

Шервуда начиналъ бѣсить этотъ грубый и насмѣшливый голосъ. «Скотина! солдафонъ!» шевелилось на его побѣлѣвшихъ, злобно сжатыхъ губахъ. Онъ чуть повелъ плечами и молча переступилъ съ ноги на ногу.

— Начнемъ по пунктамъ,—продолжалъ Аракчеевъ, расправляя передъ собою согнутый пополамъ листъ чистой бумаги: — у тебя тутъ стоитъ, во-первыхъ, командиръ вятскаго полка Пестель и далѣе генералъ-маіоръ князь Волконскій. Говори, что вообще и въ приватномъ отношеніи ты дознал о нихъ?

Шервудъ началъ разсказывать. Аракчеевъ взялъ перо и принялся записывать показанія, задавая новые вопросы. При одномъ изъ именъ графъ искоса взглянулъ на допрашиваемаго.

— Анненковъ, говоришь ты? сказалъ онъ:—какой Анненковъ? какъ звать?

— Иванъ Александровичъ, поручикъ.

— Гдѣ служитъ?

— Въ кавалергардахъ...

— Кто тебѣ о немъ сказалъ?

— Прапорщикъ Вадковскій.

— И ты это въ точности помнишь? получше сообрази.

— Помню вѣрно. Ѳедоръ Ѳедоровичъ, тотъ самый Вадковскій, передавая мнѣ въ Ахтыркѣ списокъ, сказалъ: премилая бабёнка у Анненкова въ Петербургѣ, то-есть бабёнка, или дѣвица, въ точности не припомню... Жюстинъ или Полинъ, выскочило изъ памяти, но вѣрно, что француженка... и у нее въ Петербургѣ модный магазинъ.

— Да, да,—произнёсъ задумчиво Аракчеевъ: — тутъ что-то есть... есть...

Шервудъ силился еще нѣчто вспомнить. Въ его лицѣ выражалась тревога. Со лба катился потъ.

— Не вспомнишь? ну-ка, сообрази, нѣтъ ли тутъ еще какихъ зацѣпъ?—ободрялъ его Аракчеевъ, поскребывая концомъ пера по небритой еще щекѣ.

— Вспомнилъ!—произнесъ, отирая лицо, Шервудъ.

— Говори, сударь, слушаю.

— Ближайшій соучастникъ Пестеля, Бестужевъ-Рюминъ, я его видѣлъ въ Каменкѣ; горячая, отчаянная голова... онъ на все вызывался, на образъ клялся...

— Это ты о немъ уже говорилъ... далѣе!

«Вотъ анаѳемская память, какъ все примѣтилъ, затвердилъ!» злобно подумалъ Шервудъ.

— Такъ что же этотъ Бестужевъ?

— У него въ Ракитномъ, у помѣщиковъ Витвицкихъ, невѣста.

— Невѣста? — прогнусилъ Аракчеевъ.

— Да,—продолжалъ, оживляясь, Шервудъ: — когда прапорщикъ Вадковскій, въ Ахтыркѣ, вы знаете, принялъ меня въ члены тайнаго союза, онъ сообщилъ мнѣ и объ этомъ сватовствѣ. Позвольте, ваше сіятельство, я вспомнилъ и имя невѣсты Бестужева.

Аракчеевъ, не глядя на говорившаго, что-то писалъ.

— Ее звать Зинаида,—сказалъ Шервудъ.

— Ну?

— Зинаида Львовна Витвицкая...

— Такъ что же?

— Въ концѣ этого августа, у Витвицкихъ въ деревнѣ былъ назначенъ балъ, съѣздъ всей губерніи, охота на волковъ и дикихъ козъ... Ѳедоръ Ѳедоровичъ еще жалѣлъ, что ему, какъ высланному на житье въ Ахтырку, трудно попасть на всѣ эти веселости... А у невѣсты Бестужева въ деревнѣ гувернантка, тоже француженка, и она дружна и въ сокровенной, частой перепискѣ съ этой самой, здѣшней пріятельницей гвардейца Анненкова.

Аракчеевъ, презрительно зѣвнувъ, продолжалъ писать.

— Ну, вотъ,—процѣдилъ онъ:—нетолько рапортъ по формѣ, а и цѣлый, съ амурными придатками, романъ.

Онъ, тщательно выводя слова, что-то набросалъ на обрывкѣ бумаги, позвонилъ и отдалъ написанное ординарцу.

— Петру Андреичу!—сказалъ онъ, облокачиваясь о высокую и жесткую спинку кресла:—вотъ для тебя и зацѣпка, обратился онъ къ Шервуду:—аріаднина въ этомъ лабиринтѣ нить.

Глаза Аракчеева съузились, точно растаяли отъ удовольствія. Шервудъ примѣтилъ, что на тонкой шеѣ графа еще болѣе вздулись жилы, какъ бы отъ смѣха, подпиравшаго его горло.

Шервудъ вздрогнулъ.

Онъ вдругъ сообразилъ, какъ далеко зашелъ съ своими признаніями: ни съ того, ни съ сего, припуталъ къ доносу семью Витвицкихъ, указалъ на сношенія и переписку двухъ очевидно неповинныхъ ни въ чемъ француженокъ, наконецъ назвалъ даже имя невѣсты Бестужева. А у него, доносчика, у самого была невѣста—и онъ такъ къ ней рвался, раздѣленный съ нею цѣпью роковыхъ, непреоборимыхъ событій.—«Другіе могутъ сказать, какая подлость, гадость!» подумалъ онъ, соображая, какъ другой на его мѣстѣ при этомъ плевалъ бы на себя: «экъ зарвался — и кой чортъ просилъ? а впрочемъ нехудо...» Потъ, какъ вчера, прошибъ его и выступилъ на его лицѣ. Истомленный досаднымъ допросомъ, онъ съ усиліемъ переводилъ дыханіе и едва стоялъ на ногахъ.

Ординарецъ подалъ графу записку Клейнмихеля и вышелъ.

— Такъ и есть,—сказалъ Аракчеевъ, пробѣжавъ записку: она самая... Полина Гёбль! бѣлошвейный магазинъ, на углу Демидова переулка и Мойки...

— Кто такой?—спросилъ, теряя нить соображеній, Шервудъ.

— Пріятельница поручика Анненкова. Вотъ тебѣ и предлогъ... Уѣдешь, во всякомъ случаѣ, не сразу; будутъ нужны еще необходимыя показанія... вотъ ты и могъ бы воспользоваться.

— Чѣмъ?

— А ты думаешь, донесъ и кончено?—сказалъ Аракчеевъ: нѣтъ, братъ: нужны справки, подтвержденія. Вотъ ты выложилъ цѣлый ворохъ именъ, все немалые военные чины; почитай, вся южная армія. А есть въ подозрѣніи и штатскіе. Подобаетъ добраться и до нихъ; а все ли ты вѣрно сказалъ?

— Клянусь, по долгу присяги.

— То-то, любезный, всѣ вы и тѣ вонъ то же присягнули, а играете на присягѣ, какъ на балалайкѣ. Поживи здѣсь, отдохни, получишь прогоны, подъёмныя. Подумай, можетъ подвернется случай узнать и объ этомъ Анненковѣ... Онъ давно въ подозрѣніи за мысли и невоздержность въ словахъ. Друженъ съ здѣшнимъ стихоплётомъ Рылѣевымъ. Слыхалъ про послѣдняго? Не слыхалъ? Рылѣевъ Кондратій... Вольные вирши пишетъ и на меня дерзостный пашквиль сочинилъ; да я на псиный лай — плюю... Такъ посуди объ Анненковѣ; онъ въ домахъ сенатора Мордвинова и у бывшаго министра Сперанскаго бываетъ. Все это разбери на досугѣ... Не откроешь ли чего по части и этой негоціи?

Получивъ обѣщанное на подъёмъ, Шервудъ переѣхалъ на постоялый дворъ, заказалъ себѣ новую форменную пару, купилъ бѣлья, пріодѣлся и, въ ожиданіи командировки обратно на югъ и прогоновъ, сталъ прогуливаться по столицѣ. Между прочимъ онъ обошелъ зимній дворецъ, разглядывая его съ любопытствомъ и соображая съ улицы, гдѣ та комната, въ которой онъ удостоился говорить съ государемъ. У салтыковскаго подъѣзда онъ узналъ вахтера, снимавшаго въ дворцовыхъ сѣняхъ съ Клейнмихеля шинель. Вахтеръ выбивалъ въ это время на панели коврикъ. Онъ съ нимъ поздоровался.

— Узналъ, землячекъ?—спросилъ Шервудъ.

Вахтеръ на него покосился.

— Какъ не узнать, съ генераломъ въ каретѣ... еще кучера едва добудились...

— А кого, землякъ, тогда встрѣли мы на лѣстницѣ, помнишь? полковникъ и штатскій со звѣздой, сходили, когда мы поднимались вверхъ?

Вахтеръ молча выколачивалъ коверъ.

— Такъ, вспомнилъ!—проговорилъ онъ, подумавъ:—эка память,

точно рѣшето... полковникъ былъ князь Трубецкой, а штатскій— постой, должно, сенаторъ Сперанскій... онъ и есть... въ сѣняхъ тутъ долго еще лопотали не по нашему... Сенаторы, сенатъ... а что дѣется кругомъ?

— Что же дѣется?

— Нешто не знаешь? Кто смѣлъ грабить, не смѣлъ крадить. Ворамъ только и житье...

Зайдя какъ-то въ трактиръ, на Литейной, закусить и послушать органъ, Шервудъ изрядно выпилъ, съигралъ съ кѣмъ-то на биліардѣ и опять хотѣлъ выпить, но одумался. Его недавній, съ отчаянья, почти годичный, запой въ Новомиргородѣ, послѣ бѣгства изъ имѣнія Ушаковыхъ, вспомнился ему во всемъ ужасающемъ безобразіи. Онъ бросился изъ трактира, прошелъ нѣсколько смежныхъ улицъ и очутился у Аничкова моста.

Былъ вечеръ.

Свѣжій осенній воздухъ съ Фонтанки, запруженной барками и лодками, освѣжилъ Шервуда. Онъ постоялъ на мосту, облокотясь о его каменную ограду и безсознательно поглядывая на веселыя и пестрыя кучи рабочихъ, выгружавшихъ дрова, доски и кирпичъ, оправилъ на себѣ мундиръ, отеръ лицо и направился обратно къ Лѣтнему саду.

Въ тотъ день онъ отъ кого-то допытался въ трактирѣ о стихахъ Рылѣева на Аракчеева и изумился смѣлой сатирѣ поэта, возбуждавшей въ обществѣ неслыханное сочувствіе и ужасъ за судьбу обличителя.

Вдругъ Шервудъ замѣтилъ, что встрѣчные прохожіе на набережной Фонтанки снимали почему-то шляпы, а рабочіе, глядя съ барокъ на мостъ, низко кому-то кланялись. Шервудъ обернулся по направленію этихъ поклоновъ.

По окраинѣ Аничкова моста, вдоль каменной ограды, у которой онъ стоялъ нѣсколько мгновеній тому назадъ, медленной рысью ѣхала высокая, открытая, запряженная четвернёй сѣрыхъ орловскихъ рысаковъ, коляска. Въ коляскѣ сидѣлъ рослый военный, въ шинели и треуголкѣ, съ бѣлымъ плюмажемъ: ѣхавшій добродушно глядѣлъ на рѣку, залитую заходящимъ солнцемъ, на барки и лодки, ласково кланяясь на привѣтствіе судорабочихъ, прохожихъ и проѣзжихъ.

Шервудъ узналъ императора Александра Павловича, снялъ фуражку, вытянулся и замеръ, усиливаясь выправленіемъ плечъ и глазами обратить на себя вниманіе государя. Но было далеко, болѣе ста шаговъ; между мостомъ и частью тротуара, гдѣ остановился Шервудъ, появились новые прохожіе, заслонившіе его.—«Нѣтъ, онъ меня и отсюда примѣтитъ, узнаетъ и подзоветъ» — пробѣгало въ мысляхъ у Шервуда: «не можетъ быть... онъ спроситъ и я ему

скажу, что за него, за любимаго монарха, готовъ жизнь положить, умереть... О, пусть прикажетъ, брошусь на эту толпу съ моста, брошусь подъ его колеса. Онъ повелитъ не тянуть отсылки; дороги дни, часы...»

Коляска, плавно колыхаясь на высокихъ ресорахъ, съѣхала съ моста; кони прибавили рыси и понеслись по Невскому. Шервудъ, злобно толкая и чуть не сбивая съ ногъ удивленныхъ прохожихъ, бросился слѣдомъ за коляской, выскочилъ на мостъ, пробѣжалъ нѣсколько десятковъ шаговъ по улицѣ и, запыхавшись, путая несвязныя слова, сталъ нанимать извозчика.

— Куда, баринъ? — отозвался ванька на одиночной гитарѣ-дрожкахъ.

Шервудъ указывалъ путь, гдѣ чуть виднѣлся мелькавшій между другими проѣзжими бѣлый плюмажъ императора.

— Четвертачекъ, ваше сіятельство.

Шервудъ остановился.

— «Тьфу ты, чортъ, глупости, безуміе!» — сказалъ онъ себѣ, опомнившись: — «развѣ можно? и кто рѣшился бы обгонять государя? Еще замѣтятъ, арестуютъ, потащатъ къ тому же Аракчееву...» — Онъ оглянулся: два другіе извозчика, подойдя съ развальцемъ, косились на него, перемигиваясь. Отъ ближней будки, важно опершись на рыцарскую алебарду и позѣвывая, щурился на него сонный, въ веснушкахъ и рыжій, чухонецъ-городовой.

Шервудъ бросился на другую сторону улицы, вмѣшался въ толпу, прошелъ мимо театра на набережную, добрался до Гороховой и снова безъ цѣли пустился по смежнымъ улицамъ и переулкамъ.

— «Такой былъ счастливый, рѣдкій случай, — разсуждалъ онъ, съ бѣшенствомъ: и пропалъ, пропалъ безъ слѣда. Вотъ проклятая судьба! И изъ-за чего медлитъ этотъ Аракчеевъ? какія еще нужны ему справки, допросы? и хоть бы звалъ; нѣтъ, молчитъ. Или государь охладѣлъ къ моему важному открытію, раздумалъ, все по добротѣ забылъ? Вотъ она невѣроятная, сонная страна, — все сноситъ... Въ другомъ мѣстѣ почтили бы, озолотили-бъ!»

Миновавъ Сѣнную и Мѣщанскую, Шервудъ направился къ Синему мосту, отсюда повернулъ опять вправо, по набережной Мойки. Темнѣло, зажигались фонари.

Сквозь рѣшетку небольшаго двора, онъ увидѣлъ уютный садикъ, красную черепичную кровлю одноярусного дома и подъ крыльцомъ вывѣску: «Магазинъ модъ мадамъ Полинъ». Онъ остановился у калитки и долго смотрѣлъ во дворъ и на растворенныя окна дома, изъ которыхъ глядѣли горшки съ цвѣтами и неслось щебетаніе канареекъ. Шервудъ разсуждалъ, войти или не войти? Но подъ какимъ предлогомъ и съ какою цѣлью? Причину выдумать нетрудно; мало ли, что можно сказать? «Явился молъ, для пе-

редачи поклона отъ соотечественницы». Ему вспомнилась даже фамилія гувернантки Витвицкихъ, мамзель Шонъ. Но онъ не видѣлъ этой семьи, ничего о нихъ не знаетъ.—«Пустяки... Все такъ ловко можно сплести, представиться подъ чужимъ именемъ, наговорить любезностей и, между тѣмъ, много разнюхать и узнать. Нѣтъ,—сказалъ себѣ, раздумавъ, Шервудъ: много опасностей, да и дѣло такое; у другихъ и впрямь не повернулся бы языкъ... предательство противъ чуждыхъ заговору, постороннихъ женщинъ. Прочь, прочь отъ проклятаго новаго соблазна!»—прибавилъ онъ, уходя: «вонъ изъ этого мертваго Петербурга, отъ этихъ каменныхъ, могильныхъ громадъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше».

Шервудъ ускорилъ шаги, дошелъ до Литейной, заперся у себя въ комнатѣ на постояломъ и старался заснуть. Сонъ бѣжалъ отъ него. Его мысли дразнилъ намекъ Аракчеева—еще что-либо провѣдать и разузнать въ Петербургѣ... «Вѣдь можно бы, отчего не попробовать?»

«И въ самомъ дѣлѣ, разсуждалъ онъ: не оттого ли замедлялось и мое отправленіе обратно на югъ. Почему, разбирая все по истинѣ, меня такъ долго не звали ни къ графу ни въ штабъ? почему не снабжали прогонами и послѣдними инструкціями по открытому мною дѣлу? Неужели и по правдѣ могли меня окончательно забыть, мною пренебрегли?»—Данныя ему подъёмныя деньги были давно на исходѣ. Онъ немало потратился на обмундировку, еще болѣе разсорилъ безъ толку, проигралъ на бильярдѣ. Надо однако терпѣть, надо ждать.

И опять начались шатанія по Петербургу.

Шелъ однажды Шервудъ поздно вечеромъ, послѣ долгаго сидѣнія въ какомъ-то трактирѣ, гдѣ спустилъ, за вкуснымъ обѣдомъ, съ приправой изрядной выпивки, немало изъ послѣднихъ денегъ. Онъ шелъ, нѣхотя, тяжело. Въ головѣ былъ досадный туманъ. Пыльный воздухъ душныхъ улицъ тѣснилъ его дыханіе.

— Иванъ Иванычъ! отецъ родной! васъ ли имѣю удовольствіе видѣть?—послышался, сзади его, знакомый голосъ.

Шервудъ оглянулся. У его ногъ былъ спускъ въ винный подвалъ. На нижней ступенькѣ спуска стоялъ, съ шапкой въ рукѣ, сѣдой, сгорбленный старикашка, въ синемъ фракѣ, съ потертыми бронзовыми пуговицами. Въ другой рукѣ старика была связка копченой рыбы и еще какихъ-то припасовъ.

Шервуду вспомнилось что-то отдаленное, щемившее его сердце, и онъ вздрогнулъ отъ радости: предъ нимъ былъ, столько благоволившій къ нему, дворецкій Ушаковыхъ, Антипычъ.

— Какими судьбами? спросилъ Шервудъ: вотъ неожиданно... здѣсь?..

Маленькое, гладко выбритое лицо Антипыча, въ длинныхъ пушистыхъ, бѣлыхъ бакенахъ, блаженно улыбалось.

— Вотъ, сударь Иванъ Иванычъ,—отвѣтилъ дворецкій, указывая шляпой на навьюченную бричку, стоявшую невдали у перекрестка двухъ улицъ: на своихъ, батюшка, доморослыхъ прибылъ... баринъ съ порученіями и за покупками изволилъ присылать изъ деревни. Ну, справившись, запасся въ дорогу харчишками... выпилъ бутылочку пивца, да и еще захотѣлось вотъ на дорогу прихватить; анъ, гляжу, вы и шествуете... батюшка, отецъ родной!

— Очень радъ, Антипычъ: позволь мнѣ тебя на радости угостить!—сказалъ, спускаясь по стоптаннымъ ступенькамъ подвала, Шервудъ: вотъ сюда, сюда... иди, поговоримъ, угощу... радъ...

Онъ ввелъ Антипыча въ особую, заднюю горенку погреба, ощупалъ въ карманѣ нѣсколько уцѣлѣвшей мелочи, усадилъ ликующаго старика у столика и потребовалъ польскаго пива. Пиво со стойки подали теплое, пѣна брызнула на столъ и на платье Шервуда.

— Не вѣрится! — сказалъ онъ, вглядываясь въ знакомаго ушаковскаго пріятеля.

Столько дорогихъ сладкихъ воспоминаній зароилось въ его мысляхъ.

— И я, сударь, Иванъ Иванычъ, — произнесъ Антипычъ, осушивая стаканъ и утираясь клѣтчатымъ, бережно-сложеннымъ платкомъ: смотрю—анъ и правда, вы же; какъ здѣсь? Чай, въ гвардіи, скоро въ офицеры?

— Нѣтъ, еще не въ гвардіи, но есть, понимаешь, вѣрная надежда перейти... А ты, старина, ну-ка, разскажи о вашихъ... что барышня? охъ, наболѣло сердце... ты вѣдь знаешь.

— Какъ, сударь, не знать! Изошли горемъ и мы всѣ по васъ съ нею... было барышнѣ отъ тятенькѣ такого, что Боже помилуй и упаси... натерпѣлась, сердечная!

Шервудъ молча и мрачно слушалъ. Онъ кое-что уже зналъ о роковой развязкѣ съ соблазненной имъ дѣвушкой, о гоненіяхъ, перенесенныхъ ею, о ея мукахъ и отчаяніи. Слова Антипыча били по немъ, какъ раскаленное желѣзо.

— Проклятая судьба, — вскрикнулъ онъ, стукнувъ рукой по столу:—чѣмъ поправить дѣло, какъ его повернуть? скажи, гдѣ она теперь?

— Дома-съ... гдѣ же барышнѣ и быть? Въ ту пору увозили ихъ къ тетушкѣ въ Москву, теперь на зиму собираются сюда, въ Питеръ. Я и квартиру барину нанялъ, въ Коломнѣ, если знаете, у Сухарнаго моста. Дяденька ихъ тутъ по близости на службѣ, въ морякахъ генераломъ. Думаютъ барышню вывозить, замужъ выдать; есть и женихи,—прибавилъ Антипычъ, хмѣлѣя.

Лицо Шервуда покрылось багровыми пятнами.

— Пей, голубчикъ, пей,—шепталъ онъ, слушая и подливая Антипычу.

Тотъ не отказывался и безъ умолку говорилъ. За бутылкой подали еще пару, и еще. Когда знакомцы вышли изъ погреба, было уже совсѣмъ темно. Нагруженная бричка Антипыча чуть виднѣлась въ глубинѣ улицы, со спавшимъ на козлахъ конюхомъ.

— Кланяйся барышнѣ, скажи ей, — проговорилъ Шервудъ и смолкъ:—скажи, нерадостно, плохо пока и мнѣ...

Злоба и бѣшенство душили его.

— Съ нашимъ удовольствіемъ... благодаримъ за угощеніе,— раскланивался Антипычъ, сѣвъ въ бричку и оттуда помахивая шляпой:—оченно по васъ скучаютъ... и все ждутъ... скоро ли будете?

— Скоро,—крикнулъ Шервудъ, вслѣдъ за бричкой, загремѣвшей по опустѣлой улицѣ:—теперь ужъ скоро... такъ и скажи.

Антипычъ что-то отвѣтилъ, высунувшись изъ-подъ низкаго кузова и даже стукнувшись о него головой, но его голоса уже не было слышно.

«Такъ вотъ оно что»—сказалъ себѣ Шервудъ, оставшись на тротуарѣ: «сюда переѣзжаютъ, дядя сулитъ жениховъ... А я съ моими ожиданіями, замыслами, борьбой? Неужели же все кончено и я, какъ глупый камень, иду ко дну? Нѣтъ, не поддамся, не быть ей за другимъ. Помѣряемся еще съ судьбой...»

Иванъ Иванычъ помедлилъ, какъ бы что-то соображая, разглядѣлъ мѣсто, гдѣ стоялъ, освѣдомился у прохожаго, озабоченнаго чиновника, который часъ, и повернулъ прямо къ недальней Мойкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова стоялъ у двора, съ садомъ и рѣшетчатой оградой, и взошелъ на крыльцо магазина модъ. Шервудъ позвонилъ, вышла горничная.

— Вамъ кого?—спросила она.

— Мадамъ Полинъ.

— Отъ кого вы?

— Изъ Малороссіи; скажите, съ поклономъ отъ знакомой пріятельницы вашей хозяйки.

Горничная скрылась. Въ окнѣ, ближнемъ къ крыльцу, поднялась занавѣска; окно отворилось. Изъ него, со свѣчей въ рукѣ, выглянула красивая, высокая и смуглая особа, съ живыми плутовскими черными глазами и съ черными усиками, лѣтъ двадцати пяти, въ нарядномъ чепчикѣ и модномъ бѣломъ капотѣ.

— Отъ кого?—спросила она по-русски, съ иностраннымъ выговоромъ.

— Отъ вашего друга, мамзель Шонъ,—отвѣтилъ, то же раскланиваясь и старательно отчеканивая слова, Шервудъ: я случайно въ Петербургѣ, мнѣ поручено передать вамъ поклонъ... и я съ особымъ удовольствіемъ...

— Прошу, войдите,—сказала хозяйка.

Шервудъ, не задумываясь, вошелъ. Мадамъ Полинъ передъ тѣмъ хлопотала у чайнаго стола.

— Какъ и гдѣ вы видѣли Элизъ Шонъ?—спросила она, поглядывая на гостя.

Шервудъ въ общихъ словахъ легко и весело передалъ ей цѣлую легенду о томъ, какъ онъ будто бы ѣхалъ по службѣ изъ Кіева въ Петербургъ, какъ у его телѣжки сломалась ось и какъ онъ, совершенно случайно попавъ въ деревню Витвицкихъ, засталъ у нихъ своего сослуживца Бестужева-Рюмина и прогостилъ тамъ цѣлыя сутки, причемъ познакомился съ невѣстой Бестужева и съ ея гувернанткой, мамзель Шонъ.—«Боже, какъ вру!» думалъ онъ, сыпля этими увѣреніями.

— Да, Витвицкая сговорена и скоро ихъ свадьба,—сказала Полинъ, наливая гостю чай:—вы отъ Элизъ вѣрно знаете, и я выхожу замужъ.

— Слышалъ и отъ души поздравляю,—произнесъ, вѣжливо кланяясь, гость.

— Вы сейчасъ, вѣроятно, увидите и моего жениха,—съ гордою радостью объявила хозяйка.

Шервудъ помертвѣлъ. Онъ не ожидалъ возможности встрѣтить здѣсь самого Анненкова; притомъ, съ ужасомъ, онъ сталъ замѣчать, что пиво, распитое съ Антипычемъ, начинало сильно въ немъ отзываться. Его голова кружилась, въ глазахъ прыгали огоньки. Веселая уютная комната колыхалась передъ нимъ и голосъ милой, болтливой хозяйки звучалъ гдѣ-то не здѣсь, далеко. Онъ увидѣлъ себя въ зеркалѣ, близъ котораго сидѣлъ: его лицо было блѣдно, волосы въ безпорядкѣ. Онъ съ улыбкой сталъ разглаживать себѣ виски, стараясь сидѣть прямо и не потерять сознанія.

— Что̀ же тамъ на югѣ лучше, чѣмъ здѣсь? не правда ли, тамъ теплѣе?—спросила Полинъ: Элизъ пишетъ мнѣ, что тамошнія мѣста напоминаютъ нашу Францію... Я, мосьѐ, изъ Нанси,—лепетала разговорчивая француженка: мой отецъ былъ полковникъ старой гвардіи, убитъ въ Испаніи, въ войнѣ съ гверильясами, когда мнѣ пошелъ четвертый годъ... онъ былъ храбрый, красивый офицеръ... И я помню моего отца... Такихъ храбрецовъ мало на свѣтѣ. Послѣ него мы обѣднѣли, я стала учиться шить, попала въ Россію, и въ Москвѣ поступила первою мастерицей въ магазинъ модъ Дюмонси, на Кузнецкомъ мосту...

Шервудъ, вглядываясь въ черные, сверкавшіе передъ нимъ глаза и красивые усики Полинъ, дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы слушать ее и не задремать.—«Кузнецкій мостъ, гверильясы... усики!»—вертѣлось въ его умѣ.

— О, я все это знаю!—вдругъ сказалъ онъ, странно улыбаясь: знаменитая гвардія, великій императоръ, храбрые патріоты... Вамъ, вѣроятно, скучно здѣсь? такая дикая, холодная страна... ледъ, даже пиво здѣсь... теплое... право...

Гдѣ-то ему послышался звонкій, раскатистый хохотъ. Шервудъ

въ удивленіи очнулся и раскрылъ глаза. Передъ нимъ, откинувшись на стулъ, заливалась смѣхомъ Полинъ.

— О, мой Богъ!—хохотала она: вы устали, у васъ вѣрно было много хлопотъ?

— Нѣтъ, ничего... напротивъ... Но позвольте, гдѣ вы познакомились съ Иваномъ Александровичемъ Анненковымъ?

— Онъ былъ въ Москвѣ, за ремонтомъ... не хотите ли чаю? я бы послала за извозчикомъ,—произнесла Полинъ, подавляя смѣхъ и стараясь ободрить растерявшагося гостя: о, какая я несносная, смѣшливая...

Шервудъ всталъ.—«Скорѣе отсюда, скорѣе!»—думалъ онъ: «еще придетъ этотъ ея женихъ, догадается, уличитъ».

— Порученій какихъ не будетъ ли?—спросилъ онъ, вѣжливо раскланиваясь.

— Развѣ мосьё скоро ѣдетъ?

— Завтра же... экстренно... на фельдъегерскихъ.

— И вы опять будете тамъ, у Витвицкихъ?

— Сочту, сударыня, священнымъ долгомъ заѣхать.

Отъ природы добрая Полинъ съ участіемъ смотрѣла на статнаго, утомленнаго и, какъ она угадывала, нѣсколько охмѣлѣвшаго, молодаго воина.

Почему-то ей припомнился ея отецъ, также когда-то, какъ она слышала, особенно въ походахъ, любившій водить компанію и выпить съ друзьями.

— Зайдите завтра,—сказала она, подавъ руку гостю: я приготовлю къ Элизъ письмо.

Шервудъ ловко шаркнулъ, даже поцѣловалъ протянутую ему руку и вышелъ. Отъ воротъ ему на встрѣчу показались двое, статскій и офицеръ; они сошлись у угла полисадника. Свѣтъ отъ крылечнаго фонаря далъ имъ возможность нѣсколько разглядѣть другъ друга. Ночной воздухъ быстро освѣжилъ Шервуда. Увидѣвъ офицера, онъ снялъ фуражку и въ полоборота сталъ во фронтъ.— «Не Анненковъ»—подумалъ онъ, узнавъ въ офицерѣ того преображенскаго полковника, князя Трубецкаго, котораго встрѣтилъ, въ памятный вечеръ, на лѣстницѣ зимняго дворца и о которомъ ему сказалъ дворцовый сторожъ.

— Иванъ Александровичъ здѣсь?—спросилъ, отдавая честь, Трубецкой, видѣвшій, что стоявшій передъ нимъ унтеръ-офицеръ вышелъ съ крыльца Полинъ.

— Никакъ нѣтъ-съ... ихъ ожидаютъ.

— Et vous, cher, vous attendrez?—проходя къ двери, спросилъ спутника князь Трубецкой.

— Могу, если недолго,—отвѣтилъ тотъ также по-французски: впрочемъ, вѣдь здѣсь я сосѣдъ...

«Кто этотъ второй?—продолжалъ разсуждать о статскомъ Шер-

вудъ: ужели оба они, какъ и Анненковъ, члены тайнаго общества, заговорщики? И этого преображенца допускають во дворецъ! Какая неосторожность! но штатскій? Трубецкой тогда во дворцѣ тоже шелъ съ штатскимъ... этотъ моложе, чернявый; тотъ былъ лысый и въ звѣздѣ... Есть ли ихъ имена въ моемъ спискѣ? какъ узнать, кого спросить»?

Шервудъ перешелъ на другую сторону Мойки и сталъ бродить по набережной, отъ Синяго моста до Гороховой, поглядывая на оставленный домъ. Прошелъ часъ, другой. Мѣсяцъ взошелъ давно, но былъ въ облакахъ. Улицы болѣе и болѣе стихали; ни пѣшихъ, ни проѣзжихъ. Изрѣдка доносился грохотъ колесъ съ Невскаго Проспекта.

Вдругъ стукнула калитка. Изъ наблюдаемаго двора вышли три фигуры. Шервуду черезъ рѣку было видно, что двое изъ вышедшихъ были въ военныхъ шинеляхъ — третій въ гражданской бекешѣ; одинъ изъ военныхъ направился вправо къ Гороховой, другой военный, въ сопровожденіи статскаго, пошелъ влѣво къ Синему мосту.—«Теперь узнаю»—рѣшилъ Шервудъ.

Онъ, съ забившимся сердцемъ, направился за послѣдними путниками и въ одномъ изъ нихъ опять разглядѣлъ Трубецкаго. Они миновали, за Синимъ мостомъ, первый домъ отъ угла по набережной и у подъѣзда втораго дома остановились. Военный пошелъ далѣе, а статскій вошелъ въ дверь подъѣзда, надъ которымъ была вывѣска: «Россійско-американская компанія».

До слуха Шервуда донеслись лишь нѣкоторыя выраженія изъ разговора этихъ двухъ лицъ.—«Такъ онъ ѣдетъ?» спросилъ статскій.—«Уже уѣхалъ»—отвѣтилъ военный. «И Діонисіево ухо»?—«И онъ... вторыя сутки уже въ деревнѣ; но, вѣроятно, увидятся; тотъ заѣдетъ по пути»—«Надо разузнать фамилію штатскаго»—рѣшилъ Шервудъ, увидя дворника, подметавшаго у крыльца набережную.

— Скажи, любезный, какъ отсюда пройти въ Коломну?—спросилъ онъ.

Дворникъ объяснилъ. Шервудъ вынулъ изъ кармана и далъ ему мѣдный пятакъ.

— Благодарствую... не здѣшніе?—спросилъ, кланяясь, дворникъ.

— На побывку, изъ лагеря,—отвѣтилъ Шервудъ: дяденька тутъ у Сухарнаго моста... а кто этотъ баринъ?

— Какой?

— Что вошелъ сейчасъ на подъѣздъ.

— Вамъ на что?

Шервудъ смѣшался, но, принявъ добродушный видъ, даже поднялъ съ мостовой какую-то соринку и сталъ ее разсматривать.

— Такъ,—отвѣтилъ онъ:—его тоже хотѣлъ спросить про дорогу, да не посмѣлъ.

— Чего не смѣть?.. да-а-брѣющая душа! секлетарь нашъ... Ры-

лѣевъ баринъ — проговорилъ дворникъ, подбрасывая на ладони пятакъ.

Шервудъ при этомъ имени чуть не вскрикнулъ отъ радости. Онъ вспомнилъ слова Аракчеева. Точно пукъ яркихъ лучей вдругъ вспыхнулъ передъ нимъ. Радужные горизонты, одинъ другаго ярче и заманчивѣе, мгновенно встали, заволновались передъ его воображеніемъ.—«Наконецъ-то еще, и какое открытіе, какое»! сказалъ онъ себѣ: «связь ясна... вотъ мѣсто ихъ сходокъ, — всѣ, и сатирикъ, и будущій диктаторъ. Теперь окончательно меня выслушаютъ и рѣшатъ»!

— Ты говоришь Рылѣевъ?—спросилъ онъ дворника.

— Такъ точно.

— А имя?

— Кондратій Өедоровичъ... тутошный, питербургскій, изъ деревни Батово, что возлѣ Рожествина. Матушка у него тамъ, а онъ тутъ служитъ.

— Женатъ?

— Съ женою и махонькою дочкою.

— И баринъ хорошій? можно, коли надо, просить?

— Приди, увидишь... всякому помогаетъ, нищему, по дѣлу и такъ... Да-а-брѣющая душа...

Шервудъ далъ дворнику еще пятакъ и сперва тихо, потомъ шибче пошелъ къ Поцѣлуеву мосту, обогнулъ уголъ, пустился бѣгомъ, добрался до Офицерской, крикнулъ встрѣченному извозчику: «на Литейную, будетъ на водку!»—сѣлъ и помчался, полный радостныхъ надеждъ.

Сунувъ извозчику полтинникъ,—послѣдній и окончательно послѣдній, какъ онъ разсчиталъ въ умѣ,—Шервудъ вбѣжалъ въ свой нумеръ, не зажигая свѣчи, наскоро раздѣлся и легъ на жесткій, продавленный диванъ, служившій ему постелью. Его мучила жажда. Онъ всталъ, ища воды, замѣтилъ какую-то бутылку и жадно изъ нее потянулъ. Ему обожгло горло. Въ бутылкѣ былъ остатокъ рома отъ пунша, которымъ онъ изрѣдка себя угощалъ.—«А, чортъ»!— подумалъ онъ и, еще вдоволь потянувъ изъ бутылки, опять легъ. Комната весь день не освѣжалась и воздухъ въ ней, отъ недалекой кухни и смежнаго корридора, полнаго заѣзжей прислуги, былъ спертый, душный. Шервудъ этого не замѣтилъ. Хмѣль туманилъ его отяжелѣвшую голову; въ рукахъ и ногахъ онъ чувствовалъ жаръ, а стиснутые зубы постукивали въ нервномъ ознобѣ, несмотря на давящее комнатное тепло.

Мѣсяцъ вышелъ изъ облаковъ. За тусклымъ, испачканнымъ мухами, окномъ виднѣлся трактирный дворъ, запруженный телѣгами, лошадьми у коновязей и всякимъ хламомъ.

Подъ окномъ торчала старая, съ обломанными вѣтвями береза. Сквозь ея тощую, покрытую слоемъ пыли, листву, въ комнату наискось свѣтили блѣдные лунные лучи.

Шервудъ лежалъ съ закрытыми глазами. Онъ съ злобной досадой слѣдилъ, какъ билась кровь въ его вискахъ и какъ тяжелое, мучительное содроганіе леденящимъ гнетомъ пробѣгало по немъ съ головы до пятъ.

— «Все кончено, все открылъ! провѣрилъ, уличилъ!» радостно думалъ онъ, съ трудомъ сдерживая трясущійся подбородокъ:—«и, вѣдь, какъ успѣшно, безъ запинокъ, на чистоту! Имъ хотѣлось Сперанскаго, вотъ онъ; Трубецкой, съ этимъ Сперанскимъ, удостоился въ тотъ вечеръ быть во дворцѣ, а сегодня этотъ же Трубецкой у Полины, то-есть у Анненкова... Графъ золъ на Рылѣева за пасквиль... и этотъ попался здѣсь же... все свои... Ха, ха! вожаки, будущіе республиканскіе министры, Мараты, Робеспьеры... ха ха!»

Шервудъ отрывисто и громко разсмѣялся, но вдругъ поднялся на диванѣ и сѣлъ.—«Вспомнилъ, вотъ когда вспомнилъ, о чемъ надо было тогда сообщить государю!» сказалъ онъ себѣ съ досадой:—«этого самого Трубецкаго, да! именно его прочили въ Каменкѣ, на случай бунта войскъ, въ диктаторы... Пестель такъ именно и говорилъ. И его-то я тогда встрѣтилъ на лѣстницѣ! Завтра же, пораньше, чуть свѣтъ, все запишу и къ графу... Вотъ открытіе, вотъ сцѣпленіе счастливыхъ, рѣдкихъ обстоятельствъ... Только нѣтъ, кажется, бумаги и чернилъ, всѣ вышли... Придется будить этихъ олуховъ; пойдутъ въ контору, поднимутъ изъ-за такой мелочи хозяина, а я ему задолжалъ за комнату и харчи... Чернильница, впрочемъ, есть, но окончательно высохла; ткнешь перо, а оно сухое, только муха окаянная вылетитъ и жужжитъ проклятая такъ противно... Тьфу, сколько мухъ!»—мыслилъ Шервудъ, плюя и гадливо прислушиваясь къ шороху и неугомонной вознѣ мухъ, по обычаю толкавшихся въ духотѣ, у окна и подъ потолкомъ.

На секунду ему показалось, что онъ успокоился и заснулъ. Настала такая отрадная, ласкающая тишина. Мухи и собственныя назойливыя мысли исчезли.

Озаренная мѣсяцемъ комната, съ огромною изразцовою печью, комодъ, гдѣ торчало зеркальцо и допитая бутылка съ ромомъ, расшатанный стулъ, у двери, съ брошенною на него солдатскою шинелью, все это также будто застлалось туманомъ и куда-то скрылось. Шервудъ почувствовалъ, какъ выступилъ на его лицѣ потъ, медленно скатываясь крупными каплями по носу и щекамъ. Онъ подумалъ: «Такъ капаетъ теплая, свѣжая кровь».

И ему вдругъ представилось страшное зрѣлище казни, видѣнной имъ весною, въ бытность въ Новомиргородѣ...

Военный полевой судъ осудилъ тогда пойманнаго дезертира—поляка. Это былъ еще молодой, бѣлокурый и простодушный съ

виду рекрутокъ. Его схватили гдѣ-то на границѣ съ Австріей и возвратили, для суда и наказанія, въ полкъ. Приговоръ аудиторіата къ разстрѣлянію былъ замѣненъ прогнаніемъ сквозь двѣ тысячи человѣкъ. Съ хмурыми, строго-понуренными лицами, солдаты молча взмахивали рукой. Свѣжія, съ зелеными почками, прутья лозы, нарѣзанной въ ближнихъ плавняхъ, притонахъ голосистыхъ иволгъ и соловьевъ, страшно взвизгивали въ тепломъ, пахучемъ воздухѣ. Рекрутъ уже не шелъ. Его полумертваго, съ блѣднымъ, кротко-покорнымъ лицомъ и слипшимися, отросшими въ тюрьмѣ волосами, везли между рядовъ на какой-то двухколесной дыбѣ. Удары падали.

«Стой!»—вдругъ раздался чей-то властный, громкій голосъ: «не такъ бьете! артиллерію, пушки сюда, картечь!»—Толпа разступилась. Шервудъ понялъ, что это скомандовалъ онъ самъ, и увидѣлъ на себѣ офицерскій мундиръ и красивыя, торчавшія крыльями эполеты. Выдвинулись откуда-то двѣ полевыя пушчонки. Испуганные артиллеристы стали съ зажженными фитилями. Рекрута болѣе не было видно. На его мѣстѣ была кучка офицеровъ разнаго оружія, капитаны, полковники, интенданты, генералы. Они въ разстегнутыхъ мундирахъ, безъ шпагъ и шляпъ, обнимались, что-то говорили другъ другу и что-то кричали удивленнымъ солдатамъ. Шервудъ узналъ между ними Муравьевыхъ, Вадковскаго, Пестеля и Бестужева.—«Предатель! вотъ онъ, измѣнникъ!» закричалъ изъ толпы, указывая на него товарищамъ, Вадковскій: «чрезъ него мы гибнемъ!» Шервудъ оглянулся на пушки и махнулъ рукой. Раздался визгъ картечи. Въ толпѣ офицеровъ упало нѣсколько человѣкъ. Чѣмъ-то теплымъ брызнуло въ глаза и на щеки Шервуда...

Онъ очнулся, хотѣлъ встать, раскрыть глаза и не могъ пошевелиться.—«Боже, хоть бы каплю воды!» мучительно подумалъ онъ, томимый жаждой, будучи не въ силахъ отереть мокраго, потнаго лица. Съ усиліемъ онъ оглянулся по комнатѣ и не узналъ ее. Что-то странное, новое на мгновеніе обрисовалось передъ нимъ и опять исчезло.

Та же ночь. Но гдѣ это?.. Шервудъ увидѣлъ, что онъ лежитъ въ пріятно-сырой, росистой травѣ, между деревьевъ. Сквозь нависшія вѣтви чуть свѣтилъ мѣсяцъ. Пахло болотомъ, слышалось журчаніе студенаго лѣснаго ключа. Шервуду и пить страшно хотѣлось, и онъ кого-то, съ замираніемъ сердца, какъ бы ожидалъ. Сюда въ лѣсную глушь должна была къ нему прійти Зина Ушакова.—«Еще усилію» мыслилъ онъ, съ страстнымъ содроганіемъ: «а теперь хоть бы глоточекъ...» Онъ бросился сквозь чащу деревъ и очутился на круглой, чуть освѣщенной полянкѣ. Сверкала свинцовою зыбью одна поверхность ключа, обросшаго сочными, длин-

ными травами и камышомъ. Онъ присѣлъ на корточки, ухватился за траву, жадно припалъ ртомъ къ водѣ и увидѣлъ нѣчто ужасное, необъяснимое.

По зыбкой глади воды суетливо бѣгали какіе-то, съ мохнатыми лапами и брюхами, сѣрые проворные пауки. Они шныряли въ одну сторону; имъ на встрѣчу и наискось, шевелясь, скользили другіе. Шервудъ вспомнилъ, какъ солдаты на постоѣ у крестьянъ пьютъ квасъ съ тараканами. Онъ, усмѣхнувшись, подулъ на пауковъ: тѣ разбѣжались. Онъ еще ниже склонился къ ручью и въ ужасѣ замеръ.

То, что онъ принималъ за воду, оказалось не водой, а сплошнымъ комомъ гадовъ, которыхъ онъ отъ рожденія такъ всегда боялся. Клубни сѣрыхъ, большихъ и малыхъ змѣй шевелились круглыми, лоснящимися спинами. Нѣкоторыя змѣи высовывались плоскими головками изъ кучи другихъ и шипѣли. Шервуду въ то же время послышался за деревьями голосъ Зины: «сюда, сюда! да гдѣ же ты?» Онъ рванулся, выпутался изъ травы и, въ дикомъ страхѣ, бросился бѣжать, но попалъ, очевидно, не туда. Деревья преграждали ему путь. Онъ продирался сквозь ихъ цѣпкія вѣтви, явственно слыша настигавшій его, противный шелестъ гадовъ. Плоскія головки мелькали въ листьяхъ, хрустѣли подъ ногами Шервуда; онъ съ бѣшенствомъ ихъ давилъ. Сдѣлавъ послѣднее усиліе, онъ вырвался на опушку темнаго лѣса.

Разсвѣтъ еще не начинался. Надъ болотистымъ полемъ кое-гдѣ висѣлъ туманъ. Шервудъ побѣжалъ—трусливымъ зайцемъ, какъ онъ самъ подумалъ въ это мгновеніе. Вода шлепала и брызгала изъ-подъ его ногъ. Ступни вязли въ тинѣ. Онъ завидѣлъ домъ Ушаковыхъ, домчался до лѣстницы, вскочилъ въ комнату; но негдѣ дѣться. Весь полъ укрытъ змѣями, по стѣнамъ ползаютъ пауки. Онъ взобрался на диванъ, поджалъ подъ себя мокрыя, испачканныя грязью, ноги и накрылся съ головой шинелью, даже для удобства прихватилъ край шинели зубами. Шелестъ гадинъ не прерывался.

«Въ корридоръ, на чердакъ!» подумалъ онъ: — «тамъ у кухни лѣстница; заберусь на самый верхъ». Онъ бѣгалъ въ потьмахъ по чердаку, ощупью забился въ уголъ, подъ печную трубу, и въ трепетѣ притаился. На чердакѣ была тьма. И вдругъ онъ почувствовалъ, что подъ его рубашку вползаетъ что-то холодное, скользкое и, расправляясь, шевелится по его спинѣ. На плечи ему упала какая-то безобразная, мертвящая тяжесть...

Шервудъ отчаянно, дико вскрикнулъ и проснулся. Начиналось утро. Передъ диваномъ стоялъ съ разносной книгой будочникъ, теребя Шервуда за плечо.

— «Пакетъ вамъ»—произнесъ босой, въ одномъ бѣльѣ, заспанный половой, стоя возлѣ будочника.

Шервудъ опомнился, всталъ, протеръ глаза и поднесъ пакетъ къ окну. То была повѣстка изъ штаба—явиться въ тотъ же день за полученіемъ подорожной и «экстраординарной суммы» на немедленный отъѣздъ.

Росписавшись въ книгѣ, Шервудъ отпустилъ будочника, прошелся по комнатѣ, надѣлъ шинель и взглянулъ на половаго. Усталость и хмѣльный бредъ мигомъ бросили его.

— Видишь, братъ? будутъ деньги и большія!—сказалъ онъ, тормоша озадаченнаго половаго и смѣясь торжествующею, гордою улыбкой:—самоваръ, пуншику... бриться, мыться... мигомъ!

Въ чистомъ бѣльѣ и въ новой парѣ, Шервудъ щеголемъ, къ началу присутствія, явился въ штабъ, получилъ заготовленныя бумаги, пересчиталъ пачку врученныхъ ему ассигнацій, росписался въ ихъ полученіи и съ легкимъ сердцемъ вышелъ въ переднюю, наполненную просителями и сторожами.

«Нѣтъ, шутишь, сразу не выѣду!»—думалъ онъ, тыча деньги въ карманъ:—«теперь прежде всего закусочка; ловится лососина; солянočку съ перцемъ и огурцами, изъ селедки форшмакъ... На углу Караванной вкусно дѣлаютъ, да рюмочку-другую полынной, да бальзамцу... а тамъ и къ графу съ новымъ, дорогимъ для него открытіемъ».

Въ кучкѣ сторожей-инвалидовъ въ передней штаба шелъ разговоръ:

— Позавчера онъ сердечный былъ—именинникъ, а нынче уже и въ путь.

— Кто именинникъ?—надѣвая перчатки и рисуясь въ перетянутомъ мундирчикѣ, шутливо и весело спросилъ Шервудъ:—можетъ и я именинникъ, угощу.

Инвалиды молча и недовѣрчиво на него поглядѣли.

— Да кто же, братцы, именинникъ?—повторилъ Шервудъ, чувствуя, что ему особенно весело, и желая, чтобы также весело было и другимъ.

— Тезоименитство его величества было третьяго дня,—отвѣтилъ старшій, въ сѣдыхъ бакенахъ, инвалидъ, вставая передъ молодцоватымъ унтеромъ:—да вотъ ребята маракуютъ, ѣдетъ уже нынче его величество.

— Куда?—удивился Шервудъ.

— Въ Таганрогъ.

— И это вѣрно?

— Второй день подстава готова до самого Новгорода; сказывали намедни фельдъегеря, что къ графу заѣдетъ...

— Развѣ графъ не въ городѣ?

— Въ Грузинѣ. Со вчерашняго дня ему туда всѣ бумаги шлютъ.

— А его величество?

— Должно быть, въ Царскомъ.

Шервудъ вышелъ. Забывъ о закускѣ, онъ бросился на постоялый дворъ, расплатился съ хозяиномъ, уложилъ свои вещи, послалъ за тройкой, сѣлъ въ телѣгу и помчался, кратчайшимъ проселкомъ въ Царское Село.

«Безпосредственный корреспондентъ его величества, такъ имъ и скажу!»—разсуждалъ онъ, подпрыгивая на телѣгѣ:—«самъ государь соизволилъ,—должны допустить»...

Въ концѣ августа, въ Петербургѣ знали, что государь Александръ Павловичъ уѣзжаетъ съ больною императрицей на осень, въ Таганрогъ.

Подъ вліяніемъ вѣсти о болѣзни государыни, по городу ходило немало тревожныхъ толковъ. Многихъ смутилъ недавній пожаръ, истребившій церковь Спаса-Преображенія. На небѣ явились, одна вслѣдъ за другой, двигаясь съ сѣвера на югъ, двѣ кометы. Первая вскорѣ угасла. Въ этомъ увидѣли дурное предзнаменованіе.

Послѣдніе дни августа стояли, между тѣмъ, ясные, теплые. Въ Царскомъ Селѣ все было давно готово къ отъѣзду; но государь почему-то медлилъ. Ему какъ-то не хотѣлось разставаться съ любимымъ царскосельскимъ дворцомъ, съ свѣтлыми прудами, тѣнистыми садами и рощами. Онъ кончалъ неотложныя дѣла, принималъ прощальные доклады министровъ и, переписываясь съ родными въ чужихъ краяхъ, былъ особенно пасмуренъ и неразговорчивъ.

Тридцать перваго августа, наканунѣ отъѣзда, государь всталъ рано, прошелся по ближнимъ аллеямъ, постоялъ у озера, подъ дубомъ, гдѣ любила отдыхать и читать его бабка Екатерина, бросилъ корму рыбамъ, полюбовался лебедями, сказалъ нѣсколько словъ старому садовнику, Никитичу, и на докладъ камердинера Ѳедора: «кофій готовъ, пожалуйте» — нѣхотя и медленно возвратился во дворецъ.

Послѣ кофе, государь, по обычаю, заперся въ кабинетѣ, сѣлъ за письменный столъ и вынулъ изъ особой обложки пачку бумагъ. Онъ надъ ними задумался.

Изъ оконъ былъ видѣнъ край синяго неба, часть озера и развѣсистый старый дубъ, гдѣ государь только-что стоялъ, были видны одѣтыя красками осени, хотя еще въ листьяхъ, но уже кое-гдѣ тронутыя золотомъ и пурпуромъ, деревья сада.

Государь не смотрѣлъ ни на небо, ни на деревья и озеро. Онъ сталъ просматривать верхнюю изъ лежавшей передъ нимъ пачки бумагъ. То былъ роковой списокъ заговорщиковъ, привезенный Шервудомъ. Прочтя списокъ и дополнительныя замѣтки Аракчеева, государь взялъ перо и листъ бумаги и началъ писать.

Неразлучная съ нимъ датская собака, Лордъ, дремала у его

ногъ. Исписавъ страницу, Александръ вздохнулъ и остановился. Перо падало изъ его рукъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что почему-то видитъ плохо: слова, которыя онъ набрасывалъ, сливались передъ нимъ и путались. Онъ поднялъ голову.

Внезапно нашедшія тучи закрывали весь небосклонъ. Государь позвонилъ.

— Огня, — сказалъ онъ вошедшему слугѣ, снова принимаясь писать.

Слуга ушелъ, но медлилъ возвращеніемъ. Александръ нетерпѣливо позвонилъ опять. Были принесены двѣ зажженныя восковыя свѣчи.

«Вотъ она сѣверная природа и сѣверные порядки!» подумалъ Александръ, съ досадой продолжая писать и мысленно уносясь къ югу: «осень въ началѣ, завтра только первое сентября, а здѣсь уже темно, какъ зимой. И ѣхать за тепломъ, за свѣтомъ въ такую даль! Великая ошибка Петра... Отчего не быть столицѣ въ Одессѣ, въ Таганрогѣ, въ Крыму?»

Облака между тѣмъ разсѣялись. Солнце снова явилось и весело глядѣло въ окна. Александръ не видѣлъ солнца. Его рука скользила по листу.

Лежавшій у стола Лордъ сердито, какъ бы сквозь сонъ, зарычалъ. Государь оглянулся и увидѣлъ, что вошедшій въ кабинетъ слуга осторожно изъ-за него убиралъ свѣчи со стола.

— Что это ты дѣлаешь, Ѳедоръ?—спросилъ Александръ.

— Такъ слѣдуетъ, ваше величество.

— Но ты, по крайней мѣрѣ, хоть бы подождалъ, пока кончу писать... мѣшаешь,—опять могутъ найти тучи...

— Негодится днемъ, ваше величество, зажигать свѣчей.

— Право? а я и не зналъ. Почему?

— Днемъ зажигаютъ свѣчи только надъ покойниками.

Слуга ушелъ. Александръ сидѣлъ неподвижно. Очнувшись, онъ изорвалъ написанное, вложилъ заботившія его бумаги, безъ всякой резолюціи, въ пакетъ, сунулъ его въ портфель, приготовленный для пути въ Таганрогъ, и снова вышелъ къ озеру, къ развѣсистому дубу. Ни въ Грузинѣ, ни въ Таганрогѣ Александръ болѣе не касался роковаго пакета. Онъ былъ найденъ, въ числѣ прочихъ бумагъ, безъ его помѣты, уже послѣ его кончины...

Часу въ третьемъ пополудни, перваго сентября, Шервудъ подъѣхалъ къ Царскому Селу. Оставивъ извозчика съ чемоданомъ, онъ направился ко дворцу. У воротъ его остановили.

— Куда?—спросилъ часовой.

— Къ самому государю... дѣло важное...

— Нельзя.

— Почему?

— Спроси начальство.

Шервудъ увидѣлъ толстаго, гусарскаго поручика, сидѣвшаго на крылечкѣ гауптвахты. Поручикъ удивилъ Шервуда: онъ былъ въ полотняномъ, на распашку, кителѣ, курилъ изъ витаго, въ бисерномъ чахлѣ, чубука и беззаботно забавлялся съ стоявшею передъ нимъ на заднихъ лапахъ, рыжею, лохматою и безхвостою собачонкой.

— Ваше благородіе,—громко сказалъ, подойдя къ поручику и снимая фуражку, Шервудъ:—важное дѣло—безпосредственный его величества корреспондентъ...

— Что-о?—разсмѣялся офицеръ, выпустивъ изо-рта клубъ дыма и весело закашливаясь.

Шервудъ повторилъ свои слова.

— Ну, соколикъ, опоздалъ,—произнесъ поручикъ, принимаясь опять посасывать изъ чубука:—государь еще съ вечера уѣхалъ въ Петербургъ; а теперь ужъ чай и подъ Новгородомъ... А чтобъ безпо... тьфу!.. не выговоришь... безпо... средственному тебѣ, или какъ ты тамъ себя называешь, не наплести съ пьяну еще какой чепухи,— ну-ка, Кузьковъ, на покой его прохладиться!—крикнулъ поручикъ, полуобернувшись жирною, бѣлою шеей въ сѣни кордегардіи, откуда уже выглядывалъ усатый и черный, въ сажень ростомъ, гусарскій фельдфебель.

— Да я, ваше благородіе... тутъ вещи, важныя бумаги, помилуйте...

— Ну, тамъ уже рѣшатъ,—заключилъ поручикъ, опять подзывая рыжую, лохматую собачонку, которая тѣмъ временемъ вѣжливо усѣлась было въ сторонѣ.

Къ ночи, осмотрѣвъ бумаги Шервуда, дѣло разобрали, подумали и отпустили его. Онъ уже не возвращался въ Петербургъ, а выѣхалъ на югъ прямо изъ Царскаго. Государь, на пути изъ Петербурга, заѣхалъ въ Невскую Лавру. Отслуживъ здѣсь панихиду, онъ навѣстилъ лаврскаго схимника, постелью для котораго служилъ обитый чернымъ, съ атрибутами смерти, гробъ.

«Послушались бы меня, было бы иначе!» мыслилъ Шервудъ, ближе и ближе подвигаясь къ югу. — «Успѣютъ ли прослѣдить, выловить виновныхъ?»

Пошли степи. Вотъ рѣка Сеймъ, города Харьковъ, Богодуховъ, Новомиргородъ. Вездѣ было тихо, жизнь катилась, повидимому, мирно, безъ заботъ.

— «Эхъ, землица; страна!»—злобно сказалъ себѣ Шервудъ, завидя длинные, знакомые заборы, пустынныя улицы и крышу полковаго двора: «и этакой услуги, такого открытія не оцѣнить!»

Осенью, 1825 года, изъ Таганрога разнеслась печальная вѣсть о тяжкой болѣзни императора Александра Павловича. Девятнадцатаго ноября того же года онъ скончался. О доносѣ Шервуда заговорили—уже послѣ четырнадцатаго декабря...

Г. Данилевскій.

ИСТОРІЯ МОЕГО ДЯДИ.[1])

XL.

ОСТАЕТСЯ досказать уже немногое. Но я, все-таки, долженъ оговориться еще объ одномъ обстоятельствѣ, касающемся собственно моего разсказа.

О дядѣ моемъ Іоасафѣ Николаевичѣ я разсказываю только по домашнимъ преданіямъ, на основаніи того, чтѐ слышалъ я отъ лицъ, болѣе или менѣе близко стоявшихъ къ нему, имѣвшихъ возможность не формально, а очень интимно наблюдать за событіями печальной его исторіи, а потому глядѣвшихъ на нее съ различныхъ точекъ зрѣнія, подъ вліяніемъ разнообразныхъ чувствъ и впечатлѣній. Довольно рано успѣлъ я разобраться въ подробностяхъ всего разсказаннаго мнѣ, даже весь смыслъ исторіи для меня уяснился, и уже поэтому я могъ не заглядывать въ оффиціальное «Дѣло о дворянинѣ 14-го класса Іоасафѣ Николаевѣ сынѣ, П—вѣ».

А не разъ хотѣлось мнѣ просмотрѣть объемистое «дѣло», сдѣлать изъ него выписки, повѣрить по немъ разсказанные мнѣ факты, но, въ концѣ-концовъ, чувство непреодолимаго отвращенія не допускало меня до этого. И очень жалѣю о томъ: изъ «дѣла» я увидалъ бы и могъ бы другимъ показать, какъ судили и засудили бѣднаго моего дядю тогдашніе судьи; да и вообще, тогда я разсказалъ бы про все, можетъ быть, гораздо точнѣе по отношенію къ формальной сторонѣ дѣла. Но повторяю: непреодолимое отвращеніе не допустило меня погрузиться въ затхлый ворохъ бумагъ, заклю-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XII, стр. 566.

чавшихъ въ себѣ приговоръ человѣку, въ глазахъ моихъ чрезвычайно несчастному и отнюдь не преступному.

Конечно, въ слѣдственномъ дѣлѣ я не нашелъ бы разъясненія, ни даже намека насчетъ того, какія именно причины побудили Іоасафа Николаевича П—ва возвратиться въ опустѣлый михѣевскій его домъ. Но и семейныя преданія не разъяснили мнѣ этого. А очень странно, какъ онъ могъ рѣшиться на возвращеніе, за которымъ, про что, вѣроятно, и ему хорошо было извѣстно, должны были немедленно послѣдовать въ высшей степени непріятныя сношенія съ разными уѣздными чиновниками, людьми для него всегда антипатичными, которыхъ, можетъ быть, вслѣдствіе воспоминаній объ отцѣ своемъ, онъ даже боялся. Между тѣмъ, уклонившись, въ теченіи нѣкотораго времени, отъ чиновничьихъ придирокъ и преслѣдованій, переждавъ, гдѣ нибудь внѣ дома, пока скандальное дѣло, собственно о какомъ-то будто бы сообществѣ съ бѣглыми солдатами, позатихнетъ, можно было бы навѣрное надѣяться, что дѣло это окончится рѣшительно ничѣмъ, какъ и многія скандальныя дѣла оканчивались тогда такимъ же образомъ; про все это много говорилъ брату Михайло Николаичъ Г—въ, для того-то и увозилъ онъ его изъ хижины Степовички и изъ города Коломны.

Да и это ли одно должно было бы отклонять Іоасафа Николаевича отъ возвращенія въ Михѣево? Дѣйствительно, по всѣмъ причинамъ, ему тамъ нечего было дѣлать, особенно же въ позднюю, глухую, осеннюю пору; притомъ, слишкомъ печальныя воспоминанія должны были тѣсно обступить его, при первомъ же вступленіи на порогъ родительскаго стараго дома и безъ того давнымъ-давно постоянно мрачнаго и непривѣтнаго. А вотъ, онъ, все-таки, рѣшился возвратиться въ этотъ домъ, ради того отвергнувъ, съ какимъ-то страннымъ равнодушіемъ, и братнюю помощь, и то нѣжное, пылко-страстное чувство къ любимой женщинѣ, изъ-за котораго, еще такъ недавно, онъ готовъ былъ всѣмъ, всѣмъ пожертвовать!

При прощаніи съ братомъ Г—вымъ, жосткой волѣ котораго онъ такъ беззащитно всегда предавался и, казалось, такъ уже привыкъ покоряться, онъ высказалъ, что «умирать собрался», что «пора ему къ роду-племени». Но мало-ль что говорится въ минуты сильной душевной скорби? Да и не умеръ же онъ скоро по возвращеніи въ Михѣево и судьба его порѣшилась смертью не тамъ. Онъ проживалъ тогда въ своемъ домѣ, относительно говоря, гораздо спокойнѣе, чѣмъ прежде (какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго короткаго моего разсказа) и во всѣхъ тогдашнихъ его дѣйствіяхъ ни почему незамѣтно, чтобы онъ думалъ о самоубійствѣ, чтобы онъ старался избыть постылую, одинокую и тяжкую жизнь.

Стало быть, нѣчто иное побудило Іоасафа Николаевича разстаться съ братомъ Г—вымъ и съ Мариною, и возвратиться домой,

несмотря на ожидавшія его тамъ многія испытанія. Хотѣлось бы мнѣ уяснить тогдашнее состояніе этого глубоко-разстроеннаго, напряженно-мятущагося духа, хотѣлось бы разгадать, какія чувства и мысли кипѣли тогда въ немъ.

Не внушено ли было бѣдному дядѣ такое рѣшеніе внезапно проснувшимся въ его душѣ и чрезвычайно яркимъ воспоминаніемъ о матери, о родной семьѣ, о родныхъ мѣстахъ и о тѣхъ поступкахъ, въ которыхъ выразилось съ его стороны столько блажной неразсудительности и безхарактерности, столько безтолковаго, недостойнаго подчиненія чужой волѣ и даже всякимъ случайностямъ?

Думается, что такъ и было, что именно это самостоятельное воспоминаніе, а не мысль о близкой смерти, ни даже свиданіе съ макшеевскимъ священникомъ, подвигнуло его къ борьбѣ съ тяжелыми обстоятельствами, что оттого-то и жилъ онъ тогда, въ теченіи довольно долгаго времени, спокойно занимаясь устройствомъ семейныхъ дѣлъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и защищаясь отъ чиновниковъ. Пошелъ ли бы онъ дальше и дальше по пути нравственнаго возрожденія, подавилъ ли бы онъ въ себѣ наклонность къ мрачной мечтательности, окрѣпла ли бы воля его, образовался ли бы въ немъ хоть сколько нибудь самостоятельный характеръ? Не знаю; для отвѣта на эти вопросы нѣтъ уже ни малѣйшихъ указаній; а впрочемъ, для возрожденія въ опредѣленномъ смыслѣ и времени недостало, да и всему помѣшали роковыя обстоятельства, опять нежданно-негаданно обступившія несчастнаго моего дядю и окончательно его убившія.

Сначала же все шло такъ ладно.

Пріѣхавъ въ Михѣево, Іоасафъ Николаевичъ нашелъ свой домъ нестоль мрачнымъ, какъ можно было бы ожидать. Тутъ поусердствовалъ умный староста Павелъ Селифонтовъ. Послѣ переговоровъ съ отцомъ Осипомъ насчетъ средствъ къ розысканію Іоасафа Николаевича, онъ твердо обнадежился, что баринъ скоро возвратится домой, и потому настойчиво присовѣтовалъ дворовымъ, опять собравшимся въ дворню почти полную, чтобы они домъ отапливали ежедневно и держали бы его въ порядкѣ къ пріѣзду барина. Такъ и было сдѣлано; мало того, многое и въ усадьбѣ успѣли исправить.

Въ домѣ, въ усадьбѣ, съ наружной, собственно, стороны, стало даже получше, поприглянѣе прежняго, по крайней мѣрѣ, чѣмъ было за послѣднее время. Но со стороны внутренней, рѣзко выражалась одна разительная перемѣна: недавно, полный людьми, михѣевскій домъ былъ пустъ совершенно, покинули-то его, правда, немногія, зато все такія лица, которыя придавали ему постоянное оживленіе; оттого, должно быть, и дворовые, убиравшіе въ комнатахъ, всегда робѣли, спѣшили уйти и, ходя по усадьбѣ, какъ-то сторонились отъ барскаго дома.

Замѣтилъ ли Іоасафъ Николаевичъ и внѣшнюю прибранность, и внутреннее запустѣніе своего стараго родоваго гнѣзда? По всей вѣроятности, послѣднее очень замѣтилъ и почувствовалъ, хотя никто о томъ мнѣ ничего не разсказывалъ, и, конечно, потому, что всѣ домашніе увидали его, на первыхъ же порахъ по возвращеніи, довольно спокойнымъ.

Внѣдренію, поддержанію въ немъ душевнаго спокойствія много и больше всего поспособствовалъ макшеевскій священникъ. Онъ, съ перваго же дня, не покинулъ молодаго человѣка, которому предстояла такая тяжкая борьба и съ трудными обстоятельствами, и съ самимъ собой: посѣщалъ онъ его очень часто, чуть не ежедневно, оставался съ нимъ, бо́льшею частью, по-долгу и бесѣдовалъ тихо, серьезно. Рѣчи его, несмотря на тяжеловатый, семинарскій складъ ихъ, были теплы и полны искренней участливостью, а потому и дѣйствовали всегда успокоительно на Іоасафа Николаевича. Дворовые очень скоро подмѣтили это и, бывало, ожидали посѣщенія отца Осипа съ нетерпѣніемъ. Когда же приходилъ или пріѣзжалъ онъ, домочадцы михѣевскіе, нерѣдко въ немаломъ числѣ, собирались потихоньку по обѣ стороны дверей той комнаты, гдѣ сидѣли баринъ и добрый батюшка, чтобы по́слушать о чемъ они бесѣдуютъ, и то было не изъ пустаго любопытства. О такихъ бесѣдахъ долго сохранилось воспоминаніе у домочадцевъ, и, по ихъ разсказамъ, мнѣ самому памятна тутъ одна подробность, довольно ясно намекающая на душевное состояніе Іоасафа Николаевича, въ первое время по возвращеніи его домой. Тогда, какъ твердо о томъ запомнили домашніе, отецъ Осипъ часто упоминалъ о «Единомъ, Безгрѣшномъ», и все говорилъ, что отнюдь не подобаетъ предаваться унынію и отчаянію, и, конечно, говорилъ онъ такъ, ради успокоенія мятущейся совѣсти несчастнаго молодаго человѣка.

Но участіе почтеннаго макшеевскаго священника не ограничивалось одними лишь нравственными утѣшеніями. Онъ помогалъ Іоасафу Николаевичу отдѣлываться по возможности отъ обвиненія насчетъ прикосновенности будто бы къ дѣлу о бѣглыхъ солдатахъ. У отца Осипа были родственники, служившіе въ егорьевскихъ судахъ, уѣздномъ и земскомъ, чиновники мелкотравчатые, но настолько наторѣлые въ тогдашнемъ уголовномъ судопроизводствѣ, или, лучше сказать, въ тогдашнихъ «приказныхъ» порядкахъ, что очень могли дать полезный совѣтъ относительно отвѣтовъ на «вопросные пункты», которые скорёхонько были предложены Іоасафу Николаевичу. И въ самомъ дѣлѣ, совѣты этихъ мелкотравчатыхъ, заблаговременно преподанные, много облегчили моему дядѣ первоначальныя его объясненія по дѣлу, и до такой степени, что все обошлось тогда благополучно. Разумѣется, отчасти могло это зависѣть и оттого, что сочинитель вопросныхъ пунктовъ, какой-то дѣлецъ-секретарь, кажется, былъ обнадеженъ заранѣе насчетъ при-

личной ему «благодарности» со стороны «прикосновеннаго къ дѣлу». А, впрочемъ, благопріятному тогда для Іоасафа Николаевича направленію этого дѣйствительно опаснаго дѣла посодѣйствовали тоже и особыя обстоятельства.

Во первыхъ, возвращеніе Іоасафа Николаевича въ Михѣево повліяло хорошо на чиновниковъ, въ рукахъ которыхъ находилось слѣдствіе, ибо нельзя же было имъ не заключить, что человѣкъ, добровольно являющійся для дачи показаній и объясненій по опасному для него дѣлу, конечно, очень надѣется на полное свое оправданіе. При томъ же, и отецъ Осипъ поспѣшилъ сообщить, въ краткихъ, но яркихъ чертахъ, помѣщикамъ своего прихода: «въ какомъ глубоко-сокрушенномъ настроеніи духа нашелъ онъ михѣевскаго ихъ сосѣда, когда передавалъ ему о кончинѣ Надежды Ивановны, съ какимъ очевиднымъ раскаяніемъ созналъ сей злополучный молодой человѣкъ всю грѣховность и зазорность прежняго своего житія, и съ какою тихою покорностью ожидаетъ теперь себѣ конца смертнаго, дѣйствительно для него весьма и весьма близкаго». Съ большимъ участіемъ выслушали про все это близкіе къ михѣевскому сосѣду помѣщики, въ свою очередь сообщили спѣшно о томъ же другимъ помѣщикамъ, и, такимъ образомъ, все дворянство егорьевское въ то время рѣшительно стало на сторону Іоасафа Николаевича, чтò дошло немедленно до егорьевскаго чиновничества и подняло-таки немало излишнее его рвеніе къ «открытію, во чтобы ни стало, сообщничества дворянина П—ва съ дезертирами, заподозрѣнными въ грабежахъ и разбояхъ», съ дезертирами, впрочемъ, тогда еще миѳическими, такъ какъ они были не пойманы. Но въ помощь къ «общественному мнѣнію» мѣстнаго дворянства явилось и постороннее вліяніе, уже гораздо сильнѣе подѣйствовавшее на тогдашній ходъ дѣла.

Михайло Николаевичъ Г—въ укрылъ своего брата да и самъ укрылся отъ преслѣдованій егорьевскаго чиновничества у дальняго родственника П—выхъ, Алексѣя Саввича Т—ва, незадолго передъ тѣмъ женившагося на вдовѣ помѣщицѣ изъ знаменитаго рода Л—выхъ. Этотъ бракъ доставилъ Алексѣю Саввичу значеніе въ самомъ губернскомъ городѣ. Т—въ былъ человѣкъ очень добрый, притомъ признававшій родство даже въ дальнихъ степеняхъ. Откровенно разсказалъ ему Г—въ всю исторію блажнаго своего брата—и Алексѣй Саввичъ, не безъ удовольствія вошедши въ роль старшаго родственника, какъ-бы родоначальника, сильно побранилъ Іоасафа Николаевича за его «безпутное» поведеніе; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ охотно согласился укрывать въ имѣніи жены своей явившихся подъ его защиту обоихъ братьевъ, пока найдутся средства избавить ихъ отъ «приказническихъ каверзъ». Впрочемъ, врядъ ли скоро подъискалъ бы Алексѣй Саввичъ такія средства уже потому, что онъ былъ очень лѣнивъ на всякія дѣловыя занятія и энергически пре-

давался только псовой охотѣ, еслибъ не подвинулъ его къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ «безумный» поступокъ Іоасафа Николаевича, преждевременнымъ возвращеніемъ своимъ домой выдававшаго себя на жертву чиновникамъ, и такимъ образомъ подвергавшаго все свое родство опасности безчестья. И вотъ, Алексѣй Саввичъ прибѣгнулъ къ заступничеству своего уѣзднаго предводителя, а тотъ, по стариннымъ дружескимъ отношеніямъ къ роду Л—выхъ, тотчасъ же написалъ егорьевскому предводителю «объ оказаніи всяческой защиты молодому дворянину П—ву, неповинно привлеченному къ кляузному дѣлу». Въ то время, подобныя заступничества и ходатайства имѣли весьма большую силу и, при посредствѣ ихъ, многія дѣла, гораздо поважнѣе дѣла моего дяди, прекращались немедленно и безъ всякихъ послѣдствій.

Итакъ, егорьевскіе чиновники были «взнузданы» по дѣлу Іоасафа Николаевича П—ва, чему егорьевскіе дворяне очень радовались теперь, непослѣдовательно забывъ, что еще такъ недавно они же до нѣкоторой степени сочувствовали чиновничьимъ «видамъ» на поживу отъ дѣла; а такъ какъ «взнузданіе» это произошло всего скорѣе «по милости чужаго предводителя», то дворяне-егорьевцы «поставили на счетъ» этотъ непріятный казусъ своему предводителю. Впрочемъ, всѣ дворяне вполнѣ искренно радовались тому, что взведенное на Іоасафа П—ва обвиненіе въ сообщничествѣ съ бѣглыми солдатами должно загаснуть въ уѣздномъ же судѣ. Несомнѣннымъ казалось всѣмъ, что и другое дѣло, по жалобѣ Надежды Ивановны, должно было окончиться въ совѣстномъ судѣ рѣшительно ничѣмъ, ибо многіе свидѣтели могли подтвердить, что мать, передъ смертью своей, простила сына, при томъ, даже себя самоё признавала виноватою въ столкновеніи съ сыномъ—и только не успѣла заявить оффиціально о желаніи своемъ, чтобы начатое ею дѣло было прекращено.

Такое направленіе всей «михѣевской исторіи» должно было бы окончательно успокоивать Іоасафа Николаевича; но состояніе его духа выражалось тогда какъ-то двойственно. Повидимому, онъ былъ совершенно спокоенъ и уже ровно никакихъ чудачествъ въ поступкахъ его, въ образѣ его жизни, не проявлялось. Онъ даже самъ началъ хлопотать о раздѣлѣ имѣнія съ сестрами, причемъ, обѣимъ сестрамъ выдѣлилъ не четырнадцатую, по закону о наслѣдствѣ, часть, а части почти равныя его собственной. А все-таки, прежняя мрачная его нелюдимость была черезъ-чуръ замѣтна. Такъ, никого изъ сосѣдей онъ не посѣщалъ, а отецъ Осипъ не смогъ уговорить его къ тому, даже въ приходскую свою церковь онъ не ѣздилъ къ обѣднѣ по праздничныхъ и воскреснымъ днямъ, а отправлялся всегда въ церковь села Маливы, что явно дѣлалось имъ во избѣжаніе встрѣчи съ сосѣдями-помѣщиками. Снисходя къ его нелюдимству, а болѣе считая, что тутъ причиною печаль вслѣдствіе семейныхъ

несчастій, ближайшіе сосѣди нашли нужнымъ сами сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ Іоасафомъ Николаевичемъ; присылали узнавать о его здоровьѣ, даже настойчиво приглашали къ себѣ; но онъ на-отрѣзъ отказывался отъ этихъ приглашеній то по болѣзни, то за недосугами.

Въ концѣ концовъ, такая упорная уклончивость отъ «добраго знакомства» крайне не понравилась сосѣдямъ, и мало-по-малу общественное чувство опять стало настраиваться очень не въ пользу Іоасафу Николаевичу. Это отчужденіе его отъ добрыхъ людей истолковывалось, вообще, не хорошо. «На душѣ у этаго человѣка есть что-то, есть, и того гляди, покажетъ онъ себя...» такъ говорили объ немъ всѣ. А тутъ два распоряженія Іоасафа Николаевича еще усилили общее къ нему нерасположеніе, хотя, казалось бы, распоряженіями этими онъ отнюдь никого не задѣвалъ, ибо они касались только собственныхъ его дѣлъ.

Тотчасъ по окончаніи раздѣла съ сестрами, Іоасафъ Николаевичъ, побуждаемый, вѣроятно, какой-нибудь печальной думою о своемъ будущемъ, оффиціально заявилъ гдѣ надо было о желаніи пожертвовать всю свою часть имѣнія на сооруженіе храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Вотъ, къ этому-то распоряженію отнеслись сосѣди помѣщики очень несочувственно. Всѣ находили, что это просто-на-просто—нелѣпая выходка со стороны малоимущаго дворянина, выходка, затѣянная имъ, во-первыхъ, въ явную обиду своихъ сетеръ, особенно же младшей (которая недаромъ, дескать, не хоч теперь жить въ родительскомъ дому), а во вторыхъ, даже въ нѣкоторый покоръ всему мѣстному дворянству. Я отнюдь не думаю, чтобы въ осужденіи Іоасафа Николаевича за такой поступокъ выражалось несочувствіе егорьевскихъ дворянъ къ самой мысли о воздвигнутіи храма въ возблагодареніе Бога за спасеніе Россіи отъ наполеоновскаго нашествія; кажется, тутъ выразилось неудовольствіе на своего брата-дворянина только за тотъ способъ, посредствомъ котораго онъ, вдругъ и самопроизвольно, захотѣлъ выйдти изъ владѣльцевъ крестьянъ: дѣйствительно, говорятъ, допущеніе, сначала, пожертвованій на храмъ Спасителя населенными имѣніями многимъ тогда не нравилось, ибо въ этомъ все-таки видѣли мѣру, ведшую если не къ полному уничтоженію, то къ косвенному ослабленію силы крѣпостнаго права. Иначе я не могу объяснить себѣ это неудовольствіе сосѣдей на моего дядю, оставшееся даже и послѣ того какъ его попытка не удалась (онъ опоздалъ, въ то время уже прекращенъ былъ пріемъ населенныхъ имѣній на великое дѣло, совершившееся только въ наши дни).

Но второе распоряженіе бѣднаго дяди уже окончательно раздражило противъ него егорьевское дворянство.

Когда не удалось ему пожертвовать свое имѣніе на храмъ Спасителя, онъ рѣшился мало-по-малу отпустить михѣевскихъ крестьянъ

на волю и сталъ дѣлать не такъ, какъ дѣлалось это окольными помѣщиками. Такъ, онъ отпустилъ самую зажиточную въ Михѣевѣ и большую семью Шибаевыхъ только за тысячу рублей ассигнаціями, предоставивъ притомъ, вольноотпущеннымъ всю ихъ обширную усадьбу и, кромѣ того, слишкомъ десять десятинъ полевой и луговой земли; выходило, стало-быть, что онъ собственно продалъ Шибаевымъ землю, да и то очень дешево.

— Этотъ молокососъ П—въ, разсуждали сосѣди-помѣщики, только и дѣлаетъ, что придумываетъ глупѣйшіе способы размытарить родовое свое имѣніе, да и какъ еще размытарить? какъ бы съ нарочною цѣлію насолить всему дворянству! Вѣдь, отпускъ на волю Шибаевыхъ непремѣнно послужитъ теперь сквернымъ примѣромъ для окольнаго мужичья: всякъ ужь захочетъ выкупаться неиначе какъ съ землею, ну, и возись тутъ... Вотъ, полоумный, по своей охотѣ, завелъ волчье гнѣздо и у себя, и у сестеръ въ имѣніи, просто-на-просто испортилъ его навсегда... И какъ онъ смѣлъ сдѣлать это, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись! Въ опеку надо взять его!.. А тутъ и нашъ Андрей Ивановичъ кругомъ виноватъ: ожирѣлъ и знать ничего не хочетъ... Нѣтъ! изъ П—ва не будетъ пути, ужъ таки добьется онъ до конца края, оно и видно, что къ тому идетъ.

Рядъ случайностей, скоро затѣмъ послѣдовавшій, довольно оправдалъ сосѣдское предсказаніе. Мало по малу все сложилось такъ, что даже и отпускъ на волю семьи Шибаевыхъ какъ будто послужилъ ко вреду для несчастнаго моего дяди.

XLI.

Надо сказать, что, между тѣмъ, прошло года полтора, и въ это время само собою образовались перемѣны въ обстановкѣ Іоасафа Николаевича, тоже не мало повліявшія на его судьбу.

Во-первыхъ, многократныя его поѣздки въ Егорьевскъ и продолжительное иногда житье тамъ, какъ для дачи отвѣтовъ на вопросные пункты, такъ и для хлопотъ по раздѣлу имѣнія, по заявленію о желаніи пожертвовать свою изъ имѣнія часть на храмъ Спасителя и, наконецъ, по совершенію отпускной и дарственной записи на землю Шибаевымъ, что, все вмѣстѣ, протянулось, съ перерывами, на нѣсколько мѣсяцевъ, отдалили отъ михѣевской усадьбы макшеевскаго священника и это повело неминуемо къ весьма дурнымъ послѣдствіямъ. Вообще, больной душою съ раннихъ поръ, а въ послѣдніе два года вовсе разстроенный, чрезвычайно слабый волею, безхарактерный, и при всемъ этомъ, безъ малѣйшаго опыта въ жизненныхъ отношеніяхъ, Іоасафъ Николаевичъ лишился такимъ образомъ единственнаго человѣка, который могъ посовѣтовать ему полезное во многомъ, который могъ даже руководить его по-

ступками. Правда, отецъ Осипъ являлся въ Михѣево тотчасъ же по возвращеніи его домой, но та нравственная связь, которая образовалась было между ними и была такъ благодѣтельна для несчастнаго молодаго человѣка, какъ-то вдругъ ослабла и, скоро затѣмъ, совсѣмъ порвалась. И несомнѣнно, что тому виною былъ самъ Іоасафъ Николаевичъ.

Почувствовалъ ли онъ въ себѣ неодолимое стремленіе къ самостоятельности, отнюдь не допускающее никакихъ нравоучительныхъ внушеній; подѣйствовало ли тутъ, напротивъ того, вліяніе дѣловыхъ сношеній съ егорьевскими чиновниками, причемъ онъ увидалъ со стороны этихъ людей не придирки злостнаго свойства, а полную готовность всячески облегчить для него объясненія по уголовному дѣлу, а это вліяніе пробудило ли въ немъ горделивую самонадѣянность (какъ и предполагалъ о томъ отецъ Осипъ), какъ бы тамъ ни было, но дѣло въ томъ, что онъ сталъ выказывать къ доброму священнику какую-то холодность и, послѣ каждой поѣздки, становился съ нимъ все несообщительнѣе.

Впрочемъ, эта несообщительность не была чѣмъ-то новымъ съ его стороны. Несообщительнымъ онъ былъ и прежде, даже со всѣми. Изъ-за этого многіе и сама мать считали его чрезвычайно горделивымъ человѣкомъ. А врядъ ли такое предположеніе основательно; кажется, тутъ была иная причина, и скорѣе тутъ дѣйствовало смутное и подавляющее сознаніе своей слабовольности, мѣшавшей ему составлять хоть сколько нибудь твердыя понятія о жизни, о людяхъ, объ окружающихъ его обстоятельствахъ. Но этотъ несчастный характеръ былъ, вообще, сложенъ и неочень-то легко разобрать всѣ его оттѣнки.

А вотъ что было ново.

Въ прежнее время, Іоасафъ Николаевичъ всегда и на самомъ дѣлѣ выказывалъ себя отнюдь не трусомъ. Такъ, съ дѣтскихъ лѣтъ, онъ любилъ бродить, въ ночное время, по пустыннымъ мѣстамъ. Фантастическія представленія, являвшіяся ему тогда, раздражали, волновали его, но не пугали. А съ тѣхъ поръ, какъ отецъ Осипъ сталъ прекращать свои посѣщенія, въ дядѣ моемъ произошла и въ этомъ отношеніи разительная перемѣна. Онъ сталъ бояться чего-то. Это было очень замѣтно его домашнимъ. Какъ только наступали сумерки, онъ тревожно приказывалъ, чтобы скорѣе зажигали вездѣ лампады передъ образами и подавали въ главныя комнаты свѣчи, а затѣмъ, созывались въ домъ взрослые мужчины дворовые и еще нѣсколько человѣкъ изъ крестьянъ. Весь этотъ людъ, кое-какъ размѣщался въ переднихъ и вплоть до утра охранялъ барина, а самъ баринъ оставался одинъ въ своей комнатѣ; но нѣсколько разъ въ теченіи каждой ночи, онъ выбѣгалъ къ собраннымъ людямъ чрезмѣрно взволнованный, страшно блѣдный, дрожащій, какъ бы отъ сильнѣйшаго внезапнаго перепуга.

Странные поступки эти, проявившіеся въ послѣдніе полгода жизни Іоасафа Николаевича въ Михѣевѣ, очень тревожили и пугали его домочадцевъ и были бы для нихъ вполнѣ невыносимы, еслибъ блажной этотъ баринъ оставался подолгу дома; но, къ счастью ихъ и на бѣду себѣ, онъ сталъ часто покидать свою усадьбу.

Онъ ѣздилъ только въ Егорьевскъ. И въ каждую поѣздку онъ все больше привыкалъ къ этому, тогда, ничтожному, старообразному, мрачному городку, такъ что пребываніе его тамъ длилось иногда уже по цѣлымъ недѣлямъ. Что привлекало его туда, что могло бы казаться ему тамъ пріятнымъ или интереснымъ? Ужь конечно, не удобства, не развлеченія городской жизни. Въ отношеніи удобствъ, для помѣщика, привыкшаго у себя въ имѣніи къ простору и къ нѣкоторому порядку въ домашнемъ обиходѣ, Егорьевскъ, въ тогдашнемъ его положеніи, рѣшительно не представлялъ ничего сноснаго: помѣщеніе въ постоялыхъ дворахъ городка было изъ рукъ вонъ плохое во всѣхъ статьяхъ; насчетъ и пищи приходилось кое-какъ перебиваться, продовольствуясь нерѣдко какой нибудь солянкой самаго сомнительнаго свойства. Въ отношеніи же развлеченій, Егорьевскъ не даромъ былъ городомъ старообрядцевъ: такъ, даже въ единственномъ его трактирѣ, содержимомъ тоже старообрядцемъ Шведовымъ, билліарда не имѣлось, посѣтителей ничѣмъ тамъ не тѣшили, и двери для всѣхъ запирались часамъ къ десяти ночи, а подъ праздники, особенно чтимые старообрядцами, чинный трактиръ и вовсе не торговалъ.

Макарушка, всегда въ поѣздкахъ сопровождавшій барина, много, дивился времяпровожденію его въ Егорьевскѣ. И въ самомъ дѣлѣ оно было довольно странно. Іоасафъ Николаевичъ проживалъ въ Егорьевскѣ по своему, по-михѣевски: если случалось ему по дѣламъ хлопотать и заниматься, то все это происходило у него, на постояломъ дворѣ; тутъ прошенія и всякія бумаги писались, тутъ, съ ранняго утра до начала «присутствія» въ судахъ, а потомъ, съ вечерень и часовъ до девяти ночи, толкались столоначальники, секретари, засѣдатели изъ «присутственныхъ мѣстъ», тутъ эти господа между дѣломъ пили и ѣли, разсуждали и разсказывали; а самъ гостепріимный ихъ хозяинъ покидалъ свою квартиру только для подачи прошеній и бумагъ, да и то не всегда. Надо, притомъ замѣтить, что онъ бывалъ неразговорчивъ и съ чиновниками, въ подпитіи съ ними отнюдь не участвовалъ и, несмотря на усердныя ихъ приглашенія, никогда не ходилъ къ нимъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нисколько не уклонялся отъ ихъ общества, напротивъ,— какъ-будто любилъ и искалъ его: такъ, въ то время, когда перемежались хлопоты по дѣламъ, онъ все-таки охотно принималъ къ себѣ егорьевскихъ своихъ знакомцевъ и даже зазывалъ ихъ къ себѣ,—и ужь Богъ-вѣсть какъ онъ тутъ пересиливалъ свою нелюдимость, отклонявшую его постоянно отъ сосѣдей-помѣщиковъ.—

Впрочемъ, проживая въ Егорьевскѣ, онъ, и безъ общества словоохотливыхъ чиновниковъ, не выказывалъ вовсе того безпокойства, какое мучило его въ Михѣевѣ: оставаясь одинъ въ своемъ «нумерѣ», онъ по большей части читалъ старыя книги, которыя привозилъ съ собою изъ дому.

— Макарушка!—неразъ проговаривалъ онъ:—а тутъ какъ-то лучше, чѣмъ у насъ,—тутъ мнѣ не жутко...

Послѣднія слова подкашивали всякое возраженіе со стороны Макарушки: онъ внутренно соглашался съ бариномъ, что, и точно, ему, барину, въ Егорьевскѣ гораздо лучше, чѣмъ дома, ибо тутъ ниразу не проявился странный, ребяческій его страхъ; при томъ, вѣрный служитель находилъ, что баринъ его въ Егорьевскѣ все дѣломъ занимается:—съ чиновниками водится «по бумагамъ», а безъ чиновниковъ книжки читаетъ (онъ и чтеніе книжекъ считалъ за очень дѣловое занятіе).

Однажды, онъ рѣшился предложить барину даже совсѣмъ основаться для житья въ Егорьевскѣ: «что-жь, молъ, такое, почему бы намъ и здѣсь не проживать? Вотъ, только надо бы фатеру нанять да изъ-подъ-руки хозяйствомъ обзавестить: не-въ-примѣръ, такъ-то было бы повыгоднѣе для кармана,—а на постоялыхъ дворахъ подолгу оставаться,—воля ваша, сударь,—ка-быть и непристойно для вашей милости»...

— Ну, а какъ-же насчетъ нашего Михѣева?—спросилъ Іоасафъ Николаевичъ, видимо заинтересованный предложеніемъ.

— Насчетъ Михѣева нечего безпокоиться,—отвѣчалъ развязно Макарушка:—тамъ и всего-то дѣла только изъ-за луговъ,—для отдачи луговъ и на покосъ наѣзжать можно будетъ...

— Наѣзжать,—хоть-бы одинъ только разъ въ годъ... но, вѣдь, это все равно...—послѣ нѣкотораго раздумья, возразилъ Іоасафъ Николаевичъ:—нѣтъ! такъ негодится,—не могу на постоянное житье сюда... Меня все-таки тянетъ и тянетъ...

Въ этомъ было что̀-то роковое.

Разъ, Іоасафъ Николаевичъ задумалъ побывать непремѣнно въ Михѣевѣ—и, однако, дня три на рѣшался на эту поѣздку, предлоговъ на задержку не было никакихъ, а онъ все откладывалъ и откладывалъ. Наконецъ, онъ объявилъ Макарушкѣ, что надо будетъ выѣхать какъ-разъ за полночь.—«Такимъ образомъ,—говорилъ онъ:—весь путь отъ города до насъ мы сдѣлаемъ ночью, и можетъ быть, дорогою я сосну спокойно; къ разсвѣту же мы будемъ въ Михѣевѣ, а оттуда пустимся тотчасъ послѣ обѣдовъ и вернемся въ Егорьевскъ еще засвѣтло... Въ нынѣшній разъ, мнѣ не хотѣлось бы ночевать дома»...

Макарушкѣ очень не понравилось ночное путешествіе—и не безъ основанія: отъ Егорьевска до Михѣева было до тридцати верстъ; тутъ приходилось ѣхать хоть по столбовой, бо̀льшею частью,

дорогѣ, но все почти лѣсомъ и лѣсомъ; особенно густы и мрачны были лѣса въ трехъ мѣстностяхъ: начиная чуть не отъ самаго города и вплоть до деревни Михалей (всего на верстахъ восьми-девяти), потомъ, около Сергіевскаго погоста, и наконецъ, за селомъ Троицею, на разстояніи четырехъ-пяти верстъ; и во всѣхъ трехъ выше названныхъ пунктахъ, наиболѣе же въ послѣднемъ, примыкающемъ, съ одной стороны, къ знаменитому тогда по худой молвѣ Чанскому лѣсу, случались нерѣдко большія происшествія: грабежи и даже убійства. Вообще, по съѣздѣ со столбовой дороги на проселочную (верстъ шесть-семь до Михѣева) путь становился безопаснымъ вслѣдствіе того, что тутъ не было уже большихъ лѣсовъ да и деревни шли частыя, но зато тутъ же были дурные переѣзды черезъ топкіе ручьи и какія-то ямины съ всякою грязью.

Макарушка, привыкшій къ свободному обращенію со своимъ бариномъ, пустился было въ возраженія противъ выѣзда въ ночную пору, но баринъ упорно держался за свою мысль.

— Вотъ, пристаешь съ этими страхами своими!—перервалъ онъ малаго:—но больше не говори: я порѣшилъ, такъ тому дѣлу и быть... Впрочемъ, ты не очень сомнѣвайся, то разсуди: ѣхать отъ Егорьевска до насъ, днемъ ли, ночью ли,—все равно: проѣзжихъ почти никогда не встрѣчается, стало быть, и днемъ могутъ напасть... Да и чему быть, того не миновать.

Пожалуй, что и не даромъ закончилъ дядя свою рѣчь этой простой пословицею фаталистическаго свойства: можетъ быть, тѣмъ безсознательно объяснялось то видимое его спокойствіе, въ которое впадалъ онъ какъ-то періодически.

Въ прекрасную, лѣтнюю ночь выѣхали изъ Егорьевска. Мѣсяцъ, еще только въ началѣ своего ущерба, высоко стоялъ на безоблачномъ, синемъ небѣ и нѣсколько слѣва освѣщалъ прямолинейную, ровную дорогу, съ обѣихъ сторонъ тѣсно обставленную хвойнымъ лѣсомъ. На бѣломъ песку дороги тѣни отъ большихъ сосенъ, елей и кудрявыхъ березъ въ ивовыхъ корзинахъ (административное изобрѣтеніе генералъ-губернатора Балашова) кой-гдѣ пролегали такими красивыми узорами. Глубокая тишина почти совсѣмъ не нарушалась тихой рысью михѣевской тройки.—Іоасафъ Николаевичъ спокойно и даже весело посвистывалъ да поглядывалъ по сторонамъ,—и, должно быть, совсѣмъ онъ забылъ о снѣ, о которомъ задумывалъ передъ поѣздкою.

И всю столбовую дорогу проѣхали безъ всякихъ приключеній. Между тѣмъ, сіяніе мѣсяца много поубавилось, сквозь предразсвѣтный туманъ оно уже придавало предметамъ тускло-скользящее, обманчивое освѣщеніе. Оттого, при съѣздѣ на проселочную дорогу, Макарушка не хорошо переѣхалъ рытвину—и что-то вдругъ хрустнуло въ тѣлежкѣ, въ которой обыкновенно разъѣзжалъ Іоасафъ Николаевичъ.

А скоро затѣмъ, подошла рытвина, еще похуже первой,—и дѣло вышло очень плохое: сломалась совсѣмъ таки передняя ось.

«Ось ли, колесо ли ломается,—хозяинъ умудряется», говоритъ пословица; но тутъ хозяинъ-то былъ баринъ, вовсе немудрящій человѣкъ при всяческихъ случайностяхъ, да и Макарушка,—недаромъ—дворовый, а не простой мужикъ,—тоже не зналъ какъ быть и что дѣлать. Впрочемъ, про запасъ не было захвачено въ дорогу ни топора, ни большаго ножа.

Не оставаться же было въ рытвинѣ до бѣла дня. Баринъ и Макарушка стали такъ смекать, что надо, молъ, сейчасъ же отправиться на пристяжной за осью или въ деревню Русилову или въ Угорную-Слободку, которыя были близёхонько; вопросъ только въ томъ состоялъ: кому ѣхать, барину или кучеру? Но вдругъ, нежданно-негаданно явилась помощь на самомъ мѣстѣ происшествія; изъ осиновой рощи, что была съ лѣвой стороны, вышелъ и къ бѣдующимъ подошелъ человѣкъ, которому, вглядѣвшись въ него, нельзя было обрадоваться.

Оба сразу узнали его. То былъ бѣглый солдатъ Шохинъ.

Онъ подошелъ, однако, чинно: держа въ обѣихъ рукахъ огромную свою шапку, какъ бы для того, чтобы показать, что нѣтъ у него ничего для нападенія; при томъ, тихимъ такимъ голосомъ спросилъ онъ:—«А что, молъ, ваше благородіе, никакъ бѣдуете тутъ,—колесо, либо ось поломалися»?

— Вишь, ось пополамъ, пусто-бъ ей было!..—сквозь зубы отвѣтилъ Макарушка.

— Бѣда не изъ пущихъ,—ухмыльнувшись, замѣтилъ Шохинъ:—чай, есть же съ вами топорикъ, а слегу можно вырубить: лѣсокъ-то по-близости.

— Топора онъ не захватилъ,—сказалъ Іоасафъ Николаевичъ, и при этихъ словахъ сильно ёкнуло сердце у Макарушки.—«Ахъ Господи! ну, какъ же можно говорить объ этомъ настоящему, какъ-есть, разбойнику»!..—подумалъ онъ.

— Вотъ, и хорошо, что я тутъ очутился,—продолжалъ бѣглый солдатъ:—у меня топорикъ, тутъ неподалечку, припрятанъ, мигомъ деревцо подходящее вырублю... Нашъ братъ, вѣдь, на всѣ руки годенъ.—А есть ли у васъ чѣмъ слегу подвязать?

Услыхавъ про топорикъ шохинскій, Макарушка тоскливо посмотрѣлъ на барина и бросился было отпрягать пристяжную. Іоасафъ Николаевичъ понялъ и выразительный взглядъ, и торопливое движеніе своего служителя.

— Полно тебѣ мыкаться безъ толку,—строго сказалъ онъ ему—и, тотчасъ обратясь къ Шохину, добавилъ:—Ступай! ладь тамъ что нужно. Я здѣсь подожду.

— Слушаю, ваше благородіе!—отвѣчалъ бѣглый и проворно пошелъ къ осиновой рощѣ.

— Батюшка! Есафъ Николаичь!—взмолился Макарушка:—помогите и вы другую отпрячь... Авось успѣемъ ускакать!..

— Вѣдь, глупо же это до крайности!—возразилъ Іоасафъ Николаевичъ:—да вѣдь ты слышалъ,—я сказалъ тому человѣку, что подожду здѣсь,—ну, и буду ждать... А впрочемъ, коли такъ боишься,—отпрягай себѣ лошадь и скачи. Я одинъ доѣду домой.— Только смотри, не болтай тамъ ни слова и никому объ этой встрѣчѣ...

Баринъ устыдилъ таки Макарушку,—бѣдный малый остался, хотя страхъ его нисколько не унялся. Озираясь безпрестанно по сторонамъ, все отыскивая, должно быть, помощи или средства для обороны и рѣшительно не находя ничего такого, онъ вслухъ бормоталъ какія то молитвы, и въ трепещущемъ голосѣ его слышалось, что, вотъ-вотъ, и расплачется онъ, какъ малый ребенокъ.— А баринъ, какъ бы нарочно отвернувшись отъ рощи, крѣпко о чемъ-то задумался.

Между тѣмъ, слышно было, что Шохинъ рубитъ въ рощѣ, — и скоро онъ явился оттуда, съ жердиной на плечѣ, обчищенной отъ вѣтвей и обрубленной на концахъ.

— Готово, ваше благородіе, теперича какъ-разъ приладимъ,— сказалъ онъ. А ты сарафанникъ,—промолвилъ онъ вполголоса Макарушкѣ: ужъ не трусь, пожалоста, вишь топора-то со мною нѣту... Ну, давай же веревку подвязать слегу.

Но веревки не оказалось. За эту оплошность солдатъ, молча, погрозился кулакомъ на двороваго малаго; потомъ, отпрягъ коренную лошадь и вывелъ ее изъ оглоблей, да развязавъ хорошій красный кушакъ, которымъ былъ подпоясанъ его рваный мужичій кафтанишко, кушакъ-то, можетъ быть, былъ снятъ съ какого нибудь купца или мѣщанина, сталъ прилаживать слегу подъ сломанную ось. Онъ дѣлалъ все это одинъ, и очень проворно и ловко.

— Готово и тутъ! — проговорилъ онъ, попробовавъ крѣпко ли подвязана жердина: кажись, можно будетъ доѣхать, знамо по-легоньку. Вишь, кушакъ-то пригодился, — а онъ и мнѣ нуженъ про всякъ случай... Ваше благородіе! сдѣлайте божескую милость, слѣзьте съ тѣлежки,—покуда кучерёнокъ-то запрягать будетъ, надобно мнѣ съ вами словечкомъ перекинуться кое о чёмъ...

Отведя Іоасафа Николаевича почти къ самой рощѣ, онъ тихо и на спѣхъ сказалъ ему что-то, должно быть, очень важное.

— Какъ!..—вдругъ вскричалъ дядя въ величайшемъ волненіи: но... ради самого Господа!.. Да тутъ же, тутъ мнѣ скажи...

— Нельзя, не годится!.. — возразилъ Шохинъ рѣзко и громко, такъ что Макарушка могъ уже разслышать его слова: вонъ, проснулись, гонятъ скотину, народъ тотчасъ вездѣ повалитъ, отсюдова, тамъ, за рощей, ползкомъ придется ползти... Нашенское дѣло такое... Ночью, ваше благородіе, у васъ, на Облоньѣ...

И онъ быстро юркнулъ въ глубь осиновой рощи.

Въ двухъ, близкихъ къ дорогѣ, деревняхъ, теперь, при свѣтѣ утренней зари, хорошо видныхъ, точно уже проснулись простые рабочіе люди: скрипѣли ворота во многихъ дворахъ, слышались голоса перекликающіеся о чемъ-то; а еще слышнѣе раздавались мычанье скота въ двухъ стадахъ, хлопанье длинныхъ кнутовъ подпасковъ и веселые звуки двухъ пастушьихъ рожковъ. Стало быть, бѣглый солдатъ въ самую пору убрался куда-то, въ темную нору.

Іоасафъ Николаевичъ кое-какъ дотащился до своего Михѣева, но уже когда солнце довольно высоко стояло на небѣ.

XLII.

И не только что ночь, но и день этотъ прошелъ въ Михѣевѣ неспокойно. Причиною все былъ баринъ. День-денской онъ волновался, былъ «самъ не свой», приказывалъ, отвѣчалъ, требовалъ, сердился безъ толку. Что̀ и подумать объ этомъ не знали дворовые, кромѣ одного лишь Макарушки, который нѣсколько догадывался съ чего такого баринъ волнуется.

Къ ночи, волненіе это очень усилилось.

Неожиданно баринъ пожаловалъ въ главную людскую избу и, съ дикими какими-то окриками, приказалъ, чтобы никто не приходилъ къ нему въ домъ, а всѣ тотчасъ ложились бы спать; затѣмъ, караульныхъ мужиковъ съ деревни отпустилъ домой, и только Макарушкѣ велѣлъ лечь на заднемъ крыльцѣ, да и строго наблюдать, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ не расхаживали по двору и отнюдь тѣмъ не безпокоили.

Разумѣется, барскія распоряженія показались дворовому люду диковинными и въ одномъ отношеніи барская воля была рѣшительно нарушена: приказано было спозаранку ложиться спать, но никто изъ взрослыхъ не сомкнулъ глазъ во всю ночь. Любопытство было возбуждено въ высшей степени. Ну, и какъ же, въ самомъ дѣлѣ: «вотъ, ужь сколько времени, на ночь, бывало, баринъ сгоняетъ въ домъ много-много народу, а теперь, одинъ-оденёхонекъ остался въ цѣломъ домѣ! Что же онъ тамъ дѣлать-то хочетъ тайкомъ? Ужь не поджидаетъ ли кого къ себѣ. А не приведи Богъ, это—Маринку!..»

Хотѣли было пройдти къ Макаркѣ и пораспросить его, можетъ, что знаетъ. Но раздумали: баринъ не велѣлъ закрывать окна дома ставнями со стороны задняго крыльца, и, конечно, это недаромъ: знать, хочетъ и самъ понаблюсти, чтобы никто за нимъ не подсматривалъ; какъ же тутъ подойдешь къ Макаркѣ и пустишься въ разспросы?

Хотѣлось было многимъ вылѣзть въ окно людской съ той именно стороны, что на дорогу изъ деревни Андреевки, да оттуда и про-

браться ползкомъ въ садъ: «авось, молъ, тамъ откроется какая нибудь возможность узнать, что такое позатѣяно бариномъ и ради чего онъ прячется отъ домашнихъ въ какомъ-то дѣлѣ?»—но опять-таки и на это никто не рѣшился изъ-за опасенія попасться на глаза барину, благо ночь такъ свѣтла, всюду виднёхонько, и онъ же съ ружьемъ иногда ходитъ, пожалуй, возьметъ да и всадитъ пулю...

Такія же опасенія были и у Макарушки. И онъ не рѣшился на подсматриванье за бариномъ вблизи, а, скрѣпя сердце, ограничивался только тѣмъ, что напряженно вслушивался во всякое движеніе и въ домѣ, и въ саду.

И вотъ, услыхалъ онъ, что старая тяжелая дверь на переднее крыльцо заскрипѣла, значитъ Іоасафъ Николаевичъ вышелъ изъ дому, и, должно быть, въ садъ; точно: въ главной аллеѣ послышались быстрые, все болѣе и болѣе удаляющіеся шаги.

Макарушка догадался: это баринъ пошелъ на Облонье, уже давно имъ покинутое, куда теперь придетъ къ нему Шохинъ...

«Охъ, какъ бы бѣды не вышло!—думалось малому:—у барина есть теперь деньги, что получилъ отъ Шибаевыхъ, да и луговыя тоже, не узналъ ли про то разбойникъ?.. Но что тутъ подѣлаешь? баринъ строго-на-строго приказалъ никому не говорить о встрѣчѣ съ Шохинымъ, ну, и какъ сказать во дворѣ, что баринъ пошелъ на опасное свиданіе... А не побѣжать ли на Облонье, ради помощи? да вѣдь и это строжайше воспрещено, притомъ, какъ туда бѣжать съ пустыми руками?..»

Скоро и опять послышалось, что спѣшно кто-то бѣжитъ по аллѣе къ дому, шибко на крыльцо вошелъ, по комнатамъ шибко пробѣжалъ, затѣмъ, опять вышелъ изъ дому—и въ садъ, и должно быть, на Облонье. «Баринъ, что-ль, это? да зачѣмъ бы?.. Господи! уже не покончилъ ли тамъ съ бариномъ Шохинъ, и не прибѣгалъ ли, чтобы деньги заграбить?..»

Макарушка до того утратилъ всю свою молодую силу отъ обуявшаго его страха, что не могъ даже шевельнуться на мѣстѣ, хотя смутно и представлялось ему, что надо бы тотчасъ бѣжать да звать всѣхъ дворовыхъ на помощь. И вдругъ, возлѣ него, на крыльцѣ, очутился баринъ, возвращенія котораго домой онъ теперь и не слыхалъ.

При лунномъ свѣтѣ, блѣдность лица Іоасафа Николаевича была поразительна.

— Приходилъ... проговорилъ онъ чуть слышнымъ голосомъ: и ушелъ опять къ ней... Она присылала... О! что поразсказалъ!.. и все на спѣхъ, на спѣхъ... Можетъ, дня черезъ три, вернется... Ни слова, ни слова никому!.. Помилуй Богъ! а то...

И, не докончивъ, онъ ушелъ въ домъ.

По утру, дворня много приставала къ Макарушкѣ насчетъ того:

«что, молъ, дѣлалъ баринъ ночью? ты былъ близко, молъ, отъ него—нельзя, чтобы не подмѣтилъ». Но Макарушка отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, а должно быть, баринъ изволилъ чтеніемъ книжекъ заниматься, какъ заведено это имъ, съ того времени, какъ сталъ ѣздить въ Егорьевскъ.

Томительно прошли для всѣхъ три послѣдующіе дни и ночи.

Іоасафъ Николаевичъ и днемъ почти никому не показывался, все сидѣлъ, затворившись въ своей комнаткѣ. Къ ночи же, онъ опять приказывалъ всей дворнѣ ложиться спать какъ можно раньше и отнюдь по двору не расхаживать. Но во вторую же ночь приказаніе это не было выполнено. Явился ослушникъ, бывшій кучеръ старой барыни, Петръ Леонтьевъ-младшій.

Онъ три ночи сряду выслѣживалъ—и таки-выслѣдилъ.

Въ первыя двѣ ночи, онъ открылъ, что баринъ все поджидаетъ кого-то на Облоньѣ, именно поджидаетъ, какъ это было замѣтно по всему. Но ожиданія, вплоть до бѣла-свѣта были напрасны: никто другой на Облонье не приходилъ. А въ третью ночь, наконецъ, явился и этотъ другой, столь жданный человѣкъ, совсѣмъ неизвѣстный Леонтьичу-младшему, по одёжѣ — словно нищій, по лицу и по ухваткамъ—какъ есть разбойникъ.

Онъ пришелъ отъ деревни Андреевки, а придя, опасливо осмотрѣлся во всѣ стороны, и Леонтьичу, залегшему въ кустахъ, черезъ которые онъ ползкомъ пробрался къ луговинѣ Облонья, куда какъ жутко стало отъ осмотра. Но человѣкъ этотъ не пошелъ по кустамъ. Онъ отвелъ Іоасафа Николаевича къ самому пруду, и оттого нельзя уже было разслушать: о чемъ рѣчь шла между ними.

Разговаривали не мало. Говорилъ же больше неизвѣстный человѣкъ, а баринъ все только ахалъ да вскрикивалъ.

— Хорошо... Сейчасъ...—сказалъ Іоасафъ Николаевичъ, отойдя съ неизвѣстнымъ отъ пруда къ кустамъ: пожалуй, подожди здѣсь, я скоро вернусь. А впрочемъ, пойдемъ со мной, въ саду отдамъ, а оттуда тебѣ поближе и удобнѣе будетъ пройти къ Андреевкѣ...

— Какъ бы на глаза кому не попасть?—возразилъ неизвѣстный.

— Всѣ улеглися... Никто не встрѣнется. Да я-жъ провожу, чтобъ собаки не залаяли...

И, затѣмъ, оба прошли такъ близко отъ Леонтьича, что онъ чуть не умеръ отъ страха?

Леонтьичъ не потаилъ отъ дворни обо всемъ, что довелось ему увидать на Облоньѣ. Онъ разсказывалъ и на деревнѣ. Всѣ узнали въ Михѣевѣ именно черезъ младшаго Леонтьича,—всѣ, кромѣ Макарушки, съ которымъ, по общему согласію, береглись о томъ говорить.

Кстати: младшій Леонтьичъ былъ тупъ смысломъ, притомъ, крайне обидчиваго и сердитаго нраву (такъ, если кто нибудь осмѣливался въ шутку, назвать его «Малѣемъ», прозвищемъ по-

чему-то и кѣмъ-то ему даннымъ, тотъ могъ поплатиться за это жестоко). Онъ не забылъ про оскорбленіе, нанесенное ему во время поѣздки къ генералу Измайлову, и вотъ, не безъ особенной злорадности, даже не безъ злонамѣренности, передавалъ онъ теперь встрѣчному и поперечному о тайныхъ свиданіяхъ барина съ какимъ-то подозрительнымъ человѣкомъ, по виду, съ разбойникомъ! Разумѣется, смѣлость Леонтьича-младшаго въ такихъ разговорахъ про барина зависѣла не отъ одной его злобы, но и отъ неуваженія къ барину за его явную безхарактерность.

Скоро обо всемъ спровѣдали и въ сосѣдствѣ. Нашлось и готовое объясненіе для новой тайны въ поведеніи михѣевскаго помѣщика: вспомнили о всякихъ слухахъ насчетъ сношеній его съ бѣглыми солдатами, проживавшими неподалеку отъ деревни Поповки, у угольщиковъ.

А тутъ, какъ на грѣхъ, пошла молва, что тамъ-то и тамъ-то видали какого-то бродягу, можетъ, самого Шохина (прозвище этаго человѣка хорошо было извѣстно во всемъ околоткѣ); говорили еще, что бродяга этотъ, будто бы, и ограбилъ уже кой-кого гдѣ-то; что, однажды, въ деревнѣ Волковой, онъ цѣлую ночь пропьянствовалъ въ кабакѣ,—значитъ, до того сталъ смѣлъ, что не боится показываться уже и вездѣ.

«Михѣевская исторія» опять разыгрывалась именно въ томъ, что̀ касалось до «сношеній» михѣевскаго помѣщика съ бѣглыми солдатами. Шохинъ появился, Шохинъ разбойничаетъ и дерзко показывается, стало быть, шайка у него есть, на выручку или отместку которой онъ надѣется, чѣмъ и пугаетъ простой народъ, стало быть, и пристанодержатели для него есть; а тутъ, и ночныя свиданія Шохина съ этимъ неугомоннымъ Іоасафомъ П—вымъ; въ свиданіяхъ же этихъ никто не сомнѣвался, такъ какъ о нихъ вездѣ говорили. Таковы были безпрерывные толки во всемъ околоткѣ, который разволновался тогда чуть ли не больше прежняго, и они скорёхонько дошли до егорьевскаго чиновнаго и приказническаго люда.

Впрочемъ, можетъ быть, толки и остались бы толками: посудили бы, порядили, на томъ бы и кончилось. Вліяніе посторонняго ходатайства за Іоасафа Николаевича все еще было дѣйствительно. Самая поимка Шохина, вѣроятно, не имѣла бы особенно вредныхъ послѣдствій для бѣдняго моего дяди. Но случились происшествія, которыя доконали-таки его.

Косвенной, но большой причиною для этаго были именно деньги, полученныя дядею отъ Шибаевыхъ.

Какъ послѣ оказалось, Шохинъ провѣдалъ, что у михѣевскаго барина завелись деньги, тысяча рублей ассигнаціями (сумма тогда немалая) и задумалъ онъ повыманить ихъ. Вѣрное средство на то было у него подъ рукою. Какими-то розсказнями о сестрѣ своей, Маринѣ,

онъ легко возбудилъ въ Іоасафѣ Николаевичѣ великую жалость къ бывшей его любовницѣ, которую несчастный, по всей вѣроятности, все еще пылко любилъ, хотя съ чувствомъ его къ ней сталкивались теперь и другія сильныя чувства. И несомнѣнно, что Шохинъ выманилъ много денегъ у сердечнаго барина; послѣ двухъ описанныхъ свиданій на Облоньи, онъ и еще нѣсколько разъ видѣлся тамъ же съ Іоасафомъ Николаевичемъ, и, конечно, все для выманиванія денегъ на помощь сестрѣ своей. Кстати: свиданія эти, происходившія довольно часто, продолжались, кажется, больше мѣсяца, и только въ началѣ августа прекратились они по неожиданному и странному поводу, къ которому тоже примѣшалось нѣчто роковое.

Въ промежутки между свиданіями съ Шохинымъ, Іоасафъ Николаевичъ три раза ѣздилъ въ Егорьевскъ, и вѣроятно не для развлеченія умными рѣчами тамошнихъ дѣльцовъ, а можетъ быть, потому именно, что кто нибудь изъ дѣльцовъ же этихъ сообщалъ ему, что чиновный людъ опять начинаетъ всматриваться въ его прикосновенность къ дѣлу о бѣглыхъ солдатахъ. Впрочемъ, въ городѣ онъ оставался ненадолго и все спѣшилъ домой.

Четвертая поѣздка была для него роковая.

На бѣду, пришлось ему ѣхать не съ Макарушкою, съ которымъ обыкновенно онъ ѣзжалъ, а съ Леонтьичемъ-младшимъ, потому что Макарушка, послѣ купанья на озерѣ, заболѣлъ жестокой лихорадкою. Іоасафу Николаевичу очень не хотѣлось брать съ собою Леонтьича, но, видно, нельзя было ему и отсрочить поѣздку хоть на малое время, и онъ поѣхалъ.

Все сложилось, какъ на грѣхъ. Сборы въ дорогу начались съ утра, а за разными хлопотами, всего же болѣе за справками о томъ: не сможетъ ли Макарушка собраться съ силами, чтобы ѣхать хоть не за кучера, а за лакея, протянулись далеко за полдни; такимъ образомъ выбрались изъ Михѣева незадолго до сумерокъ, которыя и захватили какъ разъ передъ съѣздомъ съ проселочной дороги на большую, столбовую. А ночь приближалась безлунная, довольно темная, уже августовская ночь.

И опять на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ была первая встрѣча съ Шохинымъ, бѣглый солдатъ этотъ, словно нарочно поджидалъ онъ проѣзда михѣевскаго барина, вдругъ выдвинулся изъ той же осиновой рощи.

— Ваше благородіе! стойте-ко, обождите!.. во все горло закричалъ онъ, какъ видно, на этотъ разъ, уже ни отъ кого не оберегаючись.

Іоасафъ Николаевичъ приказалъ остановиться. Шохинъ подошелъ, замѣтно покачиваясь: онъ былъ крѣпко пьянъ.

— Ваше благородіе! началъ онъ:—окажите божескую милость, подвезите меня... Ну и чтожь подѣлаешь, вишь, выпимши поряд-

комъ... а тутъ, того гляди, здѣшніе черти-галманы схапаютъ по злобѣ... Мнѣ всего-то неподалечку, верстъ пятокъ, что ли, а идти пѣшкуромъ не въ моготу, ноженьки такъ и гудутъ...

Іоасафъ Николаевичъ позадумался. Должно быть, не очень хотѣлось ему имѣть такого путеваго товарища. Но нерѣшимость продолжалась не долго.

— Если только на пять верстъ... сказалъ онъ:—дѣлать нечего, садись съ кучеромъ рядомъ.

Леонтьичъ крѣпко нахмурился, но отговариваться не посмѣлъ: онъ живо помнилъ какъ досталось ему, однажды, за противорѣчіе волѣ барина.

Вскарабкавшись кое-какъ на облучёкъ, бѣглый тотчасъ же пустился въ разговоръ съ Леонтьичемъ.

— Ты, дядинька, началъ онъ:—ты зачѣмъ таково лихо на меня поглядываешь? Аль съѣсть меня хочешь?.. Да нѣтъ, братецъ ты мой! костистъ я, пожалуй, подавишься... Ваше благородіе! а онъ у васъ, лихъ человѣкъ, право-слово: мнѣ про него многонько сказывали, знаю тоже какъ дразнятъ его... Дядинька! а дядинька! вѣдь, Малѣемъ тебя добрые люди прозываютъ?.. Такъ аль нѣтъ?.. Что-жь ты головой-то вертишь, а не отвѣчаешь... Эхъ ты Малѣй-Малѣище!

Леонтьичъ не вытерпѣлъ.

— Есафъ Николаичъ! забормоталъ онъ, оборачиваясь къ барину:—ну, и что-жь такъ-то лаяться будетъ, всякъ эдакой, прости Господи!.. А я... да съ какой онъ стати...

Но, къ пущему своему озлобленію, Леонтьичъ-Малѣй увидалъ, что и баринъ надъ нимъ смѣется: въ самомъ дѣлѣ, Іоасафу Николаевичу забавны показались пьяныя, задирательныя рѣчи Шохина, и онъ невольно улыбался. Впрочемъ, онъ все-таки счелъ нужнымъ прекратить потѣху бродяги, а вмѣстѣ съ тѣмъ, успокоить и своего кучера.

— Полно вамъ! прикрикнулъ онъ на обоихъ:—и ты, Петръ, глупо разсердился; развѣ не видишь, подгулялъ человѣкъ, съ того и болтаетъ вздоръ... Ну, и ты, молодецъ, если ты хочешь, чтобы тебя лихомъ не поминали, сиди-ко посмирнѣй... Знаешь пословицу: на чьемъ возу сидишь, тому пѣсенку пой... А есть и другая: съ чужаго коня среди грязи долой.

— Такъ-то оно! протянулъ бѣглый въ отвѣтъ: съ чужаго коня среди грязи долой... такъ-то!.. А мнѣ чтò: чужіе эти ваши кони... Вишь: двое на одного... Охъ, головушка бѣдная! шумитъ-то, шумитъ, а то бы я... Эхъ-ма! ка-бы денегъ тьма, купилъ бы овинъ да жилъ одинъ!..

Затѣмъ, онъ-таки поунялся, по крайней мѣрѣ, пересталъ дразнить Леонтьича и все ворчалъ чтò-то сердито, размахивая руками. И, должно быть разсчитывая, что, при такомъ размахиваньи, пьяный бродяга можетъ свалиться съ облучка, Леонтьичъ поѣхалъ

было очень шибко. Но подошелъ глубокій логъ, съ длиннымъ и узкимъ мостомъ черезъ него, мѣсто слывшее очень опаснымъ для проѣзжающихъ, вслѣдствіе нерѣдко случавшихся тутъ грабежей, и кучеръ разомъ остановилъ лошадей.

— Баринъ! а баринъ! заговорилъ онъ испуганно:—гляньте-ко: тамъ на мосту, неладно... чтò-то положено... аль недобрый человѣкъ нарочно...

Іоасафъ Николаевичъ привсталъ въ тѣлежкѣ и посмотрѣлъ внимательно. Точно: на мосту, поперекъ мостовинъ, лежало что-то темное, довольно большое, можетъ быть, человѣкъ. Проѣхать, не задѣвши того предмета, рѣшительно было нельзя. Да и какъ ѣхать не удостовѣрившись досконально: нѣтъ ли тутъ, и въ самомъ дѣлѣ, засады?

— Надо тамъ посмотрѣть, сказалъ дядя мой вполголоса кучеру:—слѣзай-ко да подойди осторожно. Ну, не бойся же: вѣдь, мы на тройкѣ,—я тебя не выдамъ.

Леонтьичъ медленно спустился съ облучка, возжи не отдалъ Шохину, который все кивалъ головою изъ стороны въ сторону, какъ-будто совсѣмъ раздремался, а медленно прикрѣпилъ ихъ къ желѣзному круту, отдѣлявшему кучерское сидѣнье отъ задняго, потомъ, прекрестившись нѣсколько разъ, пошелъ было по спуску, но вдругъ быстро вернулся назадъ.

— А воля ваша... пробормоталъ онъ, дрожа и заикаясь:—а мочушки моей нѣту, воля ваша... не могу... Батюшка! вернемся домой... Завтресь днемъ поѣдемъ...

— Полно врать!.. Ну, да я съ тобой пойду...

Іоасафъ Николаевичъ тоже сошелъ съ тѣлежки. Въ сопровожденіи Леонтьича, онъ, безъ дальней думы, направился на мостъ. Недалеко уже было до лежавшаго на мостовыхъ подозрительнаго предмета, однако, не пришлось вглядѣться въ него вблизи.

Бродяга Шохинъ, какъ видно, притворялся спящимъ: подобравъ возжи, онъ круто повернулъ лошадей назадъ, и стремглавъ поскакалъ по направленію къ селу Маливѣ. Чтò-то съ угрозою крикнулъ онъ покидаемымъ имъ, но тѣ, ошеломленные неожиданностью, не разобрали его словъ.

XLIII.

Хоть и ошеломленные, дядя и кучеръ его, разомъ, словно взапуски, кинулись въ догонку за Шохинымъ. Во весь духъ пробѣжали они съ полверсты и, разумѣется, совершенно напрасно: гдѣ ужъ было догнать дерзостнаго похитителя тройки? Скорёхонько онъ исчезъ изъ виду, скоро и шумливое гарканье его на лошадей замерло за большимъ лѣсомъ, съ правой стороны, считая отъ Егорьевска, вплоть подходившимъ къ столбовой дорогѣ и сливавшимся съ

огромнымъ Чанскимъ лѣсомъ. Впрочемъ, невольное движеніе, побудившее Іоасафа Николаевича и Леонтьича кинуться въ догонку, можетъ быть, спасло ихъ отъ какой нибудь опасности, ожидавшей на мосту.

Но и теперь, собственно въ настоящую минуту, положеніе ихъ было очень небезопасно. Измученные погоней, перепуганные, притомъ, пѣшіе и съ пустыми руками, чтò могли бы они подѣлать при нападеніи на нихъ даже одного разбойника? Оборониться было нечѣмъ, уже вовсе не подъ силу. Тугой смысломъ Леонтьичъ, на ту пору, нашелся гораздо скорѣе своего барина, и подалъ ему совѣтъ, несомнѣнно дѣльный: сойдти съ большой дороги въ мелколѣсье, примыкавшее къ ней съ лѣвой стороны, и тамъ, сквозь кустарникъ, пробираться по неволѣ домой, да такъ оно и надо было по тому направленію.

Іоасафъ Николаевичъ послушался безъ малѣйшихъ возраженій, или собственныхъ какихъ-либо соображеній; врядъ ли и способенъ былъ онъ тогда придумать что-либо особенное. А притомъ, обоимъ было отнюдь не до разговоровъ.

Итакъ, пошли назадъ, къ Михѣеву, но не всегда въ полной увѣренности, что идутъ именно туда, что не сбиваются съ принятаго направленія: темно было въ частомъ ельникѣ и березникѣ, особенно же, когда попадались широко разросшіеся кусты орѣшнику. Шли все время, боясь перемолвиться даже шепотомъ. И нерѣдко оторопь большая охватывала бѣдныхъ путниковъ. Казалось имъ иногда, что вотъ чуть не рядомъ съ ними пробирается кто-то чрезъ кусты, запоздалый ли то и, какъ они, изъ-за страха сошедшій съ большой дороги пѣшеходъ, или же хищный звѣрь какой. Звуковъ было такъ много въ чащѣ мелколѣсья: трещали и гулко ломались раздвигаемыя вѣтви, подъ ногами шуршали, тоже слишкомъ гулко, опавшіе листья, мелкій, изсохшій валежникъ; а то еще больше шума производили внезапные скачки спугнутыхъ зайцевъ и перелеты птицъ. Хорошо, что вѣтеръ нисколько не заносился въ чащу, такъ что и листва осинъ не трепетала. Но одинъ разъ Іоасафъ Николаевичъ и Леонтьичъ перепугались до того, что тотчасъ прилегли къ землѣ: гдѣ-то, вдали, съ правой ли, съ лѣвой ли стороны, того они не разобрали, вдругъ раздался глухой, протяжный ревъ, должно быть, большаго страшнаго звѣря.

Долго они пролежали, и только поуспокоившись тѣмъ, что ужаснувшій ихъ ревъ не повторяется, что вездѣ какъ-то совсѣмъ позатихло, встали они и опять пустились въ путь, теперь выйдя почти на столбовую дорогу, такъ какъ, по предположенію Леонтьича, было уже очень недалеко до поворота на проселокъ.

И въ самомъ дѣлѣ, сквозь порѣдѣвшее тутъ мелколѣсье, при предразсвѣтномъ мерцаніи звѣздъ безоблачнаго неба, довольно явственно обозначилась, въ разстояніи небольше какъ съ версту,

столь памятная Іоасафу Николаевичу и его кучеру осиновая роща. Но, вмѣсто того, чтобы поспѣшить къ желанному повороту на проселокъ, оба путника разомъ пріостановились, на обоихъ внезапно напало тяжелое раздумье.

Ужь Богъ-вѣсть о чемъ раздумался Іоасафъ Николаевичъ, а Леонтьичу живо и ярко вспомнилось самое начало ихъ ночнаго похожденія, то именно, какъ у осиновой рощи встрѣтилъ ихъ бродяга, ругатель и воръ конокрадъ, и Леонтьичъ, хотя очень не любилъ разговаривать съ молодымъ бариномъ-обидчикомъ, не вытерпѣлъ, первый заговорилъ:

— Баринъ! а, баринъ!.. вонъ и роща виднехонька. Слава тебѣ, Господи! и до дому теперича не такъ-то далеко... Только, какъ бы опять не встрѣтить того разбойника...

— Да! ты объ этомъ... отвѣтилъ баринъ:—и точно, надо подумать... Но, разумѣется, теперь мы не встрѣтимъ его... Надо подумать о другомъ... Мы вернемся на глазахъ у всѣхъ, увидятъ, что пѣшіе—диву дадутся... Тутъ вотъ что̀!

— А какъ же! знамо... Всякъ пойметъ: лошади-то какія, хоша и стареньки! да и упряжь, да и тѣлежка... И все прахомъ пошло, ищи-свищи!..

— Постой! перервалъ баринъ:—я и не подумалъ бы о томъ, у меня иныя думы, только двѣ и есть, но... Да, да! изъ-за нихъ для меня другое-прочее, это все равно... Слушай! пропажа лошадей можетъ сдѣлать много, много помѣхи... Вотъ что̀ и важно!.. Ну, и какъ бы сдѣлать, чтобы болтовни разной не было?.. По крайней мѣрѣ, ты-то не болтай!

— А мнѣ что! Мое дѣло таковское: какъ прикажете, такъ и говорить стану — соврать-то всякъ гораздъ. И мало-ль что можно придумать? на дорогѣ, молъ, охотничекъ-купецъ на лошадей подвернулся, ну, и продали съ выгодою... а то разбойники, молъ, напали, самихъ не тронули, только лошадей угнали... Да такъ оно и было дѣло.

— Вѣдь, какъ все глупо! сердито возразилъ Іоасафъ Николаевичъ: — развѣ я прикажу тебѣ лгать? Ты у меня не ври! не смѣй придумывать этого хамскаго вранья! Слышишь? строго приказываю... Просто-на-просто — не болтай! уклоняйся отъ отвѣтовъ на всякіе вопросы, какъ будто ты и не былъ... Эдакъ-то и лучше, а тамъ, что будетъ, то будетъ...

Вертѣлось-было на умѣ Леонтьича замѣчаніе на послѣднюю сердитую рѣчь барина, именно то замѣчаніе: «а что, молъ, какъ чиновники станутъ допытываться, разспрашивать, тутъ-то какъ быть?..» но объ этомъ онъ уже не посмѣлъ высказаться.

Затѣмъ, опять тронулись въ путь.

Несмотря на душевное и тѣлесное утомленіе отъ впечатлѣнія, произведеннаго наглой выходкой Шохина, отъ путешествія по

мелколѣсью, шли, однако, скоро и добрались до Михѣева еще передъ восходомъ солнца, когда на деревнѣ только-что начали просыпаться. Но въ господской усадьбѣ двое ночныхъ сторожей таки видѣли, какъ баринъ и кучеръ не пріѣхали, а пѣшкомъ припожаловали домой.

Конечно, въ Михѣевѣ чрезвычайно удивились и не знали чтó подумать насчетъ такого внезапнаго и страннаго возвращенія. За разъясненіемъ дѣла всѣ обратились къ Леонтьичу-младшему; приставаньямъ съ разпросами не было конца. Но Леонтьичъ былъ не податливъ на удовлетворенія общаго любопытства: даже старшему своему брату ничего не высказалъ, хотя, при всякомъ разспрашиваніи, значительно покачивалъ головою, разводилъ руками и, нахмуря брови, посматривалъ на барскія хоромы—изъ чего само собою выходило: «знаю-то, молъ, я многое, да боюсь разсказывать, а дѣло, молъ, больно-плохо»!...

Впрочемъ, дня три-четыре, только темные слухи распространялись по сосѣдству, что въ Михѣевѣ опять что-то не ладно: «подъвечеръ, баринъ поѣхалъ въ городъ на тройкѣ, и скорехонько домой вернулся пѣшкомъ»... Но, вотъ, еще случилась оказія—и на бѣду въ отсутствіе Іоасафа Николаевича, который только-что уѣхалъ въ Егорьевскъ, взявъ съ собою за лакея полубольнаго Макарушку, а за кучера деревенскаго мужика, чѣмъ Леонтьичъ-младшій былъ очень разобиженъ.

Сосѣдніе, кажется малиновскіе крестьяне, гдѣ то въ лѣсной опушкѣ, около столбовой дороги, нашли брошенную и поломанную тележку и почему-то опознали, что она принадлежитъ михѣевскому барину; изъ-за того одинъ изъ нашедшихъ тележку явился въ Михѣево для оповѣщенія о находкѣ.

Оповѣститель, пришедшій сначала къ знакомому своему михѣевцу, разсказалъ тоже не маловажную новость: что недавно въ ихнихъ мѣстахъ опять проявился Шохинъ, и что кто то разъ подсмотрѣлъ, какъ онъ Шохинъ по малой лѣсной стежкѣ пробирался верхомъ на лошади словно съ михѣевской барской конюшни. Разсказавъ это оповѣститель спрашивалъ: «не случилось ли грѣшнымъ дѣломъ бѣды у васъ на Михѣевѣ, не свели ли барскихъ лошадей конокрады»?

Такимъ образомъ возвращеніе Іосафа Николаевича и Леонтьича-младшаго пѣшкомъ, вскорѣ послѣ отъѣзда ихъ на тройкѣ, теперь очень поразъяснялось для михѣевцевъ, и хотя они люди смѣтливые, не пустились въ большіе разговоры съ оповѣстителемъ, чужимъ человѣкомъ, и скорехонько выпроводили его отъ себя съ наказомъ, чтобы пришелъ, когда баринъ воротится изъ Егорьевска, однако, оставшись одни, порѣшили, что надо безпремѣнно добиться отъ кучера Леонтьича всякихъ подробностей насчетъ того, какъ тройка баринова пропала. На этотъ разъ, при новыхъ усиленныхъ разспросахъ, въ виду и новостей, принесенныхъ чужимъ человѣкомъ

Леонтьичъ не вытерпѣлъ, и то тому, то другому поразсказалъ уже про все, конечно, обязывая слушателей клятвою, чтобы не выдавали никому о такихъ не хорошихъ дѣлахъ, «въ которыхъ и самъ баринъ-то не безъ причины».

А тутъ и новая оказія.

Черезъ мѣсяцъ похищенія михѣевскихъ лошадей, въ одно осеннее утро, у воротъ михѣевской усадьбы, оказалась пара совершенныхъ клячъ, но то были несомнѣнно похищенныя Шохинымъ лошади, какъ видно, много потерпѣвшія отъ безкормицы и худаго содержанія. Кѣмъ они были приведены въ Михѣево—слѣдовъ не осталось; никто ничего не видалъ и не слыхалъ, и не мудрено: ночь, въ которую клячъ привели, была темна и бурна. Кстати надо сказать: пригнанные лошади были пристяжныя, а лучшая въ тройкѣ, коренникъ, осталась у похитителя.

На ту пору, Іоасафъ Николаевичъ тоже отсутствовалъ изъ дому и уже нѣсколько дней находился въ Егорьевскѣ, гдѣ ему, бѣдному, было труднёхонько, такъ какъ чиновники тамошніе уже заводили съ нимъ рѣчь о послѣднихъ происшествіяхъ. А это отсутствіе, разумѣется, облегчило распространеніе по всему околотку извѣстія о приводѣ кѣмъ-то въ Михѣево двухъ лошадей изъ похищенной тройки. Извѣстіе было чрезвычайно интересно для всѣхъ сосѣдей-помѣщиковъ, впрочемъ, уже давно привыкшихъ смотрѣть на Михѣево, какъ на гнѣздо какихъ-то загадочныхъ происшествій.

И странно: какъ-то ускользнуло отъ общаго вниманія, а можетъ быть, и не хотѣли принять во вниманіе, что приведенныя лошади были совсѣмъ-таки замученныя клячи; изъ самаго факта привода ихъ было выведено злостное заключеніе: «не были ли, дескать, михѣевскія лошади добровольно отданы Іоасафомъ П—вымъ для какого либо дальняго разбойничьяго похожденія?» И заключеніе это казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что, по справкамъ подъ рукою, михѣевскій помѣщикъ не заявлялъ еще до сихъ поръ ни объ отнятіи у него лошадей, если именно такъ дѣло было, ни о простой пропажѣ ихъ.

«Михѣевская исторія» еще разъ позапуталась, осложнилась самымъ неблагопріятнымъ образомъ для моего дяди. Но все-таки, могло и то статься, что она и не окончилась бы для него гибельно, если бы не подошло обстоятельство, котораго, впрочемъ, рано или поздно, надо было ожидать.

Подъ исходъ той же осени, Шохинъ, полюбившій кочевать по егорьевскому уѣзду, или кочевавшій поневолѣ, для избѣжанія поимки, наконецъ, былъ пойманъ въ деревнѣ Волковой. Поимка произошла просто: холодно и жутко стало держаться въ лѣсахъ; Шохинъ принужденъ былъ искать себѣ пріюта въ мѣстахъ жилыхъ, но видно, постояннаго, вѣрнаго притона у него не было, и, вотъ, однажды, забрался онъ опять въ волковскій кабакъ, гдѣ

какъ-то удалось ему, прогулять цѣлую ночь, тамъ-то онъ и былъ пойманъ.

Это повернуло «михѣевскую исторію» къ рѣшительному исходу. Въ рукахъ у чиновниковъ очутилась нить, распутывавшая все дѣло.

И какъ усердно принялись они за него!

Но и легко было чиновникамъ усердствовать: ужъ очень говорливъ оказался попавшійся имъ бродяга, ужъ очень помогали при окончаніи слѣдствія посторонніе люди сообщеніемъ разныхъ слуховъ, толковъ, а также тонкихъ соображеній и предположеній.

Не знаю, навѣрное, употребилъ ли Шохинъ извѣстную хорошо и тогда между арестантами уловку для сокрытія своего настоящаго званія и попытался ли назваться Иваномъ-Непомнящимъ; но, должно быть, онъ скрывалъ, что онъ бѣглый солдатъ и про то также: какимъ путемъ пробрался въ егорьевскія мѣста; по крайней мѣрѣ, я слышалъ, что только впослѣдствіи открылось — откуда онъ родомъ. Кажется, никого не оговорилъ онъ ни въ сообщничествѣ съ нимъ, ни въ пристанодержательствѣ, и насчетъ этого чиновники не добились у него признаній. За то, о бродяжничествѣ своемъ, о добываніи себѣ при этомъ средствъ на прокормъ, на одёжу, на потѣшенье съ горя, онъ былъ разговорчивъ; дѣлъ за нимъ было не мало: «какъ же, молъ, быть-то, не помирать же съ голоду и съ холоду, приходилось, молъ, протягивать и просовывать руки туда и сюда, такъ и эдакъ, чего-чего не случалось, только убивать—не убивалъ, поджоговъ не дѣлалъ, разбоемъ ни накого не напускался»...

Разсказы Шохина были глумливаго, забавнаго свойства, съ шуточками и прибауточками; при допросахъ его, чиновники не скучали, даже тѣшились, хотя, не разъ, показанія его о томъ: будто бы тамъ-то обокралъ онъ, со взломомъ даже, клѣть богатаго мужика, или тамъ-то видѣлъ онъ притонъ шайки разбойниковъ въ лѣсу, оказывались совершенно ложными. Вообще, чиновникамъ егорьевскимъ пришлось частенько забавляться передопросами Шохина и, вотъ, какъ-то случилось, что, при одномъ изъ такихъ допросовъ, онъ поразговорился о моемъ бѣдномъ дядѣ.

Пожалуй, онъ и не лгалъ, разсказывая про то, что̀ въ самомъ дѣлѣ было: то есть, что михѣевскій баринъ, нѣсколько разъ видалъ его у веселой, молодой бабёнки-солдатки, къ которой онъ-то, бродяга, захаживалъ «такъ лишь, по малому знакомству, водицы испить да и перемолвиться словечкомъ по забавнѣй»; что онъ бродяга, опять-таки, неоднажды, видѣлся съ михѣевскимъ бариномъ, у старухи-ворожейки, куда онъ-то заходилъ «такъ себѣ, погадать да узнать про свою судьбу-долю», и гдѣ баринъ проживалъ, на ту пору, возлѣ своей полюбовницы хворой, той бабёнки-солдатки; что и послѣ того, въ недавнее время, онъ, бродяга, видѣлся съ михѣевскимъ бариномъ, у него въ имѣніи, и баринъ, по милости своей, давалъ-таки ему деньжонокъ; что, наконецъ, «грѣха, молъ, таить

нечего—когда, разъ, михѣевскій баринъ подвозилъ его, бродягу, а онъ, побранившись дорогою съ кучеромъ Малѣемъ и сочтя, что баринъ кучеру потакаетъ, разсердился и, какъ они сошли съ тѣлежки посмотрѣть что-то на мосту, угналъ ихъ тройку, изъ которой двухъ лошадей возвратилъ, а третья такъ и пропала въ лѣсу.»

Но во всей этой «правдѣ истинной» было много чего-то злобнаго, безпощадно жестокаго. Шохинъ уже не шутилъ, не забавлялся, показывая на моего дядю: выходило, что, какъ будто, еще напередъ задумалъ онъ припутать къ дѣлу и погубить михѣевскаго барина своими показаніями, недаромъ онъ такъ настойчиво утверждалъ, что баринъ этотъ хорошо зналъ и вѣдалъ «съ какой птицей онъ знается и чѣмъ такимъ та птица промышляетъ».

И вотъ что еще странно: все время Шохинъ всячески выгораживалъ Михаила Николаевича Г—ва, постоянно и твердо отговариваясь, что онъ съ Г—вымъ никакихъ сношеній не имѣлъ, что отъ Г — ва онъ прятался, сильно побаиваясь его. Конечно, такъ оно и было, но на этотъ же счетъ носились и иные темные слухи...—Впрочемъ, кажется въ слѣдственномъ дѣлѣ и имя побочнаго брата михѣевскаго помѣщика не упоминается.

Интеллигенція егорьевскаго уѣзда (я уже говорилъ изъ кого она тогда состояла) напряженно слѣдила за ходомъ слѣдствія по «михѣевской исторіи», ходомъ быстрымъ и оживленнымъ со времени поимки Шохина. Слѣдя же такъ, интеллигенція по прежнему и вмѣшивалась въ дѣло, внося въ него дрязги всяческихъ сплетень. И такъ легко было ей это, потому что старшіе чиновники въ Егорьевскѣ были все свои люди... Но объ этомъ я не хочу продолжать, было бы тяжело входить тутъ въ какія либо подробности.

Слѣдствіе по «михѣевской исторіи» протянулось все-таки нѣсколько мѣсяцевъ, и, конечно, даже изъ-за того много лишнихъ мученій вынесъ Іоасафъ Николаевичъ. Въ теченіи болѣе полугода, онъ мучился безъ отдыха.

За допросы ему, вслѣдствіе показаній Шохина, почему-то, принялись нескоро; но онъ тотчасъ же узналъ, что бродяга очень старается запутать его въ дѣло. Разумѣется, сообщали объ этомъ чиновники изъ второстепенныхъ, то есть, секретари, столоначальники, письмоводители. Весь этотъ приказный людъ, разумѣется, тоже не даромъ, по своему «доброжелательствовалъ» дядѣ: предупреждалъ, совѣтовалъ, настаивалъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшно путалъ его собственныя мысли и соображенія. Въ концѣ-концовъ, Іоасафъ Николаевичъ очутился въ какомъ-то чаду и явился къ отвѣту безъ малѣйшаго понятія насчетъ того, какъ надо ему отвѣчать, чѣмъ оправдываться. Онъ былъ въ недоумѣніи до того, что вначалѣ даже не отвѣчалъ на вопросные пункты, отзываясь болѣзнью.

И то было ему очень не на пользу. Насчетъ исхода дѣла спозаранку уже не сомнѣвались.

Но еслибъ и были ожиданія инаго исхода для михѣевской исторіи, они должны были бы скоро разсѣяться въ виду поведенія Іоасафа Николаевича на слѣдствіи. Онъ только при первомъ допросѣ уклонился отъ разъясненій или опроверженій по показаніямъ Шохина, а затѣмъ добровольно выдалъ самого себя обѣими руками, выдалъ несмотря на то, что доброжелательствовавшіе чиновники усердно подсказывали ему довольно ловкіе извороты.

И сталось это такъ просто.

Михѣевцы, дворовые и крестьяне, были притянуты къ слѣдствію не для уличенія ихъ помѣщика, какъ говорили чиновники, твердо помнившіе, что по тогдашнему уголовному процессу не допускаются извѣты крѣпостныхъ на своего владѣльца, а собственно для повѣрки оговоровъ бродяги. Для допросовъ таскали въ Егорьевскъ чуть ли не всѣхъ поголовно и, разумѣется, Макарушку и Петра Леонтьева-младшаго. Не легки были допросы для михѣевцевъ и они путались немало. Особенно Макарушка, даже вопреки приказаній барина, чтобы говорилъ одну правду, сбивался въ показаніяхъ на каждомъ шагу и много потѣшился надъ нимъ Шохинъ при очныхъ ставкахъ. За то Леонтьичъ-малый не сбивался, говорилъ твердо, «такъ и рѣзалъ барина»; по мнѣнію чиновниковъ, онъ явился, послѣ Шохина, главнымъ «доказателемъ» противъ Іоасафа Николаевича.

Надо сказать, что Іоасафъ Николаевичъ, со времени оговора его Шохинымъ, находился уже на порукахъ и жилъ безвыѣздно въ Егорьевскѣ; поэтому, тотчасъ же доходило до него, со всѣми подробностями, что̀ показывали Михѣевцы, и все это, какъ вскорѣ оказалось, произвело на него совсѣмъ иное дѣйствіе, чѣмъ ожидали, вѣроятно, доброжелатели-чиновники.

Іоасафъ Николаевичъ «самъ признался во всемъ». Такъ разсказывали мнѣ, не объясняя, однако, въ чемъ именно онъ признался. Одно несомнѣнно — изъ признаній его ясно выходило, что ему было извѣстно кто такой Шохинъ, съ которымъ онъ точно имѣлъ сношенія. Кажется тоже, что и онъ, въ свою очередь, явился противъ Шохина обличителемъ, по крайней мѣрѣ, послѣ его показаній, окончательно обнаружилось, что бродяга, пойманный въ волковскомъ кабакѣ, именно Шохинъ, что онъ бѣглый солдатъ и родной братъ солдатки Марины Прокофьевой, проживавшій одно время въ своей хаткѣ, на самой границѣ уѣздовъ Коломенскаго и Егорьевскаго. Не знаю, впрочемъ, говорилъ ли что нибудь несчастный дядя объ отношеніяхъ своихъ къ Маринѣ, выдалъ ли какъ возникла смута въ душѣ его изъ-за любви къ этой женщинѣ, и, конечно, о томъ не узналъ бы я, прочитавъ слѣдственное дѣло.

Не узналъ бы я изъ этого дѣла, какъ не знаю и изъ устныхъ

разсказовъ, что побудило вдругъ дядю къ полному сразу сознанію въ неоднократныхъ сношеніяхъ съ бѣглымъ солдатомъ, воромъ и грабителемъ: честь ли и твердое желаніе отнюдь не нарушить правды, или же какое-то непреодолимое стремленіе къ гибели. Могло быть и послѣднее: недаромъ, какъ говорили мнѣ, находясь на порукахъ, онъ предавался иногда бѣшеному и чрезвычайно мрачному разгулу, которымъ отпугивалъ отъ себя всѣхъ, даже своихъ доброжелателей, непугливыхъ чиновниковъ; недаромъ тоже онъ ничего не говорилъ въ свою защиту, ничѣмъ не хотѣлъ оправдываться.

По полученіи изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣній, оффиціально подтвердившихъ происхожденіе Шохина и побѣгъ его изъ полка, помѣщикъ Іоасафъ, Николаевъ сынъ, П—въ былъ взятъ съ порукъ и посаженъ въ егорьевскій острогъ.

О, я помню этотъ егорьевскій острогъ, помню съ какимъ чувствомъ входилъ въ него, при губернаторскихъ ревизіяхъ, и, послѣ, по обязанностямъ службы...

Въ Рязанской губерніи, по числу городовъ въ ней, двѣнадцать остроговъ. Всѣ они такъ устроены, а особенно такъ приспособлены къ содержанію заключенныхъ, что наводятъ ужасъ, впрочемъ, объ этомъ общеизвѣстно, и, все-таки, о двухъ изъ рязанскихъ остроговъ: губернскомъ и егорьевскомъ я скажу здѣсь нѣсколько словъ, потому что въ нихъ обоихъ побывалъ мой дядя.

И прежде о рязанскомъ, губернскомъ. Это не по порядку, но, такъ сказать, по чину. Тутъ не острогъ, а «тюремный за̀мокъ». И въ самомъ дѣлѣ за̀мокъ: большое, каменное зданіе, на нѣсколько сотъ человѣкъ, окруженное высокими стѣнами, съ башнями по угламъ, съ тяжелыми, желѣзными воротами; жаль, что недостаетъ рва и подъемнаго моста. Оно построено при генералъ-губернаторѣ Балашовѣ. О постройкѣ его сохранилось любопытное преданіе.

Разсказываютъ, что, однажды, когда тюремный замокъ уже былъ готовъ вчернѣ, генералъ Балашовъ, переодѣтый мѣщаниномъ, замѣшался въ толпу народа, собравшуюся поглазѣть на затѣйливое зданіе, и завелъ разговоръ о немъ съ «простымъ человѣкомъ».

— Вишь, малый, сказалъ онъ довольно не осторожно: — вишь, какія важныя хоромы построили для вашего брата.

— Ну, любезный отвѣчалъ простой, но, должно быть, догадливый человѣкъ:—для нашего-то брата такія хоромы черезъ-чуръ хороши, намъ нужны гораздо попроще, а вотъ для тебя, и такихъ же, какъ ты, чай они какъ разъ въ пору...

Вся часть рязанскаго тюремнаго замка, въ которой содержались «простые» арестанты, была, однимъ словомъ, очень мрачна, какъ и вездѣ; но двѣ камеры, отведенныя для помѣщенія «дворянъ», видомъ своимъ не внушали непріятнаго впечатлѣнія. Говорю объ этомъ мелькомъ, собственно ради точности. Но вотъ что за-

мѣчательно и до нѣкоторой степени составляетъ какъ бы особенность рязанскаго тюремнаго замка: во-первыхъ, назадъ тому двадцать пять лѣтъ, грозныя его башни пригодились-таки для фабрикаціи фальшивыхъ денегъ (четвертаковъ и другой мелочи), а вовторыхъ, высокія стѣны и тяжелые желѣзные затворы далеко не предотвращали арестантскихъ побѣговъ. О послѣднемъ обстоятельствѣ замѣчено здѣсь недаромъ.

Острогъ въ Егорьевскѣ былъ (теперь, можетъ быть, тамъ уже новый построенъ) совсѣмъ инаго вида, или, лучше сказать, инаго типа. Онъ напоминалъ собою вполнѣ тюрьмы временъ очень давнишнихъ, пожалуй еще до-петровскихъ: его окружалъ высокій частоколъ, связанный вверху и внизу желѣзными скобами; арестанты помѣщались въ двухъ-трехъ избахъ, съ низкими, обвисшими потолками, избахъ тѣсныхъ, душныхъ, закоптѣлыхъ, грязныхъ и темныхъ чрезвычайно, и, сколько помню, тутъ не было особаго помѣщенія для лицъ привилегированныхъ сословій. И опять-таки кстати скажу: егорьевскій острогъ гораздо болѣе, чѣмъ рязанскій тюремный замокъ, былъ недоступенъ для побѣговъ арестантовъ; помѣхою служилъ именно этотъ частоколъ, высокій, крѣпкій, съ заостренными вверху концами бревенъ.

XLIV.

Посаженіе Іоасафа Николаевича въ острогъ произвело громадное впечатлѣніе на егорьевское дворянство. Всѣ были изумлены, поражены, даже напуганы какъ чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ. И въ этомъ со стороны егорьевской интиллигенціи не было ничего непослѣдовательнаго: въ случаяхъ чрезвычайныхъ, интеллигентные люди, какъ и самые простые, находятся подъ вліяніемъ единственно чувствъ или страстей, въ ту или другую сторону направленныхъ общимъ жизненнымъ развитіемъ. Впрочемъ, надо отдать справедливость помѣщикамъ-сосѣдямъ Іоасафа Николаевича, они пожалѣли-таки его, и до такой степени, что считали и себя нѣсколько задѣтыми тѣмъ, что ихъ братъ-дворянинъ, конечно, очень провинившійся своимъ безразсуднымъ поведеніемъ, посаженъ въ этотъ мерзостный егорьевскій острогъ, по всему устройству своему только и достойный для помѣщенія въ своихъ черныхъ стѣнахъ простыхъ мужиковъ да мѣщанъ-раскольниковъ г. Егорьевска.

Но искренно, отъ всего сердца, во всю силу простаго, добраго разумѣнія, жалѣли объ Іоасафѣ Николаевичѣ его крѣпостные Михѣевцы, и крестьяне, и дворовые; даже тупой смысломъ и злопамятный Петръ Леонтьевъ-младшій очень жалѣлъ и долго совѣстился «въ глаза глянуть своему человѣку», когда затѣвался ка-

кой нибудь разговоръ о баринѣ. А вѣрный Макарушка просто «съ ума сходилъ» отъ того, что̀ подѣялось съ Іоасафомъ Николаевичемъ. Горесть, отчаяніе его были въ высшей степени сильны, и тѣмъ болѣе, что къ нимъ примѣшивалось озлобленіе нетолько противъ Леонтьича-младшаго, но и противъ цѣлой дворни. На Леонтьича же онъ былъ такъ золъ, что ругалъ его за барина, чуть не при всякой встрѣчѣ, и даже нѣсколько разъ подрался съ нимъ, причемъ оба немало пострадали.

И замѣчательно, во всемъ Михѣевѣ, кромѣ одного развѣ прикащика, впрочемъ, смирнаго и неспособнаго унимать «своевольства», никто не осуждалъ Макарушку за эту злобу его на пожилаго, семейнаго кучера Леонтьича. Чувство этихъ простыхъ людей и допускало и оправдывало яростное ожесточеніе молодаго малаго противъ человѣка, безтолково вредившаго барину.

Время шло, и вражда между Макарушкой и младшимъ Леонтьичемъ усиливалась, такъ что Михѣевцы начинали уже тревожиться изъ-за того. Но вдругъ все пришло въ порядокъ.

Это было за два дня до праздника Казанской Божіей Матери (8-го іюля), чтимаго въ нашей сторонѣ, особенно же въ селѣ Дѣдновѣ, гдѣ и собирается тогда довольно большая ярмарка. Въ Михѣево пріѣхалъ изъ Коломны ямщикъ Егорка, верхомъ и съ запасной лошадью въ поводу; онъ объявилъ прикащику, съ которымъ на тотъ разъ толковалъ о чемъ-то братъ его, кучеръ, что Михайло Николаичъ Г—въ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Коломну, требуетъ къ себѣ немедленно двороваго человѣка Макарку.

Прикащикъ усумнился; братъ же его тотчасъ крикнулъ:

— А не пускай! Что̀ тамъ за нужда такая!

— И точно, сказалъ прикащикъ: — ну, на что бы это понадобилось? Мало-ль что онъ приказываетъ и требуетъ? Не больно-то онъ властенъ здѣсь. Да у насъ, на Михѣевѣ, теперича и не разберешь кого слушаться... И въ томъ у меня сумлѣніе есть: Макарку, пожалуй, и въ ино мѣсто потребуютъ, вишь, тутъ бѣда какая... По крайности, хоша бы извѣстно было по что понадобился малый въ Коломну?

— Я ничего не знаю, отвѣчалъ сначала ямщикъ, а потомъ добавилъ:—можетъ Михайло Николаичъ задумалъ на Казанскую побывать въ Дѣдновѣ, для того и зоветъ.

— До Казанской недалеко. Тогда Макарку и я могу взять съ собою въ Дѣдново; изъ Михѣева, почитай, всѣ туда поѣдутъ; ну, и тотъ господинъ пущай пріѣзжаетъ, разсудилъ прикащикъ и наотрѣзъ объявилъ, что Макарку онъ не пуститъ въ Коломну.

На эти переговоры, одинъ по одному, собрались дворовые и кое-кто изъ деревенскихъ мужиковъ, въ числѣ первыхъ — Макарушка, а въ числѣ послѣднихъ—и староста.

Макарушка, какъ услыхалъ, что староста его не пускаетъ, сильно заспорилъ, со своей стороны Леонтьичъ-младшій во весь голосъ сталъ поддерживать братнино распоряженіе, завязалась брань и чуть не дошло дѣло опять до драки; но староста съумѣлъ-таки прекратить сумятицу: по настойчивому совѣту его, прикащикъ отпустилъ, наконецъ, Макарушку, но со строгимъ наказомъ, чтобы непремѣнно воротился домой завтра же, и какъ можно раньше.

— Ладно! промолвилъ малый, быстро вскочивъ на приведенную ямщикомъ запасную лошадь и первымъ съѣхалъ со двора, сразу пустившись вскачь.

Дорогою же, и ямщикъ, и Макарушка, очень не спѣшили, отъ Маливскаго-Бора ѣхали рѣшительно шагомъ: первый, должно было, по приказанію отъ того, кѣмъ былъ посланъ, а послѣдній все добивался на разные лады узнать о Михайлѣ Николаевичѣ: «и что̀ и какъ онъ? Но Егорка,—приказано ли было такъ ему, отвѣчалъ недомолвками, изъ которыхъ только одно можно было вывести: «вотъ, пріѣдемъ, самъ увидишь и услышишь...»

Въ Коломну пріѣхали, когда уже совсѣмъ смерклось, и у воротъ семкинскаго двора встрѣтилъ самъ Михайло Николаевичъ.

Сразу бросилась въ глаза Макарушкѣ большая перемѣна въ этомъ бойкомъ, рьяномъ, во всемъ «видномъ» человѣкѣ.

Во-первыхъ, онъ былъ одѣтъ ужъ слишкомъ запросто, не по-городски, не по веселой порѣ уборки луговъ, въ нанковой синяго цвѣта поддевкѣ, замазанной, истасканной, больно-короткой и какъ-бы съ чужаго плеча; на головѣ—старая шляпа грешневикомъ, надвинутая такъ низко, что изъ-подъ ней лба нисколько не было видно; на ногахъ, огромные мужичьи сапоги съ голенищами въ сборахъ; самый этотъ костюмъ показывалъ, что господинъ Г—въ словно и одёжой своей хочетъ отвести отъ чего-то глаза людямъ, такъ сообразилъ, по крайней мѣрѣ, Макарушка. А притомъ, выраженіе лица Г—ва, всѣ его движенія, рѣчь его тоже поразила малаго. По всему, и на первыхъ же порахъ, стало ему замѣтно, что Г—въ самъ не свой: лицо, прежде полное и румяное, теперь было чрезвычайно блѣдно и искажено; руками онъ безпрестанно разводилъ и размахивалъ и онѣ даже дрожали, какъ у дряхлаго старика; а прежняя твердая, повелительная рѣчь ни чуть уже не слышалась; онъ былъ гораздо словоохотливѣе прежняго, но рѣчи-то его текли такъ неровно и не хорошо, то путанной скороговоркой, то медленнымъ и невнятнымъ шопотомъ, то и совсѣмъ неразборчивымъ бормотаньемъ. Впрочемъ, замѣтно было очень и то, что онъ крѣпко, крѣпко подвыпилъ, только врядъ ли подъ веселую руку.

Приказавъ ямщику Егоркѣ убрать обѣихъ лошадей, Михайло Николаевичъ отвелъ Макарушку одаль отъ семкинскаго двора и хотя улица, на ту пору, была уже совершенно пустынна, сталъ разспрашивать съ особенными предосторожностями.

— Ну, какъ же, какъ тамъ?.. шепталъ онъ на ухо дворовому михѣевцу: Есафъ-то?.. а?.. Но ты потише, потише, по моему...

Исполняя, хоть не во всей точности, это приказаніе, Макарушка тоже шопотомъ, только не на ухо, началъ отвѣчать отрывистыми выраженіями, что, дескать, бѣда страшная стряслась надъ бариномъ, въ острогъ посадили, и все это отъ проклятаго разбойника Шохина, который, Богъ вѣсть, за что́, про что́, оговорилъ, запуталъ барина, и выдалъ тутъ еще «свой человѣкъ», кучеръ барынинъ Петруха, съ дуру нагородилъ много во вредъ... На томъ и надо бы кончить отвѣтъ, но невольно малый добавилъ: «надо быть, да и вѣрно что такъ, злые люди, распроклятые пуще самого разбойника Шохина, захотѣли погубить барина, а онъ то, какъ есть, ни въ чемъ неповиненъ и терпитъ такую бѣду за доброту свою, за свое смиренство»...

Сначала, при разсказѣ о бѣдѣ съ Іоасафомъ Николаевичемъ, Макарушка чуть было не расплакался на взрыдъ, а какъ только упомянулъ о Шохинѣ, о «своемъ человѣкѣ» Леонтьичѣ-младшемъ и особенно о захотѣвшихъ сгубить барина злыхъ людяхъ, въ числѣ которыхъ смутно ставилъ онъ и самого «петербургскаго оборотня», злость великая закипѣла у него на сердцѣ, и послѣднія слова его вырвались съ сильнѣйшимъ раздраженіемъ, въ громкихъ на всю улицу возгласахъ.

Но Г—въ не остановилъ его, не приказалъ опять говорить потише. Онъ вдругъ какъ будто оторопѣлъ, вдругъ взметался съ необычной для него тревогою, и всѣ движенія его, эта безцѣльная ходьба, или лучше сказать, бѣготня взадъ и впередъ, это размахиванье и всплескиванье рукъ, были такъ странны и нелѣпы; а его безпрерывную, теперь уже шумную болтовню почти нельзя было разобрать.

И долго онъ мыкался такимъ образомъ по улицѣ, и много говирилъ, все съ увеличивавшимся бормотаньемъ.

Впрочемъ, Макарушка кое-что и понялъ изъ этаго бормотанья. Очень неясно, а все-таки выходило, что Г—въ на кого-то жалуется, кого-то проклинаетъ, кому-то грозитъ. Но не замѣтилъ вѣрный слуга Іоасафа Николаевича, чтобы этотъ, страшно взволнованный человѣкъ, у котораго тогда должно было быть и на языкѣ то же, что на умѣ, пожалѣлъ бы его барина, а своего роднаго брата, погоревалъ бы объ его горемычной долѣ. И опять такое зло взяло Макарушку, что не разъ правая рука его судорожно сжималась, и будь въ ней на ту пору ножъ, не сдобровать бы Михайлѣ Николаевичѣ Г—ву...

Но Г—въ, наконецъ, таки умыкался, ослабѣлъ внезапно до такой степени, что Макарушка долженъ былъ отвести его въ домъ Семкина. И опять поразила здѣсь малого странность. Горница Михайлы Николаевича была уже не въ прежнемъ ея видѣ: столы,

обитые кожею стулья, а также и ковры куда-то подѣвались, вмѣсто постели, «по господски» убранной, составлены были двѣ, ничѣмъ непокрытыя, скамьи и на нихъ, въ изголовьѣ, лежала только одна подушка въ старенькой, ситцевой наволочкѣ. «Что-жъ это такъ-то? подивился и подумалъ Макарушка: аль этотъ темный плутъ Семкинъ совсѣмъ пересталъ уважать нашего петербургскаго оборотня и ни во что его теперича ставить?»

И похоже было на это.

Когда Г—въ, допивъ сразу бутылку съ какимъ-то виномъ, повалился, въ одёжѣ и обуви, на свою новую постель, Макарушка пошелъ съ хозяиномъ ужинать и тутъ услышалъ отъ него неладныя рѣчи о Михайлѣ Николаевичѣ.

— И ужъ понадоѣлъ онъ въ этотъ-то пріѣздъ! сердито говорилъ хозяинъ: вотъ, четвертыя сутки идутъ, какъ сюда припожаловалъ, и сразу таки началъ пить, да пить, пьетъ словно оглашенный! А допрежь, такъ-то не бывало, хоша и оченно любилъ кутнуть, позабавиться... И чего-чего съ пьяну не придумываетъ! Вонъ, горницу свою всю пустехоньку сдѣлалъ, иные стулья такъ выкинулъ, а иные инда переломалъ... на голыхъ скамьяхъ тоже захотѣлъ спать, словно спасается, грѣшнымъ тѣлесамъ спокоя не даетъ. Да и не спитъ же путемъ, уснетъ часокъ—и зачнетъ куролѣсить!

— Съ чего бы такъ-то, осторожно спросилъ малый.

— А ни вѣсть съ чего. Думалось было сначала: не съ того ли, что дѣлишки въ Питерѣ по прежнему дурно пошли? да нѣтъ, кажись: деньгами соритъ по прежнему... А и то: и допрежь, колобродилъ, хоша на ину стать. Что-жъ! дворянскаго помету, и видать было завсегда, что гнетъ больше все въ ту сторону. Эхъ! нешто онъ заправскій купецъ!

Въ эту ночь Г—въ, однако, не колобродилъ, по крайней мѣрѣ, въ горницѣ его было тихо, какъ въ кельѣ стараго монаха. А ранымъ рано, онъ разбудилъ Макарушку, сказалъ ему, что сейчасъ уѣзжаетъ «по михѣевскому» дѣлу и скоро воротится и приказалъ непремѣнно его дожидаться.

На памяти у Макарушки было и другое приказаніе, данное ему въ Михѣевѣ, но онъ рѣшился дожидаться возвращенія Михайлы Николаевича, хотя и не очень-то вѣрилъ, чтобы изъ теперішней его поѣздки, по прежнему, будто-бы секретной, вышла какая-нибудь польза для Іоасафа Николаевича.

XLV.

Михайло Николаевичъ возвратился въ Коломну гораздо раньше, чѣмъ полагалъ хозяинъ Семкинъ, въ тотъ же день, какъ выѣхалъ, даже и засвѣтло. Шибко влетѣлъ ямщикъ Егорка на свой дворъ,

но замѣтно было, что онъ очень не въ духѣ, можетъ, оттого, что дорогою досталось-таки ему отъ блажнаго сѣдока (недаромъ и лошади были такъ взмылены). Да и самъ господинъ Г—въ, отправлявшійся въ поѣздку во всемъ своемъ питерскомъ нарядѣ, молодецъ молодцомъ, смотрѣлъ тоже что-то небойко и невесело.

— Воротились-то, несолоно хлѣбавши, успѣлъ шепнуть сметливый хозяинъ Макарушкѣ, выходя съ нимъ на встрѣчу пріѣхавшему.

Г—въ, прямо съ телѣги, не пошелъ въ домъ, а, поманивъ за собою михѣевца, направился на конецъ города, къ Митяевой слободѣ. Онъ шелъ тихо, опустя голову, не оглядываясь и по сторонамъ не глядя, словно все собирался мыслями. Но какъ только миновали послѣдній мѣщанскій домишко на послѣдней глухой улицѣ, онъ вдругъ остановился и, крѣпко схвативъ Макарушку за плечо, отчего тотъ чуть не закричалъ, сказалъ ему громко и грозно:

— Да, малый, дѣло, какъ есть, пропащее!

— Охъ, и пропащее же дѣло! повторилъ онъ уже жалобно: и пропадать-то приходится такому человѣку... Нешто онъ сладитъ съ горемъ-бѣдою? нешто есть у него сила да воля?.. А вѣдь тутъ надо бы размахнуться во всю силу!.. А?.. Вѣдь, такъ? такъ?.. Ты чтò-жъ ни словечка не молвишь?.. Можетъ, вы тамъ, аль хоша и ты одинъ, ну, какъ-же ты-то смекаешь?

Макарушка не понялъ о чемъ собственно спрашиваетъ его этотъ человѣкъ, отъ котораго ему было теперь и больно и какъ-то жутко, но все-таки отвѣтилъ, высказалъ что лежало у него на сердцѣ.

— А я лишь то знаю, отвѣтилъ онъ: то одно, что Есафъ Николаичъ пропадаетъ отъ злыхъ людей... Да и всѣ у насъ, на Михѣевѣ, также, окромя только собаки Малѣя... И я съ нимъ зато... Что-жь! и Богъ мнѣ проститъ... Такъ-то!

— Постой!..—тревожно перервалъ Г—въ:—Да! вы тамъ все свое, о злыхъ людяхъ... А ихъ-то, пожалуй, и въ счетъ нельзя брать, вѣдь, всякъ трется промежъ всякихъ людей, ну, и промежъ злыхъ тоже. Нѣтъ! не тутъ та бѣда!.. Смекаешь ли ты: чтò такое значитъ потакать самому себѣ?.. Я, вотъ, объ этотъ-то, иной разъ, крѣпко подумывалъ...

Онъ замолчалъ, отнялъ свою тяжелую руку отъ плеча Макарушки, быстро пошелъ по дорогѣ къ Митяевой слободѣ и опять, какъ по командѣ, вдругъ остановился.

— Вотъ, я съѣздилъ, заговорилъ онъ: съѣздилъ къ толсторожему тому сроднику, чтò теперича сталъ большимъ бариномъ, хотѣлъ черезъ него защиту найдти, а онъ на насъ же вздумалъ кричать, что, молъ, всю родню осрамили... Ну, я плюнулъ ему въ глаза, такъ-таки и плюнулъ, не побоялся его лакеевъ... Да нѣтъ! не объ томъ я хотѣлъ... Что-жь теперича дѣлать-то? что дѣлать?..

И въ послѣднихъ словахъ его послышалась страшная тоска.

— А я говорилъ же ему... продолжалъ онъ, заикаясь и опять

начавъ бормотать, какъ было вчера, въ опьяненіи: да! говорилъ... говорилъ: «поѣдемъ со мной, дѣло найду», и есть дѣло... а хоть бы и пропасть... да то-жь дѣло... и я... и я вмѣстѣ... Ну и что-жь теперича?.. Выручать, что-ль, станемъ?.. А?.. Вотъ, объ этомъ-то...

Въ эту самую минуту, слѣва, изъ придорожной канавы, приподнялся, пошатываясь изъ стороны въ сторону, человѣкъ какой-то. Красный, неровный изъ-подъ тучки, отблескъ погорѣвшей зари прямо ударилъ въ него, странно отдѣливъ голову отъ канавы. При скользящемъ этомъ освѣщеніи, Г—въ и Макарушка не разглядѣли, сначала, кто это явился неожиданнымъ свидѣтелемъ ихъ разговора. Но вдругъ, закатывающееся солнце, прорѣзало тучку и освѣтило уже ярко и ясно всю приподнявшуюся фигуру, ея темноцвѣтное, истомленное лицо, ея глаза, устремленные на солнце и широко-раскрытые, пряди сѣдыхъ, странныхъ волосъ, одёжу лохмотную.

Лицо это уже можно было узнать, да и голосъ, который тотчасъ же раздался, былъ знакомъ Г—ву и Макарушкѣ: то была Степовичка, явно теперь нищая, что̀ примѣчалось и по лохмотной одёжѣ и по деревянной чашечкѣ въ лѣвой ея рукѣ.

Можетъ, приподнялась она изъ своей канавы и не потому, что заслышала подлѣ разговоръ; можетъ, она только и ждала заката солнечнаго: оттого, не глядя на тѣхъ двухъ человѣкъ, что смотрѣли на нее теперь съ какимъ-то жуткимъ чувствомъ, протянувъ правую руку къ заходящему солнцу, она, дрожащимъ голосомъ, медленно и на распѣвъ говорила:

— Солнушко! солнушко!
Полети до Бога:
Тамъ твои дѣтки
Въ окно выглядають,—
Медъ колупають...

И раза три повторила она простенькую дѣтскую пѣсенку, покуда солнушко совсѣмъ не закатилось...

Тогда только мелькомъ взглянула она на Г—ва и Макарушку. Но, видно, глаза ея еще подъ впечатлѣніемъ закатнаго свѣта не распознали кто это стоитъ передъ нею, и она жалобно затянула:

— Христа-ради!.. нищенкѣ старенькой дайте-подайте!..

— Варварушка!.. бѣдняга ты моя горькая!.. промолвилъ Г—въ, и направился было къ ней.

— А!.. живъ человѣкъ!.. дикимъ голосомъ вскричала старуха: ну, и узнала и вспомнила... Охъ, да и кровопивецъ же ты!.. напился крови моей голубоньки, напьешься и моей... На же тебѣ за это, пригодится!..

Она выбросила изъ своей чашечки старинный мѣдный пятакъ, ловко выбросила, такъ что онъ упалъ прямо къ ногамъ Г—ва, и вдругъ юркнула въ канаву. Съ минуту, было слышно какъ она пробирается тамъ въ сухой, сорной травѣ, а еще черезъ двѣ-три

минуты, уже въ сторонѣ отъ дороги, во ржаномъ полѣ, послышалось, что Степовичка опять поетъ пѣсню, и словно несовсѣмъ русскую; изъ ней Макарушка могъ разобрать только два слѣдующіе стиха:

... А теперь — я сама,—
И ни кого нема...

На Михаила Николаевича внезапное появленіе Степовички, не многія, но суровыя слова ея, и этотъ подарокъ ему отъ ней, произвели чрезвычайное впечатлѣніе: опустивъ голову, тяжко вздыхая, онъ простоялъ на одномъ мѣстѣ съ добрую четверть часа, какъ ошеломленный. Затѣмъ, поднялъ онъ подаренный пятакъ, перекрестившись, поцаловалъ его и дрожащей рукою опустилъ въ кошелекъ, въ которомъ Макарушка замѣтилъ много золотыхъ денегъ, и назадъ пошелъ къ семкинскому двору, молча, тихо, нетвердой поступью.

А тѣмъ временемъ, сумерки уже понакрыли «нижнія» улицы Коломны, но вечеръ былъ свѣтелъ, и довольно людей сидѣло на завалинкахъ подъ окнами и у воротъ. На этотъ разъ, однако, Михайло Николаевичъ не обращалъ вниманія, что рѣчи его могутъ подслушать чужіе.

— А слышалъ ты?.. сказалъ онъ, вдругъ остановившись посередь улицы: напился, вишь, крови ея голубоньки... Значитъ, Марина... ея ужь навѣрнякъ умерла...

Макарушка не отвѣтилъ: жаль-жаль ему было и несчастную Марину Прокофьевну и даже эту старуху, которой онъ прежде боялся, какъ колдуньи.

— Ну, и какъ же теперича быть? продолжалъ Г—въ: выручать ли того... выручать ли, какъ я было задумалъ?.. Да узнаетъ же онъ... первымъ дѣломъ справится, и тогда ему все равно.

Но малый опять не отвѣтилъ.

Г—въ постоялъ еще минуты двѣ, словно все ждалъ отвѣту, потомъ махнулъ рукою и шибко пошелъ къ семкинскому двору. Войдя же въ домъ, онъ велѣлъ принести вина, и когда подали ему нѣсколько бутылокъ, заперся въ своей горницѣ, уже ничего не приказавъ дворовому Михѣевцу насчетъ того: оставаться ли еще въ Коломнѣ, или же отправляться домой.

Но Макарушка ни въ какомъ случаѣ не остался бы. На завтра, еще до свѣту, онъ выбрался съ семкинскаго двора. У него была своя мысль въ головѣ.

XLVI.

Мысль, недававшая теперь Макарушкѣ покоя ни днемъ, ни ночью, зародилась у него не самостоятельно, но онъ считалъ ее своею и готовъ былъ бы увѣрять въ томъ всенародно. И до такой

степени обуяла она его, что онъ уже не обращалъ вниманія на выговоры прикащика за долгое пребываніе въ Коломнѣ. Онъ не сообщилъ тоже зачѣмъ требовалъ его Михайло Николаевичъ, за что опять-таки ему досталось, и особенно отъ Леонтьича-младшаго, но и тутъ не отвлекся онъ отъ своей мысли и, въ первую же удобную минуту, отправился въ село Макшеево, съ отцу Осипу, за совѣтами насчетъ всего, что онъ надумалъ для барина.

Но отецъ Осипъ, хоть и похвалилъ малаго за усердіе къ господину, а ничего-таки не одобрилъ.

— И какъ могъ ты дерзнуть на сіе? говорилъ, даже волнуясь, священникъ: просто удивленія достойна смѣтливость твоя малая. Знаешь ли, что неразумнымъ предпріятіемъ весьма возможно причинить конечную гибель твоему господину, и безъ того столь злополучному?.. Нѣтъ! единое остается: съ терпѣніемъ переносить испытаніе да надѣяться на милость Господню, ну, и на праведный тоже судъ. Не моги о семъ и думать больше!

Но Макарушка думалъ и думалъ, и, чувствуя, что безъ совѣта умныхъ людей самъ ничего не подѣлаетъ, обратился къ своему старостѣ, а тотъ разсудилъ иначе, чѣмъ отецъ Осипъ. Староста видѣлъ, что дѣло надуманное малымъ больно трудное и страховитое, ну, а всетаки, молъ, можно попытаться, такъ какъ причина на то большая, да и «на милость образца нѣту». Словомъ, староста одобрилъ планъ Макарушки и даже обѣщалъ на исполненіе его своихъ деньжонокъ дать, да вытянуть сколько-нибудь и отъ старшаго Шибаева, которому во всемъ можно довѣриться.

Планъ Макарушки былъ очень простъ по замыслу. Мелькомъ сказанныя Г—вымъ слова: «выручать, что-ль, теперича станемъ?» сильно врѣзались въ сердце малаго и на нихъ-то онъ замыслилъ: сначала выручить Іоасафа Николаевича изъ тюрьмы, доставивъ ему средства къ побѣгу, а потомъ свезти его въ Питеръ, гдѣ онъ, чрезъ своего крестнаго Апухтина, долженъ будетъ просить, чтобы послали «большаго генерала» навести по его дѣлу справедливое слѣдствіе. Все это казалось малому возможнымъ, а главное совершенно необходимымъ, дабы не мучился больше баринъ въ тюрьмѣ, дабы не померъ тамъ съ нужи и горя!.

Съ помощью старосты, Макарушка безъ труда былъ отпущенъ въ Егорьевскъ спровѣдать барина и узнать: не нужно ли ему чего изъ Михѣева? (объ этомъ, грѣшнымъ дѣломъ, доселѣ какъ-то не надумались). Но въ Егорьевскѣ, какъ въ этотъ разъ, такъ и во всѣ послѣдующіе, вѣрный слуга ничего не могъ сдѣлать, частоколъ острога оказывался непереступаемымъ препятствіемъ, да и караулъ былъ очень исправенъ. Къ тому же, вѣроятно, и Іоасафъ Николаевичъ не былъ готовъ тогда къ мысли о побѣгѣ и, можетъ быть, все еще надѣялся на хорошій исходъ дѣла, каковою надеждой соблазняли его, кажется, и чиновники-доброжелатели. Кстати:

Макарушка, всетаки, былъ допускаемъ къ барину и, должно быть, въ одно изъ такихъ свиданій, баринъ передалъ ему немалую часть изъ денегъ только-что полученныхъ имъ за проданное уже имѣніе.

Въ Егорьевскомъ уѣздномъ судѣ дѣло по «михѣевской исторіи» было рѣшено тяжело и, затѣмъ, по порядкамъ судопроизводства, перешло въ уголовную палату. Съ тѣмъ вмѣстѣ, Іоасафъ Николаевичъ былъ переведенъ въ рязанскій тюремный замокъ.

Тогда, Макарушка, безъ спроса, отлучился изъ Михѣева и уже не возвратился въ него. Онъ ушелъ въ Рязань и тамъ-то устроилъ-таки побѣгъ барина.

Но побѣгъ не удался и будто бы по причинѣ самого Іоасафа Николаевича. Въ рѣшительную минуту, когда двое или трое арестантовъ, товарищей по побѣгу (безъ нихъ нельзя было обойтись) успѣли перелѣзть черезъ стѣну «замка», несчастный дядя мой не захотѣлъ послѣдовать ихъ примѣру и отдался караулу. Тѣмъ неменѣе, покушеніе на побѣгъ, при обсужденіи дѣла въ палатѣ, было поставлено ему на счетъ.

Вскорѣ послѣ того, Макарушка бѣжалъ въ «Адестъ»; а черезъ пять-шесть лѣтъ, пронеслись у насъ слухи, что гдѣ-то въ степяхъ Новороссійскаго Края, во время разъѣздовъ съ какимъ-то товаромъ, онъ былъ убитъ.

Въ палатѣ дѣло рѣшили безпощадно: Іоасафъ, Николаевъ сынъ, П—въ «былъ написанъ въ солдаты, съ лишеніемъ дворянскаго достоинства». Кажется, такому рѣшенію много поспособствовало и прошеніе Надежды Ивановны П—вой.

Въ 1829 году, послѣ кончины моего отца, товарищъ его по военной службѣ, Василій Васильевичъ Рославлевъ, не скрылъ отъ моей матери, что Іоасафъ Николаевичъ умеръ въ кіевскомъ военномъ госпиталѣ отъ злой чахотки.

Такъ окончилась исторія моего дяди. Съ нимъ угасъ старый дворянскій родъ—родъ несчастный, ибо многіе его представители погибли бѣдственно.

С. Славутинскій.

ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ [1].

V.

Новѣйшая украинская литература.

НОВОЕ украинофильство, начавшееся въ Россіи съ прошлаго царствованія, имѣетъ близкія и тѣсныя связи съ прежнимъ украинофильствомъ, отличаясь отъ него лишь бо̀льшею практичностью и примѣнимостью къ дѣйствительной жизни. Прежнее украинофильство поставляло между своими задачами приготовленіе простаго южнорусскаго народа къ освобожденію отъ крѣпостничества путемъ его образованія. Теперь же, съ прошлаго царствованія, освобожденіе простаго русскаго народа отъ крѣпостной зависимости стало предметомъ заботъ самого правительства и встрѣчало лишь препятствія въ значительной части душевладѣльцевъ-помѣщиковъ. Поэтому первою насущною потребностью украинской литературы, вмѣстѣ съ русскою литературою, стало доказывать и защищать человѣческое достоинство и человѣческія права простаго народа. На этомъ пунктѣ интересы русской и украинской литературъ слились между собою до того, что одни и тѣ же писатели (напр. Марко Вовчокъ) одновременно писали свои повѣсти въ народномъ духѣ и по-украински и по-русски. Когда же, въ 60-хъ годахъ нынѣшняго вѣка, освобожденіе простаго народа отъ крѣпостной зависимости стало дѣйствительнымъ фактомъ, тогда явилась свободная нужда въ озна-

---

[1] См. «Историческій Вѣстникъ» томъ IX, стр. 225.

комленіи и сближеніи привилегированныхъ классовъ съ народомъ, для чего требовалось съ одной стороны изучить бытъ народа въ многоразличныхъ его отношеніяхъ, съ другой стороны—возвысить его умственно и нравственно путемъ образованія. Эти двѣ задачи опять-таки были предметомъ общихъ усилій просвѣщенныхъ людей и на югѣ, и на сѣверѣ Россіи; но въ подробностяхъ эти задачи уже нѣсколько разнились у южанъ и сѣверянъ. Изучая простой украинскій народъ, малороссійская интеллигенція, вслѣдъ за прежними украинофилами, усматривала въ этомъ народѣ особое славянское племя, со своими отличительными особенностями и языкомъ, имѣющее право на свою особую, своеобразную жизнь. Указывались особенности малороссійскаго племени—этнографическія, историческія, лингвистическія и проч. Въ силу этихъ особенностей и преимущественно лингвистическихъ, малорусская интеллигенція стала требовать для образованія украинскаго народа и языка народнаго, т. е. украинскаго. Русскій литературный языкъ и русская литература, по представленію новѣйшихъ украинофиловъ, суть искусственныя, не народныя произведенія, непонятныя простому народу, и потому не могутъ быть орудіемъ народнаго образованія. Отсюда вытекали слѣдующіе выводы: русскій литературный языкъ первоначально самъ долженъ оживиться народными элементами для того, чтобы быть орудіемъ народнаго образованія; а пока онъ не достигъ еще этого, то не обязателенъ для обученія малороссовъ, которые имѣютъ свой языкъ, чисто народный. Органомъ этихъ идей былъ журналъ «Основа», издававшійся въ 1861 и 1862 годахъ. Впослѣдствіи времени, впрочемъ, нашли возможнымъ совмѣстить въ дѣлѣ народнаго образованія въ Малороссіи русскій литературный языкъ съ малорусскимъ и рекомендовали или начинать первоначальное обученіе съ малорусскаго языка и заканчивать литературнымъ русскимъ, или употреблять двухтекстные учебники на обоихъ языкахъ. Во всякомъ случаѣ, обученіе на народномъ малорусскомъ нарѣчіи или, по крайней мѣрѣ, съ значительнымъ участіемъ его, составляло особенный предметъ заботливости южнорусскихъ интеллигентныхъ людей въ началѣ прошлаго царствованія. Съ 1857 по 1862 годъ, т. е. въ теченіи шести лѣтъ, явилось не менѣе десяти букварей, граматокъ и учебныхъ пособій на украинскомъ нарѣчіи для народнаго обученія, и въ томъ числѣ Кулиша, Шевченка, Шейковскаго, Гатцука, Деркача, Грещанковскаго, Дараганъ, Ященка, Мороза, А. Конисскаго и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ издано было значительное число популярныхъ малорусскихъ книжекъ для народнаго употребленія и между ними проповѣди на малорусскомъ нарѣчіи Гречулевича, Бабченка и Опатовича, четвероевангеліе и новый завѣтъ и множество народныхъ повѣстей и разсказовъ, перепечатывавшихся изъ «Хаты» Кулиша (1860 годъ), журнала «Основы» и др. Въ послѣдствіи времени эта

популярная малорусская литература стѣснена была въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, но все-таки временами проявляла себя изданіемъ популярныхъ брошюръ, касающихся ближайшихъ житейскихъ интересовъ простаго украинскаго народа. Между 1874—1876 и 1881 — 1882 годами изданъ былъ цѣлый рядъ переводныхъ и оригинальныхъ малорусскихъ брошюръ, сообщающихъ популярныя свѣдѣнія о небѣ и землѣ, земныхъ силахъ, почвѣ, воздухѣ, земледѣліи, звѣряхъ, насѣкомыхъ, болѣзняхъ, мировыхъ судахъ, воинской повинности, дифтеритѣ и проч., каковы напримѣръ, брошюры Горбунова (переводныя), Иванова въ переводахъ Комарова, Менчица, Троцкаго, Степовика, Хвидоровскаго и др.

Стремленіемъ изучить простой народъ, сблизиться съ нимъ и просвѣтить его опредѣлялась и изящная украинская литература первыхъ годовъ прошлаго царствованія. Большая часть беллетристическихъ произведеній, помѣщавшихся въ журналѣ «Основа» за 1861—1862 годы, имѣетъ характеръ эскизовъ съ натуры и пересказовъ «изъ народныхъ устъ», какъ часто и озаглавливались они. Въ такомъ духѣ прежде всего писала Марко-Вовчокъ, лучшая писательница этого времени: первые эскизы свои она предназначала для «Записокъ о Южной Руси» Кулиша и слѣдовательно первоначально работала, какъ чистый этнографъ. За нею слѣдуетъ цѣлый рядъ писателей на украинскомъ нарѣчіи въ томъ же этнографическомъ и эскизномъ направленіи, каковы напримѣръ: Д. Мордовцевъ въ своихъ малорусскихъ повѣстяхъ, А—ра М. Кулишъ, писавшая подъ псевдонинами Анны Барвинокъ и А. Нечуй-Вітеръ, П. Косменко (подъ именемъ Кузьменка), Данило (псевдонимъ), Забоценъ (псевдонимъ), Модестъ Дымскій, Димитрій Александровичъ (Митро Олельковичъ), М. Н. Александровичъ, М. Т. Симоновъ подъ псевдониномъ Номисъ, С. Д. Носъ, Ка—па (псевдонимъ), Ѳ. Вильшанскій, В. Г—гл—ській, Вс. Каховскій, В. Тищенко, М. Чайка, К. Шохинъ подъ псевдонимомъ Кузьма Шаповала, Павло Шулікъ, Л. Ященко, М. Туловъ подъ псевдонимомъ Линейкина и др. [1]. Сюда же нужно отнести и Н. С. Левицкаго (Нечуя) съ его повѣстями и разсказами изъ простонароднаго украинскаго быта.

Въ такомъ направленіи своемъ, попреимуществу простонародномъ украинскомъ, новѣйшая украинская литература, по отзывамъ знатоковъ, имѣетъ полное право на существованіе и дальнѣйшее

[1]) Нѣкоторые псевдонимы раскрыты по указанію «Русскаго Календаря» Суворина на 1881 годъ и кіевскихъ газетъ, особенно прекратившагося въ 1876 году «Телеграфа». Изъ позднѣйшихъ украинскихъ писателей, болѣе или менѣе неудачныхъ, извѣстны: Алексѣй Грабина, Прохоръ Данилевскій, Маруся Доброва (Розова, въ Кіевлянинѣ), Н. Короленко, Ф. Левицкій, М. Лобода, Григ. Лядовъ, Маркъ Онукъ, Готфридъ Оссовскій, Очеретяный, П. Савлучинскій (въ «Телеграфѣ» и «Кіевлянинѣ», съ подписью—скій), Нордега подъ псевдонимомъ Стеценко, Цись и др.

развитіе, удовлетворяя немногосложнымъ потребностямъ духовной жизни простаго народа и знакомя съ нимъ интеллигентные классы общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, заключенная въ узкія рамки простонародности, украинская литература не могла бы выдерживать сравненія съ другими славянскими литературами, получившими уже значительное развитіе. Поэтому понятнымъ становится стремленіе малорусскихъ патріотовъ обогатить свою родную, скудную литературу переводами образцовыхъ произведеній изъ другихъ литературъ и подражаніями имъ. То и другое мы и видимъ въ новѣйшей украинской литературѣ.

Изъ переводчиковъ на украинское нарѣчіе съ другихъ языковъ извѣстны: С. Руданскій (Слово о полку Игоревѣ и Одиссея), В. А. Кендзерскій (Слово о полку Игоревѣ; Кременчугъ, 1875 годъ), Л. Глѣбовъ, Мазюкевичъ и Р. Витавскій со своими переводами басенъ Крылова и др., Мордовцевъ (переводы изъ Гоголя въ «Малорусскомъ литературномъ сборникѣ»; Саратовъ, 1859 года), М. Лобода или Лободовскій («Тарасъ Бульба, зъ Гоголя»; Кіевъ, 1873 года), О. Пчілка («Переклады зъ Гоголя»; Кіевъ, 1881 года), Вл. Александровъ («Малороссьскі Співанки», переводъ Лермонтова на украинское нарѣчіе; Харьковъ, 1880 года), А. Навроцкій (его переводы изъ Мицкевича, Хомякова и Гейне—въ рукописи), Я. Ященко («Пташина Пісня», изъ Андерсена, въ «Основѣ» за 1862 года) и М. П. Старицкій (онъ же и Стариченко), извѣстный своими переводами изъ Крылова, Лермонтова, Гоголя, сербскихъ народныхъ пѣсенъ, Мицкевича, Сырокомли, Шекспира, Байрона, Гейне и сказокъ Андерсена. Кромѣ того, въ послѣднее время г. Кулишъ занимается переводомъ шекспировскихъ пьесъ и намѣренъ издать ихъ въ девяти томахъ. Въ первый томъ войдутъ: «Отелло», «Троилъ и Крессида» и «Комедія ошибокъ». Разумѣется, лучше удались переводы тѣхъ произведеній, которыя ближе и понятнѣе народному сердцу и умственному развитію и потому безъ натяжки могли быть выражены наличнымъ запасомъ малорусскаго словаря. Въ этомъ отношеніи лучшими считаются переводы Глѣбова — басенъ Крылова и Старицкаго—сербскихъ народныхъ пѣсенъ.

Другіе малорусскіе писатели, прозаики и стихотворцы, пытались обогатить украинскую литературу болѣе или менѣе самостоятельными произведеніями на украинскомъ нарѣчіи, но они большею частію не выходили изъ круга подражанія своимъ и чужимъ образцамъ. Особенно много было подражателей Шевченка или продолжателей его дѣла, изъ коихъ, впрочемъ, никто почти не выдвинулся изъ ряда посредственностей. Къ числу малорусскихъ стихотворцевъ новѣйшаго времени, подражавшихъ Шевченкѣ или воспроизводившихъ украинскія народныя пѣсни, относятся: Білокопитой (псевдонимъ), Бойчукъ, Вешнякъ, Ф. Галузенко, И. Горза, С. В. Куликъ, Павлусь (псевдонимъ), Тирса, Таволга-Мокрицкій,

помѣщавшіе свои стихотворенія въ «Основѣ»; также: Гриненко, Клейфъ подъ псевдонимомъ Кохнівченка, Н. Константиновичъ, Е. Ластивка, Ф. Левицкій подъ псевдонимомъ графа Биберштейна, К. Маляревскій, Н. Мельникъ, Ив. Подушка, М. Семенюкъ, Старушенко, Н. Шибутко, М. Юркевичъ и др. Но изъ нихъ заслуживаетъ вниманія развѣ только г. Куликъ, бывшій въ Полтавѣ учителемъ († около 1874 года). Изъ другихъ новѣйшихъ украинскихъ писателей, подражавшихъ лучшимъ образцамъ другихъ литературъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія С. Руданскій, слѣдовавшій иногда русскимъ писателямъ Кольцову и Некрасову, и И. С. Левицкій (Нечуй), въ большихъ своихъ повѣстяхъ слѣдовавшій за Тургеневымъ.

Такимъ образомъ, въ новѣйшей украинской литературѣ можно замѣчать два существенные элемента, или два направленія: одно изъ нихъ идетъ въ глубь народнаго міровоззрѣнія и сознанія и ищетъ въ немъ питательныхъ корней для себя; другое идетъ въ ширь, старается раздвинуть тѣсную сферу народнаго міросозерцанія и обогатить его заимствованіями изъ другихъ литературъ и подражаніями имъ. Но оба эти направленія не регулируются одно другимъ, расходятся въ противоположныя стороны и доходятъ до крайностей: первое не имѣетъ широты дѣйствія, а второе—надлежащей жизненности. Въ этомъ заключаются существенные недостатки современной украинской литературы, несмотря на выдающіяся достоинства нѣкоторыхъ отдѣльныхъ писателей.

Къ болѣе замѣчательнымъ писателямъ новѣйшей украинской литературы мы относимъ: Марка-Вовчка, И. С. Левицкаго (Нечуя), Л. И. Глѣбова, С. Руданскаго и М. П. Старицкаго.

I.

Марко-Вовчокъ.

Марко-Вовчокъ есть псевдонимъ, подъ которымъ скрывается М. А. Маркевичъ, урожденная Вилинская, получившая воспитаніе въ Орловскомъ институтѣ. Первые литературные опыты ея относятся приблизительно къ 1857 году, когда явились извѣстныя «Записки о Южной Руси» Кулиша, и предназначались для дальнѣйшихъ томовъ этого сборника. «Въ числѣ матеріаловъ, доставленныхъ мнѣ изъ разныхъ концовъ Малороссіи для дальнѣйшихъ томовъ «Записокъ о Южной Руси», говоритъ г. Кулишъ, — нѣкто, назвавшій себя Маркомъ Вовчкомъ, прислалъ одну тетрадку. Взглянувъ на нее мелькомъ, я принялъ написанное въ ней за стенографію съ народныхъ разсказовъ, по моимъ образцамъ, и отложилъ

къ мѣсту до другаго времени. Тетрадка лежитъ у меня недѣлю и другую. Наконецъ, я удосужился и принялся ее читать. Читаю и глазамъ своимъ не вѣрю: у меня въ рукахъ чистое, непорочное, полное свѣжести художественное произведеніе! Было прислано сперва только два небольшихъ разсказа. Я пишу къ автору, я освѣдомляюсь, что это за повѣсти, какъ онѣ написаны. Мнѣ отвѣчаютъ, что, живя долго съ народомъ и любя народъ больше всякаго другаго общества, авторъ насмотрѣлся на все, что бываетъ въ нашихъ селахъ, наслушался народныхъ разсказовъ, и плодомъ его воспоминаній явились эти небольшія повѣсти. Авторъ трудился какъ этнографъ, но въ этнографіи оказался поэтомъ». Г. Кулишъ издалъ эти разсказы въ 1857 году, подъ заглавіемъ: «Народні оповідання» Марка-Вовчка [1]). И. С. Тургеневъ перевелъ эти «Оповідання» на русскій языкъ, справедливо предполагая, что это—лучшая рекомендація для начинающаго литератора, и этотъ переводъ изданъ былъ въ 1859 году, Кожанчиковымъ, подъ заглавіемъ: «Украинскіе народные разсказы» Марка-Вовчка. Въ томъ же году изданы были въ Москвѣ «Разсказы изъ народнаго русскаго быта» Марка-Вовчка. Такимъ образомъ, съ первыхъ почти годовъ своей литературной дѣятельности, Марко-Вовчокъ писала и на малорусскомъ нарѣчіи, и на русскомъ языкѣ, и имѣла успѣхъ въ обѣихъ литературахъ. Разсказы Марка-Вовчка печатались постоянно въ нашихъ лучшихъ журналахъ и затѣмъ нѣсколько разъ издавались отдѣльными небольшими книжками, которыя, въ настоящее время, почти всѣ разошлись и сдѣлались библіографическою рѣдкостію. Т. Г. Шевченко назвалъ Марка-Вовчка своей преемницей на литературномъ поприщѣ и своей нареченной дочерью и до самой смерти своей поддерживалъ дружескія, теплыя отношенія къ этой писательницѣ, которая, съ своей стороны, отвѣчала ему взаимностью [2]). Украинскіе патріоты смущались авторствомъ Марка-Вовчка на обоихъ языкахъ, малорусскомъ и русскомъ, и однажды предложили Шевченкѣ такой вопросъ, не слѣдуетъ ли высокоуважаемому имъ писателю, т. е. Марку-Вовчку, ограничиться сочиненіями на одномъ украинскомъ языкѣ. На это Шевченко отвѣчалъ: «да пусть пишетъ хоть по самоѣдски, лишь бы въ его писаніяхъ была правда» [3]). Впослѣдствіи времени Марко-Вовчокъ совершенно оставила украинскую рѣчь, продолжая авторство на русскомъ литературномъ языкѣ и, наконецъ, почти исключительно

---

[1]) Взглядъ на малороссійскую словесность по случаю выхода въ свѣтъ книги «Народні оповідання» Марка-Вовчка, г. Кулиша, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1857 года, т. XII.

[2]) Письма ея къ Шевченкѣ, одно въ «Основѣ» за іюнь 1861 года, другое—въ книгѣ г. Чалаго о Шевченкѣ, 1882 года.

[3]) Значеніе Шевченка для Украйны, въ «Основѣ», за іюнь 1861 года, стр. 6.

обратилась къ переводамъ на русскій языкъ педагогическихъ произведеній съ иностранныхъ языковъ.

Несмотря на важное воспитательное и цивилизующее значеніе переводныхъ трудовъ Марка-Вовчка по педагогикѣ, эти труды не относятся къ области исторіи русской литературы, и потому мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ. Сообразно съ своей задачей—слѣдить развитіе украинской литературы и украинскій элементъ въ русскихъ писателяхъ, мы остановимся преимущественно на разсказахъ и повѣстяхъ Марка-Вовчка изъ народнаго украинскаго быта, не отказываясь, для полноты характеристики нашей писательницы, порой заглядывать и въ ея великорусскіе народные разсказы.

Къ малорусскимъ разсказамъ и повѣстямъ Марка-Вовчка относятся слѣдующіе: Сестра, Казачка, Чумакъ, Одарка, Чари, Сонъ, Горпина (иначе Паньска воля), Выкупъ, Свекровь, Оксана (иначе Знай ляше), Три долі, Не до пари, Два сини, Ледащиця, Відъ себе не втечешъ (иначе Павло Чорнокрылъ), Институтка, Максимъ Гримачъ, Данило Гручъ, Глухой городокъ, Тюлевая баба, Лемеривна, Пройди Світъ, Кармелюкъ, Невільничка, Девять братівъ и десята сестрица Галя и Ведмідь.

Марко-Вовчокъ начала писать свои народные разсказы тогда, когда только-что поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и правахъ простаго, сѣраго народа на самостоятельную, человѣческую жизнь, и одна изъ первыхъ подняла голосъ противъ злоупотребленій помѣщичьей власти и въ защиту человѣческихъ правъ простаго народа. Въ этомъ заступничествѣ за народъ заключалась величайшая заслуга Марка-Вовчка, какъ писательницы, доставившей ей, въ свое время, громадную популярность, независимо отъ внутреннихъ достоинствъ ея произведеній. Разсказы и повѣсти Марка-Вовчка обратили на себя вниманіе лучшихъ малорусскихъ и русскихъ писателей и критиковъ, какъ-то: Кулиша, Н. И. Костомарова, Добролюбова, Скабичевскаго, и друг., которые посвятили малорусскимъ произведеніямъ Марка-Вовчка болѣе или менѣе подробныя и обстоятельныя рецензіи и критическія статьи [1]).

Въ итогѣ всѣхъ этихъ рецензій и критикъ оказывается, что Марко-Вовчокъ своими этюдами изъ народной жизни, хотя и животрепещущими, но не законченными, подавала большія надежды на лучшее и совершеннѣйшее творчество, какія высказывались почти всѣми первыми критиками ея, но не оправдала этихъ надеждъ и остановилась на однихъ лишь этихъ этюдахъ. Но затѣмъ,

---

[1]) См. эти рецензіи и критики: г. Кулиша — въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1857 года, т. XII, ч. 1-я; въ Альманахѣ «Хата», 1860 года, и въ «Основѣ», за апрѣль 1861 года («Отъ редакціи»); Н. И. Костомарова—въ «Современникѣ», 1859 года, № 5; Добролюбова — тамъ же, 1860 года, т. LXXXIII, и Скабичевскаго—въ «Отечественныхъ Запискахъ», за іюль 1868 года.

мнѣнія о внутреннемъ достоинствѣ этихъ этюдовъ, независимо отъ содержанія и тенденціи ихъ, разошлись у критиковъ разныхъ поколѣній въ противоположныя стороны. Тогда какъ первые по времени критики признавали народные разсказы Марка-Вовчка, если не вполнѣ округленными и законченными, то во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе вѣрными дѣйствительности и выражающими народный духъ, позднѣйшій изъ критиковъ, г. Скабичевскій, отнимаетъ у нихъ и это достоинство и находитъ, что народные разсказы Марка-Вовчка мало имѣютъ подъ собою реальной народной почвы, задаются общечеловѣческими интересами и идеалами, и иногда навязываютъ народу то, что въ дѣйствительности не принадлежитъ ему. Для насъ кажется очевиднымъ, что столь противоположныя мнѣнія критики о народныхъ разсказахъ Марка-Вовчка опредѣлялись и вызывались не столько внутренними достоинствами произведеній Марка-Вовчка, сколько впечатлѣніями, полученными отъ этихъ произведеній подъ вліяніемъ стороннихъ обстоятельствъ, именно литературной борьбы противъ крѣпостнаго права и прекращенія этой борьбы съ уничтоженіемъ крѣпостничества. Первоначально народные разсказы Марка-Вовчка нравились преимущественно за ихъ горячее заступничество за человѣческія права простаго народа. Но когда эти права уже были признаны за народомъ, то тѣ же самые разсказы и повѣсти Марка-Вовчка стали казаться для нѣкоторыхъ сентиментальными, романтическими, довольно однообразными и скучными. Поэтому, для того, чтобы объективнѣе судить о народныхъ разсказахъ Марка-Вовчка, нужно прослѣдить самый актъ творчества писательницы и отношеніе ея къ тѣмъ народнымъ матеріаламъ, которыми она пользовалась. Къ счастію, у ней есть нѣсколько такихъ народныхъ разсказовъ и повѣстей, въ которыхъ просвѣчиваетъ строительный матеріалъ ихъ. Онѣ могутъ дать ключъ къ оцѣнкѣ и остальныхъ произведеній Марка-Вовчка.

Къ повѣстямъ и разсказамъ Марка-Вовчка, въ которыхъ болѣе другихъ замѣтенъ этнографическій матеріалъ, относятся: «Чари», «Лемеривна», «Данило Гручъ», «Невольница» и особенно «Иванъ Кармелюкъ» и «О девяти братьяхъ разбойникахъ и о десятой сестрицѣ Галѣ». Изъ нихъ послѣднія двѣ имѣютъ наибольшее отношеніе къ памятникамъ украинской народной словесности и представляютъ изъ себя только болѣе или менѣе художественное воспроизведеніе народныхъ сказаній.

Сказка о девяти братьяхъ разбойникахъ и о десятой сестрицѣ Галѣ одинаково извѣстна и въ сѣверно-русской, и въ украинской народной литературѣ. Нѣсколько варіантовъ ея издано въ «Сборникѣ Рыбникова». Въ свое время она обратила на себя вниманіе А. С. Пушкина и была записана имъ, вѣроятно съ цѣлію подверг-

нуть ее художественной обработкѣ [1]). Эту же сказку, въ малорусской ея редакціи [2]), выбрала Марко-Вовчокъ сюжетомъ своей малорусской повѣсти съ тѣмъ же заглавіемъ, распространивъ ее и подвергнувъ лишь незначительной передѣлкѣ въ частностяхъ. Марко-Вовчокъ разсказываетъ объ одной бѣдной вдовѣ, жившей близъ Кіева на Подолѣ, которая имѣла девять сыновей и одну дочь. Подростая, сыновья отправились на заработки, но вездѣ терпѣли неудачу и наконецъ присягнули дремучему лѣсу, т. е. сдѣлались разбойниками. Долго старушка-мать ожидала возвращенія дѣтей, прислушиваясь къ каждому шороху. Наконецъ, она умерла, не дождавшись сыновей, и дочь Галя осталась одна. Къ окну ея подошелъ однажды незнакомый казакъ. Онъ влюбился въ Галю, женился на ней и попалъ нечаянно къ днѣпровскимъ пещерамъ, гдѣ скрывались Галины братья разбойники. Они напали на молодыхъ, казака убили, а въ женѣ его узнали свою сестру Галю, которая въ отчаяніи сошла съ ума и утопилась въ Днѣпрѣ. Одинъ критикъ хвалитъ первую половину этой повѣсти Марка-Вовчка и говоритъ о ней слѣдующее: «если бы писательница покончила этимъ (смертью матери) свой разсказъ, или придумала для него другой болѣе естественный конецъ, тогда это было бы одно изъ лучшихъ произведеній нашей литературы. Но все дѣло испорчено тѣмъ, что писательница пришила на живую нитку къ этому глубоко обдуманному и прочувствованному разсказу самый нелѣпый и мелодраматическій конецъ. Далѣе идетъ цѣлый рядъ случайностей, ни на чемъ не основанныхъ», и проч. [3]). Очевидно, г. критикъ и не подозрѣвалъ народной основы этой повѣсти Марка-Вовчка и ставилъ автору въ вину то, что собственно принадлежало народному пересказу и составляло извѣстную заслугу автора, старавшагося быть вѣрнымъ народному сказанію. Марка-Вовчокъ только округлила народный разсказъ и ввела въ него психологическіе мотивы.

Другая повѣсть Марка-Вовчка, подъ заглавіемъ «Невільничка», несомнѣнно основана на историческихъ народныхъ пѣсняхъ изъ татарской эпохи. По разсказу Марка-Вовчка, давно когда-то родился въ Овручѣ хлопчикъ Остапъ, который, чуть только началъ приходить къ сознанію, какъ увидѣлъ и понялъ, что плохо жить людямъ въ Овручѣ вслѣдствіе набѣговъ турецкихъ и татарскихъ. Однажды онъ самъ видѣлъ своими глазами, какъ вооруженный турокъ мчалъ на легкомъ конѣ свою плѣнницу-дѣвицу, которая простирала къ Остапу руки съ просьбою о помощи. Эта сцена глубоко

---

[1]) См. объ этомъ «Порядокъ», 1881 года, № 11, и «Кіевлянинъ», 1881 года; № 45: «По поводу черновыхъ набросковъ Пушкина».

[2]) Малорусскій варіантъ см., между прочимъ, въ «Сборникѣ гражданскихъ пѣсенъ» А. Гулака-Артемовскаго, изд. въ Кіевѣ въ 1860-хъ годахъ.

[3]) «Современникъ», 1864 года, т. 100: «Русская литература. Сказки Марка-Вовчка. С.-Петербургъ. 1864».

врѣзалась въ воспріимчивую душу Остапа, который отселѣ не покидалъ мысли объ освобожденіи своей родины отъ турецкаго и татарскаго ига. Выросши и возмужавъ, онъ собралъ большое войско противъ татаръ и турокъ, но въ сраженіи съ ними былъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ темницу. Отсюда онъ выбрался, разломавъ кирпичи въ стѣнѣ, и, при помощи видѣнной имъ въ дѣтствѣ русской полоняночки, возвратился на родину; здѣсь онъ собралъ новое войско, напалъ на турокъ и освободилъ плѣнницу. Подобной пѣсни, въ который бы передавались всѣ подробности изложенной повѣсти Марка-Вовчка, мы не встрѣчали; но частные мотивы повѣсти попадаются въ разныхъ историческихъ народныхъ пѣсняхъ изъ эпохи татарской, одинаково встрѣчающихся и на сѣверѣ, и на югѣ Россіи. Изъ малорусскихъ историческихъ пѣсенъ, болѣе подходитъ къ содержанію повѣсти пѣсня о Марусѣ Богуславкѣ, хотя Марко-Вовчокъ, по всей вѣроятности, имѣла въ виду какую-либо другую малорусскую историческую пѣсню, для насъ неизвѣстную.

Опредѣленнѣе источники другой повѣсти Марка-Вовчка, подъ заглавіемъ «Иванъ Кармелюкъ». Этотъ лыцарь-разбойникъ, по разсказу Марка-Вовчка, былъ сынъ вдовы и съ малолѣтства еще отличался красотою, разумомъ и удальствомъ. Онъ рано сталъ задумываться надъ неравенствомъ людскаго счастія, надъ горькою участью бѣдняковъ, льнулъ къ нимъ всею душею своею и самъ женился на бѣдной и забитой, но разумной дѣвушкѣ и нашелъ съ нею супружеское счастіе. Но его еще болѣе стало мучить людское горе и убожество, и Кармелюкъ рѣшился помочь ему. Для этого онъ оставилъ свою семью, мать, жену и дочь, набралъ себѣ вѣрную дружину и сталъ нападать на богачей, оставляя имъ жизнь и раздавая деньги убогимъ и бѣднымъ. Слухъ о красивомъ и милостивомъ къ бѣднякамъ разбойникѣ разнесся далеко и поднялъ на ноги мѣстное начальство, которое всѣми мѣрами старалось поймать его и устроило на него облаву. Однажды Кармелюкъ накрытъ былъ сыщиками у своей жены въ саду, пойманъ и посаженъ въ тюрьму. Его присудили сослать въ Сибирь; но Кармелюкъ дважды убѣгалъ оттуда и въ послѣдній разъ, взявъ съ собою жену и дочь, безслѣдно исчезъ куда-то. Личность Кармелюка — историческая. Онъ жилъ и дѣйствовалъ въ нынѣшней Подольской и Волынской губерніяхъ уже во времена владычества Россіи. Здѣсь сохранились о немъ устныя преданія и распѣвается малорусская пѣсня, приписываемая самому Кармелюку. Въ одной редакціи она приведена въ разныхъ мѣстахъ повѣсти Марка-Вовчка; Въ другомъ спискѣ напечатана она въ сборникѣ Н. Гатцука «Ужінокъ рідного поля». Т. Г. Шевченко невысоко цѣнилъ эту пѣсню о Кармелюкѣ и въ своемъ «Дневникѣ» отзывался о ней такъ: «Сочиненіе этой весьма немудрой пѣсни приписываютъ самому Кармелюку. Клевещутъ на славнаго лыцаря. Это рукодѣлье какого нибудь мизернаго Падур-

ры»[1]). Марко-Вовчокъ, взявши эту пѣсню въ основаніе своего разсказа, прибавила къ ней отъ себя романическій элементъ о женитьбѣ Кармелюка и домашней его жизни, вслѣдствіе чего повѣсть можетъ быть раздѣлена на двѣ части: «Кармелюкъ дома» и «Кармелюкъ на разбоѣ». Но эти части не связаны между собою органически и, по замѣчанію критики, рисуютъ своего героя нѣсколько противоположными чертами.

Разсказъ «Лемеривна» тоже весь основанъ на народныхъ историческихъ пѣсняхъ. По разсказу Марка-Вовчка, молодой козакъ Шкандыбенко полюбилъ дѣвицу Лемеривну и, несмотря на троекратный отказъ ея, послалъ къ ней сватовъ. Мать приневолила Лемеривну выйти замужъ за Шкандыбенка; но послѣ вѣнца Лемеривна попыталась убѣжать отъ своего мужа, и, когда онъ догналъ ее, зарѣзалась. Мать Лемеривны, узнавъ объ этомъ, упала мертвою, а Шкандыбенко куда-то уѣхалъ и уже болѣе не возвращался въ свое село. Эта повѣсть есть не что иное, какъ пересказъ чрезвычайно распространенной и богатой варіанта мипѣсни о Лемеріевнѣ, пѣсни, начинающейся съ того, что мать Лемериха пропиваетъ свою дочку Шкандыбенку, или Синькевичу и т. п., а оканчивающейся тѣмъ, что Лемеріевна убиваетъ себя, говоря:

Кипи, кипи, мое сердце на ножі,
Ніж маеш ти спочивати в нелюбомъ на ложі [2]).

Подобнаго же содержанія повѣсть Марка-Вовчка, подъ названіемъ «Данило Гручъ».

Кромѣ того, укажемъ еще на повѣсть съ этнографическою подкладкою, «Чари», разсказанную со словъ старой бабуси.

Всѣ перечисленныя повѣсти Марка-Вовчка очень близко держатся историко-этнографическаго матеріала и дѣйствительно могутъ быть названы, въ нѣкоторомъ родѣ, только этнографическими этюдами, за которыми мало остается мѣста творческой самодѣятельности автора. Писательница сама знакомилась и знакомитъ насъ съ народомъ не непосредственно, а показываетъ его намъ сквозь призму историческихъ пѣсенъ и вѣковыхъ народныхъ преданій, которыя можно воспринять и усвоить и чисто книжнымъ путемъ. Этимъ объясняются достоинства и недостатки повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка съ этнографическою подкладкою: съ одной стороны—эпическій складъ и характеръ нѣкоторыхъ разсказовъ нашей писательницы, съ другой—поэтическое, идеальное представленіе народной жизни въ радужныхъ краскахъ. На долю писательницы оставались только выборъ мелодраматическихъ сюжетовъ,

---

[1]) Падурра—плохой польско-украинскій стихотворецъ. Извѣстны въ печати его Pienia, 1842 года и Ukrainky, 1844 года.

[2]) «Историч. пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I, Кіевъ. 1874 года, стр. 311.

имѣющихъ отношеніе къ народному горю и страданію, округленіе народнаго пересказа и мотивированіе его подробностей психическимъ анализомъ дѣйствующихъ лицъ.

Другую серію украинскихъ народныхъ повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка составляютъ повѣсти и разсказы бытоваго содержанія и характера, преимущественно касающіяся переходной эпохи, освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Съ одной стороны рисуется въ нихъ горькое положеніе униженныхъ и оскорбленныхъ крѣпостничествомъ меньшихъ братій нашихъ, съ другой— выставляются на показъ и бичуются дурныя склонности и привычки рабовладѣльческаго и вообще привилегированнаго сословія. Въ герояхъ первой категоріи писательница усматриваетъ свѣтлый человѣческій обликъ, несмотря иногда на невольное паденіе ихъ, тогда какъ, наоборотъ, въ представителяхъ рабовладѣльческаго сословія образъ и подобіе Божіе, по ея представленію, часто заслоняются скотскими и звѣрскими наклонностями и привычками. Такимъ образомъ, само собою создаются у Марка-Вовчка два типа, положительный и отрицательный, которые проходятъ рядомъ во многихъ повѣстяхъ и разсказахъ этой писательницы, но иногда почти исключительно завладѣваютъ повѣстью или разсказомъ. Но тогда какъ сфера отрицательныхъ типовъ, какъ болѣе и ближе знакомая писательницѣ по ея происхожденію и общественному положенію, вѣрно и реально изображается ею, другая, чуждая ей сфера крестьянъ и казаковъ, усвоена ею только посредствомъ наблюденія и изученія, основаннаго притомъ на недостаточномъ числѣ фактовъ, которые восполняются у нея извѣстной гуманной тенденціей и теплотою собственнаго чувства, разливающаго вокругъ героевъ и героинь какую-то елейность и сообщающаго разсказу сентиментально-элегическій тонъ. Замѣтимъ кстати, что въ лучшую пору своей литературной дѣятельности Марко-Вовчокъ попеременно жила въ Петербургѣ, въ Германіи и Италіи, какъ показываютъ ея письма къ Т. Г. Шевченкѣ, слѣдовательно описывала Малороссію изъ прекраснаго далека.

Къ бытовымъ повѣстямъ и разсказамъ Марка-Вовчка изъ южнорусской жизни относятся: «Два сини», «Не до пари», «Ледащиця», «Три долі», «Відъ себе не втечешъ» (иначе «Павло Чорнокрылъ»), «Институтка», «Сестра», «Козачка», «Чумакъ», «Одарка», «Сонъ», «Горпина» (иначе «Паньска воля»), «Выкупъ», «Свекровь», «Оксана» (иначе «Знай ляше»), «Максимъ Гримачъ», «Глухой городокъ», «Тюлевая баба», «Пройди-світъ», «Ведмідь».

Болѣе вѣрными въ бытовомъ отношеніи нужно считать у Марка-Вовчка картины и очерки той жизни, которая естественно болѣе знакома писательницѣ, т. е. жизни помѣщиковъ и горожанъ. Къ такимъ повѣстямъ и разсказамъ относятся: «Тюлевая баба», «Глухой городокъ» и «Институтка». Бабами въ Малороссіи и Польшѣ

называется родъ пасокъ, приготовляемыхъ къ свѣтлому празднику съ большимъ усердіемъ и хлопотами. Верхомъ кулинарнаго искусства въ этомъ отношеніи служитъ такъ называемая «Тюлевая баба», своей ноздреватостью и нѣжностію напоминающая тюль. Въ уѣздныхъ городахъ и захолустьяхъ печеніе бабъ и доселѣ служитъ предметомъ соревнованія хозяекъ и значительно разнообразитъ и оживляетъ ихъ мертвенную, монотонную жизнь. Предметъ этотъ недавно снова затронутъ молодою кіевскою писательницею Марусею Доброво [1]). Марко-Вовчокъ разсказываетъ въ своей повѣсти объ одной барынѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ Журбовской, которая слыла на весь околотокъ отличною хозяйкою и лучшею мастерицею печь тюлевыя бабы. На бѣду ея, племянникъ ея Алексѣй Петровичъ женился на Глафирѣ Ивановнѣ Турченковой, которая умѣла приготовлять тюлевую бабу лучшей самой Анны Ѳедоровны. Узнавъ объ этомъ, Журбовская предприняла всѣ мѣры, чтобы одолѣть и превзойти опасную соперницу въ печеніи бабъ; но ея усилія остались напрасными: тюлевая баба Глафиры Ивановны удалась гораздо лучше. Анна Ѳедоровна не выдержала этого удара, подняла, при помощи уѣздныхъ властей, гоненіе на жидовъ, заподозрѣнныхъ ею въ продажѣ Глафирѣ Ивановнѣ лучшей муки, и сдѣлалась заклятымъ врагомъ своей невѣстки. Съ каждымъ годомъ война между ними возрастаетъ и кончается только смертію одной изъ воюющихъ дамъ. Другая повѣсть «Глухой городокъ» изображаетъ обыденную жизнь уѣзднаго города съ его городничимъ Ерастомъ Антоновичемъ Малимоновымъ и женой его Павлой Андреевной, но эта обыденная жизнь нарушена была выходящимъ изъ ряду явленіемъ, именно выходомъ племянницы городничихи, Насти, за мужъ за неровню Григорія Гавриловича Крашовку, несмотря на то, что къ Настѣ сватались болѣе подходящіе по общественному положенію женихи и между ними Данило Павловичъ Копыта. Къ довершенію необычайности этой свадьбы, Григорій Гавриловичъ обманываетъ городничаго, несоглашавшагося на этотъ бракъ, и вмѣстѣ съ своими пріятелями похищаетъ изъ его дома свою невѣсту. Но лучшая повѣсть Марка-Вовчка съ отрицательными типами изъ среды привилегированнаго сословія есть безъ сомнѣнія повѣсть, подъ заглавіемъ «Институтка», такъ какъ писательница, сама получивъ воспитаніе въ одномъ изъ институтовъ, ближе всего могла знать институтскую жизнь и вѣрнѣе изобразить дурныя ея стороны. Нужно, впрочемъ, сознаться, что эти дурныя стороны, подъ вліяніемъ народолюбія писательницы, сильно ею преувеличены и утрированы, такъ что вся повѣсть можетъ быть названа въ нѣкоторомъ родѣ «Словомъ о злыхъ женахъ» XIX-го столѣтія. Рядомъ съ героиней

---

[1]) Въ газетѣ «Кіевлянинъ», за 1882 годъ. Въ этой газетѣ помѣщены и другія повѣсти этой писательницы.

повѣсти, институткой, выступаетъ здѣсь цѣлый рядъ безотвѣтныхъ жертвъ ея злобы, внушающихъ къ себѣ полное сочувствіе писательницы и читателей.

Разсказъ повѣсти ведется отъ лица дѣвушки Устины, взятой въ господскій домъ десяти лѣтъ отъ-роду. У старой барыни дворовымъ спокойно было жить, хоть и неприվольно. У нея была одна только внучка, воспитывавшаяся въ кіевскомъ институтѣ, въ которой бабушка души не чаяла. Наконецъ, пріѣхала изъ института эта внучка, панночка красивая, но капризная и злая, испорченная ложнымъ институтскимъ воспитаніемъ. Она только и выучилась тамъ музыкѣ, танцамъ, французскому языку и умѣнью туманить людей. Осмотрѣла она дворовыхъ дѣвокъ и выбрала Устину для услуженія себѣ. Институтка стала идоломъ обожавшей ее бабушки, забрала въ домѣ все въ свои руки, заставила бабушку растрясти ея «скрини» и пыталась даже отучить ее отъ привычнаго ей вязанья чулка, а съ бѣдной Устиной выдѣлывала все, чего хотѣло ея жестокое сердце и капризный нравъ. Сначала панночка мечтала со своей бабушкой выйти замужъ за богатаго князя или графа, но князь и графъ не являлись за ней, и разочаровывающаяся институтка часъ отъ часу становилась все злѣе и злѣе. Однажды ждали въ гости полковыхъ изъ города. Все было прибрано, какъ къ свѣтлому празднику. Панночка сѣла зачесываться. Неопытная Устина помогала ей, но никакъ не могла справиться съ ея длинною русою косой. «Лишечко жъ мое!»—говоритъ Устина. «Лучче бъ жару червонаго у руку наирала, якъ міні довелось туманіти коло и русої коси!.. И така, и онака, и четь-прічъ пішла, и зновъ сюди поступай; и пхати мене, и наскакувати на мене,—ажъ я зглякалась! Та репече, та дзвякотить, та тупоче-тупоче, а далі якъ заплаче!.. Я въ двері, а вона за мною въ садъ. Я «тебе на шматки розірву! задушу тебе, гадино»! Оглянусь я на неі,—страшна така зробилась, що въ мене й ноги захитались. Вона мене якъ схотить за шію обіручъ!.. руки холодні, якъ гадюки!» [1]). Устина упала въ безпамятствѣ около яблони и только отъ холодной воды пришла въ сознаніе. «Дивлюсь — дівчата коло мене скупчились, білі усі якъ крейда. Панночка на стільчику роскинулась, плаче; а стара надъ моею головою стоіть, и такъ-то вже мене лае, така

---

[1]) Переводъ: «Горенько мое! лучше бы жару краснаго въ руки набрала, какъ мнѣ довелось морочиться около ея русой косы. И такая, и эдакая, и прочь пошла, и опять сюда иди; и толкать меня, и наскакивать на меня, такъ что я испугалась. Да кричитъ, да верещитъ, да топочетъ—топочетъ, а потомъ какъ заплачетъ! Я въ двери, а она за мною въ садъ. «Я тебя на куски разорву! задушу тебя, змѣя! «Оглянусь я на нее, страшная такая сдѣлалась, такъ что у меня и ноги зашатались. Она меня какъ схватитъ за шею обѣими руками! Руки холодныя, какъ змѣй».

вже люта, ажъ ій у роті чорно» [1]). Устина заболѣла, но и больную ее требуетъ къ себѣ панночка. Наконецъ, панночка завлекла въ свои сѣти гордаго, но бѣднаго лѣкаря. Панночка и сама была неравнодушна къ нему и согласилась выйти за него замужъ, хотя вмѣстѣ съ бабушкой и горевала о томъ, что выходитъ замужъ не за богатаго и не за вельможнаго. Но она и любила своего жениха какъ-то странно: заставляла его исполнять всѣ ея прихоти и капризы и всетаки казалась недовольною его усердіемъ и услужливостію. У лѣкаря былъ родовой хуторъ, на которомъ жили — старая бабуся, кучеръ Назаръ съ женой Катрей и парубокъ Прокопъ. Вскорѣ послѣ свадьбы молодые переѣхали въ хуторъ, взявъ съ собой и Устину. Жившіе въ хуторѣ люди лѣкаря встрѣтили молодыхъ господъ съ хлѣбомъ и солью. Лѣкарь рекомендуетъ имъ свою молодую жену, но она вышла изъ себя отъ злости и заплакала. «Ти, мабуть,—говорила она мужу,—усіхъ мужиківъ такъ изучивъ, що вони съ тобою за панібрата!.. гарно!.. оглядають мене, всміхаютця до мене, трохи не кинулись мене обнімати... Охъ, я нещаслива!.. Та якъ вони сміють! викрикне на остатку» [2]). Молодая госпожа принялась за хозяйство въ хуторѣ, и сосѣди хвалили ее за распорядительность и умѣнье хозяйничать, а между тѣмъ, въ хуторѣ все становилось хуже и хуже. Люди надѣялись сначала на пана; но онъ, при своей добротѣ, не имѣлъ твердой воли и не могъ сдерживать своей строптивой жены. Тяжелѣе всего было выносить и безъ того тяжелое положеніе крѣпостничества женѣ кучера Назара Катрѣ, родившейся на свѣтѣ вольною. У Катри заболѣлъ ребенокъ; но барыня, какъ видно, не признавала за крѣпостными человѣческихъ чувствъ и отношеній и отправила Катрю на работу на цѣлый день. Дитя Катрино умерло, заболѣла и сама Катря; но барыня, всетаки, прогнала ее на панщину. Дѣло кончилось тѣмъ, что Катря помѣшалась, бѣгала по лѣсамъ и болотамъ, ища своего ребенка, и, наконецъ, утопилась. Назаръ и Прокопъ задумываютъ такъ или иначе освободиться отъ злой барыни и какъ будто стороной и случайно проговариваются объ этомъ при старомъ солдатѣ-поварѣ, который до того забитъ былъ суровою солдатчиною прежняго времени, что не допускалъ и мысли о возможности какого-либо протеста или самозащиты противъ господскаго самоуправства, несправедливости и жестокости. Черезъ годъ умерла старая барыня, позаботившись передъ смертію о своемъ душевномъ

[1]) «Смотрю, дѣвицы всѣ около меня собрались, бѣлыя всѣ какъ мѣлъ. Панночка на стулѣ раскинулась, плачетъ; а старуха надъ моею головою стоитъ, и такъ-то уже бранитъ, такая ужъ злая, даже у нея во рту почернѣло».

[2]) «Ты, должно быть, всѣхъ мужиковъ такъ пріучилъ, что они съ тобою за панибрата!.. Прекрасно!.. Осматриваютъ меня, усмѣхаются ко мнѣ, чуть не бросились меня обнимать... Ахъ, я несчастная!.. Да какъ они смѣютъ»! крикнула напослѣдокъ».

спасеніи, и молодая госпожа сдѣлалась полною распорядительницею ея и мужнина имѣнія. Она довела струны помѣщичьяго деспотизма до такой степени напряженности, что онѣ неминуемо должны были лопнуть. Прокопъ, женившійся на Устинѣ, однажды защитилъ старую бабусю отъ побоевъ молодой барыни, но за то самъ былъ отданъ въ солдаты; убѣжалъ и Назаръ. Сданный въ рекруты, Прокопъ отданъ былъ на попеченіе и обученіе дядькѣ, старому солдату изъ кантонистовъ, и скоро отправленъ былъ въ походъ, куда-то на Литву; а Устина, проводивъ его до Кіева, осталась здѣсь служить. Семь лѣтъ не было никакой вѣсти о Прокопѣ, и Устина сдѣлалась вольною и могла выйти замужъ за другого.

Эта повѣсть есть безспорно лучшая изъ всѣхъ повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка. Такою ее признавали Кулишъ и Шевченко. Характеръ институтки выдержанъ и до конца остается вѣренъ себѣ. Многія частности дышатъ общечеловѣческою и бытовою правдою. Нѣкоторые эпизоды какъ бы случайно приставлены къ повѣсти, не имѣютъ органической связи съ нею и какъ бы нарушаютъ ея единство и цѣлостность впечатлѣнія; но эти эпизоды такъ хороши мѣстами, что было бы жалко, если бы они были выброшены изъ повѣсти. Таковы: разговоръ Прокопа и Назара со старымъ солдатомъ-поваромъ, разсказецъ о приготовленіи старой барыни къ смерти, характеристика Прокопова дядьки-солдата и др. Для примѣра, приведемъ послѣднюю характеристику. Сданный въ рекруты, Прокопъ стоялъ со своей женой Устиной на квартирѣ у старой вдовы. Тутъ же былъ и солдатъ-дядька, которому Прокопъ однажды предложилъ угощеніе. «Вечеряемо, говоримо; а дядько пье та й пье. Зблідъ на лиці и на стілъ схилився. Дивитця на насъ и съ чоловікомъ, та й каже: ой ви, молодята, молодята! недовго житимете вкупці... Та годі, не журітця!.. Пожили, пороскошували и буде за васъ. Бува й таке, що въ сповиточку ласки добра, не знаешъ, вікъ звікуешъ підъ палкою... Оттакъ живи!.. Безъ роду, безъ плімъя, безъ привіту, безъ совіту,—на всіхъ роскошахъ»!

А стара тоді до его: а де жь вашъ рідъ, дядечку? Звітки ви сами?

— Съ кантанистівъ!—одказавъ похмурно москаль,—съ тихъ, коли чули, що насъ у халеру поменшало. Роду нема, не знавъ и не знаю.

— А матуся ваша?

— Казавъ: не знаю!.. чого дурно роспитувати?

— Оттакеньки и я теперъ безрідня!—каже хазяйка, хлипаючи.

— Ище и вона міжъ люде!—гукнувъ москаль. Що твое лихо!.. плюнуть! Онъ лихо, то лихо: що нікого тобі задати, ніхто й тебе не згадае; нікуди піти и нігде зостатись. Усі тобі чужі, и все, и все, усе чуже: и хата, и люде, и одежа... Дай, бабо, горілку! випъемо до дна, бо на дні молодиі дні.

А въ самого слези котятця—котятця. И сміетця вінъ разомъ, и горілку пъе. Далі вже якъ упавъ на лаву, такъ и заснувъ [1]).

Достаточно припомнить очерки быта кантонистовъ, Никитина, чтобы яснѣе и отчетливѣе почувствовать всю горечь правды этого эпизода въ повѣсти Марка-Вовчка. Рекомендаціей ему можетъ служить и то, что этотъ эпизодъ воспроизведенъ у Марка-Вовчка согласно съ народными представленіями о прежней солдатчинѣ и совершенномъ отчужденіи солдата отъ роду и племени.

Мы остановились сравнительно дольше на этой повѣсти потому, что она заключаетъ, какъ въ зернѣ, почти все міросозерцаніе писательницы и можетъ быть признана средоточнымъ пунктомъ между остальными ея разсказами и повѣстями изъ народнаго и помѣщичьяго быта прежняго времени. Всѣ другія повѣсти и разсказы Марка-Вовчка изъ малорусскаго и великорусскаго быта развиваютъ или просто повторяютъ тѣ же самые сюжеты, какіе намѣчены въ повѣсти «Институтка».

Типъ дворовой дѣвушки, оторванной отъ семьи, какой мы видѣли въ Устинѣ «Институтки», воспроизводится также въ повѣстяхъ и разсказахъ: «Ледащиця», «Одарка», «Катерина», «Игрушечка» и др. Разсказщица повѣсти «Ледащиця» передаетъ, что она подарена была Иваньковскими господами одной барынѣ среднихъ лѣтъ, которая тщеславилась портретомъ князя-отца, промотавшаго свое имѣніе, и любила часто говорить о немъ. Нужда заставила ее держать столовниковъ. Когда завелось много столовниковъ, барыня взяла къ себѣ крѣпостную молодицу Горпину Чайчиху съ дочкой Настей, вышедшую за крѣпостнаго человѣка изъ вольнаго роду. Настя была веселая дѣвушка, а мать ея Чайчиха была угрюмая, пасмурная женщина. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе она станови-

---

[1]) «Ужинаемъ, говоримъ, а дядька пьетъ да и пьетъ. Поблѣднѣлъ въ лицѣ и на столъ облокотился. Смотритъ на насъ съ мужемъ да и говоритъ: ой вы, молодята, молодята! не долго будете жить вмѣстѣ... Да полно, не печальтесь!.. Пожили, пороскошничали, и будетъ съ васъ. Бываетъ и такъ, что съ пеленокъ ласки—добра не знаешь, вѣкъ проживешь подъ палкою... Вотъ такъ живи! безъ роду, безъ племени, безъ привѣту, безъ совѣту, на всѣхъ роскошахъ»!

А старуха тогда къ нему! а гдѣ же вашъ родъ, дяденька? откуда вы сами?

— Изъ кантонистовъ! отвѣчалъ пасмурно солдатъ, изъ тѣхъ, коли слышали, что насъ въ холеру поубыло. Роду нѣтъ, не зналъ и не знаю.

— А матушка ваша?

— Сказалъ: не знаю!.. зачѣмъ напрасно спрашивать?

— Вотъ такъ и я теперь безродная! говоритъ хозяйка всхлипывая.

— Еще и она межъ людей! крикнулъ солдатъ. Что твое горе? Плюнуть! Вотъ горе такъ горе: что некого тебѣ вспомнить, никто и тебя не вспомнитъ; некуда пойти и негдѣ остаться. Всѣ тебѣ чужіе, и все-все чужое: и хата, и люди, и одежа... Дай, баба, водку! выпьемъ до дна, потому что на днѣ молодые дни.

А у самого слезы катятся-катятся. И смѣется онъ вмѣстѣ, и водку пьетъ. Потомъ уже какъ упалъ на лавку, такъ и заснулъ».

лась пасмурною и стала ходить куда-то, а вечеромъ къ ней приходили какіе-то люди. Оказалось, что она искала себѣ съ дочкой воли; но она не получила этой воли, потому что барыня подкупила чиновниковъ. А чего не достигла мать, того добилась дочь Настя цѣною собственнаго паденія. Она стала пропадать по вечерамъ и возвращаться домой пьяною. Нашлось у Насти и дидя. Барыня срамила ее при столовникахъ и называла ее ледащицей (негодницей) и другими словами, но ничто не помогало. Однажды она сказала матери: «ну, моя матінко! изнайшла вже я чоловіка, что мене визволить» [1]. Дѣйствительно, года черезъ два получена была бумага о волѣ. При полученіи ея, Чайчиха въ первый разъ зарыдала черезъ двадцать лѣтъ и стала добрѣе и ласковѣе, но, взглянувши на дочку, опять закручинилась. А Настя уже стоитъ выпивши. Она начала таять все больше и больше и умерла въ бреду: «Я вільна, вільна!.. ну, добре!.. И вільна, и пьяниця, и ледащо!.. Де-жъ мині прихилитись, де? Добрий хазяінъ вижене: «пьяниця, ледащо, треба и зъ своего двору вигнати!»—скаже, и вижене... и добре зробить» [2]. До самой смерти ей все представлялось, что ее выгоняютъ на дворъ въ суровую зиму. Разсказъ «Одарка» рисуетъ дикую животную страсть стараго грѣховодника-помѣщика, которая оторвала отъ родительскаго порога молодое существо и своими собственными руками выкопала ему могилу. Мало того, что обезчещена и поругана невинность, что на мѣсто мирной тишины семейнаго счастія внесено горе, страданіе и раздоръ, какъ вещь отдана женщина на чужбину для услугъ, и они скоро довели ее до могилы. Катерина, героиня разсказа съ тѣмъ же заглавіемъ, вывезена была господами изъ Малороссіи въ Россію, въ совершенно чуждую ей среду, и выдана замужъ за человѣка, котораго она не могла любить. Она никому не жаловалась на свою судьбу и съ мужемъ не ссорилась, а «только опуститъ глаза и неподвижная такая станетъ, строгая и суровая передъ нимъ». Хотѣлось ей найти какое-нибудь дѣло въ жизни, да не находилось такого дѣла. Выучилась она пѣть хорошо и пѣла на свадьбахъ, больше, впрочемъ, грустныя пѣсни, но не удовлетворялась этимъ и пріучилась было пить. Наконецъ, прослышала она про знахарку въ околоткѣ, выучилась у ней лечить болѣзни и, нашедши въ этомъ занятіи душевное дѣло для себя, тотчасъ и пить бросила, и ласковая такая стала, привѣтная. Она тихо скончалась въ мирѣ со своею совѣстью и съ людьми. Повѣсть «Игрушечка» изображаетъ отношенія молодой барышни къ крестьянской дѣвочкѣ Грушѣ, переименованной

[1]) «Ну, моя маминька, нашла я уже человѣка, что меня выручитъ».

[2]) «Я вольная, вольная!.. ну, хорошо! И вольная, и пьяница, и негодница!.. Гдѣ-жъ мнѣ пріютиться, гдѣ? Хорошій хозяинъ выгонитъ: «пьяница, негодная, нужно ее со своего двора выгнать!» скажетъ, и выгонитъ... и хорошо сдѣлаетъ».

въ Игрушечку. Барышня увидѣла на улицѣ Игрушечку и попросила ее себѣ, какъвещь какую-нибудь, чтобы играть съ нею. Долго жила Игрушечка въ господскомъ домѣ, гдѣ ее держали для забавы, безпрестанно запугивали и придавливали, несмотря на то, что сама барышня и ея родители, повидимому, были люди мягкіе и добрые. Барышня отличалась любознательностію, но, не находя удовлетворенія своей любознательности, на 15 году стала мѣшаться умомъ и вскорѣ умерла. И послѣ смерти барышни еще продолжалась грустная исторія Игрушечки, такъ и оставшейся до конца жизни игрушкою судьбы и добрыхъ господъ своихъ. Полюбился ей барскій столяръ Андрей, и она ему тоже понравилась. Да пришли они просить барскаго разрѣшенія на свадьбу въ то время, какъ господа продали послѣднюю свою вотчину и вмѣстѣ съ нею Андрея и Игрушечку. Андрей отошелъ къ новымъ господамъ и вскорѣ былъ сосланъ въ Сибирь, а Игрушечку барыня выпросила у покупщика себѣ и увезла съ собой.

Совершенно почти тождественна жена Назара Катря въ повѣсти «Институтка» съ Горпиной въ разсказѣ съ тѣмъ же заглавіемъ, иначе «Панська воля». Въ послѣднемъ разсказывается, какъ въ имѣніи одного господина, который пріѣхалъ управлять полученнымъ наслѣдствомъ съ благими намѣреніями учить мужиковъ наукамъ и построить имъ новыя хаты о трехъ óкнахъ, у матери крестьянки умираетъ ребенокъ, оставленный ею безъ призрѣнія потому, что ей надобно было идти на барщину. Этотъ ударъ былъ для нея такъ тяжелъ, что она сошла съ ума.

Разсказъ «Два сини» касается помѣщичьяго права отдавать крѣпостныхъ въ солдаты по произволу, какъ отданъ былъ и мужъ Устины, Прокопъ, въ повѣсти «Институтка». Разсказъ «Два сини» ведется отъ имени вдовы, которая осталась послѣ мужа съ двумя сыновьями—Андрійкомъ и Василькомъ. Ихъ обоихъ баринъ сдалъ въ рекруты. Андрійко умеръ на службѣ, а Василько воротился домой больной, надломленный царскою службой, и тоже скоро умеръ, не начинавъ еще жить.

Стремленіе освободиться отъ крѣпостничества законными и незаконными путями, какое мы видѣли у Назара въ повѣсти «Институтка», изображается и въ другихъ разсказахъ Марка-Вовчка, «Ледащицѣ», «Выкупѣ» и др. И замѣчательно, что стремленіе къ волѣ и выкупу на волю, по представленію Марка-Вовчка, прежде и сильнѣе всего пробивалось въ тѣхъ семействахъ, въ которыхъ женщина, мать или невѣстка, происходили изъ вольнаго казацкаго или мѣщанскаго рода. Мать ледащицы Насти была родомъ изъ вольныхъ людей и передала своей дочери стремленіе вырваться на свободу. Такія женщины, выходившія за мужъ за крѣпостныхъ людей, по закону имѣли право, по смерти своихъ мужей, сами лично отойти отъ господъ на свободу, но часто не знали своихъ

правъ, какъ не знала Олеся въ разсказѣ «Казачка». Вышедши замужъ за барскаго человѣка, Олеся разлучена была съ мужемъ, отправленнымъ бариномъ въ Москву, а наконецъ и съ двумя своими сыновьями, заступившими при баринѣ мѣсто своего покойнаго отца, сама осталась при барскомъ дворѣ и умерла здѣсь. Но зато другія казачки не иначе соглашались выходить замужъ за крѣпостнаго человѣка, какъ подъ условіемъ выкупа его на свободу. Въ разсказѣ «Выкупъ» крѣпостной парень Яковъ Харченко посватался въ Хмѣлинцахъ къ казачкѣ Мартѣ Кохановнѣ; но Коханъ не хотѣлъ выдавать свою дочь за крѣпостнаго человѣка. Тогда Яковъ сталъ заработывать деньги на выкупъ, при помощи Кохана выкупился на волю за 300 рублей и женился на Мартѣ.

Нравственнымъ основаніемъ правоспособности простаго народа на свободу у Марка-Вовчка постоянно выставляется его человѣческое достоинство, не заглушаемое никакимъ внѣшнимъ гнетомъ. И простой народъ не меньше привилегированныхъ классовъ способенъ къ сильнымъ и глубокимъ страстямъ и нѣжнымъ чувствамъ. Эта мысль лежитъ въ основѣ большинства повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка. Мы не принимаемъ здѣсь въ разсчетъ повѣстей и разсказовъ объ удалыхъ молодцахъ-разбойникахъ, такъ какъ первоисточники этихъ разсказовъ Марка-Вовчка лежатъ внѣ сферы крѣпостническихъ отношеній. Въ самомъ крѣпостничествѣ Марко-Вовчокъ выставляетъ сильные характеры, способные, при другихъ условіяхъ жизни, къ широкой и плодотворной дѣятельности. Таковъ напримѣръ, Павло Чернокрылъ въ разсказѣ подъ заглавіемъ «Відъ себе не втечешъ».

Писательница сама, какъ будто, чувствовала, что міръ крѣпостнаго крестьянства представляетъ собою слишкомъ неблагодарный предметъ для повѣстей и разсказовъ съ общечеловѣческимъ содержаніемъ и характеромъ, и потому охотнѣе выбирала героями и героинями своихъ повѣстей и разсказовъ изъ народнаго быта свободныхъ казаковъ и казачекъ, однодворцевъ и мѣщанъ. Таковы ея разсказы: «Три долі», «Сестра», «Чумакъ», «Сонъ», «Свекровь», «Максимъ Гримачъ», «Пройди світъ» и др. Одни изъ нихъ не идутъ далѣе буколическихъ сценъ любви и дружбы прелестныхъ казаковъ и прелестнѣйшихъ казачекъ и вводятъ въ простонародную жизнь много элементовъ инаго быта; другіе, напримѣръ, «Не подъ пару», хотя тоже посвящены любви, но въ нихъ выводится не рядъ безсодержательныхъ любовныхъ сценокъ, написанныхъ въ духѣ чистаго искусства для искусства; здѣсь проведенъ одинъ изъ самыхъ важныхъ роковыхъ вопросовъ нашей жизни. Здѣсь писательница положила въ основаніе своихъ разсказовъ такое общечеловѣческое явленіе (неравенство браковъ, несходство характеровъ супруговъ), какое можно встрѣтить на каждомъ шагу во всѣхъ слояхъ общества; но въ то же время у нея не хватило красокъ и

матеріяловъ, чтобы придать этому явленію такую внѣшнюю форму, въ которой является оно обыкновенно въ быту простаго народа. Отрѣшившись отъ того дикаго предразсудка, что будто простой и неразвитый народъ не можетъ имѣть тѣхъ тонкихъ и деликатныхъ чувствъ, какія имѣетъ образованный, писательница впала въ другую крайность: она заставила простыхъ и неразвитыхъ людей такъ тонко анализировать свои чувства и страданія и такъ ясно формулировать ихъ, какъ не всегда удается и образованнымъ людямъ. Кромѣ того, нѣкоторые герои и героини Марка-Вовчка весьма похожи одни на другихъ. Чайченко въ «Трехъ доляхъ» и «Иванъ Кармелюкъ», жена Черкокрыла и жена Кармелюка писаны однѣми красками и очень схожи между собою.

Къ чести писательницы, она скоро поняла, что рано еще создавать свѣтлые, положительные типы изъ простонародной среды, искажонной неестественными крѣпостническими отношеніями и невѣжествомъ, и что нужно сначала просвѣтить затуманенный образъ нашего простолюдина и барина истиннымъ образованіемъ, и потому въ послѣдующее время оставила роль беллетристической писательницы и принялась за переводы педагогическихъ сочиненій съ иностранныхъ языковъ на русскій, хотя и эти переводы разсчитываютъ больше всего на интеллигентные классы русскаго общества, а не на простой народъ.

О языкѣ малорусскихъ произведеній Марка-Вовчка г. Кулишъ говоритъ слѣдующее: «Нашъ Марко-Вовчокъ, какъ пчела Божія, выпилъ наилучшую росу изъ цвѣтковъ нашей рѣчи, потому что полюбилъ ее, полюбилъ тотъ народъ, который вылилъ всѣ свои думы и мысли, все свое сердце тою рѣчью. Безъ любви одна мощь его таланта не помогла бы ему; ничего бы онъ не сдѣлалъ и однимъ разумомъ; а то читаешь—не оторвешься отъ его рѣчи, какъ въ жниво отъ колодца; чуется, вѣрится, что такъ, а не иначе подумалъ, или потужилъ, или порадовался человѣкъ, какъ снято на его рисункѣ. Нельзя также утверждать, что и у такихъ людей, какъ Марко-Вовчокъ, кое-что не рознитъ съ народною рѣчью. Нелегкое дѣло—одолѣть это. Мы ушли впередъ отъ своей рѣчи, развиваясь на чужихъ поляхъ, и взошедши на гору, иногда не слышимъ хорошенько, что она намъ голубка вѣщаетъ» [1]).

II.

И. С. Левицкій.

Иванъ Семеновичъ Левицкій, писавшій иногда подъ псевдонимомъ Нечуй, сынъ священника, родился въ 1838 году, въ мѣстечкѣ Стеблевѣ, бывшаго Богуславскаго, а нынѣ Каневскаго уѣзда,

[1]) «Основа», апрѣль, 1861 года.

Кіевской губерніи. Съ 1847 года онъ воспитывался въ богуславскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ кіевской духовной семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1859 году. Въ томъ же году онъ опредѣленъ былъ учителемъ въ богуславское духовное училище и проходилъ эту должность почти два года. Въ 1861 году онъ поступилъ въ студенты кіевской духовной академіи и, по окончаніи академическаго курса въ 1865 году, былъ назначенъ преподавателемъ словесности въ полтавскую духовную семинарію, откуда перешелъ на службу, въ концѣ того же учебнаго года, въ варшавскій округъ, въ калишскую женскую гимназію, учителемъ русскаго языка, исторіи и географіи Россіи и Польши. Черезъ годъ онъ перешелъ по прошенію въ г. Сѣдлецъ, въ женскую греко-уніатскую гимназію учителемъ тѣхъ же предметовъ. Пробывъ въ этой гимназіи шесть лѣтъ, И. С. Левицкій былъ переведенъ въ сувалкскую женскую гимназію, но перешелъ, вмѣсто этой гимназіи, въ одесскій учебный округъ, въ кишиневскую мужскую классическую гимназію, гдѣ и состоитъ учителемъ русскаго языка.

Первые разсказы и повѣсти г. Левицкаго—«Экзаменъ», «Судъ надъ нами» (изъ студенческой жизни автора), «Дві московки», «Рибалка Панасъ Круть» и «Причепа» печатались начиная съ 1867 года, заграницей, въ львовскомъ журналѣ «Правда». Изъ нихъ послѣднія три повѣсти изданы были особой книгой, подъ заглавіемъ: «Повісті Ивана Нечуя. Томъ I. У Львові, 1871». Этотъ первый томъ повѣстей г. Левицкаго былъ пропущенъ петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ для напечатанія въ Россіи, но почему-то задержанъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати и въ цѣломъ видѣ не былъ напечатанъ въ Россіи. Изъ него напечатана въ 1874 году въ Кіевѣ особой бришюрой повѣсть «Рибалка Панасъ Круть», которая въ русскомъ переводѣ помѣщена была въ газетѣ «Кіевлянинъ» за 1874 годъ (№№ 8—10) и перепечатана въ сборникѣ въ пользу голодающихъ самарцевъ. Повѣсть «Дві Московки» перепечатана въ Кіевѣ уже въ 1883 году. Что же касается «Причепы», то эта болѣе капитальная повѣсть не имѣла перепечатокъ въ Россіи. Она обратила на себя вниманіе заграницей, переведена на польскій языкъ, издана въ Познани, въ Пруссіи, подъ заглавіемъ «Przyblyda» (Приблуда), ukrainska powiesc Swana Neczuja, и, какъ видно изъ библіографическаго указателя по дѣламъ печати за 1878 годъ, дозволена въ Россіи безусловно. Рецензія на «Причепу» была помѣщена въ галицкихъ польскихъ газетахъ, и довольно благопріятная, не взирая на то, что въ «Причепѣ» описываются поляки здѣшняго края не съ выгодной для нихъ стороны. Была еще небольшая рецензія на нее въ итальянскомъ журналѣ «Revista Europea» въ статьѣ «Il movemento literario Ukraino», гдѣ она озаглавлена—«Паразиты». Въ Россіи первымъ изъ произведеній г. Левицкаго былъ напечатанъ отдѣльною

брошюрою очеркъ «Неможна бабі Парасці вдержатись на селі», который потомъ перепечатанъ былъ и въ газетѣ «Кіевлянинъ» за 1874 годъ (№ 11). Этотъ же очеркъ вошелъ и въ составъ книги «Повісті І. Левицкаго, Кіевъ, 1874», гдѣ, кромѣ того, помѣщены— большая повѣсть «Хмари» изъ жизни кіевской академіи и сказка «Запорозьці», вышедшая также и отдѣльною брошюрою въ томъ же 1874 году. «Запорозьці» и отрывокъ изъ «Хмаръ» были изданы и во Львовѣ особою брошюрою. Въ 1875 году вышли въ Кіевѣ особыми брошюрами сочиненія г. Левицкаго: «Благословіть бабі Палажці скоропостижно вмерти», разсказъ: «Маруся Богуславка», оперета в четирех діях; «На Кожумъяках», комедія в пъятіи діях, и историческія популярныя сочиненія—«Унія и Петро Могила» [1]), «Перші кіевськи князі, Олег, Игорь, Святотослав и св. Владимір и его потомки» и въ 1876 году — «Татари и Литва». Но съ 1876 года г. Левицкій опять начинаетъ издавать свои сочиненія заграницей, въ галиційскомъ журналѣ «Правда», и особыми брошюрами. Такъ, въ «Правдѣ» за 1876 годъ печатался «Світоглядъ (міросозерцаніе) украинскаго народа», вторая часть котораго, подъ заглавіемъ «Ескіз украінськоі міфологіі» вышла въ Галиціи особой брошюрой. Въ той же «Правдѣ» напечатана была повѣсть г. Левицкаго «Микола Джеря». Позднѣйшія произведенія нашего автора суть слѣдующія: «Кайдашова семья, Львовъ, 1880 года»; «Бурлачка, повість, Кіевъ, 1881 года»; «Прыятели» и «Шевченкова могыла» въ украинскомъ альманахѣ «Луна» на 1881 годъ, и «Наші батюшкі й матушкі», повѣсть на малорусскомъ языкѣ, написанная въ 1882 году для журнала «Кіевская Старина».

Такимъ образомъ, всѣхъ произведеній И. С. Левицкаго, написанныхъ имъ въ теченіи 15-ти лѣтъ его литературной дѣятельности, насчитывается въ настоящее время не менѣе двадцати—цифры, свидѣтельствующей о большой плодовитости пера автора, которая, однако, не дѣлаетъ ущерба внутреннему содержанію и достоинству его произведеній. Мы уже имѣли случай указать, что нѣкоторыя произведенія нашего автора обратили на себя вниманіе и иностранной критики. Но еще большимъ вниманіемъ пользуются сочиненія г. Левицкаго у русскихъ читателей и рецензентовъ и особенно у его земляковъ. Корифеи украинской литературы сразу замѣтили недюжинный литературный талантъ г. Левицкаго и благосклонно приняли его въ свой ареопагъ. Въ предисловіи къ первому тому повѣстей Ивана Левицкаго, изданному во Львовѣ въ 1871 году, издатель говоритъ слѣдующее: «Его повѣстей выходитъ первый томъ. Скоро можно бы ожидать намъ и дальнѣйшихъ томовъ, если Галичина хорошо встрѣтитъ этотъ прекрасный подарокъ украинскаго писателя, пріобрѣвшаго себѣ еще другими про-

[1]) Отзывъ объ этомъ сочиненіи см. въ газетѣ «Телеграфъ», 1875 года № 35.

изведеніями добрую славу въ писательскомъ кругу. Пантелеймонъ Кулишъ, прочитавши третью повѣсть сего тома («Причепу»), сказалъ про Ивана Нечуя, что онъ первый коснулся нашей общественной жизни и этимъ положилъ начало романамъ соціальнымъ. Критика Пантелеймона Кулиша служитъ доброю порукой для большаго значенія произведеній Ивана Нечуя, и потому мы смѣло просимся въ гости въ каждую правдиво-русскую хату. Съ своей стороны, мы должны прибавить, что Иванъ Нечуй въ своихъ повѣстяхъ, рисуетъ ли онъ ситуаціи души человѣческой, или представляетъ нашимъ очамъ виды природы, является великимъ художникомъ, и вся Украина возлагаетъ на его талантъ большія надежды». Съ неменьшею похвалою отзывается о г. Левицкомъ и Н. И. Костомаровъ: «Г. Левицкій, говоритъ онъ, безспорно талантливѣйшій изъ современныхъ малорусскихъ писателей... По нашему мнѣнію, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, г. Левицкій, какъ писатель, посвятившій свою дѣятельность изображенію простонароднаго быта, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду писателей этого рода у насъ въ Россіи, и очень жаль, что имя его, кромѣ Малороссіи, недостаточно извѣстно публикѣ другихъ частей нашего отечества. Мы высоко цѣнимъ произведенія такихъ писателей, какъ гг. Д. Григоровичъ, П. Мельниковъ (Андрей Печерскій), А. Потѣхинъ, Г. Успенскій и другихъ, посвятившихъ себя спеціально изученію и художественному изображенію быта, нравовъ и пріемовъ жизни великорусскаго простолюдина со всѣми оттѣнками его мѣстной рѣчи. Но никто изъ этихъ талантливыхъ писателей не выводилъ малорусса въ своимъ произведеніяхъ. Никто, надѣемся, не станетъ возражать, что это большой пробѣлъ въ нашей народной литературѣ. Только такіе писатели, какъ г. Левицкій, и могутъ дополнить этотъ пробѣлъ и притомъ произведеніями на мѣстномъ нарѣчіи» [1]). Очевидно, Н. И. Костомаровъ имѣетъ здѣсь въ виду собственно повѣсти и разсказы г. Левицкаго изъ простонароднаго украинскаго быта, не касаясь болѣе крупныхъ его повѣстей «Причепа» и «Хмари», изображающихъ другія сословія и племена. Но г. Пыпинъ во второмъ изданіи своей «Исторіи славянскихъ литературъ» и эти послѣднія повѣсти ставитъ въ особую заслугу автору, попробовавшему изобразить въ нихъ такіе классы и общественно-политическія отношенія, которыхъ до него не касался никто почти изъ украинскихъ писателей.

Центромъ, около котораго вращается вся литературная дѣятельность г. Левицкаго, служитъ украинскій народъ до эмансипаціи и послѣ нея, въ различныхъ его отношеніяхъ къ московскому и польскому элементамъ. Программою литературной дѣятельности автора

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», февраль 1882 года, «Задачи Украинофильства», по поводу украинскаго альманаха «Луна», на 1881 годъ.

могутъ служить слѣдующія слова его въ повѣсти «Причепа»: «Хто с Киян не памъятае часу передъ севастопольською войною? То був тяжкий часъ для Украіни, то було йіі лихоліття. Простий народ стогнавъ у тяжкій неволі під панами, мусів, мовчати й терпіти гірше як до Хмельницького. А за кожний стонъ його московським звичаем катовано. Украіна забула историчні перекази и не могла наукою дійти до страчених думок. На обох боках Дніпра опинилась у чужих порядках, в чужій шкурі, набіралися чужоі мови, забували свою. Згинула наука, впала просвіта, заставшись тільки в схоластичних латинських духовъних школах. Університецька наука була тільки азбука европейськоі просвіти, обрізаноі по казеній мірі». «Московьска школа на нашій Украіні, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ той же повѣсти, богато одрізнила луччих людей од свого народу, од свого племъя, од семъі, од батока й матері. А знов народ дуже одрізнив сам себе од панів, од вчених украінців и косим оком споглядае на ніх! Меж ними викопана велика безодня! И потрібно великоі, великоі праці не одного генія, щоб засипати ту провалину, почату ляхами, скінчану москалями, щоб звъязати те, що порвала наша неубайливість, та стидка украінська байдужість, та лежача недобачливість» [1]). Засыпать эту пропасть, отдѣляющую простой украинскій народъ отъ привилегированныхъ сословій, и составляетъ задачу нашего автора, который, для выполненія ея, изображаетъ неблагопріятныя соціальныя условія жизни простаго украинскаго народа, выставляя тѣ свѣтлыя черты нравственнаго народнаго облика, которыя видны даже изъ-подъ коры внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій, и караетъ вѣщимъ словомъ беллетриста-поэта интеллигентные слои мѣстнаго общества, испорченные польскимъ и московскимъ вліяніями. Такимъ образомъ, главная задача нашего автора, состоящая въ нравственномъ объединеніи всѣхъ слоевъ украинскаго народа

---

[1]) «Кто изъ кіевлянъ не помнитъ времени передъ севастопольской войной? То было тяжелое время для Украины, то было ея лихолѣтье. Простой народъ стоналъ въ тяжкой неволѣ подъ панами, долженъ былъ молчать и терпѣть горше, чѣмъ до Хмельницкаго. А за каждый его стонъ, по московскому обычаю, наказывали. Украина забыла историческія преданія и не могла наукою дойти до потерянныхъ думокъ. На обоихъ сторонахъ Днѣпра очутились въ чужихъ порядкахъ, въ чужой шкурѣ, пріучались къ чужой рѣчи, забывали свою. Погибла наука, упало просвѣщеніе, оставшись только въ схоластическихъ латинскихъ духовныхъ школахъ. Университетская наука была только азбукой европейскаго просвѣщенія, обрѣзаннаго по казенной мѣркѣ». «Московская школа на нашей Украинѣ много оторвала лучшихъ людей отъ своего народа, отъ своего племени, отъ семьи, отъ отца и матери. А народъ опять сильно оторвалъ самъ себя отъ господъ, отъ ученыхъ украинцевъ и искоса поглядываетъ на нихъ! Между ними выкопана великая пропасть. И нужно большого, большого труда не одного генія, чтобъ засыпать эту провалину, начатую ляхами, оконченную москалями, чтобъ связать то, что порвала наша лѣность, да постыдная украинская нерадивость, да лежачая неосмотрительность».

на народныхъ началахъ, подраздѣляется на частнѣйшія задачи, именно: воспроизведеніе въ художественныхъ образахъ прошлаго и современнаго быта простаго украинскаго народа и изображеніе шляхетско-польскаго и московскаго вліяній на украинскую жизнь.

Въ художественномъ изображеніи простаго украинскаго народа г. Левицкій началъ съ того, съ чего и Марко-Вовчокъ, т. е. съ изображенія судьбы подневольнаго крѣпостнаго человѣка, но не остановился на этомъ изображеніи, равно какъ и не увлекся иллюзіями о счастливой и блаженной жизни свободнаго крестьянина, какъ это сдѣлала Марко-Вовчокъ, а напротивъ указалъ рядъ другихъ неблагопріятныхъ условій, угнетающихъ свободу человѣка и послѣ освобожденія его отъ крѣпостной зависимости. Повѣсти «Микола Джеря» и отчасти «Рибалка Панасъ Крутъ» и «Дві Московки» коренятся еще въ эпохѣ крѣпостничества и крѣпостныхъ порядковъ. Въ повѣсти «Микола Джеря» изображены похожденія малорусскаго крестьянина Кіевской губерніи, который, вслѣдствіе несправедливостей и утѣсненій, перенесенныхъ на родинѣ, началъ вести бродячую жизнь, сначала работая на сахарныхъ заводахъ, потомъ проживая въ Бессарабіи, и наконецъ, уже подъ старость воротился на родину, гдѣ засталъ новые порядки послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. «Рибалка Панасъ Крутъ» испыталъ другаго рода крѣпостное право, свойственное только юго-западной Россіи и доселѣ еще неотмѣненное, и сдѣлался его жертвою. Онъ родился въ Кіевской губерніи, въ одномъ мѣстечкѣ надъ р. Росью, принадлежавшемъ помѣщику и наполненномъ жидами. Съ одной стороны, обременительность чиншевой платы помѣщику, съ другой— еврейская эксплуатація и ремесленная конкурренція парализовали ремесленную предпріимчивость Панаса Крутя. Сначала онъ поочередно брался за разныя ремесла: былъ овчинникомъ, портнымъ, сапожникомъ, охотникомъ и музыкантомъ, чтобы нажить себѣ если не богатство, то достатокъ. Онъ и зарабатывалъ по-немногу, но не могъ, какъ говорятъ, на ноги встать. Бѣдность свела въ могилу его жену. По смерти ея, Панасъ Крутъ остановился, наконецъ, на рыболовствѣ и занимался этимъ промысломъ около 23-хъ лѣтъ, оставляя заработанныя деньги въ шинкѣ у жидовки. Панасъ Крутъ и умеръ какъ истый рыбакъ, потонувъ въ р. Роси во время половодья. Своего рода крѣпостничество или закрѣпленіе такъ называемыхъ кантонистовъ за военнымъ сословіемъ, со всѣми грустными послѣдствіями этого закрѣпленія, изображаетъ повѣсть г. Левицкаго «Дві Московки». Въ село Момоты, по разсказу повѣсти, возвращается въ безсрочный отпускъ молодой и красивый солдатъ Василь къ своей матери, старой Хомихѣ. Не одна Хомиха обрадовалась возвращенію Василя. На селѣ были двѣ дѣвицы, Ганна и Марина, щирыя подруги. Ганна была небольшаго росту, съ тихимъ взглядомъ и характеромъ, а Марина была смугла лицомъ, смѣла и

проворна. Обѣ онѣ полюбили молодаго, красиваго москаля (солдата), но Ганна была счастливѣе своей подруги и вышла за него замужъ. Хорошо она зажила съ Василемъ: работали они вмѣстѣ, устроили хозяйство и даже скопили немного деньжонокъ. Ганна подарила Василю сына Ивана. Но счастье молодыхъ супруговъ продолжалось недолго. Въ одинъ прекрасный день момотянскій эсаулъ оповѣстилъ Василя, что его требуютъ въ Кіевъ, въ походъ. Василь ушелъ въ походъ и больше не возвращался, старая Хомиха скоро умерла, а Ганна долго еще боролась съ горемъ, зарабатывая себѣ насущный хлѣбъ и подкрѣпляясь надеждой на подростающаго сына; но и сына ея взяли въ контонистскую школу и длиннымъ рядомъ истязаній исказили его нравственно, заставивъ забыть родную рѣчь и безумно гордиться званіемъ какого-то писаря. Ганна умерла въ бѣдности, раньше своего сроку, на рукахъ Марины. Что же касается самой Марины, то она долго еще тужила по Василѣ и завидовала короткому счастью Ганны; наконецъ, на зло себѣ и людямъ, вышла замужъ за перваго попавшагося жениха, какимъ оказался тоже отпускной москаль, хотя и добрый, но не любый ей. Тяжко было жить Маринѣ съ немилымъ, и потому она была, если не рада, то совершенно равнодушна, когда ея мужа тоже потребовали въ походъ. Проводивъ мужа, Марина повела свободную и веселую жизнь, собирала у себя вечерницы и пѣла и плясала на нихъ. Смерть безпомощной Ганны, послѣдовавшая въ это время, заставила Марину призадуматься на нѣкоторое время и надъ своей будущностію. Но скоро явилась въ селѣ еще какая-то московка изъ города и соблазнила Марину отправиться въ Кіевъ на легкіе хлѣба и хорошій заработокъ. Здѣсь Марина дошла до крайней степени нравственнаго униженія и паденія и умерла въ нищетѣ, гдѣ-то подъ заборомъ. Въ художественномъ и бытовомъ отношеніяхъ эта повѣсть считается однимъ изъ лучшихъ произведеній г. Левицкаго. Она «вѣрно и трогательно,—по словамъ Н. И. Костомарова, изображаетъ судьбу солдатокъ, проживающихъ въ малорусскомъ селѣ». По отзыву другаго рецензента, эта повѣсть представляетъ собою «прекрасный, полный глубокаго психологическаго анализа разсказъ» и вообще составляетъ, лучшую вещь нашего автора» [1]).

Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и отмѣною кантонистовъ, не было, однако, совершенно уничтожено рабство народа, поступившаго теперь въ новую кабалу къ евреямъ и другимъ мелкимъ и крупнымъ аферистамъ и эксплуататорамъ. Это не только матеріальное, но и нравственное иго изображается нашимъ авторомъ въ разсказѣ «Прыятели» и въ повѣсти «Бурлачка».

Главная бѣда малорусскаго простонародья зависѣла и зависитъ не столько отъ эксплуататорской дѣятельности евреевъ и разныхъ

---

[1]) «Кіевскій Телеграфъ», 1875 года № 30.

поссессоровъ, сколько отъ недостатка элементарнаго образованія и первыхъ начатковъ общественности. Противообщественныя явленія въ сельской жизни старается авторъ изобразить въ своихъ разсказахъ: «Неможна бабі Парасці вдержатись на селі» и «Благословіть бабі Палажці скоропостижно вмерти».

Тотъ же недостатокъ истиннаго образованія выставляется напоказъ въ комедіи нашего автора «На Кожумъ яках», но съ тою разницею, что здѣсь сфера дѣйствія—не сельская жизнь, а городская, мѣщанская, въ ея соприкосновеніи съ разными мнимо-просвѣщенными людьми. Очевидно въ этой сферѣ чувствуется уже потребность хоть какого нибудь образованія; но это образованіе понимается чисто съ внѣшней стороны, какъ декоративная сторона невѣсты, дочери зажиточныхъ мѣщанъ, какъ хорошая приманка для жениховъ изъ другихъ сравнительно высшихъ сословій.

Предметъ комедіи взятъ изъ той среды, изъ которой почерпалъ содержаніе для своихъ комедій и Островскій. Разница только та, что герои комедіи г. Левицкаго—малороссы, и всѣ ихъ поступки и дѣйствія носятъ печать малорусскаго характера и мѣстныхъ кіевскихъ условій. Н. И Костомаровъ находитъ въ этой пьесѣ большія комическія достоинстьа и желаетъ, чтобы она была поставлена на сценѣ.

Восходя отъ низшихъ сферъ къ болѣе и болѣе высшимъ, г. Левицкій не разъ пытался бросить свой поэтическій взглядъ и на вопросы высшаго порядка, изобразить внутреннія междуплеменныя отношенія русскаго государства. Эта грандіозная задача лежитъ въ основѣ его сказки-поэмы «Запорозці» и двухъ большихъ его повѣстей «Причепа» и «Хмари». Въ нихъ онъ старается обрисовать историческія и современныя отношенія Малороссіи къ Россіи и Польшѣ. Но для выполненія этой грандіозной задачи у автора не достало средствъ и безпристрастнаго, объективнаго отношенія къ дѣлу, и потому эти произведенія г. Левицкаго обилуютъ тенденціозностью, которая вредитъ самой художественности изложенія, хотя и въ этихъ произведеніяхъ разсматриваемаго писателя есть много прекрасныхъ частностей.

Впрочемъ, и самъ г. Левицкій какъ будто понялъ, что ему меньше удается изображеніе нравовъ того образованнаго общества, котораго до него не касались украинскіе повѣствователи, и въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ уже не возвращался болѣе къ этому предмету. Попробовалъ было онъ пересказать украинскія народныя думы о Марусѣ Богославкѣ въ четырехъ-актной оперетѣ; но настоящимъ призваніемъ своимъ считаетъ изображеніе современнаго быта украинскаго народа и соціальныхъ его недуговъ. За эти повѣсти и разсказы онъ и пользуется въ Малороссіи заслуженною извѣстностью, хотя и въ нихъ есть значительные недостатки, какъ-то: идеализація украинской природы и жизни, многословность, отступ-

леніе отъ главнаго предмета въ сторону и повтореніе однѣхъ и тѣхъ же картинъ природы въ различныхъ повѣстяхъ и разсказахъ.

Изъ малорусскихъ писателей г. Левицкій ближе всего подходитъ къ Марку-Вовчку. Есть у этихъ писателей даже довольно сходныя частности. Изъ русскихъ писателей г. Левицкій слѣдуетъ больше всего Тургеневу, а въ комедіи «На Кожумъ-якахъ», можетъ быть, и Островскому.

III.

Л. И. Глѣбовъ.

Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ [1]) родился въ 1832 году. Онъ началъ свое воспитаніе въ Полтавской гимназіи, а окончилъ въ лицеѣ князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, откуда выпущенъ въ 1855 году съ чиномъ XIV класса. Первое время по выходѣ изъ лицея г. Глѣбовъ занималъ мѣсто учителя исторіи и географіи въ Черноостровскомъ (Каменецъ-Подольской губерніи) дворянскомъ училищѣ, но вскорѣ оставилъ это мѣсто и переѣхалъ на жительство въ Черниговъ. Здѣсь, въ теченіи двухъ лѣтъ, онъ издавалъ газету, собравшую около него кружокъ людей, горячо сочувствовавшихъ новымъ реформамъ. Литературныя свои занятія Глѣбовъ началъ очень рано; именно, еще будучи воспитанникомъ Полтавской гимназіи, онъ издалъ въ 1847 году небольшой томикъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія Леонида Глѣбова. Затѣмъ, въ «Черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» и въ журналѣ «Основа» напечатанъ былъ цѣлый рядъ малороссійскихъ произведеній, оригинальныхъ и переводныхъ, въ разныхъ родахъ. Изъ оригинальныхъ его стихотвореній приведемъ его «Пѣсню» въ русскомъ переводѣ Гербеля, которая въ малорусскомъ оригиналѣ напечатана была въ журналѣ «Основа»:

Мчится голубь въ поднебесьи,
    Отдыху не знаетъ;
Долы, горы и дубравы
    На-вѣкъ покидаетъ.

Ни сады въ цвѣту весеннемъ,
    Ни лѣса густые
Не влекутъ на мирный отдыхъ
    Силы молодыя.

---

[1]) Свѣдѣнія о его жизни и сочиненіяхъ находятся въ книгахъ — «Лицей князя Безбородко», 1859 и 1881 года, и «Поэзія славянъ», Гербеля, 1871 года, стр. 195 и слѣд.

Отдыхаетъ казачина;
Конь пасется рядомъ...
И сказалъ онъ, голубочка
Провожая взглядомъ:

«Ой, куда ты, сизокрылый,
Очи устремляешь?
Ой, зачѣмъ лѣса и долы
На-вѣкъ покидаешь?

Аль тебѣ, мой голубь сизый,
Некого голубить?
Аль никто на цѣломъ свѣтѣ
И тебя не любитъ?

Если такъ, спустись на землю,
Отдохни со мною,
И потомъ въ иное поле
Полетимъ съ тобою!

За горами, за лѣсами,
На иномъ на полѣ
Попытаемъ, не найдемъ ли
Мы счастливой доли.

Мы найдемъ, мой голубочекъ,
Темныя дубровы,
И луга въ цвѣтахъ душистыхъ,
И собольи брови.

Мы найдемъ тамъ, мы увидимъ
Ясную зарницу:
Мы найдемъ тамъ и голубку,
И красу—дѣвицу.

Сизокрылая голубка
Друга приголубитъ,
А красавица дѣвица
Казака полюбитъ».

Но г. Глѣбовъ больше извѣстенъ не оригинальными своими произведеніями, а переводными баснями изъ Крылова, которыя однако-же, по отзыву его земляковъ, присобляются у него къ малороссійской жизни и обстановкѣ. Въ 1872 году его «Байки» вышли уже вторымъ изданіемъ. Въ примѣръ переводныхъ его басенъ приведемъ его байку «Охрімова свита», представляющую переводъ «Тришкина кафтана» Крылова.

Була въ Охріма сіра свита,
Такъ хороше пошита:
Иззади вусики зъ червоного сукна;
На комирі мережечка така—що на!

Хочъ голові носити.
Дурний Охрімъ не влівъ и глядіти.
Таскавъ, коли й неслідъ таскать.
Разъ ставъ вінъ свиту надягать,—
Ажъ дивитьця—рукава вже продрались,
Отъ мій Охрімъ, щобъ люде не сміялись,
Налагодивсь латать.
А де-жъ суконьця взять?
Охрімові не вдивовижу!
—«Ми знайдемо»,—вінъ каже самъ собі—
«Рукава трохи обчикрижу,
«Та й поможу журьбі».
Зробивъ,
И свиту зновъ надівъ,
И хороше ему здаетьця,
Хочъ руки й голі до локітъ;
Такъ отъ біда: куди вінъ не поткнетьця,
Усякъ одъ реготу беретьця за живітъ.
Росердився Охрімъ, що зъ его такъ глузують...
—«Тривайте;—каже,—коли такъ,
Зроблю жъ я ось-де якъ...
Нехай, дурні, собі пустують;
У нихъ, видно, жуки у голові,
А ми втнемо рукавця и нові,
Хиба мудряція велика!»
Охрімъ догадливий бувъ парубіка!
Прихорошенько взявъ,
Підрізавъ поли вінъ чи-мало,—
Якъ—разъ, щобѣ на рукава стало,—
Покраявъ, та й пипришивавъ—
И зновъ рукава, якъ рукава.
И ходить мій Охрімъ, неначе та проява,
Та й думае: «ось я—то молодець,
Удався хочъ куди хлопчина!»
Дурний, дурний! а на й ему свитина
Неначе той німецький катанець!

Отъ такъ и зъ тимъ бувае,
Хто чортъ—зна де добро свое дівае,
А тамъ, якъ кинетьця вертить и такъ и сякъ,
Неначе горобець у клітці...
Дивись, згодя: голяе неборакъ
Въ Охрімовій куценькій свитці.

«Къ сожалѣнію, говоритъ г. Кулишъ, Глѣбовъ мало трудился надъ изученіемъ языка и иногда выражается натянуто, не по народному; но нѣкоторыя изъ его басенъ обнаруживаютъ талантъ неоспоримый, которому не достаетъ только обработки» [1]).

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1857 года, т. XII; Современная лѣтопись, стр. 231.

IV.

С. Руданскій.

Степанъ Руданскій, родомъ изъ Подольской губерніи, воспитанникъ кіевскаго университета, умеръ въ Ялтѣ, на должности врача, не достигнувъ и 40 лѣтъ возраста. Онъ оставилъ по себѣ «хорошую память, какъ человѣкъ, помогавшій всякому доброму дѣлу, частному и общественному». «Покойный Руданскій,—говоритъ г. Креминскій, обладая большимъ поэтическимъ талантомъ и отличнымъ знаніемъ малорусскаго языка, при иныхъ условіяхъ могъ бы выработаться до степени весьма примѣтнаго поэта и оказать солидныя услуги жизни южно-русской этнографіи, поэзіи и литературѣ, но не достигъ надлежащаго развитія и преждевременно сошелъ въ могилу по причинѣ того печальнаго недостатка, отъ котораго страдали истинно великіе таланты, начиная съ отца русской науки М. В. Ломоносова и кончая величайшимъ нашимъ поэтомъ Т. Г. Шевченкомъ» [1]).

Первыя произведенія свои г. Руданскій помѣщалъ въ «Русскомъ Мірѣ», въ 60-хъ годахъ. Въ 1860 году предназначался для цензуры и изданія цѣлый сборникъ его малорусскихъ произведеній, подъ названіемъ «Співомовкы» [2]), который, однако-же, почему-то не былъ изданъ при жизни автора. Изъ этого сборника напечатано было нѣсколько стихотвореній въ журналѣ «Основа» за 1861 годъ. «Співомовкы» изданы были Н. Г. Волынскимъ (Косачемъ) уже въ 1880 году, и то не въ полномъ видѣ. Кромѣ помѣщенныхъ здѣсь мелкихъ стихотвореній, имѣются еще, по словамъ г. Косача, — гораздо большія произведенія Руданскаго, какъ-то: переводъ Иліады, нѣсколько поэмъ про нашихъ историческихъ вождей (Мазепу, Полуботка и др.) и весьма хорошій переводъ всего «Слова о полку Игоревѣ», съ приложеніемъ къ нему предисловія, написаннаго тоже по-украински. Часть перевода Иліады и нѣкоторыя другія сочиненія Руданскаго напечатаны были въ Галиціи и именно въ журналѣ «Правда» за 1872, 1875 и др. годы [3]). Одно стихотворе-

---

[1]) «Кіевская Старина», іюнь 1882 г.

[2]) Разбирая бумаги покойнаго М. Г. Щербака, мы нашли въ его дневникѣ за 1859—1860 годъ слѣдующую замѣтку: «16-го февраля (1860). Вівторокъ принісъ менії изъ цензурнаго комитета Поповъ «Співомовки» Винка Руданьского. Тутъ читали и сміялись. Міні пришла думка начати писати рецензію, щобъ була готова тоді, якъ выйде изъ печаті ця книжка. А ось я переписавъ дещо, що цензура вже певно не позволе надрукувати». Затѣмъ, выписаны «Приказки на москалієвъ»: «Запорозці підъ Москвою», «Запорозці у Сенаті», «Страшный судъ», «Піпъ и жидъ», «Варвара» и «Доброй человѣкъ».

[3]) «Співомовкы». Кіевъ, 1880 годъ. Предисловіе. «Нѣкоторыя стихотворенія г. Руданскаго напечататы также въ альманахѣ г. Пискунова—«Чайка», 1876 г.

ніе «Обманутый солдатъ» помѣщено въ «Кіевской Старинѣ», за іюнь, 1882 года.

«Степанъ Руданскій, говоритъ г. Косачъ въ предисловіи къ Співомовкамъ, принадлежитъ къ давнишнему направленію авторовъ; и въ самомъ дѣлѣ, мы иногда замѣчаемъ это въ его произведеніяхъ. Порой явится у него романтическій духъ, такъ напримѣръ, во всемъ складѣ співомовкы «Моя смерть»; а тутъ же рядомъ старинная какъ будто смѣхотворная котляревщина, какъ напримѣръ въ тѣхъ анекдотахъ, гдѣ съ одинаковымъ юморомъ разсказываются приключенія и какъ будто того простоватаго мужика, и гордаго, чванливаго пана, и жида, и цыгана. Однако, какъ въ своихъ серьезныхъ, такъ и шутливыхъ произведеніяхъ, Руданскій не остался при одномъ безпочвенномъ ширяніи фантазіи, не остался творцомъ не отъ «міра сего и его живой сути». По словамъ другаго рецензента, «Руданскій былъ одинъ изъ весьма немногихъ малорусскихъ поэтовъ недавняго времени съ дѣйствительнымъ талантомъ и съ попытками тронуть новыя тэмы, а не тѣ только, которыя заѣздили предшественники и подражатели Шевченка» [1]. Съ своей стороны, не отвергая поэтическаго таланта г. Руданскаго, мы должны сказать правду, что лучшія его стихотворенія написаны въ духѣ Кольцова и Некрасова и, по всей вѣроятности, по подражанію имъ. Таковы, напримѣръ, стихотворенія г. Руданскаго— «Пьяныця» и «Наука».

Стихотвореніе «Пьяныця», имѣющее отношеніе къ печальной страсти самого автора, очень живо напоминаетъ своимъ содержаніемъ и складомъ стихи Кольцова. Вотъ первая половина этого стихотворенія:

Не кыдай мене,
Моя чарочко!
Не жены мене,
Ты шынкарочко!
Не жены мене,
Дай упытыся,
Въ тебе брыдкую
Улюбытыся!
Не безъ жінкы я,
Не безъ хаты я,
Все у мене йе,
Разпроклятая!
Хліба до-сыта,
Пара волыківъ,
Сынівъ четверо,—
Якъ соколыківъ;
Моя хатонька —
Срібна чашечка,

[1]) «Кіевскій Телеграфъ», 1875 годъ, № 44.

Моя жіночка —
Мыла пташечка;
Та тяжкі мої
Болі більныї!
Бо не маю я
Волі вільноі.
Потомъ мыюся,
Распряжу волы, —
На бікъ хылюся,
Повалюсь на бікъ.
Не здрімаюся,
Зновъ на паншыну
Підіймаюся!.. [1])

Другое изъ намѣченныхъ нами стихотвореній Руданскаго «Наука» по содержанію очень сходно съ «Пѣсней Еремушкѣ» Некрасова и, по всей вѣроятности, написано подъ вліяніемъ послѣдней. У

---

[1]) Переводъ: Не кидай меня
Моя чарочка!
Не гони меня
Ты шинкарочка!
Не гони меня,
Дай напиться,
Въ тебя гадкую
Влюбиться!
Не безъ женушки я,
Не безъ хаты я,
Все у меня есть,
Распроклятая!
Хлѣба до-сыта,
Пара бычковъ,
Сыновей четверо, —
Какъ соколиковъ;
Моя хаточка —
Серебряна чашечка,
Моя женушка —
Мила пташечка;
Да тяжки мои
Боли больныя!
Ибо не имѣю я
Воли вольныя.
Потомъ моюся,
Распряду быковъ, —
На бокъ валюся,
Повалюся на бокъ,
Не успѣю вздремнуть,
Вновь на барщину
Поднимаюся...

Некрасова, какъ извѣстно, старая нянюшка и проѣзжій горожанинъ поочередно поютъ колыбельныя пѣсенки надъ малюткой Еремушкой, совершенно противоположнаго содержанія. Нянюшка напѣваетъ малюткѣ, что

Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтобъ на свѣтѣ сиротиночкѣ
Безпечально вѣкъ прожить.

Напротивъ, горожанинъ находитъ эту пѣсню нянюшки безобразною и поетъ надъ ребенкомъ свою пѣсенку, въ которой проклинаетъ растлѣвающій пошлый житейскій опытъ и зоветъ дитя къ новой человѣческой жизни, къ братству, истинѣ, свободѣ и къ борьбѣ съ лукавою неправдою. У Руданскаго роль некрасовской нянюшки играетъ мать молодого человѣка, а роль горожанина — отецъ. Мать, провожая сына въ свѣтъ, совѣтуетъ ему искать такихъ людей, которые не знаютъ тяжелаго крестьянскаго труда, но живутъ въ довольствѣ:

Колы ныйдешь іхъ,
Мылый сыночку
Ты склоны себя
Якъ былыночку,.
Простелы себе
Якъ рядныночку!
Спына съ похылу
Не покорчытьця,
Чоло зъ пороху
Не изморщытьця.
Спына зъ похылу
Не искрывытьця;
За те ступыть панъ
Та й подывытьця;
За те ступыть панъ
На покірного
И прийлье тебе
Якъ добірного.
И въ годыночку —
На драбыночку;
И підешъ тоді,
Мылый сыночку?
И зъ панамы самъ
Порівняешся,
Въ сріблі—золоті
Закупаешся;
Въ сріблі—золоти
Закупаешся

Зъ полемъ батькіевскимъ
Разпрощаеся! [1])

Напротивъ, отецъ учитъ сына не гнуть ни передъ кѣмъ спины, убѣгать отъ такихъ людей, которые живутъ чужимъ трудомъ, идти въ свѣтъ и узнать все:

Тоді зъ світомъ ты
Порівняеся,
Въ добрі розумі
Закупаеся.
Въ добрі розумі
Закупаеся,
Зъ полемъ батьковымъ
Прывітаеся [2]).

---

[1]) Переводъ: Коли найдешь ихъ,
Милый сыночекъ,
Ты склони себя
Какъ былиночку,
Постели себя
Какъ подстилочку!
Спина съ поклону
Не погорбится,
Чело отъ пыли
Не поморщится;
Спина съ поклону
Не искривится,
За то ступитъ панъ
Да и посмотритъ;
За то ступитъ панъ
На покорнаго
И приметъ тебя
Какъ избранника.
И въ минуту —
По лѣсенкѣ!
И пойдешь тогда,
Милый сыночекъ!
И съ господами самъ
Поравняешься,
Въ сребрѣ — золотѣ
Закупаешься;
Въ сребрѣ — золотѣ
Закупаешься,
Съ полемъ батьковскимъ
Распрощаешься.

[2]) Переводъ: Тогда съ свѣтомъ ты
Поравняешься,
Въ добрѣ разумѣ
Закупаешься,
Съ полемъ батьковскимъ
Посвыкнешься.

Кромѣ подражательныхъ стихотвореній, есть у Руданскаго и чисто переводныя. Мы уже упоминали выше о его переводахъ Иліады и Слова о полку Игоревѣ. Извѣстны также его — переложеніе пушкинскаго «Вѣщаго Олега», переводы изъ польскаго поэта Ленартовича («Ластівка») и сербскаго Бранка Радичевича. Остановимся нѣсколько на переводѣ Иліады.

Переводъ «Иліады», которымъ занятъ былъ Руданскій въ последнее время своей жизни, сдѣланъ съ подлинника, но задуманъ былъ не гекзаметромъ, а размѣромъ, хотя часто встрѣчающимся въ малороссійскихъ пѣсняхъ и пословицахъ, размѣромъ народнымъ и плавнымъ, но за то короче гекзаметра. Отъ этого значительная часть длинныхъ словъ, эпитетовъ гомеровскихъ, должна была пострадать. «Это очень и очень жалко,—говоритъ одинъ малорусскій критикъ,—особенно въ виду способности малорусскаго языка къ разнообразному словосоединенію. Переводъ Руданскаго такимъ образомъ не удовлетворитъ вполнѣ знатоковъ Гомера; но легкостью и простотою склада онъ подходитъ къ духу подлинника и производитъ вѣрное впечатлѣніе. Языкъ перевода чистый малорусскій съ кой-гдѣ пробѣгающими славянизмами и подольскими провинціализмами». Вотъ для примѣра нѣсколько строкъ изъ разговора Пріама и Елены о герояхъ ахейскихъ въ третьей пѣснѣ:

Старой запитався и про Одисея:
— «Скажи ж, моя доню, хто там такий другий,
Головой меньший як цар Атріенко,
А плечима ширший и грудьми видніщий?
Оруже поклав він на землю родючу,
А сам він обходить ряди війскові,
Мов часамі в полі баран пелехатий
Обходжуе стадо біленьких овечок».
Ему и сказала дивная Елена:
— «А се Одисей той, мудрий Лаертенко,
Що зрічъ у Іфаці, в землі камянистій:
Він и хитрий тяжко и до мови здатний [1]).

---

[1]) Переводъ: Старецъ спросилъ и про Одиссея:
«Скажи, моя дочь, кто это тамъ другой
Головою меньшій царя Атрида,
А плечами шире и грудью виднѣе,
А самъ онъ обходитъ ряды войсковые,
Какъ иногда въ полѣ баранъ волохатый
Обходитъ стадо бѣлыхъ овечекъ?
Ему отвѣчала дивная Елена:
А это Одиссей тотъ, мудрый Лаертидъ.
Что выросъ въ Итакѣ, землѣ каменистой,
Онъ и хитрый весьма, и краснорѣчивый.

V.

М. П. Старицкій.

Михаилъ Петровичъ Старицкій, помѣщикъ Подольской губерніи, воспитывался въ кіевскомъ университетѣ, но не окончилъ здѣсь курса. Въ предисловіи къ «Співомовкамъ» Руданскаго г. Косачъ говоритъ о г. Старицкомъ слѣдующее: «въ послѣднее время одинъ только почтенный писатель г. Старицкій выявляетъ иногда на нашемъ убогомъ полѣ отдѣльныя изданія своихъ произведеній, за что мы должны воздавать ему сугубую честь и благодарность». Но и этотъ единственный современный стихотворецъ малорусскій, выпускающій свои произведенія отдѣльными изданіями, извѣстенъ почти исключительно своими переводами и передѣлками съ другихъ языковъ на украинское нарѣчіе. Вотъ перечень его переводовъ и передѣлокъ: 1) «Казки Андерсена», полное изданіе, съ портретомъ Андерсена, его біографіей и 11-ю картинками. Кіевъ, 1873 годъ. Въ 1874 году онѣ изданы и отдѣльными брошюрами; 2) «Різдвяна Нічъ», оперетта. Кіевъ, 1874 годъ; 3) «Сорочинскій Армарокъ». Кіевъ, 1874 годъ; 4) «Байки Крылова». Кіевъ, 1874. 5) «Пісня про царя Йвана Василёвича, молодого опричника, та одважного крамаренка Калашника (з Лермонтова)». Кіевъ, 1875 годъ; 6) «Сербські народні думи і пісьні». Кіевъ, 1876 годъ; 7) «Чорноморці, оперета по Кухаренку». Кіевъ, 1878 годъ; 8) «Пісні і думи, з давнего зшитку». Кіевъ, 1881 годъ; 9) шесть стихотвореній и водевиль «Якъ ковбаса та чарка, те мынеться й сварка», въ альманахѣ «Луна». Кіевъ, 1881 годъ; 10) «Гамлетъ принць данськой. Трагедія въ 5 діяхъ». Кіевъ, 1882 годъ.

Первые опыты переводовъ г. Старицкаго были менѣе всего удачны. «Казка Андерсена»,—говоритъ одинъ рецензентъ,—по ихъ часто слишкомъ нѣмецкому, слащаво-мѣщанскому характеру, а равно по языку перевода, чрезвычайно неровному, вычурному, полному рѣдкихъ провинціализмовъ, колонизмовъ, германизмовъ и неудачно скованныхъ словъ, мало могутъ разсчитывать найти себѣ читателей въ народѣ; кто же можетъ читать Андерсена и притомъ въ болѣе полномъ составѣ по-русски, тому онѣ не нужны» [1]).

Болѣе успѣха имѣла оперетта г. Старицкаго «Різдвяна Нічъ», передѣланная изъ Гоголя; но и ея успѣхъ опредѣлялся не столько внутренними ея достоинствами, сколько побочными обстоятельствами: сравненіемъ съ другими малорусскими опереттами, заимствованнымъ у Гоголя сюжетомъ и музыкой г. Лисенка. «Появившаяся надняхъ въ свѣтъ оперетта, писалъ П. Иван—ко, внутренними и внѣшними достоинствами своими превосходитъ всѣ доселѣ

---

[1]) «Кіевскій Телеграфъ», 1875 годъ, № 3.

бывшія произведенія этого рода («Наталка Полтавка», «Сватання на Гончарівці», «Москаль Чарівникъ» и др.). Авторы тѣхъ произведеній не подошли такъ близко къ бытовой народной и литературно-художественной правдѣ, какъ это удалось г. Старицкому. Тамъ сюжеты частные, семейные; здѣсь желаніе усложнить частный сюжетъ элементомъ общенародной жизни посредствомъ пріуроченія дѣйствія къ первому дню рождественскихъ праздниковъ. Драматическое дѣйствіе естественнѣе; рѣчи дѣйствующихъ лицъ, ихъ нравы и обычаи ближе къ этнографической истинѣ; языкъ правильнѣе. Нѣкоторыя мѣста оперы представляютъ художественное воспроизведеніе народной жизни. Но, при всѣхъ указанныхъ достоинствахъ, опера имѣетъ и недостатки: вопервыхъ, заглавіе ея внѣшнее, оно не связано органически съ содержаніемъ; вовторыхъ, допущены погрѣшности противъ народныхъ нравовъ и обычаевъ; въ третьихъ, избитымъ комическимъ положеніемъ посѣтителей вдовы Солохи Чуба, дьяка и головы, нарушается литературно-художественная правда; въ четвертыхъ, наконецъ, въ ней есть погрѣшности въ языкѣ противъ грамматической и филологической его стороны» [1]). Но всѣ эти достоинства и недостатки оперетты, указываемые г. Иван — комъ, принадлежатъ самому Гоголю, а не Старицкому, на долю котораго остается только одинъ языкъ оперетты. А въ языкѣ его замѣтны кованыя искусственныя слова и провинціализмы. «Намъ приходилось слышать,—говоритъ другой рецензентъ,—что г. Старицкій заставляетъ героевъ «Різдвяной Ночи», живущихъ около Нѣжина, говорить языкомъ подольскихъ поселянъ, и потому его произведеніе малороссамъ не совсѣмъ понятно [2]). То же, съ нѣкоторыми измѣненіями, слѣдуетъ сказать и о переводѣ «Сорочинской Ярмарки» Гоголя» [3]).

«Удачнѣе, по выбору предмета и по выполненію, переводъ басенъ Крылова, которыя въ оригиналѣ именно по своей народности, а потомъ и по своему чисто великороссійскому характеру, подъ часъ не производятъ должнаго эффекта въ народѣ и сельской школѣ въ Малороссіи» [4]). Тоже можно сказать и о переводѣ «Пісні про царя Ивана Василевича», изъ Лермонтова, т. е., что этотъ переводъ можетъ помочь ознакомленію малороссовъ съ этимъ произведеніемъ Лермонтова, написаннымъ въ духѣ великорусскихъ былинъ и историческимъ пѣсенъ, но положительныхъ внутреннихъ достоинствъ этотъ переводъ не имѣетъ.

Лучше всего переводческій талантъ г. Старицкаго обнаружился въ переводѣ сербскихъ народныхъ пѣсенъ и думъ. «Весьма заин-

---

[1]) «Кіевлянинъ», 1874 года, № 3.
[2]) Тамъ же, 1874 года, № 15.
[3]) «Кіевскій Телеграфъ», 1875 года, № 30.
[4]) Тамъ же.

тересованный лично сербскимъ народнымъ творчествомъ,—говоритъ одинъ рецензентъ,—г. Старицкій предположилъ такой же интересъ у многихъ изъ нашей (малорусской) публики и издалъ въ свѣтъ цѣлый томъ своихъ переводовъ на украинскій языкъ сербскихъ народныхъ думъ — большихъ эпическихъ поэмъ. Переводъ былъ сдѣланъ превосходно. Читая эти переводы Старицкаго, испытываешь вполнѣ цѣльное эстетическое впечатлѣніе, любуясь какъ прекраснымъ складомъ рѣчи, такъ и красотою, плавностью стиха. Время, когда были изданы «Сербскія думы» (1876 года), казалось, выбрано было тоже какъ нельзя болѣе удачно: это былъ годъ начала войны за освобожденіе братьевъ славянъ, время наибольшаго сочувствія и интереса къ нимъ. Къ тому же и самую выручку отъ продажи «Сербскихъ думъ» г. Старицкій предназначилъ въ пользу страдавшихъ братіевъ. И однакоже, несмотря на всѣ эти обстоятельства, несмотря на то, что, прежде всего, по одному количеству матеріала сборникъ «Сербскихъ думъ» Старицкаго являлся первымъ во всей россійской литературѣ, изданіе это было встрѣчено нашею (малороссійскою) публикою крайне холодно: оно почти не пошло въ продажѣ» [1]). Вѣроятно, поэтому второй томъ сербскихъ народныхъ думъ и пѣсенъ, въ переводѣ г. Старицкаго, явился только черезъ пять лѣтъ послѣ перваго, и, притомъ, онъ заключаетъ въ себѣ небольшую долю сербскихъ пѣсенъ, съ придачею переводовъ изъ первоклассныхъ европейскихъ и польскихъ писателей. Мы разумѣемъ здѣсь изданіе г. Старицкаго: «Пісні і Думи, зъ давнею зшитку. Кіевъ. 1881». Здѣсь, между прочимъ, помѣщены бытовыя сербскія пѣсни, большею частію любовныя, вообще отличающіяся чрезвычайнымъ лиризмомъ, страстностію, иногда простотой и наивностью содержанія и пластичностію. Къ числу коротко-описательныхъ пѣсенокъ относится, напримѣръ, слѣдующая, отличающаяся чрезвычайно граціознымъ выраженіемъ лирическаго порыва:

Не щебечы, соловейку, зрана,
Не буды ты господаря-пана?
Я сама прыспала его зъ ночи,
Такъ сама й збудыты его хочу:
Побіжу я на грядкы квітысті,
Та зірву тамъ васылекъ душистый,
По лыцю торкну его злегенька
І скажу: «вставай, мое серденько?» [2]).

---

[1]) Газета «Трудъ», 1871 года, № 96.

[2]) Переводъ: Не щебечи, соловеюшко, рано,
Не буди ты хозяина-господина!
Я сама приспала его ночью,
Такъ сама и разбудить его хочу:
Побѣгу я на прядки цвѣтистыя
Да сорву тамъ василекъ душистый,
По лицу дотронусь до него слегка
И скажу: вставай, мое сердечушко!

Но, заявивъ себя съ хорошей стороны переводомъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ и думъ, г. Старицкій снова обратился къ неудачнымъ переводамъ произведеній европейскихъ знаменитостей на украинское нарѣчіе и даже сталъ пробовать себя въ оригинальномъ творчествѣ.

Въ «Пісняхъ і думахъ» г. Старицкаго, 1881 года, помѣщено нѣсколько его переводовъ изъ Гейне, Байрона, Мицкевича, Сырокомли и другихъ, и кромѣ того, въ 1882 году, изданъ г. Старицкимъ переводъ «Гамлета» Шекспира. Чтобы познакомиться съ переводами г. Старицкаго изъ произведеній европейскихъ знаменитостей, приведемъ его переводъ «Сосны» Гейне:

На півночі млавій въ заметахъ, у кривї,
Самотня соснина дріма;
Куня похиливишись і в біли ризи
Вдягла и пишно зіма;
И марить та сосна про солнце блескуче,
Ій сниться південь-сторона,
Де те-жъ въ самотині на скелі пекучій
Красуеться пальма сумна [1]).

Нѣкоторые, правда, и въ этихъ переводахъ г. Старицкаго, особенно сдѣланныхъ съ польскаго языка, находятъ высокія достоинства [2]); но болѣе глубокіе знатоки малорусской рѣчи недовольны переводами г. Старицкаго изъ классическихъ западно-европейскихъ и польскихъ произведеній. «Мы замѣчаемъ,—говоритъ Н. И. Костомаровъ по поводу переводовъ г. Старицкаго,—что въ послѣднее время у малорусскихъ писателей явилась особенная охота къ переводамъ. Мы думаемъ, что переводы на малорусскій языкъ могутъ быть умѣстны только тогда, когда переводимое можетъ быть близко и понятно народному сердцу и умственному развитію. Это мы видимъ уже на опытѣ. Мы имѣемъ превосходный переводъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ помалорусски, между тѣмъ тотъ же переводчикъ совсѣмъ не такъ удачно исполнилъ свою задачу, когда принялся передавать на малорусскую рѣчь произведенія европейскихъ знаменитостей, какъ Шекспира, Байрона, Андерсена, Мицкевича и др. Мы вполнѣ раздѣляемъ желаніе видѣть малорусскій языкъ развитымъ до такой степени, чтобы на немъ безъ натяжки

---

[1]) У Лермонтова: На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

[2]) Газета «Трудъ», 1881 года, № 96.

можно было передавать все, что составляетъ достояніе культурнаго языка, но на это нужно время и значительное поднятіе умственнаго горизонта въ народѣ... Лучше оставить всѣхъ Байроновъ, Мицкевичей и др. въ покоѣ и не прибѣгать къ насильственной ковкѣ словъ и выраженій, которыя народу непонятны и пока ненужны. Что касается до интеллигентнаго класса въ Малороссіи, то для него такіе переводы еще болѣе ненужны, потому что со всѣмъ этимъ онъ можетъ познакомиться или въ подлинникахъ, или въ переводахъ на общерусскій языкъ, который ему такъ же хорошо знакомъ, какъ и родное малорусское нарѣчіе» [1]).

Не болѣе удачны были и самостоятельныя произведенія г. Старицкаго, помѣщенныя имъ въ альманахѣ «Луна» на 1881 годъ. По поводу этого альманаха и въ частности произведеній г. Старицкаго, тотъ же Н. И. Костомаровъ писалъ слѣдующее: «Любя малорусское слово и сочувствуя его развитію, мы не можемъ, однако, не выразить нашего несогласія со взглядомъ, господствующимъ, какъ видно, у нѣкоторыхъ современныхъ малорусскихъ писателей. Они думаютъ, что, при недостаточности способовъ для выраженія высшихъ понятій и предметовъ культурнаго міра, надлежитъ для успѣха родной словесности вымышлять слова и обороты и тѣмъ обогащать языкъ и литературу. У пишущаго на простонародномъ нарѣчіи такой взглядъ обличаетъ гордыню, часто суетную и неумѣстную. Создавать новыя слова и обороты вовсе не бездѣлица, если только ихъ создавать съ надеждою, что народъ введетъ ихъ въ употребленіе. Такое созданіе всегда почти было достояніемъ великихъ дарованій, какъ это можно прослѣдить на ходѣ русской литературы... Но что сталось съ такими на живую нитку измышленными словами, какъ «мокроступы, шарокаталище, краткоодежіе, четвероплясіе» и т. п.? Ничего, кромѣ позорнаго безсмертія, какъ образчики неудачныхъ попытокъ бездарностей! Съ сожалѣніемъ должны мы признаться, что современное малорусское писательство стало страдать именно этою болѣзнію, и это тѣмъ прискорбнѣе, что въ прежніе годы малорусская литература была чиста отъ такой укоризны. По крайней мѣрѣ, у Квитки, Гребенки, Гулака-Артемовскаго, Шевченка, Стороженка, Марка-Вовчка едва-ли найдется что нибудь такое, о чемъ бы можно было съ перваго раза сказать, что малоруссъ такъ не выразится. Теперь же не угодно ли полюбоваться хоть на это произведеніе современнаго поэта (Старицкаго), котораго, однако, судя по нѣкоторымъ прежнимъ его трудамъ, мы никакъ не можемъ отнести къ разряду бездарностей:

Сыділы мы, каганчыкъ мыготівъ,
Дві тіні, тремтячы, сягалы ажъ до мура,
А у вікно дывылась нічъ понура
І вітеръ щось сумне, гробкове вывъ

[1]) «Вѣстникъ Европы», февраль, 1882 года.

Якъ помныки холодні та німі
Сыділы мы безъ слова і безъ думы...
Іще чорнішъ тіеі ночі—стумы
Прыйдешнье намъ вбачалося въ пітьмі,—

Безъ просвітку, безъ жадноі меты,
Якъ мертвый шляхъ въ безлюдяній пустыні;
Въ мынулому руіна на руіні,
І сылою поставлені хресты.

Чого жъ ще ждать? боління тількы мыть...
Але мы все сыділы біля мура,
Дывылась нічъ черезъ вікно понура
І не вгававъ сердытый вітеръ выть [1]).

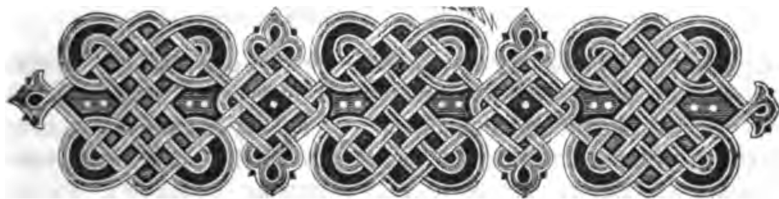
«Охота къ выковыванію новыхъ словъ, геройская отвага къ совершенію такихъ подвиговъ доходитъ до того, что стали выдѣлывать изъ нарѣчій существительныя: есть напр., нарѣчіе байдуже, т. е. все ни почемъ. Изъ этого нарѣчія выковали существительное байдужесть (у г. Левицкаго). Что бы сказалъ русскій читатель, если бы увидалъ въ русской книгѣ существительное всенипочемность? Въ другихъ прозаическихъ сочиненіяхъ, гдѣ видно притязаніе на описательность, мы встрѣчаемъ совершенно великорусскій книжный синтаксисъ, какъ будто авторъ сложилъ свое сочиненіе по-русски, только вмѣсто русскихъ словъ вставляя туда слова малороссійскія, съ прибавкою словъ собственнаго издѣлія, какъ напр. «напечатокъ» вмѣсто отпечатокъ (какъ будто напечатокъ для малорусса понятнѣе, чѣмъ отпечатокъ), «задуманість, поетычна мрія про історічну мынувшість, узькі глыбокі шілыны манылы до себе очи своею чарівнычею свіжыною» (Мы слышали слово свіжына только въ смыслѣ свинины) [2]).

Свои очерки мы и закончимъ этимъ отзывомъ Н. И. Костомарова, касающимся вообще состоянія новѣйшей украинской литературы.

Н. Петровъ.

[1]) Мы отказываемся дѣлать переводъ этого стихотворенія, въ которомъ нѣкоторыя слова и выраженія непонятны даже и для самихъ малороссовъ.

[2]) Послѣднія слова относятся тоже къ И. С. Левицкому. «Вѣстникъ Европы», февраль, 1882 года.

ЧУМА И ПУГАЧЕВЩИНА ВЪ ШАЦКОЙ ПРОВИНЦІИ.

Передъ нами лежатъ пыльныя связки шацкаго провинціальнаго архива за прошлое столѣтіе, назначенныя къ отправленію въ московскій архивъ министерства юстиціи. Мы имѣли возможность пересмотрѣть и перечитать бо̀льшую часть ихъ, и невеселыя мысли явились у насъ при чтеніи канцелярскихъ опытовъ нашихъ доморощенныхъ лѣтописцевъ.

Нашъ XVIII-й вѣкъ полонъ внѣшняго блеска и историческаго драматизма. Блестящія побѣды русскихъ войскъ, которыми предводительствовали истинные герои; великолѣпный петербургскій дворъ, при которомъ на первомъ планѣ фигурировали многочисленные и быстро смѣнявшіеся фавориты; вельможная и барская роскошь, удивлявшая иностранцевъ; быстрое и такъ сказать обрядовое сближеніе высшихъ классовъ народа съ западною Европою— вотъ показная сторона нашего славнаго вѣка. Но за этими декораціями скрывалась темная, бѣдная и безправная жизнь народной массы, слишкомъ дорого платившей за внѣшній государственный блескъ.

Въ московскій періодъ русской исторіи хоть украины наши жили вольготно. Бюрократія и крѣпостничество XVIII-го вѣка подтянули всю Русь, и отъ ихъ ненасытнаго и зоркаго хищенія не укрылись самые глухіе уголки земли русской. Видимъ это на Шацкой провинціи, которая, по словамъ мѣстныхъ архивныхъ памятниковъ, была въ прошломъ столѣтіи во всеконечной скудности и разореніи и многомъ и тяжкомъ изнуреніи.

Русская историческая наука еще не сказала своего послѣдняго и искренняго слова объ историческихъ судьбахъ нашего XVIII-го вѣка. Всего менѣе можетъ посягать на эту великую задачу въ узкихъ и условныхъ предѣлахъ своего труда скромный провинціальный работникъ. Пишущій эти строки рѣшается коснуться только двухъ фактовъ лихолѣтія прошлаго вѣка, именно развитія чумы и пугачевщины въ предѣлахъ Шацкаго края. Наши архивныя свѣдѣнія о шацкой чумѣ крайне скудны и потому первая глава предлагаемаго читателямъ «Историческаго Вѣстника» изслѣдованія, по необходимости, будетъ имѣть отрывочный характеръ.

I.

Чума.

Вскорѣ послѣ извѣстныхъ московскихъ событій 1771 года, воронежскій губернаторъ, А. М. Масловъ, прислалъ въ шацкую провинціальную консисторію ордеръ слѣдующаго содержанія: «Противъ обнаружившейся въ имперіи прилипчивой смертной язвы, отъ которой люди скоропостижно помираютъ, надлежитъ принимать наикрѣпчайшую предосторожность и слѣдить за ея развитіемъ недремлющими глазами, подъ опасеніемъ тяжкаго по законамъ взысканія. При семъ воеводамъ провинціи поставляется на видъ произшедшее въ Москвѣ въ подломъ народѣ замѣшательство, дабы бѣглецы и зараженные изъ Москвы не могли распространить заразы по уѣздамъ Шацкой провинціи».

Провинціальныя власти, уже не мало напуганныя молвою о московской чумѣ, немедленно приняли противъ нея свои мѣры, и гонцы-солдаты поскакали во всѣ шацкіе уѣзды съ самыми строгими предписаніями провинціальнаго воеводы Лопатина. Вскорѣ во всѣхъ селахъ Шацкой провинціи были назначены карантинные смотрителя изъ мѣстныхъ дворянъ. На въѣздахъ и выѣздахъ всюду поставили обывательскіе караулы. Всѣмъ дворянамъ, купцамъ и мѣщанамъ вмѣнено было въ обязанность сидѣть дома и такимъ образомъ подавать примѣръ добропорядочной жизни невразумительному народу. Домà и пожитки велѣно было чаще провѣтривать и, съ наступленіемъ зимнихъ холодовъ, вымораживать. Кругомъ селъ и городовъ, а также во дворахъ, начали курить дегтемъ, навозомъ, ельникомъ и можжевельникомъ. Сообщенія края внезапно почти совсѣмъ прекратились, потому что на всѣхъ заставахъ безпрепятственно пропускали однихъ только правительственныхъ курьеровъ.

Тогда началась великая и повсемѣстная бѣда въ Шацкой провинціи. Крестьяне бросили посѣвы и жители многихъ селеній подверглись голодной смерти. Въ базарныхъ селахъ пріостановилась торговля. На пристаняхъ задержаны были струги и барки съ хлѣбомъ, солью и разнымъ мелкимъ товаромъ. На одной Вышенской пристани разомъ подвергли шестинедѣльному карантину болѣе 40 струговъ. Отъ неосторожнаго куренія на карантинныхъ заставахъ начались безпрерывные пожары. Отъ великихъ огней, жаловались воеводы Шацкой провинціи, особливо во время вѣтровъ и вихрей, бываютъ многія пожарныя спаленія. Напуганное молвою духовенство отказывалось совершать церковныя требы, вслѣдствіе этого родильницы оставались безъ очистительныхъ молитвъ, младенцы — безъ святого крещенія, болящіе—безъ исповѣди и святого причастія, а умершіе лишались христіанскаго погребенія [1]). Въ народѣ началось усиленное пьянство, которымъ толпа думала залить ту панику, которая овладѣла ею вслѣдствіе разныхъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ ужасовъ чумной заразы. Въ 1771 году питейная контора въ одномъ Шацкѣ продала болѣе 19,000 ведеръ водки. Въ эти бѣдственныя времена крестьяне многихъ селъ Шацкой провинціи, крѣпостные и экономическіе, взбунтовались и не хотѣли признавать никакихъ властей. Между Шацкомъ и Тамбовомъ появились разбойническія партіи, такъ что и проѣзду имѣть было невозможно. Такимъ образомъ чумная паника потрясла коренныя общественныя основы [2]).

Общая тревога увеличивалась отъ тѣхъ безпорядковъ, виновниками которыхъ часто были сами карантинные смотрителя и караульные. Иногда у въѣзжихъ воротъ всѣ часовые были неграмотны, поэтому не читали пропускныхъ билетовъ и подолгу задерживали проѣзжихъ. Впрочемъ, за водку и за деньги караульные пропускали и безбилетныхъ, а по неопытности и недосмотру смотрителей свободно проходили заставы и такіе путешественники, у которыхъ были фальшивые билеты, фабрикація которыхъ сдѣлалась въ то время спеціальнымъ промысломъ въ нѣкоторыхъ шацкихъ селахъ. Иные карантинные смотрителя вовсе не признавали по своему скудоумію чумной заразы, предоставляли все на волю Божію и утѣшались въ своемъ бездѣйствіи безпрерывными кутежами. Такимъ образомъ многія заставы превратились въ самые разгульные кабаки и шло тамъ разливанное море и въ похмѣльномъ чаду забывали легкомысленные люди о грозной карѣ Божіей. При этомъ нѣкоторые помѣщики не слушались начальства и не хотѣли допус-

[1]) Арх. Тамб. дух. конс., № 21 за 1772 годъ.

[2]) Во время чумной эпидеміи особенно замѣтны были въ Шацкой провинціи крестьянскіе бунты въ селахъ Липдягахъ и Дерябкинѣ.

кать въ свои имѣнія карантинныхъ смотрителей. Такъ, напримѣръ, когда смотритель Богомоловъ пріѣхалъ въ кирсановское имѣніе Свищова, то помѣщикъ прогналъ его и за объявленіе карантинныхъ правилъ грозилъ перебить ему руки и ноги Въ имѣніи у этаго сердитаго владѣльца не мало было уже странныхъ смертныхъ случаевъ, въ его приходской церкви давно уже прочитано было объявленіе о заразѣ, а онъ все свое твердилъ: «прилипчивой болѣзни у меня въ имѣніи нѣтъ и быть не можетъ».

Хмѣльные смотрителя и караульные, притѣсняя проѣзжихъ и прохожихъ, иногда снимали съ нихъ одежду и отбирали у нихъ всю поклажу и деньги, бросая послѣднія ради ассенизаціи и безвозвратно въ квасную гущу. Вслѣдствіе этаго, крестьяне начали ѣздить по дорогамъ толпами и вооружаться для безопасности отъ карантиннаго начальства дубинами. Находились и такіе радѣтели общественнаго блага, которые безсмысленно пользовались своимъ смотрительствомъ, безпричинно притѣсняя народъ. Одинъ изъ такихъ народныхъ опекуновъ, дворянинъ Евсюковъ, ѣздилъ по селамъ и заставамъ и билъ караульныхъ и проѣзжихъ безъ всякой вины немилостиво. Когда же наступила зима 1771 года, то во всѣхъ селахъ своего смотрительскаго района онъ выгналъ обывателей изъ избъ съ цѣлію провѣтриванія воздуха. А какъ на грѣхъ зима та была лютая и многіе люди замерзали. Отъ этого энергичнаго распоряженія не легко было и взрослымъ, но въ особенности жутко было на морозѣ малымъ дѣтямъ, которыя начали помирать отъ простуды въ огромномъ количествѣ.

Лучшей памяти заслуживаютъ шацкіе карантинные смотрителя: Богомоловъ, Свѣчинъ, Аничковъ, Фроловъ-Багреевъ, Владиміровъ и Суровцовъ. Эти въ простотѣ своей усердно жгли навозъ и не давали ходу ни коннымъ, ни пѣшимъ. И если не было въ ихъ дѣятельности разума, за то много было посильнаго усердія.

Къ числу условій, благопріятствовавшихъ развитію чумной эпидеміи, надобно отнести также почти полное отсутствіе медицинской помощи и гигіеническихъ предосторожностей на всемъ пространствѣ Шацкой провинціи, имѣвшей въ 1771 году только двухъ сомнительныхъ врачей: Зигфрида и Рамелофа. Во всѣхъ шацкихъ городахъ и селахъ хоронили покойниковъ около приходскихъ церквей и притомъ зарывали ихъ небрежно и неглубоко. Въ Кадомскомъ уѣздѣ въ 1771 году былъ конскій падежъ и всю палую скотину зарывали внутри селъ, часто во дворахъ, и только самые осторожные обыватели сваливали падаль на выгонахъ. Отъ этого происходило то, что собаки ежедневно разрывали трупы животныхъ и съ кусками зараженнаго мяса разбѣгались по всѣмъ дворамъ. О всякой другой грязи и нечистотѣ, съ которыми издавна такъ свыкся простой русскій человѣкъ, и говорить нечего: въ описываемое нами время всѣ шацкія поселенія полны были всякими міазмами. Правда,

по Шацкой провинціи безденежно разсылались печатные экземпляры съ указаніемъ предохранительныхъ мѣръ и лѣченія отъ заразы, но рѣдкій шацкій обыватель обращалъ на нихъ должное вниманіе.

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о развитіи чумной заразы въ предѣлахъ Шацкой провинціи. Впрочемъ, и тѣ отрывочныя архивныя данныя, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, свидѣтельствуютъ о грозныхъ размѣрахъ шацкой эпидеміи и довольно ярко рисуютъ намъ картину народнаго бѣдствія, память о которомъ въ настоящее время почти исчезла въ нашемъ краѣ.

Съ особенною свирѣпостію эпидемія дѣйствовала въ селахъ Конобеевѣ и Аладьинѣ, по всему теченію рѣки Цны, и въ городѣ Козловѣ. Всѣ зараженныя мѣста со всѣхъ сторонъ оцѣпили и предоставили ихъ собственной участи. Изрѣдка подвозили къ ихъ заставамъ провіантъ, при чемъ извозчики, сваливъ въ кучу свою поклажу, опрометью скакали назадъ и даже денегъ не брали, вполнѣ довѣряя чумнымъ обывателямъ, которые сполна бросали деньги за товаръ въ квасную гущу. Деньги отъ кислоты чернѣли, а народъ объяснялъ это явленіе силою эпидеміи и окончательно поддавался паническому страху. Въ города и села постоянно приходили извѣстія, иногда преувеличенныя, о смертныхъ случаяхъ. Разсказывали о проѣзжавшихъ по большимъ и проселочнымъ дорогамъ, которые умирали почти внезапно. Такіе случаи дѣйствительно бывали. Тогда чумныхъ покойниковъ хоронили въ лѣсахъ и поляхъ вмѣстѣ съ телѣгами или санями. Погребавшихъ же запирали мѣсяца на полтора въ необитаемыя избы и строго охраняли ихъ. Въ это время къ заключеннымъ никто не входилъ и пищу подавали имъ, по сохранившемуся преданію, на длинныхъ шестахъ, устроенныхъ въ видѣ рогачей. З а р а з а б ы л а т а к а я с и л ь н а я, говорятъ наивные мѣстные старожилы, ч т о е с л и к т о п р и т р о г и в а л с я к ъ з а ч у м л е н н о м у т р у п у к а к и м ъ н и б у д ь о с т р ы м ъ о р у д і е м ъ, т о в и д н о б ы л о, к а к ъ ч у м н а я ч е р н о т а п о л з е т ъ в в е р х ъ.

Едва ли не самое тяжелое впечатлѣніе на всю Шацкую провинцію произвелъ слѣдующій дѣйствительно замѣчательный случай.

Въ сентябрѣ 1771 года, по рѣкѣ Цнѣ плыло казенное судно съ арестантами подъ начальствомъ поручика Филиппова. Около села Высокихъ Полянъ это судно остановилось, такъ какъ командиръ его бѣжалъ въ Касимовъ и въ экипажѣ обнаружилась ужасающая смертность. Всѣ конвойные начальники умерли, изъ малочисленной команды выбыло 24 человѣка, арестантовъ погибло 120 человѣкъ. М е р л и л ю д и, докладывалъ объ этомъ происшествіи шацкому воеводѣ случайный командиръ казеннаго судна, гарнизонный солдатъ Балясниковъ, с к о р о п о с т и ж н о и н е в ѣ д о м о ю б о л ѣ з н і ю. По распоряженію воеводы Лопатина, караванъ задержали на 6 недѣль и прервали съ нимъ сношенія. Въ то же время былъ изданъ приказъ провинціальной канцеляріи, чтобы всѣ военныя и

арестантскія команды остановлены были въ поляхъ и чтобы они сами выстроили себѣ шалаши и жили въ нихъ въ теченіи 6 недѣль, уклоняясь отъ всякаго общенія съ окрестными жителями [1]). Ясно такимъ образомъ, что администрація сильно работала въ тяжкую шацкую годину, но, конечно, она была безсильна...

Наибольшее количество умершихъ отъ чумы было въ городѣ Козловѣ. По преданію весь Козловъ во время эпидеміи былъ какъ бы мертвымъ городомъ. Всѣ обыватели сидѣли дома и боялись выходить на улицу. Только караульные расхаживали по городу, подходили къ домовымъ окнамъ и кричали въ извѣстномъ смыслѣ: ельникъ и можжевельникъ! А въ дома опасались входить. Тогда измученные смертнымъ страхомъ обыватели вспомнили Бога и понесли въ храмы Божіи свои жертвы. Шли въ церкви купеческія молодицы и несли туда свои украшенія, привѣшивая ихъ къ иконамъ Богородицы. Шли въ церкви крестьянскія труженницы и умилостивляли Бога самодѣльными холстами, которые онѣ навѣшивали на иконостасы, и полотенцами, которыми покрывались иконы. Болѣзнь однако не унималась, но за то и вѣра народная крѣпла и легче стало козловскому міру сносить иго Божіе. Съ тѣхъ поръ городъ Козловъ славится по всей Руси своими богатыми церковными утварями и звучными колоколами.

На площадяхъ городскихъ стали воздвигаться каменные храмы, неуклюжей, но зато прочной архитектуры. Памятникомъ великаго народнаго бѣдствія 1771 года въ городѣ Козловѣ въ настоящее время служитъ соборная Покровская церковь, построенная гражданами въ складчину.

23 октября 1771 года, Козловскіе жители составили слѣдующій приговоръ, копію съ котораго мы приводимъ почти дословно:

«Города Козлова духовнаго и свѣтскаго чина жители, видя праведно отъ Бога посланный на градъ сей въ смертной язвѣ гнѣвъ, страшась онаго, напоминая каждый грѣхи свои и смиряя постомъ души—прибѣгаемъ къ помощницѣ рода христіанскаго—Богородицѣ. И отъ нынѣ да будетъ седмица сія отъ 24-го октября по 29-е постъ, а того дня свѣтелъ праздникъ Божіей Матери».

29 октября, Козловскіе жители устроили крестный ходъ вокругъ города. За крестами и иконами, за протоіереемъ Іоанномъ и духовенствомъ, шли всѣ обыватели; малыхъ дѣтей взрослые несли на рукахъ своихъ. Въ полѣ процессія остановилась и соборный протоіерей произнесъ послѣ уставнаго молитвословія слѣдующія трогательныя слова: «Владычица, утоли отъ насъ рыданіе слезъ и призри на смиреніе наше».

На другой день обыватели понесли куда слѣдуетъ свои умилостивительныя жертвы. Тяжкая бѣда сравняла сословія, званія и

---

[1]) Арх. Шацк. провинц. канц., № 453.

состоянія. Начиная съ Козловскаго воеводы, Михаила Карцова, и до послѣдняго работника всѣ граждане смирились и духовно покорились духовенству. «Созижди, Боголюбивая Царица, писали Козловцы въ извѣстномъ своемъ приговорѣ—храмъ нашъ подъ смотрѣніемъ служителя Твоего и отца нашего протоіерея Іоанна».

Козловская бѣда давно прошла. Давно уже состарились внуки свидѣтелей чумной заразы, но крестный ходъ въ память 1771 года и теперь происходитъ въ Козловѣ. Только поста, установленнаго прадѣдами, не исполняютъ правнуки.

Не въ одномъ Козловѣ общественная бѣда выразилась религіозно. Почти на всемъ пространствѣ Шацкой провинціи вмѣстѣ съ ея окрестностями люди очнулись и перекрестились, забыли свои мелкія и крупныя ссоры, забыли интересы всякаго хищенія и стали богомольными. Многіе помѣщики начали строить ружныя церкви и отпускать крестьянъ на волю, наприм. князь А. А. Долгоруковъ, а въ городахъ и богатыхъ селахъ возникли кладбищенскія церкви.[1]) Въ то же время принялись устраивать кладбища не ближе 100 саженъ отъ жилья и рыть могилы глубиною въ 3 аршина. Кругомъ кладбищъ появились ограды и канавы.

Въ 1772 году, чума въ Шацкой провинціи прекратилась, но до самаго 1774 года чиновники разъѣзжали по уѣздамъ для наблюденія за исполненіемъ карантинныхъ мѣръ. Кругомъ селъ стояли караулы, а во дворахъ и на выгонахъ горѣли огни, курился ельникъ, деготь и навозъ. Всѣ эти мѣры предосторожности разомъ прекратились, какъ только пошли извѣстные тревожные слухи съ Поволжья. Такимъ образомъ одна бѣда смѣнила другую, и трудно сказать, какая изъ нихъ была горше для Шацкаго народонаселенія, и безъ того далеко не избалованнаго условіями жизни...

II.

Пугачевщина.

Шацкая провинція по своимъ бытовымъ условіямъ, порожденнымъ крѣпостничествомъ и бюрократизмомъ, представляла самый горючій матеріалъ для развитія пугачевщины. Инородческіе элементы ея народонаселенія, татары, мордва и мещера, также далеко не отличались политическою благонадежностію. Къ довершенію бѣды, военныя средства Шацкой провинціи въ 1774 году оказались въ самомъ жалкомъ состояніи, такъ что край застигнутъ былъ переворотомъ совершенно внезапно, врасплохъ. Шацкая крѣ-

[1]) Арх. дух. конс., № 21 за 1772 годъ.

пость, бывшая главнымъ оплотомъ цѣлой провинціи, разваливалась и грозила своими гнилыми бревнами, не бунтовщикамъ, а мирному городскому населенію, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій отзывъ Шацкаго воеводы Лопатина: «имѣется у насъ издревле построенная дубовая крѣпость, которая нынѣ весьма ветха и мы опасеніе имѣемъ, чтобъ отъ той ветхой постройки не учинилось проходящему народу какого ущербу». Шацкая крѣпостная артиллерія представлялась тоже далеко не въ воинственномъ видѣ. Она состояла изъ 9 чугунныхъ пушекъ и 3 дробовиковъ, при чемъ крѣпкіе лафеты были только подъ тремя орудіями. Снарядовъ въ Шацкомъ арсеналѣ было не много 'и, въ случаѣ осады города, ихъ не хватило бы для защиты одной Шацкой крѣпости. Бомбъ было только 80, пушечныхъ ядеръ около 5000, фитилю 8 пудовъ 25 фунтовъ[1]).

Гарнизонъ въ городѣ Шацкѣ въ 1774 году состоялъ изъ 12 унтеръ-офицеровъ разныхъ наименованій и 42 рядовыхъ при 17 офицерахъ. Кромѣ того въ составъ провинціальной инвалидной команды входили барабанщикъ и фельдшеръ. Изъ этого числа въ ружье могли стать только 50 человѣкъ, такъ какъ четыремъ солдатамъ не доставало ружей: они сгорѣли во время большого пожара въ іюлѣ 1769 года. Почти всѣ шацкіе солдаты были люди хилые, худые и неумѣлые. «И тѣ инвалиды, доносило по командѣ провинціальное начальство — въ разсужденіи дряхлости и болѣзней пѣшкомъ иттить не могутъ». Многіе изъ этихъ горемычныхъ солдатъ страдали слѣпотою, недержаніемъ мочи, килами и застарѣлыми ранами. Сверхъ того всѣ они не получали жалованья и ходили оборванные. «Оскудѣли мы, жаловались они Воронежскому губернатору Шетневу—и дневной пищи намъ сварить не чѣмъ и принуждены будемъ, оставя свои домы, разойтись по разнымъ мѣстамъ».

Военныя силы другихъ городовъ Шацкой провинціи были не въ лучшемъ состояніи и отличались отъ Шацкаго гарнизона только сравнительною малочисленностію. Въ каждомъ уздномъ городѣ было по 27 человѣкъ рядовыхъ. Всѣ они вооружены были еще въ 1763 году, и потому многія солдатскія ружья не стрѣляли уже. Шпаги тоже притупились и отчасти изломались. По поводу тревожныхъ слуховъ съ Поволжья и Яика негодныя ружья и шпаги отосланы были въ Воронежъ, гдѣ имѣлся оружейный мастеръ, на поправку, но тамошнія власти не спѣшили и оставляли Шацкихъ инвалидовъ безоружными. «Все готово, увѣдомляли они воеводъ—точію везти не начемъ»[2]).

При такихъ условіяхъ Шацкіе помѣщики начали готовиться

---

[1]) Арх. Шацк. провинц. канц., № 36.
[2]) Тамъ же.

къ самооборонѣ. Они вооружили своихъ дворовыхъ и занялись обученіемъ ихъ военному искусству. На этомъ поприщѣ особенно отличился богатый владѣлецъ села Гагарина, Петръ Пашковъ, который ежедневно дѣлалъ своей дворнѣ военныя репетиціи и тревоги на случай нападенія пугачевцевъ. По сигналу съ барскаго двора всѣ гагаринскіе жители должны были бѣжать къ Пашковской усадьбѣ и занимать извѣстныя мѣста. При этомъ наблюдалась самая строгая военная дисциплина, за малѣйшее нарушеніе которой полагались тяжкія взысканія. Однажды, не смотря на сигналы тревоги, пономарь Федотъ Емельяновъ замѣшкался въ церкви. Отсутствіе его сейчасъ же замѣчено самимъ Пашковымъ и по этому поводу немедленно сдѣлано было такое распоряженіе. Ударили въ набатъ и собрали народъ около церкви. Сюда же привели провинившагося пономаря, высѣкли его арапниками и остригли ему голову [1]).

Между тѣмъ по Шацкой провинціи стали ходить усиленные слухи о Петрѣ Федоровичѣ. Народная масса стала глухо волноваться и ждать **истиннаго царя освободителя крестьянства**. Первымъ піонеромъ пугачевщины въ Шацкомъ краѣ былъ фурьеръ Филипповъ, Саратовскій житель. Въ селѣ Тростянкахъ онъ разглашалъ такія вѣсти: «около Оренбурга собирается царское войско и самъ царь скоро объявится тамъ же». Филиппова схватили и привезли въ Шацкъ.

Слова Филиппова возымѣли свое дѣйствіе немедленно. Крестьяне Шацкаго уѣзда, Борисоглѣбскаго стану, насильно запахали помѣщичьи земли и вырубили всѣ заповѣдныя рощи. «Все теперь наше, говорили они—царь жалуетъ намъ всю землю».

Тогда съ цѣлію вразумленія простонародья въ городахъ и селахъ начали читать манифесты о Пугачевѣ. Священники читали ихъ съ церковныхъ амвоновъ, а провинціальные чиновники, становясь на возвышенныя мѣста, оповѣщали народъ о самозванцѣ на базарахъ. «Наши вѣрные подданные, гласилъ извѣстный манифестъ—никогда не допустятъ себя уловить ни какими ухищреніями людей злоковарныхъ, ищущихъ своей корысти въ слабомыслящихъ людяхъ и не могущихъ насытить своей алчности иначе, какъ опустошеніями и пролитіемъ невинной крови».

Вмѣстѣ съ манифестомъ императрицы вскорѣ обнародовали синодальное посланіе, въ которомъ Пугачевъ изображенъ былъ въ слѣдующихъ рѣзкихъ чертахъ: «Отринувъ мысль о правосудіи Божіемъ, онъ ниспровергаетъ святые алтари, расхищаетъ священные сосуды, съ ругательствомъ попираетъ святыя иконы, разграбляетъ и разоряетъ святые храмы, звѣрскимъ образомъ неповинныхъ умерщвляетъ, ввергаетъ себя изъ порока въ порокъ, изъ нечестія въ нечестіе. Сей есть сожженный совѣстно... Православ-

---

[1]) Арх. Шацк. провинц. канц., № 8596.

ные христіане! онъ злодѣй отечества, онъ врагъ Богу, церкви и отечеству. Отвратитесь отъ него, а паче отвратите его злодѣйства».

Но толпа мало уже вѣрила представителямъ правительсва и шла своимъ роковымъ путемъ. Однажды маіоръ Сверчковъ читалъ манифестъ на базарѣ въ селѣ Иржавинъѣ. Многіе крестьяне столпились вокругъ него и по окончаніи чтенія смѣло сказали ему: «что ты ни читай и ни толкуй, а шила въ мѣшкѣ не утаишь». Въ это время по городамъ и селамъ Шацкой провинціи ходилъ извѣстный пасквиль. Начинался онъ словами: «пришло время искоренить дворянское лихоимство»... А оканчивался такъ: «въ ню же мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ».

Бывало и такъ, что правительственные чиновники сами принимали сторону Пугачева. Такимъ образомъ поступилъ прапорщикъ Васковъ, посланный въ Наровчатскій уѣздъ для увѣщанія волновавшихся дворцовыхъ крестьянъ. На мірскомъ сходѣ въ одномъ селѣ онъ произнесъ слѣдующія слова: «съ нынѣшняго года всѣмъ крестьянамъ государственныхъ податей платить не велѣно». Въ такомъ же духѣ дѣйствовалъ отставной сержантъ Ермоловъ и помѣщикъ Васильевъ. А нѣкоторые священники, наприм. села Гремячки, отецъ Иродіонъ, отказывались читать въ церквахъ правительственные манифесты и чрезъ это укрѣпляли въ темномъ народѣ вѣру въ Петра III. Отъ священниковъ не отставали и младшіе члены клира. Дьячекъ села Нестерова, Поповъ, весною 1774 года, по выходѣ изъ церкви, такъ говорилъ сопровождавшей его толпѣ: «въ Оренбургѣ подымаются царскіе люди и хотятъ перевести весь дворянскій корень». Слова эти такъ взволновали народъ, что онъ вернулся въ церковь и принудилъ духовенство служить молебенъ о здравіи царя Петра Ѳеодоровича [1]).

Нѣкоторые духовные поступали еще рѣшительнѣе. Они открыто объявляли себя сторонниками Пугачева и именемъ его набирали разбойничьи шайки. Такъ поступили села Рузановки попъ Василій Филиппов да Астраханскій попъ Федоръ Ивановъ. Съ шайкою въ 16 человѣкъ они учинили разбой въ домѣ маіора Сергѣя Львова въ селѣ Кудринѣ. Самъ Львовъ успѣлъ во время спастись, но за то лишился всего своего недвижимаго имущества. Въ то же время, села Долгоруковщины попъ Андрей Васильевъ такъ обратился къ крестьянамъ своего прихода: «Примите меня къ себѣ и я буду у васъ за атамана».

Такимъ образомъ, положеніе Шацкаго края принимало грозный и анархическій характеръ. Многіе шацкіе крестьяне, забирая жонъ, дѣтей и пожитки, ночнымъ временемъ бѣжали на Волгу, въ Бузулуцкія и Донскія степи и на Ахтубенскіе заводы. Тогда мѣстное дворянство, съ разрѣшенія правительства, приняло

---

[1]) Арх. Шацк. провинц. канц., № 8700.

противъ бунта усиленныя мѣры. Оно сформировало для разъѣздовъ конный отрядъ въ 500 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Брюхатова, причемъ менѣе храбрые помѣщики выѣхали изъ своихъ имѣній въ города и столицы. Тогда же Воронежскій губернаторъ, Шетневъ, подкрѣпилъ слабые шацкіе гарнизоны военными командами, общая численность которыхъ далеко не доходила до 1,000 ружей. «И таковыми командами, жаловался шацкій воевода, въ искорененіи тѣхъ злодѣевъ исправиться никакъ не можно».

Въ апрѣлѣ 1774 года Пугачевщина проникла и въ Шацкую провинцію. Самъ Пугачевъ, какъ извѣстно, не дошолъ до нашего края. Вмѣсто него у насъ дѣйствовали слѣдующія лица: Львовъ, Евстратовъ и Кирпичниковъ, не считая мелкихъ пугачевцевъ. Первые двое именовались царскими полковниками, а послѣдній—директоромъ. Изъ нихъ болѣе виднымъ дѣятелемъ былъ Львовъ, впослѣдствіи разбитый подъ Царицынымъ и взятый въ плѣнъ.

Съ началомъ пугачевщины во многихъ уѣздахъ шацкой провинціи пріостановились наборъ рекрутовъ и сборъ податей. Въ присутственныхъ мѣстахъ, наиболѣе взволнованныхъ городовъ, перестали заниматься дѣлами. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ крестьяне бросили работу, и хлѣбъ стоялъ въ полѣ безъ всякаго призора. «И сталъ сущій голодъ и ходили люди по чужимъ дворамъ и отымали хлѣбъ — писала шацкая провинціальная канцелярія. [1]). Въ восточныхъ шацкихъ уѣздахъ, вошедшихъ въ составъ нынѣшней Пензенской губерніи, вся чернь взбунтовалась и отъ того бунтованія на торги выѣзжать стало не можно. Духовенство въ церквахъ молилось о здравіи великаго государя Петра Ѳеодоровича, а на сельскихъ сходкахъ шли шумные разговоры о томъ, что отнынѣ всѣ земли, лѣсныя угодья, луга и рыбныя ловли—общее владѣнье. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начались варварскія убійства. Помѣщиковъ убивали въ домахъ собственные ихъ крестьяне, а иногда, опьяненные кровію и безнаказанностію, эти крестьяне шли по окрестнымъ мѣстамъ и все на пути своемъ жгли огнемъ и били смертнымъ боемъ. Они вѣшали цѣловальниковъ, сборщиковъ податей, лихихъ управляющихъ-нѣмцевъ, приказчиковъ и старостъ. Отъ погрома спасались только люди завѣдомо добрые и жалостливые, остальныхъ народная расходившаяся масса не щадила, въ порывахъ звѣрства истребляя вмѣстѣ съ ними и ихъ малыхъ дѣтей... Въ іюнѣ 1774 года, шацкіе крестьяне въ компаніи съ пришлыми пугачевцами начали грабить кабаки. Чего не выпивали, то выливали на улицы. Выручку дѣлили между собою. Страшная народная драма захватила всю Шацкую провинцію и вышла изъ ея предѣловъ, направляясь по Хопру къ самому Воронежу.

Пугачевскія шайки шли въ Шацкій край съ береговъ Волги,

---

[1]) Арх. Шацк. провинц. канц., № 137.

преимущественно съ Симбирской стороны, и состояли инбгда изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, вооруженныхъ ружьями и пушками. Путь ихъ ознаменованъ былъ убійствами и грабежами. Въ Керенскомъ уѣздѣ злодѣи повѣсили бригадира Костливцева и пожитки его всѣ безъ остатку пограбили. При этомъ жена Костливцева съ малолѣтнею дочерью была спрятана крѣпостными крестьянами въ тайномъ мѣстѣ. Въ селѣ Туркахъ участи Костливцева подверглась помѣщица Лукерья Мерлина. Въ деревнѣ Балакиревой пугачевцы убили помѣщика Мосолова, въ селѣ Перевозѣ—Чулкова, въ Тростянкѣ—Пестова, въ Кудюкахъ—Стахонова. Въ селѣ Никольскомъ повѣшенъ былъ поручикъ Тенишевъ, а взрослая дочь его насильно повѣнчана была съ однимъ дворовымъ парнемъ. Изъ этого села мятежники прошли въ деревню Беклемишевку и повѣсили тамъ прикащика Петрова со всею его семьею. Въ это время къ шайкѣ присоединился одинъ дворовый, по имени Антонъ Кузьминъ, и направилъ ее на село Кривую Луку, гдѣ проживалъ помѣщикъ Любавской, который тоже не избѣгъ своей участи.

Мы не можемъ назвать именъ всѣхъ шацкихъ дворянъ, убитыхъ пугачевцами. Знаемъ только, что ихъ было слишкомъ много, потому что, въ 1775 году, въ Шацкъ и Тамбовъ пріѣзжали изъ Петербурга чиновники, которые составляли списки дворянскихъ сиротъ, оставшихся по смерти убитыхъ родителей, раздавали имъ денежныя пособія и выбирали имъ благонадежныхъ опекуновъ изъ мѣстнаго уцѣлѣвшаго дворянства.

Пока собирались военныя команды, пугачевцы дѣйствовали на всей своей волѣ и наводили ужасъ даже на города. Темниковскій воевода, надворный совѣтникъ Нефѣловъ, такъ напуганъ былъ молвою о пугачевскихъ силахъ и объ ихъ жестокости, что прогналъ изъ Темникова всѣхъ спрятавшихся тамъ дворянъ, а самъ съ командою убѣжалъ по Московской дорогѣ. Проходя мимо Шацка вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, Сельвачовымъ, секретаремъ Мыльниковымъ и инвалидною командой, Нефѣловъ ѣхалъ съ обнаженною саблей, причемъ барабанщикъ билъ тревогу и походъ. Въ то же время военная команда города Троицка въ полномъ своемъ составѣ сдалась бунтовщикамъ. Одинъ только Троицкій воевода Столповской остался вѣренъ своему долгу и за это погибъ мученическою смертію, подобно Инсарской инвалидной командѣ, которая предпочла смерть измѣнѣ. Изъ Троицка пугачевцы пошли на Краснослободскъ и встрѣчены были тамъ іеромонахомъ Паисіемъ съ церковною церемоніей, но, несмотря на то, городскія деревянныя укрѣпленія были сожжены, а воевода Селунскій и секретарь Тютрюмовъ побиты были изъ ружей до смерти, казна взята, архивъ порванъ и перемѣшанъ и отъ того весь городъ былъ въ великомъ страхѣ и всѣ жители онаго ожидали

смерти [1]). Были пугачевскія шайки и въ Нижнемъ Ломовѣ. Здѣсь ихъ встрѣтили всенародно и съ большимъ почотомъ. Самъ архимандритъ Казанскаго Нижнеломовскаго монастыря, Исаакій, съ четырьмя іеромонахами и двумя іеродіаканами вышелъ съ крестомъ и иконами на встрѣчу къ царскому полковнику. Съ городскихъ колоколенъ раздавался звонъ, по улицамъ толпился народъ съ непокрытыми головами.

Ждали пугачевцевъ и въ самомъ Шацкѣ, и была тамъ по этому случаю великая тревога. «Жители города Шацка, писалъ прокуроръ Селиховъ, пришли въ робость и великое смущеніе, ибо къ тому бунту многіе окрестные жители наклоняются». Въ особенности Шацкіе обыватели перепугались въ то время, когда воевода Лопатинъ выѣхалъ изъ города якобы для покупки артиллерійскихъ лошадей, несмотря на протестъ прокурора. Тогда въ провинціальной канцеляріи началась усиленная дѣятельность. Сосѣднимъ дворянамъ предложено было вооружиться и явиться въ Шацкъ для его защиты. Въ окрестныхъ селахъ набрали крестьянскую команду въ 300 человѣкъ, преимущественно изъ жителей селъ Чернѣева, Княжова и Покровскаго. Плѣнныхъ турокъ и колодниковъ отправили въ безопасныя мѣста. Казну вывезли въ Москву. По городу наскоро разставили рогатки и учредили денные и ночные караулы и разъѣзды отъ воровскихъ людей. Жителямъ воспрещено было пѣть пѣсни. Наступило тягостное затишье. Однако гроза миновала Шацкъ.

Въ это время, прикрываясь именемъ Пугачева, многіе воровскіе люди разбойничали по Окѣ въ окрестностяхъ Елатьмы и совершали величайшія звѣрства. Однажды плыло тамъ судно купца Калашникова. Разбойники остановили его и закричали экипажу: «ложись»! Всѣ со страху полегли на палубѣ. Тогда они отрѣзали у рабочихъ по лѣвому уху, захватили всѣ деньги и скрылись [2]).

Мѣстные архивы далеко не изображаютъ полной картины пугачевскаго движенія въ Шацкой провинціи. До настоящаго времени тамъ сохранились только отрывочные эпизоды, которые мы и представляемъ вниманію читателей.

1-го августа 1774 года, въ городъ Керенскъ прибылъ вахмистръ Фельшманъ съ 12-ю солдатами. По случаю базара въ городѣ былъ большой съѣздъ сосѣднихъ крестьянъ. Къ нимъ-то собственно и пріѣхалъ Фельшманъ въ качествѣ посла императора Петра III. «Гнался я за Инзарскимъ воеводою Болдыревымъ, говорилъ онъ народу, потому что тотъ Болдыревъ государевъ казенный воръ и измѣнникъ». Толпа обступила его и стала разспрашивать о здоровьѣ царя-батюшки. Съ базарной площади весь народъ, бро-

---

[1]) Арх. Шацк. провинц. канц., № 3,093.
[2]) Тамъ же.

сивши свои торговыя дѣла, подъ предводительствомъ Фельшмана, пошолъ къ воеводѣ Перскому, который, повидимому, ничего не зналъ о случившемся. Перепуганный воевода вышелъ на улицу. Здѣсь подошолъ къ нему мнимый царскій посолъ и потребовалъ его содѣйствія. «Если ты мнѣ поможешь, сказалъ онъ, поймать государева измѣнника, то будетъ тебѣ отъ Петра Федоровича дано 150 рублей». Перскій началъ отговариваться неимѣніемъ команды, тогда его взяли подъ караулъ и вмѣстѣ съ секретаремъ Корольковымъ заперли въ приказной избѣ. Послѣ этого Фельшманъ обратился къ толпѣ съ слѣдующими словами: «молитесь за многолѣтнее царское здравіе. Отнынѣ не будетъ у насъ платежа подушныхъ денегъ и рекрутскихъ наборовъ 10 лѣтъ, а соль будемъ продавать по 2 гривны пудъ. И если городъ Керенскъ царю не покорится, то 9 человѣкъ будетъ онъ бить плетьми, а десятаго вѣшать» [1]. Весь базаръ отвѣчалъ на эти слова шумными изъявленіями вѣрноподданнической преданности. Съ этого момента началось усиленное и даровое пьянство, всѣ кабацкія двери растворились настежь, выкатывались оттуда бочки съ виномъ и пошло разливанное море.

Изъ Керенска Фельшманъ поѣхалъ въ села Веденяпино и Шелдаисъ, взбунтовалъ тамъ крестьянъ, а помѣщиковъ Мачинскаго и Охлебинина увезъ съ собою къ атаману Евсѣеву въ Наровчатъ. Въ награду за всѣ эти подвиги Фельшманъ получилъ отъ Евсѣева императорскимъ именемъ шолковый кушакъ и вороного коня.

Замѣчательна судьба Фельшмана. Сначала онъ не думалъ измѣнять законному правительству. Но вотъ пришли къ нему выборные отъ города Инзара, объявили о бѣгствѣ мѣстнаго воеводы и велѣли ему воротить его, угрожая за неисполненіе ихъ требованія повѣшеніемъ. Старикъ вахмистръ (ему было тогда 70 лѣтъ) поневолѣ покорился городскимъ обывателямъ и въ недоумѣніи выѣхалъ въ погоню за бѣглецомъ—воеводою. Дорогою, видя всеобщее замѣшательство, онъ убѣдился, что Пугачевъ—царь и открыто сталъ дѣйствовать въ его пользу. Во всѣхъ селахъ по дорогѣ въ Керенскъ шла усиленная попойка и казенная соль раздавалась жителямъ даромъ. Пьяные крестьяне кричали ура великому государю. По столбовымъ и проселочнымъ дорогамъ тянулись пугачевцы, захватившіе самый городъ Инзаръ и назначившіе тамъ воеводою маіора Тенишева...

Много въ это время погибло Керенскихъ помѣщиковъ отъ разгулявшагося казачества и крестьянства. Дикіе крѣпостные порядки откликнулись не менѣе дикими оргіями народнаго самосуда. Тогда уцѣлѣвшіе отъ разгрома мѣстные дворяне потянулись въ Керенскъ

[1]) Арх. Шацк. провинц. канц., № 366.

подъ защиту его старинныхъ деревянныхъ укрѣпленій. Эти укрѣпленія давно уже были гнилыя и потому спасавшееся дворянство затворилось въ городской соборной церкви. При этомъ наиболѣе храбрые помѣстились внутри церковной ограды и вооружились чѣмъ попало. На соборную колокольню втащили нѣсколько маленькихъ крѣпостныхъ пушекъ.

Пугачевцы, подъ начальствомъ полковника Евсѣева, появились въ виду Керенска 7-го августа. Около полудня они уже штурмовали крѣпость, но были отбиты инвалидами и обывателями. Въ особенности неудаченъ былъ пугачевскій приступъ 8-го августа. Третій и послѣдній штурмъ города Керенска происходилъ 17-го августа. На этотъ разъ защитники города поколебались, поэтому мятежники ворвались въ Керенскъ и разорили его, а городовую крѣпость выжгли и ограбили. До вечера перевѣсъ былъ на сторонѣ Евсѣева. Въ это время почти всѣ пугачевцы, опьяненные удачею и даровою водкою, уже не способны были къ серьезному бою, вслѣдствіе этого горожане устроили изъ соборной ограды вылазку и снова началось побоище. Особенною храбростію при этомъ случаѣ отличились церковники, которые за это впослѣдствіи освобождены были отъ разбора. Керенскимъ героемъ 17-го августа былъ пономарь Трофимъ Филипповъ, какъ это видно изъ слѣдующаго аттестата, даннаго ему воеводою и дворянами: «Пономарь Филипповъ тѣхъ бунтовщиковъ усердно поражалъ, такъ что оныя шайки были опрокинуты и въ бѣгство обращены, а многихъ, притомъ, изъ оныхъ бунтовщиковъ и живыхъ поймано» [1]).

Объ этомъ подвигѣ керенскихъ защитниковъ доведено было до свѣдѣнія императрицы Екатерины и 1-го ноября 1774 года послѣдовалъ такой высочайшій указъ: «Керенскимъ канцелярскимъ служителямъ за оказанное ими усердіе при защитѣ города отъ нападенія злодѣйскихъ шаекъ дать по одному чину. А воеводѣ Перскому и секретарю Королькову выдать не въ зачетъ годовое жалованье».

Пугачевцы одновременно дѣйствовали на многихъ пунктахъ Шацкой провинціи. Проникли они и въ Темниковскій уѣздъ, гдѣ повѣсили депутата Еникѣева. Въ Темниковской Саровской пустыни доселѣ сохраняется краткое лѣтописное сказаніе объ этихъ смутныхъ временахъ.

«Саровская пустынь, говоритъ неизвѣстный лѣтописецъ, была въ великой опасности отъ злодѣевыхъ шаекъ, ибо нѣкоторые сосѣди оной, а наипаче татары, приходя въ обитель къ о. строителю за деньгами и не получая оныхъ, хвалились, если не будетъ имъ дано, то приведутъ они для разоренія Сарова пугачевскія партіи. А притомъ тѣ татары укоряли братію, зачѣмъ она охра-

[1]) Арх. Шацк. провинц. канцл., № 948 (наряды).

няетъ въ своихъ лѣсныхъ дачахъ и въ посельяхъ господъ Татищевыхъ, Наумовыхъ и прочихъ дворянъ: поите де и кормите государевыхъ злодѣевъ и напутствуете ихъ пищею».

9-го августа пугачевцы заняли и разграбили городъ Темниковъ. Въ это время толпа встрѣтила ихъ съ колѣнопреклоненіемъ и съ жалобами на саровскихъ монаховъ—измѣнниковъ новаго государя. Благосклонно выслушалъ толпу государевъ полковникъ и обѣщалъ разобрать дѣло. Между тѣмъ, онъ освободилъ всѣхъ колодниковъ, роздалъ народу казенную соль безъ вѣсу и безденежно, а на другой день мятежники пошли на казенный винокуренный заводъ, находившійся недалеко отъ Темникова, и въ домѣ тамошняго управляющаго перебели и переломали мебель и посуду, печи, полы и стекла. Ждала и Саровская пустынь своей очереди.

«Такія злоприключенія, продолжаетъ саровскій лѣтописецъ, стали вѣдомы отцу строителю Ефрему и братіи и пришла вся обитель въ великое смущеніе. И пришедши къ о. строителю всѣ просили отъ него въ такомъ преопасномъ случаѣ отеческаго наставленія. Онъ же далъ наставленіе таковое: младыхъ и среднихъ лѣтъ иноковъ благословилъ скрыться на такое злое время, а какъ пройдетъ гнѣвъ божій—паки возвращаться въ обитель. Братія же, услыша такое рѣшеніе, паки вопросила: если въ бѣгствѣ семъ кто убіенъ будетъ, будетъ ли за то душевная польза? И отвѣчалъ строитель Ефремъ: кто убіенъ будетъ — получитъ отъ Бога мученическій вѣнецъ. А престарѣлой братіи сказалъ онъ: а мы старцы останемся во обители, намъ уже приходитъ время умирать, умирать же все равно, отъ болѣзни или отъ другого чего. И сими словами благоразумный старецъ всю братію приготовилъ къ наступившему многобѣдственному времени».

Послѣ этого, всѣ монастырскія сокровища спрятаны были въ сокровенныя мѣста. Монахи разбрелись по лѣсу, а иные удалились въ Арзамасъ въ тамошній Высокогорскій монастырь. «И сталъ Саровъ пустъ, замѣчаетъ лѣтопись, а какъ пришолъ вечеръ, то отъ той пустоты и страшенъ».

Прошла цѣлая недѣля томительнаго страха. Съ часу на часъ, саровскіе старцы ждали пугачевскаго шествія и дождались, наконецъ, полковника Архарова, который съ донскими казаками вступилъ въ Саровскую пустынь 16-го августа.

«Тѣмъ и окончилось, заключаетъ лѣтописецъ, угрожавшее здѣшней обители разореніе и истребленіе, о чемъ да будетъ слава Богу, благодѣтелю нашему, во вѣки вѣковъ, Аминь».

Изъ Темникова пугачевская шайка прослѣдовала въ Шацкій и нынѣшній Моршанскій уѣзды. На пути къ ней присоединились крестьяне изъ вотчинъ графа К. Г. Разумовскаго, которые сѣли на коней и прозвались государевыми уланами. Въ селѣ Рянзѣ

пугачевцы собрали сходъ и заставили мѣстнаго священника приводить всѣхъ къ присягѣ. Отсюда потянулись они на Хоперъ и Ворону. Шествіе ихъ было самое торжественное. Многіе мятежники ѣхали въ каретахъ и бричкахъ, взятыхъ въ ограбленныхъ барскихъ усадьбахъ.

10-го августа 1774 года, пугачовская партія, дѣйствовавшая независимо отъ вышеуказанной, посѣтила село Жуково, нынѣшняго Спасскаго уѣзда. Объ этомъ происшествіи мѣстный причтъ такъ доносилъ епархіальному архіерею.

«Прошлаго 10-го августа справляли мы въ церкви Божіей всенощное бдѣніе и въ то время наѣхала въ наше село государственнаго злодѣя Пугачева воровской толпы партія. И того села Жукова помѣщицы Жуковой крестьянинъ Акимъ Афанасьевъ, да дворовый человѣкъ Симонъ Родіоновъ, собравъ изъ окольныхъ селъ и деревень многолюдство, внезапнымъ случаемъ взошли въ церковь и закричали необычно: иди, попъ, для встрѣчи царскаго войска, а если не пойдешь, то казаки изрубятъ тебя въ мелкія части. И отъ того мы много ихъ уговаривали и спорили, точно по окончаніи всенощнаго бдѣнія оные Афанасьевъ и Родіоновъ, ухватя насъ сильно, не дали разоблачиться и повели навстрѣчу той пугачевской партіи. Они же взяли два образа и велѣли звонить. А мы, убоясь таковаго страху и неповинной смерти, встрѣчу имъ учинили близь нашей казанской церкви. Тогда же въ той нашей церкви имѣлась подполковница Смагина съ сыномъ и укрылась во оной, злодѣи же поѣхали къ ней въ домъ и все погромили, а мы именованные, возвратясь въ алтарь, бѣжали оттуда въ поля и пробыли тамъ дотолѣ, пока злодѣи не выѣхали изъ того нашего села».

Въ это время священникомъ въ селѣ Жуковѣ былъ Стефанъ Тимофеевъ. Впослѣдствіи, когда въ Шацкой провинціи началась правительственная расправа, и онъ, и всѣ члены его причта были отрѣшены отъ мѣстъ и подвергнуты розыску въ провинціальной канцеляріи и церковному запрещенію. Такимъ образомъ послѣдняя быша горша первыхъ...

Изъ Спасскаго уѣзда пугачевская партія потянулась на Кирсановъ и Тамбовъ, гдѣ ихъ давно уже поджидало взволнованное крестьянство. Во все лѣто 1774 года, по свидѣтельству шацкихъ архивныхъ источниковъ, тамошніе дворовые и крѣпостные крестьяне чинили разореніе, грабительство и смертоубійство. Въ сентябрѣ пугачевцы вошли въ Кирсановъ и въ села Уметъ, Репьевку и Скочиловку. Здѣсь они немалое число разныхъ чиновъ людей застрѣлили и дротиками сололи. Дорогою попадались имъ малочисленныя воинскія команды, но они ихъ разбивали или же брали въ плѣнъ. Такъ, въ сентябрѣ 1774 года, около села Умета, офицеръ съ командою провожалъ разбой-

ницкую партію въ 30 человѣкъ. Въ это время налетѣли на него государственные злодѣи, его и пять человѣкъ солдатъ застрѣлили, а остальную команду и арестантовъ захватили съ собою. Замѣчательно, что въ числѣ этихъ пугачевцевъ находилось не мало турецкихъ плѣнныхъ, которые прилѣплялись къ злодѣю самовольно.

21-го августа, значительная пугачевская шайка остановилась въ пяти верстахъ отъ извѣстнаго богатаго села Разсказова. То мѣсто и теперь туземцы называютъ бездушнымъ кустомъ. Тамъ партія стала лагеремъ и въ свободное отъ попоекъ и военнаго ученія время занималась вѣшаніемъ помѣщиковъ, духовныхъ и сельскихъ властей. Наконецъ, мятежники пошли на самое Разсказово, гдѣ въ то время были суконныя фабрики Тулинова и Олесова. Хозяева съ почетомъ встрѣтили толпу и принялись ее угощать, но это была хитрая ловушка. Лишь только пугачевцы напились, какъ фабричные мастеровые, заранѣе подговоренные, принялись ихъ бить смертнымъ боемъ и вязать для представленія въ тамбовскую провинціальную канцелярію. При этомъ у мятежниковъ отнято было нѣсколько пушекъ, которыя долго послѣ того служили украшеніемъ тамбовскаго фабричнаго села. Куда въ настоящее время дѣвались эти памятники фабричной доблести, намъ неизвѣстно. За справками по этому поводу обращались мы посредствомъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей къ разсказовской фабричной администраціи, но отвѣта нѣтъ и его не ждемъ мы, такъ какъ большинство нашихъ комерсантовъ всего менѣе интересуется наукою, предпочитая ей рабское служеніе золотому тельцу.

Въ числѣ плѣнныхъ пугачевцевъ, пойманныхъ въ селѣ Разсказовѣ, оказались дворяне: поручикъ Петръ Семеновъ, ротмистръ Брюхатовъ и недоросли Филиппсвъ и Мартыновъ. Въ тамбовской провинціальной канцеляріи первый такъ показывалъ: «изъ дома моего по разграбленіи онаго взятъ я былъ разбойническою партіею по неволѣ. Хотя же и чинилъ я отъ тѣхъ злодѣевъ побѣги и укрывательства, но токмо бывалъ пойманъ и зато сѣченъ былъ плетьми неоднократно и угрaживали мнѣ смертію. Почему, когда оные разбойники устраивались для сраженія, я скрылся въ лѣсу и оружія при мнѣ не было и такъ былъ я пойманъ» [1]).

Пока всѣ эти событія происходили въ Разсказовѣ, жители города Тамбова, отстоящаго отъ злополучнаго села въ 30 верстахъ по большой дорогѣ, перебирались съ пожитками своими въ сосѣдній Ценскій лѣсъ. Но скоро они вернулись домой и были свидѣтелями казней, которыя совершались надъ пугачевцами вблизи Тамбова на такъ-называемомъ Кривомъ мосту.

---

[1]) Арх. Шацк. провинц. канц., № 3,093.

Мы указали болѣе замѣтные факты изъ эпохи пугачевщины въ предѣлахъ Шацкаго края. Но это далеко не все, что̀ слѣдовало бы сказать на данную тэму. Тяжкая шацкая година прошла сравнительно глухо, масса народныхъ бѣдствій не занесена въ мѣстныя лѣтописи и ни кому вполнѣ не вѣдомы всенародныя русскія слезы, въ шацкихъ архивныхъ документахъ смутно говорится о томъ, что пугачевскія партіи захватили почти всѣ уѣзды Шацкой провинціи, что въ селахъ и городахъ бывали они недолго, стремясь впередъ и впередъ, и вездѣ оставляли по себѣ страшную память. Тѣ воровскіе люди, говорятъ шацкія оффиціальныя записки, сѣкли многихъ людей плетьми и жгли огнемъ и били кистенями и пожитки безъ остатку грабили. Сравнительно долго оставались пугачевцы въ слѣдующихъ селахъ Шацкой провинціи: въ Атюревѣ, Кочетовкѣ, Тростянкѣ, Бѣлорѣчьѣ, Кириловѣ, Сядемкѣ, Красной Дубровѣ и Караѣ. Въ городѣ Спасскѣ они забрали безденежно всѣ казенныя питьи и денежную казну пограбили и множество людей повѣсили. То же самое сдѣлали они въ селахъ Кармалейкѣ, Егановкѣ, Зарубкинѣ, Виндреевскомъ заводѣ, Анаевѣ, Каргашинѣ и многихъ другихъ селахъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ пугачевцы служили благодарственные молебны и въ знакъ радости и побѣды стрѣляли съ церковныхъ папертей изъ ружей. Ходили они по шацкимъ уѣздамъ партіями человѣкъ въ 500, а вожаками были у нихъ самозванные царскіе офицеры, между которыми выдѣлялись пономарь села Высокаго, Саватѣй Марковъ, и мордвинъ Родіонъ Филипповъ. Между прочимъ мятежники проникли и въ Вышенскую пустынь и ограбили тамъ соборную церковь. Монаховъ однако они не тронули. Главную силу мятежныхъ партій представляли колодники, присоединявшіеся къ царскому войску во время разоренія городовъ. Изъ Вышенской пустыни пугачевцы поплыли по рѣкамъ Вышѣ и Цнѣ въ Елатомскій уѣздъ, гдѣ разбили они стеклянный заводъ купца Корженина. Дорогою, выходя на берегъ, мятежники собирали окрестное духовенство, заставляли его служить молебны и молиться о здравіи царя Петра и его христолюбиваго воинства. Вмѣстѣ съ тѣмъ они чинили судъ и расправу надъ дворянами. Такъ, въ селѣ Никольскомъ они напали на усадьбу помѣщика Рѣткина, у котораго укрылись всѣ его ближайшіе сосѣди, и всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ хозяиномъ захватили съ собою. Что̀ потомъ было съ этими несчастными—мы не знаемъ. Но кажется—пугачевцы ни кого не щадили... Въ это время мятежною шайкою предводительствовалъ однодворецъ Стерлиговъ. Это былъ замѣчательно жестокій человѣкъ, путь котораго ознаменованъ былъ убійствами и пожарами, при чемъ не было пощады и ни въ чемъ неповиннымъ казеннымъ и обывательскимъ лѣсамъ. Въ толпѣ Стерлигова находилось много плѣнныхъ турокъ и черкасъ, атаманъ которыхъ Шевченко получилъ уже позволеніе отъ самого Пугачева

строить въ Темниковскихъ, Кадомскихъ и Каренскихъ юртахъ казацкія крѣпости.

Ждали пугачевцевъ и въ Кадомѣ и городская толпа, не боясь приказныхъ чиновъ, громко и сочувственно поговаривала о Петрѣ III-мъ. Однажды къ кадомской тюремной избѣ подошелъ крестьянинъ Слѣпцовъ и говорилъ колодникамъ: «молитесь Богу, скоро всѣмъ вамъ будетъ выпускъ и то учинитъ самъ государь». Въ числѣ колодниковъ былъ дьячекъ Игнатовъ. Увидалъ онъ послѣ того кадомскаго протопопа и въ окно закричалъ ему: «скоро придутъ сюда царевы люди и я упрошу ихъ тебя повѣсить».

Между тѣмъ, осенью 1774 года, въ Шацкую провинцію начали вступать сильныя правительственныя команды изъ отрядовъ князя Голицына и генерала Мансурова. Нѣкоторыя изъ нихъ прошли дальше, на востокъ, другія же остались у насъ, напримѣръ гусары Древица, донскіе полки Ребрикова и Янова, баталіоны Нарвскаго и Великолуцкаго полковъ и весь Ладожскій полкъ. Вскорѣ прибылъ въ Шацкъ и самъ П. И. Панинъ, а 2 октября въ провинціальной канцеляріи получено было оффиціальное увѣдомленіе о совершенномъ истребленіи и поимкѣ государственнаго злодѣя, богоотступника и бунтовщика Пугачева. Тогда началось быстрое усмиреніе края и жестокое возмездіе. Для устрашенія взволнованнаго народа, во всѣхъ селахъ Шацкой провинціи поставлены были висѣлицы, глаголи и колеса. Подозрительныхъ крестьянъ безъ суда били плетьми и сдавали въ солдаты, а женъ и дѣтей ихъ подвергали долговременному тюремному содержанію. На сѣченіе разныхъ людей не хватало плетей и всѣ воеводскія канцеляріи озабочены были усиленнымъ ихъ изготовленіемъ. Не хватало такъ же кандаловъ для безчисленныхъ колодниковъ, и потому всѣ Шацкой провинціи кузнецы завалены были спѣшною работою съ платою по рублю за экземпляръ. Въ то же время были случаи самыхъ изысканныхъ пытокъ и казней. Приверженцамъ Пугачева отрѣзали уши и рубили пальцы, которыми тѣ злодѣи Пугачеву присягали. Иногда военная команда вступала въ бунтовавшее село и казнила жителей его по жребію, при чемъ на глаголяхъ вѣшали преступниковъ за ребра, или же колесовали и четвертовали ихъ... Такимъ образомъ, ужасы дикаго возстанія смѣнились не менѣе свирѣпыми оргіями правительственной расправы. По всѣмъ шацкимъ трактамъ началась гоньба правительственныхъ курьеровъ и другихъ оффиціальныхъ лицъ, крайне стѣснявшая мѣстныхъ обывателей. Такъ, крестьяне села Бокового Майдана жаловались: «въ самую рабочую пору мы всѣ, кромѣ малыхъ и старыхъ, денно и нощно содержимъ бекеты и почты и оставили хлѣбопашество и разорились. И тѣмъ Е. С. графъ П. И. Панинъ привелъ насъ и нашихъ лошадей гоньбою въ крайнюю худобу». При этомъ нѣкоторыя команды вели себя въ шацкихъ селахъ и деревняхъ, какъ

въ непріятельской землѣ. Грабежи казацкаго хорунжаго Григоренкова были таковы, что всѣ дворяне района его воинскихъ подвиговъ принуждены были составить о нихъ особый протоколъ и представить его высшему правительству. Самъ полковникъ Ребриковъ, какъ жаловался на него управляющій князя Долгорукаго, произвелъ опустошеніе въ помѣщичьемъ домѣ села Вячки. А офицеръ Богдановичъ, ходя по воеводской канцеляріи въ городѣ Борисоглѣбѣ, съ великою пышностію и гордостію махалъ тростію и приговаривалъ: а я неинаие съ кѣмъ равняюсь, какъ съ генераломъ. Тогда наступила величайшая и повсемѣстная бѣдность въ Шацкой провинціи. «Въ минувшемъ іюлѣ мѣсяцѣ, писала Краснослободская воеводская канцелярія, экономическихъ сборовъ въ приходѣ ничего быть не имѣлось». Изъ другихъ мѣстъ поступали заявленія такого рода: «отъ того государственнаго злодѣя приключилось всѣмъ крайнее разореніе и податей взыскать не съ кого». Больше всѣхъ пострадали, конечно, крестьяне, но и помѣщикамъ было не легко. Многіе изъ нихъ жаловались: «съ того разоренія ни какого имущества у насъ не имѣется и всѣ люди разбѣжались, а иные люди наши отпущены кормиться милостынею».

Особенно тяжело пугачевская эпоха отозвалась на шацкомъ приходскомъ духовенствѣ. Во многихъ шацкихъ приходахъ, какъ извѣстно, причты встрѣчали мятежниковъ съ церемоніею. Такъ поступали наши священнослужители, спасая свою жизнь, и особенно винить ихъ за это не хватаетъ духу, потому что по своему развитію они были въ большинствѣ тѣ же крестьяне. Священникъ села Тарадѣй, Иванъ Андреевъ былъ даже изъ крѣпостныхъ. Разумѣется, въ этомъ случаѣ шацкіе духовные не были героями, но кажется не были и преступниками. Тѣмъ не менѣе ихъ подвергли суровой карѣ. Графъ П. И. Панинъ раздѣлилъ ихъ на три категоріи. Къ первой принадлежали тѣ, которые добровольно встрѣчали пугачевцевъ. Этихъ было меньшинство. Ко второй и самой многочисленной категоріи, отнесли тѣхъ священнослужителей, которые не бѣжали отъ мятежныхъ шаекъ и пассивно покорялись обстоятельствамъ. Наконецъ, въ третью категорію попали такія лица, которыя бѣжали изъ своихъ приходовъ, но случайно и по принужденію оказывались въ средѣ бунтовщиковъ, причемъ не имѣли мужества противиться движенію. Самыя суровыя наказанія достались первой категоріи. Священниковъ лишали сана съ пристрастіемъ допрашивали и сдавали въ солдаты или на каторгу. Послѣднія двѣ категоріи были относительно помилованы, то-есть освобождены отъ ссылки и солдатчины, но все-таки лишены сана. Тогда по всей эпархіи (Тамбовской и Пензенской) открылось великое горе и рѣдкое духовное семейство не оплакивало всеконечнаго своего разоренія. Въ починковской волости попали подъ судъ 35 причтовъ. Въ Наровчатскомъ уѣздѣ неподсуднымъ духовнымъ лицомъ

оказался одинъ только дьячекъ, имени котораго мы не знаемъ. Цѣлыя сотни духовныхъ сдѣлались жертвами пугачевскаго движенія. Имена этихъ невольныхъ страдальцевъ большею частію намъ неизвѣстны, но самое число ихъ свидѣтельствуетъ о той массѣ человѣческаго горя, которая въ настоящее время прикрыта историческою давностію. Съ особенною суровостію отнесся къ несчастнымъ преступникамъ святѣйшій синодъ. Всѣ они были отчуждены отъ церкви и прокляты. Послѣ того ихъ одѣвали въ мужичье платье и торжественно разстригали. Правда, Екатерина II простила ихъ впослѣдствіи, но это прощеніе было ограниченное: священники и діаконы шацкой провинціи, прикосновенные къ пугачевскому движенію, навѣкъ остались причетниками. Никакого прощенія не было и не могло быть только тѣмъ духовнымъ, которые открыто и дерзко приняли активное участіе въ смутѣ. Такихъ печальной памяти народныхъ дѣятелей было впрочемъ не много. Изъ ихъ числа особенно выдѣлялся священникъ села Богдановки, Макаръ Савинъ, съ дочерью Варварою и сыновьями Дмитріемъ и Нестеромъ. Вся эта семья въ полномъ своемъ составѣ разбойничала именемъ Петра III-го, пользуясь смутою въ интересахъ наживы [1]).

Въ числѣ подсудимыхъ духовнаго званія оказались также и ихъ жены. Одна изъ нихъ, именно попадья Марѳа Ѳедорова, вмѣстѣ съ пугачевцами грабила въ селѣ Мальцевѣ домъ помѣщика Приклонскаго и за это попала въ категорію самыхъ тяжкихъ преступницъ.

Не легко было въ то же время и сельскому начальству. Старостъ и соцкихъ судили за то, почему они впускали злодѣевъ въ свои села и не переловили ихъ. При этомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ засѣкали до смерти. Особенною свирѣпостію при производствѣ экзекуцій отличался подпоручикъ Приклонскій, за храбрость повышенный графомъ Панинымъ въ поручики. Впослѣдствіи этотъ рыцарь печальнаго образа впалъ въ сумашествіе и такимъ образомъ завершилъ свое жизненное поприще.

При такихъ условіяхъ пугачевская гроза наконецъ стихла. Провинціальная жизнь вступила въ прежнюю свою колею, не обновившись ни нравственно, ни юридически. И только великая реформа 19-го февраля навсегда избавила русскій народъ отъ повторенія кровавыхъ движеній въ духѣ самозванца.

Въ 1775 году, во всей Шацкой провинціи розданы были соцкимъ, старостамъ и управителямъ подробныя инструкціи для всеконечнаго искорененія воровъ, разбойниковъ и пришлыхъ шатающихся всякаго званія безпаспортныхъ людей. Мірскимъ избранникамъ строжайше предписывалось о малѣйшемъ

[1]) Арх. Шацк. провинц. канц., № 4,515 а.

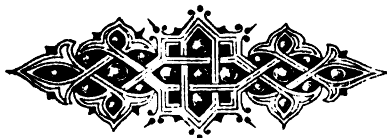
случаѣ воровства и разбоя немедленно доносить провинціальной канцеляріи и въ то же время, собравъ обывателей, ловить злодѣевъ. Въ противномъ случаѣ они сами подвергались законному преслѣдованію наравнѣ съ преступниками. Такимъ образомъ вся провинція поставлена была какъ бы на военное положеніе. Но разбои все-таки не прекращались. Разсѣялись пугачевцы, но долго еще гуляли по вольному бѣлому свѣту удалые молодцы, пугая и разоряя бѣдную Шацкую провинцію.

1774 годъ разорилъ особенно шацкихъ крестьянъ. Тогда правительство вызвало неимущихъ рабочихъ на постройку 18 казармъ, сожженныхъ пугачевцами, и на копаніе крѣпостныхъ рвовъ. Токмо денежной казны для расплаты съ тѣми рабочими не имѣлось...

Вотъ тѣ историческія свѣдѣнія, которыя собрали мы въ мѣстныхъ архивахъ относительно лихолѣтія славной екатерининской эпохи.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить, что во время чумы и пугачевщины въ Шацкой провинціи правительственная фискальная дѣятельность не ослабѣвала. За недоимки, имѣнія брали въ секвестръ. Городскихъ головъ и ратмановъ сажали въ оковы и подвергали тяжелымъ работамъ, дабы подати взысканы были неотмѣнно. Разумѣется, все это могло быть только въ усмиренныхъ мѣстностяхъ, или же въ такихъ, куда не проникало волненіе.

И. Дубасовъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ЗАБЫТЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Горькая судьба постигла князя А. А. Шаховскаго, какъ писателя и человѣка. Два первые десятка лѣтъ настоящаго столѣтія онъ былъ властелиномъ русской сцены, формируя для нея и репертуаръ и актеровъ. Два послѣдующіе десятка лѣтъ онъ не оставлялъ своего служенія театру и только въ самые послѣдніе годы жизни ослабѣлъ въ своей авторской дѣятельности. Шаховской написалъ до ста драматическихъ произведеній, изъ которыхъ многія заслуживаютъ не только полнаго вниманія историка литературы, но могутъ представить достаточно интереса для современнаго читателя и даже зрителя. Тѣмъ не менѣе, князь Шаховской окончательно забытъ.

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ отецъ комедіи, какъ его въ шутку называли современники, въ настоящее время забытъ совершенно— забытъ человѣкъ, можно сказать, вынянчившій русскій репертуаръ и русскую труппу. Мы не станемъ говорить здѣсь о томъ, что̀ такое былъ русскій театръ ко времени Александра I, именно ко времени обновительной работы Шаховскаго въ этой отрасли нашей умственной жизни. Объ этомъ уже было довольно писано. Короче сказать, русскаго театра въ то время у насъ не было. Драматическіе пьесы писались варварскимъ языкомъ, а актеры наши, находясь чуть не въ крѣпостной зависимости и полнѣйшей субординаціи и уничиженіи, оторванные отъ народа (изъ среды котораго часто выходили), не могли передать духа и обличія народнаго, особенно въ фальшиво-народныхъ пьесахъ, напримѣръ, Аблесимова; съ другой стороны, приниженное положеніе въ обществѣ отнимало

у нихъ силы и возможность передавать типическія черты этого общества, т. е. изображать «господъ», которыхъ актеры и побаивались, и мало знали, а потому они гораздо свободнѣе чувствовали себя въ классическихъ плащахъ, переносясь съ почвы горькой дѣйствительности въ заоблачныя сферы возвышенныхъ героевъ и чувствъ. Здѣсь заслуга князя Шаховскаго громадна, что̀ бы ни говорили различные мемуары о его мелочности, раздражительности, интригахъ. Къ несчастію, часто оказываясь самъ ниже своихъ идеальныхъ требованій, онъ формулировалъ для себя эти требованія совершенно ясно. Онъ доискивался благородныхъ традицій искусства, традицій, исполненныхъ истинной художественной правды, въ театрѣ древнихъ грековъ и у геніальнаго Шекспира. Но, не подчиняясь рабски никакому теченію, онъ искалъ самостоятельныхъ путей въ нашей драматургіи и прежде всего считалъ необходимымъ создать для театра человѣческій языкъ и научить говорить этимъ языкомъ нашихъ забитыхъ въ то время актеровъ. Онъ первый показалъ примѣръ человѣческаго обращенія съ этими тружениками мысли, первый сталъ вводить ихъ въ то общество, изображать которое имъ предстояло на сценѣ. Трудно представить себѣ, даже и въ наше время, другаго князя-драматурга и начальника, который былъ бы способенъ на такое самоотверженіе, на какое, ради искусства, обрекалъ себя Шаховской. Обучая Сосницкаго, своего любимаго ученика, играть роль Фальстафа, онъ рекомендовалъ ему взять за оригиналъ его самого, князя Шаховскаго. Сосницкій вышелъ на сцену совершеннымъ двойникомъ князя; сходство переходило границы искусства и князь остался недоволенъ. Однако, лѣтъ двадцать спустя, Шаховской опять училъ московскаго артиста Сабурова играть роль Фальстафа съ себя. Сабуровъ схватилъ типичныя черты князя, не копируя его рабски, и Шаховской остался очень доволенъ. Анекдотъ этотъ весьма характеренъ: онъ прежде всего показываетъ, что князь понималъ свой жизненный типъ.

А между тѣмъ, что̀ сдѣлано до сихъ поръ для памяти этого несомнѣнно замѣчательнаго человѣка? Смѣло отвѣтимъ: ничего. Нѐчего говорить уже о томъ, что никогда не издавалось полнаго собранія его сочиненій. На это даже нельзя и разсчитывать. Въ большинствѣ такихъ изданій имѣется въ виду большая публика, которая тяготится держать въ своихъ библіотекахъ балластъ каждаго полнаго собранія, столь, впрочемъ, драгоцѣнный въ литературно-историческомъ отношеніи. Кто же станетъ покупать сочиненія князя Шаховскаго, у котораго этотъ балластъ достигаетъ невѣроятныхъ размѣровъ, благодаря тому усердію, съ какимъ онъ питалъ русскій репертуаръ всѣми родами драматическихъ произведеній. Многія изъ нихъ не были даже напечатаны и остались въ бумагахъ князя. Судьба этихъ бумагъ тоже весьма странная: всѣ свои

сочиненія, изданныя и неизданныя, а также и всѣ бумаги, князь завѣщалъ родственницѣ своей, г-жѣ Бакуниной, а какъ поступила она съ этимъ наслѣдствомъ—положительно неизвѣстно. Въ Публичной Библіотекѣ хранится только одна маленькая записка Шаховскаго къ Загоскину, заключающая въ себѣ просьбу оставить ложу для кого-то изъ родныхъ князя. Три-четыре письма его къ разнымъ лицамъ попали въ печать; въ нашихъ рукахъ находится большое письмо князя Шаховскаго къ князю Э. П. Мещерскому, проливающее много свѣта на его внутренній міръ; письмо это мы изложимъ ниже, теперь же упомянемъ лишь о томъ мелкомъ обстоятельствѣ, что письмо это только подписано княземъ, а писано другой рукой. Обладая невѣроятно-дурнымъ почеркомъ, князь, можетъ быть, и другія свои письма заставлялъ переписывать, а слѣдовательно въ бумагахъ его оставались оригиналы. Гдѣ все это сокрыто—мы не вѣдаемъ и очень бы желали услышать. Такая скудость матерьяла отразилась печальнымъ образомъ и на біографіи князя Шаховскаго. Съ трудомъ можно возстановить нить внѣшнихъ событій его жизни, а о внутреннемъ его мірѣ, по выше упомянутымъ немногимъ письмамъ и разсказамъ его современниковъ, часто стоявшихъ къ князю недостаточно близко, вывести сколько нибудь вѣрное заключеніе—почти невозможно.

Біографія князя Шаховскаго сводится вкратцѣ къ слѣдующему.

I.

Происхожденіе.—Воспитаніе.—Военная служба.—Первая ода и первая комедія.—Сближеніе съ Нарышкинымъ и назначеніе репертуарнымъ членомъ.—Командировка за-границу; встрѣчи съ принцемъ Конде и съ Гёте.—Возвращеніе къ должности и цензура плохихъ пьесъ.—Комедіи «Коварный» и «Новый Стернъ».—Сближеніе съ Ежовой.—Участіе въ войнѣ 1812 года.—Комедія «Липецкія воды».—Литературныя отношенія: Загоскинъ, Аксаковъ, Гнѣдичъ, Батюшковъ, Пушкинъ, Катенинъ и Грибоѣдовъ.—Первый выходъ въ отставку и театральный комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Милорадовича.

Князь Александръ Александровичъ Шаховской родился 24-го апрѣля 1777 года, въ Смоленской губерніи, въ селѣ Беззаботахъ. Отецъ его, князь Александръ Ивановичъ, человѣкъ очень небогатый, но кровный русскій аристократъ, былъ женатъ на Анастасіи Ивановнѣ Пассекъ. Въ молодости, онъ началъ службу блестящимъ образомъ, состоялъ камергеромъ при дворѣ короля польскаго Станислава Августа, но затѣмъ безвыѣздно жилъ въ своихъ Беззаботахъ.

Тѣмъ не менѣе, юный князь Александръ Александровичъ, въ 1787 году, былъ зачисленъ въ Преображенскій полкъ сержантомъ,

еще ранѣе того опредѣленъ въ московскій университетскій пансіонъ. Какое образованіе далъ князю этотъ пансіонъ, за отсутствіемъ автобіографическихъ данныхъ, можно судить пока по аналогіи съ тѣмъ, чему позднѣе научились въ томъ же пансіонѣ другіе, напримѣръ, В. А. Жуковскій. Шаховской зналъ одинъ только французскій языкъ и учился много уже по выходѣ изъ пансіона. Въ 1793 году онъ былъ уже въ полку и поселился въ семействѣ извѣстнаго въ то время балетмейстера Ив. Ив. Вальберха, память котораго князь всегда свято чтилъ и оставался на-всегда другомъ его семьи. Дружба эта особенно выразилась въ его покровительствѣ дочери Вальберха, замѣчательно талантливой драматической артисткѣ.

Какъ военный, князь Шаховской былъ изъ ряду вонъ плохъ; онъ былъ необычайный домосѣдъ и не участвовалъ въ кутежахъ товарищей, да и не имѣлъ для этого средствъ. Это печальное для молодаго князя обстоятельство прекрасно отразилось на его образованіи. Сидя постоянно дома, онъ много читалъ и скоро интересы его въ этомъ направленіи ясно опредѣлились. Онъ особенно интересовался всеобщей исторіей и при этомъ наиболѣе останавливался на изученіи театра въ древней Греціи, въ Римѣ, и на французскихъ классикахъ. Такой интересъ къ исторіи театра находится въ связи съ первыми попытками князя на драматическомъ поприщѣ. 31-го октября 1795 года, въ театрѣ Эрмитажа, въ присутствіи императрицы Екатерины II, шла его комедія въ стихахъ— «Женская шутка». Это первое произведеніе князя Шаховскаго понравилось дворцовой публикѣ и автора даже вызывали. Шаховской самъ разсказывалъ, что его пьеса особенно понравилась мужчинамъ, такъ какъ она была преисполнена двусмысленностями. Впослѣдствіи Шаховской сжегъ свою «Женскую шутку». Въ 1797 году, уже будучи портупей-прапорщикомъ, князь Шаховской очень усердной корпѣлъ надъ одами, и Вальберхъ, въ заботѣ о его судьбѣ, постоянно склонялъ его поднести оду императору Павлу. Шаховской ухватился за эту идею и въ недѣлю ода была готова. На первый же разводъ юный поэтъ явился съ непремѣннымъ намѣреніемъ поднести государю свое произведеніе, но рѣшимости на это у него не хватило. Въ слѣдующее воскресенье самъ Вальберхъ пошелъ съ Шаховскимъ, чтобы выбрать болѣе удобное мѣсто. Но опять повторилась та же исторія, и ода канула въ Лету, въ полномъ смыслѣ этого слова. Тѣмъ не менѣе литературная извѣстность князя Шаховскаго была достаточно упрочена этими первыми опытами и на него обратилъ вниманіе тогдашній директоръ театровъ, А. Л. Нарышкинъ; самъ государь Павелъ Петровичъ зналъ начинающаго князя-писателя и даже оказывалъ ему особое, небывалое расположеніе, прощая многія ошибки Шаховскаго противъ дисциплины и относя ихъ къ его забавной разсѣянности. Вслѣд-

ствіе всего этого, несмотря на свои скудныя средства, молодой князь, съ производствомъ въ офицеры въ 1797 году, получилъ доступъ во всѣ великосвѣтскія гостиныя, въ которыхъ выдавался замѣтно своимъ неистощимымъ остроуміемъ. Въ 1798 году, Шаховской былъ командированъ въ корпусъ эмигрантовъ принца Конде «обучать французовъ русскимъ ружейнымъ пріемамъ», какъ онъ объ этомъ самъ говорилъ. Получивъ за эти свои подвиги чинъ подпоручика, онъ промѣнялъ его на чинъ надворнаго совѣтника и, по протекціи Нарышкина, былъ назначенъ репертуарнымъ членомъ. Въ это время Шаховской сталъ близкимъ человѣкомъ въ домѣ Нарышкина, и этотъ послѣдній, въ 1801 году, командировалъ его въ Парижъ, для приглашенія лучшихъ тамошнихъ артистовъ на французскую сцену въ Петербургѣ. Оба эти путешествія заграницу значительно расширили умственный горизонтъ молодаго любителя театра, который, до поры до времени, положилъ свое перо. Изъ отрывочныхъ указаній въ его письмахъ и мемуарахъ нѣкоторыхъ лицъ мы видимъ, что Шаховской сталкивался здѣсь съ самыми разнообразными людьми. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ князю Мещерскому Шаховской разсказываетъ слѣдующее о принцѣ Конде: «Отправленный въ кондейскій корпусъ, я имѣлъ честь много разъ обѣдывать у принца и однажды за столомъ, въ разговорѣ о революціи, онъ, оборотясь ко мнѣ, прибавилъ:—«знаете ли, что первый предсказалъ ее вашъ Петръ Великій?—да, на вопросъ, какъ царь находитъ Парижъ, онъ отвѣчалъ:—прекраснымъ городомъ, но только слишкомъ многолюднымъ и шумнымъ, чтобы современемъ ему не захотѣлось давать законы своему государю. Это было при отцѣ моемъ и онъ самъ мнѣ это разсказывалъ». Не лишено также общаго интереса знакомство Шаховскаго съ великимъ Гёте. Мы передаемъ нижеслѣдующій эпизодъ со словъ г. Смирнова, который слышалъ его отъ князя. Въ 1802 году, въ Мюнхенѣ, въ гостинницѣ за общимъ столомъ, Шаховской былъ удивленъ особенно многочисленнымъ стеченіемъ публики. Не понимая нѣмецкаго языка, Шаховской все-таки могъ разобрать часто повторяемое имя Гёте. Оказалось, что великій нѣмецкій поэтъ находится въ той же гостинницѣ и мюнхенцы расчитывали поглядѣть на него за табльдотомъ. Хотѣлось того же и Шаховскому, но Гёте не показался. Тогда Шаховской послалъ Гёте свою карточку и былъ приглашенъ на чай. Шаховской пошелъ и былъ прекрасно принятъ. Толковали много о литературѣ нѣмецкой, а особенно о русской. Поданъ былъ и чай, но не по-русски — безъ хлѣба. Уже тогда склонный къ выходкамъ простодушнаго чудака, Шаховской, не стѣсняясь, приказалъ кельнеру принести себѣ бутербродовъ. Каково же было его изумленіе, когда на другой день Шаховской нашелъ, что злополучные бутерброды оказались поставленными въ счетъ! Вспоминая объ этомъ, Шаховской прибавилъ: «вотъ, что

называется нѣмецкая аккуратность; зато они на обухѣ рожь молотятъ». Къ этому нужно прибавить, что въ Парижѣ Шаховской наслаждался игрой Тальмы, производившаго тогда революцію на подмосткахъ французской сцены. Игра этого великаго артиста произвела глубокое впечатлѣніе на князя и, подъ обаяніемъ его декламаціи, его игры, онъ вернулся въ Петербургъ, въ 1803 году, съ твердымъ намѣреніемъ пересоздать русскую сцену. За удачный подборъ французской труппы, приглашенной имъ для Петербурга, Шаховской былъ награжденъ званіемъ камеръ-юнкера и занялъ прежнее мѣсто репертуарнаго члена. По своей должности, онъ обя-

Князь А. А. Шаховской.

занъ былъ перечитывать массу поступавшихъ на театральную цензуру пьесъ, попреимуществу бездарныхъ. Извѣстный театралъ своего времени Жихаревъ, въ своемъ «Дневникѣ чиновника», разсказываетъ по этому поводу, что казначей театра, Альбрехтъ, совѣтовалъ Шаховскому топить злополучными рукописями театръ. «Помилуйте, шутилъ на это князь, отъ нихъ холодомъ вѣетъ, вы меня заморозить хотите!» Нѣкоторые изъ авторовъ такихъ отверженныхъ произведеній старались хоть чѣмъ нибудь насолить князю. Такъ, когда Шаховской не принялъ на сцену драму какого-то Сумарокова—«Марѳа Посадница», гдѣ всѣ дѣйствующія лица другъ друга убиваютъ и къ концу пьесы въ живыхъ остается только

одинъ человѣкъ, то оскорбленный авторъ напечаталъ свое произведеніе, съ самымъ злостнымъ предисловіемъ, направленнымъ противъ князя Шаховскаго. Позднѣе, его обвиняли даже въ томъ, что, не пропуская нѣкоторыхъ пьесъ, онъ выкрадывалъ изъ нихъ сюжеты для себя. Такъ, напримѣръ, когда въ 1806 году князь поставилъ оперету «Любовная почта», то его печатно обвинили въ томъ, что онъ воспользовался сюжетомъ изъ непропущенной имъ самимъ комедіи Лукницкаго—«Деньщикъ-виртуозъ». Гдѣ-то даже было напечатано слѣдующее: «Въ Торговой улицѣ живетъ похититель литературной собственности, о коемъ узнать у служителя Макара». Этотъ Макаръ, безъ котораго обходилась рѣдкая эпиграмма, направленная противъ князя, былъ крѣпостной его человѣкъ и состоялъ при немъ всю жизнь. Онъ вѣчно торчалъ въ передней князя и вязалъ чулокъ. Впослѣдствіи, отрекаясь отъ многихъ своихъ произведеній, Шаховской говаривалъ: «это не я писалъ, это Макаръ».

Шаховскій вполнѣ опровергнулъ инсинуаціи Лукницкаго, пропустивъ на сцену его «Деньщика-виртуоза». Скоро онъ и совсѣмъ помирился съ Лукницкимъ, и черезъ годъ послѣ исторіи съ «Любовной почтой», показывалъ Жихареву стихотворный анекдотъ того же Лукницкаго, написанный имъ для «Драматическаго Вѣстника», который князь въ то время задумалъ издавать.

Таковы были столкновенія Шаховскаго съ авторами неудачными. Но за то съ какимъ пламеннымъ восторгомъ относился онъ къ произведеніямъ, въ которыхъ видѣлъ истинный талантъ. Въ числѣ такихъ произведеній былъ «Эдипъ» Озерова. Въ это время Шаховской сблизился съ домомъ Оленина, у котораго собирался весь тогдашній литературный Олимпъ. Сюда-то привезъ князь Эдипа и читалъ его со слезами восторга. Въ послѣдующихъ произведеніяхъ Озерова князь справедливо видѣлъ увлеченіе ложными эффектами, открыто порицалъ этотъ недостатокъ и тѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе многихъ, особенно же самого самолюбиваго автора.

Въ то же время князь возобновилъ и собственные драматическіе опыты, изъ которыхъ первые были очень неудачны. Въ 1804 году онъ поставилъ переводную комедію «Коварный», о которой князь Вяземскій писалъ впослѣдствіи:

«При свистѣ креселъ, партера и райка,
«Сошелъ со сцены твой «Коварный».

Но въ слѣдующемъ же году Шаховской поправилъ свою литературную репутацію, поставивъ на сцену комедію «Новый Стернъ»; за то, осмѣявъ въ ней сантиментальное направленіе, задѣлъ родоначальника этого послѣдняго—Карамзина и, вѣроятно, и многихъ другихъ, чѣмъ еще болѣе умножилъ число своихъ враговъ. Не будемъ слѣдить за дальнѣйшими успѣхами и неуспѣхами князя въ области драматургіи. Масса фальшивыхъ отношеній, сплетенъ, въ которыхъ трудно отличить правду отъ лжи, за неимѣніемъ авто-

біографическаго матерьяла—все это вмѣстѣ мѣшаетъ пролить новый свѣтъ на дѣятельность князя за означенный періодъ, а въ какомъ видѣ представляется это до настоящаго времени—все это очень обстоятельно изложено, напримѣръ, въ «Лѣтописи русскаго театра» Арапова.

Около того же времени, т. е. еще до 1812 года, который увлекъ князя на поле брани и на время оторвалъ его отъ театра, онъ сблизился и не разставался до конца своей жизни съ актрисой Екатериной Ивановной Ежовой, которая въ 1807 г. году выпущена была изъ театральнаго училища на роли субретокъ, но, по убѣжденіямъ князя, стала играть старухъ. Всѣ воспоминанія о Ежовой сводятся къ одному—что она держала князя въ ежовыхъ рукавицахъ, что̀, впрочемъ, было далеко не лишнимъ, при его беззаботномъ, дѣтски-вспыльчивомъ и безалаберномъ характерѣ. Два раза Шаховской предлагалъ Ежовой быть его женой, но она отказывалась, предпочитая «быть любимой Ежовой, а не смѣшной княгиней». Въ это же время Шаховской присталъ къ тогдашней партіи славянофиловъ, лагеря Шишкова, который не могъ не сочувствовать тому осмѣянію, какому предавалъ Шаховской обычаи и приличія россійскихъ псевдо-европейцевъ. Въ 1810 году, Шаховской сдѣлался дѣйствительнымъ членомъ Россійской Академіи и принималъ участіе въ составленіи словаря; какъ человѣкъ религіозный, онъ хорошо освоился съ славянскимъ языкомъ, читая псалтырь и священное писаніе. Въ то же время Шаховской дѣлается членомъ «Бесѣды любителей россійскаго слова» и на засѣданіяхъ этого общества читаетъ нѣкоторые свои сатиры.

Общій порывъ патріотизма въ 1812 году увлекъ и князя Шаховскаго; 6-го іюля онъ вступилъ въ ополченіе Тверской губерніи, гдѣ у него было маленькое имѣніе, и былъ назначенъ командиромъ казачьяго полка.

Къ счастію, объ этомъ періодѣ сохранились личныя воспоминанія князя Шаховскаго, напечатанныя въ «Военномъ Сборникѣ» за 1864 годъ и, какъ сообщаетъ редакція, найденныя случайно въ архивѣ военно-топографическаго депо. Сколько можно судить по напечатанному отрывку, это не мемуары, а скорѣе письмо, писанное къ неизвѣстному лицу уже въ 1836 году, какъ сообщаетъ та же редакція. Письмо это написано такъ живо, свидѣтельствуетъ о такой наблюдательности автора, что, имѣй мы въ рукахъ побольше его писемъ и вообще автографовъ, Шаховской стоялъ бы передъ нами какъ живой.

Шаховской случился въ Твери какъ разъ во время возвращенія государя изъ арміи и Москвы въ Петербургъ и имѣлъ счастіе—говоритъ онъ—первымъ изъ лицъ, служащихъ при дворѣ, вступить въ тверскія дружины. 30-го августа, князь уже повелъ въ Москву за̀ново сформированный 5-й пѣшій казачій полкъ. Перенесенный

изъ-за кулисъ на поле брани, Шаховской чувствовалъ себя истиннымъ патріотомъ и княземъ. «Тутъ съ теплой вѣрой, но не безъ тщеславнаго воспоминанія,—разсказываетъ онъ о молебнѣ передъ выступленіемъ въ походъ,—я повторилъ воинскій крикъ предка моего, Мстислава Храбраго: Съ нами Богъ!—и его громогласно подхватили дружинники». Между тѣмъ, на дневкѣ въ Клинѣ, Шаховской получилъ извѣстіе о занятіи Москвы Наполеономъ и приказаніе остановиться, которое «какъ крещенскій морозъ подѣйствовало на наши члены», говоритъ князь. Въ это самое время благовѣстили къ обѣднѣ и пасмурные ополченцы пошли въ церковь. Послѣ обѣдни князь обратился къ нимъ съ словомъ одобренія, сказавъ, что «Россія не въ Москвѣ». «Мрачныя души прояснились—говоритъ онъ,—старые солдаты хулили молодыхъ, не съумѣвшихъ отстоять Москву, и вспоминали, какъ они въ свое время, при Суворовѣ, «въ чужедальней сторонѣ», этихъ же французовъ какъ куръ душили. «Успокоились и помѣщики-ополченцы и, въ ожиданіи грядущихъ событій, играли въ банчикъ». Полкъ Шаховскаго поступилъ въ отрядъ барона Винценгероде, и князь явился къ нему въ подмосковное село Подсолнечное, гдѣ встрѣтился съ графомъ Бенкендорфомъ и Л. А. Нарышкинымъ. Шаховской видимо не пропускалъ ни одного случая, гдѣ можно было узнать настоящій духъ народа и истинное его мнѣніе о событіяхъ. Такъ, однажды, подойдя къ кучкѣ крестьянъ-ямщиковъ, толковавшихъ о матушкѣ-Москвѣ, князь услышалъ слѣдующее: «только бы батюшка-государь не смирился со злодѣемъ,—говорилъ старый мужикъ,—а то ему не сдобровать: святая Русь велика, народу многое множество; укажи поголовщину—мы всѣ шапками замечемъ, или своими тѣлами задавимъ».

Еще ближе и глубже пришлось князю узнать нашъ народъ, когда ему порученъ былъ надзоръ за плѣнными, захваченными подъ Москвой. «Не знаю, отъ кого вышелъ—разсказываетъ онъ—переданный мнѣ приказъ имѣть особенное попеченіе о плѣнныхъ испанцахъ. Я зашелъ въ избу, отведенную для нихъ. Хозяйка избы, стоя на колѣняхъ, обмывала раненую ногу плѣннаго, и, увидя меня, испугалась, вскочила, стала извиняться, что взмиловалась надъ супостатомъ». Видѣлъ и то князь, какъ русскіе мужики, среди супостатовъ «двунадесяти языковъ», умѣли отличить своихъ братьевъ славянъ—кроатовъ, которые крестились по-нашему; крестьяне окружили ихъ и, понявъ ихъ славянское нарѣчіе, тотчасъ нанесли имъ папошниковъ, пироговъ, а ямщики просили позволенія на своихъ лошадяхъ подвезти ихъ въ Тверь. Въ другомъ мѣстѣ, князь видѣлъ, что крестьяне княгини Голицыной успѣли скрыть отъ французовъ все ея имущество.

— Что же вамъ, жить за нею хорошо? спрашиваетъ князь.

— Нѣтъ, нѣмцы, которыхъ она прислала разоряютъ насъ; да отецъ и дѣдъ покойнаго князя насъ жаловали.

Но за то бывали при немъ и такіе случаи, что въ Волоколамскѣ крестьяне сожгли или перерѣзали французскихъ фуражировъ; въ томъ же Волоколамскѣ служанка казначея зарѣзала поварскимъ ножомъ двухъ подлипалъ французовъ.

Между тѣмъ, Винценгероде попалъ въ плѣнъ, и уже подъ начальствомъ Иловайскаго 4-го князь Шаховской съ своимъ полкомъ вступилъ въ Москву. Онъ разсказываетъ, какъ при самомъ въѣздѣ на пепелище столицы, повстрѣчалась имъ какая-то обезумѣвшая старуха и съ крикомъ: «русскіе!» поклонилась въ ноги передъ вступавшимъ отрядомъ.

Зрѣлище страшнаго опустошенія и разрушенія ожидало князя въ Москвѣ. Онъ спѣшилъ войти въ Кремль, но доступъ туда былъ не такъ легокъ. Оставались еще слѣды взрыва стѣны и кое-гдѣ дымило. Изъ-за угловъ пострѣливали мародеры. Спасскія ворота были завалены, Никольскія загромождены развалинами стѣны, и казаки князя опасались попасть на заложенную мину. Князь сталъ самъ карабкаться по развалинамъ, и казаки, увидя это, бросились за нимъ и еще прежде его очутились передъ горѣвшимъ дворцомъ и Грановитой Палатой. Огромная пристройка къ Ивану Великому была взорвана, а онъ «стоялъ такъ же величественно, какъ только-что воздвигнутый Борисомъ Годуновымъ, для прокормленія рабочихъ во время голода», говоритъ князь. Опасаясь въ самомъ дѣлѣ взрыва, Шаховской приказалъ осмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ мины. «Какъ членъ Россійской Академіи, повѣствуетъ онъ, принялся я за перо и написалъ съ общаго совѣта рапортъ государю, а какъ соправитель театральной дирекціи сдѣлалъ распоряженіе относительно торжественнаго благодаренія Господу браней». Проспавъ тревожно первую ночь въ уцѣлѣвшихъ комнатахъ дворца, на сѣнѣ, покрытомъ коврами, князь Шаховской и его товарищи—Бенкендорфъ и другіе, на утро отправились повѣрять исполненіе отданныхъ ими приказаній. Со всѣхъ сторонъ тѣснились ужасныя впечатлѣнія. На Лобномъ Мѣстѣ князь увидѣлъ дѣвушку, порядочно одѣтую, но босую (французы, нуждаясь въ обуви, разували всѣхъ и каждаго). Ее сторожилъ казакъ и она горько плакала. Это была, какъ оказалось, дочь одного профессора нѣмца, который побоялся выйти изъ Москвы, опасаясь, чтобъ его не приняли за шпіона. Теперь онъ лежалъ больной и бѣдная дѣвушка пришла попросить у русскихъ для него хлѣба; но начальникъ кремлевскихъ карауловъ, нѣкій татаринъ Ельмурзинъ, такъ заинтересовался ею, что даже приставилъ казака стеречь ее. Князь немедленно велѣлъ освободить дѣвушку, обѣщая ей прислать на домъ все необходимое, и сдѣлалъ выговоръ Ельмурзину. Тутъ же, на Спасскихъ воротахъ, онъ увидѣлъ образъ съ серебряной лампадкой. «Отъ какой-то безотчетной радости, говоритъ онъ, сорвалось у меня съ языка приказаніе—затеплить лампадку. Лампадку зажгли—и народъ сталъ говорить,

будто лампадка чудеснымъ образомъ не угасала во все время, пока въ Москвѣ были непріятели».

Затѣмъ, въ сопровожденіи монаха и священника, Шаховской осмотрѣлъ церкви и отдалъ приказаніе привести ихъ сколько возможно въ порядокъ. До поры до времени, онъ поставилъ около церквей часовыхъ, запретивъ пускать народъ, и даже запечаталъ нѣкоторыя. И въ самомъ дѣлѣ: лучше было скрыть отъ глазъ народа безпощадное поруганіе святыни. Въ Успенскомъ соборѣ мощи св. митрополита Іоны были выброшены на помостъ. Онѣ были невредимы, кромѣ «вражеской разруби на святительской выѣ». Въ алтарь Казанскаго собора французы втащили дохлую лошадь и положили ее на мѣсто престола. Таковы были дѣла враговъ. Но князь не скрываетъ и того, что подмосковные крестьяне, въ надеждѣ на богатую наживу, пріѣхали въ Москву съ телѣгами, и разсказываетъ, что Бенкендорфъ заставилъ ихъ на этихъ самыхъ телѣгахъ вывозить трупы, валявшіеся по улицамъ. Тѣ же подмосковные крестьяне спѣшили въ Москву съ съѣстными припасами и устроили импровизированный рынокъ. Заѣхалъ еще князь въ уцѣлѣвшій домъ Позднякова, гдѣ Мюратъ устраивалъ спектакли; за кулисами театра брошены были остатки священническихъ ризъ, изрѣзанныхъ для костюмовъ.

Стали, наконецъ, показываться и немногіе москвичи, видѣвшіе великаго завоевателя. Тутолминъ — начальникъ Воспитательнаго Дома — остался очень доволенъ Наполеономъ и нашелъ его далеко не страшнымъ. Зато генералъ-поручикъ Сипягинъ, какой-то движущійся остовъ, разсказывалъ, какъ онъ, запоздавъ выѣхать изъ Москвы, былъ схваченъ французами и принужденъ возить землю для укрѣпленія Кремля.

На другой день Шаховской съ товарищами перебрался въ домъ князя Бѣлосельскаго, который занималъ маршалъ Бессьеръ. Въ этомъ домѣ французы обратили великолѣпную залу и библіотеку въ мѣсто «безъименное между порядочными людьми». Въ домѣ Бѣлосельскаго, вмѣстѣ съ Шаховскимъ и Бенкендорфомъ, оказался прелюбопытный капитанъ ополченія, Богдановичъ. Онъ когда-то служилъ въ смоленскихъ командахъ, сформированныхъ противъ Пугачева, а теперь присталъ къ Бенкендорфу. Сидя у камина въ домѣ Бѣлосельскаго и показывая на свою саблю, онъ говорилъ: «эту дуру я сниму только въ Парижѣ». И дѣйствительно, ему довелось дойти до Парижа.

Наконецъ, состоялся и благодарственный молебенъ въ большой церкви Страстнаго монастыря. Французы, по свойственной имъ любезности къ женскому полу, пощадили этотъ монастырь. Тѣмъ не менѣе, во всей Москвѣ не уцѣлѣло ни одного серебрянаго сосуда. У кого-то нашлись старинные — стеклянные. Отыскались священники, церковники и звонари. Еще до 9-ти часовъ ударили въ боль-

шой колоколъ Страстнаго монастыря. Опустѣвшая Москва радовалась и ямскому колокольчику, какъ это разсказывалъ Шаховскому только-что пріѣхавшій его пріятель, увѣрявшій, что въ Ямской слободѣ крестьяне крестились, услышавъ его тройку. Теперь же по всей Москвѣ гудѣли колокола. Богомольцы наполнили нетолько церковь, но и всѣ переходы и дворъ Страстнаго монастыря. «Всѣ начальники военные, дворяне, купцы, народъ, русскіе и иностранцы, православные и разновѣрные, даже башкиры и калмыки молились на колѣняхъ, и хоръ рыданій смѣшивался съ пѣніемъ, повсемѣстнымъ трезвономъ и пальбой изъ какихъ-то пушекъ». Здѣсь князь вспомнилъ видѣнную имъ въ Ахенѣ первую обѣдню послѣ революціи. «Помню, въ эту минуту — говоритъ онъ — я почувствовалъ всю силу благодарности къ сотворившему меня человѣкомъ, христіаниномъ и русскимъ». Онъ отказывается здѣсь выразить всю торжественность момента, «несмотря на свою сорокалѣтнюю привычку говорить языкомъ страстей».

Между тѣмъ, «запахъ французскаго пребыванія» заставилъ князя перебраться изъ дома Бѣлосельскаго въ домъ его родственниковъ, и сюда прискакалъ къ нему фельдъ-егерь отъ Шишкова. Жалкое разочарованіе! Онъ ожидалъ получить «звѣздное» или, по крайней мѣрѣ, «крестное» одобреніе, но вмѣсто того получилъ 120 экземпляровъ оды Хвостова на освобожденіе Москвы. Въ своихъ усердныхъ осмотрахъ Москвы, для приведенія ее въ возможный порядокъ, Шаховской натолкнулся на бронзовую статую Екатерины II, уцѣлѣвшую среди обломковъ дворянскаго собранія.

Возвратился и Ростопчинъ. Шаховской встрѣтилъ его у церкви Василія Блаженнаго стихами изъ трагедіи «Пажарскій»:

«И пеплъ родимыхъ стѣнъ
Потомству возвѣститъ,
Что славу россъ свою
Всѣхъ выше благъ цѣнитъ.

Шаховской донесъ Ростопчину, какъ главнокомандующему, о состояніи Москвы, но скоро они сошли съ почвы оффиціальныхъ отношеній на дружескую бесѣду. «Графъ Ростопчинъ съ самоувѣренностью говорилъ о томъ славномъ дѣлѣ (пожарѣ), отъ котораго впослѣдствіи отрекался въ Парижѣ; читалъ свое ядовитое письмо къ Кутузову, въ которомъ каламбурилъ на тотъ счетъ, что Кутузовъ безпокоитъ всѣхъ своимъ спокойствіемъ, и жаловался, что Кутузовъ не хочетъ съ нимъ повидаться». «Лицо мое, говоритъ князь, болтливое не меньше языка, не скрыло того, чего изъ учтивости я не сказалъ». Тѣмъ не менѣе, онъ всячески старался успокоить графа Ростопчина, ссылаясь на историческій примѣръ Ганнибала, который не хотѣлъ довѣрить своихъ плановъ даже своей подушкѣ, и, наконецъ, прямо указалъ на то, что и безъ всякихъ совѣщаній

Ростопчина съ Кутузовымъ все обошлось такъ, какъ было нужно. «Москва спокойно опустѣла и изъ 150 тысячъ жителей остался одинъ, да и то французъ [1]), который объявилъ Наполеону, перебравшему всѣ европейскія столицы, что Москва пуста, за что Наполеонъ удостоилъ графа Ростопчина такихъ ругательствъ, какихъ онъ не промѣнялъ бы и на оды Хвостова».

Такія рѣчи подѣйствовали успокоительно на Ростопчина и онъ провелъ цѣлую ночь, разсказывая своимъ гостямъ различные эпизоды послѣднихъ дней. Разсказывалъ, какъ народъ «привелъ къ нему на веревочкѣ, съ нѣкоторыми знаками православнаго неблаговоленія», какихъ-то франтовъ, болтавшихъ на Кузнецкомъ мосту по-французски; или какъ старостиха Василиса, во французской шинели, съ саблею черезъ плечо, во главѣ толпы мужиковъ конвоировала захваченныхъ ими въ плѣнъ французскихъ мародеровъ.

Между тѣмъ, князь Шаховской долженъ былъ покинуть Москву, гдѣ ему пришлось пережить такія глубокія впечатлѣнія, очевидно, запавшія въ душу его на всю жизнь. Онъ снова принялъ командованіе надъ своимъ полкомъ. Гонка французовъ по голодной дорогѣ, очевидно, производила различное впечатлѣніе на офицеровъ, которыхъ князь дѣлилъ въ этомъ отношеніи на категоріи. «Одни, говоритъ онъ, природные дворяне припомнили былую службу своего сословія, шли въ походъ охотно и служили, пока въ сердцахъ ихъ раздавался воспалительный крикъ: нашихъ бьютъ! другіе — помѣщики, кое-какъ вылѣзшіе изъ приказныхъ, да купившіе себѣ имѣнія, отлынивали отъ тяжелой службы подъ разными предлогами» Впрочемъ, князь приводитъ еще и другое подраздѣленіе. Въ его ополченіи были отставные офицеры, въ родѣ вышеупомянутаго екатерининскаго ополченца Богдановича, и затѣмъ молодежь — мелкіе канцелярскіе чиновники, которые еще не успѣли оподъячиться. «Офицерскіе мундиры ихъ омолодечивали, говоритъ князь; не имѣя денегъ и не зная благородной игры въ карты, они, отчужденные отъ ополченцевъ-помѣщиковъ, приставали къ военно-служащимъ и затѣмъ поступали въ кадры запасной дивизіи, образованной изъ латышей». Князь говоритъ, что многіе изъ этой молодежи впослѣдствіи сдѣлали военную карьеру. Что касается перехода по разоренной дорогѣ, то Шаховской старается доказать, что онъ и въ то время не встрѣчалъ затрудненія въ продовольствіи, въ которомъ населеніе отказывало французамъ.

Вообще, относительно 1812 года, князь высказываетъ тотъ взглядъ, что все окончилось благополучно, благодаря пламенной любви народа къ вѣрѣ, царю и отечеству.

---

[1]) Книгопродавецъ Рисъ встрѣтился съ Наполеономъ у Дорогомиловской заставы.

Поступивши подъ команду маркиза Паулучи, Шаховской былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ, а затѣмъ формировалъ въ Ригѣ запасную дивизію, которую и отвелъ въ резервную армію, стоявшую въ Варшавѣ. Этимъ и кончились невоинственные подвиги князя Шаховскаго на полѣ брани. 1-го іюля 1813 года, онъ уже снова былъ въ Петербургѣ и вступилъ въ свою прежнюю должность репертуарнаго члена. Опять пошли постановки и сочиненія пьесъ, опять явился кружокъ пріятелей-литераторовъ (Крыловъ, Катенинъ, графъ П. С. Потемкинъ и другіе).

Переживши войну настоящую, князю пришлось перенесть еще бурю литературную, которую онъ самъ поднялъ своею комедіей— «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды», поставленной на сцену 23-го сентября 1815 года. Эта комедія имѣла успѣхъ необыкновенный и надолго удержалась въ репертуарѣ нашей сцены. Поклонники и друзья Шаховскаго всячески чествовали его и, послѣ перваго представленія, за ужиномъ у его родственниковъ Бакуниныхъ, на него возложенъ былъ лавровый вѣнокъ. Къ несчастію для себя, князь для своей комедіи взялъ типы изъ того общества, среди котораго самъ жилъ. Большая часть оригиналовъ его дѣйствующихъ лицъ могла присутствовать и дѣйствительно присутствовала въ театрѣ на первомъ представленіи. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ героевъ комедіи, графѣ Ольгинѣ, Сосницкій, своею художественною игрой, безошибочно копировалъ великосвѣтскаго льва, графа Л. Старички узнавали себя въ комичной фигурѣ барона Вальмира, и все это дало прекрасный поводъ къ негодованію, выставляя имя Жуковскаго, задѣтаго въ комедіи въ лицѣ балладника Фіалкина. Впрочемъ, самъ Жуковскій довольно добродушно и спокойно относился къ появившейся изъ-за него «Парнасской бурѣ». Зато свирѣпствовали его друзья и даже не друзья. Изъ-за той же бури возникъ и знаменитый «Арзамасъ», о коемъ считаемъ лишнимъ распространяться. Скажемъ только о тѣхъ оскорбленіяхъ, которыя сыпались на голову князя Шаховскаго.

Въ «Россійскомъ Музеумѣ», изданіи Измайлова, напечатано было слѣдующее: «Клеонъ пишетъ трагедіи, комедіи, сатиры, водевили. Въ нѣкоторыхъ обществахъ его вѣнчаютъ лаврами, почитаютъ его геніемъ. Этотъ геній не что иное, какъ пошлый, безграмотный писатель, не учившійся ничему, не знающій начальной грамоты и сочиняющій плоскіе и водянистые стихи единственно по слуху и на-попадъ». Не лучше отдѣлывалъ Шаховскаго и Дм. В. Дашковъ въ своей арзамасской кантатѣ — «Посланіе къ Шутовскому». Тутъ было сказано, что

«Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза балладъ,
Въ «Бесѣдѣ» бордый усыпитель,
Хвостову братъ,
И врагъ талантовъ записной».

Объ успѣхахъ князя на сценѣ говорили, что

«Его величіе—не трубы—
Свистки гласятъ»...

И наконецъ, по поводу неудачной комедіи князя «Дебора», о которой ходила сплетня, будто ее сочинилъ не самъ Шаховской, а молодой драматическій писатель того времени, Л. Н. Неваховичъ, съ которымъ Шаховской одно время жилъ, Дашковъ пишетъ:

«Еврей мой сочинилъ Дебору,
А я ее списалъ.
Въ моихъ писаньяхъ много вздору,—
Кто-жъ ихъ читалъ?»

Не менѣе ожесточился и князь Вяземскій въ своихъ эпиграммахъ. По поводу все тѣхъ же «Липецкихъ водъ», прямой, удачной и серьезной комедіи, онъ припомнилъ всѣ прежнія неудачи автора. Такими неудачными произведеніями были переводъ «Китайской сироты» Вольтера и «Коварный», переводъ комедіи Грессе — Le Méchant. Вотъ что писалъ Вяземскій объ этихъ злополучныхъ произведеніяхъ:

«Вольтеръ насъ трогаетъ «Китайской сиротой»
И тѣмъ весельчаковъ заслуживаетъ пѣни,
Но, слезы превративъ въ забаву, Шутовской
Китайскія представилъ тѣни.
Напрасно говорятъ, что грѣшника черты
Доносятъ намъ, какъ онъ раскаяньемъ измученъ:
Смотрите, какъ румянъ и тученъ убійца «сироты».
Когда, при свистѣ креслъ, партера и райка,
Сошелъ со сцены твой «Коварный»,
Вини себя, и впредь готовься не слегка;
Ты выбралъ для себя сюжетъ неблагодарный.
Тебѣ ли рисовать коварнаго портретъ?
Чистосердеченъ ты, въ тебѣ коварства нѣтъ;
И кто прочтетъ хоть разъ трудовъ твоихъ собранье,
Или послушаетъ тебя минуты съ двѣ,
Увидитъ, какъ насквозь, въ душѣ—вредить желанье
И неспособность въ головѣ».

Съ этого времени просто вошло къ привычку глумиться надъ Шаховскимъ. Воейковъ, въ своемъ «Парнасскомъ календарѣ» написалъ противъ имени князя Шаховскаго: «придворный дестилляторъ; составляетъ самый лучшій опіумъ для придворнаго и общаго театровъ, имѣетъ привиллегію поить имъ безъ вкуса и толка».

Впрочемъ, Шаховской былъ порадованъ и литературнымъ заступничествомъ. Выдвинутый имъ же М. Н. Загоскинъ написалъ «Комедію отъ комедіи», по поводу «Липецкихъ водъ», и эта комедія, будучи поставлена въ 1816 году, имѣла большой успѣхъ. Въ

это же время были опыты и болѣе серьезной критики все на тѣ же «Липецкія воды». Въ 1816 году, С. Т. Аксаковъ, тогда молодой человѣкъ и начинающій литераторъ, пріѣхалъ въ Петербургъ и близко сошелся съ Державинымъ. «Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ Державинымъ — разсказываетъ Аксаковъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», я жестоко критиковалъ «Липецкія воды». Старикъ соглашался иногда съ моими замѣчаніями и даже посовѣтовалъ написать обстоятельный разборъ комедіи князя Шаховскаго. Я написалъ разборъ и прочелъ его Гаврилѣ Романовичу въ присутствіи его домашнихъ и нѣкоторыхъ обыкновенныхъ его посѣтителей; хозяинъ былъ во многомъ одного мнѣнія со мной; но двое изъ гостей горячо заступились за Шаховскаго и, въ опроверженіе многихъ критическихъ замѣчаній, ссылались на комедію Загоскина—«Комедія отъ комедіи». Къ сожалѣнію, эта критика Аксакова осталась подъ спудомъ, но самый фактъ ея написанія уже свидѣтельствуетъ, насколько силенъ былъ въ обществѣ интересъ къ комедіи Шаховскаго. Между тѣмъ, такъ воинственно настроенный противъ Шаховскаго, Аксаковъ тогда же принужденъ былъ познакомиться съ нимъ. Дѣло въ томъ, что Аксаковъ имѣлъ порученіе отъ своего московскаго друга, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, поставить на петербургской сценѣ его переводъ Мольерова «Мизантропа». Шаховской, въ то время крайне не расположенный къ Кокошкину, принялъ его друга очень сухо и, отдѣлавшись отъ него какъ можно скорѣе, разразился цѣлой филиппикой. «Только что я вышелъ за дверь — говоритъ Аксаковъ, со словъ очевидца, актера Брянскаго,—Шаховской вскочилъ съ креселъ, хватилъ себя ладонью по лысинѣ — такъ выражались всегда его вспышки—забормоталъ, затрещалъ и запищалъ своимъ въ высшей степени фальшивымъ голосомъ: «этотъ дуракъ Кокошкинъ переложилъ несчастнаго Мольера и прислалъ къ намъ какого-то дурака изъ Москвы ставить свой переводъ. Этотъ Кокошкинъ, этотъ накрахмаленный галстухъ, который рта не умѣетъ разинуть по-человѣчески, хочетъ учить меня и всѣхъ петербургскихъ артистовъ. Да изъ этого надо водевиль сдѣлать!» Репетиціи пошли очень неудачно и Шаховской, по поводу этого, высказался прямо: «пьеса не можетъ идти хорошо, но мой другъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ самъ объ этомъ постарался. Я его очень люблю и уважаю, но вѣдь онъ немножко нелѣпъ; вѣдь онъ самъ испакостилъ «Мизантропа». Передѣлать совсѣмъ, какъ говорится, на русскіе нравы у него храбрости не хватило, а все-таки Альцеста перекроилъ въ Крутона, и Палату какую-то приплелъ, и русскую пѣсню, и вышелъ — Господи, прости ему его согрѣшеніе! — совершенный сумбуръ. Теперь эту пьесу нельзя играть по французскимъ традиціямъ, а по русскимъ ее также нельзя играть: развѣ это русскіе люди? Это не люди, это Богъ знаетъ что такое, съ луны попáдали. Ну, развѣ такъ кто-нибудь говоритъ:

«И словомъ, тотъ, кто другъ всего земного круга,
Того я не могу считать себѣ за друга!»

Въ приведенныхъ словахъ князя Шаховскаго много пониманья эстетической правды, и самъ Аксаковъ, по его словамъ, почувствовалъ эту правду тогда же.

Здѣсь мы коснемся кстати и другихъ литературныхъ отношеній Шаховскаго. Указанія на эти отношенія и литературныя связи его разсѣяны главнымъ образомъ въ перепискѣ тѣхъ лицъ, съ которыми онъ сталкивался. Изъ такихъ лицъ наше вниманіе останавливаетъ Батюшковъ. Нѣсколько писемъ его къ Гнѣдичу относятся ко времени 1809 года. Надо сказать, что Гнѣдичъ, равно какъ и Крыловъ, находились въ это время на особомъ попеченіи дома Оленина, этого очага россійскаго классицизма, съ которымъ, впрочемъ, Шаховской уже пошелъ въ разладъ и очевидно искалъ другихъ путей для русской драматической поэзіи, такъ какъ еще въ 1808 году поставилъ свою комедію «Полубарскія затѣи». Отрывокъ этого, далеко не лишеннаго достоинствъ, произведенія еще недавно фигурировалъ на страницахъ «Хрестоматіи» Галахова, въ поученіе нашему юношеству, но въ послѣднихъ изданіяхъ этого «Пантеона россійской словесности» упомянутый отрывокъ уже выпущенъ.

Итакъ, въ 1809 году, Шаховской уже не пользовался симпатіями дома Оленина и, по всей вѣроятности, и Гнѣдича, что̀ и подтверждается письмомъ Батюшкова къ послѣднему. Батюшковъ, изъ своего далека, какъ видно, не зналъ о всѣхъ передвиженіяхъ по службѣ на Парнасѣ. Сначала онъ очень дружелюбно спрашиваетъ о Шаховскомъ, вспоминая его въ числѣ прочихъ знакомыхъ и близкихъ людей. Мѣсяца черезъ два, тонъ его письма, по отношенію къ Шаховскому, существенно измѣняется. «Кстати спрошу тебя, пишетъ Батюшковъ, что хорошаго написалъ Шаховской? Вотъ еще чудакъ не изъ послѣднихъ! Какъ онъ выхваливалъ меня въ глаза! такъ что стыдно было за себя. Какъ онъ бранитъ меня, чай, за глаза,— такъ что стыдно за него!» Очевидно, что это вызвано письмомъ самого Гнѣдича къ Батюшкову, но въ чемъ дѣло—мы сказать не можемъ, не имѣя писемъ самого Гнѣдича, который, въ то же самое время, не стѣснялся сотрудничать съ княземъ Шаховскимъ по переводу Вольтеровой «Заиры». Впрочемъ, въ началѣ своей карьеры, онъ не задумался написать посланіе даже Хвостову... Наше же предположеніе, что именно Гнѣдичъ былъ причиною охлажденія Батюшкова къ Шаховскому, подтверждается другимъ письмомъ изъ Вологды, писаннымъ мѣсяцъ спустя Батюшковымъ опять къ тому же Гнѣдичу: «ты хочешь, чтобы я бросилъ Шаховскаго? Не много-ли это? Или ты хочешь имѣть другомъ Фрерона и Паллисота? Впрочемъ, я буду писать Дунціаду, гдѣ всѣхъ помѣщу».

«Липецкія воды» окончательно вооружаютъ Батюшкова противъ Шаховскаго, хотя, живя вдали отъ парнасской битвы, онъ не могъ

особенно горячиться. Если шесть лѣтъ тому назадъ Батюшковъ ждалъ чего нибудь отъ Шаховскаго, то теперь онъ отрицаетъ въ немъ всякій талантъ; въ письмѣ къ Жуковскому изъ Каменца, онъ иронически называетъ Шаховскаго Аристофаномъ, а по поводу «Липецкихъ водъ» говоритъ слѣдующее: «лучшій нашъ союзникъ—время—сгложетъ Аристофана съ его драматургіей. До сихъ поръ, кромѣ водевиля «Казакъ-стихотворецъ», я ничего хорошаго изъ его произведеній не знаю, а написано много. Ожидаю еще новаго облегченія комедіями, оперетами, драмами и водевилями; все вмѣстѣ прочитаю однимъ духомъ».

Какъ видите, этотъ отзывъ уже далекъ отъ того интереса, съ какимъ Батюшковъ спрашивалъ Гнѣдича, не пишетъ ли Шаховской чего новаго.

Нѣсколько иначе относился къ Шаховскому другой нашъ поэтъ, Пушкинъ. Онъ, какъ видно, уже не такъ горячился и пѣтушился изъ-за арзамасскихъ традицій, какъ, напримѣръ, его дядюшка Василій Львовичъ. Сыпавшій эпиграммы направо и налѣво, не останавливаясь ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ, Пушкинъ почему-то щадилъ князя Фальстафа, казалось самимъ Богомъ созданнаго служить мишенью всеобщаго остроумія, а иногда просто насмѣшекъ самаго обиднаго свойства. Александръ же Сергѣевичъ запечатлѣлъ его память драматурга въ потомствѣ своимъ стихомъ въ Онѣгинѣ:

«Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой».

Кто знаетъ, быть можетъ эти два стиха только и держатъ на свѣтѣ память о Шаховскомъ, самыя комедіи котораго совсѣмъ забыты.

Нѣкоторыя письма Пушкина къ князю Вяземскому бросаютъ свѣтъ на отношенія Пушкина къ Шаховскому. Прежде всего, нужно замѣтить, что литературное оплеваніе Шаховскаго послѣ «Липецкихъ водъ» Пушкинъ, очевидно, ничѣмъ серьезнымъ не считалъ, между тѣмъ какъ различные Вигели видѣли въ парнасской войнѣ что-то въ родѣ крестовыхъ походовъ за попраніе художественныхъ принциповъ. Въ письмѣ къ князю Вяземскому, 1811 года, онъ шутя называетъ его грозой всѣхъ князей на Ш. (Шаховской, Шихматовъ, Шаликовъ). Въ 1823-мъ году Пушкинъ пишетъ тому же Вяземскому: «Дружба твоя съ Шаховскимъ радуетъ мою миролюбивую душу».

Семь лѣтъ спустя, когда Шаховской вернулся въ Петербургъ, Пушкинъ блисталъ уже во всемъ разсвѣтѣ своей поэтической силы, оказывалъ Шаховскому всевозможное вниманіе и считалъ интереснымъ и полезнымъ втянуть его въ кружокъ возникавшаго тогда Пушкинскаго «Современника». Тутъ Шаховской попадаетъ даже на вечеръ къ Жуковскому и читаетъ своихъ «Смолянъ», въ

присутствіи Пушкина, Гнѣдича и Крылова. Расположеніе Пушкина къ князю Шаховскому шло издавна. По свидѣтельству А. М. Каратыгиной, согласному съ вышеприведенными стихами изъ Онѣгина, Шаховской и его пріятели—Катенинъ, Грибоѣдовъ, Жандръ ласкали талантливаго юношу, но относились къ нему, какъ старшіе къ младшему. Извѣстно, съ какимъ уваженіемъ относился Пушкинъ къ Катенину; этотъ послѣдній признавалъ авторитетъ и талантъ Шаховскаго даже и тогда, когда пострадалъ отъ той театральной партіи, во главѣ которой стояли Милорадовичъ и Шаховской. Въ 1822 году, Катенинъ былъ высланъ изъ Петербурга за театральную исторію. Описывая эту исторію, А. Е. Измайловъ, въ письмѣ къ И. Ив. Дмитріеву, говоритъ такъ: «Милорадовичъ во всемъ слушается директора театровъ Майкова, Майковъ—Шаховскаго, а Шаховской актрису Ежову». Въ письмѣ самого Катенина мы не находимъ указаній на происки Шаховскаго въ этомъ дѣлѣ. Вѣроятно, «рыцарь безъ страха и упрека» могъ вскипѣть изъ-за актрисы-протеже и безъ особыхъ чьихъ либо внушеній. Уже въ 1828 году Катенинъ пишетъ Пушкину: «Встрѣчаешься ли ты съ Шаховскимъ? Что онъ дѣлаетъ? Каковъ тебѣ кажется его «Аристофанъ»? По мнѣ, въ немъ много вещей умныхъ и хорошихъ, но зачѣмъ нашъ князь пускается въ педантство? Право, совѣстно за него». Педантство это Катенинъ видитъ въ новомъ театральномъ уставѣ, сочиненномъ Шаховскимъ. Отзывъ Катенина объ этомъ уставѣ мы приведемъ ниже.

Перейдемъ теперь къ краткому обзору отношеній Шаховскаго къ Грибоѣдову. Знаменателенъ тотъ фактъ, что Грибоѣдовъ сошелся съ княземъ не только еще до разсвѣта своей блестящей литературной славы, но даже до первыхъ попытокъ на этомъ поприщѣ. Познакомились они въ 1814 году, въ Польшѣ, во время службы въ арміи и Шаховскаго, и Грибоѣдова. Біографы Грибоѣдова признаютъ за Шаховскимъ честь перваго толчка, даннаго позабвенному автору «Горе отъ ума». По пріѣздѣ въ Петербургъ, Грибоѣдовъ со всѣмъ жаромъ увлекся театромъ. Ему при этомъ предстояло пристать къ одному изъ кружковъ, группировавшихся около театра. Въ этихъ кружкахъ получали свое развитіе и направленіе и артисты, и драматическіе писатели. Двумя звѣздами театральнаго міра были тогда оракулы драматическаго искусства—Катенинъ и Шаховской, соперники и средоточія двухъ кружковъ, относившихся другъ къ другу почти враждебно и исключительно. Грибоѣдовъ, съ его острымъ и чуткимъ умомъ, хорошо понималъ, что Парнасъ россійской словесности слишкомъ малочисленъ, чтобы еще дробиться по направленіямъ, и, не приставая ни къ какому кружку, былъ хорошъ и съ Шаховскимъ, и съ Катенинымъ, собирая свое отовсюду, гдѣ его находилъ. Онъ позволялъ себѣ трунить надъ чрезмѣрною набожностью князя Шаховскаго, признакъ

которой онъ вѣчно носилъ на себѣ, въ видѣ мозоли на лбу отъ усиленныхъ земныхъ поклоновъ, но цѣнилъ въ немъ необыкновенное знаніе сцены и солидное знакомство съ иностранной драматической литературой, а также его умѣнье разобрать актера. Грибоѣдовъ понималъ, что ему есть что перенять у князя-Фальстафа, а потому не пренебрегалъ его знакомствомъ. Подъ вліяніемъ Шаховскаго, Грибоѣдовъ написалъ комедію «Молодые супруги», и затѣмъ, вмѣстѣ съ Шаховскимъ, Жандромъ и Хмѣльницкимъ, перевелъ комедію Барта «Притворная невѣрность», и принялъ участіе въ комедіи «Своя семья». Насколько Грибоѣдовъ умѣлъ лавировать среди непримиримыхъ литературныхъ самолюбій, достаточно говоритъ письмо его къ Катенину, по поводу уже напечатаннаго «Горе отъ ума».—«Вообще я ни передъ кѣмъ не таился—пишетъ онъ—и сколько разъ повторяю (свидѣтельствуюсь Жандромъ, Шаховскимъ, Гречемъ, Булгаринымъ), что тебѣ обязанъ зрѣлостью, объемомъ и даже оригинальностью своего дарованія, если оно есть». Видѣть всѣ эти имена рядомъ и даже въ качествѣ конфидентовъ одного и того же лица, да еще свѣтила нашей словесности и глубокаго знатока сердца человѣческаго—болѣе чѣмъ странно. Особенно удивляешься, встрѣчая здѣсь и Булгарина, котораго Шаховской, напримѣръ, положительно не терпѣлъ и глубоко презиралъ, за то именно, что Булгаринъ печатно глумился надъ нимъ, а въ глаза льстилъ безсовѣстно.

Излагая здѣсь литературныя отношенія князя Шаховскаго, мы нѣсколько ушли впередъ, а потому, возвращаясь къ его біографіи, скажемъ, что въ августѣ 1818 года, князь, по несогласіямъ съ директоромъ театровъ, княземъ Тюфякинымъ, вышелъ въ отставку; но уже при новомъ директорѣ, А. А. Майковѣ, въ 1822 году, снова былъ назначенъ сначала преподавателемъ театральнаго училища, а затѣмъ членомъ особаго театральнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ графа Милорадовича, съ которымъ онъ былъ очень близокъ до самой его трагической смерти на Сенатской площади въ 1825 году. Тутъ Шаховской составилъ новый театральный уставъ и новые штаты, которые и были утверждены 3-го мая 1825 года.

Этотъ уставъ произвелъ на современниковъ, надо сказать, впечатлѣніе неблагопріятное. Катенинъ, напримѣръ, писалъ по этому поводу Пушкину: «Случалось ли тебѣ видѣть новое театральное учрежденіе? Оно достойно стать рядомъ съ новымъ цензурнымъ уставомъ; кажется, нарочно для того сочинено, чтобы всѣхъ до послѣдняго отвадить писать для театра; за себя ручаюсь. О варвары, полотеры придворные, враги всего русскаго и всего хорошаго».

Въ это же время князь по-прежнему усердно обучалъ юныхъ артистовъ и артистокъ. Даже лѣтомъ, проживая за Екатерингго-

фомъ на дачѣ барона Раля, онъ постоянно занимался съ воспитанниками и воспитанницами театральнаго училища, которые жили на той же дачѣ. Сюда часто пріѣзжали его петербургскіе друзья и въ особенности графъ Милорадовичъ. Бывшій въ то время ученикомъ театральнаго училища П. А. Каратыгинъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ нѣкоторые петербуржцы въ подзорные трубки наблюдали за будущими великолѣпными сюжетами русской сцены, когда тѣ гуляли въ саду.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Шаховской тогда же именно отдѣлывалъ излюбленное дѣтище свое, комедію «Аристофанъ»,—произведеніе дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное. Онъ читалъ отрывки изъ нея въ засѣданіи Россійской Академіи 6-го января 1823 года. Извѣстный издатель «Благонамѣреннаго», А. Е. Измайловъ, писалъ по этому поводу Дмитріеву: «сколько могъ разслышать стихи очень хороши и по крайней мѣрѣ плавны».

II.

Смерть графа Милорадовича, второй выходъ въ отставку и переѣздъ въ Москву.—Театральный кружокъ Кокошкина, Загоскина, Писарева и Аксакова.—Воспоминанія Аксакова; набожность, труды для московскаго театра и постановка пьесъ.—Неизданная комедія «Игроки»; Шаховской о Шекспирѣ. — Переѣздъ въ Петербургъ и процессъ съ Пассеками. — Примиреніе съ друзьями Вяземскаго и Жуковскаго. — Ѳ. В. Булгаринъ. — Возвращеніе въ Москву и поѣздка въ Харьковское имѣніе.—Смерть.—Неизданное письмо князя Шаховскаго къ князю Мещерскому; дебаты съ пасторомъ и іезуитомъ; польскій вопросъ; Петръ Великій; французская революція; романтизмъ о Байронѣ.

Послѣ смерти графа Милорадовича и особенно въ новое царствованіе, значеніе Шаховскаго въ театральномъ мірѣ пошатнулось. 23-го января 1826 года, Шаховской снова вышелъ въ отставку и уже болѣе не возвращался на службу, хотя до конца дней своихъ не оставлялъ служенія театру. Онъ по-прежнему писалъ для бенефисовъ, ставилъ пьесы, училъ актеровъ, и все это съ малой выгодой для себя. Какъ сообщаетъ Зотовъ, перечислившій 80 пьесъ князя Шаховскаго, изъ нихъ только шесть были проданы въ дирекцію и за нихъ получено около 3,000 рублей. Все же остальное шло на бенефисы. Только бенефисы Е. И. Ежовой приносили семьѣ князя доходъ, но и то лишь благодаря стараніямъ самой Ежовой.

По выходѣ въ отставку, Шаховской прожилъ конецъ двадцатыхъ годовъ въ Москвѣ, въ кругу театраловъ—Кокошкина, Загоскина, талантливаго водевилиста Писарева и С. Т. Аксакова. Мы разсказывали выше, при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ воз-

никло первое знакомство Шаховскаго съ Аксаковымъ. Аксаковъ съ юныхъ лѣтъ, преимущественно со словъ петербуржцевъ, составилъ себѣ самое невыгодное мнѣніе о Шаховскомъ. Между тѣмъ, Шаховской, переѣхавъ въ Москву, сразу сблизился съ Кокошкинымъ, Писаревымъ и Загоскинымъ, которые всѣ были дружны съ Аксаковымъ, почему этому послѣднему неизбѣжно было встрѣтиться съ Шаховскимъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Аксаковъ: «При первой встрѣчѣ у Кокошкина, онъ, какъ хозяинъ, долженъ былъ познакомить насъ съ Шаховскимъ. Не упоминая о нашей прежней довольно близкой встрѣчѣ, мы отрекомендовались другъ другу, какъ люди, которые видятся въ первый разъ въ жизни. Шаховской впился было въ меня со всею ласковостью своей забавной болтовни, но скоро моя сухость и холодность укоротили его неумолкаемый языкъ и онъ долженъ былъ оставить меня въ покоѣ. При слѣдующемъ свиданіи вторичная попытка князя Шаховскаго сблизиться со мной также была неудачна. Я упрямился, хотя видѣлъ, что такое положеніе огорчало всѣхъ моихъ пріятелей, что оно нарушало согласный строй дружескихъ собраній всего нашего круга. Шаховской приставалъ съ распросами къ Кокошкину, Загоскину и Писареву: что значитъ мое отчужденіе? и они были въ затрудненіи, что̀ отвѣчать на такіе вопросы. Наконецъ, Писаревъ рѣшился поступить прямо и откровенно; онъ сказалъ Шаховскому, что я, наслышавшись много дурнаго о немъ, не хочу съ нимъ войти въ пріятельскія отношенія. Шаховской огорчился и въ свою очередь поступилъ также прямо: онъ пріѣхалъ ко мнѣ самъ и разсказалъ мнѣ искренно и добродушно всю исторію своей службы при петербургскомъ театрѣ; разсказалъ мнѣ нѣсколько такихъ обвиненій противъ него, какихъ я не зналъ, и, опровергнувъ многое положительно, заставилъ меня усумниться въ томъ, чего опровергнуть доказательствами не могъ. Я былъ побѣжденъ, протянулъ руку Шаховскому — и не имѣлъ причины раскаяваться. Съ каждымъ днемъ, узнавая короче этого добродушнаго, горячаго до смѣшнаго самозабвенія и замѣчательно талантливаго человѣка, я убѣдился впослѣдствіи, что одну половину обвиненій онъ наговорилъ и наклеветалъ самъ на себя, а другая произошла отъ недоразумѣній, зависти и клеветы петербургскаго театральнаго міра, оскорбленнаго, раздраженнаго нововведеніями князя Шаховскаго».

Въ преисполненныхъ интереса своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ Аксаковъ яркими штрихами рисуетъ намъ многія типичныя черты князя Шаховскаго. Въ характерномъ эпизодѣ онъ говоритъ, между прочимъ, и о набожности князя, набожности, подававшей въ свое время нерѣдко поводъ трунить надъ нимъ и даже обвинять его въ ханжествѣ. Слѣдующій разсказъ Аксакова вполнѣ опровергаетъ такое обвиненіе.

Разъ какъ-то, Аксаковъ, Загоскинъ, Кокошкинъ и Писаревъ

играли у князя въ карты. «Заигрались мы—говоритъ Аксаковъ—часовъ до двухъ утра. Простившись съ хозяиномъ, мы разъѣхались въ разныя стороны; со мной былъ Писаревъ. Недалеко отъѣхавъ, я вспомнилъ, что забылъ у Шаховскаго въ кабинетѣ нужную мнѣ книгу и воротился; по обыкновенію, никого не нашелъ въ лакейской, а также въ залѣ; заглянулъ къ хозяину въ кабинетъ и увидѣлъ, что онъ буквально лежитъ въ растяжку, шепчетъ молитву и стукаетъ лбомъ объ полъ. Я не захотѣлъ его встревожить, безъ книги воротился къ Писареву и сказалъ ему, что онъ совершенно правъ насчетъ коричневаго пятна». Писаревъ еще раньше говорилъ Аксакову, что Шаховской набилъ себѣ лобъ поклонами.

Въ кругу страстныхъ любителей театра, Шаховской трудился для московской сцены не меньше, если не больше, чѣмъ для петербургской. Надо замѣтить, что съ 1823 года на московской сценѣ игралъ М. С. Щепкинъ, воспитавшій свое дарованіе въ кружкѣ Загоскина, Писарева и Шаховскаго. Тогда же игралъ и Мочаловъ, но, къ сожалѣнію, этотъ высокій талантъ не поддавался никакой обработкѣ и игралъ однимъ художественнымъ чутьемъ. Онъ признавалъ авторитетъ Шаховскаго, но какъ-то странно; онъ боялся его, и зная, что въ театрѣ сидитъ Шаховской, «старался», какъ передаетъ Аксаковъ, но изъ этого старанья выходила только самая неестественная игра. Служа актерамъ своими совѣтами и руководя ихъ, Шаховской, кромѣ того, какъ и прежде, писалъ для бенефисовъ. Стоило только актеру попросить его и онъ спѣшилъ написать новую пьесу, что, конечно, отражалось пагубно на самыхъ пьесахъ, которыя спасались отъ полнаго паденія только благодаря умѣнью князя ставить пьесы. Постановкѣ пьесъ Шеховской всегда предавался со страстью. «Весь проникнутый любовью къ искусству, говоритъ Аксаковъ,—не чувствуя ни жара, ни холода, не видя окружающихъ его людей, ничего не помня, кромѣ репетируемой пьесы, никого не зная, кромѣ представляемаго лица,—Шаховской часто былъ великолѣпенъ, не смотря на свою смѣшную толстую фигуру, свой длинный птичій носъ, визгливый голосъ и картавое произношеніе». Объ одной такой репетиціи Аксаковъ разсказываетъ очень подробно. На нѣсколько спектаклей въ Москву пріѣхала Ежова и ради ея Шаховской вздумалъ поставить свою оперету «Любовная почта», въ которой, по его мнѣнію, Ежова была безподобна. Между тѣмъ, репетиція шла вяло и актеры плохо знали свои роли. Шаховской вскакивалъ съ своихъ креселъ, подбѣгалъ то къ тому, то къ другому актеру или актрисѣ, стараясь ласкою, шуткою и собственнымъ одушевленіемъ оживить, поднять тонъ дѣйствующихъ лицъ. Такъ, одному говорилъ онъ: «Василій Петровичъ, ты, кажется, усталъ; вѣрно, позавтракалъ, а теперь хочешь уснуть; вѣдь ты не слыхалъ, что тебѣ сказалъ Өедоръ Антоновичъ? Вѣдь онъ тебя обидѣлъ, а ты не сердишься»... Тутъ

князь начиналъ повторять прекрасную рѣчь Василія Петровича, немилосердно коверкая и совершенно перевирая слова собственной своей пьесы. Молодая актриса, игравшая главную роль, говорила съ спокойнымъ видомъ о своемъ весьма затруднительномъ положеніи. Шаховской вспыхнулъ. «Душенька, закричалъ онъ, — ну какъ же тебѣ не стыдно! Вѣдь тебѣ совсѣмъ не жаль человѣка, который тебя любитъ. Ты, вѣрно, забыла о немъ и думать, что отвѣчаешь урокъ своей мадамѣ (актриса была изъ театральной школы). А ты вообрази, что это NN». И князь назвалъ по имени человѣка, къ которому, какъ думали, была неравнодушна молодая актриса. Игрой самой Ежовой онъ тоже былъ недоволенъ и тихо бормоталъ, что не узнаетъ ее. Вдругъ пришла сцена, въ которой Ежова должна была пѣть длинную арію. Актриса нѣсколько разъ ошибалась. Шаховской, сидя въ креслахъ, только кланялся ей при всякой ошибкѣ. Онъ молчалъ, но лицо его выражало такую комическую скорбь, что по-истинѣ было и жалко, и смѣшно смотрѣть на него. Ежова видимо сконфузилась наружнымъ спокойствіемъ князя, зная, что эта тишина передъ бурей, забыла роль и, когда пришлось ей пѣть, запѣла стихи изъ другой оперы. Князь незамѣтно сползъ съ своихъ креселъ, сталъ на колѣни и повалился ей въ ноги. Репетиція остановилась. Шаховской долго не измѣнялъ своего положенія, бормоча самымъ жалобнымъ голосомъ: «Господи, за что ты меня наказуешь? Благодарю, матушка Катерина Ивановна»! И вдругъ вскочивъ съ бѣшенствомъ разъяреннаго тигра, завопилъ дикимъ, не человѣческимъ, какимъ-то канибаловскимъ голосомъ: «такъ это свои-то, свои-то? сначала, до завтра сначала!» Это наконецъ становилось не смѣшно. На сценѣ было холодно; всѣ были въ шубахъ, шляпахъ или шапкахъ. Шаховской въ одномъ фракѣ, съ открытой головой; лицо его горѣло; слезы и потъ катились по щекамъ и паръ стоялъ надъ его лысиной. Тогда мы всѣ бросились къ нему, стараясь его успокоить — и какъ легко это было! Въ одну минуту прошло его бѣшенство, онъ просилъ прощенія у всѣхъ, и самъ первый смѣялся надъ своими выходками. Никто не сердился, охотно простили авторскую горячность, возобновили репетицію сначала и она сошла гораздо лучше. Одна Катерина Ивановна не простила и цѣлый день язвила своимъ неумолимымъ языкомъ смирнаго, уже, какъ овечка, жалкаго князя Шаховскаго».

Среди такой жизни, вѣчно наполненной не тѣмъ, такъ другимъ, Шаховской все-таки находилъ время для работы надъ такими произведеніями, въ которыхъ онъ хотѣлъ провести въ драматическое искусство что-то новое и непремѣнно самобытное русское, создать что нибудь посерьезнѣе, чѣмъ тѣ бенефисныя бездѣлушки, которыя онъ писалъ по просьбѣ актеровъ. Такое стремленіе замѣтно въ Шаховскомъ уже нѣсколько раньше, и въ письмѣ

своемъ къ князю Одоевскому, еще въ 1823 году, онъ высказывается слѣдующимъ образомъ: «Успѣвши нѣсколько въ старомъ или обыкновенномъ, я ищу для нашего театра если не совсѣмъ новаго — полагая, что новаго давно уже нѣтъ на свѣтѣ — то покрайней мѣрѣ не столь условнаго, какъ драматическія подражанія, принесенныя къ намъ съ пудрой, шитыми кафтанами и красными каблуками изъ Парижа. Я хочу своими опытами открыть дорогу людямъ, имѣющимъ больше меня дарованія, для обогащенія нашей драматической литературы, и даже къ созданію своего собственнаго театра».

Все это написано Шаховскимъ по поводу его драмы: «Соколъ князя Ярослава Тверского». «Въ этой пьесѣ — говоритъ онъ дальше—я сдѣлалъ опытъ русскаго размѣра; кажется, онъ мнѣ удался, и публика приняла хорошо этотъ опытъ руссицизма, которымъ, однако же, нельзя много писать, чтобы не впасть въ заунывный напѣвъ». Опасенія Шаховскаго были не напрасны: заунывный напѣвъ «Сокола» дѣлаетъ эту драму невыносимо скучной. Намъ кажется, онъ былъ гораздо ближе къ своей цѣли — отыскать для нашего театра «не столь условное, какъ драматическія подражанія», когда писалъ въ Москвѣ свою неизданную комедію «Игроки». Вотъ что разсказываетъ Аксаковъ по поводу чтенія этой комедіи самимъ авторомъ. Слушать чтеніе Шаховскаго было не легко. Обыкновенно онъ самъ начиналъ читать пьесу, чтобы дать тонъ, а затѣмъ передавалъ Кокошкину или Аксакову (самъ онъ шепелявилъ, такъ что трудно было подъ часъ и разобрать его). Но, конечно, пьеса въ такихъ случаяхъ бывала переписана на-чисто. На этотъ разъ (это было у Кокошкина въ деревнѣ) Шаховской принесъ кучу перемаранныхъ листовъ, — значитъ, онъ хотѣлъ читать самъ. Шаховской однако завѣрилъ, что первый актъ онъ самъ переписалъ, а дальше какъ нибудь разберетъ. Но и первый актъ былъ похожъ на черновой набросокъ. Князь плохо разбиралъ, заикался, плевалъ, перевиралъ фразы и слова. Вмѣсто «другъ мой», читалъ — «трупъ мой»; вмѣсто «я отплачу тебѣ — «я поплачу по тебѣ», и, наконецъ, разсердился на себя. «Ну, сказите, лади Бога, вопилъ онъ, есть ли въ Лоссіи какой нибудь сапозникъ, какой нибудь подлецъ, котолый бы такъ писалъ какъ я? Ну, да я посталаюсь тепель». Шаховской началъ стараться, но какъ-то поперхнулся и задохся. Попробовалъ читать Аксаковъ, но не было возможности: грубѣйшія ошибки, отсутствіе знаковъ препинанія, почеркъ, напоминающій извѣстную поговорку о курицѣ, которая ходила по бумагѣ—все это заставило Аксакова отказаться отъ чтенія. Князь сдѣлалъ гримасу и сталъ читать самъ. Не разбирая фамилій, онъ называлъ фамиліи своихъ знакомыхъ. Хохотали друзья, хохоталъ надъ собою и самъ авторъ. Кончился первый актъ. Хотѣли заговорить князя и петербургскимъ театромъ, и

Шекспиромъ, о которомъ князь никогда не могъ достаточно наговориться—напрасно: онъ принялся за второй актъ. Но тутъ онъ уже не могъ подобрать даже страницу къ страницѣ и рѣшилъ разсказать только интригу. Интрига состояла въ томъ, что на ярмарку пріѣхали мошенники-игроки, съ цѣлью обыграть какихъ-то богатыхъ графовъ и князей. Игроки ихъ обыгрываютъ, но ссорятся между собою и изобличаютъ другъ друга въ различныхъ плутняхъ. Молодые графы и князья прощаютъ ихъ и отпускаютъ съ миромъ. Покончивъ и съ чтеніемъ, и съ интригой, князь спросилъ у друзей ихъ мнѣнія. Друзья отозвались о пьесѣ рѣзко, быть можетъ—прежде всего измученные ея чтеніемъ. Характернѣе всего, для своего времени, отзывъ о ней Аксакова: «я откровенно сказалъ князю, говоритъ онъ, что считаю оскорбленіемъ искусству представлять на сценѣ, какъ мошенники вытаскиваютъ деньги изъ кармановъ добрыхъ людей и плутуютъ въ картахъ. Я не предчувствовалъ тогда гоголевскихъ «Игроковъ».—Обезкураженный авторъ, къ сожалѣнію, бросилъ пьесу, хотя прологъ ея гдѣ-то напечатанъ.

Таковы были художественныя тенденціи просвѣщенныхъ людей того времени. Лучше ихъ понималъ будущее русской сцены Шаховской, всегда искавшій опоры въ своей борьбѣ съ ложно-классической теоріей въ авторитетѣ геніальнаго Шекспира, передъ которымъ онъ благоговѣлъ. Мы позволимъ себѣ взять у Аксакова еще одинъ уморительный анекдотъ, передаваемый имъ по этому поводу. Шаховской частенько любилъ поиграть въ карты со своими московскими друзьями, но случалось часто, что прежде, чѣмъ сѣсть за карточный столъ, князь любилъ прочесть свое только-что написанное произведеніе, хотя это всегда было пыткой и для автора, и для слушателей, какъ это мы видѣли выше. «Ѣхали мы, разсказываетъ С. Т. Аксаковъ,—то есть я, Кокошкинъ, Загоскинъ и Писаревъ, на вечеръ къ Шаховскому. Вдругъ Загоскинъ и говоритъ: надоѣлъ мнѣ Шаховской своими стихами! опять что нибудь будетъ читать. Я придумалъ вотъ что: какъ пріѣдемъ, я заведу съ нимъ споръ. Скажу, что прочелъ сегодня «Кумушекъ» Шекспира и начну ихъ бранить; скажу, что Шекспиръ — скотина животное; Шаховской взбѣсится—и пройдетъ время. Мы охотно согласились. Пріѣхавъ къ князю, мы нашли у него Щепкина и еще кого-то изъ нашего круга. Загоскинъ повелъ атаку, но не искусно, такъ что Шаховской замѣтилъ его намѣреніе и хладнокровно началъ подсмѣиваться надъ Загоскинымъ; сказалъ, что съ малолѣтними и малоумными о Шекспирѣ не говорятъ; что вся русская литература, въ сравненіи съ англійской, гроша не стоитъ и что такому отсталому народишку, какъ русскій, надобно еще долго жить и многому поучиться, чтобы понимать и цѣнить Шекспира. Тутъ уже изъ себя вышелъ Загоскинъ, и его насилу уняли друзья и самъ Шаховской. Подъ

видомъ шутки, князь высказалъ здѣсь очень серьезный и довольно глубокій взглядъ свой на геній Шекспира».

Между тѣмъ, Шаховскому пришлось проститься съ Москвою и дорогимъ ему литературно-артистическимъ кружкомъ. Личныя дѣла требовали его присутствія въ Петербургѣ, гдѣ онъ и прожилъ тридцатые года. Дѣло въ томъ, что семейство князей Шаховскихъ имѣло долгій процессъ за имѣніе съ графиней Булгари, и наконецъ, Шаховскіе выиграли его. Но вслѣдъ затѣмъ на то же помѣстье предъявило свои права семейство Пассекъ, изъ котораго происходила и мать князя Александра Александровича, и Шаховскіе принуждены были уступить Пассекамъ половину имѣнія, находившагося въ Харьковской губерніи и уѣздѣ, при селѣ Рогань. Въ концѣ концовъ, и князь Александръ Александровичъ получилъ на свою долю часть изъ этого имѣнія.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ 1830 году, Шаховской писалъ къ Аксакову. Изъ этого письма его можно видѣть, что онъ чувствуетъ себя совсѣмъ отсталымъ отъ событій и, какъ человѣкъ другой эпохи, не въ состояніи схватить духа новыхъ порядковъ и потому боится во что нибудь вмѣшаться, а предпочитаетъ сидѣть у моря и ждать погоды. Вообще, онъ видитъ, что время его прошло, и что его, князя А. А. Шаховскаго, уже ни къ чему не призовутъ. Тѣмъ не менѣе его самолюбіе польщено совсѣмъ новымъ для него отношеніемъ къ нему литературныхъ кружковъ. Онъ примиряется съ Жуковскимъ, читаетъ у него на вечерѣ своихъ «Смолянъ». Пушкинъ любезенъ съ нимъ, предлагаетъ ему участвовать въ затѣваемомъ имъ журналѣ. Но онъ все-таки съ недовѣріемъ относится «къ друзьямъ Вяземскаго». Видя такое вниманіе къ себѣ со стороны писателей—именъ славныхъ, князь съ другой стороны встрѣчаетъ невыносимую ругань, которою осыпаетъ его Булгаринъ въ своей «Сѣверной Пчелѣ». Нападки эти его раздражаютъ и, когда тотъ же Булгаринъ подходитъ къ нему въ театрѣ съ комплиментами, князь рѣзко обрываетъ его. Случай этотъ, помимо письма Шаховскаго къ Аксакову, переданъ и г. Смирновымъ въ его «Воспоминаніяхъ». Дѣло происходило въ декабрѣ 1830 года, на первомъ представленіи драмы Шаховскаго «Рославлевъ». Успѣхъ былъ полный и князь, окруженный своими пріятелями, сидѣлъ въ прекрасномъ настроеніи духа. Подошелъ и Булгаринъ, съ обычными комплиментами и заигрываньями. Но Шаховскій вскипѣлъ и сказалъ: «вотъ видите-ли вы, здѣсь все мои друзья. Для каждаго добраго человѣка въ домѣ моемъ открыта дверь во всякое время, а для двуличныхъ и неблагонамѣренныхъ людей у меня въ передней въ углу всегда стоитъ камышевая палка. Понимайте, какъ знаете».

Къ этому же времени относится письмо князя къ Загоскину, отрывокъ изъ котораго приведенъ Аксаковымъ въ біографіи Загоскина. Въ этомъ письмѣ князь тоже пишетъ о своихъ свиданіяхъ

«съ первоклассными писателями», а главное о томъ восторгѣ, въ какой привелъ ихъ романъ Загоскина «Юрій Милославскій». Жуковскій прочелъ всѣ три тома его за одну ночь, въ одинъ присѣсть. Такое же впечатлѣніе произвелъ романъ и на Пушкина. Самъ Шаховской тоже принялся въ это время писать романъ въ духѣ Вальтеръ-Скотта, но судьба этого романа неизвѣстна. Появилась только, въ изданіи Смирдина «Сто русскихъ литераторовъ», повѣсть князя Шаховскаго «Малороссійская Сафо».

Такимъ образомъ, и въ этотъ періодъ своей петербургской жизни Шаховской окружилъ себя снова артистами и литераторами и даже сблизился съ бывшими своими врагами по «Арзамасу». Въ 1840 году, онъ опять переѣхалъ въ Москву и поселился у родственника и друга своего М. М. Бакунина. Даже въ этотъ послѣдній періодъ своей жизни, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, князь не оставлялъ литературныхъ трудовъ и сдѣлался сотрудникомъ «Репертура и Пантеона», въ которомъ помѣстилъ свою «Лѣтопись русскаго театра» и «Обзоръ русской драматической словесности», который удостоился рѣзкой критики Бѣлинскаго.

Въ 1845 году, князь попытался пожить и въ новомъ своемъ владѣніи—харьковскомъ имѣніи Рогани, лежащемъ въ 18-ти верстахъ отъ Харькова. Здѣсь онъ перезнакомился со всею мѣстной знатью и особенно заинтересовался личностью тогдашняго харьковскаго архіепископа, знаменитаго Иннокентія, съ которымъ часто бесѣдовалъ.

Въ 1846 году, князь вернулся въ Москву уже совершенно опустившимся старикомъ. Послѣ осьмидневной болѣзни, онъ скончался 22-го января того же года и похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Всѣ свои рукописи, переписку и права на изданія онъ завѣщалъ Павлѣ Михайловнѣ Бакуниной. Бумаги эти лежатъ подъ спудомъ, и потому-то предлагаемый нами краткій біографическій очеркъ жизни князя Александра Александровича столь бѣденъ фактами. Фактовъ этихъ слишкомъ недостаточно, чтобы освѣтить надлежащимъ образомъ и выяснить вполнѣ жизненный типъ князя Шаховскаго и тѣмъ болѣе его внутренній міръ. Только собственныя письма его и вообще переписка могли бы помочь въ этомъ случаѣ и способствовать правильному пониманію и оцѣнкѣ какъ его отношеній къ людямъ и дѣлу, которому онъ служилъ всю жизнь, такъ и самыхъ его произведеній.

Поэтому, мы съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ ниже въ извлеченіи письмо князя Шаховскаго къ князю Элиму Петровичу Мещерскому. Въ этомъ письмѣ высказаны болѣе или менѣе оригинальные, а, главное, задушевные взгляды Шаховскаго относительно религіи, исторіи и поэзіи въ строгомъ смыслѣ. Имѣя побольше такихъ документовъ, можно было бы вполнѣ обрисовать и охарактеризировать князя Шаховскаго, выяснить его несомнѣнное значеніе въ исторіи нашей литературы. Въ нашемъ біографиче-

скомъ очеркѣ, мы желали отмѣтить черты симпатичной гуманности князя Шаховскаго, благородной ревности его къ дѣлу, въ которое онъ влагалъ всю свою душу, рѣдкое безкорыстіе, словомъ— черты, предъ которыми блѣднѣютъ нѣкоторые его недостатки, какъ вспыльчивость, нервность, порывистость—недостатки, къ несчастію, столь присущіе почти каждой истинно-талантливой натурѣ.

Выше упомянутое письмо князя Шаховскаго къ князю Элиму Петровичу Мещерскому обязательно предоставлено въ наше распоряженіе г. Пановымъ, къ которому перешло по наслѣдству отъ князя Мещерскаго, умершаго въ 1844 году. Письмо это заключаетъ въ себѣ 17 листовъ почтовой бумаги большого формата, собственноручно подписано княземъ Шаховскимъ и помѣчено 29-мъ августа 1833 года.

Князь Э. П. Мещерскій въ тридцатыхъ годахъ довольно много писалъ на французскомъ языкѣ въ стихахъ и прозѣ и переводилъ на французскій языкъ нашихъ поэтовъ. Своими литературными трудами онъ стремился ознакомить иностранцевъ съ русской жизнью и литературой. На одной изъ своихъ книжекъ — «Lettres d'un russe» — князь Э. П. Мещерскій выставилъ эпиграфъ изъ одной комедіи Шаховскаго. Этого было довольно для князя Александра Александровича, чтобы завязать переписку съ княземъ Мещерскимъ, который, какъ выразился въ письмѣ къ нему Шаховской, «своими сочиненіями уничтожалъ чужеземное злословіе и обнаруживалъ древнюю тайну нынѣшняго нашего могущества». Въ сношенія съ княземъ Мещерскимъ Шаховской вступилъ чрезъ посредство Вигеля, съ которымъ въ это время былъ довольно близокъ. Внимая совѣтамъ Вигеля, Шаховской сообщаетъ Мещерскому «нѣкоторыя пріобрѣтенія» изъ своего долголѣтняго опыта. Прежде всего, эти «нѣкоторыя пріобрѣтенія» касаются «благодѣтельницы нашего отечества—собственно его православной церкви», которой Мещерскій, въ своихъ сочиненіяхъ, отдавалъ полную справедливость. Шаховской, однако, не пускается въ разсужденія объ этомъ «любимомъ предметѣ своихъ думъ», ссылаясь на то, что Вигель въ томъ же духѣ уже много написалъ для того же князя Мещерскаго, и только приводитъ нѣкоторые, довольно любопытные споры свои съ католическимъ священникомъ и лютеранскимъ пасторомъ. Съ обѣими этими лицами князь Шаховской столкнулся въ Ригѣ, гдѣ онъ состоялъ при маркизѣ Паулучи. Съ іезуитомъ Шаховской заспорилъ о расколахъ, которыми іезуитъ попрекнулъ русскую церковь; на это князь Шаховской возразилъ ему, что «наши расколы существуютъ только между чернью, но ваши сдѣлались вѣроисповѣданіемъ цѣлыхъ просвѣщенныхъ народовъ», и указывалъ на протестантовъ, между тѣмъ какъ восточная церковь хранитъ свое единство среди различныхъ національностей, «въ покорности разнымъ свѣтскимъ правителямъ, изъ которыхъ нѣкоторые даже не хри-

стіане». Отдавая справедливость «мужественнымъ дѣйствіямъ» Мартина Лютера, князь Шаховской порицаетъ только его небреженіе къ постановленіямъ вселенскихъ соборовъ и непониманіе «велелѣпія древняго христіанскаго богослуженія». Затѣмъ, князь Шаховской разсказываетъ, что онъ окончательно сбилъ съ позиціи хитраго іезуита, указавъ ему на то, что папа Евгеній IV-й, на Флорентинскомъ соборѣ, призналъ правость догматовъ восточной церкви, а, слѣдовательно, различіе между православными и католиками должно состоять только въ признаніи или непризнаніи папы. Отъ этихъ доводовъ іезуитъ могъ только отшутиться, сказавъ, что онъ «отрекается отъ спасенія души князя Шаховскаго». Пастора же князь Шаховской уничтожилъ уже вмѣстѣ съ маркизомъ Паулучи. Суперъ-интендентъ лютеранской церкви, пасторъ Зонтагъ, явился къ военнему губернатору, маркизу Паулучи, съ жалобой на министра народнаго просвѣщенія, который запретилъ новый переводъ Библіи и тѣмъ нарушилъ свободу аугсбургскаго вѣроисповѣданія, дарованную Петромъ Великимъ. На это Паулучи и Шаховской указали пастору, что и сама церковь лютеранская употребляетъ переводъ Лютера и что, слѣдовательно, министръ совершенно правъ; что свобода совѣсти есть «воля исповѣдывать грѣхи свои вслухъ священнику или мысленно каяться въ нихъ передъ Богомъ», а не въ томъ, чтобы «искажать по своему хотѣнію божіе слово». Это было все, чего добился пасторъ.

Въ подкрѣпленіе той же идеи объ отступничествѣ католиковъ, Шаховской приводитъ еще разсказъ о знакомствѣ своемъ въ Неаполѣ съ архіепископомъ Торентскимъ, человѣкомъ столь почтеннымъ, что даже разбойники, приглашая его къ себѣ письмомъ для благословенія заблудшей паствы, обѣщали при этомъ полную безопасность. Архіепископъ этотъ давалъ Шаховскому книгу одного католическаго священника, какимъ-то образомъ уцѣлѣвшую отъ всесожженія. Въ этой книгѣ, заглавія которой князь не приводитъ, онъ нашелъ «убѣдительнѣйшія доказательства отпаденія римской церкви отъ вселенской».

Увлеченный этими богословскими разсказами, Шаховской говоритъ, что ему «очень захотѣлось сообщить исторію собственнаго обращенія отъ внушеній прошлаго вѣка къ нашей святой церкви», но размѣры письма испугали его и онъ далѣе обращается къ «Письмамъ о Россіи» самого князя Мещерскаго, причемъ высказываетъ свои задушевныя тенденціи, особенно относительно русской литературы. «Русское слово красиво, богато, сильно, но еще ново, и время его критиковъ не пришло». Одобряя намѣреніе князя Мещерскаго познакомить иностранцевъ съ ходомъ нашей словесности, онъ сомнѣвается въ возможности убѣдить ихъ «въ способности русскихъ ко всему изящному». Позднее признаніе геніевъ и талантовъ Шаховской находитъ въ порядкѣ вещей и приводитъ

къ тому примѣры: «еще Боало называлъ Тассово золото мишурой; самъ Шекспиръ надолго былъ согнанъ съ созданнаго имъ театра. И нѣмецъ Шлегель признаетъ,—и, кажется, не безъ толка,—что нѣмецкая драматургія будетъ завтра». Обращаясь къ «Письмамъ» Мещерскаго, Шаховской говоритъ о польскомъ вопросѣ. Онъ останавливается на благодѣяніяхъ, оказанныхъ Польшѣ Александромъ I-мъ, послѣ которыхъ полякамъ оставалось только «броситься братски въ объятія радушныхъ соплеменниковъ, основать на силѣ Россіи прочность своего благосостоянія. Что же они начали? Чѣмъ кончили?» Такое поведеніе поляковъ Шаховской объясняетъ «нравственной холерой, нанесенной западнымъ вихремъ». «Тотъ же, кто съ прародительскаго престола, изъ объятій благодатнаго семейства полетѣлъ орломъ противъ физической холеры, для спасенія вѣрныхъ подданныхъ своихъ, исцѣлитъ и язвы заблудшихъ». Надо замѣтить, что это писано въ 1833 году, вскорѣ послѣ холеры и польскаго возстанія. Здѣсь Шаховской пресерьезно доказываетъ, что въ основѣ «самородныхъ чувствъ» поляковъ лежитъ симпатія къ русскимъ. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу: «Въ Варшавѣ, занятой русской запасной арміей, еще до взятія Парижа, я былъ свидѣтелемъ множества свадебъ нашихъ воиновъ съ пригожими польками и по достовѣрнымъ справкамъ узналъ, что въ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ вышло въ десять разъ больше за «проклятыхъ москалей», чѣмъ во все продолженіе прусскаго и саксонскаго владѣнія за нѣмцевъ; кто-жъ меня увѣритъ, чтобы это было дѣйствіе ненависти! и кто не увидитъ въ такомъ взаимномъ магнетизмѣ душъ, если не любовь, то, по крайней мѣрѣ, влеченіе единородства, которое доказываетъ, что вражда къ намъ поляковъ— въ ихъ головахъ, а не въ сердцахъ».

Шаховской находитъ труднымъ опредѣлить самую границу между Россіей и Польшей и, цитируя отрывокъ изъ своей неудачной трагедіи «Смоляне», проводитъ ту мысль, что роды польскіе и русскіе перемѣшаны. Шаховской перебираетъ всѣ историческія попытки соединенія Россіи и Польши, но «судьба еще не рѣшила тогда, кому должно присоединиться; теперь ея судъ произнесенъ».

Оставляя жгучій польскій вопросъ, Шаховской переходитъ къ кумиру своему въ нашей исторіи—къ Петру Великому.

Прежде всего, Шаховской опровергаетъ то «ложное о нашемъ отечествѣ мнѣніе», что будто бы Петръ I-й «создалъ Россію изъ ничего», и предлагаетъ пародію на тѣ росказни, какія распустили о нашемъ отечествѣ философы прошлаго столѣтія, «торжественно провозгласившіе, что «Иперборейская степь, занимающая всю плоскость между древняго Кавказа и Новой Землей, отъ Кимврическаго полуострова до Понта Эвксинскаго, т. е. Россія, названная «Бѣлой» отъ снѣговъ, вѣчно покрывающихъ разсѣянныя на ней варварскія станицы, приняла, по дикой любви одного изъ ея ха-

новъ или князей къ греческой принцессѣ, какое-то христіанство, смѣшанное съ прежнимъ своимъ идолопоклонствомъ и магометанствомъ, занесеннымъ покорившими ее татарами; и вдругъ сія мерзлая земля съ ея дикарями, намагнитизированная желѣзнымъ скипетромъ своего деспота, преобразилась почти въ европейское государство; итакъ, одинъ человѣкъ, одной своей сильной волей, безъ всякаго сверхъестественнаго наитія, безъ всякой религіозной фантасмагоріи, сдѣлалъ чудо, стоющее всѣхъ баснословныхъ чудесъ; и этотъ человѣкъ былъ варваръ, тиранъ, но чудесный геній».

Въ силу этого, сообразно «съ понятіемъ прошлаго философическаго вѣка», Россія представляетъ «безобразную непрочную связь европейства съ азіатствомъ». Припоминая все, что́ сдѣлала Европа для Россіи въ 1812 году, Шаховской говоритъ, что, напротивъ, она представляетъ «цѣлый и полный слитокъ ея собственныхъ благородныхъ металловъ, красиво образованныхъ мощной рукой Великаго Пе́тра и закаленныхъ въ горнилѣ боговдохновенной вѣры».

Развивая дальше такой свой взглядъ на ходъ просвѣщенія въ Россіи, Шаховской говоритъ слѣдующее: «пытливость нашихъ современниковъ, обращенная на Россію, кажется, уже должна имъ открыть, что естественный ходъ ея просвѣщенія проложился уже далеко задолго до Петра Великаго». Пропуская первые посѣвы просвѣщенія въ «счастливыя времена Владиміра, Ярослава и Мономаха, которыхъ благопріобрѣтенія истребило нашествіе татаръ», Шаховской указываетъ только на то, что «одна православная церковь, сокровищница русскаго единодушія, и въ самой пагубѣ удѣльнаго раздѣленія, долго хранила подъ-спудомъ тотъ священный огонь, который, наконецъ, воспламенилъ остылыя сердца, оживилъ замерзлые члены и освѣтилъ померкшіе умы».

Признавая честь возвращенія Россіи на путь цивилизаціи за Іоанномъ III, освободившимъ Россію отъ позорнаго ига, Шаховской съ любовью останавливается на Борисѣ Годуновѣ и говоритъ: «только Борисъ Годуновъ, постигнувъ совершенно, что не силою рукъ, а силою ума тверды государства, и почувствовавъ все преимущество и необходимость просвѣщенія, можетъ почесться у насъ первымъ его возобновителемъ. Самъ Петръ Великій (какъ дошло до меня по семейнымъ преданіямъ отъ его любимца, прадѣда моего) отдавалъ царю Борису эту справедливость, и кому же въ этомъ можно болѣе повѣрить? Годуновъ, только еще замышляя прибрать въ свои руки русскую державу, вызывалъ иностранныхъ учителей къ своему сыну, соглашалъ бояръ послѣдовать его примѣру, началъ сближать понятія нашихъ предковъ съ иноземными благоучрежденіями и очень искусно направилъ русское любознаніе на проложенный имъ путь».

Указавъ на преобразованія Алексѣя Михайловича, Шаховской выражаетъ сожалѣніе относительно преждевременной смерти Ѳедора

Алексѣевича, «воспитаннаго свѣдущими наставниками». Онъ могъ бы приготовить Петру путь преобразованій, отмѣнный отъ того, на который онъ рѣшился, будучи «принужденъ упорнымъ противодѣйствіемъ крамолы выбивать, какъ говорится, клинъ клиномъ». Послѣ смерти Ѳедора, говоритъ Шаховской, положеніе русскаго просвѣщенія было крайне отчаянно:

«Чугунное изувѣрство пёрло; а свинцовое невѣжество тянуло его въ бездонную топь; одинъ только Петръ, исполинъ духомъ, богатырь волею, былъ въ силахъ схватить, вырвать и поставить его на твердой высотѣ, но не иначе, какъ Коломбъ поставилъ на столъ яйцо: онъ долженъ былъ раздавить скорлупу, которую не могъ ни сгладить, ни смягчить. Вотъ ка́къ я понимаю исторію нашего образованія и разгадываю причины неимовѣрныхъ дѣйствій Петра Великаго».

Дѣлая очеркъ дѣтства и юности Петра, отмѣчая здѣсь благотворныя вліянія и ужасныя впечатлѣнія, созданныя крамолой Софьи Алексѣевны и стрѣлецкими мятежами, Шаховской полагаетъ, что подъ этими впечатлѣніями закалилась и ожесточилась воля юнаго монарха, который обязанъ былъ «не дорожить ничѣмъ, кромѣ времени, не щадить ни себя и ничего для предупрежденія уже испытаннаго зла и во что бы ни стало ускорить несомнѣнное благо своего отечества». Такъ, необходимость принудила его дѣйствовать по своему: «схватить могучею рукою влачимыя въ крови и прахѣ бразды правленія; скрѣпить въ одной царской волѣ всѣ государственныя силы и власти; опрокинуть разомъ всѣ неизбѣжныя препоны и не по накатанному пути, а цѣликомъ, давя закоренѣлые предразсудки, суевѣрія, старообрядчество и даже самыя народныя привычки, прямо и быстро возвлечь Россію на лучезарную высоту прозрѣнную его орлинымъ взглядомъ».

Съ восторгомъ и безъ критики одобряя всѣ реформы Петра, Шаховской силится отыскать мотивы связи между Петромъ и народомъ: «оставшись одинъ отъ воцареннаго народнымъ единодушіемъ рода и уже облаготворившаго Россію тремя достойными ея государями, Петръ, ихъ сирота и послѣдышъ, былъ сокровищемъ любви и упованія русской земли, видѣвшей въ жизни юнаго надежи-царя все свое благо, а въ утратѣ его весь ужасъ недавно минувшаго безначалія, сумятицы, вторженіе иноземцевъ, уничиженіе и незабытое еще порабощеніе. Бѣдствія, угнетенія и опасности его отрочества совокупили великодушнымъ состраданіемъ все царство съ царемъ».

Не желая уподоблять подвиги Петра подвигамъ кесарей, Александровъ, Чингисовъ, Шаховской считаетъ возможнымъ, но не отваживается сравнивать ихъ съ дѣлами Моисея и Магомета. Продолжая свою аналогію Петра Великаго, князь останавливается на вопросѣ объ измѣненіи нашей одежды. Къ этому вопросу онъ отно-

сится очень серьезно и глубоко, что подтверждается воспоминаніями о Шаховскомъ г. Смирнова, относящимися ко времени тѣхъ же тридцатыхъ годовъ, когда было написано разбираемое нами письмо. Изъ этихъ воспоминаній видно, что князь Шаховской сожалѣлъ о потерѣ нашего національнаго платья. Когда разъ, въ его присутствіи, кто-то сталъ выхвалять бархатныя однорядки, шубы-охабни, и рѣчь зашла о возможности снова ввести такую одежду, Шаховской молча закрылъ лицо руками, быстро вскочилъ съ мѣста и сказалъ: «зачѣмъ осуществлять то прекрасное, чего возвратить нельзя», и сталъ ходить по комнатѣ. Съ другой стороны, тотъ же Смирновъ передаетъ, что, разъ начавъ говорить о дѣлахъ Петра Великаго, Шаховской поднималъ на ноги все прошлое, наконецъ плакалъ, какъ ребенокъ, и просилъ перемѣнить разговоръ. Въ письмѣ къ князю Мещерскому, онъ во всей силѣ признаетъ «дѣйствіе одежды надъ духомъ народнымъ». Въ томъ же письмѣ онъ разсказываетъ, какъ еще въ десятыхъ годахъ, онъ съ своимъ другомъ Оленинымъ затѣвали составить русскіе лѣтописные листы, съ прибавкой географическихъ картъ и рисунковъ одеждъ по эпохамъ ихъ измѣненія. «Намъ хотѣлось, говоритъ онъ, представя очевидно постепенное превращеніе бездоннаго мѣшка съ прорѣхами и лоскутами въ хитонъ и хламиду, а тамъ мало-по-малу и въ нынѣшній фракъ и жилетъ, прояснить запыленную временемъ плетеницу человѣческихъ понятій». Теперь Шаховской рѣшительно объявляетъ благодарность Петру «за нашу переодѣвку по образцу западной Европы, съ которой сдвинуть нужно было наши понятія», говоря, что «тѣлесное образованіе было всегда вывѣской умственнаго», и что «бритва и ножницы (пущенныя въ ходъ Петромъ) были самыми ужасными, однако же и самыми успѣшными орудіями вводимаго просвѣщенія». Далѣе, князь отмѣчаетъ ту благородную черту преобразованій Петра, что всѣ ихъ онъ начиналъ сверху, начиная съ самого себя, метя лѣстницу съ верхнихъ ступеней. «Дворяне, по наружному виду сходные не съ простымъ народомъ, а съ царемъ», по-неволѣ должны были брать примѣръ съ него и во всемъ остальномъ и, прежде всего, «сказали, перекрестясь: ученье—свѣтъ, а неученье—тьма».

Подводя, такъ сказать, итогъ своему восхваленію Петра, Шаховской говоритъ о немъ: «Петръ Великій былъ правдолюбивъ, доступенъ, даже можно сказать простонароденъ, но строгъ, и повелителенъ, при новости своего государства, какъ римскіе консулы въ началѣ ихъ республики; однако же западные умствователи, благоговѣя передъ доблестями римлянъ, злословятъ ихъ въ русскомъ царѣ». Порицая крутость и жестокость русскаго царя, тѣ же умствователи, негодуетъ Шаховской, благоговѣютъ передъ ужасами французской революціи, «этой безчеловѣчной и безбожной развратительницы всякой нравственности, поругательницы всякой святыни

и губительницы всякой законности и благочестія вездѣ, куда достаӆъ розливъ ея кроваваго потопа».

Разъ дошедши до этого «кроваваго потопа», князь разражается цѣлой филиппикой противъ революціи, называя ее «ужаснымъ фейерверкомъ, который не даетъ очнуться, пока совсѣмъ не загаснетъ и не обнажитъ своего закоптѣлаго и обгорѣлаго остова». Онъ не даетъ никакой цѣны учрежденіямъ, которыя выдвинула революція: одни изъ нихъ «перековерканы изъ древнихъ демократій, проскрипцій, трибунства, консульства и республиканскаго императора, выродыши которыхъ немилосердно толкали одинъ другаго съ революціонной сцены», другія «принадлежатъ вѣку реформъ и небезбожія, уже давно въ другихъ странахъ приведенныя въ дѣйствіе, безъизмѣнно существуютъ несравненно болѣе многихъ и многихъ перемѣнъ революціонныхъ дѣйствій, явленій, декорацій».

Такой мрачный взглядъ на революцію Шаховской переноситъ и на театръ и на литературу, возникшія послѣ революціи. «Подъ вліяніемъ эфектовъ революціи—говоритъ князь—не вѣрятъ, чтобы и Мольеровы комедіи приносили нравственную пользу, и въ своихъ театральныхъ зрѣлищахъ тѣшатся только поддѣлками подъ извергства изъ любезной революціи». Здѣсь Шаховской за одно уже обрушивается на романтизмъ, «истинное чадо революціи». «Кромѣ духа разврата, говоритъ онъ, неотдѣлимо принадлежащаго парижской революціи, нынѣшній французскій романтизмъ давно и очень давно проявился за Альпами и около Пиринейскихъ горъ, проникъ въ Испанію, занесенъ въ Англію, оттуда переплылъ не безъ подмочки въ Германію, и въ ней уже схваченный — переуродованъ нынѣшними французами». Отозвавшись такъ о романтизмѣ, Шаховской оговаривается, что самъ онъ никакого литературнаго раскола не держится и что по немъ всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго; но мимоходомъ князь высказываетъ, что его завѣтное желаніе—еслибъ классицизмъ и романтизмъ замѣнились руссицизмомъ, «въ чемъ и не отчаяваюсь», говоритъ онъ и къ случаю разсказываетъ, какъ однажды въ Парижѣ, онъ, всходя по лѣстницѣ, встрѣтился съ поэтомъ Андріо. «Вы всходите, а мы сходимъ», сказалъ Андріо. И Шаховской выражаетъ увѣренность, что мы взойдемъ когда нибудь на высоты европейской мысли; если упрекаютъ русскихъ въ пользованіи «чужимъ готовымъ», то вѣдь «и даръ слова, съ самаго созданія человѣка, ростетъ, распространяется, обогащается передачами изъ рода въ родъ, изъ страны въ страну», и въ такомъ преемствѣ культуры позорнаго ничего нѣтъ. Примѣры тому князь указываетъ въ исторіи европейскихъ литературъ. «Мольеръ, изощренный Аристофаномъ», бралъ все и у всѣхъ ему пригодное. Корнель и Расинъ черпали вдохновеніе у грековъ и римлянъ; но классицизмъ французскій, «кутаясь въ пухлое одѣяло придуманныхъ имъ правилъ и приличій, разслабъ, одряхъ и, ка-

жется, при послѣднемъ издыханіи». Геній Шекспира извлекалъ сюжеты изъ забытыхъ и «давно истлѣвшихъ» итальянскихъ новеллъ; геній же Шекспира «умудрилъ Вальтеръ-Скотта, возобновившаго благочестивый романтизмъ и породившаго у насъ удачныхъ подражателей». Воздавъ такую честь двумъ славнымъ англійскимъ поэтамъ, Шаховской обрушивается на Байрона. Въ виду того истиннаго или только кажущагося вліянія, какое имѣла муза Байрона на нашихъ поэтовъ, считаемъ не лишнимъ привести дословно отзывъ князя Шаховскаго о лордѣ Байронѣ. Любопытно отмѣтить еще и то, что князь, указавъ на чужое вліяніе на нашу литературу, не приписываетъ такого вліянія Байрону, а между тѣмъ, это было то время, когда друзья и недруги Пушкина укоряли его за подражаніе Байрону въ Онѣгинѣ.

«Многогрѣшный демонъ Байрона бурнымъ геенствомъ омрачилъ и окровенилъ литературный горизонтъ, прокатывался по немъ дальнозвучнымъ громомъ, раздиралъ яркой молніей и остался багровымъ мѣсяцемъ одинъ-одинехонекъ среди черныхъ тучъ и звѣздочныхъ пробрызговъ. Его пламенное бушеванье возмутило души, засушило сердца и привело въ бѣснованіе романтическую словесность». По мнѣнію князя Шаховскаго это «бѣснованіе» особенно отозвалось во французскомъ романтизмѣ, о которомъ онъ говоритъ слѣдующее: «не совсѣмъ добрая слава Байрона вскружила и умныя головы: выкидыши революціи вприпрыжку пустились за нимъ, взревѣли и зарыкали по-звѣрски. Байронъ тѣшился кровожадностью тигровъ, а они, какъ сказалъ мнѣ однажды И. А. Крыловъ, куда сдѣлались падки на мертвечину! Однако, нельзя не согласиться, что нѣкоторые изъ нынѣшнихъ французскихъ уродователей Байрона богаты дарованіемъ, но тѣмъ хуже для читателей и самой литературы. Сочиненія ихъ оскорбляютъ разсудокъ своей нелѣпицей, сдавливаютъ сердце судорожнымъ ужасомъ, притупляютъ чувствительность гнетомъ тяжкихъ и рѣзкихъ впечатлѣній; одеревеняютъ жалость вынужденнымъ состраданіемъ къ сочиненнымъ ими жертвамъ неестественной людямъ кровожадности; возбуждаютъ ненависть къ человѣчеству, взводя на него всякія омерзительныя звѣрства; убиваютъ поклепами на Провидѣніе единственную надежду истинно-страждущихъ; сквернятъ воображеніе гнусными списками убійцъ и палачей и, кажется, дѣлаются сами убійцами и палачами благороднѣйшаго изъ изящныхъ искусствъ, дарованныхъ къ наслажденію и возвышенію боговдохновенной души».

И тутъ князь съ горечью замѣчаетъ, что онъ пустился бы въ «предвѣдѣніе судебъ не одной развратной словесности, если бы Богъ хоть нѣсколько надѣлилъ меня провидѣніемъ, которымъ щедро одаренный Петръ предсказалъ французскую революцію». Разсказъ объ этомъ предсказаніи мы привели уже выше въ очеркѣ

жизни Шаховскаго. Здѣсь князь еще разъ слагаетъ хвалу Петру Великому, указывая на его вѣчную заботливость о преуспѣяніи государства. Даже «оставя не въ безопасное время свой престолъ и путешествуя по чужимъ краямъ, онъ ни на минуту не переставалъ быть русскимъ государемъ и устроивалъ будущую судьбу своего государства». Отовсюду бралъ Петръ, для насажденія и утвержденія у насъ, образцы всевозможныхъ производствъ, экземпляры полезныхъ породъ животныхъ, а главное — привлекалъ людей, «годныхъ для приспособленія русскаго досужества [1]) къ тогдашнему русскому дѣлу». Здѣсь князь рѣшительно и безповоротно высказываетъ свой взглядъ на ходъ нашей исторіи съ Петра до своего времени, и, по мнѣнію его, наша современность живетъ и дѣйствуетъ по программамъ и предначертаніямъ великаго преобразователя. «Смѣло и не безъ ясныхъ доказательствъ могу сказать, что все и до сей поры истинно полезное нашему отечеству— было имъ сдѣлано, предусмотрѣно или замышлено; что за всякимъ важнымъ отступленіемъ отъ его предначертаній слѣдовали ошибки и раскаяніе; что во всемъ, существенно полезномъ для нашей земли, вѣрно найдется хоть зародышъ въ его постановленіяхъ, запискахъ или изустныхъ преданіяхъ его сужденій. И мы съ душевнымъ наслажденіемъ усматриваемъ во многомъ нынѣ совершенномъ, или учреждаемомъ для блага отечества, исполненіе его народолюбивыхъ думъ; чувствуемъ сердцемъ въ оживотвореніи русскимъ духомъ нашихъ умственныхъ пріобрѣтеній, ремеслъ, промышленности, его стараніе обрусить и укоренить у насъ еще вводимое имъ просвѣщеніе и, наконецъ, постигая во всей силѣ благотворенія предка, радуемся, прозрѣвая въ душѣ и дѣлахъ потомка, настоящее продолженіе его царствованія, такъ прочно основанное и пущенное въ ходъ, что никакія повременныя порчи и отступленія не могли его вовсе остановить или совершенно сшибить съ прямого посова [2]) не подъ гору, а въ гору».

Вотъ какимъ образомъ понималъ князь Шаховской «историческія причины сбивчивости нашего образованія, котораго поверхностная плена, заносимая противнымъ вѣтромъ къ чужой странѣ, мелькая въ глазахъ иностранцевъ, вводитъ ихъ въ заблужденіе, клевещущее на Петра Великаго и ставшее очень дорого Наполеону».

Этими словами заканчиваетъ князь Шаховской письмо свое къ князю Мещерскому, надѣясь во второмъ письмѣ «дать волю своей правдологіи» (тоже любимое словцо князя, пущенное имъ въ комедіи «Пустодомы»).

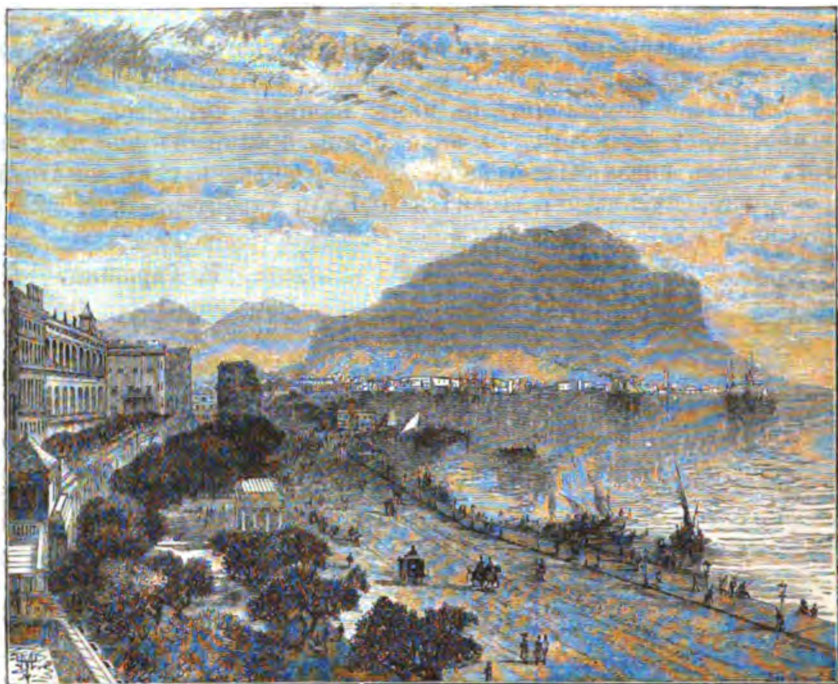
[1]) Досужество — способность, проворство. Слово, вышедшее нынѣ изъ употребленія, но излюбленное княземъ, у котораго оно употребляется почти въ каждой комедіи.

[2]) Т. е. толчка.

Таково содержаніе письма князя Шаховскаго къ Мещерскому. Оно настолько оригинально и характерно для своего времени, что мы рѣшились познакомить съ нимъ нашихъ читателей. Нечего распространяться о томъ, сколько свѣта проливаетъ оно на личность самого князя Шаховскаго, какъ человѣка и какъ писателя; кромѣ того, письмо это весьма важно для характеристики своего времени.

Е. Гаршинъ.

Палермо.

ДРЕВНЯЯ И СОВРЕМЕННАЯ СИЦИЛІЯ [1].

(Статья Маклелана).

Едва ли много осталось въ Европѣ живописныхъ и интересныхъ мѣстностей, неизвѣданныхъ досужими всесвѣтными туристами британской расы. Но во всякомъ случаѣ есть мѣстности, не уступающія въ живописности, въ историческомъ и археологическомъ интересѣ самымъ прославленнымъ уголкамъ нашего стараго материка и однако остававшіяся до сихъ поръ какъ бы внѣ сферы любопытства и любознательности интеллигентныхъ представителей сплина и досуга. Къ числу такихъ мѣстностей, до послѣдняго времени, приходилось относить Сицилію. Въ послѣднее время, этотъ живописный островъ сталъ однако гораздо доступнѣе путешественникамъ: почти вдоль

---

[1]) Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1882 года, была помѣщена статья Блюмнера (съ рисунками) подъ заглавіемъ «Сиракузы». Настоящая статья можетъ служить къ ней дополненіемъ, какъ относительно текста, такъ и рисунковъ. Ред.

всей его береговой линіи прекрасные и удобно устроенные пароходы совершаютъ правильные рейсы; кромѣ того, вдоль восточнаго побережья проложена отъ Мессины до Сиракузъ желѣзная дорога, проходящая почти съ подножія Этны, и отъ которой отдѣляется, у Катаніи, вѣтвь внутрь страны до Леонфорте. Отъ столицы Сициліи, Палермо, тянется по берегу моря до Жермини, а оттуда сворачиваетъ, также внутрь страны, до Лекары другая желѣзно-дорожная линія. Эти усовершенствованные средства сообщенія уже дѣлаютъ вполнѣ доступными для путешественниковъ самыя интерес-

Ворота «Porta Nuova» въ Палермо. Мѣстопребываніе Гарибальди.

ныя и богатыя мѣстности острова; но, и помимо того, экскурсіи внутрь страны, по обыкновеннымъ и горнымъ тропамъ, совершенно безопасны: шайки бандитовъ, нападающія на путешественниковъ, существуютъ теперь только въ самыхъ трусливыхъ воображеніяхъ и составляютъ такое же достояніе исторіи, какъ и славные времена процвѣтанія морскихъ побережій Сицилии подъ владычествомъ финикіянъ, грековъ и римлянъ. А къ этимъ временамъ относятся историческія имена Никіаса, Тимолеона, Гелона, Діонисія, Ганнибала, Архимеда...

Столица Сициліи, Палермо, уже одна даетъ путешественнику цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Палермскій за-

ливъ немногимъ уступаетъ въ красотѣ Неаполитанскому: эта красивѣйшая гавань окаймлена цѣпью горъ, обрамляющихъ полукругомъ знаменитую равнину Палермо «La Conca d'Oro». Обоими концами эта цѣпь горъ упирается въ море, обрываясь надъ нимъ, справа, громадными скалистыми вершинами Пеллегрино (до 2,000 фут.),—слѣва менѣе грандіозными скалами Катальфано. У самаго моря въ центрѣ громадной равнины, богатѣйшей по своей растительности, расположенъ городъ. Древній Панормосъ — нынѣшній Палермо, подчинившись гнету новѣйшихъ изощреній цивилизаціи, сохранилъ очень мало слѣдовъ старины. Самый городъ занимаетъ даже сравнительно гораздо меньшую площадь, чѣмъ въ былыя времена, но расположенъ и распланированъ правильно. Двѣ широкія улицы, пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ почти въ центрѣ города, раздѣляютъ его на четыре, почти равныя части. Одинъ изъ прилагаемыхъ рисунковъ даетъ видъ воротъ Porta Nuova, чрезъ которыя виднѣется позади улица Corso. Жители Палермо увѣряютъ, что нижняя часть воротъ выстроена по плану Микель-Анджело, а верхняя надстройка—по плану Піетро Новелли. Во всякомъ случаѣ ворота эти производятъ довольно внушительное впечатлѣніе и памятны тѣмъ, что въ верхней надстройкѣ ихъ жилъ дважды освободитель Сициліи и Италіи, Гарибальди: въ 1860 году, онъ расположилъ тутъ свою главную квартиру въ качествѣ диктатора Сициліи, а позже подготовлялъ здѣсь экспедицію, столь несчастливо закончившуюся на высотахъ Аспромонте.

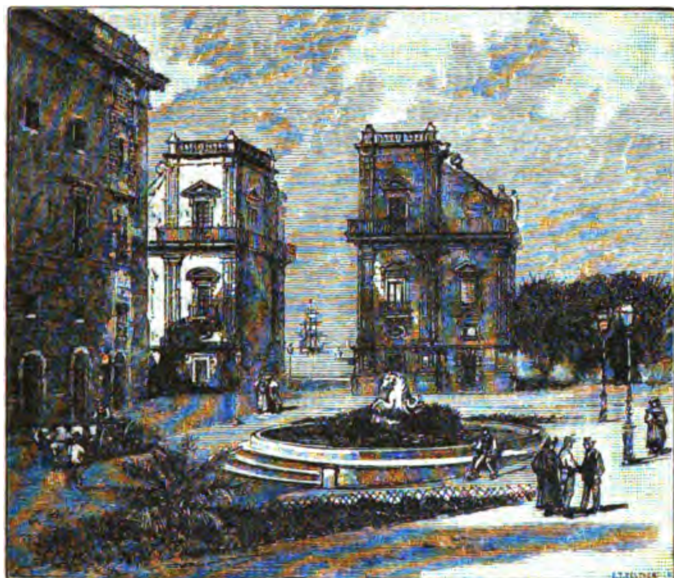
На другой оконечности улицы Corso находятся ворота «Porta Felice», видъ которыхъ также прилагается. На право расположенъ хорошенькій скверъ Святого Духа (Spirito Santo), а за воротами, подъ прямымъ угломъ къ Корсо, тянется по морскому берегу любимѣйшее мѣсто гулянья и катанья палермцевъ — «Marina». Въ лѣтнія ночи сюда собирается насладиться освѣжающимъ морскимъ воздухомъ все населеніе Палермо, а во всѣхъ концахъ его раздаются веселые звуки оркестровъ. Зимой «Marina» остается также любимымъ мѣстомъ прогулки въ послѣобѣденное время.

Съ «Marina» раскрывается прекрасный видъ на море и на горы: къ сѣверу высятся обрывистыя скалы Пеллегрино, по которымъ тянется зигзагами дорога, ведущая на вершину горы, съ которой въ свою очередь можно любоваться видомъ всей палермской равнины и всего города, лежащихъ какъ бы на ладонѣ. Помимо того, гора Пеллегрино представляетъ интересъ для палермцевъ и потому, что въ одной изъ пещеръ ея долго жила и скончалась покровительница города, святая Розалія.

Съ набережной «Marina» можно видѣть за Багаріей горы Мадонны—самыя высокія на островѣ, послѣ Этны, покрытыя снѣгомъ зимой и весной. Въ свѣтлый, ясный день можно видѣть и высящуюся за горами Мадонны, среди облаковъ, вершину Этны. Роскош-

нѣйшая, плодоносная равнина Палермо, усѣянная апельсинными и оливковыми садами, виноградниками, виллами, съ пестрѣющими и зелеными полями, на которыхъ расположены тамъ и сямъ деревушки, разстилается сзади Палермо, въ полукружіи горной цѣпи.

Памятники древности въ Палермо, какъ уже было упомянуто, немногочисленны и относятся ко временамъ, сравнительно не очень отдаленнымъ—господства сарацинъ и нормановъ. Очень характерный образчикъ арабской архитектуры, наилучше сохранившійся, представляетъ прежній дворецъ или вилла эмировъ «Дзиза», обращенный нынѣ во дворецъ. При передѣлкѣ его, «Дзиза» сильно

Ворота «Porta Felice» въ Палермо.

потерпѣлъ отъ современныхъ прозаичныхъ архитекторовъ, замѣнившихъ высокія, сводчатыя легкія окна прежняго фасада ординарными четырехъ-угольными окнами самаго обыкновеннаго и тяжелаго вида. Но внутренность дворца по возможности сохранена— и сохранились также фонтаны и бассейны въ садахъ, роскошная зелень которыхъ окружаетъ дворецъ. Часть большаго королевскаго дворца также относится ко временамъ сарацинъ и построена въ томъ же стилѣ, какъ и «Дзиза».

Однимъ изъ древнѣйшихъ и самыхъ большихъ памятниковъ эпохи господства норманновъ является большой соборъ, на Корсо, близь Porta Nuova. Въ этой церкви похоронены и находятся гробницы старѣйшихъ норманскихъ королей. Однако лучшими архитектурными украшеніями города являются двѣ небольшія церкви:

Capella Palatina и Capella Martorana, обѣ отдѣланныя внутри въ томъ же стилѣ какъ и замѣчательнѣйшій соборъ въ Монреале, близь Палермо. Capella Palatina—въ сущности небольшая дворцовая церковь. Она такъ углублена и погребена въ стѣнахъ королевскаго дворца, что почти не имѣетъ внѣшняго фасада, если не считать отдѣланнаго мазаикой входа въ нее съ площадки одного изъ дворцовыхъ двориковъ.

Впрочемъ и соборъ въ Монреале не отличается своимъ внѣшнимъ видомъ, за исключеніемъ главнаго входа, весьма характеристичнаго и пропорціональнаго, съ прекрасными, старинными бронзовыми дверями. Но за то внутренность собора великолѣпна. Высокія стѣны его облицованы внутри бѣлымъ мраморомъ, пересѣкаемымъ узкими лентами мозаики въ арабскомъ стилѣ и широкія полосы такой же мозаики образуютъ панель всей церкви. Мозаика эта высокой красоты и тонкости; разнообразіе ея рисунковъ — по истинѣ изумительно. Алтарь и церковь вымощены такъ называемой александрійской мозаикой, въ основѣ которой лежатъ правильныя геометрическія фигуры, пространство между которыми заполняется кусками порфира, змѣевики и т. п. Архіерейское кресло и старый тронъ короля сдѣланы изъ бѣлаго мрамора и также украшены арабской мозаикой. Бѣлыя мраморныя полосы нижней части стѣнъ также усѣяны тончайшими мозаичными изображеніями сценъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, ангеловъ, пророковъ, святыхъ, королей и судей. Внутренняя сторона крыши сдѣлана изъ дерева съ богатой раскрашенной и позолоченной рѣзьбой, вполнѣ гормонирующей со стѣнной мозаикой. Лица, которымъ приходилось видѣть многіе соборы Европы, начиная со св. Софіи и св. Исаакія и кончая соборами въ Руанѣ, Турѣ и Уэстминстерѣ, утверждаютъ, что внутренность ни одного изъ этихъ соборовъ не можетъ сравниться съ внутренностью собора въ Монреале и Capella Palatina въ Палермо.

Въ Палермо существуетъ обычай сохранять тѣла умершихъ, изъ лицъ богатаго класса, въ склепахъ монастырей. Подъ нѣкоторыми изъ послѣднихъ устроены громадныя галлереи, въ родѣ катокомбъ, въ которыхъ покоятся, расположенныя вдоль стѣнъ, смертные останки взрослыхъ обоего пола и дѣтей. Муміи эти одѣты въ праздничныя одежды и лежатъ не въ гробахъ, а прямо поставлены и прикрѣплены къ стѣнамъ: нѣкоторыя изъ нихъ съежились, сгорбились, другія стоятъ прямо, сидятъ въ креслѣ — всѣ имѣютъ отвратительный видъ, со своими билетами, на которыхъ написаны имена и день кончины. Нѣкоторые изъ тѣхъ умершихъ, занимавшихъ не столь видное положеніе при жизни, лежатъ въ ящикахъ, расположенныхъ вдоль стѣнъ: черезъ годъ-два, перчатки а иногда и одежда, пришедшіе въ ветхость, смѣняются родственниками, посѣщающими катакомбы довольно часто по праздничнымъ днямъ.

Окрестности Палермо представляютъ богатую почву для экскурсій: Селинунте, Багаріа, Термини, Сегесте и другія мѣста представляютъ для этого достаточный интересъ. Не слѣдуетъ только выбирать для этого зимніе мѣсяцы, которые не всегда хороши въ Сициліи.

Другой большой городъ Сициліи, Мессина, расположенъ совсѣмъ иначе, чѣмъ Палермо. Мессинская гавань окаймлена со всѣхъ сторонъ крутыми обрывистыми скалами, на нижнихъ откосахъ которыхъ, узкой полосой, расположенъ самый городъ. Соборъ, относящійся къ XI-му вѣку и замѣчательная церковь св. Григорія представляются единственными интересными памятниками древней архитектуры въ Мессинѣ. Къ востоку на горизонтѣ высятся оголенныя горы Калабріи, съ плоскими вершинами, а нѣсколько лѣвѣе, подъ калабрійскимъ берегомъ, высится изъ моря смѣло выдающаяся почти четыреугольная скала, увѣнчанная развалинами замка: это и есть извѣстная Сцилла; подругу ея, Харибду, отыскать и указать трудно. На самомъ дѣлѣ, теперь тутъ нѣтъ того опаснаго и ужаснаго водоворота, который такъ сильно пугалъ древнихъ, а число пунктовъ, гдѣ встрѣчаются разныя, противоположныя теченія, такъ велико, что можно дать полную волю воображенію и помѣщать Харибду гдѣ угодно. Замѣчателенъ мысъ Пелорусъ, гдѣ, почти за три съ половиною вѣка до Р. Х., кавалерія Тимолеона переправилась че-

«La Ziza» въ Палермо.

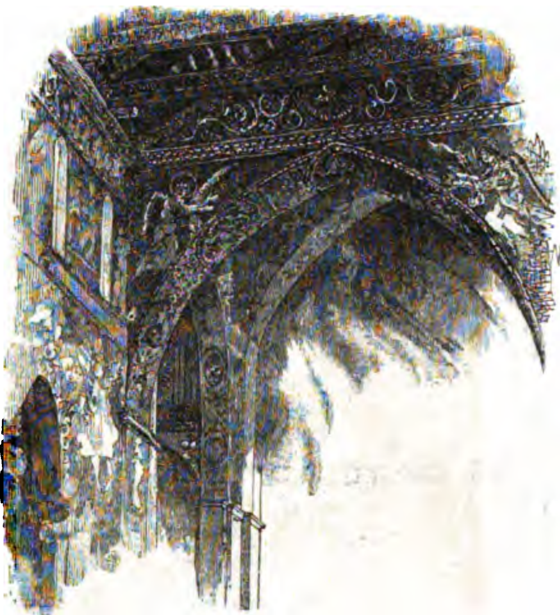

Входъ въ палермскій соборъ.

резъ проливъ и гдѣ 14 вѣковъ спустя, графъ Роже, съ горстью норманновъ, переправился на островъ, предпринявъ его завоеваніе.

Путешественникъ, желающій насладиться по истинѣ поразительными картинами природы, долженъ непремѣнно отправиться изъ Мессины по желѣзной дорогѣ въ Таормину небольшой городокъ, едва заслуживающій самое названіе города, лежащій на высотѣ 8 — 900 ф. надъ поверхностью моря. Уже по самой дорогѣ, идущей большею частью по морскому берегу, встрѣчаются на каж-

дойтъ шагу новые и разнообразные виды: то глазъ пробивается сквозь чащу апельсинныхъ и оливковыхъ рощъ, чтобы успокоиться на синевѣ моря; то глазу представится деревушка съ красивой церковью и грязными домиками, утопающими въ роскошной зелени; то видишь развалины замковъ, высящіяся на вершинахъ горъ; то передъ глазами разстилается богатая равнина, уходящая вдаль и теряющаяся въ горной тѣснинѣ; то предъ взоромъ выростетъ монастырь и т. п.; все это, при эффектномъ, ясномъ солнцѣ даетъ цѣлый рядъ прелестныхъ, очаровательныхъ пейзажей. Переѣздъ со станціи желѣзной дороги Джіардини въ Таормину, совершаемый въ экипажѣ, даетъ рядъ новыхъ картинъ: глазъ останавливается то на всей береговой линіи моря, видимой до самой Мессины и въ созерцаніи далекаго противоположнаго берега Калабріи; то на высящейся къ югу Этнѣ, облитой лучами заходящаго солнца, съ вѣчно дымящейся верхушкой; наконецъ приходится оглядѣть развалины кладбища и монастыря, греческаго или римскаго театра, или окинуть городъ, съ узкими, грязными улицами.

Часть мозаики въ соборѣ Монреале.

Главная приманка для любознательнаго туриста въ Таорминѣ составляютъ хорошо сохранившіяся развалины римскаго театра, слава о которыхъ растетъ съ каждымъ годомъ. Дѣйствительно, этотъ театръ, построенный на мѣстѣ, гдѣ существовалъ ранѣе греческій театръ, сохранился гораздо лучше, чѣмъ почти всѣ другіе подобные театры, за однимъ исключеніемъ. Сцена и амфитеатръ сохранились настолько, что по остаткамъ легко возсоздать въ своемъ воображеніи все цѣлое. Но нужно быть поистинѣ весьма глубоко проникнутымъ любовью къ древности, чтобы разсматривать эти развалины и взобравшись на верхній рядъ амфитеатра не махнуть рукой на архитектуру и археологію, и предаться исключительно наслажденію поразительно очаровательнымъ видомъ, который разстилается передъ зрителемъ, стоящимъ на этомъ пунктѣ.

Тутъ только постигается вся прелесть древняго греческаго или римскаго театра и все его превосходство передъ нашимъ: древніе греки и римляне наслаждались театромъ въ хорошую ясную погоду, въ дневные часы, развлекали себя въ антрактахъ любуясь на прелестные виды, разстилавшіеся передъ взорами зрителей, и внимали со ступеней амфитеатра сладчайшимъ пѣвцамъ и твореніямъ величайшихъ трагиковъ Греціи и Рима, а за стѣной ихъ вѣчно дымилась Этна, съ разбросанными по подошвѣ ея деревнями и лѣсами, покрывающими этотъ величайшій вулканъ Европы.

Катакомбы въ Палермо.

Почти у ногъ зрителей синѣетъ, горя яркими красками, Средиземное море, врѣзываясь красивыми кривыми линіями въ береговую полосу.

Кромѣ древняго театра, въ Таорминѣ есть и другія достойныя вниманія развалины, какъ, напримѣръ, валы сарациновъ, средневѣковые церкви и дворцы (Badia Vecchia, Piscina Mirabile, Noumachia и т. д.), но всѣ они блѣдны, послѣ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ осмотра театра.

Спускаясь далѣе по линіи желѣзной дороги, путешественникъ доѣзжаетъ до Катаніи. Дорога идетъ по мѣстности отлично обработанной, густо населенной, съ разбросанными кое-гдѣ развалинами

испанскихъ и мавританскихъ замковъ. Самый городъ Катанія могъ бы по справедливости быть названъ «Городомъ лавы», такъ какъ действительно лава встрѣчается здѣсь на каждомъ шагу и во всѣхъ

Храмъ Сегесты.

видахъ. Улицы вымощены лавой, дома выстроены изъ лавы, части стараго города погребены подъ лавой; наконецъ, въ лавѣ пробитъ

Заросли папоротника.

туннель желѣзной дороги. Лава эта давно уже покрыла эти мѣста и покрылась сама во многихъ мѣстахъ довольно большими площадками густой, сочной зеленой травой.

Около Катаніи отдѣляется внутрь страны, до Леонфорте, большой участокъ желѣзно-дорожной линіи. Въ близкомъ будущемъ предполагается продолжить эту линію насквозь до Палермо, съ вѣтвью до Джирденти, на южномъ берегу Сициліи.

Большой историческій интересъ представляетъ городъ, находящійся на южной оконечности восточной желѣзной дороги Сициліи — знаменитыя Сиракузы. Нынѣшній городъ довольно жалкій; онъ занимаетъ площадь только небольшой части древнихъ Сиракузъ, именно ту только мѣстность, называвшуюся «Ортигія», которую заняли первоначальные основатели города, коринфскіе выходцы, явившіеся сюда въ 734 году до Р. Х. Четыре большія предмѣстья прежнихъ Сиракузъ нынѣ совершенно въ запущеніи, лишь коегдѣ виднѣется ферма. Топографическія черты мѣстности древняго города, однако, столь ясны, что съ Ѳукидитомъ въ рукахъ легко прослѣдить весь ходъ осады города аѳинянами, опредѣлить самые важные пункты и выслѣдить самыя важныя движенія этой кампаніи.

Современныя Сиракузы окаймлены линіей массивныхъ укрѣпленій временъ Карла V-го, не имѣющихъ теперь никакого значенія съ военной точки зрѣнія и представляющихъ только интересъ историческій. Изъ остатковъ болѣе глубокой старины въ нынѣшнихъ Сиракузахъ слѣдуетъ указать на извѣстный «Источникъ Аретузы», правда значительно пострадавшій и какъ сооруженіе, и въ прямомъ смыслѣ; вода его уже не кристаллически чиста—уже очень давно землетрясеніе разрушило стѣну, отдѣлявшую этотъ источникъ отъ гавани, и морская вода съ тѣхъ поръ проникаетъ въ это когда-то славное водовмѣстилище чистой ключевой воды.

Въ послѣднее время раскопки раскрыли въ Сиракузахъ множество колоннъ отъ храма Діаны. Колонны эти не особенно красивы и интересны лишь потому, что каждая изъ нихъ находится тутъ уже около 2,500—2,600 лѣтъ. Болѣе всего обращаетъ, однако, на себя вниманіе въ древней Ортигіи храмъ Минервы, на вершинѣ крыши котораго находился когда-то громадный золотой щитъ, столь знакомый древнимъ морякамъ. Колонны, фризы сохранились еще до сихъ поръ, благодаря тому, что этотъ храмъ былъ вскорѣ обращенъ въ христіанскую церковь.

Прекраснымъ памятникомъ энергіи и искусства древнихъ сиракузянъ служитъ греческій театръ, высѣченный въ скалѣ, почти на вершинѣ крутаго ската Эпиполи. Театръ былъ такъ великъ, что легко могъ вмѣщать до 25-ти тысячъ человѣкъ. Скамейки до сихъ поръ отлично сохранились, хотя по нимъ и проложилъ себѣ путь источникъ воды, а на стѣнѣ одного изъ корридоровъ можно еще прочесть греческую надпись клинообразныхъ подраздѣленій громаднаго каменнаго амфитеатра. И тутъ передъ зрителями разстилается прекрасный видъ на гавань и на море.

Нѣсколько поодаль отъ этого сооруженія, насчитывающаго около 2,300 лѣтъ, въ районѣ раскопокъ находится римскій амфитеатръ, относящійся ко временамъ императора Августа. Интересны здѣсь хорошо сохранившіеся остатки podium'а — каменной стѣны, окружающей арену; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно до сихъ поръ прочесть латинскія надписи съ именами и титулами римскихъ чиновниковъ, занимавшихъ здѣсь мѣста. Этотъ амфитеатръ значительнѣе по размѣрамъ, чѣмъ амфитеатръ Вероны.

Самымъ интереснымъ памятникомъ въ Сиракузахъ являются мѣста каменныхъ ломокъ, изъ которыхъ нѣкогда добывался камень. Эти мѣста ломокъ, Latomie, обыкновенно представляютъ громадныя и глубокія выемки, изъ которыхъ добытъ былъ камень для построекъ домовъ и укрѣпленій древней Ортигіи. Камень добывался не прямо изъ открытыхъ выемокъ, но изъ обширныхъ подземныхъ галлерей, образовавшихъ цѣлый подземный городъ, нынѣ разрушенный многочисленными землетрясеніями; слои земли и камня, составлявшія крыши этихъ галлерей, обрушились бо́льшею частью и только еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились крытые ходы и пещеры. Въ числѣ послѣднихъ замѣчательна одна, называемая «Ухо Діонисія», похожая по внѣшнему очертанію на лошадиное ухо. Эта пещера, 70 фут. вышины и около 200 фут. длины, отличается своими акустическими свойствами, издавая многократныя эхо, а внутри ея, у самой вершины, есть помѣщеніе, въ которомъ слышенъ явственнно самый тихій разговоръ шопотомъ, происходящій внизу: тутъ-то, въ этой комнатѣ и подслушивалъ будто бы Діонисій разговоры своихъ заключенныхъ.

«Ухо Діонисія».

Эти каменныя ломки дѣйствительно служили отличнымъ мѣстомъ заключенія: высокія, до 70—80 фут. вертикальныя стѣны дѣлали побѣгъ невозможнымъ. Въ одной изъ нихъ, въ нынѣшней Latomia dei Cappucini были заключены около 2,300 лѣтъ тому назадъ и заморены голодомъ 7.000 плѣнныхъ аѳинянъ. Теперь эти La-

tomie обращены бо̀льшею частью въ живописные сады съ разными сюрпризами на каждомъ шагу: то появляются въ зелени живописныя скалы, то скрываются въ ней гроты, то приходится переходить изъ одной части сада въ другую черезъ длинный тоннель, высѣченный въ скалѣ, отдѣляющей одну выемку отъ другой. Всѣ онѣ давно заросли роскошною зеленью апельсинныхъ, лимонныхъ и оливковыхъ деревъ, между которыми высятся пальмы, гранатовыя деревья, олеандры, на коврѣ яркихъ цвѣтовъ. Стѣны каменныхъ ломокъ до сихъ поръ сохраняютъ слѣды орудій и инструментовъ, употреблявшихся древними для добычи камня, но во многихъ мѣстахъ эти слѣды скрыты подъ густой тканью винограда. Тѣ изъ ломокъ, которыя обращены въ сады, искусно и художественно разбитые по всѣмъ правиламъ, представляютъ собою очаровательнѣйшія и живописнѣйшія мѣста прогулокъ.

Въ разстояніи почти 4-хъ миль отъ нынѣшняго города находится до сихъ поръ отлично сохранившійся древній фортъ Эйріалусъ, входившій нѣкогда въ линію укрѣпленій, которыя соединяла съ древней Ортигіей каменная стѣна Діонисія и другихъ строителей. По остаткамъ стѣнъ, можно еще теперь опредѣлить ихъ направленіе и видѣть, что онѣ окаймляли всю площадь между моремъ, возвышенностью Эпиполе и фортомъ Эйріалусъ. Самый фортъ, высѣченный бо̀льшею частью въ скалѣ, отлично сохранился и представляетъ, можетъ быть, лучшій образчикъ древне-греческаго военнаго строительства.

ТОРКВАТО ТАССО И ЕГО ВѢКЪ [1].

Ich mehr
Als je mich doppelt fühle mir selbst
Auf's neu in streitender Verwirrung bin.
Göthe (Torquato Tasso).

Умственное движеніе, характеризующее новую исторію въ отличіе отъ средневѣковой, получило свое начало въ эпоху Возрожденія, которая представляетъ поэтому особенное значеніе для исторіи интеллектуальнаго развитія нашего времени; ея мыслители и поэты, ученые и государственные люди дали первый толчокъ раціонализму, преобладаніе котораго составляетъ отличительную черту XVIII, а отчасти и XIX вѣка. Но кромѣ того, возрожденіе имѣетъ важное историческое значеніе и въ другомъ отношеніи. Классическая цивилизація, погребенная подъ развалинами Римской имперіи, задавленная толпами варваровъ и поглощенная католическою церковью, не погибла окончательно. Памятники античной литературы хранились въ монастырскихъ библіотекахъ; ихъ читали, переписывали, цитировали, хотя, главнымъ образомъ, для грамматическихъ цѣлей; произведенія древняго искусства встрѣчались на каждомъ шагу въ Италіи. Но исключительныя стремленія къ загробной жизни не позволяли человѣку тратить время на изученіе этого наслѣдства; аскетическій идеалъ нетолько сурово отвергалъ Венеръ и Аполлоновъ, Овидіевъ и Цецероновъ, но считалъ грѣховнымъ всякое искусство, если оно не служило церкви, призна-

---

[1] Главнѣйшимъ источникомъ для этой статьи служило сочиненіе: Pier Leopoldo Cecchi. Torquato Tasso und Italienisches Leben von 16 Iahrhunders, aus dem Italienischen übersezt von H. Freiherrn von Lebzeltern. Leipzig. 1880.

валъ суетной всякую науку, если она не подчинялась теологіи. Въ XIV вѣкѣ отношеніе къ классическому міру измѣнилось: обломки статуй стали цѣниться не ниже реликвій, творенія Цицерона получили бо́льшій авторитетъ, чѣмъ произведенія средневѣковыхъ свѣтилъ церковной доктрины. Разумъ проснулся, отвергъ средневѣковую науку, подорвалъ католическіе идеалы, обратился къ греко-римской жизни и оттуда почерпнулъ новое міросозерцаніе. Духъ классической цивилизаціи возродился на новой, христіанской почвѣ и легъ въ основу умственнаго движенія новаго времени. Эпоха гуманизма и составляетъ это звено, соединяющее наше время съ античнымъ періодомъ; она представляетъ тотъ моментъ, когда классическая цивилизація получаетъ всемірно-историческій характеръ, дѣлается достояніемъ новыхъ народовъ: съ этихъ поръ результаты духовной жизни классическаго міра органически входятъ въ составъ культурнаго движенія новой исторіи.

Но съ перваго взгляда гуманистическое движеніе представляется эфемернымъ; принявъ сначала обширные размѣры, оно довольно скоро должно было уступить первое мѣсто реформаціи, новому движенію религіознаго характера. Дѣйствительно, реформація глубже захватила современниковъ, нежели гуманизмъ; ею увлечены были лучшіе представители возрожденія въ Германіи. Съ другой стороны въ самомъ характерѣ гуманизма, въ особенности итальянскаго, заключались такія черты, которыя должны были, повидимому, привести его къ разрушенію—но этого не случилось. Правда, движеніе измѣнило свою форму, утратило свой первоначальный характеръ: страстное, слѣпое поклоненіе древности, доходившее иногда до религіознаго культа, исчезло; крайности сгладились; случайное, казавшееся важнымъ только самимъ гуманистамъ, утратилось; но сущность движенія — преклоненіе передъ свѣтской наукой, реабилитація человѣческой природы и разума не прошли вмѣстѣ съ XV и XVI вѣками. Вліяніе гуманизма сказалось и въ реформаціонномъ движеніи, какъ на материкѣ (преимущественно въ ученіи Цвингли), такъ въ особенности въ англійскихъ реформаціонныхъ сектахъ; кромѣ того, литературная дѣятельность гуманистовъ, подрывая авторитетъ католицизма, этимъ самымъ подготовляла умы къ религіозному перевороту XVI столѣтія. Такимъ образомъ, эпоха возрожденія по справедливости можетъ быть названа, первой половиной реформаціоннаго періода открывшаго собой новую исторію.

Хотя возрожденіе, подобно реформаціи, не ограничилось одною какою нибудь страной, а распространилось по всей Европѣ, но наиболѣе интенсивный характеръ получило оно въ Италіи, гдѣ реформаціонное движеніе не достигло большаго развитія. Италія была родиною гуманизма, здѣсь болѣе всего сохранилось классическихъ воспоминаній; на итальянской почвѣ наиболѣе рельефно

выразились характеристическія черты движенія; въ Италіи же удобнѣе всего наблюдаются его фазисы. Италіи принадлежитъ Данте, могучій геній котораго, представляя высшее проявленіе средневѣковой поэзіи, заключаетъ собою періодъ ея господства; въ Италіи, другой поэтъ Петрарка служитъ представителемъ переходной эпохи отъ среднихъ вѣковъ къ возрожденію; здѣсь жили и дѣйствовали Поджіо, Валла и Филельеро во время полнаго развитія гуманизма; въ Италіи, наконецъ, Торквато Тассо переживалъ послѣдніе дни движенія.

Эти личности, являясь представителями движенія, служатъ, въ то же время, такъ сказать, его показателями. Гуманизмъ всего легче и удобнѣе изучать въ отдѣльныхъ личностяхъ; движеніе захватило только культурные слои; оно было слишкомъ отвлеченно, чтобы сообщиться массамъ; идеи гуманистовъ были слишкомъ сложны, чтобы быть понятными большинству, поэтому выдающіеся представители эпохи получаютъ особое значеніе. По ихъ вліянію можно судить о ходѣ движенія, отношеніе къ нимъ общественныхъ силъ указываетъ на роль гуманизма въ данный періодъ. Они извѣстны всему образованному міру; общественная мысль или подчиняется ихъ руководству, какъ это было въ началѣ движенія, или относится къ нимъ съ пренебреженіемъ, какъ это испыталъ на себѣ Тассо. Съ этой точки зрѣнія книга Чекки «Torquato Tasso e la vita italiana nel secolo XVI» представляетъ большой интересъ: въ ней на судьбѣ великаго и несчастнаго поэта можно видѣть, какое измѣненіе потерпѣло гуманистическое движеніе въ теченіе XV и начала XVI вѣка. Позволительно думать, что знакомство съ этимъ сочиненіемъ будетъ не безъинтересно и для русскаго читателя, такъ какъ оно даетъ вѣрный взглядъ не только на личность знаменитаго поэта, но и на характеръ важной исторической эпохи. Но, прежде чѣмъ перейти къ сочиненію, относящемуся ко второй половинѣ возрожденія, намъ кажется необходимымъ выяснить, хотя въ общихъ чертахъ, характеръ гуманизма и причины его успѣха и упадка.

I.

Средневѣковое міросозерцаніе, выходя изъ ученія о превосходствѣ духа надъ тѣломъ, выразилось вполнѣ въ аскетическомъ идеалѣ. Культурное значеніе этого идеала заключалось въ томъ, что онъ сдерживалъ необузданные порывы варваровъ, вносилъ духовный элементъ въ чувственную жизнь дикихъ народовъ, поселившихся на развалинахъ Римской имперіи. Нравственное и умственное превосходство духовенства, крѣпкая организація церкви

оправдывали ея авторитетъ и дѣлали благотворнымъ ея гуманное вмѣшательство въ свѣтскія дѣла слабаго и грубаго государства. Но мало-по-малу завоеватели стали организоваться, и государство почувствовало стѣснительность церковной опеки; со стороны его представителей весьма рано появляются протесты противъ притязаній церкви. Уже въ IX вѣкѣ Карлъ Великій въ одномъ изъ своихъ капитуляріевъ запрещаетъ духовенству вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла [1]). Точно также встрѣчалъ оппозицію церковный авторитетъ и въ умственной жизни: немного позже, но въ томъ же столѣтіи, Іоаннъ Эригена Скотъ защищаетъ разумъ противъ притязаній всякаго авторитета. «Авторитетъ произошелъ отъ разума, писалъ онъ, а не разумъ отъ авторитета; всякій авторитетъ, непризнанный разумомъ, безсиленъ; напротивъ, разумъ, твердо опираясь на свою собственную силу, не имѣетъ нужды въ подтвержденіи» [2]). Но такіе голоса были рѣдки, и католицизмъ росъ, а вмѣстѣ съ нимъ развивался аскетическій идеалъ и стѣснялъ естественный ростъ и развитіе общества. Самымъ высшимъ состояніемъ считался «ангельскій чинъ», т. е. монашество: въ XI вѣкѣ Нимскій соборъ призналъ монаха равнымъ серафиму, существу высшему, чѣмъ ангелъ [3]). Чѣмъ далѣе развивалось это міровоззрѣніе, тѣмъ болѣе становилось оно въ отрицательное отношеніе къ жизни. Въ природѣ человѣка видѣли только одно зло, крайняя испорченность признавалась неисцѣлимою болѣзнію человѣческой души, которая считалась неспособною къ добру безъ содѣйствія церкви. Государство и весь міръ, кромѣ монастыря, казался царствомъ сатаны и достояніемъ дьявола, единственнымъ вѣрнымъ средствомъ спасенія признавался монашескій обѣтъ, т. е. отреченіе отъ своей грѣховной личности и удаленіе отъ міра, который служитъ добычею злому духу. Любовь къ женщинѣ, бракъ, свобода, собственность, разумъ, наука—словомъ все, что даетъ цѣну жизни, отвергалось съ этой точки зрѣнія, какъ зло, какъ препятствіе къ спасенію. «Женщина, по словамъ одного средневѣковаго учителя церкви, причина зла, начало заблужденія, очагъ грѣха. Она соблазнила мущину въ раю, соблазняетъ его на землѣ и увлечетъ съ собою въ пропасть ада» [4]). Вся опасность женщины обусловливается чувствомъ любви къ ней: «любовь къ женщинѣ, говорилъ тотъ же писатель, это пасть ада, волна моря, которая увлекаетъ насъ на дно пропасти» [5]). Увлеченіе враждою къ міру заходило такъ далеко, что ревностные представители католицизма впадали въ противорѣчіе въ церковью, считая зломъ бракъ, приз-

---

[1]) Ranke. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation, I, 8.

[2]) Leos. De divisione natural IV, 81; Laurent. Etudes sur l'histoire de l'humanité, VIII, p. 312.

[3]) Laurent, VIII, p. 141.

[4]) Hugo de Sancho Victore. De nuptiis 1, 2; Laur., p. 190.

[5]) Ibid., p. 194.

нанный ею таинствомъ. «Бракъ есть зло прежде всего для души, говоритъ Ѳома Аквинскій, потому что нѣтъ ничего болѣе фатальнаго для добродѣтели, какъ супружеская жизнь; бракъ зло также и для тѣла, потому что мужчина въ немъ подчиняется женщинѣ, а это самое тяжелое рабство; наконецъ, человѣкъ, имѣющій жену и дѣтей, долженъ неизбѣжно заниматься житейскими дѣлами, но, по словамъ апостола Павла, невозможно служить Богу вмѣшиваясь въ мірскія заботы» [1]). Человѣкъ долженъ стремиться только къ загробной жизни, все, что удерживаетъ его на этомъ пути, есть зло и грѣхъ. Съ этой точки зрѣнія осуждаетъ науку одинъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ Григорія VII, кардиналъ Даміанъ: «Люди покидаютъ духовныя упражненія, чтобы изучить глупости земной науки. Не значитъ ли это, покинуть чистую невѣсту, чтобы распутствовать съ театральными блудницами?» [2]) Даже забота о здоровьѣ признавалась грѣхомъ представителями аскетизма. Бернардъ Клервосскій прямо заявлялъ, что это свойственно только язычникамъ: «Гиппократъ учитъ сохранять тѣло, Христосъ—губитъ его; кого изъ нихъ вы изберете своимъ руководителемъ?.. Пусть стадо Эпикура заботится о своей плоти; что касается до нашего наставника, то онъ училъ презирать ее» [3]).

Гуманническое движеніе началось съ борьбы противъ средневѣковаго католичества; во имя природы и разума возстало оно противъ монашескаго взгляда на міръ, на жизнь, на человѣка; но оно не было движеніемъ только отрицательнымъ: противъ аскетическихъ идеаловъ было выставлено классическое міросозерцаніе, діаметрально имъ противоположное. Мысль, задавленная церковнымъ авторитетомъ, не находила себѣ выхода, когда классическая цивилизація, внезапно «возродившаяся», показала совершенно иную точку зрѣнія на міръ Божій. Исходъ найденъ—классическая литература открыла новый источникъ идеаловъ; люди, близко познакомившіеся съ нимъ, ощущаютъ какое-то особенное, торжествующее и радостное настроеніе. Эразмъ убѣжденъ въ наступленіи золотаго вѣка; средніе вѣка представляются ему какимъ-то тяжелымъ сномъ; другіе считаютъ пережитой періодъ духовною смертью. Земная жизнь перестаетъ казаться юдолью плача, тяжелымъ временемъ страданій и лишеній во имя будущихъ благъ, неизбѣжнымъ зломъ. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, не имѣвшій постояннаго пристанища, считаетъ жизнь величайшимъ наслажденіемъ [4]). Взглядъ на женщину, на любовь, на бракъ измѣняется. Въ защиту женщинъ написана гуманистами цѣлая литература, одни требуютъ для женщины равенства

---

[1]) Commentar in Epist. 1 ad Corinthios, 7, 1; Laur., p. 194.
[2]) De perfectione monachorum c. 11; Laur., p. 145.
[3]) Laurent, p. 147.
[4]) Ibid., p. 385.

съ мужчиной съ богословской точки зрѣнія, на основаніи библіи, утверждая, что душа мужчины и женщины одинаково божественнаго происхожденія, другіе приходятъ къ тому же выводу, выходя изъ естественно-историческихъ соображеній: мужчина и женщина—одинаковая разновидность одного типа—человѣка. Фиренцуола доказываетъ, что видимое различіе между мужчиной и женщиной объясняется ихъ различнымъ воспитаніемъ; Лоренцо Валла настаивалъ на необходимости улучшенія семейнаго положенія женщины. Идеи эти не остаются безъ приложенія въ жизни: дѣвочкамъ начинаютъ давать одинаковое образованіе съ мальчиками, женщины принимаютъ участіе въ научныхъ занятіяхъ и философскихъ спорахъ гуманистовъ [1]). Столь же рѣзкій поворотъ замѣчается и во взглядѣ на науку. Средневѣковая схоластика, подчиненная теологіи, разсматривала главнымъ образомъ вопросы божественные; доказательства бытія Божія, божественныя свойства, толкованіе священнаго Писанія—таково было содержаніе средневѣковой науки. Теперь объектъ и положенія науки измѣнились: во-первыхъ, она стала вполнѣ самостоятельною областью, порвала всякую связь съ богословіемъ; ученая степень прежде имѣла второстепенное значеніе, теперь знаніе и наука открываютъ широкіе пути человѣку, создаютъ для него такое положеніе, какому позавидовали бы духовная и свѣтская аристократія. Талантъ и ученость считаются единственнымъ правомъ на выдающуюся роль въ обществѣ. Во-вторыхъ, наука измѣнила объектъ изученія. Оставивъ недоступныя человѣческому разуму сферы религіозныхъ догмъ, гуманисты сдѣлали предметомъ своихъ изслѣдованій человѣка и всѣ проявленія человѣческой жизни. Человѣческая мысль и слово, духъ и тѣло, настоящее и прошлое, практическая жизнь и ея потребности—вотъ содержаніе гуманистической науки. Непосредственное чувство наслажденія жизнью сопровождается глубокимъ интересомъ ко всему окружающему; является стремленіе воспользоваться всѣми способностями, развить всѣ таланты. Въ противоположность монашеству, презиравшему трудъ, какъ препятствіе къ религіозному созерцанію и благочестивымъ бичеваніямъ, гуманисты достигаютъ удивительной многосторонности. Леоне Альберти, напр., отличный гимнастъ и наѣздникъ, хорошій математикъ и физикъ, превосходный музыкантъ, юристъ, знаетъ массу ремеслъ, живописецъ, знатокъ искусства и архитектуры, владѣетъ латинскимъ стихомъ, пишетъ хорошей прозой книгу о домашнемъ хозяйствѣ. Внѣшній міръ перестаетъ казаться достояніемъ сатаны; наоборотъ, въ немъ видятъ выраженіе высшей красоты, проявленіе совершеннаго творца. Красивый пейзажъ трогаетъ до слезъ Альберти; почтенный старикъ представляется ему «восторгомъ природы»; наслажденіе красотами природы слу-

[1]) Janitchen, die Geselschaft der Renaissance in Italien, c. III.

жить ему лучшимъ лекарствомъ отъ всѣхъ болѣзней [1]). Человѣкъ признается вѣнцемъ созданія, лучшимъ украшеніемъ прекраснаго міра Божія; чувство человѣческаго достоинства; гордое сознаніе высокаго мѣста въ природѣ замѣняетъ мрачный взглядъ на человѣческую природу, какъ на нѣчто испорченное, безсильное. Пико Мирандольскій въ своемъ сочиненіи «О достоинствѣ человѣка» слѣдующимъ образомъ выражаетъ гуманистическій взглядъ на человѣческую природу. Богъ, только что создавшій Адама, обращается къ нему съ такими словами: «Мы не дали тебѣ, Адамъ, ни постояннаго мѣста, ни спеціальнаго свойства, ни опредѣленнаго, какъ у животныхъ дѣла, чтобы ты, по своему выбору и желанію, могъ занять любое мѣсто, развить любое свойство, избрать какое-угодно дѣло. Ограниченная природа прочихъ существъ повинуется установленнымъ нами законамъ, а ты, не стѣсненный ни какою необходимостью, подчиняешь себѣ по собственной волѣ природу, въ нѣдра которой я тебя поставилъ. Я помѣстилъ тебя въ срединѣ міра, чтобы ты могъ видѣть самое удобное, что есть въ немъ. Я создалъ тебя не небеснымъ, не земнымъ, не смертнымъ, не безсмертнымъ, чтобы ты, какъ самобытный, свободный художникъ-скульпторъ, могъ придать себѣ какую угодно форму. Ты можешь выродиться въ низшее животное и можешь силою своего духа возродиться въ существо благородное, высшее. О высочайшая щедрость Бога Отца, о высочайшее и удивительное счастье человѣка!... При рожденіи Богъ вложилъ ему сѣмена всякой жизни: кто какія воздѣлаетъ, тѣ и возрастутъ и принесутъ въ немъ плодъ свой: если растительныя, то сдѣлается растеніемъ; если животныя—звѣремъ; если разумныя, то будетъ небеснымъ существомъ, если нравственныя—то сдѣлается ангеломъ и сыномъ Божіимъ» [2]). Это возвышенное воззрѣніе на человѣческую природу, на ея силы и способности, служитъ наилучшимъ выраженіемъ характера гуманизма.

II.

Увлеченіе древностью съ поразительною быстротою охватило итальянское общество и выдвинуло на первый планъ гуманистовъ. Памятники классической литературы представлялись въ XIV и XV вѣкахъ новымъ откровеніемъ; для собиранія рукописей древнихъ авторовъ снаряжались цѣлыя экспедиціи; открытіе затеряннаго въ средніе вѣка сочиненія давало поводъ къ торжеству; на долю Поджіо, сдѣлавшаго особенно много такихъ находокъ, выпало болѣе почестей, чѣмъ досталось Колумбу. Распространялись ложные слухи, что въ какомъ нибудь уединенномъ монастырѣ дале-

---

[1]) Burckardt. Die cultur der Renaissance in Italien. I, 168, 169.

[2]) Ibid. II, 98.

каго сѣвера или запада находится тотъ или другой неоткрытый еще памятникъ—вѣрный признакъ, что общество было заинтересовано этимъ дѣломъ. Изученіе древней литературы дѣлается общей страстью: старые и молодые, мужчины и женщины, папы и тираны, купцы и государи, духовные и свѣтскіе, увлекаются классическими языками и литературой. Флорентійскій канцлеръ Салютато 65 лѣтъ принимается за изученіе греческаго языка; Кассандра Фиделе отказывается отъ замужества, чтобы вполнѣ посвятить себя наукѣ; богатый купецъ Никколо Никколи оставляетъ свои занятія, начинаетъ составлять себѣ библіотеку, на которую тратитъ все свое состояніе. Герцогъ Альфонсъ Неаполитанскій никогда не разлучается съ классиками и считаетъ потеряннымъ тотъ день, когда не удастся посвятить нѣсколько часовъ литературѣ. Сигизмундъ Малатеста, тиранъ города Римини, не смотря на всѣ качества истаго тирана, отличался краснорѣчіемъ и былъ весьма свѣдущъ въ философіи и исторіи; не вѣря въ Бога и отрицая безсмертіе души, онъ строитъ храмъ въ честь св. Франциска, чтобы показать свое знакомство съ классической архитектурой. Федериго ди Монтефельтро, предводитель кондотьеровъ, отличный знатокъ греческой и римской литературъ—словомъ, древность сдѣлалась предметомъ общаго вниманія и общаго почтенія. Ее изучаютъ съ энтузіазмомъ средневѣковаго подвижника. Палла Строцци, принужденный бѣжать изъ роднаго города, благословляетъ свое изгнаніе, потому что оно даетъ ему возможность вполнѣ посвятить себя ученымъ занятіямъ; другой поклонникъ древности впродолженіи пяти лѣтъ читалъ одного только Цицерона и далъ обѣтъ не употреблять словъ, не встрѣчающихся въ его произведеніяхъ. Классическій писатель въ глазахъ такихъ поклонниковъ древности занималъ то же мѣсто, какъ христіанскій святой. Альфонсъ Неаполитанскій ходилъ на поклоненіе мѣсту рожденія Овидія и выпросилъ у Венеціи часть руки Ливія [1]).

Энтузіазмъ къ древности создалъ для знатоковъ ея выдающееся положеніе, гуманистъ сдѣлался необходимымъ лицомъ въ государственной, частной и даже церковной жизни. Прежде всего, каждый государь, заботившійся о своей славѣ, долженъ былъ имѣть при дворѣ представителей новаго направленія, потому что только они могли своими произведеніями обезсмертить его имя. Такъ смотрѣли на дѣло не только такіе государи, какъ Альфонсъ Неаполитанскій, но и полуграмотные кондотьеры въ родѣ Франческо Сфорцы, который, не смотря на стѣсненное финансовое положеніе, аккуратно платилъ жалованье Филельеро, потому что боялся, что иначе «онъ не окончитъ превосходнаго сочиненія, начатаго для нашей славы» [2]).

---

[1]) Burgardt. I, 259 und folg.

[2]) Voigt. Die Wiederbelebung des classischen Alterthums, p. 247.

Въ республикахъ высшія государственныя должности поручались гуманистамъ: Флоренція гордилась тѣмъ, что всѣ ея канцлеры были выдающіеся ученые. Распространившійся вкусъ къ классическому языку ввелъ въ обычай сопровождать особенныя событія общественной и частной жизни латинскими рѣчами, составленными по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства и наполненными цитатами изъ древнихъ авторовъ; точно также считалось необходимымъ, чтобы государственныя граматы писались изящною латинскою прозой. Вслѣдствіе этого, присутствіе гуманиста въ посольствѣ и государственной канцеляріи было необходимо; для этой цѣли маленькая республика Сіена содержитъ гуманиста Дати и платитъ ему значительное жалованье въ 350 цехиновъ; кромѣ того, избираетъ ли республика ежегодныхъ магистратовъ, посвящается ли новый епископъ, нанимаетъ ли государство на службу кондотьера, гуманистъ произноситъ приличную случаю рѣчь. Въ домашней жизни для произнесенія рѣчи въ день рожденія, на крестинахъ, на свадьбѣ, на похоронахъ богатые люди приглашаютъ литературную знаменитость, а кто по-бѣднѣе—ученика. Даже церковь заражается общею модой: на церковныхъ празднествахъ произносятся проповѣди въ классическомъ духѣ, причемъ прославляемый святой именуется deus, папа — pontifex maximus, а монахини — vestales. Если нѣтъ подходящаго священника, проповѣдь произноситъ свѣтскій, и это никого не шокируетъ. Такъ, Эней Сильвій, еще непосвященный въ духовный санъ, произнесъ съ церковной каѳедры поученіе въ присутствіи отцевъ Базельскаго собора [1]).

Такимъ образомъ создалась свѣтская интеллигенція, классъ людей, неизвѣстный въ средніе вѣка; между членами ученой республики образовалась новая связь—наука и талантъ, которые открывали имъ широкую дорогу. Въ средніе вѣка общественное положеніе человѣка обусловливалось его рожденіемъ, сословныя неравенства сглаживались только церковью, въ которой человѣкъ низкаго происхожденія могъ достигнуть высокихъ степеней; въ XIV столѣтіи ея роль взяла на себя наука. Гуманисты считаютъ несправедливостью принципъ, лежащій въ основаніи родовой аристократіи. Знатность, по ихъ мнѣнію, должна обусловливаться не происхожденіемъ, а заслугами: Сократъ былъ сынъ ремесленника, а родители Демосѳена и Эврипида—неизвѣстны. Въ діалогѣ «о дворянствѣ» Поджіо рѣзко возстаетъ противъ знати. «Всякій человѣкъ тѣмъ болѣе далекъ отъ истиннаго благородства, говоритъ онъ, чѣмъ дольше его предки оставались смѣлыми злодѣями. Страсть къ соколиной и всякой другой охотѣ не болѣе пахнетъ благородствомъ, чѣмъ гнѣзда извѣстныхъ животныхъ бальзамомъ. Обработка земли, которой занимались древніе, была болѣе

[1]) Burckhardt. I, 276.

благородна, чѣмъ это безмысленное скаканье по горамъ и лѣсамъ, болѣе всего напоминающее звѣрей» [1]).

Сословіе гуманистовъ явилось руководителемъ общественнаго мнѣнія, силы могущественной въ наше время и неизвѣстной ранѣе XIV-го вѣка. Представители новаго направленія достигли первенствующаго положенія въ обществѣ: имъ покровительствовала церковь, въ нихъ заискивали частные люди, имъ льстили государи, поэтому ихъ голосъ былъ вліятеленъ и ихъ неодобреніе опасно. Нападенія гуманистовъ боялись больше, чѣмъ солдатъ непріятеля и ожидали безсмертія скорѣе отъ ихъ похвалъ, чѣмъ отъ своихъ подвиговъ. Карлъ Малатеста при взятіи Мантуи низвергъ статую Виргилія; это вызвало сильное негодованіе гуманистовъ, они направили противъ него цѣлый рядъ памфлетовъ, и суровый побѣдитель долженъ былъ снова возстановить разрушенную статую [2]).

Эта новая сила, на глазахъ церкви достигшая значительнаго могущества и пріобрѣвшая обширное вліяніе, вступила въ борьбу съ католицизмомъ; гуманисты начали дѣло освобожденія жизни отъ оковъ папства, прежде всего была секуляризирована наука. Первый представитель гуманистическаго движенія, Петрарка, написалъ цѣлый рядъ сочиненій, направленныхъ противъ средневѣковой схоластики. Онъ упрекалъ прежнихъ ученыхъ за то, что они игнорируютъ человѣка, его внутренній міръ: историкъ описываетъ дѣянія королей, но не можетъ дать отчета въ своемъ существованіи, математикъ все измѣряетъ, но не знаетъ силъ своего духа, музыканты умѣютъ отличать всевозможные тоны, но не ищутъ гармоніи въ своихъ дѣйствіяхъ; астрономы изучаютъ затмѣнія луны и солнца, но не знаютъ измѣненія своего духа и т. д. Противъ астрологіи Петрарка возставалъ во имя здраваго смысла, противъ медицины—во имя требованій природы. Особенно ложнымъ представляется ему направленіе средневѣковой философіи; по его мнѣнію, философы — это глупцы, которые занимаются нелѣпой болтовней, вращаются въ области такъ называемыхъ понятій, т. е. пустыхъ словъ. Не такова истинная философія: предметомъ ея должна быть жизнь и внутренній міръ человѣка, а цѣлью—нравственное совершенство [3]). Правда, подъ вліяніемъ исключительнаго интереса къ древности у гуманистовъ образовалась своего рода схоластика. Если прежде рѣшали вопросы о количествѣ ангеловъ, которыхъ можно помѣстить на концѣ иголки, то теперь спорили о томъ, какъ звали мать Андромахи. Но противъ этого увлеченія раздавались голоса самихъ гуманистовъ. Пико Мирандольскій ясно понимаетъ истинныя научныя стремленія и умѣетъ цѣнить заслуги

---

[1]) Burckhardt. II, 105.
[2]) Ibid. I, 175.
[3]) Voigt. 37—45.

даже схоластиковъ. «Мы будемъ вѣчно жить, говоритъ онъ, не въ школахъ буквоѣдовъ, но въ кругу мудрецовъ, гдѣ спорятъ не о матери Андромахи, не о сыновьяхъ Ніобы, но о глубочайшихъ основаніяхъ божественныхъ и человѣческихъ вещей. Подойдя ближе, всякій замѣтитъ, что и варвары имѣютъ духъ не на языкѣ только, но и въ сердцѣ» [1]). Освобожденіе науки касалось не только ея содержанія. Съ XIV-го столѣтія научное образованіе начинаетъ распространяться въ обществѣ, тогда какъ раньше оно составляло исключительное достояніе духовенства. Этому перевороту въ значительной степени содѣйствовала педагогическая дѣятельность гуманистовъ, къ которой они чувствовали большое призваніе. Наиболѣе знаменитые изъ нихъ были постоянно окружены толпою учениковъ. Никколо Никколи первый дѣлаетъ свою библіотеку публичной, каждый можетъ приходить туда и пользоваться не только книгами, но руководствомъ и указаніями ученаго хозяина [2]). Нѣкоторые изъ представителей новаго направленія переходили изъ одного города въ другой и всюду открывали публичные курсы классическихъ языковъ и литературы. Джіованни да-Равенна, напримѣръ, читалъ лекціи въ Падуѣ, Флоренціи и Венеціи и образовалъ цѣлую школу послѣдователей [3]). Другіе открывали постоянныя школы, которыя становились разсадниками просвѣщенія не только для Италіи, но и для другихъ государствъ. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи Витторино да-Фельтре; подобно своему учителю Джіованни да-Равенна, онъ нѣкоторое время былъ странствующимъ педагогомъ, а потомъ основалъ въ Мантуѣ постоянную школу. Характеръ и направленіе его школы шли совершенно въ разрѣзъ съ средневѣковой педагогикой, педагогъ-гуманистъ назвалъ свое училище casa diacosa и тщательно избѣгалъ суровыхъ мѣръ, любимаго воспитательнаго средства учителей-монаховъ. Въ основу своей системы онъ положилъ классическіе языки, но это была только подготовительная работа: средніе курсы изучали Виргилія и Гомера, Цицерона и Демосѳена, высшіе—Платона и Аристотеля. Школа давала такимъ образомъ не только формальное образованіе: классическіе авторы вводили юношество въ самую античную жизнь, открывали передъ нимъ сокровища древней мудрости. Кромѣ того, Витторино, самъ глубоко проникнутый классическимъ духомъ, стремился къ гармоническому развитію своихъ учениковъ: онъ развивалъ не только умъ, но и чувство, не только духъ, но и тѣло; въ его школѣ, на ряду съ наукой, преподавались живопись и музыка, танцы и верховая ѣзда [4]). Стремленіе къ божественной всесторонности, характеризующее эпоху Возрожденія, сказалось и въ школѣ.

[1]) Burckhardt. I, 245.
[2]) Voigt. 157.
[3]) Ibid. p. 127.
[4]) Ibid. p. 251 und folg.

Сообразно съ новыми воззрѣніями, измѣнилась и форма изложенія: тяжелая, туманная и неправильная средневѣковая латынь была замѣнена изящной простотой классической рѣчи. Такая перемѣна способствовала распространенію науки, которая теперь изъ тѣсныхъ стѣнъ монастыря и школы перешла въ роскошные дворцы и палаты государей и аристократіи, въ изящные салоны знатныхъ дамъ и въ скромные дома представителей третьяго сословія. Первый шагъ расширенія научнаго образованія былъ сдѣланъ: научныя занятія заинтересовали общество, сдѣлались доступны верхнимъ и среднимъ слоямъ его; реформація, положившая основаніе народной школѣ, довершила остальное.

Гуманисты совершили свое дѣло: они создали свѣтскую интеллигенцію и общественное мнѣніе, освободили личность и лучшее ея достояніе—разумъ отъ оковъ католицизма, секуляризировали мысль, науку и школу—въ этомъ заключается культурное значеніе этого движенія. «Все образованіе настоящаго и будущихъ временъ, говоритъ Гейгеръ въ обработкѣ книги Буркгардта, основано на томъ, что произошло это событіе» [1]). Значительная доля этой заслуги принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, Италіи, на почвѣ которой началось движеніе. Но на судьбу итальянскаго гуманизма особенно вредно вліяли два условія: отношеніе къ католицизму и положеніе при дворахъ итальянскихъ государей. Вслѣдствіе этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, итальянскимъ гуманистамъ не удалось примирить классическую цивилизацію съ христіанствомъ и сохранить нравственную твердость и чистоту.

III.

Классическіе идеалы, съ которыми познакомились гуманисты въ произведеніяхъ древнихъ авторовъ, произвели на умы столь сильное впечатлѣніе, что явилась мысль о полной реставраціи древности. Классическій міръ казался такъ безупречно хорошъ, что вся современность не могла выдержать съ нимъ никакого сравненія. Отсюда недовольство формами роднаго быта, роднымъ языкомъ и родной вѣрою и стремленіе замѣнить все это соотвѣтствующими сторонами античной жизни. Петрарка мечтаетъ уже о возстановленіи въ Римѣ древней республики; Кола ди Ріенси, который самъ воображалъ себя Брутомъ, кажется ему Ромуломъ, Камилломъ; онъ даетъ католическому міру древнее устройство: тогда «общество измѣнится, наступитъ золотой вѣкъ, земной кругъ приметъ новый видъ» [2]). Когда эти фантазіи рушились, когда гума-

---

[1]) Burckhardt. I, 314.

[2]) Voigt, p. 33.

нисты увидѣли, что прежняя роль ихъ родины окончена навсегда, наступило полное равнодушіе. Политическія воззрѣнія или почерпались изъ классическихъ авторовъ, проповѣдовалось, напримѣръ, убійство тиранновъ, или говорили совершенно противоположное, если это было удобнѣе: рядомъ съ преклоненіемъ передъ Брутомъ стояло ученіе Макіавелли, выраженное имъ въ книгѣ de Principe. Переходы гуманистовъ отъ одного князя къ другому, смотря по количеству жалованья и другимъ выгодамъ, содѣйствовали развитію политическаго индифферентизма. Ученіе — ubi bene, ibi patria est было прямо формулировано. «Наиболѣе мудрый, говоритъ гуманистъ Петръ Алкіоній (Alcyonius), считаетъ весь земной кругъ однимъ государствомъ и истинною родиною признаетъ ту страну, которая приметъ его во время странствія, которая почитаетъ честность, совѣсть и добродѣтель, которая покровительствуетъ высшимъ занятіямъ и свободнымъ наукамъ, которая позволяетъ всѣмъ чужеземцамъ занимать достойное положеніе и пользоваться славой своей извѣстности» [1]). Результатомъ такого настроенія была оторванность отъ почвы, оторванность, особенно сильно проявившаяся въ отношеніи къ родному языку. Популярности Данте особенно вредило въ глазахъ гуманистовъ то обстоятельство, что его великая поэма была написана на народномъ языкѣ. Вслѣдствіе этого, Петрарка считаетъ Данте недостойнымъ зависти; онъ не желаетъ себѣ популярности среди «прачекъ, шинкарей и поденщиковъ»; онъ съ пренебреженіемъ смотритъ на свои сонеты къ Лаурѣ, доставившіе ему безсмертіе. Точно также относится Боккачіо къ своимъ новелламъ.

Но равнодушіе къ родному быту и пренебреженіе къ итальянскому языку исчезли вмѣстѣ съ крайностями увлеченія классическимъ міромъ. Въ XV и XVI столѣтія гуманисты сдѣлались такими же патріотами, какъ ихъ противники, и начали писать на родномъ языкѣ. Гораздо сильнѣе столкнулись два міросозерцанія, античное и средневѣковое, въ области религіи; здѣсь контрасты были гораздо рѣзче, примиреніе значительно труднѣе. Съ перваго взгляда казалось необходимымъ отказаться или отъ Зевса, или отъ Христа; но то и другое было слишкомъ трудно. Увлеченіе древностью было слишкомъ сильно, поэтическіе образы греческой миѳологіи были слишкомъ привлекательны, чтобы холодно отвергнуть весь Олимпъ. Съ другой стороны, гуманисты не могли отрицать глубины и прочности христіанства, пустившаго крѣпкіе корни въ обществѣ, не могли думать объ успѣшномъ возвращеніи христіанской Европы къ классическому язычеству. Отсюда цѣлый рядъ попытокъ къ примиренію если не двухъ религій, то, по крайней мѣрѣ, двухъ религіозныхъ міросозерцаній; но всѣ эти попытки оказались безплодными на католической почвѣ. Нѣкоторые изъ послѣдователей но-

[1]) Burckardt. I, 197.

ваго направленія съумѣли остаться благочестивыми католиками: таковы были Траверзари и папа Николай V; но они только интересовались древностью, а не были проникнуты ею; они были гуманисты, собиратели и ученые, а не мыслители и философы. Болѣе впечатлительныя и глубокія натуры стремились примирить противоположности классической философіи и средневѣковаго богословія; этимъ были заняты Салютато и Альберти, такую цѣль поставила себѣ Флорентійская академія съ Марсиліемъ Фициномъ во главѣ. «Марсилій задумалъ составить книгу Платонова богословія, очень близко подходившаго къ язычеству, и сдѣлать доступными для народа Орфеевы гимны и жертвоприношенія», говоритъ его біографъ Корси: «но потомъ, измѣнивъ это намѣреніе, приспособилъ Платонову теологію къ христіанскимъ обрядамъ» [1]). Попытка поганизировать христіанство не имѣла и не могла имѣть успѣха, самъ Марсилій понялъ, что его проектъ привелъ бы къ чисто внѣшнему смѣшенію различныхъ обрядовъ. Для примиренія представлялся иной путь: нужно было реформировать католицизмъ, ту форму христіанства, въ которой его знали въ средніе вѣка, и ввести въ христіанское міросозерцаніе новые идеалы. Папство было слишкомъ, узко, исключительно и нетерпимо, чтобы произвести такую реформу, въ самомъ итальянскомъ обществѣ было слабо религіозное чувство, которое было необходимо для переворота. Новыя потребности и стремленія вошли въ христіанское міросозерцаніе, когда религія стала пониматься глубже, когда ея сущностью признали не внѣшнія обрядности, какъ въ католичествѣ, а внутреннее настроеніе. Такой переворотъ произошелъ позже въ XVI вѣкѣ и не въ Италіи, а въ Германіи. Марсилій Фицинъ понималъ эти препятствія и высказалъ иной взглядъ на религію. «Зародышъ добра и истины составляютъ зерно всякой религіи, говорилъ онъ: разница въ обрядахъ не противна Богу» [2]). Но для большинства гуманистовъ неудачныя попытки въ области религіи привели къ тѣмъ же результатамъ, какъ и въ политикѣ: къ индифферрентизму или отрицанію. Для Л. Валлы было совершенно все равно, во что вѣровать и что считать истиннымъ въ религіи. Онъ пишетъ цѣлый рядъ изслѣдованій и памфлетовъ противъ папы, потому что это угодно его покровителю; а потомъ съ легкимъ сердцемъ отвѣчаетъ на обвиненія инквизиціи, что онъ «вѣруетъ, какъ учитъ мать церковь» [3]). Кардиналъ Бембо считаетъ «изученіе священнаго Писанія ребячествомъ, неприличнымъ для серьезнаго человѣка», а папа Левъ X, называлъ все христіанство «доходной басней». Иные изъ сравненія язычества съ христіанствомъ вывели заключеніе, что основанія

[1]) Janitshek, p. 102, 104.
[2]) Ibid. p. 19.
[3]) Voigt, p. 226.

истинности одинаковы для обѣихъ религій. Къ такому убѣжденію пришла римская академія, членовъ которой называли атеистами и циниками. Но самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что подобнаго рода религіозныя и политическія воззрѣнія не вытекали изъ сущности гуманизма, служатъ представители этого направленія въ Германіи. Эразмъ съ любовью занимался изученіемъ священнаго писанія, заслуги Меланхтона въ дѣлѣ реформаціи даютъ ему право на первое мѣсто послѣ Лютера. Точно также едвали можетъ быть подвергнута сомнѣнію глубокая любовь Ульриха фонъ-Гуттена къ нѣмецкой націи; другой гуманистъ Вимпфелингъ произвелъ цѣлый рядъ историческихъ изслѣдованій о прошломъ своего народа, и по всѣмъ его произведеніямъ проходитъ одна черта — любовь къ родинѣ. Идея національнаго объединенія Германіи, наконецъ, твердо и настоятельно была формулирована гуманистами.

Неудачныя попытки примирить новыя философскія и политическія воззрѣнія съ дѣйствительностью привели нетолько къ политическому и религіозному индифферентизму, но и къ пониженію нравственнаго уровня итальянскихъ гуманистовъ. Средневѣковая мораль, тѣсно связанная съ аскетизмомъ, потеряла кредитъ; этическія системы классическаго міра не представляли одного цѣлаго; писатели временъ римской имперіи, съ которыми наиболѣе были знакомы гуманисты, не могли имѣть благотворнаго вліянія на нравственность. Ко всему этому присоединилось положеніе, которое гуманисты занимали при дворахъ: на ихъ обязанности лежало во что бы то ни стало прославлять меценатовъ. Они готовы были сдѣлаться «трубою славы» всякаго, кто могъ платить имъ хорошее жалованье. Изъ-за выгодъ они были готовы расточать какую угодно лесть; одинъ гуманистъ сложилъ молитву въ честь Льва X-го, въ которой называлъ папу божествомъ (numen). Деньги и чувственныя наслажденія—постоянная цѣль ихъ стремленій; ради нея они готовы на все. Филельеро, будучи совершеннымъ атеистомъ, всякій разъ, какъ терялъ жену (а это случилось съ нимъ 3 раза), обращался къ папѣ съ просьбою о кардинальской шляпѣ и, получивъ отказъ, немедленно вступалъ снова въ бракъ. Жадность къ деньгамъ составляетъ также характерную черту этого типичнаго гуманиста: онъ вѣчно недоволенъ своимъ положеніемъ; имѣя 6 лошадей въ конюшнѣ и цѣлый штатъ прислуги, онъ жалуется на бѣдность и проситъ вспомоществованія [1]). Семейныя добродѣтели стояли у гуманистовъ на одномъ уровнѣ съ безкорыстіемъ. Чтобы не распространяться объ этомъ предметѣ, стоитъ припомнить только «Декамеронъ» Боккачіо, новеллы Сакетти и цѣлой массы ихъ подражателей. Если содержаніе этихъ произведеній, безцеремонность описаній и разсказовъ еще можно объяснить особенностію понятій

---

[1]) Voigt, p. 248.

того времени о приличіяхъ, то тонъ новеллъ, отношеніе автора къ сюжету ясно показываетъ, что уровень семейной нравственности былъ весьма низокъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ имѣла извѣстное значеніе реакція противъ аскетизма, когда, по выраженію Маколея, хвастаются пороками, противоположными добродѣтелямъ противниковъ; играло извѣстную роль и крайнее увлеченіе древностью: Бекаделли въ своемъ сочиненіи «Гермафродитъ» изобразилъ прелести классическаго порока, и престарѣлые отцы семействъ, навѣрное чуждые этой грязи, восхищались ею,—тѣмъ не менѣе, въ общемъ, упадокъ морали несомнѣненъ. Чувственныя удовольствія, столь высоко цѣнимыя гуманистами въ жизни, нашли и въ теоріи талантливаго защитника въ лицѣ Л. Валлы, который въ своемъ сочиненіи «О чувственномъ удовольствіи» защищалъ моральныя доктрины эпикурейцевъ.

На ряду съ жаждою выгодъ и удовольствій гуманисты отличались крайнимъ честолюбіемъ. Эта черта, характерная для движенія, особенно развилась подъ вліяніемъ древности. Въ средніе вѣка, когда главное вниманіе обращено было на загробную жизнь, человѣческая слава считалась большею «суетою суетъ», чѣмъ власть и богатство; любовь къ славѣ шла въ разрѣзъ съ аскетическимъ идеаломъ еще и потому, что она противорѣчила чувству христіанскаго смиренія. Но когда гуманисты познакомились съ классической литературой, они нашли въ ней совершенно иное отношеніе къ славѣ: лучшіе умы древняго міра считали честолюбіе сильнымъ и законнымъ стимуломъ къ добродѣтели. Такое воззрѣніе было принято и гуманизмомъ. Уже Петрарка заявлялъ, что «цѣль его трудовъ слава и честь безсмертнаго имени» [1]. Въ XVI вѣкѣ Гуиччардини признавалъ единственно важнымъ и прочнымъ этотъ стимулъ человѣческой дѣятельности. «Кто высоко ставитъ честь, говоритъ онъ, тому удается все, потому что онъ не боится ни труда, ни издержекъ, ни опасности. Я испыталъ это на себѣ и смѣло могу письменно утверждать, что суетны и мертвы тѣ дѣйствія людей, которыя не вызваны этимъ сильнымъ побужденіемъ» [2]. Стремясь къ славѣ, гуманисты были убѣждены, что литературная дѣятельность составляетъ самый вѣрный путь къ ней; поэтому всѣ они считали себя безсмертными. Мало того, ихъ произведенія должны были прославить въ потомствѣ не только имена авторовъ, но также и тѣхъ лицъ, которыя воспѣвались въ поэмѣ или которымъ было посвящено сочиненіе. Филельеро глубоко убѣжденъ, что его латинское стихотвореніе, посвященное дѣяніямъ Сфорцы, прославитъ тиранна; Поджіо, обращаясь къ одному изъ своихъ покровителей, говоритъ: «вѣрь мнѣ, что нѣтъ славы, продолжитель-

---

[1]) Voigt, p. 72.

[2]) Burckhardt. II, 203.

нѣе той, которую передаютъ потомству произведенія писателей. Одни они только доставляютъ „безсмертіе». И этому вѣрили. За посвященіе книги автора возводили въ рыцарское достоинство, жаловали помѣстья, платили огромныя суммы, дѣлали цѣнные подарки. «Ваше произведеніе нельзя оплатить, говорилъ Альфонсъ Аррагонскій одному изъ гуманистовъ, хотя бы я вамъ отдалъ за него одинъ изъ моихъ лучшихъ городовъ» [1]). Вслѣдствіе такихъ отношеній меценатовъ къ покровительствуемымъ, гордость тщеславіе и самохвальство гуманистовъ не знали предѣловъ. «Мое имя въ устахъ всѣхъ, пишетъ Филельеро; первые сановники республики, самыя знатныя женщины уступаютъ мнѣ дорогу. Мнѣ почти стыдно отъ всеобщаго передо мной смиренія. У меня ежедневно болѣе 400 слушателей, по большей части знатныхъ людей высшаго сословія. Первые сановники государства не имѣютъ болѣе вліянія, чѣмъ я» [2]).

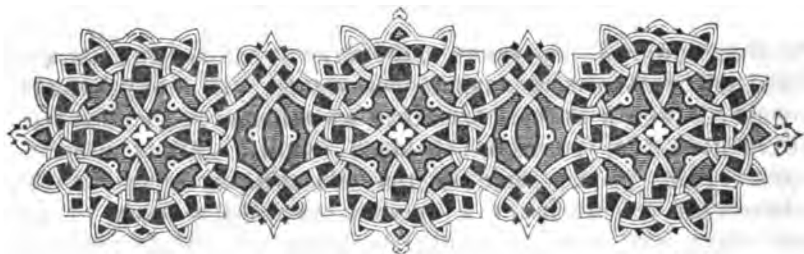
Но безсмертіе оказалось непрочнымъ, почести недолговременными. Общественное настроеніе измѣнилось; увлеченіе древностью улеглось; на сѣверѣ началось движеніе, привлекшее къ себѣ общее вниманіе; въ обществѣ религіозный взрывъ, характеризующій реформацію, нашелъ отголосокъ; итальянскія войны Карла V-го и Франциска I-го пробудили мѣстный патріотизмъ. Гуманисты, чуждые такихъ интересовъ, отступили на задній планъ; отношенія къ нимъ меценатовъ измѣнились, и они потеряли прежній вѣсъ и значеніе. Въ XVI вѣкѣ гуманизмъ въ тѣсномъ смыслѣ слова падаетъ; умственное движеніе, сохраняя существенныя черты возрожденія, измѣняется: поэты пишутъ на родномъ языкѣ и пытаются на родной почвѣ возсоздать классическую литературу; они не подражаютъ древнимъ авторамъ, но творятъ въ ихъ духѣ; культъ славы прочен, но ея ищутъ не только у поэтовъ и писателей; религіозное чувство проснулось и католицизмъ не удовлетворялъ его, но реформаціонное воодушевленіе чуждо итальянской интеллигенціи; протестантизмъ для нея еще ересь, мало извѣстная, мало понятная, мораль не нашла еще прочнаго основанія: древній міръ не удовлетворялъ, католицизмъ оскорблялъ нравственное чувство. Отсюда постоянныя колебанія, мучительныя сомнѣнія, доводившія людей впечатлительныхъ до отчаянія, почти до сумасшествія. Лучшимъ выразителемъ такого настроенія является Торквато Тассо.

М. Корелинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Burckhardt. I p. 267.
[2]) Laurent. VIII, 390.

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

The Statistical Abstract for the Colonies and other possessions of the United Kingdom. London 1883 (Статистическій перечень колоній и другихъ владѣній Великобританіи. Лондонъ. 1883 г.).

ОЗНАЧЕННОЕ изданіе отличается достовѣрностью данныхъ, сообщаемыхъ имъ о колоніяхъ и другихъ владѣніяхъ Великобританіи. Эти колоніи и владѣнія занимаютъ собою поверхность въ 7.917,000 квадр. миль (англійскихъ), слѣдовательно, слишкомъ вдвое болѣе поверхности всей Европы и въ 65 разъ болѣе своей метрополіи, Великобританіи; Сѣверо-американскія ея владѣнія занимаютъ поверхность въ 3.500,000 квадр. миль; Австралія 3.000,000 квадр. миль; Остъ-Индія, за исключеніемъ вассальныхъ государствъ, 900,000 квадр. миль; владѣнія на мысѣ Доброй Надежды 222,000 квадр. мили. Во всѣхъ владѣніяхъ Великобританіи считалось, въ 1881 году, населенія 217.695,000 душъ, но это населеніе распредѣлено крайне неравномѣрно. Такъ, въ Остъ-Индіи въ сложности приходится на квадратную милю 225 человѣкъ, въ Сѣверной же Америкѣ только 1,3 человѣка, а въ Австраліи даже менѣе одного человѣка (0,9) на квадратную милю. Англійскія колоніи прогрессивно процвѣтаютъ въ своемъ благоденствіи. Въ 1871 году доходы ихъ простирались на 70.457,000 фунт. стерл. (704.570,000 руб. кред.), а въ 1881 году они возрасли до суммы 110.122,000 фунт. стерл. (1.101.220.000 руб. кред.), причемъ доходы Остъ-Индіи увеличились съ 53.600,000 фунт. стерл. на 75.300,000 фунт. стерл.,

доходы Австраліи съ 9.600,000 на 20.600,000 фунт. стерл., а мыса Доброй Надежды съ 1.160,000 на 5.620,000 фунт. стерл. Но и расходы этихъ владѣній также увеличились, а именно съ 69.878,000 фунт. стерл. (698.780,000 руб. кред.), въ 1871 году, на 114.182,000 фунт. стерл. (1.141.820,000 руб. кред.) въ 1882 году. Въ этотъ десятилѣтній періодъ долгъ этихъ владѣній сильно возросъ, потому что значительныя суммы были употреблены колоніальными правительствами на разныя общеполезныя сооруженія. Такъ, въ 1871 году долгъ всѣхъ колоній равнялся суммѣ 176.800,000 фунт. стерл. (1.768.000,000 руб. кред.), а въ 1881 году 306.400,000 фунт. стерл. (3.064.000.000 руб. кред.), причемъ долгъ Остъ-Индіи съ 117.500,000 фунт. стерл. увеличился на 160.300,000 фунт. стерл., Австраліи съ 39.000,000 на 96.000,000 фунт. стерл., а Канады съ 16.500,000 на 32.600,000 фунт. стерл. Займы на эти суммы были почти исключительно реализованы въ самой Англіи, гдѣ колоніальные фонды пользуются большимъ уваженіемъ. Привозная торговля всѣхъ англійскихъ колоній и владѣній въ 1871 году простиралась на сумму 128.663,000 фунт. стерл. (1.286·630,000 руб. кред.), а въ 1881 году на 208.880,000 фунт. стерл. (2.088.800,000 руб. кред.), или увеличилась на 62 процента. Вывозная торговля въ тотъ же періодъ времени возросла на 36 процентовъ, или съ 147.167,000 фунт. стерл. (1.471.670,000 руб. кред.) на 200.379,000 фунт. стерл. (2.003.790,000 руб. кред.). Вывозъ изъ Великобританіи въ ея колоніи въ тотъ же десятилѣтній періодъ увеличился на 43 процента, а привозъ изъ колоній въ метрополію на 25 процентовъ. Замѣчательно, что въ этомъ торговомъ движеніи наибольшее участіе принимаетъ англійскій коммерческій флотъ, а именно количество тоннъ всѣхъ судовъ, перевозившихъ грузы, возросло на 87 процентовъ, съ 33.632,000 тоннъ въ 1871 году, на 62.842,000 тоннъ въ 1881 году, въ томъ числѣ однихъ англійскихъ судовъ на 148 процентовъ, съ 20.220,000 тоннъ въ 1871 году, на 50.285,029 тоннъ въ 1881 году. Такимъ образомъ, колоніальная торговля служитъ однимъ изъ главныхъ условій развитія англійскаго торговаго флота.

Къ этимъ любопытнымъ цифрамъ можно присовокупить данныя за 1882 годъ, обнародованныя въ «Австралійскомъ коммерческомъ обозрѣніи» («Australasian Trade Review»), о нѣкоторыхъ владѣніяхъ Австраліи, именно Викторіи, Новаго Южнаго Уэльса, Новой Зеландіи, Южной Австраліи и Тасманіи. Населеніе въ нихъ, въ 1882 году, составляло 2.577,627 душъ, привозъ товаровъ въ 1882 году равнялся 56.887,096 фунт. стерл., въ 1881 году 48.240,099 фунт. стерл.; вывозъ въ 1882 году 46.401,004 фунт. стерл., въ 1881 году 44.325,806 фунт. стерл.

Вышеприведенныя цифры получаютъ своего рода освѣщеніе, если припомнить вновь возникшее въ послѣдніе мѣсяцы стремленіе въ Англіи и Франціи къ увеличенію своихъ колоніальныхъ

владѣній. Правленіе австралійской колоніи Квинслендъ заняло островъ Новую-Гвинею, величиною равную почти Франціи, а республиканское правительство послѣдней простираетъ свои замыслы на Тонкинъ и Мадагаскаръ, и, повидимому, прочно утверждается въ Тухлуѣ. Дѣйствительно, трудно было предсказать англійскимъ мѣстамъ ссылки преступниковъ въ Австраліи, что они менѣе чѣмъ въ столѣтіе достигнутъ нынѣшняго своего благосостоянія и будутъ имѣть ежегодный оборотъ по привозной и вывозной торговлѣ въ 4 милліарда рублей.

П. У.

Methods of Social Reform, and other Papers. By W. Stanley Jevons. London 1883 (Системы соціальной реформы и другія статьи, Станли Дживонса. Лондонъ. 1883 г.).

Профессоръ Дживонсъ пріобрѣлъ себѣ лестную извѣстность въ Англіи своими сужденіями и изслѣдованіями по современнымъ соціальнымъ вопросамъ. Вышедшая нынѣ книга издана послѣ его смерти и представляетъ сборникъ его статей, напечатанныхъ въ разное время. Только изслѣдованіе его «О пользѣ музеевъ и о злоупотребленіи ими» явилось нынѣ въ свѣтъ въ первый разъ. Дживонсъ принадлежалъ къ старательнымъ и проницательнымъ наблюдателямъ современныхъ явленій жизни, пытавшихся достигнуть разрѣшенія трудныхъ промышленныхъ и соціальныхъ задачъ примѣненіемъ къ нимъ научныхъ началъ политической экономіи и логики. Во многихъ его трудахъ выливается сердечная натура этого высоко образованнаго ума, ученаго и музыканта, страстно желавшаго достигнуть улучшенія жизненныхъ условій для народа. Въ вышедшемъ нынѣ сборникѣ его трудовъ помѣщены: «Увеселенія народа», «Рабочія общества, ихъ цѣли и образъ дѣйствія», «Обсужденіе вопроса о даровыхъ библіотекахъ», «Основанное на опытѣ законодательство и торговля спиртными напитками», «Объ употребленіи на работы на фабрикахъ замужнихъ женщинъ», «Желѣзныя дороги и государство», «Промышленныя товарищества». Несмотря на различіе условій государственнаго и экономическаго строя Россіи и Англіи, многія изъ изслѣдованій Дживонса могутъ быть съ пользою примѣнены и къ нашимъ условіямъ, потому что въ нихъ заключается рядъ замѣчательныхъ мыслей, логически выведенныхъ и доказанныхъ. Дживонсъ доказываетъ, что законодательство, ограничивающее употребленіе въ работу на фабрикахъ беременныхъ женщинъ или матерей юныхъ дѣтей, не составляетъ ненужнаго вмѣшательства въ свободу найма или контрактовъ. Онъ также возстаетъ противъ мысли, что «цѣны и заработная плата должны быть предметомъ законодательнаго распоряженія». Дживонсъ

вонсъ признаетъ необходимостью, чтобы почта и телеграфы находились въ рукахъ государства, но отрицаетъ эту необходимость для желѣзныхъ дорогъ, вопреки мысли, вкореняющейся въ этомъ отношеніи въ другихъ странахъ и которая съ успѣхомъ осуществляется Бисмаркомъ въ Пруссіи.

По нашему мнѣнію, не мѣшало бы трудъ Дживонса издать въ русскомъ переводѣ.

П. У.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія русскаго генеральнаго штаба. Составилъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Н. П. Глиноецкій. Томъ I. 1698—1825 гг. Спб. 1883 г.

ДВАДЦАТЬ шестого ноября 1882 года наша Николаевская Академія Генеральнаго Штаба праздновала юбилей своей полувѣковой дѣятельности. Къ этому времени авторомъ лежащей передъ нами «Исторіи русскаго генеральнаго штаба» Н. П. Глиноецкимъ, была составлена подробная исторія этого высшаго военно-учебнаго заведенія въ Россіи. Такъ какъ эта частная исторія учебнаго заведенія, учениками которой по преимуществу комплектовался корпусъ офицеровъ генеральнаго штаба, весьма близко совпадала съ новой исторіей развитія и образованія генеральнаго штаба, какъ боевого учрежденія, то нынѣ г. Глиноецкому пришлось ограничить свои историческія изслѣдованія, такъ-сказать, только древнимъ періодомъ исторіи этого учрежденія, т. е. отъ появленія у насъ первыхъ квартирмейстеровъ при Петрѣ I до совершенно особой организаціи генеральнаго штаба, приданной ему императоромъ Николаемъ I. Охватывая весь XVIII вѣкъ, со всѣми его историческими особенностями, исторія г. Глиноецкаго, хотя и касается, повидимому, весьма частнаго факта—боевого устройства русской арміи, но попутно сообщаетъ цѣлую массу фактовъ изъ сферы служенія, которые, взятые вмѣстѣ, весьма рельефно очерчиваютъ больныя мѣста нашего стараго, а исторически — объясняютъ кое-что и въ порядкахъ новой службы.

Одною изъ такихъ крайне характерныхъ чертъ надо признать попытки выписываемыхъ изъ заграницы «нѣмцевъ» ввести къ намъ прочные, на законѣ основанные, порядки службы,—попытки, послѣдовательно разбивавшіеся о природное самодурство то того, то другого властнаго славянина. Такъ, въ самомъ началѣ образованія у насъ должности постоянныхъ квартирмейсте-

ровъ, по проекту нѣмца Вейде, съ одобренія графа Б. П. Шереметева, въ 1698 году, мы черезъ 10 лѣтъ уже встрѣчаемся съ фактомъ, что тотъ же Шереметевъ, вмѣстѣ «съ генералъ-квартирмейстеромъ и инженерами», употреблялъ для развѣдыванія путей также своего деньщика Елку. Каково было начало, таково и продолженіе, и потому къ концу вѣка мы ясно видимъ, что какъ ни старались организовать квартирмейстерскую часть нѣмцы Вейде, Минихъ, Эльмптъ, Бауръ, Писторъ и Сухтеленъ, — славяне Шереметевъ, Апраксинъ, Румянцевъ, Потемкинъ, Салтыковъ и Аракчеевъ все снова разстроивали. Особенно рельефную картину войсковыхъ порядковъ рисуетъ г. Глиноецкій за время царствованія императрицы Екатерины II и Павла Петровича. Въ 1769 году былъ выписанъ изъ Пруссіи спеціально для устройства штабныхъ должностей арміи генералъ-квартирмейстеръ Бауръ, весьма отличившійся въ семилѣтнюю войну въ войскахъ Фридриха Великаго. Участвуя лично въ румянцевскихъ походахъ, на первыхъ же порахъ, Бауръ за свою дѣятельность удостоился самыхъ лестныхъ отзывовъ отъ Румянцева, который въ письмѣ къ императрицѣ отъ 13-го марта 1770 года пишетъ слѣдующее: «Объ искусствѣ сего генерала въ своемъ ремеслѣ, по однимъ начальнымъ видамъ уже, я осмѣливаюсь вашему императорскому величеству донесть, что подобнаго ему наукою въ семъ чинѣ, въ мою службу, у насъ не было». Далѣе историкъ генеральнаго штаба довольно прозрачно намекаетъ (разумѣется, не желая бросать хотя бы малѣйшую тѣнь на заслуги великаго полководца), что успѣхами своими подъ Ларгою и Кагуломъ Румянцевъ весьма много обязанъ Бауру, которому въ числѣ прочаго было поручено также преслѣдованіе разбитыхъ турокъ послѣ Кагула, во время чего огнемъ артиллеріи онъ уничтожилъ турецкую артиллерію, стоявшую противъ Исакчи. Въ концѣ 1770 года, Бауръ, по возвращеніи въ Петербургъ, горячо принимается за преобразованія квартирмейстерской части, пишетъ проектъ этого преобразованія, который, однако же, удостоивается утвержденія императрицы только въ 1772 году. Когда же Бауръ принялся энергически за осуществленіе этихъ своихъ положеній, то встрѣтилъ немедленно же рѣзкое противодѣйствіе въ томъ же графѣ Румянцевѣ, и потому въ результатѣ такой энергіи оказывается, что въ 1775 году Бауръ былъ уже въ полной немилости. Съ этого времени, пишетъ г. Глиноецкій, Бауръ, видимо избѣгая столкновенія съ всесильнымъ Потемкинымъ, перенесъ свою дѣятельность на разнаго рода инженерныя работы. Съ этого времени мы видимъ, что этотъ генералъ, оставаясь въ званіи генералъ-квартирмейстера и будучи прославленъ чисто боевыми заслугами, занимается постройкой водопроводовъ, театровъ, арсеналовъ, набережныхъ, проводитъ каналы и даже мостить улицы С.-Петербурга! Замѣтимъ, что Бауръ былъ все-таки крупною историческою личностью и человѣкомъ замѣчательныхъ способностей. Чего же можно было ожидать, когда его преемникомъ въ концѣ царствованія Екатерины II сдѣлался заурядный нѣмецъ Писторъ. Положеніе этого бѣднаго генералъ-квартирмейстера было поистинѣ трагикомическое. Въ вѣдомствѣ Пистора не только Салтыковъ и Зубовъ распоряжались безъ всякаго стѣсненія, но въ концѣ-концовъ отняли у него даже его личнаго адъютанта, не обращая въ то же время никакого вниманія на его жалобы и даже на прошенія бѣднаго нѣмца объ отставкѣ. Между тѣмъ у Пистора, во время польскаго похода 1797 года находившагося въ возмутившейся Варшавѣ вмѣстѣ съ Игельстромомъ, были также серьезныя боевыя заслуги. До чего въ это

время личные счеты и интриги пересиливали служебные интересы и затемняли государственныя заслуги можно судить, между прочимъ, и по слѣдующему вопіющему факту. Послѣ пораженія турокъ войсками Репнина, которому завидовалъ Потемкинъ, подъ Мачинымъ, одинъ только Репнинъ получилъ награду лично отъ государыни, а всѣ остальныя награды были задержаны Потемкинымъ до самой его смерти въ 1792 году, и только послѣ кончины великолѣпнаго князя выданы были награды главнымъ начальникамъ штурмовавшихъ колоннъ, а остальные (въ томъ числѣ и офицеры генеральнаго штаба) такъ и не получили никакихъ наградъ за это блистательное для русскаго оружія дѣло. Въ виду такого положенія дѣлъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что однимъ изъ первыхъ распоряженій императора Павла I по вступленіи на престолъ было формальное уничтоженіе организаціи генеральнаго штаба, находившейся послѣ Баура въ полномъ разстройствѣ. Со свойственнымъ этому императору лаконизмомъ, онъ 13-го ноября 1796 года изволилъ отдать слѣдующій приказъ: «Департаментъ генеральнаго штаба упразднить, членовъ онаго распредѣлить въ армію, домъ передать въ вѣдомство корпуса кавалергардовъ, а карты, планы и всѣ вообще дѣла отдать е. и. в. генералъ-адъютанту Кушелеву». Вслѣдъ затѣмъ, парольнымъ приказомъ 15-го февраля 1797 года, просившійся въ заграничный отпускъ Писторъ былъ отставленъ отъ службы и уѣхалъ навсегда въ Кассель, забравъ съ собою всѣ лучшіе карты и планы, какіе имѣлись въ то время въ управленіи генеральнаго штаба, такъ что Кушелеву достались одни только черняки и брульоны. Эти забранныя Писторомъ карты были частью возвращены въ Россію только въ 1813 году, послѣ занятія Касселя отрядомъ князя Чернышева.

Затѣмъ, дважды пройдя черезъ руки Аракчеева, нашъ генеральный штабъ къ концу царствованія Павла Петровича, можно сказать, былъ совершенно уничтоженъ, такъ какъ офицеры свиты потеряли общій мундиръ, числились и по кавалеріи, и по пѣхотѣ, не имѣли своего производства и вообще лишились всякой организаціи, такъ что со вступленія на престолъ императора Александра I все дѣло нужно было организовать вновь, для чего потребовался новый нѣмецъ, талантливый и честный инженеръ голландецъ Петръ Корниловичъ Сухтеленъ. Время же аракчеевщины въ свитѣ было особенно замѣчательно сугубымъ перечеркиваніемъ старыхъ картъ и плановъ, для чего офицеры свиты собирались во дворецъ (на прежнюю квартиру Зубова) къ семи часамъ утра и отпускались оттуда въ семь часовъ вечера. Развлеченіемъ для нихъ служила брань, а иногда и пощечины, раздававшіяся ихъ рачительнымъ начальникомъ. Такъ, колоновожатому барону Фитингофу Аракчеевъ далъ пощечину, а заслуженнаго маіора Лея, имѣвшаго за штурмъ Измаила золотое оружіе, изругалъ такъ, что тотъ, возвратясь домой, застрѣлился.

Заканчивая на этомъ наши выдержки изъ книги г. Глиноецкаго, мы думаемъ, что и сказаннаго достаточно, чтобы убѣдить читателя, насколько полна глубокаго и далеко не частнаго интереса его «Исторія русскаго генеральнаго штаба». По своему характеру и по спеціальному историческому матеріалу, которымъ пользовался составитель, эта «Исторія» должна доставить интересное чтеніе для многихъ и составитъ весьма полезный источникъ для тѣхъ, кто интересуется подлинной и подробной исторіей XVIII вѣка въ Россіи.

В. П.

Московскій крестьянинъ Иванъ Тихоновичъ Посошковъ. Соч. И. Ремезова. Спб. 1883.

Вслѣдъ за уничтоженіемъ крѣпостного состоянія, въ книжной торговлѣ замѣтно увеличилось число сочиненій, предназначавшихся для чтенія многомилліоннаго освобожденнаго сословія русскихъ гражданъ. Между брошюрами, изданными съ этой цѣлью въ 1862 году, выдѣлились біографіи нижегородскаго механика-самоучки Кулибина и вел. кн. Александра Невскаго. Съ этимъ «чтеніемъ для народа» выступилъ на литературно-педагогическое поприще И. С. Ремезовъ, не перестававшій съ этихъ поръ выпускать по временамъ въ свѣтъ подобныя жизнеописанія русскихъ людей. Такъ, одна за другой вышли брошюры: о подвигахъ князя Владиміра, о ярославскомъ крестьянинѣ стихотворцѣ Слѣпушкинѣ, объ Иванѣ Сусанинѣ, о курскомъ астрономѣ-самоучкѣ Семеновѣ, объ арзамасскомъ мѣщанинѣ-иконописцѣ Ступинѣ, о первой русской княгинѣ-христіанкѣ Ольгѣ. Вышедшая нынѣ брошюра о Посошковѣ принадлежитъ къ этой же серіи біографій, написана съ тою же цѣлью, такимъ же простымъ, понятнымъ народу языкомъ, составлена такъ же добросовѣстно и съ такимъ же знаніемъ дѣла, какъ всѣ прежнія сочиненія г. Ремезова, упорно стремящагося выполнить свое намѣреніе — дать народу вполнѣ доступное для него, интересное, полезное и дешевое чтеніе. Каждая брошюра продается по десяти копеекъ, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ до семи листовъ убористой, хотя и четкой печати и въ каждой — портретъ описываемаго лица. Только въ брошюрѣ о Посошковѣ, за неимѣніемъ его портрета, приложенъ видъ церкви Самсонія въ Петербургѣ, гдѣ похороненъ этотъ политико-экономъ-самоучка. Церковный причтъ однако, говоритъ, что мѣсто погребенія ему неизвѣстно, хотя въ архивахъ церкви должно было сохраниться отношеніе Тайной канцеляріи, при которомъ препровождалось тѣло Посошкова.

Въ прошломъ году, въ «Русской Старинѣ», авторъ этихъ біографій, въ письмѣ къ издателю, интересовавшемуся положеніемъ нашихъ народныхъ изданій въ книжной торговлѣ, привелъ нѣсколько любопытныхъ цифръ, относящихся къ этому вопросу. Восемь брошюръ его, изъ которыхъ иныя вышли уже въ трехъ изданіяхъ, были напечатаны въ числѣ 67,000 экземпляровъ и обошлись въ 2,113 рублей. Изъ нихъ продано до 40,000, и авторъ, за уступкою 50 процентовъ книгопродавцамъ, расходами по пересылкѣ и т. п., получилъ за нихъ 2,198 рублей, то-есть все вознагражденіе за труды его въ теченіи двадцати лѣтъ составило 85 рублей или по 4 руб. 25 коп. въ годъ. Какъ не удивиться такому авторскому гонорару, такому блистательному положенію торговли народными книгами и, наконецъ, такому упорству г. Ремезова, не перестающаго и послѣ двадцатилѣтняго опыта трудиться на пользу народа! И между тѣмъ, кромѣ интереснаго жизнеописанія, каждая брошюра сообщаетъ научныя свѣдѣнія изъ того круга дѣятельности, къ которому принадлежитъ описываемое лицо. Такъ, въ біографіи Кулибина описаны разные механическіе приборы и машины; въ разсказѣ о Семеновѣ даны общія понятія о небесныхъ тѣлахъ, о Слѣпушкинѣ — сообщены свѣдѣнія о старообрядствѣ и расколѣ; жизнеописанію Ступина предпосланы разсужденія объ искусствѣ вообще и о русской иконописи; въ сказаніяхъ о русскихъ святыхъ болѣе всего обращено вниманіе на ихъ историческіе подвиги и событія, предшествовавшія этимъ подвигамъ. Во вступленіи къ біографіи По-

сошкова изложенъ конспектъ политической экономіи, принаровленной къ понятіямъ простолюдина. Съ этой цѣлью каждое научное положеніе начинается съ пословицы, отъ которой авторъ постепенно переходитъ къ выводамъ науки. Такъ, объяснено значеніе труда, капитала, спроса, предложенія, соперничества и пр. Что же касается до ученія самого Посошкова, оно изложено ясно, оцѣнено критически вѣрно, мѣстами изложено его собственными словами. Монографія Посошкова явилась еще въ концѣ прошлаго года въ журналѣ «Народная Школа». Въ отдѣльной брошюрѣ авторъ прибавилъ вступительное изложеніе началъ политической экономіи, но выбросилъ — не понимаемъ для чего—много отдѣльныхъ фразъ, выписокъ изъ сочиненій, изданныхъ еще въ 1842 и 1863 годахъ, всѣ обстоятельства, относящіяся до смерти Посошкова. Все это было въ журналѣ, одобренномъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, учебнымъ комитетомъ при синодѣ, комитетомъ собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи. Или у насъ на журналъ для народа существуютъ въ другихъ вѣдомствахъ другіе взгляды, чѣмъ на чтенія для народа?.. Въ концѣ брошюры авторъ прибавилъ библіографическій списокъ всѣхъ изданій сочиненій Посошкова и статей о немъ, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, съ критическою оцѣнкою этихъ статей. Этотъ списокъ — очень почтенный трудъ, хотя собственно для народа не имѣетъ значенія. Нуженъ онъ только для библіографовъ.

В. З.

Двадцатипятилѣтіе с.-петербургскихъ женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, 19-го апрѣля 1858—1883 г. (Краткая историческая записка.) Спб. 1883 г.

Эта краткая историческая записка, въ 89 страницъ, напечатанная распоряженіемъ начальника петербургскихъ женскихъ гимназій, излагаетъ офиціальную жизнь этихъ учебныхъ заведеній, возникшихъ по почину инспектора павловскаго института, профессора Вышнеградскаго. Записка его о необходимости «училища для приходящихъ дѣвицъ», поданная имъ въ исходѣ 1857 года въ совѣтъ павловскаго института, повела къ составленію имъ же проекта подобнаго открытаго училища, который, чрезъ посредство принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, былъ доведенъ до свѣдѣнія императора Александра Николаевича. Главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній, разсмотрѣвъ этотъ проектъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что «въ настоящее время въ Россіи настоитъ необходимость, въ видахъ распространенія женскаго образованія, имѣть и такія учебныя заведенія, гдѣ дочери недостаточныхъ родителей могли бы получать основательное и къ ихъ назначенію принаровленное образованіе, не отлучаясь на продолжительное время отъ своихъ семействъ». Первое Маріинское женское училище было открыто 19-го апрѣля 1858 года, и въ первые же мѣсяцы своего существованія наполнилось учащимися до назначеннаго для него размѣра—250 ученицъ. За первымъ училищемъ послѣдовало открытіе еще трехъ въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Вильнѣ, Ковнѣ, Гроднѣ, Минскѣ, Кіевѣ, Саратовѣ, Вышнемъ-Волочкѣ, Нижнемъ-Новгородѣ. Тѣ изъ нихъ, которыя получали средства содержанія отъ главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, оставлены были въ вѣдомствѣ этого совѣта, а которыя учреждались на счетъ пожертвованій

частныхъ лицъ, дворянскихъ и городскихъ обществъ, подчинены были вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, согласно со всеподданнѣйшимъ докладомъ 17-го іюня 1859 года, вызваннымъ быстрымъ открытіемъ новыхъ училищъ. Эта быстрота обусловилась какъ необходимостью распространенія женскаго образованія, сознаннаго обществомъ, такъ и благоразумнымъ устраненіемъ мелочей формализма.

Со своей стороны главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній, принимая во вниманіе такое увеличеніе новыхъ открытыхъ женскихъ училищъ, свидѣтельствовалъ, въ 1861 году, что «училища быстрымъ своимъ развитіемъ доказали, насколько общество глубоко сочувствуетъ воззрѣнію правительства на настоящій способъ образованія женскаго пола, и что такое успѣшное развитіе этихъ новыхъ разсадниковъ просвѣщенія указываетъ на необходимость особенной поддержки ихъ впредь до того времени, когда они окончательно разовьются, и, прочно утвердившись, получатъ возможность сами обезпечивать свое существованіе». Наименованіе новыхъ училищъ «женскими гимназіями», которое онѣ до нынѣ сохранили, послѣдовало въ 1862 году, по почину попечителя училищъ виленскаго, ковенскаго и гродненскаго, генералъ-губернатора сѣверозападныхъ губерній, генералъ-адъютанта Назимова. «Люди, незнакомые съ учебными программами женскихъ училищъ (писалъ въ своемъ ходатайствѣ г. Назимовъ), смѣшиваютъ ихъ съ другими низшими училищами и названіе ихъ училищами для приходящихъ дѣвицъ употребляется только въ оффиціальныхъ бумагахъ и идетъ на перекоръ установившемуся въ обществѣ обычаю именовать ихъ гимназіями». Изъ этого представленія видно, что названіе «женскія гимназіи» придано было этимъ учебнымъ заведеніямъ публикою, справедливо уподобившей ихъ, по систематичности преподаванія въ нихъ наукъ, по доступности заведеній и проч., подобнымъ же мужскимъ учрежденіямъ.

Плата за обученіе въ женскихъ гимназіяхъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи постепенно возвышалась, а именно съ 25 р. за годъ до 50—60 рублей въ 1868 году и до 65 — 80 р. въ 1879 году. Вѣдомство, со своей стороны, не отказывало гимназіямъ въ денежномъ пособіи, и общая сумма этихъ пособій, полученныхъ гимназіями за истекшее двадцатипятилѣтіе, составляетъ около милліона рублей. Большинство этой суммы расходовалось на наемъ помѣщеній для гимназій. Такъ, на 1883 годъ, предположено къ отпуску изъ средствъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи къ пополненію недостающихъ собственныхъ средствъ гимназій около 70,000 р., между тѣмъ какъ за наемъ помѣщеній, согласно заключеннымъ условіямъ, исчислена сумма въ 78,823 р. Съ постепеннымъ расширеніемъ средствъ гимназій сумма пособій изъ вѣдомства для нѣкоторыхъ гимназій постепенно сокращается. Такъ, Маріинская гимназія, прежде всѣхъ открытая, въ 1883 году испросила себѣ въ пополненіе собственныхъ доходовъ только всего 360 р. 42 к., между тѣмъ, какъ за послѣдніе три года, она не только не требовала подобныхъ пособій, но даже удѣляла часть своихъ доходовъ на нужды другихъ заведеній того же вѣдомства. Этотъ фактъ замѣчательный и отрадный, особенно потому, что не только указываетъ на разумность постановки всего устройства женскихъ гимназій, но и на несомнѣнную возможность увеличенія числа этихъ полезныхъ учебныхъ учрежденій.

Если основаніе, въ 1764 году, Екатериною II перваго учебнаго заведенія для женщинъ въ Россіи, именно Смольнаго монастыря (закрытаго за-

веденія) было важною мѣрою для женскаго образованія, то учрежденіе въ 1858 году Александромъ II открытыхъ женскихъ гимназій было еще знаменательнѣе, потому что сдѣлало образованіе доступнымъ «массѣ» женщинъ.

П. У.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томы 36, 37, 38. Спб. 1882—1883 г.

Русское Историческое Общество ежегодно обогащаетъ нашу литературу своими интересными «Сборниками», сообщающими публикѣ разнородные архивные матеріалы, изъ которыхъ многіе до ихъ обнародованія въ «Сборникахъ» были вовсе неизвѣстны. Въ 36-мъ томѣ «Сборника», изданномъ подъ наблюденіемъ члена общества, профессора В. И. Сергѣевича, напечатано окончаніе дневныхъ записокъ большаго собранія, сообщающихъ обзоръ его занятій съ 10-го сентября 1768 года по 8-е іюля 1770 года. Въ трехъ приложеніяхъ изложены подлинныя мнѣнія депутатовъ по поводу законовъ, читанныхъ въ собраніи, подлинные проекты правъ разныхъ сословій, съ замѣчаніями на нихъ нѣкоторыхъ членовъ коммиссіи и съ отзывами разныхъ учрежденій, и подлинныя мнѣнія депутатовъ на проектъ правъ благородныхъ.

Въ 37-мъ томѣ «Сборника», редактированномъ секретаремъ общества, Г. Ѳ. Штендманомъ, напечатано продолженіе дипломатической переписки прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, начатой, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ 22-мъ томѣ «Сборника». Переписка эта представляетъ документы, извлеченные профессоромъ марбургскаго университета, Германомъ, изъ берлинскаго государственнаго архива. Документы, обнародованные въ 37-мъ томѣ «Сборника», обнимаютъ собою періодъ времени съ 9-го января 1767 года по 18-е февраля 1772 года, или до заключенія тайнаго договора между Россіею и Пруссіею, состоявшагося 17-го февраля 1772 года. Въ число этихъ документовъ вошли депеши и донесенія прусскаго посланника, графа Сольмса, къ королю Фридриху Великому, а также инструкціи и предписанія короля къ нему. Сверхъ того, въ 37-й томъ включены изъ берлинскаго тайнаго архива бумаги, относящіяся до секретной переписки короля Фридриха Великаго съ его кабинетъ-министромъ Финкенштейномъ о переговорахъ съ Россіею по первому раздѣлу Польши. Всѣми этими документами, разъясняются преимущественно слѣдующіе три вопроса: 1) отношеніе прусскаго правительства къ диссидентамъ (не католикамъ) въ Польшѣ и предположенія объ измѣненіи формы государственнаго управленія Польши; 2) первый раздѣлъ Польши между Россіею, Пруссіею и Австріею; 3) отношенія Пруссіи къ первой войнѣ Екатерины Великой съ Турціею и къ измѣненію политической системы Австріи въ восточномъ вопросѣ. О политикѣ Австріи и Пруссіи относительно турецкой войны, общеевропейскихъ и польскихъ дѣлъ, въ 37-мъ томѣ «Сборника» сообщено много интересныхъ и цѣнныхъ историческихъ данныхъ, напримѣръ свѣдѣнія о заключеніи тайнаго трактата Австріи съ Портою, 6-го—7-го іюля (25-го—26-го іюня) 1771 года, о субсидіяхъ, который въ то время держался въ величайшемъ секретѣ, такъ что копія съ него передана была императрицѣ Екатеринѣ Второй только 17-го марта 1772 года англійскимъ посломъ при петербургскомъ дворѣ, лордомъ Каткартомъ. Въ одномъ изъ послѣдующихъ

томовъ своего «Сборника» общество предполагаетъ обнародовать остальныя депеши графа Солмса, сообщенныя уже ему профессоромъ Германомъ.

38-й томъ «Сборника» представляетъ «Памятники дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ Англіею» и изданъ подъ редакціею члена общества, профессора К. Н. Бестужева-Рюмина. Эти дипломатическія сношенія относятся къ періоду времени съ 1581 по 1604 годъ и составлены по документамъ, извлеченнымъ Ю. В. Толстымъ изъ книгъ № 1 и № 2 англійскихъ дѣлъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Этими документами пользовались Карамзинъ и Соловьевъ, но самые документы не были еще изданы, за исключеніемъ посольства Писемскаго (въ «Сѣверномъ Архивѣ» 1822 и 1823 г.), и «Статейскаго списка посольства Флетчера» (во «Временникѣ» общества исторіи и древности росс.). Обнародованные въ 38-мъ томѣ документы относятся: во 1-хъ, къ пріѣзду въ Россію присланнаго отъ англійской королевы Елисаветы къ царю Ивану Васильевичу доктора Роберта Яково (въ Россіи названнаго Романомъ Елизарьевымъ) съ аптекарями и цырюльниками на службу; во 2-хъ, къ отпуску въ Англію въ послахъ дворянина Өедора Писемскаго и подьячаго Хавралева для постановленія съ королевою Елисаветою союза противъ польскаго короля Стефана Баторія, вспомоществованія людьми, деньгами и всякими военными снарядами, а также для развѣданія о племянницѣ королевы, княжнѣ Маріи Хантисъ; въ 3-хъ, къ пріѣзду англійскаго посла князя Еремея Боуса для испрошенія однимъ только англичанамъ приходить съ товарами ко всѣмъ холмогорскимъ пристанямъ и дать англійскимъ купцамъ жалованную грамоту о безпошлинной торговлѣ; въ 4-хъ, къ отпускамъ къ англійской королевѣ гонцевъ: толмача Романа Бекмана съ жалобою о непорядочныхъ поступкахъ посла Еремея Боуса; англійскаго гостя Еремея Хоршіа, съ выговоромъ о непорядкахъ англійскихъ гостей, живущихъ въ Россіи и о задержаніи въ Англіи и о худомъ пріемѣ гонца Бекмана; его же Еремея Хоршіа съ объявленіемъ о дачѣ новой жалованной грамоты англійскимъ купцамъ торговать въ Россіи безпошлинно; въ 5-хъ, къ пріѣзду въ Россію англійскаго гостя Өрянчина Черея (Иванова); въ 6-хъ, къ вторичному отправленію въ Англію толмача Бекмана съ жалобой на англійскихъ купцевъ о неплатежѣ по кабаламъ денегъ, должныхъ боярамъ и разнаго чина людямъ. Всѣ эти документы проливаютъ много свѣта на великую эпоху XVI вѣка, на типическій характеръ Ивана Грознаго, на тогдашнія международныя торговыя сношенія и проч.

П. У.

Результаты антропологическихъ изслѣдованій среди Мордвы-Эрзи. Владиміра Майнова, Спб. 1883 г.

Этотъ трудъ составляетъ часть «Матеріаловъ для антропологическаго описанія Россіи». Въ слѣдующихъ частяхъ своего труда, авторъ намѣренъ изложить бытовыя особенности и разселеніе мордвы-эрзи, которая оказывается наиболѣе многочисленною отраслью мордовскаго народа, потому что ее насчитываютъ въ Россіи до 600,000 душъ. Авторъ изучалъ мордву-эрзю въ Нижегородскомъ, Княгининскомъ, Арзамасскомъ и Ардатовскомъ уѣздахъ, Нижегородской губерніи, въ Саранскомъ и Городищенскомъ уѣздахъ Пензенской губерніи, въ Ардатовскомъ и Корсунскомъ уѣздахъ, Симбирской гу-

берніи и въ Самарскомъ и Ставропольскомъ уѣздахъ, Самарской губерніи. Мордва-эрзя встрѣчается также въ Астраханской, Уфимской, Оренбургской и Томской губерніяхъ, куда она переселилась въ поискахъ за «доброю землею и хорошимъ мѣстомъ для своего поселенія». Антропологическія изслѣдованія г. Майнова привели его къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно общихъ характеристическихъ черть мордвы-эрзи: мордва-эрзя, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она утеряла и языкъ свой и народную одежду и называетъ себя даже «русинами», сохранила еще свой особенный типъ. Мордва-эрзя вовсе не принадлежитъ къ народамъ, вымирающимъ отъ столкновенія съ русскими, хотя и не отличается особенною плодовитостію. Въ особенности большая смертность замѣчается среди дѣтей, такъ какъ обыкновенно они вымираютъ болѣе чѣмъ на половину. Тѣлосложенія эрзя скорѣе худощаваго; ростъ у мужчинъ ниже средняго, а у женщинъ едва выше средняго; кожа на тѣлѣ бѣлая и притомъ свѣтлѣйшихъ тоновъ; цвѣтъ волосъ на головѣ преобладаетъ темный съ коричневымъ оттѣнкомъ; рыжаго цвѣта г. Майновымъ не было вовсе наблюдаемо; по способу роста волосъ, эрзя принадлежитъ къ гладковолосымъ народамъ, причемъ густота растительности бываетъ средняя. Растительность на кожѣ встрѣчается въ видѣ исключенія; на бровяхъ она богата, причемъ форма бровей дугообразна. Растительность на бородѣ незначительна. Глаза голубые, свѣтлыхъ тоновъ, съ нѣсколько приподнятыми краями глазныхъ прорѣзей; губы средней толщины, скорѣе склонныя къ узкости; ротъ прямой, средней величины; положеніе рѣзцовъ вертикальное, а зубы вообще здоровые и большіе; носъ широкій, причемъ онъ у женщинъ рѣзко курносый; лобъ плоскій; форма лица правильно овальная и яйцевидная; уши малыя и отвороченныя; руки и ноги малыя.

Спеціальное, добросовѣстное изслѣдованіе мордвы-эрзи г. Майновымъ безъ сомнѣнія будетъ достойнымъ образомъ оцѣнено антропологами.

И. С.

Очерки и разсказы изъ всеобщей исторіи, Д. Иловайскаго. Часть первая: древній міръ. Москва, 1883.

Подъ этимъ заглавіемъ извѣстный историкъ нашъ, профессоръ Иловайскій, предположилъ издать рядъ характеристикъ, касающихся различныхъ историческихъ дѣятелей и разныхъ эпохъ всемірной исторіи древней и новой. Мысль чрезвычайно счастливая, такъ что трудъ профессора Иловайскаго одною уже этою стороною, помимо всего другаго, восполняетъ пробѣлъ, существовавшій до сихъ поръ въ нашей исторической литературѣ. Для начала почтенный профессоръ представилъ рядъ очерковъ изъ древней исторіи, избравъ предметомъ своей характеристики наиболѣе замѣчательныя, рельефныя ея эпохи. Остановившись прежде всего довольно подробно на древнѣйшихъ цивилизаціяхъ—египетской и ассиро-вавилонской, открывающихъ, такъ сказать, собою исторію человѣческаго развитія, авторъ переходитъ затѣмъ къ греческой и римской исторіи. Какъ та, такъ и другая, не представляетъ у него непрерывнаго, хронологически послѣдовательнаго веденія нити событій, даетъ тѣмъ не менѣе полное изображеніе судебъ обѣихъ великихъ странъ древности: классической страны искусства—Эллады и классической страны права и прочнаго государственнаго устройства—Рима. Мы видимъ наглядным образомъ въ сочиненіи г. Иловайскаго разцвѣтъ, процвѣтаніе и нако-

нецъ склоненіе къ упадку древней жизни и цивилизаціи. Не будемъ ставить на первомъ планѣ, говоря о разсматриваемомъ сочиненіи, основательнаго знакомства автора съ своимъ предметомъ; въ ученомъ специалистѣ, а особенно занимающемъ такое видное мѣсто въ наукѣ, какое занимаетъ нашъ почтенный ученый, обширность фактическаго знанія предмета предполагается сама собой, и иначе этого нельзя себѣ представить. Но мы обратимъ вниманіе читателя на два качества, составляющія, по нашему мнѣнію, наиболѣе характеристическія черты труда профессора Иловайскаго—на строгій прагматизмъ въ изложеніи событій и большую оживленность изложенія. Послѣднее качество дѣлаетъ чтеніе книги, о которой идетъ рѣчь, столько же легкимъ, сколько и пріятнымъ. Намъ остается пожелать отъ души, чтобы авторъ подарилъ насъ какъ можно скорѣе окончаніемъ своего прекраснаго труда.

Д. Л—въ.

Обзоръ дѣятельности высочайше учрежденнаго попечительства надъ арестантами с.-петербургской исправительной тюрьмы за одиннадцать лѣтъ (1871—1882 г.).

Обзоръ этотъ, составленный членами попечительства А. П. Пятковскимъ и В. Н. Никитинымъ, представляетъ нѣкоторыя, не лишенныя интереса данныя, относительно такого важнаго и малоизвѣстнаго предмета, какъ содержаніе арестантовъ и наблюденіе за устройствомъ людей, выпускаемыхъ изъ тюремъ. Цѣльности впечатлѣнія на читателя изъ публики вредитъ, впрочемъ, какъ строго-дѣловой, почти канцелярскій характеръ обзора, такъ и никому неинтересная полемика съ высшимъ тюремнымъ управленіемъ. Обзоръ много бы выигралъ, если бы его составители (оба извѣстные литератора), дали себѣ трудъ внести въ изложеніе нѣсколько обобщающій, сжатый—«литературный» элементъ. Цифровыя приложенія къ обзору и теперь довольно интересны. Изъ нихъ мы узнаемъ, между прочимъ, что въ школѣ, состоящей при исправительной тюрьмѣ, состояло за упомянутый періодъ времени 4,967 человѣкъ, и изъ этого числа выпущено по экзамену, 1,174, что составляетъ очень значительный процентъ, тѣмъ болѣе, что въ общемъ числѣ поступившихъ значится 3,243 совсѣмъ неграмотныхъ, а остальные малограмотные. Занятія въ мастерскихъ также представляютъ постепенное повышеніе числа работающихъ арестантовъ. Особеннымъ многолюдствомъ отличались сапожный и картонажный цехи. Общее число работавшихъ въ мастерскихъ (21,647) почти равняется всей цифрѣ содержавшихся въ исправительной тюрьбѣ за указанный періодъ—21,990. Это показываетъ старанія начальствующихъ, чтобъ арестанты не теряли времени въ праздности.

Н. К.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Ренанъ о еврействѣ и христіанствѣ.—Гёксли какъ историкъ.—Эберсъ о современномъ Египтѣ.—Бронзовый вѣкъ.—Некрополь Карнака.—Новый трудъ Леруа-Болье. — Финляндская національность въ сравненіи съ эстонскою. — Нѣмецъ о современномъ положеніи Франціи.—Отдаленные походы Франціи.—Вопросы тонкинскій, мадагаскарскій и конгскій.

НЕСМОТРЯ на лѣтнее время, книги историческаго и серьезнаго содержанія не перестаютъ появляться въ Западной Европѣ; статьи ученыхъ журналовъ блестятъ также извѣстными именами и содержаніе этихъ статей невольно привлекаетъ мыслящаго, образованнаго человѣка, хотя не во всемъ раздѣляющаго воззрѣнія авторовъ. Такъ, въ статьѣ Ренана, помѣщенной въ іюньскомъ нумерѣ «Revue politique et littéraire» — «О первоначальномъ тожествѣ и постепенномъ разъединеніи еврейства и христіанства», знаменитый изслѣдователь религій становится почти явно на сторону евреевъ, въ средѣ которыхъ (въ обществѣ еврейскихъ научныхъ занятій) онъ читалъ свою рѣчь, появившуюся теперь въ журналѣ. Написанная, какъ вообще все, что пишетъ Ренанъ, превосходнымъ языкомъ и заключающая въ себѣ глубокія, основательныя изслѣдованія еврейскихъ традицій и догматовъ, статья эта, несмотря на ея мягкій, уклончивый тонъ, прямо отдаетъ предпочтеніе этимъ традиціямъ передъ другими ученіями. Онъ говоритъ, что великіе еврейскіе пророки, въ особенности Исаія, высказывали уже христіанскія идеи и, въ первые вѣка христіанства, новая религія мало чѣмъ отличалась отъ еврейской. Только въ III вѣкѣ, подъ вліяніемъ гностиковъ и александрійской школы, произошелъ между ними окончательный разрывъ. Можно согласиться съ тѣмъ, что христіанская религія имѣетъ своимъ источникомъ библію, служащую нравственной и умственной пищею образованныхъ людей, что «библія—книга всего человѣчества, исторія постепеннаго развитія въ немъ религіозной идеи», но не слишкомъ ли уже рисковано утверждать, что «слава христіанства вмѣстѣ съ тѣмъ и слава еврейства», что оно, «сдѣлав-

шее такъ много въ прошедшемъ, оказало и въ будущемъ большія услуги прогрессу, такъ какъ евреи всегда либералы, а враги ихъ всегда и враги либеральнаго прогреса». Кто не знаетъ непривлекательныхъ сторонъ характера евреевъ, ихъ ненависти къ «гоямъ», ихъ безжалостной эксплуатаціи бѣдняковъ, страсти къ наживѣ и обогащенію, даже самыми незаконными, предосудительными путями. Всѣ эти стороны еврейства выработались, конечно, вѣками, въ силу историческихъ событій и постоянныхъ преслѣдованій еврейскаго племени; гдѣ бы оно ни пріютилось, нигдѣ оно не сливалось съ кореннымъ населеніемъ страны, вездѣ жило особнякомъ, не принимая никакого участія, ни въ горѣ, ни въ радости туземцевъ. Нигдѣ евреи не были гражданами, а вездѣ только пришельцами, эксплуататорами, паразитами общества, нисколько не интересовавшимися его благосостояніемъ, и зачастую готовыми служить его врагамъ. Все это, повторяемъ, оправдывается гнетомъ, лежавшимъ на евреяхъ, но отъ этого нисколько не легче народу, служащему орудіемъ въ ихъ рукахъ. Пристрастіе Ренана къ этому племени хотя и понятно, но не можетъ быть оправдано, съ точки зрѣнія либеральнаго прогреса, который никогда не былъ врагомъ евреевъ.

— Другая замѣчательная статья прошлаго мѣсяца принадлежитъ талантливому натуралисту Гёксли и помѣщена въ журналѣ «Macmillan magazine». Предметъ ея «неписанная исторія». Мы уже сообщали о появленіи этой статьи, но она такъ важна, что считаемъ не лишнимъ изложить ея содержаніе. Въ ней Гёксли объясняетъ значеніе и происхожденіе исторіи. Она не хроника событій и не перечень преданій или миѳовъ, но разсказъ, основанный на критически оцѣненныхъ фактахъ, съ цѣлью провести во всей путаницѣ человѣческой жизни нить естественнаго отношенія между причинами и послѣдствіями, соединяющую событія съ людскими страстями и поступками. Первымъ и однимъ изъ величайшихъ историковъ Гёксли считаетъ Геродота. Это былъ чрезвычайно умный и энергичный человѣкъ, основательно знакомый со всѣми знаніями своего времени. Событія, совершившіяся при немъ и слышанныя имъ отъ потомковъ исчезнувшихъ поколѣній, казались ему до того любопытными, что онъ рѣшился составить объ нихъ разсказъ, въ которомъ правда строго отличалась бы отъ вымысла, и указывалась дѣйствительная причина событій. Для этой цѣли ему недостаточно было собирать и приводить въ порядокъ свѣдѣнія, почерпнутыя изъ достовѣрныхъ источниковъ; но, задумавъ описать великую борьбу Европы съ Азіею, онъ лично побывалъ въ странахъ, бывшихъ ареною ихъ столкновенія и ознакомился съ народами, принимавшими участіе въ этой борьбѣ. Онъ самъ говорилъ, что для полнаго понятія историческихъ условій надо лично изучить природу и людей. Для этого изученія Геродотъ отправился и въ Египетъ, въ одну изъ странъ, вовлеченныхъ въ персидскую войну. Онъ вѣрно указалъ на то, что исторія Египта была опредѣлена физическими условіями страны. Любопытный очеркъ Египта, написанный Геродотомъ, дѣлается все правдивѣе, чѣмъ далѣе изслѣдуетъ египтологія древнія эпохи страны. Такъ, гипотеза Геродота, что Дельта была нѣкогда морскимъ заливомъ, и образовалась отъ наносовъ Нила, въ наше время сдѣлалась неоспоримымъ научнымъ фактомъ. Подобныхъ фактовъ неписанной исторіи Гёксли приводитъ еще нѣсколько, и въ оцѣнкѣ ихъ естествоиспытатель является не менѣе тонкимъ историческимъ критикомъ, какъ и серьезные историки, касавшіеся до него тѣхъ же предметовъ.

— Къ числу замѣчательнѣйшихъ египтологовъ нашего времени принадлежитъ безъ сомнѣнія, нѣмецкій романистъ Георгъ Эберсъ. Лучше его врядъ ли кто изучилъ древній Египетъ во всѣхъ особенностяхъ его политическаго и общественнаго быта. Но въ послѣдней книжкѣ журнала «Contemporary Review» Эберсъ описываетъ современный Каиръ, по сравненію его съ городомъ калифовъ и даже фараоновъ. Центръ аравійской культуры, современный Каиръ, по словамъ Эберса, самый прелестный городъ во всемъ свѣтѣ. Но авторъ негодуетъ, что столица калифовъ быстро утрачиваетъ свой оригинальный, восточный характеръ, подъ наплывомъ западной цивилизаціи. Въ особенности Эберсъ возстаетъ противъ такъ-называемыхъ улучшеній въ наружномъ видѣ города, сдѣланныхъ Измаилъ-пашею. Такъ, онъ исказилъ образцы своеобразной аравійской архитектуры, выкрасивъ ихъ въ яркія цвѣта. Эберсъ обращается даже къ англичанамъ, чтобы они, занявъ Египетъ, спасли отъ варварскаго искаженія великіе памятники искуства. Несмотря на нѣкоторыя преувеличенія, Эберсъ правъ и въ своей любви къ Египту, и въ своемъ обращеніи къ Англіи. Онъ вполнѣ компетентенъ въ своихъ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ, какъ и въ своихъ романахъ изъ эпохи фараоновъ, и нельзя не порадоваться, что онъ опять началъ писать о Египтѣ послѣ такихъ неудачныхъ произведеній, какъ его послѣдніе романы «Жена Бургомистра» и «Слово», содержаніе которыхъ взято изъ исторіи среднихъ вѣковъ и тридцатилѣтней войны.

— Археологія обогатилась въ прошломъ мѣсяцѣ двумя замѣчательными сочиненіями; одно изъ нихъ принадлежитъ ученому Джону Эвансу и заключаетъ въ себѣ описаніе орудій, украшеній и утвари бронзоваго вѣка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Эвансъ посвятилъ такой же добросовѣстный и серьезный трудъ изученію орудій каменнаго вѣка. Новыя изслѣдованія Эванса, производившаго самостоятельныя раскопки въ Англіи и на континентѣ, являются результатомъ многолѣтнихъ сравнительныхъ изысканій. Авторъ описываетъ сначала простѣйшія и грубѣйшія формы различныхъ предметовъ изъ бронзы, начиная съ топоровъ и оканчивая серьгами. Онъ изслѣдуетъ происхожденіе бронзовыхъ фабрикъ, эпоху ихъ появленія въ Англіи и другихъ странахъ, состояніе культуры, жилища, одежду и обычаи народовъ, употреблявшихъ бронзу, ихъ отношенія къ каменному вѣку и къ желѣзному, вытѣснившему какъ бронзу, такъ и камень. Появленіе бронзы въ Великобританіи Эвансъ относитъ за 1500 лѣтъ до Р. Х. На берегахъ Средиземнаго моря бронза появилась еще ранѣе, изъ Азіи. Въ бронзовомъ вѣкѣ рѣзко различаются два періода: первый, когда рукоятка топора прикрѣплялась къ нему снаружи, и второй, когда вдѣлывалась внутри топора. Нѣкоторые предметы бронзоваго вѣка, въ особенности мечи и головныя булавки, отличались граціозною, даже художественною формою и отдѣлкою, что доказываетъ эстетическое развитіе народовъ той эпохи. Желѣзо, по мнѣнію Эванса, вошло въ употребленіе не позже пятаго столѣтія до Р. Х., и чрезъ три столѣтія послѣ этого фабрикація бронзовыхъ орудій совершенно прекратилась.

— Другое археологическое сочиненіе принадлежитъ также англичанину Джемсу Мильну и касается описанія циклопическихъ сооруженій Карнака, близъ Киберонскаго полуострова. Здѣсь были сосредоточены въ огромномъ числѣ каменныя постройки, называемые «дольменами», «кромлехами» и «менгирами», разсѣянными по департаментамъ Морбигана и Финистере. Произ-

водя раскопки въ этой мѣстности, Мильнъ нашелъ много предметовъ изъ камня и бронзы, оружіе, домашнюю утварь и пр. Менгиры служили оборонительными укрѣпленіями кельтамъ, за нѣсколько столѣтій до появленія римлянъ, воспользовавшихся этими дольменами для своихъ собственныхъ укрѣпленій. Эти долмены и менгиры—остатки громаднаго некрополя, священнаго мѣста, назначеннаго для того, чтобы изъ поколѣнія въ поколѣніе хранить останки ихъ предковъ. Постройка этого кладбища занимала долгій періодъ времени и требовала большого организованнаго труда и искуства. Книга Мильна, со множествомъ плановъ и рисунковъ, заключаетъ въ себѣ сводъ всего, что археологія знаетъ объ этихъ странныхъ постройкахъ.

— Нѣкоторыя изъ ученыхъ изданій, наряду съ другими современными вопросами, не оставляютъ своимъ вниманіемъ и Россію. Такъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ изслѣдователей нашей родины Леруа-Болье, въ томъ же «Revue politique et littéraire», помѣстилъ продолженіе своей извѣстной книги: «Имперія царей и русскіе». Новая глава этого сочиненія называется «Два первые года царствованія Александра III» и касается аграрныхъ законовъ, какъ называетъ авторъ положеніе 19-го февраля, и довершенія эмансипаціи. Леруа-Болье говоритъ, что Александръ II скончался не докончивъ освобожденія крестьянъ, и что обязанность эта легла на его преемника.

Описаніе коронаціи въ этомъ журналѣ, составленное Жоржемъ Леономъ, отличается также вѣрностью взгляда на современное положеніе Россіи.

— Балтійскіе сосѣди наши продолжаютъ изслѣдованія не только столицъ и центровъ Россіи, но и ея окраинъ, къ которымъ они чувствуютъ особенное влеченіе. Такъ, нѣкто Максъ Бухъ издалъ въ Штуттгартѣ брошюру «Финляндія и вопросъ о ея національностяхъ». Авторъ находитъ, что вопросъ этотъ имѣетъ особенное значеніе въ настоящее время, и что онъ очень похожъ на подобный же вопросъ въ Остзейскихъ провинціяхъ и въ Венгріи. Стремленія финновъ къ развитію и преобладанію ихъ національности авторъ находитъ весьма естественными, но въ то же время утверждаетъ, что если нѣмецкая культура будетъ уничтожена въ Остзейскихъ провинціяхъ, то изъ этого возникнетъ хаосъ. Авторъ называетъ фантастическимъ, неосуществимымъ господство эстонцевъ. Онъ упрекаетъ ихъ за то, что они довѣряются внушеніямъ нѣкоторыхъ русскихъ газетъ, «какъ губительному пѣнію сиренъ», и будутъ въ этомъ горько раскаяваться. Собственно о финнахъ авторъ сообщаетъ мало новаго, хотя представляетъ даже антропологическую характеристику финской рассы. Цифры, взятыя имъ изъ офиціальной статистики, ясно доказываютъ однако, что между вопросами о финской и эстонской національности, нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Въ Финляндіи на 2.060,782 жителя, русскихъ приходится 7,957, шведовъ 3,693, нѣмцевъ 522 норвежцевъ 196, англичанъ 102, тогда какъ финовъ 2.046,730. Таково ли процентное отношеніе племенъ въ Остзейскихъ провинціяхъ? Нѣмцевъ тамъ конечно болѣе чѣмъ въ Финляндіи, но, всетаки, не столько, чтобы они могли навязывать свою культуру кореннымъ жителямъ страны.

— Другой нѣмецъ, Германъ Кунъ, издалъ изслѣдованіе о современномъ положеніи Франціи (Französische Zustände der Gegenwart). Это довольно снисходительное, хотя и довольно поверхностное изложеніе главнѣйшихъ сторонъ политическаго и общественнаго быта Франціи. Авторъ говоритъ о ея дворянствѣ и буржуазіи, о рабочихъ и крестьянахъ, о богатствѣ и бѣдности страны, о нравахъ, образованіи, церкви, духовныхъ конгрегаціяхъ, судебномъ

сословій, войнѣ, умственной жизни, печати, биржѣ, полиціи, политикѣ. Многаго нельзя сказать обо всемъ этомъ на 400 страницахъ и авторъ говоритъ преимущественно о томъ, что менѣе извѣстно его соотечественникамъ-нѣмцамъ. Въ книгѣ проглядываетъ желаніе высказать благосклонныя сужденія о побѣжденной странѣ, не подражая одному изъ ея писателей, такъ жестоко отдѣлавшему побѣдителей въ своемъ «Путешествіи въ страну милліардовъ». Г. Кунъ говоритъ, что онъ тридцать лѣтъ прожилъ во Франціи, хотя и противъ своей воли, и потому не можетъ быть врагомъ народа, у котораго нашелъ убѣжище, но обязанъ этому народу, какъ и всему свѣту, высказать правду. Правда эта, однако, не очень колетъ глаза, и слишкомъ рѣзкихъ истинъ французамъ авторъ не говоритъ. Онъ приходитъ только къ заключенію, что республика во Франціи не можетъ долго существовать и не имѣетъ будущности. Но этого же мнѣнія держатся многіе французы. Кунъ утверждаетъ, что третья республика всегда управлялась единоличною волею одного лица, сначала Тьера, затѣмъ Макъ-Магона, наконецъ, Гамбетты, съ его соломеннымъ человѣчкомъ Греви. Со смертію Гамбетты Франція похожа на корабль безъ кормчаго. Но можно ли быть безъ него не только во время бури, но и въ тихую погоду? Авторъ не говоритъ, однако, кто же возьметъ на себя эту обязанность.

— Французская республика, въ ожиданіи того счастливаго времени, когда она будетъ имѣть возможность дать блистательный реваншъ въ Европѣ своему непримиримому врагу — Германіи, перенесла воинственную дѣятельность въ другія части свѣта и воюетъ разомъ въ трехъ мѣстахъ, столь отдаленныхъ, что извѣстія оттуда приходятъ весьма рѣдкія и неполныя. Поэтому періодическія изданія не представляютъ сколько-нибудь обстоятельной картины положенія дѣлъ въ этихъ трехъ пунктахъ земного шара. Въ іюньскомъ выпускѣ «Revue politique et littéraire» помѣщена, правда, большая статья «Тонкинскій вопросъ», но она говоритъ преимущественно о трактатѣ 1874 года съ Кохинхиною, на основаніи котораго Франція предъявляетъ свои, весьма сомнительныя, права на территорію этой индокитайской провинціи. Трактатъ этотъ, по свидѣтельству самихъ французовъ, никогда не исполнялся аннамитскимъ императоромъ Ту-Дукомъ и его правительствомъ и французскій резидентъ жилъ въ Гуэ, при дворѣ этого деспота, въ самомъ незавидномъ положеніи, только протестуя противъ декретовъ правительства. До какой степени, на основаніи все того же трактата, Франція считала себя вправѣ вмѣшиваться въ дѣла управленія страною, могутъ служить два обстоятельства, доказывающія, какого рода договоръ заставили подписать Ту-Дука. Въ 1880 году онъ собрался заключить торговый трактатъ съ Сіамомъ и, въ то же время, издалъ декретъ, которымъ поддѣлыватели фальшивой монеты (въ Аннамѣ обращается цинковая монета «сапеки») подвергаются наказанію палочными ударами. Франція тотчасъ же заявила, что эти мѣры нарушаютъ трактатъ съ нею, что вторая изъ нихъ «постыдна для человѣчества» и потому гавани Аннама будутъ блокированы и въ нихъ не допустятъ привоза рису, безъ котораго не можетъ существовать бѣднѣйшій классъ населенія. Удивительно ли, что подобные поступки заставили Ту-Дука просить помощи у Китая, къ которому Кохинхина находилась постоянно въ вассальныхъ отношеніяхъ, и что китайцы вовсе не расположены, въ пользу Франціи, отказаться отъ своего вліянія на сосѣднюю и родственную по племени страну. толкновенія Cнеизбѣжны въ случаѣ упорства Франціи подчи-

нить себѣ аннамскую имперію, а республиканское правительство и не можетъ уже теперь отказаться отъ своихъ притязаній, послѣ того, какъ анамиты нанесли сильное пораженіе французскимъ войскамъ въ Хангоѣ и убили ихъ начальника капитана Ривьера.

— Военныя дѣйствія, начатыя въ Мадагаскарѣ также вслѣдствіе нарушенія мальгашами сомнительныхъ правъ Франціи на часть этого острова, могутъ повести къ еще болѣе серьезному столкновенію съ Англіею, смотрящею весьма недружелюбно на дѣйствія своей заламанішской сосѣдки въ отдаленныхъ колоніяхъ. Но «мадагаскарскій вопросъ» еще темнѣе кохинхинскаго, и чтобы судить основательно о дѣйствіяхъ французовъ въ этой части Африки, надо подождать статей объ этомъ предметѣ еще не появившихся въ иностранныхъ журналахъ.

— За то о третьей африканской территоріи, на которой теперь также усердно работаютъ французы, въ послѣдней книжкѣ «Contemporary Review», появилась весьма любопытная и обстоятельная статья извѣстнаго публициста и политико-экономиста Эмиля Лавеле. Онъ предлагаетъ ни больше, ни меньше, какъ совершенную нейтрализацію рѣки Конго, которую стараются захватить французы. Эта огромная рѣка, протекающая по долинѣ центральной Африки, имѣющей до 900,000 квадр. миль, судоходна почти во всѣхъ своихъ частяхъ, за исключеніемъ пороговъ и водопадовъ на небольшомъ пространствѣ, по которому проложена уже обходная дорога. На Конго уже отправленъ французскій авантюристъ Саворьан-де-Браца, которому правительство Греви поручило недавно сотню солдатъ съ пушками и канонерскими лодками для военныхъ дѣйствій противъ туземцевъ, мѣшающихъ утвержденію на великой рѣкѣ европейской цивилизаціи. Браца основалъ, правда, двѣ станціи на этой рѣкѣ «Франсевиль» и «Брацавиль», но гораздо прежде него на Конго дѣйствовала международная ассоціація, основанная въ 1877 году бельгійскимъ королемъ, съ цѣлью соединенія центральной Африки съ берегомъ Занзибара и учредившая уже три станціи: центральную на озерѣ Танганьика, гдѣ уже ходятъ пароходы, одну французскую въ Кандаѣ и нѣмецкую въ резиденціи королевы Уганды. Теперь отъ Занзибара до Танганьика можно достигнуть въ 50 дней, тогда какъ еще недавно Камеронъ употребилъ на это путешествіе одиннадцать мѣсяцевъ. На Конго, кромѣ того, имѣетъ притязанія Португалія, всегда причислявшая къ своимъ владѣніямъ территорію этой рѣки между 5-мъ и 8-мъ градусомъ южной широты. Голландія, болѣе полутораста лѣтъ торговавшая на Лоангскомъ берегу, основала свои факторіи въ устьѣ Конго. Наконецъ и Германія имѣетъ на этой рѣкѣ свои торговые интересы и недавно отправила на нее двухъ изслѣдователей съ научною цѣлью. Лавеле увѣряетъ, что даже Россія собирается послать туда экспедицію. Но и до тѣхъ поръ пока она соберется, Франціи будетъ не мало труда устранить столкновенія по этому предмету съ другими европейскими державами и врядъ ли ее допустятъ самовольно распоряжаться спорною территоріею и захватывать злачныя мѣста для утвержденія на нихъ цивилизаціи. Уже и теперь Англія явно противодѣйствуетъ завоевательнымъ замысламъ Брацы, и Гладстонъ объявилъ въ парламентѣ, что безъ его согласія не позволитъ рѣшить этого важнаго вопроса. Всѣ эти столкновенія интересовъ различныхъ національностей не обѣщаютъ мира спокойствія въ Европѣ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Проектъ князя Потемкина объ устройствѣ казацкаго войска изъ мѣщанъ и ямщиковъ.

Какъ по волѣ высочайшей вашего императорскаго величества препоручено мнѣ составленіе казацкаго войска изъ мѣщанъ и бывшихъ ямщиковъ, то я здѣсь и подношу образъ устроенія онаго.

О казакахъ, изъ мѣщанъ составляемыхъ.

Мѣщане, состоящіе по городамъ, должны быть всѣ обращены въ военное состояніе подобно донскому войску, съ тѣмъ различіемъ, чтобъ изъ нихъ быть большей части пѣшими и называться казаками пѣшими стрѣлками, раздѣлить ихъ на станицы и ежели при которомъ городѣ ихъ бы было малое число, къ тѣмъ приписывать отъ другихъ городовъ, или лучше меньшее къ большему числу. Внутреннее управленіе станицъ будетъ по образу донскому, т. е. по выбору ихъ станичными атаманами. Ружье дать на первый случай государево, а имянно:

1) Ружье легкое.

2) Пику, которая будетъ имъ служить вмѣсто штыка и утвержденіемъ ради приклада.

3) Широкой ножъ на подобіе турецкаго этагана, вельми ловкій для обороны и ради рубленія лѣсу.

Сіе оружіе дать имъ на одинъ разъ, которое чинить и возобновлять они уже будутъ вѣчно.

Часть изъ сихъ, кои будутъ конные, должны быть тоже снабжены отъ казны оружіемъ, а именно: короткій карабинъ, пика, длиною какъ у донцовъ, одинъ пистолетъ, ножикъ, какъ и у пѣшаго.

Платье, какое кто хочетъ по достатку на образъ казачій и обувь легкую, развѣ изъ особой монаршей милости пожаловано будетъ при выходѣ въ походъ сукно. Волосы имѣть по казачьему, а кто хочетъ имѣть изъ нихъ бороду и то не возбраняется. Обязаны они учиться заряжать проворно, и цѣльно стрѣлять, но не по командѣ, а всякой отдѣлясь особо и разсыпаясь.

Строй ихъ и пѣшей подобиться долженъ казачьему, о чемъ особо предпишется. Въ походъ устроиваться будутъ сотнями. Число, какое губернія выставитъ, можетъ называться будетъ полкомъ, по имени той губерніи.

Начальники ихъ: полковникъ, полковой есаулъ, сотники, хорунжіе, въ сотняхъ десятники изъ казаковъ. Казаковъ въ сотнѣ 212. Въ конные казаки вписывать охотниковъ.

Употребленные на службу въ мирное время получать имѣютъ жалованья въ треть по три рубли и провіантъ, конные тоже и фуражъ на одну лошадь, въ военное время пѣшіе по рублю на мѣсяцъ и провіантъ, конные тоже, но фуражъ на двѣ лошади, а пѣшимъ на подъемныхъ фурахъ указной, которыхъ въ сотнѣ имѣть смотря по обстоятельствамъ. На случай военной по разсмотрѣнію придавать въ каждой полкъ по нѣскольку пушекъ легкихъ. Пушкарей обучить изъ нихъ же.

Какъ сіе войско въ мирное время ничего отъ казны не будетъ получать, но содержать себя и оружіе обязано своимъ коштомъ, то слѣдуетъ снабдить ихъ угодьями, которыхъ въ Россіи впустѣ довольно находится. Весьма бы полезно было еслибы сіи люди переселялись на границы государства, которыхъ они вѣрными бъ охранителями были.

Строй пѣшихъ казаковъ въ лаву, по кучамъ и въ разсыпку.

Построеніе въ лаву неиное что, какъ фронтъ въ одну линію. Можно его дѣлать двойною. Тогда подобна она будетъ двумъ шеренгамъ. Построеніе по кучамъ есть бой какъ бы разсыпными плутонгами одинъ другаго подкрѣпляющими, изъ чего нечувствительно выходитъ шахматное построеніе. Бой въ разсыпку бываетъ въ мѣстахъ неравныхъ, гдѣ натура представляетъ способы закрываться во рвахъ, въ кустахъ, за каменьями и въ лѣсахъ. Сверхъ сего, пріучить ихъ нужно къ удару на бѣломъ ихъ оружіи, а особливо ножами по образу турецкаго юриша, т. е. стремленія, которой производится съ большою скоростію, густою толпою, противу чего безъ артиллеріи рѣдко бы могла устоять регулярная линія. Во всякомъ полку для такой атаки имѣть по меньшей мѣрѣ двѣ отборныя сотни, составленныя изъ людей легкихъ, сильныхъ и предпріимчивыхъ и вооружить ихъ на тотъ случай только однимъ пистолетомъ и ножемъ. Сіи называются у турокъ даркылычи, т. е. своею саблею врывающіеся въ непріятеля.

Ваше императорское величество изъ сего усмотрѣть изволите, что родъ боевыхъ обрядовъ у войскъ иррегулярныхъ имѣетъ въ себѣ нѣкоторое устройство, которое было кажется основаніемъ тактическому строю. Имѣя таковые войска пѣхотные, регулярные полки вашего императорскаго величества не будутъ употребляться, какъ для большихъ постовъ. Всѣ обвѣщательные пѣхотные пикеты или отводы въ мѣстахъ шиканскихъ, кои не позволяютъ сохранять строй, будутъ сими казаками отправляться, а какъ ихъ число велико, то выберутся лучшіе и здоровые на службу. Какая разница съ даваемыми рекрутами, куда самыхъ худыхъ выбираютъ? Сіи люди при здоровомъ сложеніи тѣла, научась всѣмъ до нихъ надлежащимъ изворотамъ и ухваткамъ, сдѣлаются для нашей пѣхоты, какъ кроаты полезны; не будучи озабочены внутреннимъ обрядомъ службы, ниже отягощены попеченіемъ о мундирныхъ вещахъ, все время будутъ имѣть то на службу, то на отдохновеніе. Что они опасны будутъ непріятелю, о семъ нѣтъ сумнѣнія, особливо имѣя способъ безпокоить его безпрестанно, а паче страшны будутъ въ преслѣдованіи его по разбитіи отъ регулярной арміи. Для защищенія замковъ

и крѣпостей съ пользою могутъ употребляться, ибо нѣтъ сумнѣнія, чтобъ они не были добрые стрѣлки.

(Безъ означенія года и числа).

Сообщено Г. В. Есиповымъ.

Племянникъ архіепископа Симона Тодорскаго.

Докладная записка графа А. П. Бестужева-Рюмина императрицѣ Екатеринѣ II.

Анатолій, племянникъ покойнаго архіепископа псковскаго Симона Тодорскаго, пріѣзжалъ изъ Палестины въ С.-Петербургъ въ 1750 году съ частію животворящаго древа креста Христова, будучи тогда архимандритомъ Павло-Георгіевскаго монастыря въ Аѳонской горѣ, и получилъ отъ ея императорскаго величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны высочайшую милость и награжденіе и снабженъ жалованною грамотою для помянутаго монастыря.

За которые его труды къ святой обители константинопольскимъ патріархомъ Кирилломъ произведенъ въ чинъ епископа Милитійскаго.

А потомъ, въ 1757 году, онъ, Анатолій, вновь пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ съ представленіемъ изъ заграничнаго народа въ пользу Россійской имперіи, о которомъ извѣстно въ сенатѣ и въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и отправленъ былъ назадъ съ отвѣтомъ по сему дѣлу, но за учинившимся препятствіемъ паки пріѣхалъ изъ Сѣчи Запорожской въ Петербургъ для истребованія отъ сената надлежащей резолюціи; тогда захватили его, Анатолія, въ синодъ подъ караулъ, а между тѣмъ обвинили его въ синодѣ слѣдующими обстоятельствами:

1) Что отлучился онъ изъ Малороссіи въ Палестину и тамо въ монашескій чинъ вступилъ.

2) Что пріѣзжалъ изъ Палестины въ Россію дважды, а въ синодъ не явился.

3) Что получилъ онъ архіерейскій чинъ отъ константинопольскаго патріарха, а не отъ синода россійскаго.

4) Что отправлялъ онъ божественную службу въ Сѣчи Запорожской съ возглашеніемъ своего имени и съ выключеніемъ епархіальнаго архіерея кіевскаго.

И по такому обвиненію отъ синода лишили его, Анатолія, архіерейскаго чина и послали подъ крѣпкимъ карауломъ къ митрополиту тобольскому въ 1760 г., февраля 18, а по прибытіи его въ Тобольскъ, оный митрополитъ, лиша его, Анатолія, всего монашества, послалъ въ отдаленное сибирскихъ краевъ мѣсто въ вѣчную черную работу въ Кондинскъ.

Съ того времени уже безмала три года страждетъ онъ въ изнуреніи, а какъ нынѣ отъ ея императорскаго величества для благополучной совершенной коронаціи публикованнымъ указомъ ко всѣмъ осужденнымъ людямъ высокое милосердіе показано: помянутый же бывшій епископъ Анатолій никакого важнаго преступленія не сдѣлалъ, кромѣ, что въ Запорожской Сѣчи архіерейское служеніе отправлялъ, но и то по усиленной просьбѣ тамошняго войска, а не по своей охотѣ, то братъ его родной Иванъ Мелесъ всенижайше проситъ о показаніи ему, Анатолію, равнаго другимъ осужденнымъ высокаго милосердія, чтобъ освобожденъ былъ изъ настоящаго заточенія.

Сообщено А. П. Коломнинымъ.

СМѢСЬ.

Дарованіе раскольникамъ гражданскихъ и религіозныхъ правъ.—Черезъ недѣлю послѣ коронаціоннаго манифеста, обнародованъ одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ новаго царствованія. Болѣе чѣмъ десятимилліонному русскому коренному населенію даны права, которыхъ оно напрасно ждало много лѣтъ. Права эти для человѣка важны не менѣе личной свободы, такъ какъ въ нихъ заключается свобода совѣсти, свобода вѣроисповѣданія. Освобожденіе такъ-называемыхъ раскольниковъ отъ вѣкового безправія и всякаго рода притѣсненій—продолженіе великаго освобожденія крестьянъ. «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ», говорилось тогда русскому народу, — теперь народъ этотъ можетъ осѣнить себя безразлично — двуперстнымъ или трехперстнымъ знаменіемъ, не теряя отъ этого своихъ гражданскихъ правъ. Не одну религіозную рознь уничтожаетъ новый законодательный актъ: отнынѣ между двумя половинами русскаго народа, одинаково любящими свое отечество, своего государя, законъ не будетъ преслѣдовать одну изъ этихъ половинъ за то, что она не такъ крестится, какъ другая, слѣдуетъ стариннымъ обрядамъ, читаетъ молитвы по старопечатнымъ книгамъ. Если въ эпоху Петра I раскольники были элементомъ, задерживавшимъ стремленіе Россіи къ цивилизаціи, и крутыя мѣры противъ нихъ, если не оправдывались, то объяснялись государственною необходимостью, то въ наше время подобныя мѣры только возбуждали фанатизмъ, тормозящій правильный ходъ государственной и народной жизни. Лучшій духовный журналъ нашъ «Церковно-Общественный Вѣстникъ» видитъ въ актѣ 23-го мая не расширеніе правъ раскольниковъ, а только «отмѣну разнообразныхъ стѣсненій, какими законъ обставлялъ общественную и даже частную жизнь старообрядцевъ». Журналъ видитъ въ этомъ актѣ первый, очень крупный шагъ въ рѣшеніи раскольничьяго вопроса и не сомнѣвается, что дѣло на этомъ не остановится. «Если бы сдѣлана была, говоритъ онъ, даже меньшая брешь въ плотинѣ, окружавшей заплеснѣвѣлое раскольничье болото — и тогда хлынувшая вода живо размыла бы плотину». Съ этимъ можно вполнѣ согласиться. Вспомнимъ, что въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, Ренанъ, жалѣя о томъ, что онъ не родился гораздо позже, видитъ въ будущемъ—освобожденіе человѣческаго духа отъ всего, что его теперь связываетъ и мѣшаетъ его развитію. Въ этомъ, уже не далекомъ бу-

дущемъ, по мнѣнію знаменитаго автора, несомнѣнно выиграетъ свобода вообще и, что всего важнѣе, свобода совѣсти—драгоцѣннѣйшее благо человѣчества, наконецъ, свобода духа, не только религіозная, но и свобода образованія. Чтобы видѣть, почему печать приписываетъ такое значеніе акту о раскольникахъ, приводимъ главныя положенія его:

«Паспорты на отлучки внутри имперіи выдаются раскольникамъ всѣхъ сектъ, за исключеніемъ скопцовъ, на общемъ основаніи. Всѣмъ вообще раскольникамъ дозволяется производить торговлю и промыслы. Раскольникамъ дозволяется занимать общественныя должности. Когда въ волости, состоящей изъ православныхъ и раскольниковъ, въ должности волостного старшины утвержденъ будетъ раскольникъ, помощникъ его долженъ быть изъ православныхъ. Раскольникамъ дозволяется творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ равно въ особо предназначенныхъ для этого зданіяхъ, съ тѣмъ лишь непремѣннымъ условіемъ, чтобы при этомъ не были нарушаемы общія правила благочинія и общественнаго порядка. Имъ предоставляется исправлять и возобновлять принадлежащія имъ часовни и другія молитвенныя зданія, приходящія въ ветхость, съ тѣмъ, чтобы общій наружный видъ исправляемаго или возобновляемаго строенія не былъ измѣняемъ. На производство этихъ работъ испрашивается разрѣшеніе губернатора. Распечатаніе молитвенныхъ зданій раскольниковъ допускается съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и съ тѣмъ условіемъ, чтобы распечатаніе производилось безъ всякаго торжества. Распечатаніе раскольничьихъ монастырей и скитовъ не допускается. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ значительное населеніе раскольниковъ не имѣетъ ни часовень, ни другихъ молитвенныхъ зданій, дозволяется, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, обращать для общественнаго богомоленія существующія строенія. При этомъ наблюдается, чтобы строенію не былъ придаваемъ внѣшній видъ православнаго храма и чтобы при немъ не имѣлось наружныхъ колоколовъ. Надверные кресты и иконы надъ входомъ въ часовню или въ другое молитвенное зданіе ставить не возбраняется. При погребеніи умершихъ раскольниковъ дозволяются предношеніе иконы сопровождаемому на кладбище покойнику и твореніе на кладбищѣ молитвы по принятымъ у раскольниковъ обрядамъ, съ пѣніемъ, но безъ употребленія церковнаго облаченія. Уставщики, наставники и другія лица, исполняющія духовныя требы у раскольниковъ, не подвергаются за это преслѣдованію. За означенными лицами не признается духовнаго сана или званія, причемъ они считаются въ отношеніи къ правамъ состоянія принадлежащими къ тѣмъ сословіямъ, въ которыхъ состоятъ. Послѣдователямъ раскола воспрещается публичное оказательство, которымъ признаются: крестные ходы и публичныя процессіи въ церковныхъ облаченіяхъ, публичное ношеніе иконъ (за исключеніемъ погребенія умершихъ), употребленіе внѣ домовъ, часовень и молитвенныхъ зданій церковнаго облаченія, или монашескаго и священнослужительскаго одѣяній, и раскольничье пѣніе на улицахъ и площадяхъ».

Этотъ актъ государственной вѣротерпимости встрѣченъ всею журналистикою съ полнымъ сочувствіемъ.

Военные юбилеи. Съ празднованіемъ коронаціи совпали двѣ знаменательныя для нашей военной исторіи годовщины: столѣтняя — основанія черноморскаго флота и двухсотлѣтняя—учрежденія первыхъ полковъ регулярной русской арміи—Преображенскаго и Семеновскаго. Юбилеи эти были отпразднованы съ торжествомъ, принятымъ въ подобныхъ случаяхъ. Высочайшая грамота, данная 15-го мая черноморскому флоту, изобразила значеніе его на берегахъ древняго Понта Эвксинскаго. Первыя верфи появились на берегахъ Азовскаго моря и, 5-го августа 1771 года, небольшая флотилія изъ четырехъ судовъ вышла изъ Еникале къ берегамъ Крыма. Это были первыя

русскія военныя суда, появившіяся въ Черномъ морѣ. Въ 1778 году были заложены Херсонъ съ адмиралтействомъ и корабельною верфью. Черезъ шесть лѣтъ былъ присоединенъ къ Россіи Крымъ и, въ томъ же 1783 году, въ Ахтіарской бухтѣ, занятой нашими сухопутными войсками, начали строить казармы, магазины и адмиралтейство, послужившіе основаніемъ севастопольскаго порта. Первые штаты черноморскаго флота были утверждены въ 1785 году. Судьба его извѣстна. Просуществовавъ полстолѣтія, ознаменованное побѣдою при Синопѣ, послѣднею битвою парусныхъ флота, онъ самъ потопилъ себя въ волнахъ севастопольской бухты, чтобы недостаться непріятелю и сохранить своихъ защитниковъ для геройской обороны крѣпости. Европа, заключая миръ съ Россіею, постановила даже условіемъ его—ограниченіе нашихъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ, и условіе это, уничтоженное нами въ 1870 году, не повело однако въ теченіи долгихъ лѣтъ къ возрожденію нашего флота, ограничившагося постройкою однихъ безполезныхъ и безобразныхъ поповокъ. Будемъ надѣяться, что въ новое столѣтіе флотъ этотъ пріобрѣтетъ свою прежнюю славу. Высочайшая грамота призываетъ его постройкою новыхъ кораблей на преемственное для него поприще чести, пользы и славы.

Юбилей Преображенскаго и Семеновскаго полковъ особенно торжественно праздновался въ Москвѣ, два окрестныя села которой были колыбелью нашей арміи. Въ Старопреображенской слободѣ (нынѣ Тишино) былъ парадъ въ присутствіи августѣйшаго дома, иностранныхъ принцевъ, дипломатическаго корпуса, генералитета. Семеновцамъ и преображенцамъ даны новыя знамена съ георгіевскими и андреевскими лентами. Ко дню юбилея вышли вполнѣ обстоятельно составленныя: «Исторія лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка» и «Исторія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка»—послѣдняя—трудъ законченный, обнимающій оба столѣтія существованія полка со дня его основанія до дня празднованія юбилея. Болѣе подробно изложена исторія полка въ безпрерывныхъ войнахъ, веденныхъ Петромъ I подъ Азовомъ, при осадѣ Нарвы, въ борьбѣ съ Карломъ XII, съ Турціею и Персіею, въ походахъ отъ Бѣлаго моря и береговъ Невы до Каспійскаго моря, отъ Даніи до Урала. Вмѣстѣ съ исторіею этого полка государю поднесенъ великолѣпный альбомъ съ портретами, исполненными фототипіею, и картинами, относящимися къ событіямъ, въ которыхъ участвовали семеновцы, къ ихъ частной и военной жизни, къ измѣненіямъ формы и т. п. Картины эти, писанныя сепіею, изображаютъ подвиги семеновцевъ въ пѣхотномъ строю, и какъ кавалеристовъ—потому что они замѣняли конницу въ 1706—1708 гг. и какъ моряковъ, потому что они успѣшно дѣйствовали и на галерахъ, и одна изъ картинъ альбома изображаетъ морское сраженіе 3-го мая 1703 года, при деревнѣ Калинкиной, предшествовавшее основанію Петербурга.

«Исторіи Преображенскаго полка» вышелъ только одинъ томъ, обнимающій періодъ времени до смерти Петра I (всѣхъ томовъ будетъ четыре). Сначала авторъ рѣшаетъ спорный вопросъ о началѣ образованія «потѣшныхъ» въ маѣ 1683 года, потомъ говоритъ о комплектованіи и организаціи отряда, о его маневрахъ и военныхъ дѣйствіяхъ. Послѣднія главы посвящены внутренней, хозяйственно-бытовой и служебной жизни полка. Отчетливому и вполнѣ серьезному изложенію событій, безъ вычурнаго краснорѣчія и сомнительныхъ анекдотовъ, предпосланъ очеркъ вооруженныхъ силъ старой системы. Но, помимо чисто военнаго взгляда на исторію обоихъ полковъ, желательно было бы, чтобъ авторы обоихъ сочиненій обратили еще больше вниманія на цивилизаторскую роль полковъ, учрежденныхъ геніальнымъ мальчикомъ. Петру было тринадцать лѣтъ, когда онъ завелъ своихъ «потѣшныхъ» съ цѣлью защитить себя отъ стрѣльцовъ, преданныхъ его честолюбивой сестрѣ, окруженной сильными сторонниками, обращавшимися неуважительно съ молодымъ царемъ и его матерью. Черезъ четыре года преображенцы и семе-

новцы составляли уже серьезную боевую силу, имѣвшую артиллерію. Они были въ то же время и драгунами, и инженерами и моряками и судостроителями. Давъ имъ въ 1700 году названіе «лейбъ-гвардіи» Петръ сталъ давать имъ самыя разнообразныя назначенія. Не было ни одной реформы, ни одного учрежденія, въ которыхъ офицеры этихъ полковъ не принимали бы участія. Царь посылалъ ихъ съ дипломатическими и другими порученіями за границу; по Россіи они ѣздили искореняя злоупотребленія, укрощая волненія, засѣдали въ сенатѣ и военной коллегіи. Неразлучаясь никогда съ своимъ царемъ, воспитанные подъ его руководствомъ, они были первыми піонерами цивилизаціи на Руси, образцами не только для остальной арміи, но и для всякаго гражданина, какимъ долженъ быть всякій русскій, по идеалу великаго монарха. Самое войско, по идеѣ Петра, должно было представить силу, не враждебную цивилизаціи, а содѣйствующую ей. Поэтому-то юбилеи первыхъ нашихъ полковъ имѣютъ значеніе не только какъ военный праздникъ, но и какъ праздникъ интеллигенціи.

Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. 26-го мая, при самой торжественной, блестящей обстановкѣ, совершилось въ Москвѣ освященіе грандіознаго историческаго и религіознаго памятника одной изъ славныхъ эпохъ въ жизни Россіи.

Мысль о сооруженіи храма Спасителя явилась послѣ отечественной войны 1812 года. Въ манифестѣ изъ Вильны, отъ 25-го декабря 1812 года, императоръ Александръ говорилъ: «Въ сохраненіе вѣчной памяти и того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ россійскій, и въ ознаменованіе благодарности нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились мы въ первопрестольномъ городѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа».

Первоначально предполагалось поставить храмъ въ окрестностяхъ Москвы, на Воробьевыхъ горахъ. Въ 1816 г., изъ числа представленныхъ на конкурсъ проектовъ храма былъ избранъ проектъ академика живописи Витберга, сына обрусѣвшаго шведа. 12-го октября 1817 года, въ тотъ самый день и на томъ самомъ мѣстѣ Воробьевыхъ горъ, гдѣ за пять лѣтъ передъ тѣмъ имѣлъ послѣдній ночлегъ арьергардъ французской арміи, выступавшей изъ Москвы, была совершена торжественная закладка храма, воздвигавшагося въ память этого событія. На церемоніи присутствовали: Александръ I, императрицы Елизавета Алексѣевна и Марія Ѳеодоровна, великій князь Николай Павловичъ съ супругой и принцъ прусскій Вильгельмъ, нынѣ царствующій императоръ германскій.

Въ 1821 году, было приступлено къ грандіознымъ землянымъ работамъ, но вскорѣ среди «коммисіи по сооруженію храма» возникли несогласія. Кончина Александра I и интриги лицъ, завидовавшихъ дарованію Витберга, снова повліяли на ходъ работъ. Коммисія была закрыта и въ 1828 году рѣшено было прекратить работы на Воробьевыхъ горахъ. Николай I, въ виду невозможности воздвигнуть храмъ на выбранномъ покойнымъ государемъ мѣстѣ, назначилъ новый конкурсъ, однимъ изъ условій котораго состояло въ томъ, чтобы проекты не представляли никакихъ особенныхъ затрудненій при практическомъ ихъ выполненіи. Утвержденъ былъ въ 1832 году проектъ К. А. Тона, какъ болѣе подходящій къ древнему, русско-византійскому стилю. Храмъ воздвигнутъ на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки, близъ Кремля, гдѣ находился прежде Алексѣевскій женскій монастырь, перенесенный въ 1837 году въ Красное Село, близъ Сокольничьей рощи. Отличаясь отъ чисто византійскаго стиля, храмъ представляетъ въ своемъ основаніи квадратъ, периметромъ въ полторы тысячи саженъ; всѣ четыре фасада его имѣютъ одинаковые выступы или порталы, образуя, такимъ образомъ, равноконечный крестъ. Изъ пяти вѣнчающихъ храмъ, грушевидныхъ, ребристыхъ главъ, въ старинномъ

стилѣ, средняя значительно больше остальныхъ, имѣя въ поперечникѣ до 14 саженъ. Она обведена мраморной короной изъ 26 арокъ, украшенныхъ рѣзьбой. Остальныя главы представляютъ форму восьмиугольныхъ башенокъ, служащихъ помѣщеніемъ для 14 колоколовъ разной величины. Бронзовая вызолоченная рѣшетка (до двухъ аршинъ величины) окаймляетъ крышу между малыми главами. Въ храмъ ведутъ двѣнадцать дверей, по три между столбами каждаго изъ четырехъ порталовъ. Освѣщается онъ шестьюдесятью окнами, вышиною отъ одной до четырехъ саженъ. Весь фасадъ облицованъ бѣлымъ мраморомъ (штукатурныя части его то же отдѣланы подъ мраморъ) и украшенъ въ два ряда выпуклыми изображеніями (горельефъ) и изсѣченными надписями. Четыре крыльца и цоколь изъ темнаго гранита. Внутри зданія, на разстояніи двухъ саженъ отъ наружной стѣнки, четыре колоссальныхъ пилона, или башнеобразныхъ столба, поддерживаютъ сводъ, образуя внизу — совершенно отдѣльный корридоръ, а наверху — круговыя хоры (палати). Корридоры, освѣщаемые восемью большими окнами, предназначены для церковныхъ процессій. Они отдѣляются отъ средней части храма бронзовыми рѣшетчатыми дверями, но постоянно открыты для богомольцевъ. На хорахъ же находятся два придѣла.

Высота зданія до вершины креста 48¹/₂ саженъ: колокольня Ивана Великаго (болѣе 46 саженъ) съ крестомъ можетъ установиться подъ яблоко большого купола храма. Вмѣстить храмъ можетъ до десяти тысячъ человѣкъ.

Работы по устройству фундамента окончены были въ концѣ 1839 года и 10-го сентября того же года была совершена торжественная закладка храма.

На постройку стѣнъ и сводовъ, на наружную облицовку храма, въ теченіе четырнадцати лѣтъ, употреблено 40 милліоновъ кирпичей и 6,000 кв. саж. плитъ, проложенныхъ между ихъ рядами. Произведенные поиски привели къ избранію прекрасной породы русскаго мрамора, до того еще никогда не употреблявшагося при постройкахъ и названнаго протопоповскимъ, по мѣсту нахожденія его въ селѣ Протопоповѣ, Коломенскаго уѣзда, близъ Москвы. Этотъ камень, бѣловатаго цвѣта, представлялъ всѣ качества, необходимыя для его назначенія: прочность, однородное сложеніе, значительный блескъ при полировкѣ. Первоначально онъ назначался только для облицовки стѣнъ храма; но позднѣе, когда обнаружилась полная его пригодность, приказано употребить его же и на изваяніе горельефовъ на наружныхъ стѣнахъ. Въ 1849 году оконченъ колосальный сводъ большого купола. Постановка главъ (на позолоту которыхъ употреблено 25 пуд. 31 фунтъ 47 золотниковъ золота—по 2 золотника на каждый кв. футъ) завершила внѣшнюю отдѣлку храма. Когда внутренность его была освобождена отъ лѣсовъ, 27-го августа 1855 года митрополитъ Филаретъ, при огромномъ стеченіи народа, освятилъ крестъ большой главы, передъ поднятіемъ его на мѣсто. Крестъ былъ собранъ посреди храма; вышина его составляетъ 4 сажени, длина каждой изъ цѣпей 11 саженъ. Въ 1858 году были разобраны наружные лѣса, и храмъ явился во всемъ величіи и красотѣ. Съ наружной западной стороны храма, при входѣ, помѣщено изображеніе Христа Спасителя, окруженное силами небесными и святыми, соименными императорамъ-храмосозидателямъ. На восточной сторонѣ помѣщены иконы явленій Богоматери и картины Рождества и Воскресенія, въ воспоминаніе объ изгнаніи враговъ изъ предѣловъ Россіи и о взятіи Парижа. На южной сторонѣ—изображеніе Богородицы Смоленской, образъ которой былъ при войскахъ въ 1812 году, и изображенія тѣхъ святыхъ, дни празднованія которыхъ совпадали съ днями замѣчательнѣйшихъ битвъ 1812 года; наконецъ, на сѣверной—изображены просвѣтители Россіи вѣрою Христовой. Надъ средними дверями главнаго входа находятся изваянія двухъ ангеловъ, держащихъ развернутую хартію со словами: «Господь силъ съ нами». Надъ двумя другими дверьми, справа, два ангела съ крестообразно-наклоненными хоругвями, въ память московскаго ополченія, имѣвшаго вмѣсто знаменъ

церковныя хоругви; слѣва, два ангела, держащіе наклоненныя знамена съ изображеніемъ на нихъ креста. На карнизѣ четырехъ порталовъ вырублены надписи. Внутренность храма представляетъ разнообразіе колеровъ въ облицовкѣ стѣнъ, узорѣ пола и проч., при значительномъ преобладаніи темныхъ цвѣтовъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ мраморныя работы. Матеріаломъ для облицовки внутреннихъ стѣнъ, инкрустацій, мозаики пола (въ видѣ красиваго ковра съ разноцвѣтными звѣздами, шашками и проч.), тумбъ для хоругвей, аналоевъ и проч., послужили, кромѣ четырехъ итальянскихъ и одного бельгійскаго сортовъ, два русскихъ: лабрадоръ—темнозеленаго цвѣта съ кристалами серебристаго блеска, добываемый въ Кіевской губерніи и впервые употребленный въ дѣло при построеніи храма, и шокшинскій порфиръ — темнокраснаго цвѣта, добываемый въ Олонецкой губерніи, близъ мѣстечка Шокши. Итальянскіе мраморы имѣютъ цвѣта: голубоватый, желтый, краснопестрый и бѣлый съ жилками; бельгійскій мраморъ—черный. Къ этимъ сортамъ прибавлена сибирская яшма, изъ которой высѣчены двѣнадцать цѣльныхъ колоннъ у сѣверной и южной входныхъ дверей. Особенную красоту и богатство придаетъ внутреннему виду храма множество изящныхъ и разнообразныхъ орнаментовъ въ русскомъ стилѣ, разрисованныхъ золотомъ и масляными красками.

Согласно волѣ Александра I, храмъ Христа Спасителя выполняетъ и историческое назначеніе; весь нижній корридоръ посвященъ воспоминанію о событіяхъ отечественной войны, увѣковѣченныхъ въ надписяхъ (болѣе 200,000 буквъ) на 177 бѣлыхъ мраморныхъ плитахъ. Эти плиты расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: налѣво отъ входа, на первой плитѣ изсѣченъ высочайшій приказъ арміямъ и рескриптъ предсѣдателю государственнаго совѣта, графу Салтыкову, о вступленіи непріятеля въ предѣлы Россіи; далѣе — воззваніе къ Москвѣ и манифестъ о вооруженіи Россіи. Затѣмъ, идутъ въ хронологическомъ порядкѣ: по лѣвой сторонѣ до алтаря описанія сраженій 1812 года (внутри Россіи); по правой битвы 1813—1814 годовъ (за предѣлами ея), съ поименованіемъ дня и мѣста сраженій, частей участвовавшихъ въ нихъ войскъ, главноначальствовавшихъ, убитыхъ, раненыхъ и отличившихся. Эта лѣтопись оканчивается направо отъ входа манифестомъ о взятіи Парижа, низложеніи Наполеона и о заключеніи мира въ Европѣ. На стѣнѣ, соприкасающейся горнему мѣсту, за алтаремъ, помѣщенъ манифестъ о построеніи храма во имя Христа Спасителя въ Москвѣ; подъ нимъ живописное изображеніе храма по проекту Тона; ниже—рисунокъ храма по проекту Витберга. Здѣсь же находятся: благодарственные манифесты русскому народу, Москвѣ и русскому дворянству, манифестъ объ учрежденіи медали въ память 1812 года; составъ ополченія и перечень пожертвованій, сдѣланныхъ различными городами и частными лицами для спасенія отечества. По угламъ корридора поставлены четыре мраморныхъ кіота, съ неугасимыми лампадами передъ 12 иконами, изъ которыхъ каждая имѣетъ особое значеніе, относящееся къ этой славной эпохѣ.

Кромѣ иконъ, въ корридорѣ надъ тремя входными дверями помѣщены съ каждой стороны шесть живописныхъ изображеній Христа Спасителя: благословляющаго входящихъ на молитву и исходящихъ изъ храма; призывающаго всѣхъ труждающихся и обремененныхъ; Нерукотворнаго Спаса; Христа въ царскомъ облаченіи; Іисуса младенца, и Христа въ архіерейскомъ облаченіи.

Средняя часть храма, т. е. пространство между четырьмя пилонами, имѣетъ 32 аршина въ ширину и 22 аршина отъ западныхъ входныхъ дверей до солеи, отдѣленной бронзовой рѣшеткой и бѣломраморной клиросной балюстрадой. Иконостасъ устроенъ въ видѣ восьмигранной часовни изъ бѣлаго мрамора съ разноцвѣтными инкрустаціями; вѣнчающій ее бронзовый вызолоченный шатеръ состоитъ изъ четырехъ ярусовъ, въ которыхъ помѣ-

щены иконы; онъ съуживается кверху и оканчивается большой главой съ крестомъ. Вышина часовни съ шатромъ 37 аршинъ. Лицевая сторона часовни служитъ для царскихъ вратъ, изъ отливной бронзы (работы Шопена). Въ боковыхъ сторонахъ часовни помѣщены мѣстные образа (работы профессора Неффа); справа—образъ Спасителя, слѣва—образъ Рождества Христова. На восточной стѣнѣ алтаря находится запрестольное колоссальное изображеніе также Рождества Христова. У юго-западнаго пилона устроено въ 1881 году царское мѣсто, въ видѣ возвышенной площадки, съ поставленными на немъ двумя мраморными креслами; надъ ними помѣщена картина: «Самуилъ, по повелѣнію Божію, помазуетъ на царство Давида», на противоположной сторонѣ, надъ каѳедрой для проповѣдниковъ, изображенъ «преподобный Сергій, благословляющій на брань Димитрія Донского». На хорахъ два малыхъ придѣла: во имя Николая Чудотворца и Александра Невскаго, соименныхъ покровителей трехъ императоровъ-созидателей храма.

Средина храма посвящена событіямъ земной жизни Спасителя, а прочія священныя картины поставлены въ связи съ болѣе знаменательными событіями какъ духовной, такъ и гражданской жизни нашего отечества. Вся живопись исполнена исключительно русскими художниками. Главный иконостасъ состоитъ изъ четырехъ ярусовъ, въ которыхъ помѣщены, кромѣ мѣстныхъ образовъ, Господни и Богородичны праздники, и святые ветхозавѣтной и новозавѣтной церквей; въ алтарѣ же—изображенія страстей и смерти Господнихъ, изъ которыхъ особенно замѣчательна, какъ по яркости красокъ, такъ и по типичности фигуръ — «Тайная Вечерь». Бронзовыя работы въ храмѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ по своей цѣнности, такъ и по художественной отдѣлкѣ. Большая бронзовая вызолоченная люстра о 48 свѣчахъ вѣситъ почти 229 пудовъ; нѣсколько другихъ люстръ и люстро-лампадъ разныхъ размѣровъ, а также канделябры и подсвѣчники, помѣщенные на рѣшеткахъ, окаймляющихъ хоры и карнизъ купола, даютъ возможность освѣщать храмъ при ночныхъ богослуженіяхъ 3,200 свѣчей.

Великолѣпію внутренней отдѣлки храма соотвѣтствуютъ церковная утварь и облаченія священнослужителей; надъ исполненіемъ утвари трудились лучшіе московскіе фабриканты: Овчинниковъ, Хлѣбниковъ и друг. Въ числѣ ея замѣчательны: большое евангеліе, золоченое съ эмалью и камнями, въ древнемъ византійскомъ стилѣ; дарохранительница для главнаго алтаря чеканной обронной работы; блюдо для благословенія хлѣбовъ, золоченое съ эмалью, въ древнемъ стилѣ. Всѣ 117 предметовъ утвари обошлись въ сложности 50,809 руб. Восемь перемѣнъ облаченій, исполненныхъ Сапожниковымъ изъ золотого глазета, серебряной парчи, бархата и проч. стоятъ 44,140 руб.

Въ 1880 году храму присвоено наименованіе «каѳедральнаго», соотвѣтственно чему утвержденъ штатъ духовенства и причта новаго собора, сравненныхъ со штатами Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ; на все же содержаніе храма опредѣлено въ годъ 68,408 руб.

На площади кругомъ храма разбитъ кустарниковый скверъ, окруженный бронзовой рѣшеткой, которая пересѣчена четырьмя подъѣздами. На южной сторонѣ, съ набережной, устроенъ спускъ къ каменной Іордани на Москвѣрѣкѣ, и поставлены два обелиска изъ орудій, отнятыхъ у непріятеля въ предѣлахъ Россіи въ 1812 году и во время похода въ Парижъ въ 1813—1814 годахъ.

Памятникъ Александру и Вильгельму Гумбольдтамъ. Въ Берлинѣ недавно праздновалось открытіе памятника двумъ выдающимся ученымъ нашего столѣтія. Статуи братьевъ Гумбольдтовъ, изображенныхъ въ сидячемъ положеніи, были, какъ водится, осыпаны вѣнками, лаврами, рѣчами, адресами и стихами. Подобные торжества, устраиваемыя если не представителями власти и правленія, то съ ихъ благосклоннаго разрѣшенія и соучастія, напоминаютъ имъ въ то же время, что въ этомъ мірѣ власть, сила, правительственныя заслуги—все

проходитъ и забывается — остается вѣчнымъ, незабвеннымъ только умъ, мысль, дѣльное и честное печатное слово. Изъ двухъ братьевъ Гумбольдтовъ одинъ умеръ почти полвѣка тому назадъ, другой не болѣе четверти вѣка — и вотъ теперь оба воскресли въ художественныхъ изваяніяхъ, въ многочисленныхъ рѣчахъ, посвященныхъ восхваленію ихъ, дѣйствительно замѣчательныхъ заслугъ. Старшій братъ, баронъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, ученикъ филантропа Кампе, знаменитъ какъ критикъ и филологъ. Онъ былъ правда, представителемъ своего отечества при лондонскомъ, вѣнскомъ и римскомъ дворахъ, на конгресахъ Шатильонскомъ, Вѣнскомъ, Ахенскомъ, даже министромъ внутреннихъ дѣлъ, но не правительственныя заслуги сдѣлали его извѣстнымъ. Служебное поприще его кончилось еще въ 1819 году, когда онъ оставилъ министерскій постъ, не желая дѣйствовать въ духѣ реакціи, усилившейся тогда въ Пруссіи. И только съ тѣхъ поръ онъ создалъ себѣ громкое имя въ филологіи. Правда, еще въ 1789 году, бывши въ Парижѣ и пораженный громадностью совершившагося тамъ переворота, онъ написалъ объ немъ замѣчательное изслѣдованіе, которое развилъ потомъ въ 1792 году въ журналѣ «Berliner Monatschrift» и наконецъ обратилъ въ отдѣльное сочиненіе «Идеи попытки опредѣленія границы дѣятельности государства». Но сочиненія подобнаго содержанія не могли доставить извѣстности въ Пруссіи, и Вильгельмъ Гумбольдтъ изумилъ ученыхъ своимъ «Изслѣдованіемъ языка кави на островѣ Явѣ». Это былъ первый шагъ къ изученію имъ цѣлой серіи языковъ Океаніи и островов южнаго океана, связывающихъ Индію съ Америкой. Еще важнѣе по своимъ результатамъ былъ второй трудъ его «О различіи образованія языковъ и ихъ вліяніи на человѣка». Какъ критикъ онъ прославился своими «Эстетическими опытами», написанными по поводу гетевской поэмы «Германъ и Доротея» и теоріи эпопеи. Не менѣе замѣчательны его изслѣдованія эллинскаго міра, языка басковъ и, въ особенности, китайскаго языка. Онъ писалъ также хорошіе стихи и перевелъ «Агамемнона» Софокла.

Имя его брата, Александра, дожившаго до 90 лѣтъ, извѣстно всему образованному міру. Результаты своихъ безчисленныхъ путешествій, наблюденій, изученій, печатавшихся на нѣмецкомъ, французскомъ и латинскомъ языкахъ, онъ собралъ, подъ старость, въ книгѣ, сдѣлавшейся классическою. Его «Космосъ»—панорама всей природы, съ ея двойнымъ отраженіемъ на моральную и физическую организацію человѣка. Гумбольдтъ не изслѣдователь природы, онъ—объяснитель ея значенія и отношеній къ мыслящему міру. Передъ этою заслугою блѣднѣютъ всѣ другія, чисто ученыя и спеціальныя его изслѣдованія—горныхъ цѣпей, напряженности земного магнитизма, ослабѣвающаго по мѣрѣ удаленія отъ полюсовъ, основанія географіи растеній, примѣненій хронометра къ опредѣленію географическихъ долготъ и пр. Какъ человѣкъ, въ высшей степени гуманный и просвѣщенный, стоя близко къ трону, онъ всегда былъ передъ нимъ заступникомъ за впавшихъ въ немилость, ходатаемъ за заслуги, поборникомъ правды и законности. Мы обязаны ему вполнѣ научнымъ изслѣдованіемъ Урала, Алтая, Каспія, Джунгаріи, и признаніе великаго значенія этого знатока и любителя природы, открытіе его памятника не можетъ не интересовать русскаго человѣка.

† Въ Дамаскѣ умеръ 76-ти лѣтъ забытый всѣми, но нѣкогда занимавшій умы всей Европы, предводитель алжирскихъ арабовъ Абдель Кадеръ, отстаивавшій независимость своего племени противъ завоевательныхъ стремленій Франціи. Имя его наполняло собою всю исторію царствованія Луи-Филиппа, тревожило не одну французскую, но и европейскую дипломатію. Одно время (въ 1834 году) онъ былъ совершенно независимымъ властителемъ области между Мароко и провинціями Оранской и Алжирской. Онъ жилъ въ своей столицѣ Маскара и разбивалъ одного за другимъ французскихъ генераловъ. Только Бюжо положилъ конецъ владычеству Абдель Кадера и, въ 1847 году, онъ принужденъ

былъ сдаться генералу Ламорисьеру. Заключенный сначала въ замкѣ Амбуазъ, онъ былъ освобожденъ въ 1852 году Луи-Наполеономъ и отправленъ въ Бруссу съ обязательствомъ не поднимать болѣе оружія противъ Франціи. Арабскій вождь честно сдержалъ свое обѣщаніе и съ тѣхъ поръ, въ теченіи слишкомъ тридцати лѣтъ, не вмѣшивался болѣе въ политическія смуты и восстанія алжирскихъ племенъ. Во время восстанія 1860 года въ Дамаскѣ, куда онъ переселился, когда Бруссa была разрушена землетрясеніемъ, Абдель Кадеръ явился защитникомъ христіанъ и оказалъ имъ много услугъ. Франція выдавала ему сто тысячъ франковъ годового содержанія, но онъ жилъ очень скромно съ своими одиннадцатью дѣтьми, оставшимися въ живыхъ изъ 24-хъ, прижитыхъ съ тремя женами. Старшій сынъ его принялъ участіе въ восстаніи противъ Франціи и Абдель Кадеръ отрекся отъ него. Во время войны съ Германіей бывшій врагъ Франціи предлагалъ Луи-Наполеону и потомъ правительству національной обороны — стать въ главѣ алжирскихъ отрядовъ на защиту страны, наводненной непріятелемъ. Предложеніе не было принято, но онъ не переставалъ считать Францію своимъ вторымъ отечествомъ и когда отъ нее отторгли Эльзасъ и Лотарингію, прислалъ три тысячи франковъ разореннымъ эльзасцамъ. Военныя способности Абдель Кадера несомнѣнны, хотя, какъ дикарь, чуждый цивилизаціи, онъ поступалъ жестоко съ плѣнными солдатами и поселенцами. Оправданіемъ ему въ этихъ поступкахъ можетъ служить впрочемъ то, что сами французы обращались нисколько не гуманнѣе съ плѣнными бедуинами и кабилами.

† Въ Парижѣ умеръ 72-хъ лѣтъ замѣчательный публицистъ Эдуардъ-Рене **Лабуле**. Онъ сдѣлался извѣстенъ сочиненіями по исторіи права: «Изысканія о положеніи женщинъ», «Исторія права земельной собственности на Западѣ». Профессоръ сравнительнаго законодательства, врагъ второй имперіи, онъ читалъ лекціи въ демократическомъ духѣ и издавалъ книги, имѣвшія большой успѣхъ «О рабствѣ», «Религіозная свобода», «Исторія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ». Его сатирическій романъ «Парижъ въ Америкѣ» (1863 г.), «Сказка—памфлетъ», «Принцъ—собачка» (1868 г.) въ нѣсколько мѣсяцевъ выдержали множество изданій. Замѣчательный писатель, Лабуле былъ плохой политикъ: въ 1870 году онъ повѣрилъ плебисциту объ измѣненіяхъ въ конституціи и обнародовалъ письмо въ защиту наполеоновскаго правленія, отчего вдругъ потерялъ всякую популярность и долженъ былъ прекратить свои лекціи. Въ 1872 году онъ былъ избранъ въ члены національнаго собранія и сталъ дѣйствовать въ прежнемъ демократическомъ направленіи, держась однако умѣренно-либеральной партіи лѣваго центра. Въ 1875 году его избрали пожизненнымъ сенаторомъ, но онъ снова возбудилъ противъ себя неудовольствіе либеральной партіи опозиціею законамъ, направленнымъ противъ клерикаловъ. Ему особенно посчастливилось въ нашей литературѣ: всѣ его лучшія сочиненія переведены на русскій языкъ: «Парижъ и Америка» (1863 г.), «Народное образованіе» (1866 г.), «Государство и его предѣлы», «Судъ и полиція», «Принцъ—собачка» (1868 годъ; послѣднее сочиненіе въ двухъ переводахъ), «Исторія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ», «Арабскія сказки», «Сказки, разсказы, очерки и рѣчи Лабуле» (1869 г.), «Французская администрація» (1870 г.), «Дворецъ жизни» (1871 г.), «Новыя сказки» (1872 г.).

† Въ Лиссабонѣ умеръ одинъ изъ послѣднихъ, остававшихся въ живыхъ родственниковъ знаменитаго композитора, полномочный министръ нашъ при Португальскомъ дворѣ, Дмитрій Павловичъ **Глинка**. Онъ долгое время состоялъ при посольствѣ въ различныхъ германскихъ дворахъ, былъ секретаремъ русскаго посольства въ Лондонѣ, полномочнымъ министромъ въ Ріо-Жанейро и въ Лиссабонъ назначенъ въ 1871 году. Онъ занимался вмѣстѣ съ тѣмъ философіею и написалъ, между другими произведеніями въ этомъ родѣ, книгу, возбудившую въ ученомъ мірѣ оживленную полемику. Книга эта, названная авторомъ «Наука и человѣческое общество» затрогиваетъ пред-

меты, которыми не перестають интересоваться мыслящіе люди. Книга написанная по-французски выдержала четыре изданія, нѣсколько разъ передѣлывалась и была переведена въ 1870 году на русскій языкъ П. А. Вибиковымъ. Журналы наши представили подробную критическую оцѣнку этого сочиненія («Дѣло», 1870 годъ № 7, статья Н. В. Шелгунова, подъ названіемъ «Право и свобода», «Отечественныя Записки» 1871 года, № 2; «Знаніе», 1871 года № 1). Покойный былъ также большимъ любителемъ искуства и обладалъ замѣчательною картинною галереею.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей.

Въ исторіи литературы мы почти съ первыхъ дошедшихъ до насъ страницъ встрѣчаемся съ псевдонимами, т. е. вымышленными именами авторовъ. Изслѣдованія показываютъ, что псевдонимы имѣли довольно значительное распространеніе еще во времена классической древности [1]). Слѣдуя далѣе, мы замѣчаемъ, что съ развитіемъ книжнаго дѣла и съ появленіемъ книгопечатанія они начинаютъ встрѣчаться чаще и чаще. Въ особенности велико было ихъ употребленіе во второй половинѣ XVIII столѣтія, во Франціи [2]). Къ этому же времени слѣдуетъ отнести появленіе ихъ и въ русской литературѣ, куда они перешли со многимъ другимъ съ запада. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени употребленіе псевдонимовъ и буквенныхъ подписей возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Я не ошибусь, если скажу, что болѣе половины современныхъ литературныхъ произведеній печатается или безъ подписи (анонимы) или подписаны псевдонимами.

Псевдонимы и буквенныя подписи въ русской литературѣ изслѣдованы пока очень мало. Самыми важными трудами по этому вопросу слѣдуетъ считать: «Матеріялы для словаря псевдонимовъ» [3]), собранные С. Желѣзнякомъ (С. Пономаревымъ) и изслѣдованіе подъ такимъ же заглавіемъ, П. Быкова [4]). Разумѣется, что эти немногіе труды не составляютъ и десятой доли всей этой кропотливой работы, въ видахъ успѣшности которой весьма желательно, чтобы наши библіографы приняли болѣе дѣятельное участіе въ собираніи псевдонимовъ и не затруднялись сообщать о нихъ въ печати. Важность составленія словаря псевдонимовъ, въ особенности для исторіи литературы, надѣюсь, неоспорима. Библіографія другихъ странъ уже давно позаботилась о подобнаго рода изслѣдованіяхъ; для примѣра укажу хоть на многотомный словарь псевдонимовъ французскихъ писателей, составленный извѣстнымъ Барбье.

---

[1]) Такъ, напримѣръ, почти всѣ сборники писемъ, оставшіеся отъ греческой древности, подписаны псевдонимами; таковы письма: Ѳемистокла, Фалариса, Менандра, Кратеса и др.

[2]) Болѣе извѣстны псевдонимы: Вольтера, Бенуа де-Мелье (de-Maillet), Паскаля, С. Гіацинта и др.

[3]) «Русскій календарь» А. Суворина, на 1881 г., стр. 281—300.

[4]) «Россійская Библіографія», 1881 г., № 93 (17), стр. 362 — 366. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе П. Быкова доведено только до буквы «Л.». Кромѣ того, въ «Рос. Библ.» помѣщены «Дополненія къ матеріямъ для словаря псевдонимовъ», составленныя П. Библіографомъ (П. Васильевымъ) и Д. Мордовцевымъ. Въ нихъ указано всего 18 новыхъ псевдонимовъ.

Къ настоящей замѣткѣ я прилагаю составленный мною списокъ псевдонимовъ и буквенныхъ подписей русскихъ писателей, не вошедшихъ въ «Матеріалы» С. Желѣзняка и П. Быкова. Въ него я счелъ не лишнимъ включить и 18 псевдонимовъ, указанные П. Библіографомъ и Д. Мордовцевымъ [1]).

А.

*А. Б. (Статист. изд.)—А. И. Баландинъ.
А. Бѣжецкій («Новое Время»)—А. Н. Масловъ.
А—въ Л. Н. («Заря»)—Л. Н. Антроповъ.
А. Е. («Биржев. Вѣд.»)—А. Ерошенко.
Авъ («Сарат. Лист». 1881—82 гг.)—И. А. Саловъ.
А. И. С. («Сарат. Сборн.» 1881 г.)—А. И. Соколовъ.
Алекторъ («Стрекоза») и др.)—Н. А. Лейкинъ.
А. С. («Худож. Нов.»)—А. И. Сомовъ.
А. С. («Труды И. В. Э. Общ.»)—А. В. Совѣтовъ.
А. С—кій («Историч. Вѣстникъ»)—А. И. Соболевскій.

Б.

Баронъ Миловзоровъ («Юмор. Журн.»)—И. Н. Измайловъ.
Б—въ А. («Труды И. В. Э. Общ.»)—А. М. Бутлеровъ.
*В. Гнв. («Древн. и Нов. Рос.»)—Д. Л. Мордовцевъ.
*В. Гнв. (тамъ же). Н. А. Бѣловерская.
*Берне изъ Бердичева («Дѣло», 1870 г.)—Д. Л. Мордовцевъ.
В. М. («Отголоски»)—графъ П. А. Валуевъ.
*Богучаровъ И. («Голосъ» и др.)—Д. Л. Мордовцевъ.

В.

Ванька Хрѣновъ («Гудокъ»)—С. Н. Терпигоревъ.
В. З. и В. Р. З. («Историч. Вѣстникъ»)—В. Р. Зотовъ.
В. И. («Руск. Стар.»)—В. С. Иконниковъ.
Викторъ Александровъ (Театр. піесы)—В. А. Крыловъ.
*В. И. М. («Указ. къ От. Зап. 47—57 г.»)—В. И. Межовъ.
В. К. («Загр. Вѣстн.»)—В. Коршъ.
Влад—овъ («Рус. Мысль» и др.)—И. А. Пашковъ.
В. М. К. («Гражд.»)—князь В. Мещерскій.
В. Н. Д. («Жив. Обозр.» и др.)—В. И. Немировичъ-Данченко.
В. П. («Новое Время»)—В. К. Петерсенъ.
*Волна («Голосъ»)—Б. Маркевичъ.

Г.

Г. («Современникъ» 40 г.)—Я. К. Гротъ.
Гамлетъ («Юмор. Журн.»)—И. Н. Измайловъ.
Г—ва К. («Женск. Вѣстн.»)—С. Н. Бажина.
Графъ Алексисъ Жасминовъ («Нов. Вр.»)—В. П. Буренинъ.
Г—с—в. («Сарат. Лист.» 1880—81 гг.)—С. В. Гусевъ.

Д.

*Д. («Отеч. Зап.» 70 гг.)—Н. А. Демертъ.
*Діонисьевъ Д. («Отеч. Зап.» 74 г.)—Д. Л. Мордовцевъ.
Дмитрій Минъ («Соврем.»)—Д. Д. Минаевъ.
Докторъ Фрейшюцъ («Современная медицина»)—Н. С. Лѣсковъ.

---

[1]) Въ отличіе отъ собранныхъ мною, они отмѣчены *.

Е.

Ев. Б—въ («Труды И. В. Э. Общ.»)—Е. Бубновъ.
Е. Г. («Историческій Вѣстникъ»)—Е. М. Гаршинъ.
Екатеринославцевъ («Жив. Обозр.»)—Г. Паперъ.

И.

Иванъ Анучинъ («Буд.»)—К. М. Станюковичъ.
И. Б—въ («Историческій Вѣстникъ»)—И. Д. Бѣловъ.
И. Г. («Село и деревня». Каз. 75 г.)—А. И. Герценъ.
Иксъ («Зритель» и др.)—И. Н. Измайловъ.
И. Н. («Ода на взятіе Очакова». Спб. 1790 г. и др.)—Н. С. Ильинскій (?).
*Илецкій Мих. («Соврем.», 62 г.)—М. Л. Михайловъ.
*И. Т. («Спб. Вѣд.» 70 гг.)—И. С. Тургеневъ.
Иф..лъ («Историч. Вѣстн.»)—В. И. Герье.

К.

Каменный Гость («Сар. Лист.»)—И. П. Горизонтовъ.
К. В. («Биржж. Вѣд.»)—В. С. Курочкинъ.
К. В. М. («Гражд.»)—князь В. Мещерскій.
К. Г. (Перев. поэмы Геснера «Авелева смерть». М. 1799 г.)—Г. Н. Кольчугинъ.
К. Н. В. («Историч. Вѣстн.»)—Е. П. Карновичъ.
Касьянъ Ямановъ («Стрекоза» и др.)—Н. А. Лейкинъ.
Классикъ («Петерб. Листокъ»)—А. Ф. Ивановъ.
Ковшевъ («Стрекоза» и др.)—князь Ф. В. Кугушевъ.
Котъ Мурлыка («Рус. Мысль», «Нов. Вр.» и др.)—Н. П. Вагнеръ.
Красовъ М. И. («Мысль»)—Л. Е. Оболенскій.
Кр—въ М. (Мысль»)—Онъ же.
*Крылова Н. («Сборн. послов. для юнош.». Спб. 59 г.)—Н. Д. Дестунисъ.
К—скій В. И. («Сел. Х. и Л.». 1882 г., № 8)—В. И. Ковалевскій.

Л.

La («Сарат. Лист.»)—М. Ларіоновъ.
Л. В. («Соврем.» 38 г.)—Я. К. Гротъ.
Литанъ («Осколки»)—Г. А. Нивлянскій.
Лкн. («Осколки» и др.)—Н. А. Лейкинъ.
Л....н. («Мысль»)—Л. Е. Оболенскій.
Л. О. («Мысль»)—онъ же.

М.

Максимъ Бѣлинскій (совр. журналы)—I. I. Ясинскій.
Марало Iерихонскій («Будильникъ»)—Л. И. Пальминъ.
М. В. («Музык. Газ.»)—М. Вильде.
М. Г. («От. Зап.»)—М. К. Горбунова.
*Миртовскій («Кам.-Вол. Газ.» 73 г.)—В. К. Лавровскій.
Мишла («От. Зап.»)—М. И. Орфановъ.
Мих. Н—евичъ («Историч. Вѣстн.»)—В. О. Михневичъ.
Морской Н. («Нива» и др.)—Н. К. Лебедевъ.
М. П. П.—К. («Дѣт. Отдыхъ» 83 г., № 1)—М. П. Петруша-Коленченко.
М. У. А. (Пер. «Молодымъ дѣтямъ наука» Еразма Ротердамскаго. Спб. 1798)—А. Мельгуновъ.

Н.

Нарская Е. («Рус. Вѣстн.» 60 гг.)—княгиня Е. Шаликова.
*Н. В. («Справ. Кав. Лист.» 67 г.)—Н. Н. Буличъ.
Не стыжусь («Библ. для Чт.» 60 гг.)—А. Ѳ. Писемскій.
Николай Ивановъ («Оса» и др.)—Н. И. Шульгинъ.
Нико-Ники («Минута»)—Н. К. Никифоровъ.
Н. Л. («Ист. Вѣстн.»)—Н. С. Лѣсковъ.
Н. Л. («Журн. ром. и пов.»)—Н. Ланская.
Н. М. («От. Зап.»)—Н. Михайловскій.
Н. С. («О сущности и значеніи раскола въ Россіи». Спб. 1881 г.) — Н. Субботинъ.
Н. С. К. («Историческій Вѣстникъ»)—Н. С. Кутейниковъ.

О.

О—ій Л. («Мысль»)—Л. Е. Оболенскій.
Ок—цъ С. С. («Лучъ»)—С. С. Окрейцъ.
Омулевскій («Жив. Обозр.» и др.)—И. В. Ѳедоровъ.
О—нъ П. («Искра»)—П. А. Ефремовъ.
*Оса («Молва» и др.)—Н. Ѳ. Ваталинъ.
Осиповичъ А. («От. Зап.»)—А. О. Новодворскій.
Островитянинъ («Спб. Вѣд.» 71 г., № 42)—Я. К. Гротъ.

П.

Пассажиръ 2 класса («Спб. Вѣд.» 74 г., № 248)—Я. К. Гротъ.
П. В. («Русскій Архивъ»)—П. Бартеневъ.
*Петербургскій Старожилъ («Рус. Вѣстн.» 74—76 гг. и др.)—В. Н. Бурнашевъ.
Праздношатающійся («Пет. Лист.»)—А. А. Соколовъ.
Прокопъ («Стрекоза» и др.)—В. А. Прокофьевъ.
Протопоповъ М. А. (Дѣло» и др.)—Н. Морозовъ.
П. П. («Жив. Обозр.»)—П. Н. Полевой.
П. У. («Истор. Вѣстн.»)—П. С. Усовъ.
П—цъ (Пер. съ фр. «Заблужд. любви и ума». М. 1802 г.)—А. Сербина.
П. Я. («Откликъ». Спб. 1881 г.)—П. Якубовичъ.

Р.

Русскій учитель. («Спб. Вѣд.» 1871 г., № 42)—Я. К. Гротъ.

С.

S. («Рус. Вѣстн.» 62 г.)—П. И. Мельниковъ.
С—въ Ѳ. («Сарат. Дневн.» 81 г.)—Ѳ. А. Созоновъ.
С. Г. («Рус. совр. дѣятели». Спб. 1877 г.)—С. Глазенапъ (?).
Сергѣй Атава (соврем. журналы)—С. Н. Терпигоревъ.
*Сибирскій казакъ («Древн. и Нов. Рос.» 1876 г.)—С. И. Черепановъ.
*Сибирскій казакъ («Соврем.» 60 г.)—П. А. Тино-Пашино.
Скалозубъ (Юмор. журн.)—А. А. Плещеевъ.
Слово Глаголь («Сарат. Лист.»)—С. Гусевъ.
С. Н. Ш. («Истор. Вѣстн.»)—С. Н. Шубинскій.
Старый воробей («Петерб. Листокъ»)—А. Ф. Ивановъ.

Т.

Театральный нигилистъ («Пет. Лист.)—А. А. Соколовъ.
Трефовый король («Осколки» и др.)—Л. И. Пальминъ.

Ф.

Ф. Черниговецъ («Новое Время» и «Петерб. Газета»)—Ѳ. В. Вишневскій.

Х.

Х. («Спб. Вѣд.» 71 г., № 196)—Я. К. Гротъ.

Ш.

Шпажинскій (Театр. піесы)—Н. Везовскій (?).

Ю.

Юрко Г. («Міръ»)—Г. Говоруха-Отрокъ.

Я.

Я—ій І. («Жив. Обозр.» 81 г.)—І. І. Ясинскій.
Я. К. («Труды И. В. Э. Общ.»)—Я. Калинскій.

Ѳ.

Ѳ. В. («Истор. Вѣстн.»)—Ѳ. И. Булгаковъ.
Ѳедосѣевецъ («Дѣло» и др.)—Я. Абрамовъ.
Ѳома Брутъ («Рус. Слово»)—Д. Л. Мордовцевъ.
Ѳ. Т. («Сѣв. Пчела» 62 г.)—Ѳ. М. Толстой.

Звѣздочки.

*** («Соврем.» 1866 г. «Пѣсни о свободн. словѣ»)—Н. А. Некрасовъ.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ замѣтить, что въ изслѣдованіи С. Желѣзняка псевдонимы Н. В. Гоголя («Глечикъ» и «Яновъ») показаны неправильно. Настоящій ихъ видъ, въ какомъ они были напечатаны въ «Литературной Газетѣ» 1831 г. слѣдующій: «П. Глечикъ» и «Г. Яновъ». Первый псевдонимъ, подписанный подъ отрывкомъ «Учитель» изъ малороссійской повѣсти «Страшный кабанъ», имѣетъ то основаніе, что въ одной изъ появившихся ранѣе повѣстей Н. В. Гоголя, въ «Главѣ изъ историческаго романа» [1]) («Сѣверн. Цвѣты» на 1831 г.), выведенъ дѣйствующимъ лицомъ полковникъ Глечикъ. Псевдонимъ же «Г. Яновъ», употребленный подъ статьею «Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи», есть очевидно сокращеніе полной фамиліи автора—Гоголь-Яновскій.

Вячеславъ Катеневъ.

[1]) Повѣсть эта имѣетъ въ подписи другой псевдонимъ: OOOO, такъ какъ буква O встрѣчается четыре раза въ имени и полной фамиліи автора.

валъ засѣданія различными вопросами, неимѣющими прямаго отношенія къ дѣлу. Онъ принадлежалъ къ цеху портныхъ въ лондонскомъ Сити, всегда пользовался репутаціей богобоязненнаго человѣка; всѣ его кліенты были набожные люди, и даже платья и шляпы, выставленныя имъ на продажу, были пресвитеріанскаго покроя. Частые посты истощили его тѣло, а рядъ штрафовъ значительно уменьшилъ его состояніе. Звѣздная камера упорно преслѣдовала благочестиваго портнаго, игравшаго видную роль среди приверженцевъ ковенанта, тѣмъ болѣе, что онъ составлялъ комитеты для поддержки странствующихъ проповѣдниковъ и дѣлалъ все, чтобы угодить Богу, но не правительству. Онъ былъ изъ первыхъ пострадавшихъ за права парламента, и теперь, пользуясь благопріятной для него перемѣной обстоятельствъ, старался вознаградить себя милостью согражданъ за все то, чтò ему пришлось вынести отъ прежняго правительства. Его выбрали сначала на должность альдермана въ Лондонѣ, но такъ какъ его вліяніе въ общинѣ все болѣе и болѣе усиливалось, то его вскорѣ назначили депутатомъ отъ Сити въ собраніе богослововъ. Въ это время лондонскій Сити былъ главнымъ оплотомъ пресвитеріанства и неизмѣнно держался стороны парламента, гдѣ пресвитеріане составляли большинство. Хозяева ремесленныхъ заведеній снабжали оружіемъ своихъ учениковъ и подмастерьевъ и заставляли ихъ агитировать въ свою пользу среди уличной толпы. Благодаря крику и скандаламъ, которые они устраивали на дворахъ Вестминстера, не разъ случалось, что билль, исходъ котораго казался сомнительнымъ, рѣшался въ пользу ихъ хозяевъ; съ ихъ же помощью принято было рѣшеніе арестовать Кромвеля.

Бывшій портной принималъ самое дѣятельное участіе въ подобныхъ дѣлахъ, и его вліяніе было тѣмъ сильнѣе, что онъ строже многихъ другихъ своихъ собратій придерживался постановленій пресвитеріанской церкви. Мы не можемъ сказать въ точности на сколько онъ воздерживался отъ мясныхъ паштетовъ, знаменитыхъ «mint's pies» и «plumpudding», жирныхъ гусей и свинины, составлявшихъ неизбѣжную принадлежность Рождественскаго праздника у пресвитеріанцевъ старой епископальной церкви. Но одно несомнѣнно, что онъ, подобно Донъ-Кихоту, далъ обѣтъ не бриться до тѣхъ поръ, пока окончательно не восторжествуетъ дѣло парламента и пресвитеріанства. Поэтому борода пуританина была сильно всклочена и придавала далеко не ласковое выраженіе его длинному худощавому лицу, съ острымъ носомъ, костлявымъ лбомъ и густыми сѣдыми бровями.

Священникъ долженъ былъ вынести рядъ нападеній отъ этого члена богословскаго собранія, инквизиторскій взглядъ котораго былъ постоянно устремленъ на него, между тѣмъ, какъ на тонкихъ губахъ появлялись все новые вопросы.

Между прочимъ, его спрашивали: извѣстно-ли ему, что епископальная литургія отмѣнена съ января 1645 года, что молитвенникъ, называемый «the book of common prayer» запрещенъ и замѣненъ новымъ и уничтожено колѣнопреклоненіе, покровъ на алтарѣ и епископальная одежда?

Подсудимый отвѣтилъ утвердительно на эти вопросы.

— Тѣмъ не менѣе, замѣтилъ предсѣдатель собранія,—въ чильдерлейской церкви все осталось въ прежнемъ видѣ! Почему господину священнику не угодно было послѣдовать постановленію 1646 года, которымъ, по примѣру Шотландіи, во всей Англіи учреждены были классы, синоды и генеральныя собранія?

— Потому, что въ дѣлахъ церкви я слѣдую только тому, что мнѣ предписываетъ совѣсть! возразилъ священникъ.

Депутатъ Сити многозначительно покачалъ головой, но предсѣдатель прервалъ его съ первыхъ же словъ и продолжалъ допросъ.

— Извѣстно ли господину священниу, что за подобныя поступки виновный подвергается отрѣшенію отъ должности?

— Да, и я готовъ на это! возразилъ подсудимый.

— Но я всетаки считаю своимъ долгомъ, какъ предсѣдатель суда, замѣтить вамъ, что отказъ въ данномъ случаѣ влечетъ за собой не одну только временную кару. Поэтому не угодно ли вамъ будетъ обдумать свое рѣшеніе; быть можетъ, послѣ зрѣлаго размышленія, вы пожелаете примириться съ Богомъ и націей и заявите намъ о своемъ согласіи вступить въ ковенантъ!

Бывшій портной нашелъ необходимымъ вмѣшаться въ допросъ, и, не дожидаясь отвѣта священника, обратился къ судьямъ съ замѣчаніемъ, что не мѣшало бы объяснить подсудимому значеніе ковенанта, чтобы онъ зналъ въ точности, чего требуютъ отъ него.

Предсѣдатель кивнулъ головой въ знакъ согласія, и благочестивый депутатъ Сити началъ гнусливымъ голосомъ:

— Въ тѣ времена, когда король, подстрекаемый архіепископомъ Лодомъ, этимъ высокомѣрнымъ служителемъ Ваала, вздумалъ вмѣшаться въ церковныя дѣла Шотландіи, весь народъ поднялся какъ одинъ человѣкъ и составился великій союзъ. Всѣ клялись стоять братъ за брата и помогать другъ другу, пока не водворится истинная вѣра и не будутъ возстановлены ея святыя права. Шотландцы взялись за оружіе и вступили на почву Англіи. Это былъ момоментъ, когда разоренная, уничтоженная, преслѣдуемая церковь, подняла голову и простерла руки къ Всевышнему. Господь предалъ враговъ въ руки наши, теперь воздвигнуты дома Божіи на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде приносились жертвы идоламъ... Между шотландцами и англичанами, послѣдователями истиннаго ученія, заключенъ союзъ на вѣчныя времена или такъ назначаемый ковенантъ и издано постановленіе чтобы всѣ духовные и міряне приняли его, если хотятъ пользоваться милостями церкви и госу-

дарства... Въ заключеніе я просилъ бы, для подтвержденія моихъ словъ, сдѣлать распоряженіе, чтобы подсудимому былъ прочитанъ ковенантъ.

По приказанію предсѣдателя секретарь всталъ съ мѣста и, развернувъ длинный свертокъ пергамента, испещренный безчисленными подписями, прочелъ текстъ ковенента:

«Мы нижеподписавшіеся, дворяне, бароны, рыцари, джетльмены, граждане, должностныя лица, служители алтаря и представители общинъ въ королевствахъ Англіи, Шосландіи и Ирландіи, клянемся, что

«Во первыхъ, мы дѣйствительно, отъ чистаго сердца и неизмѣнно станемъ заботиться о томъ, чтобы съ Божіей помощью поддержать реформатскую религію шотландской церкви въ различныхъ мѣстахъ нашего жительства и при всякаго рода занятіяхъ, въ преподаваніи, богослуженіи, воспитаніи и управленіи, а также будемъ защищать ее противъ нашихъ общихъ враговъ и пр.

«Во вторыхъ, что мы равнымъ обрсзомъ безъ всякаго лицепріятія будемъ стараться объ искорененіи папизма, прелатства (т. е. церковнаго управленія въ лицѣ архіепископовъ, епископовъ съ ихъ канцеляріями, коммиссарствами, деканами, капитулами и пр.), а также различныхъ суевѣрій, ереси, раскола, оскверненія святыни и пр.

«Въ третьихъ, что мы вовсе не помышляемъ и не намѣриваемся посягать на законные права и прерогативы его королевскаго величества...» и пр.

Секретарь остановился. Предсѣдатель обратился къ подсудимому съ предложеніемъ сказать свое мнѣніе о прочитанномъ актѣ.

Священникъ отвѣтилъ, что онъ вполнѣ сочувствуетъ третьему пункту, но находитъ, что этотъ пунктъ рѣзко противорѣчитъ двумъ предъидущимъ.

— Я не понимаю въ чемъ вы видите тутъ противорѣчіе! замѣтилъ съ раздраженіемъ депутатъ Сити. — Развѣ его величество не находится въ настоящее время подъ почетной стражей въ замкѣ Гольмби? Развѣ его не окружаетъ совѣтъ мудрыхъ людей, выбранныхъ изъ обѣихъ палатъ парламента подъ пресѣдательствомъ доблестнаго и богобоязненнаго графа Пемброка и Монгомери, лучшаго пера королевства? Переговоры продолжаются уже цѣлый годъ и въ самомъ непродолжительномъ времени приведутъ къ желаемымъ результатамъ. Король, наученный опытомъ, пойметъ до какихъ грубыхъ ошибокъ онъ былъ доведенъ совѣтами своей нечестивой жены, министровъ и прелатовъ; и увидитъ наконецъ, гдѣ его настоящіе друзья! Въ настоящее время есть основаніе надѣяться, что истинная церковь восторжествуетъ подъ властью короля, обра-

щеннаго самимъ Богомъ на вѣрный путь. Англія опять будетъ имѣть одного пастыря и составитъ одно стадо!..

— Позвольте вамъ замѣтить, что вы сильно ошибаетесь, замѣтилъ священникъ.— Быть можетъ король въ виду мира рѣшится допустить существованіе вашей церкви, но онъ никогда не изъявитъ своего согласія на то, чтобы его именемъ истребляли его вѣрныхъ приверженцевъ, хотя бы изъ-за этого ему пришлось лишиться не толька короны, но и жизни.

— Подобныя разсужденія совершенно неумѣстны наканунѣ рѣшенія вопроса, сказалъ депутатъ Сити.— Быть можетъ и вы разсчитываете на поддержку арміи и хотите воспользоваться раздорами, вызванными и раздутыми этимъ лицемѣромъ, который подъ покровомъ религіи злоупотреблялъ нашимъ довѣріемъ для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Но вы напрасно надѣетесь на помощь Оливера Кромвеля! Онъ узникъ парламента; его обвиняютъ въ измѣнническомъ нарушеніи подписаннаго имъ ковенанта и возмущеніи народа; ему послано приглашеніе явиться на общественный судъ передъ полнымъ собраніемъ парламента! Теперь онъ получитъ достойную кару за свои преступленія...

— Да совершится воля Господня! возразилъ священникъ. — Я дѣйствительно разсчитывалъ на помощь этого человѣка, и кромѣ того долженъ сказать по совѣсти, что я не согласенъ признать ковенантъ и готовъ погибнуть вмѣстѣ съ преслѣдуемой вами церковью.

Судъ удалился въ другую комнату для совѣщаній, а священнику позволили сѣсть на одну изъ скамеекъ, поставленныхъ вдоль стѣнъ залы. Теперь, когда наступилъ моментъ рѣшенія его участи, имъ овладѣло неиспытанное до сихъ поръ чувство безпомощности. Ему приходилось безропотно покориться своей участи, выслушивать несправедливыя обвиненія жестокаго и нечестнаго побѣдителя, который насильственно лишалъ его всякой дѣятельности и осуждалъ на безцѣльное существованіе. Онъ ничѣмъ не могъ защитить себя и испытывалъ подавляющее состояніе духа слабаго и оскорбленнаго человѣка. До сихъ поръ онъ свободно проповѣдывалъ евангеліе и приносилъ посильную пользу въ своей общинѣ; у него было сознаніе, что онъ ведетъ борьбу за истину, хотя и въ ограниченной сферѣ. Но враги лишали его и этого утѣшенія; въ его незлобивомъ сердцѣ впервые проснулось сомнѣніе.

Онъ подперъ голову рукой и закрылъ глаза. Въ его воображеніи живо представился день и часъ, когда онъ въ соборѣ св. Ильи преклонилъ колѣна передъ архіепископомъ, чтобы принять отъ него посвященіе въ духовный санъ. Высоко и торжественно поднимались стройныя колонны и пилястры, подпиравшіе дугообразные своды главнаго купола; сквозь пестрыя стеклянныя окна хо-

ровъ падали смягченные лучи утренняго солнца. Мѣрно раздавались могущественные звуки органа «veni, Creator spiritus», сопровождаемые хоромъ дѣтскихъ голосовъ. Старый почтенный архіепископъ сидѣлъ на своемъ креслѣ близь алтаря въ полномъ великолѣпіи своего облаченія, окруженный деканами и полнымъ капитуломъ эпархіи. Вся эта картина во всемъ блескѣ красокъ, съ ея дѣйствующими лицами воскресла въ памяти несчастнаго служителя преслѣдуемой церкви. Снова ожила передъ нимъ красота древняго знаменитаго собора, составлявшаго святыню съ первыхъ временъ христіанства въ Англіи. Онъ видѣлъ длинный рядъ гробницъ вдоль стѣнъ, каменныя изображенія усопшихъ епископовъ съ посохами и въ митрахъ, мраморныя статуи святыхъ мучениковъ, королевскіе и терновые вѣнцы, позолоченныя надписи, драгоцѣнныя украшенія. Передъ нимъ былъ алтарь съ высокими свѣчами въ золотыхъ тяжелыхъ канделябрахъ, который рельефно выдавался среди сіяющаго великолѣпія и роскоши епископальной англійской церкви. Когда прекратилось пѣніе и звуки его медленно замерли подъ высокими сводами и во мракѣ гробницъ, онъ, Джонъ Гевитъ, — въ то время еще юноша, незнакомый съ тревогами жизни и душевной борьбой — подошелъ къ архіепископу и съ глубокимъ умиленіемъ произнесъ клятву вѣрности королю. Затѣмъ онъ преклонилъ колѣна; архіепископъ поднялся со своего мѣста и, положивъ руки на его голову, торжественно произнесъ: «Да снизойдетъ на тебя Духъ Святый при исполненіи обязанностей священника церкви Божіей, въ санъ котораго ты посвящаешься возложеніемъ нашихъ рукъ. Кому простишь грѣхи, тому простятся, на комъ оставишь, на томъ останутся...» Послѣ этого архіепископъ подалъ ему библію и сказалъ: «Тебѣ дается власть проповѣдывать слово Божіе и отправлять литургію въ твоемъ приходѣ». Опять началось пѣніе; онъ поднялся на ноги отуманенный радужными надеждами, наполнявшими его сердце; весь міръ казался ему свѣтлымъ и прекраснымъ, а жизнь недолгимъ безмятежнымъ странствованіемъ къ источнику добра, вѣры, надежды и любви...

Скрипъ двери прервалъ нить его размышленій. Вошли судьи и заняли свои мѣста.

Въ ушахъ священника все еще раздавались слова архіепископа. «Кому простишь грѣхи — тому простятся...» Рука его судорожно сжала небольшую библію, спрятанную на груди.

— Они могутъ отнять у меня приходъ, подумалъ онъ, но не право проповѣдывать слово Божіе! Пока я на свободѣ—никто не можетъ принудить меня къ молчанію...

Успокоенный этой мыслью, онъ твердыми шагами подошелъ къ рѣшеткѣ, за которой засѣдали судьи.

Результатъ совѣщаній былъ тотъ, какой можно было предвидѣть заранѣе. Судъ постановилъ отрѣшить отъ должности доктора

богословіи, Гевита, бывшаго Чильдерлейскаго священника. Вслѣдъ затѣмъ было опредѣлено уничтожить епископальное устройство въ приходской Чильдерлейской церкви, привести ее въ соотвѣтствіе съ основными положеніями пресвитеріанства и учредить въ ней синодальные порядки съ старшинами изъ мірянъ. На вакантное мѣсто священника назначался бывшій капелланъ парламентской арміи, который добровольно бросилъ службу въ войскѣ вслѣдствіе религіозныхъ несогласій съ индепендентами.

Приговоръ суда лишалъ Гевита всего, чѣмъ онъ дорожилъ въ жизни, и долженъ былъ неизбѣжно разлучить его съ обитателями Чильдерлейскаго замка—его лучшими друзьями. Сердце молодаго священника болѣзненно сжалось при этой мысли, но онъ сохранилъ полное самообладаніе и на вопросъ предсѣдателя: не имѣетъ ли онъ что сказать противъ рѣшенія суда, отвѣтилъ спокойно: — Нѣтъ, я покоряюсь приговору!

Съ этими словами онъ вѣжливо поклонился судьямъ и намѣревался уйти, но въ дверяхъ ему загородилъ дорогу Пиккерлингъ, и едва не сбилъ его съ ногъ.

Благочестивый пуританинъ имѣлъ такой странный видъ, что судьи съ удивленіемъ переглянулись между собой. Со лба его струилась кровь, платье было помято и разорвано въ нѣсколькихъ мѣстахъ; бѣлый галстухъ такъ сильно стянутъ, что онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе.

— Помогите! кричалъ Пиккерлингъ,—они задушатъ меня.

— Что значитъ это неприличное поведеніе? спросилъ предсѣдатель строгимъ тономъ.

— Вы видите, милордъ, какъ они обходятся съ нашей церковью! Вотъ клочки приказа объ арестѣ извѣстной вамъ особы, а вотъ и кровь на моемъ лицѣ...

Пиккерлингъ медленно вынулъ изъ кармана синій полотняный платокъ и, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, вытеръ глубокую рану надъ глазами, изъ которой струилась кровь.

— Что случилось? спросилъ предсѣдатель, приглашая жестомъ прочихъ судей остаться на своихъ мѣстахъ.

Бывшій мельникъ, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, разсказалъ о сценѣ въ комнатѣ полковника Гербета:—Вслѣдъ затѣмъ, добавилъ онъ,—когда я шелъ по улицѣ, съ намѣреніемъ явиться сюда и подать вамъ жалобу на такой насильственный поступокъ, меня остановилъ курьеръ, который пріѣхалъ изъ Лондона съ письмомъ къ вашей милости...

Ораторъ остановился, чтобы достать письмо изъ кармана, но, вспомнивъ о своей ранѣ, вмѣсто этого досталъ носовой платокъ и вытеръ имъ кровь съ лица.

— Я хотѣлъ немедленно доставить это письмо вашей милости,

продолжалъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ,—но къ несчастью я встрѣтилъ одного солдата, съ которымъ былъ знакомъ прежде...

— Давайте сюда письмо! сказалъ съ нетерпѣніемъ президентъ!

— Сейчасъ, позвольте только изложить вамъ всѣ обстоятельства дѣла! возразилъ Пиккерлингъ, который въ эту минуту былъ такъ занятъ своей особой и нанесеннымъ ему оскорбленіемъ, что извѣстія, привезенныя курьеромъ, казались ему второстепеннымъ дѣломъ.

— Только прошу васъ не пускаться въ лишнія подробности, замѣтилъ предсѣдатель, отворачиваясь съ отвращеніемъ, такъ какъ не могъ видѣть равнодушно крови.

Благодаря этому ничтожному обстоятельству Пиккерлингъ могъ безпрепятственно продолжать свой разсказъ:

— Какъ я уже имѣлъ честь доложить вашей милости, я былъ знакомъ прежде съ этимъ человѣкомъ. На немъ былъ мундиръ корнета; онъ гремѣлъ по мостовой своими шпорами и страшнѣйшей саблей и даже не показалъ виду, что помнитъ старое. Съ своей стороны, какъ подобаетъ христіанину, я давно забылъ ту обиду, которую онъ когда-то нанесъ мнѣ, хотя онъ обошелся со мной въ этомъ случаѣ какъ послѣдній негодяй. Дѣло это было въ Лонгстовскомъ лѣсу; онъ ударилъ меня своей дубиной или палкой, когда я лежалъ на землѣ полумертвый отъ кулаковъ нечестиваго бочара, извѣстнаго забіяки, который теперь мельникомъ въ Чильдерлеѣ. Съ тѣхъ поръ прошло два года, и, вдобавокъ, у меня доброе сердце милордъ!—Господинъ корнетъ, сказалъ я ему, вы, кажется, не узнаете меня? Но у меня хорошая память; въ то время, какъ я встрѣтилъ васъ, вы, если можно такъ выразиться, служили чорту! Теперь я вижу на васъ другой мундиръ, и надѣюсь, что вы сдѣлались другимъ человѣкомъ! Онъ остановился и тотчасъ же узналъ меня:—Боже мой, воскликнулъ онъ, до чего выносливы люди! Одного колотятъ до смерти и онъ нетолько остается живъ, но еще становится богоугоднымъ человѣкомъ; другого чуть ли не прямо съ висѣлицы производятъ въ корнеты! Да, другъ мой, мы всѣ грѣшники, но велика милость Господня! Затѣмъ, онъ пригласилъ меня зайти съ нимъ въ таверну, подъ вывѣской «Журавль», который составляетъ предметъ ужаса для всѣхъ благочестивыхъ людей. Надѣюсь, милордъ, что вы не станете считать меня отверженнымъ за то, что я возобновилъ знакомство съ этимъ нечестивцемъ и рѣшился въ его обществѣ вступить въ подобный домъ? Но у меня была въ виду особенная цѣль! Я узналъ, что онъ начальникъ отряда, который привелъ сюда партію плѣнныхъ, и надѣялся вывѣдать у него нѣкоторыя подробности относительно той дѣвушки, которую вы рѣшили арестовать, какъ важную государственную преступницу. Поэтому я предоставилъ ему пить и хвастаться сколько угодно, и старался только навести его

на интересовавшій меня предметъ. Онъ хвалился великими подвигами, совершонными имъ въ послѣднюю войну, разсказывалъ о своихъ походахъ въ Германіи подъ начальствомъ Тилли, этого палача протестантовъ. Между прочимъ, онъ не постыдился сообщить мнѣ, что по возвращеніи въ Англію, получилъ денежную субсидію отъ королевскихъ приверженцевъ; наконецъ, его поймали, приговорили къ висѣлицѣ и онъ, получивъ помилованіе отъ Кромвеля, совершенно исправился, по его словамъ, и сталъ другимъ человѣкомъ. За третьей кружкой на него нашло меланхолическое настроеніе духа; онъ сознался мнѣ, со слезами на глазахъ, что въ прежнія времена велъ распутную жизнь, былъ актеромъ, пьяницей, игрокомъ, мошенникомъ и безбожникомъ, и причинилъ много горя своему почтенному отцу...

Альдерманъ, бывшій въ числѣ судей, какъ депутатъ Сити, слѣдилъ съ возрастающимъ любопытствомъ за разсказомъ пуританина, и напряженно ловилъ каждое его слово.

— Наконецъ, мнѣ показалось, что онъ настолько опьянѣлъ, что я могу приступить къ дѣлу, продолжалъ Пиккерлингъ. Сначала я старался подѣйствовать на него дружелюбными увѣщаніями, затѣмъ сталъ доказывать, что онъ можетъ загладить прошлое, совершивъ доброе дѣло отъ полноты своего раскаявшагося сердца, и, когда почва показалась мнѣ достаточно подготовленной, я объяснилъ ему, что Господь выбралъ его орудіемъ для выдачи преступницы, которая сегодня привезена въ лагерь. Онъ вскочилъ съ мѣста точно ужаленный: — Какой преступницы? закричалъ во все горло этотъ неисправимый пьяница. Я видѣлъ, какъ всѣ жилы налились на его лбу и не ждалъ добра; однако, собравшись съ духомъ, назвалъ по имени извѣстную вамъ особу. Нужно было видѣть его бѣшенство! Не помня себя отъ ярости онъ схватился лѣвой рукой за мой галстугъ и чуть не задушилъ, а правой взялъ кружку и съ такой силой ударилъ меня острымъ краемъ по лбу, что я лишился чувствъ. Когда я пришелъ въ себя, онъ выбѣжалъ изъ комнаты, оставивъ меня плавающимъ въ крови...

Судьи, вдвойнѣ возмущенные неуваженіемъ къ ихъ власти и насиліемъ надъ ихъ слугой, стали вполголоса совѣщаться между собой.

Но альдерманъ на этотъ разъ не принималъ никакого участія въ преніяхъ; онъ всталъ съ своего мѣста и, подойдя къ Пиккерлингу, спросилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Какъ зовутъ человѣка, съ которымъ ты поссорился въ шинкѣ?

Благочестивый слуга синода смутился при этомъ вопросѣ и, догадываясь о причинѣ волненія почтеннаго альдермана, усиленно прижалъ носовой платокъ ко лбу, какъ будто рана могла служить оправданіемъ его неосторожныхъ выраженій. Онъ сдѣлалъ видъ,

что не понимаетъ вопроса и улыбаясь отвѣтилъ съ низкими поклонами.

— Многоуважаемый г-нъ альдерманъ, храбрый солдатъ, съ которымъ вышло у насъ это несчастное недоразумѣніе пользуется наилучшей репутаціей въ своемъ полку, говорятъ...

— Я хочу знать, какъ его зовутъ? прервалъ съ нетерпѣніемъ альдерманъ. Скажите мнѣ его фамилію!

— Я не могу отвѣтить вамъ въ точности на этотъ вопросъ... быть можетъ я ошибаюсь... но мнѣ кажется, что этотъ благородный юноша называется Георгомъ, по фамиліи Юргенъ, Юргенъ... Юргенъ Джойсъ...

— Георгъ Джойсъ! я былъ увѣренъ въ этомъ, проговорилъ со стономъ несчастный старикъ, закрывая лицо худощавыми руками. Это мой собственный блудный сынъ!.. У него были дурныя наклонности съ ранняго дѣтства... Пять лѣтъ тому назадъ я встрѣтилъ его въ обществѣ актеровъ, теперь я слышу, что онъ солдатъ Кромвельскаго полка... Боже мой, зачѣмъ ты посылаешь мнѣ подобныя испытанія!

Предсѣдатель, важный лордъ изъ палаты перовъ, подошелъ къ огорченному отцу и, взявъ его за руку, сказалъ:

— Быть можетъ все перемѣнится къ лучшему! Развѣ вы не слышали, что онъ, вспоминая васъ, проливалъ слезы раскаянія.

— Да, у него всегда было доброе сердце! Отвѣтилъ альдерманъ, кивнувъ головой въ знакъ согласія, но при его непростительномъ легкомысліи...

— Что значитъ легкомысліе при добромъ сердцѣ! воскликнулъ запальчиво Пиккерлингъ такимъ тономъ, какъ будто оскорбляли его лучшаго друга. Я глубоко убѣжденъ, что этого человѣка ожидаетъ великая будущность при его пламенной душѣ, рѣшительности, физической силѣ!..

— Да, правда! сказалъ старый Джойсъ, который выслушивалъ съ видимымъ удовольствіемъ похвалы своему сыну. Я долженъ сказать, что у него были благородные порывы, но, къ несчастію, его испортило дурное общество, и онъ сдѣлался пьяницей.

— Ну, развѣ можно упрекать его въ этомъ порокѣ! продолжалъ улыбаясь защитникъ молодаго Джойса, хотя во время разговора ему нѣсколько разъ приходилось вытирать капли крови, выступавшія изъ раны. Кто изъ насъ не выпивалъ въ молодости лишней кружки вина? Наконецъ, мы видимъ примѣръ Ноя...

— Дѣйствительно, многое объясняется его молодостью; быть можетъ, онъ еще способенъ исправиться, если я поговорю съ нимъ! сказалъ альдерманъ.

— Да, мой другъ, я нахожу это не лишнимъ, замѣтилъ президентъ. Велика будетъ радость на небесахъ возвращенію блуднаго сына; наша церковь возсіяетъ новымъ блескомъ, принявъ въ свое

лоно покаявшагося грѣшника. Благополучное окончаніе этого дѣла послужитъ къ посрамленію нашихъ враговъ! Уговорите вашего сына, чтобы онъ на зло своему полковнику выдалъ намъ преступницу въ назиданіе всѣмъ закоснѣлымъ грѣшникамъ. Приготовьтесь господа! завтра утромъ мы всѣ отправимся въ лагерь въ полномъ парадѣ и вытребуемъ, именемъ закона, блуднаго сына и преступную дѣвушку. Первый будетъ возвращенъ отцу, вторая получитъ достойную кару, и тогда надъ обоими исполнится правосудіе во славу Божію!

Рѣчь предсѣдателя встрѣтила одобреніе большинства присутствовавшихъ, но одинъ изъ судей сдѣлалъ возраженіе, что прежде, чѣмъ принять какое либо рѣшеніе, необходимо прочитать письмо, присланное изъ Лондона.

— Да, правда, но гдѣ же письмо? спросилъ предсѣдатель.

— Оно здѣсь, милордъ! отвѣтилъ Пиккерлингъ поспѣшно опуская руку въ карманъ, но, къ своему ужасу, долженъ былъ убѣдиться, что у него нѣтъ пакета. Лицо его покрылось мертвенной блѣдностью. Стыдъ, что его перехитрили, и боязнь потерять милость начальства примѣшались къ гнѣву, что онъ не можетъ никого обвинить въ своей оплошности, кромѣ самого себя. Ослѣпленный ненавистью къ давнившему врагу, онъ хотѣлъ погубить его, сдѣлавъ орудіемъ мести, подготовилъ собственную гибель, забывъ свою прямую обязанность. Теперь онъ самъ попалъ въ яму, которую столько разъ рылъ другимъ людямъ.

— Я убѣжденъ, что негодяй похитилъ у меня пакетъ! воскликнулъ онъ съ яростью, убѣдившись окончательно, что его карманъ пустъ.

Это обстоятельство, разумѣется не могло оправдать его въ глазахъ судей, которые находили непростительнымъ, что онъ осмѣлился идти въ пивную съ дѣловыми депешами, вмѣсто того, чтобы ихъ доставить немедленно по назначенію. Особенно горячился предсѣдатель и доказывалъ, что необходимо, во чтò бы то ни стало, отыскать пропавшій пакетъ, такъ какъ при настоящемъ положеніи дѣлъ можно было ожидать весьма важныхъ извѣстій изъ Лондона. Въ заключеніе, онъ замѣтилъ, что считаетъ необходимымъ выгнать изъ службы Пиккерлинга, если онъ тотчасъ же не доставитъ потерянный документъ.

Споръ все увеличивался, такъ какъ бывшій мельникъ, силясь доказать свою правоту, перешолъ изъ смиреннаго тона въ нахальный. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта сцена; но тутъ неожиданно отворилась дверь и въ залу засѣданія вошелъ Гербертъ въ парадномъ мундирѣ и золотомъ вышитомъ шарфѣ.

Въ залѣ водворилось мертвое молчаніе.

— Милордъ, сказалъ полковникъ парламентской арміи, подходя къ столу и обращаясь къ предсѣдателю, корнетъ нашего полка до-

ставилъ мнѣ бумаги, адресованныя на ваше имя. На пакетѣ печать человѣка, который съ помощью насилія терроризировалъ парламентъ. Слѣдовательно, эта бумага написана государственнымъ измѣнникомъ, лордомъ Дензиль Голлисъ!..

— Лордъ Дензиль Голлисъ честный и богобоязненный человѣкъ! возразилъ предсѣдатель.

— Я вовсе не намѣренъ касаться его личныхъ свойствъ какъ частнаго человѣка, но онъ глава пресвитеріанской партіи въ парламентѣ, которая...

— Г-нъ полковникъ, я посовѣтовалъ бы вамъ быть осторожнѣе въ вашихъ выраженіяхъ.

— Благодарю васъ, г-нъ предсѣдатель за это предостереженіе, но врядъ ли я перейду границы приличія, если позволю себѣ сказать въ вашемъ присутствіи, что лордъ Дензиль составилъ заговоръ въ парламентѣ противъ личной безопасности генерала Кромвеля!..

— Вы называете заговоромъ законный актъ парламента!

— Да, я называю это заговоромъ, потому что мнѣ достовѣрно извѣстно, а также и всѣмъ вамъ, что составилась партія съ цѣлью избавиться отъ арміи и ея предводителя, и даже изданъ приказъ объ арестѣ всѣми уважаемаго члена парламента, стоящаго во главѣ арміи!

— Всѣмъ извѣстно, что Кромвель измѣнникъ! воскликнулъ предсѣдатель; онъ измѣнилъ ковенанту, которому торжественно клялся въ вѣрности!

— Не въ этомъ дѣло! замѣтилъ хладнокровно Гербертъ. Позвольте обратить ваше вниманіе милордъ на эту бумагу.

Онъ вынулъ изъ кармана письмо, которое корнетъ Джойсъ похитилъ у синодальнаго служителя Пиккерлинга и доставилъ своему начальству.

— Отдайте мнѣ письмо, вы видите оно адресовано на мое имя! сказалъ предсѣдатель.

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія! возразилъ Гербертъ тономъ, который становился все спокойнѣе, чѣмъ больше горячился его противникъ. Но въ письмѣ, вѣроятно, заключаются извѣстія, которыя имѣютъ значеніе первой важности для арміи. Разумѣется, я могъ избавить себя и васъ милордъ отъ лишняго труда, еслибы самъ открылъ пакетъ, случайно попавшій въ мои руки, тѣмъ болѣе, что даже обязанъ сдѣлать это, такъ какъ исполняю должность городскаго коменданта, но я не полицейскій чиновникъ и требую, чтобы вы сами распечатали письмо и громко прочитали его въ моемъ присутствіи.

— Мы не согласны! Этого никогда не будетъ! воскликнули въ одинъ голосъ члены духовнаго суда.

Гербертъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери; на его зовъ не-

медленно явились десять драгунъ съ обнаженными саблями. Изъ открытыхъ боковыхъ дверей видно было, что у всѣхъ выходовъ стоятъ вооруженные люди; въ сѣняхъ, на лѣстницѣ у главнаго входа — всюду виднѣлись шлемы, пики и ружья.

— Вы хотите прибѣгнуть къ насилію, но я отказываюсь принять письмо при этихъ условіяхъ! сказалъ предсѣдатель.

— Въ такомъ случаѣ секретарь суда, вѣроятно, согласится оказать намъ эту услугу, сказалъ Гербертъ.

По его командѣ драгуны съ обнаженными саблями окружили секретаря, который дрожащей рукой сорвалъ печать и началъ читать письмо взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ:

«Милордъ и любезный братъ! (писалъ лордъ Дензиль предсѣдателю духовнаго суда) Совершилось неслыханное дѣло! Въ нашемъ комитетѣ рѣшено было сегодня же арестовать Кромвеля, какъ только онъ явится по своему обыкновенію въ палату общинъ и отправить его въ Тоуэръ, въ виду того соображенія, что если намъ удастся разлучить его съ арміей, то съ послѣдней легко будетъ справиться и привести къ повиновенію. Но этотъ планъ не могъ быть выполненъ: мы только что получили извѣстіе, что его видѣли за городомъ; онъ ѣхалъ верхомъ на лошади, въ сопровожденіи слуги, по дорогѣ въ Кембриджъ и, слѣдовательно, направился въ армію»...

Улыбка торжества освѣтила мужественное красивое лицо Франка Герберта, между тѣмъ, какъ предсѣдатель суда воскликнулъ глухимъ голосомъ:—Горе намъ—мы погибли!..

Въ залѣ засѣданія вновь водворилось молчаніе, и секретарь по требованію Герберта продолжалъ чтеніе:

«Теперь, любезный братъ, намъ остается одинъ исходъ — постарайтесь во что бы то ни стало овладѣть измѣнникомъ, пока онъ не доѣхалъ до лагеря. Назначьте большую премію за его голову и устройте засаду; я увѣренъ, что наши друзья не откажутъ вамъ въ своей помощи»...

— Довольно! сказалъ Франкъ Гербертъ: — можно прекратить чтеніе, я узналъ все, что̀ мнѣ нужно!.. Но, къ сожалѣнію, я долженъ объявить вамъ милордъ и вамъ джентльмены, что вы не выйдете отсюда до тѣхъ поръ, пока Кромвель не прибудетъ въ лагерь. Я оставлю здѣсь моихъ людей для вашей охраны.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, слегка кивнувъ головой судьямъ, которые съ испугомъ переглянулись между собой. Драгуны молча выстроились у дверей; затѣмъ, все стихло въ сѣняхъ, на лѣстницѣ и улицѣ.

Священникъ вышелъ изъ залы засѣданія одновременно съ Гербертомъ.

ойно шелъ на встрѣчу лишеніямъ и опасностямъ, которыя ожи- его въ невѣдомыхъ странахъ по ту сторону океана, и готовъ › пожертвовать жизнью ради святаго дѣла. Но ему казалось сносимымъ быть осужденнымъ на бездѣйствіе въ такое время, а нужно было дорожить каждой минутой, такъ какъ оставался годъ времени до исполненія пророчества. Мысль, что быть итъ ему придется умереть на дорогѣ къ цѣли, никогда не до- нуть ее, наполняла его сердце бессильной яростью и дѣлала рожительнымъ и молчаливымъ.

ануэлла чувствовала къ де Кастро благоговѣніе, смѣшанное съ редѣленнымъ страхомъ, такъ что она долго боролась съ собой, жде чѣмъ рѣшилась заговорить съ нимъ.

– Сеньоръ, сказала она по португальски, обращаясь къ своему юму родственнику,—благодарю васъ за извѣстія, которыя вы или мнѣ, хотя они глубоко огорчили меня. Теперь я вполнѣ ю свое безвыходное положеніе. У меня нѣтъ ни родины, ни каго крова...

одавленныя рыданія заглушили послѣднія слова; Мануэлла не стояніи была окончить начатой фразы. Она замолчала и съ аніемъ сердца ждала отвѣта.

ре ея было такое искреннее, что могло бы тронуть даже бо- жестокаго человѣка, нежели живаго и впечатлительнаго де Ка- Но молодой португалецъ, въ силу своихъ строгихъ принци- , закалилъ себя противъ всякихъ человѣческихъ чувствъ и, истый религіозный фанатикъ, въ своемъ неудержимомъ рве- не придавалъ имъ никакого значенія и всегда готовъ былъ по- вовать ими ради идеи. Люди этого закала, съ своимъ мрач- ь и ограниченнымъ взглядомъ на жизнь, составляютъ неизбѣж- вленіе во всѣхъ историческихъ переворотахъ, какъ бы для чтобы вызвать въ массѣ сопротивленіе противъ существую- зла и побудить ее къ борьбѣ. Но сами они неспособны вести у и должны рано или поздно уступить мѣсто другимъ людямъ гѣе свободнымъ и свѣтлымъ міросозерцаніемъ, которые будутъ иться побѣдить зло оружіемъ разума и дѣйствовать на людей ь убѣжденія.

саакъ де Кастро такой же неумолимый къ себѣ, какъ и къ имъ, вмѣсто того чтобы обратиться къ несчастной дѣвушкѣ съ ми утѣшенія, старался еще болѣе усилить упреки ея совѣсти.

- Ты сама заслужила это, сказалъ онъ, не глядя на нее. — забыла первыя обязанности, налагаемыя на насъ религіей, при- и нравственностью и согрѣшила передъ Богомъ, твоимъ на- ъ и твоимъ роднымъ отцомъ. Чего можешь ты ожидать послѣ этого?

ануэлла напрасно старалась убѣдить суроваго юношу въ своей тѣ. Хотя она ни въ чемъ не могла упрекнуть себя, но созна-

ніе, что ее считаютъ виновной, тяжело дѣйствовало на нее и лишало способности ясно выражáть свои мысли.

— Не говори мнѣ объ этомъ герцогѣ, прервалъ де Кастро. — Какое значеніе можетъ имѣть въ моихъ глазахъ имя Бокингема! Никто изъ насъ не проститъ тебѣ, что ты вступила въ преступную связь съ чужестранцемъ, притѣснителемъ религіи, за которую тысячи твоихъ единовѣрцевъ радостно идутъ на смерть, со временъ Маккавеевъ до нынѣшняго дня.

— Клянусь тебѣ, возразила Мануэлла,—что я никогда не чувствовала ни малѣйшей любви къ этому человѣку и съ отвращеніемъ оттолкнула его отъ себя.

Исаакъ бросилъ на нее мрачный пристальный взглядъ.

— Кто могъ ожидать, продолжалъ онъ, — чтобъ дѣвушка изъ знатнаго дома д'Акоста дошла до такого униженія, что послѣдовала за авантюристомъ, переодѣтая въ мужское платье...

— Да, я дѣйствительно рѣшилась на это, чтобы избавиться отъ ненавистнаго брака, но у меня не было иного исхода...

— Достаточно того, что ты рѣшилась на подобный поступокъ! Что̀ принудило тебя къ нему? Ты сдѣлала это добровольно!..

— Если ты видишь ребенка, убѣгающаго отъ грозившей ему опасности, то врядъ-ли тебѣ приходитъ въ голову, что онъ поступаетъ добровольно. Я думаю, что онъ дѣлаетъ это подъ вліяніемъ страха...

— Я не понимаю къ чему ты говоришь это? спросилъ де Кастро.

— Я хотѣла только доказать тебѣ, что ты напрасно обвиняешь меня! Все мое преступленіе заключается въ томъ, что я считала себя въ правѣ распорядиться своей судьбой. Я думала, что въ моей власти выбрать тотъ или другой путь, но теперь вижу, что должна покориться роковой необходимости.

Де Кастро засмѣялся злобнымъ смѣхомъ.

— Покориться роковой необходимости! повторилъ онъ.—Откуда взялись у тебя эти нечестивыя выраженія, которыя не встрѣчаются въ нашихъ священныхъ книгахъ? Къ несчастью, я уже слышалъ эту самую фразу отъ одного мальчика въ школѣ Менассіи бенъ Израэля. Я не разъ говорилъ почтенному раввину и повторяю и теперь, что онъ слишкомъ снисходителенъ къ этому юношѣ, который рано или поздно причинитъ ему много горя.

Лицо Мануэллы просвѣтлѣло при воспоминаніи о любимомъ другѣ дѣтства. Ей казалось, что она видитъ передъ собой бѣлокураго мальчика съ темноголубыми глазами и изящнымъ тонко очерченнымъ лицомъ.

— Я знаю о комъ ты говоришь! воскликнула она. — Я часто видѣла Самуила въ домѣ бенъ Израэля и знаю его съ дѣтства...

— Не говори мнѣ о Самуилѣ! прервалъ съ нетерпѣніемъ де Ка-

стро.—Это разслабленный человѣкъ; онъ считаетъ любовь къ людямъ серьезнымъ дѣломъ!

— Лучше любить людей, нежели ненавидѣть ихъ! воскликнула Мануэлла рѣшительнымъ тономъ, который представлялъ рѣзкій контрастъ съ тѣмъ смиреніемъ, съ которымъ она говорила до этой минуты.—Любовь дѣлаетъ счастливымъ не только того, кто способенъ ощущать ее, но и тѣхъ, къ кому она относится.

— Развѣ человѣкъ созданъ для любви и счастья! воскликнулъ де Кастро.—Такъ говорятъ безбожники, которые красивыми фразами стараются прикрыть свои нечестивыя дѣла. Приверженцы этого ученія отвергнуты самимъ Богомъ! Мы должны страдать, бороться съ горемъ и лишеніями, чтобы умилостивить Господа. Время пришествія Мессіи близко, а ты позволяешь себѣ подобныя рѣчи...

— Почтенный раввинъ училъ насъ, что благъ и милосердъ Господь Богъ и не отвратитъ лица своего отъ насъ, если мы обратимся къ нему.

— Но въ его десницѣ огненный мечъ, кторымъ онъ изгналъ нашихъ прародителей изъ рая! Съ нимъ сядетъ онъ на престолѣ Отца Своего, поразитъ грѣшниковъ и уничтожитъ грѣхъ на землѣ; люди будутъ подобны ангеламъ...

— Неужели нѣтъ спасенія для отверженныхъ, воскликнула Мануэлла,—и они ничѣмъ не могутъ умилостивить гнѣва Господня?

— Ничѣмъ, кромѣ покаянія, возразилъ де Кастро.

— Научи меня, чѣмъ могу я искупить свой грѣхъ? продолжала Мануэлла взволнованнымъ голосомъ.—Я готова принести самую тяжелую жертву, если только близкіе люди не откажутся поддержать меня своей любовью.

Де Кастро презрительно пожалъ плечами.

— Любовь близкихъ людей! воскликнулъ онъ.—Но ты забываешь, что у тебя нѣтъ больше ни родныхъ, ни близкихъ людей! Ты не существуешь для насъ. Покайся прежде, чѣмъ изъявлять притязаніе, чтобы мы опять признали тебя своею. Не разсчитывай, чтобы другіе послѣдовали примѣру Самуила бенъ Израэля, который защищалъ тебя отъ всѣхъ обвиненій и не переставалъ восхвалять тебя, когда уже никто не рѣшался произносить твоего имени. Юноша этотъ не отличается твердостью религіозныхъ убѣжденій и легко можетъ сдѣлаться отступникомъ. Его поддержка не имѣетъ никакого значенія! Тебѣ нѣтъ другаго исхода, какъ вымолить прощеніе у твоего жениха Мигуэля де Ривасъ и у родныхъ за нанесенный имъ позоръ. Ты явишься на судъ раввиновъ, которые произнесутъ надъ тобой приговоръ согласно опредѣленіямъ Талмуда, послѣ чего тебѣ придется публично сознаться въ твоемъ проступкѣ въ присутствіи всѣхъ твоихъ единовѣрцевъ и вынести то покаяніе, которое будетъ наложено на тебя. Ты...

— Довольно, остановись! воскликнула въ негодованіемъ Ману-

элла.—Этого никогда не будетъ! Мы уже разъ были свидѣтелями возмутительной сцены, когда нашъ несчастный Уріель д'Акоста былъ призванъ на судъ раввиновъ. Легче вынести несправедливость, нежели позоръ! Пусть считаютъ меня виновной, но я никогда не сознаюсь въ небываломъ проступкѣ!.. Мысль, что другъ моего дѣтства не измѣнилъ мнѣ въ то время, какъ всѣ покинули меня, поддержитъ мои силы. Я пойду по тому пути, который укажетъ мнѣ Господь...

Въ это время плѣнные, въ сопровожденіи отряда кавалеристовъ, поднялись на холмъ, который былъ единственнымъ въ этой плоской мѣстности, не лишенной своеобразной прелести. Отсюда открывался красивый видъ на ту часть Кембриджскаго графства, гдѣ находился главный городъ. Глубокая рѣчка Кемъ извивалась темной лентой между обширными свѣтлозелеными лугами и осѣнявшими ее ольхами и плакучими ивами. Среди роскошнаго вѣнка парковъ, цвѣтниковъ и густыхъ липовыхъ вершинъ виднѣлись старыя каменныя башни церквей и коллегій и сѣрыя массы готическихъ зданій; вдали подъ голубымъ горизонтомъ тянулась однообразная, поросшая мхомъ пустыня, съ разсѣянными по ней шпицами церквей.

— Моя дорогая миссъ, сказалъ услужливый корнетъ, подходя къ Мануэллѣ,—вы видите передъ собою городъ Кембриджъ, а тамъ, гдѣ бѣлѣютъ палатки и блеститъ оружіе, расположенъ лагерь парламентской арміи. Теперь взгляните сюда на сѣверо-западъ... это башни собора св. Ильи, а въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда домъ нашего генерала Оливера Кромвеля.

ГЛАВА VIII.

Зданія и сады Кембриджа.

Гевитъ выѣхалъ рано утромъ изъ Чильдерлейскаго замка и къ полудню прибылъ въ Кембриджъ.

Хотя это путешествіе могло имѣть роковыя послѣдствія для его будущей жизни и онъ вполнѣ сознавалъ это; но ничто не нарушало его душевнаго спокойствія, чему отчасти способствовалъ видъ знакомыхъ улицъ, съ которыми были связаны воспоминанія о лучшихъ дняхъ его жизни.

Дружелюбно глядѣли на него высокія зданія коллегій, построенныхъ въ разныя времена благочестивыми королями и королевами, имена которыхъ сохранились въ памяти благодарнаго потомства. Прошло нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Гевитъ видѣлъ ихъ

въ послѣдній разъ. Но старыя стѣны, башни, монастыри, корридоры съ высокими сводами, фронтоны и выступы, казалось, привѣтствовали его какъ стараго знакомаго; отъ нихъ вѣяло тѣмъ же духомъ тихаго созерцанія и научнаго изслѣдованія.

Но на этотъ разъ болѣе серьезныя цѣли, нежели воспоминанія, привели чильдерлейскаго священника въ Кембриджъ. Не смотря на все свое желаніе, онъ не посѣтилъ коллегіи Пемброкъ, въ которомъ началъ свое первоначальное богословское образованіе, и прямо направился въ одинъ изъ прекрасныхъ парковъ, окружавшихъ зеленью и тѣнью всѣ коллегіи. Это былъ садъ Sidney Sussex; священникъ поспѣшилъ сюда въ надеждѣ увидѣть своего друга Герберта, который, по наведеннымъ справкамъ, жилъ у ученаго ректора коллегіи.

Послѣ ночной грозы и дождя въ саду вѣяло прохладой; медленно шелъ одинокій путникъ по пустынной мрачной аллеѣ, между величественными стволами вѣковыхъ деревьевъ, зелень и вѣтки которыхъ образовали высокій сводъ. Лучи полуденнаго солнца съ трудомъ пробивались въ тѣнистую темную аллею, гдѣ царила мертвая тишина. Ничто не нарушало размышленія молодаго священника, который весь отдался воспоминаніямъ прошлаго и искалъ свиданія съ другомъ, чтобы поговорить съ нимъ о будущемъ.

Предки Гевита, нѣкогда богатые суконные фабриканты, мало-по малу заняли видное мѣсто среди англійской знати, отчасти по родству съ первыми дворянскими фамиліями, и частью потому, что нѣкоторые изъ нихъ, по милости королей, были возведены въ рыцарское достоинство. Въ царствованіе королевы Елизаветы, главѣ фамиліи Гевитовъ, въ виду особенныхъ оказанныхъ имъ услугъ, пожаловано было дворянство. Впослѣдствіи, многочисленные представители этой фамиліи разсѣялись по различнымъ графствамъ и сдѣлались чуждыми другъ другу; но всѣ они были одинаково воодушевлены преданностью королю и епископальной церкви, которая особенно высказалась во время междоусобной войны. Благодаря этому Гевиты скоро заняли видное мѣсто въ штрафныхъ книгахъ о наложеніи денежныхъ штрафовъ и конфискаціи имущества. Ничто не могло заставить ихъ измѣнить своимъ убѣжденіямъ, хотя многіе изъ королевскихъ приверженцевъ, видя, что ихъ партія побѣждена, покупали себѣ прощеніе тѣмъ, что признавали ковенантъ и приносили въ магистратѣ «клятву отреченія», съ обязательствомъ вести себя иначе на будущее время.

Джонъ Гевитъ, впослѣдствіи занявшій скромное мѣсто чильдерлейскаго священника, по окончаніи университетскаго курса перешелъ въ Оксфордъ. Онъ видѣлъ, какъ былъ распущенъ парламентъ, отказавшій королю въ наложеніи новыхъ податей, которые были вслѣдъ затѣмъ наложены Страффордомъ помимо парламента, и, какъ послѣ протеста Гемпдена противъ корабельной подати и

смерти Джона Элліота въ Тоуэрѣ, въ народѣ впервые пробудился духъ сопротивленія. Рядъ несомнѣнныхъ фактовъ долженъ былъ убѣдить его, что іерархическая тиранія Лода, архіепископа кентерберійскаго, еще болѣе усилила это сопротивленіе и придала ей характеръ религіозной борьбы, неизбѣжно ведущей къ фанатизму. Политическій мотивъ съ своими отвлеченными вопросами, непонятными для большинства людей, самъ по себѣ никогда не можетъ наэлектризовать массу; необходимо, чтобъ къ этому примѣшалась болѣе близкая причина изъ религіозной и соціальной сферы, чтобы привести къ революціи. Такимъ образомъ, благодаря безтактности и неумѣлости лицъ, стоявшихъ во главѣ церкви и государства, все болѣе и болѣе собирались тучи, которыя вскорѣ покрыли всю Англію. Въ это время Джонъ Гевитъ отправился въ С. Ивсъ, гдѣ занялъ должность помощника викарія и исполнялъ ее съ усердіемъ вѣрнаго пастыря епископальной церкви. Онъ упорно боролся противъ наплыва новыхъ идей и отстаивалъ въ проповѣди и въ жизни ученіе, къ которому принадлежалъ по воспитанію и семейнымъ традиціямъ. Ничто не могло поколебать его убѣжденія, что подданный долженъ слѣпо повиноваться помазаннику, назначенному самимъ Богомъ, такъ какъ король отвѣтственъ только передъ Всевышнимъ за способы примѣненія своей власти. Глубоко проникнутый этими принципами, онъ дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобъ отклонить свою паству отъ увлеченія новыми идеями, хотя недовольство существующими порядками и религіозныя сомнѣнія уже достигли той степени общаго возбужденія, которое грозило потрясти основы всего государственнаго строя. Но молодой священникъ, наблюдая эти опасные симптомы въ отдѣльныхъ личностяхъ и въ обществѣ, утѣшалъ себя надеждою, что если король поставитъ во главѣ правленія вполнѣ опытнаго государственнаго человѣка, то послѣдній подавитъ бродячіе элементы возмущенія и возстановитъ прежнее спокойствіе. Одно время надежда эта казалась выполнимою. Графъ Страффордъ, призванный королемъ въ государственный совѣтъ, имѣлъ достаточно силы воли и характера для подобной задачи. Талантливый ренегатъ, примкнувшій къ партіи короля, тѣмъ искуснѣе велъ ея дѣла, что зналъ до малѣйшихъ подробностей положеніе оставленной имъ партіи. На этого человѣка можно было вполнѣ положиться, такъ какъ ему отрѣзаны были всѣ пути къ отступленію, и онъ никогда не покинулъ бы короля, еслибы король на свое несчастіе не предалъ его. Карлъ I понялъ слишкомъ поздно, въ какой степени опасно для монарха быть въ оппозиціи противъ народа, если онъ не имѣетъ достаточно мужества, чтобы идти на проломъ, и не настолько честенъ, чтобы исполнить обѣщанныя уступки. Почти десять лѣтъ король съ помощью Страффорда управлялъ страной безъ парламента, зная, насколько послѣдній непріязненно относится къ нему. Но вскорѣ у короля

явилась необходимость въ деньгахъ, такъ какъ по поводу церковныхъ дѣлъ онъ легкомысленно раздражилъ шотландцевъ, которые вторглисъ въ Англію съ оружіемъ въ рукахъ. Прямымъ послѣдствіемъ этого необдуманнаго шага было созваніе парламента, который, прежде чѣмъ рѣшить вопросъ о субсидіи, потребовалъ головы Страффорда. Карлъ I пожертвовалъ своимъ вѣрнымъ слугой; но тѣнь несчастнаго Страффорда всюду преслѣдовала его.

Гевитъ, внимательно слѣдившій за ходомъ событій, видѣлъ съ возрастающимъ огорченіемъ, что съ того момента какъ Страффордъ взошелъ на эшафотъ, дѣла короля приняли еще худшій оборотъ. Но Гевитъ, сторонникъ пассивнаго послушанія, видѣлъ въ поступкѣ Карла I только совершившійся фактъ и не считалъ себя въ правѣ обвинять въ чемъ бы-то ни было своего законнаго властелина. Вскорѣ послѣ того началась междоусобная война; молодой священникъ, отставленный отъ должности за свои «антипуританскія убѣжденія», принялъ приглашеніе чильдерлейскаго баронета, который съ радостью предложилъ мѣсто приходскаго священника въ своей деревнѣ человѣку такой испытанной вѣрности, и, вдобавокъ, пострадавшаго за свою преданность королю.

Тѣмъ не менѣе Гевитъ не былъ фанатикомъ, какъ большинство роялистовъ и членовъ его собственной фамиліи; и, хотя онъ не уступалъ имъ въ твердости убѣжденій, но былъ гораздо логичнѣе ихъ. Онъ ясно понималъ, что король, подписавъ смертный приговоръ Страффорда, вступилъ на путь компромиссовъ, и что теперь для него нѣтъ инаго исхода какъ идти неуклонно впередъ въ томъ же направленіи. Пока живъ былъ Страффордъ, представитель иного принципа власти, междоусобная война была немыслима, потому что огонь былъ бы затушенъ во-время. Но со смертью Страффорда было удалено орудіе опоры противъ бури; долго сдерживаемое пламя обратилось въ громадный пожаръ, дикая сила котораго увеличивалась съ каждымъ годомъ. При такихъ условіяхъ, что̀ оставалось королевской власти, лишенной всякихъ средствъ защиты, какъ не принять миръ, предлагаемый побѣдителями! Такъ думалъ Гевитъ, и это мнѣніе казалось ему непреложнымъ, вслѣдствіе доходившихъ до него слуховъ о настроеніи, господствовавшемъ въ парламентской арміи.

Мысль объ опасности, угрожавшей его собственной личности, не приходила ему въ голову. Сердце его было исполнено радостныхъ надеждъ; онъ наслаждался прелестью солнечнаго утра и видомъ знакомыхъ готическихъ зданій. Свѣтъ и тѣнь мѣнялись на его пути; легкій вѣтерокъ, пробѣгая по листьямъ, навѣвалъ благодѣтельную прохладу.

Гевитъ, дойдя до конца аллеи, увидѣлъ черезъ старыя ворота, служившія выходомъ изъ сада, группу молодыхъ людей, стоявшихъ на лугу передняго двора коллегіи Sidney Sussex. Большинство ихъ

было въ своеобразной средневѣковой одеждѣ, которую до сихъ поръ носятъ студенты, магистры и профессора въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. На нихъ были темные длинные плащи и шляпы съ широкими полями; при этомъ, нѣкоторые отличались отъ товарищей покроемъ и цвѣтомъ платья, смотря по корпораціи, къ которой принадлежали, и мѣсту, какое занимали въ ней. Изъ нихъ только одинъ, стоявшій по срединѣ группы, былъ въ военномъ мундирѣ; красный цвѣтъ котораго рельефно выдѣлялся на свѣтлозеленомъ фонѣ небольшой лужайки, покрывавшей дворъ коллегіи. Гевитъ тотчасъ же узналъ статную фигуру своего друга Франка Герберта, хотя онъ былъ обращенъ спиной къ воротамъ.

Франкъ Гербертъ читалъ взволнованнымъ голосомъ какую-то бумагу, содержаніе которой повидимому дѣйствовало различно на слушателей: въ то время какъ одни казались огорченными и разгнѣванными, другіе съ трудомъ скрывали чувство удовлетворенія и даже быть можетъ извѣстнаго злорадства.

Гевитъ, подойдя ближе, былъ настолько пораженъ печальнымъ и озабоченнымъ выраженіемъ лица своего друга, что рѣшился прервать чтеніе, несмотря на присутствіе незнакомыхъ для него лицъ.

— Что съ тобой Франкъ? спросилъ онъ съ безпокойствомъ. Объясни мнѣ причину твоего огорченія!

На красивомъ мужественномъ лицѣ Герберта появилась мимолетная грустная улыбка. — Ты выбралъ дурное время для нашего свиданія! отвѣтилъ онъ, протягивая обѣ руки своему другу. — Тѣмъ не менѣе я очень радъ видѣть тебя!

— Не въ нашей власти выбирать дни и часы! возразилъ набожный священникъ.—Пути Божіи неисповѣдимы для насъ...

— Позвольте представить вамъ моего друга, достопочтеннаго Джона Гевита, доктора богословія, сказалъ Гербертъ, обращаясь къ присутствующимъ.

Представители ученой корпораціи Sidney Sussex почтительно поклонились молодому священнику. Многіе знали его по имени и симпатизировали ему, какъ вѣрному приверженцу королевской власти, который пользовался особеннымъ расположеніемъ Карла I. Такимъ образомъ, несмотря на господство новыхъ идей и старанія пресвитеріанскаго правительства привлечь на свою сторону людей другихъ убѣжденій, средневѣковой духъ упорно держался въ старинныхъ англійскихъ университетахъ. Въ первый-же годъ войны парламентъ конфисковалъ серебряную посуду, которую коллегія Trinity намѣривалась послать несчастному королю, чтобы вывести его изъ затруднительнаго матеріальнаго положенія. Но эта и другія подобныя мѣры устрашенія, равно и дарованныя милости не могли имѣть никакого вліянія на коллегіи, такъ какъ преданность

королевской власти и церкви была неразрывно связана съ ихъ существованіемъ.

— Прошу извинить меня за невольное любопытство, сказалъ священникъ; но если это не тайна, то я желалъ бы знать содержаніе бумаги, которая такъ взволновала всѣхъ васъ.

Лицо Франка Герберта снова опечалилось при этомъ вопросѣ.— Въ этой бумагѣ, отвѣтилъ онъ дрожащимъ голосомъ, заключается извѣстіе, что, быть можетъ, въ данную минуту Оливеръ Кромвель отведенъ въ Тауэръ!..

Священникъ онѣмѣлъ отъ ужаса. — Мы всѣ пропали! проговорилъ онъ съ усиліемъ.

Наступила минута томительнаго молчанія.

— Нѣтъ! воскликнулъ Гербертъ, съ внезапнымъ воодушевленіемъ, — этого никогда не случится! Пока существуетъ армія, мы не можемъ считать себя погибшими, хотя бы намъ пришлось идти вооруженной силой въ Лондонъ и срыть до основанія это купеческое гнѣздо. Никто не отниметъ у насъ Кромвеля! За каждый волосокъ, который спадетъ съ его головы, дюжины этихъ жалкихъ мясниковъ, торгующихъ ковенантомъ будутъ повѣшены на перекладинахъ ихъ собственныхъ воротъ.

Взрывъ негодованія кромвелевскаго солдата непріятно поразилъ ученыхъ мужей Sidney Sussex'а, которые не безъ удовольствія узнали о предстоящемъ арестѣ человѣка, приводившаго въ трепетъ всю Англію.

Гербертъ замѣтилъ впечатлѣніе, произведенное его словами и продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Я знаю, господа, что вы держитесь того мнѣнія, что съ удаленіемъ Кромвеля отстранена будетъ опасность грозящая вамъ и вашему дѣлу. Но это совершенно ошибочный разсчетъ. Съ именемъ Кромвеля связана будущность Англіи; рано или поздно наступитъ день, быть можетъ, даже черезъ десятки и сотни лѣтъ, и это имя сдѣлается символомъ свободы мысли, вѣроисповѣданія и дѣйствій! Тогда осуществится то, что теперь представляется намъ мертвой буквой; и каждый человѣкъ, сознавая свои права, станетъ относиться съ уваженіемъ къ правамъ своего ближняго; богатства націи не будутъ расточаться для поддержанія нелѣпыхъ предразсудковъ, обманщикъ не станетъ насыщаться потомъ и кровью обманутаго! Люди поймутъ, что послѣднее слово религіи—вѣротерпимость и произнесутъ съ благодарностью имя Кромвеля; быть можетъ вспомнятъ они и о тѣхъ, которые вѣрно служили ему и готовы были умереть вмѣстѣ съ нимъ за правое дѣло. Радуйтесь паденію Кромвеля, господа! Но помните, что ваши средневѣковыя традиціи отжили свой вѣкъ и ихъ постигнетъ та же участь, какъ ваши пергаменты, которые покроются пылью и развѣ только изслѣдователь или антикварій прикоснется къ нимъ...

— Остановись, другъ мой, сказалъ священникъ,—ты забываешь, что подобныя рѣчи неумѣстны въ стѣнахъ старой коллегіи Sidney Sussex! Зачѣмъ заставилъ ты меня выслушать все это въ присутствіи этихъ почтенныхъ господъ? Ты говоришь о будущемъ, намъ принадлежитъ прошлое; и мы можемъ требовать, чтобы ты относился къ нему съ уваженіемъ! То блаженное время, которое ты описываешь такими розовыми красками — не болѣе какъ миражъ, созданный твоей фантазіей. Мы стоимъ на болѣе твердой почвѣ; въ пользу нашихъ взглядовъ свидѣтельствуетъ исторія!

— Ты противорѣчишь самому себѣ! возразилъ Франкъ Гербертъ. Не ты ли самъ говорилъ мнѣ въ Чильдерлеѣ, что мы не для того изучаемъ исторію, чтобы подражать прошлому.

— Я готовъ повторить это и теперь, сказалъ священникъ; мы вовсе не должны подражать прошлому; но горе намъ, если мы не захотимъ воспользоваться уроками исторіи. Въ природѣ не существуетъ скачковъ и случайностей, и поэтому нѣтъ никакого основанія допустить ихъ въ органическомъ развитіи человѣчества. Мнѣ кажется, что главная задача государственнаго человѣка изучить историческія условія даннаго момента, понять стремленія и нужды народа и направить его къ опредѣленной цѣли. Мечтами нельзя передѣлать міръ, а государственный человѣкъ, на котораго надѣятся всѣ благомыслящіе люди страны, слишкомъ ясно видитъ свое призваніе, чтобы дѣйствовать по вдохновенію тамъ, гдѣ нужно принимать въ разсчетъ только факты.

— Принимать въ разсчетъ! повторилъ Гербертъ съ ироническимъ смѣхомъ. Предоставь подобный способъ дѣйствій пресвитеріанскимъ торгашамъ!..

— Тебѣ извѣстно, продолжалъ священникъ, не обращая вниманія на замѣчаніе своего друга,—какого я высокаго мнѣнія о генералѣ Кромвелѣ. Онъ привыкъ въ битвахъ взвѣшивать силы непріятеля, а не разсчитывать на слабость враговъ по примѣру нашей партіи. Тотъ же умъ и осторожность примѣнитъ онъ и къ управленію государствомъ и никогда не рѣшится отвергать дѣйствительность, когда факты налицо. Каменныя башни и стѣны этихъ могущественныхъ зданій переживутъ всѣхъ насъ и дождутся лучшаго времени. Молодыя поколѣнія, воспитанныя въ старыхъ коллегіяхъ вооруженныя вѣрой и знаніями будутъ продолжать борьбу противъ нарушителей общественнаго спокойствія. Эта борьба, начатая въ дни испытанія, кончится тѣмъ, что рано или поздно всѣ снова вернутся къ истинной религіи и къ прежнимъ порядкамъ.

Ученые мужи Sidney Sussex'а выслушали рѣчь священника съ видимымъ сочувствіемъ, между тѣмъ какъ Франкъ Гербертъ захохоталъ злобнымъ смѣхомъ и выступилъ впередъ съ очевиднымъ намѣреніемъ возражать своему другу.

Но священникъ поспѣшилъ увести его изъ боязни, чтобы онъ

не возбудилъ неудовольствія въ своихъ слушателяхъ и не наговорилъ такихъ вещей, которыя будетъ неловко выслушать и ему самому, какъ представителю епископальной церкви. Поэтому онъ напомнилъ Герберту его обѣщаніе сообщить нѣкоторыя подробности о Кромвелѣ.

— Да, правда, но намъ удобнѣе будетъ бесѣдовать въ моей комнатѣ, сказалъ Гербертъ, сдѣлавъ легкій поклонъ студентамъ, которые вслѣдъ затѣмъ разошлись по саду и по галлереямъ коллегіи Sidney Sussex.

ГЛАВА IX.

Двѣнадцатый часъ.

Франкъ Гербертъ повелъ своего гостя черезъ тѣнистый дворъ къ той части зданія коллегіи, гдѣ находилась «master's lodge», что, въ переводѣ на современный языкъ, можно было бы назвать «казенной квартирой ректора».

Изъ множества обширныхъ и величественныхъ коллегій, придающихъ до сихъ поръ средневѣковой характеръ городу Кембруджу, Sidney Sussex едва ли не самая незначительная по своимъ размѣрамъ, но безусловно наиболѣе красивая и изящная. Хотя здѣсь нѣтъ: ни архитектоническаго богатства Trinity College, ни великолѣпнаго фасада, остроконечныхъ арокъ и капеллъ King's College, но тѣмъ не менѣе Sidney Sussex представляетъ своего рода красоту, какъ прекрасный образецъ позднѣйшаго готическаго стиля, достигшаго наибольшаго совершенства во времена Тюдоровъ. Стройные пилястры, кровли со шпицами, зубцы, укращающіе стѣны, сводообразныя двери и окна настолько характерны и изящны, что глазъ зрителя съ особеннымъ удовольствіемъ останавливался на нихъ.

Оба двора, отдѣленные стѣной отъ улицы, расположены рядомъ, а не одинъ за другимъ, какъ въ вышеупомянутыхъ коллегіяхъ, занимающихъ болѣе обширное пространство земли. Равнымъ образомъ, соотвѣтственно характеру всего зданія, они проще, уютнѣе и меньшихъ размѣровъ.

Пріятели вышли на лѣвый дворъ и поднялись по каменной лѣстницѣ, ведущей изъ сѣней въ верхній этажъ квартиры ректора, гдѣ Франкъ Гербертъ занималъ лучшую и самую просторную комнату. Почтенный ректоръ не охотно уступилъ ее кавалерійскому полковнику, но, повинуясь высшимъ властямъ, принялъ любезно непрошеннаго гостя и употребилъ всѣ усилія, чтобы окружить его возможнымъ комфортомъ. Франкъ со своей стороны сдѣ-

лалъ все, отъ него зависящее, чтобы избавить хозяина отъ неудобствъ и непріятностей, связанныхъ съ военнымъ постоемъ. Съ свойственною ему вѣжливостью онъ благодарилъ за каждую оказанную ему услугу, избѣгалъ всего, что могло нарушить порядокъ дома; и при всякомъ удобномъ случаѣ высказывалъ, насколько онъ доволенъ тѣми удобствами, какія были доставлены ему .

Комната его была украшена дубовой рѣзной мебелью, прекрасными картинами, коврами, книгами въ богатыхъ переплетахъ и другими предметами роскоши. Деревья, ростущія подъ окномъ, доставляли тѣнь и прохладу до поздняго вечера; все располагало здѣсь къ тихой созерцательной жизни и научнымъ занятіямъ. Но то и другое было немыслимо для Франка Герберта при настоящихъ условіяхъ.

Извѣстія, полученныя изъ Лондона, настолько взволновали его, что онъ, еще не входя въ домъ, началъ разсказывать о нихъ священнику, которому стоило много труда успокоть его и удержать отъ новыхъ вспышекъ гнѣва.

— Я давно предвидѣлъ это! сказалъ Гербертъ, нетерпѣливо расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ и обращаясь къ священнику, который сѣлъ въ одно изъ высокихъ креселъ, обитыхъ кожей. — Мы должны были заранѣе принять противъ этого мѣры. Злоба между лицемѣрными пресвитеріанами и арміей достигла той степени, гдѣ примиреніе сдѣлалось невозможнымъ. Я не даромъ сказалъ послѣ нашей послѣдней побѣды: «Употребимъ въ дѣло наше оружіе, пока они не отняли его отъ насъ!» Опытъ показалъ, что мы ждали слишкомъ долго!..

Священникъ молча слушалъ своего друга, между тѣмъ какъ тотъ продолжалъ съ возростающимъ волненіемъ:

— Ты слишкомъ хорошо знаешь меня Джонъ, и не подумаешь, чтобы я сталъ защищать военный деспотизмъ; мнѣ онъ также ненавистенъ, какъ и всякій другой! Государство, которое мы стремимся создать, должно имѣть конечною цѣлью полное подчиненіе военныхъ силъ гвражданской власти. Но я считаю глупцами тѣхъ, которые добровольно отдаютъ свой мечъ, чтобы ихъ побили собственнымъ оружіемъ. Мы находимся пока на военномъ положеніи; и пусть будетъ лучше война, нежели такой миръ, который лишитъ насъ плодовъ пролитой крови. Вмѣсто побѣжденнаго Карля I могутъ явиться въ будущемъ пятьсотъ новыхъ тирановъ! Наша армія—послѣдній оплотъ свободы, и поэтому ханжи, присвоившіе себѣ власть въ Вестминстерѣ, употребляютъ всѣ усилія, чтобы уничтожить ее. Они не пренебрегаютъ никакими средствами для достиженія своей цѣли. Насъ хотятъ отправить въ Ирландію, а нашего военачальника запереть въ Тауэръ! Между прочимъ, отданъ приказъ распустить лучшій корпусъ и намъ запрещено приближаться къ столицѣ, ближе чѣмъ на разстояніе пяти миль. Но эти

господа, засѣдающіе въ парламентѣ забываютъ, что мы, солдаты, такіе же делегаты и слуги парламента, какъ и они сами. Всѣмъ извѣстно, что они хотятъ въ тайнѣ заключить миръ съ королемъ, и сдѣлать изъ насъ искупительную жертву соединенной мести ихъ обоихъ.

— Король никогда не заключитъ подобнаго мира, возразилъ Гевитъ.

— Не напоминай мнѣ объ этомъ человѣкѣ; онъ не существуетъ для меня съ тѣхъ поръ, какъ опубликована его переписка съ врагами Англіи! Твой король слѣдуетъ правилу Маккіавелли, что «каждый государь долженъ дѣйствовать обратно тому, что говоритъ».

— Тѣмъ не менѣе, сказалъ Гевитъ, мнѣ положительно извѣстно, что съ нѣкотораго времени между королемъ и арміей существуютъ дѣятельныя сношенія.

— Я считаю государственной измѣной самую мысль вступить въ переговоры съ Карломъ I при какихъ-бы то ни было условіяхъ.

— Но на сторонѣ короля двѣ значительныя партіи: роялисты и пресвитеріане, которые готовы изъ за этого заключить между собою союзъ. Они составляютъ большинство націи.

— Нація не имѣетъ никакихъ политическихъ убѣжденій и не принадлежитъ ни къ какой партіи, но обыкновенно присоединяется къ которой либо изъ нихъ. Если меньшинство сознаетъ, что правда на его сторонѣ, то оно можетъ принудить большинство принять его мнѣніе.

— Значитъ ты хочешь дѣйствовать съ помощью террора!

— Да, отчасти, потому что считаю это неизбѣжнымъ въ виду общаго блага. Никто добровольно не отказывается отъ своихъ привилегій и самостоятельности; нужно насильно принудить его къ этому.

— Но почему не сдѣлать попытку устроить дѣло миролюбивымъ способомъ?

Гербертъ печально улыбнулся.

— Это не такъ легко, какъ ты думаешь! сказалъ онъ. — Я хорошо знакомъ съ нашей арміей; если король, по своему обыкновенію, вздумаетъ нарушить принятыя относительно ея обязательства, то его гибель неизбѣжна... Но не въ этомъ дѣло... Теперь двѣнадцатый часъ. Быть можетъ въ данную минуту, пока мы разсуждаемъ со тобой о будущности, наша участь уже рѣшена. Послѣдній разъ, когда нашъ генералъ отправился въ Лондонъ чтобы снова занять свое мѣсто въ парламентѣ, мы умоляли, чтобы онъ позволилъ арміи сопровождать его. Но онъ поѣхалъ одинъ и велѣлъ намъ исполнять безпрекословно предписанія парламента. Между тѣмъ вчера назначенъ особый комитетъ и ему поручено распустить армію; и даже носится слухъ, что рѣшено арестовать Кромвеля!..

Въ комнатѣ наступила мертвая тишина. Священникъ, погруженный въ размышленія, ничего не возражалъ своему другу.

— Быть можетъ, продолжалъ Гербертъ, прерывая молчаніе,— Кромвель уже отведенъ въ Тоуэръ... Я съ ужасомъ думаю о попослѣдствіяхъ...

Въ это время послышался сильный стукъ въ дверь. Гербертъ отворилъ ее и увидѣлъ передъ собой унтеръ-офицера своего полка.

— Что случилось? спросилъ онъ недовольнымъ тономъ.

— Какой-то человѣкъ пришелъ къ вамъ съ порученіемъ отъ синода; онъ говоритъ, что дѣло спѣшное...

Гербертъ менѣе чѣмъ когда нибудь былъ расположенъ принять посланнаго ненавистной для него власти. Но, исполняя должность коменданта въ Кембриджѣ, онъ не считалъ себя въ правѣ отклониться отъ своей прямой обязанности.

— Позови его сюда! сказалъ онъ. Но скажи ему, что я занятъ и не могу долго бесѣдовать съ нимъ.

Вслѣдъ затѣмъ вошелъ худощавый человѣкъ, въ одеждѣ пресвитеріанскаго покроя, съ ушами, торчащими изъ-подъ обстриженныхъ волосъ, и въ длинной остроконечной шляпѣ, далеко не украшавшей его. Войдя въ комнату онъ униженно поклонился и, снявъ шляпу, началъ вертѣть ее своими худыми, крючковатыми пальцами.

Священникъ сталъ перелистывать книгу, чтобы не мѣшать вошедшему своимъ присутствіемъ.

— Кто вы такой? спросилъ Гербертъ, пристально вглядываясь въ непріятную физіономію пуританина, которая показалась ему знакомою.

— Я считаю хорошимъ знакомъ, что вы не узнали меня! отвѣчалъ посланный церковнаго суда, смиреннымъ, медоточивымъ голосомъ.—Дѣйствительно, со времени нашего послѣдняго свиданія я измѣнился не только по внѣшности, но и переработалъ себя внутренно. Въ писаніи сказано, «что сила Господа нашего будетъ съ ищущими Его во всякомъ добромъ предпріятіи...»

— Оставьте въ покоѣ священное писаніе! прервалъ Гербертъ.— Я не имѣю никакого желанія выслушивать библейскія цитаты, которыми любитъ щеголять ваша братія; и вы напрасно тратите ваше краснорѣчіе!

— Тѣмъ не менѣе я обязанъ вамъ, господинъ полковникъ, что перемѣнилъ бѣлую одежду мельника на эту черную рясу, отказался отъ всякой мірской похоти и обратился къ Богу. Мы видимъ, что аистъ и горлица, журавль и ласточка...

— Убирайтесь къ чорту съ вашими розсказнями объ аистахъ и горлицахъ! воскликнулъ съ нетерпѣніемъ Гербертъ. – Объясните въ короткихъ словахъ, что̀ вамъ нужно, или, клянусь честью, я..

Посланный отступилъ въ ужасѣ.

— Боже мой, какъ выражается этотъ человѣкъ! сказалъ онъ,

сложивъ набожно руки на груди. — Неужели я долженъ слышать подобныя рѣчи отъ христіанина! Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы господинъ полковникъ не зналъ, что объ этихъ птицахъ упоминается въ книгѣ, о которой сказано...

— Пусть будетъ написано о нихъ гдѣ угодно, но если вы тотчасъ же не скажете, кто вы и что вамъ нужно отъ меня, то я прикажу вытолкать васъ отсюда!..

Съ этими словами Гербертъ указалъ на вооруженнаго унтеръ-офицера, стоящаго у дверей.

Негодованіе благочестиваго пуританина замѣнилось страхомъ; прежняя самоувѣренность исчезла и онъ отвѣтилъ дрожащимъ голосомъ:

— Моя фамилія Пиккерлингъ!

— Теперь я припоминаю, при какихъ обстоятельствахъ я встрѣтилъ васъ и долженъ сказать, что вы самый отъявленный негодяй, который когда-либо существовалъ на свѣтѣ!

Хладнокровный, презрительный тонъ, какимъ Гербертъ произнесъ послѣднія слова, смутили бы всякаго человѣка, который менѣе привыкъ къ подобнымъ привѣтствіямъ, чѣмъ бывшій чильдерлейскій мельникъ.

Священникъ, услыхавъ имя Пиккерлинга, положилъ книгу и подошелъ ближе.

— Узнаете-ли вы его? продолжалъ Гербертъ, указывая на своего друга.—Не напоминаетъ-ли онъ вамъ черную измѣну, которую вы позволили себѣ относительно вашего прежняго господина? Надѣюсь, мнѣ не нужно объяснять вамъ, кто онъ!

— Мнѣ-ли не знать господина священника! возразилъ Пиккерлингъ съ плохо скрываемымъ злорадствомъ. — Не далѣе какъ черезъ полчаса онъ долженъ будетъ предстать передъ духовнымъ судомъ, который уже собрался въ залѣ городской ратуши.

— Презрѣнная тварь! воскликнулъ Гербертъ, не помня себя отъ бѣшенства.—Я убѣжденъ, что это твое дѣло!

— Не отрекаюсь, отвѣтилъ Пиккерлингъ, — что въ настоящемъ случаѣ я былъ недостойнымъ орудіемъ въ рукахъ Господа и только исполнилъ свою обязанность, какъ вѣрный слуга великаго лондонскаго синода, удостоившасо призвать меня въ свидѣтели противъ осквернителя святыни, который былъ какъ бѣльмо на глазу для каждаго благочестиваго христіанина!

При этихъ словахъ стоявшій у дверей солдатъ сдѣлалъ невольное движеніе и едва не выронилъ изъ рукъ ружье, которое съ шумомъ опустилось на полъ.

— Ты правъ, пріятель! сказалъ Гербертъ, обращаясь къ своему подчиненному,—честнымъ людямъ неприлично слушать такія рѣчи! Затѣмъ, бросивъ презрительный взглядъ на пуританина, онъ добавилъ:—Если вамъ нужно еще что нибудь сказать мнѣ, то совѣ-

тую поторопиться. Каждое сказанное вами лишнее слово послужитъ мнѣ предлогомъ избавиться отъ вашего присутствія.

Лицо Пиккерлинга сохранило прежнее выраженіе смиренной покорности, но въ то же время отвратительная торжествующая улыбка, не сходившая съ его губъ, ясно показывала, что бывшій мельникъ вполнѣ сознавалъ свою силу. Онъ положилъ свою шляпу на полъ и, осторожно вынувъ изъ боковаго кармана бумагу, медленно развернулъ ее.

— Вотъ приказъ объ арестѣ, сказалъ онъ.—Синодальный судъ въ Кембриджѣ проситъ васъ, какъ исполняющаго дожность городскаго коменданта, утвердить эту бумагу вашей подписью, такъ какъ мы все еще находимся на военномъ положеніи.

— Дай Богъ, чтобы оно продлилось возможно долѣе! воскликнулъ Гербертъ.—Если военное положеніе будетъ снято, то всѣмъ честнымъ людямъ прійдется плохо отъ этихъ негодяевъ...

Гербертъ остановился, потому что въ эту минуту онъ почувствовалъ руку священника на своемъ плечѣ.

Пиккерлингъ, видя смущеніе своего противника, продолжалъ самоувѣреннымъ тономъ: — Дѣйствительно, мы находимся пока на военномъ положеніи, но, судя по извѣстіямъ, полученнымъ изъ Лондона, мы завтра же избавимся отъ него. Въ виду этого, господинъ полковникъ, вы можете смѣло оказать услугу духовнымъ властямъ, тѣмъ болѣе, что ваша прямая выгода остаться съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ. Быть можетъ, мнѣ слѣдовало дождаться прибытія курьера изъ Лондона, прежде чѣмъ взять на себя подобное порученіе, но долгъ христіанина обязываетъ насъ прощать врагамъ, и, вдобавокъ, дѣло спѣшное.

Съ этими словами Пиккерлингъ подалъ бумагу Франку Герберту, который съ трудомъ сдерживалъ свой гнѣвъ.

— Кто эта дѣвушка, о которой говорится тутъ? свросилъ онъ, бросивъ бѣглый взглядъ на бумагу.

— Вѣроятно вы желаете знать, какой она религіи! замѣтилъ Пиккерлингъ.—Но очень трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Быть можетъ, она папистка или пожалуй нѣчто худшее.

— Какое мнѣ дѣло до этого, а также синоду! Надѣюсь, что синодъ не обратится въ судилище еретиковъ и не заставитъ англійскаго офицера исполнять роль инквизитора!

— Вопросъ не въ одной религіи; но съ этимъ связаны и другія обвиненія! возразилъ Пиккерлингъ.—Доказано, что эта особа замѣшана въ роялистическомъ заговорѣ. Она пріѣхала сюда переодѣтая пажемъ изъ южныхъ странъ, гдѣ господствуетъ римское идолопоклонство и должна была передать письмо нечестивой женщины къ ея мужу, который въ настоящее время плѣнникъ парламента и содержится въ Гольмби. Это измѣнническое письмо, недавно прочитанное во всеуслышаніе на улицѣ Guildhall'я было до-

ставлено на мѣсто назначенія герцогомъ Бокингемомъ, между тѣмъ какъ упомянутая особа, пораженная гнѣвомъ Божіимъ, упала съ лошади въ лѣсу, такъ что ее подняли зá-мертво. Но всего замѣчательнѣе то, что одинъ баронетъ, принадлежащій къ числу злоумышленниковъ, помогалъ измѣнникамъ и даже пріютилъ ихъ въ своемъ замкѣ, чѣмъ навлекъ на себя справедливую кару не только со стороны націи, но и отъ самого Бога. Въ виду всего этого, я, Пиккерлингъ, возведенный въ настоящую должность милостью Господа нашего, выступилъ въ качествѣ обвинителя противъ этой дѣвушки, которая какимъ-то чудомъ опять попала въ наши руки. Ее привезли сюда рано утромъ вмѣстѣ съ транспортомъ плѣнныхъ изъ Кентфорда...

— Подлый доносчикъ! воскликнулъ Гербертъ, схвативъ за плечо пуританина.—Какъ осмѣлился ты явиться сюда и разсчитывать на мое содѣйствіе!

Негодованіе Герберта было тѣмъ сильнѣе, что въ его памяти проснулось воспоминаніе о сценѣ въ Лонгстовскомъ лѣсу. Въ то время какъ въ ушахъ его все еще раздавались слова лицемѣра, воображеніе настойчиво рисовало ему граціозный образъ бѣлокурой дочери баронета.

— Я думаю, господинъ полковникъ хорошо помнитъ всѣ обстоятельства этого дѣла? замѣтилъ вкрадчиво Пиккерлингъ, употребляя напрасныя усилія, чтобы освободиться отъ сильной руки, приковавшей его къ мѣсту.

— Да, я все помню, на твое нестастіе, предатель! сказалъ Гербертъ, отталкивая съ презрѣніемъ пуританина, который, чувствуя себя на свободѣ, поспѣшно удалился къ двери.

Гербертъ еще разъ пробѣжалъ глазами бумагу, написанную по латыни. Приказъ объ арестѣ относился къ особѣ, носившей имя Мануэллы. Онъ вспомнилъ блѣдное красивое лицо съ темными глазами.

— Дѣвушка эта ни въ чемъ не виновата, Франкъ, сказалъ священникъ.

— Еслибъ я и помимо этого не былъ убѣжденъ въ ея правотѣ, возразилъ Гербертъ, то изъ словъ этого негодяя пришелъ бы къ заключенію, что онъ напрасно обвиняетъ ее!

— Она прожила около двухъ лѣтъ въ Чильдерлейскомъ замкѣ и подружилась съ Оливіей, и только несчастное событіе, о которомъ я сообщу тебѣ, заставило ее покинуть домъ баронета.

— Въ такомъ случаѣ я буду вдвойнѣ заботиться о безопасности этой дѣвушки, и очень радъ, что мнѣ приходится вторично защищать ее!

Пиккерлингъ, не смотря на всѣ усилія, не могъ разслышать бесѣды двухъ пріятелей, такъ какъ они говорили вполголоса, но въ то же время, по свойственной ему трусости, не рѣшился подойти ближе.

— Позвольте васъ спросить, господинъ полковникъ, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,— что мы будемъ дѣлать съ молодой особой, которую синодъ намѣренъ предать суду?

— Армія беретъ ее подъ свое покровительство.

— А приказъ объ арестѣ?

— Онъ будетъ уничтоженъ! сказалъ Гербертъ и, разорвавъ бумагу, бросилъ ее на полъ.

— Быть можетъ, вы желали бы такимъ же способомъ уничтожить ковенантъ!.. Но воля Всевышняго рѣшила иначе! Въ писаніи сказано: Господь—имя Тебѣ: сокруши же ихъ крѣпость силою Твоею и уничтожь ихъ силу гнѣвомъ Твоимъ!.. Увидимъ, долго-ли вы будете кичиться вашимъ Кромвелемъ и вашей арміей!..

Пиккерлингъ произнесъ послѣднія слова сквозь зубы и затѣмъ, подобравъ съ полу клочки разорваннаго приказа, поспѣшно удалился изъ боязни новой вспышки гнѣва со стороны Герберта.

Едва замолкъ шумъ его шаговъ по каменной лѣстницѣ, какъ на сосѣдней башнѣ пробило двѣнадцать часовъ.

— Пора! сказалъ священникъ,—я долженъ явиться въ синодальный судъ!

— Прощай, Джонъ, сказалъ Гербертъ,—надѣюсь, что ты зайдешь ко мнѣ по окончаніи засѣданія.

ГЛАВА X.

Передъ судомъ.

Допросъ продолжался недолго и происходилъ тѣмъ способомъ, какой можно было предвидѣть. Священникъ велъ себя съ достоинствомъ, сообразно своему сану, на всѣ вопросы давалъ опредѣленные отвѣты, но тщательно избѣгалъ объясненій, которыя относились къ убѣжденіямъ, а не къ фактамъ. Ему было извѣстно, что духовные суды, имѣя въ виду назиданіе публики, присутствовавшей на ихъ засѣданіяхъ, пользовались послѣдними для различныхъ ученыхъ состязаній. Поэтому допросъ нерѣдко принималъ характеръ богословскаго диспута двѣнадцати человѣкъ противъ одного и, въ случаѣ недостатка въ доводахъ, кончался безъапелляціоннымъ приговоромъ судей.

Судъ, на этотъ разъ, согласно пресвитеріанскому обычаю, состоялъ не только изъ духовныхъ лицъ, но и изъ мірянъ, которые въ такой же степени любили богословскіе споры. Изъ числа послѣднихъ, особенно выдавался одинъ пожилой человѣкъ съ посѣдѣвшими волосами и бородой, который чаще другихъ судей преры-

— Теперь или никогда, сказалъ онъ, нужно сдѣлать ту попытку, о которой я говорилъ тебѣ. Предчувствіе не обмануло меня. Если удастся мой давнишній планъ, то это дастъ мнѣ силы перенести постигшее меня несчастіе! Тебѣ, вѣроятно, извѣстно Франкъ, что я отставленъ отъ должности и у меня отнятъ приходъ...

Голосъ священника задрожалъ при этихъ словахъ. Казалось, что изъ груди его готово вырваться рыданіе, но онъ тотчасъ же овладѣлъ собой.

— Знаю, сказалъ Гербертъ тономъ, въ которомъ слышалось искреннее сожалѣніе, но я думалъ мой бѣдный другъ, что ты легче перенесешь свое несчастіе, потому что давно ожидалъ этого!

— Дѣйствительно, я слишкомъ поддался впечатлѣнію минуты, но теперь все прошло!.. У меня снова явилась надежда на исполненіе моей завѣтной мечты! Тебѣ я также обязанъ этимъ Франкъ, ты поступилъ какъ джентльменъ въ данномъ случаѣ..

— Неужели другъ моей юности могъ сомнѣваться въ моей честности?

— Нѣтъ, я знаю, что ты не способенъ совершить подлый поступокъ. Но теперь, благодаря обстоятельствамъ, сгладилась пропасть, раздѣлявшая насъ, мы можемъ идти заодно по тому пути, о которомъ мечтали въ былыя времена, когда надъ нами возвышались тѣ же самыя старыя стѣны и деревья! Развѣ не рисуется передъ тобой картина лучшей будущности? Быть можетъ въ непродолжительномъ времени возстановится прочный миръ и Англія отдохнетъ отъ этихъ безконечныхъ войнъ...

Друзья дошли до широкой липовой аллеи, называемой «College Walk», которая, огибая коллегіи, тянулась вдоль тѣнистыхъ садовъ «Fellows». Аллея эта представляла особенную прелесть въ поздній часъ дня, когда золотистые лучи солнца окрашивали верхушки высокихъ деревьевъ, разсыпаясь искрами между могучими вѣтвями. Липы, покрытыя весеннею зеленью, распространяли тонкій аромать своихъ молодыхъ листьевъ, дрожащихъ отъ дуновенія легкаго вѣтерка. На голубоватомъ фонѣ безоблачнаго неба изъ сплошной массы вѣтокъ и листьевъ рельефно выдѣлялись отдѣльныя части старинныхъ зданій норманской и готической архитектуры—четырехъугольные столбы, крыши, окна, порталы, своды галлерей. Свѣтъ и тѣни мѣнялись на старыхъ камняхъ поросшихъ мохомъ, которые, казалось, оживали подъ теплымъ дыханіемъ весны.

Гербертъ ничего не возражалъ своему другу, который потерявъ все, что его привязывало къ жизни, тѣмъ легче уносился въ область несбыточныхъ мечтаній, между тѣмъ, какъ радостное ощущеніе легко сдержанной побѣды смѣнилось у Герберта печальными размышленіями о будущности Англіи. Они молча дошли до конца аллеи и вошли въ городъ, гдѣ уже распространилось извѣстіе, что Кромвель избѣгнулъ грозившей ему опасности. Всюду толпился на-

родъ; группы вооруженныхъ солдатъ стояли передъ домами. На ихъ неподвижныхъ, окаменѣлыхъ лицахъ сіяла радость, подобно солнечному лучу, скользившему по утесамъ. Только что проѣхалъ всадникъ, привезшій въ лагерь извѣстіе, что Кромвель за нѣсколько часовъ проѣхалъ въ Эли и находится въ своемъ домѣ. Около него собрались начальствующія лица арміи, генералъ-маіоры и полковники, шуринъ его Десборо и зять Иретонъ. Любимый полкъ Кромвеля, такъ-называемые «желѣзные панцырники» также отправились въ Эли...

— Прощай, мнѣ пора двинуться въ путь! сказалъ священникъ.

— Что ты хочешь дѣлать? спросилъ Франкъ Гербертъ.

— Ѣхать въ Эли и переговорить съ Кромвелемъ! Внутренній голосъ подсказываетъ мнѣ, что пришло время, когда королевская власть и церковь должны заключить союзъ съ арміей.

— Считаю своимъ долгомъ предостеречь тебя! сказалъ Франкъ Гербертъ серьезнымъ настойчивымъ тономъ. Союзъ этотъ не можетъ быть заключенъ честнымъ образомъ. Откажись отъ этой фантазіи Джонъ; ты самъ не понимаешь, что дѣлаешь! Желая спасти короля, ты подвергаешь его величайшей опасности.

— Ты разсуждаешь, какъ солдатъ!

— Я говорю устами арміи. Если бы самъ Кромвель желалъ подобнаго союза, то врядъ ли бы онъ могъ достигнуть этого!

— Позволь мнѣ высказать откровенно то, что я думаю, сказалъ священникъ. Когда ты вошелъ сегодня въ залу засѣданія, въ это царство лжи, противорѣчій и недомолвокъ, глаза мои съ восторгомъ остановились на тебѣ. Ты показался мнѣ вѣстникомъ свѣта, благороднымъ рыцаремъ, выступившимъ на защиту правды. Твое появленіе внесло жизнь въ эту мертвечину; ты держалъ себя съ полнымъ достоинствомъ и самообладаніемъ, не позволилъ себѣ ни одного лишняго слова. Врядъ ли самый великій государственный человѣкъ или министръ прославленный въ исторіи, задумался бы распечатать письмо непріятеля при подобныхъ условіяхъ. Но ты поступилъ иначе, и явился съ запечатаннымъ письмомъ въ одной рукѣ и съ оружіемъ въ другой. Ты строго выполнилъ то, что свѣтъ называетъ честью и приличіемъ; но скажи мнѣ положа руку на сердце: въ чемъ заключается здѣсь различіе? Неужели насиліе и принужденіе нравственнѣе коварства?

— Власть, пріобрѣтенная цѣною крови имѣетъ въ моихъ глазахъ священное значеніе. Она какъ всякое оружіе облагороживается тѣмъ, какимъ способомъ примѣняютъ ее. Если человѣкъ злоупотребляетъ властью, чтобы поработить умы и ведетъ войну противъ мысли, то я назову это преступленіемъ; но развѣ всѣ мы не должны благословлять оружіе, которое служитъ дѣлу свободы? Если бы право на власть представляло собой нѣчто абсолютное,

МОСКОВСКІЕ ЛЮДИ XVII-ГО ВѢКА.

I.

Въ 1684 году, подъѣзжалъ, по тульской дорогѣ, къ Москвѣ изъ Сѣвска, въ маленькой рогоженой кибиткѣ, на своей лошадкѣ, торговый человѣкъ Демьянъ Григорьевъ, съ племянникомъ своимъ Никитою, оба, по прозванію, Антуфьевы. Хотя путь ихъ былъ и не очень далекъ, но и не мало натерпѣлись они, въ продолженіи его, разныхъ хлопотъ и безпокойствъ.

Въ городахъ, черезъ которые они проѣзжали, ихъ на таможенныхъ заставахъ и рогаткахъ останавливали дозорные.

— Ты отколь и куда ѣдешь? кричали они.

— Ѣду изъ Сѣвска, государевой отчины, въ Москву? отзывался дядя.

— А проѣзжая грамота есть?

— Какъ не быть.

— Ну-ка, покажь ее намъ.

И купчина вытаскивалъ изъ-за пазухи клочокъ сѣрой бумаги. Такъ какъ бо́льшая часть дозорныхъ были или вовсе неграмотны, или съ трудомъ могли разбирать тогдашнее письмо, да еще подъ титлами, то они для важности принимались внимательно разсматривать поданную имъ бумагу и если не держали ее верхомъ внизъ, то потому только, что приложенная къ ней черная, восковая, по-

луистертая уже печать показывала мало-мальски смѣтливому человѣку, гдѣ было начало и гдѣ конецъ написанному.

— А не воровская она будетъ? спрашивалъ кто нибудь изъ дозорныхъ.

— Оборони Богъ!.. Стану ли такимъ дѣломъ заниматься.

— А кто съ тобой въ пути?..

— Племяшъ мой...

— То-то, смотри.

Но обыкновенно всѣ дальнѣйшіе вопросы со стороны дозорныхъ прекращались, когда проѣзжій брался за мошну, показывая тѣмъ самымъ, что онъ, уплативъ уже проѣзжую пошлину, не желаетъ оставить безъ подачки и дозорныхъ.

На иныхъ заставахъ, болѣе придирчивые дозорщики начинали высказывать разныя подозрѣнія.

— Да не бѣглые ли вы будете холопы? спрашивали они.

— Были бы бѣглые, такъ въ Москву не потянулись бы, а пробирались бы на украйны, въ вольныя степныя мѣста, находчиво отвѣчалъ старикъ Антуфьевъ.

— И то правда, поддакивали дозорные, видя, что для нихъ въ рукахъ проѣзжаго заготовленъ алтынъ.

На иной заставѣ къ разнымъ опросамъ добавляли:

— Конь-то у васъ свой ли? не ворованный ли онъ?

— Что ты, кормилецъ, да у меня въ Сѣвскѣ еще тройка такихъ будетъ?

И затѣмъ одинъ, а иногда, смотря по строгости опросовъ, и два алтына, сунутые дозорщикамъ, устраняли тотчасъ всѣ подозрѣнія, которыхъ собственно и не было, а высказывались они лишь для того, чтобы припугнуть и понажать проѣзжихъ. Особенно часто накидывались на Антуфьевыхъ земскіе ярыжки. Они прямо заявляли имъ, что такихъ людей какъ они, по примѣтамъ, и ищутъ, и на основаніи этого хотѣли волочить ихъ то къ старостѣ, то къ воеводѣ. Испытывали такія нападенія не одни, впрочемъ, Антуфьевы, но и другіе проѣзжавшіе по дорогамъ, такъ какъ вообще земскіе ярыжки кормились разными неправыми доходами. Но, кромѣ того, путешественниковъ могла, въ ту пору, постигнуть и болѣе существенная невзгода. На проѣзжихъ по большимъ дорогамъ нападали нерѣдко разбойники, грабили и убивали ихъ. Предводителями разбойничьихъ шаекъ были нетолько бѣглые и крестьяне, но между ними находились князья, дворяне и даже люди, «ангельскаго чина» какъ, напримѣръ, строитель Тафтинской пустыни. Несмотря на разныя мытарства, Антуфьевы, все-таки, говоря относительно, благополучно добрались до Москвы и теперь думали о томъ, какъ бы въѣхать въ самый городъ, безъ какихъ нибудь новыхъ непріятныхъ приключеній.

II.

Демьянъ Антуфьевъ былъ уже старикъ лѣтъ шестидесяти слишкомъ. Считался онъ человѣкомъ бывалымъ, такъ какъ ѣздилъ изъ Сѣвска по Украйнѣ и закупалъ тамъ скотъ, который потомъ перепродавалъ съ выгодою для себя. Неудобно въ этой торговлѣ было только одно: падежи истребляли очень часто рогатую скотину и по временамъ Демьянъ Григорьевичъ терпѣлъ большіе убытки, но, какъ торговецъ смѣтливый и оборотливый, скоро поправлялся и принимался снова за свой обычный промыселъ.

Казалось бы, что Демьянъ Григорьевичъ могъ хорошо вести свое дѣло и у себя на родинѣ, въ Сѣвскѣ, и въ окольныхъ съ этимъ городомъ мѣстахъ, но стараго купчину подбивало желаніе попытать счастія на сторонѣ, правда, не для себя лично, но для любимаго имъ племянника Никиты. На Руси въ это время ходили слухи, что торговымъ людямъ въ Москвѣ живется нетолько лучше, но и почетнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; что на Москвѣ не такое заурядное купечество, какъ въ другихъ царскихъ городахъ, а есть и важные торговцы изъ суконной и гостинной сотѣнъ. Разсказывали также въ народѣ, что на Москвѣ не своевольничаютъ и не притѣсняютъ простыхъ людей воеводы такъ, какъ это повелось въ другихъ мѣстахъ, гдѣ воевода, его дьякъ и подъячіе обижали и разоряли безнаказанно торговыхъ людей и даже забирали безплатно силою изъ ихъ лавокъ всякіе товары, которые имъ полюбятся.

Никита былъ единственный родной племянникъ Демьяна, да въ добавокъ еще и его крестникъ. Бездѣтный Демьянъ взялъ его вмѣсто сына и хотѣлъ передать ему въ наслѣдство все свое добро. Дядя былъ человѣкъ разсудительный и, по тому времени, несмотря на свои хлопотливыя занятія, былъ еще и человѣкъ начитанный «по божественнымъ книгамъ». Онъ поучалъ и наставлялъ своего племянника на добрый путь и оберегалъ его отъ «всякія скверны». Онъ хотѣлъ его пристроить въ Москвѣ по торговой части, у кого нибудь изъ своихъ земляковъ. Между тѣмъ, Никита нетолько не проявлялъ наклонности къ торговлѣ скотомъ, но и съ неудовольствіемъ отзывался о непонравившемся ему купеческомъ промыслѣ. Да и вообще не то было на умѣ у Никиты: хотѣлось ему отвѣдать настоящаго книжнаго ученія. Правда, что учиться основательно парню лѣтъ подъ двадцать было уже нѣсколько поздновато по нынѣшнимъ понятіямъ, но въ старину было не то. Тогда садились за книгу и позднѣе, лишь бы нашелся хорошій для того «мастеръ» или учитель, а въ Сѣвскѣ хорошихъ грамотѣевъ отыскать было нельзя. Ученыхъ монаховъ и поповъ тамъ

не повелось, да и вообще жили тамъ больше ратные люди, приноровившіеся не къ книгамъ, а къ пушкамъ и пищалямъ. Торговые же люди о книгахъ не думали, такъ что между ними Демьянъ Григорьевичъ считался даже мудрецомъ и чуть не чернокнижникомъ.

— Смотри, Никита, ты въ Москвѣ-то не забалуйся, говорилъ однажды въ пути дядя племяннику. Москва вѣдь не нашъ Сѣвскъ, соблазна разнаго тамъ много найдется.

— Съ чего, крёстный, баловаться я стану. Не держу того я и въ мысляхъ, возразилъ племянникъ.

— Не ровенъ часъ, прыткій самъ наскочитъ, а на тихаго набѣжитъ. Знаю, что ты больше всего о книжномъ ученіи помышляешь. Не слюбится тебѣ торговое дѣло, такъ садись за книгу, я тебѣ въ томъ перешкодить и поперечить не буду. Статься можетъ, какъ божественному поднаучишься, такъ потомъ нетолько что въ соборные протопопы, но и въ архіереи попадешь, добавилъ онъ съ легкой усмѣшкой.

При этихъ словахъ дяди, выраженіе неудовольствія промелькнуло по открытому и честному лицу молодаго человѣка.

— Не хочу я, крёстный, ни въ протопопы, ни въ архіереи, заговорилъ онъ какъ бы съ оттѣнкомъ досады. У поповъ жадности много, а у чернецовъ—лицемѣрства.

Старикъ съ удивленіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и привѣтливо взглянулъ на племянника.

— Испытать хотѣлъ я тебя Никита, заговорилъ неровнымъ, нѣсколько дрожащимъ голосомъ старикъ, но коли уже ты такъ со мной говоришь, то и я передъ тобой таиться не стану. Знаю, что въ писаніи сказано: «не осуди, да не осужденъ будеши», и я говорю теперь не въ судъ и не въ осужденіе, а только въ разсудъ. И въ правду, попы и черноризцы сошли съ пути праведнаго; забыли люди духовнаго чина о паствѣ, которую препоручилъ имъ блюсти Господь. Отъ того и пошли въ нашей христіанской церкви и неустроенія и мятежи многіе. Церковь наша распалась... Да что говорить теперь о томъ, въ Москвѣ обо всемъ узнаемъ и все сами увидимъ, а прилежаніе твое къ книжному ученію я похваляю. Умудренный имъ человѣкъ ко всякому дѣлу бываетъ болѣе пригоденъ, нежели простецъ... Подстегни-ко гнѣдко, а то мы съ тобой закалякались, а онъ ужь больно залѣнился, прибавилъ дядя, желая замять начатый разговоръ.

Демьянъ Григорьевичъ завалился въ глубь кибитки, на наложенныя тамъ подушки и надвинулъ на лицо козырекъ картуза. Онъ сталъ раздумывать о тѣхъ вопросахъ, которые давно уже смущали его какъ человѣка набожнаго и благочестиваго.

Гулъ московскаго раскола разносился уже по всей Землѣ Русской и сильно затрогивалъ помыслы людей, желавшихъ остаться

вѣрными древле-православной церкви. Начавшіяся противъ нихъ гоненія вызывали въ сторонникахъ этой церкви ропотъ и противъ патріаршей церкви, и противъ царскаго правительства. Люди болѣе или менѣе скорбные головой кидались съ чужихъ словъ то въ ту, то въ другую сторону, такъ какъ въ нихъ не было никакихъ твердыхъ устоевъ. Къ числу ихъ не принадлежалъ, однако, старикъ Антуфьевъ. Онъ ясно сознавалъ всѣ тогдашніе непорядки и упадокъ благочестія, но не рѣшался перейти на какую либо сторону безъ глубокаго убѣжденія въ правотѣ или ложности прежнихъ установленій, или же, напротивъ, новшествъ, проявлявшихся въ патріаршей церкви.

Главнымъ образомъ, онъ и собрался съѣздить въ Москву съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ успокоить свою тревожившуюся совѣсть, поговоривъ тамъ съ людьми разумными какъ изъ старовѣровъ, такъ и изъ никоніанцевъ. Хотѣлъ онъ также поклониться и московскимъ чудотворцамъ и думалъ, если Господь допуститъ, то побывать и на Валаамѣ и въ Соловкахъ, и въ другихъ обителяхъ древняго благочестія и посмотрѣть чтò тамъ дѣлается и услышать чтò тамъ говорится о событіяхъ церковныхъ.

III.

Когда дядя и племянникъ выѣхали на Поклонную гору, лежавшую на тульской дорогѣ, они увидѣли оттуда Москву и стали креститься.

— Эхъ вѣдь какъ широко она раскинулась — проговорилъ, покачивая головою Демьянъ — кажись и предѣловъ ей нѣтъ.

— Точно, что велика, куда нашъ Сѣвскъ. Передъ нею онъ простая деревня, да и только. Глядь-ко сюда, сказалъ Никита, дергая дядю за рукавъ, церквей-то и башенъ-то гибель, а домовъ-то, домовъ-то!..

— Въ перемежку съ садами, огородами и пустырями, говорилъ старикъ, приглядываясь къ Москвѣ. А вонъ тамъ въ сторонѣ особнякомъ стоитъ какая-то слобода. Церквей въ ней вовсе не видно, за то вся она въ зелени, да кажись, тамъ и постройки будутъ поважнѣе, чѣмъ по другимъ концамъ города.

Полюбовавшись съ высоты горы Москвою, Антуфьевы стали потихоньку спускаться съ крутизны.

День ихъ пріѣзда въ Москву былъ день праздничный, и въ ту пору, когда они подъѣзжали къ Дорогомиловской заставѣ, въ московскихъ церквахъ благовѣстили къ обѣдни. Еще издалека доносился до нихъ со стороны города громкій звонъ, казавшійся какимъ-то неумолкаемымъ ревомъ. Въ Москвѣ тогда считалось до 5,000 колоколовъ, а охотниковъ звонить на колокольняхъ являлось

множество. Каждый москвичъ видѣлъ въ этомъ богоугодное дѣло и потому желалъ принимать дѣятельное участіе и въ благовѣстѣ и въ трезвонѣ, такъ что тамъ не было недостатка ни въ колоколахъ, ни въ звонаряхъ.

У городской заставы остановили кибитку дозорщики и хотя Антуфьевы ѣхали на легкѣ, но дозорные пересмотрѣли всѣ ихъ мѣшки, узлы и торбы и переворошили наложенное въ телѣгу сѣно, чтобъ убѣдиться не везутъ ли они «запретныхъ» или «неявленныхъ» товаровъ. Хотя ни тѣхъ, ни другихъ въ поклажѣ ихъ не оказалось, но, всетаки, старикъ долженъ былъ дать алтынъ дозорщикамъ, и затѣмъ онъ и его племянникъ, снявъ шапки трижды перекрестились на виднѣвшуюся надо всѣмъ городомъ золотую главу Ивана Великаго. Дозорщики отодвинули рогатку и Антуфьевы въѣхали въ ворота, устроенныя въ земляномъ валу, окружавшемъ всю тогдашнюю Москву.

Москва уже и въ ту пору была городомъ обширнымъ, но въ ней не было еще большихъ и высокихъ домовъ, такъ что кремлевскіе храмы и бѣлыя кремлевскія башни высились надъ всѣмъ городомъ и казалось, будто уходили въ лѣтнее безоблачное и яркоголубое небо. Теперь заѣхавшіе въ Москву сѣвчане, по мѣрѣ ихъ движенія по ея улицамъ, могли отчетливѣе разсматривать срединную часть города — Кремль, нежели тогда, когда они въ первый разъ взглянули на Москву съ Поклонной горы.

Дивясь обширности Москвы, ни дядя, ни племянникъ не знали какъ постепенно она разросталась. Имъ не было извѣстно, что еще великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской, вмѣсто деревянныхъ сгорѣвшихъ стѣнъ, окружавшихъ первоначально Кремль, построилъ вокругъ него каменную съ бойницами и башнями стѣну. Слыхивалъ правда, старшій Антуфьевъ о набѣгахъ татаръ на Москву въ былое время, но не зналъ, что при такихъ страшныхъ нашествіяхъ жители посада, мѣстности окружавшей Кремль, спѣшили спасаться съ своимъ скарбомъ за кремлевскими стѣнами, а домà въ посадѣ зажигали разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ по вѣтру, чтобы непріятелю негдѣ было укрыться. Въ посадѣ же жило въ тѣ времена не мало народа, да притомъ все рабочіе люди: плотники, кузнецы, котельники, огородники, столечники, шубники и т. д. Нужно было охранить и этихъ жителей отъ татарскихъ нападеній и вотъ при правительницѣ великой княгинѣ Еленѣ Васильевнѣ Глинской обвели и посадъ со всѣхъ сторонъ каменной стѣной и онъ сталъ называться Китай-городомъ. Въ немъ начали селиться служилые и торговые люди, а рабочій людъ попятился отъ Кремля подальше. Защитили этотъ отселившійся людъ сперва деревянною, а потомъ и каменною стѣною и мѣстность эта стала называться Бѣлымъ или Царскимъ городомъ. Подвинулись жители Москвы еще дальше отъ Кремля и здѣсь образовали Загороды или Скородомъ.

Видъ московскаго Кремля въ XVII столѣтіи.

Ко времени пріѣзда Демьяна и Никиты въ Москву, тамъ нападеній крымцевъ уже не боялись, и когда прежняя деревянная стѣна Скородома пришла въ ветхость, то ее уже не возобновляли, а окопали всѣ окраины Москвы высокимъ валомъ со рвами. Сдѣлали это, впрочемъ, не для защиты отъ хищныхъ крымцевъ, а для того, чтобъ никто не попалъ въ столицу, не заплатя, въ подрывъ государевой казнѣ, таможенныхъ и другихъ разнаго рода пошлинъ и сборовъ.

Въѣхавъ въ Земляной городъ, сѣвчане не увидѣли тамъ еще ничего такого, чему пришлось бы имъ подивиться. Эта часть Москвы не отличалась вообще не только отъ той подгородной слободы, черезъ которую они недавно проѣхали, но и отъ тѣхъ большихъ селъ, какихъ уже много было на Руси въ тогдашнюю пору.

Улицы, по которымъ ѣхали дядя и племянникъ, состояли изъ ряда бревенчатыхъ домовъ или, вѣрнѣе сказать, простыхъ избъ, разставленныхъ въ плотную одна подлѣ другой безъ всякихъ промежутковъ, только изрѣдка въ иныхъ мѣстахъ отдѣлялась одна изба отъ другой сдѣланными въ промежуткѣ между ними деревянными воротами. Въ нѣкоторыхъ избахъ было по два жилья—верхнее и нижнее. Большихъ или «красныхъ» оконъ почти нигдѣ не было, а замѣняли ихъ «волоковыя» окна. Крыши домовъ или избъ сдѣланы были изъ теса, иныя избы были крыты соломой, а высокія дымовыя трубы сложены изъ досокъ. Дома въ Земляномъ городѣ большею частью строились на скорую руку, почему эта часть Москвы и называлась въ народѣ «Скородомомъ». Собственно даже дома здѣсь и не строились, а для нихъ покупались въ лѣсномъ ряду готовые срубы, которые и ставились на выбранномъ для жилья мѣстѣ.

Между избами, въ которыхъ жилъ недостаточный или даже убогій людъ, попадались кое-гдѣ и кирпичныя хоромины зажиточнаго торговаго человѣка, но такихъ хоромъ было не много. Ихъ строили обыкновенно въ два жилья съ достаточно большими окнами, загороженными желѣзными рѣшетками, и съ оконными деревянными переплетами, состоявшими изъ мелкихъ клѣточекъ, въ которыя были вставлены или слюда, или простыя зеленоватыя стекла. Изрѣдка передъ избами стояли березы, но ни садовъ, ни огородовъ не было видно; здѣсь кучились и жались или небогатые торговые или ремесленные люди, или, наконецъ, бѣдняки; вообще же такой народъ, которому нѣкогда было думать о какихъ либо удобствахъ и украшеніяхъ, да не было для заведенія и тѣхъ и другихъ необходимыхъ денежныхъ средствъ. Въ Земляномъ городѣ не было также каменныхъ храмовъ, а попадались только маленькія деревянныя приземистыя церкви. Улицы были узкія и извилистыя съ колеями и рытвинами; значительное пространство этихъ улицъ поростало вслѣдствіе рѣдкой по нимъ ѣзды, травою. Не было на нихъ ника-

кой мостовой. Лѣтомъ, въ сухое время, вѣтеръ поднималъ и гонялъ по нимъ клубы пыли, осенью стояла на нихъ невылазная грязь, а зимою ихъ заносили снѣжные сугробы. Круглый годъ улицы въ Земляномъ городѣ были пусты; показывался на нихъ народъ только тогда, когда шли въ церковь, да по воскресеньямъ и праздникамъ выходили изъ своихъ избъ жители и жительницы, чтобъ посидѣть на завалинкахъ передъ избами.

IV.

Если и теперь наши простолюдины, пріѣзжая въ незнакомый имъ городъ, ютятся всегда около своихъ земляковъ, то въ старое время, такое сближеніе было въ бо̀льшемъ еще обычаѣ, такъ какъ тогда и не дальнее отъ родины мѣсто казалось русскому человѣку горькой чужбиной. Заѣхавшіе въ Москву сѣвчане принялись отыскивать своихъ земляковъ. Хотя они и знали на какомъ подворьѣ или постоялмъ дворѣ останавливаются ихъ земляки, но и подворье и постоялый дворъ отыскать въ Москвѣ было не легко. Далеко не всѣ улицы, даже и въ Китаѣ и Бѣломъ, а не только что въ Земляномъ городѣ, имѣли названія, на домахъ не было надписей, и приходилось отыскивать чье-либо жилье по урочищамъ и приходамъ, а урочищъ было не мало. Были: и Глинище, и Подолъ, и Мокрое, и Грязь, и Горки.

Послѣ долгихъ и частыхъ распросовъ, Демьянъ и Никита, исколесивъ, быть можетъ, попусту—добрый десятокъ верстъ по Земляному городу и упираясь нерѣдко въ тупые переулки, изъ которыхъ нельзя было иначе выѣхать, какъ повернувъ оглобли назадъ, добрались, наконецъ, до той околицы, гдѣ, какъ слышалъ Демьянъ Григорьевичъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, жилъ его старый пріятель и землякъ.

Завидѣвъ на улицѣ рѣдкаго прохожаго или прохожую, то дядя, то племянникъ, окликали ихъ опросами: «а не знаешь ли гдѣ живетъ Викула Андреевъ, по прозванію Тябота?»

На такіе опросы давался отрицательный отвѣтъ: «не знаю», съ добавкою иной разъ: «и не слыхивалъ о такомъ».

При поворотѣ въ одну улицу, Антуфьевы увидѣли стоявшую кучку народа: тутъ были и мущины и женщины и мальчишки и дѣвченки. Шли толки о вчерашнемъ пожарѣ на Арбатѣ.

Антуфьевы подъѣхали къ этой кучкѣ.

— А что, православные, — спросилъ старикъ, привставая въ кибиткѣ и снимая шапку, неизвѣстно ли вамъ, гдѣ живетъ въ этихъ мѣстахъ Викула Андреевъ Тябота.

— Викула Андреевъ Тябота?..—переспросили разомъ нѣсколько голосовъ.

— Онъ самый и есть? — отвѣчалъ старикъ.

— А по што онъ тебѣ нуженъ — запросили изъ толпы тоже нѣсколько голосовъ разомъ.

— Повидаться бы съ нимъ...

— Такъ поѣзжай, дѣдушка, на погостъ! — шутливо кликнулъ изъ толпы какой-то парень. Забирай отсюда влѣво, а тамъ ступай прямо! — продолжалъ онъ, показывая рукою.

— Чего зубоскалишь-то! — сердито проговорила старая баба и, оттолкнувъ парня локтемъ, стала на его мѣсто съ боку кибитки Антуфьевыхъ.

— Померъ, Викула Андреевъ, померъ!.. Вѣчная память покойничку, царство ему небесное! — плаксиво заговорила баба и принялась креститься.

Старикъ тоже перекрестился.

— Шестой иль седьмой годочикъ пошелъ, какъ онъ глазынки на вѣки вѣчныя сомкнулъ. Да и отецъ-то Пахомій, что его хоронилъ, тоже позапрошлымъ лѣтомъ въ могилу легъ... Что будешь дѣлать! На то воля Божья!.. А умеръ-то онъ съ огневицы, я-то его разными зельями и лечила. Знахарка я, господинъ купецъ, живу здѣсь недалече, не нужно ли полечиться, родимый? Всѣ болѣзни и немочи какъ рукой сниму... Нѣтъ ли какого наговора на тебѣ? — тоже помогу...

— А кто жь у него въ домѣ остался? — спросилъ Демьянъ Григорьевичъ.

— Какъ кто? — а сынка-то его, Андрюшку, нешто не знаешь?

— Знавалъ и его еще махонькимъ, тому лѣтъ больше тридцати будетъ — отвѣтилъ Антуфьевъ. — Въ Сѣвскъ съ отцомъ наѣзжалъ.

— Ну, такъ теперь его и не спознаешь. Вона какой толстый сталъ — добавила баба, скругливъ широко передъ животомъ свои руки...

— Зашибаетъ ужь больно крѣпко — вмѣшался мѣщанинъ среднихъ лѣтъ. Почитай, что пьетъ безъ просыпу.

— Еще бы не пить ему — затораторила баба... Нешто онъ въ супружествѣ счастливъ? Взялъ вторую жену, совсѣмъ не по себѣ. Молодая бабеха, а онъ-то человѣкъ не молодой... Житья-то ему горемычному отъ нея нѣтъ. Зовутъ ее Анфисой. Вѣчно на него волчицей смотритъ. Ужъ такая, прости Господи...

— Полно, тетка, тебѣ оговаривать Анфису Семеновну!.. прикрикнулъ на старуху тотъ парень, котораго она передъ этимъ столкнула съ мѣста.

— Чего оговаривать! Нешто не правда, что она отъ мужа въ сторону глядитъ.

Между парнемъ и бабой завязался споръ, начавшій переходить во взаимную перебранку.

— Постой, дѣдушка, я тебя провожу къ Андрею Викулычу — вызвался какой-то мальчуганъ и быстро вскочилъ на краешекъ телѣги.

Съ этимъ провожатымъ отправился Демьянъ Григорьевичъ къ Андрею Тяботѣ, чтобы провѣдать о покойномъ его отцѣ, да и о другихъ землякахъ, проживавшихъ въ Москвѣ.

V.

Мальчугану только и хотѣлось прокатиться на телѣгѣ, и онъ, показавъ проѣзжимъ рукою на домъ Тяботы, проворно соскочилъ съ телѣги и побѣжалъ назадъ.

Антуфьевы подъѣхали къ бревенчатому дому, къ которому были пристроены тесовые ворота. Домъ этотъ не отличался затѣйливостію постройки, но и не былъ простой избой, сложенной изъ купленнаго въ лѣсномъ ряду сруба. Судя по внѣшнему виду дома, можно было заключить, что если его хозяинъ и не изъ богатыхъ, то все же и не изъ бѣдныхъ жителей Землянаго города.

Ворота дома были заперты нà глухо. Никита вылѣзъ изъ повозки и началъ колотить въ нихъ кнутовищемъ, но ни на дворѣ, ни въ домѣ, не проявлялось никакихъ признаковъ движенія. Видя безуспѣшность такого пріема, онъ принялся стучать въ ворота кулаками все сильнѣе и сильнѣе и, наконецъ, во дворѣ раздался лай собаки, а вскорѣ послѣ того тамъ послышался ворчливый говоръ приближавшагося къ воротамъ мущины. Не трудно было догадаться, что неожиданное появленіе у воротъ неизвѣстныхъ людей было несовсѣмъ пріятно обитателямъ этого дома.

Дѣйствительно, хозяинъ дома Андрей Тябота, возвратившись отъ обѣдни и плотно пообѣдавъ, да въ добавокъ къ тому и выпивъ еще порядкомъ, грузно завалился, по русскому обычаю, спать, когда стукъ въ ворота разбудилъ его. Работникъ былъ отпущенъ со двора, и потому самому хозяину пришлось отворять ворота.

Заслышавъ этотъ стукъ, Андрей словно испугался; онъ подумалъ не пришелъ ли къ нему приставъ, десятскій, ярыжка, или какой нибудь надсмотрщикъ.

Мало ли у торговаго человѣка всякихъ дѣлъ можетъ быть, въ иную пору и не ждешь, откуда бѣда на голову свалится—размышлялъ онъ и, ворча что-то подъ носъ, съ неохотой сталъ спускаться по узенькой и крутой лѣстницѣ, пристроенной къ надворной стѣнѣ.

Съ Андреемъ побѣжала и его собака Пѣганка, добрая и ласковая, привыкшая къ чужимъ людямъ, такъ какъ она обыкновенно сопровождала своего хозяина въ лавку и тамъ смирно лежала подъ стойкой, не только не кидаясь, но даже и не лая ни на кого.

Изрѣдка, впрочемъ, она ворчала на инаго покупателя, или проходившаго мимо лавки, какъ будто предостерегая хозяина, что вблизи его находится опасный человѣкъ.

На этотъ разъ Пѣганка бѣжала передъ Андреемъ съ громкимъ лаемъ и быстро кинулась въ подворотню, желая поскорѣе вырваться на улицу и посмотрѣть кто стоялъ за воротами.

— Кто тамъ?—не отпирая еще воротъ, окликнулъ Андрей.

— Торговый человѣкъ изъ Сѣвска, Демьянъ Григорьевъ Антуфьевъ со своимъ племяшемъ Никитой, отвѣчалъ Демьянъ.

— Такихъ не знаю, слыхивалъ чтò-то о нихъ — отозвался за воротами грубый и отрывистый голосъ.

— Старый знакомецъ и пріятель твоего отца Викулы Андреича съ грамоткой къ нему отъ Василья Дмитрича Пересохова тоже изъ Сѣвска.

На это заявленіе не послѣдовало никакого отвѣта, но послышался скрипъ отодвигаемаго въ воротахъ засова.

Подозрительность и предварительные опросы приходящихъ, незнакомыхъ людей были тогда въ привычкѣ у всѣхъ русскихъ и въ особенности у москвичей, такъ какъ въ Москвѣ водилось много разнаго рода «лихихъ людей». Боялись тогда не только воровъ и разбойниковъ, но и каждаго неизвѣстнаго человѣка, опасаясь, чтобъ онъ не пришелъ въ чужой домъ съ какимъ нибудь злымъ намѣреніемъ. «Слово и дѣло» было въ ту пору въ большомъ ходу, а побывавшій въ домѣ какой нибудь лиходѣй могъ потомъ оговорить хозяина и сослаться на то, что онъ былъ съ нимъ знакòмъ и бывалъ у него. Мало того, онъ могъ подбросить чтò нибудь въ домъ, а потомъ подать доносъ и явку на неповиннаго ни въ чемъ хозяина или на кого нибудь изъ его домочадцевъ. Дѣлалось же это не всегда по злобѣ, но иной разъ только изъ желанія затянуть свое дѣло, когда начнутъ разбирать его въ сыскномъ приказѣ. Кромѣ того, такихъ оговорщиковъ подсылали нерѣдко и приказные люди, особенно къ зажиточнымъ купцамъ, разсчитывая, что если, такъ или иначе, привлекутъ ихъ къ дѣлу, то приказные поживятся на ихъ счетъ. Суевѣріе также не мало вліяло на страхъ впускать въ свой домъ невѣдомыхъ людей: не мало тогда было вѣдуновъ, колдуновъ и чародѣевъ, и они, подбросивъ наговорные коренья или зелья, могли навести разныя бѣды и напасти. Подобными опасеніями и дѣйствительными и мнимыми отчасти объясняются та несообщительность, которая быля замѣтна между русскими стараго времени, и постоянное желаніе ихъ сторониться отъ новыхъ знакомствъ.

Тябота убѣдившись изъ словъ Демьяна Григорьевича, что Богъ послалъ ему въ домъ гостей, а не лихихъ людей, запросилъ дядю и племянника къ себѣ въ жилье. Никита въѣхалъ съ кибиткой во

дворъ, а Андрей, захлопнувъ со всего размаха ворота, приперъ ихъ крѣпкимъ засовомъ.

Между тѣмъ Пѣганка не унималась. Она съ какимъ-то озлобленіемъ кидалась на Никиту, а когда хозяинъ отгонялъ ее, она, отбѣгая въ сторону, ворчала и скалила на молодаго пріѣзжаго свои зубы.

— Родитель-то твой преставился,—печально проговорилъ Демьянъ Григорьевичъ, цѣлуясь съ хозяиномъ съ щеки на щеку. Ты, чай, крѣпко о немъ кручинился?..

— На то, знать, была воля Божія—равнодушно отвѣчалъ Андрей—будетъ съ него, вдоволь на свѣтѣ пожилъ, добавилъ онъ насмѣшливо махнувъ рукой.

Андрей съ перваго раза не полюбился Демьяну за эти слова. Не только хладнокровный, но и насмѣшливый отзывъ сына о смерти отца былъ не по душѣ старику Антуфьеву. Впрочемъ, и вообще Андрей своей наружностію едва ли могъ расположить къ себѣ кого нибудь. Съ просонья, подвыпившій, съ густыми темными взъерошенными волосами, съ растрепанной бородой, съ опухшимъ лицемъ, обвисшими губами и красновато-синимъ вздернутымъ вверхъ носомъ, съ мутными и налитыми кровью глазами, онъ представлялся осовѣлымъ гулякой.

Молча, хозяинъ и старикъ стали подниматься по лѣстницѣ; Никита остался при кибиткѣ.

— А ты, молодецъ, чтожъ во дворѣ стоишь?.. Пойди къ намъ, выпьемъ на первое знакомство вмѣстѣ, крикнулъ ему съ крыльца Андрей.

— Онъ у меня еще ничего хмѣльнаго не пьетъ—проговорилъ, нахмурившись, Демьянъ Григорьевичъ, а за почетъ ему отъ тебя—спасибо. Эй, Никита, задай гнѣдку овса, а самъ ступай сюда на хозяйскій зовъ, и благодари хозяина на его привѣтливомъ словѣ.

Никита снялъ шапку и, низко поклонившись хозяину, исполнилъ приказаніе дяди. Затѣмъ, онъ поднялся въ верхнее жилье.

Горница, въ которую они вошли не представляла ничего особеннаго. Убранство ея не отличалось ничѣмъ отъ того, что̀ можно было встрѣтить тогда въ домѣ каждаго московскаго торговца средней руки. Черезъ темныя сѣни, а затѣмъ черезъ одностворчатую дверь съ низкою притолкою и съ высокимъ порогомъ, вошелъ Демьянъ Григорьевичъ въ комнату съ большой перекладиной шедшей по серединѣ досчатаго потолка. Стѣны этой не большой и низенькой комнаты были обшиты гладко выструганными проконопаченными досками, а по тремъ ихъ сторонамъ были широкія деревянныя лавки, а надъ ними полки съ поставленною на нихъ разною домашнею утварью. Значительную часть этой комнаты, по одной сторонѣ входной двери, занимала печь съ лежанкой, а по другой сторонѣ двери — былъ навѣшанъ пестрядиный пологъ, за

которымъ стояла постель хозяина и хозяйки. Въ «красномъ» углу комнаты, подъ образами съ теплившеюся передъ ними лампадкою, стоялъ большой—не крашенный,—какъ и пристѣнныя лавки,—столъ, а подлѣ стола небольшая простая узкая и длинная скамейка. Сквозь маленькіе окошечки тускло пробивался свѣтъ яркаго лѣтняго дня и вообще горенка эта выглядывала невесело и непривѣтливо.

Тябота пригласилъ Антуфьева-дядю, какъ почетнаго гостя, сѣсть подъ образа, а Никита остался у двери и стоялъ, прислонившись спиною къ косяку. На той же лавкѣ, на которую сѣлъ старикъ, но нѣсколько поодаль отъ гостя, помѣстился самъ хозяинъ. Наружность Антуфьева, не говоря о разности въ лѣтахъ, представляла совершенную противоположность въ сравненіи съ наружностью Андрея. Умное и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтливое лицо старика отличалось спокойствіемъ. Его сѣдая и гладкая борода расходилась книзу двумя длинными клиньями, а густые серебристо сѣдые волосы, сохранившіе еще остатки прежнихъ молодыхъ кудрей, придавали Демьяну Григорьевичу почтенный видъ. Небольшіе сѣрые, но ясные глаза смотрѣли ласково, а морщины, перерѣзывавшія его высокій открытый лобъ, какъ будто свидѣтельствовали, что онъ на своемъ вѣку размышлялъ не мало.

— Какъ же быть мнѣ съ грамоткой-то Пересохова къ твоему покойному родителю. Нешто не отдать ли ее тебѣ или разодрать. Можетъ покойникъ хотѣлъ, чтобъ она никому не досталась кромѣ того, кому была писана. Вѣдь у насъ ты знаешь какъ трудны ссылки; чуть человѣкъ отъѣхалъ въ сторону и о немъ на прежнемъ его мѣстѣ цѣлые десятки годовъ никакихъ вѣстей не бываетъ. Вѣдь вотъ ни Пересоховъ, ни я, не знали, что родителя твоего на свѣтѣ больше нѣтъ. Въ заочности всегда кажется, что человѣкъ еще живетъ, а межъ тѣмъ онъ уже успѣлъ отойти на тотъ свѣтъ.

— Какъ быть съ грамоткой-то? Вѣдь не посылать же ее къ нему на тотъ свѣтъ, да и онъ ее прочесть-то не съумѣетъ, и здѣсь-то онъ еле по азамъ читалъ—ухмыляясь, острилъ Андрей.

— Не гоже, Андрей Викулычъ, выговаривать праздныя слова о своихъ родителяхъ, тѣмъ паче, если души ихъ отошли къ Господу Богу,—не утерпѣлъ замѣтить старикъ Антуфьевъ.

Тябота хотѣлъ было что̀-то заговорить, но Демьянъ Григорьевичъ такъ внушительно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ выраженіемъ сожалѣнія, посмотрѣлъ на него, что неотрезвившійся еще совсѣмъ балагуръ замялся и перевелъ свою рѣчь на другой предметъ.

— А дозволь мнѣ, какъ бишь тебя величать, забылъ твое отчество... Дементій.

— Демьянъ Григорьевъ,—отрывисто поребилъ Антуфьевъ.

— Да, Демьянъ Григорьевичъ, дозволь мнѣ привести къ тебѣ мою хозяйку, сказалъ, вставая съ лавки Андрей.

— Благодарствую за почеть; хозяйкѣ воздавать почтеніе должно. Она домоправительница, пособница и утѣшительница мужа.

— А все-таки бабу держать въ строгости надо... Держать такъ, чтобы, по поговоркѣ, на ней окромя печи, все перебывало-бъ... Я свою супружницу такъ и держу, у меня въ кулакѣ вся на нее сила и она ни одного поперечнаго слова сказать мнѣ не посмѣетъ— хвастался Андрей.

— Конечно, нужно держать жену въ страхѣ. Сему и апостолъ Павелъ поучаетъ, но не годится печалить и обижать ее безъ толку. Слѣдуетъ снисходить къ ея бабьимъ немощамъ. Не всякое лыко въ строку,—замѣтилъ Демьянъ.

Андрей нахмурился и раздраженно почесалъ затылокъ.

— А какъ звать-то твою супружницу? спросилъ Демьянъ Григорьевичъ.

— Зовутъ ее Анфисой, а по отцу Семеновна. Да ты такъ ее не величай. Кличь ее просто Анфиской; съ нее и того будетъ... А ты что не присядешь, чай у тебя ужь и ноженки одеревенели—сказалъ онъ, собираясь выдти изъ комнаты, стоявшему все на томъ же мѣстѣ Никитѣ, и за тѣмъ, какъ бы спохватившись и обращаясь къ дядѣ Андрея, добавилъ, а ты Дементій... прости Господи, Демьянъ Миронычъ...

— Григорьичъ! сурово подсказалъ старикъ.

— Демен... Демьянъ Григорьичъ, молодцу присѣсть позволишь? проговорилъ хозяинъ и, не дожидая отвѣта, сказалъ Никитѣ: садись вонъ на ту скамейку.

Молодой парень не рѣшался присѣсть безъ позволенія дяди, по приглашенію одного только хозяина.

— Садись, Никита, коль хозяинъ кажетъ, и по благодарствуй ему за почетъ, сказалъ дядя, видя затрудненіе племянника.

Поклонившись хозяину, Никита сѣлъ около стола на скамейку, а Андрей пошелъ распорядиться о приходѣ своей жены.

Суровое напоминаніе Андрею со стороны старика Антуфьева о своемъ отчествѣ согласовалось вполнѣ съ тогдашними понятіями о вѣжливости и вниманіи, такъ какъ забыть, а тѣмъ еще болѣе перепутать чье либо отчество считалось нѣкогда на Руси однимъ изъ величайшихъ оскорбленій... Но если хозяинъ оскорбилъ своего гостя такимъ образомъ, за то онъ—хотя и не вполнѣ—оказывалъ ему другаго рода почесть. По стародавнимъ нашимъ обычаямъ, даже въ гостяхъ младшій родственникъ въ присутствіи старшаго не могъ сѣсть до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не предложитъ этого, спросивъ предварительно позволенія у старшаго, и получивъ на то его согласіе. Если старшій родственникъ на такой запросъ отвѣчалъ: «еще молодъ, постоять можетъ», то хозяинъ не обращался вторично съ своимъ приглашеніемъ, но уполномочивалъ почетнаго гостя разрѣшить младшему присѣсть по его, гостя, усмотрѣнію.

Слѣдуя также обычаю того времени, Андрей оказывалъ Демьяну Григорьевичу настоящій почетъ выводомъ къ нему своей жены. Впрочемъ, къ исполненію этого обычая побуждало Андрея и чувство тщеславія. Онъ любилъ похвастаться передъ чужими людьми своей молоденькой женой, которая на весь околотокъ слыла извѣстной красавицей.

Андрей, съ трудомъ добредя на ослабѣвшихъ ногахъ до свѣтлицы жены, приказалъ Анфисѣ принарядиться и выдти къ гостю съ чаркой вина, а самъ между тѣмъ, пользуясь свободнымъ промежуткомъ времени, пропустилъ наскоро еще хорошую красоулю. Возвратившись въ избу, онъ сѣлъ на свое прежнее мѣсто.

Старикъ Антуфьевъ пытался было разговориться съ возвратившимся въ избу хозяиномъ о Москвѣ, о торговлѣ и о другихъ дѣлахъ, но у Андрея едва ворочался языкъ, и онъ или отвѣчалъ не впопадъ, или старался побалагурить или, просто, только позѣвывалъ, осѣняя крестомъ безпрестанно раскрывавшійся ротъ.

Спустя не много времени, вошла хозяйка, одѣтая по праздничному, держа въ рукахъ поднось съ чаркою вина. Взглянувъ на эту молодою женщину, не трудно было убѣдиться, что молва, ходившая о ней, была справедлива.

Анфиса была высока и стройна безъ всякихъ къ тому приспособленій, употребляемыхъ въ настоящее время, за исключеніемъ развѣ большихъ каблуковъ, которыя въ ту пору носили московскія щеголихи, чтобъ казаться выше ростомъ. Слѣдуя тогдашнему обычаю, она была нарумянена, а брови и рѣсницы подсурмлены. Еслибы тогда женщина вышла къ чужимъ людямъ безъ этихъ прикрасъ, она нарушила бы всѣ приличія и оказала бы гостю крайнее невниманіе. Но эти прикрасы не нужны были Анфисѣ и она была еще привлекательнѣе, когда ей можно было обходиться безъ нихъ. Естественная бѣлизна ея лица и выступавшій на немъ нѣжный румянецъ были совсѣмъ некстати замазаны грубыми московскими притираньями.

На Анфисѣ былъ надѣтъ сарафанъ изъ голубаго албатаса, обшитый широкимъ серебрянымъ «узорочьемъ», по нынѣшнему—позументомъ. Для нашихъ глазъ привыкшихъ къ стройности женщинъ, затянутыхъ въ корсетъ, широкій сарафанъ безъ всякаго перехвата, поднимавшій высоко грудь подъ самыя подмышки, показался бы уродливымъ нарядомъ, но по тогдашнимъ понятіямъ такая неуклюжая одежда нисколько не безобразила станъ женщины. На головѣ у Анфисы была голубая бархатная кика, шитая серебромъ и густо унизанная жемчугомъ, хотя не крупнымъ и не отборнымъ. Серебряныя, съ такими же длинными подвѣсками, серьги были вдѣты въ ея маленькія уши, надъ которыми выбивались изъ подъ кики густые темно-русые волосы.

При входѣ хозяйки, Андрей, покрякивая, съ замѣтнымъ усиліемъ приподнялся съ лавки и хотѣлъ, слѣдуя обычаю поклониться гостю въ ноги, но повалился на полъ и при своей тучности, да еще обезсиленной излишней выпивкой, не могъ приподняться съ пола иначе, какъ только при помощи Демьяна Григорьевича и его племянника. Приподнявшись кое-какъ, онъ, вмѣсто обращаемой въ такихъ случаяхъ къ гостю просьбы поцѣловать хозяйку, пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ и полѣзъ цаловать жену. По лицу Анфисы замѣтно было, что ей не приходилось по сердцу такое выраженіе супружеской ласки; она быстро отвернулась въ сторону и невольно взглянула на Никиту, а при этомъ движеніи изъ задрожавшихъ ея рукъ упали и мѣдный подносъ и серебряная чарка.

«Мой сонъ былъ вѣщій, не быть добру»... подумалось ей при взглядѣ на молодаго парня.

Андрей съ сердцемъ дернулъ Анфису за рукавъ такъ сильно, что всѣ складки рукава мгновенно распустились. Анфиса отшатнулась въ одну сторону, а Андрей покачнулся въ другую и при этомъ быстромъ обоюдномъ отдаленіи короткій прежде, въ мелкихъ складкахъ, рукавъ вытянулся на нѣсколько аршинъ. Одинъ его конецъ былъ сжатъ въ кулакѣ Андрея, а другой оставался на плечѣ Анфисы.

— Вишь вѣдь какая срамница и хорошаго гостя принять не умѣетъ! грозно крикнулъ онъ, замахнувшись здоровенной ручищей на Анфису, у которой изъ глазъ выступили двѣ крупныя съ трудомъ сдерживаемыя слезы.

— Супружница твоя молода, и съ разу видать, что она у тебя больно робка, а это молодухѣ въ укоръ не ставится. Да и вино пролить не то, что соль просыпать, пролить вино хорошая, а не дурная примѣта—началъ уговаривать Андрея Демьянъ Григорьевичъ.

— Молода и робка!.. передразнивалъ его Андрей. Разсказывай!.. Просто на твоего молодца заглядѣлась!.. Отъучать ее отъ этого надо... Да и ты, что на нее глаза-то свои таращишь — вскинулся онъ на Никиту. Небось, на чужихъ женъ засматриваться охочъ, а ты вотъ свою заведи, такъ потомъ и наплачешься съ нею...

Растерявшійся Никита не зналъ, что ему говорить и что дѣлать и, покраснѣвъ во все лицо, только моргалъ глазами.

Демьянъ Григорьевичъ попытался было утишить расходившагося пьянаго ревнивца, но такая попытка была напрасна.

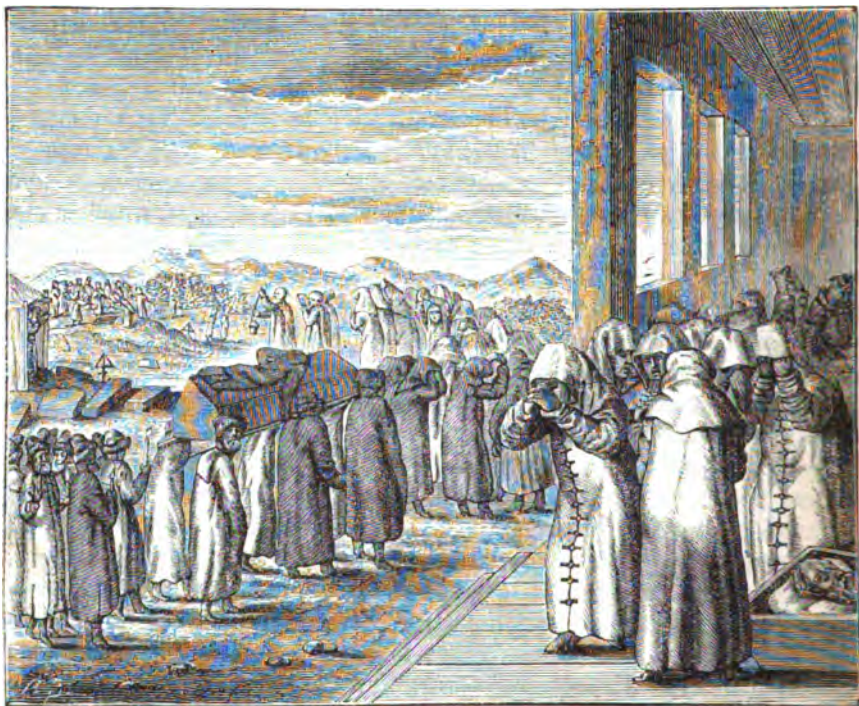
— Я всѣхъ разнесу—заоралъ онъ. Пошли отсель вонъ!..

Анфиса, всхлипывая и дрожа всѣмъ тѣломъ, поклонилась гостямъ и поспѣшила уйти изъ горницы, Андрей хотѣлъ погнаться за ней, но, не твердый на ногахъ, покачнулся и свалился на лавку.

— Пойдемъ поскорѣй отсюда, шепнулъ дядя племяннику, и они, захвативъ шапки, осторожно ушли отъ непріятнаго хозяина, очевидно, потерявшаго теперь всякое сознаніе.

VII.

Надъ Москвой забрежжило чудное лѣтнее утро. Вставало солнце и весело освѣщало пробуждавшійся городъ. Сперва заалѣли и золотились, а потомъ ярко заблистали кресты и маковки многочисленныхъ московскихъ церквей. Сталъ раздаваться то здѣсь, то тамъ, благовѣстъ къ заутрени, но теперь звонъ колоколовъ былъ уже не такъ громокъ и не такъ непрерывенъ какъ вчера, потому что день былъ будничный и звонили не во всѣ. Ночные дозорщики

Похороны русскихъ въ XVII столѣтіи.

отодвинули рогатки, которыя въ ту пору разставлялись на ночь по главнымъ улицамъ Москвы, а особенно по улицамъ, примыкавшимъ къ Кремлю. Богомольные люди потянулись къ церквамъ, торговцы въ ряды или лавки. Понесли на кладбища въ гробахъ и въ дубовыхъ колодахъ покойниковъ. Крыши отъ этихъ домовинъ, несли, по тогдашнему обычаю передъ покойникомъ на головахъ его родственники и пріятели, а при похоронахъ женщины, ея родственницы и подруги. За покойникомъ, громко на всю улицу, голосили съ разными жалобными причитаніями не только его ближайшія

сродственницы, но и болѣе или менѣе, смотря по состоянію умершаго, значительная ватага наемныхъ плакальщицъ. Онѣ сѣтовали, что покойникъ покинулъ ихъ и завываніями и взвизгиваніями спрашивали его, на кого онъ, сердечный, оставляетъ ихъ несчастныхъ? Плакальщицы выражали сожалѣніе, что покойничекъ не видитъ и не слышитъ ихъ, что онъ сомкнулъ на вѣкъ свои ясныя очи и высчитывали добродѣтели, которыми не только дѣйствительно могъ отличаться усопшій, но и такія, какихъ у него никогда и въ заводѣ не бывало.

За покойникомъ тянулись вереницы нищихъ, въ вѣрномъ разсчетѣ на болѣе или менѣе сытныя поминки, а также въ чаяніи денежныхъ подачекъ за упокой грѣшной его души.

Прошелъ по улицамъ съ громкимъ барабаннымъ боемъ отрядъ стрѣльцовъ въ красныхъ кафтанахъ, съ пищалями на плечѣ, возвращавшихся въ свою слободу съ ночнаго караула, который они содержали въ Кремлѣ и при царскихъ хоромахъ. Проходившіе по улицамъ стрѣльцы задирали съ насмѣшками и съ бранью встрѣчныхъ мущинъ и женщинъ, и толкали ихъ съ дороги, но никто не смѣлъ ничего сказать имъ, боясь нахальства и своеволія, которыми они стали отличаться съ нѣкоторыхъ поръ. Отворялись проворными цаловальниками царскія кружала, куда съ позаранка любилъ собираться толпами и рабочій, и праздный людъ. Въ харчевняхъ и съѣстныхъ лавкахъ принимались за стряпню разной, неприхотливой пищи.

Въ эту раннюю пору вышелъ на улицу и Никита.

Выбравшись вчера тайкомъ отъ Тяботы, Демьянъ Григорьевичъ и онъ отыскали вблизи дома Андрея постоялый дворъ и расположились тамъ, пока удастся имъ найти подходящее для нихъ въ Москвѣ жилье, а сдѣлать это было не легко, такъ какъ каждый московскій обыватель обстроивался только для себя самого и потому наемныхъ помѣщеній, развѣ только по какому-нибудь особому случаю, въ городѣ не было. Неудобство это устранялось, впрочемъ, покупкою готоваго сруба и постановкою его на пріисканномъ для того мѣстѣ, но и такое мѣсто нужно было сперва отыскать, а потомъ и взять въ кортому, а все это не такъ скоро можно было сдѣлать. Въ виду такихъ затрудненій и отправился Демьянъ Григорьевичъ на поиски своихъ земляковъ, желая посовѣтоваться съ ними, какъ бы ему поудобнѣе и подешевле устроиться въ Москвѣ, такъ какъ онъ убѣдился, что отъ знакомства съ крѣпко запивающимъ Андреемъ, какъ человѣкомъ безалабернымъ, никакого проку быть не можетъ.

Племянникъ Демьяна Григорьевича, какъ молодой парень, не навыкшій еще ни къ хозяйственнымъ, ни къ денежнымъ дѣламъ, и потому въ настоящемъ случаѣ для дяди совершенно безполезный, отпросился у него посмотрѣть Москву. Разумѣется, что прежде всего

ему захотѣлось побывать въ Кремлѣ и онъ пошелъ въ этомъ направленіи по виднѣвшейся издали колокольни Ивана Великаго, величаво господствовавшей надъ всею Москвою.

Изъ Землянаго города, составлявшаго крайній поясъ тѣхъ укрѣпленій, которыми была окружена обширная царская столица, Никита перешелъ въ Бѣлый городъ. Здѣсь на своемъ пути онъ началъ встрѣчать много такого, чего не видалъ прежде. Хотя и въ этой мѣстности Москвы узкія и кривыя улицы состояли большею

Стрѣльцы-начальники.

частію изъ брусяныхъ хороминъ или такихъ же избъ, какими былъ почти сплошь застроенъ Земляной городъ, но здѣсь эти простыя постройки начали все чаще и чаще перемежаться съ болѣе затѣйливыми строеніями, изъ которыхъ иныя были похожи на тогдашнія боярскія усадьбы, построенныя въ деревняхъ. Изъ за высокихъ заборовъ, сдѣланныхъ частоколомъ, поднимались въ иныхъ мѣстахъ крылатыя вѣтряныя мельницы и густыя верхушки высокихъ деревъ: ясени, клена и дуба. Это была густая зелень садовъ и рощей, окружавшихъ деревянныя хоромы съ высокими, крутыми кры-

шами. Около такихъ хоромъ были расположены разныя хозяйственныя принадлежности: людскія, амбары, бани, сараи, конюшни, погреба и скотные дворы. На многихъ такихъ хоромахъ виднѣлись небольшіе деревянные или желѣзные кресты, означавшіе, что здѣсь была домовая церковь. Таковую церковь устроивалъ въ своей городской усадьбѣ каждый чиновный человѣкъ.

— Видно здѣсь бояре живутъ, подумалъ Никита и обратился съ распросами къ проходившему мимо его молодому мѣщанину.

Стрѣльцы-рядовые.

Оказалось, что догадка Никиты была вѣрна. Мѣщанинъ разсказалъ ему, что государь пожаловалъ боярамъ много пустопорожней земли въ Бѣломъ городѣ; что на этой землѣ они построили себѣ хоромы и усадьбы и теперь живутъ въ полномъ привольѣ, словно не въ государевомъ городѣ, а у себя въ помѣстьѣ или вотчинѣ. Мѣщанинъ разсказалъ также, что у бояръ въ самой Москвѣ есть не только сады, огороды, мельницы и пруды съ саженою рыбою, но что иные изъ бояръ завели даже запашку; что боярамъ,

по милости царя, живется куда какъ вольготно, а имъ, мѣщанамъ «государевымъ сиротамъ», житье куда какъ плохо и что имъ больно тѣсно въ Земляномъ городѣ, такъ какъ земли даютъ имъ мало. Здѣсь начались со стороны встрѣчнаго незнакомца обычныя въ то время жалобы и сѣтованія простыхъ «людишекъ» на скудость, поборы и притѣсненія отъ служилыхъ и приказныхъ людей и въ особенности отъ стрѣльцовъ, которые на каждомъ шагу обижали горожанъ и перебивали у купцовъ торговлю, имѣя право производить ее безпошлинно.

— Побывай, братъ, въ стрѣлецкихъ слободкахъ и посмотри, какъ живется тамъ стрѣльцамъ. Куда какъ лучше противъ нашего мѣщанскаго житья, добавилъ съ досадою новый знакомецъ Никиты.

Не безъ опаски слушалъ Никита такія «непригожія» и «вольныя» по тому времени рѣчи. Ему еще и въ Сѣвскѣ натолковали, что по Москвѣ ходятъ «языки», которые, въ кабакахъ, баняхъ и на рынкахъ, прислушиваются къ мірской молвѣ, а иногда и сами заводятъ «прелестныя» рѣчи, вызывая тѣмъ на задушевность другихъ людей, особенно, если они бываютъ подъ хмѣлькомъ, а потомъ вдругъ, ни съ того ни съ другаго, закричатъ на нихъ «государево слово и дѣло». Тутъ попадешь, предостерегали Никиту, въ такую страшную бѣду, что изъ нее не скоро, а можетъ быть и совсѣмъ не выпутаешься. Словно изъ земли выростутъ передъ тобою стрѣльцы, скрутятъ крѣпко веревками, а не то набьютъ на руки и на ноги желѣза, да и потащутъ въ сыскной приказъ, а тамъ передъ бояриномъ, дьяками и приказными людьми раздѣлывайся какъ знаешь. Выйдешь, чего добраго, изъ приказа съ поломанными ребрами, съ исполосованной кнутомъ спиною, съ вывихнутыми суставами, да еще въ добавокъ, обожженный на медленномъ огнѣ или подпаленный до-красна раскаленною полосою желѣза.

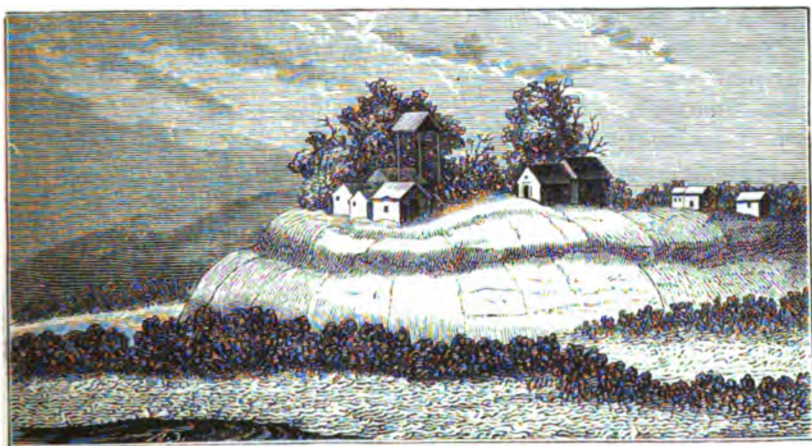
Всѣ эти ужасы ясно представились въ воображеніи робкому отъ природы Никитѣ, и онъ захотѣлъ было поотстать отъ своего спутника, досадуя самъ на себя, зачѣмъ онъ затронулъ его. Но мѣщанинъ, видно, былъ изъ словоохотливыхъ и продолжалъ толковать сторонившемуся отъ него парню, что вотъ-де скоро настанутъ великія смуты, что стрѣльцы толкуютъ промежъ себя чтò-то не ладное, что чернь хочетъ запалить Москву съ разу съ разныхъ концовъ и поднять «гиль» т. е. мятежъ противъ бояръ, а раскольники помышляютъ возстать скопомъ на патріарха и на церковь.

— Берегись молодецъ, какъ-то зловѣще добавилъ мѣщанинъ, чтобы и надъ тобою не стряслась въ Москвѣ какая нибудь бѣда, и, проговоривъ это, онъ быстро повернулъ въ какой-то закоулокъ.

Припугнутый и разговоромъ и угрожающимъ прощаньемъ, Никита невесело шелъ по Бѣлому городу. Увидѣвъ вчера Анфису, онъ почувствовалъ къ ней то обыкновенное влеченіе, какое не-

вольно испытываетъ молодой человѣкъ при взглядѣ на хорошенькую женщину. Но кромѣ того, въ немъ зародились еще и другія чувства, состраданіе и жалость къ горемычной участи Анфисы. Онъ увидѣлъ какой у ней крутой и ревнивый мужъ и ясно представлялъ себѣ, что̀ она должна была терпѣть и выносить отъ такого человѣка, который не могъ быть ей милъ, да и по годамъ былъ ей слишкомъ не ровенъ. Отъ щемившей его сердце думы объ Анфисѣ его отвлекала по временамъ окружавшая новая для него обстановка, къ которой онъ, какъ заѣзжій человѣкъ, не могъ еще достаточно присмотрѣться.

Онъ поглядывалъ по сторонамъ и остановился передъ одною церковью, показавшеюся ему очень красивой.

Боярская усадьба въ XVII столѣтіи.

Церковь эта стояла на небольшой поросшей травою площадкѣ, среди невзрачныхъ бревенчатыхъ хороминъ, и казалось, что не тутъ должно было быть ея мѣсто, а гдѣ нибудь среди большихъ каменныхъ палатъ. Она была съ пятью продолговато-кругловатыми заостренными сверху чешуйчатыми главами, окрашенными въ зеленый цвѣтъ. На главахъ ярко блистали большіе позолоченные кресты. Крыша надъ церковью была въ три поднимавшіеся одинъ надъ другимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постепенно уменьшавшіеся, уступа, на которыхъ были выведены изъ кирпича дугообразныя украшенія. По четыремъ угламъ послѣдняго уступа стояли низенькія, безъ всякой покрышки, круглыя башенки. Церковь была о двухъ ярусахъ. Въ верхнемъ ярусѣ были сдѣланы большія, полукруглыя сверху, окна съ желѣзными рѣшетками. Окна отдѣлялись одно отъ другаго каменными прокладками, въ видѣ длинныхъ и тоненькихъ столбиковъ. Въ нижнемъ ярусѣ, съ каждой стороны,

были широкія входныя двери. Вообще церковь была очень красивой постройки. Колокольни при ней не было, что, впрочемъ, приходилось тогда очень часто видѣть и въ Москвѣ, и въ другихъ русскихъ городахъ. Колокола висѣли на особой перекладинѣ прислоненной къ церкви и сдѣланной изъ толстыхъ брусьевъ. Въ ту пору постройка колоколенъ считалась дѣломъ весьма богоугоднымъ, а потому прихожане, или одинъ какой нибудь ревнитель церковнаго благолѣпія, соорудивъ своимъ иждивеніемъ храмъ Божій, предоставляли довѣршать свое благочестивое дѣло другимъ радѣтелямъ новой святыни постройкою при ней колокольни.

Никита залюбовался на эту церковь, обошелъ ее нѣсколько разъ, то осматривая ѐе снизу, то задирая вверхъ голову, чтобъ поглядѣть на ея верхушки. Имъ овладѣло благочестивое настроеніе.

— Былъ бы я богатъ, подумалъ онъ, то построилъ бы у себя на родинѣ въ Сѣвскѣ, такой же точно храмъ. Куда какъ онъ пригляденъ.

Отъ предположенія на счетъ постройки церкви Никита перешелъ снова къ думѣ объ Анфисѣ.

— Раскрасавица она, думалъ онъ, и началъ мечтать о томъ, какъ бы онъ былъ счастливъ, если бы могъ имѣть такую женушку.

Теперь онъ шелъ по улицѣ, не замѣчая никого и ничего. Передъ нимъ по временамъ тянулись ряды деревянныхъ построекъ, которыя такъ быстро и до-тла истреблялись часто бывавшими въ Москвѣ пожарами. По временамъ, изъ ряду простыхъ жилищъ выступали хоромы хорошей постройки, обитыя тесомъ, раскрашенныя въ яркія краски съ деревянною вычурною рѣзьбою, по концамъ высокой крыши и на верхушкѣ ея, въ видѣ гребня, съ пѣтушками и кониками, и съ рѣзными украшеніями надъ окнами. Попадались иногда и каменныя хоромы и вообще чѣмъ ближе подходилъ Никита къ Китай городу, тѣмъ болѣе оказывалось хорошихъ и обширныхъ построекъ. Замѣтно было, что здѣсь живутъ люди болѣе достаточные, нежели на самой окраинѣ Москвы въ Земляномъ городѣ.

Изъ мечтаній объ Анфисѣ Никита былъ выведенъ раздавшимся позади его крикомъ—«гисъ!» Онъ быстро обернулся назадъ и увидѣлъ, что улица во всю ширину занята толпою какихъ-то людей, и пѣшихъ, и конныхъ. Всѣ проѣзжавшіе и проходившіе кидались въ сторону и жались къ домамъ, снимая шапки.

Впереди показавшейся изъ-за угла толпы, бѣжали, съ длинными палками въ рукахъ, люди, одѣтые въ долгополыя сермяги, у нѣкоторыхъ изъ нихъ, вмѣсто палокъ, были луки. Такіе же люди бѣжали и по обѣимъ сторонамъ поѣзда, размахивая палками и крича: «гисъ!» т. е. «берегись!» Люди эти были боярскіе холопы, обязанные разсчищать для своего господина дорогу отъ проходившихъ и проѣзжавшихъ по улицамъ. За толпой холоповъ, бѣжавшихъ

впереди, ѣхали верхами, въ однорядкахъ разныхъ цвѣтовъ, съ мурмолками на головахъ или въ шапкахъ съ цвѣтными суконными верхушками, боярскіе «знакомцы»—бѣдные дворяне, служившіе во дворахъ знатныхъ людей. Они сопровождали «своего милостивца» всюду при его выѣздахъ и были какъ бы его стражею. Самъ бояринъ, окруженный знакомцами, въ богатой съ золотыми нашивками ферязи и въ высокой горлатной шапкѣ, важно ѣхалъ въ колымагѣ, запряженной въ шесть коней гуськомъ, сбруя которыхъ была украшена блестящими и звонкими бляхами.

Московская площадь въ XVII столѣтіи.

Никита, какъ и проходившіе по улицѣ, изъ боязни подвернуться подъ палочные удары, плотно прижался къ стѣнѣ и присматривался къ боярскому поѣзду. Въ этомъ поѣздѣ однихъ сермяжниковъ насчиталъ Никита человѣкъ до ста, да верховыхъ, какъ ему показалось, было человѣкъ съ двадцать если не болѣе.

При видѣ такой боярской обстановки, Никитѣ пришла на умъ недавняя болтовня мѣщанина.

— Вишь вѣдь, какъ живутъ — подумалъ онъ — однихъ-то дармоѣдовъ у нихъ сколько!.. Да и какъ народъ передъ собой разгоняютъ! — и Никита не безъ чувства досады посмотрѣлъ въ слѣдъ удалявшемуся поѣзду, поднявшему на тѣсной улицѣ столбъ густой пыли.

По пути Никиту обогнало нѣсколько такихъ боярскихъ поѣздовъ и притомъ еще болѣе многолюдныхъ, нежели тотъ, который

пришлось ему увидѣть въ Москвѣ въ первый разъ. Въ нѣкоторыхъ поѣздахъ бояре ѣхали въ колымагахъ; но такъ ѣздили только слабые и хворые старики, а всѣ, у кого было довольно силы, ѣздили верхами на статныхъ коняхъ, въ богатой сбруѣ, украшенной у иныхъ даже драгоцѣнными камнями и также въ сопровожденіи холоповъ и знакомцевъ.

Въ нѣкоторыхъ поѣздахъ проѣзжали и боярыни, которыя лѣтомъ ѣздили въ колымагахъ, а зимою въ такъ называемыхъ каптанахъ или возкахъ, окна которыхъ были закрыты со всѣхъ сторонъ тафтою. Онѣ отправлялись или на богомолье или въ гости, или къ царицѣ. Ихъ также сопровождала толпа холоповъ, но около ихъ ѣздили не «знакомцы», а сѣнныя дѣвушки верхомъ, по мужски въ кафтанахъ и высокихъ войлочныхъ шапкахъ.

Хотѣлъ было Никита разспросить кое-что у встрѣчныхъ людей объ этихъ поѣздахъ, но напуганный уже мѣщаниномъ не рѣшался на это. Наконецъ, онъ отважился понавѣдаться кое о чемъ у попавшагося ему на встрѣчу попа.

— Скажи, батька, куда ѣдутъ бояре! — спросилъ его Никита.

— Въ царскую думу — отвѣчалъ попъ.

Попъ выглядывалъ такъ привѣтливо и такъ ласково, что Никитѣ даже безъ всякаго повода хотѣлось бы заговорить съ нимъ.

Тотчасъ же можно было замѣтить, что встрѣтившійся Никитѣ попъ не былъ изъ числа тѣхъ безмѣстныхъ поповъ, на которыхъ тіунъ доносилъ патріарху, что они «у Фролова моста безчинства дѣлаютъ большія, бранятся скаредно, играютъ, борятся и въ кулачки бьются».

Видно было, что отецъ Онуфрій строго соблюдалъ всѣ постановленія недавняго московскаго собора о внѣшнемъ благообразіи людей духовнаго чина. Ряса на немъ была не пестрая и не яркая, какія большею частью носили тогда священники и дьяконы вопреки соборнаго правила. Шапка на головѣ была у него «смирнаго», т. е. чернаго цвѣта, а въ рукахъ онъ держалъ длинный высокій деревянный посохъ, означавшій его священство. Когда онъ снималъ шапку, чтобы перекреститься, то на темныхъ съ легкою просѣдью густыхъ его волосахъ, замѣтно выдавалось такъ называемое «гуменцо», т. е. выстриженный на темени кружекъ. Такими «гуменцами» отличаются нынѣ только католическіе священники, но въ ту пору, къ которой относится нашъ разсказъ, на Руси носили «гуменца» и православные священники и только нерадѣвшіе изъ нихъ о своей благовидности уклонялись отъ этого обязательнаго въ нихъ правила.

Соблюдалъ, какъ было видно, отецъ Онуфрій и другой еще тогдашній обычай: рядомъ съ нимъ шла «матушка» или попадья, его супруга. Въ ту пору «зазорно» было показаться на улицѣ или на рынкѣ попу безъ его жены. Допускалось отъ этого уклоненіе тогда

только, когда онъ шелъ съ требою въ сопровожденіи причетника. Но рѣдкій изъ поповъ обращалъ вниманіе на такой обычай и они бродили въ одиночку или Богъ вѣсть съ какими людьми по улицамъ и таскались на площадяхъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, въ виду поповской незазорности, попадьи должны были носить на верхней одеждѣ по обѣимъ сторонамъ груди нашивки изъ краснаго сукна, и такія нашивки показывали, что матушка Агафья была женою отца Онуфрія.

Московская улица въ XVII столѣтіи.

Всюду ли такъ ведется, но только у насъ, на Руси, простыя женщины, перешедшія зрѣлый возрастъ, обыкновенно относятся съ большею сердечностію къ юношамъ. Здѣсь не бываетъ инаго чувства, какъ только желаніе приласкать и приголубить молодаго парня, особенно если онъ окажется сирота, или заѣзжій на чужую сторону, безъ родни, покровителей и знакомыхъ. Въ такихъ случаяхъ высказывается непритворное сожалѣніе объ его горемычной участи.

— Знать заѣзжій? — ласково спросила попадья Никиту.

— Заѣзжій.

— А отколь?

— Изъ Сѣвска.

Попадья какъ-то недомысленно взглянула на мужа, такъ какъ она о Сѣвскѣ никогда прежде не слыхала.

Отецъ Онуфрій, которому полюбилось доброе и открытое лицо молодаго человѣка, разговорившись съ нимъ, между прочимъ, спросилъ его: зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Москву.

Никита разсказалъ, что дядя привезъ его сюда, чтобъ пристроить по торговой части, но что такое занятіе ему какъ-то не по душѣ, а хотѣлось бы, вмѣсто того, приняться за книжное ученіе.

— Благое дѣло — ученіе, благое дѣло, оно умудряетъ человѣка; надлежитъ сказать, что въ наукѣ, какъ и во всякой премудрости человѣческой, пребываетъ духъ Божій. Не вдавайся только въ волхвованіе и чернокниженіе, а наука сама по себѣ человѣка не погубитъ, а скорѣе сбережетъ его отъ всякихъ заблужденій. Церковь наша, воздавая неустанную хвалу создателю міровъ и ихъ вседержителю, не отвергаетъ и мудрости добытой человѣческимъ разумомъ. Сходи хоть въ здѣшній Благовѣщенскій соборъ въ Кремлѣ и тамъ ты увидишь, что межь ликовъ божіихъ угодниковъ есть и изображенія многихъ греческихъ мудрецовъ. Тамъ написаны и Омиръ и Аристотель и другіе славные піиты и философы, хотя они и были невѣрными язычниками. Но и они въ свою пору наставляли темныхъ людей, вразумляли ихъ понимать и чтить величіе Божіе и предрекали даже пришествіе Христово. Не гнушайся наукой и мужами ею просвѣщенными,—наставительно внушалъ отецъ Онуфрій.

— Да какъ же мнѣ начать учиться? Чувствую, что я на мои годы еще больно теменъ и неразуменъ, ничего-то я не знаю. Вотъ хоть бы ты, отецъ, говорилъ о какихъ-то мудрецахъ, а я объ нихъ и не слыхивалъ никогда, печально проговорилъ Никита.

— Зайди-ко братъ, ко мнѣ, такъ я о твоемъ будущемъ ученіи съ тобой на досугѣ потолкую; авось, что̀ нибудь и уладится—перебилъ попъ.

Отецъ Онуфрій разсказалъ обстоятельно, гдѣ онъ живетъ и зазвалъ къ себѣ Никиту на обѣдъ въ ближайшее воскресенье.

— Заходи, родной, я тебя горячими оладушками съ медомъ попотчую — привѣтливо заговорила попадья. Побаловать-то тебя, видно, некому, родной матушки у тебя нѣтъ; живешь ты здѣсь межь чужихъ людей. Такъ приходи же къ намъ, голубчикъ, ласково заключила добрая женщина.

Съ своей стороны Никита рѣшилъ побывать у новыхъ знакомцевъ, которые, какъ говорится—пришлись ему по душѣ.

VIII.

За нѣсколько годовъ до пріѣзда въ Москву Никиты, у тамошняго торговаго человѣка Семена Яковлева подросла дочь по имени Анфиса.

Въ старое — до-петровское время, образъ жизни и воспитаніе дѣвушекъ на Руси вообще, а между прочимъ и въ Москвѣ, были куда какъ просты и незатѣйливы. Замѣчаніе это относится одинаково, какъ къ простолюдинамъ, такъ и къ боярышнямъ. Въ обыкновенномъ быту и тѣхъ и другихъ разницы было не много. Почти та же домашняя обстановка, тѣ же игры, удовольствія и развлеченія; какъ у тѣхъ такъ и у другихъ тѣ же покрои и принадлежности нарядовъ съ тою развѣ только разницею, что у боярышень были они изъ лучшихъ тканей, да съ прибавкою къ нимъ дорогихъ украшеній вмѣсто простыхъ побрякушекъ; тотъ же почти уровень умственнаго развитія и тотъ же кругъ нравственныхъ понятій.

— Привелъ бы Богъ поскорѣе отдать дочь за-мужъ, а тамъ ужъ она не отцовская и не материнская, а мужняя. Мужъ ее всему учить будетъ—говорили между собою, какъ знатные, такъ и простые, какъ богатые, такъ и бѣдные родители, смотря на подроставшую дочь.

Дѣйствительно, по выходѣ замужъ, дѣвушка совсѣмъ отставала отъ родительской семьи и переходила подъ власть мужа. Власть эта была обыкновенно суровая, да и жизнь замужней женщины отличалась, сравнительно съ дѣвической жизнью, большей неволею.

Недаромъ въ одной народной пѣснѣ — этомъ отголоскѣ нашей старины—поется:

Дѣвичья красота въ полѣ на лугу;
Бабья красота на печи, въ углу.

Дѣвушка до брака пользовалась бо̀льшею свободою, особенно среди простонародья. Она могла ходить въ гости, играть, забавляться и плясать съ своими подругами. Къ кружкамъ дѣвушекъ примѣшивались иногда и молодые парни въ качествѣ жениховъ. Хотя по тогдашней поговоркѣ и полагалось, что: «невидѣнная дѣвка—золотая, а видѣнная—мѣдяная», но въ обыденной жизни людей простыхъ такая осторожность не соблюдалась и почти каждый простолюдинъ зналъ свою невѣсту прежде, чѣмъ сватался къ ней. Поэтому, въ большей части браковъ, закутываніе невѣсты, подъ вѣнецъ, какъ будто женихъ вовсе не зналъ ее и никогда не видѣлъ, было только пустою обрядностью. Обрядность эта соблюдается и до нынѣ у русскихъ крестьянъ, хотя женихъ и невѣста обыкновенно не только съ дѣтства знаютъ другъ друга, но нерѣдко еще до брака успѣваютъ слюбиться между собою.

Но чѣмъ выше было общественное положеніе дѣвушки, чѣмъ зажиточнѣе были ея родители, тѣмъ труднѣе было жениху познакомиться съ невѣстой. Можно сказать, что въ прежней Москвѣ съ семействъ людей торговыхъ и служилыхъ начиналось уже болѣе или менѣе строгое, но не безъусловное еще затворничество женщинъ и дѣвушекъ и ихъ отдаленіе отъ мужскаго общества. Становилось же оно безъусловнымъ для боярышень, а тѣмъ еще болѣе для царевенъ. И тѣ и другія дѣйствительно были обречены съ самаго рожденія на безъисходное заточеніе. Сидѣли онѣ въ заперти въ своихъ теремахъ и даже самые близкіе молодые родственники не могли посѣщать ихъ. Выходили онѣ изъ теремовъ, съ лицами закрытыми фатою, а ѣзжали въ колымагахъ или каптанахъ съ плотно завѣшенными окнами. Около боярышень и царевенъ, когда имъ нужно было идти въ церковь, сѣнныя дѣвушки несли суконныя пóлы и ничей любопытный и самый зоркій глазъ не могъ подсмотрѣть этихъ красивыхъ, а иной разъ и непригожихъ, затворницъ. Замѣчательно, что полною свободою отлучекъ и ходьбы даже въ самыя непристойныя мѣста пользовались на Руси тѣ женщины и дѣвушки, которыхъ, какъ казалось, слѣдовало бы держать въ самыхъ крѣпкихъ затворахъ. Такъ, чернички, и старыя и молодыя, подъ предлогомъ сбора подаяній на построеніе обители или храма, разгуливали свободно по Москвѣ, и жившіе тамъ иностранцы не могли надивиться такой распущенности, въ особенности въ сравненіи съ той неволей, которой подвергались женщины и дѣвушки не принимавшія иноческихъ обѣтовъ.

Отецъ Анфисы былъ изъ числа если не богатыхъ, то все же достаточныхъ и почетныхъ торговыхъ людей. Въ силу этого, ему приходилось соблюдать обычаи той среды, въ которой показать дѣвушку мужчинѣ, особенно молодому, считалось не только неприличіемъ, но и крайнимъ нарушеніемъ ея дѣвической стыдливости.

Жизнь Анфисы, какъ и другихъ ея сверстницъ, бывшихъ въ одинаковомъ съ нею положеніи, проходила по современнымъ нашимъ понятіямъ чрезвычайно однообразно. Казалось, день за днемъ тянулся уныло и медленно. Всѣ развлеченія ея состояли въ томъ, что по воскресеньямъ и по праздничнымъ днямъ, она съ отцомъ и матерью, закутанная фатой ходила въ приходскую церковь и становилась тамъ въ толпѣ дѣвушекъ и женщинъ. Лѣтомъ съ подругами она играла на дворѣ въ горѣлки, качалась на качеляхъ, да водила хороводы во дворѣ отцовскаго дома съ постоянно запертыми на глухо воротами.

Въ осеннюю и зимнюю пору Анфисѣ становилось еще скучнѣе: то непроходная грязь, то глубокій снѣгъ, мѣшали не только сходить въ гости, къ подругамъ, но даже порѣзвиться на дворѣ, какъ это водилось весною и лѣтомъ. Сумерки наступали рано и хотя въ ту пору на Руси, да и въ Москвѣ, ложились спать, какъ

говорится, съ курами, но все же приходилось какъ нибудь коротать зимній вечеръ, относительно болѣе или менѣе продолжительный. По временамъ, къ Анфисѣ собирались на вечернія посидѣлки ея близкія подруги, но на этихъ посидѣлкахъ не было разнообразія, а слѣдовательно, не могло быть и удовольствія. При тогдашней общественной жизни не находилось предметовъ для разговоровъ и собравшіяся дѣвушки начинали пѣть пѣсни—пѣсни давно знакомыя и уже порядкомъ прискучившія имъ. Пѣсни перемежались грызеніемъ орѣховъ и ѣдою пряниковъ, коврижекъ и постилы.

Увеселенія русскихъ въ XVII столѣтіи.

Святки становились какъ будто оживленнѣе и веселѣе. Начинались разнообразныя гаданья о суженомъ-ряженомъ; а подблюдныя пѣсни пѣлись съ бо́льшимъ одушевленіемъ, нежели обыкновенныя. Но святки проходили скоро и начиналась опять однообразная жизнь.

— Скучно, подруженьки, намъ живется—заговорила однажды бойкая Мавруша или Маврутка, одна изъ дѣвушекъ, собравшихся къ Анфисѣ. Парней совсѣмъ мы не видимъ.

— Мимо нашего дома—затараторила другая дѣвушка Анюта—ходитъ часто Яшка, сынъ Кузьмы Грозилова; я, сказать вамъ по душѣ, всегда посматриваю на него, да чтò въ томъ толку, а куда какъ онъ мнѣ любъ. Вѣдь какой молодецъ!..

— А можетъ и сваху пришлетъ—перебила Мавруша. Вѣдь суженаго напередъ не узнаешь.

— Не пришлетъ: онъ парень богатый, да вѣрно и родители хотятъ взять для него невѣсту изъ богатаго дома, а о насъ они чай, ничего и не слыхивали,—говорила Анюта.

— Эхъ, дѣвицы красныя, печально сказала Анфиса. Значитъ Богъ ту любитъ, которой Онъ по сердцу жениха посылаетъ, а вотъ мнѣ, такъ кажись, большое горе извѣдать придется...

— Развѣ свахи захаживать къ вамъ начали? спросили разомъ нѣсколько голосовъ.

— Да вотъ что-то Устинья Ермиловна больно зачастила къ намъ и теперь съ матушкой глазъ-на-глазъ по долгу шепчется, а о комъ же имъ толковать какъ не обо мнѣ? Вѣть я одна у матушки на рукахъ осталась; всѣхъ трехъ сестрицъ моихъ Ермиловна за старыхъ повысватала. Правда, зятьюшки мои люди добрые и сестрицамъ за ними хорошо живется, а все жъ молодой мужъ милѣе.

— Ну коли всѣхъ твоихъ сестрицъ за старыхъ повысватала, такъ тебѣ молоденькаго прiищетъ, да еще писанаго красавца, знакомства-то у ней много; въ Москвѣ она не изъ послѣднихъ свахъ—утѣшала Анюта Анфису.

— А знаете, дѣвушки,—сударушки, вмѣшалась вдругъ Мавруша, коль меня за стараго сватать примутся, такъ я сбѣгу съ моимъ любчикомъ изъ родительскаго дома.

— Развѣ у тебя онъ завелся? спросила Анфиса,—пытливо вскинувъ свои карiе глаза на бойкую и откровенную подругу...

— Почто же ему и не быть? Въ диковинку тебѣ-то, видно—засмѣявшись, отвѣчала Мавруша. Слушайте, душеньки-подруженки, какъ это было.

Дѣвушки въ плотнỳю придвинулись къ Маврушѣ.

— У насъ въ сосѣдствѣ живетъ старый купчина Коромысловъ. Можетъ слыхивали о немъ? Огородъ-то его и нашъ въ смежности лежатъ, только ветхимъ заборомъ отгороженъ одинъ отъ другаго. Заборъ-то, правда, высокъ, черезъ него не перелѣзешь, да и влѣзать-то на него опасно, того гляди, что сейчасъ на земь рухнетъ, такъ такой бѣды наживешь, что и Боже упаси: новый крѣпкiй поставятъ; а теперь въ заборѣ есть трещина, черезъ нее-то мы и милуемся. Прилаживается мой Васютка, чтобъ одну доску изъ забора вынуть, да такъ, чтобъ потомъ ее вставить на старое мѣсто, никто того и не замѣтитъ, а межъ тѣмъ онъ ко мнѣ въ огородъ попотемкамъ пробираться станетъ... Пусть только снѣгъ сойдетъ,

а то на немъ слѣды видать; догадаются, что дѣло не ладно: никто, вѣдь, зимой въ огородъ не ходитъ, а я-то бѣгаю къ забору только въ снѣжную погоду. Знаю, что на утро снѣгъ замететъ мой слѣдъ и никто не хватится, что я въ огородъ къ миленькому моему бѣгала.

— Ну, а когда онъ до тебя доберется, ты съ нимъ будешь цаловаться и обниматься? стыдливо спросила Анфиса.

— А нешто нѣтъ? Изъ-за чего жъ бы ему и работать, да еще, чего добраго, и въ бѣду попасться.—Да ты-то, что такъ смотришь, спросила вдругъ Мавруша Анфису. Ты бы на моемъ мѣстѣ трусила, вѣть ты у насъ такая стыдливая, такая робкая. Поди какая скромница!—захохотавъ, обратилась Мавруша къ подругамъ,—пытается у меня буду ли я цаловаться, да обниматься; у нее и на это толку не хватаетъ!...

Дѣвушки засмѣялись, а Анфиса смѣшалась и покраснѣла: ей какъ будто стало стыдно за свою простоватость передъ ея смѣлой и находчивой подругой.

— Нешто мало нашихъ сестеръ убѣгаютъ изъ родительскихъ домовъ? Слыхали, можетъ, объ Акулькѣ Пустыниной. Вѣдь сбѣжала же съ молодцомъ изъ Иконнаго ряда, а безмѣстный попъ живой рукой повѣнчалъ ихъ, и теперь живутъ они между собой ладно. Погнѣвались на нее родители, да потомъ пораздумали и простили; прежнее свое проклятіе съ нее сняли и все, что ей по рядной записи приходилось, полностію отдали, сказала Анюта.

— Да и грѣшно развѣ бѣгать, коли въ такой тѣсной неволѣ насъ держатъ — заговорила молчавшая до сихъ поръ Раиса; нашелся бы только ловчакъ, что увелъ бы тайкомъ изъ родительскаго дома. Бѣда какъ захватятъ, поймаютъ на побѣгѣ и задержатъ. Тутъ подпадешь подъ отцовскій гнѣвъ, да подъ материнскую злобу, такъ тогда ужь вдоволь накручинишься и наплачешься.

— Сбѣжать-то не трудно. Замкѝ да запоры—только для глупыхъ, а которая посмышленнѣе, ту силой не удержишь. Ужъ на что боярышень крѣпко-на крѣпко запираютъ, анъ, смотришь, нѣтъ-нѣтъ, да иная и сбѣжитъ. А замужнія—думаете вы, мои сударушки—такъ вотъ только одних своихъ мужей и знаютъ и любятъ? Какъ же!... Почитай, чуть ли не у всякой есть полюбовникъ, а инымъ такъ и одного мало бываетъ. Да что о боярыняхъ, вотъ хоть бы и о царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, невѣсть, что̀ въ народѣ толкуютъ. А мы-то что? съ чего на насъ разные запреты кладутъ. Вотъ выйду я за мужъ, такъ, не бойсь, во всемъ мужу покорна и стану?... Нѣтъ, не то будетъ: онъ мнѣ встрѣчное слово, а я ему въ отвѣтъ десятокъ!—волновалась Мавруша.

— А какъ бить тебя примется? спросила Анюта.

— Стерплю на сколько сможется, подъ конецъ у него самого руки устанутъ.

— А коли нѣтъ?

— Коли нѣтъ, такъ и другимъ путемъ отъ него отдѣлаться можно. Пропадать, такъ пропадать, было бы только изъ-за чего— проговорила рѣшительно Мавруша. Да съ чего я начала васъ, дѣвушки, мутить—какъ будто опомнившись, добавила она. Принимайтесь-ка лучше за пѣсни; по что наводить тоску на душу; всѣ мы, статься можетъ, проживемъ нашъ вѣкъ съ хорошими мужьями. и смѣючись, и припѣваючи...

Мавруша запѣла веселую пѣсню, которую подхватили ея подруги. Не пѣла только Анфиса. Она сидѣла пріунывши и раздумывала о своей будущей участи...

IX.

Догадки Анфисы на счетъ близкаго ея замужества были основательны. Устинья Ермиловна—та самая крикливая баба, которая такъ злобно отзывалась объ Анфисѣ, при случайной встрѣчѣ на улицѣ съ Демьяномъ Григорьевичемъ, ходила въ домъ ея отца не по-пусту: у нее для Анфисы нашелся женихъ, которому она сильно доброхотствовала. Женихъ этотъ былъ Андрей Викулычъ Тябота, съ которымъ Демьянъ Григорьевичъ свелъ въ Москвѣ первое, такое непріятное для себя знакомство.

Кромѣ крестнаго имени и отчества, Андрей имѣлъ еще особое прозвище—Тябота. Такія дополнительныя прозвища были у насъ въ старину въ большомъ употребленіи, нетолько среди простыхъ, но даже и среди людей самыхъ знатныхъ. Иныя изъ такихъ прозвищъ имѣли опредѣленное значеніе, какъ, напримѣръ, Овчина, Лопата, Курица, Волкъ или «Собачья рожа», Пѣтухъ и даже «Умойся грязью». Другія же были безъ всякаго смысла и считались бы въ наше время только обидною кличкой. Къ числу такихъ прозвищъ принадлежало и прозвище Тябота, неизвѣстно когда и по какому случаю данное Андрею. Какъ тѣ, такъ и другія прозвища употреблялись нетолько въ обычныхъ сношеніяхъ, но и въ приказныхъ бумагахъ, воеводскихъ отпискахъ, разныхъ письменныхъ памятяхъ, крѣпостяхъ и судебныхъ приговорахъ, точно такъ, какъ употребляются нынѣ родовыя прозванія или фамиліи.

Устинья Ермиловна съ давнихъ поръ вела дружбу съ Тяботою и считала его своимъ добрымъ пріятелемъ. Она была, какъ и всѣ свахи и прежнія и нынѣшнія, разбитная баба. Любила она покалякать, побалагурить, а въ добавокъ и выпить, и во всемъ этомъ какъ нельзя болѣе сходилась съ Тяботою. Устинья Ермиловна высватала ему первую жену, послѣ которой Андрей остался не старымъ еще вдовцомъ, а когда онъ задумалъ жениться вторично, она намѣтила ему Анфису, какъ подходящую для него невѣсту. Ан-

фиса хотя и была изъ зажиточнаго дома, но у отца ея на рукахъ была большая семья, да и торговыя его дѣла, въ послѣдніе годы, шли несовсѣмъ удачно. Притомъ, къ нему подступала старость. Онъ начиналъ слабѣть и хворать, и Ермиловна разсчитывала, что при такихъ неблагопріятныхъ домашнихъ условіяхъ родители Анфисы не откажутся выдать дочь за человѣка, хотя, сравнительно съ нею, уже пожилаго, но за то съ хорошимъ достаткомъ и притомъ, что было очень важно, одинокаго, такъ что жена его будетъ единственною и полною хозяйкой въ мужниномъ домѣ, а въ старину это было очень желательно для каждой невѣсты.

Анфиса видѣла только мелькомъ Андрея Викулыча, захаживавшаго иногда къ ея отцу по торговымъ дѣламъ, но не думала никогда, что онъ будетъ ея женихомъ. Поэтому, она вовсе не присматривалась къ нему. Что ей было за дѣло до пожилаго вдовца? Развѣ могла быть ему невѣстой такая молоденькая дѣвушка какъ Анфиса? Но когда Ермиловна зачастила своими посѣщеніями и когда нѣсколько разъ въ разговорѣ между отцомъ Анфисы и ея матерью, и свахою — въ разговорѣ, веденномъ на сторонѣ отъ дочери, — ей послышалось имя Тяботы, то она смекнула, что, вѣроятно, дѣло идетъ объ ея сватовствѣ. Андрей тоже только мелькомъ видѣлъ свою будущую невѣсту, но она не могла не полюбиться ему. Обычай, однако, требовалъ повести дѣло черезъ сваху и притомъ такъ, какъ будто женихъ и невѣста никогда еще не встрѣчались другъ съ другомъ, и сдѣлать видъ будто и родители ея не знаютъ жениха и даже ничего о немъ не слыхивали.

Сватовство началось обыкновеннымъ въ ту пору порядкомъ.

— У тебя, Маремьяна Ивановна, и у Семена Яковлевича есть въ остаточкѣ товарецъ, а у меня есть на него покупщичекъ, надо бы намъ промежь себя дѣльцо сладить, заговорила, однажды, Ермиловна съ таинственностью, свойственной свахамъ.

Такой приступъ былъ въ ту пору вполнѣ понятенъ матерямъ взрослыхъ дочерей, безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій.

— Отчего бы и не такъ, отвѣчала Маремьяна Ивановна. А кого Богъ посылаетъ?

— Разумѣется, человѣка хорошаго, ужь плохаго какого нибудь Анфисочкѣ сватать я не стану, заговорила Ермиловна, слегка почмокивая своими сухими и тонкими губами.

Обычай требовалъ, однако, продолженія искуственной таинственности.

— Дурнаго о моемъ женихѣ никто не скажетъ; торгуетъ онъ гладко, есть у него и запасецъ на черный денекъ, да и за приданнымъ не слишкомъ онъ погонится. Не мало найдется у него и готоваго добра для невѣсты: отъ покойной жены ему, по рядной записи, много чего изъ ея скарба оставили, говорила Устинья.

— Выходитъ, значитъ, вдовецъ, да и не молодъ, пожалуй?

— Съ чего ты взяла, что не молодъ? Развѣ вдовцами только старые люди бываютъ. Иной и трехъ женъ похоронитъ, да не состарится и будетъ, чего добраго, удалѣе не женатаго парня. Далъ Господь крѣпость, такъ онъ до самыхъ позднихъ лѣтъ въ женихи годится. Онъ не нашъ братъ — баба, обкисаетъ не скоро, да иной еще изъ хилаго, что̀ былъ въ молодости, подъ старость крѣпышемъ дѣлается.

— Всяко бываетъ, сомнительно покачивая головой, замѣтила Маремьяна Ивановна, вотъ мой-то всего только на седьмой десятокъ идетъ, а ужь совсѣмъ разхлябъ: все стонетъ да охаетъ. Того и смотри, что скоро душеньку Богу отдастъ.

— Кручины и заботы у него о дѣткахъ много было. Господь-то благословилъ васъ большущею семьей, о кажинномъ и о кажинной Семену Яковлевичу думать приходилось. А мой-то женихъ, что̀ ему дѣлается? — одинъ какъ перстъ. Что̀ говорить, — онъ на двое, да, пожалуй, еще и съ излишкомъ постарше Анфисы Семеновны будетъ, да за то какимъ еще соколомъ смотритъ! Да какой забавникъ и весельчакъ!.. подхваливала Андрея сваха.

— Съ сожителемъ напередъ надо поговорить, пусть онъ рѣшаетъ и даетъ свое отцовское благословеніе, а Анфисочка у насъ — дочь покорная, красоту же ея ты сама знаешь.

— Не о томъ и рѣчь. Не мало я на своемъ вѣку всякихъ невѣстъ перевидала, а такихъ приглядныхъ съ разу, какъ она, и промежъ боярышень не скоро отыщешь. Всѣмъ взяла: — и лицомъ, и тѣломъ...

Маремьяна Ивановна три раза отплюнулась и три раза перекрестилась.

— Сухо дерево, завтра пятница — проговорила она, стукнувъ рукою по лавкѣ, на которой сидѣла.

— Не бойсь!.. Сглазу не наведу, хошь я и разумѣю, какъ то сдѣлать, отозвалась сваха и за тѣмъ, рѣшительно уставивъ свои сѣро-зеленоватые и подслѣповатые глаза, спросила: «ну что жъ товарецъ-то продаешь»?

Суевѣріе въ ту пору было однимъ изъ сильныхъ двигателей не только въ домашнихъ, но и въ общественныхъ и даже въ государственныхъ дѣлахъ, и потому ловкій намекъ свахи на свою чародѣйскую силу не могъ не подѣйствовать на такую простую женщину, какой была мать Анфисы.

— Съ нами крестная сила, подумала она. Откажу ей, такъ, чего добраго, сглазитъ, или, пожалуй, на вѣкъ испортитъ Анфисочку.

— А кто жъ онъ таковъ будетъ? спросила она не безъ замиранія сердца.

— Ты его, чай, знаешь, загадочно проговорила сваха, желая помучить Маремьяну возбужденнымъ въ ней любопытствомъ. Да прежде чѣмъ я назову его, ты поднеси-ка мнѣ винца.

Желаніе свахи было немедленно исполнено.

— Ну, теперь скажу: будетъ онъ человѣкъ хорошій, надежный, начнетъ, какъ подобаетъ, почитать и тестя и тещу, душою передъ ними прямить станетъ и будетъ покоренъ вамъ, какъ сынъ вамъ родной, а зовутъ его Андрей Викулычъ, по прозвищу Тябота.

При имени жениха Маремьяна Ивановна замѣтно смутилась.

— Да вѣдь онъ, родимая моя, говорятъ, крѣпко запиваетъ, робко пробормотала она.

— Мало ли что говорятъ! Непто и про меня съ тобой всякой всячины не толкуютъ. Пустое дѣло, что пьетъ. Да и кто на Москвѣ теперь не запиваетъ? Небось твой-то не пилъ.

— Былъ тотъ грѣхъ, да по милости божіей давно отъ пьянства Семенъ Яковлевичъ отсталъ: къ угодникамъ разнымъ на богомолье ѣздилъ, да не мало и я за него молебновъ отпѣла и разные наговоры и нашептыванія на него были...

— Ну вотъ видишь, а мой-то какъ пьетъ? Не зашибаетъ онъ до безпамятства у себя дома, а пьетъ на людяхъ. Держится значитъ такой пословицы: «пей за столомъ, а не пей за столбомъ». Съ того только о немъ и молва пошла будто онъ пьяница. Да и что за бѣда коль и выпиваетъ? Былъ бы только во хмѣлю покоенъ, да не драчливъ съ женой, а иной и не пьетъ, да какъ въ ярость придетъ, то хватитъ подъ злую руку чѣмъ попало...

— Такъ-то такъ, а все же Устинья Ермиловна тверезвый человѣкъ былъ бы лучше...

— Мало чего лучшаго найдется, былъ бы бояринъ или окольничій такъ, безъ спору, былъ бы лучше, нежели торговый человѣкъ, нѣсколько раздраженнымъ голосомъ перебила сваха.

— Поговорю я съ Семеномъ Яковлевичемъ, а тебѣ на сватовствѣ—наше спасибо. Сладится дѣло, такъ тебя, Устинья Ермиловна, не забудемъ.

— Да не проволакивай долго. Тяботѣ откажешь, такъ другаго жениха не скоро, пожалуй, отыщешь. На жениховъ, какъ на хлѣбъ, да на грибы бываютъ и неурожайные годы. Иной разъ какъ бѣсъ передъ заутреней мечешься во всѣ стороны, а жениховъ взять не откуда. Дѣлайся какъ знаешь, а невѣстъ-то на Москвѣ тьма тьмущая, и безъ Анфисы ихъ и не оберешься; словно ягоды на какомъ нибудь пролѣскѣ.

Оканчивая бесѣду со схвахой, Маремьяна Ивановна попросила ее навѣдаться за отвѣтомъ черезъ три дня.

X.

Въ былое время, когда дамскія моды не измѣнялись такъ быстро и такъ прихотливо, какъ нынѣ, заботливыя матери или бабушки начинали копить для своихъ дочерей или внучекъ приданыя чуть

ли не съ самаго дня ихъ рожденія. Это велось на Руси не только среди простонародья, но и среди боярства. Тогда были пригодны даже для самой богатой невѣсты наряды не только ея матери и бабушки, но даже прабабушки, а пожалуй, и еще болѣе отдаленныхъ ея прародительницъ. Ни удлиненіе и укорачиваніе тальи, ни покрой женской одежды, ни отдѣлка, ни цвѣтà, ни доброта тканей не измѣнялась втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ и если только моль и ржа не истребляли этого наслѣдственнаго запаса, то онъ во всякое время могъ быть такой же обновкой, какою былъ бы только что наканунѣ приготовленный женскій нарядъ. Тѣмъ болѣе, конечно, сохранялись безъ всякой передѣлки драгоцѣнныя украшенія, у кого они были; и ожерелья и монисты и запястья оставались постоянно въ томъ видѣ, въ какомъ были сработаны первоначально.

Принявшись свататься къ Анфисѣ, Тябота сталъ почаще перетряхивать, вывѣшивать, провѣтривать и выколачивать, при помощи своего работника, Прокопа, наряды своей покойной жены. Тутъ были и однорядки и ферези, и шубки и шугаи.

— Собираешься, видно, Андрей Викулычъ снова жениться? замолвилъ однажды нерѣшительнымъ голосомъ старикъ-работникъ. Что жъ—дѣло благое, въ одиночествѣ жить скучно.

— Посмотримъ чтò Богъ дастъ, а въ правду сказать во вдовской жизни поумаялся я порядкомъ.

— Дà, за чужими женами гоняться-то не легко, да и не всегда такая забава счастливо съ рукъ сходитъ, сказалъ Прокопъ, и какъ будто спохватился, что проговорился не кстати.

Тябота насупился, и было отъ чего. Въ памяти его ожило очень непріятное воспоминаніе о томъ, какъ онъ забравшись къ женѣ одного шубника, былъ захваченъ въ расплохъ ея мужемъ, и спасаясь бѣгствомъ, оттащилъ наскоро подворотню и хотѣлъ-было пролесть подъ ворота, но на бѣду застрялъ тамъ. Между тѣмъ оскорбленный мужъ, кликнувъ работниковъ, принялся выколачивать волокиту палками, какъ выколачиваютъ шубники запылившуюся овчину. Только послѣ продолжительнаго выколачиванія, хозяинъ велѣлъ растворить ворота настежъ и жестоко наказанный Тябота еле добрался до дому, пролежавъ послѣ такой расправы нѣсколько дней въ постели. Этотъ случай не отъучилъ, однако, его окончательно отъ привычки приставать къ чужимъ женамъ, хотя и сдѣлалъ его нѣсколько робкимъ и болѣе осторожнымъ.

Въ то время, когда Андрей Викулычъ занимался переборкою скарба, оставшагося у него отъ первой жены, въ домѣ Семена Яковлевича шли тоже приготовленія къ свадьбѣ Анфисы.

Молодая дѣвушка дѣйствительно оказалась покорною передъ родителями дочерью и хотя горько заплакала, когда узнала кто назначается ей въ суженые, но обошлась, однако, безъ тѣхъ взвизгиваній, всхлипываній и причитаній, которыя были обязательны

для тогдашнихъ русскихъ дѣвушекъ, даже и въ такомъ случаѣ еслибъ предстоящій бракъ былъ имъ по сердцу. Имъ нужно было оплакивать свое дѣвическое житье; попрекнуть родителей, что они не жалѣютъ ее бѣдняжку, что у нея будетъ грозный мужъ. Среди такихъ причитаній, между прочимъ слышались запросы невѣсты:

«Государь мой родной батюшка,
«Невозможно-ль того сдѣлати,
«Меня дѣвицу не выдавати?..

или:

«Али я была у васъ не работницею?
«Али я была у васъ не заботницею?

и чѣмъ больше плакала, голосила и ревѣла и причитывала невѣста, тѣмъ болѣе эта искуственная скорбь трогала сердце родителей и всѣхъ окружавшихъ просватанную дѣвушку. Отъ такихъ выраженій скорби о своемъ дѣвичествѣ Анфиса отказалась и хотя у ней на душѣ и было тяжело, но она не прекословила отцу и матери и молча покорилась ихъ волѣ и судьбѣ на роду ей написанной.

Прежде всего нужно было справить смотрины, такъ какъ предполагалось, что женихъ ни разу еще не видалъ свою невѣсту а такъ какъ, по обычаю, ему показать ее нельзя, то и нужно было избирать довѣренныхъ лицъ, которыя, по уполномочію жениха, тщательно осмотрѣли бы невѣсту и убѣдились бы въ ея статности, пригожествѣ, и, главное, въ томъ, что у нея нѣтъ никакого тѣлеснаго изъяна, что она не кривая или не слѣпая, не горбата, или не кривобока, не косноязычная и т. д.

— Глаза мнѣ твои тетушка Афимья Петровна нужны, сказалъ Андрей, пришедши къ своей старой теткѣ.

Выраженіе это, какъ и выраженіе насчетъ товара и покупщика, было понятно русскимъ людямъ того времени.

— А у кого смотрѣть? нетерпѣливо спросила она.

— У Семена Яковлевича.

— Анфису-то?

— Вѣдь ты ее знаешь, такъ пожалуй тутъ бы и не къ чему смотрины, да и я самъ нѣсколько разъ видѣлъ, нужно ли тутъ попусту возиться.

— Что ты? какъ попусту?.. А не исполнишь обычая, такъ и на людяхъ осудятъ, со свѣту сживутъ. Безъ смотринъ никакъ нельзя. Не тебѣ, Андрей Викулычъ отставлять то, что повелось изстари.

Тетка, впрочемъ, въ душѣ отстаивала не столько обычаи, сколько имѣла въ виду свои особыя цѣли. Ей желалось побывать въ домѣ Семена Яковлевича почетной гостьей; при чемъ, конечно, дѣло не обошлось бы безъ обильнаго угощенья и безъ подарковъ. Кромѣ того, бабѣ куда какъ хотѣлось впутаться въ какое нибудь

чужое дѣло, чтобы потомъ было о чемъ потолковать съ любопытными кумушками.

На третій день, Афимья Петровна произвела смотрины невѣсты. Тетку жениха приняли въ домѣ Семена Яковлевича съ большимъ почетомъ и вывели ей на показъ невѣсту въ самомъ нарядномъ уборѣ. Для пущей ли только важности или желая дѣйствительно исполнить добросовѣстно принятое на себя порученіе, Афимья Петровна взяла съ собой повитуху и онѣ вдвоемъ принялись опрашивать Анфису и ея родителей: нѣтъ ли или не было ли у ней какого недуга, или какой немочи, не было ли на ней наговора, или не была ли наведена на нее порча. Такъ какъ на этотъ разъ смотрины исполнялись женщиною доброжелательною невѣстѣ, то осмотръ и опросы не были произведены съ той тщательностію и съ тою строгостію, съ какими они производились въ иныхъ случаяхъ, когда слишкомъ безпощадно нарушались скромность и стыдливость молодой дѣвушки. Кромѣ того, смотрины не рѣдко сопровождались неблагопріятными для невѣсты послѣдствіями. Иныя смотрѣльщицы по разнымъ причинамъ и личнымъ соображеніямъ, оговаривали вполнѣ пригодную дѣвушку передъ родителями ея жениха или передъ нимъ самимъ, и вслѣдствіе этого сватовство разстраивалось послѣ смотринъ, а о невѣстѣ начинала ходить худая огласка. По этому родители не охотно показывали невѣсту и настаивали прежде всего на заочномъ сватовствѣ.

Афимью Петровну угостили на славу, отпустили съ честью и обдарили. Анфиса не только была признана годной въ супруги Андрею Тяботѣ, но и представлена въ сообщеніи о ней жениху въ самомъ привлекательномъ видѣ.

При сватовствѣ, относительно смотринъ возникали почти всегда сильныя пререканія между стороной жениха и стороной невѣсты. Представители первой требовали, чтобъ дѣвушку показали самому жениху, а родители невѣсты отвѣчали, что они рады показать ее, но только не ему, а его отцу, матери, сестрѣ и той сродственницѣ, которой онъ довѣритъ. Очень рѣдко родители соглашались показать невѣсту жениху, и рѣшались на это только тогда, когда были вполнѣ увѣрены, что ее не стыдно показать людямъ. Не стыдно было показать Андрею Анфису, но онъ, зная ее въ лицо, не хотѣлъ настаивать, чтобъ видѣть невѣсту, опасаясь, что переговоры объ этомъ повлекутъ за собою продолжительную проволочку, а она была тѣмъ болѣе не удобна, что время подходило къ великому посту.

Смотрины, если дѣвушка была постоянно сокрыта отъ чужихъ людей, не обезпечивали, однако, жениха отъ обмана невѣстой. Родители ея, имѣя нѣсколько дочерей, выводили на смотрины самую красивую изъ нихъ и выдавали ее за невѣсту, а затѣмъ, когда нужно было вести дочь подъ вѣнецъ, то вмѣсто пригожей, подстав-

ляли дурную или безобразную, а иногда и уродца, то хромую, то увѣчную руками или ногами. Даже во время самаго вѣнчанія такой обманъ не могъ открыться, такъ какъ невѣста была закутана съ головы до ногъ, а свахи водили ее подъ руки. Были и другіе болѣе, или менѣе смѣлые обманы: такъ подъ невѣсту маленькаго роста, при смотринахъ, подставляли скамейку, чтобъ она казалась повыше. Сухопарую одѣвали такъ, чтобъ она казалась тучною, потому что тогда тучность считалась однимъ изъ главныхъ условій женской красоты. О бѣлилахъ и румянахъ, употреблявшихся въ этихъ случаяхъ, и говорить нечего. Въ одной изъ нашихъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ отъ лица обманнымъ образомъ сбытой невѣсты говорится:

«И тогда у меня молоденькой
«Было туку прінабавлено,
«Было росту понаставлено,
«Накладно лицо бѣлое,
«Бѣлымъ было набѣленое,
«Да алымъ нарумянено».

За обманы и подмѣны такого рода, слишкомъ заботливыхъ родителей били кнутомъ или, какъ замѣчаетъ современникъ этихъ ухищреній и поддѣлокъ, «бывало еще и хуже, каково царю полюбится». Если же женихъ, отказавшись отъ невѣсты, начиналъ, послѣ смотринъ, и опорочивать ее, то въ такомъ случаѣ честь дѣвушки ограждалась тѣмъ, что подлежащая власть принуждала злоязычнаго жениха или жениться на оговариваемой имъ дѣвушкѣ, или заплатить ей установленное, по закону, безчестье.

Случалось же всего чаще, что обманутый женихъ, желая избавиться отъ навязанной ему обманомъ невѣсты, принуждалъ ее уйти въ монастырь, а если она не дѣлала этого добровольно, то билъ и мучилъ всячески. За такую расправу мужей ссылали на смиреніе въ монастырь, на годъ, или на полгода. Но рѣдкіе изъ нихъ смирялись. Напротивъ, они возвращались изъ святыхъ обителей къ своимъ женамъ еще болѣе крутонравными и жестокосердными, нежели они были прежде. Не совладавъ съ женою такъ, чтобъ она ушла въ монастырь, мужъ самъ съ горя постригался, откуда и взялась старинная русская поговорка «отъ женъ мужья постригаются», или же супружеская вражда оканчивалась тѣмъ, что или онъ убивалъ ее, или она отправляла его на тотъ свѣтъ.

Всѣ эти хитрости родителей для того, чтобы сбыть съ рукъ уродливую или некрасивую дщерь влекли за собою печальныя послѣдствія, что̀ и подало поводъ одному изъ тогдашнихъ русскихъ грамотеевъ написать слѣдующія строки: «Благоразумный читателю! не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ на дѣвокъ такого обманства нѣтъ, яко въ московскомъ государствѣ; а такого обычая у нихъ не повелось какъ въ иныхъ

государствахъ: смотрѣть и уговариваться временемъ съ невѣстою самою».

На третій день послѣ смотринъ, Андрей отправился къ Семену Яковлевичу, трижды поклонился въ ноги ему и его женѣ, а затѣмъ учинилъ съ будущимъ своимъ тестемъ рукобитіе на томъ, что онъ, Андрей Викуловъ, отъ невѣсты не откажется, а съ своей стороны и онъ, Семенъ Яковлевъ, свою дочь, дѣвку Анфису Семенову, за другого жениха, кромѣ его, Андрея, не просватаетъ.

Свиданіе жениха съ невѣстой.

Пришелъ къ Андрею и приказный съ Красной площади, Дмитрій Коробецъ. Принесъ онъ жениху рядную запись приданому Анфисы за рукоприкладствомъ ея родителя. Андрей увидѣлъ, что въ этой записи означено въ точности все, что обѣщалъ Семенъ Яковлевичъ на словахъ Афимьѣ Петровнѣ дать за своею дочерью. Съ своей стороны «площадной» приказный потребовалъ отъ жениха неустоечную запись, въ которой было сказано, что въ случаѣ неисполненія имъ обѣщанія вступить въ бракъ, въ такой-то срокъ, съ дочерью торговаго человѣка Семена Яковлева, по имени Анфисою, онъ, торговый человѣкъ, Андрей Викуловъ, по прозванію Тябота, обязанъ уплатить пени 50 рублевъ.

Андрей очень охотно учинилъ подъ этою записью рукоприкладство, такъ какъ онъ ни за что не отступился бы отъ Анфисы.

По окончаніи всѣхъ этихъ, если и не необходимыхъ, то все же обязательныхъ на ту пору подготовленій, Андрей отправился снова въ домъ Семена Яковлевича поблагодарить своихъ будущихъ тестя и тещу, которыя и вынесли ему въ подарокъ отъ невѣсты шитую ею шелкомъ ширинку.

— А вотъ и мой подарокъ Анфисѣ Семеновнѣ, сказалъ онъ, развязывая узелокъ и вынимая изъ него гребень и кусокъ мыла.— А вотъ и братцу ея, Макару Семеновичу, полтина за ея русую косу, добавилъ онъ, подавая деньги,—какъ онъ вернется въ Москву, такъ вы ему отдадите.

Въ числѣ подарковъ, подносимыхъ женихомъ Анфисѣ, не было одного подарка, а именно шелковой плетки. Такую плетку, по старому обычаю, подносилъ прежде женихъ невѣстѣ въ числѣ первыхъ свадебныхъ подарковъ, но въ ту пору, хотя обычай этотъ и не вывелся еще окончательно изъ употребленія, но нѣсколько измѣнился въ отношеніи того времени, когда предподносился такой подарокъ невѣстѣ. Новгородскія плетки на жену считались почему-то лучшими не только въ Москвѣ, но и по всей Руси православной.

Е. Карновичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

Ѳ. В. БУЛГАРИНЪ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ ЕГО ЖИЗНИ

(1850—1859 гг.).

Ъ 1846 ГОДУ, зимою, утромъ я явился къ Ѳаддею Венедиктовичу Булгарину (жившему въ то время на Невскомъ проспектѣ, между Литейною улицею и нынѣшнею Надеждинскою, тогда еще непроложенною, въ домѣ Меняева) и представилъ ему свою повѣсть, написанную подъ вліяніемъ чтенія романовъ Вальтеръ-Скотта, Купера, Маріетта и пристрастія къ морю. Повѣсть была ученическая, но семнадцатилѣтній студентъ былъ высокаго мнѣнія о ней. Булгаринъ, зная моего отца (профессора петербургскаго университета), принялъ меня ласково, привѣтливо, взялъ мою рукопись и при мнѣ сталъ ее читать и дѣлать карандашемъ въ ней замѣтки и поправки. Прочитавъ нѣсколько страницъ, онъ остановился, посмотрѣлъ на часы, сказалъ, что болѣе со мною заниматься ему нѣтъ времени, просилъ оставить рукопись у него и прибавилъ: «Когда Марлинскій (Бестужевъ) явился ко мнѣ въ первый разъ со своею повѣстью, то она была слабѣе вашей». Понятно, эта фраза была однимъ комплиментомъ. Повѣсть моя не появилась въ печати.

Почти одновременно, другую мою повѣсть я принесъ къ Андрею Александровичу Краевскому (жившему на Невскомъ проспектѣ, за Аничковымъ мостомъ, въ домѣ бывшемъ Александровой) и просилъ помѣстить ее въ «Отечественныхъ Запискахъ». Когда я вошелъ изъ передней въ первую комнату (въ родѣ гостиной, сколько помню), то увидалъ, что А. А. Краевскій стоялъ у камина и дружески прощался съ худощавымъ человѣкомъ, державшимъ подъ мышкою нѣ-

сколько книгъ. Мое свиданіе съ А. А. Краевскимъ, также хорошимъ знакомымъ моего отца, было минутное. Я передалъ рукопись; онъ отвѣтилъ, что разсмотритъ ее. Выходя отъ него, я спросилъ у служителя, кто былъ въ гостиной, когда я туда входилъ. «Господинъ Бѣлинскій» было мнѣ отвѣтомъ. И эта моя повѣсть, какъ ученическая, осталась не напечатанною. Я бросилъ беллетристику, и въ августовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», 1848 года, появилась моя оригинальная статья «О торговлѣ пшеницею въ Самарѣ [1]).

Съ 1846 года, въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ, я не видался съ Ѳ. В. Булгаринымъ. По окончаніи университетскаго курса, 1-го іюня 1849 года, по приглашенію Н. И. Греча, сдѣланному чрезъ моего отца, я сталъ заниматься въ редакціи «Сѣверной Пчелы». У сына его и главнаго помощника по газетѣ, Алексѣя Николаевича Греча, появились тогда первые признаки болѣзни, превратившейся въ чахотку, которая, въ мартѣ 1850 года, свела его въ могилу. Врачи совѣтовали А. Н. Гречу прекратить на время его занятія по газетѣ и онъ отправился на все лѣто 1849 года въ Заманиловку (за первымъ Парголовымъ), не пріѣзжалъ въ городъ и не принималъ почти никакого участія въ редакціонной работѣ. Болѣзнь сына побуждала Н. И. Греча торопить меня приступить къ занятіямъ въ редакціи, поэтому я явился туда 1-го іюня, по окончаніи экзаменовъ по главнымъ предметамъ своего факультета (по естественнымъ наукамъ) и 5-го іюня изъ редакціи пошелъ уже въ университетъ для послѣдняго экзамена изъ иностранныхъ языковъ. Я приходилъ въ редакцію ежедневно, кромѣ воскресеній, и въ первое время занимался исключительно переводами. Осенью того же года, Ѳ. В. Булгаринъ возвратился изъ своего помѣстья Карлово (близъ Дерпта), куда онъ уѣзжалъ каждое лѣто. Гречъ представилъ меня Булгарину, который вспомнилъ, что я былъ у него уже однажды.

Когда, въ началѣ 1850 года, А. Н. Гречъ уѣхалъ на островъ Мадеру, и въ мартѣ скончался на пароходѣ на пути туда, Н. И. Гречъ сталъ настаивать на томъ, чтобы я переѣхалъ на жительство къ нему въ домъ и принялъ болѣе дѣятельное участіе въ редакціи газеты. Переговоры наши продолжались около мѣсяца, потому что я предпочиталъ приходить въ редакцію ежедневно и не желалъ еще въ то время окончательно посвятить себя журналистикѣ. Ѳ. В. Булгаринъ, при своихъ почти ежедневныхъ появленіяхъ въ редакціи, присоединялся къ настояніямъ Н. И. Греча. Мнѣ поставили условіемъ: или постоянное исключительное занятіе въ редакціи «Сѣверной Пчелы», съ переѣздомъ туда на жительство, или прекра-

---

[1]) Въ № 192-мъ «Сѣверной Пчелы», 1846 года, напечатана была моя переводная статья, за подписью, подъ заглавіемъ «Миссури» (описаніе сѣверо-американскихъ индійцевъ).

щеніе сотрудничества. Я согласился, и 11-го февраля 1850 года переѣхалъ въ домъ Греча, на Мойкѣ, у Почтамтскаго мостика.

Съ этого времени у меня и установились ежедневныя сообщенія съ Ѳ. В. Булгаринымъ, или въ видѣ свиданій въ редакціи, или письменныя. Писать біографію Ѳ. В. Булгарина я не намѣренъ, потому что мало зналъ его до 1850 года, но полагаю, что выдержки изъ его переписки со мною, въ теченіи десяти лѣтъ, могутъ дать нѣкоторый матеріалъ для его характеристики, искаженной его литературными и политическими врагами. У меня сохранилось 230 писемъ и записокъ его ко мнѣ, изъ которыхъ я приведу въ настоящей статьѣ все болѣе или менѣе интересное, выпуская разныя его распоряженія, касавшіяся до текущихъ редакціонныхъ дѣлъ, и не имѣющія нынѣ никакого значенія. Повторяю, я не намѣренъ оправдывать Булгарина, но, по безпристрастію, долженъ признать, что это былъ человѣкъ умный, владѣвшій бойкимъ перомъ, умѣвшій создать себѣ обширный по тому времени кругъ читателей. Несмотря на свой тяжелый, неуживчивый характеръ, онъ, въ сношеніяхъ со мной, держалъ себя такимъ образомъ, что серьезныхъ размолвокъ между нами въ продолженіи десяти лѣтъ почти не бывало. Обыкновенныя недоразумѣнія оканчивались очень скоро взаимными объясненіями, какъ это будетъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его переписки, которая началась, послѣ моего переѣзда въ домъ Греча,слѣдующимъ приглашеніемъ: «Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Павелъ Степановичъ. Прошу васъ ко мнѣ на вечеръ, завтра, въ воскресенье, поплясать съ красными дѣвицами. Преданный Ѳ. Булгаринъ, 18-го февраля 1850 года, субота».

Отъ 4-го марта, Булгаринъ писалъ: «Посылаю двѣ книжки «Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества»: ради Бога, отмѣтьте сейчасъ, гдѣ алькоголь и алькали, и возвратите съ подателемъ». Въ этомъ журналѣ, при тогдашнемъ его редакторѣ В. П. Бурнашевѣ, была напечатана ученая статья, въ которой неоднократно щелочи (алькали) были названы спиртомъ (алькоголемъ). Булгаринъ разразился жестокою критикой противъ подобнаго невѣжества въ наукѣ.

Отъ 12-го марта: «Посылаю вамъ «Journal des Débats». Важная для Россіи и крайне любопытная статейка, о калифорнскомъ золотѣ, никѣмъ не можетъ быть переведена, кромѣ человѣка, знающаго естественныя науки, особенно геологію и минералогію. Это, кажется, по вашей части. Нельзя ли махнуть! Одолжите «Пчелу» и русскихъ золотопромышленниковъ!»

Отъ 13-го марта: «Прошу васъ покорнѣйше показать Н. И. Гречу посылаемыя статьи и испросить разрѣшенія на очередное ихъ печатаніе. Надобно особенно поторопиться съ рѣчью Василія Алексѣевича Перовскаго (бывшаго оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ и управлявшаго недолго морскимъ министерствомъ) и вар-

шавскою статейкой: она любопытна. Да хранитъ васъ Господь подъ своимъ святымъ покровомъ, «имъ же вся тварь живетъ и движется» (съ этого времени Ѳ. В. Булгаринъ сталъ неоднократно, а затѣмъ все чаще, прибѣгать къ моему посредничеству, для сношеній съ Н. И. Гречемъ по редакціоннымъ дѣламъ).

Въ маѣ Булгаринъ отправился, по обыкновенію, въ Карлово и первое его письмо оттуда, отъ 24-го мая, было слѣдующее: «Насилу успѣлъ оправиться! Ѣхалъ четыре дня (теперь на переѣздъ въ Дерптъ употребляютъ нѣсколько часовъ) въ мазанковомъ экипажѣ, сооруженномъ изъ русской торговой совѣсти. Горе! Не поспѣетъ «Всякая Всячина» (еженедѣльный фельетонъ Булгарина) къ суботѣ, печатайте въ понедѣльникъ, но только не задерживайте текущихъ статей, какъ у насъ часто случается. У васъ есть еще письмо изъ Варшавы, начинающееся описаніемъ бала. Не держите и тисните. Вообще, что получено изъ провинціи, если можно, тотчасъ печатать. Наша русская блоха важнѣе парижскаго слона для русскихъ газетъ. Ради Бога, присмотрите за смысломъ въ моей статьѣ. Болѣе не могу писать, смертельно усталъ, а дѣла пропасть».

Изъ Карлова же, отъ 28-го мая: «Нельзя ли театральную статью процензировать, не посылая въ Москву къ Гедеонову (директору театровъ)? Это легко сдѣлать, адресуясь прямо къ директору канцеляріи князя Петра Михайловича Волконскаго (тогдашняго министра императорскаго двора), Владиміру Ивановичу Панаеву. Н. И. Гречу стоитъ только написать три слова къ Панаеву и онъ все сдѣлаетъ въ минуту». В. И. Панаевъ принадлежалъ къ числу искреннихъ друзей Н. И. Греча.

Отъ 6-го іюня, оттуда же: «Венгерскихъ сценъ изъ присланнаго ко мнѣ «Journal des Débats» нельзя переводить, потому что дѣло идетъ о взбунтованныхъ профессорахъ и студентахъ (разсказъ касался революціи въ Венгріи въ 1848—1849 году), а это намъ не позволено. Я не могу сказать о себѣ, чтобы былъ здоровъ: человѣкъ я изъ породы кровной и многокровной и кровь мучитъ меня, пока не пристукнетъ совсѣмъ. Пора и честь знать! Поклонитесь Н. И. Гречу и вашему папа. Я въ отношеніи къ нимъ и всѣмъ друзьямъ всегда одинаковъ: solide au poste! Собираюсь писать къ Николаю Ивановичу. Болѣзнь мѣшаетъ. Въ «Пчелу» пишу чрезъ силу».

Отъ 10-го іюня: «Н. И. Гречъ хотѣлъ написать нѣсколько строкъ о покойномъ Меркелѣ. Объ умершихъ или писать въ газетѣ сейчасъ, или вовсе не писать. Ради Бога, спросите у Н. И. Греча: напишетъ онъ или нѣтъ и увѣдомьте меня. Я тотчасъ навихляю, не ожидая вдохновенія съ небесъ!»

Отъ 11-го іюня: «Посылаю вамъ заранѣе «Всякую Всячину», чтобы вы успѣли осмотрѣться. Дѣла важныя и съ цифрами. Если бы наша глупая цензура заартачилась въ статьѣ объ англійской

коммерческой политикѣ, — пошлите въ иностранную цензуру, а лучше вмѣстѣ послать и въ нашу глупую и въ умную иностранную цензуру и слушать одной иностранной (т. е. цензора министерства иностранныхъ дѣлъ). Вселите нѣсколько смѣлости Н. И. Гречу! (Булгаринъ вообще дѣйствовалъ смѣлѣе Греча по отношенію къ цензурѣ, отстаивалъ статьи, жаловался предсѣдателю цензурнаго комитета, шелъ на проломъ тогдашнихъ цензурныхъ препятствій). Поелику у насъ пропустили о студентахъ въ статьѣ о венгерской войнѣ, слѣдовательно можно печатать и я пересмотрю «Journal des Débats» и пришлю для перевода. Болѣзнь моя не проходитъ. Я полусъѣденъ мушками и піявками, истерзанъ и изъязвленъ рожками и т. п., а волненіе въ крови продолжается».

Отъ 17-го іюня: «Во-первыхъ, благодарю васъ за исправныя корректуры моихъ статей. Отлично и никогда такъ не было. Доселѣ мои сотрудники и соиздатели не помышляли о смыслѣ въ фельетонахъ. Во-вторыхъ, письмо изъ Варшавы я просмотрѣлъ. Николай Ивановичъ Гречъ ничего не любитъ, что не пахнетъ Парижемъ и не смердитъ Берлиномъ, а для меня весьма интересны замѣтки даже о варшавскомъ театрѣ. Я оставилъ вамъ (передъ отъѣздомъ въ Карлово) выправленную статью Терещенки о Сараѣ (раскопки на мѣстѣ столицы болгаръ у Волги). Пожалуйста тисните, несмотря на то, что Н. И. Гречу дороже иностранный грошъ, чѣмъ русскій червонецъ. Для меня Сарай любопытнѣе Помпеи. Ради Бога, тисните и тисните».

Послѣ этого письма Булгаринъ переѣхалъ въ другое свое помѣстье, Саракусъ, лежавшее дальше отъ Дерпта, чѣмъ Карлово, граничившее съ этимъ городомъ. Оттуда онъ писалъ: «24-го іюня 1850 года, въ день моего рожденія, за 61-й годъ предъ симъ (Булгаринъ былъ слѣдовательно двумя годами моложе Греча, родившагося 3-го августа 1787 года). Сносите терпѣливо, что я, изъ моего уединенія, штурмую васъ моими письмами. Такъ было съ покойнымъ Алексѣемъ Гречемъ. Вы имѣли довольно времени узнать Николая Ивановича. Это честнѣйшій, благороднѣйшій, добрый, умный, свѣдущій человѣкъ, первый въ мірѣ знатокъ русскаго языка, но онъ человѣкъ, въ полномъ смыслѣ слова, **кабинетный**,— и притомъ съ кабинетными привычками, превратившимися въ кабинетную натуру. Практической жизни онъ не знаетъ и не любитъ. Отмѣтитъ политику, переведетъ самъ, что нужно, пожалуй и напишетъ что нибудь, когда придетъ охота, но бѣгать, хлопотать, собирать матеріалы и проч., безъ чего не можетъ существовать ежедневная газета,—онъ не въ состояніи, хотя бы ему обѣщали на землѣ милліоны червонцевъ и царство небесное по смерти. Въ жизни надобно брать людей и дѣла такъ, какъ они есть! Вы пріучаетесь къ редакторству и сдѣлали въ короткое время невѣроятные успѣхи,—и кому же я могу дѣлать мои литературныя

порученія какъ не вамъ; самъ дѣлаю, что могу. Мазанковый тарантасъ, какъ вы писали, понравился публикѣ, но не все же писать о тарантасахъ! Есть много читателей, которымъ нравится иное. Напримѣръ, письма изъ Варшавы многимъ нравятся, а Николаю Ивановичу не нравятся. Публика наша любитъ только тогда политику, когда въ политикѣ таскаютъ другъ друга за волосы и бьютъ по рылу. Абстрактивной политики, восхищающей Николая Ивановича, публика не любитъ и не понимаетъ. Англійскій клубъ (гдѣ Гречъ состоялъ членомъ и куда не были выбраны членами ни Булгаринъ, ни А. А. Краевскій) не мѣрка общаго мнѣнія. Намъ съ вами должно поддерживать «Пчелу» русскими оригинальными статьями, которыя ненавидитъ Николай Ивановичъ, требуя съ нашею цензурою парижской занимательности отъ русскихъ статей!!!!!!! По моей вѣрѣ, статьи Бранта (Леопольда Васильевича, писавшаго, во время отсутствія Булгарина лѣтомъ въ 1850 году, петербургскіе фельетоны въ «Сѣверной Пчелѣ») гораздо болѣе имѣютъ хвалителей и читателей въ публикѣ, нежели берлинскія письма (тогда ихъ писалъ Луи Шнейдеръ, чтецъ короля прусскаго, бывшій нѣсколько лѣтъ корреспондентомъ «Сѣверной Пчелы»), безъ всякаго интереса»!

Отъ 9-го іюля, изъ Саракуса: «Н. И. Гречъ писалъ ко мнѣ, чтобы я изъ Карлова отказалъ Бранту и увѣрялъ, что онъ ему въ глаза бранилъ его фельетоны (эти фельетоны о петербургской жизни, гдѣ стихами и прозою воспѣвались, между прочимъ, похвалы Излеру, содержателю минерашекъ, дѣйствительно не нравились Гречу). Я послалъ въ отвѣтъ письмо Бранта ко мнѣ, въ которомъ онъ похваляется похвалами Греча и теперь посылаю таковую же похвальбу. Какъ это растолковать? Покажите Н. И. Гречу подчеркнутыя строки въ письмѣ Бранта. Если будете имѣть терпѣніе прочесть письмо Бранта, увидите, какими дрязгами онъ меня занимаетъ! Странный человѣкъ, но честенъ» (Послѣ 1850 года Л. В. Брантъ прекратилъ свое постоянное сотрудничество въ «Сѣверной Пчелѣ» и только по временамъ помѣщалъ въ ней свои повѣсти).

Отъ 13-го іюля, изъ Карлова: «Опять длинная, скучная булгаринская всячина занимаетъ мѣсто берлинскаго письма и политики»! воскликнетъ Николай Ивановичъ, получивъ мою статью. Онъ переживетъ меня (такъ, дѣйствительно, случилось) и вы переживете и тогда увидите, какова будетъ «Пчела» безъ моихъ длинныхъ и скучныхъ статей»!

Отъ 25-го іюля, изъ Саракуса: «Съ здоровьемъ моимъ было такъ плохо, что я не могъ даже писать къ вамъ. Какъ осужденный на казнь, стою на эшафотѣ и жду удара, и, пока опустятъ ножъ гильотины,—работаю, сколько станетъ силъ. При недостаткѣ политики, «Пчелу» можно поддержать только литературою и оригинальною болтовнею. Знаю, какъ вамъ тяжело, при служебныхъ

занятіяхъ (я поступилъ, въ 1850 году, на службу въ департаментъ сельскаго хозяйства министерства государственныхъ имуществъ), отмѣчать и переводить одному, и говорю это вамъ не въ упрекъ, тѣмъ болѣе, что, не имѣя здѣсь русскихъ журналовъ и французскихъ мелкихъ газетъ, пособить вамъ не въ состояніи. Васъ мучатъ по службѣ! ужъ такъ ведется; какъ найдутъ способнаго человѣка, который поддается: замучатъ на смерть, а награды себѣ возьмутъ»!

Отъ 26-го августа, изъ Карлова: «Душевно благодарю васъ за ваши два послѣднія письма съ петербургскими новостями. Кромѣ газетнаго, мы здѣсь ничего не знаемъ, а знать любопытствуемъ. На первое письмо не отвѣчалъ я вамъ, потому что мои припадки были весьма сильны, но вотъ страшно вымолвить, чтобы самому себя не сглазить, новый мой докторъ, саксонецъ Карусъ, кажется поймалъ мучащаго и терзающаго меня дьявола за хвостъ и авось ухватитъ за рога! Словомъ, кажется, докторъ понялъ мою болѣзнь! Боюсь сказать, но вотъ уже недѣля, какъ мнѣ легче и я даже могу спать. Ахъ, какое блаженство спать! Какъ я писалъ фельетоны, когда сто тысячъ чертей шумѣли и вертѣлись въ головѣ и въ сердцѣ—не постигаю. Великое слово: жена и дѣти! Не забывайте, дѣти, насъ, бѣдныхъ тружениковъ—отцовъ! Не будь дѣтей, все бы бросилъ и отправился на лоно Авраамово по экстрапочтѣ! Съ цензурою дѣлать нечего, потому что на глупость нѣтъ лекарства. Но жаль, что въ варшавскихъ письмахъ исключена половина стиха, а въ моемъ истолкованіи слово кохаць, т. е. любить, пропущено истолкованіе слова романсовать, такъ что выходитъ, будто кохаць и романсовать одно и тоже, а тутъ точно такая же разница, какъ между головою цензора Крылова и головою Наполеона I. Нельзя ли исправить? Если нашему папѣ, то есть Н. И. Гречу, не нравятся варшавскія письма—весьма сожалѣю. Послѣ А. Бестужева никто не писалъ по русски такъ живо, такъ умно и такъ остро. Настоящій фельетонъ! лучшаго я ничего не читалъ по русски, какъ варшавскія письма [1]). Dixi! Въ посылаемой присемъ «Всякой Всячинѣ» я говорю о гвардіи, á propos книги Висковатова (военнаго историка). Полагаю, что разборъ военныхъ книгъ не должно посылать въ военную цензуру, хотя бы и требовали наши мудрые цензора. Завтра университетъ въ Дерптѣ празднуетъ юбилей пятидесятилѣтней службы своего попечителя (генерала Крафстрема), живущаго въ Карловѣ, ergo и я долженъ праздновать съ университетомъ, то есть ѣсть супъ за столомъ и пить ключевую воду. Назначенное мнѣ судьбою количество вина, на всю жизнь мою, уже выпито мною преждевременно, а потому на ста-

---

[1]) Авторомъ ихъ былъ Александръ Николаевичъ Зайцевъ, служившій контролеромъ въ тогдашней дѣйствующей арміи.

рости долженъ пить воду. Сегодня я совсѣмъ переселился изъ лѣтней моей резиденціи, Саракусъ, въ богохранимое Карлово».

Отъ 2-го сентября, изъ Карлова: «Нашъ Николай Ивановичъ всего боится. Я дѣлалъ предположеніе о постройкѣ 9,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи компаніею и это вовсе не подлежитъ цензурѣ графа Кленймихеля. Онъ мнѣ лично объяснялъ, чтобы посылать къ нему только то, гдѣ говорится о работахъ, производимыхъ подъ его начальствомъ. Крылову легко махнуть—«послать къ Клейнмихелю», но... Крылова не всегда должно слушать. Надобно непремѣнно напечатать въ «Пчелѣ» имена артистовъ будущей итальянской оперы. Это весьма легко узнать въ канцеляріи директора театровъ, отъ секретаря Евгенія Макаровича Семенова».

Отъ 6-го сентября, оттуда же: «Сейчасъ я получилъ ваше милое письмецо съ цензурнымъ листомъ и отвѣчаю: дѣлать нечего. Не то еще будетъ! Крыловъ (цензоръ) только къ осени възъѣдается. Возвратясь въ Петербургъ, попробую повидаться съ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ (тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія), Норовымъ (его товарищемъ) и попечителемъ (Мусинымъ-Пушкинымъ, предсѣдателемъ цензурнаго комитета) и устроить какой ни есть другой безпорядокъ въ цензурованіи. О порядкѣ думать напрасно».

Отъ 11-го сентября, изъ Карлова: «Ни первый знатокъ русскаго языка, Н. И. Гречъ, ниже всѣ академіи въ мірѣ, не заставятъ меня отказаться отъ моего мнѣнія, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Россія, никто лучше и остроумнѣе не писалъ по-русски, какъ нашъ варшавскій корреспондентъ. Жаль только, что онъ началъ писать въ наше время, въ вѣкъ Александра Лукича Крылова! Посылаю вамъ письмо варшавскаго корреспондента ко мнѣ и покорно прошу исправить опечатки. Какъ Пиѳагоръ превратился въ Архимеда и Ѳермопилы въ термометры—не постигаю и никогда не постигну. Николай Ивановичъ въ корректурахъ никогда не обращаетъ вниманія на смыслъ рѣчи, но смотритъ только на слова, выправляя даже грамматически и слова, приводимыя въ примѣръ неграмматикальности.—Чрезвычайно прискорбно мнѣ, что я здѣсь не получаю никакого извѣстія отъ Николая Ивановича и о Николаѣ Ивановичѣ! Съ бабами онъ великій охотникъ и мастеръ переписываться, а въ старые годы писывалъ и ко мнѣ довольно часто. А теперь... ни гугу! Ради Бога, извѣстите меня о его здоровьѣ. Онъ намекалъ мнѣ въ своемъ единственномъ письмѣ, что иногда страждетъ желудкомъ. Въ другомъ дѣловомъ письмѣ не сказалъ о себѣ ни слова».

Отъ 18-го сентября, изъ Карлова: «Братъ редактора газеты «Inland» (издававшейся въ Дерптѣ) извѣстилъ меня, что изъ редакціи «Сѣверной Пчелы» прислано въ пользу сироты 15 руб. сер. отъ русскихъ гвардейскихъ солдатъ, въ память ласковаго пріема

ихъ въ Дерптѣ. Если правда,—какъ же вамъ не напечатать объ этомъ? Вѣдь это выше милліона шереметьевскаго! Не постигаю я, къ чему напечатана глупѣйшая статья въ № 203 «Сѣверной Пчелы»: «Нѣсколько словъ о русскихъ журналахъ» съ похвалами... Тургеневу [1]). Какъ можетъ Н. И. Гречъ принимать глупѣйшіе стихи Бранта? Это стихотворный поносъ á la Хвостовъ! (извѣстный въ свое время графъ-стихоплетъ). Пусть бы несъ стихами въ другіе журналы. Бранту рѣшительно откажите съ 1-го октября [2]) (онъ пересталъ писать фельетоны съ этого числа). Ужели Н. И. Гречъ не можетъ найдти человѣка за деньги, для описанія выставки вольнаго экономическаго общества? Вѣдь это важнѣе парижскихъ и берлинскихъ тряпокъ. Скажи же ему это отъ меня, безъ всякой церемоніи».

Отъ 14-го ноября, въ Петербургѣ: «Старый другъ мой, Николай Ивановичъ, добрый и тихій, какъ голубь, мѣняетъ шкуру ежегодно, какъ змѣй, и при этихъ измѣненіяхъ только честное и благородное его сердце остается неизмѣннымъ. Со времени своихъ Wanderungen, странствованій по Европѣ, онъ превратился въ француза, настоящаго' парижанина изъ того сословія, которое въ Парижѣ, въ мое время, называлось les bonnetiers, колпаками. Николай Ивановичъ, живя въ Парижѣ, былъ легитимистомъ, а теперь онъ орлеанистъ. Слѣдовательно, жителя rue Mouffetard занимаетъ все, что только стоитъ въ газетахъ подъ рубрикою «Paris» и «Nouvelles étrangères». Азъ же, грѣшный, принадлежу къ руссопетамъ, къ лапотникамъ, то-есть къ 99-ти частямъ читателей (платящихъ) «Сѣверной Пчелы» и для насъ политика только тогда интересна, когда чужеземные борцы схватятся за всѣ святые и дуютъ другъ друга по сусаламъ. А по сей то причинѣ политика теперь вовсе не занимательна для рассейской публики, которая съ большимъ наслажденіемъ читаетъ выписки изъ губернскихъ газетъ, чѣмъ чужеземныя разсужденія о дѣлахъ, совершенно для насъ чуждыхъ. И потому то надобно разнообразить иностранную скуку своимъ дрянцемъ и какими нибудь разсказами. Три статьи Классовскаго (Владиміра Игнатьевича, постояннаго сотрудника «Сѣверной Пчелы», по части критики книгъ и журналовъ, бывшаго преподавателя рус-

---

[1]) Это было сдѣлано мною по собственному почину. По полученіи письма отъ Булгарина, я узналъ отъ Греча причину ожесточеннаго нерасположенія Булгарина къ Тургеневу, уже обратившему на себя общее вниманіе своимъ талантомъ. Булгаринъ и Тургеневъ принадлежали къ числу усердныхъ поклонниковъ знаменитой тогда пѣвицы итальянской оперы, Віардо-Гарсіи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что примадонна обращала болѣе вниманія на молодаго, изящнаго Тургенева, а не на старика Булгарина. Послѣдній всю жизнь свою не прощалъ этого Тургеневу.

[2]) Леопольдъ Васильевичъ Брантъ приглашенъ былъ на лѣто писать въ «Сѣверной Пчелѣ» фельетоны («Городской Вѣстникъ») Булгаринымъ, сказавшимъ только о своемъ приглашеніи Гречу.

-скаго языка и умершаго инспекторомъ Елисаветинскаго женскаго института) лежатъ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ редакціи, яко бы по недостатку мѣста!!! Любитъ ли, не любитъ ли Николай Ивановичъ литераруру—пускайте ихъ въ печать, ибо и я имѣю также голосъ въ «Пчелѣ». Печатайте переводныя статьи Турунова (Якова Николаевича, бывшаго редакторомъ «Военнаго Журнала», преподавателемъ исторіи, состоявшаго постояннымъ сотрудникомъ «Сѣверной Пчелы» въ продолженіи многихъ лѣтъ). У насъ всѣ перебиваютъ статьи, даже ежемѣсячные журналы, а бывало въ мѣсяцъ «Пчела» напечатаетъ что было любопытнаго въ иностранныхъ журналахъ и ежемѣсячію русскому остается—шишъ! Покорнѣйше прошу васъ принять эту методу и печатать заднія статейки, если нѣтъ чего нибудь необыкновеннаго въ политикѣ. Прошу и умоляю, измените изъ сердца и ума вашего щекотливость, susceptibilité, и не принимайте каждаго вопроса, каждаго совѣта, каждаго замѣчанія за намѣреніе васъ оскорбить или за признакъ неудовольствія. Я доволенъ вами, болѣе нежели самимъ собою, люблю васъ, какъ сына, но какъ вы заступаете мѣсто А. Н. Греча въ редакціи, то долженъ же говорить съ вами откровенно! Николай Ивановичъ никакихъ въ мірѣ писемъ, кромѣ отъ женщинъ, не читаетъ, а вѣдь не съ Кузнецовымъ (Александромъ Григорьевичемъ, читавшимъ первую корректуру и сводку «Сѣверной Пчелы») же мнѣ толковать!»

Отъ 24-го декабря: «Прошу васъ усердно втюрить программу объ изданіи «Журнала коннозаводства» въ отдѣлъ, гдѣ печатаются статьи Классовскаго, сирѣчь въ отдѣлъ литературы, а грамотное разсужденіе о журналѣ въ тотъ же самый нумеръ «Сѣверной Пчелы», въ Пчелку (фельетонъ). Это по службѣ моей и бѣда не исполнить волю министра! Хуже убійства и святотатства!» (Булгаринъ состоялъ на службѣ по вѣдомству государственнаго коннозаводства членомъ-корреспондентомъ и дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника).

Отъ 26-го декабря: «Пожалуйста распорядитесь, чтобы корректуру моихъ статей носили ко мнѣ на домъ, потому что пока будетъ зараза въ домѣ Греча, я туда не поѣду. Особенно мѣха удерживаютъ въ себѣ міазмъ, а я безъ шубы не ѣзжу» (Въ семействѣ Греча одинъ изъ его внуковъ заболѣлъ корью, но хотя комнаты редакціи отдѣлялись отъ помѣщенія больнаго очень многими комнатами, Булгаринъ пересталъ ѣздить въ редакцію, потому что боялся всякаго рода болѣзней, дружился со всѣми врачами, ради охраны своего здоровья, и всѣмъ давалъ совѣты беречься и лечиться при самомъ незначительномъ заболѣваніи).

Отъ 3-го января 1851 года: «Прошу васъ помѣстить прилагаемое объявленіе о «Другѣ здравія» (медицинской газетѣ, которую издавалъ много лѣтъ докторъ Руммъ-Гржимайло), въ отдѣлѣ лите-

ратуры, въ пятницу или субботу и въ такомъ видѣ, какъ я посылаю, т. е. съ исключеніемъ палача Пирогова» (Николай Ивановичъ Пироговъ уже тогда пользовался общею извѣстностію, но Булгаринъ, вѣрный своимъ личнымъ предубѣжденіямъ, признавалъ единственнымъ хирургомъ и операторомъ Илью Васильевича Буяльскаго, также знаменитаго врача, но съ тѣмъ вмѣстѣ и друга семьи Булгарина. Булгаринъ постоянно говорилъ, что «Пироговъ не хирургъ, но палачъ»).

Отъ 23-го января: «Прошу васъ убѣдительно приказать подлецамъ-наборщикамъ нашимъ набрать, во что бы ни стало, прилагаемое извѣстіе о скачкахъ (полученное отъ управленія государственнаго коннозаводства, гдѣ служилъ Булгаринъ) на среду, 24-го января, въ городскія извѣстія, потому что этими извѣстіями гораздо больше интересуются въ Петербургѣ, чѣмъ разсужденіями газетъ о состояніи Франціи, что продолжается съ 1848 года, для потѣхи нашего добраго Николая Ивановича. Крайне одолжите, если начнете печатать Грумма (о путешествіи его на востокъ и въ Іерусалимъ). Оригинальное и Іерусалимъ—довольно для публики. Бѣда! мнѣ придется бѣжать изъ Петербурга отъ Грумма» (Кондратій Ивановичъ Груммъ-Гржимайло отличался настойчивостію и чуть ли не каждый день являлся въ редакцію или къ Булгарину за справками о своихъ статьяхъ).

Отъ 9-го февраля: «Покорно прошу васъ напечатать непремѣнно въ субботнемъ нумерѣ двѣ прилагаемыя вещицы, хотя бы устранивъ что нибудь изъ скучнѣйшихъ политическихъ извѣстій. О результатѣ скачекъ ждутъ извѣстія 100,000 руссопетовъ, а о Соловьевѣ просила меня знать, которая должна ему деньги. Въ доказательство, что царское имя не употреблено всуе и для предупрежденія въ Николаѣ Ивановичѣ лихорадки отъ трусости,—посылаю подлинные документы».

Отъ 13-го февраля: «Я буду въ два часа, по обыкновенію, въ редакціи и прошу оставить для меня книги, ненужныя Николаю Ивановичу для его наслажденія. Надлежало бы ему подумать, что я вью безпрерывно веревки изъ моего мозга и долженъ промазывать его чтеніемъ, а между тѣмъ всѣ иностранные журналы согниваютъ на ночномъ столикѣ Николая Ивановича. Я, кажется, причисленъ къ заштатнымъ!»

Отъ 10-го апрѣля: «Сдѣлайте милость, не пренебрегайте статьями, которыя я вамъ сообщаю для печатанія. Вотъ вы и забыли напечатать отчетъ Ольгинской больницы, который я вамъ сообщилъ при офиціальномъ ко мнѣ письмѣ, а между тѣмъ отчетъ напечатанъ въ «Полицейской Газетѣ» и ко мнѣ прислана весьма непріятная бумага отъ графа Орлова—за неглижированіе статьею, о которой хлопочутъ особы царской фамиліи. Мнѣ сущая бѣда! Меня всѣ терзаютъ, а меня не слушаютъ въ редаціи. Почему вы все

хотите помѣщать въ Пчелкѣ, т. е. въ фельетонѣ? А задняя страница «Пчелы» на что? У насъ прежде въ каждомъ нумерѣ кое что печаталось на задней страницѣ. На политикѣ изъ «Journal de St. Pétersburg» не выѣдешь. Эта политика срамъ—да и только! Пожалуйте, печатайте поскорѣе сообщаемыя мною статьи. Я сообщаю одно хорошее, а какъ пролежитъ у васъ мѣсяцъ, такъ уже и дрянь для ежедневной газеты».

Отъ 20-го апрѣля: «Статью «Житейскія случайности» цензоръ Крыловъ пересмотрѣлъ предварительно, ergo можно тиснуть. Можетъ быть, статья не понравится Н. И. Гречу, потому что она писана полякомъ, не ссыльнымъ, а чиновникомъ, а нашъ Николай Ивановичъ, аки Аннибалъ, помноженный на Асдрубала, ненавистниковъ Рима, ненавидитъ польскій народъ за то, что въ немъ узрѣлъ свѣтъ Сенковскій (Гречъ обыкновенно говорилъ, что для его ненависти къ полякамъ достаточно, что среди ихъ родились Булгаринъ и Сенковскій), за то же преступленіе не нравится ему и Контскій, вопреки мнѣнію многочисленной публики! И такъ не угодно ли показать Н. И. Гречу статью несчастнаго поляка-чиновника, которая, по моему, была бы хороша, хотя бы написана была жидомъ Дамке, глупымъ критикомъ (въ «Journal de St. Pétersbourg») Контскаго» (Между Гречемъ и Булгаринымъ уже начиналась тогда размолвка, хотя въ слабой степени, по поводу различія во мнѣніи относительно Аполлинарія Контскаго, которому Булгаринъ расточалъ дѣйствительно чрезмѣрныя похвалы. Эта размолвка привела впослѣдствіи къ непріятной полемикѣ между ними на страницахъ «Сѣверной Пчелы», когда къ этой размолвкѣ присоединились и другія причины).

Отъ 29-го апрѣля: «Я полагалъ, что Н. И. Гречъ, какъ старѣйшій журналистъ въ мірѣ,—догадается, что теперь въ «Сѣверной Пчелѣ» надобно сдѣлать особую рубрику: «Лондонская Всемірная Выставка», но по Николаю Ивановичу хоть трава не рости, хоть солома не сушись! И такъ прошу васъ покорно, по прилагаемому образцу въ «Journal des Débats», сдѣлать въ «Пчелѣ» особое отдѣленіе, подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ, и вписывать туда всѣ важнѣйшія или любопытнѣйшія извѣстія о выставкѣ. Когда эти извѣстія будутъ разсѣяны въ «Пчелѣ», это будетъ безъ всякаго эфекта. Помните, что заглавіе иногда, и даже часто, замѣняетъ дѣло. Я имѣю даже нѣсколько частныхъ извѣстій изъ англійскихъ писемъ о выставкѣ. Въ особой рубрикѣ они бы годились, но въ болото иностранныхъ извѣстій «Пчелы» ихъ нельзя бросить. Покорнѣйше прошу исполнить мое порученіе; это возвыситъ интересъ «Пчелы».

Отъ 26-го іюня, изъ Карлова: «Лѣто для меня несчастное. Едва вылѣзъ изъ одной болѣзни, угрожавшей гробомъ,—привязалась зубная ужаснѣйшая боль! Три ночи не сплю, хожу какъ шаль-

ной! Не могъ даже дописать «Всячины». Перо валится изъ рукъ. Другой на моемъ мѣстѣ не взялъ бы и пера въ руки. Прощайте! Сегодня рѣшился вырвать зубъ, хотя здѣсь и нѣтъ зубныхъ врачей, въ Дерптѣ, съ медицинскимъ факультетомъ! Рвать будетъ докторъ. Страшно подумать, а дѣлать нечего. Кланяйтесь Н. И. Гречу. Хотѣлъ писать къ нему, но нѣтъ силъ».

Отъ 29-го іюня, оттуда же: «Прилагаю офиціальное отношеніе генерала барона Мейндорфа и прошу исполнять его требованія, помня, что я служу отставнымъ жеребцомъ по этой части».

Отъ 17-го іюля, изъ Саракуса: «Душевно благодарю васъ за память обо мнѣ и участіе, принятое въ моемъ здоровьѣ. Слава Богу и доктору Аммону все прошло и остался одинъ страхъ о прежнемъ. Порядочно я вытерпѣлъ! Живу я въ чудномъ мѣстечкѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Дерпта, въ Саракусѣ. Что за прелесть Саракусъ. Лѣсъ, вода, холмы, прекрасный садъ—словомъ все хорошо при здоровьѣ, а безъ него міръ—адъ».

Отъ 3-го августа, изъ Саракуса: «Пожалуйста, попросите отъ меня Николая Ивановича, чтобы онъ не слишкомъ бралъ изъ печатной исторіи измайловскаго полка (вышедшаго тогда труда полковника Висковатаго [1]). Я знаю Николая Ивановича; какъ ему попадется готовый оригиналъ, то онъ отъ него не отстанетъ, пока не исчерпаетъ. Путешествіемъ Головнина (Василія Михайловича) онъ нанесъ смертельный ударъ «Сыну Отечества» и Воейковъ не даромъ написалъ въ своемъ «Домѣ Съумасшедшихъ»:

«Изъ тетрадищи огромной
Моряка Головнина» и т. д.

Теперь боюсь, чтобы тяжестью книги Висковатова не задушить «Пчелы».

Отъ 11-го августа, оттуда же: «Хотя слова ваши, въ послѣднемъ вашемъ письмѣ, будто многіе безпокоятся о моемъ здоровьѣ—ничто иное, какъ комплиментъ, но все же это мило. Кому обо мнѣ безпокоиться въ нашемъ Вавилонѣ? Внутренно утѣшаюсь тѣмъ, что я во всю жизнь не пропустилъ ни одного случая сдѣлать добро моему ближнему, но это я дѣлаю для души моей, а не для свѣта и никогда не требовалъ никакой благодарности. Богъ съ ними... Я не прочь, чтобы напечатать еще отрывокъ изъ книги Висковатова, но боялся, чтобы не слишкомъ растягивать. Странно, что Николай Ивановичъ хотѣлъ выбрать Фридландскій бой! Былъ я въ этомъ бою своею персоною и награжденъ за него аннинскою саблею (св. Анны 4-й степени за храбрость). Дралась лихо легкая кавалерія гвардейскаго корпуса: лейбъ-гусары, лейбъ-казаки и уланы полка его высочества Константина Павловича (нынѣ лейбъ-

[1]) Александра Васильевича, скончавшагося, въ 1858 году, въ чинѣ генералъ-маіора.

гвардіи уланскій полкъ, въ которомъ и служилъ Булгаринъ до выхода въ отставку изъ русской военной службы), а изъ пѣхоты отличились лейбъ-егеря. Прочіе гвардейскіе пѣхотные полки были разбиты въ пухъ. Пожалуй, казенный историкъ можетъ наплесть Богъ вѣсть чего, но правда та, что Фридландомъ нечего хвастать. Ужъ лучше выбрать Бородино; тамъ, говорятъ, измайловцы отличились.—Погода у насъ перемѣнчивая, но дожди берутъ преимущество, хотя нѣсколько дней было тепло. Вчера дождь шелъ шесть часовъ сряду, какого я съ рода не видывалъ! Въ 12 часовъ, то есть въ полдень, было темно, какъ въ сумерки. Я живу въ Саракусѣ на склонѣ холма, и чрезъ мой дворъ пролился океанъ. Господи, воля твоя! Здоровье мое comme—ci, comme—ça, но главное, что вмѣстилище души моей безсмертной, сирѣчь животъ,—исправленъ молодымъ чуднымъ докторомъ. Хотя зимніе финляндскіе биваки (Булгаринъ, по его словамъ, принималъ участіе въ шведской войнѣ 1809 года) и испанскій зной (въ Испаніи, по словамъ Булгарина, онъ служилъ въ арміи Наполеона I-го, въ составѣ польскаго вспомогательнаго корпуса) отзываются въ старыхъ костяхъ, но съ порядочнымъ животомъ все еще можно жить, хотя поохивая! Поклонитесь Николаю Ивановичу и припомните ему мою просьбу, чтобы онъ похлопоталъ у Я. И. Ростовцова (тогда начальника штаба военноучебныхъ заведеній) о моемъ сынѣ Мечиславѣ [1]). Это, какъ камень лежитъ у меня на сердцѣ».

---

[1]) У Ѳ. В. Булгарина было четыре сына и дочь, Елена Ѳаддеевна, вышедшая замужъ, при жизни отца, за инженера путей сообщенія, Александровича. Двое старшихъ сыновей, Болеславъ и Владиславъ, окончили курсъ наукъ въ петербургскомъ университетѣ, откуда вышли кандидатами, сколько помнится, въ 1854 году. Старшій поступилъ на службу въ третье отдѣленіе собственной е. и. в. канцеляріи, а второй, Владиславъ, въ канцелярію военнаго министра. Младшій сынъ, Святославъ, слабаго, хилаго здоровья, любимецъ отца, кажется, нигдѣ не кончилъ курса. Третій сынъ, Мечиславъ, былъ, въ полномъ смыслѣ слова, сорви голова. Отецъ говаривалъ, что Мечиславъ, по своей удали, напоминаетъ ему его уланскую жизнь и что въ этомъ отношеніи онъ настоящій его представитель. Лицомъ Мечиславъ болѣе всѣхъ сыновей походилъ на старика Булгарина. Послѣ разныхъ попытокъ сдѣлать что-либо изъ Мечислава, отецъ его опредѣлилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи уланскій наслѣдника цесаревича полкъ (нынѣ лейбъ-гвардіи уланскій Его Величества), стоявшій тогда въ Твери (нынѣ въ Варшавѣ). Но и тамъ Мечиславъ не унялся. Онъ родился слишкомъ поздно, когда подобныя шалости и выходки уже не были терпимы ни въ гвардіи, ни въ арміи. Въ Твери, въ день какого-то большаго бала, онъ нанялъ всѣхъ извозчиковъ въ городѣ, запрегъ лошадей гуськомъ, посадилъ на нихъ верхомъ извозчиковъ, самъ сѣлъ на дрожки, и разъѣзжалъ по городу въ такомъ видѣ, между тѣмъ какъ гости, приглашенные на балъ, въ большинствѣ не явились на него, потому что лишились неожиданно наемныхъ экипажей. За одну крупную шалость, Мечиславъ Булгаринъ переведенъ былъ въ одинъ изъ оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ и вскорѣ скончался въ Оренбургѣ. Ѳ. В. Булгаринъ неоднократно жаловался, что Мечиславъ ему причиняетъ много хлопотъ и непріятностей.

Отъ 10-го сентября, изъ Карлова: «Чтобы устранить всякое недоразумѣніе, скажите, что я плачу за наборъ и печать (біографіи Аполлинарія Контскаго) наличными деньгами. «Пчела» ничего не издерживаетъ, потому что Н. И. Гречъ ненавидитъ Контскаго. Контскій—полякъ, слѣдовательно дуренъ. Логика 1812 года!»

Отъ 12-го сентября: «Съ одними вами могу я только бесѣдовать о дѣлѣ общемъ, сирѣчь о «Сѣверной Пчелѣ». Все прочее—мертвечина, трупы въ нашей несчастной редакціи. Словесно объяснимся—и только! На этомъ основаніи извѣщаю именно васъ, что я выѣзжаю изъ Карлова, 16-го сентября, въ Петербургъ. Покорнѣйше прошу сообщить объ этомъ одному изъ труповъ, занимающихся пересылкою «Пчелы». До свиданія!»

Отъ 10-го декабря, въ Петербургѣ: «Я долженъ сознаться, что самовольное прекращеніе печатанія критики въ «Сѣверной Пчелѣ», безъ моего вѣдома, для меня чрезвычайно огорчительно и неблаговидно. Разумѣется, это сдѣлано по волѣ Н. И. Греча, которому все скучно, кромѣ жалкой нашей политики, отрывчатой и безсвязной. Я васъ прошу докончить печатаніе критики «Житейской школы» (Это были критическія предлинныя статьи Петра Андреевича Каратыгина, въ которыхъ онъ по косточкамъ разобралъ и отдѣлалъ комедію актера Григорьева 1-го «Житейская Школа»). Она (критика), можетъ быть, и не нравится посѣтителямъ англійскаго клуба, разрушающимся въ своей кожѣ, но въ массѣ публики принята хорошо, а теперь, когда остается лучшее мѣсто, печатаніе прекратилось! Всѣми мѣрами дразнятъ меня; то бьютъ по карману, то по самолюбію! Посылаю фельетонъ. Васъ ни въ чемъ не обвиняю, — напротивъ, но покорнѣйше прошу и меня иногда послушаться. Вѣдь я не печатникъ въ типографіи господина Греча!»

Отъ 16-го января 1852 года: «Вы забыли, что у васъ съ конца декабря лежитъ иностранный некрологъ! Прошу васъ сказать Гречу, что невозможно изгонять вялыми разсужденіями о политикѣ прекрасныя литературныя статьи и событія или факты. Убиваютъ «Пчелу» и только! Политика! Какая тутъ политика — разсужденія изъ «Times» и «Droit»! Это хорошо для дураковъ нашего англійскаго клуба, которые представляются будто бы ихъ что-то интересуетъ, кромѣ денегъ и чиновъ, и не подписываются на «Пчелу!»

Отъ 22-го января: «Узнайте отъ Н. И. Греча, какъ звали того мусье, который первый выдумалъ дѣйствіе паровъ и посаженъ былъ въ домъ съумасшедшихъ кардиналомъ Ришелье. Кажется Дюко? У Н. И. Греча есть всѣ лексиконы; онъ узнаетъ, а вы поставьте въ завтрашнія мои замѣтки. Скажите Николаю Ивановичу, что поѣду сегодня къ Мусину-Пушкину (тогдашнему предсѣдателю цензурнаго комитета) бороться съ нимъ. Я вамъ сказывалъ, что Мусинъ-Пушкинъ хочетъ ревизовать предварительно всѣ офиціальныя статьи, присылаемыя въ редакцію».

Отъ 13-го февраля: «Если публика узнаетъ, что я боленъ, то подумаетъ, что съ ума сошелъ. Теперь она можетъ только думать, что я былъ пьянъ на масляницѣ, прочитавъ въ «Сѣверной Пчелѣ» статейку о жидовскомъ сочиненіи Комперта. Вѣдь вся статья была написана для одной фразы Шатобріана! Не позволили ее, — всю статью вонъ! Надобно жертвовать механизмомъ здравому смыслу».

Отъ 20-го февраля: «Толки о выборахъ французскихъ, о производствахъ въ чины французовъ и проч., такова политика въ «Пчелѣ», какъ будто бы «Пчела» издавалась въ Парижѣ, на улицѣ Муфтаръ, № 17 (тамъ жилъ Н. И. Гречъ до 1848 года, во время своего продолжительнаго пребыванія во Франціи). Тошно, грустно и невыносимо! Жалобъ у меня бездна. У васъ множество маленькихъ статеекъ неполитическихъ. Быть не можетъ, чтобы въ иностранныхъ газетахъ не было чего-нибудь интереснаго, кромѣ французскихъ производствъ въ чины и имянъ французскихъ бюргеровъ, ниже нашего Смурова и Елисѣева! Первѣйшіе друзья «Пчелы» сознаются, что «С.-Петербургскія Вѣдомости» гораздо занимательнѣе. Что я могу сдѣлать? Выбрать статьи для перевода, которыя не будутъ напечатаны и сгніютъ въ редакціи? Ради Бога, обратите на это вниманіе Н. И. Греча! «Пчела» совершенно погибаетъ отъ политики, а прекрасное тлѣетъ въ ящикахъ у насъ. Болѣзнь моя остановилась на одной точкѣ: ни лучше, ни хуже. Уже было 60 піявокъ, мушка, а теперь лежитъ нарывный пластырь».

Отъ 5-го марта: «Безъ литературныхъ статей, съ нынѣшнею политикою, «Пчела» шлепнется. Всюду говорятъ это. Гречъ выбираетъ одни разсужденія, а публика наша любитъ только дѣла. Лучше писать, что нѣмецкій сапожникъ расквасилъ себѣ рыло, чѣмъ догадки и разсужденія о судьбахъ царствъ! 1848 годъ доказалъ, а 1851 годъ (2-е декабря) подтвердилъ, что всѣ догадки и предположенія—пустяки».

Отъ 15-го марта: «Возвращаю статьи Кодинскаго (экономическаго и финансоваго содержанія); полагаю, что онѣ очень хороши для напечатанія въ «Пчелѣ». Прошу васъ объявить Н. И. Гречу, что я не могу согласиться съ его мнѣніемъ, что статей Кодинскаго не должно печатать, потому что запрещено печатать статью Отрѣшкова (камеръ-юнкера Наркиза Ивановича Тарасенко-Отрѣшкова, воображавшаго себя первымъ политико-экономомъ и котораго Булгаринъ обыкновенно называлъ «русскимъ философомъ безъ логики»), слѣдовательно въ «Пчелѣ» будетъ односторонность! Основываясь на этомъ правилѣ, надлежало бы, для избѣжанія односторонности, печатать всякія соціальныя и демагогическія нелѣпости! Отрѣшковъ—извѣстный brouillon, а Кодинскій видно кое-что знаетъ, и пишетъ успокоительно для нашего правительства и публики. По моему мнѣнію, печатать. Разъ навсегда прошу васъ не раскладывать печатаніе заднихъ статей на нѣсколько нумеровъ съ про-

межутками, какъ-то сталось надняхъ со статьями «Измайловскій штурмъ» и теперь идетъ съ біографіею Котляревскаго. Это означаетъ неуваженіе къ автору статьи и къ публикѣ, т. е. простоэ замѣщеніе, чѣмъ попало, пустого мѣста въ газетѣ или, говоря журнальнымъ языкомъ, затычкою. Надобно впередъ разсчитаться съ оригиналомъ и начать печатать тогда, когда можно кончить безъ прерванія, но послѣдовательно, въ нѣсколькихъ нумерахъ. Ничего нѣтъ оскорбительнѣе для автора и читателя, какъ эти прерыванія, означающія, что ими жертвуютъ механизму журнала. Механика журнала, какъ кухня, не должна быть видна приглашаемымъ на пиръ».

Отъ 16-го марта: «Посылаю табличку выигрышей польской лотереи, то-есть займа. Печатайте по моей, а табличку Юнкера посылаю для повѣрки нумеровъ. Не типографія живетъ для насъ, а мы живемъ для типографіи и дѣлаемъ невозможное, чтобы облегчить ея механизмъ. Призовите къ себѣ дежурнаго и велите немедленно набрать, чтобы эта табличка вышла непремѣнно въ свѣтъ въ понедѣльникъ. Если типографія заартачится, скажите Н. И. Гречу и попросите отъ меня, чтобы онъ велѣлъ непремѣнно набрать. Подобныя извѣстія, какъ огонь, важны, когда новы и когда напечатаны у насъ первыхъ. Вотъ дѣло газетчика! Я уже трое сутокъ караулилъ у Юнкера».

Отъ 28-го марта: «Въ моемъ фельетонѣ, на субботу, на 29-е марта, на листѣ седьмомъ, въ концѣ, написано, что въ магазинѣ г. Криха, коммисіонера его императорскаго высочества герцога Лейхтенбергскаго, въ числѣ разныхъ игрушекъ, продаются гасильники, éteignoires, которые не худо было бы послать въ Японію и проч. Прошу васъ приказать подать себѣ этотъ листокъ и вычеркнуть все, что говорится о гасильникахъ или этеньуарахъ. Я сегодня наслушался такихъ вещей, что мнѣ сдѣлалось страшно, чтобы не перетолковали моей шутки въ дурную сторону и не примѣнили бы къ чему-нибудь. Пожалуй, готовы сказать, что Японія — Россія! Прочь это! Когда я пріѣду сегодня въ два часа читать корректуру фельетона, чтобы этого уже не было въ корректурѣ. Въ типографіи не должны этого набирать».

Отъ 11-го апрѣля: «Мой фельетонъ оканчивается шуткою: сказано, что «Дерптъ не хуже какого нибудь нѣмецкаго города Швейнфурта». Вспомнивъ, что императрица ѣдетъ на лѣто въ Германію, боюсь, чтобы не приняли моихъ словъ за намекъ и потому прошу васъ немедленно вычеркнуть эти слова изъ фельетона, чтобы, когда я пріѣду читать его корректуру, уже не было этого въ «Пчелѣ».

Отъ 12-го апрѣля: «Пришлите вчерашнюю корректуру цензора Крылова. Повезу къ Пушкину. Они оба, кажется, рехнулись!»

Отъ 8-го мая: «Рѣшительно можно сойти съ ума, когда тебѣ говорятъ во вторникъ, въ три часа пополудни, что надобно прислать

фельетонъ въ среду, потому что въ четвергъ праздникъ! Этого нѣтъ въ цѣломъ мірѣ! Прикажите какому нибудь акафистнику разсчитать дни до 1-го октября, когда въ субботу бываютъ праздники или въ какія числа надобно сообщать фельетоны въ редакцію, чтобы они выходили въ свѣтъ въ субботу».

Отъ 12-го мая: «Признаюсь, что цензура имѣла сильное вліяніе на быстрое развитіе моей болѣзни, которая едва, едва не свела меня въ могилу. Стыдно сказать, а въ душѣ еще не замерла юность, съ ея свѣтлыми мечтами и надеждами! Пора бы мнѣ, старому дураку, опомниться и убѣдиться, что не откуда и не отъ кого ждать чего либо. Схожу въ пятницу съ крыльца, встрѣчаю Александра Лукича Крылова, который шелъ ко мнѣ объявить, что статья о грамматикѣ Давыдова (Ивана Ивановича, члена русскаго отдѣленія академіи наукъ) запрещена княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ (министромъ народнаго просвѣщенія). Стыдъ и униженіе, что Россіею управляетъ Шихматовъ, вопреки высочайше утвержденному цензурному уставу, что намъ и пикнуть нельзя, что насъ учатъ люди безграмотные—все это перевернуло во мнѣ натуру вверхъ дномъ. Я сѣлъ на дрожки и едва доѣхалъ до пассажа; меня вырвало три раза желчью. Въ редакціи я почувствовалъ лихо, а дома свалился. Конечно, болѣзнь должна была разразиться, но милая цензура подлила свою порцію аква-тофаны!» (Цензура не позволила разбора грамматики Давыдова, сколько помнится, на томъ основаніи, что это «трудъ академическій» и что указаніе на его недостатки подрываетъ значеніе академіи, высшаго ученаго учрежденія въ государствѣ).

Отъ 25-го мая: «Прилагаемое высочайшее замѣчаніе покажите Н. И. Гречу и удержите у себя, для отдачи мнѣ. Послѣ скажу для чего мнѣ это нужно. Мусинъ-Пушкинъ сказалъ мнѣ вчера, что не только онъ и министръ (народнаго просвѣщенія), но и секретарь, который писалъ эту бумагу, удостовѣрены, что мы правы совершенно и что Корфъ [1]) тревожитъ государя вздорами и не понимаетъ русскаго языка. Ударъ этотъ отъ Корфа; мнѣ сказано это не подъ секретомъ!» [2])

---

[1]) Рѣчь идетъ о членѣ государственнаго совѣта статсъ-секретарѣ баронѣ Модестѣ Андреевичѣ Корфѣ (впослѣдствіи графѣ), бывшемъ тогда предсѣдателемъ негласнаго комитета, учрежденнаго въ апрѣлѣ 1848 года (послѣ февральской революціи), для контролированія дѣйствій цензуры и для пересмотра всего, что появлялось въ тогдашней печати. Доклады этого комитета представлялись непосредственно императору, и слѣдовавшія резолюціи сообщались для исполненія министру народнаго просвѣщенія.

[2]) Редакторамъ-издателямъ «Сѣверной Пчелы», Гречу и Булгарину, былъ объявленъ строгій выговоръ за помѣщеніе въ № 100 «Сѣверной Пчелы» (5-го мая), въ фельетонѣ, письма изъ Москвы, въ которомъ было сказано: «въ среду, 2-го апрѣля, послѣ чувствительныхъ семи дней, открытъ въ Москвѣ привольнымъ обѣдомъ задушевный пріютъ и старыхъ и молодыхъ: англійскій клубъ». Въ

Отъ 9-го іюня изъ Карлова: «Пожалуйста, пріѣзжайте ко мнѣ (въ Карлово) дня на три или на недѣльку. Издержки я беру на свой счетъ. Нельзя ли передъ Ивановымъ днемъ? Я буду просить Греча отпустить васъ. Я убитъ смертью Ордынскаго. Это былъ единственный вѣрный и безкорыстный другъ тридцать два года сряду! Тяжело сердцу!» (Дѣйствительный статскій совѣтникъ Ордынскій состоялъ на службѣ при второмъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи. Это былъ красивый мущина, статный, ловкій. Онъ не былъ женатъ. Ордынскій былъ домашнимъ человѣкомъ въ семьѣ Булгарина, гдѣ старались приноровиться къ его желаніямъ и вкусамъ. Булгаринъ, по словамъ Греча, переставалъ принимать тѣхъ лицъ, которыя не нравились Ордынскому. Послѣдній скончался скоропостижно [1]).

Отъ 15-го іюня, изъ Карлова: «Вамъ просто не хочется ко мнѣ ѣхать или лѣнь, потому что если Н. И. Гречъ позволяетъ, то дѣло въ шляпѣ. Туруновъ болѣнъ, но въ Петербургѣ 500 переводчиковъ за одного. Напримѣръ, Владиміръ Зотовъ! Ergo—васъ бы это не могло удержать, но:

«Увы насильно никому не будешь милымъ».

(Мнѣ, дѣйствительно, не хотѣлось тогда уѣзжать изъ Петербурга. Послѣ того, Булгаринъ уже не приглашалъ меня къ себѣ на лѣто въ деревню).

Отъ 28-го іюня изъ Саракуса: «Статья о выставкѣ полезна и нужна въ «Пчелѣ», но для массы публики тяжела, слѣдовательно надобно было бы облегчить «Пчелу». «Пчела» газета, а не энциклопедическій или археологическій журналъ. Какой чортъ подсунулъ вамъ эту скучную, тяжелую и глупую статью о первопечатныхъ русскихъ газетахъ? Вѣрно глухарь Полторацкій! (Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій—знатокъ русской библіографіи, библіоманъ, имѣвшій въ своемъ помѣстьѣ Авчуринѣ, въ калужской губерніи, богатое собраніе старинныхъ русскихъ газетъ, журналовъ, книгъ. С. Д. Полторацкій былъ глуховатъ. Куда дѣвалась эта библіотека?) Я его порядкомъ турну изъ «Пчелы», съ росказнями о старопечатныхъ книгахъ. Газета! Помните, что «Пчела» газета! (Булгаринъ и Полторацкій не жаловали другъ друга. Полторацкій былъ въ родственныхъ связяхъ съ аристократическимъ міромъ и былъ принятъ въ лучшихъ салонахъ Петербурга и Москвы). По природѣ, вы человѣкъ серіозный и любите ученое и серіозное. Все это прекрасно, но большинство публики любитъ легкое. Политики въ «Пчелѣ» нѣтъ; для большихъ литературныхъ статей нѣтъ мѣ-

---

этой фразѣ увидѣли насмѣшку надъ страстною недѣлею, когда закрывался англійскій клубъ.

[1]) Въ своемъ фельетонѣ (№ 133, 14-го іюня) Булгаринъ писалъ, что Леонардъ Викентьевичъ Ордынскій «былъ холостъ и въ моемъ только домѣ онъ былъ свой, болѣе нежели родной».

ста, такъ, пожалуйста, помѣщайте на задней страницѣ маленькія, хорошія, мелкія и занимательныя литературныя статьи и прибавьте цѣлую колонну смѣси. Сдѣлайте одолженіе извѣстите меня, или, если вамъ некогда, прикажите извѣстить: до какого числа мѣсяца августа есть у васъ мои фельетоны. Послѣдній нумеръ «Пчелы» я получилъ четверговый и если и въ эту субботу нѣтъ моего возраженія Гречу—пишу жалобы ко всѣмъ лицамъ и во всѣ мѣста и прошу возвратить мнѣ статью. Знаю, что вы станете гнѣваться! Ужъ извините, я не танцмейстеръ! сказалъ вамъ однажды, что люблю васъ и уважаю и баста, а что на умѣ, то на и языкѣ».

Отъ 5-го іюля, изъ Саракуса: «Посылаю вамъ отрывокъ о прибытіи государыни цесаревны въ Гапсаль. Нельзя ли напечатать? Переведетъ самъ Николай Ивановичъ. Никто въ мірѣ не умѣетъ лучше его писать официяльныхъ статей и онъ мастеръ на всѣ официальныя выраженія. Пожалуйста, отдайте ему листокъ. Живу я въ Саракусѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Дерпта и если не пишу, или не читаю, то провожу время въ лѣсу. Кажется мнѣ, что здоровье мое укрѣпляется».

Отъ 19-го іюля, изъ Карлова: «Не получая никакихъ извѣстій о состояніи здоровья друга моего и 32-хъ лѣтняго товарища, Николая Ивановича Греча, я находился въ самомъ жалкомъ положеніи и, наконецъ, рѣшился ѣхать сегодня въ Петербургъ и взялъ уже билетъ въ дилижансъ. По счастью, получилъ я вчера письмо отъ Н. И. Греча, которое перемѣнило мое намѣреніе. Остаюсь въ моемъ раю!»

Отъ 7-го августа, изъ Саракуса: «Цензора Крылова я не обвиняю. Что ему дѣлать, послѣ запрещенія критики о грамматикѣ Давыдова и выговора за московское извѣстіе, что закрытіе клуба во время поста было всѣмъ чувствительно! Поневолѣ съ ума спятишь!»

Отъ 30-го августа, оттуда же: «При корректурѣ прилагаемой статьи должно быть осторожнымъ, потому что говорится о книгѣ, изданной департаментомъ сельскаго хозяйства, въ которомъ вы служите. Н. И. Гречъ не доволенъ Савиновымъ, говоритъ, что у него нѣтъ идей. А цензура на что?» (Василій Ивановичъ Савиновъ, нынѣ уже умершій, отставной кавказскій офицеръ, приглашенъ былъ Булгаринымъ, на лѣто 1852 года, фельетонистомъ петербургской жизни, на время отсутствія Булгарина. Въ 1851 году этотъ фельетонъ писалъ я лѣтомъ, подъ заглавіемъ «Петербургская смѣсь», въ которомъ были также по временамъ и статьи Н. И. Греча).

Отъ 7-го сентября, изъ Карлова: «Разумный и добродѣтельный вашъ отецъ лучше всѣхъ могъ вамъ посовѣтовать, надлежало ли вамъ принять мѣсто натуралиста въ кругосвѣтномъ путешествіи. Съ Крузенштерномъ ѣздилъ, въ званіи натуралиста, знаменитый Ламздорфъ, съ Коцебу вашъ профессоръ Ленцъ и проч. Увѣренъ,

что вы хорошо знаете физическія и естественныя науки, но тутъ надобны большая опытность и долговременное упражненіе. Надобна снаровка, какъ обходиться съ новыми инструментами, дѣлать опыты, опредѣлять почвы и породы геологически и геогностически, измѣрять барометромъ высоты и проч., и проч., опредѣлять породы животныхъ, окаменѣлости, минералы и проч. Все это une mer à boire! Было бы тяжело начать съ того, чѣмъ другіе натуралисты кончаютъ, и потому вы лучше сдѣлали, отказавшись отъ тяжелой ноши, которую вамъ взваливали на плечи. Впрочемъ, съ кораблей не узнаютъ всего, что нужно для образованія. Путешествіе это одностороннее, и въ русской женской банѣ можно видѣть все, что составляетъ прелести Тихаго Океана».

Въ концѣ лѣта 1852 года мнѣ сдѣлано было предложеніе отправиться, въ качествѣ естествоиспытателя, съ кругосвѣтною экспедиціею, которая посылалась на военномъ фрегатѣ «Паллада», подъ начальствомъ контръ-адмирала Путятина (нынѣ графа, члена государственнаго совѣта, бывшаго недолгое время министромъ народнаго просвѣщенія). Отъ г. Путятина пріѣхалъ ко мнѣ съ предложеніемъ капитанъ-лейтенантъ Константинъ Николаевичъ Поссьетъ (нынѣ министръ путей сообщенія), флагъ-офицеръ тогда г. Путятина. Ефимъ Васильевичъ Путятинъ и Константинъ Николаевичъ Поссьетъ были до того заняты приготовленіями къ этому путешествію, что К. Н. Поссьетъ удосужился пріѣхать ко мнѣ съ предложеніемъ въ двѣнадцать часовъ ночи, а Е. В. Путятинъ назначилъ мнѣ свиданіе для переговоровъ на плоту, на Невѣ, противъ морскаго корпуса, передъ тѣмъ, что онъ долженъ былъ сѣсть на шлюпку, и на ней переѣхать на военный пароходъ, который долженъ былъ отвести его въ Кронштадтъ. Въ жалованьѣ, какъ естествоиспытателю, мы сошлись, но Е. В. Путятинъ отказалъ мнѣ въ пенсіи по окончаніи кругосвѣтнаго плаванія, какъ то было въ обычаѣ до его экспедиціи. Онъ мнѣ сказалъ, что отнынѣ пенсій не будутъ назначать за подобныя путешествія. На фрегатѣ «Паллада», какъ извѣстно, отправился тогда Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Ему, какъ и многимъ другимъ членамъ экспедиціи, пришлось возвратиться обратно сухимъ путемъ чрезъ Сибирь, вслѣдствіе начавшейся въ 1854 году войны съ Англіей и Франціей.

Отъ 26-го сентября, изъ Карлова: «Я выѣзжаю изъ Карлова въ Петербургъ 28-го сентября и на субботу, 4-го октября, привезу самъ въ редакцію фельетонъ и лично поблагодарю васъ за примѣрно усердное сотрудничество въ «Сѣверной Пчелѣ». Прошу быть увѣреннымъ, что я чувствую въ полной мѣрѣ ваше совѣстливое содѣйствіе и умѣю васъ цѣнить. Какъ дитя, заплакалъ я, что мнѣ надобно ѣхать въ Питеръ! Здѣсь, какъ у Христа за пазухой!»

Отъ 6-го октября, въ Петербургѣ: «Н. И. Гречъ сказывалъ

мнѣ, что во вчерашнемъ фельетонѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» напечатано, что королева Помаре была «въ бѣломъ платьѣ изъ черного атласа». За этимъ нумеромъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» посылаю къ вамъ нарочнаго на извощикѣ».

Отъ 7-го января 1853 года: «Совѣтую вамъ сегодня пойти въ итальянскую оперу — послушать мою Віардошку» (см. выше замѣтку мою по поводу Тургенева и Булгарина).

Отъ 20-го января: «Я никакъ не могу постигнуть, почему вы изъ моего фельетона исключили о народонаселеніи лифляндскихъ городовъ. Если вы хотѣли помѣстить это въ смѣси, то первенство мое и статья уже набрана и тиснута. Если же вы исключили потому, что цифры не согласны съ календаремъ, то я плевать хотѣлъ на календарь, потому что въ Лифляндіи цифры всегда вѣрны. Вообще покорно прошу васъ не исключать ничего изъ моихъ статей».

Отъ 27-го января: «Мнѣ вовсе не нужно корректора на счетъ вашего жалованья. Обойдется и безъ того. Я полагаю, что въ корректурѣ надобно исправлять только буквы. Я также имѣю маленькое самолюбіе и, кромѣ Н. И. Греча, не позволю никому (и Гречу только въ нѣкоторыхъ случаяхъ) исправлять мой слогъ и принятое мною правописаніе, какъ, напримѣръ, исключеніе прописныхъ буквъ въ случаѣ, когда на словѣ основана вся рѣчь. Корректуру мою можетъ читать Кузнецовъ и Васильевъ».

Отъ 3-го февраля: «По минованіи надобности въ цензурныхъ листахъ, пришлите ко мнѣ ихъ завтра поутру. Завтра лекція о военной администраціи подполковника Лебедева, въ главномъ штабѣ, и я покажу листы государю наслѣднику цесаревичу (его императорское высочество, въ послѣдствіи императоръ Александръ II, присутствовалъ на этихъ лекціяхъ). О Шифѣ и тетради чистописанія не надобно посылать ни къ В. П. Буткову, ни къ Я. И. Ростовцову, а просто печатайте. Это смѣхъ и только! Къ Буткову о Шифѣ! Каррикатура и только! И этотъ цензурный листокъ я покажу завтра его императорскому высочеству [1])».

Отъ 8-го февраля: «Весьма жаль, что статья о Буяльскомъ (докторѣ) не прислана ко мнѣ съ оригиналомъ. Вижу ошибка, но

---

[1]) Въ фельетонѣ № 27 (4-го февраля) было сказано, что Сеймуръ-Шифъ, піанистъ-импровизаторъ, изъ Новочеркаска ѣдетъ въ Тифлисъ и прибавлялось: «Ну, чтобы попробовать ему дать нѣсколько концертовъ въ кавказскихъ горахъ? Можетъ быть, какъ Орфей, онъ смягчилъ бы сердца горцевъ и заставилъ бы ихъ полюбить образованность. Вѣдь Орфей музыкою укротилъ свирѣпыхъ ѳракійцевъ». Цензоръ потребовалъ, чтобы это извѣстіе послано было на цензуру кавказскаго комитета, къ В. П. Буткову. Въ этомъ же фельетонѣ говорилось объ изданіи «Основныя правила скорописанія» и было прибавлено, что «выпускаемые въ различныя вѣдомства изъ баталіона военныхъ кантонистовъ писаря обучаются по этой методѣ, а всѣмъ извѣстно, что наши писаря пишутъ скоро и хорошо». Цензура потребовала отправить эту замѣтку къ Я. И. Ростовцеву.

изъ памяти не могу исправить. Ради Бога, свѣрьтесь съ оригиналомъ, особенно въ латыни. Пропущено самое важное для Буяльскаго. Въ прошломъ году весь городъ кричалъ, когда онъ сказалъ, что не надобно отрѣзывать руки сыну графа Нессельроде, но Буяльскій вылечилъ его безъ отрѣзыванія. Медицинскій совѣтъ (цензировавшій статью) исключилъ только фамилію, имя и отчество графа Нессельроде, но оставилъ заглавныя буквы. Но наша гнуснѣйшая и безтолковѣйшая типографія, на всемъ земномъ шарѣ, не поняла этого и исключила даже буквы. Прикажите вставить пропущенное мѣсто и заглавныя буквы по оригиналу. Ради Бога, ради Христа, какъ нищій, прошу объ этомъ» (см. выше мое замѣчаніе объ отношеніяхъ Булгарина къ Буяльскому и Пирогову).

Отъ 11-го февраля: «Пришлите мнѣ съ подателемъ: 1) статью о чтеніяхъ подполковника Лебедева, подписанную наслѣдникомъ цесаревичемъ; 2) корректуру этой статьи, съ подписью Крылова (цензора); 3) тотъ корректурный листъ, на которомъ тиснута была моя статья. Я все это передамъ, чрезъ генералъ-адъютанта Витовтова, наслѣднику цесаревичу».

Отъ 25-го февраля: «Вчера осрамили моего сына ужаснымъ образомъ! Умная наша редакція выдала мнѣ билетъ въ Большой театръ за подписью Н. И. Греча (тогда редакція «Сѣверной Пчелы» имѣла во всѣхъ императорскихъ театрахъ даровое кресло въ четвертомъ ряду на всѣ спектакли, не исключая бенефисовъ) и когда мой сынъ усѣлся въ креслахъ—явился Н. И. Гречъ, и мой сынъ, яко тать ночной, долженъ былъ убраться изъ театра. Я знаю Н. И. Греча; онъ никогда бы этого не сдѣлалъ, по своей деликатности, но ему не сказали, вѣроятно, что билетъ выданъ за его подписью. Ради Бога, предувѣдомьте лично Н. И. Греча, что сегодня выданъ билетъ Ѳ. М. Толстому на «Пророка», а то онъ, пожалуй, въ забывчивости и сегодня состряпаетъ такую штуку съ Толстымъ. Сдѣлайте одолженіе, скажите лично Н. И. Гречу».

Отъ 10-го мая: «Послѣдней поправки цензора Крылова принять нельзя, потому что не будетъ мѣры въ стихѣ. Выраженіе—«сладостная молитва»—вредно, по мнѣнію цензуры!!! О, Боже, гдѣ мы живемъ!»

Отъ 16-го мая: «Примите мой дружескій совѣтъ, какъ отъ отца роднаго, безъ сердца и гнѣва. Усыпите на минуту червя щекотливости! (Письмо это писано Булгаринымъ при отъѣздѣ Н. И. Греча на нѣсколько мѣсяцевъ заграницу, когда я сталъ главнымъ отвѣтственнымъ редакторомъ «Сѣверной Пчелы»). Величайшій вредъ «Пчелѣ» наносятъ ежедневныя и безпрестанныя выдержки изъ «Journal de St.-Pétersbourg» самыхъ пустѣйшихъ извѣстій. Н. И. Гречъ не живетъ въ томъ мірѣ, гдѣ оцѣниваютъ и читаютъ «Пчелу». Ему все равно, что попалось подъ руку; но вы, въ новомъ редакторствѣ, и при вашей дѣятельности, при вашемъ тру-

долюбіи, должны избрать другую дорогу. Взгляните на сегодняшнюю «Пчелу» (№ 108), на вчерашнюю (№ 107) и т. д. Только и торчитъ «Journal de St.-Pétersbourg»! Торчитъ рожномъ! Стоитъ ли выписывать «Сѣверную Пчелу», говорятъ мнѣ въ глаза люди, выписывающіе газету 25 лѣтъ сряду! Внутреннія извѣстія изъ «Русскаго Инвалида» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», политика изъ «Journal de St.-Pétersbourg»; только и своего, что ваши письма Ѳ. В., да иногда письма корреспондентовъ! Прошу васъ покорнѣйше и совѣтую отечески изъ «Journal de St.-Pétersbourg» брать только тѣ извѣстія, которыя кажутся «опасными», т. е. которыя касаются до Россіи, до посольства Меншикова и проч., а все остальное изъ «Débats», «Indépend. Belge» и т. п. Изъ своихъ журналовъ брать—значитъ перепечатывать ихъ! Это должно дѣлать въ величайшей крайности; вѣдь и «Journal de St.-Pétersbourg» беретъ новости изъ иностранныхъ газетъ, а не сообщаетъ собственныхъ извѣстій. Тогда можно взять изъ него, когда ему сообщено извѣстіе прямо отъ Нессельроде. Сегодняшній № 108, въ которомъ, подъ самыми незначительными извѣстіями, стоитъ рядъ «Journal de St.-Pétersbourg», навлекъ на меня такую горесть, что нервы мои разстроились и я почувствовалъ сильнѣйшую боль въ головѣ! Будь я подписчикъ «Пчелы», я бы возвратилъ ее въ редакцію съ надписью! Ради Бога, прошу и на колѣняхъ умоляю, бросьте этотъ поганый «Journal de S.-Pétersbourg» и подписывайте подъ иностранными извѣстіями заглавія иностранныхъ газетъ. При Алексѣѣ Николаевичѣ Гречѣ «Пчела» оживала и была во сто разъ лучше, нежели при выбившемся изъ силъ старикѣ Гречѣ. Да будетъ тако и при васъ! Послѣдуйте моему совѣту и моей просьбѣ; увидите, что «Пчела» пойдетъ иначе» (По требованію цензуры, подъ каждымъ политическимъ заграничнымъ извѣстіемъ должно было быть выставлено тогда въ русской газетѣ названіе той иностранной, изъ которой оно заимствовано. «Journal de St.-Pétersbourg», чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, получалъ такія газеты, которыхъ ни одна русская газета не имѣла права выписывать. Но важнѣе всего было то, что одинъ изъ тогдашнихъ цензоровъ этого министерства, Жерве, безпощадно вымарывалъ бо́льшую часть извѣстій, взятыхъ изъ иностранныхъ газетъ, помимо «Journal de St.-Pétersbourg». Булгаринъ, не занимаясь политическимъ отдѣломъ въ газетѣ, не могъ видѣть ежедневныя помарки и исключенія, дѣлаемыя цензоромъ Жерве. Булгаринъ возненавидѣлъ въ послѣдніе годы «Journal de St.-Pétersbourg» за то, что музыкальный критикъ этой газеты, Дамке (въ 1857 году писавшій уже въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»), не восхищался Контскими и критиковалъ игру, какъ скрипача, Аполлинарія, такъ и піаниста, Антона).

Отъ 12-го іюня, изъ Карлова: «Вы очень хорошо сдѣлали, что выбросили начало моего фельетона, испорченнаго новымъ цензо-

ромъ. Съ перемѣною цензора не должно торопиться (Александръ Лукичъ Крыловъ, цензировавшій нѣсколько лѣтъ сряду «Сѣверную Пчелу», скончался въ іюнѣ отъ холеры). Авось и новый попривыкнетъ немного. Вы спрашиваете, кого просить цензоромъ. Всѣ цензоры нынѣшніе ......, ..., ..., кромѣ ...... Фрейганга, который понимаетъ, что дѣло безвредное, но вымарываетъ единственно, чтобы имѣть удовольствіе дѣлать зло. Одно средство пока, велѣть набирать фельетоны и статьи за нѣсколько дней прежде и съѣздить къ цензору, и попросить его, чтобы онъ, если въ чемъ усомнится, спрашивалъ разрѣшенія попечителя (предсѣдателя цензурнаго комитета). Это—пока единственное средство. Попечитель, Мусинъ-Пушкинъ, васъ любитъ; если вы съѣздите къ нему и объясните, что ежедневную газету невозможно задерживать, то онъ, можетъ быть, и сдѣлаетъ что нибудь. Къ новому цензору вамъ непремѣнно нужно съѣздить. Онъ очень любитъ это».

Отъ 24-го іюня, оттуда же: «Посылаю вамъ первую половину субботняго фельетона. Покорнѣйше прошу васъ приказать немедленно переписать начисто эту статью, прочесть и поправить, если въ перепискѣ въ чемъ либо ошиблись, а по моему лучше набрать, прокорректировать и отнести къ директору канцеляріи министра государственныхъ имуществъ, или къ заступающему мѣсто директора и попросить, чтобы онъ, при первомъ докладѣ, представилъ эту статью графу Павлу Дмитріевичу Киселеву [1]) на утвержденіе, что «со стороны министерства нѣтъ препятствія къ напечатанію». Только объ этомъ и просите. Хорошо было бы, если бы вы сами снесли эту статью къ директору канцеляріи (я уже въ это время не служилъ болѣе въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и перешелъ на службу въ вѣдомство учрежденій императрицы Маріи Өеодоровны). Если же вамъ нельзя, то поручите это О. Ө. Васильеву (секретарю редакціи). Чрезъ разсыльнаго нельзя посылать статьи, потому что это еще первый примѣръ, что статья посылается директору канцеляріи для доклада, такъ какъ прежде я самъ носилъ подобныя статьи къ графу. Слѣдовательно, директоръ не пойметъ въ чемъ дѣло. Надобно сказать, что графъ самъ велѣлъ мнѣ выдать отчетъ министерства, для извлеченія изъ него, что я почту нужнымъ. Нынѣшнею зимою мѣсто директора канцеляріи занималъ мой землякъ, умный и добрый человѣчина. Теперь не знаю, кто занимаетъ это мѣсто. Если тотъ же полякъ, то скажите ему, или поручите ему сказать отъ моего имени, что «это дѣлается въ угоду графу П. Д. Киселеву». Во всякомъ случаѣ просите, кто бы не былъ директоръ, чтобы немедленно доложилъ и возвратилъ

[1]) Когда П. Д. Киселевъ былъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ, то князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ съострилъ, что это «un ministre qui s'elève». Я слышалъ это отъ Н. И. Греча.

вамъ статью, а меня прошу покорно увѣдомить, чтобы я зналъ, писать ли новую половину статьи, или придѣлать къ посланной другую половину. Николай Ивановичъ Гречъ, какъ вижу изъ «Пчелы»—увы!—спятилъ съ ума—разума. Изъ Висбадена присылать ложь о Контскомъ, изъ ненависти къ польской породѣ! Все тотъ же издатель 1812 года!

«Я вѣкъ на камнѣ кончу семъ»!
(Эдипъ, Озерова)

Холера идетъ къ намъ (Булгаринъ ужасно боялся холеры). Она уже въ Ревелѣ, перешла въ Нарву и теперь Іевве, на поворотѣ съ большой дороги въ Ревель. Пока ѣдимъ и вашъ любимый творогъ со сливками и ботвинью и землянику со сливками и огурчики, но придетъ холера, опять на супъ. Ради Бога, берегитесь! Помните о вашихъ добрыхъ родителяхъ и любящихъ васъ, какъ я».

Отъ 24-го іюня: «Благодарю васъ за поздравленіе съ днемъ моего рожденія. Тяжело: стукнуло 64 года! Благодарю васъ душевно за все! «Сѣверная Пчела» издается прекрасно. Посылаемый фельетонъ велите или сейчасъ набрать или переписать на чисто, прочтите сами и пошлите къ цензору. Онъ ужасно ..... и .... Если онъ вымараетъ о Филаретѣ Шалѣ, то пошлите непремѣнно къ попечителю. Можетъ съѣздить О. Ѳ. Васильевъ въ Царское село (М. Н. Мусинъ-Пушкинъ каждое лѣто жилъ въ Царскомъ селѣ на дачѣ, въ домѣ тамошняго уѣзднаго училища, на углу Колпинской и Оранжерейной улицъ). Для меня весьма важно, чтобы было напечатано о Филаретѣ Шалѣ. Попросите О. Ѳ. Васильева написать мнѣ о моемъ сынѣ Мечиславѣ. У насъ слухи носятся, что въ войскѣ, которое теперь въ лагерѣ подъ Краснымъ селомъ, весьма сильная холера, а во время маневровъ войско должно проводить ночи на сырой землѣ. Боюсь за сына! У насъ съ утра ужасная буря. Въ 7³/₄ часа молнія ударила въ башню Карлова, т. е. въ громовой отводъ. Весь домъ затрясся. Ужасъ! Никогда въ Петербургѣ не бывало такихъ грозъ, какія бываютъ у насъ, въ Лифляндіи. Ее и называютъ «Donner-Wetter-Land!» (Каламбуръ Булгарина: «Donner-Wetter» значитъ «гроза» и «тфу пропасть!»)»

Отъ 1-го іюля: «Въ «Пчелѣ» тщательно перепечатываются изъ «Journal de St.-Pétersbourg» надежды и увѣренія, что не будетъ войны съ Турціею. Эти надежды и увѣренія въ сохраненіи мира чрезвычайно вредны для «Пчелы». При каждомъ объявленіи войны прибывало по 1,500 и 2,000 подписчиковъ. Какое намъ дѣло разувѣрять другихъ, что войны быть не можетъ, потому что англійскіе лавочники не хотятъ этого! Пожалуйста, оставьте въ покоѣ эту статью въ «Journal de St.-Pétersbourg». Кажется у насъ и нѣтъ другихъ источниковъ»!

Отъ 6-го іюля, изъ Саракуса: «Покорнѣйше прошу напечатать прилагаемую статью Киркора, изъ Вильны, и напечатать поскорѣе.

Киркоръ (бывшій редакторъ «Виленскаго Вѣстника» и редакторъ-издатель «Новаго Времени», которая газета отъ него переходила къ г. Нотовичу, къ г. Устрялову, къ г. Трубникову и уже отъ послѣдняго къ г. Суворину) другъ мой, человѣкъ полезный и ученый. Надобно дать мѣсто въ «Сѣверной Пчелѣ» его оправданію. Хотѣлъ было я послать нѣсколько нумеровъ «Doerptsche Zeitung», для математическаго доказательства, что можно наполнять газету весьма занимательными статьями, не заглядывая даже въ «Journal de St.-Pétersbourg», но посылка дорого стоитъ; пришлю съ оказіею. «Journal de St.-Pétersbourg» даже не получается въ редакціи «Doerptsche Zeitung», потому что этотъ журналъ глупѣйшая газета во всемъ мірѣ. Спрашиваю васъ, по совѣсти: какой интересъ можетъ имѣть «Сѣверная Пчела» для читателя, получающаго «Journal de St.-Pétersbourg»??? Самыя незначительныя мелочи, биржевые слухи о войнѣ и тому подобныя дрязги, тщательно перепечатываются въ «Пчелѣ» изъ «Journal de St.-Pétersbourg», которая выписываетъ ихъ изъ другихъ газетъ, получаемыхъ редакціею «Сѣверной Пчелы». Конечно, это облегчаетъ трудъ редакціи «Сѣверной Пчелы», потому что цензура не мараетъ статей, взятыхъ изъ «Journal de St.-Pétersbourg», но это радикально вредно для «Сѣверной Пчелы». Зачѣмъ же мы выписываемъ такое множество иностранныхъ газетъ? (Булгаринъ очень хорошо зналъ, что, съ отъѣздомъ Н. И. Греча за границу, я пересталъ пользоваться его правомъ полученія иностранныхъ газетъ безъ цензуры и почтамтъ удерживалъ тѣ выписанныя редакціею газеты, которыя не значились въ его спискѣ, а въ результатѣ, при тогдашней строгости почтовой цензуры, выходило, что лучшимъ источникомъ для иностранныхъ извѣстій оказывался «Journal de St.-Pétersbourg»). Н. И. Гречъ—олицетворенная лѣнь; чтобы имѣть время для своихъ любезностей съ бабами, между нами отвратительными, не читалъ никакихъ газетъ, но довольствовался жидовскимъ «Journal de St.-Pétersbourg», и теперь осталось то же направленіе. Иногда изрѣдка появляются въ Пчелкѣ статейки, въ три строки, изъ «Indépendance Belge». Для меня «Journal de St.-Pétersbourg» хуже холеры и каждая статья въ немъ, кромѣ офиціальныхъ, пахнетъ жидовщиною, Дамке, Вестманомъ и фальшивымъ графомъ Сансе, также жидомъ, что и доказано его единовѣрцами (Графъ Сансе, почтенный человѣкъ, былъ тогда редакторомъ «Journal de St.-Pétersbourg» и состоялъ на службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Откуда взялъ Булгаринъ, что графъ Сансе былъ еврей—я не знаю. Гречъ также не любилъ евреевъ, но графа Сансе очень уважалъ и всегда отзывался о немъ съ лучшей стороны). Что изъ нея брать, кромѣ офиціальности? Не понимаю! Для Н. И. Греча—все равно: былъ бы доходъ отъ «Пчелы» и бабы для его забавы; но для меня не все равно. Посылайте нѣмецкія и другія газеты къ Рафаилу Михаиловичу Зотову (быв-

шему нѣсколько лѣтъ сряду театральнымъ хроникеромъ въ «Сѣверной Пчелѣ» и переводчикомъ иностранныхъ извѣстій); онъ выберетъ и переведетъ; нужно только поправить его слогъ. Извините за правду; но мнѣ пришло не въ терпежъ. Я обрадовался, что Н. И. Гречъ выѣхалъ на свое обыкновенное бродяжничество, думая, что «Пчела» отдохнетъ отъ натиска «Journal de St.-Pétersbourg», но выходитъ, что духъ Н. И. Греча, слуги Вестмана и друга Дамке, остался въ «Пчелѣ». Я прихожу въ отчаяніе»! [1]).

---

[1]) Съ этого времени Булгаринъ и Гречъ стали болѣе и болѣе охладѣвать другъ къ другу. Въ № 138 «Сѣверной Пчелы» 1853 года появилось присланное изъ заграницы Гречемъ «Не музыкальное объясненіе музыкальнаго объясненія», по поводу статьи Нестора Васильевича Кукольника, въ № 110 (19-го мая того же года). Гречъ говоритъ въ немъ, что онъ возставалъ не противъ таланта братьевъ Контскихъ, котораго онъ не отрицаетъ, но противъ неумѣстныхъ, безпрерывныхъ похвалъ имъ, которыми въ теченіе двухъ лѣтъ наполняли листы «Сѣверной Пчелы» и которыя до крайности наскучили ея читателямъ. Многіе почтенные люди, по словамъ Греча, упрекали его въ томъ, какъ издателя газеты, и просили если не прекратить, то поубавить числомъ подобныя статьи. Гречъ старался о томъ, но безъ успѣха. Но когда похвальныя слова Контскимъ стали появляться ежедневно, когда на жертву имъ принесены были достойнѣйшіе таланты и Аполлинарій Контскій поставленъ былъ на ряду съ первыми геніями всѣхъ временъ и народовъ, терпѣніе Греча, по его словамъ, лопнуло и онъ объявилъ въ газетѣ, что не участвуетъ въ составленіи этихъ статей и что онѣ помѣщаются безъ его вѣдома и согласія. «Чтобы выразить впечатлѣніе (писалъ Гречъ въ своей статьѣ), произведенное во мнѣ игрою Аполлинарія Контскаго, скажу, что между имъ и другими виртуозами, по мнѣ, точно такая разница, какъ между Віолемъ и Таліони. А. Віоль (извѣстный въ то время клоунъ въ циркѣ) артистъ превосходный». Въ заключеніе своей статьи, Гречъ писалъ: «Закончу мое писанье стихами Державина, написанными лѣтъ за семьдесятъ передъ симъ, слѣдственно чуждыми всякой личности:

Какихъ не вымышляй пружинъ,
Чтобы мужу-бую умудриться,
Не можно вѣкъ носить личинъ
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ, сопостатовъ,
Всякъ думаетъ, что ты Чупятовъ
Въ марокскихъ лентахъ и звѣздахъ»!

Это объясненіе Греча Вургаринъ принялъ за личное оскорбленіе, такъ какъ похвалы Контскимъ писалъ Булгаринъ и дѣйствительно надоѣлъ читателямъ. Защищая интересы Контскаго, Булгаринъ считалъ, что защищаетъ «угнетеннаго» поляка и польскую націю. Выраженіе «мужъ-буй» Булгаринъ отнесъ лично къ себѣ. Полусумасшедшій Чупятовъ, разгуливавшій по улицамъ въ царствованіе Екатерины въ выдуманныхъ имъ орденскихъ лентахъ и звѣздахъ, напоминалъ Антона Контскаго, щеголявшаго орденами и орденскими ленточками, пожалованными ему различными тогдашними монархами Европы. Стихотвореніе Державина попало Булгарину не въ бровь, а въ глазъ. Раздоръ между обоими издателями «Сѣверной Пчелы» вышелъ наружу, за предѣлы редакціи. Еще одно обстоятельство обострило ихъ раздоръ, но о немъ ниже, въ своемъ мѣстѣ. Цензура не позволила напечатать въ «Пчелѣ» послѣднія четыре строчки стихотворенія Державина, не понявъ смысла о Чупятовѣ.

Отъ 11-го іюля, изъ Саракуса: «У меня умъ зашелъ за разумъ, и я не знаю, что писать съ такимъ глупымъ цензоромъ! Жду, какъ жиды Мессіи, увѣдомленія отъ васъ, позволилъ ли министръ государственныхъ имуществъ печатать объ его отчетѣ, чтобы продолжать или оставить. Изъ запрещеннаго фельетона, который вы мнѣ прислали, я составлю фельетонъ и пришлю надняхъ. Дѣлать нечего; надобно слушать цензора, чтобы не попасть въ бѣду! Покорнѣйше прошу: зайдите къ директору канцеляріи министра государственныхъ имуществъ, для справки о моихъ статьяхъ. Не зайдете, и черезъ годъ сами не пришлютъ. Нынѣшняго цензора надобно непремѣнно удалить, и я это сдѣлаю, возвратясь въ Питеръ. Отвѣтъ мой господину Гречу надобно непремѣнно напечатать».

Отъ 14-го іюля, оттуда же: «Совѣты мои и просьбы насчетъ ежедневнаго заимствованія самыхъ пустячныхъ статей изъ «Journal de St.-Pétersbourg» не приняты, а напротивъ заимствованія усилены, слѣдовательно объ этомъ предметѣ почитаю излишнимъ говорить. Прошу покорно велѣть переписать окончательную статью объ отчетѣ министерства государственныхъ имуществъ и послать попрежнему къ директору министерской канцеляріи. У меня есть и оригинальныя присланныя статьи и статьи для переводовъ, но какъ вы не печатаете доставляемаго мною, то нѣтъ охоты и посылать. Будьте здравы, веселы, наслаждайтесь журналами, особенно «Journal de St.-Pétersbourg» и «Indépendance Belge», отцомъ и матерью «Пчелы» 1853 года, и не забывайте любящаго и уважающаго васъ за вашу честность, скромность и трудолюбіе».

Отъ 22-го іюля, изъ Дерпта: «Послѣ написанія перваго моего письма къ вамъ, отъ 22-го іюля, я пріѣхалъ изъ Саракуса въ Дерптъ и нашелъ ваше письмо, въ которомъ вы увѣдомляете, что цензоръ задержалъ мой отвѣтъ Гречу. Не постигаю, почему вы его посылали предварительно къ цензору, какъ вещь сомнительную или опасную къ пропуску. На грубости Греча, на сравненія Контскаго съ паяцомъ Віолемъ, на стихи «мужу-бую» и подобныя старыя гречевскія ухватки, я отвѣчалъ вѣжливо и деликатно, какъ пристойно благовоспитанному человѣку. Если цензоръ не позволитъ, я буду писать къ попечителю, къ министру и жаловаться выше. Васъ покорнѣйше прошу извѣстить меня, какой ходъ приметъ эта статья, чѣмъ чувствительно обяжете преданнаго вамъ».

Отъ 22-го іюля, изъ Саракуса: «Ваша щекотливость, susceptibilité, представляетъ все, что только прикоснется къ вамъ, въ превратномъ видѣ. Вы пишете (отъ 17-го іюля), что «мои послѣднія два письма были для васъ въ высшей степени оскорбительны, что я упрекаю васъ въ лѣности и т. п.». Крайне сожалѣю о вашей душевной болѣзни, потому что излишняя щекотливость причисляется физіологами къ душевнымъ болѣзнямъ и весьма справедливо. Еслибы вы были мой жесточайшій врагъ, котораго я нена-

вижу хуже чумы и холеры, то и тогда не упрекнулъ бы я васъ въ лѣности. А я душевно люблю васъ за вашу скромность, честный и благородный образъ мыслей, любовь къ просвѣщенію и именно за ваше примѣрное трудолюбіе и ставлю васъ въ примѣръ моимъ дѣтямъ. Не васъ упрекалъ я въ лѣности, а того, который, какъ я полагаю, далъ вамъ совѣтъ перепечатывать изъ одного «Journal de St. Pétersbourg», потому что ему некогда читать всѣхъ газетъ! Что же касается до оскорбленій, то, по всей справедливости, я долженъ почитать себя оскорбленнымъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) я—старый журналистъ, издававшій журналъ безъ цензуры въ Варшавѣ, основавшій въ 1822 году «Сѣверный Архивъ», въ 1825 году (вмѣстѣ съ Гречемъ) «Сѣверную Пчелу», прошу и умоляю молодаго, умнаго, добраго и трудолюбиваго сотрудника брать изъ «Journal de St. Pétersbourg» только офиціальныя статьи и разнообразить подписи подъ статьями, взятыми изъ иностранныхъ газетъ, но меня не только не слушаютъ, а какъ будто нарочно усиливаютъ перепечатки изъ «Journal de St. Pétersbourg», перепечатывая изъ этой газеты самыя пустыя статьи, которыя находятся во всѣхъ газетахъ! Однако же я не оскорбился, какъ вы, въ высшей степени и по прежнему люблю васъ. Причины, по которымъ я просилъ васъ разнообразить наименованіе газетъ иностранныхъ подъ статьями, печатаемыми въ «Пчелѣ», основаны на моей долголѣтней опытности. Публика вообще ищетъ въ журналахъ и газетахъ разнообразія. Видя безпрерывно подъ статьями «Сѣверной Пчелы», «Journal de St. Pétersbourg» и «Indépendance Belge», она охладѣваетъ къ «Пчелѣ»! Вы даже пишете въ «Пчелѣ», напримѣръ: «въ «Moniteur» сказано», а подписываете: «Journal de St. Pétersbourg»! Вѣдь это значитъ: не читайте «Пчелы», а читайте «Journal de St. Pétersbourg», тамъ все есть, и «Пчела» только и живетъ имъ! А когда много иностранныхъ журналовъ подписано подъ статьями, значитъ: «Пчела» получаетъ много газетъ, которыхъ каждому нельзя выписывать, и потому должно читать «Пчелу». Это логика, основанная на опытности. 2) Я васъ просилъ и умолялъ не печатать всѣхъ газетныхъ, тоже что трактирныхъ, сплетней (потому что иностранные газетчики имѣютъ своихъ сотрудниковъ, называемыхъ furets du journal, которые собираютъ вѣсти—on dit, man sagt—въ кафе и трактирахъ) о близкомъ мирѣ Россіи съ Турціею. Послушали ли вы моего совѣта? Я знаю, по опыту, что каждая война приносила намъ до 2,000 подписчиковъ, а, разувѣряя публику въ возможности войны, вы уничтожаете весь эфектъ, который произвели циркуляры Нессельроде и высочайшій манифестъ. На что подписываться на газету, когда увѣряютъ, что войны не будетъ! Да и эти миролюбивыя увѣренія такъ надоѣли, что хоть плакать. И этотъ совѣтъ основанъ на опытности! 3) Во второмъ пунктѣ вашего письма, вы пишите, что «Journal des Dé-

bats», «Union», «Moniteur universel», «Assemblée National» и «Constitutionnel» получаются днемъ позже «Indépendance Belge», и потому-де вы берете большую часть извѣстій изъ «Indépendance». Важное дѣло—одинъ день разницы!!! Что за великія новости приноситъ днемъ прежде «Indépendance Belge». Для «Пчелы» важно не одинъ день прежде сообщеніе ничего незначащихъ новостей, но важно много подписей, — сирѣчь разнообразіе. Это журнальная смѣтливость или уловка, если угодно, но она необходима для поддержанія газеты. Пока была война 1812 — 1814 года, «Сынъ Отечества», издаваемый Гречемъ, имѣлъ нѣсколько тысячъ подписчиковъ. Послѣ войны политическія извѣстія были оставлены «Сыну Отечеству», и когда я соединился съ Гречемъ «Сынъ Отечества» имѣлъ съ чѣмъ-то до 600 подписчиковъ. Политику «Сѣверной Пчелы» хвалили въ публикѣ только тогда, когда при «Пчелѣ» оставался покойный Алексѣй Гречъ, потому что у него была смѣтливость. Желалъ бы я видѣть, чтобы сказалъ и чтобы написалъ Н. И. Гречъ или Краевскій, если бы не послушались ни просьбъ ихъ, ни совѣтовъ? 4) Лучше всего покажите это письмо вашему почтенному отцу. Онъ человѣкъ разумный и опытный, пусть онъ разсудитъ насъ и скажетъ, кто правъ, кто виноватъ. Прошу объ этомъ! 5) На Греча я вамъ не жаловался (я просилъ, чтобы Булгаринъ не жаловался мнѣ на Греча, а Греча о томъ же относительно Булгарина, говоря, что мое положеніе дѣлается въ слѣдствіе того въ редакціи невыносимымъ, тѣмъ болѣе, что къ взаимнымъ сплетнямъ и пререканіямъ я всегда питалъ отвращеніе), потому что это было совершенно лишнее. Я написалъ отвѣтъ и послалъ въ «Пчелу» для напечатанія, потому что имѣю точно такое же право въ «Пчелѣ», какъ онъ, не менѣе, не болѣе. Жду съ нетерпѣніемъ напечатанія этой статьи въ моемъ фельетонѣ. Если бы я хотѣлъ жаловаться на Греча, кому бы ни было, то во всемъ Дерптѣ не стало бы бумаги! Можетъ быть, я какъ нибудь упомянулъ о Гречѣ въ моемъ къ вамъ письмѣ, не помню что, а пріятно я не могу вспомнить о немъ! Fiinis! Я на васъ не жалуюсь и всегда одинаково люблю, потому что увѣренъ, что если вы что сдѣлали не такъ, какъ мнѣ хотѣлось бы, то потому, что полагали это лучшимъ и вѣрите, будто заимствованіе ежедневное изъ двухъ газетъ («Journal de St. Pétersbourg» и «Indépendence Belge») вовсе не вредно, а полезно для «Пчелы»! Нѣтъ, добрый, умный, трудолюбивый, но неопытный, другъ, Павелъ Степановичъ, вредно и вредно! Николай Ивановичъ Гречъ не разувѣритъ меня. Онъ не видитъ и не знаетъ русской публики, а мнѣ каждый говоритъ въ глаза что думаетъ. Прошу непремѣнно напечатать мой отвѣтъ Гречу; за этимъ я самъ готовъ немедленно прикатить въ Питеръ! О другомъ прошу васъ: усыпите своего червя, называемаго щекотливостью, и вѣрьте, что, кромѣ вашихъ родителей, никто васъ больше не любитъ, какъ

преданный вамъ душевно Булгаринъ. P. S. У всякаго свои недостатки: я не умѣю примѣшивать сахару въ правду и говорю что думаю! Порокъ—да поздно исправляться! Состарился!»

Отъ 2-го августа, изъ Карлова: «Вы пишете ко мнѣ въ последнемъ письмѣ: «я утвержденъ главнымъ правленіемъ цензуры и г. министромъ народнаго просвѣщенія отвѣтственнымъ редакторомъ «Сѣверной Пчелы», на время отсутствія Н. И. Греча, и не долженъ увлекаться ничѣмъ»... А я то что же значу въ «Пчелѣ»? Развѣ я увлекалъ васъ моими совѣтами къ отвѣтственности передъ правительствомъ? А развѣ цензура и министръ утвердили васъ редакторомъ по просьбѣ одного Греча? Вѣдь и я подписалъ просьбу. Я совѣтовалъ только разнообразіе въ подписяхъ подъ политическими статьями и просилъ не уничтожать въ народѣ впечатлѣнія, произведеннаго нашими манифестами, предсказаніемъ мира. Это были домашнія распоряженія, за которыя отвѣтствуютъ предъ хозяевами газеты, а не предъ правительствомъ. Но если вы меня не признаете хозяиномъ, точно такимъ же, какъ Гречъ, спорить не хочу, зная вашу раздражительность и не желая огорчать васъ, даже безъ намѣренія, потому что ваши хорошія качества перевѣшиваютъ это недоразумѣніе. Вѣроятно, вамъ такъ натолковали! Все перемелится, мука будетъ, а для меня, старика, это урокъ. Вѣкъ живи, вѣкъ учись! Я васъ просилъ о возвращеніи подлинника моей статьи, въ отвѣтъ Гречу на его ругательства. Вы писали, что къ цензору посылали статью въ наборѣ, слѣдовательно подлинникъ долженъ быть въ редакціи. Мнѣ это нужно потому, что я хочу писать въ собственныя руки государя императора и долженъ приложить статью».

Отъ 15-го августа, изъ Карлова: «Между нами было недоразумѣніе, но я ни на одну минуту не переставалъ любить и уважать васъ, потому что убѣжденъ, какъ въ существованіи Бога, въ томъ, что вы честный, разумный и трудолюбый человѣкъ. Все прочее пустое! Проживете еще сорокъ лѣтъ, убѣдитесь, что я говорилъ правду! Я не много нездоровъ и лечусь».

Отъ 6-го сентября, оттуда же: «Господь Богъ внушилъ вамъ правду и «Пчела» идетъ разнообразно и хорошо, за что и спасибо. Здоровье мое плоховато, на радость многимъ».

Отъ 14-го октября, въ Петербургѣ: «Вы знаете, что намъ велѣно посылать въ главное управленіе дѣтскихъ пріютовъ всѣ статьи о дѣтскихъ пріютахъ (Число отдѣльныхъ цензуръ постоянно въ то время увеличивалось. Не только министерства, но и подобное вѣдомство какъ совѣтъ дѣтскихъ пріютовъ, выхлопотало, чтобы ему посылались на цензуру статьи, въ которыхъ говорится о пріютахъ. Въ редакціи ежедневной газеты велась огромная переписка, въ слѣдствіе множества цензуръ, потому что нѣкоторыя изъ нихъ требовали присылки имъ статей при прошеніяхъ). Новый нашъ цензоръ

Бекетовъ (Владиміръ Николаевичъ, дѣйствительно явился исключеніемъ въ тогдашней цензурѣ, пока и его, наконецъ, не замучили до того, что подвели почти къ общему знаменателю), молодецъ и я поѣду просить, чтобы его намъ оставили. Прошу принять на память мой портретъ» (На немъ была сдѣлана подпись: «Не поминайте лихомъ! Ѳаддей Булгаринъ»).

Отъ 9-го ноября, въ Петербургѣ: «Посылаю билеты на Рашель. Я пойду тогда, когда Гречъ не пойдетъ. Да и вамъ надобно взглянуть на жидовку въ корчахъ или конвульсіяхъ. Съ Н. И. Гречемъ мы Богъ вѣсть, когда увидимся, потому что часы наши для работы и выѣздовъ несогласны. Попросите у него и пришлите мнѣ съ подателемъ фосфоровыхъ спичекъ (въ то время новость), которыя онъ обѣщалъ дать. Для меня, табачника, это очень важно и нужно. Vale»!

Отъ 20-го ноября, въ Петербургѣ: «Сегодняшняя «Пчела» меня весьма много порадовала тѣмъ, что я нахожу въ ней иностранныя извѣстія, печатанныя корпусомъ и что въ ней мало трактирныхъ вѣстей о мирѣ съ Турціею, за что васъ и благодарю. Въ нынѣшнее время надобно, какъ можно менѣе проповѣдывать о мирѣ, перемиріи, и т. п. Все это вредно намъ, ибо только надежды на войну могутъ поддержать насъ въ надеждѣ на умноженіе подписчиковъ; это вѣрно, какъ аминь въ молитвѣ. Посылаю вамъ стихи Бенедиктова: они хотя и высокопарны, но ихъ надобно непремѣнно напечатать въ Пчелкѣ, потому что Бенедиктовъ почитается однимъ изъ первыхъ поэтовъ и стихи были читаны съ одобреніемъ въ Гатчинѣ» (Всю осень 1853 года императоръ Николай Павловичъ прожилъ въ Гатчинскомъ дворцѣ).

Отъ 21-го января 1854 года, въ Петербургѣ: «Прошу васъ помѣстить прилагаемое письмо въ фельетонѣ «Сѣверной Пчелы», которая должна быть отголоскомъ всего добраго и благороднаго. Въ медицинскую цензуру посылать не надобно, потому что въ этой статьѣ нѣтъ ни новыхъ лекарствъ, ни методы леченія, а просто благородный поступокъ. Бѣда въ томъ, что Н. И. Гречъ не любитъ Буяльскаго! Попросите Н. И. Греча отъ меня, чтобы онъ помѣстилъ эту статью во время моего отсутствія (Булгаринъ, 21 января 1854 года, выѣхалъ на короткое время въ Москву), хотя изъ уваженія къ старинному своему пріятелю, дѣйствительному статскому совѣтнику Василію Андреевичу Яковлеву (служащему въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ), который привозилъ ко мнѣ Валберха и слезно просилъ меня о помѣщеніи статьи въ «Сѣверной Пчелѣ». Къ тому же спасена (Буяльскимъ) женщина, а Н. И. Гречъ только и уважаетъ женщинъ на земномъ шарѣ, и отчасти er hat Recht! (онъ правъ). Къ тому прибавлю, что Н. И. Гречъ зналъ, кажется, родителей и сестру Валберха».

Отъ 30-го января, изъ Москвы: «Мудрено писать что нибудь,

разъѣзжая по матушкѣ Россіи, особенно разъѣзжая съ такою быстротою, какъ я. Надобно все видѣть; надобно видѣться съ весьма многими людьми, а время, между тѣмъ, катитъ, приваливая на плечи все болѣе и болѣе тяжести! Едва я успѣлъ написать предисловіе къ моему странствію. Вездѣ я нахожу самый лестный для меня пріемъ. Старики, графъ Закревскій, графъ Гудовичъ, Ермоловъ, и другіе старые воины обласкали меня не на животъ, а на смерть. Изъ литераторовъ познакомился я, на балѣ у графа Орлова-Денисова, съ Снегиревымъ, видѣлъ Сушкова и былъ у Вельтмана, какъ у начальника Оружейной палаты. Въ англійскомъ клубѣ видѣлся съ Павломъ Строевымъ. Ni—c'est fini! Другихъ писакъ я не видалъ. Да нѣтъ охоты и смотрѣть на обожателей Гоголя!!! Видѣлся съ Чеадаевымъ и намѣренъ повидаться съ Верстовскимъ. Живу я, какъ у Христа за пазухой, у отставнаго полковника Василія Николаевича Новосильцова, сына сенатора, начальника здѣшняго, бывшаго петербургскаго, цирка—и, слава Богу, здоровъ, потому, что ѣмъ и пью только тысячную долю того, что мнѣ предлагаютъ. «Сѣверной Пчелы» не видалъ я отъ субботы, т. е. отъ 23-го января, но во всякомъ случаѣ прошу васъ печатать, хотя бы въ фельетонѣ, путешествіе Лазарева, если Н. И. Гречъ не хочетъ помѣщать литературы на заднихъ листахъ «Пчелы». Москва-старушка любитъ поболтать, но я не вѣрю никакимъ слухамъ. Позабылъ вамъ сказать, что я познакомился съ графиней Ростопчиной, нашей Сафой. Я узналъ почти все высшее московское общество. Добрыхъ людей много, но красавицъ мало. Сегодня суббота, а на будущей недѣлѣ я возвращаюсь въ Петербургъ, если Богъ позволитъ, и надѣюсь быть дома въ субботу, ergo черезъ недѣлю. Прощайте, печатайте мои письма, и именно въ Пчелкѣ, сирѣчь въ фельетонѣ, когда вамъ угодно. Надѣюсь прислать еще одну статью изъ Москвы, а остальное кончу въ Петербургѣ. Ермоловъ старъ, но такъ же уменъ, какъ былъ въ юности. На «Пчелу» жалуются, что мало въ ней литературы—и жалуются справедливо».

Отъ 7-го іюня, изъ Карлова: «Цѣлую недѣлю не могъ я взяться за перо; ѣхалъ, а, пріѣхавъ на мѣсто, въ мое любезное Карлово, не могъ осмотрѣться и налюбоваться всѣмъ. Хорошо здѣсь, какъ въ раю! Урожай вездѣ превосходный, а у меня баснословный. Посылаю вамъ колосъ ржи, вырванный на удачу и клянусь, что это не самый высокій. Подумайте, что возлѣ Петербурга рожь въ четверть аршина. Покажите колосъ вашему родителю, моему старому другу. Н. И. Греча это не интересуетъ. Поклонитесь вашему отцу. Ну, чтобы хотя ему хватить въ Карлово. Вѣдь проѣздъ въ дилижансѣ стоитъ всего 10 р. с. А у меня онъ бы поотдохнулъ».

Отъ 24-го іюня, оттуда же: «Благодарю васъ за военныя извѣстія. Славно мы отпировали 24-го іюня, когда получено здѣсь офиціальное извѣстіе о побѣдѣ князя Андроникова. Нѣмцы во-

обще трусы и видятъ все въ черномъ, почерпая извѣстія изъ иностранныхъ газетъ и вѣря имъ. А здѣсь одинъ я, не вѣрящій нѣмецкимъ баснямъ. Кланяйтесь Н. И. Гречу, который совершенно забылъ меня. Ради Бога, помѣщайте что нибудь изъ неполитическихъ извѣстій хоть въ фельетонѣ. Н. И. Гречъ радъ, что плаваетъ въ политикѣ, и будетъ съ «Пчелою» тоже, что съ «Сыномъ Отечества» послѣ войны 1812 года. Упалъ! Упадетъ!»

Отъ 16-го іюля, изъ Саракуса: «Не знаю, почему въ Дерптѣ толкуютъ, будто бы «Сѣверной Пчелѣ» министерство народнаго просвѣщенія запретило печатать болѣе одного листа, то есть запретило прибавленія? Правда ли это? Конечно, мы слишкомъ много давали, и безъ всякой нужды, печатныхъ листовъ, но чтобы вовсе запретили прибавленія,—это было бы чудо со стороны И. И. Давыдова, Лебедева (редактора «Русскаго Инвалида») et consortes! Если запретили прибавленія, можно прибѣгнуть къ доброму Л. В. Дубельту. Здоровье мое нѣсколько пошатнулось, но все во власти Божіей».

Въ 1854 году впервые «Сѣверная Пчела», по обилію военнаго и политическаго матеріала, стала выходить почти ежедневно въ 1½ и 2 листа, то есть давать читателямъ шесть, восемь страницъ текста. Никакого запрещенія или замѣчанія на такое расширеніе газеты не было. Булгаринъ недоволенъ былъ потому, что расходы на печатаніе газеты увеличились, а Гречъ потому, что вечеромъ увеличилась корректурная работа. Но такъ какъ я принялъ эту работу на себя, а отъ расширенія газеты число подписчиковъ стало прибывать тысячами и дошло до 9,000, небывалой еще цифры, то оба издателя успокоились и примирились съ тѣмъ нововведеніемъ, противъ котораго въ началѣ сильно возстали.

Отъ 3-го октября, изъ Карлова: «Посылаю программу «Сѣверной Пчелы» на 1855 годъ. Я перемѣнилъ, что полагалъ нужнымъ. Остальное пусть рѣшаетъ Н. И. Гречъ. Онъ рѣшилъ погибель и уничиженіе «Пчелы», къ вѣчному стыду и сраму ея издателей, сдѣлавшись копіистомъ «Journal de St.-Pétersburg». Пусть и въ программѣ добиваетъ «Сѣверную Пчелу». Въ этомъ дѣлѣ онъ великій мастеръ! Хотя больной, но выѣзжаю изъ Карлова въ Петербургъ въ среду».

Отъ 31-го мая 1855 года, изъ Карлова: «Искренно и сердечно благодарю васъ за редакцію «Сѣверной Пчелы» (Н. И. Гречъ вновь уѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ за границу, для поправленія своего здоровья и я опять остался въ Петербургѣ отвѣтственнымъ редакторомъ). Она прекрасно составляется и не уподобляется теперь вампиру, который сосалъ кровь изъ одной газеты «Journal de St.Pétersbourg». Даже есть и «Смѣсь», что весьма и весьма нужно. Только старайтесь выбирать что нибудь полегче. Однимъ словомъ «Пчела» и Пчелка (фельетонъ) меня радуютъ. Еще разъ спа-

сибо! Ноги мои плохи и докторъ сталъ ихъ укрѣплять! Но я знаю, что отъ старости нѣтъ лекарства! Вранья здѣсь бездна, потому что вѣрятъ иностраннымъ газетамъ. Въ воскресенье разнесся слухъ, что уже бомбардируютъ Кронштадтъ. Чего добраго! Того и жди!»

Отъ 7-го іюня, изъ Карлова: «Получивъ субботнюю «Пчелу» въ понедѣльникъ, 6-го іюня, я крайне былъ удивленъ, не видя въ ней моего фельетона, посланнаго вамъ во вторникъ, 31-го мая. Неужели и къ этому цензоръ Бекетовъ умѣлъ придраться??? Задача для меня! За что цензоры угнетаютъ разумъ человѣческій и навлекаютъ на всѣхъ насъ гнѣвъ Божій? Политика «Пчелы» нынѣ гораздо лучше Гречевой и гречневой, за что благодарю васъ. Фельетонъ въ Субботу хорошъ. Кто писалъ его?»

Отъ 29-го іюля, изъ Саракуса: «Отвѣчаю на ваши два письма. На первое. Вы пишите, якобы я васъ упрекаю въ томъ, что вы намѣреваетесь уронить «Пчелу»! Такой напасти мнѣ ни снилось, ни мечталось!!! Вы припоминаете мнѣ прошлый 1853 годъ, въ которомъ я сообщалъ вамъ мои замѣчанія, которыя вы почли обидою. Я былъ сотрудникомъ журналовъ и издателемъ въ теченіе 35-ти лѣтъ, получалъ замѣчанія отъ товарищей и моихъ сотрудниковъ и не только не сердился на это и не почиталъ обидою, напротивъ благодарилъ и теперь благодарю, слѣдуя правилу: умъ хорошо, а два лучше. Вы пишите, что была «Смѣсь» въ «Пчелѣ». Въ «Пчелѣ» нужна «Смѣсь» вовсе не ученая и не серіозная, но занимательная и легкая. Вы пишите, что литература въ «Пчелѣ» будетъ послѣ войны! Тогда будетъ поздно! Отвѣтъ на второе письмо. Назначеніе г. Елагина въ цензоры, вмѣсто г. Бекетова, есть бѣдствіе, calamité! Дѣлать нечего, развѣ плакать! Надобно всегда посылать предварительно въ цензуру статьи, въ которыхъ говорится о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ мѣстъ. Это одно спасеніе! Впрочемъ, никто не виноватъ въ напечатаніи статьи изъ Иркутска. Кто можетъ угадать, чего хочетъ А. С. Норовъ? Противъ «Пчелы» интригуетъ главное И. И. Давыдовъ, а министръ дѣлаетъ, что ему докладываютъ. Выговора министра я видѣть не хочу! [1]) Вы умный, милый, добрый, честный человѣкъ и отлич-

---

[1]) Въ одномъ изъ іюльскихъ нумеровъ «Сѣверной Пчелы» была напечатана «корреспонденція изъ Иркутска», въ которой сказано было, что по Амуру къ его устью отправлены пушки. Эта корреспонденція была одобрена къ печати цензоромъ министерства иностранныхъ дѣлъ, военно-цензурнымъ комитетомъ и обыкновенною цензурою. Кто-то (не хочется называть его) указалъ на «раскрытіе государственной тайны, сопряженной съ успѣхомъ военныхъ дѣйствій» въ этой корреспонденціи. Всѣмъ, пропустившимъ эту корреспонденцію въ печать и редакторамъ «Пчелы», сдѣланъ былъ строгій выговоръ, особенно зачѣмъ статья не была послана на разсмотрѣніе морскаго министерства, которое, вѣроятно, также не нашло бы ничего опаснаго въ означенной фразѣ. Болѣе всѣхъ гласныхъ и негласныхъ цензоровъ и цензуръ горячился и возставалъ противъ этой корреспонденціи редакторъ «Русскаго Инвалида» подполковникъ Петръ Семеновичъ Лебе-

ный сотрудникъ «Пчелы», но до такой степени pointilleux, по русски недотрога,—что я, не имѣя никакого намѣренія раздражать васъ, боюсь вамъ что либо совѣтовать, тѣмъ болѣе, что вы, не зная меня, приписываете все желанію оскорбить васъ, а потому никогда и ничего не буду вамъ совѣтывать! Типографія Греча беретъ такія деньги, что могла бы печатать золотомъ «Сѣверную Пчелу», а хуже печати нѣтъ въ мірѣ! Главное, что буквы выпадаютъ и чернилъ въ другихъ мѣстахъ вовсе не видно, будто печатано сметаною. Ужасъ! Дружески обнимаю васъ, благодарю искренно за «Пчелу» и остаюсь навсегда, мимо вашей воли, вашимъ искреннимъ другомъ».

Отъ 16-го августа, изъ Карлова: «Сегодня утромъ написалъ я къ вамъ письмо, съ изъявленіемъ искренней моей и душевной благодарности за прекрасное редактированіе «Сѣверной Пчелы» и, признаюсь, особенно за помѣщеніе «Смѣси», составляющей въ каждой газетѣ тоже, что душа въ тѣлѣ, какъ вдругъ съ почты принесли мнѣ пакетъ, въ которомъ находилось ваше письмо и копіи съ двухъ записокъ, поданныхъ вами попечителю Мусину-Пушкину и генералъ-адъютанту Я. И. Ростовцеву [1]). Я вовсе, признаюсь, не удивился интригѣ противъ «Сѣверной Пчелы», когда вижу и убѣждаюсь, какъ одинъ редакторъ интригуетъ противъ другого редактора (Булгаринъ намекаетъ на свои тогдашнія натянутыя отношенія къ Гречу, дошедшія до того, что они перестали видѣться и говорить другъ съ другомъ), но я съ удовольствіемъ прочелъ ваши двѣ записки, доказывающія и зрѣлость вашего разума и искусство въ изложеніи дѣла. Поздравляю и душевно благодарю! И еще разъ благодарю! Молодецъ да и только! Но если мой совѣтъ доступенъ къ вашему разуму, то прошу переписать начисто записку, поданную вами попечителю Михаилу Николаевичу Мусину-Пушкину, надписать на верху «копія» и вмѣстѣ съ моимъ письмомъ подать Леонтію Васильевичу Дубельту. Это весьма важно! Только не надобно давать знать Л. В. Дубельту, что записка подана генералу Ростовцеву. Я имѣю на то свои причины, о которыхъ скажу вамъ по пріѣздѣ въ Петербургъ (Причина была та, что эти двѣ вліятельныя личности обмѣнялись своимъ положеніемъ. Съ воцареніемъ новаго императора, значеніе Я. И. Ростовцева стало усиливаться, между тѣмъ какъ Л. В. Дубельтъ былъ наканунѣ своего увольне-

---

девъ. Въ одномъ обществѣ онъ доказывалъ (можетъ быть, онъ говорилъ тоже и въ офиціальномъ мірѣ, о чемъ я, впрочемъ, не слыхалъ), что въ подобныхъ случаяхъ недостаточно дѣлать выговоры или замѣчанія редактору, а надобно подвергать его «родительскому наказанію». Какъ и все на свѣтѣ, чрезъ нѣсколько дней, послѣ выговора и смѣны цензоровъ, иркутская корреспонденція была предана забвенію, особенно въ то чреватое событіями время.

[1]) Я изложилъ поводъ подачи этихъ записокъ въ «Отрывкахъ изъ моихъ воспоминаній» (см. «Историческій Вѣстникъ», февраль, 1882 года).

нія отъ завѣдыванія Третьимъ отдѣленіемъ. Впрочемъ, и до того времени Я. И. Ростовцевъ и Л. В. Дубельтъ не симпатизировали другъ другу). Когда узнаютъ, что мы просили Я. И. Ростовцева, то почтутъ не нужнымъ намъ покровительствовать. Сдѣлайте одолженіе поторопитесь подать вашу записку, вмѣстѣ съ моимъ письмомъ, Л. В. Дубельту. Дѣло важное и если что-нибудь для насъ сдѣлаютъ, то не иначе, какъ чрезъ графа А. Ѳ. Орлова. Если захотите запечатать мое письмо къ Л. В. Дубельту моею гербовою печатью, то пусть О. Ѳ. Васильевъ возьметъ печать у моихъ сыновей. Еще разъ благодарю васъ душевно и за редактированіе «Сѣверной Пчелы» со «Смѣсью» и за ваши записки, поданныя М. Н. Мусину-Пушкину и Я. И. Ростовцеву и главное за ваше стараніе и сочувствіе къ «Сѣверной Пчелѣ». Все это глубоко награвировано въ моемъ сердцѣ».

Отъ 26-го августа, изъ Карлова: «Странно, что вы не застали въ канцеляріи Леонтія Васильевича Дубельта. Когда я желаю его видѣть, я застаю его всегда между 11 и 12 часами въ канцеляріи, а въ два часа и въ шесть часовъ пополудни дома. Но я и не требовалъ отъ васъ, чтобы вы сами ѣздили къ Л. В. Дубельту [1]). Вы вѣрно припомните, что я нѣсколько разъ изъявлялъ передъ вами мое удивленіе, что статьи, сообщаемыя мною, основателемъ, хозяиномъ и владѣтелемъ «Сѣверной Пчелы», точно въ такой же силѣ, какъ и Н. И. Гречъ, никогда не печатаются въ газетѣ тотчасъ по сообщеніи ихъ, а нѣкоторыя и вовсе не печатаются! Поступки со мною въ редакціи крайне удивляютъ меня, чтобы не сказать болѣе!!! Est modus in rebus» [2]).

Отъ 26-го января 1856 года, въ Петербургѣ: «Да возрадуются всѣ враги мои, всѣ лѣнивцы и дармоѣды, всѣ хищники и завистники. Я болѣнъ!»

---

[1]) Такъ какъ записками, поданными Я. И. Ростовцеву и М. Н. Мусину-Пушкину, я достигъ цѣли, то есть отмѣны стѣснительнаго цензурнаго распоряженія, относительно печатанія въ газетахъ извѣстій съ войны, то не считалъ нужнымъ просить о томъ же Л. В. Дубельта. Сверхъ того, распоряженіе исходило отъ военнаго министра, слѣдовательно надобно было хлопотать у него, въ чемъ мнѣ и помогъ Я. И. Ростовцевъ.

[2]) По возвращеніи своемъ изъ заграницы, Н. И. Гречъ напечаталъ, 11-го октября 1855 года, въ № 222-мъ «Сѣверной Пчелы» слѣдующее заявленіе: «Возвратившись изъ заграницы, по возобновленіи моего здоровья, вступаю съ нынѣшняго числа вновь въ завѣдываніе редакціею «Сѣверной Пчелы». Н. Гречъ, 10-го октября 1855 года».

Хотя это объясненіе скорѣе было направлено противъ меня, именно въ слѣдствіе сплетень, что я сдѣлался какъ бы неограниченнымъ распорядителемъ газеты, однако Ѳ. В. Булгаринъ принялъ его на свой счетъ и 13-го октября, въ № 224-мъ, помѣстилъ, со своей стороны, слѣдующее заявленіе: «Въ № 222-мъ «Сѣверной Пчелы» объявлено, что Н. И. Гречъ, возвратившійся изъ заграницы, будетъ попрежнему заниматься редакціею газеты. Чтобы устранить всякое недоразумѣніе, честь имѣю извѣстить моихъ почтенныхъ корреспондентовъ, что

Отъ 28-го февраля: «Вчерашняго числа къ вечеру сдѣлался у меня приливъ крови къ горлу, и къ правому уху. Страдалъ я вечеръ и ночь, какъ въ аду! Немного отпустило. Ставлю піявки. Надѣюсь начать работать къ вечеру. Пришлите, пожалуйста, корректуру и газеты. Радость будетъ въ домѣ Греча: смерть у меня на носу!»

Отъ 3-го марта: «Милостивый государь Павелъ Степановичъ! [1]) Я никакъ не понимаю, какую цѣль имѣетъ Н. И. Гречъ, штурмуя меня самыми оскорбительными бумагами! Въ послѣднемъ письмѣ своемъ, сообщенномъ мнѣ чрезъ посредство Ивана Петровича Липранди [2]), Н. И. Гречъ называетъ меня трусомъ, а, между тѣмъ, въ томъ же письмѣ, пишетъ, что если я вызову его на дуэль, то онъ немедленно будетъ жаловаться оберъ-полиціймейстеру! Какъ это понять и какъ растолковать? Чудеса! До какихъ поръ будетъ продолжаться мое терпѣніе? Не ручаюсь. Онъ, т. е. Н. И. Гречъ, жалуется на меня и ругаетъ меня передъ встрѣчнымъ и поперечнымъ. Мнѣ разсказывалъ объ этомъ кое-что французъ-перчаточникъ, торговавшій прежде въ пассажѣ (называя себя другомъ мадемуазель Дезире), въ католической церкви, на свадьбѣ дочери старшаго чиновника III-го отдѣленія собственной канцеляріи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Левенталя. Служитъ ли къ пользѣ «Сѣверной Пчелы» эта аннибаловская вражда Н. И. Греча ко мнѣ, легко разсудить, и вы сами мнѣ разсказывали, что были свидѣтелями, какъ купцы говорили, что «Сѣверная Пчела» упадетъ непремѣнно отъ вражды ея издателей. Такъ и быть должно! Видалъ я ненависти, но такой ненависти, какую Н. И. Гречъ обнаруживаетъ ко мнѣ, и не видалъ и не слыхалъ! Правда, за тридцать лѣтъ слишкомъ, Ѳедоръ Николаевичъ Глинка [3]) предсказалъ мнѣ, что Гречъ дурно кончитъ со мною. Предсказывали и другіе, на

я, какъ основатель и созидатель «Сѣверной Пчелы», вмѣстѣ съ Н. И. Гречемъ, попрежнему занимаюсь литературною работою въ издаваемой нами газетѣ, а потому прошу не оставлять меня извѣщеніями о всемъ происходящемъ въ Россіи и продолжать переписку. Ѳ. Булгаринъ».

Для публики и читателей «Сѣверной Пчелы» сдѣлалось ясно, что между ея издателями дѣло обстоитъ не ладно, такъ какъ подобныхъ заявленій отъ нихъ еще не бывало. Ссора между Булгаринымъ и Гречемъ начала назрѣвать, чему не мало способствовали услужливыя сплетни, передавшія съ прикрасами Гречу то, что о немъ говоритъ Булгаринъ и наоборотъ.

[1]) Письмо это, какъ исключеніе изъ писемъ Ѳ. В. Булгарина ко мнѣ, писано въ офиціальномъ тонѣ.

[2]) Н. И. Гречъ избралъ И. П. Липранди своимъ посредникомъ и повѣреннымъ въ ссорѣ съ Ѳ. В. Булгаринымъ. Липранди ихъ не примирилъ, какъ слѣдовало, а еще болѣе возстановилъ одного противъ другаго.

[3]) Я сомнѣваюсь въ справедливости этого факта, потому что Ѳ. Н. Глинка былъ не двуличневый, а прямой и честный человѣкъ. Если бы онъ былъ такого мнѣнія о Гречѣ, то не выказывалъ бы ему той дружбы, которой я былъ свидѣтелемъ, съ 1854 года, въ продолженіе восьми лѣтъ. Булгарину, можетъ быть, измѣнила въ этомъ случаѣ память?

что имѣю письменныя доказательства, и я не вѣрилъ! А вотъ и заставилъ Н. И. Гречъ повѣрить! Полагаю, что главная причина ненависти происходитъ отъ убѣжденія Греча, будто я подъучилъ г-жу Д. сдѣлать сцену г-жѣ О. Такъ, по крайней мѣрѣ, я слышу отъ другихъ. Объ этой сценѣ впервые услышалъ я отъ близкаго родственника Греча. Хоть Н. И. Гречъ описываетъ меня самымъ дурнымъ человѣкомъ въ мірѣ, но я никогда даже и не подумалъ бы ссорить бабъ, для нанесенія непріятностей кому бы то ни было. Это подло и гнусно и я презираю такой родъ мести! У г-жи Д. я былъ раза два въ прежніе годы и никогда бы не рѣшился даже говорить передъ нею что-либо дурное о Гречѣ! Не зналъ меня и не знаетъ Н. И. Гречъ!

«Я ѣзжу къ женщинамъ, но только не за этимъ!»

«Всѣ присланныя мнѣ Гречемъ бумаги спрячу и помѣщу въ моихъ мемуарахъ, которые когда нибудь будутъ напечатаны заграницею, но отвѣчать на нихъ не стану, потому что не хочу, чтобы оберъ-полиціймейстеръ вмѣшивался въ мои домашнія дѣла. Но если Гречъ почитаетъ меня трусомъ—пусть попробуетъ! Приступаю прямо къ современности. Если Н. И. Гречъ хочетъ упрочить «Сѣверную Пчелу» и по нашей смерти, то это весьма благоразумно. Но для этого надобно сперва испросить соизволеніе государя императора. Домашнее распоряженіе должно быть слѣдующее: 1) Мы, т. е. я и Гречъ, составимъ формальный актъ. По этому акту «Сѣверная Пчела», или доходы съ нея, пока она существуетъ, принадлежатъ, по ровнымъ частямъ, Гречу и мнѣ, Булгарину. Кажись, заработалъ я на это! 2) Если одинъ изъ насъ умретъ прежде другаго, то половина дохода умершаго издателя принадлежитъ его семейству. Но съ этой половины дохода умершаго издателя, т. е. съ половины приходящейся на его часть, должно нанять одного сотрудника и часть эта не должна превышать трети этой половины и одну часть для редактора. Остальной доходъ отдавать семейству умершаго. 3) Въ просьбѣ къ государю означить, что, по смерти Греча и меня, вы, Павелъ Степановичъ Усовъ, остаетесь отвѣтственнымъ редакторомъ и сдѣлать съ вами условіе, отъ имени Греча и Булгарина. Вотъ на этихъ честныхъ и справедливыхъ условіяхъ соглашаюсь я сдѣлать сдѣлку. Ругать и поносить намъ другъ друга не слѣдуетъ, ибо это вредитъ ходу «Сѣверной Пчелы», а что касается до моихъ трудовъ въ «Сѣверной Пчелѣ», то хотя Гречъ ихъ не цѣнитъ, но, благодаря Бога, я имѣю доказательства, что публика ихъ жалуетъ! Вотъ и все! Тутъ не нужно длинной, ругательной, оскорбительной переписки, подъ защитою полицейской власти! Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью вашъ покорный слуга Ѳ. Булгаринъ [1])».

---

[1]) На этомъ письмѣ съ боку слѣдующая приписка Ѳ. В. Булгарина: «Ни

Отъ 9-го марта: «Я просилъ у васъ послѣдній нумеръ «Современника». Мнѣ нужно для соображенія и работы. Весьма странно, что всѣ журналы въ редакціи «Сѣверной Пчелы», исключая политическихъ газетъ, выписываются для пріятнаго занятія и провожденія времени нѣжнаго пола, который, прицѣпившись къ редакціи, составляетъ полипа! Полагаю, что прилагаемая статья кстати на страстной недѣлѣ. Я болѣнъ и если выставлю что либо сегодня вечеромъ, или завтра утромъ, то не длиннѣе этого письма и прошу поставить въ самомъ концѣ, подъ хвостикъ Пчелки».

Отъ 20-го марта: «Я не буду таскаться со статьями по министерствамъ! Прошу васъ послать эту статью въ канцелярію министра государственныхъ имуществъ, находящуюся въ новомъ министерскомъ домѣ у Синяго моста. Совершенно все равно: отвезу ли туда самъ, или отнесетъ мужикъ, разносчикъ «Сѣверной Пчелы».

Отъ 5-го апрѣля: «5-го апрѣля, вечеромъ, я сильно заболѣлъ животомъ: мучусь! Писано 5-го апрѣля 1856 года. Ѳ. Булгаринъ».

Отъ 6-го ноября: «Вчера никого не было въ редакціи и я отдалъ извѣстный проэктъ [1]) о «Сѣверной Пчелѣ» женѣ А. Г. Кузнецова».

Отъ 16-го ноября: «Соединяя мои журналы, «Сѣверный Архивъ» и «Литературные Листки», съ «Сыномъ Отечества» и предпринявъ, вмѣстѣ съ Гречемъ, изданіе «Сѣверной Пчелы» на равныхъ правахъ, я никакъ не думалъ, чтобы этотъ союзъ такимъ образомъ кончился, по истеченіи тридцати лѣтъ! [2]) По несчастію, я не слушалъ совѣтовъ доброжелательныхъ мнѣ людей, знавшихъ прежде меня Греча! Наконецъ, дѣло дошло до крайности и я долженъ дѣйствовать энергически. Отъ дуэли, за нанесенныя мнѣ кровныя обиды, Гречъ отказывается, находя убѣжище въ полиціи, забывая, что покойный императоръ Николай I-й издалъ постановленіе о дуэляхъ, дозволивъ ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Между тѣмъ, стремясь всѣми силами къ овладѣнію «Сѣверною Пчелой», и, покоясь на лаврахъ, Гречъ отдалъ «Сѣверную Пчелу» въ полное ваше распоряженіе, вовсе не совѣщаясь со мною, и, какъ я долженъ думать, поручилъ вамъ не обращать никакого вниманія на мои распоряженія. Такъ и дѣлается вами безпрерывно! Не вхожу въ дальнѣйшія разсужденія, но ссылаюсь на васъ самихъ. Все,

---

на какое посредничество, кромѣ ваше, я не соглашусь. Зачѣмъ это? Довольно Н. И. Гречъ срамился, ругая меня повсюду. Тѣ же разсказываютъ мнѣ, передъ которыми онъ ругалъ меня».

[1]) Мое предложеніе о соглашеніи между Гречемъ и Булгаринымъ.

[2]) Въ началѣ 1855 года, Ѳ. В. Булгаринъ далъ большой обѣдъ, по случаю исполнившагося тогда тридцатилѣтія изданія «Сѣверной Пчелы». За обѣдомъ Булгаринъ, намекая на это событіе въ его жизни, провозгласилъ тостъ за «тридцатилѣтній союзъ». Гречъ, находившійся на обѣдѣ, воскликнулъ: «Нѣтъ, за тридцатилѣтнюю войну!»

что я сообщаю — сообщается публикѣ поздно, или, такъ сказать, неохотно, для уничтоженія моего вліянія въ «Сѣверной Пчелѣ». Честь имѣю васъ увѣдомить, что я не потерплю болѣе этого униченія и чрезъ правительство потребую утвержденія моего права. Я ни вашъ, ни Греча сотрудникъ, но такой же хозяинъ въ «Сѣверной Пчелѣ», какъ и Гречъ. Права моего я вамъ не уступалъ и никогда не подчинюсь вамъ, хотя пришлось бы мнѣ погибнуть! Добрые люди смѣются, что вы до сихъ поръ не уважаете никакихъ моихъ замѣчаній въ газетѣ моей, основанной мною! На первый случай ничего болѣе вамъ не говорю, но въ просьбѣ, которую я изготовилъ, все выражено, а потомъ я начну дѣйствовать собственными средствами, чтобы избѣгнуть отъ порабощенія, которое вы налагаете на стараго литератора, основателя «Пчелы», поддерживавшаго газету столько лѣтъ своими собственными статьями. За симъ пишусь вашимъ покорнымъ слугою Ѳ. Булгаринъ. P. S. Пишу къ вамъ для того, что рѣдко могу застать васъ дома. Вы школьный учитель (я преподавалъ въ то время естественныя науки въ Николаевскомъ женскомъ институтѣ), какъ Гречъ, а я старый солдатъ и намъ трудно сойтись на одномъ пути».

Болѣе собственноручныхъ писемъ Ѳ. В. Булгарина у меня не оказывается. Въ 1857, 1858 и 1859 годахъ я получалъ отъ него письма, отъ его имени, но писанныя рукою его сыновей, такъ какъ въ началѣ 1857 года параличъ поразилъ правую сторону организма Булгарина. Ниже я сообщаю выдержки изъ этихъ немногихъ писемъ, а въ настоящемъ мѣстѣ считаю наиболѣе удобнымъ объяснить главную причину раздора, произшедшаго между Гречемъ и Булгаринымъ и доведшаго ихъ до язвительныхъ и обидныхъ другъ къ другу писемъ.

Послѣ кончины, въ мартѣ 1850 года, Алексѣя Николаевича Греча, я услышалъ въ семьѣ Николая Ивановича Греча толки о томъ, что существуетъ будто бы дарственная запись Ѳ. В. Булгарина на имя покойнаго, сдѣланная въ концѣ тридцатыхъ или началѣ сороковыхъ годовъ. Въ силу этого акта, право на половину владѣнія «Сѣверною Пчелою», или на половину ея доходовъ, должно было, по смерти Ѳ. В. Булгарина, перейдти не къ его дѣтямъ, а къ А. Н. Гречу. Такое великодушіе объясняли, между прочимъ, особенною любовью и привязанностью, которыя Ѳ. В. Булгаринъ питалъ къ А. Н. Гречу. Такъ какъ послѣдній скончался, то естественно вышеупомянутый актъ долженъ былъ сдѣлаться собственностью оставшихся послѣ него дѣтей, внуковъ Николая Ивановича Греча. Между тѣмъ, ни въ бумагахъ покойнаго, ни у его отца, нигдѣ не оказалось ни подобнаго акта, ни копіи съ него, ни какого письма, въ которомъ намекалось что либо о подобномъ дарѣ. Одно лицо изъ семьи Греча говорило, что само видѣло нотаріальный актъ, другое слышало, какъ посылали за гербовою бумагою, для

написанія акта и проч. Но все это были одни слова, хотя нельзя было заподозрить говорившихъ въ томъ, что они вымышляли небылицы. Н. И. Гречъ обратился, наконецъ, къ Ѳ. В. Булгарину и спросилъ его дружески объ этомъ актѣ. Ѳ. В. Булгаринъ отвѣчалъ, что подобнаго акта не было заключено, но что въ тридцатыхъ годахъ былъ о томъ разговоръ, оставшійся безъ послѣдствій и что онъ никогда и не думалъ обдѣлять своихъ дѣтей, а говорилъ о томъ только въ предположеніи, что А. Н. Гречъ, по кончинѣ отца и его, Булгарина, долженъ сдѣлаться редакторомъ газеты и слѣдовательно долженъ быть вознагражденъ за то обоими хозяевами изданія. Н. И. Гречъ не повѣрилъ отвѣту Ѳ. В. Булгарина. Нанятъ былъ чиновникъ, которому поручено было пересмотрѣть нотаріальныя книги за прежніе годы, которыя въ то время сдавались тогдашними городскими маклерами и нотаріусами въ городскую думу. Этотъ пересмотръ книгъ затянулся долго. Въ книгахъ не оказалось никакого акта, подходившаго хотя бы отчасти къ тому, котораго доискивались въ семьѣ Греча. Стали говорить, что актъ вырванъ изъ книгъ, или уничтоженъ тѣмъ или другимъ способомъ. Снова стали искать какихъ либо слѣдовъ подобнаго уничтоженія, но и ихъ не оказалось. Всѣ эти поиски, совѣщанія, заняли болѣе трехъ лѣтъ времени. Вѣроятно поиски въ книгахъ нотаріусовъ дошли до свѣдѣнія Булгарина. Отношенія между Гречемъ и Булгаринымъ, бывшія, при моемъ вступленіи въ редакцію «Сѣверной Пчелы», въ 1849—1850 году, искреннія, дружескія, стали постепенно охлаждаться, причемъ всякая мелочь, прежде проходившая безслѣдно, и неизбѣжная при изданіи ежедневной газеты, стала въ послѣдствіи каждый разъ обращаться въ бурю. Гречъ обвинялъ Булгарина въ утайкѣ акта, а послѣдній перваго въ взведеніи на него неблагороднаго поступка.

Въ 1853 году, когда несуществованіе акта въ офиціальныхъ книгахъ сдѣлалось несомнѣннымъ, раздоръ между обоими издателями принялъ размѣры болѣе прежняго, хотя они еще видались другъ съ другомъ; столкновеніе между ними по поводу статей о Контскихъ было только однимъ изъ эпизодовъ ихъ размолвки. Они стали отзываться другъ о другѣ колко, язвительно. Въ 1855 году, какъ видно изъ писемъ Булгарина ко мнѣ, вражда его противъ Греча приняла еще большіе размѣры. Они перестали видѣться другъ съ другомъ. Мое положеніе сдѣлалось крайне затруднительнымъ. По утрамъ Гречъ бранилъ мнѣ Булгарина; въ 2 часа дня пріѣзжалъ почти ежедневно ко мнѣ Булгаринъ и бранилъ Греча. На эти разговоры я тратилъ безъ пользы много времени. Осенью 1855 года, когда эта вражда особенно усилилась, я объявилъ имъ, что не желаю выслушивать ихъ пререканій и прошу говорить со мною обо всемъ, о чемъ угодно, но не объ ихъ взаимныхъ притязаніяхъ. Около этого времени Н. И. Гречъ пригласилъ

Ивана Петровича Липранди взять на себя посредничество между имъ и Булгаринымъ, и установить какое нибудь соглашеніе между ними. Такому рѣшенію не мало способствовало мое объясненіе съ Н. И. Гречемъ и нѣкоторыми членами его семьи, причемъ я выставилъ мое непріятное положеніе между обоими издателями и вредъ для газеты отъ подобнаго раздора въ ея редакціи. И. П. Липранди принялъ на себя предложеніе, но повелъ дѣло неискусно. Посѣщая то Греча, то Булгарина, онъ, сверхъ дѣловаго разговора объ условіяхъ соглашенія, разсказывалъ каждому изъ нихъ все, что другой говорилъ о немъ дурнаго. Эти сплетни и довели дѣло до разговора о дуэли и до обращенія къ полицейской власти, какъ писалъ ко мнѣ Булгаринъ въ послѣднихъ своихъ письмахъ. Видя, что дѣло соглашенія не улучшается, но ухудшается и что въ сущности взаимныя требованія Греча и Булгарина другъ къ другу сходятся между собою, я предложилъ имъ взять на себя посредничество. Они согласились. Это было осенью 1856 года. Выслушавъ желанія Н. И. Греча, я изложилъ ихъ письменно, показалъ ихъ ему и просилъ утвердить ихъ своею подписью. Такъ же поступилъ я съ Ѳ. В. Булгаринымъ. По сличеніи ихъ взаимныхъ требованій, они оказались почти одинаковыми. Я сдѣлалъ имъ сводку, выставивъ одно требованіе противъ другаго и они оба удивились, что въ существѣ были согласны между собою, но что сплетни и пересуды увеличивали вражду и отдаляли соглашеніе. Когда оно было оформлено и ими подписано, то я настоялъ на ихъ свиданіи другъ съ другомъ. Гречъ не хотѣлъ ѣхать первый къ Булгарину, а тотъ первымъ къ нему. Рѣшено было свидѣться въ моей квартирѣ. Свиданіе состоялось въ моемъ присутствіи, но, не смотря на усилія, какъ Греча, такъ и Булгарина, придать ему сердечность, оно было холодное, безжизненное. Разговоръ шелъ о постороннихъ предметахъ, выбираемыхъ обыкновенно темою, когда не хотятъ затрогивать непріятнаго главнаго вопроса. Гречъ сократилъ это свиданіе, вдругъ объявивъ, что онъ долженъ отлучиться изъ дома по важному, неотлагательному дѣлу. Миръ офиціальный былъ возстановленъ, но о прежнемъ дружествѣ между ними не было болѣе рѣчи. Въ означенномъ соглашеніи между Гречемъ и Булгаринымъ о моемъ участіи въ газетѣ не было упомянуто. Оно потому и удалось мнѣ, что я оставилъ себя въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что вопросъ шелъ о взаимныхъ отношеніяхъ и правахъ двухъ издателей.

Во время двукратной при мнѣ отлучки заграницу, Н. И. Гречъ, сверхъ своихъ писемъ, помѣщавшихся въ «Сѣверной Пчелѣ», присылалъ мнѣ частныя письма. Такихъ писемъ за 1853 и 1855 годъ, у меня сохранилось 56. Вотъ выдержки изъ нихъ, касавшіяся его мнѣнія о Булгаринѣ въ эти годы, когда отношенія ихъ были сильно натянуты, особенно въ 1855 году:

Отъ 31-го мая (12-го іюня) 1853 года, изъ Висбадена: «Стран-

ныя требованія Булгарина не брать статей изъ «Journal de St. Pétersbourg». Тогда одну половину статей мы будемъ давать двумя днями позже, а другой и вовсе не будетъ. Вы очень хорошо сдѣлали, напечатавъ статьи Кукольника и Булгарина. Пусть ихъ наслаждаются. Я исполнилъ свой долгъ, сказавъ то, что было у меня на душѣ, а впрочемъ Богъ съ ними. Вѣроятно, я буду отвѣчать, лишь только получу листы «Пчелы». Тѣмъ, кто васъ упрекалъ въ помѣщеніи ихъ статей, вы можете сказать, что и «я» самъ не въ правѣ отказывать Булгарину».

Отъ 6-го (18-го) іюня 1853 года, изъ Висбадена: «Статья Кукольника возбудила во мнѣ негодованіе. Онъ заставляетъ меня говорить вещи, о которыхъ я не думалъ. Дня чрезъ два получите вы мою отповѣдь. Хороши подлецы! Впрочемъ лучше, что помѣстили. Теперь я могу высказать всю правду. Вижу, что вы держите слово и не исправляете слога «Всякой Всячины» (Булгаринъ обижался за мои поправки его фельетоновъ. Я объявилъ, что не буду до нихъ прикасаться). «Завтра я не буду въ Петербургѣ»,— фраза мадамъ Булгаринъ (она была нѣмка), которой нельзя не замѣтить. Кто просилъ его вступаться за мою грамматику? Навралъ, какъ и всегда. Въ газетѣ «Inland» совершенно правы, что Ольдекоповъ буквальный переводъ моей грамматики для нѣмцевъ не годится. Для этого слѣдовало бы написать совсѣмъ другую книгу».

Отъ 21-го іюля (2-го августа) 1853 года, изъ Парижа: «Глупости Булгарина меня не удивляютъ: ужь такая его нація. Споръ и брань для него пища и забава. Пусть его! Только за что онъ бранитъ насъ обоихъ? Недоумѣваю. Сберегите его письма до моего пріѣзда».

Отъ 28-го іюля (9-го августа), оттуда же: «Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы толки о Контскихъ прекратились (они прекратились только въ 1859 году со смертью Булгарина). Не я въ томъ виноватъ. Кукольникъ напалъ на меня изъ-за угла. Гадко и мерзко! Страшно подумать, что вскорѣ ворочусь въ этотъ омутъ»!

Отъ 26-го августа (7-го сентября), оттуда же: «Посылаю двѣнадцатое письмо, для напечатанія въ «Сѣверной Пчелѣ», вѣроятно предпослѣднее изъ Парижа. Я увѣренъ, что Булгаринъ и прочіе наполеономаны разсердятся на меня за Ватерлоо, но я радуюсь, что могъ сказать правду. Я провелъ заграницею эти три съ половиною мѣсяца съ большою пользою для моего здоровья, и очень пріятно, вдали отъ всѣхъ мірскихъ заботъ. Но когда подумаю о другѣ Контскихъ, и что я опять долженъ буду съ нимъ собачиться, морозъ по кожѣ подираетъ».

Отъ 4-го (16-го) сентября 1853 года, изъ Парижа: «Забавно, что вы пишете о Контскомъ. Для меня это непостижимо. Неужели Булгаринъ въ самомъ дѣлѣ не видитъ, какъ это глупо и какъ это вредно «Пчелѣ»? Что касается до собственныхъ его статей, то ему не трудно было исписаться. Писать тридцать лѣтъ о Дерптѣ,

и не надоѣсть себѣ и другимъ, не съумѣлъ бы и Шатобріанъ. Забавна ученость Булгарина. Онъ приводитъ въ своемъ фельетонѣ, какъ рѣдкость, записки французскія о Петрѣ Великомъ, а это переводъ всѣмъ извѣстной книги «Das veraenderte Russland», сочиненной Веберомъ, резидентомъ одного нѣмецкаго двора. И Роберта Блума не повѣсили, а разстрѣляли. Что слово, то неисправность. Сдѣлайте одолженіе, не выправляйте ничего въ слогѣ Булгарина и о Контскомъ. Пусть все это остается въ своей первородной наготѣ и прелести».

Отъ 20-го мая 1855 года, изъ Ковно: «Вотъ мы на рубежѣ Россіи, въ странѣ Ѳаддеевъ и Викентіевъ. Иду возиться съ жидами, Контскими и другими виртуозами».

Отъ 22-го мая (3-го іюня) 1855 года, изъ Берлина: «Напишите мнѣ, что дѣлается у васъ, какъ ведетъ себя извѣстный Ѳ. Б.»?

Отъ 20-го іюля (1-го августа) 1855 года, изъ Висбадена: «Польская вспышка меня не удивляетъ. Это взрывъ бѣшенства, въ которомъ знаменитый писатель ругаетъ всѣхъ и хвалитъ Контскаго».

Отъ 7-го (19-го) августа 1855 года, изъ Мюнхена: «Павелъ Лазаревичъ Лазаревъ (управлявшій конторою «Сѣверной Пчелы») сообщитъ вамъ статью, которою я хочу взбѣсить польскаго пса».

Отъ 24-го августа (5-го сентября) 1855 года, изъ Гаштейна: «Грудь моя и нижній парламентъ такъ здоровы, какъ давно не бывало. Только бы удовольствія петербургской жизни и нѣжнаго польскаго союза не испортили меня вновь. Постараюсь отличиться твердостью и хладнокровіемъ».

Отъ паралича, поразившаго Ѳ. В. Булгарина въ началѣ 1857 года, онъ не могъ уже оправиться. Изъ предшествовавшихъ его писемъ, видно, что этотъ параличъ готовился у него годами, выражаясь временами сильными приливами крови къ головѣ, горлу, правому уху. Медицинская помощь сдѣлала, что онъ сталъ немного внятнѣе говорить, такъ какъ языкъ также былъ парализованъ, но правою рукою онъ уже не въ состояніи былъ болѣе владѣть. Такъ провелъ онъ 1857, 1858 и часть 1859 года. Въ 1857 году, подъ его диктовку, писалъ ко мнѣ одинъ изъ его сыновей, изъ Карлова, отъ 14-го іюня: «Благодарю васъ за память обо мнѣ и за поздравленіе съ чиномъ (дѣйствительнаго статскаго совѣтника). Здоровье мое еще не начало поправляться, но, по докторскому обѣщанію, должно надѣяться поправленія. Я въ «Сѣверную Пчелу» начну писать, т. е. диктовать, съ завтрашняго дня, чѣмъ и начинается будущая вереница статей. Посылаю вамъ письмо изъ Парижа родственника моего, капитана артиллеріи Александра Булгарина, съ просьбою напечатать въ «Сѣверной Пчелѣ». Прощайте! Прошу любить и жаловать! Кланяйтесь доброму П. Л. Лазареву и свидѣтельствуйте мое почтеніе Николаю Ивановичу Гречу, преданный Ѳаддей Булгаринъ».

Отъ 7-го августа, изъ Карлова: «Съ большимъ удовольствіемъ читаю я фельетоны Николая Ивановича Греча [1]). Онъ не хотѣлъ, чтобы мое мнѣніе о нихъ было выражено въ «Сѣверной Пчелѣ». Пусть такъ и будетъ. Не знаю я, на какомъ градусѣ стоитъ благоволеніе ко мнѣ «Сѣверной Пчелы», слѣдственно и молчу. Требуемую вами медицинскую газету посылаю и при томъ маленькій мой фельетонъ. Здоровье мое, по мнѣнію доктора, идетъ будто бы лучше, что доказывается тѣмъ, по мнѣнію его, что я дѣлаюсь слабѣе. Потерпите, по крайней мѣрѣ, пока не зароютъ меня въ землю и не безпокойте моей души, пребывающей въ слабомъ тѣлѣ. Кланяюсь Гречу, моему старому товарищу и доброму нашему П. Л. Лазареву».

Я предложилъ женѣ Ѳ. В. Булгарина купить у него принадлежащую ему половину въ изданіи «Сѣверной Пчелы», въ первое время болѣзни ея мужа, т. е. въ 1857 году, и выразилъ готовность заплатить за то 20,000 р. Согласія на это не послѣдовало и дѣло осталось въ прежнемъ положеніи. Въ 1858 году, послѣ переговоровъ между Н. И. Гречемъ, Ѳ. В. Булгаринымъ и мною, въ маѣ составленъ былъ проектъ договора, въ силу котораго я принимался третьимъ товарищемъ по изданію газеты, съ тѣмъ, чтобы быть единственнымъ ея редакторомъ, но этотъ проектъ также остался однимъ предположеніемъ. Наконецъ, въ 1859 году, когда число подписчиковъ на «Сѣверную Пчелу» значительно сократилось, уменьшаясь постепенно съ 1856 года, со времени заключенія парижскаго мира, Ѳ. В. Булгаринъ самъ предложилъ мнѣ купить у него его половину. Я предложилъ ему за нее только 10,000 р. Онъ отвѣчалъ мнѣ 28-го марта 1859 года: «Я получалъ отъ «Пчелы», при 1,500 подписчикахъ, 25,000 рублей ассигнаціями [2]), а теперь, при 3,000 подписчикахъ, вы предлагаете мнѣ за уступку моего права только 10,000 р. сер. Прилагаю при семъ свои условія. Если сроки къ платежу денегъ вамъ неудобны, то назначьте другіе. Вы сами предлагали моей женѣ за «Пчелу» 20,000 р. с. На покупку «Пчелы»

---

[1]) Съ начала 1857 года фельетоны Булгарина, появлявшіеся по средамъ и субботамъ, стали помѣщаться не въ назначенные сроки. Онъ уже не писалъ прежнихъ длинныхъ фельетоновъ, при которыхъ едва вмѣщались остальные отдѣлы газеты и то въ сокращенномъ видѣ. Въ № 68-мъ (въ мартѣ) появился первый фельетонъ Греча, подъ псевдонимомъ Эрміона, подъ заглавіемъ «Газетныя Замѣтки». Они печатались аккуратно по понедѣльникамъ въ 1857, 1858, 1859 годахъ. Булгаринъ въ 1857 году изрѣдка помѣщалъ свои фельетоны. Въ теченіе всего 1858 года Булгаринъ помѣстилъ въ газетѣ только 6 фельетоновъ (№№ 20, 95, 235, 250, 258, 277), а въ 1859 году только одинъ, въ № 29 (Замѣтки, выписки Ѳ. В.). Ему, очевидно, хотѣлось еще работать, но умственныя и физическія силы слабѣли. Въ № 235 (25-го октября 1858 года) онъ писалъ въ фельетонѣ: «тридцать четыре года я работалъ, споткнулся и болѣнъ».

[2]) Въ 1855 году каждый изъ издателей «Пчелы» получилъ, на свою долю, но 24,000 р. с. чистаго дохода отъ газеты.

есть у меня много охотниковъ, но даже и при выгоднѣйшихъ для себя условіяхъ я вамъ даю преимущество. Покорнѣйше прошу васъ прислать мнѣ свои замѣчанія на мои условія, потому что болѣзнь затрудняетъ меня говорить и объясняться съ вами». Я отвѣчалъ немедленно и объяснилъ причины, почему два года назадъ я предлагалъ 20,000 р., а теперь даю только 10,000 р. На это я получилъ, отъ 2-го апрѣля, слѣдующее письмо: «Для сохраненія мира и спокойствія въ мутной водѣ, я рѣшаюсь, наконецъ, уступить вамъ «Сѣверную Пчелу» за 15,000 р. с., которыя деньги могутъ быть выплачены мнѣ или моимъ наслѣдникамъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, начиная съ 1860 года. За нынѣшній годъ—особенный счетъ, отстраняя васъ отъ дѣла. Тутъ разсудятъ насъ Богъ и царь [1])! Приэтомъ я дѣлаю условія: что въ «Сѣверной Пчелѣ» никогда не должны быть помѣщаемы критическія статьи и личности, писанныя противъ меня и моихъ сочиненій. Также и я не имѣю права печатать что либо противъ «Сѣверной Пчелы». Я могу, когда хочу, печатать статьи мои въ «Сѣверной Пчелѣ», только не критикуя «Пчелы» и ея издателей».

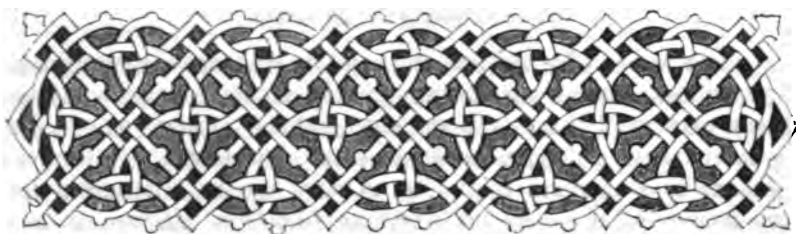
Послѣ новыхъ переговоровъ, 20-го мая 1859 года, я заключилъ съ Ѳ. В. Булгаринымъ нотаріальный актъ о покупкѣ у него принадлежащей ему половины «Сѣверной Пчелы» за 13,000 р., съ тѣмъ, чтобы я вступилъ въ ея владѣніе только съ 1-го января 1860 года.

Въ № 190 «Сѣверной Пчелы» (4-го сентября 1859 г.) появилось слѣдующее извѣстіе: «1-го сентября, въ шесть часовъ пополудни, скончался въ Дерптѣ извѣстный нашъ писатель, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, на семьдесятъ первомъ году отъ роду». Другихъ біографическихъ свѣдѣній объ основателѣ «Сѣверной Пчелы» въ этой газетѣ не появилось. Н. И. Гречъ не согласился написать статью о Булгаринѣ и даже прекратилъ свои понедѣльничные фельетоны, «Газетныя замѣтки», на нѣкоторое время. Послѣ того первый его фельетонъ появился только 12-го октября.

Пав. Усовъ.

---

[1]) По случаю уменьшенія подписчиковъ и увеличенія расходовъ по изданію, вслѣдствіе прекращенія занятій такого трудолюбиваго сотрудника, какимъ былъ Ѳ. В. Булгаринъ, ему выдана была, въ январѣ 1859 г., въ счетъ прибыли, очень незначительная сумма впередъ. На это онъ и жаловался означенною фразою. Между тѣмъ, при сведеніи счетовъ по окончаніи 1859 года, когда Ѳ. В. Булгаринъ уже лежалъ въ землѣ, чистой прибыли отъ изданія вовсе не оказалось. Для покрытія расходовъ по газетѣ, Н. И. Гречъ принужденъ былъ въ августѣ сдѣлать заемъ, а расходы по изданію въ декабрѣ и отчасти въ ноябрѣ были уплачены мною, изъ подписныхъ денегъ 1860 года, хотя подобнаго обязательства на мнѣ не лежало, и я сдѣлалъ это изъ одного желанія сохранить за редакціею репутацію исправнаго плательщика. Поэтому Ѳ. В. Булгарину не только не приходилось ничего на долю за 1859 годъ, но слѣдовало получить съ него на покрытіе дефицита. Я съ Н. И. Гречемъ положили раздѣлить его между собою и на мою долю пришлось болѣе трехъ тысячъ рублей.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ БУНТА ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЯНЪ ВЪ 1831 ГОДУ.

(По разсказамъ очевидцевъ.)

О НАСТОЯЩЕЕ время въ исторической литературѣ уже напечатано довольно много документовъ, и въ особенности воспоминаній, о бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 году. Однако же, не смотря на это, не мало еще трагическихъ эпизодовъ, случившихся во время бунта, остаются неизвѣстными. Одинъ изъ такихъ эпизодовъ, записанный нами со словъ очевидцевъ, предлагается здѣсь вниманію читателей.

I.

Въ 1827 году, 8-го сентября, въ деревнѣ Залучье, въ 44 верстахъ отъ Старой Русы, былъ открытъ вновь устроенный артиллерійскій округъ Новгородскихъ военныхъ поселеній. На площади между Залучьемъ и Великимъ Селомъ, въ присутствіи трехъ дѣйствующихъ бригадъ гренадерской дивизіи, служили молебенъ и читалась грамата; послѣ того, столь важное для этой мѣстности событіе отпраздновано было обѣдомъ у бригаднаго командира полковника Алексѣя Семеновича Малѣева.

Деревня Залучье, имѣвшая не болѣе 20 дворовъ, была расположена на довольно возвышенной мѣстности, вблизи которой протекала рѣка Робья. Въ 1827 году, въ маѣ мѣсяцѣ, въ Залучье прибылъ Малѣевъ и въ продолженіи лѣта устраивалъ все необходимое для своего штаба: проводили дороги, дѣлались мосты, такъ

какъ ничего этого раньше не было; строились цейхаузы, госпиталь, артиллерійскія конюшни и сараи для пушекъ. Сначала какъ Малѣевъ съ семействомъ, такъ и офицеры, расположились въ простыхъ избахъ поселянъ; но вскорѣ были воздвигнуты всѣ зданія, необходимыя для размѣщенія начальствующихъ лицъ и въ самой деревнѣ стала наблюдаться чистота чрезвычайная. На выѣздѣ изъ Залучья по направленію къ Старой Русѣ была вновь сдѣлана прямая дорога на разстояніи 20 верстъ до деревни Коровичиной, въ которой находился паромъ черезъ рѣку Ловать, шлагбаумъ и ворота. Домъ бригаднаго командира, окруженный садомъ, былъ построенъ на пригоркѣ, надъ самой рѣкой Робьей.

Въ округѣ проживало очень много старовѣровъ безпоповщинцевъ, вслѣдствіе чего, по ходатайству Малѣева, были выстроены двѣ деревянныя церкви, одна въ Залучьѣ, а другая—въ деревнѣ Шубиной, центрѣ старовѣрства. Когда церкви были готовы, то особенно въ Шубинѣ принуждали старовѣровъ посѣщать каждую воскресную службу; обыкновенно они стояли въ оградѣ и когда священникъ кадилъ, то враждебно настроенные старовѣры долго потомъ отряхивали свои бороды и платья, желая избавиться отъ дыма ладона; часто бывали и такіе случаи, что старовѣры оборачивались задомъ къ церкви; тогда солдаты обязаны были по командѣ поворачивать ихъ лицомъ къ храму.

Бригадный командиръ полковникъ А. С. Малѣевъ имѣлъ въ то время жену Мавру Ивановну, урожденную княгиню Путятину и двоихъ дѣтей—Наталью, трехъ лѣтъ, и Марію—пяти; потомъ къ нему привезли изъ Воронежа двухъ сиротъ—дѣтей его брата. Ко всѣмъ этимъ дѣтямъ была приглашена гувернантка, Марья Александровна Юракъ изъ Смольнаго монастыря. Семья Малѣева была чрезвычайно общительна, ее любили всѣ окрестные помѣщики и часто посѣщали запросто. Каждый четвергъ собирался комитетъ, въ которомъ разбирались тяжбы поселянъ, дѣла о покражахъ сѣна, дракахъ, порубкахъ и проч. Въ комитетѣ присутствовали ротные командиры семи поселенныхъ ротъ и помощники ихъ, а также священникъ дер. Залучья и поселяне. По окончаніи засѣданія, у Малѣева бывалъ обыкновенно обѣдъ, а вечеромъ устраивались танцы. Сама хозяйка, какъ воспитанница Екатерининскаго института хорошо играла на рояли и была душою всего общества. По воскресеньямъ къ Малѣевымъ пріѣзжали въ гости: генералъ Буткевичъ съ тремя дочерьми, графъ Стройновскій [1]), помѣщица Варвара Андреевна Бостельманъ, а изъ Старой Русы генералъ Никитинъ. Самъ Малѣевъ отличался твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ и большимъ самоотверженіемъ. Поселяне его боялись, а сослуживцы

---

[1]) О Буткевичѣ и графѣ Стройновскомъ подробно говорится въ «Воспоминаніяхъ» г. Маевскаго, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1881 года.

уважали какъ отца за гуманное отношеніе къ нимъ внѣ службы и честное исполненіе своихъ обязанностей какъ начальника. Малѣевъ ѣздилъ по округу въ мѣсяцъ раза два; крестьяне обязаны были также давать подводы доктору, бабкѣ, священнику и почтѣ; матеріальное положеніе ихъ было довольно хорошо, такъ напр., часто можно было встрѣтить мужиковъ, которые имѣли по 20 коровъ и 4 барки сѣна, а у остальныхъ было по 4 коровы, 2 лошади и всѣ принадлежности для обработки земли. Установленный для нихъ костюмъ былъ таковъ: казакины сѣраго сукна, пояса съ красными кантами, черныя фуражки и брюки съ краснымъ кантомъ и красные погоны съ надписью номера роты.

Коренное населеніе округа—старовѣры никакъ не могли привыкнуть къ новымъ порядкамъ и легко поступиться своими обычаями въ пользу всѣхъ новшествъ; а потому вскорѣ въ разныхъ мѣстахъ стали обнаруживаться сопротивленія нововведеніямъ; такъ, старообрядскіе попы перекрещивали дѣтей, крещеныхъ по православному обычаю, и не позволяли дѣвицамъ выходить замужъ за православныхъ поселянъ; впрочемъ, бывали случаи, когда сами дѣвицы тайкомъ убѣгали изъ дому и вступали въ бракъ противъ воли своихъ родныхъ, закоренѣлыхъ старовѣровъ. Когда же мѣстныя власти начали преслѣдовать ихъ все болѣе и болѣе, закрывая молельни въ Коровичинѣ, Шубинѣ, Горкахъ и другихъ деревняхъ, то самые вліятельные и богатые изъ старовѣровъ стали искать случая подать просьбу высшему начальству и даже государю императору. По этому поводу, въ мѣстныхъ преданіяхъ сохранился слѣдующій разсказъ.

Въ Великомъ Селѣ, въ трехъ верстахъ отъ Залучья, проживалъ крестьянинъ 70 лѣтъ Григорій Ивановъ; у него былъ сынъ солдатъ, человѣкъ довольно зажиточный. Когда состоялся царскій смотръ въ Старой Русѣ, Григорій Ивановъ собрался идти туда, желая хотя передъ смертью, какъ онъ говорилъ, посмотрѣть на императора. Пришелъ онъ и пробрался къ самой свитѣ, окружавшей государя, такъ что обратилъ на себя вниманіе царя.

— Что тебѣ, старина, здѣсь нужно? спросилъ его государь.

— Да вотъ пришелъ посмотрѣть на батюшку царя, отвѣчалъ старикъ, не зная съ кѣмъ говоритъ.

— Что же, видѣлъ ты его?

— Не знаю, батюшка, вѣдь такъ то много здѣсь господъ.

— Нѣтъ ли у тебя до царя какой просьбы?

— Ничего мнѣ не надо! А и то сказать, избенка то у меня очень плоховата, лѣску бы надо было.

Государь приказалъ написать тотчасъ же въ округъ о выдачѣ этому старику необходимаго матеріала для постройки избы. Когда Григорію Иванову, по возвращеніи въ деревню, выдали лѣсъ на избу, тогда онъ только догадался, кто былъ его собесѣдникъ. Узнали

объ этомъ и старовѣры, и очень разсердились на Григорія Иванова, что вотъ молъ какъ онъ былъ близко къ царю и могъ бы разсказать ему о всѣхъ ихъ нуждахъ. Полагая, что теперь Григорій Ивановъ лично извѣстенъ государю они уговорили его за хорошее вознагражденіе отправиться въ Петербургъ и подать государю прошеніе. Григорій Ивановъ отправился и ўспѣлъ лично вручить государю бумагу.

— Ну, дѣдушка, это не твое ужъ дѣло! сказалъ ему государь.— Это была воля царя, такъ и должно быть!

Вслѣдъ за тѣмъ, Григорія Иванова препроводили въ Юрьевъ монастырь на жительство; а его домъ остался совсѣмъ недостроеннымъ, такъ какъ хозяину суждено было и умереть въ томъ же монастырѣ.

Въ 1831 году, дѣйствующія войска всѣхъ поселенныхъ округовъ выступили въ польскую кампанію, а въ артиллерійскомъ округѣ остались только резервные полки и инвалидная рота.

II.

11-го іюля 1831 года, въ домѣ Малѣева собрались обычные посѣтители съ цѣлью провести денекъ въ разнаго рода деревенскихъ удовольствіяхъ; за чаемъ Малѣевъ внезапно получаетъ, отъ командира округа принца Евгенія Виртембергскаго, Посьета, письмо, въ которомъ тотъ предупреждалъ его особенно смотрѣть за военно-рабочими солдатами, такъ какъ они въ Старой Русѣ страшно бунтуютъ, многихъ убили, разбили лазареты, а докторовъ выбросили изъ окошекъ за то, что они будто бы отравляютъ народъ. Прочитавъ письмо Посьета, Малѣевъ сказалъ: «Вотъ вторую подобную бумагу получаю въ своей жизни, первую еще въ 1812 году; но, въ случаѣ чего, я своихъ усмирю, у меня 30 человѣкъ команды» Всѣ гости тотчасъ же поразъѣхались, прося Малѣева дать имъ помощь, въ случаѣ опасности отъ крестьянъ. Въ 12 часовъ ночи къ Малѣеву явился его адъютантъ Беренсъ и доложилъ слѣдующее: «Прихожу домой и застаю нежданныхъ гостей изъ Старой Русы— квартальнаго надзирателя и городоваго; они везли одного кутилу офицера изъ Русы на Осташковскую дорогу, гдѣ былъ расположенъ его баталіонъ для содержанія карантина; на возвратномъ пути оттуда они узнали, что въ Русѣ бунтъ, и для своего спасенія свернули съ Рамышева въ артиллерійскій округъ на Залучье». Выслушавъ Беренса, Малѣевъ распорядился приготовить въ Коровичинѣ два орудія и собрать тамъ сколько было можно резервныхъ солдатъ, а маіору Отрощенко предписалъ немедленно собрать свой баталіонъ, бывшій на карантинѣ, и отправляться въ Коровичино; въ этой деревнѣ Малѣевъ намѣревался соединиться съ Отро-

щенкомъ и направиться въ Старую Русу для усмиренія бунта. Однако, до 3-хъ часовъ, 12-го іюля, въ понедѣльникъ, Малѣевъ не получилъ никакого увѣдомленія съ карантина, а потому, наскоро пообѣдавъ, самъ отправился съ своимъ адъютантомъ къ Отрощенкѣ. Жена его, Мавра Ивановна, какъ будто предчувствуя нависшую грозу, съ небывалою грустью проводила мужа, благословивъ, стоя на крыльцѣ, его нѣсколько разъ и, возвратясь въ комнату, со слезами сказала прислугѣ: «Молитесь, чтобы Алексѣй Семеновичъ благополучно вернулся домой!» Не прошло и четверти часа послѣ отъѣзда Малѣева, какъ бунтовщики вдругъ нагрянули съ задворковъ на деревню; имъ попалась на встрѣчу женщина съ ребенкомъ, она шла въ баню; одинъ изъ толпы хватилъ ее коломъ по спинѣ, приговаривая: «Твой свекоръ взялъ 200 рублей съ Малѣева, чтобы огороды травить». Взвизгнула несчастная и на этотъ крикъ на улицѣ выскочила изъ дома Малѣева полковая бабка, чтобы узнать, что тамъ происходитъ.

— Гдѣ Малѣевъ? закричалъ подошедшій изъ толпы мельникъ деревни Залучья, держа въ рукахъ громадный колъ.

— Поѣхалъ въ карантинъ, отвѣчала бабка.

— А гдѣ же Малѣиха? спросилъ онъ и ткнулъ коломъ въ дверь, мѣшая ей закрыться.

Но бабка быстрымъ движеніемъ оттолкнула колъ, захлопнула дверь и заперла на задвижку. Не успѣла она обернуться, какъ видитъ на встрѣчу бѣжитъ Малѣева съ 4-мя дѣтьми и кричитъ, что бунтовщики ворвались въ домъ съ другаго входа; дѣйствительно, всѣ комнаты были переполнены поселянами съ громадными кольями. Все, что имъ попадалось подъ руку, разбивалось и ломалось. Бабка заперла всю семью Малѣева въ сѣняхъ въ чуланчикъ, а сама осталась въ передней. Вскорѣ толпа ворвалась въ переднюю.

— Пусть лучше одинъ Малѣевъ погибнетъ, чѣмъ намъ всѣмъ умирать отъ отравы! кричалъ одинъ поселянинъ. На возраженія бабки, онъ продолжалъ кричать: — «У него, говорятъ, семь кулей запасено яду отравлять огороды и колодцы!»

Бунтовщики перевернули въ домѣ все вверхъ дномъ: всѣ сундуки были очищены, даже зола изъ печекъ выгребена; все хрупкое перебито — зеркала, лампы, посуда, рояль разрублены на мелкіе кусочки. На улицѣ предъ домомъ толпа представляла потрясающую картину буйства; тутъ происходилъ споръ изъ-за какой нибудь вещи, тамъ лошади разукрашивались награбленнымъ имуществомъ: на одной шаль вмѣсто попоны, на другой надѣта розовая креповая шляпа, къ третьей была привязана вмѣсто сѣдла перина гувернантки.

— Ахъ, моя перина! моя перина! завопила было гувернантка и бросилась ее выручать.

— Прочь барыня! закричали ей два дюжихъ старовѣра:—спасайся, пока жива, что взято, то свято!

На телѣгахъ торчала поломаная мебель; на одной былъ поставленъ диванъ, на которомъ едва сидѣли, перепившіеся наливкою Малѣева, два кантониста; одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ педаль, а другой пеструю юбку на палкѣ, вмѣсто флага и т. п.

Нашелся таки одинъ добрый поселянинъ; отыскавъ Малѣеву съ дѣтьми онъ скрытно провелъ ее изъ дома въ сосѣднюю двухъэтажную избу; Мавра Ивановна была посажена на лавку уже совсѣмъ безъ памяти, дѣти съ гувернанткой бросились на колѣни передъ образомъ и жарко молились о спасеніи отца. Только что они успѣли утолить жажду попавшимся въ избѣ квасомъ, какъ ворвался совершенно пьяный, страшнаго вида и громаднаго роста, бунтовщикъ съ нагайкою въ рукахъ; размахивая ѐю направо и налѣво, онъ завопилъ: «Гдѣ здѣсь Малѣиха? Я пришелъ ее спасать!» Когда ему указали на всю семью, пріютившуюся въ углу избы, то онъ уже успѣлъ лишиться твердости въ ногахъ и, потерявъ равновѣсіе, присѣлъ, процѣживая сквозь зубы:

— Ну такъ спасайтесь! а я ужь ничего не могу сдѣлать!

Тогда полковая бабка спрятала Малѣеву съ дѣтьми въ чуланѣ за кадками и бочками съ полотномъ и паклею, и обратясь къ пьяному спросила его:

— Какъ же тебя зовутъ?

— Сенька Боровокъ, отвѣчалъ онъ: — сидите себѣ тамъ, а я тутъ буду караулить; затѣмъ, онъ растянулся и скоро захрапѣлъ.

Перепуганные, несчастные дѣти молились теперь уже не за папу и маму, а за Сеньку Боровка. Когда толпа вваливалась въ эту избу, Боровокъ отъ шума просыпался и каждый разъ на вопросъ— здѣсь ли Малѣиха? отвѣчалъ:

— Полно, братцы, тутъ никого нѣтъ! одинъ только я.

Часовъ въ 8 вечера у Малѣевой нашлись еще защитники изъ поселянъ; для бо̀льшей безопасности они рѣшили отвести ее съ дѣтьми на гауптвахту; на всемъ пути она отъ изнеможенія нѣсколько разъ падала, кромѣ того, ей было нанесено бунтовщиками нѣсколько ударовъ, одинъ изъ нихъ на столько былъ силенъ, что вся гребенка на головѣ вошла въ кожу. Нѣкоторые бунтовщики хотѣли положить ее съ дѣтьми на одинъ возъ съ тѣлами убитыхъ офицеровъ и везти въ деревню Великое Село на р. Робьѣ. Видя такое ужасное намѣреніе толпы, караульный на гауптвахтѣ, унтеръофицеръ Крупенинъ, сталъ убѣждать бунтовщиковъ, говоря:

— Ну, братцы, куда вы тамъ ее повезете? оставьте лучше здѣсь умирать.

Пока Малѣеву вели на гауптвахту, все ея платье было оборвано, а съ дѣтей бунтовщики сорвали верхнюю одежду, такъ что они пришли въ однѣхъ рубашенкахъ.

III.

На другой день, въ два часа утра, бунтовщики приняли уже оборонительныя мѣры на случай возвращенія Малѣева съ баталіономъ: одно орудіе было вывезено къ воротамъ деревни, а другое поставлено на разстояніи 100 шаговъ у шлагбаума; кромѣ того, до 700 человѣкъ поселянъ отправились въ карантинъ съ цѣлью взять тамъ полковника, съ которымъ было не болѣе 40 человѣкъ солдатъ.

Малѣева весь день находилась въ страшномъ бреду, прикладывалась къ стѣнѣ, точно къ образамъ, никого не узнавала или же вдругъ спрашивала окружающихъ:

— А вы слышали, какъ бѣдный мой Алексѣй Семеновичъ кричалъ? Я сама вотъ сейчасъ слышала; бѣдный, бѣдный! Его тамъ убили! и при этомъ несчастная заливалась горькими слезами; или вдругъ прислушивалась къ чему-то и, обведя дикимъ взоромъ все окружающее, не обращая вниманія на зовъ дѣтей—мама, мама, падала въ изнеможеніи на колѣни и начинала молиться, рыдать до обморока.

Нерадостныя вѣсти доносились и съ карантина; когда иной поселянинъ спрашивалъ скачущихъ въ Залучье бунтовщиковъ: ну, что, какъ Малѣевъ? — Все хорошо, отъ него и кишекъ не осталось! былъ ложный отвѣтъ.

Тутъ же въ женской арестантской лежалъ ротный командиръ Ивановъ; несчастный, находясь въ полной формѣ, такъ былъ избитъ, что весь распухъ и долго не могли снять съ пальца его кольца и растегнуть поясъ и мундиръ; изъ раненой головы сочилась кровь и образовала цѣлую лужу на каменномъ полу арестантской. Къ счастью, тутъ была полковая бабка, заботливыя старанія которой нѣсколько облегчили невыразимыя мученія безвиннаго страдальца.

Вечеромъ, во вторникъ, поселяне засуетились вытаскивать еще пушки изъ сарая; но такъ какъ вся молодежь ушла въ карантинъ, то пришлось принимать участіе всѣмъ, кто только остался: старцы, бабы, дѣвки и даже дѣти; въ подмогу себѣ они подпрягли какого-то жеребенка, но дѣло двигалось медленно, пока надъ этимъ сбродомъ не принялъ команду какой-то престарѣлый инвалидъ.

Ночь на среду прошла на гауптвахтѣ не безъ приключеній. Стемнѣло; все нѣсколько поутихло; измученные заснули. Неспалось только несчастнымъ дѣтямъ Малѣевой: грязь повсюду страшная, удобства никакого—одна подушка на всѣхъ, въ арестантской темно и ко всему этому началась бѣготня и пискотня крысъ и мышей. Дѣти, какъ ни устали, только дремали, вздрагивали при всякомъ шумѣ и поднимали плачъ. Надъ ними сжалились пять

закованныхъ арестантовъ въ мужскомъ отдѣленіи и купили гдѣ-то въ складчину свѣчку, а чтобы бунтовщики съ улицы не увидѣли свѣта, заложили чѣмъ-то маленькое стекло въ дверяхъ; Мавру Ивановну съ дѣтьми они уложили спать на нарахъ.

Толпа поселянъ около гауптвахты стала увеличиваться; среди нея послышался голосъ:

— А что, братцы, не поджечь ли гауптвахту? Пропадетъ Малѣиха съ дѣтьми, то и самъ Малѣевъ скоро сдастся!

— Нечего вамъ это дѣлать, вмѣшался унтеръ-офицеръ Крупенинъ, она и сама ужь умерла!

Второй разъ такимъ образомъ удалось этому вѣрному слугѣ Малѣева спасти или, по крайней мѣрѣ, облегчить несчастную участь его семьи и ложнымъ извѣстіемъ о смерти Мавры Ивановны предотвратить гибель всѣхъ засѣвшихъ на гауптвахтѣ. На разсвѣтѣ подошелъ къ платформѣ гауптвахты поселянинъ деревни Залучья, надѣлъ офицерскій шарфъ черезъ плечо, назвавшись графомъ Лепешкинымъ, вошелъ въ самое зданіе и обратился къ солдатамъ:

— Здорово ребята!

— Здравія желаемъ! отвѣчали.

Затѣмъ самозванный графъ Лепешкинъ отворилъ дверь къ арестантамъ и закричалъ:

— Выходите ребята! Мы васъ сдѣлаемъ нашими начальниками.

— А какъ ты смѣлъ открыть нашу арестантскую? возразили два артиллериста, скованные цѣпями по рукамъ и ногамъ. — Не бывать вамъ надъ нами начальниками! Вы лучше сами расхлебайте ту кашу, что заварили! А кто насъ посадилъ, тотъ и выпуститъ.

— Ха, ха, ха! ужь того и кишки на клубки-то намотаны.

— Ничего, мы безъ начальства не останемся! не этотъ, такъ другой будетъ; а ты сейчасъ запри дверь! а то мы тебя такъ тряхнемъ цѣпями, что тутъ и сядешь.

Послѣ такой неудачи Лепешкинъ ушелъ, но спустя полчаса времени вернулся и потребовалъ отъ унтеръ-офицера выдачи казеннаго ящика съ деньгами до 75,000 руб. ас. Тотъ не зналъ что дѣлать и доложилъ объ этомъ еле дышавшему ротному командиру, спрашивая—какъ прикажете?

— Отпустить! простоналъ Ивановъ.

На призывъ Лепешкина сбѣжалось нѣсколько человѣкъ поселянъ, отыскали лошадь, впрягли въ ящикъ и повезли его подъ гору черезъ мостъ; но въ то время какъ они опять подымались на гору, подходилъ къ Залучью стрѣлковый батальонъ съ карантина: стрѣлки сначала двигались ползкомъ, а потомъ услыхавъ стукъ колесъ и увидя ящикъ, захваченный бунтовщиками, бросились къ нему бѣгомъ; пустивъ въ ходъ приклады, они отбили

ящикъ и немедля направились къ гауптвахтѣ, гдѣ и поставили его на прежнемъ мѣстѣ. На вопросъ: гдѣ Малѣевъ? стрѣлки отвѣчали: полковникъ идетъ должно быть съ шумилковской дороги. И дѣйствительно, не прошло и четверти часа, какъ Малѣевъ, въ солдатской шинели, съ небольшимъ отрядомъ появился у шлагбаума. Всѣ солдаты, бывшіе на гауптвахтѣ бросились къ нему на встрѣчу. Малѣевъ такъ былъ пораженъ несчастнымъ видомъ своей жены и дѣтей, что, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ, уперся въ стѣну и, ничего не говоря, простоялъ въ такомъ положеніи нѣсколько минутъ; но потомъ, очнувшись, бросился къ Маврѣ Ивановнѣ и всѣ горько зарыдали. Малѣева, сильно взволнованная отъ радости, выбѣжала на площадку, гдѣ выстроился весь баталіонъ, бросилась въ ноги предъ командиромъ, благодаря всѣхъ за спасеніе своего мужа.

— Помилуйте, сударыня, мы сами спасены имъ! закричали стрѣлки, поднимая Мавру Ивановну:—а то бы насъ всѣхъ покрошили бунтовщики!

Тотчасъ же сдѣлано было распоряженіе: выдать баталіону куль крупы, выкосить отъ гауптвахты до связей часть поля съ рожью и зарѣзать корову; все это было крайне необходимо, такъ какъ стрѣлки съ понедѣльника до среды ничего почти не ѣли.

Отдохнувъ немного, баталіонный командиръ, маіоръ Отрощенко, разставилъ часть стрѣлковъ для наблюденія за движеніемъ бунтовщиковъ, а другую отправилъ по деревнѣ искать награбленное имущество; все населеніе Залучья въ страхѣ разбѣжалось, только въ нѣкоторыхъ избахъ остались малыя дѣти. Однако поиски были напрасны, ничего не нашли, кромѣ того, что въ предпослѣднемъ къ гауптвахтѣ амбарѣ сохранились содранные съ Малѣевскихъ экипажей кожи. Въ это время послышалась тревога въ виду того, что изъ Гадилова къ Залучью двигалась громадная толпа бунтовщиковъ, вооруженныхъ кольями и пиками; они остановились въ деревнѣ Пустошки и узнавъ, что Малѣевъ съ стрѣлками и орудіями въ Залучьѣ, повернули назадъ.

Начались аресты. 15-го іюля, въ день Кирика и Улиты, когда былъ праздникъ въ Гадиловѣ, схватили важнаго бунтовщика Ерофея, заковали въ колодки и посадили на гауптхвахту. Объ немъ разсказывали слѣдующее: во время бунта, около церкви въ Залучьѣ стояли передъ толпою два поселянина, Борисъ съ сумкой черезъ плечо и Ерофей, оба въ жалованныхъ царскихъ кафтанахъ; они читали народу бумагу, какъ будто бы полученную отъ самого государя, а на самомъ дѣлѣ это было письмо отъ сыновей одного изъ нихъ, служившихъ въ Петербургѣ на баркахъ и описывавшихъ народное волненіе въ столицѣ по случаю холеры. Когда чтеніе кончилось, то Ерофей, обращаясь къ толпѣ, закричалъ: «бейте братцы, начальство, я за все отвѣчаю!» Однако, несмотря на тща-

тельный обыскъ, никакой бумаги въ домѣ Ерофея не было отыскано.

Изъ всѣхъ жителей штаба въ Залучьѣ не были ограблены только два дома — священника и подпоручика А. И. Зеленскаго; жена Зеленскаго помѣстила своего мужа на подволоку, дала ему краюху хлѣба, чтобы онъ не голодалъ, а сама завязала голову простымъ платкомъ и когда толпа вломилась къ ней, закричала:

— Что вы, голубчики? Вѣдь я не барыня, а купчиха!

— Ну ладно, купцовъ не тронемъ! купцы за насъ,—загалдѣла толпа и вышла вонъ изъ дома.

15-го іюля, семья Малѣева перешла изъ гауптвахты въ связь (домъ) подполковника Суслова. Какъ только Мавра Ивановна не много оправилась, то уѣхала въ Порховской уѣздъ къ двоюродной сестрѣ.

IV.

По распоряженію Малѣева изъ всѣхъ ротъ были привезены орудія въ штабъ, а затѣмъ начали понемногу свозить въ Залучье убитыхъ и раненыхъ офицеровъ: 1) поручика Дубова съ женою и дѣтьми; онъ былъ еще живъ, хотя имѣлъ пять ранъ на рукѣ отъ ударовъ топоромъ и одиннадцать на головѣ; въ мѣстѣ его стоянки докторъ убитъ первымъ, а потому раны остававшіяся два дня безъ перевязки пришли въ ужасное состояніе; 2) ротнаго командира Ст. Ст. Барщевскаго съ совершенно разбитою головою, такъ что даже мозгъ былъ обнаженъ; 3) ротнаго командира Владиміра Ивановича Алферьева; онъ былъ еще живъ, несмотря на то, что страшно изуродованъ и оба глаза выколоты; 4) ротнаго командира Маркова совсѣмъ уже мертваго; 5) трупъ ротнаго командира Останковича; у него осталась беременная жена и 7 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было 10 лѣтъ; во время бунта жену его два раза принимались сѣчь, а старшаго сына на глазахъ матери чуть было не разорвали, приговаривая: бей его, братцы! будетъ такой же офицеръ какъ и отецъ! — Что вы дѣлаете, безтолочь?! за младенца отвѣтите вдвойнѣ! вступился какой-то старикъ и выручилъ полумертваго ребенка изъ рукъ разъяренной толпы; 6) ротнаго командира Ник. Ив. Воропонова, въ безчувственномъ состояніи отъ побоевъ; при первыхъ извѣстіяхъ о бунтѣ, онъ всѣхъ увѣрялъ, что въ артиллерійскомъ округѣ поселяне не могутъ бунтовать, потому что живутъ въ полномъ довольствѣ; развѣ только старовѣры, говорилъ онъ, отомстятъ за ссылку ихъ поповъ; 7) ротнаго командира Дубицкаго, хотя живаго, но въ такомъ состояніи, что его насилу сняли съ телѣги, вся спина у него была черная; такъ какъ онъ лежалъ долго безъ всякой помощи и некому было пустить кровь, то несчастный совершенно ослѣпъ; когда онъ спасался, то встрѣтился съ однимъ поселяниномъ.

— Ложись, баринъ въ телѣгу, пригласилъ тотъ; я довезу тебя до штаба благополучно.

Дубицкій согласился на такое неожиданное предложеніе и влѣзъ въ телѣгу; поселянинъ прикрылъ его рогожею. На пути встрѣтились бунтовщики.

— Что везешь?

— Да это ужь убитый ротный командиръ! отвѣчалъ поселянинъ.

— Ну такъ и моя копѣйка не щербата! приговаривалъ каждый изъ нихъ, нанося ударъ по рогожѣ чѣмъ попало, кто коломъ, кто нагайкой.

Кромѣ того, въ Залучье привезли трупъ доктора Муригина; разсказываютъ, что онъ отъ страха забрался на чердакъ, а когда бунтовщики пришли, то выскочилъ въ слуховое окошко и тутъ же убился.

Въ деревнѣ Избитовой жилъ докторъ Ильинскій. Въ день бунта (12-го іюля) онъ шелъ въ штабъ (Залучье); на дорогѣ на него напали бунтовщики и сильно исколотили. Спустя нѣсколько часовъ Ильинскій очнулся и кое какъ поползъ по прежнему пути. Встрѣчается другая толпа поселянъ. Докторъ проситъ хотя глотокъ воды, но бунтовщики насыпаютъ ему въ горло песку и связываютъ назадъ руки. Наконецъ, третье скопище его совсѣмъ добило, не допустивъ до штаба.

Такой же печальной участи подверглись и другіе лица, служившія въ штабѣ. Когда Малѣевъ выѣхалъ изъ Залучья, нѣсколько человѣкъ офицеровъ и аудиторъ находились у Останковича въ избѣ. Замѣтя издали двигающихся бунтовщиковъ, они разбѣжались кто куда попало. Аудиторъ выскочилъ на дворъ, встрѣтивъ растерявшагося священника отца Ивана и вмѣстѣ съ нимъ забился въ темный уголъ хлѣвушки подъ сѣно. Нахлынула толпа въ избу, и увидя въ разныхъ мѣстахъ офицерское оружіе разсыпалась по двору и неистово издѣвалась надъ отысканными жертвами. Перепугавшійся аудиторъ, слыша угрозы рыскавшихъ повсюду поселянъ и вопли избитыхъ офицеровъ, въ виду неминуемой смерти, исповѣдовался у отца Ивана. Просидѣвъ въ хлѣвушкѣ до зари въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь, когда шумъ нѣсколько прекратился, аудиторъ и священникъ незамѣтно выползли и спустились къ берегу рѣки, оставя на произволъ судьбы свое имущество и родныхъ; первый направился въ деревню Романово за 18 верстъ къ помѣщицѣ Варварѣ Андреевнѣ Бостельманъ, а священникъ ушелъ къ старостѣ за 8 верстъ. Едва успѣлъ аудиторъ войдти въ деревню, гдѣ думалъ спастись, какъ на него напали крестьяне Бостельмана и, видя форменный аудиторскій сюртукъ, стали вязать руки, приговаривая:

— Ахъ ты собака! ты оттуда ушелъ, такъ вотъ мы тебѣ дадимъ пріютъ! какъ бы не такъ! Ребята, въ озерко его!

— Да постойте, братцы! крикнулъ одинъ изъ нихъ; нужно осмотрѣть хорошенько, нѣтъ ли у него оду (яду), а то всю воду отравимъ.

Обшарили всѣ карманы, но ничего не нашли кромѣ часовъ, которые тотчасъ были сорваны кучеромъ помѣщицы.

— Гдѣ же ваша барыня? спросилъ аудиторъ.

— Барыня-то? Она ужь теперь видно далече! Еле, еле выскочила съ душею и тѣломъ! Все бросила и ушла съ дѣтьми и матерью въ Осташковъ въ Нилову пустынь; пускай поспасается!

— Не берите, братцы, грѣха на душу! взмолился аудиторъ; отведите меня къ старшинѣ, онъ дѣло разберетъ.

Просьба уважена, старшина оказалъ ему гостепріимство, накормилъ и отправилъ для большей безопасности въ деревню Карпово, гдѣ на большой осташковской дорогѣ находилась гауптвахта. Это мѣсто скоро сдѣлалось сборнымъ: сюда свозили раненыхъ чиновниковъ, стекались резервные солдаты съ карантинной линіи, подвозили провіантъ, подавали кое-какую помощь... Только 20 іюля подъ охраною команды въ состояніи были двинуться къ Залучью всѣ временные обитатели этой гауптвахты. Священникъ штаба ушелъ за 50 верстъ въ Демьянскъ.

О другомъ аудиторѣ артиллерійскаго же округа сохранился оригинальный разсказъ. По наружности онъ былъ чрезвычайно безобразенъ, съ неуклюжими манерами, высокаго роста, худой и большой чудакъ. Когда бунтовщики его схватили и стали бить, то послѣ нѣсколькихъ ударовъ онъ закричалъ:

— Стойте, братцы, стойте! Дайте отдохнуть! хорошо ребята бьете! а! нука табачку понюхайте, а потомъ и заработу,—съ этимъ словомъ онъ вынулъ свою табакерку, самъ понюхалъ и угостилъ поселянъ.

Они понюхали и опять принялись его бить. Били, били; вновь аудиторъ прервалъ экзекуціи съ тѣми же приговорами и угощеніемъ.

— Да бросьте его ребята! закричали нѣкоторые; никакъ онъ совсѣмъ дуракъ!

Въ деревнѣ Демидовѣ проживалъ капитанъ фурштатской роты Шибаевъ; во время бунта онъ вдругъ исчезъ неизвѣстно куда; жена его, какъ ни розыскивала, ничего не могла узнать и отправилась въ Петербургъ къ своему отцу Мясникову. Изъ числа арестованныхъ демидовскихъ поселянъ на одного падало большое подозрѣніе въ убійствѣ Шибаева; его допрашивали нѣсколько разъ; но тотъ все отказывался, всегда вздрагивая при имени Шибаева. Наконецъ, на 40-й день самъ заявилъ желаніе идти въ коммисію и сказалъ: «грѣхъ мой! Я убилъ Шибаева; и всего только одинъ разъ ударилъ безмѣномъ. Три раза ходилъ въ сосѣдній лѣсъ искать скрывшагося тамъ капитана и все неудачно; наконецъ въ

четвертый нашелъ его спящимъ подъ деревомъ; посмотрѣлъ я на него, посмотрѣлъ: трудно было узнать—худой, бѣлый такой, лицо спокойное, одежда рваная, оружія никакого; во мнѣ закипѣло; глаза затуманило; хватилъ разокъ и порѣшилъ; капитанъ не охнулъ, только вытянулся. Я бѣжать... На другой день вмѣстѣ съ братьями тѣло закопалъ тутъ же на пригоркѣ подъ березой».

Дней черезъ семь открылась въ Залучьѣ коммисія для допроса арестованныхъ; а ихъ было такъ много, что, кромѣ гауптвахты, сажали въ больницу и въ артиллерійскіе сараи. Правда до 100 человѣкъ скоро отпустили, такъ какъ они попали подъ арестъ по насердкамъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, на большой площади въ Залучьѣ происходила экзекуція въ присутствіи генерала Данилова. Потомъ весь артиллерійскій округъ былъ раздѣленъ на два округа пахатныхъ солдатъ № 13 и 14. Съ этого времени они должны были платить оброкъ, чего прежде не было; количество рабочихъ рукъ уменьшилось вслѣдствіе того, что многіе были сосланы; запашки производилось меньше и вообще благосостояніе края значительно ухудшилось.

Малѣевъ получилъ вспомоществованія 5,000 руб. ас., хотя имущества у него было разграблено на 22,000. Правда встрѣчались и такіе счастливцы, что за одинъ ударъ получили 200 руб. ас. ежегодной пенсіи. Долго Малѣевъ оставался безъ мѣста и наконецъ былъ назначенъ плацъ-маіоромъ въ Новгородъ. Однажды, во время пріѣзда великаго князя Михаила Павловича, Малѣевъ сѣлъ на плохія дрожки, тѣ сломались; онъ при паденіи получилъ искривленіе позвоночнаго столба, долго болѣлъ и умеръ въ 1847 году.

И. Поддубный.

ГРАФЪ ПАВЕЛЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ.

(Біографическій очеркъ.)

РЕДАКЦІИ «Историческаго Вѣстника» сообщены Г. В. Есиповымъ нѣсколько интересныхъ и до нынѣ еще нигдѣ не напечатанныхъ документовъ, касающихся графа П. С. Потемкина, а именно: его духовное завѣщаніе, письма жены, прошеніе послѣдней на высочайшее имя, донесеніе о предсмертной болѣзни графа и высочайшія повелѣнія относительно его семейныхъ дѣлъ. Приводя въ своемъ мѣстѣ означенные документы, считаемъ не лишнимъ предпослать имъ краткій біографическій очеркъ этого, во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго государственнаго дѣятеля. Помимо могучаго покровительства князя Таврическаго, своего родственника, графъ Потемкинъ успѣхами своими на служебномъ поприщѣ былъ обязанъ и собственнымъ дарованіямъ. Его удачная борьба съ пугачевщиной, личная храбрость во время обѣихъ турецкихъ кампаній, разумная распорядительность и неутомимая дѣятельность въ Кавказскомъ краѣ, наконецъ, содѣйствіе къ водворенію гражданскаго благоустройства во вновь покоренномъ Крыму (событіе, которому въ нынѣшнемъ 1883 году исполнилось сто лѣтъ) обратили на графа Потемкина справедливое вниманіе Екатерины II. Заслуги свои онъ омрачилъ злодѣйскимъ поступкомъ съ бѣглымъ персидскимъ принцемъ, причемъ опозорилъ себя грабежемъ. Страхъ наказанія довелъ его до самоубійства, и память Потемкина до сего времени остается не оправданною, не избавленною отъ позора... Всѣ эти біографическія данныя придаютъ большой интересъ его личности, которую

мы постараемся въ возможной полнотѣ воспроизвести въ нашемъ очеркѣ.

Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ — младшій изъ трехъ сыновей двоюроднаго дяди знаменитаго князя Таврическаго, секундъ-маіора Сергѣя Дмитріевича Потемкина и его супруги Анны Михайловны, рожденной княжны Крапоткиной—родился въ 1743 году [1]). Отецъ его, человѣкъ низкой, злой души, всячески старался разладить двоюроднаго своего брата, Александра Васильевича (отца князя Таврическаго), съ его женою, Дарьею Васильевною, возбуждая въ немъ ревность и подозрительность и дошелъ, наконецъ, до того, что когда у нихъ родился сынъ Григорій, будущій герой царствованія Екатерины, то убѣдилъ отца, что онъ незаконнорожденный. Старикъ повѣрилъ этой гнусной клеветѣ и даже подалъ челобитную о расторженіи брака, написанную подъ руководствомъ клеветника. Защитникомъ бѣдной жены Потемкина былъ Г. М. Козловскій: привезя стараго сумасброда въ присутствіе, онъ истребовалъ возвращенія челобитной съ надписью.

Эта низкая черта характера С. Д. Потемкина вполнѣ его обрисовываетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ — если допустить наслѣдственность нравственную—служитъ плохимъ ручательствомъ за душевныя качества его сыновей. Намъ неизвѣстна біографія старшаго, но оба младшіе, конечно, не могли назваться идеалами добродѣтели. Михаилъ Сергѣевичъ въ 1782—1790 годахъ былъ генералъ-кригсъ-коммисаромъ; князь А. А. Вяземскій прочилъ его въ государственные казначеи; но, судя по отзывамъ Екатерины, въ «Дневникѣ» Храповицкаго, онъ былъ игрокъ, въ дѣлахъ денежныхъ человѣкъ сомнительной честности. Послѣ смерти могущественнаго своего троюроднаго брата, М. С. Потемкинъ былъ посланъ въ Яссы для денежныхъ разсчетовъ о сорока милліонахъ рублей, отпущенныхъ покойному во время послѣдней турецкой войны... «но смерть сего коммисіонера» говоритъ Храповицкій [2]) «оставила дѣло безъ конца, спасла Попова и плутовъ». Эта смерть по отзывамъ того же лица (съ 13-го на 14-е декабря 1791 года) была, какая-то, «странная» [3]).

---

[1]) Слѣдовательно, доводился князю Потемкину «троюроднымъ», а не «двоюроднымъ» братомъ, какъ показано во многихъ біографіяхъ (между прочими въ «Русскомъ Архивѣ» 1873 года № 5, стр. 751). Покойный М. Н. Лонгиновъ («Русская Старина» 1871 года. Томъ IV, стр. 574) называетъ его «внучатнымъ» братомъ (степень родства не совсѣмъ понятная). Наше показаніе основано на несомнѣнномъ свидѣтельствѣ П. Ѳ. Карабанова («Русская Старина» 1872 года, томъ V, стр. 463—464). Другимъ двоюроднымъ братомъ отца князя Таврическаго былъ Григорій Матвѣевичъ Козловскій.

[2]) «Дневникъ» Храповицкаго, изданіе Базунова, подъ редакціею Н. П. Барсукова. 1874 года, стр. 377.

[3]) Тамъ же, стр. 387.

Той же странной смертью умеръ черезъ пять лѣтъ и Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, къ біографическому очерку котораго мы теперь возвращаемся.

Получивъ образованіе въ московскомъ университетѣ, онъ въ молодыхъ годахъ занимался литературою, печатая первые свои опыты въ московскихъ журналахъ, издаваемыхъ Херасковымъ. Изъ французскихъ писателей особенно уважалъ онъ Ж. Ж. Руссо и съ 1767 по 1770 годъ перевелъ и напечаталъ четыре особенно замѣчательныя сочиненія философа-мизантропа [1]). Но занятія литературныя не отвлекали Потемкина отъ службы. Поступивъ въ лейбъ-гвардіи семеновскій полкъ, онъ обратилъ на себя вниманіе усердіемъ и исполнительностью. Перейдя въ дѣйствующія войска въ первую турецкую кампанію, будучи уже капитанъ-поручикомъ и камеръ-юнкеромъ, онъ, 22-го сентября 1770 года, получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Затѣмъ, благодаря покровительству своего троюроднаго брата, быстро повышаясь въ чинахъ, черезъ три года былъ уже бригадиромъ. Не оставляя пера, Потемкинъ воспѣвалъ великія событія, которыхъ былъ свидѣтелемъ, или участникомъ [2]), написалъ двѣ драмы въ стихахъ [3]) и вообще посвящалъ свои досуги, впрочемъ весьма рѣдкіе и непродолжительные, занятіямъ словесностью, отечественною и иностранною. Важныя политическія событія, въ которыхъ онъ, по милости своего покровителя, былъ призванъ принять весьма дѣятельное участіе, отвлекли его окончательно отъ мирныхъ, умственныхъ развлеченій.

Внезапная кончина доблестнаго Александра Ильича Бибикова (9-го апрѣля 1774 года) въ ту самую минуту, когда онъ готовился нанести рѣшительный ударъ «Пугачевщинѣ», открыла Потемкину широкій путь къ отличіямъ. Произведенный въ генералъ-маіоры, онъ, въ началѣ іюня 1774 года, былъ отозванъ изъ дѣйствующей арміи и снабженный особенною инструкціею (11-го іюня) былъ откомандированъ въ Казань и Оренбургъ для изслѣдованія причинъ возмущенія, прісканія мѣръ къ устраненію ихъ и установленію прочнаго порядка на Яикѣ. Въ десяти пунктахъ помянутой ин-

---

[1]) «Разсужденіе удостоенное отъ академіи Дижонской въ 1750 году, на вопросъ предложенный сею академіею, что востановленіе наукъ и художествъ способствовало ли къ исправленію нравовъ?» (Le progrès des arts et des sciences a-t-il contribué à corrompre ou à épurer les meurs?). М. 1768 и 1787. «Новая Элоиза», часть первая. М. 1769. «Разсужденіе о началѣ и основаніи неравенства между людьми». 1770—1782. «Разсужденіе на вопросъ: какая добродѣтель есть самонужнѣйшая героямъ и которые суть тѣ герои, кто оной добродѣтели не имѣли?» М. 1770.

[2]) «Поэма на побѣды одержанныя россійскою арміею надъ турецкими войсками». Спб. 1770. «Эпистола на взятіе Бендеръ», 1770. «Эпистола графу Григорію Григорьевичу Орлову». Спб. 1771.

[3]) «Россы въ Архипелагѣ», драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Спб. 1772—1788. «Торжество дружбы», драма въ 3 дѣйствіяхъ. М. 1778 и 1787.

струкціи, Екатерина, облекая Потемкина обширными полномочіями, изложила все то, что отъ него требовалось, какъ отъ главнаго начальника двухъ секретныхъ коммисій, назначенныхъ по дѣлу о пугачевскомъ бунтѣ. Въ ночь на 8-е іюля, Потемкинъ прибылъ въ Казань, изъ которой раннимъ утромъ писалъ императрицѣ о необыкновенномъ уныніи, въ которомъ имъ найденъ городъ, о неизвѣстности мѣста нахожденія Пугачева, преслѣдуемаго Михельсономъ, и, наконецъ, о своей готовности идти на встрѣчу злодѣю съ небольшимъ отрядомъ въ 500 человѣкъ. «Боже дай успѣхъ въ дѣлахъ моихъ», заключалъ онъ свое донесеніе, «соотвѣтствующій ревности моей къ службѣ священной вашего величества особѣ, и я не пощажу ни трудовъ, ни самой жизни моей къ пріобрѣтенію желаннаго спокойствія въ народѣ». Благородной готовности Потемкина-на самопожертвованіе не замедлило предстать тяжелое испытаніе: 11-го іюля, Пугачевъ со своими полчищами осадилъ Казань. Первый приступъ былъ благополучно отбитъ; но на слѣдующее утро мятежники, съ четырехъ сторонъ, снова устремились на городъ. Потемкинъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь 400 человѣкъ, съ которыми и поспѣшилъ на выручку города. Въ то самое время какъ онъ бился съ мятежническими шайками, значительная часть ихъ прорвалась въ городъ. Съ отчаянными усиліями Потемкину удалось пробиться съ 300 человѣками въ крѣпость и затвориться въ ней, въ ожиданіи помощи отъ отрядовъ Михельсона, Жолобова и Гагрина. «Я въ жизнь мою такъ не счастливъ не бывалъ», писалъ онъ въ тотъ же день Г. А. Потемкину — «имѣя губернатора ничего не разумѣющаго и артиллерійскаго генерала дурака, долженъ былъ, по ихъ распоряженію, къ защитѣ самой скверной, помогать на семи верстахъ дистанціи. Теперь остается мнѣ умереть защищая крѣпость, и если Гагринъ, Михельсонъ и Жолобовъ не будутъ, то не уповаю долѣе семи дней продержать, потому что съ злодѣемъ есть пушки и крѣпость очень слаба. Итакъ, мнѣ осталось одно средство — при крайности пистолетъ въ лобъ, чтобъ съ честію умереть, какъ вѣрному подданному ея величества, которую я Богомъ почитаю. Повергните меня къ ея священнымъ стопамъ, которыя я отъ сердца съ слезами (sic) лобзаю. Богъ видитъ, сколь ревностно и усердно я ей служилъ: прости, братецъ, ежели Богъ доведетъ насъ до крайности. Вспоминайте меня какъ самого искренняго вамъ человѣка. Самое главное несчастіе—que le peuple n'est pas sur» (народъ неблагонадеженъ).

Это письмо, въ подлинникѣ, было представлено императрицѣ Г. А. Потемкинымъ. Тронутая великодушною отвагою его троюроднаго брата, Екатерина, отъ 23-го іюля, писала П. С. Потемкину собственноручно, стараясь поддержать въ немъ надежду на близкую помощь, причемъ прибавляла:

«Дабы вы свободнѣе могли упражняться службою моей, къ

которой вы столь многое показываете усердіе, рвенье, приказала я заплатить, въ мѣсто васъ, при семъ слѣдующіе возвратно, двадцать четыре векселя; о чемъ прошу болѣе ни слова не упомянуть, а впредь быть воздержнѣе, дабы качества твои, столь полезныя для службы и для меня ничемъ не затмились».

Грабежъ и разореніе Казани мятежниками продолжались десять часовъ: войска Михельсона, вмѣстѣ съ гарнизономъ Потемкина, вытѣснили ихъ, наконецъ, изъ города и обратили въ бѣгство. Дальнѣйшія злодѣйства Пугачева при его отступленіи внизъ по Волгѣ, до самаго дня его поимки (14-го сентября—день Воздвиженія св. Креста), слишкомъ общеизвѣстны, чтобы о нихъ распространяться, тѣмъ болѣе, что Потемкинъ, по отраженіи самозванца отъ Казани, посвятилъ себя исключительно дѣятельности административной. Всѣми его распоряженіями, весьма разумными и цѣлесообразными, Екатерина была вполнѣ довольна. Усмиряя народное волненіе въ Казани и окрестныхъ мѣстахъ, внушая жителямъ повиновеніе законной власти, Потемкинъ ежедневными рапортами увѣдомлялъ императрицу объ успѣхахъ нашихъ войскъ и о началѣ уничтоженія страшной пугачевщины. Въ рапортѣ своемъ отъ 17-го августа, увѣдомляя Екатерину о томъ, что жители Казани, по малодушію или невѣжеству покорствовавшіе предъ самозванцемъ, сознаютъ свое заблужденіе и выказываютъ искреннее раскаяніе, Потемкинъ писалъ между прочимъ: «А какъ повидимому пріучили ихъ къ тому, чтобы они праздны не являлися, то часто, приходя ко мнѣ, приносятъ они подарки, такъ, что отрекаясь принимать оные, принужденъ я сдѣлать объявленіе, что я примѣчая многіе лихоимства, публикую, что по первому свѣдѣнію, кто будетъ касаться ко взяткамъ, таковыхъ ту минуту буду наказывать, да и самые тѣ, кто подносятъ, не останутся безъ наказанія. Первый опытъ оному былъ учиненъ обличеніемъ одного офицера казанскаго гарнизона, который былъ посланъ съ командою для усмиренія бунтующихъ чувашъ и который бралъ деньги съ самыхъ бунтовщиковъ и отпускалъ ихъ».

Обращаемъ особенное вниманіе на эту похвальную черту безкорыстія Потемкина опередившую его вѣкъ, когда «посильными приношеніями» не гнушались и многіе важнѣйшіе сановники. Черезъ двѣнадцать лѣтъ этотъ врагъ лихоимства относился къ нему иначе, съ самою пріязненною снисходительностью... Времена перемѣнчивы. Но въ 1774 году дѣйствія Потемкина были вполнѣ достойны похвалъ и императрицы, и всей Россіи. Въ равной степени неподкупный и рыцарски великодушный, онъ, въ томъ же донесеніи отъ 17-го августа, упомянулъ о «подломъ поступкѣ» воеводъ саранскаго и пензенскаго, бѣжавшихъ изъ ввѣренныхъ имъ городовъ, оставивъ ихъ на жертву «злодѣю отечества». «Саратовскій комендантъ (Бошнякъ) еще хуже ихъ учинилъ» прибавлялъ онъ къ этому,

заявляя, что мѣшкотность Бошняка была главною причиною взятія Саратова Пугачевымъ. Это тяжкое обвиненіе Потемкинъ основывалъ на рапортахъ Державина, къ которому былъ искренно расположенъ. При изслѣдованіи причинъ сочувствія народнаго къ Пугачеву, Потемкинъ съ замѣчительнымъ тактомъ и крайнею разборчивостью относился къ личности виновныхъ, отдѣляя невѣжество и слѣпотствующее суевѣріе отъ измѣны и предательства. Съ должною и совершенно справедливою строгостью отнесся онъ къ духовенству, которое, въ городахъ взятыхъ Пугачевымъ, раболѣпствуя предъ самозванцемъ, встрѣчало его съ колокольнымъ звономъ, крестными ходами и всѣми почестями, подобающими лишь законному императору; на эктеніяхъ возглашало имя Петра III. Въ числѣ духовныхъ лицъ, навлекшихъ на себя негодованіе правительства за раболѣпное потворство самозванцу, находился, какъ извѣстно, казанскій архіепископъ Веніаминъ, оклеветанный однимъ изъ пугачевскихъ эсауловъ, Аристовымъ. Всѣ дѣйствія Потемкина по этому крайне щекотливому дѣлу были запечатлѣны большою осмотрительностью, человѣчностью и уваженіемъ къ сану архіерейскому.

Допросы плѣнныхъ пугачевцевъ и изслѣдованія всѣхъ нитей мятежа послужили Потемкину основаніемъ къ составленію обширной записки, о которой онъ говоритъ въ своемъ донесеніи отъ 17-го августа: «Теперь приступлю вывести всю исторію и начало самозванца и злодѣя Пугачева, которую выполнить долженъ привезенный вчера въ Казань главный наперстникъ злодѣя, называвшійся графомъ Чернышевымъ».

Это самая записка, доставленная императрицѣ и донынѣ остающаяся ненапечатанною, подала поводъ Бантышу-Каменскому въ его «Словарѣ» (ч. IV, стр. 196) назвать ее самостоятельнымъ сочиненіемъ Потемкина, подъ заглавіемъ «Исторія о Пугачевѣ».

Въ послѣднихъ числахъ сентября, Потемкинъ изъ Казани уѣхалъ въ Симбирскъ, гдѣ находились уже графъ П. И. Панинъ и Суворовъ, привезшій туда плѣннаго Пугачева. О встрѣчѣ Потемкина съ будущимъ героемъ Рымникскимъ, находимъ любопытную замѣтку въ «Запискахъ» Рунича [1]).

«При утреннемъ на другой день въ 7 часовъ рапортѣ нашелъ я у графа въ кабинетѣ одного только генералъ-маіора Павла Сергѣевича Потемкина, пріѣхавшаго наканунѣ изъ Казани. Спустя минутъ пять вошелъ въ оный генералъ-поручикъ А. В. Суворовъ, котораго графъ встрѣтилъ съ восторгомъ, привѣтствуя его съ величайшими похвалами за всѣ его подвиги и дѣйствія относительно поимки Пугачева. За это генералъ-поручикъ, чуть не съ поземельными (sic) поклонами, благодарилъ графа. Но генералъ Потемкинъ съ особою скромностію слушалъ сіи похвалы, а притомъ смотрѣлъ

[1]) «Русская Старина» 1870 года; изд. третье, стр. 150.

на поклоны генералъ-поручика Суворова съ нѣкоимъ недоумѣніемъ (невниманіемъ) и тайною улыбкою».

Черезъ два дня, въ присутствіи двухъ членовъ военнаго суда, Потемкинъ допрашивалъ Пугачева около двухъ часовъ времени. Упорство, увертки и неясные отвѣты самозванца истощили терпѣніе Потемкина: онъ позвалъ въ судейскую палача и четырехъ гренадеръ. Страхъ наказанія кнутомъ, съ которымъ самозванецъ ознакомился уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, развязалъ языкъ подсудимому. Показанія его сдѣлались яснѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, любопытнѣе. Онъ началъ разсказывать о двухъ гвардейскихъ гренадерахъ, встрѣченныхъ имъ въ слободѣ Добрянскѣ, на пути изъ Украйны въ Польшу. Пригласивъ Пугачева присѣть къ нимъ за столъ, гренадеры сказали ему, что онъ очень схожъ съ императоромъ Петромъ III...

При этихъ словахъ Потемкинъ велѣлъ ему замолчать, а Руничу бывшему въ судейской удалиться въ другую комнату. Допросъ, по его свидѣтельству, продолжался еще «добрый часъ». Важныя донесенія о томъ, что было разсказано Пугачевымъ, отосланныя къ императрицѣ, были, по прочтеніи ею, уничтожены или спрятаны, а затѣмъ, кѣмъ нибудь украдены, но документы эти, повидимому, навѣки утрачены для потомства. Утрата, тѣмъ болѣе цѣнная, что въ исторіи Пугачева весьма многое еще остается таинственнымъ и неразгаданнымъ.

8-го октября, самозванецъ былъ повезенъ въ Москву, а Потемкинъ возвратился въ Казань. Еще до отсылки своего донесенія о показаніяхъ Пугачева, Потемкинъ, 2-го октября, писалъ императрицѣ въ формѣ донесенія, просьбу объ увольненіи его отъ участія въ секретной коммисіи. «Тайная» улыбка подмѣченная Руничемъ на лицѣ Павла Сергѣевича была отблескомъ негодованія кипѣвшаго въ его сердцѣ при восторженныхъ похвалахъ графа Панина Суворову.

«Всего горшѣе, всемилостивѣйшая государыня, писалъ онъ императрицѣ, что при самомъ первомъ свиданіи г. генералъ-поручика Суворова и моего, его сіятельство удостоилъ предъ цѣлымъ народомъ изъяснить благодарность господину Суворову, священнымъ именемъ вашего величества и всей имперіи, яко бы Суворовъ поймалъ злодѣя Пугачева, съ такою холодностью ко мнѣ изъявляемая, что не трудно было видѣть въ немъ внутреннюю ко мнѣ досаду. Можетъ быть это происходитъ отъ того, что не скрылъ я отъ его сіятельства какимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ злодѣй былъ пойманъ, а господинъ Суворовъ не устыдится при всѣхъ зрителяхъ цѣловать шесть разъ въ руки и полы одобрителя».

Изъ этихъ словъ Потемкина нѣкоторые біографы, и въ томъ числѣ М. Н. Лонгиновъ («Русская Старина» 1871 г., томъ IV, стр. 574) заключаютъ, будто бы онъ поимку самозванца приписывалъ

гораздо больше себѣ, чѣмъ Суворову. Этого незамѣтно въ вышеприведенной выдержкѣ изъ донесенія Потемкина отъ 2-го октября. Достаточно прочитать разсказъ Рунича о поимкѣ (вѣрнѣе захватѣ въ плѣнъ) Пугачева, чтобы убѣдиться, что въ ней не принимали участія ни Потемкинъ, ни Суворовъ: самозванца захватили его есаулы Чумаковъ, Твороговъ и Федуловъ и сдали съ рукъ на руки Суворову, который и привезъ его въ Симбирскъ. Потемкинъ въ это время находился въ Казани и, очевидно, не могъ приписывать себѣ чести поимки Пугачева. Онъ ее себѣ и не приписывалъ, но, находилъ только, и весьма основательно, что и не Суворову она принадлежала.

Однако же, по волѣ Екатерины, Потемкинъ продолжалъ участвовать въ коммисіи по самый день ея упраздненія, 12-го февраля 1775 года. Изъ Казани въ Москву, по высочайшему повелѣнію, онъ прибылъ въ исходѣ ноября 1774 года. Дѣятельность Потемкина въ теченіе пяти мѣсяцевъ его пребыванія въ Казани имѣла послѣдствіемъ совершенное утушеніе мятежа до его послѣдней искры и умиротвореніе края, разумными и, повозможности, не жестокими мѣрами. Эти неоспоримыя заслуги, по достоинству оцѣненныя, были вознаграждены Екатериною, пожалованіемъ Потемкину въ іюлѣ 1775 года, золотой шпаги съ алмазами. Покровительство троюроднаго брата открыло ему широкій путь къ дальнѣйшимъ почестямъ. Управленію его былъ ввѣренъ весь юго-восточный край имперіи отъ Астрахани до предѣловъ Кавказа. Въ 1777 году, онъ получилъ анненскую ленту, а 28-го іюня 1778 года орденъ св. Александра Невскаго и камергерскій ключъ. Въ 1783 году, Потемкинъ привелъ къ присягѣ жителей Крыма, покорившагося Россіи, затѣмъ убѣдилъ Ираклія, царя карталинскаго и кахетинскаго, принять русское подданство. За этотъ важный дипломатическій подвигъ онъ получилъ, 28-го іюня 1783 года, въ чинѣ генералъ-поручика, владимірскую ленту. За два года передъ тѣмъ, по порученію Г. А. Потемкина, онъ трудился надъ составленіемъ проекта о заселеніи Кавказскаго края, требовавшаго, за отбытіемъ его правителя, Ивана Варѳоломеевича Якобія, энергичныхъ и безотлагательныхъ мѣръ для своего благоустройства. Въ сентябрѣ 1782 года, П. С. Потемкинъ былъ назначенъ начальникомъ обоихъ кавказскихъ корпусовъ. На линію онъ прибылъ внезапно, и 26-го октября находился уже въ крѣпости Георгіевской. Въ началѣ декабря, посѣтилъ Астрахань, ввѣренную его управленію, черезъ недѣлю (16-го числа) возвратился на Кавказъ для обозрѣнія линіи, на которой привелъ въ лучшій порядокъ запущенныя крѣпости, обративъ особенное вниманіе на Екатериноградскую, которую впослѣдствіи совершенно перестроилъ, предназначая ее для преобразованія въ главный городъ Кавказскаго намѣстничества. Въ 1783 году, онъ привелъ въ покорность Россіи многія горскія племена и дѣятельно занимался заселеніемъ

прибрежьевъ Кумы, Калауса, Егорлыка и другихъ ручьевъ Ставропольской губерніи, — однодворцами и крестьянами изъ внутреннихъ губерній Россіи. Глухая до того времени степь начала оживляться; какъ изъ земли выростали села и деревни, жители которыхъ охотно занялись хлѣбопашествомъ и садоводствомъ на обширныхъ пространствахъ земли плодородной, сторицею вознаграждающей и самый слабый трудъ человѣка. Но водвореніе русскихъ поселенцевъ въ новомъ полудикомъ краю сопровождалось немаловажными затрудненіями. Несмотря на охранительные редуты, партіи кабардинцевъ и закубанцевъ частыми набѣгами тревожили мирныхъ поселянъ, угоняя у нихъ скотъ и даже захватывая въ плѣнъ цѣлыя ихъ семьи. Съ другой стороны ихъ часто грабили сосѣди, калмыки. Исправляя по возможности это зло, Потемкинъ неутомимо продолжалъ начатое дѣло, и къ концу 1784 года окончилъ свой «Проектъ объ открытіи на Кавказѣ самостоятельнаго управленія». Въ декабрѣ привезъ его въ С.-Петербургъ для доклада императрицѣ, чрезъ Г. А. Потемкина, бывшаго уже тогда, въ чинѣ генералъ-фельдмаршала, президентомъ военной коллегіи, шефомъ кавалегардскаго полка, генералъ-губернаторомъ Екатеринославскимъ и Таврическимъ.

Въ бытность свою въ Петербургѣ до августа 1785 года, П. С. Потемкинъ женился на одной изъ первыхъ красавицъ сѣверной столицы — Прасковіи Андреевнѣ Закревской, дочери роднаго племянника графовъ Разумовскихъ и супруги его, рожденной княжны Одоевской. Новобрачному было уже сорокъ два года, новобрачной— двадцать два; но онъ былъ еще очень молодъ для своего чина генералъ-поручика [1]), а она получила въ день помолвки фрейлинскій знакъ и ввела мужа въ родство со многими аристократическими фамиліями. Замѣтимъ, что необыкновенная красота, любезность, умъ и граціозность Закревской обратили на нее особенное (до времени самое платоническое) вниманіе князя Григорія Александровича Потемкина и самое сватовство его троюроднаго брата не обошлось безъ его содѣйствія, въ которомъ страсть къ юной красавицѣ была едва ли не главною причиною. Первый сынъ Потемкиныхъ, родившійся въ 1786 году, былъ нареченъ Григоріемъ, въ честь ихъ могучаго покровителя [2]).

5-го мая 1785 года, послѣдовалъ высочайшій указъ правительствующему сенату объ учрежденіи кавказскаго намѣстничества изъ двухъ областей, Кавказской и Астраханской, съ возложеніемъ этого важнаго порученія на правящаго должность генералъ-губернатора

---

[1]) А не генералъ-аншефа какъ показано у Карабанова («Русская Старина» 1871 годъ. Томъ IV, стр. 390).

[2]) Графъ Григорій Павловичъ Потемкинъ былъ убитъ подъ Бородинымъ 26-го августа 1812 года.

Саратовскаго (съ 1784 г.) и Кавказскаго—Потемкина. Къ Кавказской области были причислены уѣзды: Екатериноградскій, Кизлярскій, Моздокскій, Георгіевскій, Александровскій и Ставропольскій; къ Астраханской: Астраханскій, Красноярскій, Енотаевскій и Черноярскій. Екатериноградъ назначенъ городомъ губернскимъ, Астрахань, впредь до высочайшаго соизволенія — областнымъ.

Въ концѣ августа 1785 года, П. С. Потемкинъ, прибывъ на кавказскую линію, былъ встрѣченъ какъ настоящій правитель Кавказа и государевъ намѣстникъ, облеченный полномочіями, которыя могли потягаться съ деспотическими правами турецкихъ сераскировъ. Полный его титулъ, который прописывали на подаваемыхъ ему прошеніяхъ, былъ слѣдующій: «высокородный и высокопревосходительный господинъ, генералъ-губернаторъ Саратовскій и Кавказскій, генералъ-поручикъ, командующій корпусомъ расположеннымъ отъ Дагестана на Кавказскихъ горахъ и по новой линіи до Дона на Каспійскомъ морѣ всѣми плавающими судами, ея императорскаго величества дѣйствительный камергеръ, с.-петербургскаго драгунскаго полка шефъ и разныхъ орденовъ кавалеръ» [1]).

Эта должность требовала отъ Потемкина въ равной степени какъ военныхъ, такъ, административныхъ и дипломатическихъ способностей. Частыя набѣги горцевъ, между которыми въ исходѣ 1784 года появился проповѣдникъ мюридизма, страшный Шихъ-Мансуръ, кровавыя междоусобія въ Персіи и Грузіи, требовали ежеминутной готовности къ огражденію Кавказа оружіемъ, происки и подстрекательства Турціи, малодушіе и, подъ часъ вѣроломство, мелкихъ князей, принявшихъ подданство Россіи—заставляли пускаться въ ухищренія дипломатическія; въ то же время надлежало неусыпно заботиться о гражданскомъ благоустройствѣ края. Эта троякая, крайне сложная, задача была разрѣшена Потемкинымъ вполнѣ успѣшно и дѣятельность его на Кавказѣ съ 1782 по 1787 годъ дала ему полное право занять нѣсколько блестящихъ страницъ въ тамошнихъ лѣтописяхъ.

За этотъ пятилѣтній періодъ времени, помимо заселенія обширныхъ земельныхъ пространствъ между Дономъ, Terекомъ и Кубанью—опредѣлены съ точностью границы нашего подкавказья. Изъ бывшихъ крѣпостей созданы города: Екатериноградъ, Ставрополь, Георгіевскъ и Александровскъ. Городамъ Кизляру, Моздоку, Екатеринограду и нѣкоторымъ другимъ исходатайствовано право пользоваться общимъ городовымъ положеніемъ 21 апрѣля 1785 года. Въ кавказскую губернію приглашены колонисты изъ намѣстничества саратовскаго; поселенцамъ армянамъ предостав-

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1873 годъ, № 5 стр. 761, неправильно придаетъ къ этому титулу и графское достоинство: Потемкинъ получилъ графство 1-го января 1795 года.

лены многія льготы, способствовавшія развитію торговли и промышленности въ Кавказскомъ краѣ. Устроены почтовыя дороги и станціи отъ линіи до Царицына и Черкаска. Для развитія винодѣлія, шелководства, овцеводства и другихъ отраслей мѣстной промышленности, приглашены были, на весьма выгодныхъ для нихъ условіяхъ, многіе иностранцы. Для лучшей защиты городовъ и деревень, по линіи отъ Моздока до средняго Егорлыка, Потемкинъ возъимѣлъ и осуществилъ мысль устройства первыхъ военныхъ поселеній, имѣвшую несравненно болѣе смысла и полезнаго примѣненія къ дѣлу, нежели возникая черезъ тридцать лѣтъ на сѣверѣ и на югѣ Россіи—Аракчеевская. Для лучшаго примиренія горцовъ съ Россіею, Потемкинъ исходатайствовалъ у императрицы высочайшее повелѣніе объ обращеніи Большой и Малой Кабарды въ поселенное войско съ производствомъ жалованья и чиновъ желающимъ поступить въ нашу службу. Плодомъ изученія кавказскаго края Потемкинымъ было составленное имъ «Описаніе кавказскихъ народовъ» до нынѣ не напечатанное и, по всей вѣроятности, утраченное.

Но весь вышеприведенный списокъ полезныхъ трудовъ и подвиговъ на пользу отечества Потемкинъ запятналъ поступкомъ, достойнымъ временъ варварства, или недавней пугачовщины, при уничтоженіи которой онъ игралъ такую похвальную, блестящую роль.

Со времени убіенія Надиръ-Шаха (въ 1747 году) Персія была раздираема непрырывными междоусобіями. Преемникъ этого тирана, Али-Шахъ, начавшій свое царствованіе убіеніемъ Риза-Кули и тринадцати сыновей и внуковъ Надира, былъ самъ свергнутъ своимъ братомъ Ибрагимъ-ханомъ, который приказалъ выколоть ему глаза. По убіеніи Ибрагимъ-хана, былъ провозглашенъ шахомъ сынъ Риза Кули, въ теченіи друхъ лѣтъ трижды свергаемый и возводимый на престолъ. За тѣмъ, въ теченіе десяти лѣтъ, Персія была федеративною республикою, въ которой правители областей были самостоятельными царьками. Наконецъ, шахомъ Западной Персіи былъ провозглашенъ Керимъ-ханъ, мирно царствовавшій до 1779 года. Послѣ него, быстро смѣняя другъ друга, лишаемые зрѣнія, или жизни, на престолѣ промелькнули пять шаховъ. Послѣднимъ въ 1785 году былъ Джафаръ-ханъ, свергнутый съ престола Ага-Магометомъ. Двое изъ братьевъ послѣдняго, спасаясь отъ его преслѣдованій, бѣжали—одинъ—Сали-ханъ—въ Астрахань, другой—моремъ, къ берегамъ Кизляра. Потемкинъ, ссылаясь на пріязненныя отношенія Россіи къ Персіи, отказалъ несчастному бѣглецу въ пріютѣ. Изгнанникъ, преслѣдуемый по пятамъ кораблями шаха, рѣшился, не смотря на отказъ, приблизиться къ Кизлярскому порту. Комендантъ Кизряра выслалъ ему на встрѣчу лодки съ воинскими командами. Радостно привѣтство-

вали ихъ бѣглецы-персіяне, предполагая въ нихъ своихъ спасителей... но они жестоко ошиблись! Изверги, къ стыду Россіи носившіе военный мундиръ, взойдя на корабль—перерѣзали, передушили всю свиту персидскаго принца, и его самого утопили и овладѣли всѣми его сокровищами, изъ которыхъ львиная часть досталась на долю П. С. Потемкина [1]).

Разбой, грабежъ и насиліе, сто лѣтъ тому назадъ допускались въ войскахъ всей Европы при овладѣніи непріятельскими городами и крѣпостями. Полководцы вѣка Екатерины: Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ—дозволяли своимъ солдатикамъ и «чудо-богатырямъ»—подымать на царапъ [2]) турецкіе города и крѣпости. Но рѣзать людей отдающихся подъ защиту Россіи—низость, срамъ и позоръ всецѣло принадлежащіе П. С. Потемкину. Какъ видно общеніе его съ кавказскими горцами развило въ немъ хищническіе инстинкты, которые превзошли и самыхъ дикарей... Самый вороватый и хищный черкесъ постыдится посягнуть на жизнь человѣка отдающагося подъ его защиту.

Это-ли гнусное, вопіющее дѣло, или славолюбіе, побудили Потемкина, въ 1787 году, вскорѣ по объявленіи манифеста о войнѣ съ оттоманскою портою, отпроситься въ дѣйствующую армію подъ Очаковъ [3]). Все завѣдываніе военными дѣлами края онъ поручилъ генералъ-аншефу Павлу Абрамовичу Тэкелію, а гражданскую часть—правителю кавказскаго намѣстничества статскому совѣтнику Ларіону Спиридоновичу Алексѣеву. Въ 1788 году Потемкинъ сложилъ съ себя званіе саратовскаго генералъ-губернатора, сохраняя вѣдѣніе надъ губерніею кавказской до 1791 года.

Подвиги Потемкина въ дѣйствующей арміи, подъ начальствомъ его знаменитаго родственника, Григорія Александровича, были щедро вознаграждены: 26-го ноября 1789 года, онъ удостоился получить орденъ св. Георгія 3-й степени; на штурмѣ Измаила онъ командовалъ правымъ флангомъ и заслужилъ похвалы Суворова (11-го декабря 1790 года); 25-го марта 1791 года, получилъ Георгіевскую звѣзду 2-й степени. За исключеніемъ похвалы Суворова, обѣ эти награды, въ справедливости ихъ назначенія, подлежатъ нѣкоторому сомнѣнію. Тутъ весьма важную роль играли не столько

---

[1]) Masson. Memoires sécrets sur la Russie. 1802. T. III. p. 8.

[2]) А не «на царя» какъ вообще неправильно пишутъ. Эту поправку, на основаніи документальныхъ данныхъ, слышали мы отъ В. В. Крестовскаго.

[3]) Я. К. Гротъ въ своей любопытной статьѣ «П. С. Потемкинъ во время пугачевщины» («Русская Старина» 1870 года, изданіе третье, томъ II, стр. 489) говоритъ по поводу убіенія персидскаго принца: «обстоятельство это, сопряженное, сколько извѣстно, съ погибелью принца, искавшаго убѣжища у русскихъ, и съ завладѣніемъ его сокровищами, еще не разъяснено» (?!). А между тѣмъ, вѣдь послѣ этого прошло почти столѣтіе.

заслуги и подвиги Павла Сергѣевича, сколько прелести его супруги, Прасковьи Андреевны, сводившей съ ума князя Таврическаго, милостивца и благодѣтеля супруговъ Потемкиныхъ.

Осенью 1789 года, главная квартира свѣтлѣйшаго, въ Яссахъ, была совершеннымъ подобіемъ древней Капуи во время пребыванія въ ней Аннибала, или персидской сатрапіи. При князѣ находился цѣлый гаремъ «полковыхъ дамъ» знатнѣйшихъ фамилій въ качествѣ пріятныхъ собесѣдницъ его свѣтлости, дѣлившихъ съ нимъ досуги, въ то время, какъ ихъ мужья дѣлили съ нимъ труды и опасности. Въ числѣ этихъ дамъ находились—графиня Самойлова, княгиня Екатерина Ѳедоровна Долгорукая, рожденная Барятинская, княгиня Прасковья Юрьевна Гагарина, рожденная княжна Трубецкая и, наконецъ, султанша-валиде этого военно-походнаго гарема — Прасковья Андреевна Потемкина.

Пятидесятилѣтній троюродный деверь пылалъ къ ней страстью двадцатилѣтняго юноши; не довольствуясь ежедневнымъ лицезрѣніемъ красавицы, онъ писалъ къ ней самыя нѣжныя посланія на розовыхъ и голубыхъ листочкахъ золотообрѣзной почтовой бумаги, ведя свою корреспонденцію съ марта 1789 до января 1790 года [1]). Нельзя безъ улыбки читать этихъ нѣжныхъ посланій, въ которыхъ герой Очакова воркуетъ какъ голубокъ, уносясь въ міръ фантазій. Хотя въ большинствѣ писемъ онъ и титулуетъ Прасковью Андреевну «дочкою», а себя «отцомъ» и «роднымъ батюшкою», но по самому ихъ содержанію не трудно догадаться, что его отношенія къ женѣ троюроднаго брата были отнюдь не родственныя и всего менѣе — отеческія. «Нѣтъ минуты, чтобы ты, моя небесная красота, выходила у меня изъ мысли; сердце мое чувствуетъ, какъ ты въ немъ присутствуешь». «Цѣлую отъ души ручки и ножки твои прекрасныя, моя радость». «...Тогда только существую, какъ вижу тебя, а мысля о тебѣ всегда заочно, тѣмъ только и покоенъ». «Жизнь ты моя, тобою моя жизнь мнѣ пріятна, безцѣнный ангелъ, которымъ сердце мое наполнено, я не могу нарадоваться тобою» и т. д. Такъ писалъ князь Таврическій, забывая въ этомъ идиллическомъ бреду и турокъ, и войну, и чуть ли не весь Божій міръ. Эта старческая страсть вовлекла его во всевозможныя сумасбродства. Для забавы своей «ненаглядной Пашеньки» князь устроивалъ балы, гулянья, домашніе спектакли, качался съ нею на качеляхъ, наряжалъ ее въ парчи, въ бархаты, украшалъ брильянтами и разными драгоцѣнностями, фантазировалъ о постройкѣ ей какого-то чудеснаго дворца, на который не задумался бы, конечно, истратить милліоны. Въ свою очередь, Павелъ Сѣргѣевичъ съ большимъ тактомъ игралъ роль Амфитріона, не дер-

[1]) Они были напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1875 года, томъ XIII, стр. 163—171.

завшаго противорѣчить Таврическому Юпитеру, да и никто изъ мужей своихъ женъ не дерзалъ предъявлять на нихъ своихъ правъ предъ его свѣтлостью: почести и повышенія по службѣ были имъ щедрою наградой за безчестіе. Къ тому же, свѣтлѣйшій, нѣжный и любезный съ женами, бывалъ крутъ и безжалостно грубъ съ мужьями, напоминая имъ при случаѣ о неправо заслуженныхъ наградахъ.

Смерть князя Таврическаго, 5-го октября 1791 года, лишила его троюроднаго брата могущественнаго покровителя. На другой же день П. С. Потемкинъ изъ Яссъ писалъ императрицѣ:

«Богу угодно было наказать всѣхъ, принадлежащихъ князю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому, взятіемъ его отъ сей жизни. Я, будучи болѣе тридцати лѣтъ къ нему привязанъ, и почитая въ немъ нетолько старшаго по фамиліи, но какъ отца, орошая горестными слезами столь чувствительную для себя утрату, дерзаю пасть къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества и всеподданнѣйше просить, яко мать и благотворительницу того, кого мы оплакиваемъ, да удостоите въ память его имени, которое я ношу, принять меня подъ сѣнь собственнаго вашего монаршаго благоволенія».

Не увѣренный въ расположеніи и покровительствѣ императрицы, особенно при вліяніи Зубовыхъ, враждебныхъ Потемкинымъ, Павелъ Сергѣевичъ намѣревался перейти на службу иностранной державы, именно Австріи. Однако же передумалъ и, по окончаніи военныхъ дѣйствій, возвратился изъ Молдавіи въ Петербургъ, гдѣ поспѣшилъ протѣсниться въ пріемную Платона Зубова. Эти искательства расположенія новаго любимца Екатерины увѣнчались успѣхомъ, хотя и не особенно скорымъ. Три года Потемкинъ не получалъ назначенія, соотвѣтствовавшаго его званію и способностямъ, наконецъ, въ 1794 году, принялъ участіе въ войнѣ съ польскими мятежниками, поступивъ подъ непосредственное начальство Суворова, котораго былъ сподвижникомъ двадцать лѣтъ тому назадъ при уничтоженіи пугачевщины. Отдавая справедливость дарованіямъ Потемкина, герой Рымника и Измаила отзывался о немъ съ самой лестной стороны, доставляя ему случаи отличиться.

Имѣя тогда пятьдесятъ одинъ годъ, вступая въ возрастъ старческій, и въ виду случайностей войны, Павелъ Сергѣевичъ въ бытность свою при дѣйствующей арміи, въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій, написалъ слѣдующее духовное завѣщаніе въ первый разъ появляющееся здѣсь въ печати:

«Въ польской войнѣ противу вѣроломно поднявшихъ на насъ оружіе поляковъ, приближаясь къ Бресту и Кобрину, гдѣ всѣ силы войскъ литовскихъ съ присоединеніемъ набранныхъ обывателей, и готовясь съ ними сразиться, чиню на всякій случай сіе завѣщаніе, дабы онымъ (если бы въ первомъ, или послѣдующихъ сраженіяхъ, а равно и во всякомъ случаѣ, когда всевышнимъ предѣ-

комъ суждено будетъ прервать жизнь мою) предупредить всякій споръ и безпокойство, оставляю жену мою, Прасковью Андреевну, урожденную Закревскую, въ полномъ владѣніи и управленіи остающагося моего имѣнія и чтобы дѣти мои и ея, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку прапорщики Григорій и Сергѣй [1]) Потемкины, какъ при воспитаніи по малолѣтству ихъ, были въ точномъ ея попеченіи, такъ и по совершеннолѣтіи оставались во всю жизнь ихъ матери и моей жены зависимы и по долгу сыновнему и по имѣнію отъ меня остающемуся.

«А поелику имѣніе мое состоитъ разнаго рода и притомъ долженъ я знатную сумму, того для полагаю правила, какъ ради уплаты долговъ моихъ, такъ и управленія и потомъ о раздѣлѣ между дѣтей моихъ имѣнія.

«Главное имѣніе мое, Глушковская суконная фабрика, купленная мною у Матвѣевыхъ и по имянному ея императорскаго величества указу въ 1792 году за мною утвержденная. Поставка сукна съ оной фабрики, по указу правительствующаго сената, должна быть ежегодно четыреста семьдесять семь тысячъ девятьсотъ семь аршинъ и по умноженію сего количества привести въ полное теченіе не могъ и не имѣлъ капитала, да останется оная такъ, какъ и прочее мое имѣніе, во всю жизнь моей жены въ полномъ ея владѣніи, а послѣ жизни ея раздѣлить дѣтямъ пополамъ.

«Второе, утвержденное мнѣ отъ родной сестры моей, Пелагеи Сергѣевны Потемкиной, по избранію ею въ силу законовъ меня наслѣдникомъ, село Орля, состоящее въ Калужскомъ намѣстничествѣ Перемышльской округи, которымъ селомъ я владѣю и оное заложено для нуждъ моихъ въ 8-лѣтній государственный банкъ въ четырнадцати тысячахъ рублей, въ число которое уплачено съ процентами четыре тысячи рублей и оной оставшей долгъ отъ имѣнія моего выплачивать, а въ замѣну за сію деревню и по долгу, что имѣніе сіе ей принадлежало и по долгу родственному, производить помянутой моей сестрѣ во всю жизнь ея по тысячи восьми сотъ рублей, владѣть симъ селомъ во всю жизнь моей женѣ, а по ней да будетъ оное село принадлежать большему моему сыну Григорію.

«Третіе имѣніе мое, село Покровское, Потемкино то-жъ, состоящее въ Тульскомъ намѣстничествѣ Крапивенской округи, которымъ я владѣю и которое такъ же для нуждъ моихъ заложено въ 8-лѣтній государственный банкъ и уже мною три тысячи рублей съ процентами заплачено; но какъ оное село состояло подъ именемъ покойнаго моего брата генерала кригсъ-коммиссара и кавалера Михаила Сергѣевича Потемкина. такъ и другіе деревни, кои проданы и деньги уже подъ моимъ имянемъ и что помянутое село принадлежитъ мнѣ, о томъ доказательствомъ имѣется дѣло въ санктпетербургскомъ совѣстномъ судѣ,—симъ селомъ, такъ и прочимъ имѣніемъ владѣть моей женѣ, а послѣ ея да будетъ оное меньшему сыну моему, Сергѣю.

«Четвертое, имѣется у меня земля въ Саратовской губерніи Камышинской округи на устьѣ Еруслана, впадающей въ Волгу, на которой поселено до сорока душъ, да будетъ послѣ жены моей большему сыну Григорію.

«Пятое—отданные мнѣ по силѣ всемилостивѣйшаго ея императорскаго величества рескрипта о раздачѣ земель въ Астраханской области, по указу намѣстническаго правленія; но какъ настоящій генералъ-губернаторъ Иванъ Василье-

---

[1]) Графъ Сергѣй Павловичъ Потемкинъ родился 25-го декабря 1787 года, умеръ 25-го февраля 1868 года.

вичъ Гудовичъ, не любя меня, поставилъ препоны, ходатайство о сей землѣ предоставляю моей женѣ и прошу попечителей и ежели оное достанется, раздѣлить послѣ жены моей обоимъ сынамъ моимъ по ровну.

«Долгу на мнѣ имѣющагося казеннаго пятьдесятъ пять тысячъ рублей, а именно: за село Орлю въ 8-лѣтній банкъ десять тысячъ рублей; за село Покровское въ тотъ же банкъ восемь тысячъ рублей, с.-петербургскаго воспитательнаго дому въ опекунскій совѣтъ двадцать восемь тысячъ рублей съ закладомъ долгу купленнаго женою моею, да за село Веселое изъ деревень фабрики въ Московской совѣтъ воспитательнаго дому девять тысячъ рублей и оный долгъ постепенно выплачивать изъ доходовъ фабрики и деревень моихъ.

«Партикулярнаго долгу имѣю на себѣ болѣе ста тысячъ рублей, которому есть реестръ за моею рукою; но какъ я имѣю нѣкоторый капиталъ взятый за проданные деревни, отъ отца моего доставшіяся, и нынѣ имѣющійся въ сохранной казнѣ С.-Петербургскаго воспитательнаго дома сорокъ тысячъ рублей, да по закладнымъ должны мнѣ: Андрей Родіоновичъ Кошелевъ двадцать тысячъ рублей и господинъ полковникъ Мерлинъ десять тысячъ рублей; обратить оный капиталъ на расплату долговъ.

«Всѣ вещи бриліантовыя и жемчуги у жены моей имѣющіеся, сколько ихъ есть, оставляю въ полную ей собственность.

«Бриліантовый мой большой перстень продать на заплату долговъ.

«Большой серебряный сервизъ продать на заплату долговъ.

«Серебряный сервизъ дорожный и серебряный сервизъ у жены моей оставляю ей по жизнь.

«Фарфоровый мой сервизъ послѣ жены моей да будетъ меньшому моему сыну Сергѣю.

«Десертный нарядный сервизъ большому моему сыну Григорію; ему же шпага съ бриліантами пожалованная мнѣ за спасеніе Казани, а меньшому сыну золотая шпага и табакерка съ портретомъ ея императорскаго величества.

«Людямъ при мнѣ бывшимъ, Глѣбову и Козлову, дать по сту рублей; лакеямъ по двадцати пяти; нижнимъ по десяти рублей.

«Управленіе дѣлъ въ помощь женѣ моей прошу и поручаю свойственника моего Николая Михайловича Яковлева и не сомнѣваюсь, что онъ трудъ сей приметъ.

«Попечителемъ дѣлъ жены и дѣтей быть покорнѣйше прошу давняго друга моего Александра Николаевича Самойлова, образъ мыслей его, связь дружбы съ юныхъ лѣтъ насъ соединявшей и нѣкоторые опыты моихъ ему услугъ, удостовѣряютъ меня, что онъ трудъ сей и попеченіе на себя приметъ.

«Равнымъ образомъ прошу попечителемъ быть графа Николая Петровича Шереметева, откровенность его ко мнѣ обнадеживаетъ меня въ дружбѣ его тѣмъ болѣе, что расположеніе его честности мнѣ извѣстно; оставя такимъ образомъ дѣла, поручаю въ прочемъ благости всемогущаго Бога жену и дѣтей моихъ и сіе завѣщаніе писалъ и подписалъ своей рукою (Подписано): Арміи генералъ-поручикъ, дѣйствительный камергеръ и кавалеръ, Павелъ Потемкинъ. Сентября 1-го 1794 года. Что сіе завѣщаніе писано и подписано рукою генерала-поручика и кавалера Павла Сергѣевича Потемкина въ томъ засвидѣтельствовали генералъ-маіоры Іслентьевъ и Шевичъ».

Въ дополненіе къ этому духовному завѣщанію, Потемкинъ, черезъ три дня, написалъ женѣ своей Прасковьѣ Андреевнѣ слѣдующее:

«1794 года, сентября 4 дня, м. Кобринъ.

«Парашенька, мой сердечный другъ! Въ послѣдній разъ называя тебя симъ именемъ столь дражайшимъ сердцу моему, принимаю перо не рукою дрожащею, но съ трепетаніемъ сердца, тебя обожающаго. Письмо сіе не иначе къ тебѣ дойдетъ, какъ уже бездушное тѣло раздѣлится съ тѣмъ чувствомъ, которое меня одушевляло, исчезнутъ тѣ чувства сердца моего, коимъ ты владѣла. Я пишу къ тебѣ, моя голубушка, въ полномъ воображеніи всѣхъ тѣхъ временъ, въ кои былъ тобою плѣненъ и потомъ тѣхъ, въ которые священный узлъ брака насъ соединялъ съ тобою. Представляя его какъ нѣжный сонъ, коего мечта исчезаетъ; но что можетъ быть пріятнѣе сего воображенія, можетъ быть послѣднее (послѣдняго?) въ моей жизни.

«Парашенька, другъ души моей, въ сію минуту, когда готовлюсь на жестокое сраженіе и готовлю мое письмо тѣмъ, что сердце мое послѣднее тебѣ дѣлаетъ изрѣченіе, увѣряю тебя самимъ Богомъ, предъ коимъ я предстану, что ты мнѣ во всякое время была милѣе и дороже жизни моей и ежели похочешь изслѣдовать, найдешь, что привязанность моя къ тебѣ была безконечна, любовь нѣжная и неимѣющая примѣра, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ ты, или красота твоя меня плѣнила, сердце мое всегда было тобою наполнено, и съ тѣхъ поръ какъ Богу угодно было насъ соединить, ты обладала и сердцемъ и душой моей, ежели чрезъ всѣ тѣ годы, кои соединяли насъ, сдѣлалъ когда либо предъ тобою проступокъ, хотя увѣряю, что сердце мое не причаствовало, прошу, моя голубушка, простить.

«Я оставляю духовное завѣщаніе, въ которомъ оставляю тебѣ во всю жизнь полное господство всего моего имѣнія (полное). Сей долгъ исполнилъ я сердца тебѣ принадлежащаго. Оставляю письмо на имя Всемилостивѣйшей Государыни, осмѣлился я просить тебѣ, моя душа, покровительства и дѣтямъ. Просилъ Александра Николаевича Самойлова, чтобъ онъ попечителемъ былъ; графа Николая Петровича Шереметева, чтобъ онъ былъ помощникъ и Николая Михайловича Яковлева, чтобъ управленію помогалъ. Исполнивъ, такимъ образомъ, мой долгъ, прямо по чувствамъ сердца моего, заклинаюсь предъ самимъ Богомъ, что дружба моя, привязанность и нѣжность къ тебѣ не имѣли предѣловъ, и что всякое тебѣ утѣшеніе желалъ бы я доставить, пожертвуя собою. Здѣсь, со слезами предъ самимъ Богомъ, на колѣняхъ молю, чтобъ подалъ онъ тебѣ и дѣтямъ нашимъ всякую милость. Поручаю тебя, моя голубушка, и дѣтей въ милость божію и благословляю ихъ отъ всего сердца; я несумнѣваюсь въ твоей къ нимъ любви, но прошу тебя иногда ласкать ихъ въ память мужа и друга твоего. Вѣрь мнѣ, душа моя, Парашенька, что вся душа моя, къ тебѣ принадлежала; прижимаю тебя мысленно къ сердцу моему, помни, что ты имѣла во мнѣ нѣжнаго друга и что я прямо(й) тебѣ былъ другъ. Павелъ Потемкинъ».

Мрачныя предчувствія, подъ гнетомъ которыхъ были написаны и духовное завѣщаніе и это нѣжное письмо, обманули Потемкина: онъ остался цѣлъ и невредимъ во все продолженіе кампаніи, принимая участіе въ самыхъ жаркихъ дѣлахъ съ польскими мятежниками: судьба берегла его жизнь, готовя ему наказаніе за преступленіе, совершонное десять лѣтъ тому назадъ. Побѣды Суворова и Ферзена предвѣщали близкое окончаніе войны: 28-го сентября Ферзенъ разбилъ на голову Фадея Костюшко при Могеевицахъ и взялъ его въ плѣнъ, а 14-го октября присоединился въ Станиславовѣ къ корпусу Суворова. 24-го октября, Суворовъ овладѣлъ Пра-

гою; 29-го торжественно вступилъ въ Варшаву. Давно желанный чинъ генералъ-фельдмаршала былъ наградою герою; съ равномѣрною щедростью были вознаграждены и всѣ его сподвижники и въ томъ числѣ Потемкинъ, уже получившій за ратные свои подвиги чинъ генералъ-аншефа; 1-го января 1795 года, онъ былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской имперіи...

Но заслуги Потемкина и его подвиги въ западномъ краѣ не отклонили отъ него грозы, которая быстро приближалась съ юго-востока.

Преемникъ его по намѣстничеству кавказскому, Иванъ Васильевичъ Гудовичъ [1]), старшій его лишь двумя годами, но значительно опередившій по службѣ, андреевскій кавалеръ (со 2-го сентября 1793 года), Гудовичъ—о нелюбви и недоброжелательствѣ котораго къ себѣ Потемкинъ упоминалъ въ духовномъ завѣщаніи, безъ сомнѣнія, первый поднялъ старый, забытый вопросъ объ умерщвленіи бѣглаго персидскаго принца въ виду Кизлярской гавани, въ 1786 году. По словамъ Массона [2]), изслѣдованіе этого кроваваго дѣла сочли нужнымъ начать въ виду того, что Россія, ведя тогда войну съ Персіею, приняла на себя защиту правъ Сали-Хана, брата убитаго принца, проживавшаго въ Астрахани, до той поры совершенно забытымъ. Это изслѣдованіе было тѣмъ опаснѣе для графа Потемкина, что Валеріанъ Зубовъ, начальствовавшій нашими войсками отправленными въ Персію, непосредственно сносился съ императрицею и могъ чрезъ Гудовича имѣть самыя вѣрныя свѣдѣнія о разбойничьемъ поступкѣ Потемкина въ 1786 году.

Призывъ Павла Сергѣевича къ отвѣту и отданіе его подъ судъ послѣдовало въ началѣ января 1796 года, въ бытность его въ Москвѣ. Уклоняясь отъ прямыхъ отвѣтовъ, онъ, въ свое оправданіе написалъ стихотвореніе «Гласъ невинности», на которое были написаны въ стихахъ же, три язвительные отвѣта... Затѣмъ, Потемкинъ внезапно заболѣлъ какою-то изнурительною болѣзнью и столь внезапно, что въ Москвѣ, а вскорѣ и въ Петербургѣ, разнеслась молва, что графъ отравился. Это было въ февралѣ 1796 года. Приводимъ изъ «Записокъ» Болотова [3]) выдержки, относящіяся къ обстоятельствамъ болѣзни и смерти Потемкина:

«(Февраль) Потемкинъ все еще былъ боленъ очень въ Москвѣ и отлынивалъ отъ суда. Говорили всѣ, что онъ опился ядомъ и

---

[1]) Родился въ 1741 году, скончался въ январѣ 1820 года въ званіи графа, и въ чинѣ генералъ-фельдмаршала.

[2]) Memoires sécrets sur la Russie. 1802. T. III, p. 11.

[3]) Рукопись 1796 года; Часть I. Памятникъ протекшихъ временъ, или краткія историческія записки о бывшихъ происшествіяхъ и носившихся въ народѣ слухахъ («Русская Старина», 1870 года, изданіе третье, томъ II. стр. 489—490).

медленно скончаетъ и умираетъ. О возраженіяхъ сочиненныхъ на его стихи. «Гласъ невинности», говорили, что было ихъ три: одно сочинено Державинымъ и умѣренно, а оба другія ужасно ѣдки и дерзки».

Считая слухи о самоотравленіи графа Потемкина вымышленными, императрица заподозрила его въ притворствѣ. Желая убѣдиться въ истиннѣ она, особымъ указомъ московскому главнокомандующему генералъ-аншефу Измайлову, повелѣла развѣдать и донести ей о состояніи здоровья графа. Исполнивъ возложенное на него порученіе, Измайловъ отъ 20-го марта, отвѣчалъ слѣдующимъ донесеніемъ:

«Всемилостивѣйшая Государыня.

«Имевъ щастие получить высочащее вашего величества повелѣніее о графе потемкине, на что всеподаннѣйше вашему величеству доношу; сначала у него была жестокая горячка и доктора все неимели въ жизни его надежды тогда я самъ у него былъ и виделъ его всамомъ худомъ положеніи. Снуждою разуметь можно было что онъ говоритъ: докторъ которой его лечитъ у меня часто бываетъ и сегодня у меня былъ и я у него спрашивалъ, онъ увѣрительно мне сказалъ, надежда худа чтобъ онъ выздоровелъ; слабость въ немъ превеличайшая; уверительно вамъ доношу что это справедливо.

«Всемилостивеишая Государыня
«вашего императорскаго величества
«всеподданнейши
«Михаила Измайловъ.

1796 году.
Марта 20 дня.
Москва.

(№ 578: получено 28-го марта.)

Черезъ десять дней по полученіи въ Петербургѣ этого донесенія, именно 7-го апрѣля 1796 года, графъ Потемкинъ скончался. О смерти его въ рукописи Болотова есть слѣдующая замѣтка:

«7-го апрѣля. Наконецъ рѣшилась судьба сего знаменитаго человѣка! и весь этотъ громкій судъ надъ нимъ прежде кончился начала его—его смертію! Онъ умеръ отъ своей болѣзни, такъ какъ ожидали того всѣ въ Москвѣ, и вся его непомѣрная алчность къ богатству легла съ нимъ во гробъ».

Скоропостижная смерть или самоубійство Потемкина ввергло его вдову въ самое отчаянное положеніе, о которомъ самое точное понятіе могутъ дать нижеслѣдующіе документы, написанные ею черезъ два мѣсяца по кончинѣ мужа:

Письмо къ Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому [1]).

«Милостивый Государь мой
«Дмитрій Прокопьевичъ!

«Покойный мужъ мой графъ Павелъ Сергѣевичъ въ прошломъ (?) 1794 году, среди самой войны въ бывшей Польше у Вржеста и Кобрина сдѣлалъ духов-

---

[1]) Печатаемъ съ соблюденіемъ ороографіи подлинниковъ

ную завѣщавъ въ оной всѣ его благопріобрѣтенное движимое и недвижимое имѣніе мнѣ по смерть мою, а по мнѣ дѣтямъ нашимъ. Сія духовная тогда же узаконеннымъ порядкомъ въ главномъ дежурствѣ засвидѣтельствована, что изволите увидѣть изъ препровождаемаго при семъ съ оной списка. Сверхъ того изготовилъ на всевысочайшее Ея императорскаго величества имя всеподданнѣйшее его прошеніе о семъ сдѣланномъ имъ завѣщаніи и оба акта сіи при письмѣ своемъ ко мнѣ доставилъ. Кончина его, послѣдовавшая въ нынѣшнемъ году, ввергнула меня въ горестнѣйшее положеніе, въ которомъ находясь не могла я предпринимать до нынѣ ничего, тѣмъ болѣе, что вдругъ послѣ его кончины, къ усугубленію горести моей, забираны были оставшіе по немъ письменныя дѣла, и въ то же время главнокомандующій въ Москвѣ [1]) взялъ у меня и означенное всеподданнѣйшее прошеніе и представилъ оное Ея императорскому величеству; а нынѣ собравъ мои силы пріѣхала сюда и осмѣливаюсь повергнуть себя и дѣтей моихъ предъ Высочайшіе стопы чадолюбивой матери отечества и испрашивать Всемилостивѣйшаго утвержденія помянутой духовной, а такъ же и объ опредѣленіи къ распоряженію дѣлъ моихъ, тѣхъ особъ коихъ покойный мужъ мой назначилъ, о чемъ прилагая при семъ всеподданнѣйшее мое прошеніе, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, понести оное Ея императорскому величеству и тѣмъ обязать пребывающую съ всегдашнимъ почтеніемъ, милостивый государь мой, ваша покорная слуга (подписано) графиня Прасковья Потемкина. Мая 8 дня 1796 года».

Къ письму приложено было прошеніе на высочайшее имя отъ того же числа съ помѣтою о полученіи «12 мая 1796 года».

«Всемилостивѣйшая Государыня!

«Обременена будучи горестію послѣ кончины мужа и благодѣтеля, не могла я въ то самое время представить Вашему императорскому величеству оставшихся у меня бумагъ, которыя свидѣтельствуютъ вѣрное и усердное служеніе мужа моего Вашему императорскому величеству и оправдываютъ его въ извѣстномъ дѣлѣ [2]). Но нынѣ собравъ силы мои, пріѣхала въ Санктпетербургъ, дабы самой имѣть щастіе оныя бумаги поднести Вашему величеству и повергнуть какъ себя, такъ и двухъ сыновей моихъ къ священнымъ стопамъ Вашего императорскаго величества, о чемъ и дала я знать генералу-прокурору графу Самойлову, который на другой день объявилъ мнѣ высочайшее повелѣніе Вашего императорскаго величества, чтобъ означенныя бумаги вручила я ему, графу Самойлову, что и исполнила, запечатавъ оныя въ пакетѣ собственною моею печатью.

«Всемилостивѣйшая Государыня! упадая къ освященнымъ стопамъ Вашего императорскаго величества осмѣливаюсь испрашивать Высочайшаго покрова мнѣ и дѣтямъ моимъ въ нынѣшнемъ горестномъ положеніи нужнаго и при этомъ о всемилостивѣйшемъ утвержденіи духовной сдѣланной покойнымъ мужемъ моимъ при жизни его въ 1794 году и засвидѣтельствованной узаконеннымъ порядкомъ, о которой всеподданнѣйшее прошеніе мужа моего, послѣ его кончины, главнокомандующій въ Москвѣ у меня взялъ и представилъ Вашему

[1]) Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій (1734—1809).
[2]) Въ убіеніи и ограбленіи персидскаго принца въ кизлярской бухтѣ.

величеству, такъ же и объ опредѣленіи къ пособію въ распоряженіи дѣлъ моихъ, тѣхъ особъ, коихъ покойный мужъ мой назначилъ.

«Всемилостивѣйшая Государыня! Вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшая графиня Прасковья Потемкина».

День въ день черезъ полгода по написаніи ею этого прошенія послѣдовало восшествіе на престолъ императора Павла I, прекратившаго наши военныя дѣйствія въ Персіи и вмѣстѣ съ ними, разумѣется, и изслѣдованіе объ умерщвленіи принца персидскаго въ 1786 году: оно было предано волѣ Божіей и донынѣ осталось не разъясненнымъ. Рѣшеніе покойной императрицы на просьбу графини Потемкиной точно также не могло быть въ ущербъ ея наслѣдственныхъ правъ, такъ какъ и самоубійство ея покойнаго мужа не было доказано судебно-медицинскимъ слѣдствіемъ.

Вступивъ во владѣніе имуществомъ послѣ своего покойнаго мужа, графиня Потемкина не заботилась уплатою нѣкоторыхъ его долговъ, и, наконецъ, довела заимодавцевъ до того, что они подали коллективное прошеніе на высочайшее имя. Графиня, съ своей стороны, обратилась къ императору съ тѣмъ же; но ея прошеніе, написанное какимъ-нибудь ловкимъ дѣльцомъ, витіевато— и безтолково, побудило государя сдѣлать просительницѣ, чрезъ генералъ-прокурора Лопухина, запросъ: въ чемъ собственно заключается цѣль ея прошенія? На это графиня отвѣчала слѣдующее:

«Цѣль всеподданнѣйшаго прошенія моего заключается въ слѣдующемъ:

«I. Чтобы выплату долговъ покойнаго мужа моего поручить разсмотрѣнію кураторовъ, которыми прошу я тайнаго совѣтника сенатора Петра Петровича Тарбѣева и гофмейстера Дмитрія Львовича Нарышкина.

«II. Чтобъ не исключить отъ разсмотрѣнія сихъ кураторовъ и тѣхъ долговъ, по коимъ претендатели подавали прошеніе (sic) къ самому Государю Императору, обойдя и избѣгая всѣ правительства гдѣ бы искъ свой предъявить долженствовали, въ числѣ коихъ находятся и такія претензіи которыя за давнимъ пропущеніемъ сроковъ и по другимъ законнымъ причинамъ подлежатъ не малому сомнѣнію.

«III. А поелику для выплаты справедливыхъ долговъ мужа моего прошу уже я въ Государственномъ вспомогательномъ банкѣ о выдачѣ мнѣ подъ залогъ имѣнія билетовъ, да и въ правительствующемъ сенатѣ о продажѣ другаго имѣнія; то, чтобы за таковымъ распоряженіемъ моимъ, всѣ требованіи кредиторовъ производимы были къ господамъ кураторамъ и никакіе бы взысканіи до меня не относились; ибо я, собственно сама, не только никому должною не состою, но еще и мужнихъ долговъ послѣ кончины его уплатила отъ себя до 60,000 рублей.

«(Подписано): Графиня Потемкина.

«(Помѣты — сверху, карандашемъ: «приказано дать опекуновъ»; съ боку, чернилами: «По сему высочайшій рескриптъ данъ генералу-прокурору Лопухину 9 сентября—798 года».)

Намъ неизвѣстно содержаніе этого указа, даннаго, можетъ быть, и въ благопріятномъ смыслѣ для графини, но не оградившемъ ея,

однако, отъ крайне непріятнаго столкновенія съ низшей властью. Черезъ два дня по поданіи вышеприведеннаго разъясненія, она писала слѣдующее:

«Милостивый Государь мой

«Дмитрій Николаевичъ!

«Я въ отчаяніи. Ко мнѣ въ домъ, какъ къ преступницѣ, поставленъ караулъ; но на какой конецъ, и что изъ этого будетъ, ничего не знаю. Вразсужденіи сего рѣшилась я паки утруждать Его императорское величество просьбою, которую посылая при семъ, покорнѣйше прошу Вашего Превосходительства войтить въ мое положеніе и представить ее Государю, употребивъ возможное вамъ ходатайство, дабы полиція отъ таковыхъ со мною поступковъ удержалась. Симъ меня наичувствительнѣйше обяжете и я потщусь засвидѣтельствовать вашему превосходительству достодолжную признательную мою благодарность Въ протчемъ имѣю честь быть

«вашего превосходительства
«Милостиваго Государя моего
«Покорная къ услугамъ
«Графиня Потемкина.

Сентября 11 дня
1798 г. С. П. б.
(Помѣта сверху: сентября 12, 1798 г.)

Дѣло окончательно разрѣшилось въ пользу безпокойной и настойчивой просительницы, и она уже не тревожимая болѣе ни высшими, ни низшими властями—успокоилась.

Сыновья ея, въ началѣ царствованія Александра I, служили офицерами въ лейбъ-гвардіи преображенскомъ полку (изъ нихъ графъ Григорій Павловичъ, какъ мы уже говорили выше, былъ убитъ подъ Бородинымъ, 26-го августа 1812 года); сама графиня Прасковья Андреевна проживала попеременно въ Москвѣ и въ Петербургѣ, пользуясь родовымъ и благопріобрѣтеннымъ (и неправо нажитымъ) имуществомъ покойнаго своего супруга. Достойно вниманія, что въ 1798 году на сценѣ петербургскаго театра былъ игранъ и появился въ печати «Магометъ» Вольтера, переведенный графомъ П. С. Потемкинымъ. Это было его послѣднее посмертное произведеніе, свидѣтельствовавшее о его любви къ литературѣ.

Эту любовь наслѣдовалъ отъ графа его младшій сынъ, Сергій Павловичъ, біографія котораго послужила намъ предметомъ обширной самостоятельной статьи. Съ юныхъ лѣтъ и до самой своей кончины страстный театралъ, графъ Сергій Павловичъ перевелъ и отдалъ для представленія на сценѣ въ 1810 году (24-го октября) «Гоѳолію» Рамна (въ сотрудничествѣ съ П. Ѳ. Шапошниковымъ), и вновь перевелъ «Магомета» Вольтера, вѣроятно находя переводъ своего отца невѣрнымъ, или устарѣлымъ. Любовь графа С. П. Потемкина къ театру, вмѣстѣ съ его расточительностью и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, была одною изъ главныхъ причинъ частыхъ

его ссоръ и распрей съ родительницею, графинею Прасковьею Андреевною. Графиня, бывшая красавица блестящаго двора Екатерины, кумиръ князя Таврическаго, участница въ его празднествахъ и домашнихъ спектакляхъ, по мѣрѣ приближенія своего къ зрѣлымъ годамъ, погружалась постепенно въ мрачное раздумье о быломъ, можетъ быть и не безъ раскаянія; отгоняя отъ себя веселье и развлеченіе, она, сама того не замѣчая, отъ набожности перешла къ ханжеству и суевѣрію. Окончательному перелому въ характерѣ графини, главнымъ образомъ, содѣйствовала смерть старшаго ея сына, убитаго подъ Бородинымъ. Богатый ея домъ въ Петербургѣ превратился въ пристанище обоего пола святошъ, юродивыхъ, пустосвятовъ и вѣчныхъ странниковъ, которые — вмѣсто святаго города Іерусалима, скитаются только по знатнымъ и купеческимъ домамъ, мороча суевѣровъ и побираясь ихъ даяніями... Но толпа мелкихъ попрошаекъ разступилась и стушевалась предъ появившимся въ домѣ графини Потемкиной знаменитымъ «предсказателемъ» монахомъ Авелемъ.

Сынъ крестьянина деревни Акуловой (Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзда), Авель родился въ 1757 году. Кромѣ хлѣбопашества занимался и коновальнымъ мастерствомъ, но, какъ сказано въ рукописномъ житіи этого пустосвята [1]), было у него «большое вниманіе о божествѣ и о божественныхъ судьбахъ». На девятнадцатомъ году онъ, изъ родной деревни, ушелъ странствовать и послѣ восьмилѣтняго бродяжничества, попалъ на Валаамъ, былъ принятъ въ тамошній монастырь, черезъ годъ ушелъ въ одинъ изъ тамошнихъ скитовъ, гдѣ «отъ высшихъ силъ получилъ даръ прорицанія судебъ будущаго». 1-го октября 1785 года, имѣлъ онъ какое-то чудное видѣніе, послѣ котораго началъ «писать и сказывать, что кому велѣно». А велѣно ему было, между прочимъ, оставить Валаамскій монастырь и опять пуститься странствовать. На это душеспасительное занятіе Авель употребилъ девять лѣтъ и въ 1794 году пришелъ, наконецъ, на Волгу, въ Никольскій Бабайковскій монастырь (Костромской губерніи). Здѣсь онъ написалъ какую-то мудрую, премудрую книгу, съ предсказаніями о царской фамиліи. Эту книгу онъ показалъ монаху Аркадію, а тотъ настоятелю, игумену Саввѣ. Послѣдній, собравъ совѣтъ братіи, рѣшилъ отправить и книгу, и ея автора въ костромскую консисторію. Тамошній архіерей Павелъ, разсмотрѣвъ сочиненіе Авеля, объявилъ ему: «сія твоя книга написана подъ смертною казнію!» Авеля, съ его книжкой при рапортѣ препроводили въ губернское правленіе. Отсюда рукой подать въ острогъ, а изъ острога признали не лишнимъ отправить пророка подъ военнымъ карауломъ въ Петербургъ.

---

[1]) «Русская Старина» 1875 года. Томъ XII, стр. 414 — 435 (біографическія свѣдѣнія, отрывки изъ сочиненій и писемъ); тамъ же стр. 815—819.

Здѣсь его сдали гг. Макарову и Крюкову, представившихъ его графу Самойлову. Послѣдній, найдя въ книжкѣ предсказаніе о близкой скоропостижной кончинѣ Екатерины II, встревожился и призвавъ къ себѣ Авеля... «удари его трикраты по лицу». Послѣдній, на вопросъ, кто научилъ его написать такую книгу? смиренно отвѣчалъ, что даръ прозорливости получилъ отъ Бога. Принимая его за юродиваго, графъ приказалъ посадить его въ секретную; однако же доложилъ о немъ императрицѣ. По ея повелѣнію Авель былъ посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Это происходило въ концѣ февраля и въ первыхъ числахъ марта 1796 года, т. е. именно въ то время, когда графъ П. С. Потемкинъ былъ отданъ подъ судъ. Это совпаденіе способствовало можетъ быть особенной благосклонности его вдовы къ прозорливому Авелю.

Въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ приказано было содержать его пожизненно, Авель пробылъ десять мѣсяцевъ. По кончинѣ императрицы, въ ноябрѣ, таинственная книга нашего русскаго Нострадамуса, въ числѣ другихъ секретныхъ бумагъ, была представлена княземъ Куракинымъ императору Павлу I-му. Склонный ко всему чудесному и сверхъестественному, государь приказалъ освободить Авеля, привезти въ Петербургъ и представить его величеству.

Принявъ предсказателя въ своемъ кабинетѣ, Павелъ Петровичъ привѣтствовалъ его словами:

— «Владыко отче, благослови меня и весь домъ мой, дабы ваше благословеніе было намъ во благо».

Авель благословилъ во имя Господне и на вопросъ государя, желаетъ ли остаться монахомъ, или избрать другой родъ жизни, отвѣчалъ, что предпочитаетъ монашество.

Поговоривъ еще нѣсколько времени съ Авелемъ, императоръ спросилъ его, что съ нимъ случится? Далъ ли предсказатель прямой отвѣтъ, или уклонился отъ него, но Павелъ Петровичъ милостиво отпустилъ, повелѣвъ включить Авеля въ число братій Александро-Невской лавры. Отсюда, черезъ годъ (въ 1798 году), онъ опять ушелъ на Валаамъ съ разрѣшенія государя. Здѣсь онъ опять написалъ какія-то таинственныя пророчества и передалъ ихъ игумену Назарію. Повторилось то же, что было въ Костромѣ: книгу препроводили въ Петербургъ, къ митрополиту, который передалъ ее въ секретную экспедицію, Макарову. По докладу императору Павлу, послѣдовало его повелѣніе: Авеля взять изъ Валаамскаго монастыря и посадить въ Петропавловскую крѣпость, въ которой предсказатель пробылъ съ мая 1800 года, по мартъ 1801 года. Императоръ Александръ приказалъ перевести его въ Соловецкій монастырь на житье. Здѣсь Авель опять принялся за сочиненіе пророческой книги и въ маѣ 1802 года, по высочайшему повелѣнію, былъ заключенъ въ тамошнюю тюрьму за предсказаніе

о взятіи Москвы. Въ этой тюрьмѣ онъ провелъ десять лѣтъ и десять мѣсяцевъ (съ мая 1802 года до марта 1813 года), хотя высочайшее повелѣніе объ освобожденіи его послѣдовало еще 1-го октября 1812 года. Это замедленіе произошло по личному недоброжелательству къ Авелю Соловецкаго архимандрита Иларіона, человѣка жестокаго и безжалостнаго. Выпущенный изъ заключенія, Авель отправился въ Петербургъ, гдѣ представился князю А. Н. Голицыну и митрополиту. Князь, поклонникъ мистицизма, съ уваженіемъ принялъ прорицателя; спрашивалъ его о грядущихъ судьбахъ Россіи и нѣкоторыми изъ предсказаній былъ приведенъ въ ужасъ. Существуетъ преданіе, будто бы Авель предрекъ кончину Александра I-го и мятежъ 14-го декабря. Послѣ того, лѣтъ шесть Авель странствовалъ по разнымъ обителямъ, по долгу проживая въ Москвѣ, гдѣ у него явились тысячи поклонниковъ, въ особенности поклонницъ изъ всѣхъ сословій. Энгельгардтъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ» (изд. 1868 года. Москва, стр. 217—218): «Многіе изъ моихъ знакомыхъ его видѣли и съ нимъ говорили: онъ былъ человѣкъ простой, безъ малѣйшаго свѣдѣнія и угрюмый: многія барыни почитая его святымъ, ѣздили къ нему, спрашивали о женихахъ своихъ дочерей; онъ имъ отвѣчалъ, что онъ не провидецъ, и что онъ тогда только предсказывалъ, когда вдохновенно было велѣно ему что говорить. Съ 1820 года уже болѣе никто не видѣлъ его и неизвѣстно куда онъ дѣвался.»

Графиня Потемкина сблизилась съ Авелемъ въ Петербургѣ въ 1815 году, и онъ пользовался пріязнью Прасковьи Андреевны до самой ея кончины, послѣдовавшей въ 1816 году. Онъ для нея сочинялъ мистическіе трактаты, велъ устныя бесѣды и переписку. Но, приближаясь къ шестому десятку лѣтъ своего «житія», прорицатель отъ роли пророка разыгрывалъ другую, менѣе опасную, но болѣе прибыльную—роль русскаго Тартюфа. Соловки и Петропавловская крѣпость научили его уму-разуму, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго письма его къ графинѣ Потемкиной:

«Я отъ васъ получилъ недавно два письма и пишите вы въ нихъ: сказать вамъ отъ пророчества то и то. Знаете ли что я вамъ скажу? Мнѣ запрещено пророчествовать имяннымъ указомъ. Такъ сказано: ежели монахъ Авель, станетъ пророчествовать вслухъ людямъ, или кому писать на хартіяхъ, то брать тѣхъ людей подъ секретъ и самого монаха Авеля, и держать ихъ въ тюрьмахъ, или въ острогахъ подъ крѣпкими стражами; видите, Прасковья Андреевна, каково наше пророчество или прозорливость — въ тюрьмахъ-то лучше быть, или на волѣ; размысли убо»...

Разставшись съ графинею въ Петербургѣ, Авель отправился на ея глушковскую суконную фабрику, подъ Москвою, и прожилъ тамъ два мѣсяца, въ качествѣ ревизора. Въ письмахъ своихъ отдавая графинѣ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, онъ ходатайствовалъ объ

увеличеніи жалованья управляющему Ковалеву, рабочимъ, да ужъ кстати и себѣ выпрашивалъ малую толику собираясь на Аѳонъ.

Сынъ Потемкиной, Сергій Павловичъ, никогда съ нею не ладилъ и велъ образъ жизни далеко не соотвѣтственный ея желаніямъ: безумно сорилъ деньгами, намѣревался жениться на актрисѣ [1]). Графиня жаловалась Авелю, который старался смягчить ея гнѣвъ на сына и примирить ихъ. Но когда послѣдній затѣялъ съ матерью чуть не тяжбу, по поводу опеки назначенной надъ фабрикою, тотъ же Авель сталъ разжигать досаду матери, наушничая и ябедничая ей на графа Сергія Павловича. Пересыпая письмо свое выдержками изъ псалмовъ и молитвъ, прорицатель отзывался о немъ: «хощу написать вамъ о вашемъ сынѣ, какъ онъ есть житіемъ лживый и неправедный и едва въ немъ есть часть добрыхъ дѣлъ»... «онъ нынѣ оказался лживый и льстивый, неправильный и непослушный»... «при томъ же онъ еще нерадивъ и непослушенъ и житіемъ развратенъ и я его нынѣ нашелъ хвальшивая (sic) монета а не истовая и онъ, я думаю, товарищъ развратникамъ и причастникъ самыхъ распутныхъ людей и протчая таковая и протчая»... Далѣе онъ жаловался, что графъ «для гордости и тщеславія» держитъ по найму дрожки и карету, платя за нихъ ежедневно двадцать пять рублей!!! Родительницѣ же, буде его назначатъ опекуномъ, обѣщаетъ платить ежегодно шестьдесятъ тысячъ... Письмо заключается благословеніемъ графини и всѣхъ христіанъ. Оно было написано мѣсяца за три до кончины графини. Впрочемъ негодованіе Авеля имѣло самыя уважительныя причины: молодой графъ постоянно совѣтовалъ своей матери прогнать этого пустосвята, и однажды въ Москвѣ (какъ мы это слышали въ юности, отъ самого графа Сергія Павловича) онъ, подъ горячій часъ, отпотчивалъ прорицателя бамбуковой тростью. Пополняемъ этотъ пробѣлъ въ біографіи Авеля, или, какъ ее озаглавилъ ея авторъ: «Житіи и страданіяхъ отца и монаха Авеля».

Послѣ смерти графини, поживъ семь лѣтъ въ Москвѣ и побродяжничавъ по Россіи, въ сентябрѣ 1823 года, Авель подалъ прошеніе (впослѣдствіи митрополиту) Филарету, о своемъ опредѣленіи въ Серпуховскій Высотскій монастырь, на что Филаретъ соизволилъ 24-го октября того же года. Но страсть къ бродяжничеству не угасла въ старикѣ, и 3-го іюня 1826 года онъ самовольно ушелъ изъ монастыря на свою родину, въ деревню Акулову, въ 30-ти верстахъ отъ Серпухова. Оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода князь Петръ Сергѣевичъ Мещерскій входилъ о томъ съ докладомъ къ государю Николаю Павловичу. На этотъ разъ неугомонному «бѣ-

---

[1]) Это была Марія Ивановна Валберхова, отказавшая ему на отрѣзъ. Никакія искательства не могли поколебать ея безукоризненной, чистѣйшей нравственности.

гуну» пришлось окончательно прекратить свои скитанія: по высочайшему повелѣнію онъ «для смиренія» былъ заточенъ въ страшный Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, предъ которымъ и Шлиссельбургъ и Соловки и самая Петропавловская крѣпость могли ему показаться пріятными. Здѣсь онъ умеръ въ исходѣ января 1841 года, восьмидесяти трехъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ отъ роду.

П. Каратыгинъ.

МЕДИЦИНСКОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ ВЪ ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XVII СТОЛѢТІЯ.

(Историко-библіографическій этюдъ.)

НАМЪ ПОЧТИ неизвѣстно, въ какомъ положеніи находилось у насъ медицинское дѣло въ прежнее время. Публика мало интересуется такимъ вопросомъ, считая его слишкомъ спеціальнымъ, а врачи — по причинѣ вообще мало развитаго интереса къ вопросамъ общественной медицины. А между тѣмъ имѣющійся историческій матеріалъ, относящійся къ этой области, представляетъ не малый интересъ и для публики, и для врачей. Большой, напримѣръ, интересъ имѣютъ данныя, касающіеся общественнаго положенія врачей, ихъ правъ и обязанностей и общей юридической постановки всего врачебнаго дѣла, или вопросъ объ организаціи врачебнаго дѣла въ нашей арміи еще въ прошломъ столѣтіи. Должно пожалѣть о томъ, что далеко еще не весь имѣющійся матеріалъ, въ этой области, разработанъ.

До сихъ поръ исторія медицины въ Россіи извѣстна только по сочиненію, написанному Рихтеромъ, и изданному сперва въ 1814 году, а потомъ въ 1820. Затѣмъ періодически появлялись отдѣльныя монографіи по тому или другому вопросу (Хмырова и друг.), но такіе отдѣльные попытки, обязанныя своимъ появленіемъ слуслучайности, мало подвигаютъ впередъ изученіе исторіи русской медицины.

Рихтеру не были извѣстны дѣла аптекарскаго приказа, учрежденнаго въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, такъ какъ онъ по-

лагалъ дѣла эти утраченными во время пожара 1812 года. Однако документы эти оказались цѣлыми и по инициативѣ нынѣшняго директора медицинскаго департамента, Н. Е. Мамонова, приведены въ хронологическій порядокъ, снабжены подробной описью и изданы въ полномъ видѣ въ «Сборникѣ сочиненій по судебной медицинѣ, психіатріи и т. п.», подъ заглавіемъ «Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи». Документы эти касаются многихъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ сторонъ нашей медицины въ XVII столѣтіи, до 1702 года: о докторахъ, лѣкаряхъ, аптекаряхъ, о лекарствахъ, выписываемыхъ изъ заграницы, о лекарственныхъ травахъ, собираемыхъ въ Россіи, о врачебной помощи во время войны и т. п., о положеніи врачей и т. п.

Въ настоящей статьѣ дѣлается опытъ разработки и обобщенія имѣющагося матеріала. Главнымъ источникомъ для этого служатъ, какъ уже сказано, дѣла аптекарскаго приказа съ 1629 по 1645 годъ. При означенныхъ дѣлахъ находится, за тотъ же періодъ времени, опись такъ называемыхъ «столпцовъ», т. е. самыхъ документовъ подлинныхъ, относящихся до того или другаго вопроса. Приказы отдавались въ формѣ такъ называемыхъ «памятей»; напримѣръ «память окольничему князю и дьякамъ» (такимъ-то), или «боярину» такому-то. Затѣмъ слѣдовало содержаніе самаго требованія: отпустить того-то, столько-то, и т. п.

Мы не можемъ слѣдить въ подробности за содержаніемъ этихъ приказовъ, а потому и ограничимся только указаніемъ, въ главныхъ чертахъ, на общую постановку медицинскаго дѣла въ Россіи, въ ту пору.

Откуда брались у насъ доктора и что это такое были за «доктора»? Врачей въ нашемъ смыслѣ, современномъ, конечно, не было; но были представители врачебной профессіи, сообразно тогдашнему пониманію этой профессіи; но и эти представители были почти исключительно иностранцы, или же русскіе, обучавшіеся «аптекарскому и лѣкарскому дѣлу» у этихъ же иностранцевъ. Лѣкарями снабжали насъ больше всего нѣмцы, а частью и англичане. Такъ, въ 1644 году, идетъ переписка о какомъ то «иноземцѣ францужскія земли аптекарѣ Филиппѣ Бріотѣ», который долженствовалъ прибыть «отъ англійскаго короля Карліуса», при чемъ спрашивалось: «и въ той королевской грамотѣ объявилось-ли что онъ Филиппъ аптекарскому и лѣкарскому дѣлу навыченъ?» (№ описи 173). Ясно, что мало-мальски строгаго разграниченія по существу между аптекарскимъ и лекарскимъ дѣломъ не существовало. Однако, нельзя сказать, чтобъ такого разграниченія обязанностей, не существовало вовсе. По поводу того же Филиппа Бріота идетъ запросъ: «Коль давно отворяетъ жильную (т. е. дѣлаетъ кровопусканіе) и для чего отворяетъ — то дѣло лѣкарское, а не аптекарское». Дѣло было существенно важное: отворяетъ «жильную» или

не отворяетъ? тотъ, кто отворяетъ, тотъ и «довольствовался» больше (о чемъ будетъ рѣчь ниже). Поручено было доктору Артемію Дію новаго аптекаря Филиппа «про всякіе аптекарскіе чины и про лѣкарское ученіе допрашивати». Изъ переписки явствуетъ, что докторъ Артемій Дій остался доволенъ познаніями Филиппа Бріота, такъ какъ оный Бріотъ «не мало лѣтъ учился лечебнымъ мудростямъ и ученьемъ своимъ досталъ аптекарства и лѣкарства», и «государь сеи выписки слушавъ велѣлъ ему быти въ лѣкаряхъ, потому что аптекари жильной не отворяютъ, отворяютъ жилы лѣкаря, а не аптекаря, а буде въ лѣкарехъ служити не похочетъ и ему служити службу или ѣхать въ свою землю». Лѣкарскаго же «корму и жалованья» ему, Бріоту, давать не велѣно было. Филиппъ же Бріотъ просилъ государя «годовое жалованье и мѣсячной и конской кормъ и питье давать» и не въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ его предшественнику, иначе де ему «передъ своею братьею быть въ позорѣ». Кончили, однако, этотъ торгъ тѣмъ, послѣ длительнаго разбирательства, что «указалъ государь дать ему волю».

Въ другихъ мѣстахъ упоминается о врачахъ, выписанныхъ изъ «галанскіе, гольстенскіе, англицкіе» и даже «персидскіе» земли. Но въ большинствѣ это были нѣмцы, которые шли къ намъ, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ, на условіяхъ весьма для нихъ льготныхъ.

Дѣти состоявшихъ уже у насъ на службѣ лекарей иногда отправлялись «за море въ галанскую землю учитца доктурству», но не всегда приходилось имъ пользоваться плодами своего ученья. Такъ, напримѣръ, какой-то Валентинъ сынъ Бимовъ, «будучи въ разныхъ школахъ выучился разнымъ языкамъ и грамотѣ и доктурству достаточно» и, возвратившись изъ заграницы, былъ по обычаю отосланъ въ аптекарскій приказъ. Государь почему-то не пожелалъ имѣть его врачемъ и далъ такую резолюцію: «въ дохтурѣхъ не быть, а велѣлъ ему служити свою государеву службу, и буде служить не захочетъ, и ему дать волю гдѣ хочетъ».

Выше поименованный Артемій Дій также отправилъ «въ наученье дохтурству за море дву сынишковъ своихъ».

Врачи состояли въ вѣдѣніи аптекарскаго приказа на ряду съ аптекарями, окулистами, и представителями такихъ профессій, которыя, повидимому, никакого отношенія къ врачебному дѣлу имѣть не могли, каковы: алхимисты, «часовыхъ дѣлъ мастера», «оловенишники», которые выдѣлывали лембики, тутъ же и переводчики, и такъ называемые «помясы» или «травники», такъ назывались особые люди, которые посылались для сбора цѣлебныхъ травъ, кореньевъ и цвѣтовъ, обыкновенно на цѣлое лѣто, иногда пѣшкомъ, а иногда на лошади; содержаніе они получали изъ аптекарскаго приказа.

«Алхимисты», повидимому, занимались больше слесарнымъ дѣломъ, а чѣмъ занимались, у какого дѣла состояли окулисты—въ

разсматриваемомъ матеріалѣ нѣтъ указаній. Вѣрно то, что это не были наши окулисты.

До какой степени былъ разнообразенъ кругъ занятій аптекарскаго приказа видно изъ многихъ приказовъ, отдаваемыхъ государемъ: вылудить посуду, чистить и дѣлать тазы, печки, паять и лудить трубы, «сковородки», тутъ же собирались и хранились лекарства, здѣсь же готовились разные составы и проч.

При поступленіи на службы всѣ чины (въ томъ числѣ и «дохтуры» и «оловенишники») аптекарскаго приказа давали клятвенныя записи, «по которымъ цѣловали крестъ на вѣрность государю», нѣчто аналогичное нашей присягѣ врачей. Въ документахъ находимъ нѣсколько варіантовъ такихъ записей, изъ которыхъ харакристики ради, сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ. Вотъ напримѣръ, въ клятвенной записи, относящейся къ первой трети XVII вѣка, какія обязательства принималъ на себя чинъ аптекарскаго приказа, помимо общихъ обязанностей вѣрноподданства: «и въ ѣствѣ и въ питьѣ и въ лѣкарствахъ во всякихъ и въ иномъ ни въ чемъ лиха ни какова не учинити и не испортить ни которыми дѣлы и и ни которою хитростью и зелья лихова и коренья не довати и съ лихимъ ни съ какимъ злымъ умышленіемъ и съ порчею къ нимъ государемъ не приходити и въ своемъ лѣкарствѣ и въ составѣхъ и въ лечебныхъ ни въ чемъ никакого злаго зелья и коренья не примѣшати и къ ихъ государскому здоровью, а съ инымъ ни съ кѣмъ не посылати также мнѣ и надъ товарищи своими во всякихъ составахъ и во всякихъ мѣрахъ которыя для ихъ государскаго здоровья учнутъ составливать смотрѣти накрѣпко, чтобъ они въ составѣхъ никакаго дурна не чинили и зелья лихова вмѣсто добраго и составу нечистаго моміи (?) и инаго ни какаго злаго яду зміина и иныхъ ядовитыхъ звѣрей и гадовъ и птицъ и всякихъ злыхъ и нечистыхъ составовъ, которыя могутъ здоровье повредити и испоганить, не примѣшати» и пр.

Любопытно сопоставить это клятвенное обѣщаніе XVII столѣтія съ тѣмъ «факультетскимъ обѣщаніемъ», какое даютъ наши врачи, выступая на поприще практической дѣятельности. Факультетское обѣщаніе имѣетъ смыслъ по стольку, по скольку дѣйствительно, нравственно-обязательно обѣщаніе всякаго общественнаго дѣятеля—быть на высотѣ своего долга. Все же, что касается собственно врачебнаго дѣла, всѣ эти обѣщанія «во всякое время помогать» «продолжать изучать врачебную науку», «ни чѣмъ не помрачать чести своего сословія», несмотря на всю кажущуюся глубину и важность такихъ обѣщаній, при настоящемъ положеніи общественной жизни—суть не болѣе, какъ звукъ, пышная фраза; точно нарочно: человѣкъ клянется дѣлать то, чего не въ силахъ будетъ сдѣлать! Жизнь складывается такъ, что наши врачи и volens, и nolens, ежеминутно помрачаютъ честь своего сословія, боль-

нымъ, особенно бѣднымъ, неохотно помогаютъ, врачебную науку изучаютъ тоже не особенно охотно, семейныхъ тайнъ не хранятъ и проч. Наша присяга, въ томъ видѣ, какъ она издревле формулирована, для нашего времени составляетъ анахронизмъ и клятвенныя записи, даваемыя врачами въ XVII столѣтіи, гораздо въ большей мѣрѣ соотвѣтствовали тогдашней дѣйствительности.

Какъ велика была свѣдущность врачей XVII столѣтія ясно видно изъ многихъ дѣлъ аптекарскаго приказа, хотя и не видать, какой собственно «лѣкарской мудрости» учились они «за моремъ». Первое и существенное отличіе «доктура» и «лѣкаря» отъ аптекаря и прочихъ чиновъ приказа,—это умѣнье «отворять жильные», изъ-за чего и случалось не мало препирательствъ между тогдашними лекарями; затѣмъ составлять разнообразнѣйшіе и сложнѣйшіе «составы» противъ всякихъ болѣзней. Сложность и замысловатость такихъ «составовъ» доходили до ужасныхъ размѣровъ, и въ изобрѣтеніи ихъ, повидимому, принимали близкое участіе, а, можетъ быть, были и главными указчиками, и самъ государь, и тѣ, кто пользовался ими. Напримѣръ «про государевъ мыльной составъ надобно масла гвоздичнаго 3 золотника, масла анисоваго — 6 золотниковъ; водки гуляфныя свѣжія полтора фунта» и пр. Или кто нибудь изъ бояръ обращался къ государю съ такой просьбой: «пожалуй меня холопа своего вели государь мнѣ дать для моей головной болѣзни изъ своей государевой аптеки своихъ государевыхъ маслъ: коришкова, гвоздикова, мускатова, анисова, кардамонова, свороборинова, инперикова, романова, кронвобендикова, кишнящова, да водокъ: своробориновой, будвшиной, кроповы, мятовыя, финиковой» и проч. и все это отъ головной боли; дозы пріемовъ авторомъ не обозначены. Или: «я холопъ твой боленъ рукою не владѣю... пожалуй мнѣ $^1/_2$ ф. перцу дикаго, 4 горсти крапивныхъ сѣмянъ, $^1/_2$ ф. бобовъ масличныхъ, 12 золот. масла кролова, 9 золот. масла тимекъ».

Вольныхъ аптекъ, конечно, не существовало, и вольной продажи лекарствъ и снадобій, по крайней мѣрѣ, продажи открытой, не было, а весь и всяческій лечебный арсеналъ сосредоточивался въ государевой аптекѣ, что состояла при аптекарскомъ приказѣ. Арсеналъ этотъ былъ чрезвычайно сложный. Лекарства и разныя снадобья получались частью изъ за-моря, «изъ свейской земли, изъ Стеколны» т. е. изъ Стокгольма, «изъ аглицкой земли», черезъ Архангельскъ, частью собирались и заготовлялись дома, преимущественно травы, ягоды, медъ, масло и пр. Московскія села, между прочимъ, несли и эту повинность доставленія разныхъ продуктовъ для государевой аптеки; наприм. «шипокъ осокорныхъ» полъ осьмины; или: «велѣно собрать съ московскихъ огородниковъ осьмину цвѣта кубышекъ бѣлыхъ», или «вѣлѣно собрать съ московскихъ огородниковъ осьмину цвѣту бобоваго», и т. п. Каковъ именно былъ сос-

тавъ государевой аптеки, каковъ былъ именно каталогъ тогдашней material medical, видно изъ подробной росписи лекарствъ, привезенныхъ изъ Гамбурга, въ 1645 году, докторомъ Венделиномъ Сибилистомъ. Роспись эта весьма любопытна. На первомъ мѣстѣ стоитъ «мелисовый сахаръ» и «водка шкорбутика». Затѣмъ 18 сортовъ масла, различныхъ наименованій: «масло сабина», «масло прикумъ», «масло копаpорумъ» и т. п.; 5 сортовъ мазей: «мазь помада», «мазь чѣмъ глисты морить» и т. п.; 5 сортовъ пластырей, между прочимъ пластыри и до нынѣ употребляющіеся и въ нашихъ аптечныхъ каталогахъ состоящіе, каковы: «пластырь діамоніако», «пластырь церапомъ» (спускъ), «пластырь діахиломъ» (Emploif. dyachilon); 3 сорта пороха, также для разныхъ составовъ и мазей и съ замысловатыми названіями: «порохъ изъ другихъ каменья», «порохъ летифекантисъ халени»; много сортовъ кореньевъ разныхъ растеній; разныя ягоды; «электуаріумы» (нынѣшнія electuaria кашки); «троцисей» т. е. наши frochicti, особый видъ лекарственныхъ лепешечекъ, нынѣ почти оставленный! Въ той же аптекѣ находились: разнаго рода травы, листья растеній, кора (между прочимъ гранатоваго дерева, и нынѣ употребляемаго), тутъ же и «микстура seinpeef», и «духъ изъ ягоды самбуци» (нынѣ еще употребляется), и «воску бѣлаго» 8 ф., и «бумаги маклатуръ» и всевозможные «сиропы и конфекціи». Номенклатура всѣхъ этихъ средствъ по нашимъ документамъ смѣшанная: смѣсь напримѣръ русскихъ корней съ латинскими и греческими окончаніями, или же названія искаженныя литинскія; напримѣръ «робсамбуци» (Roob—густой сиропъ, flores sambuci—цвѣты бузины); «бакаромъ» (bacca—ягода); «а лумно» (alumen—квасцы); «кора сытронова» (лимонная корка) и т. п.

Кромѣ этихъ средствъ, вывозимыхъ изъ заграницы въ готовомъ уже видѣ (робы, frochisci и пр.), государева аптека снабжалась большимъ количествомъ такихъ предметовъ, которые въ наше время не имѣютъ никакого почти отношенія къ аптечному дѣлу, каковы: патока бѣлая, дрожжи пивныя, водка рѣдечная, хрѣновая, гумефная, «вино двойное доброе», романея, кинорея, мортазея, водка коршилева; разнаго рода уксусъ; ягоды, медъ, соль и пр. Особенно велико было разнообразіе водокъ, которыя очень не рѣдко требовались для царскаго обихода; напримѣръ «велено дати про государя въ бальзамъ 2 кружки вина тронова»; «про государя въ масло изъ червей 2 кружки романеи доброй»; «велети имъ дати про государя въ составъ въ пластырь кружку мармозей»; «велено имъ дати въ бальзамъ 5 кружекъ ренскова» и пр. Здѣсь же хранился и янтарь, назначаемый для приготовленія мѵра.

Такимъ образомъ, въ итогѣ квалифицируя всѣ эти средства по роду ихъ происхожденія, съ одной стороны, и по лечебному ихъ назначенію, съ другой, мы видимъ, что средства эти почти всѣ

растительнаго происхожденія; форма ихъ приготовленія довольно сложная и характерная для того времени (а среди такъ называемаго простонародья и до сихъ поръ); это именно излюбленные мази, пластыря, составы, декокты и т. п.

По способу дѣйствія, это по преимуществу потогонныя, отвлекающія, частью слабительныя; такъ называемыхъ возбуждающихъ (excifantia analeptica), если не считать водокъ, почти нѣтъ и еще менѣе наркотическихъ (narcotica). Изъ послѣднихъ упоминается только объ одномъ опіѣ: «лауданумъ опіа» (Loudanum siedenhamii), его было привезено изъ за границы 12 золотниковъ: или «опіемъ табайкомъ».

Этимъ, разумѣется, не исчерпывается все содержаніе лечебной (фармацевтической) медицины XVII столѣтія. То, что разсмотрѣно нами, составляло, такъ сказать, оффиціальную materiam medicam, соотвѣтствовало оффиціальной формакопеѣ, придворной. На ряду съ этой фармокопеей, нѣмецкаго происхожденія, существовала и развилась другая формакопея и медицина, народная, еще болѣе разнообразная по содержанію и не менѣе замысловатая по формамъ приготовленія лекарствъ, конечно, говоря относительно. Но здѣсь мы не имѣемъ въ виду касаться этой народной медицины.

Господствующее названіе для всякаго рода лекарственныхъ композицій было «составъ»; подъ это понятіе подводились и пластыря и мази, чрезвычайной иногда сложности, напримѣръ «въ мазь діалтея (radix altheae) 2 фунта воску», или «въ пластырь съ тифтикомъ 4 кружки уксусу ренскова», и пр. Примѣръ сложности указанъ нами выше: если для леченія больной руки потребовалось 1/2 ф. перцу дикаго, 4 горсти крапивныхъ сѣмянъ, 1/2 ф. бобковъ масличныхъ, 12 зотот. масла кропова, 9 золот. масла тимекъ...

Простотѣ средствъ и ихъ индифферентности, относительно дѣйствія на организмъ, благодаря грубости формы, съ какой онѣ употреблялись, соотвѣтствовали и дозы, которыя опредѣлялись фунтами, золотниками, «гривенками»; напримѣръ «велѣти имъ дати въ аптекарской приказъ въ пластыри чемъ луда воску добраго да три гривенки патоки чистой».

Назначеніе всѣхъ этихъ средствъ, доставляемыхъ въ аптекарскій приказъ, было неисключительно только лечебное. Подъ 1630 годомъ находимъ «память» завѣдующему приказомъ, отпустить масла и для смазыванья государевыхъ пищалей и это, конечно, примѣръ не единственный.

Какъ велико было искусство тогдашнихъ лекарей, каковы были ихъ діагностическія способности и терапія,—отвѣтомъ на эти вопросы служитъ обильный матеріалъ, на которомъ, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности останавливаться въ подробностяхъ. Разумѣется, о какой либо специализаціи знанія и рѣчи не было. Но можно было бы думать о выдѣленіи особаго класса хирурговъ, аналогично

тому, что было на западѣ, въ ту же историческую эпоху. Тогдашніе хирурги собственно и не признавались врачами; хирургіей занимались цирюльники, костоправы, странствующіе монахи; такіе хирурги, хотя и были въ презрѣніи, тѣмъ не менѣе спеціализировались въ своей области, методы и пріемы ихъ передавались наслѣдственно, что составляло иногда фамильный секретъ, и должно сказать, что современная хирургія нѣкоторыми своими методами обязана именно этимъ средневѣковымъ хирургамъ. У насъ, конечно, еще и въ XVII столѣтіи, были свои костоправы, но они не выдѣлялись въ особый цехъ, какъ это случилось на западѣ, въ послѣдствіи, и о нихъ мы не находимъ никакихъ упоминаній въ оффиціальныхъ актахъ. Точно также не было и ничего подобнаго нынѣшнему институту военныхъ врачей. Упоминается въ одномъ мѣстѣ о «полковыхъ лѣкаряхъ», говорится о томъ, что такіе лекаря наѣзжали къ намъ на службу въ войска, «изъ англійскіе земли». А что лекаря точно назначались въ походъ, явствуетъ изъ тѣхъ росписей лекарствъ, «сказокъ», какія отпускались «въ походъ», при чемъ прямо указывалось, что лекарю такому-то въ походъ отпущено то-то и то-то «для лечбы». Курьезнымъ образцикомъ хирургическихъ свѣдѣній и пріемовъ того времени служитъ слѣдующее мѣсто: «по государеву цареву и великаго князя Михаила Θедоровича указу и по присылкѣ королевича доктура, аптекарскова приказу доктуры Вендилинусъ Сибилистъ, Еганъ Бѣловъ, Артманъ Граманъ, ѣздили на посольскій дворъ и досматривали у умершаво королевича кравчево раны и тотъ кравчей раненъ изъ пищали рана подъ самымъ правомъ глазомъ и онѣ доктуры въ ту рану щупомъ щупали а пульки не дощупались потому что рана глубока а то подлинно что пулька въ головѣ» Здѣсь уже первые зачатки судебно-медицинской экспертизы, но такіе, когда еще могли довольствоваться и такимъ заключеніемъ: «а то подлинно что пулька въ головѣ».

Въ другомъ листѣ, подъ № 133, находимъ описаніе такого хирургическаго случая: «раненъ изъ пищали въ правую руку въ ладонь на вылетъ и руку пулькою рвало середней перстъ оторвало виситъ на кожѣ и у перстовъ у всѣхъ жилы (сухожилія) портило и рана больна и государь бы его (раненаго) пожаловалъ велѣлъ ему дати лѣкаря».

Большой интересъ, какъ мы сказали, представляютъ документы, свидѣтельствующіе о томъ, какъ врачи XVII столѣтія распознавали и лечили болѣзни.

Въ 1643 г. докторъ Еганусъ ѣздилъ къ Григорью Горихвостову «и смотрѣлъ, болѣзнь у него въ животѣ отъ слизкихъ мокротъ глиста большая въ кишкахъ а чаемъ излѣчить потому что онъ (т. е. докторъ) такимъ болѣзнемъ преже всего многимъ пособлялъ только вскорѣ Григорью помочь нельзя потому что у нево

та болѣзнь застарѣла». Здѣсь и распознаванiе и предсказанье. Въ другомъ мѣстѣ—подробное описанiе, отчего бываетъ глистная болѣзнь, въ чемъ она состоитъ и какъ ее надо лечить: «зачинается она отъ худой нутреной мокроты и растетъ (т. е. глиста) подле самыхъ кишокъ и бываетъ безъ мало что не противъ кишокъ длиной а шириною на перстъ и кормитца отъ того что человѣкъ пьетъ и ѣстъ и для того что она возлѣ самыхъ кишокъ близко бываетъ запретъ тѣ жилы у человѣка отъ которыхъ жилъ печень силы и кровь къ себѣ принимаетъ и отъ того бываетъ тѣмъ людямъ что они тощи и безъ сильны хотя много пьютъ и ѣдятъ»; «у кого такая болѣзнь бываетъ внутре да съ утра не поѣстъ ничего и та глиста совьетца съ кишками вмѣсте отъ того бываютъ нутреные вѣтры и рвоны и ворчаны внутре и вступитъ та глиста для свово корму подъ сердцо» и пр. «и ту глисту надобно лекарствами преже утомить и обезсилить, чтобъ она въ клубъ вмѣстилась а отъ кишокъ бы отстала и въ тѣ поры мочно ее лекарствами на низъ согнати». И первое такое лекарство — «пругацея (purgantia) т. е. слабительное.

Въ общихъ чертахъ симптоматологiя страданiя совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительности, равно какъ и анатомическое описанiе паразита. Рѣчь идетъ очевидно о ленточныхъ глистахъ.

Въ другомъ мѣстѣ находимъ свѣдѣнiя о томъ, какъ лѣчили рожу: «сказка и вымыселъ всѣхъ... ровъ (вѣроятно докторовъ?) о болѣзни именуется рожа». А больной былъ на этотъ разъ никто иной, какъ самъ «государь царь великiй князь Михаилъ Федоровичъ». Леченiе такое: «первая статья мазать виннымъ духомъ съ канфорою на день по трижды», т. е. тоже, что дѣлается и теперь, спустя болѣе, чѣмъ два столѣтiя. «А послѣ того принять камени поту противу 12 зеренъ перцовыхъ въ составленной водкѣ которую для того составили чтобъ рѣская жаркая кровь раздѣлилась и не стояла бъ на одномъ мѣстѣ. А послѣ того надо отворить жильную руду для того чтобъ вывесть всякiй жаръ изъ головы и крови продухъ дать а буде крови продуху не дать и та тяжкая жаркая кровь станетъ садится на какомъ мѣстѣ нибудь гдѣ природа укажетъ и отъ того бываютъ пухоты (т. е. опухоль) и язвы а жильную руду можно отворить изыскать день добрый».

Итакъ леченiе потогонное, не такъ еще давно оставленное и у насъ; самый опасный симптомъ—это «рѣская жаркая кровь» т. е. лихорадочное состоянiе, что совершенно совпадаетъ и съ современными взглядами на рожу. А какъ понизить температуру? особенно «жаръ изъ головы»? Лучше всего пустить кровь, а буде кровь гдѣ застоится, тамъ бываютъ «пухоты», т. е. отеки. Такой взглядъ среди врачей на большинство болѣзней, сущность которыхъ сводилась на дурные соки, дурную кровь, былъ господствующимъ даже

и въ гораздо болѣе позднее время, и заграницей, и у насъ, у насъ чуть чуть не до половины настоящаго столѣтія (школа «гуморальныхъ» патологовъ).

Доктора вкупе собравшись (консиліумъ) такой составъ составили «про государево здоровье»: «Камени безусо (?) противъ 12 зеренъ соли корольковые противъ 7 зеренъ водки гладышевы 9 золотн. да цвѣту дерева самбуцыя 2 горсти мочено и варено въ уксусѣ ренскомъ своробориnномъ уксусу положено полъ фунта а въ тотъ составъ процыдя сквозь бумагу положено 4 золотн. сахару мелково не скоромнproblemово 2 золотника». Здѣсь указанъ и способъ приготовленія лекарства, «состава».

Разсуждали врачи также и о діэтѣ, какую долженъ былъ государь имѣть, и о времени принятія лекарства: «до вечернево кушанья часа за два». «Послѣ жильнаго отворенья добро кушать рыба свѣжая окуни пѣскиши щуки и раки добрѣ здорово. А та рыба ѣсть въ ухѣ варя или жаря а жареную рыбу поливать сокомъ лимоннымъ. А рѣдьки и хрѣну не ѣсть и пить ренское вино прямое доброе да церковное вино доброе и пиво доброе и квасъ доброй житной. А не пити вина горячево ни водки ни меду ни романеи».

«И тое руду при бояринѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ Шереметевѣ Иванъ Ѳедоровичъ Большой Срѣшневъ выкопавъ въ саду противъ комнатъ ямку положилъ въ землю». Такой почетъ, ясно, оказанъ былъ только «государевой рудѣ».

Въ одномъ мѣстѣ есть, повидимому, указанія на дифтеритъ, хотя болѣзнь и называется ангиной (жабой): «у котораго де человѣка горло и груди пухнутъ и будетъ де въ тѣхъ пухлыхъ мѣстахъ жаръ объявится; а зачинается де та немочь отъ дурныхъ вѣтровъ и отъ жаркихъ мокротъ и отъ ѣствъ которые человѣку не въ требу и отъ жаркіе крови которые бываютъ на человѣкѣ. И только де отъ такіе болѣзни пособи человѣку вскорѣ не будетъ и отъ такихъ де болѣзней многіе люди задыхаются». Но противъ такого предположенія говоритъ то, что та же болѣзнь, съ вышеописанными признаками, отождествляется, повидимому, съ сибирской язвой, и въ пользу послѣдняго мнѣнія гораздо больше основаній: «бываетъ тая же немочь людямъ отъ мертвой де животины которая помираетъ отъ повѣтрія какъ де тое животину станутъ одирать и отъ тово стерва или отъ кожи паръ попадетъ въ человѣка и съ того помираютъ». Здѣсь же указаны и терапія и мѣры предохранительныя, строгое проведеніе которыхъ на практикѣ составляетъ все еще pia desideria и для нашего времени: «а коли де бываетъ повѣтріе на скотъ на лошади или на коровы и мертвой де скотъ надобно закопывать въ землю совсѣмъ а только де въ землю не закапывать или станутъ кожи одирать и отъ того де бываетъ повѣтріе на люди».

Замѣчательно, что относительно происхожденія сибирской язвы еще въ 1643 году высказывалось такое мнѣніе, которое и теперь имѣетъ свое право гражданства: «а бываетъ де такое лихое повѣтріе на скотъ отъ тумановъ коли весна бываетъ мочливая (мокрая) а послѣ тово туманы великіе и жары и тѣ де туманы падутъ на траву а дождемъ ихъ не смоетъ и трава съ того станетъ отравна (отравлена) и отъ тово де скотъ и помираетъ». Конечно, теперь толкованіе этого факта иное, но важна идея.

А лечили ту болѣзнь у людей такъ: «подъ языкомъ жильную отворить (поводомъ для выбора такого мѣста служило, вѣроятно, опуханіе шейныхъ и подчелюстныхъ железъ) да сдѣлать водки которая холодитъ (леченіе противовоспалительное, и теперь практикуемое) и тою водкою въ ротѣ полоскать, а не глотать и плевать вонъ. А наружно мазать мазьми и пластыри прикладывать которые къ тому годны будутъ и только немочь продлитца (т. е. спустя нѣкоторое время, или, если болѣзнь затянется) надобно давать лѣкарства чтобъ потѣть и отъ тово бываетъ «облегченье». Особенно поучителенъ совѣтъ «не плевать вонъ», что составленное съ названіемъ болѣзни «повѣтріемъ», а такіе времена — «тяжкими», — говоритъ въ пользу того, что здѣсь рѣчь идетъ навѣрное о сибиркѣ, и, очень вѣроятно, о дифтеритѣ, и во всякомъ случаѣ — о болѣзни эпидемической.

Въ «столпцѣ» 238 помѣщена «роспись лѣкарствамъ», которые отпущены къ королевичу Волдемару Христіанусовичу и отъ какихъ болѣзней тѣ лѣкарства годны»:

«духу винново (спиртъ) скляница и то годно мазать по суставамъ отъ лому»;

«патоки своробаринной да водки гуляфной, а тѣмъ годно отъ жару въ ротѣ полоскать»;

«отпущено пяти статей лѣкарствъ а тѣ лѣкарства годны къ ранамъ и къ болячкамъ»;

«тотъ составъ 23 статей годенъ ко всякимъ немощамъ».

Государевой аптекой пользовались и князья, и бояре, близкіе къ особѣ государя, и жившіе въ Москвѣ посольства, но каждый разъ по особому государеву приказу, на каждый случай въ аптекарскій приказъ давалась «память». Въ 1645 году «крымскіе гонцы» просили государя «прислать къ нимъ лѣкаря кому у ногъ лечить озноба» (отмороженіе).

На обязательности же врачей лежало пользованіе и княжескихъ лошадей. Въ 237 «столпцѣ» помѣщенъ цѣлый списокъ лекарствъ, понадобившихся для княжескихъ лошадей: 2 фунта бобковаго масла, 1 фунтъ орѣховъ чернильныхъ, 1 фунтъ камфоры, 1 фунтъ квасцовъ и проч., въ такихъ же размѣрахъ.

Врачи не оставались совершенно безконтрольны въ своемъ лечебномъ дѣлѣ. Ихъ контролировали или свои же товарищи, кото-

рые должны были давать по тому или другому поводу «особыя сказки», или же прямо «допрашивали» въ приказѣ. Такъ, однажды «по приказу боярина Ѳедора Ивановича Шереметева оптекарскаго приказу доктора допрашиваны отъ какіе болѣзни тѣ лѣкарства годны» (которые отправлялись «къ королевичу Волдемару»). Въ другой разъ тотъ же бояринъ «велѣлъ допросить доктуровъ какую сырую траву кладутъ въ питье отъ которой травы холодитъ».

Впрочемъ, въ большинствѣ такія «допрашиванья» имѣли значеніе простыхъ справокъ.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ объ экономическомъ положеніи врачей. Вотъ подробныя «роспись обтѣкарскаго приказу дохтуромъ и обтѣкаремъ и лѣкаремъ. Дохтуръ Артемій Дей 250 (руб.); дохтуръ Валентинъ Бинсъ 200; обтѣкарь Ондрей Ивановъ 70; окулистъ Давыдъ Брунъ 55; лѣкари по 50 рублевъ человѣку. Переводчики по 40 рублевъ человѣку». Это въ 1631 году и здѣсь, какъ отмѣчено это выше, «лѣкаря» и по содержанію и во всемъ прочемъ поставлены ниже «дохтуровъ» и ближе къ аптекаремъ, хотя опять напомнимъ, что различіе это весьма мало имѣетъ общаго съ различіемъ, существующимъ въ наши дни между этими профессіями. Одно изъ существенныхъ различій, какъ выше указано, было то, что одни «пускали жильные», а другіе — нѣтъ.

Иногда «лѣкаря» и аптекаря получали вмѣсто денежнаго оклада «поденной кормъ». Такъ, напримѣръ, приказано было «лѣкарю Алферью давати въ обмѣну корму съ кормоваго дворца въ день по 4 блюда съ сытново дворца въ день по 2 чарки вина по 2 крушки меду по 2 крушки квасу житнова да съ хлѣбново дворца по полу колача толчонова».

Или же содержаніе выдавалось натурою, въ сыромъ, такъ сказать, видѣ: въ видѣ барановъ, яловицъ и пр.

Или же взамѣнъ денежнаго оклада, или въ пополненье жалованья «помѣстный окладъ»: напримѣръ, дохтуру Коппару Давыдову кромѣ двадцати рублей «на мѣсяцъ» «учиненъ» былъ еще «подмосковной помѣстной окладъ сто четвертей». Вообще въ этомъ отношеніи не было правила, нашихъ штатовъ. Врачи не рѣдко «докучали» государю своими челобитными то о подводахъ, то о кормовыхъ и проч. и вообще слѣдили другъ за другомъ въ этомъ отношеніи, какъ бы что не перепало кому лишнее.

Мы не имѣемъ возможности вдаваться въ частности и подробности медицинскаго дѣла въ Россіи въ первой половинѣ XVII столѣтія, хотя бы многія изъ нихъ и оказались весьма поучительными, и потому, ограничиваясь указаніемъ на наиболѣе характерныя особенности, позволимъ себѣ все вышеизложенное резюмировать такъ:

Въ первой половинѣ XVII столѣтія аптекарскій приказъ аналогично другимъ приказамъ, служилъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ

сосредоточивалась врачебная администрація, находившаяся вовсе не въ компетентныхъ рукахъ, а въ рукахъ бояръ — окольничихъ и дьяковъ. Всѣ распоряженія дѣлались отъ имени государя. Отсюда производился вызовъ и наемъ иноземныхъ лекарей; здѣсь уплачивалось имъ содержаніе; здѣсь же находился складъ, такъ сказать, аптекарскихъ товаровъ и самая аптека; аптекарскій приказъ, именемъ государя, командировалъ врачей для той или другой надобности; напримѣръ, для освидѣтельствованія мертваго тѣла, для подачи пособія; въ походъ.

Около особы государя, въ аптекарскомъ приказѣ, сосредоточивалась вся тогдашняя оффиціальная медицина въ лицѣ ея представителей—лекарей и аптекарей, съ цѣлымъ арсеналомъ разнообразныхъ медикаментовъ, которые частью выписывались изъ заграницы, частью собирались и готовились у себя дома, что составляло родъ особой повинности для дворцовыхъ крестьянъ. Услугами этой оффиціальной медицины пользовались самъ государь и окружающій его персоналъ бояръ.

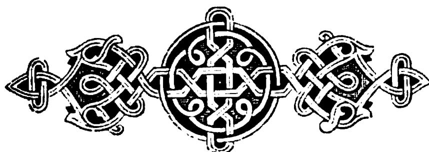
На ряду съ этой оффиціальной медициной существовала другая, болѣе самостоятельная и гораздо болѣе популярная, медицина народная, о характерѣ которой извѣстно намъ по другимъ источникамъ.

Врачей въ нашемъ смыслѣ слова не было, ни въ смыслѣ представительства науки, ни въ строгомъ смыслѣ профессіональности труда, ибо не было собственно ни науки, ни средствъ образованія. «Лѣкарскою мудростью» занимались и иностранцы, къ намъ наѣзжавшіе и болѣе или менѣе причастные къ врачебному дѣлу, или тѣ же иностранцы, но круглые невѣжды въ этомъ дѣлѣ, завѣдомо эксплуатировавшіе чужое довѣріе. Общественное и экономическое положеніе такихъ «лѣкарей» не можетъ быть названо завиднымъ: дозволить имъ «отворять жильные» или не дозволить, дать то или другое жалованье, тотъ или другой «кормъ»,—все это было исключительно дѣломъ государевой воли и произвола аптекарскаго приказа, т. е. въ концѣ концовъ того или другаго окольничаго или дьяка.

Что же касается внутренняго содержанія тогдашней медицины, ея теоретической подкладки, и практическаго примѣненія, съ другой стороны, то нельзя сказать, чтобъ въ основѣ этого содержанія не лежало нѣкоторыхъ теорій, взглядовъ, сопутствующихъ развитію тогдашней медицины на западѣ, и имѣющихъ свои корни въ болѣе глубокой древности. Во взглядахъ тогдашнихъ врачей видимъ отголосокъ господствовавшаго ученія о «крозохъ», съ примѣсью массы, на нашъ взглядъ, нелѣпыхъ и курьезныхъ предразсудковъ. Однако, какъ мы видѣли, въ описаніи симптомовъ разныхъ болѣзней, и въ самой методикѣ наблюденій, тогдашнимъ врачамъ нельзя отказать въ наблюдательности. Фактъ большею частью подмѣчался вѣрно, а толковали ложно.

Сообразно взглядамъ на происхожденіе и сущность болѣзней вырабатывалось и леченіе. Разъ въ основѣ болѣзни лежала порченая кровь, или избытокъ какой-то «слизи» и «мокроты» надо было или удалить порченую кровь или очистить ее, что достигалось кровопусканіями larga manu и потогонными, по преимуществу. Діэтетикѣ придавалось, повидимому, немалое значеніе, но понималась она исключительно въ смыслѣ ограниченіи или видоизмѣненія пищи и питья, но никогда это ограниченіе не доходило до тѣхъ предѣловъ голоданія, которыя внесли въ русскую врачебную практику впослѣдствіи врачи-нѣмцы.

М. О. Перфильевъ.

ЖЕНЩИНА ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

ПОЛОЖЕНІЕ женщины въ обществѣ—лучшая мѣрка для оцѣнки степени его нравственнаго развитія. Чѣмъ больше гарантированы въ немъ ея права, чѣмъ больше имѣетъ она возможности дѣйствовать на него своимъ нравственнымъ вліяніемъ, какъ представительница любви, стыдливости и непосредственнаго чувства, тѣмъ выше стоитъ, по характеру своему, самое общество, предоставившее ей такое положеніе. Гдѣ женщина унижена и порабощена, тамъ общество нетолько не можетъ жить всестороннею, умственно и нравственно совершенною жизнью, но даже его односторонняя жизнь получаетъ превратное направленіе: не полное становится въ то же время неправильнымъ. Довольно было только гарема и многоженства, чтобы убить въ корнѣ, подавить въ зародышѣ, цивилизацію древнихъ народовъ востока. Гдѣ бракъ не имѣлъ характера нравственнаго учрежденія, тамъ не могло быть и рѣчи о благородномъ отношеніи половъ, о возвышающемъ и освѣщающемъ человѣка чувствѣ любви. Гдѣ не было матери въ настоящемъ значеніи слова съ благотворнымъ вліяніемъ въ семьѣ, тамъ не могло быть и семьи, а слѣдовательно, и воспитанія въ дѣтяхъ, будущихъ гражданахъ, тѣхъ нравственныхъ началъ, безъ развитія которыхъ въ обществѣ немыслимо благосостояніе государства. Неограниченное господство чувственности, доходящее иногда до полнаго цинизма, грубость характера общественной жизни, крайняя слабость нравственнаго начала въ семьѣ, вражда, интриги, и нерѣдко кровавыя преступле-

нія между членами семьи—вотъ обыкновенныя явленія, сопровождающія не нормальное общественное положеніе женщины—повсемѣстный печальный результатъ ея рабства. Эстетическая сторона общественной жизни, при такомъ положеніи дѣла, страдаетъ не меньше нравственной. Общество, которое лишило бы женщину принадлежащаго ей мѣста и значенія, обезобразило бы многія стороны своей собственной жизни. Общественная жизнь неизбѣжно потеряла бы, въ этомъ случаѣ, ту прелесть, тотъ характеръ изящества, который всюду вноситъ съ собою женщина, какъ существо по преимуществу одаренное инстинктомъ изящнаго. Въ виду такого значенія ея въ семействѣ и обществѣ, изученіе ея семейнаго и общественнаго положенія, въ данную эпоху, и въ данной странѣ, лучше, нежели что нибудь другое, знакомитъ насъ съ извѣстнымъ вѣкомъ и характеромъ жизни того или другого народа.

Мы избрали предметомъ настоящаго очерка положеніе женщины у народа, составляющаго первое звено въ исторіи цивилизаціи. Первые моменты въ развитіи историческаго явленія всегда представляютъ особенный интересъ. А древніе греки и въ этомъ вопросѣ — въ вопросѣ о правахъ и положеніи женщины, начинаютъ новую эпоху въ исторіи человѣчества. Думаемъ поэтому, что если читатель специалистъ не найдетъ въ предлагаемой статьѣ чего нибудь для себя новаго, то читатель, незнакомый спеціально, но, тѣмъ не менѣе, интересующійся античнымъ міромъ, прочтетъ не безъ интереса историческій очеркъ постепеннаго развитія правъ женщины у одного изъ величайшихъ народовъ міра [1]).

Если мы обратимъ вниманіе на характеръ греческой жизни, вообще на то, къ чему древній грекъ стремился, что онъ любилъ и чѣмъ наслаждался, то можемъ подумать, что женщина должна была занимать, въ древней Греціи, высокое положеніе и пользоваться тѣми же, если еще не бо̀льшими, правами, какими она пользуется въ новомъ европейскомъ обществѣ. Народъ нетолько любилъ, а боготворилъ красоту; эстетически утонченныя наслажденія составляли для древняго грека такую сторону жизни, безъ которой онъ рѣшительно не умѣлъ себѣ ее представить. Казалось бы, что при такомъ положеніи дѣла, женщина должна была явиться

---

[1]) Главнымъ источникомъ для настоящей статьи служило сочиненіе m-lle Clarisse Bader: La femme greque (Paris, 1872. 2 vol.—Ouvrage couronné par l'academie française). Къ существовеннымъ достоинствамъ его, по моему мнѣнію, относится, прежде всего, полнота, съ которою въ немъ разсмотрѣнъ предметъ, равно какъ и добросовѣстное изученіе источниковъ. Замѣтные же недостатки его составляютъ, во-первыхъ, реторизмъ изложенія—недостатокъ, общій многимъ французскимъ сочиненіямъ, а во-вторыхъ, взглядъ автора на греческую миѳологію. Авторъ сочиненія La femme greque всюду видитъ въ греческихъ миѳахъ только символы и не находитъ ни малѣйшихъ слѣдовъ историческаго элемента.

царицей въ древне-греческомъ обществѣ, по крайней мѣрѣ, получить руководящую роль во всемъ, что касается изящества въ жизни. Если мы прибавимъ къ этому, что древній грекъ жилъ по преимуществу общественной жизнью, слѣдовательно, проводилъ время бо̀льшею частью внѣ дома, и что поэтому всѣ заботы о хозяйствѣ и семьѣ лежали исключительно на женщинѣ, то мы, конечно, вправѣ ожидать, что мужская половина греческаго общества должна была оказывать женщинѣ высокое уваженіе въ силу тѣхъ важныхъ обязанностей, которыя на ней лежали. Не такъ, однако, это было на самомъ дѣлѣ. Положеніе женщины въ древней Греціи, за исключеніемъ развѣ одной Спарты, вообще не могло назваться удовлетворительнымъ. Человѣкъ древняго міра жилъ исключительно идеей гражданина и неумѣлъ еще возвыситься до признанія безусловнаго значенія человѣческой личности. Естественно поэтому, что смотря на себя только какъ на часть цѣлаго, какъ на извѣстную силу или рабочую единицу въ государствѣ, грекъ не могъ дать у себя привилегированнаго положенія женщинѣ, не принимающей вообще непосредственнаго участія въ сферѣ гражданской жизни. Ничто не дѣлается вдругъ. Греческій міръ и безъ того уже далеко оставилъ за собою востокъ, между прочимъ, и въ томъ, что касалось общественнаго положенія женской половины человѣческаго рода. Ни рабства женщины, ни полигаміи, съ которыми мы встрѣчаемся на востокѣ, въ древней Греціи не существовало; съ этой стороны положеніе женщины въ Греціи было несравненно лучше. Но возвыситься до признанія въ личности женщины полныхъ человѣческихъ правъ, предоставить ей одинаковую съ мужчиной степень участія въ пользованіи духовными благами жизни, древній грекъ, смотрѣвшій на человѣческую личность исключительно съ гражданской, такъ сказать, точки зрѣнія, еще не могъ. Дѣйствительное возвышеніе женщины и настоящее развитіе ея правъ впервые начинается только съ христіанствомъ.

Чтобы представить, по возможности, полную картину исторіи женщины въ древней Греціи, необходимо начать съ самаго ранняго періода — съ гомерической эпохи. Но еще прежде, чѣмъ мы коснемся этой чисто исторической стороны предмета, я считаю не лишнимъ остановиться на тѣхъ миѳахъ древней Эллады, въ которыхъ, такъ или иначе, въ той или другой формѣ, выступаетъ на сцену женщина. Собственно, въ историческомъ отношеніи, источникъ подобнаго рода, конечно, не можетъ сообщать ничего, такъ какъ миѳы—не исторія. Но если миѳологія не сообщаетъ намъ положительныхъ фактовъ, то она, въ данномъ случаѣ, можетъ превосходно познакомить насъ со взглядомъ древняго грека на личность женщины, вообще, на его понятія о ней, на ту идею, которую онъ о ней имѣлъ. Не трудно представить, что еслибы жен-

Мѣстоположеніе Додона.

щина стояла, говоря вообще, не высоко въ понятіяхъ древняго грека, то естественно, что и въ миѳахъ его она непремѣнно должна была бы являться чѣмъ-то приниженнѣе всего, загнаннымъ и, естественно рабой. Если же женщина была для древняго грека существомъ съ извѣстными умственными и нравственными совершенствами, достойной подругой мужчины, то, естественно, что и образы эллинской миѳологіи — всѣ эти богини и нимфы, которыми она переполнена, должны были служить выраженіемъ подобнаго взгляда. Съ этой точки зрѣнія, миѳы, по отношенію къ данному вопросу, имѣютъ, можетъ быть, не меньше важное значеніе, чѣмъ и самая исторія.

Если мы разсмотримъ, хотя бѣгло религіозную догматику эллиновъ, то увидимъ, что женщина играетъ въ эллинскомъ богословіи чрезвычайно важную роль. На ряду съ личностями боговъ, вездѣ является обожествленіе женскаго начала въ типахъ богинь, которыя имѣютъ свои храмы, свой культъ, своихъ жрицъ. Эти послѣднія играютъ такую важную роль, что являются иногда истолковательницами воли боговъ, даже самаго Зевса. Такъ въ прорицалищѣ Додоны жрицы Пеліады прислушавались къ таинственному шелесту дуба, къ журчанію волнъ, къ звукамъ металла и, узнавая этимъ способомъ волю божества, давали людямъ совѣты и прорицанія. Искусство земледѣлія, составляющее первое условіе не только благосостоянія, а самого существованія человѣка—находитъ у грековъ свою представительницу и покровительницу въ женщинѣ, въ богинѣ. Поклоненіе Деметрѣ (мать земли — Церера римлянъ) было одно изъ самыхъ распространенныхъ въ древней Греціи: ей были посвящены самыя возвышенныя по значенію и самыя мистическія по характеру въ ряду греческихъ таинствъ—элевзинскія. Миѳологія эллиновъ, поставивъ главою Олимпа и верховнымъ правителемъ міра «отца боговъ и людей» — Зевса, поставила рядомъ съ нимъ и женщину,—царицу неба и вселенной, его жену и сестру—богиню Геру. Въ мрачномъ, подземномъ царствѣ похищенной Плутономъ дочери Деметры Персефоны (Прозерпина) три женщины правятъ жизнью и судьбою людей. Это знаменитыя Парки, изъ которыхъ одной принадлежитъ даже право перерѣзывать нить человѣческой жизни, посылать людямъ смерть. Грекъ олицетворяетъ одно изъ высочайшихъ и благороднѣйшихъ преимуществъ человѣческой природы, мудрость — въ образѣ богини, въ личности женщины. Паллада—Аѳина (Минерва римлянъ) представляетъ въ сонмѣ греческихъ божествъ идеально совершенный умъ, соединенный съ идеальной нравственной чистотой. Грекъ населяетъ морскія глубины представительницами женскаго начала—нимфами, нереидами, создаетъ личности Амфитриды и сестры ея Ѳетиды, точно также какъ нимфъ рѣкъ и источниковъ. Населивъ женскими божествами воды морей и рѣкъ, а равно и вершины

Венера Капитолійская.

Олимпа — древній грекъ не забылъ отвести женщинѣ мѣсто и на небѣ. Онъ создаетъ одинъ изъ самыхъ поэтическихъ миѳовъ своихъ о богинѣ зари прекрасно—кудрявой (ἐϋπλοκαμος) Эосъ. Блистательная дочь утра, закрывъ лицо свое топазовымъ покрываломъ, покидаетъ волны океана, и запрягаетъ своими нѣжными розовыми пальцами быстрыхъ скакуновъ, которые мчатъ вихремъ ея колесницу; взошедши затѣмъ на золотой тронъ, она поднимается къ небу, и приноситъ съ собою богамъ и людямъ тотъ свѣтъ, который служитъ сигналомъ для пробужденія жизни. Богини, которыя представляли прелесть общественной жизни, которыя соединяли узами супружества мужчину и женщину и гражданъ въ общихъ удовольствіяхъ—Граціи служатъ обыкновенными спутницами богини красоты и любви. Афродита (Венера римлянъ), олицетворяя собою это начало красоты и любви, покоряетъ своей власти всѣхъ—и боговъ, и смертныхъ; въ то же время она сама является слишкомъ склонною къ увлеченіямъ, слишкомъ доступной и для боговъ, и для смертныхъ. Афродита представляетъ въ этомъ отношеніи рѣзкую противуположность строго - цѣломудренной, недоступной Палладѣ. Цѣломудріе и дѣвственность имѣютъ въ греческой миѳологіи еще двухъ представительницъ въ богиняхъ — Гестіѣ (Веста) и Артемидѣ (Діана). Наконецъ, грекъ олицетворилъ способности и склонность къ наукамъ и искусствамъ въ девяти богиняхъ, которымъ даетъ имя Музъ. Эти девять сестеръ, эти дѣвственныя дочери неба, дочери «отца боговъ и людей»—представляютъ собою величайшихъ благодѣтельницъ человѣчества. Онѣ обладаютъ тайною — успокоивать сердца людей и отгонять отъ нихъ всякое зло. Въ Дельфахъ у подножія горы Парнаса находилось святилище того бога, у котораго музы были помощницами. Жрицы играютъ важную роль въ святилищѣ Аполлона. Всѣмъ извѣстна роль пиѳіи, получавшей отъ этого бога непосредственныя откровенія, на основаніи которыхъ жрецы составляли потомъ отвѣты вопрошавшимъ. Вообще, значеніе жрицъ въ эту эпоху было очень велико. Онѣ приносили жертвы богамъ, онѣ пророчествовали, онѣ совершали богослуженіе. Это были вполнѣ женщины и по наружности, и по душѣ. Характеръ, съ которымъ онѣ являются у Гомера, не можетъ однако не обратить на себя вниманія своею исключительностью. Поэтъ постоянно изображаетъ ихъ хромыми, косыми и т. п. Ни одной изъ нихъ мы не видимъ у него въ блескѣ молодости и красоты; это глубокія, покрытыя морщинами старухи. Онѣ являются умилостивительницами и предстательницами передъ божествомъ за людей, но точно также низводятъ своими молитвами на смертныхъ мщеніе боговъ, особенно же въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчаютъ въ людяхъ жестокосердіе и нераскаянность.

Мы сдѣлали бѣглый обзоръ греческихъ миѳовъ, въ которыхъ такъ или иначе, въ той или другой, хотя бы чисто фантастической

Дубы на Парнасѣ.

формѣ, является личность женщины. Читатель видѣлъ какое высокое мѣсто отвелъ ей древній грекъ въ своей миѳологіи, какую важную далъ онъ ей во многихъ случаяхъ роль. Гера раздѣляетъ отчасти съ своимъ міродержавнымъ супругомъ управленіе міромъ; Парки рѣшаютъ судьбу людей; Паллада-Аѳина олицетворяетъ въ своей личности высочайшее преимущество человѣческой природы—мудрость; Музы сообщаютъ человѣку практически полезныя и въ то же время возвышающія и облагороживающія его природу знанія, а обязанныя имъ своимъ бытіемъ искусства украшаютъ его жизнь. Не создалъ бы грекъ всѣхъ этихъ грандіозныхъ типовъ различныхъ богинь, еслибы онъ относился къ личности женщины слегка или свысока. Представивъ въ общихъ чертахъ греческую женщину, какою она является намъ въ миѳахъ, мы должны перейти теперь въ область дѣйствительности, въ область положительныхъ фактовъ. Мы видѣли гречанку-богиню; посмотримъ на бытъ и характеръ гречанки-женщины.

Источниками, откуда мы заимствуемъ свѣдѣнія о семьѣ и домашней жизни эллиновъ въ эпоху троянской войны и раньше, служатъ Гомеръ и Гезіодъ. Особенно важенъ въ этомъ отношеніи гомерическій эпосъ. Гомеръ является въ изображеніи частнаго быта эллиновъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ — неподражаемымъ живописцемъ-художникомъ, такъ что, соединяя въ одно цѣлое разныя мѣста его обѣихъ поэмъ, мы можемъ составить себѣ полное понятіе о характерѣ и образѣ жизни современной ему семьи у эллинскихъ племенъ, а слѣдовательно и о положеніи женщины въ то время.

Первое, что останавливаетъ на себѣ наше вниманіе въ характерѣ греческой семьи героическаго вѣка, это тотъ характеръ патріархальности, которымъ вообще отличается домашній бытъ у народовъ, только что начинающихъ свою историческую жизнь. Бытъ этотъ отчасти напоминаетъ ту первобытную эпоху, когда одна семья, родоначальница «избраннаго народа» жила подъ управленіемъ своего вождя, подъ непосредственнымъ начальствомъ и покровительствомъ Бога.

У Гомера мы находимъ весьма рельефное изображеніе дѣвочки-гречанки въ эпоху самаго ранняго ея дѣтства. Нѣтъ, конечно, нужды говорить, что черты, которыми онъ рисуетъ эту юную начинающуюся жизнь, столько же принадлежатъ гречанкѣ, сколько дѣтскому возрасту вообще. Ребенокъ съ трудомъ держится на ногахъ; онъ не можетъ еще долго стоять. Дѣвочка инстинктивно ищетъ свою мать; она бѣжитъ вслѣдъ за нею, хватаясь за полу ея туники; она обращается къ матери съ глазами полными слезъ, и этимъ нѣмымъ языкомъ проситъ ее взять къ себѣ на руки [1]).

---

[1]) Иліада, XVI.

Танцовщица.

Малютка-дѣвочка становится взрослою дѣвицей. Ея положеніе въ домѣ таково, что она составляетъ гордость семьи. Отецъ, мать и братья относятся къ ней съ одинаковою любовью. Послѣдніе почтительно прислуживаютъ ей. Что касается ея удовольствій и занятій, то Гомеръ ничего не говоритъ о ея пѣсняхъ и пѣніи, но за то упоминаетъ о совершенствѣ, съ какимъ она танцовала. Не трудно, конечно, угадать, что въ этотъ періодъ жизни дѣвушки, приготовленіе ея къ ея будущимъ обязанностямъ и вообще къ дѣйствительной жизни должно было составлять предметъ особенныхъ попеченій семьи. Такъ это и было въ дѣйствительности, причемъ, по духу греческаго воспитанія вообще, заботы о физическомъ развитіи дѣвушки играли чрезвычайно важную роль. На ея обязанности лежали, между прочимъ, мытье на рѣкѣ своего платья, а также одеждъ, принадлежавшихъ ея отцу и матери.

Общество мужчинъ и участіе ихъ въ играхъ и бесѣдахъ молодой дѣвушки въ эту эпоху не считалось неприличнымъ. Лучшей гарантіей для нея въ это время были съ одной стороны чувство естественной женской стыдливости, а съ другой—то уваженіе, которымъ она пользовалась въ обществѣ. Но, вообще въ этотъ періодъ жизни греческой женщины, въ эпоху ея дѣвичества, самый трудъ по характеру своему мало отличался отъ удовольствія. Но, вотъ въ жизни дѣвушки наступаетъ новая эпоха. Она должна сдѣлаться супругою. Какъ древній грекъ смотрѣлъ на женщину въ этомъ ея положеніи, какъ онъ понималъ идеалъ жены вообще? Гезіодъ даетъ мужчинѣ совѣтъ брать себѣ женою дѣвушку молодую и цѣломудренную, которой онъ могъ бы разъяснить значеніе важныхъ лежащихъ на ней обязанностей. Необходимо чтобы дѣвическая чистота служила для мужчины ручательствомъ, что она останется также чистою и тогда, когда сдѣлается женою. Такую жену Гомеръ называетъ даромъ боговъ.

На основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ Гомера, можно заключать, что взрослая дочь была продаваема у эллиновъ отцемъ ея будущему мужу. Но въ другомъ мѣстѣ мы находимъ у поэта, что дѣвушка сама при выходѣ въ замужество получаетъ приданое отъ родителей, равнымъ образомъ и ея обрученный приноситъ ей дары, заключающіеся въ стадахъ, драгоцѣнныхъ одеждахъ и дорогихъ вещахъ. Едва ли, однако же, подаркамъ, которые дѣлалъ женихъ отцу невѣсты, можно придавать значеніе платы или выкупной суммы. Это были не больше какъ установленные обычаемъ дары, въ родѣ тѣхъ, какіе дѣлаетъ женихъ и у насъ въ крестьянскихъ семьяхъ. Вообще, въ героическія времена о выдачѣ дѣвушки въ замужество заботились ея родители, права которыхъ въ этомъ случаѣ были неограниченны. Дочь была обязана имъ безусловнымъ повиновеніемъ, даже когда родители приказывали ей выйдти за мужъ за человѣка, котораго она совершенно не знала; тѣмъ не

менѣе, если мы обратили вниманіе на то, какъ старались искатели выиграть во мнѣніи дѣвушки, возбудить ея расположенность къ себѣ и привлечь на свою сторону ея близкихъ, то мы можемъ не безъ основанія предполагать, что она пользовалась извѣстною свободою въ выборѣ мужа. Общимъ правиломъ впрочемъ было то, что ея судьбою въ этомъ случаѣ располагалъ отецъ, и даже иногда предлагалъ ее тому, за кѣмъ желалъ ее видѣть замужемъ.

Въ эти времена, когда отецъ былъ въ одно время и верховнымъ жрецомъ и главою семьи, отправленіе невѣсты въ домъ ея мужа составляло, какъ кажется, существенную часть брачной церемоніи. Гомеръ и Гезіодъ сообщаютъ намъ подробности этого торжественнаго обряда. Брачныя пѣсни и звуки флейты и лиры сопровождали веселый поѣздъ. При ослѣпительномъ блескѣ факеловъ, которые несли рабы, двигалась колесница новобрачныхъ, которыхъ окружали прекрасныя женщины, и сопровождали хоры молодежи. Новобрачный или его отецъ устраивалъ пиръ для сосѣдей и друзей фамиліи. На брачномъ пиршествѣ раздавались пѣсни пѣвца, которыя онъ сопровождалъ игрою на лирѣ; онъ же управлялъ танцами, оживлявшими пиршество.

Характеръ, съ которымъ является эллинская семья героическихъ временъ, во многихъ случаяхъ представляетъ намъ черты библейскихъ нравовъ. И въ пѣсняхъ Гомера мы находимъ точно также трудолюбивую жену и мать семейства гречанку, нѣжно привязанную къ своему мужу и относящуюся къ нему съ уваженіемъ, какъ встрѣчаемъ въ библіи въ роли жены и матери съ тѣми же качествами еврейку въ семействахъ патріарховъ. Раздѣляя съ мужемъ своимъ заботы по управленію домомъ, гречанка подаетъ своимъ личнымъ домашнимъ трудомъ примѣръ трудолюбія. Даже званіе царицы не избавляетъ ее отъ обязанности—распредѣлять между служанками работы и служить для нихъ образцомъ дѣятельности. Соткавъ изъ приготовленной ею же самой пряжи ткань или покрывало, она вышиваетъ на немъ узорчатыя изображенія разнаго рода предметовъ, касающихся войны. Въ то же время она не считаетъ для себя унизительнымъ—самой заниматься приготовленіемъ на кухнѣ; съ помощію служанокъ она готовитъ обѣдъ для своего мужа или чужестранца, котораго онъ принимаетъ у себя въ домѣ. Царица поручаетъ служанкамъ приготовить постель для чужестранца, который гоститъ у нихъ въ домѣ: на ихъ обязанности лежало приготовить для него пурпуровыя ткани, ковры, теплыя покрывала. Но она завѣдуетъ сама приготовленіемъ ложа для своего мужа. Гречанка-супруга пользуется полною свободою бесѣды съ чужестранцами. Но, являясь въ общество, она покрываетъ свою голову блестящимъ покрываломъ, скрывающимъ ее головное убранство. Жена, обладающая добрыми нравственными качествами, поселяетъ довѣріе къ себѣ и

уваженіе въ мужѣ. Онъ гордится своею подругой, онъ счастливъ счастьемъ, которое она ему съ собой приноситъ и оказываетъ ей то же уваженіе, которое оказываютъ ей всѣ. Когда наступаетъ война, грекъ вооружается для защиты своего родного очага, и самое тяжелое, что ему представляется, въ случаѣ если онъ будетъ побѣжденъ, это то, что его жена сдѣлается плѣнницей и добычей побѣдителя. Отправляясь въ дальнее путешествіе, грекъ больше всего сѣтуетъ о разлукѣ съ женой, а возвращаясь подъ домашній кровъ, онъ не помнитъ себя отъ радости при свиданіи съ нею. Смерть жены до того иногда приводила грека въ отчаяніе, что жизнь окончательно становилась для него тягостью. На сколько можно судить на основаніи поэмъ Гомера, древній грекъ никогда не разрывалъ брачныхъ узъ и не отвергалъ жены даже въ томъ случаѣ, если она была виновна. Онъ не имѣлъ обычая вводить въ домъ соперницы для своей жены. Несмотря на то, что законъ разрѣшалъ ему многоженство, умѣлъ приносить въ жертву сердечныя привязанности, чувства уваженія къ своему первому брачному союзу. У него есть плѣнницы—наложницы, но жену онъ имѣетъ только одну.

Съ такими чертами—какъ видитъ читатель—привлекательными и достойными уваженія является гречанка древнѣйшаго періода у Гомера. Иными глами смотрѣлъ на женщину поэтъ, жившій нѣсколько позже Гомера—Гезіодъ, Послѣдній былъ очень далекъ отъ роли панегириста прекраснаго пола. Насколько благородны черты женщины у автора Иліады и Одиссеи, настолько онѣ непривлекательны у автора «Ѳеогеніи» и «Работъ и дней».

Гречанка-мать находила и въ своихъ дѣтяхъ то чувство нѣжности и уваженія, которыя питалъ къ ней ея мужъ. Однако имя и званіе матери далеко не пользовались у грековъ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, не представляли того характера святыни какой они имѣли у евреевъ.

Мы представили общія черты быта и положенія греческой женщины въ героическій вѣкъ, какою она является у Гомера. Остановимся теперь на нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся женскихъ личностяхъ его обѣихъ поэмъ и всмотримся въ ихъ характеристическія черты.

Первая женщина, которая останавливаетъ на себѣ наше вниманіе между героинями Иліады—это та знаменитая, классическая красавица, которая, полюбивъ чужестранца—троянскаго царевича Париса, погубила своими ласками и поцѣлуями несчастную Трою: Елена въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ быть названа творцомъ Иліады, такъ какъ безъ ея измѣны и бѣгства не было бы войны, а слѣдовательно и поэмы, заключающей въ себѣ описаніе войны. Какъ ни противорѣчивы дошедшія до насъ разсказы о ней, наибольшая часть преданій сходится въ томъ, что увезенная Парисомъ, она перешла потомъ въ объятія брата его Деифоба, а по раз-

Снаряженіе невѣсты къ свадьбѣ.

рушеніи Трои была взята обратно Менелаемъ. Слава красавицы Елены была такъ велика, что ей воздавали въ Лаконіи божескія почести. Поэты и художники прославили ее какъ совершеннѣйшій идеалъ женской красоты, а трагики избирали нерѣдко ея судьбу предметовъ своихъ произведеній. Что же это за личность? Жизнь Елены слишкомъ хорошо характеризуетъ ее, такъ что всякія объясненія совершенно излишни. Это—идеалъ совершенной красавицы, это легко отдающаяся страсти вѣроломная женщина, которая въ увлеченіяхъ любви поспоритъ съ самою богиней любви — Афродитой. Разсматривая личность Елены въ Иліадѣ, нельзя не обратить вниманія на то, какъ относится къ этой личности самъ поэтъ. На всѣ ея дѣйствія и ея жизнь онъ смотритъ исключительно съ точки зрѣнія чистой нравственности. Поэтъ не пытается оправдать ее горячностью темперамента или неодолимою силою страсти, какъ это сдѣлали бы многіе поэты нашего времени. Онъ не видитъ въ измѣнѣ Елены самоотверженія, высочайшаго доказательства безпредѣльной любви къ возлюбленному. Онъ изображаетъ измѣну просто, въ ея нравственной наготѣ, не ставитъ ее на пьедесталъ и не думаетъ придавать ей эффектныхъ или трогательныхъ драматическихъ положеній. Поэтъ не думаетъ оправдывать спартанской царицы и ея красотой, возвышавшей ее надъ всѣми женщинами міра и приближавшей ее къ безсмертнымъ богинямъ. Въ чемъ же заключается эта увлекательная сила Елены, чѣмъ именно виновная женщина возбуждаетъ къ себѣ участіе? Конечно, не своимъ преступленіемъ, а раскаяніемъ. Угрызенія совѣсти сопровождаютъ ее въ ея новое жилище. Ее преслѣдуетъ мысль объ оскорбленномъ ею мужѣ, покинутой дочери, опозоренныхъ ея поступками братьяхъ, наконецъ, объ отечествѣ, которому она измѣнила. Но этимъ еще не оканчивается ея внутреннее наказаніе. Она не можетъ не терзаться мыслію, что она виновница бѣдствій войны, виновница кровопролитія. Она видитъ трупъ лучшаго изъ своихъ друзей—Гектора, и въ ея душѣ рождается сожалѣніе о томъ, что она не умерла прежде своего преступленія.

Въ новой семьѣ она слышитъ постояннныя упреки своей матери, братьевъ и сестеръ. Правда, ее извиняетъ Пріамъ, ее охраняетъ Гекторъ; но тѣмъ мучительнѣе должны были быть для нея и снисходительность перваго и благородство втораго. Она не можетъ не сознавать, и слѣдовательно, не терзаться въ глубинѣ души мыслью, что она навлекла своимъ поступкомъ несчастіе и на нихъ, такъ горячо преданныхъ ей друзей. Когда ей приходится съ ними говорить, она постоянно говоритъ съ ними съ робостью, съ чувствомъ грусти и глубокимъ уваженіемъ.

Но если передъ лицомъ воплощенной добродѣтели она приходитъ въ смущеніе и краснѣетъ за самое себя, то она становится какъ будто другою женщиной, въ то время, когда говоритъ съ ви-

новникомъ своего несчастнаго увлеченія. Она не имѣетъ даже горькаго утѣшенія любоваться достоинствами въ томъ человѣкѣ, ради котораго она потеряла свое собственное и погубила свою жизнь; сознаніе ничтожества ея втораго мужа—можетъ быть самая мучительная изъ всѣхъ ея казней. Какъ энергически выражаетъ она ему свое негодованіе и свой гнѣвъ, желая ему наказанія, которое онъ заслужилъ. Съ какою гордостью царицы она посылаетъ его на поле битвы, чтобы онъ возстановилъ тамъ свою потерянную честь.

Отъ спартанской царицы, красавицы мы должны бы перейти теперь къ личностямъ Гекубы и Андромахи, но хотя послѣдняя изъ двухъ и гречанка по рожденію—по положенію своему обѣ онѣ принадлежатъ Троѣ, а не Греціи. Оставляя по этому въ сторонѣ личности, которыя гораздо больше принадлежатъ Иліадѣ, нежели греческой жизни—мы переходимъ къ типамъ Одиссеи.

Представляя частную домашнюю жизнь грековъ древнѣйшаго періода, Одиссея даетъ намъ галлерею женщинъ если не болѣе прекрасную, то во всякомъ случаѣ болѣе богатую сравнительно съ Иліадой.

Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ Пенелопа, столько же добродѣтельная, сколько и прекрасная собою супруга Одиссея. Идеально-благородная жена и мать, она служитъ символомъ глубокаго благоразумія. Но, это качество не исключаетъ въ ней ни чувствительности, ни сильныхъ движеній души. Съ достоинствомъ и спокойствіемъ самообладанія царица отвергаетъ мольбы искателей ея руки и не менѣе спокойно упрекаетъ ихъ въ томъ, что они не соблюдаютъ должнаго отношенія къ дому ея отсутствующаго супруга. Но когда она узнаетъ, что они имѣютъ намѣреніе даже противъ жизни ея сына, тогда съ величественнымъ выраженіемъ гнѣва, она обращается къ начальнику заговора, и требуетъ, чтобы онъ

Греческая мать съ дѣтьми.

самъ лично помѣшалъ исполненію преступнаго намѣренія. Отличаясь добротою къ домашней прислугѣ, Пенелопа является заботливой матерью относительно молодой рабыни и въ то же время показываетъ себя, какъ будто чѣмъ-то въ родѣ дочери относительно рабыни-старухи. Но, какъ скоро ея свита, по ея мнѣнію, не оказываетъ ей должнаго уваженія, царица строго напоминаетъ своимъ прислужницамъ о ихъ обязанностяхъ, соразмѣряя строгость выговора съ возрастомъ каждой. Повинуясь своему сыну, Пенелопа, слѣдуетъ, какъ кажется, въ этомъ случаѣ общему греческому обычаю, т. е. держитъ себя такъ, какъ держали себя обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ вдовы. Но, какъ скоро Телемакъ позволяетъ оскорбить во дворцѣ Одиссея одного изъ чужестранцевъ, котораго царица, постигнутая горемъ, не могла принять лично, она вступаетъ въ права матери и выражаетъ публично молодому наслѣднику престола порицаніе его дѣйствій. Но, что особенно придаетъ достоинство Пенелопѣ это — ея благородный, твердый характеръ. Самая любовь ея къ мужу основывается на томъ уваженіи, которое онъ ей внушаетъ. Среди глубокихъ страданій она гордится славою подвиговъ и именемъ того, кого считаетъ навѣкъ для себя потеряннымъ. И въ какой трогательно-наивной формѣ выражается ея любовь къ бѣдному изгнаннику! Судя по оригинальности тѣхъ, чуть не дѣтскихъ хитростей, къ которымъ она прибѣгаетъ, чтобы отклонить настойчивыя притязанія искателей ея руки, можно подумать, что она совершенно спокойна, и не имѣетъ понятія о внутренней, душевной борьбѣ. Между тѣмъ, страданія ея такъ велики, что она призываетъ въ иныя минуты смерть.

Ни одинъ женскій типъ у Гомера ни одна героиня обѣихъ его поэмъ не отличается такой глубокой мудростью, какою обладаетъ вѣрная жена Одиссея, благородная царица Итакъ. Никогда поэтъ не влагалъ въ сердце женщины столько любви, не надѣлялъ ее такимъ героизмомъ и самоотверженіемъ, какимъ онъ надѣлилъ Пенелопу!

Но, вотъ передъ нами новыя героини Одиссеи—царица Феаковъ Арета и царевна Навзикая. Первая представляетъ собою типъ глубокаго нравственнаго вліянія въ семьѣ, и это вліяніе ея переходитъ далеко за предѣлы домашняго очага; оно отзывается не менѣе сильно и въ средѣ ея народа. Пользуясь безграничнымъ уваженіемъ своего мужа, какъ можетъ быть не пользовалась никогда ни одна женщина въ мірѣ, глубоко чтимая своимъ народомъ, который видитъ въ ней непогрѣшимаго судью, она смотритъ на царскій престолъ, какъ на средство защищать права справедливости и человѣчества и развивать и поддерживать въ окружающихъ ея любовь къ прекрасному и доброму. Пользуясь такимъ высокимъ уваженіемъ и въ своей семьѣ, и среди своего народа, феакійская царица никогда не выходитъ изъ обыкновенной сферы дѣятельности

Развалины Трои.

женщины, никогда не бросается въ политику и не является на общественной аренѣ. Сфера ея власти и вліянія—ея домашній очагъ, гдѣ она занимается работами вмѣстѣ съ рабынями. Высокое положеніе и санъ царицы не мѣшаютъ ей назначать своей дочери занятія, которыя, по обыкновеннымъ понятіямъ, считаются приличными только для послѣднихъ въ домѣ служанокъ. Дѣти Ареты оказываютъ матери то уваженіе, которое оказываетъ ей ея мужъ и ея народъ. Не вліяніе ли матери воспитало главнымъ образомъ добродѣтельныя чувства въ душѣ Навзикаи? И не служитъ ли скромность дочери отраженіемъ достоинства и благородства характера матери? Ея наружность приводитъ поэту на память стройность пальмы, красоту богини, а ея чистота поражаетъ до того, что герой склоняетъ передъ дѣвой свое суровое чело. При появленіи ея на сцену, вы тотчасъ видите наивное только-что начинающее жить дитя, которое разливаетъ вокругъ себя радость своей цѣломудренной наивностью, и которое отдается съ одинаковымъ увлеченіемъ работѣ также, какъ и играмъ. Но пусть какое нибудь тяжелое несчастіе раскроетъ въ ея глазахъ истинный смыслъ жизни—она мгновенно преобразуется въ женщину, которой участіе и сострaданіе всегда будутъ облегчать страданія тысячи несчастныхъ. Едва только молодая царевна почувствовала, что ея обыкновенная дружеская расположенность къ чужестранцу можетъ превратиться въ болѣе нѣжное чувство, она не смѣетъ больше открыто выражать ему той симпатіи, которую онъ въ ней пробудилъ. Она мгновенно сходитъ со сцены, и появляется снова только для того, чтобы робко сказать чужестранцу послѣднее «прости». Чужестранецъ въ свою очередь разстается съ прекрасной царевной, даже не догадываясь о томъ, что она полюбила его и что она мечтала о союзѣ съ нимъ. Разставаясь съ нею на вѣкъ, онъ проситъ ее сохранить о немъ воспоминаніе. Навзикая олицетворяетъ собою типъ дѣвушки древняго періода греческой жизни: многія черты ея живо напоминаютъ дочерей библейскихъ патріарховъ.

Подлѣ Навзикаи мы видимъ личность **Евриклеи**: рядомъ съ молодой, еще незнакомой съ житейскими бурями жизнью, поэтъ изображаетъ намъ пожилую женщину, надъ которой пронеслась уже не одна гроза и которая закалилась среди несчастій. Обѣ женщины всегда являются на помощь страданію; но первая спѣшитъ помочь страдальцу въ горѣ, котораго еще не знаетъ, а только угадываетъ, вторая облегчаетъ страданія, знакомыя ей по опыту, потому что она переносила ихъ сама. Старая рабыня, она принята за свою преданность въ число членовъ семьи, которой служила; но она больше, чѣмъ просто преданная женщина; это—кормилица, т. е., по понятіямъ древнихъ, вторая мать. Евриклея видѣла три поколѣнія своихъ владыкъ. Другъ Лаэрта, она вскормила его сына и внука. Къ обоимъ послѣднимъ она обращается не иначе, какъ

Видъ Аѳинъ съ мѣловыхъ скалъ Пирея.

съ ласковымъ и дружескимъ: «дитя мое»; она называетъ даже царицу своею дочерью. У нея нѣтъ другихъ печалей и радостей, кромѣ печалей и радостей ея владыкъ; и она стремится всѣми силами облегчить для нихъ тяжесть первыхъ. Ее также тревожитъ кратковременное путешествіе Телемака, какъ и продолжительное отсутствіе Улисса, и, несмотря на это, она находитъ въ себѣ довольно силы, чтобы утѣшать Пенелопу въ ея разлукѣ съ сыномъ, а равно и уменьшать тяжесть мукъ Лаэрта, не допуская чрезмѣрнаго усиленія его страданій. Евриклея помогаетъ царицѣ въ управленіи домомъ и воспитаніи сына; наконецъ, она раздѣляетъ съ нею попеченія о чужестранцѣ, котораго несчастія напоминаютъ ей несчастія Улисса. Когда она узнала своего царя, какому она предается восторгу, и чего ей стоило то, что она не могла раздѣлить своего счастія съ своею повелительницею! Тѣмъ не менѣе, характеръ Евриклеи пламенный, даже мстительный. Когда она трепетала за судьбу героя, она сомнѣвалась въ божественномъ правосудіи. Узнавши Улисса, она представляетъ ему для наказанія виновныхъ женщинъ; а передъ трупами перебитыхъ Одиссеемъ жениховъ Пенелопы, она радуется, что преступленіе ихъ отмщено. Чтобы извинить ей въ этомъ случаѣ ея чувства, надобно вспомнить о страданіяхъ, перенесенныхъ ею въ теченіе двадцати лѣтъ, объ измѣнахъ рабовъ, наконецъ, о той горечи, которая должна была накопиться въ ея сердцѣ вслѣдствіе обидъ со стороны искателей руки Пенелопы. Надобно вспомнить, что честная вѣрная рабыня, въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, была свидѣтельницею расхищенія имущества и безславія дому своихъ владыкъ.

Мы представили общія черты нѣкоторыхъ героинь гомерическихъ поэмъ. Мы останавливались на личностяхъ Елены, Пенелопы, Ареты, Навзикаи, Евриклеи. Мы видѣли нѣкоторыхъ греческихъ богинь, положеніе гречанки въ героическій вѣкъ, наконецъ, женскіе типы Иліады и Одиссеи. Но, чтобы познакомиться всесторонне съ тѣмъ, чѣмъ была женщина въ древней Греціи, необходимо остановиться еще на болѣе рельефныхъ женскихъ типахъ греческаго искусства, а также на нѣкоторыхъ особенныхъ родахъ дѣятельности и положенія древней гречанки. Къ этой задачѣ мы теперь и приступаемъ; мы начнемъ съ богинь, такъ какъ онѣ являются намъ въ томъ видѣ, какъ онѣ явились въ произведеніяхъ греческаго искусства.

Въ Алтисѣ, священной горѣ въ Олимпіи, заключавшей въ себѣ храмъ Зевса находился также и храмъ Геры. Богиня была представлена сидящею на тронѣ, а владыка Олимпа стоялъ подлѣ нея. Рѣзьба и украшенія въ храмѣ богини, какъ и въ храмѣ Зевса, блистали роскошью: здѣсь не было ничего кромѣ золота и слоновой кости. Шестнадцать женщинъ знатнаго происхожденія, избранныхъ изъ числа восьми елейскихъ трибъ, занимались приготовленіемъ по-

Улица въ Аѳинахъ.

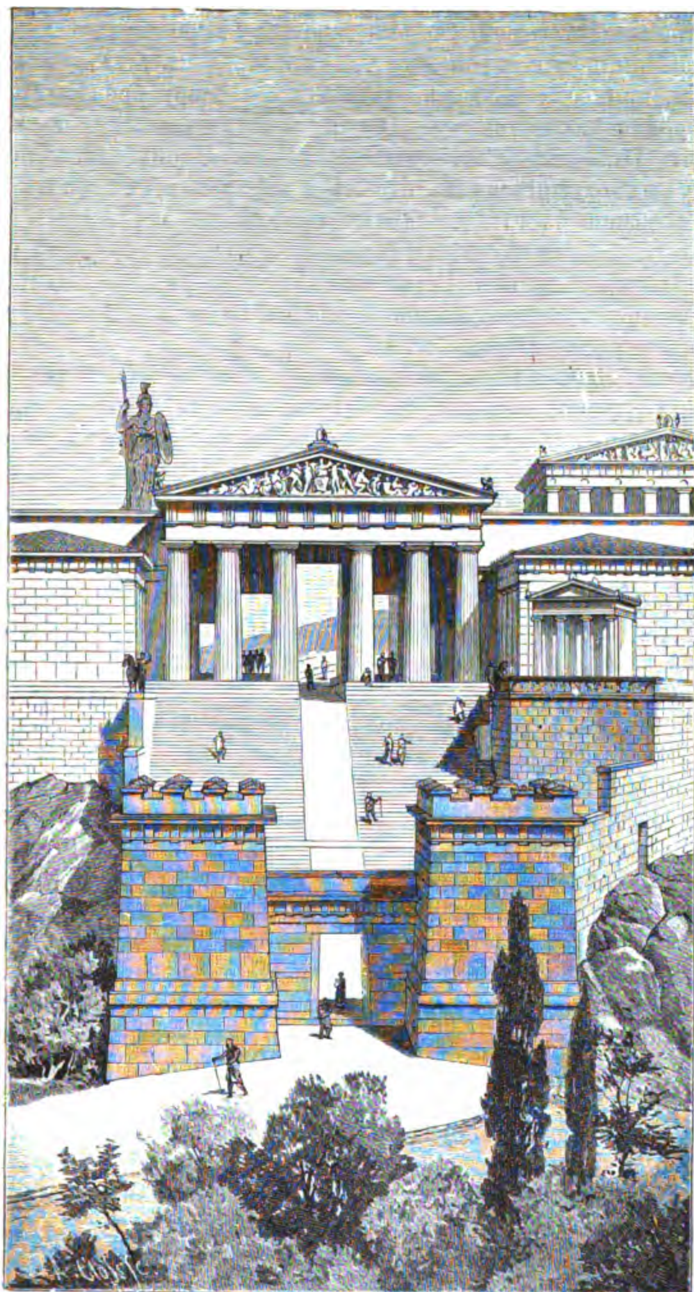
крывала, которое приносилось Герѣ черезъ каждыя пять лѣтъ. На праздникѣ богини онѣ шли впереди процессіи, управляя двумя хорами, которые распѣвали гимны въ честь царицы небесъ. Онѣ были также предсѣдательницами на устроенныхъ въ честь ея играхъ: игры, какъ извѣстно, отправлялись молодыми дѣвушками, которыя съ распущенными волосами, снявъ платье и обнаживъ правое плечо, состязались между собою въ бѣгѣ на олимпійскомъ ристалищѣ. Онѣ раздѣлялись сообразно возрасту на три группы: самыя младшія открывали бѣгъ, а послѣдними состязались старшія. Побѣдительницы получали вмѣстѣ съ масляничнымъ вѣнкомъ, порцію мяса отъ принесенной въ жертву коровы, и имѣли право выставлять свои портреты въ храмѣ богини.

Игры, на которыхъ предсѣдательствовали элеянки, представляли въ сжатомъ объемѣ состязанія олимпійскихъ игръ, тѣхъ игръ, на которыхъ чествованіе олимпійскаго Зевса соединяло между собою каждые четыре года всѣ эллинскія племена, и сближало ихъ частные культы, тѣхъ игръ, на которыхъ греки соперничали въ красотѣ, ловкости и отвагѣ.

Замужнія женщины не имѣли права не только принимать участія, но даже присутствовать при элейскихъ состязаніяхъ дѣвицъ. Женщина, которая осмѣлилась бы перейти черезъ Алфей во время этихъ празднествъ, была бы немедленно свергнута съ высоты Типеума. Одна женщина едва не сдѣлалась жертвою строгости этого закона. Это была Ференика, дочь Діагора, того знаменитаго атлета, котораго побѣды воспѣлъ Пиндаръ въ одной изъ самыхъ знаменитыхъ своихъ одъ. Вдова и мать Ференика желала видѣть состязаніе своего сына въ бѣгѣ. Она уже заняла мѣсто между зрителями, когда судьи увидѣвъ ее воскликнули: «что ты тамъ дѣлаешь? твой полъ запрещаетъ тебѣ проникать въ этотъ кругъ». «Моя слава открываетъ его для меня, отвѣчала женщина съ благородною гордостью: дочь и сестра побѣдителей на олимпійскихъ играхъ, я имѣла честь послать туда моего сына».

Обычаи дорянъ, предоставлявшихъ дѣвушкѣ гораздо больше свободы, чѣмъ замужней женщинѣ, позволяли молодымъ дѣвицамъ присутствовать на олимпійскихъ играхъ. Имъ предоставлялось даже право состязанія на играхъ въ бѣгѣ; но позволеніе это, по всей вѣроятности, ограничивалось правомъ бѣга на колесницахъ.

Въ священномъ лѣсу между статуями побѣдителей находилась группа Циниски, сестры спартанскаго царя Агезилая, которая была представлена на колесницѣ, управляемой оруженосцемъ. Въ этомъ же самомъ мѣстѣ находились надписи въ честь лакедемонской царевны. Циниска была первая женщина, явившаяся, по внушенію своего царственнаго брата, соискательницей преміи на олимпійскихъ играхъ. Циниска получила въ награду вѣнокъ, назначенный для побѣдителей, скромную вѣточку дикой оливы въ рощѣ Ялтисѣ,

Пропилеи въ Аѳинахъ.

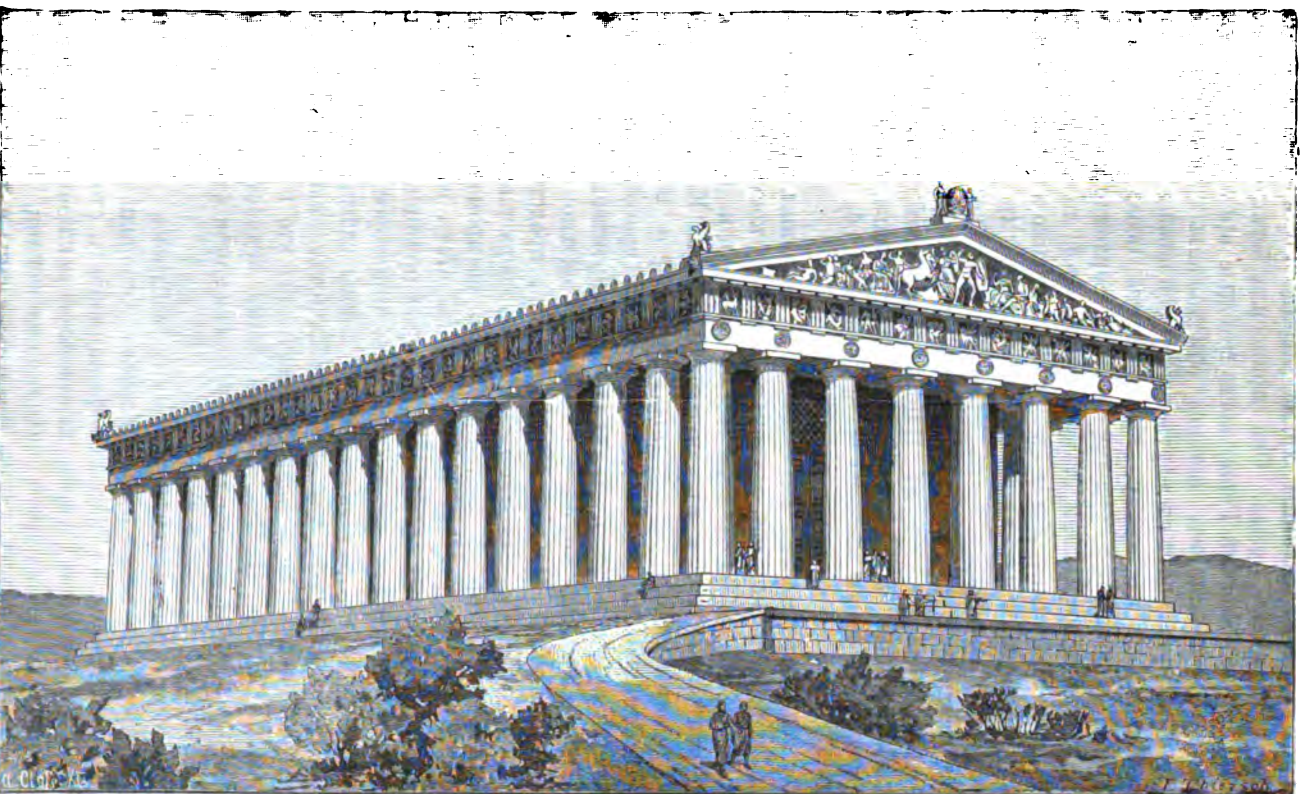
которая въ глазахъ эллина была завиднѣе царскаго вѣнца. Павзаній нигдѣ не упоминаетъ, чтобы у спартанцевъ поэты воспѣвали царей; но онъ свидѣтельствуетъ, что сестра Агезилая была предметомъ пѣснопѣній. Въ самой Спартѣ героинѣ воздвигнутъ былъ памятникъ. Женщина, которой имя такимъ образомъ было спасено отъ забвенія, принесла въ даръ олимпійскому Зевсу бронзовыхъ коней въ натуральную величину. Другія женщины также послѣдовали примѣру Циниски. Соотечественница ея Эврилеонисъ получила награду на олимпійскихъ играхъ и статую въ Спартѣ. Македонянки особенно часто одерживали побѣды на эллинскихъ состязаніяхъ.

Въ Олимпіи культъ Геры былъ отодвинутъ на задній планъ богослуженіемъ Зевса. Иначе было въ Самосѣ и Аргосѣ, гдѣ находилось два святилища богини.

Островъ Самосъ, одна изъ колоній, возникшихъ вслѣдствіе переселенія дорянъ, которые, вытѣснивъ народы Пелепонеса, принудили многихъ изъ нихъ перенести свою дѣятельность на острова Архипелага и берега малой Азіи. Самосъ—родина богини; здѣсь же находился и самый знаменитый ея храмъ. Храмъ воздвигнутъ былъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она родилась. Здѣсь совершалось одно изъ самыхъ торжественныхъ въ честь ея празднествъ: это было празднество женщинъ по преимуществу. На этомъ праздникѣ молодыя дѣвушки и женщины, украшенныя браслетами и съ діадемами на головахъ занимали въ процессіи мѣста впереди воиновъ. Въ день этого великаго торжества въ честь богини, идеальной представительницы своего пола, женщина являлась царицей, и самые герои должны были уступать свое мѣсто дѣвушкѣ, супругѣ. Мужчины благоговѣйно снимаютъ вооруженіе при входѣ во храмъ. И они обязаны участвовать въ служеніи супругѣ «отца боговъ и людей». Если владыка вселенной, Зевсъ—покровитель замужнихъ женщинъ, то богиня брака Гера — покровительствуетъ мужчинъ. Самосскій храмъ былъ самый обширный изъ всѣхъ извѣстныхъ во времена Геродота, и его богатства соотвѣтствовали его обширности. Треножники, вазы, зеркала, всѣ эти предметы, сдѣланные изъ золота и серебра, украшали жертвенникъ; статуи и мѣдные сосуды, картины, украшавшія стѣны храма, все это, взятое вмѣстѣ, дѣлало изъ этого святилища богини чудо Самоса.

Но не здѣсь, не въ этомъ храмѣ, можемъ мы встрѣтить Геру Гомера. Грубо обтесанная небольшая балка, служившая первоначально кумиромъ богини, смѣнилась статуей, доказывающей стремленіе культуры—придать богинѣ болѣе человѣческія формы.

Мы видѣли святилище, органъ, такъ сказать, культа верховной богини эллиновъ—ея самосскій храмъ. Аргоя, по другимъ преданіямъ, былъ также колыбелью супруги Зевса. У подошвы горы Эвбеи мы видимъ зданіе, воздвигнутое въ честь царицы небесъ.

Парѳенонъ во время Перикла.

Передъ зданіемъ возвышаются статуи женщинъ и героевъ. Женщины эти — служительницы храма. Жрица Геры была, кажется, верховною жрицею города. Она приносила богинѣ таинственныя жертвы. На празднествѣ Геры, когда молодые аргивяне, покрытые блестящимъ вооруженіемъ, которое они должны сложить съ себя, прежде чѣмъ приступятъ къ жертвеннику, сопровождаютъ гекатомбу, направляющуюся къ храму—жрица ѣдетъ позади процессіи на колесницѣ, запряженной бѣлыми быками. Верховной жрицѣ Геры еще при жизни воздвигали статую, на которой, по смерти ея, начертывалось ея имя и сообщалось—сколько именно времени провела она въ священномъ служеніи. Ниже колоннъ храма находились скульптурныя изображенія—на одной сторонѣ рожденія Зевса и борьбы титановъ съ богами, а на другой—троянская война и побѣдоносное вступленіе грековъ въ Иліонъ. Послѣдній сюжетъ представлялъ очевидно богатый матеріалъ для прославленія Геры—той богини, которой греки обязаны были главнымъ образомъ успѣхомъ противъ Трои.

Но, вотъ передъ нами внутренность святилища. Колоссальная статуя царицы небесъ изъ золота и слоновой кости покоится на золотомъ тронѣ. На ея діадемѣ блистаютъ граціи. Въ одной рукѣ она держитъ гранату, а въ другой—скипетръ. Ея плащъ украшенъ гирляндами изъ виноградныхъ вѣтвей, а подъ ногами ея простирается львиная кожа. Величественная красота этой статуи свидѣтельствуетъ о вѣкѣ Перикла. Это—произведеніе соперника Фидія Поликлета, для котораго источникомъ вдохновенія также безъ сомнѣнія служила Иліада. Но художникъ представилъ въ этой статуѣ не гнѣвную супругу Зевса: это верховное могущество, воплощенное въ образѣ женщины. Какъ во времена Агамемнона владычица неба царствуетъ въ Аргосѣ; но этотъ городъ потерялъ уже то первенствующее значеніе, которое приписывается ему въ Иліадѣ: это первенство, принадлежавшее нѣкоторое время Спартѣ, перешло теперь къ другому городу. Аѳины сдѣлались сердцемъ, головою, рукою Греціи. Аѳины—просвѣщаютъ, оживляютъ, охраняютъ, наконецъ — порабощаютъ Грецію. И это понятно, покровительница Аѳинъ—Паллада-Аѳина, богиня мудрости, одушевляющая народъ воинственнымъ духомъ и сообщающая характеръ благородства всѣмъ его дѣйствіямъ.

Аѳинскій акрополь (крѣпость) былъ центромъ культа богини, которой имя было также именемъ города. Акрополь это—собственно городъ, древнѣйшая его часть. Съ расширеніемъ столицы, когда ея улицы заняли равнину, Акрополь сдѣлался исключительно святилищемъ боговъ, правильнѣе—святилищемъ богини. Въ этой части города, гдѣ возвышались храмы Паллады-Аѳины находились также статуи великихъ людей, которыхъ вдохновляла богиня мужества и мудрости.

Венера Милосская.

Широкая лѣстница, высѣченная въ скалѣ и покрытая пентеликійскимъ мраморомъ ведетъ въ цитадель. На обширной площадкѣ, прерывающей ступени лѣстницы, находятся пропилеи — величественное мраморное сооруженіе, которое образуетъ входъ въ Акрополь и котораго лѣвое крыло представляетъ коллекцію живописныхъ изображеній. Между этими картинами особенное вниманіе обращаютъ на себя двѣ. Одна представляетъ намъ Діомеда, уносящаго изъ Иліона Палладіумъ, статую Паллады изъ оливковаго дерева, упавшую, по преданію, съ неба. Вторая, произведеніе кисти Полигнота, изображаетъ самую привлекательную изъ гомерическихъ героинь—Навзикаю, которую окружаютъ на берегу рѣки ея подруги и великій герой Греціи.

Впереди пропилей, направо, возвышается небольшой памятникъ іоническаго стиля, построенный вѣроятно ранѣе эпохи Перикла. Это—храмъ безкрылой богини побѣды. Со стороны храма побѣды открывается видъ моря... Саламинъ долженъ былъ самъ собою приходить на память каждому греку, которому дорогá была слава его родины.

Но вотъ колоссальная статуя Аѳины Промахосъ, побѣдительницы на мараѳонскихъ поляхъ, подвизавшейся за героевъ въ бою и одушевлявшей ихъ мужествомъ. Бронзовая статуя богини, произведеніе молодости Фидія, представляетъ колоссальные размѣры: высота ея восходитъ до восьмидесяти футовъ. Богиня одѣта въ длинный хитонъ и покрыта пеплосомъ. Она опирается на копье, которое держитъ въ поднятой вверхъ правой рукѣ; въ лѣвой—у нея щитъ. Гордая и спокойная она представляется неодолимою защитницею крѣпости и столицы.

Парѳенонъ, главное святилище дѣвственной богини—самое благородное выраженіе религіознаго чувства грековъ. Занимая самое высокое мѣсто Акрополя, Парѳенонъ утверждается на основаніи трехъ высокихъ ступеней. Это — обширный прямоугольный полихромъ, окруженный перистилемъ изъ сорока восьми дорическихъ колоннъ, изъ которыхъ восемь расположены по обѣимъ сторонамъ фасада. Посрединѣ фронтона мы видимъ изображеніе богини мудрости (барельефъ), выходящей во всеоружіи изъ головы Зевса. На главномъ фронтонѣ такимъ образомъ—исторія рожденія великой богини; на западной сторонѣ храма, зритель видитъ символическую исторію того, какъ верховная богиня мудрости сдѣлалась царицею Аттики. Она мчится на колесницѣ и божественная колесница вмѣстѣ съ богиней привозитъ въ Аттику цивилизацію. Внутренность перистиля заключаетъ въ себѣ выраженіе признательности аѳинянъ къ ихъ великой покровительницѣ. Здѣсь мы можемъ познакомиться съ самымъ торжественнымъ празднествомъ аѳинянъ — панаѳенеями. Празднество это, совершалось ежегодно въ мѣсяцѣ гекатомбеонѣ, въ лѣтнее солнцестояніе, но черезъ каждые

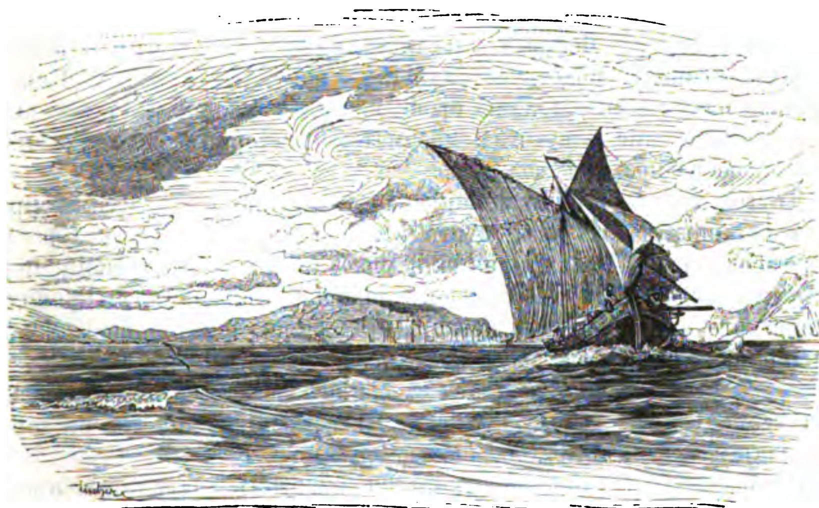
Греческія женщины за домашними работами.

пять лѣтъ оно праздновалось съ особенною торжественностью, и тогда праздникъ получалъ названіе великаго панаѳеейскаго праздника. Соединеніе бѣга лошадей и колесницъ, гимнастическихъ игръ, состязаній въ музыкѣ и поэзіи—таковы были составныя части празднованія великихъ и малыхъ панаѳенеевъ. Но что придавало особенный блескъ великимъ панаѳенеямъ, это торжественное несеніе пеплоса богини, который приготовляли для ея статуи аѳинскія дѣвицы. Прибывъ въ Элевзисъ, кортежъ, сопровождаемый поставленнымъ на колеса кораблемъ, для котораго пеплосъ служилъ покрываломъ и который тащили матросы, направлялся къ Акрополю. Достигнувъ храма Апполона пиѳійскаго, покровъ, назначенный для богини, отвязывали, и процессія, входя въ крѣпость, вносила пеплосъ въ храмъ Аѳины.

Для насъ сохранилась картина великихъ панаѳенеевъ на фризѣ Парѳенона, которая, хотя воспроизводитъ предметъ въ извѣстной степени свободно, но, во всякомъ случаѣ даетъ намъ понятіе объ общей идеѣ праздника. Надъ входомъ въ срединѣ изображенія помѣщаются приготовленія къ празднеству. Налѣво приближаются, одна за другою, двѣ молодыя дѣвушки, несущія на головахъ корзины, заключающія въ себѣ разнаго рода таинственные предметы. Великая жрица одною рукою снимаетъ ношу съ головы первой дѣвушки, а другая передаетъ или получаетъ отъ нея какое-то веретено или перстень. Направо одинъ изъ Періэргидовъ — фамилія, которая пользовалась привилегіею облачать статую богини—складываетъ съ помощью дитяти прежній пеплосъ палладіума. Направо и налѣво отъ этихъ сценъ, двѣнадцать сидящихъ и два стоящихъ божества провожаютъ глазами процессію... Аѳиняне, принимавшіе участіе въ этомъ торжествѣ должны были быть одѣты въ бѣлое, а иностранцы въ красное платье. Высокопоставленныя лица — жрецы и начальники города, открываютъ процессію, и ведутъ между собою бесѣду, не замѣчая присутствія безсмертныхъ. Двое изъ нихъ, изъ которыхъ одинъ держитъ свертокъ, обращаются къ кортежамъ молодыхъ аѳинянъ, и дѣлаютъ имъ какія-то указанія, которыя тѣ принимаютъ почтительно и скромно. Опустивъ внизъ глаза приближаются прекрасныя и дѣвственныя аѳинянки, стыдливо закутавшись въ свои длинные хитоны и пеплосы—одна съ канделябрами, другая съ корзиной; остальныя держатъ сосуды съ приношеніями. Дочери метиковъ или иностранцевъ, получившихъ въ Аѳинахъ права гражданства, сопровождаютъ также процессію; но такъ какъ это торжество чисто національное, то иностранцы играютъ здѣсь нѣсколько даже унизительную роль, что̀ выражается въ тѣхъ эмблемахъ рабства, которыя они несутъ. Молодые люди и жертвоприносители, состоящіе подъ начальствомъ распорядителей празднества, сопровождаютъ быковъ, которыхъ прислали аттическія колоніи. Престарѣлые таллофоры идутъ

въ процессіи, имѣя въ рукахъ вѣтви оливы. Метики идутъ на другой сторонѣ фриза, и кажутся обремененными тяжестью сосудовъ и мѣховъ, содержащихъ въ себѣ священное масло, извѣстное количество котораго долженъ будетъ получить каждый побѣдитель на панаѳинейскихъ играхъ вмѣстѣ съ масличною вѣтвью. За метиками слѣдуютъ музыканты: одни изъ нихъ играютъ на флейтѣ, другіе на лирѣ, третьи кажется рецитируютъ стихи Гомера, относящіеся къ Палладѣ-Аѳинѣ. Въ концѣ кортежа художникъ помѣстилъ колесницы и блестящихъ наѣздниковъ, которые должны состязаться на панаѳинейскомъ праздникѣ.

На этомъ праздникѣ приносили молитвы за аѳинскую республику и ея вѣрную союзницу на мараѳонскомъ полѣ — Платею.

Итака.

Если гражданинъ ознаменовалъ себя какимъ нибудь особенно полезнымъ дѣломъ на службу отечеству, то во время совершенія панаѳиней его увѣнчивали за заслуги. И не одно благочестіе, не одинъ патріотизмъ, характеризовалъ великое національное торжество аѳинской республики, съ нимъ соединялись также дѣла благотворительности. Впродолженіе панаѳинейскаго праздника рабы были свободны; мясо жертвенныхъ животныхъ, закланныхъ во время жертвоприношеній на праздникѣ, раздѣлялось народу.

Но вотъ мы входимъ внутрь святилища. Вниманіе наше прежде всего останавливаетъ колоссальная статуя Аѳины, высотою около сорока семи футовъ. Самая статуя сдѣлана изъ слоновой кости, а драпировка ея изъ золота. Аѳина представлена въ стоячемъ положеніи. На хитонѣ ея блистаетъ эгида, среди которой виднѣется го-

лова Медузы. Ея каска оканчивается на верху сфинксомъ,—символомъ божественной проницательности; на той и на другой сторонѣ находится грифъ—миѳическое существо съ туловищемъ льва и хвостомъ и крыльями орла. Это — символъ верховной мудрости богини, величія ея божественнаго ума.

Въ одной рукѣ богиня держитъ побѣду, въ другой — копье. У ногъ Аѳины находится щитъ, на внутренней сторонѣ котораго изображена борьба титановъ съ богами, а на наружной—битва аѳинянъ съ амазонками. Любопытенъ анекдотъ, относящійся къ исторіи этого щита. Аѳиняне, гордясь произведеніемъ Фидія, хотѣли всецѣло усвоить его себѣ, и въ этихъ видахъ запретили художнику обозначать на этомъ произведеніи свое имя. Художникъ отвѣчалъ на это запрещеніе тѣмъ, что помѣстилъ между аѳинскими воинами изображеніе своей собственной личности. Заканчивая характеристику статуи Фидіаса, мы прибавимъ только, что во всѣхъ чертахъ богини господствуетъ строгая спокойная красота. Какое глубокое благоговѣніе должно было внушать аѳинянамъ такое высокое произведеніе искусства, предметомъ котораго было ихъ національное родное имъ божество!

Другой храмъ, причислявшійся обыкновенно къ чудесамъ міра былъ воздвигнутъ въ честь Артемиды (Діаны) въ городѣ Ефесѣ. Всѣ города малой Азіи принимали участіе въ его построеніи, при которомъ художникъ Херзифронъ впервые опредѣлилъ правила іоническаго ордена. Послѣ пожара, истребившаго это дивное произведеніе искусства, храмъ былъ отстроенъ снова; но на этотъ разъ жители Ефеса заявили желаніе, чтобы онъ былъ возобновленъ исключительно на ихъ счетъ, а женщины ефесскія принесли въ даръ святилищу всѣ свои драгоцѣнности.

Изображеніе богини, находящееся въ этомъ святилищѣ, представляетъ еще вполнѣ первобытную форму. Но настоящимъ идеаломъ Артемиды, по крайней мѣрѣ такимъ, какимъ представляетъ его наша фантазія, служитъ несравненная дорическая Diane á la Biche. Судя по положенію тѣла богини мы должны думать, что она мчится быстрой и спокойной рысью съ горы. Ея короткая спартанская туника, ея подвязанный поясомъ плащъ, прекрасно обрисовываютъ ея гибкую высокую талію. Руки и ноги, совершенно обнаженныя, показываютъ силу и гибкость ея членовъ. Ноги украшены изящными сандаліями, а формы статуи, запечатлѣнныя характеромъ силы, показываютъ, что мы видимъ передъ собою богиню - охотницу.

Дмитрій Лебедевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ТОРКВАТО ТАССО И ЕГО ВѢКЪ [1]).

IV.

«ОСВОБОЖДЕННЫЙ Іерусалимъ», самое замѣчательное изъ произведеній Тассо, пользуется широкой извѣстностью; эта поэма переведена не только на всѣ европейскіе языки, но и на нѣкоторые азіатскіе: существуютъ арабскій, турецкій и, говорятъ, даже китайскій переводы. Не менѣе популярна и личность поэта: его судьбой интересовались не только ученые различныхъ націй, но и весьма многіе изъ великихъ поэтовъ. Шлегель и Кинэ, Фойгтъ и Фосколо останавливали на немъ свое вниманіе; его судьбѣ посвящены нѣкоторыя стихотворенія Леопарди и Байрона; Гете сдѣлалъ его жизнь сюжетомъ драмы. Дѣйствительно, Тассо интересенъ не только какъ поэтъ; его судьба полна драматизма, контрастъ между его идеалами и стремленіями съ одной стороны, дѣйствительностью и общественнымъ положеніемъ съ другой производитъ трагическое впечатлѣніе. Личность Тассо интересна и въ историческомъ отношеніи: по своей умственной и общественной жизни онъ служитъ наилучшимъ представителемъ культурнаго движенія въ XVI вѣкѣ въ Италіи.

Драматизмъ, заключавшійся въ характерѣ и положеніи Тассо, не чуждъ былъ и самому умственному движенію этой эпохи. Контрасты между средневѣковымъ и вновь вызваннымъ къ жизни классическимъ міросозерцаніемъ становились все глубже и глубже,

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XIII, стр. 187—203.

на историческую сцену только-что выступила новая сила, реформаціонное движеніе, которое, проникнувъ въ Италію, усложняло разладъ; подъ его вліяніемъ голоса представителей старой церкви, уже давно требовавшіе реформъ, усилились; съ другой стороны, гуманизъ углублялся: крайности и увлеченія оставлены, но лежащій въ его основаніи духъ изслѣдованія и критики существующаго усилился. Чекки въ немногихъ словахъ даетъ яркую картину эпохи. «Въ XVI столѣтіи теряются мало-по-малу избранные умы, украшеніе искусствъ и наукъ, литературы и политики. Въ Италіи наступаетъ чужеземное господство и вмѣстѣ съ нимъ чуждые нравы и обычаи, повсюду обнаруживается начало общаго упадка, но итальянская мысль крѣпнетъ подъ ударами несчастія. Макіавелли съ исторіей въ рукахъ старается изслѣдовать причины бѣдствій, отвергая правила господствующей политики, онъ доказываетъ необходимость сосредоточенія всѣхъ силъ въ національной идеѣ и съ помощію политической науки устанавливаетъ законы, по которымъ развиваются народы и націи. Философія перестаетъ быть только литературнымъ досугомъ: вопросъ о свободной волѣ отнимаетъ сонъ у Піетро Помпонаци; Кампанелла, непоколебимо претерпѣвъ сорокачасовую пытку, укрѣпляется истинною своего ученія; Джіордано Бруно послѣ многодневнаго размышленія предпочитаетъ костеръ отреченію; Галилей соглашается скорѣе подвергнуться процессу и пыткѣ, нежели объявить свою аксіому гипотезой... Такимъ образомъ многіе жертвуютъ своимъ временемъ и жизнью за свободу мысли, тогда какъ большая часть сгораетъ жаждою чувственныхъ наслажденій. Въ виду столь значительныхъ фактовъ, приверженцы прошлаго вооружаются на бой, однако побѣда не на ихъ сторонѣ: они принуждены уступить болѣе могущественной силѣ. Римъ, введя инквизицію для подавленія свободы слова и совѣсти, справедливыми упреками приведенъ въ безпокойство и старается исправить свое поведеніе. Рядъ папъ, заслуживающихъ всякой похвалы чистотою своего характера и достоинствомъ ученія, принимаетъ на себя эту тяжелую задачу; однако успокоить возростающее со дня на день столкновеніе, оказалось невозможнымъ. Община вѣрующихъ распадается; церковь и реформа вступаютъ между собою въ борьбу, между тѣмъ какъ свобода мысли, развиваясь собственною силою, вызываетъ разъединеніе и споры между старымъ и новымъ духовенствомъ и разрываетъ замкнутые ряды протестантовъ. Въ философіи разумъ начинаетъ нападать на вѣру и низвергать съ педьестала всякій авторитетъ. Кто не можетъ освободиться отъ Платона и Аристотеля, тотъ излагаетъ ихъ на свой ладъ; иные бѣгутъ отъ ихъ имени или смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ; одинъ продаетъ старый хламъ за новые товары, другой придаетъ только античную окраску своимъ идеямъ. Въ поведеніи людей тоже противорѣчіе: великіе папы въ порывѣ страстей безчестятъ себя гру-

бымъ звѣрствомъ; талантливые князья пускаются на смѣшныя, дѣтскія продѣлки; смѣлые философы предаются фривольнымъ забавамъ. Въ такомъ комфликтѣ развиваются лучшіе характеры, пробуждается самосознаніе. Мышленіе не выноситъ болѣе никакой узды, не можетъ признать никакихъ границъ, ни на землѣ, ни на небѣ. Истина безконечна, кто не можетъ воспрепятствовать разуму изслѣдовать ее такъ, какъ кажется ему наиболѣе цѣлесообразнымъ? Кто имѣетъ право въ угоду догмамъ или теоріямъ ломать истину? Съ какимъ удивленіемъ смотрятъ люди, привыкшіе пригонять истину къ Прокустову ложу авторитета, на безконечное небо Галилея; они чувствуютъ, что совѣсть преступила всѣ преграды и стремится къ Богу! Самыя смѣлыя пугаются величія внутренняго развитія; душа воспитанная въ тѣсныхъ школьныхъ комнатахъ, должна бороться, чтобы стряхнуть съ себя старыя привычки; рѣшительно стремится она къ абсолютной свободѣ мысли, какъ къ праву, неразрывно связанному съ нравственнымъ сознаніемъ. Ничто не можетъ быть священнѣе этого права, ни вѣра, ни жизнь» (6—8).

Въ такую эпоху родился (11 марта 1544 года) и жилъ Тассо. Его отецъ Бернардо Тассо провелъ большую часть жизни при различныхъ дворахъ, то въ качествѣ совѣтника государя, то въ дипломатической службѣ, посвящая свои досуги литературнымъ занятіямъ. Но его честный, неподкупный характеръ, не позволявшій ему ни рекомендовать князьямъ политику Макіавелли, ни самому ею руководствоваться, не доставилъ ему богатства и почестей: значительную часть своей жизни онъ провелъ бѣднымъ изгнанникомъ, въ разлукѣ съ семьей. Торквато было 8 лѣтъ, когда отца его постигло это несчастіе; онъ остался на рукахъ матери, которая и руководила его воспитаніемъ. Мальчикъ отличался необыкновенными способностями, четырехъ лѣтъ онъ изучалъ грамматику, а семи считался лучшимъ риторомъ іезуитской школы въ Неаполѣ, гдѣ учился также и классическимъ языкамъ. Іезуитская школа не осталась безъ вліянія на характеръ Тассо: въ ней впервые встрѣтился онъ съ внѣшними препятствіями, мѣшавшими развитію его внутреннихъ силъ; впервые здѣсь было затронуто его самолюбіе, сдѣлавшееся впослѣдствіи крайне болѣзненнымъ. Его любознательность, усердно поощряемая матерью, въ школѣ не только не находила удовлетворенія, но и не встрѣчала сочувствія, такъ какъ воспитательнымъ методомъ іезуитовъ была суровая дисциплина, имѣвшая цѣлью убить всякій критицизмъ; педагоги старались внушить ученику недовѣріе къ собственнымъ силамъ, чтобы тѣмъ сдѣлать его болѣе послушнымъ авторитету. Религіознымъ чувствомъ, которое внушила ему мать, іезуиты воспользовались для развитія въ немъ особеннаго самолюбія: въ видѣ исключенія, онъ еще ребенкомъ былъ допущенъ къ причащенію, что привлекло общее вниманіе. Тассо самъ разказывалъ впослѣдствіи свои впечатлѣнія отъ этого торжества. Хотя зна-

ченія происходившаго вокругъ него онъ еще не понималъ, однако первое таинство подѣйствовало на него весьма сильно. «Это льстило моему самолюбію, говоритъ онъ, и я палъ на колѣни, проникнутый неяснымъ для меня удивленіемъ къ новому, необыкновенному таинству» (40).

Послѣ смерти матери, Тарквато переселился вмѣстѣ съ возвращеннымъ изъ ссылки отцемъ въ Римъ и продолжалъ подъ его руководствомъ изучать Гомера и Виргилія. Вліяніе отца, проникнутаго уваженіемъ къ наукѣ и древности, парализовало на время слѣды іезуитской школы: онъ одобрялъ страсть сына къ научнымъ занятіямъ и старался изгладить въ немъ наружную религіозность; «церковь, по его словамъ, это убѣжище слабыхъ душъ, которыя неспособны заниматься науками» (50). Знакомство съ придворной жизнью, которая произвела на Торквато чрезвычайно сильное впечатлѣніе, убѣдило его окончательно въ справедливости словъ отца: Тассо рѣшилъ, что ко двору, а не въ монастырь долженъ стремиться ученый, желающій достигнуть славы и пользоваться ея плодами. Онъ прибылъ впервые ко двору Гвидобальда Урбинскаго 13 лѣтъ, и блескъ этого государя на столько ослѣпилъ мальчика, что онъ только послѣ цѣлаго ряда горькихъ опытовъ пересталъ считать княжескій дворецъ единственнымъ мѣстомъ, возможнымъ для существованія поэта и философа...

Въ Урбинѣ господствовали обычаи XIV и XV вѣка; здѣсь собирали всѣ выдающіяся произведенія науки и искусства; при дворѣ толпились знаменитости ученаго и художественнаго міра; бесѣды и удовольствія блистали ученостью и остроуміемъ—на всемъ лежалъ классическій отпечатокъ. Но характеръ времени нѣсколько измѣнился: въ придворной жизни появились новые элементы, которые не играли роли въ предшествующую эпоху и плохо ладили съ гуманическимъ язычествомъ. «Усердно занимались, пишетъ Чекки, гимнастикой, военными упражненіями, математикой и стратегіей; на обѣдахъ и въ общественныхъ собраніяхъ читали творенія святыхъ отцевъ и Тита Ливія, занимались философскими диспутами, благочестивыми упражненіями и пѣніемъ любовныхъ пѣсенъ» (53). Тассо воспламенился желаніемъ сдѣлаться настоящимъ придворнымъ кавалеромъ и ревностно началъ упражняться во всѣхъ нужныхъ для этого наукахъ и искусствахъ. Руководителемъ его въ этомъ дѣлѣ былъ Федериго Командино, истинный ученый и философъ, жаркій поклонникъ древности; но чуждый недостатковъ предшествующихъ гуманистовъ, Командино не могъ преподать своему воспитаннику правилъ, необходимыхъ для жизни при дворѣ. Онъ исключительно былъ занятъ философскимъ размышленіемъ о законахъ вселенной и вовсе не думалъ о личной выгодѣ. «Наука была идеаломъ этого человѣка, говоритъ Чекки: онъ слышитъ и видитъ только ее, говоритъ только о ней и представляетъ ее соз-

дательницей и убѣжищемъ блаженства» (56). Тассо, съ интересомъ занимаясь наукой, не раздѣлялъ убѣжденій своего наставника; поэзія дѣлила его симпатіи съ наукой, а честолюбіе влекло его къ придворной жизни. Въ Урбино происходили горячіе споры о преимуществахъ классической и романтической поэзіи: одни восторгались только Гомеромъ и Виргиліемъ, другіе—исключительно Аріосто. Будучи пока безмолвнымъ слушателемъ, Тассо находилъ прелесть въ обоихъ направленіяхъ и считалъ возможнымъ примирить ихъ; съ такою цѣлью онъ задумалъ Ринальдо. Въ этомъ произведеніи на сцену появляются дамы и рыцари; герой поэмы—идеалъ придворнаго, какъ онъ носился въ воображеніи поэта; это не классическій герой и не средневѣковой рыцарь, богатый фантастическими приключеніями; два стимула руководятъ его дѣятельностью — честолюбіе и любовь къ дамѣ; добродѣтель награждается бракомъ съ возлюбленной. Но, не смотря на новизны, поэма носитъ слѣды сильнаго классическаго вліянія: весь матеріалъ заимствованъ изъ классическихъ авторовъ; окраска и образы взяты у Виргилія, встрѣчаются даже цѣлые стихи изъ Энеиды; въ отдѣльныхъ эпизодахъ видно вліяніе Ливія—словомъ древность владѣетъ еще душой Тассо.

Между тѣмъ годы ученія молодого поэта продолжались, хотя его способности и успѣхи доставили уже извѣстность его имени. Будучи избранъ секретаремъ венеціанской академіи, онъ оставилъ урбинскій дворъ и переселился въ Венецію. Члены академіи приняли его съ большимъ радушіемъ и не только допускали до участія въ диспутахъ, но съ интересомъ выслушивали его мнѣнія; его голосъ началъ пріобрѣтать вѣсъ; многіе уже видѣли въ немъ «задатки великаго человѣка». Но успѣхъ не ослѣплялъ Тассо: онъ продолжалъ изучать классиковъ и вполнѣ освоился съ Аристотелемъ, Платономъ и ихъ толкователями, въ то же время самъ началъ писать комментаріи къ «Божественной комедіи» съ исторической и критико-эстетической точки зрѣнія. Такимъ образомъ идеалы Тассо опредѣлялись, его вкусы и наклонности выяснялись: въ области духовной жизни онъ стремился къ примиренію древности съ средними вѣками; наилучшимъ общественнымъ положеніемъ онъ считалъ придворную жизнь ученаго и поэта. Но отецъ Тассо, на себѣ испытавшій всю тяжесть подобнаго положенія, желалъ доставить сыну болѣе прочную и спокойную дѣятельность; по его настояніямъ, Торквато поступилъ въ падуанскій университетъ для изученія юриспруденціи; но, изучая право, онъ не отдавалъ ему всего времени и всего интереса, продолжалъ заниматься поэзіей и философіей и принималъ живое участіе въ спорахъ объ этихъ предметахъ. Въ это время былъ изданъ Ринальдо, который имѣлъ большой успѣхъ среди ученыхъ; пріемъ книги рѣшилъ судьбу поэта: онъ оставилъ юриспруденцію и посвятилъ себя исключительно искусству и философіи. Кромѣ того, благодаря своему произведенію, Тассо получилъ

отъ кардинала Чези приглашеніе перейти въ болонскій университетъ, о процвѣтаніи котораго особенно заботился папа Пій IV. Здѣсь онъ занялъ положеніе не ученика-студента, а скорѣе равноправнаго товарища тамошнихъ ученыхъ, принималъ участіе въ ихъ философскихъ и литературныхъ спорахъ и не стѣснялся рѣзко выражать несогласіе съ ихъ воззрѣніями. Между тѣмъ Тассо продолжалъ изучать классиковъ и результаты этого изученія изложилъ въ «Разсужденіяхъ о героическомъ эпосѣ (Discorsi sul Poema eroico)», изданныхъ нѣсколько позже; въ то же время онъ для оправданія своихъ теорій задумалъ собственную поэму «Гоффредо». Но его успѣхи возбуждали зависть противниковъ, а сатирическія выходки вызвали со стороны ихъ преслѣдованія, результатомъ которыхъ было бѣгство Тассо въ Мантую, откуда онъ переходилъ отъ одного мецената къ другому, пока Гонзанга не пригласилъ его въ Падую, чтобы поставить во главѣ придворной академіи degli Eterei. Стѣсненный въ средствахъ къ существованію, Тассо принялъ приглашеніе и на новомъ мѣстѣ продолжалъ заниматься изученіемъ греческой философіи въ ея новѣйшихъ представителяхъ—Платонѣ и Аристотелѣ. Но однообразіе ученой жизни не удовлетворяло его; впечатлѣнія урбинскаго двора были слишкомъ живы въ поэтѣ, и онъ стремился къ почестямъ и славѣ, которую думалъ найти исключительно при дворѣ какого нибудь князя; поэтому какъ только было сдѣлано приглашеніе отъ лица Альфонса II Феррарскаго, Тассо тотчасъ переселился къ его двору.

V.

Переѣздъ въ Феррару заключаетъ собою первый періодъ жизни Тассо, его «годы ученья». При дворѣ Альфонса II онъ прожилъ свои лучшіе дни, создалъ свое великое произведеніе; здѣсь же испыталъ онъ перемѣну счастья и положенія: изъ общаго любимца онъ сдѣлался предметомъ злобы придворныхъ и подвергся немилости и даже заключенію со стороны бывшаго покровителя. Тотъ Тассо, котораго считали первымъ поэтомъ, лучшимъ украшеніемъ двора, былъ объявленъ впослѣдствіи жалкимъ безумцемъ, котораго опасно держать на свободѣ; представитель науки и поэзіи, трактаты и поэмы котораго пользовались всеобщей извѣстностью въ Италіи, лишенъ меценатомъ свободы и необходимыхъ удобствъ—явленіе, совершенно невозможное въ XIV и XV столѣтіяхъ и весьма частое въ XVI вѣкѣ. Въ роли и положеніи гуманизма произошла значительная перемѣна: измѣнилось настроеніе общества съ одной стороны, и характеръ гуманистовъ съ другой. Альфонъ Феррарскій не похожъ на Альфонса Неаполитанскаго, а Тассо на Поджіо или Фильельеро.

Увлеченіе высшихъ слоевъ общества наукой и искусствомъ и почтительное покровительство ученымъ и художникамъ было въ XIV и XV вѣкѣ въ большинствѣ случаевъ вполнѣ искренне. Книги, картины и статуи служили не только предметомъ забавы, но и серьезнаго изученія. Научный интересъ при сравнительно спокойной политической жизни на время заслонилъ собою массу другихъ. Но итальянскія войны и реформаціонное движеніе вызвали къ жизни другіе интересы, и гуманисту пришлось поступиться своимъ мѣстомъ въ пользу воина и священника. Покровительство наукамъ и искусствамъ стало только традиціонною модою; занятія ими— однимъ изъ многихъ средствъ для развлеченія; ученые и поэты сравнялись съ обыкновенными придворными: ихъ прежняя самостоятельность и свобода мысли были утрачены. Безпрекословный авторитетъ имѣли только фавориты государей, хотя гуманисты все еще стремились къ придворной жизни. Превосходную иллюстрацію такой перемѣны представляетъ дворъ, гдѣ поселился Тассо. Феррара славилась своимъ меценатствомъ; при ея дворѣ жилъ Аріосто, ея князь покровительствовалъ Тассо и цѣлой толпѣ второстепенныхъ поэтовъ и художниковъ; но для Альфонса II поэзія и искусство были только одною изъ многихъ забавъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. «Цѣлаго года недоставало для задуманныхъ праздниковъ, говоритъ Чекки. Перемѣна временъ года давала поводъ измышлять новыя удовольствія: весною охотились на лисицъ и утокъ въ большомъ паркѣ; въ жаркое время отправлялись въ роскошную виллу Бельригуардо, гдѣ предавались различнаго рода удовольствіямъ, въ родѣ охоты, кавалькадъ, каруселей и концертовъ: осень проводили въ Мезолѣ, занимаясь рыбной ловлей на морѣ и охотою за кабанами; вечеръ посвящали театру, пѣнію и музыкѣ... Въ промежуткахъ занимались учеными и преимущественно философскими спорами. При всѣхъ этихъ удовольствіяхъ имѣли еще время ежедневно посѣщать церковную мессу и нѣсколько разъ въ день совершать домашнія молитвы» (85—86). Любовь къ славѣ, служившая самымъ сильнымъ побужденіемъ къ меценатству, не чужда Альфонсу, но онъ думаетъ скорѣе всего прославиться военными подвигами и репутаціей хорошаго государя; для этой цѣли онъ желаетъ войны и, при всей жестокости, старается казаться кроткимъ, справедливымъ и милостивымъ. Правда, онъ считаетъ не лишнимъ пригласить къ своему двору знаменитаго поэта или ученаго, но не приписываетъ этому большаго значенія; представитель науки и поэзіи не высоко цѣнится княземъ, который даритъ по 15,000 дукатовъ прислугѣ и отказываетъ въ новомъ платьѣ Тассо. О прежней свободѣ мысли теперь нельзя было и думать. Прежде покровительство Альфонса Неаполитанскаго позволяло Валлѣ громить папу, смѣяться надъ инквизиціей и свободно излагать свои философскія воззрѣнія, теперь Альфонсъ

Феррарскій заявляетъ, что онъ охотнѣе умретъ между зараженными чумою, нежели среди еретиковъ, и изгоняетъ за ересь свою мать, пользовавшуюся общей любовью и уваженіемъ въ Феррарѣ. Новыя потребности и новое общественное настроеніе измѣнило и характеръ гуманистовъ: при прежнемъ честолюбіи они сдѣлались разборчивѣе въ средствахъ для достиженія славы; къ своимъ дѣйствіямъ они начали относиться осмотрительнѣе; что признавали они нравственнымъ на словахъ, то становилось обязательнымъ для нихъ въ жизни. Ихъ убѣжденія стали глубже, и разъ признанная истина пріобрѣтала въ нихъ искреннихъ поборниковъ. Отсюда двоякій трагизмъ ихъ положенія. Съ одной стороны ихъ тяготило придворное положеніе, ложность котораго они сознавали и отъ котораго не могли отдѣлаться, съ другой, и главнымъ образомъ, ихъ не удовлетворялъ болѣе прежній индифферентизмъ и скептицизмъ, къ которому привели неудачныя попытки примиренія античной цивилизаціи съ средневѣковымъ католицизмомъ. Отсутствіе твердыхъ нравственныхъ началъ и опредѣленнаго религіознаго міросозерцанія сдѣлалось особенно невыносимымъ при возбужденіи религіознаго чувства, характеризующаго XVI столѣтіе. Представители умственной жизни въ Италіи раздѣляютъ чувства Лютера къ современному католицизму, но цѣлая масса препятствій не позволяютъ имъ сдѣлаться его послѣдователями. Характерно въ этомъ отношеніи показаніе Гуичардини, современника Тассо. «Никому такъ не противны, какъ мнѣ, говоритъ онъ, честолюбіе, жадность и распутство священниковъ; каждый изъ этихъ пороковъ и самъ по себѣ ненавистенъ, но каждый изъ нихъ и всѣ они вмѣстѣ менѣе всего приличны людямъ, которые причисляютъ себя къ сословію, непосредственно зависящему отъ Бога... Мое положеніе при многихъ папахъ вынуждало меня ради собственной выгоды желать ихъ величія, но безъ этого я любилъ бы Мартина Лютера, какъ самого себя, не для того, чтобы освободиться отъ законовъ, которые возлагаетъ на насъ христіанство, какъ оно обыкновенно понимается и объясняется, но чтобы видѣть поставленной въ надлежащія границы эту толпу негодяевъ, такъ, чтобы они принуждены были жить или безъ пороковъ, или безъ власти» [1]). Папство еще слишкомъ сильно съ Италіи; Лютеръ считается еретикомъ; его ученіе знаютъ мало и понимаютъ превратно. Кромѣ того, для Италіи не имѣетъ силы множество условій, содѣйствовавшихъ реформаціи на сѣверѣ; для гуманистовъ есть и особенныя причины нерасположенія къ Лютеру, какъ показываетъ это примѣръ Эразма. Поэтому они мечтаютъ о перерожденіи католицизма, но эти мечты и въ XVI вѣкѣ разбиваются о дѣйствительность.

---

[1]) Burckhardt, II; 336.

Тѣми же самыми недостатками страдалъ и Торквато Тассо. Мысль примирить древность съ результатами средневѣковой цивилизаціи явилась у него довольно рано, Сначала онъ попытался сдѣлать это въ области поэзіи, соглашая Аріосто съ Виргиліемъ, комментируя Данте съ точки зрѣнія Аристотеля. Въ это время существовалъ еще цѣлый рядъ людей, твердо державшихся формы гуманистическаго направленія, но утратившихъ его духъ. Это были своего рода схоластики, непризнававшіе иной поэзіи, кромѣ латинской, рабски подражавшіе древнимъ, заимствуя у нихъ нетолько языкъ, но и содержаніе. Тассо еще въ Болоньѣ боролся противъ такого направленія; онъ упрекалъ кардинала Чези, восторгавшагося посредственными итальянскими сонетами, за его отсталость, за презрѣніе къ родному языку. Его Discorsi sul Poema eroico имѣютъ цѣлью доказать необходимость иныхъ поэтическихъ произведеній, написанныхъ не въ подражаніе древнимъ, но въ духѣ ихъ. Онъ считаетъ возможной, кромѣ того, поэзію электическую. «Вѣдь, вы не отрицаете, говоритъ онъ противникамъ, совершенныхъ красотъ въ поэтическихъ произведеніяхъ и Гомера и Аріосто? Развѣ вы можете также утверждать, что эти поэты чужды недостатковъ? Итакъ избѣгнемъ этихъ недостатковъ и соединимъ красоты, тогда получимъ совершенное поэтическое произведеніе» (78). Въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ» Тассо удалось до извѣстной степени достигнуть желанной цѣли; гораздо болѣе трудностей представляла та же задача примиренія противоположностей въ области философіи, религіи и морали. Въ древней философіи онъ пытался прежде всего согласить идеализмъ Платона съ эмпиризмомъ Аристотеля. По его мнѣнію, обѣ системы не есть нѣчто совершенно противоположное—это только стороны единаго духа, два проявленія мысли, которыя въ жизни тѣсно связаны между собою; только два пути одной дѣятельности. Ихъ взаимное отношеніе Тассо опредѣляетъ такимъ сравненіемъ: «когда человѣческій духъ не въ состояніи проникнуть въ глубь вопроса, то онъ, подобно пчелѣ, летаетъ, высасывая медъ, только по цвѣточнымъ вѣнчикамъ и предоставляетъ фантазіи создавать свои образныя представленія и придавать имъ подъ руководствомъ разума болѣе или менѣе реальную окраску» (77). Итакъ, древняя философія представляетъ собою результатъ всей дѣятельности человѣческаго духа, въ какомъ же отношеніи къ ней должна стоять религія и мораль? Этотъ вопросъ былъ крайне важенъ для Тассо. Его дѣтская, наивная вѣра, выражавшаяся въ безсознательномъ благоговѣніи передъ церковью и ея обрядами, пошатнулась уже подъ вліяніемъ отца; философскіе диспуты въ Падуѣ и Болоньѣ еще болѣе усилили колебанія. Чисто внѣшнее примиреніе языческихъ и христіанскихъ авторитетовъ для него немыслимо: «смѣшеніе священнаго и языческаго, замѣчаетъ онъ въ комментаріяхъ къ Данте, противно не только религіи, но и ци-

вилизаціи» (61); философская мысль, воспитанная на Аристотелѣ и Платонѣ, точно также не могла вполнѣ приспособиться и къ католицизму; результатомъ этого было сомнѣніе «въ великихъ таинствахъ вѣры: созданія и безсмертія души», по выраженію его біографа. Особенно важную роль въ этомъ процессѣ игралъ Падуанскій философъ Федериго Пендазіо. Въ это время въ Падуѣ существовало два философскихъ направленія: одно, съ Александромъ Пикколомини во главѣ, пыталось обосновать христіанство на Аристотелѣ, другое, въ борьбѣ съ первымъ, развило матеріалистическое ученіе, шедшее въ разрѣзъ съ христіанствомъ: представитель этой школы Пендазіо отрицалъ безсмертіе души. Талантливый и краснорѣчивый, онъ производилъ особенно сильное впечатлѣніе критикою своихъ противниковъ; увлекательное изложеніе доставило ему значительное количество послѣдователей, къ числу которыхъ принадлежалъ 16-тилѣтній Тассо. Но разрывъ молодаго поэта съ прошлымъ не былъ полнымъ: подчиняя свою мысль Пендазіо, Тассо сохранилъ религіозное чувство; отсюда происходила неизбѣжность внутренней борьбы. «Онъ мыслитъ о Богѣ, пишетъ Чекки, точно такъ же, какъ привыкъ мыслить объ идеяхъ Платона, объ атомахъ Демокрита, о духѣ Анаксагора. Аристотель возбуждаетъ въ немъ сомнѣніе въ истинѣ вѣры; природа души, мировой порядокъ— вопросы нерѣшенные, сомнительные; но его сердце чуждо наплыву стольких отрицаній; Тассо приходитъ въ себя и страхъ передъ адскими муками приводитъ его въ содроганіе: ему слышатся трубы ангеловъ въ день страшнаго суда; онъ видитъ на облакахъ Господа и слышитъ слова его — идите, проклятые, въ огнь вѣчный! Въ ужасѣ ищетъ онъ убѣжища иногда у друга, а чаще у священника; но едва опустится на колѣни, какъ имъ овладѣваетъ стыдъ и страхъ, и онъ не рѣшается открыть всю истину; то ужасъ нападаетъ на него, такъ какъ онъ профанировалъ самое святое дѣло, и только та мысль успокоиваетъ его, что Господь даруетъ прощеніе даже тѣмъ, которые не вѣровали въ него, если только въ основаніи ихъ невѣрія не лежала закоснѣлость и злоба, — въ это онъ вѣровалъ наиболѣе твердо» (65—66).

Утѣшительная мысль о милосердіи Божіи давала Тассо успокоеніе при счастливыхъ житейскихъ обстоятельствахъ. Остановившись на этой мысли, онъ усвоилъ себѣ классическое міросозерцаніе, чуждое всякаго мистицизма и аскетизма. Честолюбіе, поощряемое успѣхомъ первыхъ произведеній, рисовало ему привлекательныя картины будущаго; онъ чувствовалъ свои силы и вѣрилъ въ свою звѣзду. «Если до сихъ поръ я былъ невысокимъ заброшеннымъ деревцемъ, писалъ онъ еще въ Падуѣ, которое били ливни, пригибала къ землѣ безславная рука, то теперь, избранный между прекрасными молодыми лавровыми деревцами, я ожидаю только теплыхъ лучей солнца и свѣжаго росистаго воздуха, который далъ

бы деревцу дозрѣть и сдѣлалъ бы сладкими его прелестные, но еще не зрѣлые плоды; я надѣюсь, что тогда потечетъ изъ деревца драгоцѣнный медъ, который будетъ сохраняться на Парнасѣ для будущихъ поколѣній» (77). Тассо чувствуетъ себя въ силахъ доказать, «что онъ способенъ со славою возвыситься до небесъ». Съ такимъ намѣреніемъ онъ прибылъ въ Фаррару.

Двадцати одного года Торквато сдѣлался придворнымъ поэтомъ. Блестящая молва, ходившая о немъ по Италіи, возбуждала его дѣятельность и препятствовала ему углубиться въ самопознаніе, остановиться на выработкѣ твердыхъ убѣжденій, такъ какъ въ его міросозерцаніи находилось еще много непримиренныхъ контрастовъ. Придворная жизнь слишкомъ сильно увлекла юнаго поэта и мѣшала ему быть философомъ. Дружественный пріемъ, встрѣченный имъ въ Феррарѣ, сулилъ ему много хорошаго. Одновременно съ нимъ прибыла туда невѣста герцога—Варвара Австрійская; весь дворъ былъ занятъ празднествами и балами, данными въ честь ея прибытія; кардиналъ д'Эсте, главное лицо у герцога, завѣдывалъ устройствомъ торжествъ; но, не смотря на это, пріѣздъ Тассо не остался незамѣченнымъ, о немъ заговорили при дворѣ и въ городѣ, самъ кардиналъ устроилъ ему блестящій пріемъ и просилъ, какъ особенной чести, позволенія помѣстить поэта на время въ своемъ дворцѣ; настоящій же тріумфъ для Тассо наступилъ по окончаніи придворныхъ праздниковъ. «Всѣ дамы желали съ нимъ познакомиться, разсказываетъ его біографъ; принцесы Лукреція и Элеонора, сестры герцога, были въ восторгѣ отъ того, что представилась возможность бесѣдовать съ нимъ; самъ герцогъ удостоивалъ его особеннаго вниманія. Тассо кажется, что онъ въ раю и окруженъ ангелами; онъ находитъ все прекраснымъ» (96). Особенно большой успѣхъ имѣлъ онъ у дамъ. Тассо вѣжливъ со всѣми, влюбленъ или показываетъ себя неравнодушнымъ къ красавицамъ, пишетъ цѣлую массу разныхъ сонетовъ, мадригаловъ и эпиталамъ, въ которыхъ воспѣваетъ красоту молодыхъ и льститъ вліятельнымъ дамамъ пожилыхъ лѣтъ. За нимъ ухаживаютъ молодыя фрейлины, въ мелкихъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ обыкновенно опредѣленному лицу, онъ разсказываетъ, какъ гулялъ въ темной аллеѣ съ одной, тайно пожималъ руку другой, вспоминаетъ, какъ однажды, коснувшись рукой плеча красавицы, получилъ на свое извиненіе такой отвѣтъ: «вы оскорбили меня не тѣмъ, что протянули ко мнѣ руку, а тѣмъ, что отняли ее»; онъ часто воспѣваетъ, какъ «напечатлѣлъ горячій поцѣлуй на милое, прекрасное лицо, какъ билось при этомъ отъ восторга его сердце» и т. п.—словомъ, успѣхъ въ этой сферѣ былъ полный. Отъ придворныхъ дамъ не отставали и принцесы. «Разговоръ съ Тассо, говоритъ Чекки, былъ для нихъ необыкновенно пріятенъ, ему было позволено входить, когда угодно въ ихъ комнаты, и чѣмъ чаще онъ являлся, тѣмъ

любезнѣе его принимали; мало этого, онѣ формально добивались его благоволенія, оказывали ему исключительное вниманіе и устроили такъ, что онъ первый изъ всѣхъ приглашался къ герцогскому столу» (103).

Успѣхи первыхъ шаговъ придворной жизни придавали новыя силы Тассо. «Это были лучшіе дни его жизни», говоритъ Чекки. Онъ читалъ принцесамъ свои произведенія, развивалъ передъ ними свои воззрѣнія на Гомера и героическій эпосъ вообще, комментировалъ Виргилія и излагалъ свои жизненные идеалы; въ то же время онъ создавалъ Goffredo и продолжалъ принимать участіе въ академическихъ диспутахъ. Одновременно съ успѣхами росло и честолюбіе. Особенно оскорбляла его слава Пиньи, ничтожнаго поэта, но секретаря герцога. Тассо не желаетъ вступать съ нимъ въ открытую борьбу и направлять противъ него свои произведенія, онъ дѣйствуетъ другимъ путемъ: вызывая Пинью на отвлеченные, философскіе споры въ присутствіи придворныхъ, онъ старается побѣдить его и такимъ образомъ унизить въ глазахъ придворнаго общества. Но все это были мелкія терніи на веселомъ пути, усыпанномъ въ это время одними розами. Слава Тассо распространилась за предѣлами Италіи: французкій король Карлъ IX пожелалъ лично съ нимъ познакомиться и вызвалъ его для этой цѣли къ своему двору. Лестный пріемъ въ Парижѣ усилилъ самомнѣніе молодаго поэта: съ первыхъ шаговъ онъ рѣшился выступить ходатаемъ передъ королемъ за одного французскаго писателя, осужденнаго за какое-то преступленіе на смертную казнь. «Государь, сказалъ онъ Карлу, прикажите умертвить того, который доказалъ своими дурными поступками, что человѣческія слабости сильнѣе философскихъ доктринъ» (125). Помилованіе осужденнаго дало Тассо поводъ думать, что его голосъ имѣетъ такую же силу, какою пользовались гуманисты въ XIV и XV столѣтіи, и онъ принялъ на себя роль проповѣдника добродѣтели и руководителя высшей политикой. Онъ не стѣснялся высказывать свои общія политическія воззрѣнія, въ темныхъ краскахъ изображать положеніе дѣлъ во Франціи и открыто порицать политику короля.

Политическія воззрѣнія Тассо представляютъ также смѣшеніе противоположныхъ тенденцій. Разсуждая вообще, онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія, враждебной макіавеллизму; по его мнѣнію, нравственный порядокъ долженъ служить основаніемъ всякой политики, а честный характеръ быть первымъ свойствомъ государственнаго человѣка. Точно также онъ далекъ отъ мечтаній первыхъ гуманистовъ возстановить на почвѣ средневѣковой Италіи политическую организацію императорскаго или республиканскаго Рима. При политическихъ мѣропріятіяхъ, по его мнѣнію, должно постоянно имѣть въ виду особенности народнаго характера, духовныя и физическія его свойства, зависящія отъ климатическихъ и историческихъ усло-

вій. Въ «Разсужденіи о возстаніи во Франціи» онъ старается изобразить положеніе этого государства и народный характеръ французовъ «съ точностью современнаго антрополога», по выраженію Чекки. Но тѣмъ не менѣе его практическіе совѣты то носятъ на себѣ отвлеченный характеръ ироничной морали въ родѣ того, что князьямъ приличны милосердіе и справедливость, то обнаруживаютъ иногда легкій оттѣнокъ макіавеллизма. «Гизы и наварцы, говоритъ онъ, держатся за религію изъ политическихъ соображеній, что, какъ мы видимъ, бываетъ часто и съ кардиналами. Отчего же и королю не воспользоваться такимъ примѣромъ?» (133). Совѣты, предложенные французскому королю, ясно показываютъ, что Тассо плохо понималъ политическое и религіозное положеніе тогдашней Европы. Онъ требуетъ отъ Франціи, чтобы она въ качествѣ великой державы стала во главѣ католической лиги противъ еретиковъ-протестантовъ, правительство должно предоставить всѣ должности и вручить всѣ дѣла католикамъ-гизамъ, но не прибѣгать къ насиліямъ противъ наварцевъ, и тогда уничтоженіе ереси неизбѣжно. Если протестанты до сихъ поръ держатся, то это происходитъ вслѣдствіе дурнаго положенія народа, алчности чиновниковъ, слабости, безхарактерности и расточительности короля, который, кромѣ того, не умѣетъ заботиться и объ интересахъ религіи. «Если мнѣ скажутъ, продолжаетъ Тассо, что король въ послѣдніе годы обнаруживаетъ ревность къ вѣрѣ, ведетъ лучшій образъ жизни, подвергаетъ себя посту и бичеваніямъ, въ одеждѣ кающагося принимаетъ участіе въ процессіяхъ и т. п., то я долженъ возразить, что неприлично королю обнаруживать свое религіозное усердіе такимъ образомъ, какъ это дѣлаютъ частные люди. По моему мнѣнію, король тяжко грѣшитъ, тратя время на такое благочестіе вмѣсто того, чтобы употребить его на дѣла, достойныя высокаго сана, на изданіе хорошихъ и полезныхъ законовъ» (132). Біографы Тассо приходятъ въ недоумѣніе, почему онъ принялъ такъ близко къ сердцу интересы католицизма; одни видятъ въ немъ уже въ это время искренняго католика, другіе считаютъ это лицемѣріемъ, макіавеллизмомъ—и то, и другое одинаково сомнительно. Тассо, подобно своимъ соотечественникамъ, чуждъ религіознаго одушевленія, охватившаго тогда Европу, поэтому онъ не понимаетъ протестантизма, считаетъ его ересью, мятежемъ; но и папство представляется ему въ ложномъ свѣтѣ: онъ забываетъ о его насиліяхъ, нетерпимости и видитъ въ немъ только свѣтлыя стороны, ту обстановку, среди которой жили и дѣйствовали его Goffredo и другіе идеальные рыцари и дамы, плѣнявшіе его вообраafterженіе. Въ католицизмѣ онъ защищалъ не дѣйствительность, а свою фантазію, и въ этомъ смыслѣ былъ совершенно искрененъ.

Политическіе совѣты, щедро раздаваемые Тассо, оказали вліяніе только на него самого—онъ принужденъ былъ покинуть Францію.

«Король и кардиналъ Луиджи хотѣли меня отвратить отъ вѣры во Христа», объяснялъ онъ причину своего удаленія, но дѣло было гораздо проще. Тассо не расчелъ своихъ средствъ и думалъ, что репутація поэта нетолько позволяла, но даже требовала отъ него свободнаго выраженія того, что казалось ему истиннымъ и справедливымъ; неудача во Франціи не возбудила въ немъ никакихъ сомнѣній, и онъ вернулся въ Феррару съ твердой вѣрой въ свои силы и вліяніе, но разочарованіе было уже близко.

При дворѣ Альфонса, Тассо нашелъ прежнее радушіе; герцогъ часто приглашалъ его къ своему столу, охотно и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ, и поэтъ, довольный своимъ положеніемъ, усердно работалъ надъ «Освобожденнымъ Іерусалимомъ», желая посвященіемъ поэмы обезсмертить покровителя. Но надъ его головою начали въ это время собираться мало-по-малу тучи, которыя впослѣдствіи разразились грозою, вполнѣ достаточною для того, чтобы сокрушить поэта, имѣвшаго несчастіе жить въ переходную эпоху. Успѣхи Тассо возбудили зависть въ придворныхъ, которые мало-по-малу вооружили противъ него и герцога. Правда, такая гроза не была особенно сильна, хотя Чекки считаетъ эти интриги главною причиной гибели поэта; но дѣло въ томъ, что у него не было внутри себя опоры, необходимой для того, чтобы выдержать какую нибудь борьбу. Тассо былъ лишенъ внутренняго «царствія Божія», которое могло бы замѣнить ету неудавшуюся придворную жизнь, и въ этомъ причина всѣхъ его несчастій.

Первый чувствительный ударъ Тассо получилъ отъ придворныхъ по слѣдующему случаю: Онъ написалъ надгробное слово въ честь умершей въ это время Варвары Австрійской и предварительно прочиталъ его въ кружкѣ знакомыхъ; такъ какъ въ этой рѣчи не оказалось «приступа», то ее подвергли жестокой критикѣ; послѣ долгаго спора Тассо уступилъ и прибавилъ введеніе, тѣмъ не менѣе его произведеніе не было одобрено въ придворныхъ кружкахъ. Но пока благоволилъ герцогъ, поэтъ не особенно страдалъ отъ вражды придворныхъ; онъ продолжалъ писать сонеты и идилліи въ родѣ Аминты, Олинто и Софроніи, въ которыхъ повѣствовалъ исторію своего сердца и только изрѣдка мстилъ своимъ противникамъ намеками на ихъ пороки и слабости. Успѣхъ Аминты доставилъ ему особенное утѣшеніе: герцогиня Урбинская просила Альфонса отпустить къ ней автора, чтобы послушать поэму въ его чтеніи. Честолюбіе Тассо получило удовлетвореніе, успѣхъ поощрялъ къ дальнѣйшимъ трудамъ. Недовольствуясь славою эпическаго и лирическаго поэта, онъ задумалъ испытать свои силы въ драматургіи; твердо держась своего постояннаго пріема примирять классическое съ современнымъ, онъ началъ съ тщательнаго изученія теоріи и образцевъ греческой драмы; но правила Аристотеля и совершенство великихъ трагиковъ не привели его къ слѣпому подра-

жанію древнимъ: онъ былъ убѣжденъ, что въ пониманіи и изображеніи человѣческихъ дѣйствій должна существовать разница, происшедшая отъ измѣненія культуры и жизни, онъ понималъ, что классическая трагедія со всѣми деталями немыслима въ обществѣ съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ, сознавалъ причины ея невозможности, но создать новую драму у него не хватило таланта. Трагедія Torrismondo оказалась на столько слабою, что это призналъ самъ авторъ. Неудовлетворительная въ художественномъ отношеніи, эта драматическая попытка весьма интересна въ біографическомъ: изъ весьма обильныхъ монологовъ, составляющихъ лучшія мѣста трагедіи, особенно сильно написаны тѣ, въ которыхъ рѣчь идетъ о самоубійствѣ. Тассо занималъ вопросъ, имѣетъ ли право человѣкъ произвольно покончить съ жизнію? и онъ пришелъ къ оправданію самоубійства, какъ единственнаго исхода при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Несомнѣнно, что внутренній міръ поэта исчезалъ понемногу уже въ то время, когда его внѣшняя обстановка и положеніе при дворѣ были еще сносны. Между тѣмъ, количество враговъ возростало и нападенія усиливались. Схоластики гуманизма нанесли ему новый ударъ, поводъ къ которому былъ данъ «Освобожденнымъ Іерусалимомъ». Окончивъ свое произведеніе, Тассо, въ виду нѣкоторыхъ нововведеній, не рѣшился выпустить его безъ предварительнаго просмотра со стороны тогдашнихъ ученыхъ и литературныхъ знаменитостей. Онъ рѣшился отступить отъ классическихъ образцевъ, но авторитетъ Аристотелевой піитики сохранилъ для него всю свою силу. «Я глубоко уважаю Виргилія, но моя цѣль—удовлетвореніе современной публики, пишетъ онъ къ предсѣдателю образовавшейся для просмотра поэмы коммисіи. Несущественные промахи и ошибки могутъ всегда встрѣтиться, и мнѣ хотѣлось бы ихъ знать; вообще же я убѣжденъ, что въ моемъ сочиненіи нѣтъ ничего, что противорѣчило бы правиламъ Аристотеля; поэтому я требую, чтобы вопросы, не касающіеся ни единства, ни общаго содержанія, ни существенныхъ сторонъ поэтическаго искусства, обсуждались болѣе на основаніи требованій разума, чѣмъ по какому нибудь образцу» (167). Но коммисія смотрѣла на дѣло иначе: одни изъ ея членовъ, ссылаясь на Виргилія, требовали усиленія эпическаго элемента; другіе, аристотельянцы, желали исключить изъ поэмы нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, «потому что ихъ нѣжные аффекты не соотвѣтствуютъ идеалу гордаго героизма; иные, выходя изъ церковной точки зрѣнія, требовали исключенія тѣхъ или другихъ эпизодовъ, какъ оскорбляющихъ религіозное чувство. Тассо сначала хотѣлъ уступчивостью примирить критиковъ, но это только возбуждало и усиливало ихъ притязанія: они стали смотрѣть на себя, какъ на инквизиціонный трибуналъ, диктовали автору свои вставки, грозили ему за непослушаніе карою папы. Испуганный Тассо согласился напечатать поэму въ томъ

видѣ, какъ угодно было критикамъ, съ условіемъ, чтобы подлинная рукопись была напечатана, хотя бы для потомства.

Отношеніе критиковъ къ поэмѣ нанесло тяжелый ударъ самолюбію автора; единственное утѣшеніе онъ находилъ въ благосклонности герцога и въ симпатіи его сестры—Элеоноры. Но скоро врагамъ удалось лишить его и этой поддержки; постоянное нашептываніе придворныхъ возъимѣло свое дѣйствіе: герцогъ приказалъ вскрывать переписку Тассо и слѣдить за его дѣйствіями и словами. Горькое чувство, вызванное въ поэтѣ такимъ недовѣріемъ, проявлялось въ жалобахъ и упрекахъ, иногда довольно рѣзкихъ; ихъ передавали Альфонсу, и отношенія обострялись все болѣе и болѣе; только посредничество Элеоноры, питавшей къ Тассо дружеское, а можетъ быть, и болѣе сильное чувство, отстраняло разрывъ: она умѣла успокоивать друга и сдерживать брата; но вскорѣ и она отвернулась отъ поэта. Въ Феррару пріѣхала герцогиня Сантивале; много наслышавшись о Тассо, она отнеслась къ нему съ особенною внимательностью, на которую тотъ отвѣчалъ пламенными сонетами. Элеонора обидилась и лишила автора своей дружбы и покровительства. Пребываніе при дворѣ сдѣлалось нестерпимымъ, и Тассо рѣшился покинуть Феррару.

М. Корелинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНІЕ МЫСЛИ [1].

III.

Греческія легенды. — Миѳъ Прометея, какъ первое поэтическое олицетвореніе борьбы мысли съ насиліемъ. — Трагедія Эсхилла.—Культъ человѣчества въ Греціи.—Гомерическій эпосъ и его значеніе.—Судьба лирическихъ поэтовъ.—Алкей и Сафо. — Телезилла. — Архилохъ и его ямбы. — Пеня за патріотическую трагедію.—Протесты Эсхилла противъ народныхъ вѣрованій.—Гуманизмъ Софокла и Еврипида.—Комедіи Аристофана.—Судьба историковъ.—Борьба за философскія убѣжденія. — Пиѳагорейцы. — Дорійская и іонійская школы. —Атеизмъ философовъ.—За что̀ отравили Сократа.—Софисты.—Ученіе Платона и Аристотеля.—Ораторы и законодатели.—Роль Александріи въ исторіи цивилизаціи. — Аполлоній Тіанскій. — Памфлеты и романы. — Византійская литература и духовное краснорѣчіе.

ВЪ МАЛЕНЬКОЙ странѣ, на юго-восточной оконечности Европы, немногочисленное племя жило въ дикомъ состояніи въ то время, когда азіатскія царства блестѣли роскошью, славились могуществомъ. Въ какую эпоху эта отрасль аріевъ, переправившись черезъ Геллеспонтъ, поселилась въ Элладѣ? объ этомъ молчатъ преданія. Да и черезъ Геллеспонтъ ли еще перешло это племя? Въ доисторическія времена Понтъ составлялъ съ Каспіемъ одно внутреннее море; потомъ, когда отъ Каспійскаго отдѣлилось Черное море, воды его прорвались далѣе къ западу и образовали сперва Мраморное море, потомъ Дарданельскій проливъ, соединившись съ Средиземнымъ моремъ, которое, получивъ вдругъ такое приращеніе воды, въ свою

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XII, стр. 439.

очередь, прорвалось въ океанъ между Европою и Африкой, у Геркулесовыхъ столбовъ. Этотъ геологическій переворотъ произвелъ, конечно, потопъ въ земляхъ, прилежащихъ къ этимъ морямъ и проливамъ. Въ Элладѣ потопъ этотъ былъ названъ Девкаліоновымъ, но легенда о Девкаліонѣ и Пиррѣ—уже греческая, а пелазги, почитаемые первыми обитателями Греціи, не походили ни по нравамъ, ни по своимъ преданіямъ на переселенцевъ изъ Индіи или Персіи. Жители Аркадіи, по словамъ ихъ легендъ, обитали въ этой странѣ еще въ то время, когда не было луны; отъ этого ихъ и прозвали «проселенитами». Религія пелазговъ состояла въ обожаніи матери-земли (Деметеръ), научившей своего сына, Триптолема, воздѣлывать землю. Уже въ послѣдствіи греки дали богинѣ дочь, которую похищаетъ подземный богъ всякую зиму и всякое лѣто возвращаетъ матери. И въ первобытной греческой религіи не было ни жрецовъ, ни храмовъ — они явились, когда поэты размножили число боговъ, олицетворивъ силы природы, человѣческія страсти, причисливъ къ богамъ людей, оказавшихъ услуги своимъ собратамъ, отличавшихся подвигами, сдѣлавшихъ разныя изобрѣтенія. Въ Элладѣ воздвигали храмы, какъ у насъ ставятъ памятники, въ честь выдающихся личностей. Но глубокоразвитый эллинъ никогда не вѣрилъ въ своихъ боговъ, созданіе своихъ поэтовъ. Онъ только не смѣялся надъ ними изъ уваженія къ древнимъ преданіямъ. Въ воспитаніи грековъ, которое ставятъ образцомъ даже нашему времени, религіи нетолько не учили, но объ ней никогда не говорилось ни слова. Вѣрить или нѣтъ—предоставлялось уму и совѣсти каждаго. Самое древнее и самое главное религіозное преданіе Греціи—миѳъ Прометея, похитившаго у Зевса огонь безсмертія, то-есть огонь ума, познаній, заступившагося за человѣчество, которое хотѣлъ истребить олимпійскій деспотъ. Этотъ миѳъ страшной борьбы свободноразумной воли противъ тиранства, величія души и энергіи противъ грубой физической силы высказался въ такой высокой, поэтической формѣ, что Прометей явился протестомъ всего человѣчества противъ стихійной силы, олицетворенной въ олимпійскомъ богѣ. Главная мысль легенды та, что никакія физическія мученія не побѣдятъ нравственнаго убѣжденія, что самое могущественное насиліе рано или поздно будетъ ниспровергнуто. Поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ воспроизводили этотъ образцовый типъ греческаго творчества, но ни у кого изъ нихъ онъ не достигалъ такого величія, какъ у Эсхилла въ его трагедіи «Скованный Прометей». Типъ этотъ очерченъ такъ полно и ярко у греческаго трагика, такими рельефными чертами, какихъ немного и въ современныхъ драмахъ. Кромѣ главной мысли трагедіи, явно доказывающей превосходство разума надъ силою, безсиліе власти передъ волею, побѣду идеи надъ произволомъ — пьеса указываетъ на могущество просвѣщенія и науки, открывающей людямъ тайны неба. Кромѣ

того, въ трагедіи проведена глубокими чертами идея о служеніи человѣчеству. Мысль, что онъ страдаетъ за людей нетолько облегчаетъ страданія Прометея, но даетъ ему силу бороться съ Зевсомъ, олицетвореніемъ тиранства. Это первая, рѣзко очерченная борьба за существовованіе мысли — и потому мы передадимъ подробнѣе содержаніе безсмертной трагедіи Эсхилла.

Гефестъ (Вулканъ), въ сопровожденіи Власти и Силы, приковываетъ Прометея къ Кавказской скалѣ «Онъ похитилъ огонь — орудіе всѣхъ искусствъ, говоритъ Власть, онъ передалъ огонь смертнымъ, и за такое преступленіе долженъ переносить жесточайшія мученія. Пусть научится покоряться волѣ Зевса». Гефестъ, хоть ему и непріятно поступать такъ съ богомъ, да еще со своимъ родственникомъ, приковываетъ одну руку Прометея за другою, прокалываетъ ноги и вбиваетъ въ грудь желѣзный гвоздь. Онъ говоритъ, что сердце Зевса непреклонно, и что новый повелитель всегда бываетъ жестокъ. «Вотъ, что пріобрѣлъ ты за свое человѣколюбіе!» прибавляетъ онъ въ то время, когда Власть оскорбляетъ Прометея насмѣшками: «Теперь ты можешь гордиться похищеніемъ божественныхъ сокровищъ для передачи ихъ однодневнымъ смертнымъ. Кто изъ нихъ облегчитъ твои мученія? Тебя называютъ Прометеемъ (предвидящимъ, благоразумнымъ) и очень ошибаются. Тебѣ самому нуженъ Прометей, чтобы избавить тебя отъ этого ужаснаго положенія». Страдалецъ не отвѣчаетъ ни слова и когда остается одинъ, призываетъ природу въ свидѣтели, какимъ мученіямъ подвергаютъ его боги — такого же бога, какъ и они сами. «Но, прибавляетъ онъ, нельзя мнѣ бороться съ силою необходимости—она непобѣдима—покорюсь приговору судьбы». Хоръ нимфъ, океанидъ, является къ Прометею; изъ глубины морскихъ водъ услышали онѣ удары молотка Гефеста и, возмущенныя страшною казнью, поспѣшили, босыя и полуодѣтыя, утѣшить мученика. Онѣ обвиняютъ Зевса. Прометей говоритъ, что владыка боговъ долженъ будетъ прибѣгнуть къ нему, чтобы узнать о врагѣ, который свергнетъ его съ престола. Но какія бы ни были угрозы или ласки, Прометей будетъ хранить тайну. Несмотря на то, что онъ помогалъ Зевсу въ борьбѣ съ Сатурномъ, когда Зевсъ побѣдилъ—вотъ какъ вознаградилъ онъ Прометея. «Недовѣрять даже друзьямъ своимъ — обыкновенная болѣзнь тирановъ». Чтобы упрочить свое владычество, Зевсъ задумалъ истребить людей. Но Прометей вступился за нихъ, далъ имъ огонь, просвѣтилъ и укрѣпилъ ихъ. Состраданіе къ людямъ причина того, что съ нимъ поступаютъ теперь безъ состраданія. Онъ погубилъ себя, чтобы помочь людямъ. Является старикъ Океанъ. Онъ совѣтуетъ не раздражать Зевса, не осыпать его бранью и покориться ему — за что̀ обѣщаетъ выпросить освобожденіе Прометею. Но тотъ съ гордостью отвергаетъ прощеніе, а когда Океанъ удаляется, говоритъ, что онъ молчитъ

не изъ гордости, не изъ упорства, а потому, что жестоко оскорбленъ. Приходитъ Нимфа Іо, преслѣдуемая Зевсомъ. Она спрашиваетъ у Прометея, знающаго будущее, чѣмъ кончится ея бѣдствіе. Онъ предсказываетъ, что она успокоится въ Нильской дельтѣ, и одинъ изъ ея потомковъ освободитъ его. «Придетъ пора и Зевсъ найдетъ владыку надъ собою». Зевсъ караулитъ каждое слово Прометея и посылаетъ къ нему Гермеса съ вопросомъ: кто будущій побѣдитель боговъ? Прометей отвѣчаетъ только, что онъ видѣлъ уже двухъ, низвергнутыхъ съ Олимпа владыкъ и увидитъ еще третьяго. Но онъ не хочетъ назвать его. «Лучше я буду рабомъ моей скалы, чѣмъ ревностнымъ слугою Зевса». Гермесъ грозитъ ему тѣмъ, что орелъ Зевса будетъ прилетать рвать куски мяса Прометея и питаться его печенью. Прометей отвѣчаетъ, что его, все-таки, не можетъ убить Зевсъ. Напрасно раздаются вокругъ громы, отъ которыхъ дрожитъ земля, напрасно молнія поражаетъ Прометея. Онъ обращается только къ святой матери землѣ, къ эфиру, къ свѣту, чтобы они засвидѣтельствовали, какую обиду терпитъ онъ. Трагедія оканчивается; тайна Прометея остается не открытою. Эсхиллъ предвидѣлъ, что боги Греціи, какъ и всѣ созданія человѣческой фантазіи, недолговѣчны.

Греція первая ввела въ свои религіозныя постановленія культъ человѣчества и, въ краткую эпоху ея процвѣтанія, онъ достигъ высшей степени развитія во всемъ — въ правленіи, въ искусствѣ, въ общественной жизни, въ литературѣ. Первобытная форма правленія у грековъ была монархическая. Но власть царей ихъ далеко не походила на неограниченное самовластіе владыкъ Ниневіи и Вавилона. Греческіе цари въ военное время предводительствовали войскомъ, въ мирное—были судьями и рѣшали споры своихъ подданныхъ, постановляли приговоры за нарушеніе общественныхъ законовъ. Образъ жизни ихъ былъ совершенно патріархальный. Царскія дочери ходили на рѣку мыть бѣлье. Съ теченіемъ времени, республиканская форма правленія, вполнѣ отвѣчавшая духу древней Греціи, болѣе всего способствовала развитію ихъ умственной жизни. Только одна Спарта сохранила древнихъ царей, но она же поставила закономъ незнаніе наукъ и пренебреженіе всѣми удобствами жизни. Печальная необходимость сдѣлала Спарту военною державою, и только чудеса храбрости спасли ее отъ мессенцевъ, потомъ отъ возстанія рабовъ-илотовъ. Но спартанскіе цари, изо всѣхъ гражданъ, пользовавшихся по закону величайшею свободою, были менѣе всѣхъ свободны, находясь подъ постояннымъ наблюденіемъ совѣта эфоровъ. Семейные нравы древней Греціи были самые чистые и основаны на взаимномъ уваженіи. Жена имѣла равныя права съ мужемъ, а мать, по смерти мужа, считалась главою семейства. Отношенія матери къ дѣтямъ были самыя трогательныя. Улиссъ въ царствѣ тѣней, встрѣчаясь съ тѣнью ма-

тери, спрашиваетъ ее, отчего она умерла? «Оттого, что потеряла тебя», отвѣчаетъ она. Въ общественной жизни важнымъ установленіемъ были олимпійскія игры. Культурная исторія Греціи невелика. Она продолжается отъ Гомера до Александра Македонскаго. Но въ это короткое время маленькая Греція создала много геніальныхъ произведеній. Ея литература—прототипъ всѣхъ европейскихъ литературъ. Ея писатели, поэты, философы, ближе другихъ подходили къ идеалу высокаго, прекраснаго. Ея ваятели и зодчіе оставили неподражаемые образцы искусства. Ея вліяніе на общественную жизнь всего образованнаго міра такъ велико, что отражается на всѣхъ явленіяхъ современной жизни. Ея поэзія началась задолго до Гомера, хотя орфическія поэмы, элегіи Лина не дошли до насъ, но гомерическій эпосъ, положившій начало греческой литературѣ, блеститъ такимъ свѣтомъ, съ которымъ не можетъ сравниться ни одно изъ первобытныхъ произведеній другихъ народовъ. И между тѣмъ, самая личность Гомера не имѣетъ достаточныхъ историческихъ основаній. Былъ ли онъ творецъ или только составитель Иліады и Одиссеи? Первое изданіе этихъ поэмъ было сдѣлано по рукописи V вѣка, составленной по редакціи, принятой Аристархомъ, знаменитымъ граматикомъ александрійской школы, жившимъ во II вѣкѣ до Р. Х. Ему обязаны критическимъ исправленіемъ текста поэмъ, раздѣленіемъ ихъ на пѣсни. Ранѣе Аристарха, Пизистратъ, тиранъ аѳинскій, за 600 лѣтъ до нашей эры, собралъ, записалъ и соединилъ въ одно цѣлое отдѣльные рапсоды поэмъ, въ теченіи четырехъ столѣтій передававшихся только изустно и сохранявшихся въ памяти рапсодовъ. Какимъ же измѣненіямъ должны были подвергнуться эти поэмы въ теченіи такого долгаго времени, если отъ Пизистрата до критиковъ александрійской школы имѣлось девять различныхъ редакцій поэмъ? Въ гомерическомъ эпосѣ нѣтъ даже намека на существованіе письменъ. Когда греческіе вожди бросаютъ жребій, чтобы узнать, кто изъ нихъ будетъ сражаться противъ Гектора, они не пишутъ свои имена, а дѣлаютъ знаки на жребіяхъ, брошенныхъ въ шлемъ герольдомъ и Аяксъ самъ узнаетъ свой знакъ. Греки не умѣли писать и при Ликургѣ; законы его передавались изустно. На первыхъ монетахъ въ VII вѣкѣ до Р. Х. не было никакихъ надписей. Финикійская азбука, состоявшая только изъ 16-ти буквъ, не могла передать всѣхъ звуковъ эллинскаго языка и ее постоянно пополняли до IV вѣка. Но если Гомеръ и не авторъ всѣхъ пѣсенъ поэмъ—ему принадлежатъ въ нихъ несомнѣнно лучшія мѣста; всѣ несообразности, противорѣчія и слабыя мѣста можно отнести къ вставкамъ «діаскевастовъ» (устроителей) поэмы, передававшихъ слѣдующимъ вѣкамъ рапсоды поэмъ.

Содержаніе Иліады—борьба грековъ противъ троянцевъ, борьба не за идею, а за матеріальное преобладаніе, за личные интересы.

Главная мысль ея—прославленіе Ахиллеса, а вовсе не гнѣвъ его, о которомъ говорится въ первомъ стихѣ и не упоминается вовсе при дальнѣйшемъ развитіи поэмы. Въ ней — вся жизнь древняго эллинскаго міра, его вѣрованія, нравы, законы, обычаи, искусства, промыслы, его внѣшніе, военные подвиги. Въ «Одиссеѣ»—вся ихъ внутренняя, домашняя жизнь. Нравы эти — патріархальны, герои гомеровскихъ поэмъ грубы, но въ нихъ преобладаютъ гуманныя чувства; гуманизмъ видѣнъ и въ богахъ, которыхъ волнуютъ въ «Иліадѣ» тѣ же страсти, какъ и людей. Только въ «Одиссеѣ» боги теряютъ свой антропорфическій характеръ и руководствуются нравственными побужденіями и благоволеніемъ къ смертнымъ, награжденіемъ ихъ за добрыя дѣла, наказаніемъ за дурныя. Характеры героевъ Гомера до того вѣрны, картины до того поэтичны, что его не даромъ считаютъ поэтомъ не одной Греціи, но всего образованнаго міра. А между тѣмъ легенда и его заставляетъ бродить слѣпымъ бѣднякомъ по долинамъ Эллады, добывая себѣ средства къ жизни—прославленіемъ въ пѣсняхъ національныхъ героевъ. Судьба поэтовъ съ самыхъ древнихъ временъ была борьбою за существованіе.

Изъ другихъ поэтовъ Греціи Аполлоній Родосскій долженъ былъ бѣжать изъ Александріи отъ преслѣдованій своего учителя Каллимаха, завидовавшаго успѣхамъ своего ученика. Теогнидъ изъ Мегары, изгнанный изъ отечества тиранами за то, что не хотѣлъ подчиниться ихъ волѣ, жилъ въ Ѳивахъ и въ Спартѣ, но вездѣ тосковалъ по родинѣ, моля Зевса—отомстить за него. Огромное вліяніе патріотической мысли, выраженной въ звучныхъ стихахъ, высказалось въ пѣсняхъ Тиртея, хромого учителя, отправленнаго аѳинянами полководцемъ въ Спарту, просившую помощи въ войнѣ съ месенцами. Тиртей побѣдилъ враговъ, благодаря своимъ пѣснямъ, одушевлявшимъ спартанцевъ. Между греческими лириками были и философы, какъ Ксенофанъ Колофонскій, изгнанный изъ отечества за безбожіе; онъ долго странствовалъ но Сициліи, распѣвая свои философскія поэмы по образцу рапсодовъ, писалъ много, но до насъ дошли только отрывки, изъ которыхъ однако видно, что онъ былъ противникомъ Ѳалеса, Пиѳагора, Гомера и Гезіода, миѳологической поэзіи, народныхъ вѣрованій, космогоніи, іонійской философіи и религіозныхъ таинствъ. Онъ велъ упорную борьбу противъ антропоморфизма. «Гомеръ и Гезіодъ, говорилъ онъ, приписали богамъ все, что безчестно между людьми: кражу, прелюбодѣйство, вѣроломство. Люди сами создали боговъ и придали имъ свои чувства, свои страсти, свой видъ. Еслибы у быковъ и лошадей были руки — они рисовали бы быковъ и лошадей, чтобы представить бога и придали бы ему такое тѣло, какъ у нихъ самихъ». Въ элегіяхъ Мимнерма, умершаго старикомъ изъ любви къ аулетридѣ (флейщицѣ) высказываются горькія сожалѣнія о потерѣ молодости.

Аристократъ Алкей, во имя интересовъ своей партіи, возставалъ противъ всѣхъ тирановъ, властвовавшихъ въ Митиленѣ, но жилъ только для наслажденій, равнодушный къ нуждамъ народа, взявъ девизомъ слова спартанца Аристодема: «Человѣкъ — деньги, ибо бѣдный не считается ни храбрымъ, ни достойнымъ уваженія». Изгнанный Питтакомъ, какъ человѣкъ политически вредный, Алкей осмѣялъ его въ своихъ стихахъ и даже пошелъ противъ него съ отрядомъ войскъ, разсчитывая низвергнуть тирана, но тотъ разбилъ враговъ и, взявъ въ плѣнъ поэта, простилъ его. Алкей, которому надоѣло вести скитальческую жизнь, перестаетъ заниматься политикой и провелъ конецъ жизни въ родномъ городѣ, пользуясь дружбой Питтака. Алкей любилъ лезбосскую поэтессу Сафо, вмѣстѣ съ нимъ возстававшую противъ Питтака. Принужденная бѣжать въ Сицилію, она и тамъ писала вдохновенныя оды, доставившія ей громкую славу. Изгнаніе ея было однако не продолжительно. Она также скоро перестала бороться съ властителемъ Митиленъ, но въ ней долго жила еще борьба съ чувствомъ, съ любовью къ своимъ подругамъ, пылкою и чувственною. Въ наше время это чувство кажется страннымъ, но еслибы мы стали мѣрить на свой масштабъ всѣ вѣка и народы, не нашлось бы ничего, что подходило бы подъ уровень нашихъ понятій. Смерть Сафо отъ любви къ Фаону не имѣетъ ни малѣйшаго историческаго основанія. Броситься съ Левкадской скалы могла какая нибудь другая Сафо, такъ какъ это имя было весьма распространено въ Лесбосѣ. Двойственность этой натуры, обладавшей огромнымъ лирическимъ талантомъ и въ то же время отличавшейся порочною жизнью и неестественною страстью, заставила многихъ критиковъ утверждать, что были двѣ Сафо: одна эресская гетера, влюбленная въ Фаона и въ своихъ подругъ, а другая митиленская поэтесса, въ честь которой чеканили монету съ ея изображеніемъ. Сто лѣтъ послѣ Сафо жила Телезилла, прославившаяся не только какъ поэтесса, но и какъ героиня. Когда спартанцы, подъ предводительствомъ царя Клеомена, подступили къ Аргосу, родинѣ Телезиллы, и граждане не рѣшались защищать города, она убѣдила женщинъ и дѣвушекъ выйти на защиту Аргоса. Надѣвъ шлемъ и обнаживъ мечъ, она стала въ главѣ защитницъ города. Тогда спартанцы остановились, собрали военный совѣтъ и отступили отъ Аргоса, сказавъ: «Если мы одержимъ побѣду, это не дастъ намъ славы, если же будетъ побѣждены — это покроетъ насъ большимъ стыдомъ». Телезиллѣ воздвигли статую передъ храмомъ Афродиты: героиня держала въ одной рукѣ шлемъ, въ другой свитки своихъ стихотвореній, изъ которыхъ до насъ дошло только нѣсколько стиховъ. Коринна изъ Танагра боролась не противъ враговъ, а съ величайшимъ лирическимъ поэтомъ Пиндаромъ и пять разъ одержала надъ нимъ побѣду. Много замѣчательныхъ лирическихъ произведеній погибло во время гоненій, не

разъ воздвигаемыхъ византійскимъ духовенствомъ противъ языческихъ писателей. При первыхъ византійскихъ императорахъ попы сожгли большое число стихотвореній Алкея, Мимнерма, Анакреона, Сафо, Эринны, Менандра и друг. Но болѣе всего возбуждали къ себѣ вражду конечно сатирическіе поэты. Поэтическое дарованіе изобрѣтателя ямба Архилоха развилось отъ оскорбленнаго самолюбія. Ликамбъ обѣщалъ отдать за него дочь, но обманулъ—и Архилохъ написалъ на него такой ругательный ямбъ, что семья Ликамба повѣсилась съ отчаянія. Рѣзкіе стихи поэта возбудили противъ него множество враговъ. Они изгнали его и онъ удалился на островъ Тазосъ. Другіе говорятъ, впрочемъ, что его изгнали за непристойныя стихотворенія. Онъ умеръ въ бѣдности, но презирая богатство. Архилохъ былъ также воиномъ, но не отличался храбростью и однажды въ сраженіи бѣжалъ постыдно, бросивъ свой щитъ и написавъ на этотъ случай стихотвореніе, въ которомъ говоритъ: «Пусть врагъ украшается моимъ безпорочнымъ щитомъ! Не желая таскать его, я бросилъ въ кустарникъ и этимъ избѣгнулъ смерти. Найду другой и не хуже». За эти стихи его изгнали и изъ Спарты, куда онъ вздумалъ явиться.

Лучшему лирическому поэту Греціи Анакреону не пришлось бороться ни съ людьми, ни съ обстоятельствами, хотя и онъ принужденъ былъ бѣжать изъ своей родины, вмѣстѣ съ многими изъ согражданъ, вслѣдствіе возмущенія, возникшаго на Теосѣ. Ивикъ изъ Регіона писалъ въ элегическомъ родѣ. Онъ былъ убитъ разбойниками, и журавли, бывшіе свидѣтелями преступленія, обличили убійцъ. Главный предметъ греческой лирики—внѣшняя природа, пластическая красота. Любовь къ отечеству, гражданская доблесть почти вовсе не воспѣваются греческими поэтами; до государства имъ не было никакого дѣла. Они подчинялись равнодушно всякой незаконной власти. Высшимъ и полнѣйшимъ выраженіемъ эллинскаго міросозерцанія явилась древняя трагедія, изображавшая идеалы человѣчества въ его борьбѣ съ судьбою. Сначала дѣйствіе трагедіи разсказывалось однимъ лицомъ, потомъ двумя и болѣе. Хоръ былъ судьею между ними. Такимъ образомъ дѣйствіе, раскалываемое въ эпической поэзіи—въ трагедіи воспроизводилось передъ глазами зрителей. Народъ съ жадностью обратился къ этого рода зрѣлищамъ, развившимся прежде всего въ Аѳинахъ. Но законодатель города Солонъ, опасаясь дурного вліянія трагедіи на нравственность, запретилъ спектакли и они возобновились только при Пизистратѣ. Въ это время славился уже Фринихъ, выводившій на сцену событія, волновавшія и трогавшія аѳинянъ. Когда персы взяли Милетъ, Фринихъ написалъ трагедію: «Взятіе Милета Даріемъ». Аѳиняне, пораженные потерею города, бывшаго ихъ союзникомъ, проливали слезы при представленіи этой пьесы. Аѳинскія власти наложили на поэта пеню въ тысячу драхмъ за то, что онъ напомнилъ имъ о

постигшемъ ихъ несчастіи и запретили впредь играть эту трагедію. Знаменитый Эсхиллъ рано началъ писать трагедіи и одержалъ побѣду надъ Фринихомъ и Херилломъ, авторомъ сатирическихъ драмъ. Но, любя родину, онъ оставилъ литературу при нашествіи персовъ, вступилъ въ ряды войска и сражался вмѣстѣ со своимъ отцомъ и братомъ при Мараѳонѣ, Саламинѣ, Платеѣ. Въ двухъ послѣднихъ битвахъ онъ раздѣлялъ съ Ѳемистокломъ начальство надъ отрядами. Отъ этого трагедіи его проникнуты воинственнымъ духомъ. Эсхиллъ гордился болѣе военною славою, чѣмъ поэтическимъ дарованіемъ. Онъ написалъ до 70 трагедій и былъ увѣнчанъ тридцать разъ. Но на послѣднемъ состязаніи бо́льшую награду присудили его сопернику, молодому Софоклу. Оскорбленный въ своемъ самолюбіи, старый поэтъ покинулъ родину и удалился къ тирану сиракузскому Гіерону. По другому преданію Эсхилла, изгнали изъ отечества за то, что онъ вывелъ на сцену элевзинскія таинства. Народъ едва не растерзалъ его за такое оскорбленіе святыни. Дѣйствительно, трудно было Эсхиллу въ своихъ трагедіяхъ не затрогивать народныя вѣрованія, подавлявшія всякую свободу мышленія и воли человѣка идеею неизбѣжной судьбы, тяготѣвшей надъ всѣми дѣйствіями людей и боговъ. Въ его трагедіяхъ хоръ почти всегда протестуетъ противъ силы и не поклоняется успѣху, но представляетъ голосъ совѣсти, общественнаго мнѣнія. Въ нѣкоторыхъ трагедіяхъ хоръ даже обѣщаетъ другую, болѣе справедливую развязку событія, нежели ту, которую увидитъ зритель, угрожаетъ даже карою во имя вѣчной справедливости—какъ въ трагедіи «Агамемнонъ». Понятно, что противорѣчія общепринятымъ религіознымъ убѣжденіямъ и миѳамъ возбуждали противъ оскорбителя святыни непримиримыя гоненія жрецовъ. Софоклъ пользовался еще бо́льшимъ уваженіемъ у своихъ согражданъ, хотя дарованіемъ былъ ниже Эсхилла. На постановку пьесъ Софокла аѳиняне издержали больше, чѣмъ на всю пелопонезскую войну; въ память его приносили ежегодныя жертвы, хотя онъ, какъ гражданинъ, не отличался стойкостью характера. Избранный стратегомъ послѣ громаднаго успѣха его Антигоны, онъ отправился съ войскомъ усмирять непокорныхъ самосцевъ, но былъ разбитъ ихъ предводителемъ, философомъ Мелиссомъ. Онъ содѣйствовалъ захвату власти въ Аѳинахъ совѣтомъ четырехсотъ, а потомъ предложилъ низвергнуть его. Въ семейной жизни ему пришлось вести борьбу противъ своего сына, обвинявшаго поэта въ слабоуміи и требовавшаго надъ нимъ опеки. Вмѣсто защиты Софоклъ прочелъ въ судѣ сцену изъ «Эдипа въ Колоннѣ», и судьи отвергли искъ. Поэтъ умеръ на 91-мъ году. Въ его трагедіяхъ также какъ у Эсхилла идея гуманности и справедливости борется противъ религіознаго фанатизма. Въ «Эдипѣ въ Колоннѣ» слѣпой царь изгнанникъ, невольный мужъ своей матери, считаетъ себя невиннымъ и приписываетъ всѣ свои преступленія

волѣ боговъ, прямо обвиняя ихъ и называя Зевса и Аполлона виновниками своихъ злодѣяній и несчастій. Идея «Антигоны» состоитъ въ столкновеніи между религіознымъ и государственнымъ началомъ. Антигона погибаетъ за то, что не хочетъ признать политической власти, Креонтъ—за то, что нарушаетъ семейныя права. Неудачна была также семейная жизнь и третьяго греческаго трагика Еврипида. Онъ былъ женатъ два раза и оба весьма несчастливо. Это было причиною его ненависти къ женщинамъ, не разъ высказывавшейся въ его трагедіяхъ. Онъ не занимался общественными дѣлами и велъ тихую жизнь, а подъ старость переселился ко двору македонскаго царя Архелая. Но тутъ встрѣтили его не только злоба и недоброжелательство, но даже насильственная смерть, и, если справедливо преданіе, что Эсхилъ умеръ отъ упавшей ему на голову черепахи, то участь Еврипида была не менѣе печальна. Ненавидимый македонскими царедворцами, онъ былъ растерзанъ охотничьими собаками, натравленными на него сановниками Архелая. Царь воздвигъ ему великолѣпный памятникъ. Народъ не любилъ его какъ писателя, находя что въ его трагедіяхъ слишкомъ много философіи. Его обвиняли также въ равнодушіи къ политическимъ событіямъ своей родины, такъ какъ онъ не занималъ никакой общественной должности. Аристофанъ прямо упрекаетъ его въ праздности. Но поэтъ служилъ родинѣ, если не дѣломъ, то словомъ. Въ стихахъ своихъ онъ восхваляетъ миръ, совѣтуетъ аѳинянамъ заключить союзъ съ Аргосомъ, упрекаетъ народъ за его ошибки и увлеченія. Еврипидъ сблизилъ трагедію съ дѣйствительной жизнью, по страстямъ и чувствамъ, хотя по цвѣтистымъ фразамъ и риторическимъ украшеніямъ въ немъ видѣнъ скорѣе софистъ и ораторъ, чѣмъ поэтъ. Главныя тэмы его трагедій—патологическое состояніе духа: безуміе, горе, ненависть, мщеніе. Герои его—люди, какими они бываютъ на самомъ дѣлѣ, тогда какъ Софоклъ выводилъ на сцену людей—какими они должны быть. Еврипидъ стоялъ на сторонѣ демократіи, домогавшейся принять участіе въ правленіи и развивалъ познанія въ массѣ народа. Но для того, чтобы его протесты противъ общественныхъ мнѣній не возбудили противъ него гоненія, онъ вкладывалъ свои смѣлыя по тому времени мысли въ уста миѳическихъ героевъ. Поэтъ утверждаетъ, что всѣ люди равны по рожденію и возстаетъ противъ несправедливости сословныхъ различій и власти богатства. Онъ осуждаетъ даже пиры, оживленные музыкой. «Музыка должна услаждать горе, въ радости она роскошь»—говоритъ онъ въ своей «Медеѣ». Въ философіи онъ держался принциповъ Анаксагора: божество есть ничто иное какъ законы природы или мыслящая сила; по смерти нѣтъ никакого личнаго существованія. Онъ не видитъ надъ жизнью господства судьбы и всемогущаго божественнаго разума. Зевесъ для него—только одно имя, представленіе эѳира. «Пусть люди не надѣются на милосер-

діе божества, говоритъ онъ: оно было бы не разумнѣе людей, если бы замѣнило прощеніемъ справедливость».

Атеизмъ, въ которомъ обвинялъ Еврипида Аристофанъ, еще сильнѣе высказывается въ произведеніяхъ самого представителя политической и общественной комедіи. Съ первой своей пьесы «Вавилоняне», Аристофанъ осмѣялъ демагога Клеона, захватившаго власть въ Аѳинахъ, послѣ смерти Перикла. Клеонъ обвинялъ его за это въ томъ, что писатель присвоилъ себѣ незаконно права аѳинскаго гражданина. Аристофанъ опровергъ это обвиненіе и отмстилъ правителю страны тѣмъ, что предалъ его позору въ другой пьесѣ «Всадники». Это не только рѣзкая сатира, но и грубый памфлетъ, не щадящій интригановъ и эксплуататоровъ родины, но задѣвавшій и добрыхъ гражданъ. Комедіи Аристофана, вмѣстѣ съ трибуною ораторовъ, замѣняли въ Греціи свободную, сатирическую печать нашего времени; это—живая картина Греціи въ эпоху пелопонезской войны. Печальнѣе всего у Аристофана—его злыя насмѣшки надъ такими людьми, какъ Еврипидъ или Сократъ. Обвиненія послѣдняго въ безбожіи, высказанныя въ комедіи «Облако», могли имѣть вліяніе на общественное мнѣніе, а слѣдовательно и на приговоръ судей, казнившихъ философа, хотя и черезъ 24 года послѣ представленія комедіи. Что же заставило Аристофана вооружиться противъ величайшаго изъ моралистовъ Греціи? Въ то время въ Аѳинахъ между философами и писателями комедій была открытая вражда: философы обвиняли комедіи—и не безъ основанія—въ цинизмѣ и безнравственности; за то на сценѣ осмѣивались софизмы и діалектика философскихъ парадоксовъ. Но насмѣшки надъ Сократомъ, Эсхилломъ, Еврипидомъ, далеко не такъ сильны, какъ надъ богами въ «Птицахъ», «Лягушкахъ». Вообще господство сатирической комедіи на сценѣ было непродолжительно. Евполидъ, котораго Квинтиліанъ ставитъ на ряду съ Аристофаномъ, былъ убитъ въ сраженіи противъ спартанцевъ и вслѣдствіе его смерти аѳиняне издали законъ, запрещавшій писателямъ носить оружіе. Въ IV вѣкѣ до Р. Х., вслѣдствіе паденія демократіи, на сценѣ было снова запрещено осмѣивать современниковъ, хотя незадолго до того времени зрители выгнали изъ театра комика Кратина за то, что его пьеса была недостаточно смѣшна и дерзка. Менандру пришлось бороться съ пристрастіемъ судей, лишавшихъ его наградъ за комедіи. Зависть и ослѣпленіе аѳинянъ мѣшали имъ видѣть и оцѣнить заслуги писателя. Цари Египта и Македоніи приглашали его къ своему двору. Птоломей болѣе другихъ настаивалъ на этомъ. Но Менандръ предпочелъ блеску и великолѣпію египетскаго двора—мирную жизнь въ родномъ городѣ близь своей Гликеріи. Владыки далекихъ и чужихъ земель восхищались его комедіями, вѣтреннымъ жителямъ Аттики онѣ не нравились, потому что писатель никогда не позволялъ себѣ грубыхъ выходокъ и рѣзкихъ насмѣшекъ въ своихъ пьесахъ.

Греческимъ историкамъ приходилось еще болѣе чѣмъ поэтамъ бороться съ людьми и обстоятельствами. Отецъ исторіи, Геродотъ, долженъ былъ бѣжать изъ своей родины Галикарнаса отъ преслѣдованій тирана Лигдамиса. Принявъ участіе въ заговорѣ противъ тирана, Геродотъ вернулся въ Галикарнасъ, но, изгнавъ Лигдамиса, вскорѣ самъ долженъ былъ удалиться изъ родного города и уже болѣе не возвращался въ него. Послѣ долгихъ странствованій, онъ избралъ своимъ пребываніемъ Туріумъ, греческую колонію, основанную въ Италіи близъ Сибариса. Здѣсь онъ написалъ свою исторію, въ которой освѣтилъ событія основною и вѣрною мыслью— борьбою востока съ западомъ, цивилизаціи съ варварствомъ, Дарія и Ксеркса противъ грековъ. Ѳукидидъ, едва не погибшій въ молодости отъ чумы, былъ изгнанъ изъ родины по интригамъ демагога Клеона и двадцать лѣтъ провелъ въ изгнаніи. Получивъ возможность вернуться въ Аѳины, вслѣдствіе декрета объ амнистіи, онъ былъ убитъ разбойниками на пути въ этотъ городъ. Третій знаменитый историкъ Греціи, Ксенофонтъ, красавецъ собою, въ шестнадцать лѣтъ былъ любимымъ ученикомъ Сократа. Вмѣстѣ съ учителемъ онъ участвовалъ въ сраженіи при Деліумѣ, гдѣ философъ спасъ ему жизнь, вынеся его раненаго на своихъ плечахъ изъ жаркой битвы. Во время пелопонезской войны онъ былъ взятъ въ плѣнъ беотійцами, потомъ поступилъ на службу Кира младшаго, намѣстника Малой Азіи. И когда Киръ погибъ въ сраженіи, Ксенофонтъ пробился съ греческимъ отрядомъ отъ береговъ Тигра къ Понту Эвксинскому, описавъ это отступленіе въ своей исторіи. Въ Греціи онъ сдѣлался приверженцемъ Агезилая, царя спартанскаго и послѣдовалъ за нимъ въ азіатскую экспедицію. Оскорбленные этимъ аѳиняне осудили его на изгнаніе, продолжавшееся около тридцати лѣтъ. Но Ксенофонтъ не перенесъ равнодушно и спокойно, какъ Ѳукидидъ, приговоръ своихъ согражданъ и сражался противъ нихъ въ битвѣ при Коронеѣ. Спартанцы наградили его приверженность богатымъ помѣстьемъ близъ Олимпіи, но историку не пришлось кончить дни въ этомъ мирномъ убѣжищѣ. Въ глубокой старости онъ принужденъ былъ бѣжать изъ свего дома, вслѣдствіе вторженія элійцевъ въ эту страну и поселился въ Коринѳѣ, хотя аѳиняне отмѣнили декретъ, осуждавшій его на изгнаніе. Филиппъ Сиракузскій написалъ исторію Сициліи, гдѣ самъ игралъ большую роль, какъ приверженецъ тирана Діонисія и самъ убилъ себя, чтобы не попасться въ руки возмутившихся сицилійцевъ. Полибій былъ свидѣтелемъ паденія свободы Греціи. Онъ былъ врагомъ Македоніи, но когда Римъ объявилъ войну царю Македоніи Персею, Полибій принялъ его сторону, видя, что господство римлянъ грозитъ еще большею опасностью Греціи. Послѣ побѣды римлянъ, Полибій былъ изгнанъ изъ отечества и провелъ семнадцать лѣтъ въ Римѣ. Во время послѣдней борьбы, онъ совѣ-

товалъ согражданамъ покориться Риму и оказалъ большія услуги родинѣ, смягчивъ гнѣвъ побѣдителей и отстоявъ въ городахъ Греціи по крайней мѣрѣ муниципальную автономію.

Всего болѣе боролись за свои идеи и ученіе—философы, начиная съ Пиѳагора, уведеннаго плѣнникомъ въ Вавилонъ изъ Египта, завоеваннаго Камбизомъ. Тамъ онъ изучилъ Зороастра и усвоилъ себѣ его главныя мысли. Получивъ право гражданства въ Кротонѣ, онъ основалъ тамъ школу. Когда же кротонцы взяли Сибарисъ, Пиѳагоръ основался въ этомъ городѣ, проповѣдуя тамъ свое ученіе, бывшее нравственнымъ и религіознымъ подготовленіемъ къ жизни гражданина. Но школа Пиѳагора существовала не долго. Основанная на развалинахъ Сибариса, разрушенная кротонцами за его приверженность къ демократіи, она черезъ 20 лѣтъ была сожжена этими же кротонцами за то, что держалась аристократической партіи. Часть пиѳагорейцевъ погибла въ народномъ возстаніи. Стараго учителя пощадили, но, лишившись всего, онъ принужденъ былъ въ восемдесятъ лѣтъ скитаться изгнаникомъ. Во многихъ городахъ ему отказывали въ убѣжищѣ и оскорбляли его. Тарентъ пріютилъ его и онъ умеръ тамъ въ неизвѣстности, забытый всѣми. Греки не любили его за то, что пиѳагорейцы составляли отдѣльную касту въ обществѣ, считая всѣхъ остальныхъ людей ниже себя. Пиѳагоръ держался въ философіи дорійскаго начала, основаннаго на неподвижности древнихъ обычаевъ, не признававшаго личной свободы, приносившаго все въ жертву общинѣ. Совершенно противоположнаго, іонійскаго начала, стремившагося къ развитію усовершенствованія, держались Ѳалесъ, приписывавшій рожденіе всѣхъ веществъ водѣ, и Анаксимандръ, говорившій, что солнечная теплота произвела изъ тинистой земли всѣхъ животныхъ и человѣка, возникшаго первоначально въ формѣ рыбы. Гераклитъ эфесскій, одинъ изъ первыхъ пессимистовъ и мизантроповъ, видѣлъ во всемъ одно дурное, отыскивалъ людскіе пороки и несовершенства. Жертва несправедливости своихъ согражданъ, онъ удалился въ уединеніе, въ горы, гдѣ питался одними растеніями и умеръ отъ голода. Онъ отвергаетъ всякіе авторитеты и признаетъ только самосознаніе собственнаго мышленія. Весь міръ, по его понятіямъ, не что иное, какъ борьба противоположныхъ началъ. Изъ іонійской школы развилась элеатская. Одинъ изъ ея представителей Ксенофанъ Колофонскій былъ изгнанъ изъ Эллады 25-ти лѣтъ и провелъ въ изгнаніи 67 лѣтъ. Это былъ первый раціоналистъ древности, отрицавшій всѣ преданія, но чувствовавшій въ то же время разладъ съ самимъ собою. Парменидъ, не смотря на знатное происхожденіе и богатство, отказался отъ общественной дѣятельности и предпочелъ уединенную жизнь. Онъ училъ, что все полно вмѣстѣ свѣта и темной ночи. Вмѣстѣ съ Зенономъ онъ составилъ законы для своей родины, а когда тиранъ Неархъ присвоилъ себѣ

власть надъ Элеею, Зенонъ возсталъ противъ притѣснителя народной свободы, и схваченный имъ умеръ въ пыткѣ, не назвавъ своихъ сообщниковъ. Преданіе говоритъ, даже, что по примѣру гетеры Леены, онъ, чтобы не выдать соумышленниковъ, откусилъ себѣ языкъ и выплюнулъ его въ лицо тирана. Анаксагоръ, признававшій бога, отдѣльнаго отъ міра, не видѣлъ разницы между душою и разумомъ. Онъ былъ осужденъ за оскорбленіе народныхъ вѣрованій, за то, что утверждалъ, будто солнце и свѣтила вовсе не небесные боги, а простыя каменныя массы, свѣтящіяся вслѣдствіе вращенія эѳира. Периклъ спасъ философа отъ смертной казни и его приговорили только къ изгнанію. Онъ умеръ въ Лампсакѣ, окруженный всеобщимъ уваженіемъ, высказавъ результатъ своихъ философскихъ изслѣдованій въ афоризмѣ: «ничего нельзя узнать, ничему нельзя научиться, ни въ чемъ нельзя удостовѣриться, чувства ограничены, разумъ слабъ, жизнь коротка». Протагора аѳиняне изгнали изъ отечества и сожгли на площади его сочиненія, а тѣхъ у кого были съ нихъ копіи, обязали, подъ страхомъ наказанія, представить въ судъ эти копіи—и все за то, что онъ высказалъ мысль, что касательно вопроса существуетъ богъ или нѣтъ—множество причинъ мѣшаютъ намъ узнать это навѣрное. Къ числу этихъ причинъ принадлежитъ, между прочимъ, краткость нашей жизни и темнота самаго вопроса. Участь другого философа Діагора, прозваннаго атеистомъ, была еще печальнѣе. Онъ долженъ былъ бѣжать изъ Аѳинъ за то, что явно отрицалъ существованіе боговъ, разбивалъ ихъ изображенія, смѣялся надъ религіозными обрядами и таинствами. Сочиненія его были запрещены, правительство обѣщало даже одинъ талантъ за его голову и два тому, кто представитъ его живого. Это постановленіе было вырѣзано на бронзовомъ столбѣ. Гонимый изъ города въ городъ, Діагоръ не могъ найти убѣжища въ цѣлой Греціи и утонулъ, переправляясь въ Малую Азію. Послѣдніе два примѣра могли бы послужить урокомъ Сократу, если бы этотъ великій гражданинъ и мыслитель могъ поступиться своими убѣжденіями въ угоду мнѣніямъ правительства. Но онъ всегда отличался твердостью и неустрашимостью. Въ войнѣ онъ спокойно переносилъ голодъ и лишенія, дрался храбро, спасъ жизнь Алкивіаду. Въ мирное время онъ оказалъ еще болѣе замѣчательные примѣры мужества, одинаково давалъ отпоръ и произволу тирановъ, и увлеченіямъ необузданной толпы. Тридцать тирановъ приказали ему и еще четыремъ аѳинянамъ схватить и привести Леона, бѣжавшаго въ Саламинъ. Сократъ наотрѣзъ отказался исполнить это требованіе, говоря: «правительство, не смотря на все свое могущество, не можетъ заставить меня поступить несправедливо». Его казнили бы за это неповиновеніе, если бы вскорѣ само правительство не было низвергнуто. Въ другой разъ Сократъ далъ такой же мужественный отпоръ большинству аѳинской черни.

Послѣ битвы при Аргинузахъ, начальникъ аѳинскаго флота оставилъ непогребенными тѣла убитыхъ, потому что буря не позволяла выйти на берегъ. Враги начальниковъ, желая погубить ихъ, отдали за это подъ судъ и предложили, въ народномъ собраніи, на голосованіе вопросъ: законно ли поступили подсудимые, оставивъ тѣла безъ погребенія. Въ случаѣ отрицательнаго вопроса, виновныхъ, по рѣшенію сената, должно было присудить къ смертной казни. Сократъ и другіе пританы (члены городского управленія) отказались пустить такой вопросъ на голоса. Народъ взволновался и требовалъ, чтобы самихъ пританов, за сопротивленіе его волѣ, предали суду. Пританы рѣшились уступить. Одинъ Сократъ, какъ предсѣдатель, твердо отказался допустить несправедливость и, безъ его согласія, вопросъ не могъ быть пущенъ на голоса.

Сократъ посвятилъ тридцать послѣднихъ лѣтъ своей жизни исключительно воспитанію юношества и обученію народа особымъ философскимъ методомъ, состоящимъ въ томъ, что онъ не читалъ лекцій, не составлялъ систематическихъ руководствъ, а только разговаривалъ со своими слушателями. Діалектическими изслѣдованіями онъ разрѣшалъ вопросы, касающіеся человѣка и основныхъ принциповъ нравственности. Онъ не бралъ никакой платы за свое ученіе и допускалъ всѣхъ бесѣдовать съ нимъ, вездѣ, гдѣ придется: на торговыхъ площадяхъ, публичныхъ гуляньяхъ, въ школахъ, въ гимназіяхъ, гдѣ занимались тѣлесными упражненіями. Со всѣхъ концовъ Греціи сбирались на эти бесѣды, и онъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что дѣло его—обученіе и воспитаніе—призваніе божественное, религіозное поклонничество. Онъ училъ преимущественно добру и говорилъ «я знаю, что ничего не знаю», объясняя эти слова такъ: «прежде всего познай, какую пользу могутъ принести человѣчеству твои способности; познай свое незнаніе, чтобы умъ твой былъ свободенъ отъ самообольщенія въ знаніи, безъ знанія на самомъ дѣлѣ, мѣшающаго людямъ быть истинно мудрыми, то есть стремиться къ дѣйствительному ученію». Сократъ былъ религіозный миссіонеръ, воспитывавшій умы для жизненной философіи, «обличающій и убѣждающій богъ, сошедшій съ неба на землю для того, чтобы испытывать и убѣждать не твердыхъ по уму людей», какъ говоритъ Платонъ. И такого человѣка обвинили въ томъ, что онъ не почитаетъ боговъ и развращаетъ юношество. Подобное обвиненіе влекло за собою наказаніе—смертную казнь. Утверждали, что онъ учитъ молодыхъ людей презрительно обходиться съ родителями, внушая такія гибельныя правила: «если кто въ чемъ нуждается, то не отъ родныхъ долженъ ждать помощи, а отъ тѣхъ, кто способенъ оказать такую помощь; кто боленъ — долженъ просить совѣта у врача, а не у отца; не должно уважать тѣхъ, кто поступаетъ не честно». Въ числѣ «гибельныхъ правилъ» приводили и мысль Гезіода, часто повторяемую Сократомъ «не должно прези-

рать никакую работу, надо презирать одну лишь праздность». Стало быть — говорили обвинители—человѣкъ можетъ дѣлать все, что ему угодно—лишь бы это было ему выгодно. Такъ искажали самыя простыя мысли въ IV вѣкѣ до Р. X., хотя въ то время, для подобнаго искаженія, еще не была изобрѣтена цензура.

Сократа судили люди болѣе озлобленные на философа за то, что онъ не признавалъ ихъ умными людьми, называя ихъ знаніе— ложнымъ самообольщеніемъ. Въ защитительной рѣчи обвиненный прямо сказалъ своимъ судьямъ: «вы ждете, что я буду умолять васъ пощадить мою жизнь, но я былъ бы виновенъ, еслибы пытался такими мольбами склонить васъ на мою сторону. Вы клялись не гнуть законовъ туда, куда клонится ваше пристрастіе—и вашъ долгъ исполнить это». Такимъ языкомъ никто не говорилъ съ аѳинскими судьями. Подсудимый ставилъ себя выше ихъ власти, училъ ихъ самихъ признавать божественное призваніе въ томъ, въ чемъ его обвиняли. И они осудили его на смерть большинствомъ всего пяти голосовъ. Въ заключительной рѣчи философъ сказалъ своимъ судьямъ: «вы осудили меня потому, что я не хотѣлъ говорить того, что вамъ было бы пріятно слушать. Но я гнушался сдѣлать или сказать что̀-либо недостойное свободнаго человѣка и теперь не раскаяваюсь, что защищалъ себя такимъ образомъ... Вы жестоко ошибаетесь, полагая, что казня людей, запугаете и удержите другихъ отъ обличенія васъ». И онъ умеръ спокойно, на семидесятомъ году, бесѣдуя о безсмертіи души, не вспоминая о своихъ судьяхъ, пославшихъ ему чашу съ ядомъ въ темницу, гдѣ его держали еще мѣсяцъ по произнесеніи смертнаго приговора. Убійство этого мученика своихъ убѣжденій, павшаго въ борьбѣ за свои педагогическія и философскія идеи—представляетъ въ древнемъ мірѣ самый выдающійся фактъ въ исторіи этой борьбы. Сократъ первый изъ философовъ поставилъ самымъ важнымъ предметомъ для изученія человѣчества — самого человѣка, изслѣдовалъ природу его, создалъ науку о воспитаніи, образованіи характера, доказалъ обществу, ослѣпленному увѣренностью въ своемъ знаніи, что знаніе это не дѣйствительное. Значеніе его, какъ практическаго моралиста, было причиною почета, какимъ пользуется его имя въ исторіи. Принципъ Сократа — способствованіе счастію человѣчества, основанный на гуманности, то есть, чувствѣ человѣческаго достоинства, представляетъ самую возвышенную идею нравственности, какая только была доступна древней мысли. Одной изъ главныхъ заслугъ Сократа была также его борьба съ софистами, многочисленнымъ классомъ философовъ, основавшихъ свое ученіе только на кажущейся и относительной истинѣ и пришедшихъ поэтому къ убѣжденію, что можно доказать истину всего, что угодно. Аѳиняне были въ восторгѣ отъ этого искусства — все опровергнуть и все доказать, отъ этой философіи, перешедшей въ нравственность, поли-

тику, даже въ религію. Добро и зло, ложь и правда, польза и вредъ сдѣлались шатки и относительны. Платонъ приписываетъ софистамъ упадокъ Греціи, но они перенесли только въ науку теорію, господствовавшую въ политикѣ и основанную на правѣ сильнаго. Софисты учили богатыхъ людей — обходить законы, а народъ—неуважать эти законы. Въ Аѳинахъ скоро не стали признавать ни добра, ни истины, но Сократъ обнаружилъ всѣ крайности и преувеличенія софистовъ, представилъ ихъ шутами и невѣждами и аѳиняне стали смѣяться надъ ними.

Со смертью Сократа началось гоненіе на философовъ и послѣдователь его Платонъ долженъ былъ удалиться въ Мегару, откуда предпринялъ ученое путешествіе, едва не окончившееся погибелью философа. Тиранъ сиракузскій Діонисій-старшій хотѣлъ убить его. Аристоменъ и Діонъ съ трудомъ спасли философа, но онъ всетаки былъ проданъ въ рабство на островъ Эгину, откуда его выкупилъ киренеянинъ Аннихересъ и отпустилъ въ Аѳины. Тамъ онъ началъ читать лекціи въ академіи, въ сѣверномъ предмѣстьѣ города, доставившія вскорѣ философу такую славу, что его прозвали «божественнымъ». Діонисій-младшій снова привлекъ его въ Сиракузы, но и этотъ тиранъ былъ не лучше своего отца и Платонъ не провелъ двухъ лѣтъ въ Сициліи. Тирану жаль было разстаться съ Платономъ и онъ еще разъ привлекъ восьмидесятилѣтняго старика въ Сиракузы—обѣщаніемъ исправиться. И на этотъ разъ философъ едва могъ спастить отъ тирана, не сдержавшаго клятвъ. Съ тѣхъ поръ онъ не покидалъ Аѳинъ, гдѣ умеръ, окруженный всеобщимъ почетомъ. Въ своихъ сочиненіяхъ Платонъ излагаетъ основы нравственной философіи и соціологіи. Въ своей «Республикѣ», которую правильно было бы назвать «Общественнымъ договоромъ», онъ отъискиваетъ истинныя начала справедливости для того, чтобы всѣ люди были счастливы. «Народы будутъ счастливы только когда цари будутъ философами или философы — царями». Цѣль другого сочиненія «Законы»—сдѣлать счастливымъ государство, не расширеніемъ его власти, не богатствомъ или силою оружія, а удаленіемъ зла или подвигами добра. Философъ старается смягчить рабство, эту язву древняго міра, перешедшую въ Европу съ востока и совѣтуетъ хорошо обходиться съ рабами не только для нихъ, но и для самого себя.

Третій великій мыслитель Греціи—Аристотель также испыталъ въ жизни гоненія и несправедливость. Посвятивъ четыре года воспитанію Александра Македонскаго, онъ продолжалъ переписываться со своимъ ученикомъ до его смерти, живя въ Аѳинахъ и открывъ свою школу въ лицеѣ. Но по смерти Александра, аѳиняне, ненавидѣвшіе своего побѣдителя, захотѣли отомстить его учителю и обвинили его какъ Сократа въ безбожіи. Видя неизбѣжность осужденія, Аристотель бѣжалъ изъ города, «чтобы избавить аѳинянъ отъ вторич-

наго преступленія противъ философіи». Ареопагъ заочно приговорилъ его къ смерти, но онъ умеръ въ Халкидѣ объ болѣзни желудка. Какъ философъ Аристотель былъ противникомъ Платона, признававшаго идеи или общія начала, изъ которыхъ выводились частности (методъ дедуктивный), тогда какъ Аристотель наоборотъ принимаетъ систему индукціи, восходящей отъ частности къ общимъ началамъ. По теоріи Платона философія раждается изъ вѣры въ минувшее, Аристотель говоритъ, что одинъ разумъ можетъ произвести ее изъ существующихъ фактовъ. Первый — идеалистъ, послѣдній—матеріалистъ. Аристотель врядъ ли вѣрилъ въ безсмертіе души, но онъ былъ первымъ энциклопедистомъ и величайшимъ ученымъ своего времени. Его «Политика» — есть наука о благѣ людей, дополненіе къ нравственности. Сочиненіе это лучше и практичнѣе утопической «Республики» Платона. Въ исторіи образованія выше Сократа и Платона стоитъ Аристотель. Его вліяніе на умственное развитіе не только древняго, но и новаго міра—огромно. Онъ былъ авторитетомъ многихъ народовъ и вѣковъ. Въ средніе вѣка его положенія были евангеліемъ науки. Логическое построеніе его системы мышленія поражало своею точностью. Отцы церкви изучали его также ревностно, какъ язычники. Но въ XIII вѣкѣ папы приказали жечь сочиненія философа, не изучать ихъ болѣе, а тѣмъ кто читалъ ихъ—позабыть все, чему изъ нихъ научились. Это, конечно, еще болѣе содѣйствовало распространенію его ученія, и духъ времени побѣдилъ даже предписанія религіи. Арабы перевели и коментировали всего Аристотеля. Папа Урбанъ V приказалъ перевести его, и творенія Стагирита сдѣлались для науки такимъ же авторитетомъ, какъ библія для религіи. Схоластики запрещали даже думать иначе чѣмъ философъ; сомнѣніе въ немъ считалось ересью, несогласіе съ нимъ — преступленіемъ. Петръ Рамусъ за то, что опровергалъ Аристотеля былъ присужденъ Францискомъ I, какъ «дерзкій и наглый клеветникъ» не преподавать въ школахъ и не писать противъ философа. Заранѣе обреченный на смерть за противодѣйствіе общественному мнѣнію, Рамусъ былъ убитъ въ Варѳоломеевскую ночь. Парламентскимъ эдиктомъ Людовика XIII, въ 1629 году, было запрещено подъ смертною казнью опровергать философію Аристотеля. Протестантизмъ поклонялся ему также какъ и католицизмъ. Меланхтонъ ввелъ ученіе Аристотеля въ лютеранскія школы; его же приняли и іезуиты, со свойственною имъ ловкостью употребившіе это ученіе противъ Декарта и свободныхъ мыслителей. Только въ XVIII вѣкѣ энциклопедисты окончательно опровергли это ученіе и оно осталось теперь въ однѣхъ католическихъ семинаріяхъ.

Представители другихъ философскихъ школъ, эпикурейской, цинической, скептической и стоической не вели упорной и продолжительной борьбы за свои идеи. Школы эти возникали и падали

при небольшомъ числѣ приверженцевъ и равнодушіи массы. Онѣ не имѣли большого вліянія на развитіе человѣчества. Ораторское искусство, развившееся въ Греціи вмѣстѣ съ философіей, также не оставило прочныхъ слѣдовъ въ ходѣ прогресса. Антифонъ осужденный на смерть за то, что не успѣлъ заключить мира со Спартою, Исократъ, уморившій себя голодомъ, чтобы не пережить погибели свободы отечества, Гиперидъ, убитый по приказанію Антипатра, были явленіями единичными, исключительными, какъ и величайшій изъ ораторовъ Демосѳенъ, принявшій ядъ послѣ неудачныхъ попытокъ возстановить независимость родины. Изъ законодателей оставили прочные слѣды — въ Спартѣ побубаснословный Ликургъ, въ Аѳинахъ—одинъ изъ семи мудрецовъ Солонъ. Цивилизація Греціи, погибшая подъ мечомъ Александра Македонскаго, возникла въ основанномъ имъ городѣ, въ дельтѣ Нила. Здѣсь, въ музеѣ и библіотекѣ, хранились драгоцѣнныя сокровища древней науки и литературы, въ числѣ до 500,000 свитковъ и здѣсь же погибли они, при осадѣ города Юліемъ Цезаремъ въ 47 году до Р. Х. Онъ зажегъ корабли въ пристани—и пламя перешло на библіотеку. Другая часть этихъ сокровищъ, хранившаяся въ Серапіонѣ, была истреблена въ 391 году по Р. Х. кровожаднымъ изувѣромъ александрійскимъ патріархомъ Ѳеофиломъ, напавшимъ съ фанатизированною имъ толпою на Серапіонъ и разорившимъ его послѣ отчаянной борьбы съ язычниками, предводимыми философомъ Олимпіемъ. Омаръ, овладѣвшій Александріей въ 641 году, никакъ не могъ найти въ городѣ, уже разоренномъ продолжительными войнами и грабежами, столько книгъ, чтобы топить ими въ теченіи полугода 4,000 александрійскихъ бань, какъ объ этомъ говорятъ историки.

Философія также процвѣтала въ городѣ Александріи, въ школахъ неоплатониковъ и гностиковъ, и величайшимъ мыслителемъ I вѣка нашей эры не напрасно считаютъ Аполлонія Тіанскаго, аскета, реформатора, пророка и даже чудотворца, потому что легенды всегда соединяли съ даромъ предсказывать будущее и даръ творить чудеса. Онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на современниковъ, но не своими сочиненіями, а жизнью, полною добра и самоотверженія. Его прославляли поэты, историки, философы. Александръ Северъ объявилъ его богомъ и поставилъ между Орфеемъ и Іисусомъ. Язычество въ борьбѣ съ христіанствомъ возвело въ идеалъ этого уроженца маленькаго городка Каппадокіи, и воздвигло ему храмы. Гіераклъ, правитель Александріи, въ своемъ сочиненіи «Правдивое слово» упрекаетъ христіанъ въ легкомысліи за то, что они признали богомъ Іисуса, совершившаго немногія чудеса, тогда какъ язычника Аполлонія, сдѣлавшаго несравненно болѣе, признаютъ не богомъ, а только богоугоднымъ мужемъ. «Дѣла Іисуса, говоритъ Гіераклъ, возвеличили Петръ и Павелъ и нѣко-

торые имъ подобные люди, обманщики, невѣжды и чародѣи: дѣла же Аполлонія описали Микилъ Эгійскій, Дамисъ, философъ, сопутствовавшій ему, и Филостратъ аѳинскій, люди отлично образованные, уважавшіе истину». Онъ излечивалъ отъ болѣзней, говоритъ Вопискъ, возвращалъ жизнь мертвымъ, совершилъ и сказалъ многое, что превышаетъ способности людей. Даже между христіанами встрѣчались лица, увлекавшіяся имъ, какъ Сидоній Аполлинарій, историкъ Евсевій. Жизнь Аполлонія, разсказанная Филостратомъ, жившимъ во II вѣкѣ по Р. Х., полна фантастическихъ сказокъ. Тутъ есть и бесѣды на языкѣ животныхъ и изгнаніе демоновъ изъ людей и воскрешеніе мертвыхъ и вознесеніе на небо, но все, что касается до ученія человѣка, заключавшаго въ себѣ все интеллигентное развитіе своей эпохи—не подвержено сомнѣнію. Онъ рѣшалъ самые запутанные философскіе вопросы, юридическія дѣла, давалъ политическіе совѣты, его мнѣнія считались авторитетомъ. Философія его состояла въ познаваніи людей и бога. Угодить богу можно только добрыми дѣлами; порочные не приблизятся къ нему, какія бы жертвы ни приносили. Между богомъ и людьми невозможно никакое общеніе. Аполлоній не употреблялъ въ пищу животныхъ, пилъ одну воду и изъ плодовъ и овощей предпочиталъ тѣ, которые производитъ сама природа, безъ помощи человѣческаго труда. Въ высшей степени воздержный и цѣломудренный, онъ былъ сострадателенъ къ несчастнымъ и отпустилъ на волю своихъ рабовъ — фактъ изумительный въ древнемъ мірѣ. Равнодушный къ гоненіямъ враговъ, презирающій опасности, спокойный въ цѣпяхъ и темницѣ и передъ судомъ Домиціана, онъ былъ олицетвореніемъ истиннаго мудреца. Поученія его отличались простотою, краткостью, серьезностью. Онъ говорилъ, что готовъ умереть за сознательно избранный имъ родъ жизни. «За гражданскую свободу предписываетъ умереть законъ; за людей, близкихъ сердцу заставляетъ умереть природа, а мудрецъ долженъ быть готовъ умереть за то, къ чему не принуждаютъ ни законы, ни природа». Когда его спрашивали въ темницѣ: не страдаютъ ли его ноги отъ тяжелыхъ цѣпей, онъ отвѣчалъ: «не знаю, потому что умъ мой, занятый другимъ, не чувствуетъ скорби, или подавляетъ ее». О Домиціанѣ онъ говорилъ: «чѣмъ ближе мы узнаемъ тирана, тѣмъ болѣе нужно презирать его». Величавая личность мудреца не даетъ, однако, основы противопоставлять его основателю христіанства, какъ дѣлаютъ многіе коментаторы. Христіанство въ эту эпоху было слишкомъ незначительнымъ явленіемъ и на него не обращали вниманія ученые и философы; новой религіи они въ немъ не видѣли, а ждали обновленія человѣчества отъ той же философіи. Но ученіе Аполлонія было только видоизмѣненіемъ древняго пиѳагореизма и потому старанія его приверженцевъ—создать изъ своего учителя основателя новаго вѣрованія были безплодны.

Въ 529 году Юстиніанъ закрылъ всѣ школы и запретилъ преподаваніе философіи. Гоненіе на философовъ въ эту эпоху уже не было новостью. Еще прежде Каракалла, отнявъ всѣ права у Александріи, истребилъ множество философовъ, а одна изъ замѣчательныхъ послѣдовательницъ науки, красавица Ипатія, читавшая публичныя лекціи математики и философіи, была растерзана фанатическою черныо по наущенію епископа Кирилла. Въ Александріи же развился особый родъ литературы—эротическія сказки, превратившіяся въ Византіи въ романы, служившіе первообразами средневѣковыхъ романовъ. Лукіанъ былъ первымъ греческимъ юмористомъ и написалъ первый памфлетъ противъ языческой религіи—«Разговоры боговъ», полный остроумія и злой насмѣшки, также какъ его «Разговоры философовъ», злая сатира не на однихъ ученыхъ, но на богачей и властителей. Византійская литература была бо́льшею частью подражательною и въ ней незамѣтно никакой борьбы за идеи или убѣжденія. Передъ своимъ окончательнымъ паденіемъ, греческая цивилизація блеснула яркимъ свѣтомъ только въ одной спеціальной отрасли, не имѣвшей большого вліянія на общество—въ духовномъ краснорѣчіи. Проповѣдники громили пороки современнаго имъ общества во имя новой религіи, но это не мѣшало, однако, византійскимъ императорамъ поступать деспотически съ свѣтилами христіанской церкви. Такъ, архіепископа Іоанна Златоуста схватили тайно ночью и отправили въ ссылку за то, что онъ возставалъ противъ позорной жизни императрицы Евдокіи. Святитель умеръ въ изгнаніи, отъ лишеній и болѣзней, называя императрицу Іезавелью и Иродіадою. Григорій Богословъ всю жизнь боролся противъ разныхъ ересей, что подвергало его большимъ опасностямъ. Однажды, въ ночь на пасху, толпа фанатиковъ, ворвавшись въ церковь, гдѣ онъ служилъ, изранила его, перебила камнями духовенство и повлекла епископа на судъ, едва успѣвшій оправдать святителя. Избранный архіепископомъ, онъ не былъ утвержденъ императоромъ и умеръ въ уединеніи. Но исторія борьбы за религіозныя убѣжденія, представляющая множество поучительныхъ фактовъ, не входитъ въ рамку нашего очерка. Взглянемъ теперь за какія идеи боролась литература покорителей Греціи, владыкъ всего древняго міра—римлянъ.

Вл. Зотовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Архивъ князя Воронцова. Книги 24, 25, 26. Москва. 1882 г.

ѢМЪ далѣе подвигается изданіе «Архива князя Воронцова», тѣмъ болѣе высказывается разнообразіе и богатство историческаго матеріала, сохранившагося въ этомъ частномъ архивѣ. Для исторіи Россіи въ прошломъ столѣтіи, это изданіе получило важное значеніе. Но оно сохранится за нимъ и для XIX вѣка, если въ слѣдующихъ томахъ будутъ обнародованы бумаги фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова, который, по своему положенію государственнаго человѣка при трехъ царствованіяхъ, обогатилъ свой фамильный архивъ многоцѣннымъ матеріаломъ. Изъ означенныхъ трехъ книгъ «Архива», послѣдняя вышла уже послѣ кончины князя Семена Михаиловича Воронцова, послѣдовавшей 6-го мая 1882 года. Ему принадлежитъ починъ изданія своего фамильнаго архива; имъ даны были необходимыя на то средства, такъ что онъ оставилъ послѣ себя въ нашей исторической литературѣ слѣдъ, который будетъ служить лучшимъ украшеніемъ памяти о немъ. Были опасенія, что съ кончиною князя Семена Михаиловича Воронцова должно прекратиться изданіе фамильнаго архива, но, повидимому, эти опасенія были преждевременны. Родъ князей Воронцовыхъ въ мужскомъ колѣнѣ пресѣкся, но наслѣдники ихъ, вѣроятно, продолжатъ это общеполезное, замѣчательное собраніе историческихъ документовъ.

Въ 24-й книгѣ заключаются бумаги разнаго содержанія, какъ напр.: записка для памяти объ управленіи Россіею, графа Андрея Ивановича Остермана; автобіографическая записка Бирона; замѣчанія и памятная записка канцлера Бестужева по дѣлу Лестока; о положеніи матери и брата Екатерины Великой въ семилѣтнюю войну; письмо Д. В. Волкова о русской торговлѣ при Елисаветѣ Петровнѣ; послѣдніе дни этой императрицы; письма графа П. В. Завадовскаго къ графу Семену Романовичу Ворон-

цову; письмо къ нему же изъ Калькутты въ 1797 году, перваго русскаго санскритолога Герасима Лебедева (въ 1785 году отправившагося въ Мадрасъ, а въ 1787 г. въ Калькутту, гдѣ онъ на своемъ театрѣ давалъ представленія своихъ пьесъ, переведенныхъ имъ на бенгальскій языкъ); письмо къ нему же полковника Бушуева о графѣ Бобринскомъ; письмо къ нему же графа П. А. Зубова о капитанѣ-лейтенантѣ С. И. Великомъ, съ «семи лѣтъ воспитанныхъ въ комнатѣ у Екатерины Второй», съ похвалою служившемъ во всю шведскую войну и отправленнымъ съ другими морскими офицерами въ Англію для дальнѣйшаго своего образованія; письма курскаго купца Голикова къ графу Александру Романовичу Воронцову; двѣ записки Суворова о своей службѣ, а также письма его къ разнымъ лицамъ изъ италіянскаго похода; автобіографическія бумаги В. В. Пассека; письмо Костюшки къ императору Павлу Петровичу и многія другія.

Въ 25-й книгѣ напечатаны въ числѣ другихъ: записка Бюшинга подъ заглавіемъ: «Основательно изслѣдованныя и изысканныя причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романовыхъ», составленная имъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ во время пребыванія въ Петербургѣ съ 1761 по 1765 годъ; донесенія, съ 1740 по 1748 годъ, на французскомъ языкѣ, о событіяхъ царствованія Ивана VI, регентства герцога курляндскаго, принцессы Анны Леопольдовны и о переворотѣ, предшествовавшемъ вступленію на престолъ императрицы Елисаветы Петровны; донесенія, въ 1748 и 1749 годахъ, на французскомъ же языкѣ (повидимому, королю прусскому) объ арестѣ и осужденіи графа Лестока; бумаги относительно бѣгства заграницу секретаря Д. В. Волкова, именно инструкція о поимкѣ его; указъ сенату о сооруженіи Зимняго дворца; карточный счетъ Ивану Ивановичу Шувалову, изъ котораго видно, что онъ проигралъ графу Роману Ларіоновичу Воронцову 7,668 рублей, а выигралъ 3.270 рублей.; письмо Неплюева къ графу Михаилу Ларіоновичу Воронцову изъ Оренбурга, отъ 27-го января 1754 года, съ извѣстіемъ, что караванъ, отправленный имъ, въ 1750 г., изъ Оренбурга въ Индію съ товарами, благополучно возвратился оттуда; письма принцессы Ангальтъ—Цербтсткой (матери Екатерины II) изъ Парижа къ императрицѣ Елисаветѣ, писанныя въ апрѣлѣ и маѣ 1760 года, передъ кончиною, въ которыхъ она просила императрицу не гнѣваться на нее; донесенія о переворотѣ въ Петербургѣ 28-го іюня 1762 года, а также два письма Екатерины II къ Станиславу Понятовскому, отъ 2-го и 9-го августа 1762 года, о томъ же событіи; вопросы Екатерины Второй, писанныя собственною рукою, по дѣламъ внѣшней политики и отвѣты, данные канцлеромъ графомъ М. Л. Воронцовымъ 30-го іюня 1762 года, т. е. чрезъ день послѣ переворота; нѣсколько отрывковъ изъ записокъ короля Станислава Понятовскаго; стихи Вольтера съ намекомъ на возможность брака императрицы Екатерины съ Станиславомъ Понятовскимъ; письма объ Екатеринѣ Великой; 13 писемъ ея къ графинѣ Александрѣ Васильевнѣ Браницкой, съ 1782 по 1791 годъ; письма объ убійствѣ короля шведскаго Густава III. Очень многіе документы и письма обнародованы на французскомъ языкѣ, на которомъ они были писаны.

Въ 26-й книжкѣ напечатаны: докладъ неизвѣстнаго лица, отъ 7-го февраля 1763 года, императрицѣ Екатеринѣ II объ учрежденіи совѣта, съ примѣчаніемъ на проектъ манифеста; различныя бумаги графа П. В. Завадовскаго; бумаги графа Никиты Ивановича Панина и въ томъ числѣ его письма къ графу М. Л. Воронцову съ 1747 по 1760 годъ, письма послѣдняго

къ первому и письма графа Н. И. Панина къ императрицѣ Екатеринѣ; записка на французскомъ языкѣ о кончинѣ Вольтера, секретаря его Ваніера; размышленія, относящіяся къ овладѣнію Дарданельскими укрѣпленіями; дѣло о разводѣ въ 1779 году генералъ-поручика Сиверса съ его женою Елисаветою; краткое изъясненіе о вольности французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина; разсужденіе о третьемъ чинѣ; о вывозѣ русскаго серебра въ Пруссію въ 1784 году; письма Потемкина къ Суворову въ 1789 и 1790 годахъ; стихи на екатерининскія учрежденія; подлинныя донесенія императрицѣ Екатеринѣ графа Захара Григорьевича Чернышева объ открытіи Московской губерніи; письмо архіепископа казанскаго Амвросія о новокрещенскихъ школахъ; рапортъ генералъ-аншефа Гудовича въ 1791 году Екатеринѣ Великой съ описаніемъ Кавказа; интересная переписка въ 1790 году саксонскаго резидента въ Петербургѣ Гельбига съ Лоссомъ; записка на французскомъ языкѣ о мартинистахъ, поданная въ 1811 году графомъ Ростопчинымъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и многія другія.

Представивъ краткое содержаніе трехъ книжекъ «Архива князя Воронцова», мы сдѣлаемъ изъ нихъ извлеченія, по которымъ читатели въ состояніи будутъ лучше судить объ интересѣ этого историческаго сборника. Такъ, напримѣръ, къ характеристикѣ нашихъ дипломатовъ, можетъ служить любопытный фактъ, сообщенный въ письмѣ изъ Дрездена, отъ 18-го марта 1753 года, графомъ М. П. Бестужевымъ-Рюминымъ вице-канцлеру, графу М. Л. Воронцову, что графъ Кейзерлингъ, бывшій много лѣтъ русскимъ посланникомъ при польскомъ дворѣ, состоялъ въ то же время въ польскомъ подданствѣ и имѣлъ отъ короля польскаго два староства, одно въ Литвѣ, другое въ Пруссахъ, которыя приносили ему ежегоднаго дохода болѣе 8,000 талеровъ, и сверхъ того, пользовался отъ саксонскаго двора пенсіономъ въ 4,000 талеровъ. Секретаремъ посольства при немъ былъ также иностранный подданный, родомъ пруссакъ.

Изъ писемъ графа П. В. Завадовскаго къ графу Семену Романовичу Воронцову, интересны особенно два, изъ которыхъ въ одномъ онъ сообщаетъ своему искреннему другу о началѣ своего придворнаго случая, а въ другомъ о его прекращеніи. Извѣстно, что Завадовскій фаворитомъ былъ съ января 1776 года по іюль 1777 года. Вотъ что писалъ Завадовскій, 3-го января 1776 года, изъ Петербурга: «Порадуйся мой любезный графъ, что на меня проглянуло небо, и что уже со вчерашняго дня генералъ-адъютантомъ вашъ искренній другъ и преданнѣйшій слуга Завадовскій». Графъ Воронцовъ не воспользовался возвышеніемъ своего друга, но вышелъ въ отставку и по болѣзни уѣхалъ въ Италію. Завадовскій продолжалъ ему писать туда. Въ письмѣ, отъ 5-го марта 1777 года, онъ сообщалъ, между прочимъ: «Мнѣ совѣстно, что я не со всякою почтою пишу къ тебѣ. Я тебѣ сказалъ въ предъидущемъ письмѣ, что не отъ лѣни моей сіе происходитъ. Я живу, покоряя разсудокъ уваженію, не мѣря себя съ тѣми, кои меня выше, но сравнивая себя съ таковыми, которыхъ я счастьемъ превзошелъ несравненно». Отъ 16-го марта 1777 года, Завадовскій писалъ: «Новостей ты не хочешь; повѣрь, что я ихъ меньше всѣхъ знаю, и послѣдній въ городѣ свѣдаю, ежели бы что и было. Ты знаешь, что я любилъ упражняться моимъ дѣломъ, но здѣсь я не имѣю никакого. И такъ всегда одинъ, время иногда провождаю, читая книги». Затѣмъ Завадовскій просилъ Воронцова возвратиться въ Россію и въ этомъ мѣстѣ его письма рукою императрицы Ека-

терины прибавлено: «И я прошу, возвратитеся скарѣя». Слѣдовательно, она прочитывала письма, которыя отправляли ея фавориты. Въ томъ же письмѣ Завадовскій, приглашая Воронцова отвѣчать императрицѣ на ея приведенную приписку, выражается о ней: «Мы любимъ хвалу и въ оной не знаемъ излишества» и подчеркнулъ эту фразу. Отъ 8-го іюля 1777 года, Завадовскій писалъ Воронцову: «Собылось со мною все, что ты думалъ; оправдались твои предреченія; я столько несчастливъ, сколько истинны твои заключенія. Горька моя участь, ибо сердце въ мукахъ и любить не можетъ перестать. Сенюша, тебя стыжусь, а все прочее на свѣтѣ не дастъ мнѣ забвенія. Среди надежды, среди полныхъ чувствъ страсти, мой счастливый жребій преломился, какъ вѣтеръ, какъ сонъ, коихъ нельзя остановить: исчезла ко мнѣ любовь. Послѣдній я узналъ мою участь и не прежде, какъ уже совершилась. Угождая волѣ, которой повинуюсь, доколѣ существую, я ѣду въ деревню малороссійскую; ты меня въ ней найдешь по твоему предвѣщанію. Мой отпускъ хотя съ тѣмъ опредѣленъ, дабы чрезъ шесть недѣль возвратиться, но могу ли я чему-нибудь уже вѣрить! Заклинаю тебя дружбою и любовію, не огорчайся и не обвиняй ее тажкимъ образомъ. Представь человѣчество и страсть, и, забывая все прочее, люби и будь привязанъ, по крайней мѣрѣ, за то, что она вѣчно мила моему сердцу. Я не чувствую обиды, люблю одинаково, и будебъ страсть облегчилася, вмѣстѣ съ оною, теперь дѣйствующая, останется во мнѣ благодарность. Я просилъ Алексашу, чтобы онъ обстоятельно описалъ тебѣ мое состояніе. Рыданіемъ и возмущеніемъ духа платя горькую дань чувствительному моему сердцу, я столько ослабѣлъ, что не въ состояніи о себѣ говорить, и для тебя и ради себя убѣгаю проходить воспоминаніемъ мою долю, которая столь живо еще мнѣ чувства поражаетъ. Жалость и отчаяніе исторгали изъ меня жизнь; спасеніемъ оной не своему разсудку, но долженъ попеченію моихъ пріятелей, между коими твое мѣсто занималъ равно тебѣ и мнѣ любезный твой братъ. Еще не скажу, чтобы я былъ въ силахъ бороться съ печалію. Ѣду въ лѣсъ и пустыню не умерщвлять, но питать оную... Я теперь сажусь въ твою коляску, оставляя городъ и чертоги, гдѣ толико былъ счастливъ и злополученъ, и гдѣ сраженъ я на подобіе агнца, который закалается въ ту пору, когда ласкаясь лижетъ руку».

Въ письмѣ Петра Ивановича Измайлова къ графу Семену Романовичу Воронцову, разсказывается призывъ его къ императору Павлу Петровичу по его воцареніи. При восшествіи на престолъ Екатерины II, онъ былъ капитаномъ преображенскаго полка и, по привязанности къ императору Петру III, удалился въ Москву, гдѣ и прожилъ 35 лѣтъ. Тамъ онъ получилъ письмо отъ императора Павла, отъ 19-го ноября 1796 г., съ знаками ордена св. Анны. Измайловъ явился въ Петербургъ и на вахтъ-парадѣ былъ представленъ императору, который обласкалъ его и сказалъ: «здѣсь тебѣ, Петръ Ивановичъ, холодно; поди вверхъ и у меня всегда будь и кушай». Послѣ обѣда императоръ подошелъ къ нему и сказалъ: «наклонись!» и надѣлъ на него александровскую ленту, присовокупивъ: «эта у тебя была дорожная, а эта городская». Измайловъ возразилъ: «Государь, вы меня воскресили; но я уже не въ состояніи всѣ оныя милости вамъ заслужить». «Ты, Петръ Ивановичъ, тому заслужилъ, кто мнѣ всего дороже», отвѣчалъ императоръ Павелъ.

Изъ писемъ матери Екатерины Великой, вдовствовавшей принцессы Ангальтъ-Цербтстской, любопытно письмо къ ея дочери, отъ 19-го (30-го) апрѣля

1760 года, въ которомъ она, между прочимъ, сообщаетъ: «Либо примѣръ ея императорскаго величества, или политика есть тому причиною, дражайшая моя дочь, что вы ко мнѣ не пишете, и, повидимому, не много старанія о моихъ дѣлахъ прилагаете!.. Желала бы я, чтобы вы сами могли видѣть все то, что я претерпѣваю, и тогда бы, конечно, не дожидались того, чтобы я васъ просила; но единственное сожалѣніе побудило бы васъ болѣе нежели мои письма. И если бы знали все то, что со мною случилось, и извѣстны были вамъ всѣ тѣ обстоятельства, въ коихъ я находилась, то бы состояніе мое подаваемыми отъ васъ утѣшеніями могло часто быть облегчаемо. Но теперь, когда уже медики предали меня шарлатанамъ, и я одержима крайнею болѣзнію, не остается мнѣ болѣе желать, какъ только бы чрезъ васъ пріобрѣсти себѣ опять милость ея императорскаго величества, а до того времени не можетъ духъ мой быть спокоенъ, ибо чрезъ то всѣ мои желанія исполнились бы, и вы учинились бы достойнѣйшею благословенія, которое чаятельно даю я вамъ въ послѣдній разъ, желая притомъ всегдашняго вамъ здравія и постояннаго благополучія. Почитайте и будьте завсегда вѣрны и преданы ея императорскому величеству и великому князю, вашему супругу и наблюдайте всѣ ваши обязанности; вспоминайте иногда и о матери вашей, которая васъ сердечно любила и которая при концѣ своей жизни сожалѣетъ только о томъ, что не могла съ вами видѣться и при васъ умереть».

Два письма императрицы Екатерины Второй, на французскомъ языкѣ, къ графу Станиславу Понятовскому уже были обнародованы въ 1862 году въ Лейпцигѣ, но въ Россіи они появились въ печати въ первый разъ въ «Архивѣ князя Воронцова». Первое письмо отъ 2-го августа 1762 г., слѣдовательно, съ небольшимъ чрезъ мѣсяцъ послѣ іюнскаго переворота, начинается слѣдующими словами: «Я немедленно посылаю графа Кейзерлинга посломъ въ Польшу, чтобы сдѣлать васъ королемъ послѣ кончины нынѣ царствующаго, и если онъ не въ состояніи будетъ добиться вашего избранія, то я желаю, чтобы королемъ былъ князь Адамъ (Чарторыйскій, дядя Понятовскаго). Всѣ умы еще въ броженіи. Прошу васъ воздержаться и не пріѣзжать сюда, изъ опасенія еще болѣе его увеличить». Затѣмъ императрица пишетъ, что заговоръ о возведеніи ея на престолъ былъ задуманъ за полгода, что императоръ Петръ III намѣревался перемѣнить религію, жениться на княжнѣ Елисаветѣ Романовнѣ Воронцовой, что, въ день празднованія мира, императоръ, оскорбивъ ее публично за обѣдомъ словами, вечеромъ приказалъ ее арестовать. Съ этого дня, по словамъ Екатерины II, она стала уступать тѣмъ предложеніямъ, которыя ей уже дѣлаемы были съ кончины Елисаветы Петровны. Тайна заговора была въ рукахъ трехъ братьевъ Орловыхъ, которымъ, пишетъ императрица, «я очень обязана и весь Петербургъ тому свидѣтель». Она описываетъ всѣ подробности переворота. Въ концѣ своего письма императрица слѣдующимъ образомъ описываетъ Понятовскому свое затруднительное положеніе: «Я получила ваше письмо. Правильная корреспонденція будетъ имѣть тысячи неудобствъ; я должна соблюдать двадцать тысячъ осторожностей и не имѣю времени писать вредныя любовныя записки. Я въ большомъ затрудненіи... Я не могу вамъ всего этого разсказать, но это истина. Я сдѣлаю все для васъ и для вашего семейства; будьте въ томъ крѣпко увѣрены. Я обязана соблюдать тысячи приличій и быть крайне осторожна, но съ тѣмъ вмѣстѣ я чувствую все бремя правленія. Знайте, что все совершилось во имя принципа ненависти къ ино-

странцамъ, что самъ Петръ III признанъ иноземцемъ. Прощайте, въ мірѣ бываютъ очень странныя положенія».

Чрезъ недѣлю, 9-го августа, императрица писала Понятовскому: «Я не могу сообщить вамъ всю правду; перепискою съ вами я подвергаюсь тысячи опасностямъ. Ваше послѣднее письмо, на которое я отвѣчаю, было, можетъ быть, перехвачено. За мною строгѣ наблюдаютъ. Я не должна внушать подозрѣніе; необходимо идти по прямому пути. Я не могу писать вамъ; будьте спокойны. Передавать всѣ внутреннія (государственныя) тайны—будетъ болтливостью; я этого никакъ не могу. Не мучьтесь; я поддержу вашу фамилію. Впрочемъ, я не желаю вовсе приласкивать васъ. Меня вынудятъ сдѣлать еще не мало странныхъ вещей и притомъ самымъ естественнымъ образомъ. Если я соглашусь на то, — я буду боготворима, если же нѣтъ, то, право, я не знаю, что можетъ еще случиться. Если вамъ скажутъ, что среди войскъ происходятъ новыя движенія, то знайте, что это слѣдствіе излишка любви ихъ ко мнѣ, которая становится уже мнѣ въ тягость. Войска опасаются, чтобы со мною чего-либо не приключилось; каждый выходъ мой изъ комнатъ сопровождается привѣтствіями. Вообще, это восторгъ, походящій на энтузіазмъ временъ Кромвеля... У меня нѣтъ вашего шифра, такъ какъ нѣтъ къ нему ключа, который затерялся въ критическія времена. Кланяйтесь вашему семейству и пишите ко мнѣ какъ можно только для васъ рѣже, или лучше вовсе не пишите, безъ надобности, особенно же безъ іероглифовъ».

Великолѣпіе русскаго двора при Екатеринѣ Великой, по словамъ сочинителя «Историческихъ чертъ и навѣстій, касающихся до жизни и правленія императрицы Екатерины II», сообщенныхъ въ «Архивѣ князя Воронцова»,— доходило до такой степени, что эта государыня даже иногда употребляла въ игрѣ, на мѣсто марокъ, брилліанты. Эти марки находились въ маленькихъ золотыхъ ящикахъ и были выдаваемы золотыми ложечками. По окончаніи игры, всякій игравшій получалъ свой выигрышъ и оставлялъ у себя свои призы. Такая вечерняя партія стоила императрицѣ не болѣе 40,000 рублей. Къ такимъ партіямъ приглашались всегда люди, состоявшіе въ милости и которымъ подарокъ, въ 10,000 или 20,000 рублей, по словамъ автора, ничего не значилъ. Любимцы императрицы Екатерины II стоили ей съ 1784 года, по весьма умѣренному и не точно сдѣланному исчисленію, до восьмидесяти двухъ или трехъ милліоновъ рублей. Князь Потемкинъ, до 1791 года, требовалъ невѣроятно большія суммы и получалъ ихъ. Императрица обогатила еще трехъ другихъ любимцевъ съ ихъ фамиліями, изъ которыхъ послѣдній, князь Зубовъ, стоилъ болѣе всѣхъ. Въ придворномъ хозяйствѣ въ Петербургѣ господствовала большая расточительность. О ней можно сдѣлать себѣ понятіе по слѣдующимъ расходамъ: въ ежегодно подаваемыхъ счетахъ выставлялось, что 28,000 р. употреблено на зелень, 18,000 р. на древесный уголь и 144,000 на масло, сливки и молоко. На хозяйство великаго князя Александра Павловича ежегодно показывалось 350 пудовъ сахара, 195 пуд. обыкновеннаго кофея и 95 пуд. лучшаго. Парадная карета великаго князя Александра Павловича стоила 58,000 рублей. На бѣлье и платье новорожденнаго великаго князя Александра Павловича назначено было 25,000 руб. Съ другой стороны недостатокъ въ деньгахъ доходилъ до того, что въ Петергофскомъ маскарадѣ 1791 года парадная лѣстница во дворцѣ не была освѣщена, а императорскіе пажи получили новую парадную одежду только

въ день св. Екатерины въ 1792 году, проносивъ ее 43 года. Одежда эта до того износилась, что на кафтанѣ на ладонь не было порожняго мѣста, гдѣ бы не было заплаты. Въ это время состояло 60 пажей и 11 камеръ-пажей и одежда каждому обошлась императрицѣ въ 700 руб., а всѣмъ въ 49,700 руб.

Переписка саксонскаго резидента въ Петербургѣ, Гельбига, съ Лоссомъ, въ числѣ 29 писемъ, заключаетъ въ себѣ много интересныхъ подробностей о событіяхъ въ Петербургѣ и при дворѣ въ 1790 году. Такъ, Гельбигъ пишетъ, что во время двухдневнаго сраженія при Красной Горкѣ между шведскимъ и русскимъ флотами, бывшаго 23-го и 24-го мая 1790 г., весь Петербургъ былъ въ смятеніи и 500 лошадей были въ готовности для отвоза двора въ Москву, потому что вообще думали, что шведы побѣдятъ. Но вице-адмиралъ Круэъ, несмотря на превосходство силъ шведскаго флота, разбилъ его и принудилъ отступить въ Выборгскій заливъ. Тогдашній оберъ - полицій-мейстеръ Петербурга самовольно предпринялъ, для защиты города, наборъ вольнаго корпуса и уже успѣлъ набрать до 2,500 человѣкъ. Въ этотъ корпусъ сбѣжали у многихъ знатныхъ лицъ Петербурга ихъ крѣпостные люди. Знатные пожаловались императрицѣ на дѣйствія оберъ-полицій-мейстера, въ слѣдствіе сего повелѣно было возвратить имъ ихъ крѣпостныхъ. Но это распоряженіе произвело возмущеніе среди рекрутъ, опасавшихся кары со стороны своихъ господъ. Одни изъ рекрутъ кончили жизнь самоубійствомъ, другіе стали бунтовать, такъ что правительство очутилось въ неловкомъ положеніи.

Гельбигъ сообщаетъ, что, для ускоренія мира со Швеціею, Россія старалась подкупить лицъ, окружавшихъ короля шведскаго, для чего графу Стадіону въ Стокгольмѣ посланъ былъ кредитивъ въ 30,000 руб. и что одною статьею мирнаго трактата императрица Екатерина обѣщала королю шведскому, по заключеніи между ними союзнаго договора, платить ему ежегодно по 500,000 руб. По словамъ Гельбига, императрица согласилась на выдачу этихъ денегъ для того, чтобы на будущее время обезпечить себя отъ этого непостояннаго государя. Отъ 4-го (15-го) октября, по поводу слуховъ о войнѣ между Россіею и Пруссіею, Гельбигъ пишетъ: «Мнѣ кажется, что петербургскій дворъ имѣетъ особую причину избѣгать войны, которая состоитъ въ недостаткѣ денегъ. Находящіеся здѣсь матросы и солдаты при всѣхъ торжествахъ не получали жалованья. Первые, числомъ около 3,000 человѣкъ, отправили за недѣлю назадъ 300 человѣкъ депутатовъ, которые подъ окошками императрицы подняли великій шумъ, и получили въ зачетъ жалованья малую выдачу».

П. У.

Біографія и переписка Генриха Гейне. Составилъ Влад. Чуйко. 16-й т. сочиненій Гейне. Спб. 1882 г.

Всѣмъ извѣстно, какой огромной популярностью пользуется у насъ великій вождь Молодой Германіи, какъ даже посредственнымъ стихотворцамъ и стилистамъ удаются переводы изъ Гейне, до сихъ поръ составляющіе главный контингентъ «стихотвореній» въ толстыхъ и тонкихъ журналахъ: очевидно, въ Гейне есть что-то родственное русскому уму, русской интеллигенціи какъ 50-хъ такъ и 80-хъ годовъ. Мы поэтому искренно порадовались,

узнавъ, что послѣдній 16-й томъ сочиненій Г. Гейне даетъ русской публикѣ біографію почти въ обработкѣ г. Чуйко, человѣка съ нѣкоторымъ литературнымъ именемъ, одного изъ тѣхъ немногихъ нашихъ дѣятелей, которые берутся за неблагодарный трудъ просвѣщать русскую публику иностранной литературой.

Внѣшняя сторона книги и предисловіе нисколько не разочаровали насъ: книга—почтенный томъ въ 684 стр., хорошо напечатанный, съ удачно выбраннымъ и хорошо исполненнымъ портретомъ Гейне. Въ предисловіи г. Чуйко честно и откровенно заявляетъ, что онъ главнымъ образомъ пользовался книгой Штрадтмана (только почему-то выходъ въ свѣтъ этой книги относитъ къ 1874 г. вмѣсто 1869 г.; въ 1874 г. вышло 2-е изданіе), пополняя ее свѣдѣніями изъ другихъ «воспоминаній» и письмами. «Имѣя въ виду русскихъ читателей, говоритъ въ концѣ предисловія г. Чуйко, мы обращали особенное вниманіе на умственную и общественную жизнь Германіи и Европы, такъ или иначе отразившуюся въ произведеніяхъ Гейне». Стало быть, г. Чуйко пояснялъ Штрадтмана въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ послѣдній вскользь говоритъ о такихъ вещахъ, которыя не всякому русскому читателю вполнѣ понятны. Прекрасное намѣреніе, къ сожалѣнію не перешедшее въ исполненіе: при довольно внимательномъ чтеніи первыхъ 300 страницъ книги г. Чуйко и сличеніи ея съ Штрадтманомъ, мы не нашли такихъ поясняющихъ добавленій; напротивъ, намъ рѣзко бросилось въ глаза нѣсколько крупныхъ пропусковъ или неумѣстныхъ сокращеній, напр. выпущена очень интересная и характерная біографія Кампе, а о еврейскомъ союзѣ, извѣстномъ подъ именемъ Молодой Палестины, сказано такъ мало, что отношеніе юнаго Гейне къ единовѣрцамъ остается непонятнымъ читателю. Также очень немного нашли мы прибавокъ изъ не приведенныхъ у Штрадтмана писемъ Гейне и изъ «воспоминаній»; только во 2-й половинѣ книги (стр. 535, 556 и др.) приведено нѣсколько разсказовъ изъ плохой и пошлой книжки княгини Деля-Рокка.

Но это не велика бѣда: г. Чуйко можетъ оправдываться тѣмъ, что онъ дорожилъ мѣстомъ и не находилъ нужнымъ пичкать книгу не интересными письмами только для того, чтобы не сказали, что онъ излагаетъ Штрадтмана. Изложи онъ его одного какъ слѣдуетъ, читатели были бы ему очень благодарны. Къ сожалѣнію, этого-то онъ и не сдѣлалъ, такъ какъ отнесся къ своей задачѣ не позволительно небрежно. Приведемъ примѣры:

Стр. 88. «Политическая буря, приготовлявшаяся во Франціи, въ значительной степени волновала умы въ Германіи (хитро—буря, только готовящаяся въ одной странѣ, уже волнуетъ другую!). Лессингъ писалъ своего «Натана» и «Эмилію Галоти», гдѣ освобождающія идеи играютъ такую значительную роль; въ этомъ же направленіи работалъ Гердеръ, Фихте, Эммануилъ Кантъ. Нѣмецкая молодежь наполняла университеты, встрѣчая съ восторгомъ Гумбольта, Виланда, Тика, Жанъ Поль Рихтера и поклоняясь Гете и Шиллеру. Лессингъ въ своемъ «Лаокоонѣ» показалъ силу анализа, примѣненнаго къ объясненію произведеній искусства; Фридрихъ Шлегель примѣнилъ тотъ же аналитическій методъ къ объясненію Шекспира. Наиболѣе яркое и живое выраженіе этого умственнаго возбужденія можно было встрѣтить въ гостиной Рахиль Варнгагенъ фонъ-Энзе».

О какой эпохѣ здѣсь идетъ рѣчь? Мы рѣшительно недоумѣваемъ. Судя по Лессингу, Виланду, Канту, Шиллеру и Гете,—о 2-й половинѣ прошлаго столѣтія; судя по Шлегелю, Тику—о самомъ началѣ нынѣшняго; судя по

Варнгагенъ фонъ-Энзе—о 20-хъ и 30-хъ годахъ его. Не можетъ же г. Чуйко не знать, что Эмилія Галотти написана прежде Натана, что сказать: «Гердеръ, Фихте и Кантъ» тоже что сказать: Ломоносовъ, Пушкинъ и Кантеміръ, что Тикъ и Виландъ дѣятели совершенно различныхъ эпохъ, что Фридрихъ Шлегель для Шекспира сдѣлалъ гораздо меньше (почти ничего), чѣмъ братъ его Августъ Вильгельмъ Шлегель и т. д. Очевидно, г. Чуйко работалъ по пословицѣ: «за вкусъ не берусь, а горячо состряпаю». Такихъ «горячихъ» тирадъ въ книгѣ довольно много; но есть вещи еще менѣе простительныя: есть мѣста, которыхъ рѣшительно понять нельзя безъ посредства текста книги Штрадтмана. Напримѣръ на стр. 155 говорится: «Гейне никогда не скрывалъ, что ему служили образцами древнѣйшая изъ народныхъ нѣмецкихъ пѣсенъ (не облагодѣтельствуетъ ли г. Чуйко германистовъ, указавъ имъ, какую изъ нѣмецкихъ пѣсенъ слѣдуетъ признать древнѣйшею?) и имѣющія форму народныхъ пѣсенъ стихотворенія новѣйшихъ поэтовъ». Далѣе: «Передо мною, пишетъ (по увѣренію г. Чуйко) Гейне Максимиліану Шотки, часто носились ваши короткія плясовыя австрійскія риемы съ эпиграмматическими окончаніями». Плясовыя короткія риемы, да еще съ эпиграмматическими окончаніями! Это нѣчто такое, чего «не хитрому уму не выдумать и въ вѣкъ» и только стоящія въ текстѣ «Tanzreime» поясняютъ дѣло.

Г. Чуйко такъ механически отнесся къ своей задачѣ сокращать Штрадтмана, что даже не обратилъ вниманія на обертку собственной книги: Штрадтманъ, издававшій біографію Гейне, имѣлъ полное основаніе изложить содержаніе его юношескихъ трагедій; но для чего излагаетъ ихъ по Штрадтману г. Чуйко, издающій 16-й томъ сочиненій Гейне, когда въ 11-мъ тѣ же трагедіи напечатаны въ хорошемъ переводѣ?

Книга испещрена курьезными, крайне затрудняющими чтеніе опечатками, за которыя отвѣтственность должна падать, повидимому, не на типографію, а на редактора. Напримѣръ на стр. 40 Гейне пишетъ сочиненіе на тему: «о цѣнѣ университетскаго образованія», не всякій догадается, что надо читать: о цѣли; на стр. 41, упоминается Сентъ-Галеровская рукопись Нибелунговъ (читай: Сентъ-Галленская); на стр. 163, вмѣсто «обычное у романтиковъ смѣшеніе формъ искусства», напечатано: обычное у романистовъ смѣшеніе; на стр. 184 слово: пробы вмѣсто просьбы придаетъ фразѣ совершенно иной смыслъ, а всю полстраницу лишаетъ всякаго смысла. Объ этихъ существенныхъ опечаткахъ въ концѣ книги не упомянуто ни слова.

Г. Чуйко уклонился отъ скромной задачи перевести Штрадтмана; онъ предпочелъ переработать его для русскихъ читателей. Послѣдніе вънравѣ ожидать параллелей, указаній на то, что дѣлалось въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, въ русской литературѣ. Дѣйствительно, въ 3—4 мѣстахъ книги есть параллели въ родѣ слѣдующей. На стр. 204, указавъ на впечатлѣніе, произведенное на Гейне смертью Байрона, г. Чуйко прибавляетъ: «При этомъ нельзя не вспомнить, что въ то же самое время въ другомъ концѣ Европы, другой великій поэтъ, столь же молодой, нашъ Пушкинъ, служилъ панихиду по Байронѣ. Смерть величайшаго изъ поэтовъ XIX столѣтія глубоко поразила Гейне и Пушкина; они какъ будто чувствовали сродство свое съ нимъ». Слова: какъ будто здѣсь по меньшей мѣрѣ неумѣстны.

Въ старыхъ «Отечественныхъ Записказъ», если не ошибаемся, въ началѣ 50-хъ годовъ, была помѣщена большая статья о Генрихѣ Гейне. Тогда еще

не выходили въ свѣтъ ни переписка Гейне, ни книга Штрадтмана, и авторъ статьи долженъ былъ довольствоваться случайными и малоцѣнными пособіями. Статья, сколько помнимъ, не изъ особенно даровитыхъ, но она составлена обдуманно и внимательно. Не смотря на крайнюю устарѣлость ея, студенту и вообще поучающемуся читателю скорѣе можно рекомендовать ее, чѣмъ прекрасную книгу Штрадтмана въ передѣлкѣ г. Чуйко.

А. К.

Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ, изданы Ю. В. Иверсеномъ, выпуски 1, 2, 3 и 4. Спб. 1878—82.

Въ нашей ученой литературѣ появляются по временамъ сочиненія, имѣющія немаловажное значеніе и остающіяся почти вовсе неизвѣстными читающей публикѣ, также какъ и ихъ авторы. А между тѣмъ и лица эти, и труды ихъ заслуживаютъ полнаго вниманія не только спеціалистовъ, но и всей публики. Археологія и нумизматика принадлежатъ къ такимъ предметамъ, которые не возбуждаютъ интереса въ большинствѣ читателей, но безъ разработки этихъ вспомогательныхъ историческихъ наукъ многія стороны исторіи оставались бы неразъясненными. Нельзя поэтому не отозваться съ глубокимъ уваженіемъ о трудѣ г. Иверсена, начатомъ пять лѣтъ тому назадъ и еще неоконченномъ. Это будетъ единственное, по возможности, полное собраніе русскихъ медалей, такъ какъ въ подобномъ же собраніи, изданномъ археологическою коммисіею, описаны всего 73 медали. Самъ г. Иверсенъ описалъ болѣе 160 медалей въ своемъ сочиненіи «Beitrag zur russischen Medaillen Kunde», но число ихъ гораздо значительнѣе, и потому наше археологическое общество начало издавать, въ приложеніи къ своему журналу, новое описаніе всѣхъ извѣстныхъ медалей и жетоновъ, выбитыхъ въ честь русскихъ дѣятелей, поручивъ трудъ этотъ все тому же извѣстному нумизмату. Трудъ этотъ является и отдѣльнымъ изданіемъ, заключая въ себѣ, кромѣ отчетливо выгравированныхъ медалей, и свѣдѣнія о жизни и дѣятельности лицъ, въ честь которыхъ выбиты медали и жетоны. При сообщеніи этихъ свѣдѣній, часто весьма краткихъ и неполныхъ, по сознанію самого г. Иверсена, прежде всего останавливаешься на множествѣ лицъ, почти совершенно неизвѣстныхъ, и невольно спрашиваешь себя: для чего понадобилось увѣковѣчивать память ихъ медалями и аллегорическими прославленіями ихъ, далеко не громкихъ подвиговъ? Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ оставили послѣ себя даже по нѣсколько медалей, тогда какъ въ память, напримѣръ, Пушкина выбита всего одна въ 1862 году, а при открытіи ему памятника въ 1880 году не позаботились объ увѣковѣченіи этого событія. Въ память Жуковскаго также выбита медаль друзьями только въ годъ его кончины, а празднованіе столѣтняго юбилея дня его рожденія обошлось и безъ медали. Медаль выбита и въ честь Глинки, но не знаменитаго композитора, а какого-то неизвѣстнаго архитектора. Медали Гоголя, Грибоѣдова, Лермонтова, даже Карамзина, предоставляется выбить потомству. Въ коллекціи, описанной г. Иверсеномъ, помѣщены медали не однихъ русскихъ дѣятелей, но и иностранцевъ, имѣвшихъ какія либо отношенія къ Россіи, какъ медаль въ честь Бема, на которой имя его помѣщено рядомъ съ именами Кошута и

Гергея, но послѣднее на медали зачеркнуто, вѣроятно, послѣ сдачи имъ венгерской арміи русскимъ войскамъ. Помѣщены даже двѣ медали въ честь Врублевскаго и Домбровскаго, съ надписью на оборотной сторонѣ: «Парижская коммуна 1871 года». Вообще, иностранцы гораздо усерднѣе насъ стараются увѣковѣчить разныя, даже неимѣющія особеннаго значенія событія. Такъ, въ память десятилѣтія «Колокола», въ Лондонѣ выбили медаль съ весьма схожимъ портретомъ А. И. Герцена на оборотной сторонѣ. Вообще, въ коллекціи г. Иверсена изображено и описано очень много рѣдкихъ и любопытныхъ медалей. До сихъ поръ издано 46 листовъ in folio малаго формата, съ рисунками и описаніемъ 587 медалей, въ алфавитномъ порядкѣ лицъ, до скульптора Теребенева. Біографическія свѣдѣнія объ этихъ лицахъ сообщаютъ только главныя цифры и данныя, относящіяся къ ихъ дѣятельности, но авторъ вездѣ указываетъ, въ примѣчаніи, источники, изъ которыхъ онъ почерпалъ эти свѣдѣнія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ источники эти могли бы быть посвѣжѣе. Такъ, заимствовать свѣдѣнія объ Аракчеевѣ, Пушкинѣ и друг. изъ «Словаря достопамятныхъ людей» Бантыша-Каменскаго, 1836 года, въ наше время уже не приходится.

В. З.

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Опытъ историческаго изслѣдованія С. П. Голубева. Томъ 1-й. Кіевъ. 1883.

Предметомъ послѣдованія г. Голубева взятъ одинъ изъ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ представителей южнорусскаго православія во время борьбы его съ иновѣріемъ и особенно съ польскимъ католицизмомъ. Знатный по происхожденію, сильный своими связями съ могущественными польскими и западно-русскими аристократами, высоко стоящій между современниками по своему уму и образованію,—митрополитъ Петръ Могила совмѣщалъ въ себѣ много данныхъ, обезпечивавшихъ успѣхъ его предпріятій. Эти данныя, въ связи съ лучшими сравнительно условіями тогдашней западно-русской церкви, были главными причинами того, что дѣятельность этого іерарха, всецѣло посвященная на служеніе православію, увѣнчалась послѣдствіями, гораздо болѣе плодотворными, чѣмъ какихъ достигали предшествовавшіе ему ратоборцы. Возвращеніе и укрѣпленіе многихъ, нарушенныхъ чрезъ введеніе уніи, правъ западно-русской церкви, основаніе въ Кіевѣ высшаго учебнаго заведенія, имѣвшаго рѣшительное вліяніе на ходъ образованія не только въ южной, но и сѣверной Руси, возстановленіе изъ развалинъ древнѣйшихъ кіевскихъ храмовъ,—вѣковыхъ памятниковъ народной святыни, исправленіе богослужебныхъ книгъ, очищеніе и систематизація церковной обрядности, изданіе знаменитаго требника, составленіе не менѣе знаменитаго катехизиса,—всѣ эти и многія другія выдающіяся явленія въ исторіи западно-русской церкви или всецѣло, или по преимуществу принадлежатъ эпохѣ могилянской, дѣлая имя Петра Могилы приснопамятнымъ всякому, кому памятны важность и значеніе вѣры и просвѣщенія въ развитіи и охраненіи народной жизни. Настоящій, первый томъ изслѣдованія обнимаетъ сравнительно незначительной періодъ дѣятельности Петра Могилы—до его вступленія на кіевскую митрополію включительно. Бо̀льшую половину 1-го тома составляютъ приложенія документовъ, собранныхъ авторомъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и заграницей, изъ коихъ многіе доселѣ вовсе неизвѣстны были въ русской исторической литературѣ.

Н. П.

Москва. Историческій очеркъ. Составила Агриппина Плечко. Москва. 1883.

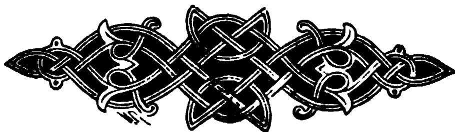
Г-жа Плечко издала по случаю коронаціи книгу, имѣющую косвенное отношеніе къ этому торжественному событію, именно исторію Москвы до основанія Петербурга и перенесенія въ этотъ городъ резиденціи русскихъ государей. Авторъ самъ говоритъ, что очеркъ этотъ, предназначенный для общедоступнаго чтенія, не имѣетъ претензій на значеніе самостоятельнаго изслѣдованія, а представляетъ только изложеніе извѣстныхъ фактовъ, разработанныхъ нашими историками и археологами: Татищевымъ, Карамзинымъ, Погодинымъ, Бѣляевымъ, Соловьевымъ, Успенскимъ, Снегиревымъ, Вельтманомъ, Забѣлинымъ, Мартыновымъ. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, книга вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію: это весьма обстоятельный разсказъ о томъ, кàкъ постепенно разросталась наша первопрестольная столица и чтò въ ней происходило съ эпохи ея основанія и до основанія Петербурга. Историческія событія изложены даже слишкомъ подробно и многія изъ нихъ относятся собственно къ исторіи всего государства, а не его столицы, и авторъ напрасно оправдываетъ эти экскурсіи въ область всеобщей исторіи Россіи постепеннымъ разростаніемъ города, тѣсно связаннаго съ ростомъ самого государства. Строгое разграниченіе этихъ двухъ исторій сдѣлало бы книгу г-жи Плечко менѣе объемистой и болѣе доступной для большей массы читателей. А теперь вниманіе ихъ обременено массою подробностей, не имѣющихъ прямого отношенія къ главной цѣли книги—знакомству съ Москвою. При изложеніи историческихъ событій авторъ преимущественно обращаетъ вниманіе на религіозныя преданія, при описаніи построенія церквей никогда не забываетъ упоминать, съ благословенія какого святителя она построена; разсказываетъ подробно всѣ чудеса Василія Блаженнаго и другихъ святыхъ и пр. Большая половина книги занята описаніемъ событій отъ Бориса Годунова до единовластія Петра I. Собственно топографіи города посвящена одна глава передъ царствованіемъ Алексѣя Михайловича, подъ названіемъ «Общій обзоръ внѣшняго (?) и внутренняго состоянія Москвы въ XVII столѣтіи». При изложеніи царствованія Михаила Ѳеодоровича описаны нравы москвичей и ихъ обычаи — по Олеарію, и самое управленіе царя съ его отцомъ, патріархомъ, названо двоевластіемъ, принесшимъ, конечно, гораздо болѣе совершенные плоды, чѣмъ единоличное правленіе Ивана IV, которому Вассіанъ совѣтовалъ «не имѣть совѣтниковъ мудрѣе царя». Царствованіе Алексѣя Михайловича могло бы быть изложено гораздо подробнѣе—источниковъ для этого не мало. Между тѣмъ, объ отношеніяхъ Москвы къ Западу въ эту эпоху сообщаются очень скудныя свѣдѣнія, а началу театральныхъ представленій посвящено десятокъ строкъ. Стрѣлецкіе бунты разсказаны также въ сжатомъ видѣ, но общее впечатлѣніе, производимое книгою, удовлетворительное, хотя и желалось бы больше живости при передачѣ драматическихъ событій. Въ книгѣ помѣщены два рисунка — царскаго двора Михаила Ѳеодоровича и Кремля при Петрѣ I, да отдѣльно приложены планъ Москвы 1661 года изъ сочиненія Майерберга «Путешествіе въ Московію» и чертежъ древняго Кремля съ XIV по XVIII столѣтіе. Сверхъ того, на оберткѣ книги помѣщено изображеніе большой государственной печати Ивана IV, съ лицевой и оборотной стороны, показывающее наглядно постепенное присоединеніе удѣльныхъ княжествъ къ Москвѣ.

В. З.

Ростовская старина. Изданіе А. А. Титова. Ростовъ. 1883.

Членъ Московскаго Археологическаго Общества А. А. Титовъ, во время исполненія имъ, въ 1880 году, должности предсѣдателя Ростовской земской управы, посѣщалъ, по обязанностямъ службы, многія селенія уѣзда и при этомъ заносилъ въ свою записную книжку все то изъ видѣннаго или слышаннаго на мѣстѣ, что̀ казалось ему достойнымъ вниманія. Эти бѣглыя замѣтки изданы имъ теперь небольшой брошюрой, подъ заглавіемъ: «Ростовская старина». Въ брошюрѣ описаны 124 селенія, съ указаніемъ находящихся въ нихъ церквей и сохранившихся остатковъ древности. Все это изложено довольно сжато, но тѣмъ не менѣе представляетъ хорошій матерьялъ для справокъ, касающихся Ростовскаго уѣзда. Кромѣ того, къ брошюрѣ приложена «Родословная Ростовскихъ князей», по рукописи діакона села Угодичъ, Александра Златоустова, умершаго въ глубокой старости, въ половинѣ настоящаго столѣтія и долгое время бывшаго посошникомъ при извѣстномъ ростовскомъ митрополитѣ Арсеніѣ Мацѣевичѣ. Родословіе заключается въ сухомъ перечнѣ именъ, безъ всякихъ годовъ и поясненій; но въ концѣ перечислена удѣльная собственность князей, что̀ и придаетъ родословію нѣкоторое значеніе.

С. Ш.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Религіозная и расовая ненависть между племенами.—Тисса-эсларскій процессъ.—Книга о Талмудѣ и значеніи этого ученія.—Брошюра о финансахъ Россіи.—Сочиненіе о народахъ Австро-Венгріи.—Обиліе воспоминаній о литераторахъ.—Диккенсъ, какъ драматическій критикъ.—Характеристика Гейне.—Гюго въ молодые годы.—Памфлетъ о Теофилѣ Готье.—Воспоминанія Максима Дюкана.—Цензура при Наполеонѣ III.—Лингвистическія и этнографическія мнѣнія доктора Абеля о русскихъ.—Книга прусскаго маіора о войнѣ съ сосѣдями.—Статья англичанина о царствующей династіи въ Россіи [1]).

СРЕДИ затишья современной европейской политики, прерываемаго только глубокомысленными разсужденіями о готовящейся вспыхнуть враждѣ между племенами, извѣстными своимъ историческимъ антагонизмомъ, вниманіе образованнаго міра привлекло юридическое событіе, вновь засвидѣтельствовавшее о томъ, что между племенами не умерла еще и расовая, религіозная борьба. Снова, какъ въ эпоху дикаго фанатизма, противъ расы, не исповѣдующей религіи Христа, поднялись давно уже знакомыя и только на время смолкнувшія обвиненія въ самомъ отвратительномъ преступленіи. Въ маленькомъ венгерскомъ городкѣ возникъ такъ называемый Тисса-эсларскій процессъ, еще не получившій окончательнаго разрѣшенія на судѣ. Дѣло идетъ все о томъ-же, неоднократно опровергавшемся обвиненіи евреевъ—въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей и примѣшиваніи ихъ крови къ опрѣснокамъ. Въ то время, когда всѣ серьозные мыслители съ негодованіемъ опровергаютъ это чудовищное обвиненіе, судебная власть должна изслѣдовать подробно и безпристрастно всѣ обстоятельства темнаго дѣла, до сихъ поръ клонящіяся къ подтвержденію, что преступленіе дѣйствительно совершилось. Покрайней мѣрѣ если и не найденъ трупъ бѣдной Эсѳири Солимоши,—то сама она исчезла безъ слѣда. Га-

---

[1]) Упомянутыя здѣсь книги получены въ магазинѣ Шмитцдорфа (Невскій, 5).

зеты наполнены изложеніемъ этого процесса, и надняхъ въ Вѣнѣ вышла вторымъ изданіемъ брошюра, посвященная этому предмету. Брошюра носитъ названіе «Кровавое обвиненіе противъ іудеевъ, обсуждаемое съ христіанской точки зрѣнія». Издатель этой любопытной брошюры, вспоминая о прежнихъ преслѣдованіяхъ евреевъ, горячо возстаетъ противъ обвиненія ихъ въ пролитіи христіанской крови. Начиная съ крестовыхъ походовъ, когда фанатизированныя толпы, отправлявшіяся освобождать гробъ Господень при кликахъ «Dio li volt», начинали это освобожденіе съ истребленія евреевъ, жившихъ на Рейнѣ, и вплоть до нашего времени, обвиненіе это никогда не забывалось въ народныхъ массахъ, хотя его постоянно опровергали авторитеты власти и науки. Издатель названной выше брошюры приводитъ мнѣнія этихъ авторитетовъ, во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, начиная съ Тертулліана, папъ: Инокентія IV, Григорія X, Пія VI, монарховъ: Рудольфа Габсбургскаго, императора Фридриха III, Стефана Баторія, Фердинанда II дожа Піетро Мочениго, и кончая свидѣтельствомъ ученыхъ, Мартина Лютера, членовъ лейпцигскаго богословскаго факультета, юристовъ, канониковъ, проповѣдниковъ, профессоровъ, университетскихъ совѣтовъ, епископовъ и даже Ренана. Въ брошюрѣ разсказано дѣло 1715 года, во всемъ похожее на Тисса-эсларское. Всѣ мнѣнія, приводимыя издателемъ, конечно, въ пользу евреевъ, и вполнѣ оправдываютъ ихъ. Между этими мнѣніями особенно любопытны тѣ, въ которыхъ указывается, что въ подобномъ же убійствѣ дѣтей язычники обвиняли христіанъ, въ эпоху преслѣдованія религіи Іисуса, а когда эта религія сдѣлалась господствующею, ея фанатическіе послѣдователи стали обвинять враговъ ея въ томъ же самомъ преступленіи. Въ догматахъ еврейства конечно нѣтъ ничего, что давало бы поводъ обвинять ихъ, но вполнѣ ли доказано, что между евреями нѣтъ ни одной секты, которая допускала бы пролитіе христіанской крови съ религіозной цѣлью? Вѣдь если-бы враги христіанства говорили, что эта религія допускаетъ оскопленіе, это было бы чудовищною нелѣпостью, по отношенію къ христіанству вообще, но вѣдь существуетъ же въ немъ секта, допускающая подобное преступленіе. Почему же не быть чему-нибудь подобному и въ еврействѣ?

— На ряду съ антисемитическимъ движеніемъ въ Германіи появляются, сочиненія и защитниковъ евреевъ. Въ Вѣнѣ же вышла надняхъ защита даже Талмуда, этого ученія новаго еврейства, не имѣющаго уже оттѣнка исключительности, какимъ отличается Мозаизмъ. Когда съ паденіемъ національной независимости евреевъ, усилился религіозный элементъ, занимавшій преобладающее мѣсто въ ихъ литературѣ, народъ-скиталецъ, потерявшій родину, въ немъ одномъ нашелъ опору своей народности. Но долгіе годы плѣна и подчиненія чуждымъ, разноплеменнымъ властителямъ, уничтожили замкнутость этой литературы, ввели въ нее элементы персидскіе, вавилонскіе, эллинизмъ, въ эпоху второго храма—греческую теософію, потомъ римское право, вліяніе котораго явно въ Талмудѣ и Мишнѣ, гдѣ замѣтны слѣды арабской философіи и учености западныхъ племенъ. По сооруженіи второго храма, мѣсто прежнихъ левитовъ и священниковъ заняли софериты «писцы», завѣдывавшіе толкованіемъ писанія «мидрашъ». Составился сводъ юридическо-религіозныхъ предписаній, основанный не только на письменныхъ законахъ Моисея, но и на изустныхъ преданіяхъ (каббала) и названный «галаха». Формулы галахійскаго ученія состояли изъ краткихъ сентенцій, и этимъ отличались отъ Мишны—другого второзаконія евреевъ. Іерусалимскій Талмудъ, появившійся

въ Тиверіадѣ, былъ плодомъ столѣтней дѣятельности палестинскихъ ученыхъ. Вавилонскій Талмудъ, начатый Аше въ Сурѣ и оконченный сыномъ его, завершенъ раввиномъ Абина-бен-Гуна, умершимъ въ концѣ V столѣтія. Это былъ послѣдній изъ коментаторовъ «амораитовъ» Мишны, рѣшеніе которыхъ имѣетъ каноническую силу. Но начальники школъ, гаоны, продолжали объяснять Талмудъ въ примѣненіи къ жизни, издавали новые законы, наказывали за ихъ нарушеніе. Лишенный родины іудеизмъ умышленною темнотою скрывалъ свои мысли. Кромѣ того черезвычайная сжатость языка Талмуда дѣлала загадочными очень многія фразы. Составлявшійся въ теченіи многихъ лѣтъ Талмудъ, какъ и всѣ религіозныя книги, заключаетъ въ себѣ множесто противорѣчій, темныхъ мѣстъ, часто даже не имѣющихъ смысла. Но изданная въ Вѣнѣ брошюра о Талмудѣ отзывается о немъ съ чрезвычайнымъ уваженіемъ, и приводя изъ него нравственные разсказы и сентенціи, становится прямо на еврейскую точку зрѣнія, хотя авторъ брошюры не только христіанинъ, но и цензоръ австрійской канцеляріи, которому былъ порученъ просмотръ и переводъ книгъ на еврейскомъ языкѣ. О своей должности онъ отзывается вездѣ съ глубокимъ уваженіемъ. Любопытно однако, что для прославленія Талмуда іудофильская нѣмецкая печать вадумала издать сочиненіе офиціальнаго лица, Карла Фишера, умершаго еще въ 1844 году и написавшаго свой трактатъ 80 лѣтъ тому назадъ.

— Неблагосклонные отзывы европейской печати о Россіи сводятся болѣе всего къ шаткому положенію нашихъ финансовъ; къ нимъ болѣе всего относится съ недовѣріемъ заграничная журналистика, хотя менѣе всего знакомая съ ихъ настоящимъ положеніемъ. Вѣроятно желаніе познакомить Европу съ этимъ положеніемъ и опровергнуть выводы западной печати побудило г. Рафаловича издать въ Парижѣ брошюру, «Финансы Россіи со времени послѣдней восточной войны» (Les finances de la Russie depuis la dernière guerre d'Orient). Это—довольно обстоятельная оцѣнка нашего денежнаго положенія, хотя и основанная исключительно на офиціальныхъ данныхъ. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что кромѣ сочиненій Леруа-Болье и Мекензи-Уоллеса, да немногихъ статей въ Journal des Débats и Temps, въ газетахъ нѣтъ вѣрныхъ статей о финансахъ Россіи, тогда какъ «послѣднія событія, покушенія нигилистовъ, ужасная смерть императора Александра II, ошибки генерала Игнатьева, имѣли большое вліяніе, на ликвидацію денежныхъ дѣлъ, послѣ восточной войны». Интересующихся нашими финансами очень много въ Европѣ, такъ какъ Германія, Франція, Англія и Голландія имѣютъ на нѣсколько милліардовъ нашихъ долговыхъ обязательствъ. Г. Рафаловичъ разсуждаетъ объ нихъ очень основательно, хотя нѣкоторымъ обстоятельствамъ, вліяющимъ на финансы, приписываетъ преувеличенное значеніе. Такъ, онъ увѣряетъ, «что дѣла ухудшились съ тѣхъ поръ, какъ графъ Игнатьевъ вздумалъ поднять антисемитизмъ въ своей странѣ» (а самъ г. Рафаловичъ не семитическаго-ли происхожденія?). Упадокъ нашего курса, по его мнѣнію, произошелъ отъ того, что нѣмецкіе и англійскіе рентьеры сбыли въ послѣднее время въ Россію же свои бумаги русскаго государственнаго долга. Но авторъ не видитъ причины, почему наши финансы не улучшаются теперь, когда все успокоилось, правительство явно высказало свое миролюбивое настроеніе, когда исчезли всѣ опасенія аграрныхъ волненій, а для политической революціи нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ въ Россіи. Не говоря уже объ арміи, преданной до фанатизма, крестьяне и крупные землевладѣльцы составляютъ

у насъ огромную консервативную партію. Лучшимъ доказательствомъ «спокойствія, служитъ правильное поступленіе податей въ имперіи». Всѣ попытки возбудить рабочій вопросъ были напрасны, какъ это доказалъ Молинари въ Journal des Economistes. Рафаловичъ вполнѣ надѣется, что Россія придетъ къ моральному и матеріальному прогрессу, и что наслѣдникъ Александра II, прозваннаго освободителемъ, заслужитъ титулъ умиротворителя.

— Въ Вѣнѣ издается, съ начала нынѣшняго года, интересное этнографическое и культурно-историческое сочиненіе, подъ названіемъ «Народы Австро-Венгріи». Составленная изъ разноплеменныхъ національностей имперія эта, въ послѣднее время, начинаетъ кажется понимать, что для существованія въ формѣ сильнаго государства, національности эти должны имѣть и одинаковыя гражданскія права, такъ какъ онѣ несутъ одинаковыя государственныя обязанности. Съ цѣлью изученія особенностей этихъ національностей и издается названный выше сборникъ, хотя самое названіе его уже ошибочно въ этнографическомъ отношеніи. Если итальянцевъ, румынъ, и славянъ можно назвать народами Австріи, то ни въ какомъ случаѣ ихъ нельзя причислить къ Австро-Венгріи, такъ какъ венгерцевъ въ имперіи гораздо менѣе, чѣмъ славянскихъ племенъ, и почти столько же, какъ племенъ романской расы. Издатель сборника, Прохаска, причисляетъ къ мадьярамъ только языговъ, кумановъ и секлеровъ, и посвящаетъ имъ одинъ томъ своего изданія, тогда какъ описаніе славянъ занимаетъ четыре тома. Въ послѣднее время вышли монографіи: чеховъ (Czecho-Slaven, какъ ихъ называетъ Прохаска), поляковъ и русскихъ, словенъ, хорватовъ, юго-славянъ въ Далмаціи, Южно-Венгріи, Босніи и Герцеговинѣ. Характеристика поляковъ представлена недавно умершимъ краковскимъ профессоромъ Шуйскимъ, и отличается, кромѣ восторженнаго патріотизма, восхваленіемъ аристократической Польши со всѣми ея ошибками и злоупотребленіями. Племена чешское и моравское описаны менѣе тенденціозно, хотя въ культурномъ отношеніи поставлены гораздо ниже нѣмецкаго. Но покрайней-мѣрѣ отдана справедливость чешской литературѣ, а народныя пѣсни и преданія чеховъ не приписаны другимъ націямъ, какъ сдѣлалъ это Шуйскій, приписавъ полякамъ многія сказки, повѣрья и пѣсни галицкихъ русскихъ, или какъ онъ ихъ называетъ рутеновъ.

— Въ послѣднее время вышло очень много разнаго рода воспоминаній о литературныхъ знаменитостяхъ: Диккенсѣ, Гюго, Гейне. Теофилѣ Готье и др. Диккенса, какъ драматическаго критика, разбираетъ Деттонъ Кукъ въ «Longmans magazine». О Диккенсѣ какъ о романистѣ существуетъ много изслѣдованій, но какъ критикъ, какъ драматическій писатель, онъ мало замѣчателенъ, несмотря на то, что его романы изобилуютъ драматическими эфектами. Онъ написалъ одну, довольно слабую драму и три незначительныхъ фарса. Но въ романахъ своихъ онъ нерѣдко гонялся за сценическими эфектами, и иногда впадалъ въ преувеличеніе. Онъ часто, какъ говоритъ Кукъ, накладывалъ на свои созданія слишкомъ много румянъ и бѣлилъ, какъ будто они должны были дѣйствовать передъ театральной рампой. Извѣстно, что онъ въ молодости хотѣлъ сдѣлаться актеромъ, и не разъ игралъ на маленькихъ лондонскихъ театрахъ. Онъ мастерски также читалъ свои произведенія, и эти чтенія имѣли огромный успѣхъ въ Англіи и Америкѣ. На нихъ нерѣдко онъ прибѣгалъ къ сценическимъ пріемамъ, и являлся скорѣе какъ актеръ, нежели какъ авторъ. Кукъ описываетъ подробно подвиги его на сценѣ: онъ преимущественно появлялся въ комедіяхъ и подражалъ извѣстному актеру

Матьюсу, котораго считалъ величайшимъ артистомъ, не ниже Гаррика, съ чѣмъ совершенно соглашался и Маколей. Впослѣдствіи онъ сталъ восторгаться Фредерикомъ Леметромъ, и пробовалъ выходить въ его роляхъ. Какъ драматическій критикъ Диккенсъ находилъ французскую трагедію нелѣпою и тяжелою; не менѣе рѣзко относился онъ и къ драматическимъ пословицамъ, бывшимъ тогда въ большой модѣ; о Рашели онъ былъ не высокаго мнѣнія, игру Ристори называлъ безнадежно плохой. Сужденіямъ его нельзя впрочемъ вполнѣ довѣрять; сначала онъ находилъ въ Плеси огромный талантъ и изумительную простоту, а спустя 25 лѣтъ патетически замѣчалъ: «да избавитъ насъ Господь отъ механической искуственности Плеси». Болѣе другихъ пользовались его одобреніемъ Роза Шери, Дежазе и Лафонъ. Диккенсъ выходилъ изъ себя, когда бездарные спекулянты, передѣлывали его романы для сцены. При первомъ представленіи «Оливера Твиста» на Соррейскомъ театрѣ, онъ пришелъ въ такое отчаяніе отъ нелѣпаго искаженія своего романа, что послѣ первой сцены легъ на полъ въ ложѣ, и пролежалъ до конца акта. Извѣстный біографъ Диккенса, Форстеръ говоритъ однако, что передѣлки «Давида Коперфильда», «Варнаби Роджа», и «Битвы жизни» доставили ему много удовольствія. Эту послѣднюю пьесу онъ самъ ставилъ на сцену, и на репетиціяхъ игралъ за всѣхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы.

— Интимныя воспоминанія о Гейнрихѣ Гейне издалъ одинъ изъ близкихъ друзей его, Александръ Вейль. Личность великаго поэта является далеко непривлекательною въ этихъ воспоминаніяхъ, отличающихся уже черезчуръ откровенными подробностями о частной жизни Гейне. Такъ, авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ анекдотамъ о томъ, какъ Гейне не разъ билъ свою жену, не отличавшуюся также кротостію и добротою. Въ Матильдѣ Гейнѣ не было ничего привлекательнаго, кромѣ красоты, но это недавало права поэту обращаться съ нею грубо и безчеловѣчно; такого обращенія съ женщиною нельзя простить поэту, и скорѣе можно извинить Матильду, когда она ударила кулакомъ доктора Веттеймера, замѣтившаго, что за больнымъ поэтомъ худо ухаживаютъ.

— Другого знаменитаго поэта, Виктора Гюго, Эдмондъ Бире изображаетъ въ его ранней молодости до 1830 года. Поэтъ былъ также драматическимъ критикомъ и 17-ти лѣтъ писалъ театральныя рецензіи въ газетѣ «Le conservateur littéraire». Первый фельетонъ его, въ декабрѣ 1819 года, посвященъ комедіи Скриба «La Somnambule», которую Гюго очень хвалитъ. Сохраненіемъ этихъ юношескихъ критическихъ попытокъ великаго поэта ограничивается значеніе весьма плохо составленной, хотя и обширной книги Бире, и во многихъ мѣстахъ книга его. смахиваетъ на памфлетъ.

— Такимъ-же тономъ пасквиля, да еще и ретрограднаго, отличается книга Николардо: «Непогрѣшимый Теофиль Готье». Отдѣлавъ уже въ своемъ предъидущемъ сочиненіи Сент-Бева, Николардо топчетъ въ грязь ненавистнаго ему послѣдователя святотатственнаго романтизма. Вотъ главная тэма литературныхъ сужденій автора: «революція въ идеяхъ возбуждаетъ и революцію дѣйствій, за энциклопедіей слѣдуетъ конвентъ. Гильотина Сансона прямая наслѣдница богохульниковъ Вольтера и Дидро. Революція въ слогѣ порождаетъ коммуну; за бредомъ поэтовъ слѣдуютъ поджоги петролейщицъ; романтики, намѣренно или нѣтъ, произвели коммунаровъ». Полагаемъ, что подобныя самобытныя мысли не требуютъ опроверженія. Что же касается до сужденія

автора о поэтѣ, то, вмѣсто разбора его произведеній, авторъ разсказываетъ объ немъ скабрезныя подробности.

— О другихъ, не столь извѣстныхъ писателяхъ сообщаетъ много любопытныхъ свѣдѣній Максимъ Дюканъ, во второмъ томѣ своихъ «Воспоминаній», гдѣ помѣщены весьма удачныя характеристики Мериме, Флобера, Жераръ де-Нерваля, Луи-Булье, Филоксена Бойе, Боделера и др. Особенно интересны подробности, относящіяся къ цензурному гнету эпохи второй имперіи, запрещавшей всякія осужденія политики правительства, и сочинившей знаменитую систему предостереженій, при которой невозможно развитіе сколько нибудь либеральной мысли. Имперія боялась оппозиціи не только въ политикѣ, но и въ литературѣ, и, понимая ея вліяніе на общество, старалась переманить на свою сторону болѣе популярныхъ писателей. Чтобы противодѣйствовать растлѣвающему вліянію цезаризма, Максимъ Дюканъ основалъ съ Луи Кормененомъ «Revue de Paris». Съ первыхъ же нумеровъ, новый журналъ подвергся преслѣдованію. Отвѣтственный редакторъ его Лоранъ Пиша, Флоберъ и типографщикъ были обвинены въ оскорбленіи общественной нравственности и религіи, за помѣщеніе романа «Госпожа Бовари». По счастію, во Франціи журналъ нельзя остановить административнымъ порядкомъ, и подсудимые были оправданы, даже въ судѣ полиціи исправительной; но журналъ все-таки былъ запрещенъ, за «вредное направленіе», послѣ покушенія Орсини. Авторъ разсказываетъ много анекдотовъ, относящихся къ цензурѣ, придирки которой простирались до того, что она запрещала даже неодобрительные отзывы объ актрисахъ, стоявшихъ въ близкихъ отношеніяхъ къ министрамъ и высокопоставленнымъ лицамъ. Въ особенности система предостереженій возбуждала негодованіе всей Франціи.

— Россіею западная Европа продолжаетъ заниматься по прежнему, причемъ конечно не обходится безъ обвиненій, и безъ дикихъ теорій, относящихся къ нашему прошедшему. На дняхъ вышла книга ученаго англійскаго доктора Абеля по части сравнительной филологіи, носящая названіе «Slavic and latin». Это опять повтореніе знаменитой теоріи пана Духинскаго, о туранскомъ происхожденіи русскихъ. Племена, которыя въ 861 году покорилъ шведъ Рюрикъ, были славянскія, но при его преемникахъ пришли во владѣнія его еще другія племена финско-татарскаго происхожденія, и завоеватели назвали всѣхъ своихъ подданныхъ шведскимъ именемъ, «Русь» что значитъ пловцы. Финскія племена преобладали и тогда, когда стали называться московитами. Русскими стали они называться черезъ 250 лѣтъ послѣ основанія Москвы, и это потому, что, завоевавъ въ то время часть Польши, хотѣли скрыть свое финское происхожденіе. Для подтвержденія этой теоріи, авторъ даже ссылается на Нестора, строго различающаго туранское племя Москвы отъ арійскаго Кіева. Докторъ Абель утверждаетъ, что финно-татаро-монгольскія племена европейской Россіи говорятъ каждое своимъ нарѣчіемъ, только съ примѣсью славянскихъ словъ. Высшіе классы говорятъ по-славянски, но низшіе сохранили свой языкъ. Славянъ во всей Россіи авторъ насчитываетъ только 15 милліоновъ а финно-татаръ до сорока. Органы нѣмецкой періодической печати рекомендуютъ книгу Абеля, какъ матеріалъ для изученія великой сосѣдней имперіи царей, особенно въ виду того, что съ этой имперіею имъ предстоитъ рано или поздно неизбѣжная и грозная борьба. Это доказываетъ маіоръ прусскаго генеральнагс штаба Кольмаръ фон-дер-Гольцъ въ своей книгѣ «Вооруженный народъ». Этимъ именемъ маіоръ

называетъ современную армію, употребляя всѣ усилія, чтобы найти въ ней нравственный элементъ, доказать воздѣйствіе нравственной личности воиновъ на ходъ событій, и вліяніе войны на моральную сторону войска. Авторъ находитъ между прочимъ совершенно логичнымъ призваніе въ армію самыхъ молодыхъ классовъ населенія, такъ какъ «только юность легко разстается съ жизнью». Но, сознавая, что звѣзда молодой германской имперіи взошла только недавно, и что нѣмцы не достигли еще настоящей высоты, авторъ предсказываетъ имъ грозную борьбу за существованіе и величіе Германіи. Предстоитъ не война между арміями, а борьба на жизнь и смерть между народами. «Колоссальны будутъ арміи, но еще колоссальнѣе будутъ бѣдствія, которыя онѣ создадутъ на своемъ пути». Ставя на первый планъ нравственныя и интеллектуальныя силы арміи, Гольцъ приходитъ къ заключенію, что успѣхъ въ борьбѣ, однѣ и тѣ же качества обезпечиваютъ какъ за отдѣльнымъ лицомъ, такъ и за цѣлою арміею. Написанная не исключительно для военныхъ, а для всего нѣмецкаго народа, книга эта выражаетъ современное настроеніе всѣхъ мыслящихъ людей въ Германіи, гдѣ борьба съ славянскимъ племенемъ давно уже считается историческою необходимостью. Но если успѣхъ въ этой борьбѣ будетъ на сторонѣ того народа, который сражается за свою независимость, и если въ этомъ народѣ возбудится самоотверженіе, то возьметъ ли верхъ германская раса, это еще вопросъ трудно разрѣшимый, при современномъ положеніи дѣлъ.

— Изъ англійскихъ журналовъ, въ іюньской книжкѣ «Harper's Monthly Magazine» помѣщена статья подъ названіемъ «Романовы», претендующая на ознакомленіе Европы съ русскою исторіею, во время правленія царствующей нашей династіи. Послѣ статей о Россіи Мекензи Уоллеса, Ральстона и др. лицъ, основательно изучившихъ наше отечество, статья неизвѣстнаго автора въ одномъ изъ лучшихъ иллюстрированныхъ англійскихъ изданій, не отличается ни полнотою, ни даже правдивостью свѣдѣній. Начинается она съ оцѣнки характеристики Іоанна IV, и болѣе всего говоритъ о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Англіею въ его время. Авторъ отвергаетъ сравненіе Іоанна Грознаго съ Генрихомъ VIII и допускаетъ между ними сходство только въ томъ, что оба имѣли больше женъ, чѣмъ это допускается по обрядамъ ихъ церкви. Въ царствованіе Бориса Годунова болѣе всего говорится о его сношеніяхъ съ королевою Елизаветою. Эпохѣ самозванцевъ посвящено нѣсколько строкъ. Въ избраніи Михаила Романова автора болѣе всего удивляетъ, что на самодержавный тронъ возводило представительное собраніе всѣхъ сословій въ государствѣ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича болѣе всего обращено вниманіе на то обстоятельство, что этотъ царь, послѣ казни Карла I, предлагалъ Карлу II помощь людьми и деньгами, для возведенія его на престолъ. При этомъ авторъ напоминаетъ, что еще Іоанъ Грозный писалъ Елизаветѣ англійской, что каждый монархъ, въ минуты бѣдствія, имѣетъ право искать убѣжища во владѣніяхъ другого монарха, «обстоятельство которое современнымъ англичанамъ, показалось-бы одностороннимъ», канъ говоритъ авторъ. Царствованіе Петра I очерчено весьма слабо. О послѣдующихъ царствованіяхъ до Петра III сказано очень мало. Что говорится о Екатеринѣ II и Павлѣ I мы не знаемъ, но должно быть тутъ приведено еще болѣе ложныхъ свѣдѣній, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ статьи вырѣзаны и замараны цѣлыя страницы. Статья оканчивается нѣсколькими строками о царствованіи Николая I, причемъ авторъ замѣчаетъ,

что ни одинъ изъ правителей Россіи не походилъ на своего предшественника. Такъ, Павелъ не былъ похожъ на свою мать Екатерину, а Александръ I не походилъ на своего отца Павла. Николай не былъ похожъ на своего брата Александра, а Алексанръ II—на своего·отца Николая. Въ статьѣ помѣщено 11 портретовъ рускихъ царей, начиная съ Іоанна Грознаго. Всѣ они исполнены прекрасно, но отличаются чисто фантастическимъ характеромъ. Грозный, Михаилъ Ѳедоровичъ, Алексѣй Михайловичъ (изображенный въ какой-то небывалой шапкѣ съ кисточкой) не имѣютъ по типу рѣшительно ничего общаго съ достовѣрными портретами этихъ лицъ. Портреты Екатерины I, Анны, Елизаветы—очень красивы, но совершенно невѣрны. Портреты Петра I, и Николая I сдѣланы съ очень плохихъ оригиналовъ. Лучше другихъ портреты Петра II, Петра III и Екатерины II.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Губернаторское опи аніе Выгорѣцкаго общежительства.

РЕСТЬЯНЕ Даниловской волости, Повѣнецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи, въ 1864 году, подали министру внутреннихъ дѣлъ прошенія, въ которыхъ жаловались на разныя притѣсненія со стороны мѣстныхъ, главнымъ образомъ духовныхъ, властей и ходатайствовали о разрѣшеніи имъ отправлять богослуженіе согласно правиламъ и уставамъ «старой вѣры». Завязалась переписка. Министръ сдѣлалъ по этому поводу запросъ олонецкому губернатору. Послѣдній въ особомъ секретномъ донесеніи отъ 12-го іюня за № 156 подробно изложилъ сущность дѣла, послужившаго поводомъ для жалобъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ краткій очеркъ исторіи Даниловскаго общежитія, къ которому принадлежали просители. Приводимъ здѣсь этотъ «очеркъ» съ буквальною точностію.

«Изъ дѣлъ моей канцеляріи видно,—писалъ губернаторъ—что въ концѣ XVII столѣтія раскольниками безпоповщины: бывшимъ дьячкомъ Шунгскаго погоста Даниломъ Викулинымъ и братьями Андреемъ и Симеономъ Денисовыми (изъ рода князей Мышецкихъ) было основано, посреди дремучихъ лѣсовъ Повѣнецкаго уѣзда, при рѣкѣ Выгѣ и Лексѣ, такъ называемое Выгорѣцкое общежительство, состоявшее изъ двухъ лже-монастырей Даниловскаго и Лексинскаго. Стараніями вышеназванныхъ Денисовыхъ оба раскольничьи монастыря стали вскорѣ процвѣтать.

«Эмисары, разосланные по цѣлой Россіи, распространяли догматы безпоповщины, обработанные Денисовыми въ строгую систему, и пріобрѣли для монастырей множество соревнователей и жертвователей. На пожертвованныя деньги была устроена большая библіотека изъ древнихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, пріобрѣтено множество дорогихъ и старинныхъ иконъ, крестовъ напрестольныхъ и богатой утвари, заведены школы для обученія дѣтей обоего пола грамотѣ и учреждены больницы для призрѣнія престарѣлыхъ раскольниковъ и для пользованія больныхъ.

«Въ видахъ обезпеченія монастырскаго продовольствія, было куплено

Денисовыми и ихъ преемниками множество пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель въ Повѣнецкомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ, такъ что въ одной окружности общежительства находилось до 14-ти пашенныхъ дворовъ или приказовъ, въ мѣстахъ изобилующихъ покосами и удобными для запашки хлѣба. Въ Пигматкѣ была у раскольниковъ пристань для судовъ и выгрузки товаровъ, а въ Каргопольскомъ уѣздѣ была устроена въ селеніи Чаженскомъ какъ бы ферма, которая распоряжалась 13,078 десятинами земли и выкармливала значительное количество рогатаго скота.

«О средствахъ Данилова и Лексы можно составить понятіе потому, что еще въ 1835 году вымолачивалось до 4,000 четвертей на принадлежавшей раскольникамъ мукомольной мельницѣ, за продажу мѣдно-литныхъ крестовъ выручалось до 5,000 рублей, а весь доходъ общежительства простирался до 200,000 рублей.

«При такихъ доходахъ раскольники могли содержать въ своемъ общежительствѣ до 1,027 душъ мужскаго пола и 1,829 душъ женскаго въ 1833 году и до 800 душъ обоего пола въ 1853 году.

«Но послѣ мѣръ, принятыхъ къ ослабленію раскола со второй четверти текущаго столѣтія и въ особенности съ 1855 года, и сила и значеніе и богатство такъ называемыхъ общежительствъ обратились въ преданіе далекой старины. Такъ называемые монастыри обращены въ селенія государственныхъ крестьянъ; часовни и моленныя уничтожены, переведены въ вѣдѣніе епархіальнаго вѣдомства или закрыты; въ теченіи послѣдняго десятилѣтія закрыто таковыхъ болѣе пятидесяти.

«Съ 1855 года проживавшіе въ Даниловѣ и Лексѣ приписные раскольники и раскольницы возвращены на мѣста ихъ приписки по ревизіи; въ оба селенія переселено значительное число православныхъ переселенцевъ изъ Псковской губерніи; надъ раскольниками, оставшимися въ бывшихъ монастыряхъ, учрежденъ неослабный полицейскій присмотръ: всякія попытки къ возобновленію тамъ публичнаго богомоленія по расколу были строго останавливаемы; за всѣми пріѣзжими въ Даниловъ и Лексу поручено неослабно наблюдать мѣстной полиціи, а выдача паспортовъ самимъ даниловскимъ и лексинскимъ раскольникамъ такъ ограничена, что вліятельнѣйшіе изъ сектаторовъ почти никогда не отлучались изъ мѣстъ ихъ жительства. Иконы стараго письма, старопечатныя и рукописныя книги, захваченныя въ часовняхъ, моленныхъ или въ домахъ выголексинскихъ раскольниковъ, или переданы въ вѣдѣніе епархіальнаго начальства или же препровождены въ мѣстную духовную консисторію. Большая часть земель, угодій, зданій и построекъ, принадлежащихъ прежде раскольничьимъ общинамъ, въ настоящее время уже не принадлежитъ имъ.

«Результатомъ таковыхъ мѣропріятій было то, что въ настоящее время нѣтъ уже ничего похожаго на раскольничьи монастыри, а есть два селенія государственныхъ крестьянъ, въ которыхъ проживаетъ между прочимъ населеніемъ до 180 явныхъ раскольниковъ обоего пола (въ Даниловѣ 3 души мужскаго пола и 84 души женскаго, въ Лексѣ—4 души мужскаго пола и 89 душъ женскаго). Зданія, въ которыхъ помѣщаются эти сектаторы, совершенно ветхи и съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе ветшаютъ и приходятъ въ упадокъ. Изъ означеннаго числа до 14-ти престарѣлыхъ женщинъ призрѣваются въ особомъ домѣ, замѣнившемъ обветшавшую больницу и 23 души призрѣваются въ такъ называемомъ лексинскомъ богадѣльномъ.

«Въ концѣ 1857 и началѣ 1858 года, по распоряженію бывшаго олонецкаго гражданскаго губернатора, генералъ-маіора Волкова, была запечатана моленная въ домѣ даниловскаго крестьянина Степана Иванова, такъ какъ возникло подозрѣніе, что въ моленной этой совершалось общественное богомоленіе по расколу; находившіяся тамъ иконы въ богатыхъ серебряныхъ окладахъ были отобраны и въ ноябрѣ 1857 года переданы епархіальному начальству; подробный ходъ дѣла, возникшаго по сему поводу, изложенъ въ донесеніяхъ моихъ вашему высокопревосходительству отъ 23-го ноября 1862 года за № 131 и 132 [1]) и 9-го апрѣля 1865 г. за № 69.

«Оставаясь при прежнемъ заключеніи, что означенная образная комната никогда не считалась общественной моленной и что отобранныя у Степана Иванова иконы составляли его личную собственность, или же отчасти были завѣщаны ему бывшимъ большакомъ на правѣ пожизненнаго владѣнія, безъ всякихъ ограниченій, я почитаю возвращеніе этихъ иконъ, вмѣстѣ съ богатыми окладами, къ нимъ принадлежавшими,—дѣломъ строгой и даже необходимой справедливости.

«Что касается до дозволенія раскольникамъ даниловской секты совершать богослуженіе по стариннымъ обрядамъ, то не смѣю брать на себя разрѣшенія этого вопроса, находящагося въ связи съ высшими государственными видами и соображеніями. Беру на себя смѣлость только изъяснить, что Даниловскій толкъ изъ всѣхъ безпоповскихъ есть наиболѣе мирный и близкій къ такъ называемой безпоповщинѣ. Даниловцы со времени извѣстной коммисіи Самарина молятся за государя императора (за что и навлекли отъ прочихъ сектаторовъ прозвище **самарянъ**) и безпрекословно исполняютъ предписанія мѣстнаго начальства.

«Даниловцы допускаютъ бракъ по благословенію родителей и согласію брачущихся. Наконецъ секта эта, отличающаяся трудолюбіемъ и втеченіи полуторыхъ столѣтій превратившая пустыни и болота Повѣнецкаго края въ поселенія, пропитывающія нынѣ болѣе 20,000 душъ обоего пола, не выказываетъ фанатизма въ распространеніи своихъ понятій о вѣрѣ, такъ что въ почти двухлѣтнее мое управленіе Олонецкой губерніею производилось не болѣе четырехъ дѣлъ о совращеніи православныхъ въ расколъ Даниловскаго толка.

«Въ заключеніе позволяю только присовокупить еще, что считаю полезнымъ дозволить тамъ немногимъ раскольникамъ и раскольницамъ, которые еще проживаютъ до сихъ поръ въ Даниловѣ и Лексѣ, получать паспорты и свободно разъѣзжать, куда пожелаютъ, по своимъ торговымъ или семейнымъ дѣламъ. Расколъ отъ этого не усилится, а скорѣе совсѣмъ изчезнетъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, ибо теперь, сидя почти въ заточеніи, эти послѣдніе представители безвозвратно минувшаго могущества Даниловской секты являются въ глазахъ окрестнаго населенія какою-то силою, которой правительство опасается, и мучениками за вѣру.

«Ненависть мѣстнаго духовенства къ раскольникамъ, его мелочныя придирки ко всякому незначительному случаю—только отдаляютъ сектаторовъ отъ единенія со св. церковью. Не фанатизмъ, не изступленная привязанность къ догматамъ раскола, а неуваженіе къ священникамъ—вотъ истинная причина жизненности раскола въ здѣшней губерніи».

Сообщено **А. С. Пругавинымъ**.

---

[1]) № 132—конфиденціально и совершенно секретно.

СМѢСЬ.

Церковные юбилеи. — Послѣ военныхъ юбилеевъ, о которыхъ мы отдали отчетъ въ прошлой книжкѣ нашего журнала, въ Россіи праздновались три церковныхъ юбилея: 25-тилѣтній Исаакіевскаго собора, полуторасталѣтній собора Петропавловской крѣпости, и пятисотлѣтній Тихвинской иконы. Первая церковь во имя Исаакія Далматскаго, день празднованія котораго совпадаетъ со днемъ рожденія Петра I, была заложена въ 1703 году, на мѣстѣ нынѣшняго фонтана въ Александровскомъ саду противъ Гороховой, и открыта для богослуженія въ 1710 году. Въ этой церкви, 19-го февраля 1712 года, царь обвѣнчался съ Екатериною Алексѣевною. Это былъ бѣдный, далеко не величественный храмъ, просуществовавшій всего 7 лѣтъ. Въ 1717 году было выбрано болѣе видное мѣсто на берегу Невы, тамъ, гдѣ теперь воздвигнутъ памятникъ Петру I, и выстроена каменная церковь въ формѣ креста, 28 саж. длины, и до 12 саж. въ поперечномъ концѣ. На куполѣ былъ высокій шпицъ съ позолоченнымъ крестомъ. На колокольнѣ были поставлены знаменитые амстердамскіе часы, которые, въ настоящее время, помѣщены на колокольнѣ собора Петропавловской крѣпости. Въ маѣ 1735 года церковь эта сгорѣла отъ молніи, и хотя была поправлена впослѣдствіи, но не имѣла уже прежняго вида. Екатерина II положила воздвигнуть зданіе, достойное преобразователя Россіи, и въ 1768 году, на мѣстѣ нынѣшняго собора, начата была постройка большого пятиглаваго храма изъ мрамора; она производилась медленно, и къ концу царствованія Екатерины доведена была только до карниза. Павелъ I приказалъ уменьшить размѣры верхнихъ частей храма и докончить его изъ кирпича. Въ 1802 году этотъ соборъ былъ торжественно освященъ при Александрѣ I. Черезъ 14 лѣтъ въ храмѣ оказалась такая сырость, что со стѣнъ и сводовъ стала валиться огромными кусками штукатурка. Поэтому богослуженіе прекратилось, и причтъ Исаакіевскаго собора переведенъ въ зданіе Адмиралтейства, при церкви котораго устроенъ особый придѣлъ во имя Исаакія Далматскаго. Въ 1818 году Александръ I велѣлъ снова перестроить храмъ, который вполнѣ отвѣчалъ бы своему назначенію. Былъ принятъ планъ извѣстнаго архитектора Монферана, предположившаго значительно увеличить соборъ, устроивъ надъ нимъ большой куполъ, и четыре маленькихъ. Черезъ два года послѣ начатія ра-

ботъ, они были остановлены, и возобновлены только при Николаѣ I, который измѣнилъ планъ собора, приказавъ вокругъ большого купола, вмѣсто маленькихъ куполовъ, устроить четыре колокольни, а восточную и западную часть собора увеличить и украсить портиками. Вмѣсто бѣлаго ревельскаго камня, назначеннаго для облицовки храма, Николай приказалъ употребить сѣрый мраморъ, а для колоннъ гранитъ. Строившійся во все время царствованія Николая I храмъ былъ оконченъ и освященъ въ 1858 году. Общая стоимость собора доходитъ до 23 милліоновъ, на 8 мил. дороже храма Спасителя въ Москвѣ. Исаакіевскій соборъ, въ настоящее время славится великолѣпіемъ, роскошью и богатствомъ многочисленныхъ художественныхъ произведеній, исполненныхъ нашими лучшими живописцами. Въ числѣ иконъ замѣчателенъ образъ Спасителя, писанный въ XVII столѣтіи и принадлежавшій Петру I. Эту икону пожертвовалъ храму Александръ II, украсивъ ее драгоцѣнными бриліантами. По случаю 25-тилѣтняго юбилея собора, староста его, г. Богдановичъ, издалъ подробное описаніе храма и всѣхъ его достопримѣчательностей. Приводимъ нѣкоторыя цифры и данныя.

Длина Исаакіевскаго собора, отъ востока къ западу, включая ступени 52 саж. 12 вершк.; ширина—47 саж. и 2½ аршина; высота съ крестомъ—47 саж. 2 арш., такъ что онъ выше колокольни Ивана Великаго, высота которой, отъ земли до оконечности креста,—46 саж. 1½ аршина. Фундаментъ собора устроенъ изъ сплошной подо всѣмъ зданіемъ массы гранита и плиты. Снаружи фундаментъ обложенъ цоколемъ изъ краснаго финляндскаго гранита; устройство его продолжалось 5 лѣтъ и стоило 2½ мил. руб. ассигнаціями. Портики поддерживаются колоннами, высѣченными изъ цѣльнаго гранита. Каждая колонна имѣетъ высоту 7 саж. 2 арш. и 2½ вершка; въ нижнемъ діаметрѣ 2 аршина и 8½ вершковъ, а въ окружности 7 арш. 14 вершк. Вѣсъ каждой колонны 8,000 пудовъ. Выломка, доставка, отдѣлка и постановка 48 колоннъ въ портикахъ стоила 2.600,000 руб. Стѣны собора сложены частью изъ кирпича, частью изъ гранита и разнаго рода плитъ. Толщина стѣнъ 4 аршина. Въ соборъ ведутъ три большихъ двери: съ сѣвера, юга и запада, и четыре малыхъ, устроенныхъ въ нишахъ. Эти двери вылиты изъ бронзы и укрѣплены на дубовой основѣ. Крыша—мѣдная, позолоченная; стоитъ ½ милліона руб. Надъ крышей возвышается громадный куполъ съ 24 окнами. На самой вершинѣ купола устроенъ фонарикъ, а надъ нимъ водруженъ крестъ, кажущійся отъ земли малымъ, на самомъ же дѣлѣ въ нѣсколько разъ превосходящій ростъ человѣка. Съ фонарика видны: Кронштадтъ, Петергофъ, Стрѣльна, Красное Село, Пулково, Гатчино и т. д. Колоколовъ въ соборѣ одиннадцать, вѣсъ ихъ 4,349 пудовъ; самый большой въ 1,860 пуд. 23 ф., кромѣ языка, который вѣситъ 49 пуд. 29 фунтовъ. Звуки этого колокола заглушаютъ звонъ колоколовъ другихъ храмовъ Петербурга. Свѣтъ проникаетъ въ соборъ черезъ 21 окно: въ нижней части 9 оконъ; высота каждаго 4 саж. 1 арш. 2 вершка, ширина—1 саж. 1 арш. 14 вершковъ; въ верхней части—въ куполѣ, но не въ самой вершинѣ его, гдѣ имѣются еще 24 окна,—12 оконъ, но эти окна даютъ мало свѣта внутренней части храма, отчего внутренность его чрезвычайно мрачна. Въ соборѣ три алтаря: главный посвященъ Исаакію Далматскому, направо отъ него—великомученицѣ Екатеринѣ, налѣво—великому князю Александру Невскому. Царскія врата (въ главномъ алтарѣ) изъ бронзы и вызолочены. Высота ихъ 3½ саж., ширина—2 саж. 6 вершковъ. Между иконами особенно замѣчательны мозаическія, которыхъ въ Исаакіевскомъ соборѣ не мало. Эти иконы составлены изъ разноцвѣтныхъ мелкихъ искуственныхъ камней, стеклянной массы съ самыми тонкими и разнообразными оттѣнками. Мысль о мозаическихъ иконахъ приведена въ исполненіе по волѣ Николая I. У царскихъ вратъ главнаго алтаря заслуживаютъ особеннаго вниманія громадныя колонны—зеленыя изъ малахита и темносинія—изъ лянисъ-лазури. Такихъ колоннъ 8; высота ихъ

13 арш. 6 вершк., а нижній діаметръ 1 арш. 11 вершковъ. Престолы во всѣхъ алтаряхъ состоятъ изъ пяти квадратныхъ столбовъ бѣлаго итальянскаго мрамора, покрытыхъ, сверхъ мраморной доски, еще кипарисовой доской. Подъ этою доскою положена золотая медаль, вылитая въ память освященія собора. Подлѣ престола, на четыреугольномъ столѣ изъ бѣлаго итальянскаго мрамора, поставлена дарохранительница, изъ серебра (199 фунт. 82 золотника) представляющая въ маломъ размѣрѣ точную копію Исаакіевскаго собора.

25-го іюня праздновался другой, полуторастолѣтній юбилей со дня основанія храма въ Петербургѣ, заложеннаго Петромъ I 14-го мая 1703 года. Осматривая островъ Лустрандъ, на которомъ воздвигнута петропавловская крѣпость, царь самъ вырѣзалъ солдатскимъ штыкомъ два куска дерна и, положивъ ихъ крестообразно одинъ на другой, утвердилъ на нихъ сдѣланный имъ же изъ дерева крестъ, сказавъ, что на этомъ мѣстѣ будетъ церковь во имя верховныхъ апостоловъ Петра и Павла. Въ слѣдующемъ же году была освящена въ крѣпости митрополитомъ Іовомъ деревянная церковь во имя этихъ апостоловъ. Церковь была о трехъ шпицахъ съ высокою колокольнею, въ видѣ голландской башни; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ на ней подымались флаги. Послѣ полтавской побѣды, которою, по выраженію Петра, камень основанія невскаго города утвердился, Петербургъ началъ украшаться каменными зданіями. 30-го мая 1714 года Петръ, въ день своего рожденія, въ присутствіи всей царской семьи, положилъ основаніе каменному собору на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла первоначальная деревянная церковь: пока возводились каменныя стѣны собора, она оставалась не снесенною и была разобрана въ 1719 году; когда нужно было строить своды каменнаго собора, тогда она перенесена была въ Солдатскія слободы, гдѣ и освящена въ 1720 году во имя апостола Матѳея, въ память взятія города Нарвы. Подъ руководствомъ самого Петра и архитектора Трезина, устройство собора подвигалось весьма быстро и черезъ 8 лѣтъ зданіе снаружи было отстроено. Въ 1720 году выписаны были изъ Голландіи часы съ курантами за 45,000 рублей, сумму огромную по тому времени. Въ 1723 году поставленъ шпицъ. Устройство иконостаса Петръ поручилъ архитектору Зарудневу, по чертежамъ котораго работали московскіе мастера Трифонъ Ивановъ и Иванъ Телѣга и кончили свой трудъ въ четыре года (1722—1726 г.). Основателю собора не суждено было увидѣть его довершеніе. Внутренняя отдѣлка собора совершенно окончена была въ царствованіе Анны Іоанновны, въ 1733 году. Торжество освященія сопровождалось пушечною пальбою и императрица принимала «поздравительные комплименты» отъ всѣхъ иностранныхъ и русскихъ министровъ и дамъ. Всѣмъ, участвовавшимъ въ освященіи собора духовнымъ лицамъ выданы изъ штатсъ-конторы подарки: архіепископу новгородскому сто рублей, прочимъ по пятидесяти. Новоустроенный храмъ отличался грандіозностью и великолѣпіемъ, невиданными дотолѣ въ столицѣ и правительство прилагало потомъ много заботъ о поддержаніи и охраненіи зданія. Особенно много хлопотъ доставили необыкновенно высокій шпицъ и рѣдкіе дорогіе часы. Высота соборнаго шпица не разъ привлекала на него удары молніи. Въ 1736 году 26-го іюня громовой ударъ, сожегшій колокольню Исаакіевскаго собора, зажегъ и Петропавловскую, но огонь скоро былъ потушенъ. Въ 1748 году 19-го іюля ударомъ грома причинило много поврежденій не только колокольнѣ, но и внутри собора опалило иконостасъ и повредило сводъ. Въ 1756 году 30-го апрѣля, въ часъ ночи отъ молніи загорѣлся шпицъ, сгорѣло все, что было въ колокольнѣ деревяннаго, и всѣ колокола растопились. Часы съ курантами, эта драгоцѣнная диковинка, особенно привлекавшая петербужцевъ, сгорѣли при этомъ пожарѣ. Паденіемъ горѣвшаго шпица разрушена соборная паперть изъ бѣлаго мрамора. Внутренность собора однако уцѣлѣла, но при поспѣшномъ разбираніи иконостаса

многія вещи повреждены. Черезъ 14 мѣсяцевъ соборъ, по повелѣнію Елизаветы Петровны, былъ совершенно возобновленъ. Для безопасности отъ пожара сдѣланъ плитный полъ, вмѣсто деревяннаго свода въ куполѣ устроенъ каменный, деревянныя стропила замѣнены желѣзными. Въ 1778 году былъ устроенъ громоотводъ. Елизавета повелѣла устроить подобные сгорѣвшимъ часы съ курантами, но это оказалось дѣломъ весьма затруднительнымъ, затянувшимся на многіе годы: исторія съ часами представляетъ характерные эпизоды и отмѣчена трагическою судьбою голландца Оорта Красса, строителя часовъ, пользовавшагося извѣстностью лучшаго механика въ Европѣ и павшаго жертвою борьбы съ враждовавшими противъ него петербургскими нѣмцами. Любопытная исторія постройки часовъ Крассомъ и его печальная участь подробно разсказаны, по архивнымъ документамъ, въ описаніи Петропавловскаго собора, составленномъ ключаремъ собора, протоіереемъ Д. Флоринскимъ (Спб. 1882 года). Только въ 1779 году жители столицы снова услышали часовую музыку, которой лишены были двадцать лѣтъ. Устройство колокольни окончено въ 1770 году. Шпицъ строилъ по рисункамъ Брауера плотникъ Антонъ Еремѣевъ, подрядившій поднять и поставить шпицъ двухъ крестьянъ: Воинова и Петрова, которые и сдѣлали это дѣло въ три мѣсяца 1772 года. Въ продолженіи 1773—74 года выковывали мѣдные листы для обшивки шпица, изготовлены крестъ, яблоко и ангелъ. Первоначально ангелъ прикрѣпленъ былъ къ кресту неподвижно, отчего и былъ сломанъ бурею въ 1777 году 10-го сентября; въ томъ же году устроенъ новый ангелъ меньшаго размѣра, подвижной, по чертежу архитектора Ринальди. Въ 1779 году устроенъ теплый придѣлъ во имя великомученицы Екатерины. Къ 1830 году относится извѣстный самоотверженный подвигъ русскаго человѣка, крестьянина Телушкина, исправившаго поврежденія креста на шпицѣ безъ постройки лѣсовъ, что признавалось невозможнымъ. Въ 1833 году произведенъ капитальный ремонтъ внутри собора и возобновлена живопись академикомъ Антонелли. Въ 1857 году, вмѣсто пришедшаго въ ветхость и угрожавшаго паденіемъ деревяннаго шпица, устроенъ на воткинскихъ заводахъ желѣзный, подъ наблюденіемъ инженера Журавскаго, а лѣса вокругъ шпица, представлявшія совершенство строительнаго искусства, выведены по проекту и подъ наблюденіемъ инженеръ-капитана Паукера. Внутри собора также произведенъ былъ ремонтъ, работы окончились въ 1858 году и обошлись въ 305 тысячъ рублей. Въ 1859 году соборное зданіе въ техническомъ отношеніи поступило въ вѣдѣніе придворной строительной конторы; въ церковно-административномъ-же отношеніи Петропавловскій соборъ состоялъ въ епархіальномъ вѣдомствѣ, но 7-го мая 1883 года причисленъ къ придворному вѣдомству. Послѣднее обновленіе собора произведено было въ 1881 году, на средства соборнаго старосты П. І. Губонина. Несмотря на многократныя обновленія, соборъ и нынѣ остается почти въ томъ же видѣ, въ какомъ былъ устроенъ первоначально, по мысли и плану Петра Великаго. Соборъ имѣетъ въ длину по фундаменту 30 саженъ, а въ ширину 14, колокольня вышиной въ 30 саженъ, а со шпицомъ и крестомъ 56 саженъ. Внутри соборъ имѣетъ длину 27 саж. и 5 фут., въ ширину 11 саженъ и 1 футъ, въ вышину 7 саж. 1 аршинъ. Зданіе поддерживаютъ 12 колонъ. Лучшее украшеніе храма его замѣчательный по изяществу и оригинальности иконостасъ. Среди множества достопримѣчательностей собора находятся рѣзныя иконы слоновой кости, трудовъ Петра Великаго, круглой формы, по три вершка въ діаметрѣ. На одной изъ иконъ — великомученицы Екатерины надпись: «1716 года генваря въ 4 день, царское величество пожаловалъ государынѣ отъ трудовъ своихъ». Драгоцѣнны иконы, находящіяся при гробницахъ императорской фамиліи — однѣ по своей цѣнности, другія по особеннымъ фамильнымъ воспоминаніямъ въ царствующемъ домѣ. Петропавловскій соборъ имѣетъ и особенные предметы поклоненія христіанъ, именно: часть ризы Господней, часть

мощей мученика Іакова Персіанина, почитаемаго цѣлителемъ дѣтскихъ болѣзней и потому особенно чтимаго набожными людьми въ случаяхъ болѣзни дѣтей. Не мало въ соборѣ и памятниковъ московской и петербургской старины, древнихъ иконъ, евангелій и церковной утвари, имѣющихъ отношеніе къ событіямъ отечественной исторіи, а гробницы государей, почивающихъ подъ сводами собора—эти нѣмые памятники дѣяній царствующихъ лицъ отъ Великаго Петра до свѣжей могилы царя-мученика, составляютъ предметъ почитанія и памяти. Въ соборѣ хранится трофей чесменскаго боя—адмиральскій турецкій флагъ, который Великая Екатерина съ особымъ торжествомъ собственноручно возложила на гробницу основателя русскаго флота. Особенно драгоцѣненъ по воспоминаніямъ: крестъ, выточенный изъ слоновой кости Петромъ Великимъ, и его же работы изъ слоновой кости два паникадила. Большое сдѣлано въ 1723 году, поменьше—во время пребыванія его на олонецкихъ минеральныхъ водахъ. Въ срединѣ яблока этого паникадила хранится слѣдующая запись Петра, по просьбѣ его супруги, Екатерины: «Сіе приносится въ знакъ благодарности Господу Богу за цѣлебныя воды. Сдѣлано при оныхъ марта 14-го дня 1724. Петръ». Замѣчательны также: пріобрѣтенное Петромъ заграницею, чрезвычайно тонкое, рѣдкой работы скульптурное произведеніе: Снятіе со креста Спасителя; старинное рукописное евангеліе съ нарисованными на поляхъ его изображеніями святыхъ. Царскія гробницы осѣняются старинными трофеями, въ количествѣ 424 знаменъ, добытыхъ отъ турокъ въ минувшій вѣкъ. Новые трофеи недавней войны за освобожденіе славянъ раскинуты въ видѣ шатра надъ гробницею царя-мученика. Рядомъ съ великой по воспоминаніямъ каѳедрою, съ которой говорилъ извѣстный Ѳеофанъ Прокоповичъ свою рѣчь о смерти великаго преобразователя, находится могила Петра I. Отличается она отъ другихъ только небольшою золотою на ней медалью. На одной сторонѣ ея изображеніе въ профиль Петра въ вѣнкѣ и кругомъ надпись: «отъ благодарнаго потомства». На другой сторонѣ медали представленъ Геркулесъ, покоящійся въ основаніи Петербурга. На гробницѣ Александра I серебряная медаль въ память отечественныхъ событій и побѣдъ 1812 года.

— Третій церковный юбилей праздновался 26-го іюня, въ уѣздномъ городѣ Тихвинѣ Новгородской губерніи. Всю весну этотъ небольшой городокъ приготовлялся къ торжеству своей пятисотлѣтней святыни. «Тихвинская Божія Матерь» явилась въ древней Новгородской области въ 1383 году, когда еще не существовало тихвинскаго монастыря, основаннаго въ началѣ XVI вѣка. Съ тѣхъ поръ монастырь этотъ, гдѣ теперь находится чтимая православными икона, видѣлъ много нуждъ и бѣдъ, вынесъ тяжелую осаду шведовъ и только послѣ Столбовскаго мира поправился и обнесенъ крѣпкою каменною стѣной, изъ-за которой виднѣется теперь масса куполовъ, башенъ и шпилей, представляющихъ живописную картину, особенно съ горы, возвышающейся на правомъ берегу Тихвинки. Въ каменномъ соборѣ старинной архитектуры временъ Ивана Грознаго, на правой сторонѣ отъ входа укрѣплена икона, неимѣющая особеннаго историческаго значенія, но почитаемая русскимъ народомъ за ея чудотворныя дѣйствія. Икона сплошь унизана бриліантами и драгоцѣнными камнями. Юбилей справляли торжественно. Народу въ Тихвинъ стеклось громадное число; молебны шли безъ перерыва, свѣчи едва успѣвали ставить и убирать; были между ними и въ пудъ вѣсомъ въ 30, 50 и болѣе рублей. Монастырь, кромѣ раздачи хлѣба и кваса, предложилъ безплатный обѣдъ всѣмъ желающимъ, безъ различія пола и состоянія и раздавалъ хромолитографированные снимки съ иконы и молитву Божіей Матери. Въ торжествѣ всего замѣчательнѣе была процесія перенесенія иконы изъ монастыря на городскую площадь, на особо устроенный амвонъ. Это перемѣщеніе икона совершила въ первый разъ со времени ея пребыванія въ монастырѣ. Только въ началѣ XVII вѣка, во время осады обители войсками

Делагарди, икону обносили вокругъ монастырскихъ стѣнъ. Городъ раздавалъ народу книгу о явленіи и чудесахъ иконы съ надписью: «Въ память 500-лѣтняго празднованія Тихвинской иконы Божіей Матери отъ жителей города Тихвина».

Историческая выставка въ Ригѣ. 8-го іюня въ Ригѣ открыта культурно-историческая выставка, устроенная обществомъ исторіи и древностей прибалтійскихъ губерній. Вся выставка состоитъ изъ 2,546 предметовъ, взятыхъ изъ музеевъ и архивовъ различныхъ обществъ, сословій, а также и у частныхъ лицъ. Выставленные предметы раздѣлены на 17 отдѣловъ. Первый отдѣлъ занимаютъ древнія рукописи и произведенія печати. Отдѣлъ этотъ состоитъ изъ 512 нумеровъ, въ числѣ которыхъ находятся: подлинные документы и грамоты, начиная съ грамоты 1220 года епископа Альберта, древнѣйшія городскія и гильдейскія книги; подлинникъ риемованный хроники и Ніенштетовой гохмейстерской хроники, коллекція древнихъ календарей, газетъ, и проч. Второй отдѣлъ составляютъ планы, карты и виды; въ немъ болѣе 250 нумеровъ, изъ которыхъ многіе для исторіи Риги имѣютъ важное значеніе. Третій отдѣлъ составляютъ картины историческаго содержанія, праздниковъ, разныхъ событій, и проч. Четвертый отдѣлъ, чрезвычайно богатый, состоитъ изъ портретовъ: генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, представителей земскаго и городского управленій, альдермановъ, лицъ духовныхъ, ученыхъ и проч. Этотъ отдѣлъ состоитъ изъ 572 нумеровъ, изъ которыхъ весьма многіе составляютъ чрезвычайную рѣдкость. Пятый отдѣлъ составляютъ древнія печати, шестой медали и монеты. Въ седьмомъ отдѣлѣ помѣщены древніе церковные сосуды, по преимуществу изъ городскихъ и протестантскихъ церквей. Восьмой отдѣлъ составляетъ древняя серебряная утварь. Въ девятый отдѣлъ включена разная древняя утварь: мебель, стекло, фаянсъ, часы и проч. Десятый составляютъ костюмы; одиннадцатый—рѣзьба по дереву, слоновой кости и проч. Двѣнадцатый отдѣлъ составляютъ древнія пушки, всякаго рода оружіе и проч., также мечи, которыми палачи рубили головы преступникамъ. Тринадцатый отдѣлъ составленъ изъ принадлежностей театра и музыки. Четырнадцатый состоитъ изъ масонскихъ аксесуаровъ. Университетскія древности занимаютъ пятнадцатый отдѣлъ: церковная утварь, знамена и проч. составляютъ шестнадцатый отдѣлъ, и наконецъ семнадцатый состоитъ изъ предметовъ, не вошедшихъ въ другіе отдѣлы.

† Русская журналистика понесла большую утрату: 25-го іюня въ Гейдельбергѣ умеръ, съ небольшимъ 60-ти лѣтъ, Валентинъ Федоровичъ Коршъ, посвятившій всю жизнь служенію обществу, какъ публицистъ и редакторъ. Почти прямо съ университетской скамьи онъ сдѣлался помощникомъ редактора «Московскихъ Вѣдомостей», потомъ ихъ редакторомъ и улучшилъ это періодическое изданіе такъ, что послѣ него г. Каткову уже не предстояло особеннаго труда поддерживать газету на той высотѣ, на которую ее поднялъ его предшественникъ. Но главная дѣятельность его была посвящена «Петербургскимъ Вѣдомостямъ», аренда которыхъ была въ 1863 году отнята у г. Краевскаго и отдана г. Коршу. Во время его редакторства газета явилась вполнѣ либеральнымъ органомъ, отзывавшимся на всѣ стремленія общества, отстаивавшая всѣ великія реформы прошлаго царствованія, боровшаяся съ бюрократами, ретроградами, крѣпостниками, сторонниками старыхъ порядковъ, ненавистниками общественной самодѣятельности. В. Ф. Коршъ не отличался горячностью и страстностью въ отстаиваніи принциповъ, дорогихъ всякому интеллигентному человѣку, но поддерживалъ ихъ упорно, держался стойко, хотя и въ границахъ умѣренности, честныхъ прогрессивныхъ убѣжденій. Это не помѣшало однако «Петербургскимъ Вѣдомостямъ» первымъ подвергнуться административной карѣ, при введенной въ то время системѣ предостереженій, заимствованной у Фіалена

Персиньи, министра и сообщника Луи-Наполеона. Не избѣгнулъ г. Коршъ и суда по обвиненію въ нарушеніи законовъ о печати, — тогда еще газеты отдавали подъ судъ—и въ 1869 году долженъ былъ защищаться въ петербургской судебной палатѣ, какъ редакторъ, вмѣстѣ съ г. Рангомъ, авторомъ предосудительной кореспонденціи изъ Владимірской губерніи. Потомъ онъ судился еще съ генераломъ Симборскимъ, Стелловскимъ, Звенигородскимъ, самъ подавалъ жалобу въ судъ на редактора «Гласнаго суда» Артоболевскаго, защищался отъ нападокъ «Дѣла» и пр. Это было время сильнаго умственнаго движенія, когда можно было въ печати защищать свои убѣжденія, объяснять свои принципы. Одиннадцать лѣтъ редактировалъ г. Коршъ газету, заключилъ даже съ академіей условіе на второй срокъ аренды, но задолго до истеченія этого срока, былъ, какъ его предшественникъ, отстраненъ отъ редакторства и не получилъ позволенія на изданіе своей собственной газеты. Съ тѣхъ поръ онъ завѣдывалъ редакціей и принималъ дѣятельное участіе во многихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ «Сѣверный Вѣстникъ», «Русская Правда» и другіе «отцвѣтшіе не успѣвъ разцвѣсти» органы петербургской журналистики. Въ послѣднее время онъ принялъ на себя редакцію «Исторіи всемірной литературы», но предпріятіе это, разросшееся сверхъ програмы, недостаточно выработанной, осталось неоконченнымъ. Ежемѣсячный журналъ «Заграничный Вѣстникъ», предпринятый г. Коршемъ въ прошломъ году, тоже не имѣлъ успѣха и, въ послѣднее время, къ литературнымъ невзгодамъ и разстроеннымъ дѣламъ, прибавилась тяжкая болѣзнь—всегдашній результатъ усиленныхъ умственныхъ трудовъ. В. Ф. Коршъ отправился искать облегченіе отъ болѣзни за границу—и умеръ вдали отъ родины и близкихъ ему лицъ. Высокообразованный, истинногуманный, съ направленіемъ вполнѣ прогрессивнымъ, никогда не поступавшійся своими убѣжденіями, идеалистъ, какъ почти всѣ «люди сороковыхъ годовъ», онъ былъ настоящимъ типомъ честнаго, либеральнаго журналиста, типомъ—надо признаться—значительно измельчавшимъ съ шестидесятыхъ годовъ, когда онъ преобладалъ въ русской журналистикѣ.

† Въ небольшомъ имѣніи Саратовской губерніи умеръ на 71 году всѣми позабытый, но когда-то извѣстный поэтъ Алексѣй Васильевичъ Тимофеевъ. Онъ воспитывался въ казанскомъ университетѣ, служилъ въ департаментѣ удѣловъ, былъ чиновникомъ особыхъ порученій и съумѣлъ соединить поэзію съ чиновничествомъ, только въ 1860 году выйдя съ отставку—конечно генераломъ. Какъ поэтъ онъ славился въ тридцатыхъ годахъ, въ эпоху процвѣтанія «Библіотеки для чтенія» и барона Брамбеуса, видѣвшаго въ Тимофеевѣ второго Байрона. Сенковскій безспорно много содѣйствовалъ къ возвеличенію поэта, но у него нельзя отнять и природнаго дарованія. Его стихотворные «Опыты», «Пѣсни», повѣсти «Поэтъ», «Художникъ» фантазія «Елизавета Кульманъ» блещутъ мѣстами неподдѣльнымъ талантомъ. Онъ сошелъ съ литературной арены въ 1843 году и только въ 1876 году издалъ, въ двухъ томахъ, замѣчательную поэму «Микула Селяниновичъ», пройденную молчаніемъ нашею критикою, но заслуживающую полнаго вниманія: въ ней поэтъ въ рельефныхъ образахъ представляетъ историческое разслѣдованіе происхожденія славянъ и, въ живописныхъ картинахъ, всю исторію Россіи. Характеристика А. В. Тимофеева была бы далеко не лишнею въ исторіи нашей литературы.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу статьи „Наши государственные и національные цвѣта".

Не благоугодно ли будетъ редакціи помѣстить слѣдующую замѣтку на статью г. К. Н. В. «Наши государственные и національные цвѣта», напечатанную въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

Напрасно г. К. Н. В. распространился о мальтійскомъ орденѣ и о сочувствіи императора Павла къ графу д'Артуа, такъ какъ все это было и прошло безъ послѣдствій для нашихъ государственныхъ цвѣтовъ, которые и оставались только черным ъ и желтымъ до 1814 года. Бѣлый же появился у русскихъ немедленно по переходѣ, въ январѣ 1814 года, нашихъ войскъ черезъ Рейнъ во Францію. Тогда императоръ Александръ I приказалъ, чтобы на рукавѣ каждаго русскаго солдата находилась бѣлая повязка для того, чтобъ французы знали и вѣдали, что съ фамильнымъ цвѣтомъ Бурбоновъ, ихъ королей, сѣверные варвары пришли не для грабежа, не для истребленія жилищъ, не для оскверненія святыни, т. е. не для того именно, что въ 1812 году дозволилъ своей сборной арміи дѣлать въ Россіи Наполеонъ.

Съ этими бѣлыми повязками или съ цвѣтомъ королевской Франціи, русскіе дрались отъ Рейна до Парижа съ остатками императорскихъ легіоновъ, съ тѣмъ же цвѣтомъ вошли въ Парижъ, низложили Наполеона, водворили во Франціи благоденствіе, возстановили короля, — словомъ, совершили, державною волею императора Александра Благословеннаго, то, что такъ вѣрно сказалось тогда же въ пѣснѣ русскому царю:

«Онъ за зло платилъ добромъ:
«Воскресилъ Бурбоновъ домъ;
«Имя русское прославилъ,
«Миръ вселенной далъ!»

И вотъ въ память этого дѣйствительно великаго событія, завоеванный нами русскими бѣлый государственный цвѣтъ Франціи и присоединенъ, какъ побѣдный трофей, къ нашимъ государственнымъ цвѣтамъ. И тогда же, въ центрѣ Франціи, въ Парижѣ, новыя трехцвѣтныя, бѣло-желто-черныя кокарды закрасовались на треугольныхъ шляпахъ нашего царя, нашихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ.

Незнаю откуда г. К. Н. В. почерпнулъ свѣдѣніе, что при императорѣ Павлѣ въ эти самые цвѣта были окрашены будки, мосты, перила, верстовые столбы и прочее казенное достояніе, тогда какъ едва ли не со временъ Петра III, раболѣпствовавшаго предъ всѣмъ прусскимъ, все казенное окрашивалось въ прусскіе государственные цвѣта, то есть въ двѣ широкія, діагонально полагаемыя полосы бѣлаго и чернаго цвѣтовъ, съ проводкою между ними жилки или узенькой полоски краснаго цвѣта. Окраска по такой формѣ по немногу исчезаетъ съ русской земли, такъ что по большимъ дорогамъ, на мостахъ, перилахъ и верстовыхъ столбахъ ее уже не встрѣтишь.

Впрочемъ, остатки полосатой окраски можно еще и теперь видѣть на воротахъ и калиткахъ главнаго подъѣзда въ Зимнемъ дворцѣ съ площади отъ Александровской колонны, а также на будкахъ часовыхъ.

Что же касается указанія г. К. Н. В. о томъ, что будто бы Петръ Великій позаимствовалъ для нашего флота отъ англичанъ бѣлый, синій и красный цвѣта потому, что въ его время существовали въ англійскомъ флотѣ адмиралы бѣлаго, синяго и краснаго флага, то г. К. Н. В., очевидно, смѣшалъ нашъ мирный торговый флагъ бѣлаго, синяго и краснаго цвѣтовъ, съ нашимъ военнымъ морскимъ флагомъ, даннымъ нашему доблестному флоту великимъ зиждителемъ его Петромъ I. Флагъ этотъ бѣлый съ андреевскимъ синимъ крестомъ.

Что же сказано г. К. Н. В. о томъ, что основательнѣе было бы завести русскій національный флагъ темносиняго цвѣта съ узкою красною поперегъ его полоскою, и что такой флагъ можно бы было считать не только «національнымъ», но и «народнымъ»,—то противъ предположеній, какъ противъ убѣжденій, спорить не приходится. Можно лишь сказать: честь и хвала тому, который сочеталъ для нашего торговаго флота флагъ изъ полосъ: бѣлой, синей и красной. Честь и хвала за то именно, что эти полосы нашихъ великорусскихъ народныхъ цвѣтовъ, кои суть: бѣлый отъ того холста, который русская женщина спрядетъ, соткетъ и выбѣлитъ, и въ который за тѣмъ одѣнетъ и хозяина-мужа, и дѣтей и самое себя; синій отъ того же холста, окрашеннаго въ сельскую «кубовую краску», и ставшаго крашениною, безъ которой не обойдется ни одна крестьянская семья, и красный отъ кумача, въ которомъ такъ любятъ щеголять красныя дѣвицы и молодки, для которыхъ, покуда еще и теперь, красный кумачный сарафанъ составляетъ самую нарядную одежду.

Аскалонъ Труворовъ.

нѣчно принадлежащее извѣстнымъ субъектамъ, то мнѣ не пришлось бы отвѣчать на твой вопросъ. Сама по себѣ она не можетъ быть названа, ни нравственной ни безнравственной; но мы сами придаемъ ей нравственное значеніе, связывая идею съ грубымъ фактомъ насилія. Міръ въ данномъ случаѣ преклоняется передъ идеей, а не передъ властью, и благословляетъ того, кто пользуется властью не для своихъ личныхъ своекорыстныхъ цѣлей, а для общаго блага.

Гербертъ говорилъ съ раздраженіемъ, которое окончательно убѣдило священника, что онъ не можетъ разсчитывать на содѣйствіе друга для осуществленія любимой мечты и, что ему не только придется обойтись безъ его помощи, но даже быть можетъ встать съ нимъ во враждебныя отношенія.

Гербертъ, какъ бы угадывая мысли своего собесѣдника, сердечно пожалъ ему руку.—Не моя вина Джонъ, сказалъ онъ, если тебѣ пришлось выслушать такія горькія истины. Но я долженъ защитить себя противъ несправедливаго упрека. Я никогда не былъ поклонникомъ насилія и допускаю его въ крайнемъ случаѣ для достиженія нравственныхъ цѣлей. Пусть дадутъ мнѣ право свободно высказывать мой образъ мысли, и тогда моя рука и шпага будутъ послушны одному властелину—убѣжденію...

Они дошли до гостинницы на концѣ города, гдѣ священникъ оставилъ свою лошадь. Былъ уже поздній часъ вечера, когда пріятели въ послѣдній разъ пожали другъ другу руки. Франкъ Гербертъ долго смотрѣлъ на дорогу, по которой ѣхалъ священникъ среди изгородей, освѣщенныхъ матовыми лучами заходящаго солнца. Сердце его болѣзненно сжалось, когда Гевитъ окончательно скрылся изъ виду; разставаясь съ школьнымъ товарищемъ, онъ испытывалъ тяжелое чувство, какъ будто навсегда прощался съ свѣтлымъ сновидѣніемъ молодости. Онъ вспомнилъ Оливію; и вслѣдъ затѣмъ въ умѣ его невольно явился вопросъ:

— Знаетъ ли Гевитъ, что Елизавета Кромвель нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вышла замужъ за Клейполя?

Конецъ второй части.

Часть третья.

ГЛАВА I.

Домъ Кромвеля въ Эли.

ѢСЯЦЪ стоялъ высоко на небѣ, когда докторъ Гевитъ выѣхалъ на дорогу, ведущую къ холму Эли.

Задолго до этого, глазамъ одинокаго всадника представилось бѣлое зданіе, стоявшее на высотѣ, которое своими рѣзкими контурами отчетливо обрисовывалось на темномъ небѣ, освѣщенное лучами вечерняго солнца. Взоръ его жадно впивался въ прелестный ландшафтъ, нарисованный мягкими золотистыми красками, такъ что онъ искренно пожалѣлъ, когда наступившія сумерки лишили его этого великолѣпнаго зрѣлища. Но оно исчезло только на короткое время въ мракѣ ночи. Едва лунный свѣтъ коснулся вершины холма, какъ опять появилось бѣлое зданіе въ яркомъ серебристомъ сіяніи съ своими массивными башнями, вычурными украшеніями и колоннами. Это былъ знаменитый соборъ Эли. Вѣковыя деревья тихо склоняли свои верхушки подъ легкимъ дуновеніемъ весенняго вѣтра; невѣрныя очертанія зеленой колеблющейся массы бросали темныя тѣни на землю, съ которой было связано столько религіозныхъ преданій.

Гевитъ, поднявшись на холмъ, сошелъ съ лошади и повелъ ее за повода. Каждая пядь этой почвы принадлежала исторіи, хорошо знакомой ученому доктору богословія. Священный трепетъ охватилъ его душу среди царившей кругомъ тишины и уединенія. Въ продолженіи тысячелѣтій сюда приходили на богомолье благочестивые люди; здѣсь, согласно преданіямъ сѣдой старины, прекло-

няли колѣна передъ Всевышнимъ аббаты, епископы, монахи, короли и королевы. Задолго до сооруженія собора на этомъ мѣстѣ существовалъ монастырь; старыя зданія, длинные переходы, братская трапеза и каменныя стѣны, воздвигнутыя древними саксами, оставлены были въ прежнемъ видѣ и при Генрихѣ VIII, который единовременно закрылъ всѣ монастыри въ Англіи. Въ монастырѣ Эли водворилось новое духовенство: англиканскій архіепископъ, деканы, пѣвчіе. Съ этого времени прошло болѣе столѣтія; помѣстья и земли католическаго духовенства, перешли во владѣніе господствующей англиканской церкви. Великолѣпный соборъ, посвященный реформатскому культу, доставлялъ огромные доходы архіепископамъ Эли, которые жили сначала въ зданіи прежняго монастыря, а впослѣдствіи въ особомъ домѣ, какъ владѣтельныя особы, пользуясь почти королевскими правами и прерогативами, между тѣмъ, какъ въ укрѣпленіяхъ и бастіонахъ, окружавшихъ соборъ, помѣщался деканъ и капитулъ.

Священникъ дошелъ до массивныхъ воротъ со сводами, существовавшихъ при старомъ монастырѣ и все еще называемыхъ Porta Eliensis или Ely Porta. Изъ-подъ высокихъ сводовъ виднѣлись причудливыя очертанія холма, ярко освѣщеннаго луной. Спокойно и торжественно возвышалось безоблачное небо; свѣжій вѣтерокъ распространялъ запахъ полевыхъ цвѣтовъ и травы. Слышался тихій шелестъ деревьевъ, нарушавшій тишину весенней ночи. Съ обѣихъ сторонъ поднимались высокія готическія стѣны, съ стрѣльчатыми окнами, которыя казались такими же мрачными, какъ и закрытыя наглухо двери, несмотря на скользившія по нимъ полосы луннаго свѣта. Ничто не нарушало мертваго безмолвія этихъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда, въ такія же весеннія ночи, бодрствовали трудолюбивые монахи, работая надъ рукописями, а впослѣдствіи въ широкихъ корридорахъ раздавались веселые голоса воспитанниковъ, когда эта часть зданія была обращена въ латинскую школу.

Соборъ, стоящій на самомъ высокомъ пунктѣ холма и видный за нѣсколько миль кругомъ, далеко не казался такимъ грандіознымъ вблизи, потому что со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ зданіями. Прежніе соборы не строились отдѣльно, какъ теперь, но составляли часть цѣлаго, какого нибудь учрежденія и, преимущественно, монастыря, вслѣдствіе чего, около нихъ всегда были проѣзжіе ворота, крытыя галлереи, епископальные дворцы, различныя службы, больница, страннопріимные дома и проч. Всѣ эти второстепенныя зданія въ Эли были такихъ обширныхъ размѣровъ и совмѣщали въ себѣ такое средневѣковое великолѣпіе и архитектоническую красоту, что вполнѣ гармонировали съ величественнымъ храмомъ, стоявшемъ посреди ихъ.

Но вездѣ была та же пустыня и безмолвіе. На дворахъ не за-

мѣтно было ни малѣйшаго признака жизни; огонь давно потухъ на очагахъ; трубы жилыхъ строеній непривѣтливо обрисовывались въ голубоватомъ ночномъ воздухѣ.

Слѣва возвышался дворецъ архіепископа. Гербъ его—три герцогскихъ короны на золотомъ щитѣ, все еще красовался надъ стрѣльчатыми окнами галлереи, ярко освѣщенный луной.

Здѣсь только видны были признаки несомнѣнной близости людей. Говоръ многочисленныхъ голосовъ смѣшивался съ безпокойнымъ топотомъ лошадей. Священникъ привязалъ свою лошадь къ мѣдному кольцу, вбитому въ стѣну у одного изъ боковыхъ входовъ дворца. Сколько разъ въ былыя времена стучалъ онъ въ эту самую дубовую дверь, прося, чтобы его впустили, такъ какъ часто гостилъ въ епископальной резиденціи. Послѣдній архіепископъ, достопочтенный Матью Уоренъ, чувствовалъ сердечное влеченіе къ молодому священнику и всегда привѣтливо встрѣчалъ его.

Но архіепископъ больше не жилъ тутъ. Гевитъ задумчиво смотрѣлъ на великолѣпный соборъ, принадлежащій къ лучшему времени средневѣковаго архитектурнаго творчества. Мѣсяцъ, свѣтившій съ востока, широко разлилъ свой серебристый свѣтъ по порталу и высокимъ колокольнямъ, между тѣмъ какъ шпицы башенъ, зубцы и крыши главнаго зданія казались огненными. Часть высокаго изящно разукрашеннаго окна была также освѣщена, какъ днемъ; другая покрыта голубоватой тѣнью. Свѣтъ и тѣни смѣнялись и въ нишахъ; нѣкоторыя изъ нихъ были ослѣпительной бѣлизны; другія погружены въ глубокій мракъ. Мерцающій блескъ луннаго сіянія оживлялъ тонкую окаймлявшую ихъ рѣзьбу; каменныя листья и цвѣты какъ будто двигались колеблемые вѣтромъ. Рельефно отдѣлялся этажъ отъ этажа, благодаря богатству разнообразныхъ архитектурныхъ украшеній, представляя въ цѣломъ картину неподражаемаго великолѣпія и величественнаго спокойствія.

Но священнику не долго пришлось наслаждаться созерцаніемъ этой давно знакомой ему картины. Около собора стоялъ караулъ; суровый голосъ спросилъ его: кто онъ и куда идетъ? Гевитъ назвалъ себя по имени; но окликнувшій его солдатъ не рѣшался пропустить незнакомаго для него человѣка.

— Я знаю, кто онъ! сказалъ молодой солдатъ, принадлежавшій къ отряду, помѣщенному во дворцѣ. Это другъ нашего полковника, Франка Герберта, и поэтому не могъ прійти сюда съ дурной цѣлью.

Съ этими словами онъ подошелъ къ Гевиту и протянулъ ему свою жесткую худощавую руку.—Вы Чильдерлейскій священникъ, докторъ богословія и, какъ я слышалъ, ученый и богобоязненный человѣкъ. Хотя наши вѣрованія различны, но я не хочу, чтобы васъ дурно встрѣтили здѣсь. Пойдемте со мной я сведу васъ къ капитану, который командуетъ здѣшнимъ отрядомъ.

Лунный свѣтъ, падавшій на блѣдное худощавое лицо молодаго солдата, окаймленное чернымъ шлемомъ, придавалъ ему видъ привидѣнія.

— Вы не узнаете меня, сказалъ онъ замѣтивъ удивленіе Гевита. Но я видѣлъ васъ передъ Чильдерлейской церковью и замѣтилъ съ какой радостью поздоровался съ вами полковникъ Гербертъ, а тотъ, кого онъ любитъ, не можетъ быть дурнымъ человѣкомъ! Хотя вы служитель церкви, которая отвергаетъ святыхъ и за это отвергнута самимъ Богомъ; но я не теряю надежды, что вы можете быть спасены до дня страшнаго суда. День этотъ скоро наступитъ, потому что у пророка Даніила сказано...

Онъ открылъ библію, которую носилъ всегда съ собой и прочелъ изъ восьмой главы книги пророка Даніила: «И услышалъ я отъ средины Илая голосъ человѣческій, который воззвалъ и сказалъ: Гавріилъ! объясни ему это видѣніе»...

Бывшіе на караулѣ солдаты столпились около юноши и набожно слушали его слова.

Этотъ моментъ возобновилъ въ памяти Гевита сцену передъ Чильдерлейскою церковью. Онъ живо представилъ себѣ молодаго милленарія, который своими мистическими объясненіями священнаго писанія произвелъ такое сильное впечатлѣніе на своихъ товарищей.

— Другъ мой, сказалъ Гевитъ, я не стану обманывать васъ. Дѣйствительно въ то время, какъ вы встрѣтили меня, я былъ Чильдерлейскимъ священникомъ; но я отставленъ отъ должности съ вчерашняго дня.

— Радуйтесь и благодарите Бога за эту милость! возразилъ приверженецъ пятой монархіи. Это былъ тотъ самый милленарій, котораго Франкъ Гербертъ назвалъ тогда Локіеромъ. Блѣдное лицо юноши воодушевилось; щеки покрылись яркимъ румянцемъ; онъ началъ проповѣдь:

— Скоро наступитъ время тяжкое, какого не бывало съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди. Я видѣлъ знаменіе этого времени; и вы братья видѣли его. Еще нѣсколько мѣсяцевъ и настанетъ священный годъ явленія Мессіи. Въ книгѣ нашего пророка сказано: И слышалъ я, какъ мужъ въ льняной одеждѣ, находившійся надъ водами рѣки, поднявъ правую и лѣвую руки къ небу клялся живущимъ во вѣки, что къ концу времени, временъ и полувремени и по совершенномъ низложеніи силы народа святаго, все это совершится!.. Пророчество это исполнилось! Мы увидѣли впервые разсѣянныхъ чадъ народа святаго. Сегодня утромъ прибыли къ намъ въ лагерь святые мужи, братья апостоловъ и богобоязненныя женщины, дщери Деворы, Руѳи, Маріи. Отверженные за грѣхи свои, они искупили ихъ долголѣтнимъ изгнаніемъ, нищетою и горемъ, пока Господь вновь не посѣтилъ ихъ своею милостію. Ра-

дуйтесь братья, евреи вступили на почву Англіи, Господь явилъ намъ знаменіе скораго пришествія Мессіи!...

Локіеръ остановился въ изнеможеніи отъ сильнаго душевнаго напряженія, не соотвѣтствовавшаго его физической слабости; но черезъ минуту продолжалъ съ прежнимъ воодушевленіемъ:

Между ними была дѣвушка прелестная какъ ангелъ, посланная небесными силами, чтобы подготовить насъ къ великолѣпію обѣтованной земли. Видѣлъ я также Исаака де-Кастро божьяго избранника, юношу, взоръ котораго просвѣтленъ лицезрѣніемъ Господа! Онъ говорилъ о близкомъ пришествіи Мессіи и разсказывалъ намъ, что предпринялъ путешествіе въ отдаленную часть свѣта, чтобы возвѣстить это своимъ единоплеменникамъ, живущимъ въ пустынѣ, но всѣ планы его рушились, потому что онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Бристолѣ. Послѣднее обстоятельство приводило его въ отчаяніе; онъ громко зарыдалъ по окончаніи своего разсказа. Я подошелъ къ нему, началъ утѣшать и мы крѣпко обнялись. Когда увидѣли это маловѣрные, то оставили въ покоѣ несчастныхъ странниковъ, которыхъ они до этого осыпали насмѣшками; а всѣ мои товарищи братски привѣтствовали ихъ. Вслѣдъ затѣмъ когда изъ Кембриджа полученъ былъ приказъ объ арестѣ прекрасной еврейки, то мы всѣ воспротивились этому. — Они присланы намъ самимъ Богомъ; и мы будемъ оберегать каждаго изъ нихъ, какъ зѣницу ока! говорили мы. Но въ душѣ нашей была скорбь и уныніе; надъ нами тяготѣлъ гнѣвъ парламента, этихъ безбожныхъ пресвитеріанъ, которые подобно десяти колѣнамъ Израиля отпали отъ истинной вѣры. Мы боялись также за участь генерала Кромвеля; но Господь не оставилъ насъ: пріѣхалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что Оливеръ Кромвель находится внѣ опасности и что пресвитеріане арестованы въ Кембриджѣ... Мы преклонили колѣна и принесли благодарственную молитву Всевышнему. Исаакъ де-Кастро, поднявъ руки къ небу, воскликнулъ: «Царство же и власть, и величіе царственное во всей поднебесной дано будетъ народу святыхъ Всевышнимъ, котораго царство — царство вѣчное, и всѣ властители будутъ служить и повиноваться ему!.. Вечеромъ того же дня нашъ отрядъ получилъ приказъ выступить къ Эли; вслѣдъ за нами двинулись и другіе отряды изъ лагеря, который расположенъ въ здѣшней равнинѣ до лѣса Triploe. Всѣ радовались, что Господь возвратилъ землю Ханаанскую святымъ его. Когда я доложилъ Кромвелю, какъ мы поступили съ евреями, то онъ одобрилъ наше поведеніе; и сказалъ, что многія мѣста священнаго писанія не могутъ быть объяснены инымъ способомъ, и что мы вѣрно поняли ихъ смыслъ... Теперь я къ вашимъ услугамъ г-нъ священникъ!

Локіеръ направился къ главному входу собора и вошелъ въ него. Гевитъ слѣдовалъ за нимъ, глубоко взволнованный всѣмъ тѣмъ, что ему пришлось услышать:—Такъ думаетъ и чувствуетъ

армія! сказалъ онъ самому себѣ. При такомъ настроеніи большинства, среди религіознаго фанатизма однихъ и политической нетерпимости другихъ, врядъ ли возможно будетъ направить къ пристани злополучный корабль, называемый англійскимъ государствомъ!..

Но видъ собора скоро отвлекъ его отъ этихъ размышленій; онъ весь отдался тяжелому впечатлѣнію, которое овладѣло его сердцемъ. Величественное зданіе стояло непоколебимо на своемъ фундаментѣ поддерживая обширный могучій сводъ собора. Все великолѣпіе англійской готической архитектуры, огромныя колонны и каменные столбы увѣнчанные фризами изъ каменныхъ листьевъ и цвѣтовъ, стройные пилястры, круглыя и остроконечныя арки предстали разомъ передъ глазами взволнованнаго служителя преслѣдуемой церкви. Мѣсяцъ, просвѣчивая черезъ каменную рѣшетку хоровъ, наполнялъ таинственнымъ полумракомъ необъятное пространство собора, который казался еще грандіознѣе при этомъ сооеобразномъ освѣщеніи. Но прелестная оконная живопись подверглась полному разрушенію: осколки стекла лежали на полу, вмѣстѣ съ отбитыми кусками мраморной мозаики. Искусная рѣзьба, украшавшая потолокъ, позолота и лазурь были покрыты копотью. Статуи древнихъ святыхъ и королей стояли полуразрушенныя на своихъ пьедесталахъ; у нѣкоторыхъ были отбиты головы, у другихъ руки и ноги. Херувимы и серафимы, «dexstra Domini», голуби и даже изображеніе Спасителя надъ алтаремъ были забрызганы известью. Мѣсяцъ спокойно проливалъ свой ровный свѣтъ на это дѣло разрушенія; высокіе хоры, массивныя колонны, изящные пилястры бросали свои тѣни. Но среди оскверненныхъ могилъ и уничтоженныхъ надписей все еще красовался нетронутый гербъ короля Генриха VIII надъ дверью южной стороны хоровъ; щитъ его поддерживали ангелы; и, при лунномъ освѣщеніи, можно было прочесть слѣдующую надпись выбитую въ камнѣ золотыми буквами: «Gracia Dei sum quod id sum. A. D. 1534» (Божіей милостью и есть то, что есть)...

Гевитъ не ожидалъ увидѣть въ этомъ видѣ знаменитый соборъ, который представлялся такимъ блистательнымъ въ его мечтахъ. Еще въ 1644 году Кромвель собственною властью запретилъ епископальное богослуженіе въ соборѣ Эли; два года спустя парламентъ издалъ постановленіе, по которому проданы были всѣ епископальныя земли. Все это было извѣстно священнику; но его особенно поразило разореніе великолѣпнаго храма, въ которомъ не былъ виновенъ ни самъ Кромвель, ни его солдаты. Уничтоженіе образовъ, статуй и различныхъ украшеній въ англійскихъ соборахъ и приходскихъ церквахъ было дѣломъ однихъ пресвитеріанъ и тотчасъ же прекратилось, когда усилилось вліяніе Кромвеля. Тѣмъ не менѣе пресвитеріане свирѣпствовали три года; и врядъ

ли возможно вычислить или описать, какъ велико было это разореніе. О размѣрахъ его можно судить изъ того, что теперь, два столѣтія спустя послѣ того времени, несмотря на постоянныя поправки, слѣды разрушенія до сихъ поръ замѣтны въ соборѣ Эли. Такъ, напримѣръ, на сѣверной сторонѣ его, параллельно съ хорами, видны остатки живописи на бѣлой стѣнѣ; въ углахъ нѣкоторыхъ оконъ уцѣлѣли куски прежнихъ пестрыхъ стеколъ, сотни изувѣченныхъ статуй оставлены въ этомъ видѣ и до сихъ поръ.

Локіеръ при всемъ своемъ фанатизмѣ замѣтилъ огорченіе священника.

— Не печальтесь! сказалъ онъ. Кому нужна ваша святыня изъ камня и металла! Престолъ Господа на небесахъ; въ писаніи сказано: кто приноситъ въ жертву хвалу, тотъ чтитъ Меня, и кто наблюдаетъ за путемъ своимъ, тому явлю Я спасеніе Божіе!.. Какъ видите, мы ничего не сдѣлали, чтобы увеличить ваше горе! Все это случилось до насъ. Я скорѣе согласился бы огорчить брата, и богоугоднаго человѣка, нежели того, кого уже постигъ гнѣвъ Божій. Мы не бражничаемъ въ вашемъ храмѣ, не устраиваемъ яслей, не срываемъ покровы съ вашихъ алтарей на попоны лошадямъ, не мѣняемъ церковную утварь на табакъ! Мы предпочитаемъ спать на открытомъ воздухѣ, нежели здѣсь, чтобы не причинить вамъ новыхъ огорченій...

Съ этими словами Локіеръ отворилъ сѣверную дверь и въ сопровожденіи священника вышелъ на площадь, отдѣлявшую соборъ отъ епископальнаго дворца. Теперь площадь эта покрыта лугомъ и обсажена деревьями, которыя достигли значительной высоты; но въ описываемое время она представляла пустырь, переполненный мусоромъ и всякимъ соромъ. Посреди горѣли высокіе костры, вокругъ которыхъ расположились солдаты и стояли привязанныя къ забору лошади.

Локіеръ представилъ посѣтителя своему капитану, который, услыхавъ о желаніи священника видѣться съ Кромвелемъ спросилъ у него пропускной листъ, говоря, что безъ этой бумаги не велѣно никого пропускать къ генералу.

— Мнѣ не трудно было бы достать его отъ вашего полковника, Франка Герберта, съ которымъ я друженъ много лѣтъ, возразилъ Гевитъ; но къ сожалѣнію я упустилъ это изъ виду. Впрочемъ я желаю видѣть генерала по частному дѣлу, и надѣюсь, что онъ согласится принять меня, если ему доложатъ мое имя.

— Въ такомъ случаѣ, я охотно провожу васъ, сказалъ капитанъ, приглашая Гевита слѣдовать за нимъ.

Они пересѣкли площадь и, пройдя мимо церкви и небольшаго кладбища, остановились у обширнаго зданія, за которымъ начинались поля. Въ этомъ домѣ жилъ Кромвель.

Зданіе это существуетъ до сихъ поръ почти въ томъ же видѣ,

съ своими толстыми стѣнами, правильно расположенными этажами, огромными трубами, широкими окнами, узкими темными коридорами и низкими комнатами. Массивныя каменныя стѣны и толстый дубовый паркетъ уцѣлѣлъ до настоящаго времени; здѣсь нѣтъ и слѣда роскоши и великолѣпнаго убранства новѣйшихъ жилищъ; все носитъ отпечатокъ прочности и степенности. Домъ этотъ пережилъ много поколѣній, перешелъ черезъ многія руки; но въ немъ все еще хранилось воспоминаніе о Кромвелѣ. Въ двухъ комнатахъ уцѣлѣли деревянныя панели, выкрашенныя краской; въ бывшей гостиной стоитъ большой старинный каминъ, убранный деревянной рѣзьбой и виситъ гравюра изображающая «Кромвеля, отвергающаго королевскую корону». Обширные конюшни и амбары занимаютъ ту часть двора, гдѣ нѣкогда было жилище прежняго монастырскаго арендатора. Узкая тропинка, протоптанная по лугу ведетъ къ главному входу дома, а налѣво между деревьями стоитъ маленькая каменная церковь св. Маріи.

Гевитъ остался на дворѣ, ожидая возвращенія капитана. Домъ и сосѣднія строенія, погруженныя въ мракъ, бросали широкія тѣни на землю; только окна нижняго этажа были ярко освѣщены. Отсюда слышалось торжественное пѣніе 132-го псалма переложеннаго на музыку: «Какъ хорошо и какъ пріятно жить братьямъ вмѣстѣ!» пѣлъ хоръ мужскихъ и женскихъ голосовъ. Затѣмъ изъ хора выдѣлились два женскихъ голоса, нѣжные, ласкающіе, какъ пѣніе весеннихъ птицъ: «Это — какъ драгоцѣнный елей на головѣ стекающій на бородуАаронову, стекающій на края одежды его» — пропѣлъ одинъ голосъ. «Какъ роса Ермонская сходящая на горы Сіонскія. И такъ заповѣдалъ Господь благословеніе и жизнь на вѣки!» пропѣлъ другой голосъ.

Звуки эти произвели глубокое впечатлѣніе на одинокаго слушателя, стоящаго подъ окномъ, и сильнѣе тронули его, чѣмъ онъ могъ ожидать послѣ такого долгаго времени. Это былъ тотъ самый мелодичный обаятельный голосъ, который онъ слышалъ однажды на влажныхъ лугахъ С. Ивса, въ немъ сказывалась та же полнота жизни, томленія и любви, но онъ сталъ еще выразительнѣе и задушевнѣе: ребенокъ превратился въ женщину. Но тутъ оба женскихъ голоса присоединились къ хору, который еще разъ повторилъ послѣднюю строфу: «Итакъ заповѣдалъ Господь благословеніе и жизнь на вѣки... и вѣки» — раздалось среди тишины лунной ночи.

Гевитъ задумчиво прислушивался къ медленно замирающимъ звукамъ, но въ это время вернулся капитанъ съ извѣстіемъ, что онъ можетъ немедленно видѣть Кромвеля. Его провели мимо двойного ряда военныхъ мундировъ, которые вѣжливо разступались пе-

редъ нимъ, такъ какъ было извѣстно, что онъ идетъ къ Кромвелю, которому доложили объ его посѣщеніи по окончаніи вечерней молитвы.

Кромвель привѣтливо встрѣтилъ молодаго священника, котораго всегда зналъ съ наилучшей стороны, съ радостью встрѣтили его и другіе члены семьи, такъ какъ онъ часто бывалъ въ ихъ домѣ въ С. Ивсѣ.

— Бетси, сказалъ Кромвель обращаясь къ дочери, тебѣ слѣдовало бы поздороваться прежде всѣхъ съ твоимъ бывшимъ учителемъ!

— Разумѣется, но я ожидала, что онъ самъ подойдетъ ко мнѣ!

— Какова самоувѣренность свѣтской женщины! замѣтилъ съ улыбкой Кромвель.

— Добрый вечеръ, мой дорогой старый другъ, сказала она, протягивая руки нежданному гостю.

Сердце Гевита усиленно забилось при звукахъ знакомаго голоса, который въ эту минуту казался ему еще мелодичнѣе, нежели въ пѣніи. Они не видѣлись съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ простился съ нею въ С. Ивсѣ; еще больше увеличилась раздѣлявшая ихъ пропасть: она была дочь Кромвеля, онъ служитель преслѣдуемой церкви, приверженецъ плѣннаго короля...

Глаза его съ любовью остановились на миломъ знакомомъ лицѣ. Въ ея глазахъ сверкнули слезы, рука задрожала въ рукѣ человѣка, который освѣтилъ ея раннюю молодость прелестью поэзіи. Она сдѣлалась еще лучше со времени ихъ разлуки, и именно такою, какой онъ представлялъ себѣ ее. Передъ нимъ было олицетвореніе образа, созданнаго его воображеніемъ. Очарованіе молодости, сила и полнота жизни проглядывали въ каждомъ ея движеніи и придавали неотразимую прелесть ея стройной граціозной фигурѣ, тонкимъ, и отчасти неправильнымъ чертамъ лица. У ней были такіе же голубые глаза, какъ у отца, но кроткіе и ласковые; въ нихъ не было и тѣни той строгости и гордаго сознанія величія властелина, которое придавале такое суровое выраженіе лицу Кромвеля. Она была его любимою дочерью и хотя онъ часто подсмѣивался надъ тѣмъ, что онъ называлъ «свѣтскимъ обращеніемъ», а мы назвали бы «женственностью», но эта сторона характера всего болѣе привязывала его къ дочери.

Поздоровавшись съ Гевитомъ, она спросила его о дочери Чильдерлейскаго баронета.

Но отецъ остановилъ ее: Бетси, сказалъ онъ, ты забыла познакомить Клейполя съ нашимъ дорогимъ гостемъ.

Густая краска выступила на щекахъ молодой женщины. Она торопливо представила своего мужа бывшему учителю.

Посторонній наблюдатель, вѣроятно, замѣтилъ бы какъ поблѣднѣлъ Гевитъ въ эту минуту; губы его съ трудомъ произнесли

обычное привѣтствіе. Но Ричардъ Кромвель, близкій другъ Клейполя, вывелъ его изъ замѣшательства своей веселой болтовней.

— Разскажите намъ, что дѣлается въ Чильдерлеѣ? сказалъ онъ, дружески пожимая руку Гевиту. Помнитъ ли моя хорошенькая кузина бездѣльника Ричарда, какъ называетъ меня отецъ. Дѣйствительно, я вполнѣ заслужилъ эту кличку, но, тѣмъ не менѣе, я всегда былъ хорошимъ товарищемъ и съ радостью вспоминаю о нашихъ дѣтскихъ играхъ. Къ несчастію Оливія, вѣроятно, совсѣмъ забыла о моемъ существованіи, хотя на лугу Slepe Holl'я мы даже обручились съ нею кольцами, свитыми изъ цвѣтовъ скороспѣлки. Но молодыя дѣвушки рѣдко помнятъ своихъ прежнихъ обожателей.

Елисавета Клейполь, пользуясь тѣмъ, что на нее никто не обращаетъ вниманія, подошла къ окну и, казалось, вся погрузилась въ созерцаніе тихой лунной ночи. По желанію отца, она недавно вышла замужъ за изящнаго молодаго офицера, котораго мы встрѣтили въ обществѣ Ричарда Кромвеля наканунѣ битвы при Незби. Клейполь принадлежалъ къ богатой и уважаемой фамиліи, былъ одаренъ физической силой и красотой сыновей Альбіона и, по внѣшности, вполнѣ годился въ мужья граціозной дочери Кромвеля. Но мы не беремся рѣшить, какія сомнѣнія и колебанія тревожили ея душу, когда она, уступая волѣ отца, согласилась выйти замужъ за нелюбимаго человѣка.

Со дня свадьбы она жила съ мужемъ въ имѣніи по близости Норборо, въ Нортемптонскомъ графствѣ; молодые супруги пріѣхали теперь въ Эли, наравнѣ съ другими членами семьи, для свиданія съ Кромвелемъ, который, благополучно избѣгнувъ грозившей ему опасности, остановился на короткое время въ домѣ своей матери.

Старшая дочь Кромвеля, Бригита, почти вслѣдъ за сестрой вышла замужъ за Иретона. Хотя по мнѣнію отца она была гораздо серьезнѣе и болѣе проникнута религіознымъ рвеніемъ, нежели Бетси, но настолько же уступала послѣдней въ красотѣ и нравственныхъ свойствахъ, насколько Иретонъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходилъ Клейполя. Генералъ Иретонъ принадлежалъ къ числу наиболѣе выдающихся личностей среди людей окружавшихъ Кромвеля; ученый и воинъ въ одно и то же время, онъ поражалъ непріятеля двойнымъ оружіемъ и, подобно Юлію Цезарю, находилъ, что мечъ только въ соединеніи съ перомъ можетъ внушить уваженіе къ солдату и сдѣлать его способнымъ принести дѣйствительную пользу родинѣ.

Генри, второй сынъ Кромвеля, при своемъ сдержанномъ и созерцательномъ характерѣ оставался въ тѣни до тѣхъ поръ, пока его не выдвинули событія и не доказали свѣту, что онъ достойный сынъ своего отца и призванъ судьбой быть его послѣдователемъ. Двѣ младшія дочери знаменитаго побѣдителя при Незби,

Мери и Франциска, одиннадцати и девяти лѣтъ, застѣнчиво подошли къ гостю, держась за платье матери, пожилой женщины съ кроткимъ и пріятнымъ выраженіемъ лица.

— Вотъ мои маленькія хозяйки! сказалъ съ улыбкой Кромвель, взявъ за руки обѣихъ дѣвочекъ, которыя еще больше сконфузились.

Кромвель былъ въ наилучшемъ расположеніи духа, давно уже домашніе не видѣли его такимъ веселымъ. Онъ почтительно обратился къ своей матери, восьмидесятилѣтней старухѣ, съ старомодными брыжжами вокругъ шеи, въ фижмахъ, и шелковой мантильи. Она сидѣла бодрая и веселая въ той самой комнатѣ, гдѣ много лѣтъ тому назадъ сиживала дѣвушкой. Домъ этотъ достался ей по наслѣдству отъ брата, сэра Джона Стюарда, и былъ для нея особенно дорогъ, такъ какъ она родилась въ немъ и провела раннюю молодость. Въ послѣдніе годы семья Кромвеля безвыѣздно жила здѣсь.

Кромвель подвелъ гостя къ матери со словами: — Узнаете ли вы его? Это Чильдерлейскій священникъ, онъ можетъ сообщить вамъ извѣстія о семьѣ баронета.

На правильномъ и все еще прекрасномъ лицѣ старухи появилась радостная улыбка. Она особенно интересовалась Оливіей, и заочно любила ее больше другихъ внучекъ, такъ какъ всѣ говорили, что дочь баронета въ семью Стюардовъ и замѣчательно похожа на нее и ея умершаго брата. Поэтому она ласково протянула руку священнику и съ живостью, которую трудно было ожидать при ея преклонныхъ лѣтахъ, начала распрашивать его объ обитателяхъ Чильдерлейскаго замка.

Война и политическія распри, охватившія въ послѣдніе годы всю Англію не произвели ни малѣйшей перемѣны въ чувствахъ и симпатіяхъ старой женщины.

— Мнѣ очень жаль, сказалъ Кромвель, обращаясь къ своему гостю, что вы пріѣхали въ такое тревожное время! Часа черезъ два я долженъ выѣхать отсюда въ кембриджскій лагерь.

— Гдѣ васъ ожидаютъ съ нетерпѣніе сэръ, возразилъ священникъ. Если вы позволите мнѣ сопровождать васъ, то я могу переговорить съ вами дорогой о дѣлѣ, которое вынудило меня пріѣхать сюда. Поэтому не стану отнимать у васъ время, которое вы можете употребить на что-либо другое.

Кромвель отвѣтилъ, что онъ всегда готовъ пожертвовать своимъ временемъ, когда отъ этого зависитъ счастье человѣка.

— Вопросъ не о моемъ личномъ счастьѣ, возразилъ Гевитъ, а о благѣ цѣлаго народа.

— Тѣмъ болѣе обязанъ я немедленно выслушать васъ. Съ каждымъ днемъ увеличиваются бѣдствія несчастной войны, тяготѣющей надъ нашимъ народомъ и печальныя послѣдствія междоусобій пролитія крови и голода.

— Значитъ и вы желаете мира! воскликнулъ Гевитъ. Я былъ увѣренъ, что иначе и не могло быть.

— Да, мы всѣ желаемъ положить конецъ этому неестественному порядку вещей! возразилъ Кромвель. Повѣрьте мнѣ, что мое единственное желаніе прекратить эту войну съ божіей помощью, чтобы дать возможность народу жить также спокойно, какъ онъ жилъ прежде.

— Но мнѣ кажется, возразилъ Гевитъ, что это возможно, только при томъ условіи, если побѣдитель настолько великодушенъ, чтобы щадить побѣжденныхъ враговъ и не преслѣдовать ихъ въ политическомъ и религіозномъ отношеніи.

— Разумѣется, но кромѣ терпимости необходимо предоставить всѣмъ и каждому полную личную свободу, замѣтилъ Кромвель. Мы абсолютно отвергаемъ принципъ непогрѣшимости, какъ въ церковныхъ, такъ и личныхъ дѣлахъ. Въ вопросахъ вѣры и совѣсти каждый человѣкъ—собственный судья; но въ общественныхъ дѣлахъ онъ долженъ подчиняться общему рѣшенію. Всѣ религіи равны; и ни одна изъ нихъ не можетъ быть господствующей; пусть отдѣльныя личности видятъ въ Римѣ источникъ спасенія и раболѣпствуютъ передъ папой; но Римъ не будетъ больше властвовать надъ цѣлымъ міромъ. Величайшій изъ законовъ—законъ любви заставляетъ меня относиться одинаково ко всѣмъ людямъ! Если мы доживемъ до того счастливаго времени, когда всѣмъ будетъ предоставлена свобода религіи и убѣжденій, то я считалъ бы въ высшей степени неразумнымъ и несправедливымъ, еслибы кого-нибудь лишили его законныхъ правъ изъ боязни, что онъ можетъ злоупотребить ими. Это было бы равносильно тому, что еслибы кто-нибудь сталъ настаивать на необходимости, чтобы вино было изгнано изъ страны въ виду искорененія пьянства...

Гевиту показалось, что теперь наступилъ удобный моментъ и онъ можетъ приступить къ исполненію своей завѣтной мечты. Давно ждалъ онъ этого момента и приготовлялся къ нему; но тѣмъ не менѣе голосъ его задрожалъ, когда онъ заговорилъ съ Кромвелемъ о той пользѣ, какую можетъ принести его свиданіе съ королемъ.

Кромвель спокойно выслушалъ своего собесѣдника; ни одна черта лица его не дрогнула.

— Вамъ, вѣроятно, извѣстно настроеніе короля? спросилъ онъ равнодушнымъ тономъ.

Гевитъ отвѣтилъ, что онъ слышалъ отъ достовѣрныхъ людей, что король чувствуетъ себя въ высшей степени несчастнымъ подъ охраной парламентской коммисіи, тѣмъ болѣе, что его стѣсняютъ въ религіозномъ отношеніи. Онъ окруженъ пресвитеріанскими духовными лицами и лишенъ общества собственныхъ придворныхъ капеллановъ. Его величество считалъ бы для себя большимъ облег-

ченіемъ, еслибы онъ былъ избавленъ отъ подобныхъ стѣснительныхъ мѣръ и ему дозволили бы явиться въ армію.

Кромвель слушалъ молча и почти безучастно разсказъ священника, но при послѣднихъ словахъ глаза его сверкнули гнѣвомъ. Но это былъ мимолетный зловѣщій блескъ молніи; затѣмъ лицо его сдѣлалось неподвижнымъ и приняло прежнее выраженіе полнаго равнодушія.

Онъ пропѣлъ сквозь зубы два такта какой-то мелодіи, и послѣ минутнаго молчанія спросилъ священника: не хочетъ ли онъ закусить передъ отъѣздомъ?

Гевитъ былъ такъ озадаченъ этимъ неожиданнымъ вопросомъ, что съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Кромвеля, который не дожидаясь его отвѣта, обратился къ женѣ и попросилъ ее немедленно распорядиться объ ужинѣ.

Къ какому заключенію могъ прійти священникъ? Напрасно его взглядъ старался прочесть что̀-либо на лицѣ Кромвеля или вывести то или другое заключеніе изъ его обращенія съ нимъ.

Въ полночь былъ поданъ сигналъ къ отъѣзду. Кромвель простился съ домашними и еще разъ подошелъ къ матери: — Помолитесь за меня, сказалъ онъ, чтобы я удостоился исполнить то дѣло, къ которому призвалъ меня Господь!

Старуха съ благоговѣніемъ положила обѣ руки на голову сына и торжественно благословила его.

ГЛАВА II.

Корнетъ Джойсъ на пути къ извѣстности.

На другой день, рано утромъ, путники поднялись на высокій холмъ, съ котораго открывался прекрасный видъ на окружающую равнину. Медленно исчезали сумерки. Вдали на востокѣ поднималась грозовая туча, окрашенная темнопурпуровыми лучами восходящаго солнца; сквозь сѣроватый туманъ, застилавшій весь небосклонъ, мѣстами проглядывала лазурь, которая все болѣе и болѣе принимала стальной цвѣтъ. Дулъ холодный, сѣверный вѣтеръ.

Вся равнина, насколько можно было охватить глазомъ, была покрыта бѣлыми палатками. Шпицы церковныхъ башенъ, бѣлѣвшіе на различныхъ пунктахъ горизонта, обозначали границы пространства, занятаго войскомъ, этимъ могучимъ гигантомъ, осужденнымъ на бездѣйствіе, который нетерпѣливо потрясалъ своими цѣпями. Но приближался человѣкъ, который долженъ былъ вывести его изъ этого состоянія насильственнаго покоя.

Ферфаксъ медлилъ и ни на что не рѣшался. Неувѣренный въ томъ, какой оборотъ примутъ дѣла, онъ сталъ относиться съ сомнѣніемъ къ избранному имъ пути и не предпринималъ никакихъ мѣръ противъ злоупотребленій пресвитеріанской партіи. Люди, близко знавшіе характеръ главнокомандующаго, объясняли его нерѣшительность вліяніемъ леди Ферфаксъ, которая, несмотря на свое голландское воспитаніе, была всѣмъ сердцемъ предана пресвитеріанству. Такимъ образомъ Ферфаксъ, незамѣтно для него самого, очутился въ положеніи номинальнаго главнокомандующаго, и если онъ дѣлалъ тотъ или другой шагъ, то скорѣе въ силу необходимости, нежели по собственной иниціативѣ. Армія была безполезнымъ орудіемъ въ его рукахъ, такъ какъ у него не доставало рѣшимости, ни поддержать пресвитеріанскій парламентъ, которому теперь грозила неминуемая опасность, ни идти противъ него. Душой арміи былъ другой человѣкъ: онъ представлялъ собой воплощеніе силы, которая могла направить ее къ опредѣленной цѣли. Теперь этотъ человѣкъ находился въ недалекомъ разстояніи отъ нея на высотѣ холма, освѣщеннаго лучами восходящаго солнца.

Взоръ Кромвеля остановился на картинѣ безчисленныхъ палатокъ, разбросанныхъ у его ногъ. Онъ видѣлъ передъ собой неподвижную людскую массу, объятую глубокимъ сномъ, и казалось, взвѣшивалъ ея силы. Но вотъ, среди ровныхъ симметрически протянутыхъ линій, внезапно появилась толпа людей; послышался глухой мѣрный шумъ; еще нѣсколько минутъ и, несмотря на значительное разстояніе, можно было ясно различить лошадей и всадниковъ; на ихъ латахъ и шлемахъ отсвѣчивало утреннее солнце.

— Это они! сказалъ Кромвель, передавая свою подзорную трубу Иретону.—Я узналъ корнета Джойса; онъ какъ будто угадалъ мое желаніе.

— Джойсъ толковый малый! отвѣтилъ Иретонъ.

— И честная душа, несмотря на всѣ свои прегрѣшенія, добавилъ Генри Кромвель.—Я видѣлъ его во время битвы при Незби и убѣдился въ искренности его обѣщанія—не щадить жизни, дарованной ему моимъ отцомъ.

— Онъ обязанъ своимъ спасеніемъ Всевышнему, которому быть можетъ угодно было избрать его своимъ орудіемъ въ данномъ случаѣ, возразилъ Кромвель.

— Я не знаю, насколько серіозно онъ относится къ своей задачѣ, сказалъ Ричардъ Кромвель, но мнѣ пришлось убѣдиться на опытѣ, что на него можно положиться въ дѣлахъ, гдѣ нуженъ умъ и ловкость. Въ молодости это былъ отчаянный смѣльчакъ, которому удавались невѣроятныя продѣлки. Онъ былъ юристомъ, актеромъ, служилъ ланцкнехтомъ подъ начальствомъ Тилли, и даже чуть ли не былъ портнымъ, какъ его отецъ.

— Надѣюсь, что ты не ставишь въ упрекъ отцу или сыну ихъ

ремесло, замѣтилъ строгимъ тономъ Кромвель.—Я не разъ бывалъ въ домѣ стараго Джойса, который въ свое время оказалъ весьма существенныя услуги нашему дѣлу, и желалъ бы чтобы въ настоящее время онъ продолжалъ вести себя такъ, какъ прежде.

— Если не ошибаюсь, вы говорите объ Альдерманѣ Джойсѣ? сказалъ Гевитъ. Но извѣстно ли вамъ, что онъ арестованъ вчера въ Кембриджѣ вмѣстѣ съ другими членами лондонскаго комитета? Арестъ произведенъ Франкомъ Гербертомъ вслѣдствіе секретнаго письма Дензиля Голлиса, которое было доставлено ему корнетомъ Джойсомъ, сыномъ Альдермана...

Кромвель былъ видимо пораженъ этимъ извѣстіемъ.—Дензиль Голлисъ, глава пресвитеріанской партіи! сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Не моя вина, если дѣло принимаетъ худшій оборотъ, нежели я желалъ бы этого... Мнѣ очень жаль старика Джойса... Тѣмъ не менѣе, во имя прежней дружбы, я постараюсь примирить его съ сыномъ, хотя врядъ ли это окажется возможнымъ. Въ случаѣ неудачи, корнетъ Джойсъ можетъ выбирать между мною и своимъ отцомъ... Но довольно объ этомъ! Вамъ извѣстно джентльмены, что̀ насъ ожидаетъ въ лагерѣ!

Кавалеристы пришпорили своихъ лошадей, и вскорѣ громкое «ура!» возвѣстило о прибытіи Кромвеля въ армію.

Кромвель въ сопровожденіи свиты проѣхалъ шагомъ мимо рядовъ палатокъ, останавливаясь по временамъ, чтобы отвѣтить на поклонъ, сказать слово поощренія или похвалы солдатамъ, которые радостно привѣтствовали его. Когда онъ приблизился къ аванпостамъ, глаза его остановились на группѣ незнакомыхъ ему людей, въ своеобразныхъ нарядахъ, покрытыхъ пылью съ рѣзкимъ восточнымъ типомъ лица. Изъ группы выдѣлился старикъ съ длинной сѣдой бородой и, протянувъ къ нему руки, громко прочелъ молитву на еврейскомъ языкѣ.

Кромвель вопросительно посмотрѣлъ на него.

Старикъ подошелъ къ нему и сказалъ по-англійски: Великій мужъ, ты удивленъ, что я привѣтствую тебя подобнымъ способомъ; но моя религія предписываетъ мнѣ читать эту молитву при встрѣчѣ съ сильными міра сего или королями...

Рука Кромвеля замѣтно дрогнула при послѣднихъ словахъ еврея: онъ потянулъ съ такой силой повода своей лошади, что та взвилась на дыбы; но онъ ловко успокоилъ испуганное животное.

Ему доложили, что это транспортъ плѣнныхъ, недавно доставленный въ лагерь.

— Изъ Бристоля? я слышалъ объ этомъ! возразилъ Кромвель вглядываясь въ лица странниковъ, которые, съ видимымъ безпокойствомъ, ожидали его рѣшенія. Онъ былъ особенно пораженъ наруж-

ностью красиваго юноши, который восторженно смотрѣлъ на него своими темными выразительными глазами и казалось, находился въ состояніи близкомъ къ экстазу.

— Кто вы такой? спросилъ Кромвель обращаясь къ юношѣ.

— Еврей Исакъ де-Кастро, который благодаритъ Бога Израиля удостоившаго насъ видѣть лицо твое! Я слышалъ о тебѣ, что духъ Божій въ тебѣ, и свѣтъ, и разумъ, и высокая мудрость найдена въ тебѣ. День освобожденія близокъ! Я уразумѣлъ это видѣніе... Вотъ тотъ, котораго мы ожидали; онъ совершитъ много великаго для Израля! Преклоните передъ нимъ колѣна сыны и дщери Іудины...

Съ этими словами юноша прикоснулся губами къ стремени Кромвеля, между тѣмъ какъ остальные евреи опустились на колѣна, съ мольбой протягивая къ нему руки.

Кромвель безпокойно повернулся на сѣдлѣ при видѣ такой необычайной сцены и сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе. Но въ эту минуту къ нему подошелъ Локіеръ и, взявъ за руку, воскликнулъ умоляющимъ голосомъ:

— Пощадите ихъ, они предвѣстники вѣчнаго царствованія!..

Кромвель не сочувствовалъ ученію миллинаріевъ; но, признавая полную свободу религіозныхъ воззрѣній, относился снисходительно къ заблужденіямъ всякихъ сектъ, пока они не проявляли стремленій опасныхъ для спокойствія государства. «Религіозныя убѣжденія никому не вредятъ кромѣ тѣхъ, которые имѣютъ ихъ!» сказалъ онъ однажды въ разговорѣ съ своими друзьями.

Кромвель, освободивъ свою свою руку, спокойно слушалъ фанатика, который продолжалъ съ возрастающимъ волненіемъ:—Слово Господне исполнится!.. и по совершенномъ низложеніи силы народа святаго, все это совершится. Къ концу времени и временъ и полувремени они снова вступятъ въ землю Ханаанскую. Въ 135 псалмѣ сказано: «И вывелъ Израиля изъ среды его рукою крѣпкою и мышцею простертою; ибо во вѣкъ милость его!..

— Да, великъ Господь нашъ! возразилъ Кромвель. «Онъ творитъ все, что хочетъ на небесахъ и на землѣ, на моряхъ и во всѣхъ безднахъ. Возводитъ облака отъ края земли, творитъ молніи при дождѣ, изводитъ вѣтеръ изъ хранилищъ своихъ!..»

Кромвель любилъ поэтическій языкъ библіи, особенно ветхаго завѣта и охотно приводилъ изъ него цитаты. Книга эта была знакома ему съ ранней молодости; онъ не предпринималъ никакого дѣла, не испросивъ указанія свыше; отвѣтами служили для него изрѣченія библіи. Въ этихъ случаяхъ онъ удалялся въ свою комнату, запиралъ дверь на ключъ и усердно молился; благочестивое рвеніе вызывало у него обильныя слезы; затѣмъ отуманенный внутреннимъ волненіемъ онъ бралъ библію и раскрывалъ ее. Изрѣченіе на которомъ останавливался его взоръ давало требуемое рѣше-

ніе, котораго онъ неуклонно держался, несмотря ни на какіе доводы разсудка и другія мѣста священной книги.

— Встаньте, сказалъ онъ обращаясь къ евреямъ сходя съ лошади. Разскажите, какъ вы попали сюда и что̀ могу я сдѣлать для васъ.

Авраамъ, лучше другихъ владѣвшій англійскимъ языкомъ, взялъ на себя роль оратора. Спокойно, безъ всякаго преувеличенія, онъ разсказалъ общій ходъ дѣла и, перейдя къ частностямъ, сообщилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріѣхалъ въ Англію, чтобы предложить свои услуги королю. Благодаря этому онъ потерялъ всякую связь съ родиной и рѣшилъ навсегда остаться въ новомъ отечествѣ; дѣти его (онъ указалъ на сына и дочь) воспитывались въ Англіи; прежняго имущества у него остался только клочекъ земли и домъ въ Лондонѣ, которые конфискованы парламентомъ. Въ заключеніе, Авраамъ разсказалъ все, что ему было извѣстно относительно условій жизни и желаній другихъ плѣнниковъ.

Откровенный и правдивый разсказъ умнаго еврея произвелъ пріятное впечатлѣніе на Кромвеля, который ни разу не прервалъ его и по временамъ одобрительно кивалъ головой.

Тѣмъ не менѣе евреямъ не суждено было узнать въ эту минуту рѣшеніе своей участи изъ устъ самого Кромвеля, такъ какъ вниманіе послѣдняго было привлечено прибытіемъ арестованныхъ пресвитеріанъ. Они были окружены конвоемъ, во главѣ котораго ѣхалъ полковникъ, Франкъ Гербертъ.

Кромвель отправился на встрѣчу приближавшейся группѣ. Многіе изъ членовъ духовнаго суда были нѣкогда его друзьями и горячими приверженцами; но теперь смертельная вражда раздѣляла ихъ. Кромвель шелъ медленно, погруженный въ свои мысли; но едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ позади его послышался своеобразный женскій крикъ, который заставилъ его оглянуться.

— Это Мануэлла! подумалъ Гевитъ узнавъ голосъ несчастной дѣвушки, исчезнувшей такъ внезапно изъ Чильдерлейскаго замка.

Гевитъ не ошибся: это была Мануэлла. Неожиданное появленіе Франка Герберта послѣ всѣхъ испытанныхъ ею волненій наполнило ее сердце самыми разнообразными ощущеніями. Безумная радость, которую она ощутила въ первую минуту смѣнилось чувствомъ неопредѣленнаго страха и глубокой печали. Дыханье замерло въ ея груди: она громко вскрикнула и едва не лишилась чувстъ; но глаза ея были неподвижно устремлены на приближавшагося всадника.

— Этого еще не доставало! воскликнулъ де Кастро. Опомнись! Неужели ты хочешь, чтобы гнѣвъ Господень снова обрушился на насъ!...

— Что съ вами, чѣмъ могу я помочь вамъ? спросилъ Франкъ

Гербертъ, который, узнавъ издали подругу Оливіи, сошелъ съ лошади и поспѣшно пробрался сквозь окружавшую ея толпу.

Мануэлла вздрогнула при этомъ вопросѣ и молча опустила глаза.

— Подруга Оливіи можетъ разсчитывать на мою дружбу! сказалъ онъ тономъ искренняго участія, который тронулъ Мануэллу до слезъ.

— Откуда эта дѣвушка? спросилъ Кромвель, видѣвшій предъидущую сцену.

— Я знаю кто она! сказалъ рѣзскій гнусливый голосъ. Она пріѣхала сюда переодѣтая пажемъ съ преступнымъ намѣреніемъ передать королю письма враговъ нашего народа. Это выродокъ чужой страны, орудіе тираніи, продажная угодница похоти знатныхъ людей!...

Мануэлла выпрямилась; губы ея задрожали отъ гнѣва и волненія; но она не въ состояніи была произнести ни одного слова.

Для защиты невинной дѣвушки выступилъ корнетъ Юргенъ. Негодяй, крикнулъ онъ, ударивъ изо всѣхъ силъ ложнаго доносщика. Клянусь честью, что я готовъ взять на себя отвѣтственность передъ цѣлой арміей и нашимъ генераломъ, но я раздавлю тебя какъ ядовитую змѣю.

— А я утверждаю передъ цѣлой арміей и въ присутствіи генерала Кромвеля, что эта тварь—еретичка и любовница герцога Бокингема! крикнулъ противникъ Юргенса, падая на землю подъ его ударами.

— Ты лжешь! проговорила съ усиліемъ Мануэлла.

Но слова ея были заглушены ропотомъ, который послышался среди ея единовѣрцевъ. Они заговорили разомъ на своемъ языкѣ; на лицахъ ихъ выразился ужасъ;—неужели это она... спрашивали они съ недоумѣніемъ другъ друга.

Мануэлла слышала все, что̀ они говорили между собой. Она обратилась къ нимъ и съ полнымъ самообладаніемъ сказала твердымъ и спокойнымъ голосомъ:—Да, вы не ошиблись, я Мануэлла д'Акоста.

— Будь ты проклята! закричали въ одинъ голосъ амстердамскіе евреи, отступая отъ молодой дѣвушки съ презрѣніемъ и страхомъ.

— Ты сама измѣнила себѣ! скакалъ вполголоса де-Кастро, стоявшій рядомъ съ нею.

Изъ группы пресвитеріанъ выдѣлился старикъ и, подойдя къ корнету Джойсу, назвалъ его по имени.

Юргенъ поблѣднѣлъ, услыхавъ голосъ своего отца, и съ громкимъ восклицаніемъ бросился къ его ногамъ.

Это было ихъ первое свиданіе послѣ семилѣтней разлуки. Георгъ Іеремія Джойсъ, альдерманъ Лондонскаго Сити, возведенный въ

важный санъ члена духовнаго суда, хотѣлъ явиться передъ блуднымъ сыномъ въ полномъ блескѣ своего величія, чтобы произвести на него возможно сильное впечатлѣніе; а затѣмъ заколоть для него откормленнаго тельца. Но этотъ планъ былъ разрушенъ. Благодаря новой измѣннической продѣлкѣ младшаго Джойса, онъ не только лишился власти, но попалъ въ руки ненавистнаго Кромвеля. Въ первую минуту разгнѣванный отецъ хотѣлъ отвергнуть неисправимаго сына и торжественно предать проклятію; но сердце его оказалось сильнѣе воли. Онъ поднялъ съ земли своего первенца и заключилъ въ объятія.

Младшій Джойсъ почувствовалъ какъ горячая слеза упала на его лобъ; въ эту минуту онъ охотно пожертвовалъ бы жизнью, чтобы утѣшить и успокоить стараго альдермана. Но онъ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ жизнь его принадлежала другому человѣку, въ чемъ онъ чистосердечно сознался, покрывая поцѣлуями худощавую руку отца.

— Господь проститъ тебя, возразилъ альдерманъ, если ты посвятишь себя въ будущемъ правому дѣлу! Ты успокоишь этимъ отца и заставишь его забыть то горе, которое онъ вынесъ изъ-за тебя.

— Научите меня, что̀ могу я сдѣлать чтобы исполнить это.

— Сними мундиръ и отрекись отъ знамени, которому ты служишь.

— Это невозможно, я поклялся, что буду служить ему до конца моей жизни.

— Клятва, данная измѣннику, не можетъ считаться обязательной.

Кромвель молчавшій до этой минуты, счелъ нужнымъ вмѣшаться въ разговоръ:

— Вы разстроены неожиданнымъ свиданіемъ съ вашимъ сыномъ, сказалъ онъ обращаясь къ альдерману; и поэтому я прощаю вамъ необдуманныя слова, которыя вѣроятно невольно вырвались у васъ. Но, во имя нашей прежней дружбы, я просилъ бы васъ быть умѣреннѣе въ вашихъ выраженіяхъ...

— Прежней дружбы! воскликнулъ альдерманъ съ злобнымъ смѣхомъ. Можетъ ли кто изъ насъ говорить о дружбѣ съ тобой Оливеръ Кромвель! Ты обманулъ насъ своимъ лицемѣріемъ и овладѣлъ арміей путемъ хитрости и насилія. Вотъ средства, которыми ты надѣешься достигнуть своей цѣли. Можетъ быть ты дѣйствительно достигнешь ее, но какой цѣной. Твои друзья отвернутся отъ тебя и проклянутъ тотъ часъ, когда они повѣрили твоимъ лживымъ увѣреніямъ. Тѣ люди, которыхъ ты обратилъ въ презрѣнныя орудія твоего честолюбія, изведутъ тебя тѣмъ или другимъ способомъ или ты самъ мучимый вѣчными опасеніями, спасаясь отъ тайныхъ враговъ, покончишь добровольно съ жизнью. Но и послѣ смерти твое имя обратится въ бранное слово для обозначенія

всего, что̀ есть худшаго на землѣ—измѣны и деспотизма. Ты становишься между отцомъ и сыномъ и насильственно мѣшаешь ихъ примиренію подобно тому, какъ ты разлучилъ короля съ народомъ, который напрасно простираетъ къ нему руки и желаетъ всѣмъ сердцемъ заключить съ нимъ миръ. Но миръ этотъ состоится помимо твоей воли; и проклятія всего народа падутъ на твою голову!.. Я сказалъ все, что̀ у меня было на сердцѣ. Теперь Оливеръ Кромвель, ты можешь отправить меня въ Тоуэръ.

Лицо Кромвеля побагровѣло отъ гнѣва, но онъ отвѣтилъ ровнымъ спокойнымъ голосомъ: Я считаю это совершенно лишнимъ и предпочитаю выслать тебя и твоихъ друзей изъ Англіи года на два, чтобы дать вамъ время на размышленія...

По знаку Кромвеля солдаты отвели альдермана и его товарищей въ сосѣднюю палатку.

Младшій Джойсъ, точно очнувшись отъ сна, бросился къ несчастному альдерману, но тотъ молча отстранилъ его отъ себя движеніемъ руки.

Кромвель равнодушно смотрѣлъ на эту сцену; ни одна черта лица его не выразила волновавшихъ его ощущеній. Глаза его остановились на Мануэллѣ.

Бѣдная дѣвушка стояла въ сторонѣ отъ своихъ единовѣрцевъ, которые съ отвращеніемъ отступили отъ нея. Даже Франкъ Гербертъ не могъ преодолѣть впечатлѣнія, произведеннаго на него словами Пиккерлинга, такъ какъ ни одна клевета не проходитъ безслѣдно, хотя бы ее слышали изъ устъ отъявленнаго лжеца.

Одинъ корнетъ Джойсъ смѣло выступилъ на защиту Мануэллы.

— Вы видѣли сэръ, сказалъ онъ обращаясь къ Кромвелю, я не измѣнилъ данной клятвы, даже для родного отца, хотя призываю Бога въ свидѣтели, что не желалъ бы вторично переживать такой минуты! Но что̀ сдѣлала имъ эта несчастная дѣвушка? Въ чемъ обвиняютъ ее?..

Мануэлла съ благодарностью взглянула на своего защитника.

— Я невинна! сказала она спокойнымъ и увѣреннымъ тономъ, въ которомъ слышалось столько задушевности, правды и затаеннаго горя, что въ сердцѣ Франка Герберта не осталось и тѣни сомнѣнія.

— Я увѣренъ въ этомъ, возразилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

Гевитъ попросилъ дозволенія сказать нѣсколько словъ. Онъ объяснилъ, что познакомился съ Мануэллой въ замкѣ Чильдерлейскаго баронета, гдѣ она прожила около двухъ лѣтъ, и готовъ поручиться, что ее обвиняютъ напрасно. Хотя она дѣйствительно пріѣхала въ Англію въ мужскомъ платьѣ и въ сопровожденіи герцога Бокингема, но безъ всякой политической цѣли, что̀ могутъ засвидѣтельство-

вать ея единовѣрцы. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Чильдерлея онъ слышалъ отъ дочери баронета, что если несчастная дѣвушка рѣшилась покинуть родину и отцовскій домъ, то единственно изъ желанія избѣгнуть ненавистнаго для нея брака. Знакомство съ Бокингемомъ было дѣломъ случая; она воспользовалась его отъѣздомъ въ Англію, чтобы выполнить свой побѣгъ.

— Всегдашняя исторія! замѣтилъ Кромвель, безуміе съ одной стороны и неосторожность съ другой! Но, чтобы убѣдиться въ правдивости вашего показанія и выяснить дѣло, необходимо свидѣтельство кого нибудь изъ ея единовѣрцевъ, знавшихъ ее прежде. Вѣроятно вы можете указать намъ одного изъ вашихъ друзей въ Амстердамѣ, къ которому мы могли бы обратиться за справками? добавилъ Кромвель, обращаясь къ Мануэллѣ.

— Я считаю своимъ лучшимъ другомъ почтеннаго раввина Менассію бенъ-Израэля, возразила Мануэлла,—онъ знаетъ меня съ дѣтства.

— Мнѣ не разъ приходилось слышать это имя, сказалъ Кромвель.—Если память не обманываетъ меня, то это благочестивый человѣкъ и знаменитый ученый и писатель. Агенты нашихъ факторій въ Дельфтѣ и Роттердамѣ отзывались о немъ съ величайшимъ уваженіемъ.

— Онъ былъ моимъ учителемъ! сказала Мануэлла.

— Этого совершенно достаточно! замѣтилъ Кромвель.—Вы получите разрѣшеніе вернуться на родину.

— Наша община не приметъ ее; она отлучена отъ синагоги воскликнулъ Исаакъ де-Кастро.

— Проклятіе отца тяготѣетъ надъ нею! добавили остальные евреи.

Тѣнь неудовольствія пробѣжала по лицу Кромвеля; на лбу появилась глубокая морщина, что всегда было у него признакомъ гнѣва.

Въ эту минуту изъ группы евреевъ выступилъ Авраамъ.

— Дитя мое, сказалъ онъ, взявъ за руку Мануэллу.—Я видѣлъ тебя всего нѣсколько дней; но глубоко убѣжденъ въ твоей невинности! Такой опытный и пожилой человѣкъ какъ я не можетъ ошибаться въ людяхъ! Они изгнали тебя изъ своей общины; но врядъ ли справедливо осуждать человѣка не выслушавъ его оправданій! Приди ко мнѣ, если другіе бросили тебя, я раздѣлю съ тобою тотъ кровъ, который ниспошлетъ мнѣ Всевышній; да будетъ благословено имя его во вѣкъ! Дѣти мои будутъ любить тебя какъ сестру, жена моя будетъ твоею матерью; и если ты согласна, то я буду твоимъ отцомъ, пока твой родной отецъ не согласится вновь принять тебя въ свой домъ...

Мануэлла бросилась съ рыданіемъ въ объятія почтеннаго старика, который нѣжно прижалъ ее къ своему сердцу.

Кромвель былъ видимо растроганъ.

— Ты поступилъ по заповѣди божіей, сказалъ онъ, обращаясь къ Аврааму,—и христіанину слѣдовало бы брать съ тебя примѣръ. Вѣковые предразсудки положили непреодолимую преграду между нашими религіями; слѣпая народная ненависть преслѣдуетъ евреевъ; королевскій декретъ изгналъ васъ изъ Англіи. Но придетъ время, когда съ вашего имени спадетъ клеймо, какъ роса съ шерсти, когда Господу угодно было явить свое знаменіе Гедеону. Изъ племени Іакова вновь выйдутъ великіе псалмопѣвцы, судьи и военачальники; вы обрѣтете родину среди чуждыхъ вамъ народовъ и вновь соорудите храмъ Господень. Это будетъ обѣтованная земля, на которую вы надѣетесь! Новый Іерусалимъ вездѣ, гдѣ вѣрующій отъ глубины своего сердца обращается къ Всевышнему и онъ можетъ назвать своей всякую землю, на которой живетъ, если онъ защищаетъ ее отъ произвола. Религія и свобода нераздѣльны; и пока народъ израильскій не пойметъ этой истины, онъ не войдетъ въ обѣтованную землю. Изъ всѣхъ васъ ты одинъ рѣшился подать руку помощи несчастной дѣвушкѣ; твои единовѣрцы бросили ее на произволъ судьбы...

Съ этими словами Кромвель удалился въ ближайшую палатку, оставивъ евреевъ въ полной неизвѣстности относительно ожидавшей ихъ участи.

Но вскорѣ безпокойство ихъ смѣнилось радостью, когда изъ палатки вышелъ Кромвель съ тремя пропускными листами, которые были скрѣплены его подписью. Одинъ изъ нихъ былъ для амстердамскихъ евреевъ; при этомъ имъ отданъ былъ словесный приказъ выѣхать изъ Англіи съ первымъ отплывающимъ кораблемъ и вернуться въ Голландію. Второй листъ былъ для Исаака де-Кастро, которому предоставлено было продолжать путь въ южную Америку черезъ Лондонъ или какую либо другую морскую гавань. Третій былъ выданъ еврею Аврааму съ семьей и Мануэллой, совмѣстно съ форменнымъ приказомъ муниципальному совѣту, чтобы впредь до дальнѣйшаго распоряженія Аврааму былъ возвращенъ его Лондонскій домъ въ Сити и чтобы городскія власти приняли на себя заботу о безопасности, какъ самого владѣльца, такъ и его семьи.

— Прощайте, будьте счастливы, Мануэлла! сказалъ корнетъ Джейсъ.—Вы уѣдете отсюда и забудете о моемъ существованіи. Но я радуюсь за васъ; покрайней мѣрѣ вы опять на свободѣ!

— Нѣтъ, возразила Мануэлла протягивая ему руку.—Я никогда не забуду васъ и вашей доброты ко мнѣ!..

Лицо ея приняло печальное выраженіе; она еще разъ взглянула на Франка Герберта. Онъ казался въ нерѣшимости; затѣмъ какъ бы опомнившись подошелъ къ ней быстрыми шагами.

— До свиданія, сказалъ онъ,—дай Богъ, чтобы вамъ лучше жилось въ будущемъ, нежели въ послѣднее время! Съ этими словами онъ подалъ ей руку на прощанье.

Мануэлла отвѣтила ему такимъ крѣпкимъ пожатіемъ руки, что ей самой стало неловко; но Гербертъ былъ уже далеко. Досадуя на себя за этотъ невольный порывъ, она поспѣшно сняла съ себя шарфъ, которымъ Франкъ Гербертъ нѣкогда перевязалъ ей плечо, и бросила его на землю, хотя до этой минуты никогда не разставалась съ нимъ. Затѣмъ она молча и, опустивъ голову, послѣдовала за Авраамомъ, который пришелъ за нею.

Въ это время Кромвель, избѣгая шумныхъ изъявленій благодарности со стороны евреевъ, отошелъ отъ нихъ на нѣсколько шаговъ.

— Видите ли вы этотъ эскадронъ? сказалъ онъ, обращаясь къ Гевиту, и указывая рукой на отрядъ кавалеристовъ, который подъ предводительствомъ корнета Джойса выѣхалъ изъ лагеря. Вотъ поднялось облако пыли и скрыло ихъ изъ нашихъ глазъ! Я желалъ бы, чтобы въ настоящее время точно также были скрыты и наши дѣйствія отъ тѣхъ, которымъ неизвѣстны мотивы, заставляющіе насъ поступать извѣстнымъ образомъ. Но когда цѣль будетъ достигнута, то намъ нечего бояться огласки, тогда люди убѣдятся, что у насъ нѣтъ другихъ цѣлей, кромѣ славы и благосостоянія нашего дорогаго отечества... Поѣзжайте съ Богомъ домой! Быть можетъ и ваше желаніе исполнится!.. Поклонитесь отъ меня Оливіи. До свиданія.

Съ этими словами Кромвель сѣлъ на лошадь и, слегка кивнувъ головой озадаченному священнику, выѣхалъ на большую дорогу окруженный своимъ штабомъ.

ГЛАВА III.

Влюбленные.

Загадочныя слова Кромвеля скоро разъяснились для Гевита. Нѣсколько дней спустя послѣ его возвращенія въ Чильдерлей распространился невѣроятный слухъ, что король увезенъ изъ замка Гольмби отрядомъ кавалеристовъ, вмѣстѣ съ охранявшими его членами парламентской коммисіи. Всѣ были удивлены и испуганы этимъ смѣлымъ поступкомъ, тѣмъ болѣе, что никто не хотѣлъ принимать отвѣтственности за него. Негодованіе генерала Ферфакса было такъ велико, что онъ выразилъ сожалѣніе, что не можетъ повѣсить предводителя шайки, какъ онъ называлъ виновниковъ похищенія короля. Но особенно страннымъ казалось то обстоятельство, что начальникамъ отряда былъ не полковникъ и даже не офицеръ, а малоизвѣстный корнетъ Джойсъ, весьма сомнительной репутаціи. Вѣсть объ этомъ необыкновенномъ событіи разнеслась

съ быстротой молніи по всей Англіи; всѣмъ оно казалось невѣроятнымъ; но тѣмъ не менѣе каждый былъ убѣжденъ въ справедливости распространившихся слуховъ. Они имѣли сказочный характеръ; но тѣмъ не менѣе фактъ совершился—короля везли въ армію.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, судя по разсказу сэра Томаса Герберта, вѣрнаго слуги короля, не покидавшаго его во время заключенія. Другой Гербертъ также неразлучный съ королемъ, графъ Пемброкъ и Монгомери, былъ назначенъ парламентомъ во главѣ коммисіи, главная задача которой (вопреки различнымъ присвоеннымъ ею названіямъ) заключалась въ охранѣ плѣннаго Стюарта.

Король провелъ бо̀льшую часть года въ Гольмби—великолѣпномъ замкѣ Нортгемптонскаго графства, окруженномъ красивыми садами. Господа пресвитеріане какъ бы задались цѣлью соединить полезное съ пріятнымъ. Изъ королевскихъ оконъ открывался прелестный видъ на холмъ и окрестности Незби, что должно было дѣйствовать назидательнымъ образомъ на его величество. Они окружили его цѣлой толпой духовныхъ лицъ, которыя попеременно отправляли божественную службу въ капеллѣ замка, и не разъ предлагали ему свои услуги для благословенія утренней и вечерней ѣды. Но король всегда самъ читалъ обѣденную и вечернюю молитву. Несмотря на всѣ его просьбы, парламентъ не допустилъ къ нему англиканскихъ священниковъ, такъ что ему самому приходилось заботиться о спасеніи души; онъ удалялся каждое воскресенье въ свои покои и въ остальные дни посвящалъ два-три часа чтенію св. писанія. Иногда послѣ обѣда онъ игралъ въ шахматы или прогуливался въ паркѣ Гольмби съ однимъ изъ членовъ коммисіи; сверхъ того предпринимались небольшія экскурсіи верхомъ въ Гарраудень замокъ лорда Вокса или Альторпе, красивое помѣстье лорда Спенсера. Агенты парламента въ этихъ случаяхъ оказывались самыми предупредительными слугами его величества; они не разлучались съ нимъ во время дня, а ночью ставили около его постели почетный караулъ. Между прочимъ они даже обыскали однажды карманы его величества, когда полученъ былъ пакетъ отъ королевы, и затѣмъ распустили всѣхъ слугъ, исключая его вѣрнаго приверженца Герберта. Хотя въ обоихъ случаяхъ члены коммисіи ни на шагъ не отступили отъ правилъ самой утонченной вѣжливости; но тѣмъ не менѣе король почувствовалъ себя глубоко униженнымъ и несчастнымъ, когда у него отняли преданныхъ ему слугъ, переживших съ нимъ невзгоды войны и плѣна, и тѣ пришли проститься съ нимъ обливая его руки слезами. Въ этотъ день онъ тотчасъ послѣ обѣда удалился въ свою спальню, отдавъ приказъ, чтобы никто не нарушалъ его уединенія.

Нѣсколько недѣль спустя, король, гуляя въ Альтопе, замѣтилъ

у садовой стѣны красные мундиры и бородатыя лица, смотрѣвшія сквозь рѣшетку. Спутники короля съ недоумѣніемъ переглянулись между собой, но бывшій при этомъ полковникъ, только что прибывшій изъ Лондона, объяснилъ, что это солдаты Уоллея, одного изъ Кромвелевскихъ офицеровъ. Тѣмъ не менѣе никто не придалъ большаго значенія этому обстоятельству.

Вслѣдъ затѣмъ изъ Гольмби пришло извѣстіе, что на растояніи полмили видна большая толпа всадниковъ, которые повидимому ѣдутъ прямо въ замокъ.

Это извѣстіе особенно встревожило полковника. Хотя оффиціально онъ былъ посланъ съ небольшимъ отрядомъ для усиленія гарнизона Гольмби, но тайная его инструкція заключалась въ томъ, чтобы съ помощью коммисіи захватить врасплохъ короля и привести въ Лондонъ подъ охрану парламента. Король случайно узналъ объ этомъ намѣреніи и рѣшился всѣми силами воспрепятствовать его исполненію. Онъ ясно видѣлъ невозможность вступить въ какое либо соглашеніе съ пресвитеріанами, которые хотѣли уничтожить епископальную церковь, ввести насильственно ковенантъ, лишить его самого всякой власти и исключить изъ общей амнистіи его приверженцевъ участвовавшихъ въ послѣдней войнѣ. Сверхъ того рѣшимости короля не мало способствовало заявленіе, втайнѣ полученное имъ изъ арміи при посредствѣ надежныхъ роялистовъ. Сообразно господствующему настроенію, въ арміи не видѣли иного средства возстановить твердый и прочный миръ въ государствѣ, какъ обезпечить права и неприкосновенность короля, его семьи и прежнихъ приверженцевъ. Карлу I обѣщано было возвращеніе власти, но подъ извѣстными условіями, которыя были несравненно легче исполнить нежели то, чего хотѣлъ отъ него парламентъ. Въ силу этихъ условій онъ долженъ былъ допустить полную вѣротерпимость и свободу совѣсти въ своемъ государствѣ. Кромѣ того отъ него ждали реформъ относительно выборовъ и представительства въ парламентѣ, отмѣны привилегій, бо́льшей равноправности передъ закономъ и болѣе правильнаго распредѣленія налоговъ. Такимъ образомъ король могъ исполнить желаніе арміи, не отступая отъ своихъ убѣжденій и безъ ущерба для своей церкви и друзей: отъ него требовали только извѣстныхъ уступокъ духу времени. Но переговоры шли медленно, такъ какъ доступъ къ королю былъ крайне затруднителенъ вслѣдствіе бдительности членовъ парламентской коммисіи. Дѣло осталось невыясненнымъ, и король съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе чувствовалъ тягость своего положенія.

Но въ сердцѣ его вновь проснулась надежда, когда онъ узналъ о прибытіи всадниковъ. Не считая нужнымъ объяснить что либо окружавшимъ его пресвитеріанамъ, онъ наотрѣзъ объявилъ о своемъ желаніи вернуться въ Гольмби. Члены коммисіи должны были уступить желанію короля.

Но въ Гольмби не произошло никакихъ перемѣнъ во время ихъ отсутствія. Таинственные всадники не появлялись, хотя уже наступилъ вечеръ и начинало темнѣть. Тѣмъ не менѣе комендантъ Гольмби, старый воинъ, дослужившійся до генералъ-маіорскаго чина, счелъ нужнымъ удвоить караулъ и сдѣлать строжайшее внушеніе солдатамъ гарнизона относительно безусловнаго исполненія его приказаній и ихъ прямой обязанности.

Затѣмъ мало-по-малу все затихло въ замкѣ и вокругъ него. Но въ полночь внезапно послышался лошадиный топотъ и слова команды; часть прибывшаго отряда заняла молча выходы главной аллеи, въ то время, какъ остальные выстроились передъ замкомъ. Начальникъ сошелъ съ лошади и постучался въ главные ворота.

— Кто тамъ? спросилъ часовой.

— Мой добрый другъ, былъ отвѣтъ,—будьте такъ любезны и отворите намъ ворота!

Появился комендантъ замка.

— Кто начальникъ этого отряда? спросилъ онъ.

— Я, корнетъ Джойсъ, къ вашимъ услугамъ!

— Какъ? Вы корнетъ!

— Что же изъ этого! воскликнулъ Джойсъ.—Многіе порядочные люди начинали свою карьеру съ низшихъ чиновъ!

— И кончали висѣлицей! замѣтилъ презрительно комендантъ.

Воспоминаніе о висѣлицѣ было не особенно пріятно храброму корнету.

— Не говорите мнѣ подобныхъ вещей! сказалъ онъ;—я самъ вѣжливый человѣкъ и люблю, чтобы и со мной обращались учтиво. Но вы сами понимаете, г. комендантъ, что нельзя держать такимъ образомъ передъ закрытыми воротами цѣлый эскадронъ драгунъ. Чортъ возьми!.. Извините пожалуйста, если у меня вырвалось подобное выраженіе... Намъ дорога каждая минута, прикажите впустить меня.

— Что вамъ нужно? Какое можетъ быть у васъ дѣло въ замкѣ?

— Я долженъ говорить съ королемъ.

— По чьему порученію?

— По моему собственному желанію.

Солдаты стоявшіе на караулѣ, громко захохотали при этихъ словахъ.

— Тише, друзья мои, намъ не до смѣху! замѣтилъ корнетъ.

Генералъ-маіоръ также не былъ расположенъ смѣяться. Онъ потребовалъ недовольнымъ и повелительнымъ тономъ, чтобы корнетъ Джойсъ немедленно увелъ своихъ драгунъ, а на слѣдующій день обратился къ коммисіи и сообщилъ ей: по какому дѣлу онъ желаетъ видѣть короля.

— Еще этого не доставало! воскликнулъ Джойсъ. — Неужели вы думаете г. комендантъ, что я пріѣхалъ сюда, чтобы вести пере-

говоры. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до вашей коммисіи. Я присланъ къ королю и долженъ видѣть его...

Въ это время часовые, видя старыхъ знакомыхъ среди отряда драгунъ, стоящихъ за воротами, здоровались съ ними черезъ рѣшетку, нетерпѣливо ожидая приказанія коменданта отворить ворота. Но старый генералъ-маіоръ стоялъ на своемъ, несмотря на всѣ просьбы и убѣжденія Джойса. Наконецъ, послѣдній потерявъ терпѣніе обратился съ рѣчью къ часовымъ, доказывая имъ, что они служатъ въ одной и той же арміи, подъ начальствомъ того-же главнокомандующаго, и что имъ не дѣлаетъ чести, что они держатъ старыхъ товарищей за воротами.

Рѣчь корнета Джойса оказала свое дѣйствіе; часовые, не обращая вниманія на брань коменданта, отворили ворота съ громкимъ крикомъ ура! и радостно привѣтствовали драгунъ, которые одни за другими въѣзжали во дворъ замка. Джойсъ приказалъ имъ немедленно занять всѣ выходы и не пропускать никого безъ его дозволенія. Однако, несмотря на быстроту съ какой было исполнено это приказаніе, вышеупомянутый комендантъ, видя какой оборотъ принимаютъ дѣла, незамѣтно скрылся изъ замка и ускакалъ на лошади въ Лондонъ, чтобы сообщить лорду Голлису о неудачѣ возложеннаго на него порученія.

Въ это время корнетъ Джойсъ, сдѣлавъ необходимыя распоряженія, поспѣшно поднялся на черную лѣстницу ведущую въ спальню короля. На верхней площадкѣ его остановилъ м-ръ Гербертъ, преданный слуга Карла I-го, который не могъ выговорить ни одного слова отъ страха и отчаянія.

Такая неожиданная помѣха была совершенно не кстати въ данную минуту; но добродушный корнетъ былъ тотчасъ же обезоруженъ при видѣ горя вѣрнаго слуги.

— Не бойтесь, другъ мой, сказалъ онъ, въ утѣшеніе,—съ вами ничего не случится!

— Ради Бога, говорите тише; вы можете разбудить короля! отвѣтилъ шепотомъ Гербертъ, указывая на дверь, надъ которой висѣлъ ночникъ.

— Вы правы! сказалъ корнетъ, понижая голосъ.

Хотя поднимаясь на лѣстницу онъ произвелъ такой шумъ своими тяжелыми сапогами и шпорами, что могъ бы нарушить сонъ праведника. Онъ остановился въ нерѣшимости; мысль, что ему придется первый разъ въ жизни говорить съ королемъ, смущала его. Выбранный имъ часъ для аудіенціи былъ также не совсѣмъ удобный, но онъ утѣшилъ себя тѣмъ, что время въ сущности не имѣетъ особеннаго значенія, и постучался обоими кулаками въ дверь.

Бѣдный Гербертъ онѣмѣлъ отъ ужаса. За дверью послышался голосъ одного изъ солдатъ стоявшихъ на караулѣ:

— Кто тамъ? Кто смѣетъ безпокоить короля въ такой поздній часъ ночи!

— Моя фамилія Джойсъ, отвѣтилъ корнетъ. — Я унтеръ-офицеръ арміи; очень жаль, что мнѣ приходится будить короля; но я долженъ немедленно видѣть его величество.

Увѣренный тонъ, съ какимъ были сказаны эти слова, озадачилъ часовыхъ. Они спросили Джойса: получилъ ли онъ дозволеніе членовъ коммисіи врываться такимъ способомъ въ спальню короля?

— Нѣтъ, и не вижу въ этомъ никакой надобности, тѣмъ болѣе что у дверей этихъ господъ мною же поставленъ караулъ. Я получилъ приказъ отъ людей, которые не боятся самого чорта, а не только вашего парламента и вашихъ коммисій!

Добрякъ Джойсъ, сознавая преимущества своего положенія, не считалъ нужнымъ стѣсняться въ выраженіяхъ такъ какъ, здѣсь никто не могъ напомнить ему о соблюденіи приличій.

— Убирайтесь къ чорту, продолжалъ онъ, возвысивъ голосъ.— Неужели у васъ не хватаетъ мозговъ, чтобы сообразить, что у меня не можетъ быть никакихъ дурныхъ цѣлей относительно его величества...

Голосъ корнета становился все громче, такъ что если бы король и дѣйствительно спалъ, то онъ долженъ былъ давно проснуться.

Въ это время неожиданно раздался звонъ серебрянаго колокольчика.

Дежурный камердинеръ поспѣшилъ на зовъ короля и тотчасъ же вернулся назадъ. Къ общему удивленію его величество требовалъ къ себѣ грубаго корнета, несмотря на его неприличное поведеніе.

Джойса впустили, но часовые хотѣли взять отъ него саблю и пистолеты.

— Я не допущу до этого! сказалъ онъ, хватаясь за рукоятку своей сабли; она вручена мнѣ для защиты его величества.

Съ этими словами Юргенъ Джойсъ вошелъ въ спальню короля.

Неизвѣстно какими чарами или талисманомъ обладалъ этотъ искатель приключеній; но онъ съ перваго взгляда нравился людямъ; и при всей своей внѣшней грубости внушалъ безусловное довѣріе друзьямъ и недругамъ. Король не почувствовалъ себя оскорбленнымъ его присутствіемъ. Храбрый корнетъ невольно вспомнилъ, что онъ уже разъ видѣлъ короля, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ въ числѣ другихъ актеровъ игралъ на придворномъ театрѣ пьесу: «побѣда принца Амура». Онъ не счелъ удобнымъ намекнуть на это королю, но въ рѣзкихъ и суровыхъ чертахъ его лица выразилось состраданіе, когда онъ мысленно сравнилъ тогдашняго короля окруженнаго придворнымъ великолѣпіемъ, сидящаго среди блистательной свиты дамъ и кавалеровъ съ ны-

нѣшнимъ королемъ, стоящимъ одиноко среди комнаты при слабомъ отблескѣ потухающей лампады...

Король къ удивленію своихъ слугъ, долго разговаривалъ вполголоса съ неблаговоспитаннымъ корнетомъ и на прощанье сказалъ ему громко, такъ что всѣ могли разслышать его слова въ сосѣдней комнатѣ:

— И такъ до свиданія г. Джойсъ; я охотно поѣду съ вами, если только ваши солдаты подтвердятъ все то, что вы обѣщали мнѣ.

На слѣдующее утро король показался въ окнѣ и былъ встрѣченъ громкими радостными криками отряда выстроившагося на дворѣ въ полномъ парадѣ.

Члены коммисіи, видя, что невозможно отговорить короля отъ поѣздки, и зная, что угрозы будутъ недѣйствительны, рѣшились на всякій случай сопровождать его, несмотря на то, что корнетъ Джойсъ великодушно разрѣшилъ имъ немедленно вернуться въ Лондонъ, если они этого пожелаютъ.

Около полудня шествіе двинулось въ путь. Король съ м-ромъ Гербертомъ и слугами сѣлъ въ одну карету; члены коммисіи въ другую; драгуны подъ предводительствомъ корнета Джойса окружили ихъ.

Свѣжій воздухъ полей живительно подѣйствовалъ на расположеніе духа короля; улыбка вновь появилась на его блѣдномъ лицѣ. Деревенскіе жители выбѣгали на большую дорогу, чтобы взглянуть на короля; онъ милостиво отвѣчалъ на привѣтствія своихъ подданныхъ движеніемъ руки. Сердце его все болѣе и болѣе переполнялось радостнымъ чувствомъ; въ эти минуты онъ искренно желалъ счастья своему народу. Если ему суждено вновь увидѣть любимую жену и дѣтей, то онъ скажетъ имъ: забудемъ прошлое, подавимъ въ себѣ всякую мысль о мести! Теперь мы должны думать только о томъ, чтобы заживить раны несчастнаго народа. Заключимъ прочный миръ; пусть вновь зацвѣтутъ эти поля и принесутъ обильную жатву. Вмѣсто кровопролитія и ужасовъ междоусобной войны мы снова увидимъ радостныя лица, услышимъ веселыя пѣсни...

Такъ мечталъ недавній плѣнникъ, и мечты его все болѣе и болѣе принимали осязательную форму. Между тѣмъ толпа въ праздничныхъ нарядахъ замѣтно увеличивалась; раздавались восторженные крики; путь короля осыпали цвѣтами; бросали розы подъ копыта его лошадей. Заходящее солнце этого счастливаго дня привѣтливо свѣтило на ликующую толпу, мирныя села, поля, зеленые холмы и деревья.

Въ первый вечеръ король остановился для отдыха въ Гинчинбрукъ-кэстль. Это былъ старый замокъ въ Гунтингдонширѣ близъ границы Кембриджскаго графства. Здѣсь хозяинъ замка, лордъ

Монтегю, будущій графъ Сандвичъ, радушно и съ величайшимъ почетомъ принялъ своего неожиданнаго гостя. Въ былыя времена англійскіе короли не разъ посѣщали этотъ средневѣковый замокъ. Отецъ Карла I-го, король Іаковъ I-й дважды ночевалъ здѣсь во время своей поѣздки въ Шотландію и, въ благодарность за оказанное ему гостепріимство, возвелъ въ дворянское достоинство тогдашняго владѣльца Гинцибрука, сэра Оливера Кромвеля (дядю побѣдителя при Незби). Впослѣдствіи это родовое имѣніе Кромвелей было продано лорду Монтегю; но кромвелевскій гербъ—левъ съ завязанными передними лапами—и надписи остались нетронутые на всѣхъ окнахъ. Король замѣтилъ это при входѣ въ залу и поспѣшно отвернулся. Это было единственное непріятное ощущеніе, испытанное имъ въ этотъ счастливый день.

Отсюда послали гонца въ Чильдерлей съ извѣстіемъ, что его величество намѣренъ посѣтить почтеннаго владѣльца замка, сэра Товія Кутсъ и провести у него нѣсколько дней. Но слухъ о прибытіи короля дошелъ до Чильдерлея ранѣе этого извѣстія и засталъ хозяевъ замка среди полнаго разгара дѣятельности. Открыты были обширныя залы, въ которыя годами не проникалъ воздухъ и солнце, благодаря густому сѣрому слою пыли покрывавшему окна. Всюду сметали паутину и пыль, освѣжали комнаты, переставляли мебель и приколачивали гардины. Слышался говоръ, смѣхъ и пѣніе точно этотъ замокъ, заколдованный злой волшебницей и безмолвно дремавшій за непроходимымъ лѣсомъ, вновь пробудился къ жизни при звукахъ охотничьяго рожка. Бѣлокурая Оливія, какъ сказочная принцесса, ходила по пустыннымъ комнатамъ и заламъ, поднималась по лѣстницамъ, и вездѣ при ея появленіи воскресало прежнее великолѣпіе Чильдерлейскаго замка. Вездѣ она вносила съ собой солнечный свѣтъ и жизнь; даже каменныя мрачныя стѣны готическаго зданія и дубовыя панели, почернѣвшія отъ времени, принимали иной видъ. Баронетъ съ удивленіемъ и нѣжностью слѣдилъ за распоряженіями своей дочери.

— Я не ожидалъ, что изъ тебя выйдетъ такая хорошая хозяйка, Оливія, сказалъ онъ.—Помнишь ли ты тотъ вечеръ, когда у насъ были гости въ Чильдерлейскомъ замкѣ. Ты сдѣлала съ тѣхъ поръ большіе успѣхи!

— Но вѣдь съ тѣхъ поръ прошло два года; возразила Оливія.— Я была тогда ребенкомъ.

Дѣйствительно два года составляютъ большую разницу въ жизни молодой дѣвушки. Оливіи исполнилось восемнадцать лѣтъ. Она замѣтно развилась и похорошѣла въ это время. Хотя черты лица ея не были безупречны; носъ не подходилъ подъ мѣрку римскаго или греческаго профиля; губы не были довольно тонки и въ станѣ замѣтна нѣкоторая склонность къ полнотѣ; но, тѣмъ не менѣе, всѣ находили ее безусловно красивой. Честная глубокая натура,

представлявшая рѣдкое соединеніе непреклоннаго характера и кротости, сказывалась въ выраженіи глазъ, благородныхъ очертаніяхъ лба и губъ. Всѣ ея движенія, походка, голосъ, даже смѣхъ вполнѣ гармонировали съ ея привлекательной наружностью и придавали ей особенную прелесть.

— Разумѣется ты уже больше не ребенокъ, возразилъ баронетъ;— но надѣюсь, что ты всегда будешь для меня любящей покорной дочерью!

Оливія молча обняла отца, который продолжалъ:

— Слава Богу несчастія постигшія насъ послѣднее время разсѣялись какъ тучи и снова выглянуло солнце! Теперь я спокойно смотрю на ожидающую насъ будущность. Король на свободѣ, и быть можетъ опять все пойдетъ по старому. Однако прощай, я слышу голосъ Мартина.

Само собою разумѣется, что Мартинъ Бумпусъ игралъ не послѣднюю роль въ приготовленіяхъ къ пріему короля. Оставивъ мельницу и работниковъ на попеченіе жены, онъ отправился въ замокъ. Первой его заботой было добыть дичины и рыбы для угощенія короля; не довѣряя ловкости слугъ, онъ самъ отправился на охоту въ обществѣ Джона, будущаго владѣльца Чильдерлейскаго замка, и собственноручно убилъ оленя; затѣмъ наловилъ форелей въ рѣкѣ. То и другое не представляло для него никакихъ затрудненій, такъ какъ онъ зналъ лѣсъ не хуже своей мельницы и чуть ли не каждый камень въ рѣкѣ. Изъ погреба вынуты были лучшія старыя вина, которыя баронетъ пилъ только въ торжественныхъ случаяхъ, когда провозглашалъ тосты за здоровье короля. Всѣ арки у воротъ и окна были разукрашены, какъ въ Троицынъ день, гирляндами и вѣнками изъ дубовыхъ листьевъ и цвѣтовъ. Наконецъ принесены были королевскіе флаги, которые въ послѣдніе годы лежали въ кладовой безъ всякаго употребленія.

— Какая досада, что эти проклятые жиды сожгли башню! воскликнулъ Бумпусъ, указывая рукой на почернѣвшія развалины сгорѣвшаго зданія.

Баронету при его миролюбивомъ настроеніи духа было не особенно пріятно, что ему напомнили объ этомъ происшествіи.

— Ты напрасно бранишь жидовъ! замѣтилъ онъ своему вѣрному слугѣ.—Не они зажгли башню.

— Все равно, они вызвали молнію своими заклинаніями, возразилъ Мартинъ Бумпусъ.—Впрочемъ нечего особенно жалѣть объ этомъ. Вотъ и палка для флага на сторожевой башнѣ. У насъ въ замкѣ довольно всякихъ башенъ!

Не прошло и четверти часа, какъ надъ замкомъ снова развѣвался королевскій флагъ, украшенный львами, лиліями и арфами; и въ то же время на башнѣ боковаго флигеля, гдѣ приготовлено было помѣщеніе для короля, поднятъ былъ шотландскій флагъ.

Портретъ Гоголя, рисованный съ натуры актеромъ П. А. Каратыгинымъ, въ 1835 году.

Съ подлинника гравировалъ на деревѣ Паннемакеръ въ Парижѣ.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 25 АВГУСТА 1883 г.
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

ГРУСТНОЕ, тяжелое извѣстіе принесъ намъ телеграфъ: 22-го августа, въ Буживалѣ, въ 3½ часа пополудни, скончался Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, не доживъ и до 65-ти лѣтъ. Давно уже вся мыслящая Россія опасалась этого несчастія. Съ самаго начала весны, ходили слухи объ опасной болѣзни великаго писателя. По временамъ получались свѣдѣнія о страшныхъ страданіяхъ, переносимыхъ имъ, объ усиліяхъ лучшихъ врачей поддержать угасавшую жизнь, объ упорной борьбѣ крѣпкаго организма съ мучительнымъ недугомъ. Огромное число почитателей яркаго русскаго таланта испытывало тѣ же тягостныя волненія и опасенія, какія русское общество переживало во время такой же мучительной и продолжительной болѣзни Некрасова. Но на этотъ разъ надежды было больше, и болѣзнь не казалась смертельною. Въ послѣднее время сообщали даже о замѣтномъ улучшеніи, о томъ, что на мыслящія силы нисколько не дѣйствовалъ изнурительный недугъ... Оказалось вѣрнымъ только это послѣднее извѣстіе. Телеграма М. М. Стасюлевича, отъ 23-го августа, говоритъ: «Послѣднія сутки И. С. Тургеневъ находился въ полномъ сознаніи. Въ четвергъ (25-го) тѣло его будетъ перевезено въ Парижъ, въ русскую церковь. Тѣло, послѣ вскрытія, согласно желанію покойнаго, будетъ привезено въ Петербургъ, для погребенія на Волковомъ кладбищѣ, рядомъ съ Бѣлинскимъ. Приняты всѣ мѣры, чтобы сохранить дорогія черты посредствомъ гипсовой маски». Эти строги болѣзненно отзовутся въ сердцѣ каждаго, истинно русскаго человѣка, любящаго свою родину, своихъ передовыхъ дѣятелей, свою

литературу, въ которой Тургеневъ будетъ всегда занимать такое видное и почетное мѣсто. Это былъ не только высоко-даровитый писатель, но и высоко-честный гражданинъ, не только блестящій художникъ, но и рѣдкій человѣкъ. Начиная съ перваго, глубоко-прочувствованнаго очерка его, появившагося въ 1847 году, и оканчивая послѣдними поэтическими набросками, появившимися въ нынѣшнемъ году, Тургеневъ, въ теченіе всей своей тридцатилѣтней дѣятельности, былъ любимцемъ русской публики, горячо сочувствовавшей всѣмъ его произведеніямъ. Въ тяжелую, темную пору нашей литературы началъ онъ и кончилъ свое поприще, но тѣмъ выше въ ней его заслуги, тѣмъ дороже для насъ имя писателя, никогда не терявшаго вѣры въ побѣду свѣта надъ тьмою, правды надъ ложью, интеллигенціи надъ гнетомъ грубыхъ стихійныхъ силъ. Онъ утѣшалъ и ободрялъ наше общество въ самыя неприглядныя минуты его жизни. Въ самый разгаръ позорнаго крѣпостничества онъ вступилъ въ борьбу съ этой язвой русской жизни и рядомъ очерковъ, блестящихъ по внѣшней формѣ, глубокихъ по внутреннему значенію, обнаружилъ всю ужасную, возмутительную сторону нашего рабовладѣльчества, грустнаго, невыносимаго положенія этой «крещеной собственности». Впечатлѣніе, произведенное появленіемъ «Записокъ охотника» было потрясающее, но прямо карать человѣка за разсказы, съ восторгомъ встрѣченные всею читающею Россіей, было рискованно. Нашли, что писатель совершилъ еще болѣе важное преступленіе—похвалилъ только что умершаго Гоголя, и Тургеневъ былъ сначала посаженъ на гауптвахту, затѣмъ высланъ изъ Петербурга на житье въ свою деревню, оттуда ему было запрещено отлучаться, и гдѣ онъ безвыѣздно прожилъ три года. Это было, къ счастью, послѣднимъ подвигомъ ретроградной эпохи, вслѣдъ за которой настала свѣтлая пора 1855 года, съ ея блестящими надеждами, давно желаемыми реформами, съ усиленіемъ литературной дѣятельности. Въ послѣдніе годы этого десятилѣтія и первые шестидесятыхъ годовъ, появились всѣ лучшія произведенія Тургенева. Но несправедливость критическихъ и другихъ отзывовъ объ немъ такъ потрясла писателя, что онъ, при самомъ началѣ уничтоженія крѣпостного состоянія, освободилъ своихъ крестьянъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ и уѣхалъ за-границу, только по временамъ пріѣзжая на родину. Мотивъ этого отчужденія отъ всего, что̀ было ему близко, онъ самъ высказалъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Каждый изъ насъ точно также чувствовалъ, что его земля (говоря о нравственномъ и умственномъ достояніи каждаго) велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ. Та среда, къ которой я принадлежалъ, помѣщичья, крѣпостная не представляла ничего, что̀ могло бы удержать меня; напротивъ, все взбуждало во мнѣ чувство смущенія, негодованія, отвращенія. Я бросился въ «Нѣ-

мецкое море» и когда вынырнулъ изъ его волнъ, очутился западникомъ и остался имъ навсегда... Я не написалъ бы «Записокъ охотника», если бы остался въ Россіи. Но я не признавалъ никогда той не переступной черты, которую рьяные, но малосвѣдущіе патріоты хотятъ провести между Россіей и западною Европой. Неужели мы такъ мало самобытны, такъ слабы, что должны бояться всякаго посторонняго вліянія, съ дѣтскимъ ужасомъ отмахиваться отъ него, какъ бы онъ насъ не испортилъ? Я полагаю напротивъ, что насъ, хоть въ семи водахъ мой—нашей русской сути изъ насъ не вывести. Да и что бы мы были въ такомъ случаѣ за плохенькій народъ!» И Тургеневъ, не переставая любить родину и быть вполнѣ русскимъ человѣкомъ, нашелъ спокойствіе за-границей, въ тѣсномъ кругу немногихъ друзей, близъ высокообразованной артистки, вѣрнаго друга, уврачевавшаго своею высокою, безкорыстною привязанностью не одну тяжелую сердечную рану, поразившую писателя въ своемъ отечествѣ. И теперь бездыханные, но дорогіе останки этого много выстрадавшаго писателя предстоитъ встрѣтить его родинѣ, обществу, для котораго онъ такъ много сдѣлалъ, которое такъ любило его. Приготовимся же къ этой печальной и торжественной встрѣчѣ. Помянемъ добромъ великія заслуги великаго писателя, забывъ его мелкія несовершенства. И да будетъ свѣтлое имя Тургенева знаменемъ, подъ которымъ соединится, безъ различія партій и взглядовъ, все, что̀ честно мыслитъ въ нашемъ отечествѣ, все, что̀ вѣритъ въ его будущее, какъ вѣрилъ въ него безвременно почившій представитель русской литературы и русской интеллигенціи.

О значеніи Тургенева въ русской литературѣ мы скажемъ въ слѣдующей книжкѣ «Историческаго Вѣстника», а здѣсь приведемъ лишь нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о немъ.

Тургеневъ родился 28-го октября 1818 года въ Орлѣ; отецъ его кавалерійскій полковникъ Сергѣй Николаевичъ, мать его Варвара Петровна, до замужества съ Сергѣемъ Николаевичемъ Тургеневымъ Лутовинова. Дѣтство свое И. С. провелъ въ имѣніи своей матери, селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ, Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда, гдѣ онъ росъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Николаемъ, старшимъ его двумя годами. У Тургеневыхъ родилось еще нѣсколько дѣтей. Въ 1822 году Тургеневы отправились за-границу, съ дѣтьми; будущему писателю на 4-мъ году возраста пришлось такимъ образомъ побывать въ Германіи, Швейцаріи и Франціи. Это путешествіе едва не стоило жизни Ивану Сергѣевичу: въ Бернѣ онъ чуть не упалъ въ яму къ медвѣдямъ и обязанъ спасеніемъ своему отцу, который, къ счастію, успѣлъ схватить и поддержать сына. Такая близость къ смерти была не единственнымъ случаемъ въ дѣтствѣ Ивана Сергѣевича: на томъ же 4-мъ году возраста онъ заболѣлъ

такъ отчаянно, что съ него уже снимали мѣрку для гроба. По возвращеніи на родину, Иванъ Сергѣевичъ продолжалъ воспитываться дома, подъ призоромъ гувернеровъ, большею частію французовъ или нѣмцевъ, почему съ измала выучился языкамъ французскому и нѣмецкому. Знакомство съ русской литературой — свидѣтельствовалъ самъ И. С. Тургеневъ—началось съ «Россіяды» (поэма М. М. Хераскова), «которую одинъ камердинеръ матушки читалъ мнѣ украдкой, повторяя каждый стихъ, сперва на-черно, потомъ набѣло». Окончивъ домашнее воспитаніе, Иванъ Сергѣевичъ былъ отвезенъ въ Москву и тамъ отданъ сперва въ частный пансіонъ Вейденгаммера, а потомъ жилъ, пансіонеромъ же, у директора Армянскаго Лазаревыхъ института, Краузе, гдѣ выучился и по-англійски уже на 15-мъ году возраста; изъ своихъ пансіонскихъ наставниковъ, «вліяніе которыхъ оставило наибольшіе слѣды», И. С. Тургеневъ благодарно называетъ: П. Н. Погорѣльскаго, профессора математики, И. П. Клюшникова—преподавателя исторіи, и Д. Н. Дубенскаго—читавшаго русскую словесность. Въ 1834 году Иванъ Сергѣевичъ поступилъ въ московскій университетъ по словесному факультету; тогда же, 30-го октября, потерялъ отца, а въ слѣдующемъ 1835 году перешелъ въ петербургскій университетъ, изъ котораго, въ 1837 году выпущенъ дѣйствительнымъ студентомъ, но уже въ 1838 году держалъ и выдержалъ экзаменъ на кандидата. Изъ своихъ петербургскихъ профессоровъ И. С. Тургеневъ признательно вспомнилъ Греффе и Плетнева. Въ томъ же 1838 году И. С. Тургеневъ вторично отправился за-границу и чуть не погибъ во время пожара на пароходѣ «Николай I», близъ Любека. За-границею И. С. Тургеневъ прослушалъ три семестра въ берлинскомъ университетѣ, изъ котораго, какъ самъ говорилъ, вынесъ наиболѣе вліятельное впечатлѣніе отъ лекцій: Вердера — по философіи Гегелевой, Цумпта и Бока—по словесностямъ греческой и латинской, Ганса и Ранке—по исторіи.

Изъ этого видно, что покойный приступалъ къ литературнымъ занятіямъ будучи многосторонне образованнымъ человѣкомъ, познакомившись съ лучшими европейскими писателями въ подлинникахъ и усвоившій себѣ философское движеніе того времени изъ самаго источника. Можно сказать, что въ началѣ пятаго десятка настоящаго столѣтія, къ которому относится первоначальная литературная дѣятельность покойнаго, онъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей среди литераторовъ и, сближаясь съ ними, тогда же имѣлъ на нихъ вліяніе своимъ многостороннимъ знакомствомъ съ литературою и наукою Запада.

Возвратясь изъ-заграницы, И. С. Тургеневъ выступилъ на литературное поприще, хотя еще невѣдомо для публики: въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1841 года были напечатаны, безъ подписи,

его стихотворенія: «Старый помѣщикъ» и «Баллада». За этими первоначальными опытами, если не считать фантастическую драму «Стеніо», которую онъ написалъ еще студентомъ 2-го курса, и стихотворенія «Старый Дубъ», помѣщеннаго Плетневымъ въ своемъ «Современникѣ» въ 1838 году, послѣдовалъ, въ 1842 году, болѣе капитальный трудъ — «Параша», поэма въ стихахъ, подписанная буквами Т. Л. (то-есть Тургеневъ-Лутовиновъ), тогда же напечатанная отдѣльно и весьма понравившаяся читателямъ, мнѣніе которыхъ раздѣлялъ и Бѣлинскій, судя по его критическому отзыву въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1842 г., № 12). Еще ранѣе этого отзыва, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1842 года было напечатано стихотвореніе И. С. Тургенева: «Похищеніе», а въ 1843 году явились тамъ же стихотворенія: «Цвѣтокъ», «Нева», «Весенній вечеръ», «Когда съ тобой разстался я», «Человѣкъ какихъ много» и «Неосторожность», драматическій очеркъ въ 1 д. Всѣ эти произведенія, не выключая и поэмы «Попъ», остающейся неизданной и исполненной юношеской игривости, нѣсколько вольной, тѣснѣе и тѣснѣе сближали Тургенева съ Бѣлинскимъ, и послѣдній восторгался тѣми «юношескими грѣхами Тургенева, которые не признавались впослѣдствіи самимъ ихъ авторомъ». Мы напоминаемъ эти первые опыты писателя, такъ какъ они немногимъ извѣстны, блестящая же литературная репутація Тургенева началась собственно съ «Записокъ Охотника», первый очеркъ которыхъ «Хорь и Калинычъ» занялъ скромное мѣсто въ «Смѣси» перваго нумера «Современника» за 1847 годъ, возобновленнаго Некрасовымъ и Панаевымъ. Тургеневъ въ это время не бросалъ еще стиховъ и нѣсколько пьесъ напечатаны въ «Современникѣ» же 1847 года, а довольно большая юмористическая поэма, написанная бойкимъ и живописнымъ стихомъ, «Помѣщикъ», и иллюстрированная художникомъ Агинымъ, явилась въ «Петербургскомъ Сборникѣ» 1846 года, изданномъ Некрасовымъ.

Познакомившись еще въ С.-Петербургѣ съ знаменитою пѣвицею Віардо-Гарсія, Тургеневъ всю жизнь оставался вѣренъ той необыкновенной и постоянной привязанности, которую онъ чувствовалъ къ ней. Онъ вспоминалъ иногда слова своей матери, которая иногда говорила ему, что онъ изъ числа «однолюбовъ», то-есть такихъ людей, которые вѣчно остаются вѣрными одной привязанности. Въ семьѣ Віардо, какъ родной, и жилъ постоянно Тургеневъ. Онъ купилъ прелестную виллу въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ г-жа Віардо устроила литературные и художественные рауты. Тамъ одно время давались музыкальные вечера; Тургеневъ написалъ либретто оперы «Оборотень», если не измѣняетъ намъ память, а какой-то композиторъ музыку. Оперу эту слушали на виллѣ Тургенева императоръ Вильгельмъ и князь Бисмаркъ. Виллу эту подарилъ потомъ Тургеневъ г-жѣ Віардо, а она продала ее. Въ Па-

рижѣ онъ жилъ въ ея домѣ, въ двухъ комнатахъ, на антресоляхъ, среди самой скромной обстановки. Онъ меньше всего распоряжался своимъ достояніемъ и своимъ комфортомъ. Вообще той чужеземной семьѣ, которая пріютила нашего знаменитаго писателя, какъ родного, Тургеневъ былъ необыкновенно признателенъ. Онъ жилъ едва ли не больше для этой семьи, чѣмъ для себя самого, онъ отдавалъ ей свой заработокъ, свое состояніе. Женатъ онъ не былъ; но имѣлъ дочь отъ орловской крестьянки; этой дочери онъ далъ хорошее воспитаніе заграницей же и выдалъ ее замужъ за француза, который имѣлъ хорошее состояніе гдѣ-то на югѣ Франціи, но не такъ давно потерялъ это состояніе, и дочь жила на средства своего отца.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ ГОГОЛЯ [1].

ЛИШКОМЪ 50 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ стали появляться въ печати литературныя произведенія одного изъ первоклассныхъ русскихъ писателей-художниковъ, Николая Васильевича Гоголя [2]. Получивъ образованіе въ стѣнахъ нашего заведенія [3], которое носило тогда названіе «Гимназіи высшихъ наукъ», онъ оставилъ на память о себѣ начертанія начальныхъ буквъ своего имени и фамиліи на нѣкоторыхъ стеклахъ зимнихъ рамъ, вѣроятно, въ часы бездѣлья отъ скуки, и на деревьяхъ въ саду, подъ которыми любилъ отдыхать послѣ обѣда. По собственному сознанію его, первые опыты въ сочиненіяхъ, къ которымъ онъ получилъ навыкъ въ послѣднее время пребыванія своего въ школѣ, были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ,—комическихъ или сатирическихъ онъ не писалъ; но въ характерѣ его, несмотря на меланхолическій складъ, была наклонность къ веселости и охота къ шуткамъ, которыми онъ надоѣдалъ иногда товарищамъ. Въ самыхъ раннихъ

[1]) Статья эта была доставлена въ редакцію «Историческаго Вѣстника» покойнымъ профессоромъ Нѣжинскаго историко-филологическаго института Н. Я. Аристовымъ еще въ прошломъ году, но, вслѣдствіе обилія матеріаловъ, не могла быть напечатана раньше. *Ред.*

[2]) Глава изъ историческаго романа «Гетьманъ» помѣщена въ альманахѣ «Сѣверные цвѣты» на 1831 годъ. Статья «Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи» напечатана въ «Литературной Газетѣ» за 1831 годъ (Полн. собр. сочиненій Н. В. Гоголя. Изд. 4-е. М. 1880 года. Т. IV, стр. 23—197).

[3]) Нѣжинскаго историко-филологическаго института.

его сужденіяхъ о людяхъ выражалось умѣнье замѣчать особенности крупныя или мелкія и смѣшныя, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ,—умѣнье угадать человѣка, съ оттѣнкомъ его разсужденій, съ удержаніемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей (Собр. соч. Гоголя. IV. 795).

Рано задумываясь о своемъ будущемъ, Гоголь увѣренъ былъ, что онъ непремѣнно сдѣлается человѣкомъ знаменитымъ и совершитъ много добра для общества на государственной службѣ. «Прежде, чѣмъ вступить на поприще писателя, говоритъ онъ— я перемѣнилъ множество разныхъ мѣстъ и должностей, чтобы узнать, къ которой изъ нихъ я былъ больше способенъ; но не былъ доволенъ ни службой, ни собой, ни тѣми, которые надо мной были поставлены» (IV, 798). Такимъ образомъ, эта окольная дорога только помогла ему шире раздвинуть кругъ воззрѣній на разныя занятія и на русскій міръ, не угасивъ божественнаго пламени таланта, которое сильнѣе разгоралось въ душѣ поэта. Чуткая способность угадывать отличительныя особенности человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живаго, даръ смѣяться надъ пошлостью жизни, развиваясь постепенно, заставили его бросить служебную дѣятельность и создали великаго писателя. Пока Гоголь наблюдалъ и изображалъ малороссійскую жизнь, въ произведеніяхъ его замѣтны только проблески таланта. по его скромному замѣчанію, «это—ученическіе опыты»; но когда онъ выступилъ на болѣе широкую дорогу и сдѣлался живописцемъ всей Россіи, тогда онъ заявилъ себя неподражаемымъ мастеромъ и глубокимъ сердцевѣдцемъ. Сперва и смѣхъ его отличался свѣтлымъ игривымъ настроеніемъ, почти безцѣльнымъ, потомъ сталъ навѣвать грусть на читателя и, наконецъ, производилъ потрясающее дѣйствіе, при яркомъ и вѣрномъ изображеніи людскихъ пороковъ, несправедливости и пошлости (IV, 796).

Одаренный высокими движеніями души и святой любовью къ ближнему, онъ пріобрѣлъ познанье земли своей въ корнѣ и въ вѣтвяхъ, какъ истинный гражданинъ своего отечества, изучилъ русскую душу «не по книгамъ и разсказамъ, но по опыту, влекомый отъ младенчества желаніемъ знать человѣка». При всѣхъ великихъ дарахъ своихъ, онъ съ священнымъ благоговѣніемъ смотрѣлъ на высокую обязанность писателя; Грибоѣдовъ указывалъ на смѣхъ, какъ на орудіе обузданія подлыхъ людей:

Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ ихъ въ уздѣ.

Но Гоголь смѣхъ считалъ средствомъ исправленія общественной нравственности, смѣялся не отъ злости, а изъ жалости къ падшимъ. Въ душѣ его созрѣло просвѣщенное сознаніе недостатковъ русской жизни, загорѣлась искренняя любовь къ великому народу, онъ весь проникнулся желаніемъ вывести заблудшихъ изъ тьмы

къ свѣту разумной естественности, добра и гармоніи. Онъ смѣялся и плакалъ горькими слезами, когда создавалъ въ поученье людей живые образы, которые, какъ полные хозяева, растворяли двери сердецъ и входили свободно въ глубину души съ своей таинственной проповѣдью. Проницающей силою смѣха онъ заставлялъ выступать ярко мелочь и пустоту жизни, мимо которыхъ равнодушно проходитъ человѣкъ всякій день, и заставлялъ вскрикивать съ содраганіемъ: «Неужели есть такіе люди?» Онъ пригвоздилъ къ позорному столбу неотразимые образы безчувственныхъ обитателей Россіи, «страшныхъ недвижнымъ холодомъ души своей и безплодной пустыней сердца» и отбилъ охоту у другихъ—быть похожими на нихъ (IV, 565, 575, 814, 815, 818; II, 465).

Художественныя созданія Гоголя отрицательнаго направленія проложили новую широкую дорогу въ русской литературѣ и образовали громадную школу писателей. Монополисты тогдашней журналистики—Булгаринъ, Гречъ, Сеньковскій и Полевой—встрѣтили ихъ ожесточенной бранью и насмѣшками; напротивъ, люди, обладавшіе высокимъ развитіемъ ума и вкуса, какъ В. Г. Бѣлинскій и московскіе образованные писатели, приняли ихъ съ крикомъ восторга—и своими замѣчательными отзывами достойно возвысили въ глазахъ общества значеніе поэтическихъ созданій Гоголя. Особенно увлечена была ими современная молодежь; вотъ что замѣтилъ питомецъ «Училища Правовѣдѣнія» конца тридцатыхъ годовъ: «Новое поколѣніе подняло великаго писателя на щитахъ съ первой же минуты его появленія. Тогдашній восторгъ отъ Гоголя ни съ чѣмъ несравнимъ. Его всюду читали точно запоемъ. Необыкновенность содержанія, выпуклость типовъ, небывалый, неслыханный по естественности языкъ, отроду еще неизвѣстный никому юморъ—все это дѣйствовало просто опьяняющимъ образомъ. Съ Гоголя водворился въ Россіи совершенно новый языкъ; онъ безгранично нравился своей простотой, силой, мѣткостью, поразительною бойкостью и близостью къ натурѣ. Всѣ гоголевскіе обороты, выраженія быстро вошли во всеобщее употребленіе» [1]). И чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе возрастала слава геніальнаго писателя; враждебная партія рѣдѣла и только немногіе глубокіе старцы оставались при своемъ невыгодномъ мнѣніи о сочиненіяхъ Гоголя къ концу его жизни. Такъ, послѣ погребенія его, послали изъ Москвы Булгарину въ насмѣшку нѣсколько лавровыхъ листьевъ съ гроба; 28-го февраля 1852 года онъ отвѣчалъ между прочимъ П. В. Хавскому, извѣстному скромному писателю о русской хронологіи: «Если Гоголь для васъ и для редактора «Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей» кажется знаменитымъ писателемъ, то онъ вовсе не такимъ кажется мнѣ и Гречу. Сравнивать Гоголя съ Ка-

[1]) В. Стасовъ. «Русская Старина» 1881 года, кн. 2, стр. 414—418.

рамзинымъ — и грѣхъ и смѣхъ! Никто не нанесъ пагубнѣйшаго удара чистотѣ, правильности русскаго языка и изящному вкусу, какъ Гоголь. Партія натуральной школы возвеличила его, а почести, оказанныя ему въ Москвѣ, не дѣлаютъ чести ея литературному вкусу... Лавровые листы, которые вы мнѣ прислали съ его гроба, не расцвѣтутъ въ потомствѣ, всегда справедливомъ» [1]). Но Булгаринъ оказался плохимъ пророкомъ. Гоголь былъ дальновиднѣе писателей старой школы и заранѣе зналъ, какъ высоко со временемъ поставитъ потомство его неподражаемыя сочиненія! «Міръ, какъ водоворотъ, замѣчаетъ онъ:—движутся въ немъ вѣчно мнѣнія и толки, но все перемалываетъ время. Какъ шелуха слетаетъ ложь, и какъ твердыя зерна остаются неподвижны истины. Что признавалось пустымъ, можетъ явиться потомъ вооруженное строгимъ значеніемъ. Въ глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной, могучей любви» (II, 466; III, 138).

Громадное достоинство и значеніе сочиненій Гоголя давно оцѣнила и признала исторія русской литературы. Теперь вся Россія желаетъ увѣковѣчить заслуги великаго поэта отрицательнаго направленія постановкою достойнаго памятника въ Москвѣ, какъ недавно воздвигла геніальному поэту положительнаго направленія, А. С. Пушкину. Даже гдѣ трудно было ожидать, здѣсь, въ уѣздномъ городкѣ Нѣжинѣ, нашлись образованные и благородные люди, которые позаботились въ короткое время соорудить бюстъ Н. В. Гоголю, въ память его образованія въ нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ.

Высокія творенія Гоголя обстоятельно разобраны въ литературномъ отношеніи; но я сдѣлаю попытку коснуться его художественныхъ произведеній не со стороны словеснаго искусства, а со стороны отечественной науки,—позволю себѣ остановиться на вопросѣ, который не разработанъ въ литературѣ, а именно: «Какое историческое значеніе имѣютъ сочиненія Гоголя?»

По самому свойству своего таланта и характеру творчества Гоголь изображалъ извѣстную ему до подробностей современную жизнь, выставляя на показъ выпуклые и яркіе стороны характера живыхъ тогдашнихъ людей или общественныхъ и частныхъ явленій. Онъ воплощалъ въ жизненные образы личностей дѣйствительныя черты несущагося передъ нимъ народнаго движенія и пишетъ объ этомъ слѣдующее: — «Мнѣ нужны были свѣдѣнія о внутренней жизни Россіи, какъ этюды съ натуры художнику, чтобы не погрѣшить ни въ чемъ противъ дѣйствительности, противъ времени или эпохи, какая взята. Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности,

[1]) «Русская Старина» 1872 года, кн. 3, стр. 482.

изъ данныхъ мнѣ извѣстныхъ. Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности. Я никогда не писалъ портрета, въ смыслѣ простой копіи. Я создавалъ портретъ, но создавалъ его вслѣдствіе соображенія, а не воображенія. Чѣмъ болѣе вещей принималъ я въ соображеніе, тѣмъ у меня вѣрнѣй выходило созданіе... Всѣ только удивлялись, какъ могъ я требовать такихъ мелочей и пустяковъ, тогда какъ имѣю такое воображеніе, которое можетъ само творить и производить. Но воображеніе мое до сихъ поръ не подарило меня ни однимъ замѣчательнымъ характеромъ и не создало ни одной такой вещи, которую гдѣ нибудь не подмѣтилъ бы мой взглядъ въ натурѣ. Мнѣ нужны были безчисленныя мелочи и подробности, которыя говорятъ, что взятое лицо дѣйствительно жило на свѣтѣ, иначе оно станетъ идеальнымъ,—надо было, чтобы русскій читатель почувствовалъ, что выведенное лицо взято именно изъ того самаго тѣла, изъ котораго созданъ и онъ, что это живое и какъ бы его собственное тѣло. У меня въ этомъ отношеніи умъ тотъ самый, какой бываетъ у большей части русскихъ людей, т. е. способный больше выводить, чѣмъ выдумывать» (IV, 804, 810, 811). Однако, герои послѣднихъ произведеній Гоголя не портреты дѣйствительныхъ людей, т. е. не личности, не копіи современниковъ, потому что онъ «озарялъ, картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и въ глубинѣ душевной возводилъ въ перлъ созданія» (II, 136; IV, 644, 647).

Такимъ образомъ, созданія Гоголя состоятъ изъ прочнаго, фактическаго матеріала современной жизни и получили мастерскую отливку и художественную отдѣлку. Разрушая цѣльныя образы, мы получимъ дѣйствительные факты тогдашняго состоянія Россіи, при томъ не одиночные или рѣдкіе факты, а характерные, которые оттѣняютъ настрой множества лицъ и отличія событій даннаго времени, столь важные и дорогіе для историка. Эти историческія данныя, обрисованныя художникомъ, не уступятъ по правдѣ и вѣрности изображеній мемуарамъ частныхъ лицъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превзойдутъ ихъ, напримѣръ, тонкимъ подборомъ содержанія, типическимъ значеніемъ явленій и силой жизненности, потому что художникъ, какъ и современный дѣеписатель, собственно не выдумывалъ никакихъ несуществовавшихъ мелочей жизни. Какъ великій талантъ, Гоголь въ своихъ произведеніяхъ не бралъ рѣзкія исключенія или выдающіяся лица и событія, но рисовалъ ярко обыденные черты характеровъ, что ежеминутно двигалось предъ глазами, всю дрянь пошлой дѣйствительности, «всю страшную потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь» (II, 136). Въ тупой средѣ своей дикіе и безнравственные люди не выдавались подлостью, а величались—кто добрымъ малымъ, а кто отличнымъ человѣкомъ; ничтожныя дамы съ

самой мелкой дрянной душонкой, пошлыя сплетницы носили название въ городѣ — однѣ просто пріятныя, а другія пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ.

Эта глубина изображеній силой неумолимаго рѣзца художника повседневныхъ характеровъ, которыми кипитъ земная скучная дорога, была весьма жизненна и производила глубокое впечатлѣніе своей выпуклой правдой. Самъ авторъ прекрасно понималъ, что даже названія созданныхъ имъ личностей перейдутъ въ родовыя или бранныя; «пройди мимо какой нибудь знакомый, говоритъ онъ, другой толкнетъ подъ руку сосѣда и скажетъ со смѣхомъ: смотри, Чичиковъ пошелъ!» (III, 258). О комедіи «Ревизоръ» онъ замѣтилъ: «Прежде всего разсердится всякій уѣздный городишка въ Россіи и будетъ утверждать, что это злая сатира, пошлая, низкая выдумка, направленная на него» (II, 456; 458). Дѣйствительно, созданные Гоголемъ образы такъ ярко отразили въ себѣ современную жизнь, что читатели въ попыхахъ, при первой раздражительности, приняли ихъ за личности, отыскивали въ нихъ черты своихъ знакомыхъ или свойства собственнаго характера и закричали, чтобы запретили неблагонамѣренныя сочиненія (II, 451, 452, 455). Въ «Ревизорѣ» Гоголь собралъ въ кучу все дурное въ Россіи, какое тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлались въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего отъ человѣка требовалась справедливость,—и за одинъ разъ посмѣялся надъ всѣмъ. Это произвело потрясающее дѣйствіе. «Мертвыя души» тоже произвели много шума, много ропота, задѣли за живое многихъ и насмѣшкою, и правдою, и каррикатурою, «коснулись порядка вещей, который у всѣхъ ежедневно передъ глазами» (IV, 797, 638). Видимо, что авторъ превосходно изучилъ тогдашнее состояніе внутренней жизни Россіи, подробно ознакомился съ кругомъ занятій должностныхъ лицъ, съ дѣятельностью каждаго класса общества и съ теченіемъ обстоятельствъ въ разныхъ мѣстностяхъ обширнаго нашего отечества. Онъ зналъ несравненно болѣе и гораздо крупнѣе и разительнѣе фактовъ, чѣмъ сколько представлялъ ихъ въ сочиненіяхъ. Какъ точный наблюдатель и справедливый судья современной жизни, Гоголь не навязывалъ своимъ собратьямъ того, чего въ нихъ не видалъ самъ, да и замѣченныя имъ мерзости были безчисленны и, при отсутствіи любви къ человѣку, способны были подавить любую душу (IV, 676). Многія событія, изображенныя въ литературныхъ произведеніяхъ, упоминаются и въ письмахъ Гоголя, гдѣ онъ разсуждаетъ объ нихъ, какъ объ извѣстныхъ фактахъ своего времени; такихъ указаній встрѣчается не мало въ «Перепискѣ съ друзьями» и въ «Авторской исповѣди». Иногда онъ нарочно старался отыскать живыхъ людей извѣстныхъ занятій для изученія ихъ, чтобы соблюсти точную правду въ изображеніи характера и обстановки; написавъ двѣ главы «Мертвыхъ

душъ», онъ сообщалъ А. С. Пушкину: «Ищу теперь хорошаго ябедника... Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать, хотя съ одного боку, всю Русь» [1]).

Очевидно, для своихъ поэтическихъ созданій онъ пользовался, какъ дорогимъ матеріаломъ, случаями дѣйствительными, явленіями живой среды, а не выдумками фантазіи. Въ этомъ мы еще глубже убѣдимся, когда станемъ сопоставлять различныя черты изображеній Гоголя съ несомнѣнными историческими данными и частными записками русскихъ людей тогдашняго времени.

Во все царствованіе императора Александра I кипѣла преобразовательная работа, а еще болѣе было намѣчено замысловъ по улучшенію внутренняго строя русской жизни. Но эти стремленія прекратилъ несчастный бунтъ декабристовъ, подавъ поводъ правительству скрутить и ложное и истинное развитіе образованія, и заковать желѣзнымъ кольцомъ кругъ гражданской дѣятельности. Съ 1825 года настало тяжелое время, явилось не стремленіе къ улучшенію разныхъ недостатковъ русскаго общественнаго строя, сознанныхъ въ началѣ XIX столѣтія, но «строгое охраненіе порядка извнѣ и внутри». Введеніе суровой централизаціи простерло власть и сдержку на самыя мелкія и даже частныя явленія жизни; охранительныя начала пришлись по вкусу чиновникамъ и помѣщикамъ, которые считали себя главной силой и опорой государства. Гоголь смѣется надъ этими любителями стѣсненія людской свободы и разсказываетъ слѣдующее: когда распространились въ Петербургѣ слухи, что носъ коллежскаго ассесора Ковалева прогуливается во фракѣ по Невскому проспекту и любопытные собирались толпами смотрѣть,—«не большая часть почтенныхъ и благонамѣренныхъ людей была чрезвычайно недовольна. Одинъ господинъ говорилъ съ негодованіемъ, что онъ не понимаетъ, какъ въ нынѣшній просвѣщенный вѣкъ могутъ распространяться нелѣпыя, выдумки, что онъ удивляется, какъ не обратитъ на это вниманія правительство. Господинъ этотъ, какъ видно, принадлежалъ къ числу тѣхъ господъ, которые желали бы впутать правительство во все, даже въ свои ежедневныя ссоры съ женою»... (II, 83).

Царствованіе Николая I по историческому теченію было подготовительнымъ къ дальнѣйшему движенію и улучшенію внутренней жизни Россіи; между тѣмъ все вниманіе правительства поглощено было внѣшними дѣлами, расширеніемъ строгой формальности, постоянными войнами, часто совсѣмъ ненужными и безполезными. Гоголь понималъ отчетливо запросы современной жизни, при узкомъ и одностороннемъ направленіи правительственной дѣятельности, и говорилъ: «Въ это время, которое недаромъ называютъ переходнымъ, у всякаго замѣтно стремленіе преобразовывать,

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1880 года, № 2.

поправлять и вообще торопиться средствами противъ всякаго зла. Вопросы нравственные взяли перевѣсъ и надъ политическими, и надъ учеными, и надъ всякими другими вопросами. И мечъ, и громъ пушекъ не въ силахъ занимать міръ. Вездѣ обнаруживается болѣе или менѣе мысль о внутреннемъ строеньи: все ждетъ какого-то болѣе стройнаго порядка» (IV, 805,803). Но правительство не отзывалось на общія стремленія къ улучшенію внутренняго порядка, сильно содѣйствовало размноженію чиновничества безъ всякой надобности, которое составило громадное сословіе, надѣленное властью, бездушное и безжизненное, неимѣющее понятія о мѣстныхъ нуждахъ и народномъ благоустройствѣ и благосостояніи.

Послѣ войны съ Турціей 1829 года, русское правительство, покоившееся на мнимо-незыблемыхъ основахъ священнаго союза, могло бы вздохнуть свободно и обратить вниманіе на внутреннее благоустройство; но съ одной стороны появленіе холеры въ нашемъ отечествѣ, а съ другой—революція, вспыхнувшая во Франціи, за тѣмъ польскій бунтъ отвлекли императора отъ внутренней дѣятельности. Николай I искренне преданъ былъ началу законности и основамъ священнаго союза; впечатлѣнія при восшествіи на престолъ внушали ему глубокую ненависть къ революціоннымъ движеніямъ. Онъ писалъ 13 ноября 1830 года фельдмаршалу Дибичу: «Слѣдуетъ доказать якобинцамъ всѣхъ государствъ, что ихъ не боятся и вездѣ стоятъ подъ ружьемъ. Если бы даже провидѣніе, по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ, рѣшило намъ погибнуть, то мы погибнемъ съ честью, и грудью защищая пробитую брешь. Таковыя чувства я питаю уже 5 лѣтъ и таковыми онѣ останутся на всю мою жизнь» [1]). Дѣйствительно, императоръ до конца дней оставался вѣренъ этому убѣжденію; между тѣмъ еще въ 1826 году все общество ожидало преобразованій самыхъ широкихъ и искорененія вопіющихъ злоупотребленій, пресѣченія наглаго произвола и неурядицъ [2]). Впрочемъ общество скоро узнало о новомъ учрежденіи III Отдѣленія государевой канцеляріи.

Оставляя права крѣпостничества почти нетронутыми, правительство цѣлые милліоны народа отдавало въ рабство и безотчетное распоряженіе помѣщиковъ. Образованіе въ Россіи отодвинулось на задній планъ, потому что на него смотрѣли подозрительно и держали въ тискахъ, опасаясь развитія разрушительныхъ началъ, какъ у декабристовъ. Цѣнилась одна формальная служба: для благонамѣренной бездарности нехитрыхъ пройдохъ открылись лучшія должности, стали предпочитать тупыя бритвы вострымъ, какъ обрисовывалъ Крыловъ въ баснѣ и Гоголь въ своихъ сочиненіяхъ (IV, 756). Злоупотребленія властью разростались по всей

---

[1]) «Русская Старина» 1881 г., кн. 6, стр. 393.

[2]) Тамъ же, сентябрь, стр. 163—194.

Россіи въ ужасающихъ размѣрахъ; угнетеніе народа дворянами и чиновниками дошло до высокой степени развитія — и недовольство крестьянъ обнаруживалось въ частыхъ бунтахъ противъ помѣщиковъ и управляющихъ изъ нѣмцевъ. На всѣ эти выдающіяся черты царствованія Николая Павловича Гоголь обратилъ особенное вниманіе.

Разсуждая о высокомъ значеніи монарха въ Россіи и о сердечной привязанности къ нему народа, который видитъ въ немъ представителя святой правды и защитника всѣхъ угнетенныхъ и бѣдствующихъ, великій писатель смѣло говорилъ о прекрасныхъ качествахъ императора Николая, не опасаясь прослыть льстецомъ, какъ и Пушкинъ, рѣзко изображалъ и слабыя стороны его царствованія, не боясь преслѣдованій. Личность государя онъ выставлялъ, какъ высокую и благородную, что онъ сокрушается о несчастной Россіи, стонущей отъ грабительствъ и неправды, что болитъ сердце его, какъ никто не знаетъ, не слышитъ и не можетъ знать (IV, 720). Между прочимъ, онъ разсказываетъ, что императоръ два раза спасалъ его своей помощью, когда онъ былъ въ чужомъ городѣ «безъ всякихъ средствъ, рискуя умереть не только отъ болѣзни и страданій душевныхъ, но даже отъ голода. Услышалъ-ли онъ сердцемъ, что бѣдный подданный его на своемъ неслужащемъ и незамѣтномъ поприщѣ помышлялъ сослужить ему такую-же честную службу, какую сослужили ему другіе на своихъ служащихъ и замѣтныхъ поприщахъ, или это было просто обычное движеніе милости его. Но эта помощь меня подняла вдругъ» (IV, 690). За то отзывы Гоголя о тогдашнихъ главныхъ дѣятеляхъ Россіи весьма не лестны: всѣ они только и думаютъ, какъ бы выставиться хитростью и обманомъ и удовлетворить свое громадное самолюбіе, приписавъ всякія заслуги себѣ, стремятся прославиться и схватить орденишку (IV, 641—2,656). Подъ личиной усердія къ царю и отечеству, подъ видомъ добра и благонамѣренности общественной, съ жадностью хватали личныя выгоды, говорили неправду и творили безчестныя дѣла (IV, 554). Все это исторически совершенно точно. Императоръ Николай дѣйствительно, какъ рыцарски-честный и великодушный монархъ, любилъ покровительствовать талантливымъ людямъ, къ сожалѣнію, окруженъ былъ бездарными въ большинствѣ и недобросовѣстными сановниками. Не даромъ онъ въ минуты тяжелаго разочарованія высказалъ, что «онъ одинъ честный человѣкъ въ Россіи». Поэтому напрасно на него одного сваливаютъ многіе вину въ печальныхъ для нашего отечества явленіяхъ тяжелаго порядка вещей. Современный сатирическій писатель насмотрѣлся на горькое положеніе Россіи и причины его искалъ въ испорченности вліятельныхъ лицъ, въ высшихъ переднихъ классахъ общества, поработившихъ народъ; онъ показываетъ всю гниль и ветошь началъ ихъ дѣятельности,

смѣется надъ ложной искусственной дорогой, которая приводила ихъ въ восторгъ, на злое горе и бѣдствіе нашей родной страны.

Изображая отличительныя особенности жизни своего времени, Гоголь всюду слѣдитъ за иностраннымъ вліяніемъ въ Россіи и представляетъ его ядовитыя свойства, разъѣдающія русскій бытъ. Первыми и главными надежными слугами престола и отечества считались тогда вообще иностранцы и въ частности остзейскіе нѣмцы: у нихъ въ рукахъ находились высшія государственныя должности и они прославляли другъ друга за геніальную дѣятельность на пользу отечества, вывозили одинъ другаго изъ всякихъ напастей. Какого склада были эти высшіе правители изъ иностранцевъ, показываетъ письмо маркиза Паулуччи, которое онъ писалъ государю въ 1830 году, по сдачѣ должности генералъ-губернатора псковскаго, лифляндскаго, эстляндскаго, курляндскаго и рижскаго: ... «Дай найду я въ благости в. и. величества великодушное прощеніе моей дерзости и да позволено мнѣ будетъ присовокупить еще всеуниженнѣйшую просьбу, продлить могущественный кровъ в. в. на меня и семейство мое, даже за предѣлами почіющаго подъ скипетромъ вашимъ государства. Угрюмый Борей оледнѣваетъ наружныя только очерки въ сей странѣ, внутреннія ощущенія согрѣваются солнцемъ престола. Я принужденъ отдалиться отъ сего солнца, но до послѣдняго издыханія не перестану ловить даже въ переломѣ благотворные лучи онаго, согрѣвающіе душу, какъ воля творца серцевину природы, и каждое мгновеніе изъ гиперборейскихъ странъ напомнитъ мнѣ, среди палящихъ жаровъ юга, усладительную тѣнь матери Россіи» и проч. Императоръ Николай приказалъ копію съ этого изліянія признательности за милости отослать в. кн. Константину Павловичу, собиравшему рѣдкія и курьезныя бумаги [1]). Подобныхъ господъ, согрѣвавшихъ душу и нагрѣвавшихъ карманъ насчетъ матери Россіи, Гоголь хорошо зналъ и считалъ ее несчастной отъ наглой неправды, когда закружился въ ней вихрь запутанностей, «которыя застѣнили всѣхъ другъ отъ друга и отняли почти у каждаго просторъ дѣлать добро и пользу истинную своей землѣ, при видѣ повсемѣстнаго помраченія и всеобщаго уклоненія отъ духа земли своей, при видѣ этихъ безчестныхъ плутовъ, продавцовъ правосудія и грабителей, которые какъ вòроны налетѣли со всѣхъ сторонъ клевать еще живое наше тѣло и въ мутной водѣ ловить свою презрѣнную выгоду» (IV, 721). «Нѣмцу всегда везетъ», замѣчалъ Гоголь. Не напрасно разсказываютъ, что князь Меньшиковъ просилъ Николая Павловича пожаловать его въ нѣмцы, вмѣсто всякой другой награды, а «тогда я всего достигну», добавлялъ онъ.

---

[1]) «Русская Старина» 1881 года, кн. 2, стр. 448 — 449. О Паулуччи см. «Сборникъ постановл. и распоряж.» 1875 г., II, 79.

Не любилъ Гоголь также отечественныхъ правителей изъ русскихъ бояръ, бросившихъ все прадѣдовское и пичкавшихъ заморское всюду безъ толку.

Европейскіе аристократы справедливо восхваляли свое сословіе, которое создало культуру, и гордились плодотворной дѣятельностью своихъ предковъ; русскій же владѣльческій классъ, по своему началу и происхожденію, не похожъ на европейское дворянство, не создалъ никакого особаго пути историческаго, а взялъ готовую культуру съ запада и притомъ одни вершки ея и внѣшнюю форму (IV, 720). Къ концу царствованія Николая Павловича, помѣщиковъ и чиновниковъ въ Россіи насчитывалось до 445,400 человѣкъ: изъ нихъ 342,000 вовсе не имѣли помѣстьевъ и жили службой, 79,000 владѣли каждый менѣе 100 душъ, 24,000 бояръ насчитывали болѣе 100 душъ; самыхъ крупныхъ владѣльцевъ было только 3,800, у которыхъ находилось въ распоряженіи 4.971,724 души, и они, конечно, вполнѣ были обезпечены и могли пользоваться матеріальнымъ довольствомъ и всѣми благами цивилизаціи. Но Гоголь показываетъ, что они не умѣли съ честью и выгодой воспользоваться своимъ прекраснымъ положеніемъ. Самое названіе баринъ на народномъ языкѣ означаетъ бездѣльнаго лежебока и празднаго бѣлоручку. Накопленное кровавымъ трудомъ крестьянъ достояніе одинъ спускалъ въ карты, другой тратилъ на собакъ, среди которыхъ былъ «совершенно какъ отецъ среди семейства» (III, 63, 64, 73); иной кутилъ во всю ширину русской удали и барства, прожигалъ насквозь жизнь, заводилъ театры и балы, всю ночь сіялъ его садъ, убранный огнями и оглашенный громомъ музыки, полъ-губерніи разодѣто и весело гуляло и пило подъ деревьями; а рядомъ съ нимъ господинъ, раззоряя крестьянъ своихъ, жилъ скаредомъ, копилъ деньги и добро—и самъ обратился въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ, какъ въ кладовой пожитки его становились гнилью и прорѣхой (III, 122, 123). Петръ Петровичъ Пѣтухъ самъ воспитывалъ теленка на молокѣ для жаркаго, какъ родного сына и закармливалъ на убой знакомыхъ, а Пульхерья Ивановна жила для гостей и въ кладовой у ней разныхъ вареній, соленій и настоекъ было столько, что они могли бы затопить дворъ и садъ, если бы наполовину не крала ихъ дворня. Одинъ баринъ одурѣлъ отъ сна и отъ бездѣлья, протиралъ на кровати утромъ глаза свои по два часа, пока лакей стоялъ съ умывальникомъ и полотенцемъ; другой усиливался заставить всѣхъ деревенскихъ бабъ ходить въ корсетахъ; третій на бесѣдкѣ въ саду сдѣлалъ надпись: «Храмъ уединеннаго размышленія» и мечталъ, что высшее начальство, узнавъ о горячей дружбѣ его съ пріятелемъ, пожаловало ихъ генералами (III, 29, 37, 266, 328) [1]).

---

[1]) О малорусскихъ помѣщикахъ-ябедникахъ, происшедшихъ изъ дегтярей,

Крестьяне въ отношеніи помѣщиковъ были совершенно безправными юридически и повинности ихъ не были опредѣлены закономъ, а зависѣли отъ воли господина, который могъ дать и отнять землю, увеличить и уменьшить надѣлъ, иногда присвоивалъ движимое имущество, нажитое крестьяниномъ. Баринъ свободно переселялъ крѣпостныхъ, куда вздумается, продавалъ по одиночкѣ и мѣнялъ, проигрывалъ въ карты, запрещалъ жениться или вѣнчалъ по произволу; онъ могъ отдать въ солдаты, сослать на поселеніе и отправить въ каторжную работу, а наказывалъ крестьянъ, какъ ему вздумается; законъ преслѣдовалъ его только, если человѣкъ умиралъ во время самаго истязанія. Единственная обязанность лежала на господинѣ—прокармливать крестьянъ во время голода, да и та часто не исполнялась. Произволъ бояръ доводилъ иногда подчиненныхъ до крайности и они отказывались повиноваться. Народъ не вѣрилъ ни помѣщикамъ, ни чиновникамъ, но питалъ полное довѣріе къ разсказамъ бывалыхъ странниковъ отставныхъ солдатъ. Гоголь разсказываетъ, что въ одной изъ губерній мужики взбунтовались противъ помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ. «Какіе-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступаетъ такое время, когда мужики должны быть помѣщиками и нарядиться во фраки, а помѣщики нарядиться въ армяки и будутъ мужиками, и цѣлая волость, неразмысля того, что слишкомъ много выйдетъ тогда помѣщиковъ, отказались платить капитанъ-исправникамъ всякую подать. Нужно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ» (IV, 546) [1]).

По ложнымъ убѣжденіямъ западно-европейскихъ мыслителей, дворянство въ Россіи по преимуществу считали самой надежной опорой престола, оплотомъ государственнаго строя противъ опасныхъ стремленій низшихъ классовъ общества. Разумѣется, эту мысль и пріятно и выгодно было развивать цѣлому сословію боярскому, которое не любилъ народъ за его исключительныя права и привилегіи и не имѣлъ къ нему довѣрія, какъ воспитанному и живущему на чужую стать и разучившемуся понимать русскаго человѣка. Правительство и боярство считали крестьянъ опасными либералами, на подобіе западныхъ демократовъ и пролетаріевъ, готовыхъ подкапываться подъ основы правленія; въ сороковыхъ годахъ даже защитниковъ крестьянъ-славянофиловъ, стоявшихъ за благосостояніе народное, нѣмецкія власти представили разрушителями основъ государства и опасными революціонерами и подвергли преслѣдованіямъ. Гоголь рѣзкими чертами рисуетъ, какъ крѣпостное право

см. I, 233. О глупомъ гостепріимствѣ бояръ, тамъ же I, 208, 210, 244. Обращеніе помѣщиковъ съ крѣпостными. I, 201—4, 210, 236, II, 3—4, 18, 75, III, 316,

[1]) Такія отношенія существовали и при Екатеринѣ II. («Русская Мысль» 1880 г., октября 19-го). Императоръ Николай старался запретить продавать крестьянъ безъ земли, но напрасно.

заслонило значеніе народа, который былъ творцомъ силы и мощи государства, выносилъ на своихъ могучихъ плечахъ изъ всѣхъ невзгодъ и укрѣпилъ его, создавъ единую власть,—какъ этотъ народъ старались тотчасъ представить бунтовщикомъ, неповинующимся правительству, если онъ выражалъ недовольство противъ невыносимыхъ притѣсненій. Такая система управленія по всей Россіи была въ большомъ ходу при Николаѣ Павловичѣ, даже волостныя власти прибѣгали къ ней; Гоголь разсказываетъ, какъ въ Малороссіи сельскій голова управлялъ народомъ, словно гетманъ какой, и подъѣзжалъ старикъ къ дивчатамъ; за это паробки сочинили ему пасквильную пѣсню и устроили ночью кошачью музыку. Голова взбѣсился и кричалъ: «этого дьявола въ вывороченномъ тулупѣ, въ примѣръ другимъ заковать въ кандалы и наказать примѣрно! Пусть знаютъ, что значитъ власть! Отъ кого же и голова поставленъ, какъ не отъ царя? Потомъ доберемся и до другихъ хлопцевъ». Затѣмъ голова приказывалъ крестьянамъ изловить наряженныхъ парней, а когда они неохотно соглашались, начальникъ закричалъ: «Дамъ я вамъ переполоху! Что вы? не хотите слушаться? Вы, вѣрно, держите ихъ руку? Вы бунтовщики! Что это?.. Вы заводите разбои!.. Вы... Я донесу коммисару!..» (I, 74, 77). Помѣщики, изображенные Гоголемъ, были русскіе люди, но совсѣмъ испорченные съ дѣтства разными иноземными снадобьями; жили они по деревнямъ, каждый день толковали съ крестьянами, но смотрѣли на нихъ сквозь чужіе очки и не понимали ихъ, не обращая вниманія на общественный русскій бытъ, даже презирая его. Отношенія бояръ къ крѣпостнымъ обрисованы писателемъ-художникомъ до высокаго совершенства и вполнѣ взяты изъ современной жизни; эти отношенія какъ будто стали мягче сравнительно съ прежнимъ временемъ. По изображенію Грибоѣдова, помѣщики мѣняли самыхъ приверженныхъ къ нимъ слугъ на борзыхъ собакъ: теперь мы не видимъ, чтобы кто нибудь приравнивалъ христіанскую крѣпостную душу къ собачьей, даже такой безалаберный любитель псарни, какъ Ноздревъ, и тотъ давалъ въ придачу къ шарманкѣ и собакамъ ревизскія души, мертвыя, а не живыя (III, 80—81). Вотъ и миргородскій помѣщикъ Антонъ Прокофьевичъ Голопузя большой охотникъ былъ мѣняться, но и тотъ выбиралъ предметы одушевленные и неодушевленные болѣе благороднаго свойства; такъ онъ тройку гнѣдыхъ промѣнялъ на скрипку и дворовую дѣвку, взявши придачи 25 р., «а дѣвку промѣнялъ на сафьянный кисетъ, и теперь у него кисетъ такой, какого ни у кого нѣтъ» (I, 460) заключаетъ Гоголь.

Въ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія, экономные помѣщики сильно заботились о размноженіи своихъ крѣпостныхъ; въ разсужденіи, присланномъ въ 1791 году, въ «Вольное экономическое общество» мы читаемъ: «Дѣвокъ отъ 18 лѣтъ въ супружество отдавать; доб-

рые экономы отъ скотины и птицъ стараются племя разводить, а человѣкъ, просвѣщеніе разумѣющій, паче долженъ о размноженіи рода человѣческаго при помощи божіей печность приложить», т. е. позаботиться [1]). Настасья Петровна Коробочка, какъ кредитная женщина, и въ сороковыхъ годахъ руководствовалась тѣмъ же соображеніемъ: она разводила крѣпостныхъ, какъ куръ и свиней, и видѣла одинаковую выгоду въ продажѣ сала, птичьихъ перьевъ и мертвыхъ душъ холопскихъ. Глубокая идея о мертвыхъ душахъ основывалась на ложной податной системѣ, введенной Петромъ Великимъ, на знаменитой ревизіи душъ, когда узаконена была подушная подать, вмѣсто прежней поимущественной. Еще Посошковъ видѣлъ всю нелѣпость такой раскладки сборовъ и писалъ: «Душа—вещь неосязяемая, надо цѣнить грунтованныя вещи». Исторія и показала, что плата за умершихъ, пока ревизія не исключала ихъ изъ списковъ, горько отзывалась въ жизни народа, произвела множество недоразумѣній и злоупотребленій. Во второй половинѣ XVIII столѣтія появилось между раскольниками сатирическое сочиненіе «Объ антихристѣ, еже есть Петръ I», гдѣ отвергаются всѣ нововведенія, пущенныя подъ вліяніемъ иноземныхъ идей, отрицается ревизія душъ, сословія и подушная раскладка подати. Тоже злостное отрицаніе не разъ повторяли раскольники и въ XIX столѣтіи; въ царствованіе Николая I распространилась рукопись, подъ заглавіемъ: «Общая бесѣда пустынножителей нынѣшняго плачевнаго времени». Между прочимъ старовѣры изумлялись лукавому ухищренію антихриста, какъ онъ «и съ мертвыхъ дани востребова, чтобы уловить въ свои пагубныя сѣти всякую душу и живую и умершую». Очевидно, Гоголь хорошо зналъ, какъ обнаруживались на практикѣ убѣжденія раскольниковъ во второй четверти XIX столѣтія, когда императоръ Николай старался преобразовать податную систему, но и его «Уставъ о земскихъ повинностяхъ» 1851 года не уничтожилъ подушнаго оклада. Знаменитый писатель сообщаетъ: «Въ губерніи разшевелились раскольники. Кто-то пропустилъ между ними, что народился антихристъ, который и мертвымъ не даетъ покоя, скупая какія-то мертвыя души. Каялись и грѣшили, и подъ видомъ какъ бы изловить антихриста, укокошили неантихристовъ» (IV, 546).

Гоголь, какъ будто слегка и мимоходомъ касался крѣпостнаго права: у него нѣтъ изображеній тиранства крестьянъ или жестокихъ типовъ, а впечатлѣніе остается глубокое. «Мнѣ бы скорѣе простили, пишетъ онъ, если бы я выставилъ картинныхъ извергов; но пошлости не простили мнѣ» (IV). Одна мысль о торговлѣ мертвыми душами рисуетъ все нравственное растлѣніе помѣщика, пропитаннаго самымъ жалкимъ деспотизмомъ; для него ни почемъ

[1]) «Русская Мысль» 1880 года, октябрь, 6—8.

душа холопа, если не даетъ выгоды. Вотъ какъ отзываются помѣщики:—«Умершая душа въ нѣкоторомъ родѣ — совершенная дрянь... Проку въ нихъ никакого нѣтъ,.. Воробьевъ что ли ими пугать въ огородѣ?.. Дѣло яйца выѣденнаго не стоитъ... Я не стану снимать плевы чортъ знаетъ съ чего!.. Мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай... У васъ душа человѣческая словно пареная рѣпа... Вѣдь предметъ просто фу, фу»!.. — Такъ издѣваются бояре надъ прахомъ тѣхъ покойниковъ, которымъ они обязаны своимъ благосостояніемъ, всю жизнь работавшихъ на нихъ. Какая глубокая потрясающая идея!—Гоголь также слегка касался разврата помѣщиковъ, которые устраивали гаремы изъ своихъ крѣпостныхъ; въ тридцатыхъ годахъ подобныя явленія даже не считали злоупотребленіемъ власти господина; были случаи самые возмутительные. Когда Гоголь писалъ «Мертвыя души», флигель-адъютантъ И. И. Гогель въ 1836 году производилъ слѣдствіе по злоупотребленіямъ помѣщичьей властью дмитровскаго помѣщика П. В. Милорадовича, который слишкомъ далеко простеръ амурныя отношенія къ своимъ крѣпостнымъ дѣвицамъ и женщинамъ. Слѣдствіе раскрыло, что по количеству дѣтей своихъ въ вотчинѣ Милорадовичъ могъ по праву назваться отцомъ своихъ крѣпостныхъ. Между прочимъ въ показаніи его обращаетъ вниманіе одна любопытная черта: «Чувствуя, говоритъ онъ, облегченіе во всегдашней почти у меня головной боли отъ чесанья головы гребенкою и шаренья въ головѣ рукою, я иногда приказываю дѣлать сіе кому либо изъ людей моихъ», т. е. дѣвушекъ [1]). Какъ тутъ не припомнить знаменитаго предложенія Коробочки отправлявшемуся опочивать Чичикову: «Прощай, батюшка; желаю покойной ночи. Да не нужно ли еще чего? Можетъ, ты привыкъ, отецъ мой, чтобы кто нибудь почесалъ на ночь пятки. Покойникъ мой безъ этого никакъ не засыпалъ...» (III, 45). Положимъ, тамъ шаренье въ головѣ, а не въ ногахъ, но вѣдь одинаковы поросячьи наклонности... Гоголю, конечно, извѣстны были цѣлые ряды фактовъ о любовныхъ похожденіяхъ помѣщиковъ; но поэтическое чутье не позволило ему касаться рѣзко этихъ обыденныхъ явленій: онъ даетъ только знать, что эти заурядные случаи всплывали наружу и попадали на судъ при особыхъ обстоятельствахъ раздраженія и ссоры. Такъ, Иванъ Никифоровичъ аттестовалъ въ прошеньи своемъ бывшаго пріятеля Ивана Ивановича весьма отчетливо: «Его сестра, пишетъ онъ, была извѣстная всему свѣту потаскуха и ушла за егерскою ротою, а мужа своего записала въ крестьяне. Отецъ и мать его тоже были пребеззаконные люди и оба невообразимыя пьяницы. Упоминаемый же дворянинъ и разбойникъ Перерепенко своими скотоподобными и порицанія достойными поступками превзошелъ всю свою родню». (I, 448).

[1]) «Древняя и Новая Россія» 1880 г., VII, 783—798.

Повсемѣстный упадокъ хозяйства въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Гоголь приписываетъ прямо иностраннымъ способамъ ихъ улучшенія. Одинъ изъ его героевъ даетъ отзывъ: «Поправились было послѣ француза 12-го года, такъ вотъ теперь все давай разстраивать съизнова. Вѣдь хуже француза разстроили, вводя въ нихъ преобразованія на чужой ладъ» (III, 333).

Русскіе дворяне, обезпеченные крестьянскими доходами, предпочитали всегда военную службу гражданской, по историческому складу государственнаго порядка. Начиная съ Петра Великаго, заключившаго русскую жизнь въ чужія формы и перенесшаго къ намъ военныя и гражданскія иностранныя готовыя учрежденія, правительство русское полтораста лѣтъ заботилось о внѣшнемъ политическомъ могуществѣ и блескѣ, оставляя внутреннее развитіе государства въ сторонѣ. Солдаты роптали на Петра, что у него «одно воевать только и вытвержено, а у иного мужика и овцы не осталось»; рядъ преемниковъ его и преемницъ держались той же намѣченной цѣли расширенія предѣловъ и внѣшняго усиленія Россіи. Поэтому войско всегда казалось самымъ необходимымъ и первымъ дѣятелемъ въ государствѣ; правительство открыто признавало военную службу почетнѣе, выше и благороднѣе гражданской, а офицера считало способнымъ ко всѣмъ статскимъ должностямъ. При такимъ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ правительства, учебныя военныя заведенія пріобрѣли значительныя преимущества и получали огромныя суммы на устройство и содержаніе, особенно при Николаѣ I. Онъ лучшія должности въ государствѣ раздавалъ всегда почти военнымъ, напримѣръ, должности губернаторовъ, попечителей учебныхъ округовъ, оберъ-прокурора св. Синода и проч. Кромѣ внѣшнихъ блестящихъ побѣдъ, въ дѣйствіяхъ военныхъ нерѣдко настояла нужда внутри отечества, такъ какъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ по всей Россіи вспыхивали частые бунты: военныхъ поселянъ и мирныхъ, противъ чиновниковъ и противъ помѣщиковъ, бунты холерные, картофельные, раскольничьи и мужичьи. Одинъ изъ позднихъ сатириковъ главной заслугой выведеннаго имъ стараго генерала считалъ его славный подвигъ, какъ онъ перешелъ Валдайскія горы и усмирилъ бунтъ крестьянъ. Гоголь, хотя и касался часто военнаго сословія, но весьма осторожно; онъ замѣтилъ, что современники стали охладѣвать къ блеску и грому оружія, начали углубляться во внутреннее состояніе жизни русской. Въ то время прямо выставлять на показъ недостатки военнаго круга было дѣломъ невозможнымъ: слишкомъ ужь были щекотливы балованныя дѣти Марса насчетъ своей чести, да и самъ императоръ считалъ сатиру противъ нихъ легкомысленной насмѣшкой надъ заслуженными защитниками отечества. Гоголь и насмѣялся надъ бранными недотрогами, которые, при малѣйшей иронической выходкѣ литературы, тотчасъ броса-

лись подъ защиту властей. «Вѣдь вотъ вы какіе, господа военные! Вы говорите надо выводить на сцену (недостатки), вы готовы вдоволь насмѣяться надъ какимъ нибудь статскимъ чиновникомъ, а затронь какъ нибудь военныхъ, скажи только, что есть въ такомъ-то полку офицеры, неговоря уже о прочихъ наклонностяхъ, но просто скажи: есть офицеры дурнаго тона, съ неприличными ухватками,—да вы изъ одного этого готовы съ жалобою полѣзть въ самый государственный совѣтъ» (II, 447). Не ускользнуло отъ вниманія великаго писателя ходячее тогдашнее самохвальство военныхъ, которые спорили съ гражданскими чиновниками о высотѣ военной службы передъ статской и всѣ дамы помогали имъ отстоять свою выгодную позицію. Такъ одна пожилая петербургская дама говоритъ своему сыну титулярному совѣтнику: «Послушай, Миша, ты долженъ перемѣнить свою службу на военную... Это слово титулярный тиранитъ мои уши; мнѣ такъ и приходитъ на умъ, Богъ знаетъ что. Я хочу, чтобы сынъ мой служилъ въ гвардіи. На штафирку, просто не могу и смотрѣть теперь!.. На это есть очень важная причина, не знаю даже, поймешь ли ты хорошенько. Губолизова, эта дура, нарочно говоритъ третьяго дня такъ, чтобы я слышала: «Я очень рада, что на знатныхъ балахъ не пускаютъ штатскихъ. Это такіе все, говорятъ, mauvais genre, — что-то неблагороднымъ отъ нихъ отзывается. Я рада, говоритъ, что мой Алексисъ не носитъ этого сквернаго фрака... А ея сынъ просто дуракъ набитый; только всего и умѣетъ, что подымать ногу. Такая противная мерзавка!.. О, я ей покажу! Ужь какъ она хочетъ, я употреблю всѣ старанія, и мой сынъ будетъ тоже въ гвардіи. Ужь хоть чрезъ это потеряетъ, а ужь непремѣнно будетъ. Чтобы я позволила всякой мерзавкѣ дуться передо мною и подымать и безъ того курносый носъ свой! Нѣтъ, ужь этого-то никогда не будетъ»!.. (II, 418—419).—Свѣтскіе чиновники съ своей стороны хвалились, что они не хуже офицеровъ — и въ какихъ же доблестяхъ?—бѣгать по улицамъ за хорошенькими, вмѣсто того, чтобы спѣшить въ департаментъ. «Что это за бестія нашъ братъ чиновникъ!—разсуждаетъ Поприщинъ.—Ей Богу, неуступитъ никакому офицеру: пройди какая нибудь въ шляпкѣ, непремѣнно зацѣпитъ» (IV, 249). Что Гоголь изображалъ въ своихъ произведеніяхъ комически, о томъ разсуждаетъ въ письмахъ, какъ о современныхъ событіяхъ, серьезно: «Когда нѣкоторые черезчуръ военные люди стали было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на одной военной силѣ и въ ней одно спасеніе, а чиновники штатскіе начали, въ свою очередь, притрунивать надъ всѣмъ, что ни есть военнаго, изъ-за того только, что нѣкоторые обратили военное дѣло въ одни погончики да петлички, Крыловъ написалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, подъ которыми разумѣлъ гражданскую часть. «Безъ пу-

шекъ не защитишься, а безъ парусовъ и вовсе не поплывешь». (IV, 755—756).

При такомъ высокомъ положеніи военнаго сословія, созданномъ искуственно, мысль о блестящей карьерѣ не давала покоя юнымъ дворянамъ; изъ исторіи петербургскаго университета видно, что онъ сталъ привлекать барченковъ съ 1835 г., чтобы еще несовершенно-лѣтнимъ получить чинъ IX-го класса; ходили они на лекціи съ иностранцами-гувернерами, словно ученики 3-го класса гимназіи. Но большая часть студентовъ изъ дворянъ усумнились въ пользѣ гражданскихъ знаній и впослѣдствіи махнули въ кавалергарды и гусары [1]). Эта историческая черта тоже встрѣчается въ одномъ изъ драматическихъ отрывковъ Гоголя, гдѣ богатый помѣщикъ (впрочемъ, обманщикъ), говоритъ о своемъ юномъ сынѣ: «Кончилъ учебный курсъ и ужъ больше ни о чемъ и слушать не хочетъ, какъ о гусарахъ. Я говорю ему:—рано, Саша, погоди, осмотрись прежде! что тебѣ въ гусары? почему знать, можетъ быть у тебя штатскія наклонности. Ты еще не видѣлъ почти свѣта; время не уйдетъ отъ тебя!...—Ну, сами знаете, молодая натура. Ему ужъ тамъ въ гусарахъ все это блеститъ,—шитье, богатый мундиръ. Чтожъ прикажете? Склонностей вѣдь удержать никакъ нельзя» (II, 374. 377).

Душа Гоголя страшно скорбѣла о тѣхъ тяжестяхъ и безпорядкахъ, о пустыхъ формальностяхъ и дѣйствительной распущенности военной службы, какіе мы видимъ господствующими въ царствованіе Николая I. Страшные рекрутскіе наборы равнялись ссылкѣ въ каторжную рабуту; продолжительная служба въ 25 и 30 лѣтъ солдатомъ дѣлала его если не калѣкой-увѣчнымъ, то нищимъ по выходѣ въ отставку; вся дисциплина военная основывалась на господствѣ кулака и безпощадныхъ наказаніяхъ, когда нерѣдко забивали до смерти при дисциплинарныхъ взысканіяхъ; «домашнее хозяйство» солдата состояло въ искусномъ обираніи его начальниками, ему предоставляли свободу или голодать при ничтожномъ пайкѣ или воровать насторонѣ. Вся эта горькая солдатская доля въ дрожь бросала села и деревни, когда уводили у нихъ рекрутъ; въ одной пѣснѣ такъ изображается горемычная судьба годнаго въ службу:

Пальцы рубитъ, зубы рветъ,
Въ службу царскую нейдетъ;
А когда служить сберется,
То какъ съ жизнью растается:
Мать, жена, братъ и сватъ,
Гришка, Сидоръ и Кондратъ
Какъ по мертвомъ зарыдаютъ,
До кружала провожаютъ,

---

[1]) «Русская Старина» 1881 года, кн. 2, стр. 368, 360.

Всей деревней заревутъ:
«Ваньку въ некруты ведутъ...
Ахъ, прости навѣки Ваня»!...

Другая пѣсня изображаетъ необычайную тягость военной службы:

Разстилалась въ полѣ трава полынь горькая.
Горька ты, полынушка, изо всей травы,
Еще горчѣй, тошнѣй того служба царская,
Служба царская—нужда крайняя.
И ни день-то, ни ночь намъ угомону нѣтъ.
Темна ночь настанетъ, мы на часахъ стоимъ,
Какъ бѣлый день настанетъ—во строю стоимъ.

Кромѣ того, несчастные кантонисты и военныя поселенія представляли темныя пятна военнаго устройства при императорѣ Николаѣ.

На научное развитіе офицеровъ не обращалось серьезнаго вниманія даже великими князьями; такъ великій князь Михаилъ Павловичъ все военное искусство видѣлъ только во внѣшней дисциплинѣ войска и говорилъ: «ненужны ни ученые, ни художники, а нужны только офицеры», т. е. знатоки фронта [1]). Тогда въ средѣ военныхъ царили страшный формализмъ и искуственность, ухарское молодечество и отсутствіе основательнаго образованія. Даже на Кавказѣ, при всей геройской отвагѣ войскъ, офицеры иногда держались напускнаго грубаго и простаго образа жизни; князь Барятинскій хвалилъ намѣстника Воронцова за то, что «онъ первый показалъ и убѣдилъ всѣхъ, что можно быть отличнымъ кавказскимъ офицеромъ, не нося мазаныхъ дегтемъ сапогъ и невыпивая при всѣхъ по нѣсколько рюмокъ водки». Должность полковаго командира для простаго характера была тяжела, потому что опутывали ее тысячи формальныхъ мелочей; онъ по необходимости становился на ходули и напускалъ особый тонъ, когда требовалъ по правиламъ строгаго исполненія всѣхъ приличій служебныхъ и частныхъ. По сдачѣ кабардинскаго полка въ 1848 году, Барятинскій особенно былъ веселъ, точно вышелъ на свободу изъ заключенія, и говорилъ приближеннымъ, что ему теперь пріятно ходить въ полку, говорить со всѣми безъ стѣсненія, никого не распекать и прибавилъ: «Я радъ, что могу быть и ходить теперь человѣкомъ, а не индѣйскимъ пѣтухомъ» [2]). Гоголь прозрѣлъ все, что кроется въ глубинѣ души простыхъ военныхъ начальниковъ и формалистовъ, которые подъ его перомъ уже не похожи на типы времени Александра I. Тогда была молва, будто во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ введутъ въ преподаваніе только одну солдатскую маршировку:

---

[1]) «Русская Старина» 1881 года, кн. 4, стр. 635.
[2]) Тамъ же, кн. 2, стр. 273—274.

«Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ насчетъ лицеевъ школъ, гимназій;
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ—два,
А книги сохранять такъ, для большихъ оказій».

Но у Гоголя генералъ Бетрищевъ, типъ николаевскихъ временъ, хотя и названъ генераломъ 12-го года, совсѣмъ другаго направленія. «Въ немъ было все какъ-то странно, начиная съ просвѣщенія, котораго онъ былъ поборникомъ и ревнителемъ: любилъ ѳиміамъ, любилъ блескъ, любилъ похвастаться умомъ, любилъ также знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаніемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ тоже время роль русскаго барина» (III, 229, II, 124). Художникъ-писатель во множествѣ мелкихъ замѣтокъ, которыя разсыпалъ какъ-будто мимоходомъ, ѣдкими штрихами, точно тонкимъ остріемъ ножа, начертилъ всю пустоту и ничтожество интересовъ офицеровъ, всю дѣтскую узкость ихъ міровоззрѣнія, всю искусственность и ничтожество ихъ быта, все мишурное самолюбіе и самохвальство. У Плюшкина не напрасно составилось мнѣніе, что всѣ офицеры картежники и мотишки, придерживаются пѣннику и волочатся за актрисами, которыя выманиваютъ у нихъ послѣднія деньжонки (III, 121, 125). По изображеніямъ Гоголя, можно составить понятіе, что капитанъ пѣхотный мастеръ штосы срѣзывать и въ четверть часа могъ всего обобрать партнера, — что за картежную игру въ полку удостоивались особой чести. «Эхъ ты простофиля! говоритъ игрокъ юношѣ. Да знаешь-ли, какую ты проигрышемъ себѣ славу сдѣлаешь въ полку? Слышь, бездѣлица! Еще небудучи юнкеромъ, да ужь проигралъ 200 тысячъ! Да тебя гусары на рукахъ будутъ носить» (II, 122, 201, 381 — 2). Поручикъ Пироговъ много имѣлъ талантовъ: особенно искусно пускалъ дымъ изъ трубки кольцами, такъ удачно, что вдругъ могъ нанизать ихъ около десяти одно на другое; умѣлъ очень пріятно разсказать анекдотъ о томъ, что пушка сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ. Онъ увѣренъ былъ, что нѣтъ красоты, которая бы могла противиться ему, и за волокитство мастеровые нѣмцы высѣкли его, но онъ въ тотъ-же вечеръ отличился въ мазуркѣ и привелъ въ восторгъ даже мужчинъ (IV, 159, 178, 186, 187). Поручикъ Кувшинниковъ во всей формѣ кутила и волокита, даже простыхъ бабъ не пропускалъ; другой поручикъ—пьяница страшнѣйшій, дня не проходило, чтобъ у него рожа не была разбита; мичманъ Пѣтуховъ былъ веселаго нрава: «Бывало ему ничего больше, покажешь одинъ палецъ — вдругъ засмѣется и до самаго вечера смѣется» (III, 64, 65; II, 17, 126, 335, 403—4). Штабъ-ротмистръ любилъ повѣствовать о своихъ любовныхъ приключеніяхъ, разумѣется, съ прибавками; а однажды полковникъ разсказалъ подробно про небывалую баталію 1812 года

въ гостяхъ у генерала (II, 128, 129). То офицеры между собой разругаются и подерутся, а то староста или ямщикъ бываетъ отдѣланъ ѣзжалымъ опытнымъ капитаномъ или генераломъ, который, сверхъ многихъ выраженій, сдѣлавшихся классическими, прибавляетъ еще много неизвѣстныхъ, которыхъ изобрѣтеніе принадлежитъ ему собственно (II, 123; III, 182). Вообще всѣ офицеры самые выгодные люди для театральной дирекціи, любятъ разуждать о литературѣ, хвалятъ Булгарина и Пушкина, бываютъ на всѣхъ публичныхъ лекціяхъ, даже по лѣсоводству; о высокой образованности капитана Копѣйкина почтмейстеръ отзывался, что онъ написалъ краснорѣчивѣйшее письмо государю: «въ древности Платоны и Демосфены какіе-нибудь, все это, можно сказать, дьячокъ въ сравненіи съ нимъ»... (III, 177, 425). Но особенные мастера господа военные, впрочемъ не выше капитанскихъ чиновъ, въ разговорахъ съ дамами; «какъ это они дѣлаютъ, Богъ ихъ вѣдаетъ: кажется и не очень мудреныя вещи говорятъ, а дѣвица, то и дѣло, качается на стулѣ отъ смѣха, и восклицаетъ: «Ахъ, перестаньте, не стыдно-ли вамъ такъ смѣшить!» (III, 175—6; IV, 177). Нѣкоторые изъ пѣхотныхъ полковъ по высотѣ развитія не уступали инымъ кавалерійскимъ, напримѣръ, въ полку П. «большая часть офицеровъ пила выморозки и умѣла таскать жидовъ за пейсики, не хуже гусаровъ, нѣсколько человѣкъ даже танцовали мазурку... Чтобы еще болѣе показать образованность П. пѣхотнаго полка, мы прибавимъ, что двое изъ офицеровъ были страшные игроки въ банкъ и проигрывали мундиръ, фуражку, шинель, темлякъ и даже исподнее платье, чего не вездѣ и между кавалеристами можно сыскать» (I, 196).

Получая ничтожное содержаніе, офицеры были вѣчно въ долгахъ и страстной мечтой ихъ было — жениться на купеческой дочери, умѣющей играть на фортепьяно, съ сотнею тысячъ наличныхъ; впрочемъ русскія бородки, несмотря на то, что отъ нихъ отзывается капустой, любятъ видѣть дочерей за генералами и не ниже полковниковъ (IV, 178).

Полиція изъ военныхъ умѣла внушить къ себѣ послушаніе народа: когда чиновники опасались неповиновенія со стороны крестьянъ Чичикова, обуреваемыхъ буйнымъ духомъ, то полиціймейстеръ успокоилъ ихъ, сказавъ, что въ отвращеніе бунта существуетъ власть капитанъ-исправника. Самъ онъ хоть не ѣзди, а «пошли только на мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до самаго мѣста ихъ жительства» (III, 160).

Впрочемъ, не всегда ласковы были мужики къ своей земской полиціи; Гоголь повѣствуетъ, что казенные крестьяне сельца Вшивая-спѣсь, соединившись съ крестьянами Задирайлова, снесли съ лица земли земскую полицію въ лицѣ засѣдателя Дробяжкина за

то, что онъ повадился черезчуръ часто ѣздить въ ихъ деревню, что̀ въ иныхъ случаяхъ стоитъ повальной горячки; а причина была та, что земская полиція, имѣя кое-какія слабости со стороны сердечной, приглядывалась на бабъ и деревенскихъ дѣвокъ. Земскую полицію нашли на дорогѣ, мундиръ или сюртукъ на земской полиціи былъ хуже тряпки, а ужъ физіогноміи распознать нельзя было (III, 202).

Потѣшаясь надъ засѣдателями постоянно, Гоголь не давалъ спуску всѣмъ квартальнымъ и частнымъ, Держимордамъ и Свистуновымъ (I, 103, 106, 119, 147, 419). Объ одномъ петербургскомъ частномъ приставѣ онъ пишетъ: «Частный былъ большой поощритель всѣхъ искусствъ и мануфактурностей; но государственную ассигнацію предпочиталъ всему,—это вещь, обыкновенно говорилъ онъ,—ужъ нѣтъ ничего лучше этой вещи: ѣсть не проситъ, мѣста займетъ немного, въ карманѣ всегда помѣстится, уронишь — не расшибется» (II, 75).

Отъ излишняго усердія къ дѣлу порядка происходили иногда недоразумѣнія у полицейскихъ; такъ, унтеръ-офицерша жаловалась, что ее по ошибкѣ городничій высѣкъ. «Бабы-то наши задрались на рынкѣ, а полиція недоспѣла, да и схвати меня, да такъ отрапортовали: два дня сидѣть не могла!» (II, 345). Вотъ будочники при Николаѣ Павловичѣ были очень плохи; набираясь изъ гарнизы слабосильной, дряхлой и увѣчной, они никуда не годились даже въ Петербургѣ. По словамъ Гоголя, одинъ коломенскій будочникъ былъ «по природѣ своей нѣсколько безсиленъ, такъ что разъ обыкновенный взрослый поросенокъ, кинувшись изъ какого-то частнаго дома, сшибъ его съ ногъ, къ величайшему смѣху стоявшихъ вокругъ извощиковъ, съ которыхъ онъ вытребовалъ за такую издѣвку по грошу на табакъ (II, 11). Взятка своего рода.

У дворянъ и военныхъ бранить чиновниковъ приказной тварью сдѣлалось модой, опасеніе замарать себя прикосновеніемъ къ подъячему доходило до брезгливости; но сами господа подавали имъ дурной примѣръ самоуправства съ крестьянами, поборовъ нерѣдко произвольныхъ и прокладывали имъ путь къ тому же. Къ концу царствованія Николая I, въ Россіи дворянъ и чиновниковъ жившихъ службой считалось до 300 т. Эта масса разрослась, вслѣдствіе петровской реформы, когда правительству нужны были особые слуги, помимо народа, у котораго оно не встрѣтило ни сочувствія, ни довѣрія. Русскіе чиновники частью выходили изъ помѣщиковъ, частью изъ дѣтей духовенства и изъ народа. Канцелярскій чиновникъ, сдѣлавшись служебнымъ воротилой, нажившій всѣми неправдами состояніе и купившій крестьянъ, становился предметомъ уваженія столбовыхъ дворянъ и военныхъ. Посвятивъ всю свою жизнь исключительнымъ канцелярскимъ занятіямъ, передавая ихъ дѣтямъ, какъ единственное средство для безбѣдной

жизни, чиновники совсѣмъ стали чужды стремленій и интересовъ народныхъ. Большинство приказныхъ жило ничтожными окладами жалованья и въ своей жалкой долѣ видѣло утѣшеніе въ невещественномъ капиталѣ—въ чинахъ и орденахъ. Это-то бѣдствующее среднее сословіе, не богатое ни талантами, ни образованіемъ, особенно расплодилось по столицамъ во второй четверти XIX столѣтія одинъ чиновникъ у Гоголя говоритъ о большомъ домѣ Звѣркова у Кокушкина моста: «Эка машина! Какого въ немъ народа не живетъ: сколько кухарокъ, сколько пріѣзжихъ: — а нашей братьи— чиновниковъ какъ собакъ—одинъ на другомъ сидитъ» (IV, 250). Жалкій бытъ и нищенское состояніе огромныхъ массъ населенія Россіи въ 50 мил. заслонялись кабинетной чиновничьей машиной, которая безъ устали работала, не справляясь съ дѣйствительными нуждами и условіями жизни народной.

Разнообразные чуждые порядки, построенные чуть не на противоположныхъ началахъ, снесены были тщательно въ Россію; бюрократическія власти старались соединить ихъ внѣшнимъ образомъ, безъ всякой внутренней жизненной связи. Оттого всѣ распоряженія и всякая дѣятельность правителей отзывались мертвечиной, да и цѣли ихъ были самыя узкія личныя; современники высказывались о нихъ совершенно справедливо: «Большинство чиновниковъ, эгоистовъ въ высшей степени, столько же заботится о пользѣ государства, какъ и о китайскихъ дѣлахъ» [1]). Оффиціальная ложь и неправда господствовали всюду; объ улучшеніяхъ писали только на бумагѣ, а злоупотребленія шли проторенной дорогой и разростались постепенно. Сдѣлаютъ, бывало, изъ министерства запросъ объ урожаѣ; онъ не смѣетъ донести, что плохой урожай въ губерніи, потому что это непріятно будетъ высшему начальству, доставитъ ему безпокойство и заботу; когда же откроется голодъ зимой, начальникъ губерніи опять отписываетъ: «все обстоитъ благополучно». Какъ будто самое благорастворение воздуховъ и изобиліе плодовъ земныхъ зависитъ отъ управленія губерніей его превосходительства; а если его лишатъ мѣста, то пойдутъ глады, губительства, трусы и проч. Зная любовь императора Николая I къ порядку и прямолинейному равненію, нѣкоторые правители городовъ вырубили городскіе сады, надъ чѣмъ смѣется Гоголь (II, 121).

Теоретическая постановка и рѣшеніе вопросовъ по иностраннымъ образцамъ считались верхомъ правительствввеннаго искусства. Между тѣмъ вопіющія живыя нужды требовали мѣстныхъ веденій дѣлъ, практическаго знанія и порядка, о которомъ и не думали столичные гуманисты, воображая, что народъ живетъ для нихъ—орудій правительства. Цѣлыя вязанки дѣлъ скоплялись въ

[1]) «Русская Старина» 1881 года, сентябрь, стр. 187.

чиновничьихъ рукахъ по столицамъ, безучастно переписывались, валялись въ пыли десятки лѣтъ или безъ рѣшенія сдавались въ архивъ (I, 451, 447). За тысячи верстъ нерѣдко надо было ѣхать въ Петербургъ, чтобы снова возбудить дѣло, которое замерло; а крестьянскихъ ходоковъ, добиравшихся до столицы для личныхъ объясненій съ государемъ, ловили какъ бѣглыхъ, сажали въ острогъ и отправляли съ арестантами обратно. «Ну, не дуракъ ли я былъ доселѣ? разсуждаетъ въ «Мертвыхъ душахъ» петербургскій чиновникъ изъ помѣщиковъ. Вмѣсто управленія имѣніемъ, закабалилъ себя въ кропатели мертвыхъ бумагъ?.. Предпочесть заочное производство дѣлъ между людьми, которыхъ я и въ глаза не видалъ, которыхъ я ни характеровъ, ни качествъ не знаю,— предпочесть настоящему управленію это бумажно-фантастическое управленіе провинціями, отстоящими за тысячи верстъ, гдѣ не была никогда нога моя и гдѣ могу надѣлать только кучи несообразностей и глупостей!» (III, 278).

Въ 1818 году, министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ писалъ о провинціальномъ управленіи: «Иго самовластія мѣстныхъ начальниковъ вредно и терпимо быть не можетъ... Не распространяясь въ исчисленіи всѣхъ золъ, происходящихъ отъ самовластія мѣстныхъ начальниковъ, скажу я кратко, что власть ихъ должно ограничить, а не распространять и не усиливать оную». Но въ царствованіе Николая Павловича областное управленіе получило болѣе значенія и силы въ рукахъ чиновниковъ, и значитъ выгоды, а власть главныхъ губернскихъ начальниковъ еще возвысилась. Департаментскій чиновникъ размышляетъ по этому поводу у Гоголя: «Я не понимаю выгодъ служить въ департаментѣ; никакихъ совершенно рессурсовъ. Вотъ въ губернскомъ правленіи, гражданскихъ и казенныхъ палатахъ совсѣмъ другое дѣло: тамъ, смотришь, иной прижался въ самомъ уголкѣ и пописываетъ. Фрачишка на немъ гадкій, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую онъ дачу принимаетъ! Фарфоровой вызолоченной чашки и не неси къ нему: это, говоритъ, докторскій подарокъ, а ему давай пару рысаковъ, или дрожки, или бобра рублей въ 300. Съ виду такой тихонькой, говоритъ такъ деликатно: одолжите ножичка обчинить перышко, — а тамъ обчиститъ такъ, что только одну рубашку оставитъ на просителѣ» (IV, 248—9). При Александрѣ I форменно упорядочилось губернское управленіе и присутственныя мѣста получили лучшую сестему, но веденіе дѣла по новымъ формамъ не улучшилось, жизнь не благоустроялась отъ бумаговодства и дѣлохожденія; Гоголь замѣчаетъ, что всякій указъ есть мертвая бумага, что для нашихъ тонкихъ плутовъ и взяточниковъ новый указъ есть новая пожива, средство бросить новое бревно подъ ноги человѣку (IV, 242). Онъ предлагалъ самое вѣрное средство для исправленія зла чиновничьяго невѣжества на-

чинать государственнымъ людямъ службу не бумажными занятіями, а умною расправою дѣлъ между простыми людьми; «они бы лучше узнали духъ земли, свойство народа и вообще душу человѣка, и не заимствовали бы потомъ изъ чужеземныхъ земель намъ неприличныхъ нововведеній» (IV, 700). Бумажная работа и служба въ департаментѣ возбуждаетъ странное чувство въ свѣжемъ человѣкѣ, будто онъ очутился въ какой-то малолѣтней школѣ, чтобы съизнова учиться (III, 274).

При Николаѣ Павловичѣ изданъ былъ громадный «Сводъ законовъ», о чемъ заботились въ Россіи, начиная съ правленія царевны Софіи; но суды онъ не улучшилъ, правды не прибавилъ. Крестьяне лишены были права своего самостоятельнаго и независимаго суда, который принадлежалъ частью помѣщикамъ, частью становымъ и исправникамъ. Не имѣя понятія о народныхъ юридическихъ обычаяхъ, взаимныхъ отношеніяхъ въ жизни крестьянъ, судебныя власти рѣшали дѣла съ высоты своего просвѣщеннаго величія вкривь и вкось. Къ тому же крестьяне на каждомъ шагу встрѣчали обманъ, насиліе, произволъ и неправды. Поэтому и сталъ народъ смотрѣть на своихъ судей съ недовѣріемъ, какъ на враговъ, боялся суда и бѣгалъ его, и осужденныхъ преступниковъ считалъ несчастными и помогалъ укрыться имъ отъ преслѣдованія оффиціальнаго правосудія. Замѣчательно, Гоголь весьма сожалѣетъ, что русскіе законы по образцу иностранныхъ ворвались въ чужую область юридическихъ народныхъ обычаевъ и правосудіе могло бы совершаться лучше самимъ народомъ (IV, 700). Чиновники, стоявшіе вдали отъ крестьянъ, убѣждены были, что въ народѣ нѣтъ способныхъ людей, которые могли бы толково вести управленіе и судъ въ средѣ своей; они боялись только, какъ бы, при рѣзкихъ отзывахъ о недостаткахъ управленія, чиновники не потеряли силы: «А что скажетъ народъ»?.. Гоголь съ негодованіемъ отвѣчаетъ: «Они, право, народъ нашъ считаютъ глупѣе бревна, глупымъ до такой степени, что будто уже онъ не въ силахъ отличить, который пирогъ съ мясомъ, а который съ кашей» (II, 441). Не имѣя свѣдѣній о началахъ жизни народа, оцѣнивая его съ иноземной точки зрѣнія, образованные на чужой ладъ слои русскаго общества, не могли разгадать его отличительный складъ здраваго смысла, настроеніе нравственнаго чувства, особенности характера стремленій, его оригинальное міросозерцаніе. «Въ послѣднее время, сообщаетъ Гоголь, не столько безпорядковъ произвели глупые люди, сколько умные, а оттого, что понадѣялись на свои силы, да на умъ свой. Горды стали не своимъ умомъ, а чужимъ, мертвымъ, выдавая его за свой, загромоздили сором свой умъ, сдѣлавъ его чужестранцемъ самому себѣ. Россія—не Франція, элементы французскіе—не русскіе. Каждый народъ имѣетъ свою своеобразность; одни и тѣ же событія дѣйствуютъ не одинаково на разные народы.

Стыдно русскому человѣку не войти въ свой собственный умъ, а захломостить его чужимъ навозомъ. Въ Россіи государственные люди пламенѣли желаніемъ сдѣлать добро, даже работали, какъ муравьи, всю свою жизнь и послѣ нихъ не осталось никакого слѣда» (IV, 705—6). Иностранное вліяніе произвело путаницу во всѣхъ отрасляхъ государственной дѣятельности; правительство руководилось главнымъ образомъ не своими началами и твердо постановленными цѣлями земли своей, а дорожило мнѣніемъ Европы: «А что скажутъ иностранцы»? Этотъ воображаемый опекунскій совѣтъ Запада много зла принесъ внѣшней и внутренней политикѣ Россіи; Гоголь смѣется надъ этимъ въ разсказѣ о Кифѣ Мокіевичѣ, который говорилъ о своемъ буйномъ сынѣ: «Ужъ если онъ останется собакой, такъ пусть же не отъ меня объ этомъ узнаютъ» (III, 256—8).

Въ царствованіе императора Николая особенно несчастна была дипломатія русская, ея жалкія усилія вѣчно клонились въ ущербъ ея выгодамъ; да иначе и быть не могло, когда вся почти внѣшняя политика велась иностранцами. Гоголь замѣтилъ, что для иностранной коллегіи дѣлался особый подборъ чиновниковъ. На Невскомъ проспектѣ, пишетъ онъ, «вы встрѣтите бакенбарды единственныя, пропущенныя съ необыкновеннымъ и изумительнымъ искусствомъ подъ галстухъ, бакенбарды бархатныя, атласныя, черныя какъ соболь или уголь, но, увы, принадлежащія только одной иностранной коллегіи. Служащимъ въ другихъ департаментахъ провидѣніе отказало въ черныхъ бакенбардахъ; они должны, къ величайшей непріятности своей, носить рыжія» (IV, 155). Русскій дипломатъ, по его замѣчанію, ѣдетъ за-границу не съ цѣлью принести пользу отечеству, а «чтобы порисоваться передъ Европой и сдѣлать изъ себя историческое лице» (IV, 707). Гоголь подмѣтилъ самый крупный недостатокъ у начальниковъ—приставлять одного чиновника къ другому для ограниченія произвола; это значитъ—сдѣлать двухъ воровъ на мѣсто одного. «Да и вообще система ограниченія, по его убѣжденію, самая мелочная система. Человѣка нельзя ограничить человѣкомъ; на слѣдующій годъ окажется надобность ограничить и того, который, приставленъ для ограниченья, и тогда ограниченіямъ не будетъ конца. Это—пустая и тяжелая система... Нужно оказать довѣріе къ благородству человѣка, а безъ того не будетъ вовсе благородства» (IV, 716).

Чиновничество въ сущности было крѣпостнымъ народомъ, по наблюденію Гоголя, хотя, занимало повидимому высокое положеніе на общественной лѣстницѣ и воображало себя двигателемъ жизни всей Россіи. Несчастному чиновнику некогда было и посвататься; экзекуторъ департамента говорилъ: «Вотъ за то нелюблю сватаній, пойдетъ возня, пожалуйте завтра, да на чашку чаю послѣ завтра... Я человѣкъ должностной, мнѣ некогда... Отлучился вѣдь только на минутку изъ департамента. Вдругъ вздумаетъ генералъ: А гдѣ

экзекуторъ пошелъ?—Невѣсту пошелъ выглядывать... Чтобъ не задалъ онъ такой невѣсты»... (II, 314—323). Вся работа въ канцеляріяхъ равнялась толченью воды въ ступѣ; наводили справки за какимъ №, писали и переписывали отношенія, отпуски, запросы изъ одного этажа въ другой или въ сосѣднюю комнату; Гоголь мастерски изображаетъ эту скрипотню перьевъ, исписыванье чернилъ ведрами, пыхтѣнье надъ кипами бумагъ и залу присутствія, гдѣ какъ солнце сидѣлъ предсѣдатель, и какъ Зевесъ могъ продлить время засѣданія; а въ канцеляріи раздавался повелительно величавый голосъ: «На, перепиши! а не то—снимутъ сапоги, и просидишь ты у меня 6 сутокъ неѣвши» (III, 145—8). Ни въ одной литературѣ образованныхъ народовъ нельзя найти такого юмористически-тонкаго, мѣткаго и жизненнаго созданія, какъ у Гоголя повѣсть Шинель. Это—цѣлая исторія чиновничества николаевскихъ временъ, со всѣмъ жалкимъ пролетаріатомъ и съ генералами, умѣющими распекать во время мелюзгу (II, 88—115). Чиновникъ передъ подчиненными ему лицами является своего рода свѣтиломъ: отъ него зависятъ въ мелкомъ кругу представленія къ наградамъ, повышенія по службѣ низшихъ чиновъ, которые передъ нимъ благоговѣютъ и подобострастно высматриваютъ, какъ онъ важно расхаживаетъ, какимъ орлинымъ взглядомъ обдаетъ каждаго. Но и у этого орла есть соколъ, и онъ передъ нимъ выступаетъ такой куропаткой, согнется въ три погибели, до униженія человѣческаго достоинства; въ обществѣ, гдѣ пониже чиномъ, онъ рѣшительный Прометей, а чуть кто повыше его, съ Прометеемъ сдѣлается такое превращеніе, какого и Овидій не выдумываетъ: муха, даже меньше мухи,—уничтожился въ песчинку! (III, 48). Чиновнику вся Россія представлялась въ лицѣ и волѣ его начальства: весь секретъ удачнаго управленія заключался не въ изученіи русской жизни и знаніи законовъ, а въ точныхъ свѣдѣніяхъ о правѣ и вкусахъ начальника; вся тайна ловкихъ судебныхъ рѣшеній держалась не на внутреннемъ убѣжденіи ума и совѣсти, а на искусномъ угожденіи начальству. Пресмыкаясь передъ начальствомъ, чиновникъ уже не церемонился ни съ своими подчиненными, ни съ закономъ—и всякій, осмѣлившійся вступиться за оскорбленіе права и нарушеніе силы закона, погибалъ жертвой дикаго произвола. Это рѣзкое личное распоряженіе въ дѣлахъ общественныхъ сильно возмущало Гоголя и въ основу комедіи «Ревизоръ» положена у него идея о страхѣ грядущаго закона, который втоптали въ грязь всѣ чиновники.

Раздача отличій и наградъ вполнѣ зависѣла отъ личности начальника: городничій, воображая, что дочь выдаетъ за важную птицу, мечталъ уже сдѣлаться генераломъ и получить ленту красную или голубую, за то, что цѣлую жизнь дѣлалъ несправедливости и обиралъ народъ. Ни надъ чѣмъ такъ ѣдко Гоголь не потѣшался, какъ надъ чиновными внѣшними отличіями ино-

странными, введенными Петромъ Великимъ. «Вѣдь черезъ то, говоритъ чиновникъ, что камеръ-юнкеръ, не прибавится третій глазъ во лбу» (IV, 260). «Даже оселъ у Крылова похожъ на русскаго чиновника, пишетъ Гоголь; производя кражу по чужимъ огородамъ, онъ возгорѣлся честолюбіемъ и захотѣлъ ордена, хозяинъ повѣсилъ ему звонокъ и онъ сильно заважничалъ, не размысля того, что теперь всякая кража его будетъ видна и привлечетъ на его бока побои» (IV, 755). Титулярный совѣтникъ, а не можетъ писать и размышляетъ самъ съ собой: «Смерть не люблю писать, т. е. просто хоть зарѣжь. Чортъ его знаетъ: такъ, кажется, на словахъ все бы славно изъяснилъ, а примешься за перо—просто какъ будто бы кто-нибудь оплеуху далъ: конфузія, конфузія, не подымается рука, да и полно» (II, 428). Одинъ чиновникъ былъ въ душѣ добрый человѣкъ, хорошъ съ товарищами, услужливъ; но получивъ генеральскій чинъ, онъ какъ-то спутался, сбился съ пути и совершенно не зналъ, какъ ему быть, какъ распекать чиновниковъ (II, 110). Современныя злоупотребленія чиновниковъ описаны Гоголемъ и въ письмахъ и изображены въ произведеніяхъ: поджоги шкафовъ съ бумагами, чтобы укрыть плутни, поддѣлка подписи подъ чужую руку, ложные доносы, произволъ въ рѣшеніяхъ дѣлъ, корыстолюбіе и продажа совѣсти, такъ что, по его словамъ, приходилось спасать русскую землю не отъ иноземнаго, а отъ внутренняго беззаконнаго врага—чиновниковъ (III, 402. 404. 728). Что же касается взятокъ, то у Гоголя объ нихъ писано множество страницъ—и между прочимъ игрокъ, разсуждая о малыхъ дѣтяхъ чиновника Замухрышкина, спрашивалъ: «Ну а рученками, я чай, ужъ всѣ этакъ умѣютъ?!!» И показалъ, какъ какъ берутъ взятки (II, 385).

Описывая уѣздный судъ, Гоголь прибавляетъ: «На повѣтовомъ судѣ была бы и крыша выкрашена, да канцелярскіе съѣли масло, приправивъ лукомъ въ постъ»; послѣ присутствія они обыковенно укладывали куръ, яйца и проч., принесенныя въ видѣ взятокъ; при докладѣ секретаря, судья спалъ да и самъ подсудимый заснулъ бы. Какъ быстро рѣшали дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ, показываетъ случай, когда свинья унесла прошенье со стола присутствія; послѣ подачи заявленія объ этомъ происшествіи, «процессъ пошелъ съ необыкновенною быстротою, которою такъ славятся наши судилища. Бумагу помѣтили, записали, выставили нумеръ, вшили, росписались, все въ одинъ и тотъ же день, и положили дѣло въ шкапъ, гдѣ оно лежало, лежало... три года. Множество невѣстъ успѣло выйти замужъ; у судьи выпалъ одинъ коренной зубъ и два боковыхъ... а дѣло все лежало въ самомъ лучшемъ порядкѣ... Дѣло было перенесено въ палату, которая извѣщала ежедневно, что дѣло кончится завтра, въ продолженіи десяти лѣтъ». (I, 439, 440, 449, 457, 467).

По наблюденіямъ писателя, незаконный ходъ дѣйствій чиновниковъ обратился почти въ законный, замкнулся въ стройную систему; взятку «чиновникъ беретъ съ чиновника по командѣ сверху внизъ; это идетъ иногда безконечною лѣстницей... Завелись такія лихоимства, которыя истребить нѣтъ никакихъ средствъ человѣческихъ» (IV, 668, 708). Безпомощная нищета народа, попранныя права, неоплаченный трудъ, кровная обида громко заявляли о своей горькой долѣ, но стоны и вопли заглушались насиліемъ чиновниковъ. Поэтому массы народныя всегда питали къ приказному управленію чувство недовѣрія и отвращенія, боялись бумажныхъ дѣлъ до невѣроятности. «Народъ нашъ не глупъ, замѣчаетъ Гоголь, что бѣжитъ, какъ отъ чорта, отъ всякой писанной бумаги; онъ знаетъ, что тамъ притонъ всей человѣческой путаницы, крючкотворства и каверзничествъ» (IV, 681). Немудрено, что по смерти императора Николая, и общество и литература съ ожесточеніемъ и негодованіемъ напали на чиновниковъ и съ безпощаднымъ порицаніемъ отнеслись къ ихъ произволу и неправдамъ.

Предпочитая всему службу, чиновничество и вообще правительство времени Николая Павловича не особенно ласково относилось къ народному просвѣщенію; впрочемъ, мы уже не встрѣчаемъ такихъ ожесточенныхъ враговъ умственнаго движенія, какіе были раньше изображены Грибоѣдовымъ. Народное образованіе и воспитаніе только окружены были подозрительностью, тяжелой всегдашней опекой и мало имѣли развитія. При крѣпостномъ правѣ, помѣщики почти не заботились о распространеніи грамотности между крестьянами: у Коробочки, погруженной по-уши въ хозяйство, 11-тилѣтняя дѣвочка неумѣла отличить, гдѣ право, гдѣ лѣво; у Чичикова, почитывавшаго романы, лакей Петрушка «имѣлъ благородное побужденіе къ просвѣщенію» или страсть къ чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ незатруднялся. «Ему было совершенно все равно, похожденіе-ли влюбленнаго героя, просто букварь, или молитвенникъ, — онъ все читалъ съ равнымъ вниманіемъ; если-бы ему подвернули химію, онъ и отъ нея-бы не отказался. Ему нравилось не то, о чемъ читалъ онъ, но больше процессъ самого чтенія, что вотъ-де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово, которое иной разъ, чортъ знаетъ, что и значитъ» (III, 16, 59). При такомъ вниманіи къ чтенію, если-бы учить Петрушку, онъ, пожалуй, и не сдѣлался-бы пьяницей. Мысли о заведеніи школъ между крестьянами были тогда въ ходу и въ модѣ; почтмейстеръ говорилъ, что Чичиковъ можетъ сдѣлаться отцомъ крестьянъ, «ввести даже благодѣтельное просвѣщеніе», и при этомъ случаѣ отозвался съ большою похвалою о Ланкастеровой школѣ взаимнаго обученія (III, 160). Но школы на иностранный ладъ не прививались, или выпускали юношей пьяницъ; заботились просвѣтить мужика, а не думали поправить его матеріальное благостояніе. Тен-

тетниковъ, полуобразованный помѣщикъ, «вздумалъ—было попробовать какую-то школу между мужиками завести, но отъ этого вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ: лучше было и не задумывать... Времени никому не было учиться. Мальчикъ съ 10 лѣтъ уже былъ помощникомъ во всѣхъ работахъ—и тамъ воспитывался, отъ разнообразія работъ былъ уже умнѣе» (III, 334). Воспитываться можно и помимо школы. (IV, 649). Гоголь вѣрно замѣтилъ, что мелкіе люди грамотные, выходящіе изъ народа, были безнравственнѣе его и старались жить насчетъ бѣдныхъ (IV, 781—2).

Тогдашнее общество сильно заботилось о сословномъ образованіи, а правительство предписывало «обогащать питомцевъ тѣми свѣдѣніями, кои, по образу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ, могутъ быть имъ истинно полезны, чтобы каждый пріобрѣталъ познанія, могущія служить къ улучшенію его участи, и не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ ему суждено оставаться» [1]).

Въ царствованіе Николая I, основой для школы и для службы полагались нравственныя идеи и примѣрное поведеніе учащихся, а пріобрѣтеніе знаній, даровитость и самостоятельное развитіе считались дѣломъ второстепеннымъ. Чуть гдѣ появлялись слѣды невинныхъ увлеченій молодежи, всегда виновницей считалась школа. Воспитываясь самъ въ сурово-лицемѣрныхъ правилахъ временъ Магницкаго и Рунича, Гоголь сдѣлался заклятымъ врагомъ искусственности и насилія въ дѣлѣ воспитанія, съ ненавистью относился къ тѣмъ педагогамъ, для которыхъ поведеніе ученика равнялось таланту и которые были гонителями рѣзвыхъ и даровитыхъ юношей.

Прописи съ нравоучительными изреченіями и школы, выставлявшія главнымъ достоинствомъ хорошее поведеніе, воспитывали низкопоклонныхъ юношей, обманщиковъ и людей безнравственныхъ (III, 234—38; IV, 268—73, 275, 283, 421, 434—5). Гоголь жаловался на неумѣлыхъ учителей, которые сообщаютъ дѣтямъ свѣдѣнія и сухія и превышающія міръ ихъ понятій, а виной неуспѣха ученика всегда считалъ учителя. «Лѣность и непонятливость воспитанника, пишетъ онъ, обращаются въ вину педагога и суть только вывѣски его собственнаго нерадѣнія; онъ не умѣлъ, онъ не хотѣлъ овладѣть вниманіемъ своихъ юныхъ слушателей; онъ заставилъ ихъ съ отвращеніемъ принимать горькія свои пилюли. Совершенной неспособности нельзя предполагать въ дитяти» (IV, 197, 204, 205). Система наказанія розгами въ сороковыхъ годахъ въ учебныхъ заведеніяхъ была развита до жестокости, не только

[1]) «Сборникъ постановленій и распоряженій» 1875 годъ. Томъ II, стр. 71—73, 106. «Русская Старина» 1881 годъ, кн. 8, стр. 641.

въ низшихъ и военныхъ школахъ, но и въ среднихъ. Гоголь упоминаетъ объ этомъ вскользь, какъ о ходячемъ явленіи; но изъ записокъ современниковъ видно, что сѣченье розгами производилось тогда вездѣ жестоко и безобразно (I, 195—6). Помѣщики болѣе отъ нечего дѣлать, чѣмъ отъ тупости и звѣрства, драли крѣпостныхъ на конюшняхъ, наставники — учениковъ въ классахъ; директоръ «Училища правовѣдѣнія» былъ нехудой человѣкъ, и тотъ поролъ питомцевъ, потому что всѣ тогда сѣкли и иначе нельзя ему было поступать [1]). Учители низшихъ училищъ, изображенные Гоголемъ, совершенные уроды; «таковъ, ужъ неизъяснимый законъ судебъ, по изреченію городничаго: умный человѣкъ — или пьяница, или рожу такую строитъ, что хоть святыхъ выноси». Самый смотритель училища, чудакъ и трусъ, насквозь протухнулъ лукомъ, — да и сослуживцы-чиновники высокаго же мнѣнія были объ ученьѣ, когда говорили смотрителю, что ему лучше первому дать ревизору взятку, «какъ просвѣтителю юношества» (II, 186 — 7, 231, 236, 265—66).

Учители и начальники заведеній, при современной подозрительности правительства, боялись, какъ огня, обвиненія ихъ въ распространеніи вольныхъ мыслей, которыя строгій патріотъ замѣчалъ въ походкѣ и движеніяхъ преподавателей; поэтому смотритель училищъ Хлоповъ жаловался на учителя, что онъ никакъ не можетъ не сдѣлать гримасы. «Вотъ еще на дняхъ, какъ зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ-то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству... Не приведи Богъ служить по ученой части, всего боишься. Всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный чоловѣкъ». Самымъ лучшимъ средствомъ считалось тогда, чтобы утопить врага,—обвинить его въ вольнодумствѣ и распространеніи либеральныхъ мыслей въ средѣ молодыхъ людей; такъ, попечитель богоугодныхъ заведеній доносилъ втихомолку на этого убогаго смотрителя Хлопова: «Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность. Онъ хуже, чѣмъ якобинецъ, и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что даже выразить трудно» (II, 187, 237).

Правительство взяло на себя полную опеку надъ воспитаніемъ дѣтей и приготовляло изъ нихъ себѣ служебныхъ дѣятелей, ловкихъ и навостренныхъ, вселяя въ нихъ заранѣе опредѣленный взглядъ и цѣли ихъ дѣйствій; давало имъ высокія права и преимущества и тѣмъ развивало эгоизмъ и своекорыстіе, сословныя стремленія и узкость взгляда. Изъ этихъ казенныхъ дѣльцовъ, враждебныхъ народу, выходили только чиновники, негодные для

---

1) «Русская Старина» 1881 годъ, кн. 2, стр. 397—400; кн. 8, стр. 579.

другой дѣятельности. Школа казалась значительнѣе самой службы, гдѣ иногда чиновникъ читалъ глупый романъ, точно въ школѣ, засунувъ его въ большіе листы разбираемаго дѣла, и вздрагивая при всякомъ появленіи начальника (III, 274—5). Офицеры и священники приготовлялись правительствомъ, какъ и чиновники, для пользы и службы государственной. Военно-учебныя заведенія воспитывали малолѣтнихъ дворянъ для всѣхъ отраслей военной службы, но оказавшіеся неспособными «имѣли право опредѣляться во всѣ вѣдомства гражданской службы». Ясно, что о призваніи любви къ дѣятельности не могло быть и рѣчи; съ малолѣтства росписаны были отрасли занятій, не спрашиваясь природныхъ способностей, личной наклонности каждаго, какъ и къ какому труду сознательно прилагать свои силы. Изъ 19-ти низшихъ военныхъ училищъ, 16 спеціально занимались съ дѣтьми солдатскими и приготовляли писарей для военнаго вѣдомства, точно учили высшимъ искусствамъ или особому кругу знаній. Сыновья солдатъ обязаны были тогда служить въ полку, будто ихъ сама природа намѣтила по наслѣдству—отличаться военными доблестями. О духовно-учебныхъ заведеніяхъ Гоголь тоже говорилъ, что они не достигаютъ своей цѣли: «никакая семинарія и никакая школа не можетъ воспитать священника»; тамъ онъ получаетъ начальное основаніе, а образуетъ его жизнь (IV, 681). Купцы и мѣщане видѣли, что школы учатъ для чиновничьихъ занятій и выпускаютъ негодныхъ для торговли и промышленности, навѣкъ отрывая отъ семьи, совсѣмъ не желали отдавать въ училища и гимназіи дѣтей своихъ, только особенно честолюбивые любили видѣть сыновей въ чинахъ.

При императорѣ Николаѣ I никому въ голову не приходило, что народная школа создается сообразно съ развитіемъ жизни и характера націи, что у каждаго народа есть своя психологія и исторія, съ которыми слѣдуетъ сообразоваться педагогамъ. Нѣтъ, тогда царила общечеловѣческая философія Гегеля, а русскую исторію передѣлывали въ общеевропейскую, находя въ ней феодальный складъ средневѣковой, всюду искали, чѣмъ русскій человѣкъ похожъ на европейца, а никто не заикался, какимъ особымъ складомъ характера и стремленій онъ отличенъ отъ другихъ народовъ. Разумѣется, пришли къ заключенію, что «лучше нѣмца не выдумаешь»,—и все воспитаніе юношества гнули на иностранный образецъ, упуская изъ виду природныя склонности дѣтей, особенно семейнаго, общественнаго и хозяйственнаго быта. Школами распоряжались иноземцы, у которыхъ не могло быть нравственныхъ связей съ русскимъ юношествомъ и обществомъ, да часто они совсѣмъ были неблагонадежны по убѣжденіямъ [1]). Гоголь ясно обрисовалъ, какъ быстро въ кругу помѣщиковъ уничтожались русскіе

[1]) Сборникъ постановленій и распоряженій II, 438—440.

старинные обычаи и привилось модное образованіе, гдѣ, повидимому, и почва имъ не благопріятствовала. Дѣти добряка и хлѣбосола П. П. Пѣтуха, гимназисты, уже хотѣли просвѣщенія столичнаго, хлопали за столомъ рюмку за рюмкой,—видно уже было, на какую часть человѣческихъ познаній обратятъ они вниманіе по пріѣздѣ въ столицу; они только и думали о московскихъ кондитерскихъ и театрахъ, о которыхъ имъ натолковалъ заѣзжій кадетъ (III, 313, 314, 317, 320).

Домашнее воспитаніе помѣщики тоже ввѣрили пришлымъ иностраннымъ гувернерамъ и гуверпанткамъ, которыхъ даже подпускать къ дѣтямъ близко не слѣдовало иногда; но, не умѣя сами себя воспитать, бояре были не лучше иноземныхъ педагоговъ (III, 376). Какъ въ школахъ, такъ и при домашнемъ воспитаньѣ, надежнымъ якоремъ образованія былъ разговорный французскій языкъ. Воспитанникъ «Училища правовѣдѣнія» конца тридцатыхъ годовъ, В. Стасовъ въ своихъ воспоминаніяхъ увѣряетъ, что у нихъ главнымъ образомъ добивались знанія французскаго языка: и родители питомцевъ распинались, и начальство хлопотало вдолбить его всѣми неправдами, потому что парижскій разговоръ составлялъ все необходимое знаніе для истиннаго джентльмена; но ученики дошли до нелѣпой привычки читать книги французскія, вмѣсто безсодержательной болтовни [1]).

Если въ мужскихъ заведеніяхъ такъ усердно хлопотали о французской рѣчи, то въ женскихъ и подавно; Гоголь говоритъ, что хорошее воспитаніе получается въ пансіонахъ; «а въ пансіонахъ три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастія семейной жизни, фортепіано — для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошельковъ и сюрпризовъ. Впрочемъ бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія въ методахъ, особенно въ нынѣшнее время: все это болѣе зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіоновъ. Въ другихъ бываетъ прежде фортепіано, потомъ французскій языкъ и проч. Разныя бываютъ методы». (III, 23). Да, бывали тогда методы благородныхъ дѣвицъ усовершенствованныя: давно извѣстенъ фактъ, что начальница одного столичнаго заведенія, завидѣвъ идущее навстрѣчу воспитанницамъ на прогулкѣ вліятельное лицо, командовала имъ: «Хорошенькія впередъ, живо!» Можно представить, какія житейскія начала сѣяла въ воспріимчивой душѣ питомицъ эта игривая метода воспитанія!— Институтки и пансіонерки, самыя свѣтлыя и простыя, получивъ мелкое воспитаніе, при столкновеніи съ жизнью, тотчасъ измѣнялись; Гоголь влагаетъ въ голову своему герою слѣдующія практи-

[1]) «Русская Старина» 1881 года, кн. 2, стр. 408.

ческія соображенія: «Вотъ пусть-ка за институтку примутся маменьки и тетушки! Въ одинъ годъ такъ ее наполнятъ всякимъ бабьемъ, что самъ родной отецъ не узнаетъ. Откуда возьмется и надутость и чопорность; станетъ ворочаться по вытвержденнымъ наставленіямъ, какъ и съ кѣмъ говорить, на кого смотрѣть... Запутается сама и наконецъ станетъ врать всю жизнь, и выйдетъ просто, чортъ знаетъ что!» (III, 93—4). Образцы такихъ дамъ, которыя умѣли дѣлать сюрпризы и на бумагѣ узорныя каемки, вмѣсто веденія хозяйства, писать отчаянно—нѣжныя и кудряво—безграмотныя любовныя письма и проч., выставлены у Гоголя напоказъ. Онъ до тонкости постигъ и воззрѣнія и логику современныхъ женщинъ: двѣ дамы смотрятъ на одинъ предметъ въ одно время и несогласны между собой насчетъ его цвѣта. «Есть, точно, утверждаетъ авторъ, на свѣтѣ много такихъ вещей, которыя имѣютъ уже такое свойство: если на нихъ взглянетъ одна дама, онѣ выйдутъ совершенно бѣлыя, а взглянетъ другая — выйдутъ красныя, какъ брусника» (III, 193). А то у него одна дама увѣряла дочь свою взрослую, что у ней, мамаши, глаза самые темные: «Какой вздоръ говоришь! Какъ же не темные, когда я гадаю про себя всегда на трефовую даму»? (II, 216).

Всѣ учились въ царствованіе Николая Павловича понемногу, формальнымъ образомъ, чтобы получить чинъ и доступъ къ службѣ: наука совсѣмъ не клеилась съ практикой, жизнь была сама по себѣ, а образованье—статья особая. Каждый разумѣлъ подъ образованіемъ способъ дѣйствій, какой ему нравился или доставлялъ пользу и удовольствіе, помѣщикъ размышляетъ о невыгодѣ возиться съ мужиками: «А образованье-то развѣ пустая вещь? Невѣжество-то, которое пріобрѣтешь въ деревнѣ, вѣдь его ножомъ послѣ не отскоблишь... Да я хочу съ образованнымъ человѣкомъ поговорить! Теперь я могу заняться тѣмъ, что споспѣшествуетъ къ образованью. Поѣду въ Петербургъ, посмотрю театръ, монетный дворъ, пройдусь мимо дворца, по англійской набережной, въ лѣтнемъ саду. Поѣду въ Москву, пообѣдаю у Яра, могу одѣться по столичному образцу, могу стать наравнѣ съ другими, исполнить долгъ просвѣщеннаго человѣка» (II, 389). Дворяне пописывали статейки въ газетахъ. Попрыщинъ читалъ съ «Пчелкѣ» пріятное изображеніе бала, описанное курскимъ помѣщикомъ, и похвалилъ (IV, 251): «курскіе помѣщики хорошо пишутъ». Чтеніе служило средствомъ пустить пыль въ глаза другимъ; свѣтскій человѣкъ «всего наговоритъ, всего слегка коснется, все скажетъ, что понадергалъ изъ книжекъ: пестро, красно, а въ головѣ хоть бы что нибудь изъ того вынесъ; офицеръ не то, чтобы глупъ,—у него есть умъ, но сейчасъ по выходѣ журнала, а запоздала книжка выходомъ—и въ головѣ ничего» (III, 181; II, 436). Чиновникъ находилъ образованіе въ томъ, какъ бы ловчѣе угодить начальству, а начальникъ обставлялъ свой кабинетъ луч-

шими сочиненіями, чтобы показать свою великую ученость. Одинъ дѣловой человѣкъ внушаетъ своему образованному чиновнику при разсмотрѣніи бумаги: «Что это значитъ? у васъ поля по краямъ бумаги неровны. Знаете ли что васъ можно посадить подъ арестъ... Я съ вами совершенно согласенъ, что министръ не займется такими пустяками. Ну а вдругъ вздумается: дай-ка посмотрю, велико ли мѣсто остается для полей!.. Вѣдь я съ вами говорю и объясняюсь, потому что вы воспитывались въ университетѣ. Съ другимъ бы я не сталъ тратить словъ». Чиновники умѣли отличиться и въ литературѣ краснымъ слогомъ, если надо было подкурить власти; Гоголь вѣрно схватилъ черты времени, когда говорилъ, что деревца въ городскомъ саду были не выше тростника, но въ газетахъ при описаніи иллюминаціи напечатали: «городъ нашъ украсился, благодаря попеченію гражданскаго правителя, садомъ, состоящимъ изъ тѣнистыхъ, широко-вѣтвистыхъ деревьевъ, дающихъ прохладу въ знойный день... Было очень умилительно глядѣть, какъ сердца гражданъ трепетали въ избыткѣ благодарности и струили потоки слезъ въ знакъ признательности къ г. градоначальнику»! (IV, 521; II, 397; III, 8). Губернскіе чиновники, подъ его перомъ, являются людьми начитанными и не безъ образованія: кто зналъ «Людмилу» Жуковскаго наизусть, кто по ночамъ читалъ «Юнговы ночи» или «Ключъ къ таинствамъ натуры» Экартсгаузена, иной читалъ Карамзина или «Московскія Вѣдомости»; но это занятіе литературой не помѣшало имъ въ жизни оставаться взяточниками и продавцами закона (III, 25, 161—2).

Въ самыхъ университетахъ профессоры далеко стояли отъ изученія дѣйствительной жизни, не могли свободно разсуждать, боясь преслѣдованій правительства за каждую мелочь, и ограничивались разсматриваніемъ букашекъ или отыскиваніемъ ископаемыхъ. Въ ученыхъ разсужденіяхъ профессоръ подъѣзжаетъ необыкновеннымъ подлецомъ, говоритъ Гоголь, начинаетъ робко, умѣренно, самымъ смиреннымъ вопросомъ: «Не оттуда ли? Не изъ того ли угла?..» Цитуетъ писателей, а гдѣ показался ему намекъ, онъ ужъ бодрится, получаетъ рысь и отвѣчаетъ за древнихъ писателей, забывъ, что началъ робкимъ предположеніемъ; ему уже кажется это ясно и разсужденіе заключено словами: «Такъ это вотъ какъ было!» Потомъ во всеуслышанье съ каѳедры, и новооткрытая истина пошла гулять по свѣту, набирая себѣ послѣдователей и поклонниковъ (III, 196, 288). Преподаваніе въ высшихъ заведеніяхъ отличалось формальностью и безжизненностью; объ одномъ изъ нихъ сообщаетъ Гоголь и чуть ли не о «гимназіи высшихъ наукъ» при новомъ директорѣ: «Съ науками случилось что-то странное. Выписаны были новые преподаватели, съ новыми взглядами и новыми углами и точками воззрѣній. Забросали они слушателей множествомъ новыхъ терминовъ и словъ; показали они въ изложеньи своемъ и логиче-

скую связь, и слѣдованье за новыми открытіями, и горячку собственнаго увлеченья; но, увы, не было только жизни въ самой наукѣ. Мертвечиной отозвалась въ устахъ ихъ мертвая наука». (III, 272). Лекціи профессоровъ полны были высокой теоріей, и неприложима была ихъ наука на практикѣ; Гоголь описываетъ дѣйствія помѣщика Тентетникова въ деревнѣ и прибавляетъ: «Въ дѣлахъ судейскихъ и разбирательствахъ оказались ровно ни къ чему всѣ эти юридическія тонкости, на которыя навели его профессора-философы. И та сторона вретъ и другая вретъ, и чортъ ихъ разберетъ! Видѣлъ онъ, что нужнѣе тутъ было юридическихъ тонкостей и философскихъ книгъ простое познанье человѣка» (III, 281). Другой помѣщикъ Хлобуевъ жаловался, что ему не принесло пользы высшее образованье, а развило только шире потребности: «Вѣдь вотъ мы и просвѣтились. Я слушалъ лекціи въ университетѣ, а что изъ того, что я былъ въ университетѣ? Ну, чему я выучился? Порядку жить не только не выучился, а еще какъ бы больше выучился искусству побольше издерживать денегъ на всякія новыя утонченности, да комфорты, больше познакомился съ такими предметами, на которые нужны деньги. Оттого ли, что я безтолково учился? Нѣтъ, вѣдь такъ и другіе товарищи. Два, три человѣка извлекли себѣ настоящую пользу, да и то оттого, можетъ быть, что и безъ того были умны, а прочіе вѣдь только и стараются узнать то, что портитъ здоровье да и выманиваетъ деньги. Такъ изъ просвѣщенья-то мы все-таки выберемъ то, что погаже; наружность его схватимъ, а его самого не возьмемъ» (III, 350).

Теперь образуется типъ рѣзкаго направленья недоучившагося студента, набравшагося мудрости изъ современныхъ брошюръ и газетъ, да и окончившіе курсъ въ высшемъ заведеніи, на почетной должности не всегда писали грамотно. Гоголевскій сумасшедшій въ своихъ запискахъ, читая письмо собачки, похвалилъ ее за правописаніе: «Письмо довольно чоткое; однако въ почеркѣ все есть какъ будто что-то собачье... Писано правильно; пунктація и даже буква ѣ вездѣ на своемъ мѣстѣ. Да этакъ просто не напишетъ и нашъ начальникъ отдѣленія, хоть онъ и толкуетъ что гдѣ-то учился въ университетѣ» (III, 282, 256). Порядочно образованные люди не годились для практической дѣятельности ни въ канцеляріи, ни въ помѣстьѣ: они читали книги и фантазировали, замышляли писать историческія сочиненія о Россіи со всѣхъ точекъ, съ гражданской, политической, религіозной и проч., но только изгрызали перья; другіе занимались умозрительной философіей и рѣшали вопросы, въ родѣ такихъ: «Почему звѣрь родится нагишомъ? Ну а если бы слонъ родился въ яйцѣ?..» Пылкіе изъ нихъ сочиняли безполезные, хотя краснорѣчивые, проекты всеобщаго преобразованія (III, 256—7, 267, 274, 282—3, 294). Космополитическая любовь мечтательная прожигала юношей, какъ бы облагодѣтельствовать весь

міръ, «обнять все человѣчество, какъ братьевъ» (III, 775). Старый мистицизмъ александровскаго времени выдохся и краснорѣчивые плуты-масоны составляли изъ увлекающейся молодежи тайныя общества, съ обширной цѣлью доставить прочное счастье всему человѣчеству, отъ береговъ Темзы до Камчатки; но верховные распорядители одни знали, куда пошли огромныя пожертвованія (III, 287).

Не стану касаться состоянія литетатуры, укажу только на одну черту, характеризующую время николаевскаго царствованія, именно: на оберегательную систему правительства отъ вѣяній либеральныхъ, которыя тогда заходили съ запада [1]). Открытымъ врагомъ просвѣщенья, прямымъ гонителемъ литературы уже нельзя было безнаказанно выставляться, какъ прежде, въ родѣ Фамусова и Загорѣцкаго въ «Горѣ отъ ума», которыя готовы были сжечь всѣ книги, особенно сатирическія, вмѣстѣ съ ихъ авторами. У Гоголя подлые и лицемѣрные люди не обрушиваются съ такой горячностью на литературу, даже сатирическую, и говорятъ: «ты пиши только мило, для услажденія сердца»!... И рѣдко раздается грубый голосъ: «Я бы все запретилъ. Ничего не надо печатать. Просвѣщеніемъ пользуются, читай, а не пиши. Книгъ ужъ довольно написано,—больше не надо» (II, 459). Цензура весьма зорко слѣдила за выраженіями, усердный цензоръ придавалъ имъ значеніе политическое, даже въ поваренныхъ книгахъ, въ которыхъ вычеркивалъ фразу: «поставь пирогъ въ вольный духъ» и замѣнялъ просто: «поставь въ печку». Появленіе самостоятельной мысли въ защиту правъ народныхъ, желаніе устроить внутреннюю жизнь Россіи въ интересахъ общихъ возбуждали тогда опасеніе меньшинства сильныхъ лицъ, которые видѣли въ нихъ зло не только для самихъ себя, но и для цѣлаго общества, и старались ограничить ихъ разными насильственными средствами. Живое свободное слово было заклятымъ врагомъ, подкапывающимся подъ благосостояніе людей, злоупотреблявшихъ своей властью, бездарныхъ защитниковъ произвола, стоявшихъ горой за рабство мысли и совѣсти и за господствующій порядокъ, при которомъ возможно было совершать мерзости. Городничій у Гоголя въ раздраженіи не зналъ, какъ и выразить сильнѣе злость противъ литераторовъ: «Найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что обидно! чина, званія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши... Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У, щелкоперы, либералы проклятые! Чортово семя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку! въ шапку туда ему»!... (II, 267).—Новыя идеи и стремленія требовали перестройки государственнаго зданія; а представители отживающаго

[1]) «Сборн. Постановл. и Распоряж.» II, 513—517, 528, 826 и дал.

быта взялись отстоять его въ прежнемъ положеніи, вооружились гоненіями, запрещеніями и наказаніями остановить движеніе умовъ. Гоголь самъ не разъ испыталъ на себѣ, какъ трудно было говорить правду, даже искусно прикрытую; съ какимъ ожесточеніемъ многіе встрѣтили его «Ревизора» и грозили ссылкой въ Нерчинскъ за отвратительную насмѣшку надъ Россіей (II, 439, 456, 462). Онъ сильно жаловался на современниковъ: «Посмѣйся надъ истинно-благороднымъ, что составляетъ высокую святыню души, никто не станетъ заступникомъ. Посмѣйся же надъ порочнымъ, подлымъ и низкимъ, всѣ закричатъ: онъ смѣется надъ святыней!...» Избери маловажные случаи, станутъ говорить, что пишетъ вздоръ; избери предметъ серьезный, закричатъ: «Не его дѣло, пиши пустяки!» (II, 449—50). Чѣмъ сильнѣе развивались мысли о необходимости улучшеній, тѣмъ строже встрѣчали противодѣйствія: начались аресты и ссылки людей подозрительныхъ, а идеи направились по пути тайному, незаконному, не смѣя появиться открыто въ виду гоненій, родились уродливыя личныя увлеченія и необузданныя крайнія сужденія, подогрѣваемыя иностранными теоріями. Роль мучениковъ и страдальцевъ за истину и свободу имѣла свои привлекательныя стороны для восторженныхъ людей; расплодилась рукописная подпольная и заграничная печатная литература, злостно направленная противъ всѣхъ дѣйствій царствованія Николая Павловича.

Изъ этого краткаго очерка ясно видно, что начала и направленіе общественной жизни, современной Гоголю, постигнуты имъ въ совершенствѣ, что у него была строго выработанная система воззрѣній на окружающій его бытъ и опредѣленный рядъ выводовъ. Еще ярче выступитъ картина дѣйствительной тогдашней жизни, если подробно разобрать изображенія Гоголя домашняго быта, экономическаго, иностраннаго вліянія—и сличить ихъ съ несомнѣнными историческими данными. Я не утверждаю, чтобы его всѣми очерками можно было пользоваться, какъ фактами, но считаю его сочиненія однимъ изъ драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ для изученія русской жизни первой половины XIX вѣка, по крайней мѣрѣ, не ниже историческихъ записокъ частныхъ лицъ. Разница между ними въ томъ, что мемуары представляютъ частныя наблюденія и думы извѣстнаго писателя, а изображенія художника создаютъ типическія лица и событія, взятыя изъ современной жизни, на которыя похожи тысячи живыхъ людей и цѣлые ряды явленій. По нимъ можно удобно слѣдить за нравами и бытомъ дѣйствительной жизни. Какъ въ старинной повѣсти «О Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ» остроумно осмѣянъ весь приказный порядокъ дѣлопроизводства XVII столѣтія и представлена типическая картина дѣйствительной жизни; такъ точно изображенія Гоголя исполнены животрепещущей правды и помогутъ

историку проникнуть въ глубину духа и характера современнаго автору человѣка и оживотворить сухіе и тощіе, отрывочные факты и извѣстія [1]).

Слѣдовательно, сочиненія Гоголя, представляя замѣчательнѣйшія произведенія словеснаго искусства, въ высшей степени важны и для отечественной науки, для изслѣдованія внутренняго состоянія русскаго народа, во всѣхъ его бытовыхъ проявленіяхъ, въ царствованіе Николая I, начиная отъ будочника до министра, отъ мелкаго раба до крупнаго вельможи, отъ ничтожнаго деревенскаго захолустья до блестящаго Невскаго проспекта. Теперь еще шире раздвигается предъ нами высокое значеніе его безсмертныхъ созданій: эти монументальныя сооруженія, драгоцѣнныя по прочному историческому матеріалу и тонкой художественной отдѣлкѣ, составляютъ рѣдкое своеобразное явленіе среди литературныхъ произведеній всего человѣчества. Къ нимъ прямо и смѣло можно приложить его же собственныя слова, которыми онъ вообще характеризуетъ вліяніе совершеннѣйшихъ твореній поэтовъ: «Внемлютъ имъ мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ и полный благороднаго стремленія юноша... (углубляются въ нихъ люди науки для изученія недавно минувшей судьбы своего отечества, — добавимъ мы отъ себя). Стонутъ балконы и перила театровъ; все потряслось снизу до верху, превратясь въ одно чувство, въ одного человѣка; всѣ люди встрѣтились, какъ братья въ одномъ душевномъ движеніи,—и гремитъ дружнымъ рукоплесканьемъ благодарный гимнъ тому, котораго уже 30 лѣтъ, какъ нѣтъ на свѣтѣ. Слышутъ ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости? Отзывается ли душа его, терпѣвшая суровое горе жизни»?..

Н. Аристовъ.

Кисловодскъ, 1881 года, августа 17-го.

[1]) Повѣсть «Тарасъ Бульба» относится къ исторіи казачества XVII вѣка и требуетъ особаго изученія.

МОСКОВСКІЕ ЛЮДИ XVII-ГО ВѢКА [1]).

XI.

Наступилъ день свадьбы. Еще наканунѣ начались хлопоты и суетня въ домѣ Тяботы. Такъ какъ въ домѣ у него изъ женщинъ жила только одна стряпуха, то она не могла одна справиться со всѣми приготовленіями, да и кромѣ того, ей какъ простой бабѣ не подъ силу было додуматься о соблюденіи въ точности всѣхъ тогдашнихъ свадебныхъ порядковъ и обычаевъ. Въ такихъ случаяхъ требовалась смѣтливая, знающая это дѣло женщина, а потому въ домѣ Тяботы распоряжалась теперь расторопная Устинья Ермиловна съ теткою Андрея и нѣсколькими приглашенными на этотъ случай старухами.

— Вотъ такъ!.. Кладите снопы плотнѣе одинъ къ другому, распоряжалась Устинья, когда дѣло шло о постелѣ новобрачныхъ, такъ какъ, въ силу обычая, на нее слѣдовало положить семь ржаныхъ сноповъ.—Въ кадушку-то по больше хмѣлю насыпь и примни его немножко, да поставь кадушку около двери, кричала она работнику. Хлѣбъ-соль поставь теперь на подоконникъ, а послѣ какъ столъ убрусомъ покроемъ, переставишь на него передъ иконами. Да смотри, соли не просыпай, заботливо добавляла она, обращаясь къ своему племяннику-подростку, помогавшему ей при настоящей работѣ.

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. XIII, стр. 241—283.

Хлопотня усилилась еще болѣе, когда къ дому Андрея Викулыча подъѣхали два воза съ приданымъ Анфисы. Передъ возами маленькій сынъ одной изъ сестеръ Анфисы несъ образъ; за нимъ шли другіе ея родственники, чинно неся въ домъ жениха «родительское благословеніе» невѣсты, состоявшее изъ нѣсколькихъ иконъ владимірской и московской живописи. Изъ этихъ иконъ передовая небольшая икона была въ серебряномъ съ жемчугомъ окладѣ, другія въ мѣдныхъ посеребреныхъ окладахъ, а на иныхъ были только позолоченныя или серебряные вѣнчики во кругъ изображенныхъ на иконахъ ликовъ. На возахъ были наложены: огромная пуховая перина и множество такихъ же подушекъ, обтянутыхъ въ наволочки изъ краснаго кумача, были также наставлены на возы разной величины сундуки и лари изъ простаго бѣлаго дерева, крашеные въ яркую краску и крѣпко обитые желѣзными полосами съ большущими висячими замками. Надобно было показать окольному люду, что торговый человѣкъ Семенъ Яковлевичъ, или какъ величали его, въ знакъ особаго почета, только по отчеству «Яковлевичъ», выдавалъ за мужъ свою послѣднюю дочь не какъ сироту или пріемыша, а съ богатымъ приданымъ. Такой показъ въ особенности требовался потому, чтобы разсѣять ходившую среди сосѣдей молву, будто отецъ невѣсты въ послѣднее время обѣднѣлъ сравнительно съ прежнимъ.

Возы приданаго сопровождала мать невѣсты съ своими замужними родственницами: ими биткомъ набита была повозка, въ которой онѣ ѣхали. Около этого поѣзда шли посторонніе, незнакомыя женщины, желавшія поглазѣть, а также прыгали и вертѣлись мальчишки и дѣвченки. Мужчинъ не было, такъ какъ всѣ брачныя приготовленія считались только бабьимъ дѣломъ, въ которое представители мужскаго пола вмѣшивались очень рѣдко, да и то лишь въ особыхъ развѣ случаяхъ: приглашался иной разъ человѣкъ, слывшій колдуномъ, если предполагалось нужнымъ отстранить чары, которыя могли быть направлены на жениха или на невѣсту, или—что бывало еще рѣже—мать невѣсты звала на совѣтъ такъ-называемаго «бавича», т. е. такого вѣдуна, который умѣлъ лечить бабьи болѣзни, если невѣста передъ свадьбой начинала болѣть или сохнуть. Приглашался иной разъ и подъячій или приказный, если возникали какія нибудь недоразумѣнія или споры относительно рядной записи. Онъ долженъ былъ согласить спорящія стороны и затѣмъ установить новый «рядъ» относительно приданаго невѣсты.

Приготовленія къ свадьбѣ Тяботы могли, однако, быть окончены и безъ призыва такихъ дополнительныхъ дѣятелей: невѣста была здорова по прежнему и пока все шло хорошо и гладко.

Пришлось, впрочемъ, порядкомъ повозиться съ установкою привезеннаго въ домъ Андрея скарба, но справились и съ этимъ

дѣломъ, разставивъ такъ и сякъ все привезенное и въ горницѣ, и въ свѣтлицѣ, и въ сѣняхъ.

Наканунѣ свадьбы Анфиса, справляя дѣвишникъ, отправилась съ своими подругами въ баню. Тамъ пѣлись подходящія къ будущему образу жизни невѣсты пѣсни, въ которыхъ оплакивалось дѣвичье житье, а также упоминалось о предстоящихъ хлопотахъ и печаляхъ въ быту подневольной женщины и заботливой хозяйки. Тѣ же пѣсни пѣлись и въ горницѣ невѣсты.

XII.

Въ старинной Москвѣ съ раннимъ вставаніемъ по утру и съ раннимъ отходомъ ко сну соразмѣрялось и все теченіе повседневной жизни, а также и всѣхъ особыхъ выдававшихся случаевъ. По этому одѣваніе къ вѣнцу Анфисы началось также съ позаранку.

Въ той комнатѣ, гдѣ убирали Анфису, расположены были по ларямъ принадлежности ея убора, какъ замужней уже женщины.

У самыхъ богатыхъ невѣстъ того времени принадлежности ихъ подвѣнечной одежды были: бѣлая сорочка съ длинными въ пять или шесть аршинъ рукавами, парчевый сарафанъ, штофная съ собольей или бобровой опушкой ферязь, кика шитая золотомъ или серебромъ, съ нанизаннымъ жемчугомъ, съ длинной широкой фатой изъ бѣлой кисеи. Ферязь и кика были яркихъ цвѣтовъ, преимущественно краснаго цвѣта. На эти принадлежности наряда, сдѣланныя иногда изъ бархата, нашивались золотыя или серебряныя широкія тесьмы и дополнительнымъ къ нимъ украшеніемъ были узоры, вышитые жемчугомъ. Къ этому прибавлялись большія серьги иногда съ крупными алмазами, рубинами, яхонтами, сапфирами или бирюзой, которую привозили въ Москву кизылбашскіе или персидскіе купцы и которая была у насъ, въ старину, въ большомъ употребленіи, даже среди простонародья. Шейныя украшенія состояли изъ нитокъ бурмистскихъ зеренъ, ожерелій, стоячихъ воротниковъ, вышитыхъ жемчугомъ. Такъ называемыя запястья были нарукавники, отдѣланные также жемчугомъ.

Всѣ эти принадлежности наряда были даны и за Анфисой; разумѣется, они не были ни слишкомъ пышны, ни слишкомъ тяжеловѣсны.

Въ свѣтлицу, гдѣ сидѣла Анфиса съ нѣсколькими изъ своихъ подругъ, вошла ея мать со свахой и убиральщицами невѣсты изъ молодыхъ, замужнихъ женщинъ. Дѣвушки, бывшія уже у Анфисы, встали при ихъ приходѣ. Всѣ они принялись креститься передъ образами, а мать и сваха, въ добавокъ къ этому, положили по три земныхъ поклона. Анфиса упала въ ноги матери и, не выдержавъ печали при приближающейся разлукѣ съ родимой, громко зарыдала.

Сваха равнодушно приступила къ одѣванію невѣсты подъ вѣнецъ.

Прежде всего одѣвальщицы принялись за головной уборъ Анфисы. Они не безъ труда распустили ея густую темнорусую косу, въ которой была въ послѣдній разъ вплетена алая ярославская лента—самое любимое въ ту пору украшеніе каждой русской дѣвушки, и раздѣлили косу на двѣ половины, привязавъ къ концу каждой пряди волосъ связку малиновой ленты.

Такъ какъ волосы, заплетенные въ одну косу, были уборомъ исключительно только дѣвушекъ, то подруги ея при началѣ распусканія косы принялись хныкать, а когда по распущеннымъ волосамъ сваха провела въ первый разъ гребнемъ, чтобъ раздѣлить ихъ на двѣ пряди, то прежнее сдерживаемое хныканіе обратилось въ ревъ съ различными причитаніями.

Одна Мавруша не печалилась, не нюнила и не ревѣла. Она насмѣшливо улыбалась, смотря на невѣсту, которая подъ гребнемъ свахи задыхалась отъ слезъ, и такъ какъ одѣванье невѣсты должно было сопровождаться пѣснями, то Мавруша беззаботно запѣла слѣдующую, подходящую къ настоящему обряду пѣсню. Она пѣла:

Повела свово милова, во высокій во теремъ,
«Подивися, милой мой, надъ моей русой косой!»
— Ахъ ты, косынька, коса, коса—дѣвичья краса
Ужь какъ ты меня, коса, изсушила молодца,
И повынула румянецъ изъ бѣла лица!

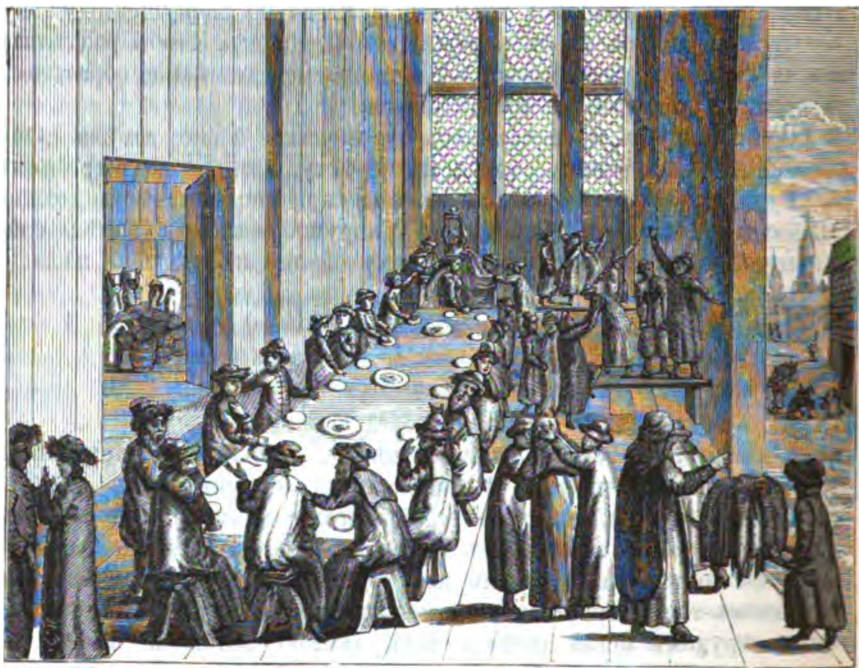
Наконецъ, невѣсту убрали къ вѣнцу, набѣлили и нарумянили ей лицо, насурмили брови и началось ея «окручиваніе». Ей закрыли лицо фатою, окутали ее большими платками, и затѣмъ, съ одной стороны сваха, а съ другой — одна изъ тетокъ Анфисы взяли ее подъ руки и повели изъ родительскаго дома. Она была въ какомъ-то безчувственномъ положеніи. Закутанная на-глухо, она съ трудомъ могла дышать подъ густою фатою и ничего не видѣла и не слышала. Провожали ее скорѣе какъ покойницу, а не какъ невѣсту, всхлипываніями, плачемъ и разными печальными причитаніями. Вообще, бракъ на Руси не былъ веселымъ обрядомъ.

За воротами дома стояло нѣсколько повозокъ и телѣгъ, запряженныхъ въ двѣ или въ три лошади, въ гривы и въ хвосты которыхъ были вплетены разноцвѣтныя покромки. На лошадяхъ были бубенцы, а подъ росписными дугами подвѣшаны колокольчики. Невѣсту усадили въ повозку, по сторонамъ ея сѣли сваха и тетка. Званные гости разсѣлись по повозкамъ и телѣгамъ.

Возница той повозки, гдѣ сидѣла невѣста, гикнулъ и свиснулъ, и передовая тройка быстро тронулась съ мѣста, за ней со звономъ поддужныхъ колокольчиковъ и бубенцовъ и съ бряцаніемъ мѣднаго набора на лошадяхъ, понеслись поѣзжане.

Поѣздъ скоро доскакалъ до приходской церкви, гдѣ отецъ Онуфрій и обвѣнчалъ раба божьяго Андрея съ рабой божіей Анфисою. Подъ вѣнцомъ молодая оставалась закрытая фатой, такъ что никто не могъ видѣть ея слезъ. Она откинула фату только на «княжескомъ» пиру, называвшемся такъ потому, что за свадебнымъ столомъ новобрачныхъ въ старину величали княземъ и княгинею.

Обѣдъ былъ справленъ съ обычными въ ту пору поклонами, поцѣлуями и поднесеніемъ вина, причемъ мѣсто хозяйки заступала

Свадебный пиръ въ XVII столѣтіи.

Анфиса. Она казалась совершенно равнодушною, подавляя въ себѣ ту печаль, какую чувствовала, сдѣлавшись подневольной не милому ей человѣку.

Такъ какъ Анфиса выдѣлилась теперь изъ среды дѣвушекъ, то подругами ея стали молодыя замужнія женщины. Онѣ и были гостьями на брачномъ пирѣ, на которомъ онѣ, послѣ продолжительнаго обѣда, принялись пѣть свадебныя пѣсни.

Одна изъ нихъ, сопровождаемая голосами другихъ молодухъ, запѣла:

«Ужь какъ вы, холостые, не глядите,
Вамъ глядѣньемъ дѣвушекъ не взяти,

Ужь какъ взять, не взять по любви,
А по батюшкину повелѣнью,
По матушкиному благословенію.

Эту пѣсню пропѣли въ похвалу скромности и покорности невѣсты передъ родительскою волею.

Затѣмъ начали другую пѣсню, въ которой, между прочимъ, высказывалось отъ лица невѣсты.

Моя русая коса
На роду тебѣ обречена!

Слова эти были вполнѣ согласны съ тогдашними понятіями о роковомъ неизбѣжномъ предопредѣленіи суженаго.

Затѣмъ нужно было выразить преданность жены мужу и эта добродѣтель такъ опредѣлялась въ свадебной пѣсни:

«Я божья да батюшкина,
Я божья да матушкина,
А теперь—божья да твоя!»

Послѣ княжескаго пира, повезли молодую, опять закрытую фатой, въ мужнинъ домъ и на этотъ разъ посадили въ одну повозку рядышкомъ Андрея и Анфису. При входѣ на крыльцо сваха осыпала молодыхъ хмѣлемъ, а мать Анфисы поднесла жениху хлѣбъ-соль. Началось опять угощеніе съ соблюденіемъ всѣхъ утомительныхъ обрядностей и вслѣдствіе множества поклоновъ у Андрея порядочно разломило не молодую уже его спину. Во время этого угощенія было «величаніе» молодыхъ, ихъ родителей, старѣйшихъ родственниковъ и почетныхъ гостей, а молодухи пѣли пѣсни. Въ одной изъ этихъ пѣсней новобрачной подавались такіе совѣты:

«Держи голову поклонную,
А сердце покорное,
Будь сама добра,
Будь ласкова, привѣтлива,
Ко всему догадлива, да смѣтлива,
Въ чужихъ словахъ незамѣтлива,
А въ своихъ проста да умѣтлива».

Наконецъ, отъ лица новобрачнаго мужа молодухи пропѣли такую пѣсню:

«Чтобъ суженая, моя ряженая
Была бъ хороша, да пригожая,
Была бъ умна, да веселивая,
Къ добрымъ людямъ привѣтливая,
Свекру-батюшкѣ покорливая,
Свекрови-матушкѣ послушливая
Деверьямъ-братьямъ услужливая,
Мнѣ молодцу, любовная».

Послѣ угощенья Анфису повели въ спальную свѣтлицу и тамъ сваха съ молодухами принялись снимать съ нея брачный уборъ. съ разными прибаутками, поговорками и шутливыми совѣтами. Когда молодую переодѣли, позвали Андрея.

Онъ, разумѣется, не могъ не подгулять нѣсколько, хотя на этотъ день и повоздержался противъ обыкновенія отъ излишней выпивки. Подводя его къ дверямъ свѣтлицы, Устинья Ермиловна. порядкомъ уже подвыпившая, давала ему разныя, не совсѣмъ скромныя наставленія.

Войдя въ свѣтлицу, Андрей важно усѣлся на постель и вытянулъ впередъ правую ногу.

— Ну, женушка, сказалъ онъ стоявшей скромно въ уголку Анфисѣ,—принимайся-ко за свое дѣло.

Робко подошла къ нему Анфиса. Онъ потрепалъ ея по бѣлому плечу, пріобнялъ рукою, а она, исполняя древній русскій обычай. принялась разувать мужа.

Когда она стащила до половины его сапогъ, то изъ-за длиннаго голенища выпала небольшая, запрятанная свахой шелковая плетка—знакъ суровой власти мужа надъ женою. Анфиса нагнулась, подняла плетку и положила на лавку.

— Небойсь, небойсь—проговорилъ снисходительно Андрей, будешь мнѣ вѣрна и послушна, такъ въ плеткѣ не будетъ нужды.

Анфиса съ волненіемъ взглянула на своего мужа и почувствовала, что она была далеко отъ него сильно трепетавшимъ у нее сердцемъ...

XIII.

Ко времени пріѣзда Никиты прошло съ небольшимъ четыре года брачнаго сожитія Анфисы съ Андреемъ. Первое время Андрей загуливалъ довольно рѣдко, хотя и пилъ своимъ порядкомъ куда-какъ исправно, но, не найдя въ супружеской жизни той радости. какой онъ ожидалъ, и убѣдившись, что его молоденькая жена не чувствуетъ къ нему никакого расположенія, онъ сталъ загуливать все чаще и чаще. Впрочемъ, въ теченіе дня онъ былъ обыкновенно трезвъ и напивался только къ вечеру. Устинья Ермиловна говорила неправду, отзываясь о Тяботѣ, что онъ человѣкъ во хмѣлю покойный. Напротивъ, подвыпившій Тябота дѣлался и «шуменъ и драчливъ» и оба эти свойства усиливались въ немъ все болѣе и болѣе. Въ трезвое же время онъ былъ такъ себѣ и даже скорѣе оказывался покладистымъ и при томъ веселымъ-малымъ. Разумѣется, что загулъ Андрея всего чаще и всего чувствительнѣе отзывался на Анфисѣ—женщинѣ по природѣ кроткой и уступчивой. Пользуясь этимъ, Андрей въ отношеніи къ ней давалъ полную волю не только языку, но и рукамъ, и этимъ послѣднимъ по преимуществу.

— Приходитъ къ концу мое терпѣніе, не вынесу долго—часто думала Анфиса, заливаясь слезами. Но она скрывала свою недолю и не жаловалась никогда на мужа не только чужимъ, но и ни отцу, ни матери.

— Ничего, живется по немногу—съ усиліемъ отвѣчала Анфиса родителямъ, когда они спрашивали дочь объ ея житьѣ-бытьѣ.

— Да отъ чего же ты всегда такъ невесела, смотришь такъ понуро? заботливо допытывалась мать.

— Ты знаешь, родная, что я и въ дѣвкахъ таковская была; видно, что ужъ такой на свѣтъ божій уродилась — бормотала молодая женщина.

Мать сомнительно покачивала головой.

— Да вѣдь онъ, сердешная моя, говорятъ крѣпко запиваетъ? продолжала допросы мать.

— Такъ что же, что запиваетъ? отрывисто и нехотя отвѣчала Анфиса. —Коли пьетъ, такъ себѣ же вредъ, и онъ отъ пьянства не отстанетъ, его никакъ не отговоришь. Да и не мѣшайся ты, матушка, съ раздраженіемъ добавила одинъ разъ дочь — въ нашу жизнь и родителя о томъ попроси, только хуже мнѣ отъ того будетъ. Вѣдь сами же меня за него выдали, не по своей волѣ пошла я за него, а теперь ничего не подѣлаешь.

Въ такомъ смыслѣ, но еще съ бо̀льшею сдержанностію отвѣчала Анфиса на распросы своихъ родныхъ и знакомыхъ. Однажды только вышла она изъ себя, когда Устинья Ермиловна стала похваляться передъ Анфисой, что она устроила для Анфисы отличное супружество, что у ней теперь всего вдоволь и что она счастлива тѣмъ, что у ней нѣтъ ни свекра, ни свекрови, ни деверьевъ, ни золовокъ, и что, по этому, она полная хозяйка въ мужниномъ домѣ. Что же касается пьянства Андрея, то по словамъ Устиньи Ермиловны, это было для жены не казнь, но, напротивъ, благодать Божія.

— Коли мужъ загуливаетъ, да запиваетъ до безобразія, разсуждала сваха—то значитъ женѣ его вольготнѣе. Сама гуляй, какъ хочешь, на такого срамника смотрѣть нечего; а съ пьянымъ, коли онъ валится съ ногъ, совладать легче, нежели съ такимъ, что на ногахъ остается, а у самого въ головѣ все кругомъ ходитъ. Колоти его сама хорошенько, какъ онъ въ безсиліе придетъ, такъ потомъ онъ тебя бояться станетъ—совѣтовала сваха.

— Погубила ты меня, Устинья Ермиловна, зарыдавши отозвалась Анфиса.—Пусть Господь проститъ тебѣ мою недолю, а Онъ праведный судія, видитъ, что̀ мнѣ приходится терпѣть отъ Андрея Викулыча.

— Эхъ, молодуха, стерпится — слюбится! съ нахальнымъ смѣхомъ проговорила Устинья Ермиловна, а Господу Богу въ наши бабьи дѣла мѣшаться не слѣдъ, мало ли между нами бываетъ вся-

кихъ свадъ, ссоръ и напраслинъ. Ему не до нихъ. А коли тебѣ житье стало не въ мого－ту, то зови вѣдунью, ослободитъ тебя она скоро отъ мужа. Вѣдь слыхала, чай, когда нибудь объ Ильѣ Никифоровѣ, что̀ торговалъ мѣдью въ рядахъ? Пособила же женѣ его вѣдунья и теперь она вдовушкой гуляетъ на всей своей волѣ.

Анфиса задрожала.

— Иди вонъ отсюда!.. Съ чего ты меня на такой страшный грѣхъ наводить вздумала!... Уходи скорѣй!.. въ изступленіи закричала Анфиса.

Намекъ свахи былъ ясенъ: въ народѣ ходила достовѣрная, хотя и не доказанная на судѣ свидѣтелями и уликами молва о томъ, что Илья Никифоровъ былъ отравленъ своею женою, что она извела его какимъ-то зельемъ. Оставшись послѣ него вдовой, она при помощи ловкаго подъячаго и денегъ, повела дѣло такъ, что смерть Ильи была оставлена на волю Божію, потому-де, что онъ «опился и все чрево его отъ вина выгорѣло и женка его, Авдотька, во всемъ томъ неповинна»—написано было въ «сказкѣ» или въ докладѣ по этому дѣлу.

— Знаться съ тобой не хочу! Чтобъ мнѣ вѣкъ тебя не видѣть!.. кричала Анфиса на старуху.

— Не хочешь знаться?.. Ну такъ и прощай!.. Смотри, чтобъ потомъ не пришлось когда вспомнить Устинью Ермиловну, да не будетъ ли только поздненько? съ угрозою и злобною насмѣшкою проговорила сваха, уходя отъ раздраженной Анфисы.

XIV.

Андрей не только запивалъ, привязывался къ женѣ изъ-за пустяковъ и билъ ее, но, въ добавокъ къ этому, непрестанно мучилъ ее своею ревностью. Онъ помнилъ свои собственные проказы по любовной части во время своего вдовства, и зналъ, что самый зоркій мужъ не услѣдитъ за женой, если она вздумаетъ обманывать его. Андрей не отпускалъ безъ себя Анфису въ гости ни къ роднымъ, ни къ знакомымъ. Неохотно оставлялъ онъ ее дома безъ надежнаго призора, такъ какъ ему все мерещилось, что, чего добраго, въ отсутствіе его заберется къ Анфисѣ какой нибудь полюбовникъ.

Уходя каждый день съ ранняго утра торговать, онъ бралъ Анфису съ собой. Лавка Тяботы была небольшой сарайчикъ, или срубъ, сложенный изъ тонкихъ сосновыхъ бревенъ, почернѣвшихъ отъ времени. Она была съ нѣсколькими небольшими оконцами по стѣнамъ. На крышѣ были продѣланы узенькія отдушины для того, чтобъ срубъ могъ хорошо провѣтриваться, такъ какъ иначе въ немъ завелась бы сырость, портившая товаръ Андрея. Торговалъ

онъ кожаною обувью, которая въ ту пору была не столько предметомъ необходимости, сколько роскоши. Торговля этимъ товаромъ шла однако ходко и сбытчикъ ихъ считался обыкновенно торговымъ человѣкомъ не послѣдней руки. Кожаную обувь носили тогда въ Москвѣ далеко еще не всѣ горожане, но только люди болѣе или менѣе состоятельные: купцы, а также служилые и приказные люди; а не зажиточные, мѣщане, причетники, дьяконы и даже попы въ небогатыхъ приходахъ ходили не въ кожаныхъ, а въ «липовыхъ» сапогахъ, т. е. по просту, въ лаптяхъ. Поэтому, Андрею приводилось имѣть дѣло не съ какими нибудь лапотниками, а все съ «чистымъ» народомъ.

На лицевой сторонѣ лавки была одностворчатая дверь, подлѣ которой была придѣлана изъ широкой доски стойка, установленная на деревянныхъ подпоркахъ. Надъ стойкой было вырублено широкое, въ видѣ большаго окна, отверстіе, такъ что Андрей, раскладывая свой товаръ на стойкѣ, продавалъ его, оставаясь самъ по поясъ внутри лавки. Стойка была покрыта деревяннымъ навѣсомъ, а подъ навѣсомъ были развѣшаны сапоги, указывавшіе, въ замѣнъ не существовавшихъ тогда вывѣсокъ, тѣ предметы, которыми торговалъ Андрей. Подъ стойкой, укрываясь то отъ солнца, то отъ ненастья, лежала обыкновенно Пѣганка, постоянно сопровождавшая въ лавку своего хозяина.

Неподпившій Андрей былъ очень ловкимъ и смѣтливымъ торговцемъ и умѣлъ заманивать къ себѣ проходившихъ мимо его лавки. Въ своихъ зазывахъ онъ иногда горячился до того, что вылѣзалъ изъ сруба на стойку, растягивался на ней и порывался удержать силою уходившаго покупщика, съ которымъ не могъ сторговаться, хватая его за руки или за одежду. Умѣлъ Андрей и мягкими и льстивыми словами уговорить нерѣшительнаго человѣка, начавшаго выбирать у него товаръ. Иной покупатель стоитъ передъ его лавкой, вертитъ и разглядываетъ сапоги, раздумывая ладно ли, да и вообще нужно ли теперь купить ихъ и не лучше ли отложить предстоящій расходъ на послѣдующее время, а между тѣмъ, Андрей уговариваетъ и убѣждаетъ взять сапоги, потому-де, что потомъ такихъ отличныхъ сапоговъ не найдется.

— Ужъ такіе сапоги выбралъ, что лучшихъ не достанешь, да, пожалуй, я для тебя только еще полъ-алтына скидки съ настоящей цѣны сдѣлаю. Не хочется мнѣ хорошаго человѣка отъ себя порожнемъ отпустить! болталъ Андрей.

Такія уговариванія сопровождались божбою и клятвами на счетъ прочности товара и его превосходной выдѣлки, а также шуточками и прибаутками. Наговоритъ Андрей всякой всячины цѣлый коробъ, и покупщикъ, поторговавшись еще немного, сойдется въ цѣнѣ съ продавцемъ и затѣмъ Андрей, снявъ шапку, пожелаетъ покупщику носить на здоровье купленную обновку.

Заходили иногда въ лавку къ Андрею и молодухи и дѣвчата, чтобъ купить у него сафьянные черевики, бывшіе тогда одною изъ главныхъ принадлежностей щегольскаго женскаго наряда. Умѣлъ Андрей справляться и съ этими покупательницами, посмѣшить ихъ, подольстить имъ и торгъ кончался тѣмъ, что Андрей получалъ съ нихъ нѣсколько алтынъ, а иногда и цѣлую полтину.

Андрей бралъ съ собою Анфису въ лавку не только потому, что, какъ трусливый ревнивецъ, боялся оставлять ее одну дома, но и по другимъ еще особымъ причинамъ. Ему пріятно было, когда проходившіе мимо лавки парни заглядывались на Анфису и, безъ сомнѣнія, завидовали, что у Тяботы такая красивая жена. Андрей не боялся этого, держась поговорки, что «глядѣньемъ ничего не подѣлаешь». Другое дѣло, еслибы Анфиса сама засмотрѣлась на кого-нибудь, или, чтò еще хуже, заговорила бы съ кѣмъ нибудь. Въ такомъ случаѣ, въ немъ начинала кипѣть ревность и онъ накидывался на Анфису тутъ же, а потомъ дома продолжалъ упрекать и бранить, а иной разъ и бить ее.

Мучился сильно Андрей, когда ему почему-нибудь нужно было отлучиться изъ дому или изъ лавки, оставивъ тамъ одну жену. Тогда онъ приказывалъ своему работнику Прокопу приходить вмѣсто себя въ лавку и, по простотѣ тогдашнихъ нравовъ, крѣпко наказывалъ ему смотрѣть за Анфисой и потомъ выспрашивалъ Прокопа, чтò она дѣлала и кто побывалъ у лавки.

Хотя Анфиса и была по природѣ женщина скромная, но все же порою невольно поддавалась искушенію посмотрѣть на статнаго и кудряваго молодца, проходившаго мимо лавки, или торговавшагося съ ея мужемъ, и тогда еще не милѣе становился ей Андрей.

Замѣтилъ также Андрей, что когда бывала съ нимъ въ лавкѣ Анфиса, торговля шла какъ будто бойчѣе, и онъ приписывалъ это ея счастью. Отчасти оно такъ и выходило. Андрей выставлялъ жену какъ будто на показъ. Стоя или сидя на порогѣ входной двери, Анфиса занималась вышиваніемъ ширинокъ, которыми такъ любили щеголять и хвастаться тогдашнія московскія женщины. Чѣмъ узорчатѣе и пестрѣе была у нихъ расшита ширинка, т. е. носовой платокъ, золотомъ или шелкомъ, тѣмъ лучшее понятіе составлялось о женщинѣ какъ объ искусной и умѣлой рукодѣльницѣ. Проходившіе молодые русскіе парни, а порою и нѣмцы, зашедшіе въ Земляной-городъ изъ своей слободы, завидѣвъ у лавки хорошенькую женщину, принимались нарочно торговаться съ Андреемъ, чтобъ, пользуясь временемъ, насмотрѣться на Анфису. Но Андрей былъ не промахъ и почти всегда умѣлъ такому случайному покупателю всучить чтò-нибудь. Въ свою очередь и Анфиса, приподнявъ повыше ширинку и призакрывъ ею лицо, посматривала украдкой на иныхъ молодчиковъ, такъ что, говоря, по правдѣ,

Андрей имѣлъ по временамъ поводъ приревновать свою жену. Такія посматриванія начались, однако, не съ первой поры замужества. Сперва Анфиса ни на кого не смотрѣла, и, замѣтивъ покупателя, который, какъ ей казалось, затѣмъ только и началъ торговаться, чтобъ смотрѣть на нее, она, потупивъ глаза, уходила въ лавку и тамъ дѣлалась невидимкой. Но потомъ, видя, что Андрей шутитъ и заигрываетъ съ молодками, она сочла себя въ правѣ

Торговая лавка въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.

обращать вниманіе на тѣхъ парней, которые пріостанавливались у лавки съ намѣреніемъ полюбоваться ею. Мало-по-малу Анфиса смѣлѣе и смѣлѣе стала вскидывать на нихъ свои каріе глаза, а нѣкоторымъ и плутовски улыбаться, какъ будто давая имъ знать, что она понимаетъ, почему они такъ долго торгуются съ ея мужемъ.

Все это было только развлеченіемъ Анфисы, или даже тѣмъ невольнымъ движеніемъ женскаго сердца, которое отъ грубаго и неуклюжаго заигрыванія простой женщины съ мужчиной пере-

ходитъ постепенно въ утонченное кокетство современной изящной дамы. Но со времени первой встрѣчи съ Никитой Анфиса замѣтно перемѣнилась. Она не только перестала улыбаться и посматривать на мужчинъ, но забивалась глубоко въ уголъ лавки и тамъ, сидя на скамейкѣ, или прилежно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ-то судорожно шила, или, положивъ на колѣни руки со скомканною работой, оставалась неподвижна въ глубокомъ раздумьѣ. Замѣтно было, что въ Анфисѣ произошла какая-то перемѣна и что въ ея мысляхъ народилась какая-то новая тревожная дума. Предметомъ ея думы былъ случайно показавшійся въ домѣ ея мужа молодой и красивый парень.

Бываютъ въ жизни человѣка роковыя встрѣчи, и такой встрѣчей была встрѣча Анфисы съ Никитой. Онъ не только что съ перваго разу полюбился Анфисѣ, по его внѣшности, располагавшей къ нему каждаго, но и подъ впечатлѣніемъ той обстановки, при которой произошла эта первая, вовсе неожиданная встрѣча. Никита могъ видѣть ту злость, съ какою Тябота изъ-за пустяковъ обращался съ женою. «Значитъ — думала Анфиса, отъ него моего горькаго житья таить нечего»—а супружеская разладица, какъ извѣстно, открываетъ постороннему человѣку болѣе легкій доступъ въ сердце женщины, раздраженной мужемъ, нежели мирное супружеское сожитіе. У Анфисы являлось порою желаніе отмстить Андрею за всѣ несправедливости, какія приходилось ей испытывать отъ него. Въ умѣ ея являлась длинная вереница оправданій своего грѣха, если бы лукавый когда нибудь попуталъ ее.

Кромѣ того, Анфисѣ показалось—что̀, впрочемъ, было и на самомъ дѣлѣ, — будто молодой гость съ выраженіемъ состраданія смотрѣлъ на расправу съ ней ея мужа. Наконецъ, и то обстоятельство, что Андрей оскорбилъ изъ-за нее ни въ чемъ, какъ ей думалось, неповиннаго Никиту, возбуждало къ нему сочувствіе въ добромъ сердцѣ Анфисы.

Въ добавокъ ко всему этому, примѣшалось и суевѣріе. Сны еще и теперь считаются у многихъ предзнаменованіемъ грядущаго, а Анфисѣ за нѣсколько дней до встрѣчи съ Андреемъ видѣлся зловѣщій сонъ.

Снилось ей, что она въ осеннія сумерки идетъ одна по открытому полю, на которомъ стоятъ грязь и лужи. Въ полѣ не было дороги и ей приходилось пробираться съ трудомъ по узенькой тропинкѣ, пересѣченной оврагами. Не видѣлось въ полѣ ни деревца, ни кустарника и даже никакой, хоть бы низкой поросли. Кругомъ все было тихо и мрачно, по небу тянулись черныя тучи, а окружавшій Анфису мракъ становился все гуще и гуще. Страхъ овладѣлъ Анфисой. Вдругъ на нее накинулся выбѣжавшій изъ оврага большой волкъ, но тутъ молодой парень, неожиданно откуда-то появившійся, ударилъ звѣря рогатиной. Не успѣла Анфиса

опомниться отъ охватившаго ее ужаса, какъ на незнакомаго ей защитника ея и на нее самое напала цѣлая стая волковъ, которые и бросились терзать ихъ.

Анфиса громко и отчаянно вскрикнула и въ ужасѣ проснулась отъ своего крика. Она дрожала всѣмъ тѣломъ, крестилась и присѣла на постель, какъ бы желая удостовѣриться, что все это она видѣла только во снѣ, а не случилось съ нею на яву.

Между тѣмъ крѣпко подвыпившій Андрей громко храпѣлъ.

— Вотъ кто волкъ — невольно подумала она, взглянувъ на мужа — а стая волковъ — злые люди, которые нападутъ на меня изъ-за него. А кто жъ тотъ молодецъ, который защититъ меня отъ напасти и сгинетъ вмѣстѣ со мною.

Сонъ этотъ глубоко запалъ въ память Анфисы. Воображеніе довершило остальное и когда она подчивала заѣзжаго гостя, то ей при взглядѣ на Никиту показалось, что точно такимъ былъ тотъ молодой парень, какого она видѣла недавно во снѣ.

XV.

Разставшись съ отцомъ Онуфріемъ, Никита пошелъ далѣе, держась прежняго направленія къ Кремлю по поднимавшейся надъ городомъ колокольнѣ Ивана Великаго. Движеніе въ Китай-городѣ было уже гораздо оживленнѣе, нежели въ Бѣломъ.

Попадались на встрѣчу Никитѣ, поднимаемыя изъ разныхъ церквей, иконы. Ихъ носили или къ больнымъ въ чаяніи чудотворнаго отъ нихъ исцѣленія, или къ умирающимъ, желавшимъ въ послѣдній разъ помолиться передъ ними, какъ передъ излюбленными святынями.

Въ ту пору былъ обычай, что каждый православный имѣлъ въ приходской церкви свою собственную икону. Такія иконы развѣшивались по внутреннимъ стѣнамъ церкви и по столбамъ, поддерживавшимъ потолокъ, и прихожанинъ, молясь передъ общими церковными иконами, чтилъ, однако, преимущественно свою икону, если только въ томъ храмѣ не было особенно прославленнаго какого нибудь образа. Въ болѣзняхъ, а также въ разныхъ какъ печальныхъ, такъ и радостныхъ обстоятельствахъ жизни, такую икону приносили временно изъ церкви домой и тамъ пѣли передъ ней молебны, а потомъ опять относили въ церковь на прежнее мѣсто. При проносѣ такихъ иконъ проходящіе по улицамъ не воздавали имъ особеннаго чествованія и даже большею частью не снимали передъ ними шапокъ.

— Не наши и не приходскія! говорили они чуть ли не съ пренебреженіемъ, махнувъ вслѣдъ рукою лику преподобнаго Пафнутія Боровскаго, или такого же Нила Сорскаго.

Совсѣмъ иную картину представляли московскія площади и улицы, когда по нимъ проносили иконы уже заявившія передъ прочими свое превосходство разными знаменіями и чудотвореніями. Въ церквахъ, мимо которыхъ ихъ несли, а также и въ сосѣднихъ, начинался усердный трезвонъ. Народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ и несмѣтная толпа, осѣненная развивавшимися хоругвями, шла впереди, около и позади иконы, несомой или духовенствомъ или наиболѣе почетными обитателями города. Если икона шествовала въ домъ боярина или окольничаго, то и знатныя лица, положивъ на свои плечи концы отъ жердей богато-убранныхъ носилокъ, тщились, до изнеможенія силъ, нести къ себѣ въ домъ или Пречистую Владычицу, или какого нибудь угодника божія. И мужчины и женщины съ грудными младенцами и ребятишки старались стать на дорогѣ и распростереться на землѣ такъ, чтобы икона была пронесена надъ ними.

Такая вѣра и такое благоговѣніе могли показаться новому человѣку умилительнымъ зрѣлищемъ, но стоило только войти въ какую нибудь московскую церковь, чтобъ убѣдиться, что обычное настроеніе москвичей противорѣчило такому изъявленію ихъ набожности. Еще въ «Стоглавѣ» упоминалось, что попы и причетники всегда въ церкви пьяны и безъ страха стоятъ, бранятся и всякія рѣчи неподобныя всегда исходятъ изъ ихъ устъ; попы же въ церквахъ бьются и дерутся промежъ себя; а сто лѣтъ спустя, царь Алексѣй Михайловичъ писалъ Никону, что «люди православные въ церковь входятъ и стоятъ въ шапкахъ, словно—добавляетъ онъ—на пиру или въ корчемницѣ говоръ, ропотъ, всякое прекословіе, бесѣды, срамныя словеса; пѣсни божественныя не слушаютъ въ глумленіи».

По мѣрѣ приближенія Никиты къ Кремлю, толпа народа, двигавшагося впередъ по улицамъ, все увеличивалась и когда онъ вошелъ на Красную площадь, то передъ нимъ открылось пространство, запруженное народомъ, и его особенно поразила церковь Василія Блаженнаго своей причудливой постройкой и пестротой красокъ. Она тогда была снаружи въ томъ же видѣ, въ какомъ существуетъ и нынѣ, но вся окружающая ее мѣстность, за исключеніемъ кремлевской стѣны, представляла совершенно иную картину. Такъ, между прочимъ, за церковью Василія Блаженнаго былъ глубокій ровъ, въ которомъ жили тогда въ несмѣтномъ числѣ дикія собаки. Не даромъ они отыскали для себя такое убѣжище, такъ какъ сосѣдняя со рвомъ мѣстность—рынокъ на Красной площади—была имъ очень благопріятна для самой разнообразной прокормки.

Другою особенностію Красной площади былъ каменный помостъ въ видѣ возвышенія, называемаго и до нынѣ «лобное» мѣсто, по-потому что будто бы оно на подобіе іерусалимской Голгоѳы было

предназначено для совершенія на немъ казней. Но такое объясненіе невѣрно и названіе «лобное» произошло очень просто, такъ какъ въ старинномъ нашемъ языкѣ называлась лобнымъ мѣстомъ каждая выдающаяся на ровномъ мѣстѣ возвышенность. Въ то время, когда пришелъ Никита на Красную площадь, лобное мѣсто было пусто, но на немъ въ торжественныхъ случаяхъ, а также при народныхъ смутахъ и бѣдствіяхъ, раздавались или увѣщательныя рѣчи царей, патріарховъ, бояръ, и также слышалось съ него чтеніе дьяками царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, а порою неслись съ высоты лобнаго мѣста, надъ прибоемъ волновавшейся около него толпы, буйные возгласы вожаковъ народныхъ смятеній, которыя были такъ часты въ Москвѣ около этой поры.

Вокругъ лобнаго мѣста и далѣе по всѣмъ направленіямъ, шелъ на всей площади дѣятельный торгъ. Здѣсь стояли шалаши и лавченки, были разставлены на землѣ лари, короба и лотки, а также шла продажа съ рукъ. Здѣсь происходилъ тотъ мелочной торгъ, который впослѣдствіи былъ переведенъ къ Сухаревой башнѣ.

Никита, очутившись въ такой разнообразной толпѣ, не зналъ, чтȯ ему слушать и на чтȯ смотрѣть. Его окружили торговцы и торговки съ предложеніемъ своихъ товаровъ. Кругомъ него раздавались крики, визги и брань, въ полномъ смыслѣ площадные.

Когда онъ въ недоумѣніи осматривался по сторонамъ, то почувствовалъ, что кто-то слегка дернулъ его за рукавъ однорядки.

Никита быстро обернулся назадъ и увидѣлъ возлѣ себя безносаго человѣка.

— Можетъ, парень, этого хочешь!.. таинственно проговорилъ безносый, запуская руку за пазуху своего кафтана и вытаскивая оттуда чтȯ-то завернутое въ тряпку. Всякое зелье у меня есть — и въ носъ и въ ротъ. Отвѣдай, такъ еще попросишь.

— Видно опять въ Сыскной захотѣлъ?.. проговорилъ громкимъ голосомъ какой-то прохожій, тормоша безносаго за плечо.

— Небоюсь я Сыскнаго!.. бойко отозвался продавецъ. По царскому и соборному «уложенію» мнѣ отрѣзали носъ, за то, что я пилъ «зелье» и другихъ на то наводилъ. А носъ-то, весело продолжалъ онъ—у меня былъ только одинъ, такъ теперь-то и рѣзать нечего...

— А кнутъ-то?—видно забылъ? замѣтилъ строго незнакомецъ.

— И его успѣлъ отвѣдать!.. поводя спиною, но также шутливо отозвался табачникъ.

— Ну, какъ знаешь, а добрымъ моимъ совѣтомъ не пренебрежи—сказалъ мѣщанинъ и пошелъ далѣе.

— Да ты, парень, купи у меня травки-то и «люльку» тебѣ для питья сходно продамъ—приставалъ тайный торговецъ—люлька въ «черкасахъ» сдѣлана, добавилъ онъ, выставляя украдкой изъза пазухи коротенькій чубукъ съ небольшой глиняной трубкой.

Но, увидѣвъ издали торговаго старосту, безносый быстрымъ движеніемъ руки подъ кафтаномъ перевелъ всѣ свои запретные товары на спину, и быстро набросилъ на плечо, висѣвшій у него черезъ руку старый кафтанишко и, какъ ни въ чемъ не бывало, началъ проходящимъ предлагать для покупки бывшія у него лохмотья.

Подмигивали и подталкивали Никиту локтями бывшія во множествѣ на площади блудницы, а иныя изъ нихъ прямо приставали къ нему, приглашая его идти съ ними на утѣху. Скромный парень не отвѣчалъ ничего и сторонился отъ нихъ подальше, а онѣ посылали ему вслѣдъ и насмѣшки, и ругательства.

Зазывали Никиту и въ шалаши и въ лавченки, изъ которыхъ несся чадъ поджариваемаго масла при печеніи пироговъ, блиновъ и оладей, а также и запахъ рыбы. То же дѣлали въ отношеніи Никиты и торговцы и торговки, готовившіе на разставленныхъ на площади жаровняхъ разную неприхотливую снѣдь. Кабатчики затаскивали Никиту почти силою въ кружала, расположенныя на площади, но онъ не отзывался на такія приглашенія и удалялся отъ нихъ поскорѣе, какъ отъ пагубнаго соблазна. Кабатчики усердствовали, помня данный имъ наказъ «дѣйствовать безстрашно, за прибыль ожидать государевой милости и въ томъ приборѣ никакого опасенія себѣ не держать, а главное питуховъ не отгонять».

Вообще, Никитѣ пришлось выдержать многое на этомъ людномъ торжищѣ, гдѣ, повидимому, каждый торговецъ разчитывалъ именно на него. Онъ испыталъ теперь тѣ неудобства, которымъ обыкновенно всего болѣе подвергаются на рынкахъ люди съ добродушнымъ выраженіемъ лица. Къ Никитѣ неотвязчиво приставали торговцы и торговки, предполагая, что добродушнаго человѣка легко уговорить сдѣлать то, что̀ онъ самъ по себѣ не желаетъ сдѣлать, да и кромѣ того, такой человѣкъ нетолько что не начнетъ огрызаться или браниться, но даже, молча, перенесетъ и озорничество и издѣвательства, до чего были очень охочи тогдашніе московскіе торговые люди.

Побродивъ по Красной площади, Никита перешелъ въ стоявшіе на ней торговые ряды, которые были тогда построены частью въ видѣ прямаго сплошнаго строенія, состоявшаго изъ лавокъ и амбаровъ, съ широкими деревянными навѣсами для защиты отъ солнца, дождя и снѣга, а частью въ видѣ узкихъ и извилистыхъ закоулковъ, въ которыхъ были наставлены подвижныя лавченки и лари. Всѣхъ такихъ рядовъ считалось двадцать. Торговали въ нихъ нетолько русскіе люди, но и иностранцы, преимущественно персіяне и армяне, привозившіе въ Москву «суражскіе» или такъ-называемые, въ просторѣчьѣ, суровскіе товары.

Въ торговыхъ рядахъ Никита могъ насмотрѣться на такіе предметы, какихъ онъ прежде и не видывалъ. Въ сохранившемся до

нынѣ у нашихъ торговцевъ скороговорочномъ перечисленіи товаровъ, ему въ торговыхъ рядахъ предлагали, не переводя духу, атласъ, албатасъ, парчи, объярь, камку, бархатъ, камкасею, гвоздику, перецъ, сахаръ «кенарскій» и т. д. Причемъ перечислялись и

Церковь Василія Блаженнаго.

такіе товары, которыхъ въ лавкахъ зазывщиковъ никогда и въ заводѣ не было.

Никита былъ не только оглушенъ, но даже ошеломленъ неумолчно-раздававшимся около него крикомъ и шумомъ, сливавшимся въ какой-то неопредѣленный гулъ, среди котораго выдѣлялись иногда, надъ самымъ его ухомъ, особенно рѣзкія выкрики-

ванія бабъ. Но все это было еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ пришлось ему испытать, когда онъ попалъ въ шапочный рядъ. Рядъ этотъ не даромъ назывался «разрывнымъ» потому, что тамъ, въ буквальномъ смыслѣ, рвали покупателей на части.

Едва вступилъ Никита подъ навѣсъ этого ряда, какъ почувствовалъ, что онъ дальше идти не можетъ. За полы его однорядки ухватились сразу нѣсколько дюжихъ молодцевъ и мальчишекъ, а одинъ изъ торговцевъ мигомъ сдернулъ у него съ головы шапку и побѣжалъ съ нею въ лавку, чтобы тамъ, какъ можно скорѣе, отыскать по ней подходящую для его головы новую шапку. Нѣсколько человѣкъ подхватили его подъ руки и каждый тянулъ его къ себѣ, а одинъ изъ торговцевъ поднялъ его ногу, и, крѣпко держа ее обѣими руками, поволокъ Никиту въ свою лавку.

Напрасно Никита отмаливался отъ услужливыхъ торговцевъ; они не выпускали его и теребили до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ стариковъ-торговцевъ, увидѣвъ, что Никита выбился уже изъ силъ, не крикнулъ:

— Эй, Михеичъ, вороти парню шапку! Ничего не купитъ, что рвать его по-пусту.

При этихъ словахъ нѣсколько торговцевъ принялись надѣвать на Никиту шапку и нахлобучили ему на самые глаза.

— Другой разъ, носи ее, братъ, по крѣпче, — крикнулъ весело одинъ изъ торговыхъ молодцовъ, хвативъ Никиту со всего размаха здоровою ладонью по верхушкѣ шапки.

Раздался общій хохотъ, посыпались остроты, и Никита, еле дыша, выбрался изъ «разрывнаго ряда».

Случай этотъ не отбилъ, однако, у него охоты побродить еще по торговымъ рядамъ, и онъ, послѣ нѣсколькихъ переходовъ по нимъ и по закоулкамъ, попалъ въ «стригольный» рядъ. Въ этомъ ряду съ давнихъ поръ поселились «стригольники», стригшіе и подстригавшіе у мужчинъ волосы на головѣ, тогда какъ усы и борода должны были оставаться неприкосновенными, дабы на человѣческомъ лицѣ не исказилось подобіе божіе. Здѣсь стрижка— какъ это, впрочемъ, водилось и въ другихъ мѣстахъ Москвы— производилась на улицѣ и надобно полагать, что стригшихся было очень много, такъ какъ, по свидѣтельству иностранцевъ, бывавшихъ въ Москвѣ, проходъ по всему стригольному ряду былъ постоянно застланъ волосами, точно толстымъ войлокомъ.

— Эй, паренекъ, не купишь ли у меня «Тріодь Цвѣтную»?— окликнулъ чей-то голосъ Никиту, при выходѣ его изъ стригольнаго ряда. Книга хорошая, не дорогая, и не рваная, со всѣми листами. Ты, кажись, должно быть грамотенъ.

Никита обернулся въ ту сторону, откуда слышался голосъ, и увидѣлъ за ларемъ, на которомъ было разложено множество книгъ

въ кожаныхъ переплетахъ съ мѣдными застежками, не стараго еще и чрезвычайно благообразнаго торговца.

— Денегъ при себѣ нѣтъ—сказалъ Никита.

— И хорошо дѣлаешь, что не берешь съ собой мошны, когда въ народѣ ходишь. Долго ли до грѣха—сейчасъ вытащутъ. Да уже тебѣ полу-то пооторвали. Вѣрно въ разрывной рядъ попалъ, да вотъ и рукавъ тоже наддрали. Книги мои потомъ посмотришь, а давай-ка я тебѣ примѣчу полу и рукавъ, а то въ людяхъ такъ ходить не годится — осудятъ; — и ласковый книжникъ, доставъ спѣшно иголку съ ниткой, сталъ, не ожидая отвѣта Никиты, исправлять порчу, причиненную его однорядкѣ.

— Кто что тамъ не говори, а царя Василія Ивановича, изъ благовѣрныхъ князей Шуйскихъ, слѣдуетъ намъ, московскимъ людямъ, добромъ помнить. Вѣчная ему память! Немного и смутно поцарствовалъ онъ: крамолой его съ престола согнали, а къ книжному дѣлу онъ великую ревность оказалъ. Онъ самъ читалъ книги такъ усердно, что уже слѣпнуть сталъ. Вѣдь это его царское величество велѣлъ завести новую «штанбу», то есть печатныхъ книгъ дѣло и для того новый превеликій домъ устроилъ, разсказывалъ портной-книжникъ, ловко дѣйствуя иглою.

XVI.

Едва Родіонъ Матвѣевичъ, такъ звали книгопродавца, окончилъ свою добровольную работу, а Никита сталъ благодарствовать за его трудъ и доброходство, какъ къ ларю подошелъ медленною и важною поступью какой-то парень.

Несмотря на то, что подошедшій былъ еще очень молодъ, съ едва пробивавшеюся бородкой, Родіонъ Матвѣевичъ снялъ передъ нимъ шапку и принялъ его съ такимъ уваженіемъ, какое оказывали тогда только старымъ людямъ. Этотъ молодой человѣкъ, по одеждѣ своей, напоминалъ монастырскаго послушника, но когда онъ, въ отвѣтъ на поклонъ торговца, снялъ свою шапку, то за служку принять его было нельзя, такъ какъ надо лбомъ волосы у него не только были безъ пробора, какъ носили тогда и всѣ духовные и всѣ миряне, но даже плотно острижены и лишь съ висковъ спускались по обѣимъ сторонамъ длинныя пряди волосъ.

Никита съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на такую странную прическу, не бывшую тогда вовсе въ употребленіи среди русскихъ людей, для которыхъ измѣненіе въ ней считалось, пожалуй болѣе важнымъ, нежели даже отступленіе отъ вѣры. Такъ надобно думать потому, что въ одной изъ городовыхъ грамотъ, разосланныхъ по Русской землѣ въ смутное время, москвичи, оправдывая себя въ призывѣ на царскій престолъ польскаго королевича, между прочимъ,

писали: «если бы не только вѣру попрали, но если бы даже на всѣхъ хохлы подѣлали, то и тогда никто слова не смѣлъ бы молвить, боясь множества литовскихъ людей и русскихъ злодѣевъ, которые съ ними сложились».

— А что Родіонъ Матвѣевичъ, заговорилъ парень съ разстановкою, какъ будто готовясь читать по писанному или печатному,—не прибыло ли къ тебѣ какихъ либо новыхъ книгъ?

— Какой печати тебѣ будетъ надобно? Славянской?..

— По мнѣ все одинаково, возьму и славянской, а любительнѣе было бы печати греческой, или латинской.

Дѣло шло о книгахъ, и любознательный Никита навострилъ уши, не понимая, однако, что̀ именно нужно такъ странно-остриженному покупателю.

— Вотъ въ томъ коробѣ, что̀ слѣва будетъ, найдешь всякія книги, сказалъ Родіонъ Матвѣевичъ, показывая рукою на большой, сдѣланный изъ луба кошъ. Присядь, пересмотри, и мнѣ о нихъ скажешь, я-то самъ въ нихъ толку не знаю, а люблю ихъ больше всего на свѣтѣ.—Любилъ я, продолжалъ онъ, обращаясь къ Никитѣ,—сперва портяжничество и промыселъ-то самъ по себѣ прибыточный. Вѣдь я тебѣ однорядку починилъ съ большой радостію; а и портняжничество изъ-за книгъ бросилъ. Лавокъ-то съ книгами у насъ на Москвѣ еще не много будетъ; десятокъ насчитаешь, да и довольно, а кабаковъ-то видимо не видимо.

— Хорошія книги у тебя Родіонъ Матвѣевичъ найдутся, отозвался, роясь въ коробкѣ, молодой человѣкъ.—Вотъ еще вчера господинъ Лихудій... и онъ, не договоривъ начатое, уткнулся въ книгу, не обращая ни на что̀ вниманія.

— Студіозусъ, подмигивая на него, сказалъ Никитѣ Родіонъ Матвѣевичъ.

Никита вопросительно взглянулъ и на торговца и на сидѣвшаго за книгой парня и по лицу его было видно, что онъ не уразумѣлъ сказаннаго ему торговцемъ и никогда прежде не слыханнаго имъ слова.

— Студіозусъ, повторилъ по слогамъ Родіонъ Матвѣевичъ, замѣтивъ, что Никита не можетъ взять въ толкъ это мудреное слово и затѣмъ, не безъ нѣкоторой гордости, пояснилъ:—слово это будетъ латынское, а по нашему значитъ оно: ученикъ. Протопопскій онъ сынъ изъ Углича, по прозванію Добротворяевъ, а учится онъ въ словено-греко-латинской академіи, что̀ находится въ Заиконоспаскомъ монастырѣ. Отсель не такъ далече будетъ. Потому самому онъ и студіозусомъ называется. Людей такого чина у насъ немного найдется. Бояръ-то больше насчитаешь, а объ окольничихъ и стольникахъ и говорить нечего.

Не безъ уваженія, но и не безъ чувства зависти, смотрѣлъ теперь Никита на безбородаго, по его мнѣнію мудреца, который умудряется въ книжномъ ученіи.

— Книжицы есть у тебя хорошія, заговорилъ Добротворяевъ, бережно складывая книги въ коробъ. Надо ихъ просмотрѣть съ веліимъ тщаніемъ. Скажу о нихъ господамъ Лихудіямъ, пускай они ихъ пересмотрятъ.

— Вотъ попроси Никанора Максимыча книги тебѣ выбрать, сказалъ Родіонъ Матвѣевичъ, сводя между собою молодыхъ людей.

— Куда выбирать мнѣ книги! Одну развѣ куплю, такъ и той на долго мнѣ станетъ, уныло проговорилъ Никита.

— А нештo грамота тебѣ не дается? спросилъ Добротворяевъ.

— Да какъ ей даваться, когда меня, мало, или, почитай, даже совсѣмъ не учили?

— А отколь будешь?

— Изъ Сѣвска.

— Ну какая въ Сѣвскѣ ученость. Чай ея тамъ поменьше будетъ, чѣмъ у насъ въ Угличѣ. Москва, такъ она совсѣмъ иная статья, особливо теперь. Найдешь въ ней людей преученыхъ; жаль только, что ученые пока не наши русскіе люди, а все или греки, или черкасы, или люди зашлые изъ Бѣлой Руси, русскіе не русскіе, поляки не поляки. Да Богъ дастъ скоро и у насъ на Москвѣ ученые люди явятся. А охота учиться у тебя большая? какъ-то покровительственно спросилъ Никиту студіозусъ.

— Какая еще? Да что подѣлаешь коли не знаешь куда затѣмъ и сунуться.

— Такъ ступай къ намъ въ академію, въ «имфиму», пожалуй, и возьмутъ. Розогъ только не боишься ли?

— А что?

— Да будешь, братъ, лѣниться, или отъ рукъ отбиваться, такъ такую порку станутъ задавать по субботамъ, что̀ ой! ой! У насъ куда какъ строго, да и ременной плеткой стегать будутъ. Отецъ ректоръ спуску не даетъ никому.

— Ну, Господь, какъ нибудь бѣдою обнесетъ, робко проговорилъ Никита. Учиться буду прилежно, а баловать не стану.

Молодые люди разговорились. Оказалось, что имъ лежала одна и та же дорога, такъ какъ студіозусъ шелъ къ своему родственнику, состоявшему дьякономъ при одномъ изъ кремлевскихъ соборовъ.

Когда они переходили Красную площадь, то на этомъ пути къ нимъ стали приставать какіе то полупьяные люди, съ распухшими лицами, синими носами и осовѣлыми глазами. Одни изъ нихъ были въ однорядкахъ, другіе въ изношенныхъ ферезяхъ, третьи въ охабняхъ, а четвертые въ простыхъ мужицкихъ кафтанахъ. У каждаго изъ нихъ былъ въ рукѣ свертокъ бумаги, перо за ухомъ, а на шеѣ болталась привязанная на веревкѣ, ремнѣ или тесьмѣ, чернилица. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли на чурбанахъ передъ маленькими столиками, другіе высматривали, куда бы имъ было поудобнѣе при-

ткнуться. Это были «площадные» подъячіе, писавшіе тутъ же на площади челобитныя, явки, жалобы, завѣщанія, отписки и крѣпости. У иныхъ изъ подъячихъ торчало подъ мышкой переплетенное въ кожу «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича. Въ этой книгѣ они отыскивали подходящія къ дѣлу статьи, а также клали «Уложеніе» себѣ на колѣни и на твердомъ его переплетѣ писали бумаги, заказываемыя имъ во множествѣ просителями, жалобщиками, истцами и отвѣтчиками. Но бо̀льшая часть старыхъ подъячихъ до того изощрилась въ подведеніи статей изъ «Уложенія», что уже не заглядывали вовсе въ него, а писали на-память. Около подъячихъ стоялъ шумъ и гамъ; иные изъ нихъ, отбивая другъ у друга заказчиковъ, не только ругались, но и дрались между собою на потѣху и посмѣшище народа, который подзадоривалъ ихъ и иной дѣлецъ выходилъ изъ такого рукопашнаго боя сильно помятый своимъ соперникомъ, но всего чаще бой оканчивался подбитіемъ глазъ, свихнутіемъ челюстей и высадкою нѣсколькихъ зубовъ. Тогда между этими зачинщиками обижаемыхъ и угнетаемыхъ, начинались взаимные иски о безчестьѣ, или о томъ, что одинъ билъ другаго «смертнымъ» боемъ.

Около Спасскихъ воротъ, по бывшему тамъ тогда мосту, а также около него, было разставлено множество аналоевъ съ лежащими на нихъ образами.

— Не нужно ли молебна или панафиды?—кричалъ одинъ безмѣстный попъ.

— У меня великомученица Варвара и преподобный Антипій! Не они ли вамъ нужны?—вскрикивалъ другой, добавляя: преподобный Антипій отъ зубной немощи врачуетъ.

— Не захворалъ ли у тебя конь?—громко опрашивалъ проходящаго третій попъ,—а у меня есть Власъ и Лавръ. Отслужить имъ молебенъ, такъ и конь выздоровѣетъ.

У Спасскихъ или по прежнему у Фроловскихъ воротъ, народъ сперся въ такую плотную толпу, что нельзя было пробираться дальше и Никитѣ съ Добротворяемымъ приходилось не мало ждать пока передніе не пройдутъ черезъ ворота подъ напоромъ заднихъ.

— Эко народу-то тутъ сколько! проговорилъ Никита.

— Еще бы не быть. Черезъ Фроловскія ворота въ эту пору тысщь пятнадцать, а не то и двадцать пройдетъ, отвѣчалъ Никаноръ.

— Видно на поклоненіе московскимъ угодникамъ?

— И за тѣмъ ходятъ, да ходятъ не много. Идутъ тоже посмотрѣть и на царскія палаты, но въ праздничные дни, когда приказы заперты, такъ и десятой доли—куда десятой—и двадцатой даже доли не набирается. Почитай, что всѣ почти идутъ въ приказы, кто за чѣмъ; а приказные волокутъ дѣла съ умысломъ, чтобъ имъ болѣе посуловъ было и болѣе взятокъ давали.

Дѣйствительно, около приказовъ, которые находились тогда за кремлевскими стѣнами и помѣщались частью въ каменныхъ хоромахъ, частью въ деревянныхъ домахъ и даже въ простыхъ избахъ, стояли густыя толпы народа. Особенно было много народу около «Холопьева» приказа. Около этого же приказа куда какъ много было закованныхъ въ желѣза бѣглыхъ холоповъ. Дьяки безпрестанно выходили на крыльцо и то читали приговоры, то вызывали кого либо изъ толпы, окруженной стрѣльцами. На улицѣ передъ

Публичныя наказанія въ Россіи въ XVII столѣтіи.

этимъ приказомъ стояла врытая въ землю деревянная кобыла; къ ней притягивали ремнями тѣхъ, которыхъ били кнутомъ. Около этого приказа стояли вопли и стоны, смолкавшіе нѣсколько при появленіи на крыльцѣ дьяка; но потомъ поднимавшіеся съ новой силою, такъ какъ вслѣдъ за появленіемъ дьяка наступало исполненіе только-что объявленнаго имъ приговора.

То же самое увидѣлъ Никита и около Сыскнаго приказа. Но за то около иныхъ приказовъ: Пушкарскаго, Житна-Панафиднаго, почти вовсе не было народа.

— Никакъ изъ пищалей стрѣляютъ!—вздрогнувъ, спросилъ Никита, заслышалъ вблизи сухой трескъ выстрѣловъ.

— А нешто не знаешь, что такъ заведено изстари. Стрѣляютъ около царскаго дворца стрѣльцы и тѣмъ пугаютъ воронъ, чтобъ онѣ не садились на крыши царскихъ палатъ, отвѣчалъ Добротворяевъ.

Кромѣ простаго народа, наполнявшаго Кремль, въ немъ было много служилыхъ людей и въ особенности стрѣльцовъ, содержавшихъ караулъ при воротахъ, приказахъ, на башняхъ и при царскомъ дворцѣ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дворца стояло нѣсколько раззолеченныхъ, росписанныхъ разноцвѣтными красками или «муссіею» или обитыхъ сукномъ колымагъ, въ которыхъ пріѣхали къ царицѣ ея дневальныя барыни. Въ дни именинъ царицы и царевенъ Кремль былъ запруженъ такими колымагами, потому что тогда пріѣзжали во дворецъ всѣ боярыни для поднесенія государынѣ или ея дочерямъ имянинныхъ калачей.

Старинная колымага.

Около колымагъ Никита увидѣлъ и тѣ боярскіе поѣзды, которые обгоняли его на дорогѣ. Здѣсь стремянные держали подъ устцы коней, на которыхъ пріѣхали бояре, неимѣвшіе, какъ и всѣ, кто бы-то ни былъ, права въѣзжать на царскій дворъ ни въ колымагѣ, ни въ саняхъ, ни верхомъ. Около коней, въ ожиданіи выхода бояръ изъ дворца, стояли, а также сидѣли или лежали на землѣ «знакомцы», привязавъ своихъ верховыхъ лошадей къ стоявшимъ тутъ коновязамъ.

Всего чаще они во время своихъ побывокъ въ Кремлѣ отъ нечего дѣлать считались между собою знатностію, дородствомъ и богатствомъ своихъ милостивцевъ и иногда пререканія такого рода переходили въ шумный споръ, подкрѣпляемый или отвергаемый случаями недавно уничтоженнаго мѣстничества.

Студіозусъ разсказалъ Никитѣ кое-что о замѣчательныхъ событіяхъ происходившихъ въ кремлевскихъ стѣнахъ и, разставаясь съ нимъ, спросилъ:

— А вѣдь знакомые у тебя въ Москвѣ найдутся?

— Пока еще нѣтъ, а вотъ зазывалъ меня къ себѣ отецъ Онуфрій изъ срѣтенскаго прихода?

— Отецъ Онуфрій! ну такъ мы съ тобой тамъ свидимся. Онъ мнѣ дядею по матери будетъ. Сходи къ нему, онъ человѣкъ ласковый и добрый и знакомство съ нимъ тебѣ будетъ пригодно—сказалъ Добротворяевъ.

XVII.

Захрапѣвшій на лавкѣ при Демьянѣ Григорьевичѣ и его племянникѣ, Тябота проспалъ не очень долго и очнувшись спохватился ушедшихъ отъ него гостей. Ему стало нѣсколько совѣстно, что онъ такъ сильно подгулялъ при такомъ почтенномъ человѣкѣ, какимъ показался ему заѣзжій гость. Впрочемъ, онъ чрезвычайно смутно припоминалъ всѣ подробности этой неожиданной встрѣчи, а наружность Никиты вышла у него совсѣмъ изъ памяти. Опохмѣлившись на другой день, онъ сталъ было распрашивать Анфису о томъ, чтò случилось вчера, но она уклончиво отвѣчала на эти распросы.

— Чтò было?—да ничего. Извѣстное дѣло, выпилъ ты крѣпко, да, по обычаю, и накинулся на меня ни съ того, ни съ сего. Самъ же подтолкнулъ меня, невзначай, подъ руку, а потомъ, при чужихъ людяхъ, началъ корить и бранить и бить меня хотѣлъ, а что дальше было у тебя съ заѣзжими людьми—я не знаю, я поскорѣй отъ грѣха ушла, и видѣла только какъ они въ торопяхъ спускались по лѣстницѣ.

— А кто жъ они такіе были?—я съ пьяна-то и позабылъ ихъ имена и прозвища.

— Мнѣ-то почему знать—отозвалась Анфиса—не я ихъ принимала, а ты—такъ тебѣ бы и помнить, кто у тебя въ домѣ бываетъ, а я знаю только, что они заѣзжіе люди, совсѣмъ намъ чужіе.

Тябота призадумался и покрякивалъ. Будучи большимъ трусомъ, онъ побаивался, не были ли они лихіе люди, или «языки», которые за то, что онъ ихъ оскорбилъ, отплатятъ ему какимъ-нибудь извѣтомъ.

Прошло, однако, нѣсколько дней благополучно и Тябота, мало-по малу, успокоился, а вскорѣ и совсѣмъ забылъ о заѣзжихъ къ нему сѣвчанахъ. Демьянъ Григорьевичъ продолжалъ пока жить на постояломъ дворѣ по сосѣдству съ Андреемъ, и потому Никитѣ часто случалось проходить мимо лавки Тяботы. Онъ кланялся Андрею, но не заговаривалъ съ нимъ, а Андрей съ своей стороны, отвѣчая ему тоже поклономъ, не обращалъ на него вниманія, думая, что съ нимъ здоровается кто-нибудь изъ его покупателей, которыхъ у него было такъ много, что нельзя было запомнить ихъ

всѣхъ въ лицо. Узнавалъ, конечно, Никита и Анфису, но не рѣшался поклониться ей, а съ своей стороны она дѣлала видъ будто вовсе не знаетъ его, а между тѣмъ не то было у ней на умѣ и ей очень хотѣлось, чтобъ нашелся случай заговорить съ Никитой хоть словечко, такъ какъ по виду онъ ей очень приглянулся.

Прошло такимъ образомъ нѣсколько недѣль, а между тѣмъ молодой парень сталъ ходить рѣже мимо лавки Тяботы и Анфиса заскучала о немъ. Тоска ея по Никитѣ стала дѣлаться все сильнѣе и сильнѣе и она почувствовала потребность передать кому нибудь свое горе.

— Полюбился-было мнѣ одинъ парень да и запропалъ—говорила однажды Анфиса пришедшей къ ней въ гости Маврушѣ.

Мавруша, та бойкая дѣвушка, которая была на дѣвишникѣ у Анфисы, вскорѣ послѣ свадьбы Анфисы сама вышла замужъ за торговаго человѣка Ивана Феофилактовича. Онъ былъ человѣкъ еще не старый, добрый и не давалъ никакого повода Маврушѣ, или Маврѣ Егоровнѣ, роптать на ея судьбу. Жила она съ мужемъ не только ладно, но и очень часто повелѣвала имъ, такъ что ей не было никакого повода осуществлять по отношенію къ нему тѣ угрозы, какія она высказывала, не будучи еще за мужемъ, но тѣмъ не менѣе она осталась при первомъ взглядѣ на право жены не покорствовать безусловно передъ своимъ мужемъ.

— Отъ чего жъ ты не поисчешь своего любчика?—съ живостію перебила Мавруша.

— Да что жь изъ того, вѣдь я мужу измѣнницей во вѣки не буду. Желалось бы мнѣ только хоть изрѣдка взлянуть на милаго человѣка—задумчиво проговорила Анфиса.

— Господь Богъ привелъ меня жить въ супружествѣ хорошо и пока я ни о чемъ еще не думаю, а скажу тебѣ по душѣ, что если бы Господь нанесъ на меня такого лиходѣя, какъ твой Андрей Викулычъ, то нестерпѣла бы его...

— А чтобы ты съ нимъ подѣлала?—спросила Анфиса.

— Ужь не знаю чтò подѣлала бы я, а знаю только, что, глядя на него, я про себя думала бы такъ, какъ поется въ одной пѣсни:

Какъ бы вѣра—то (обычай) была
Продала бы я тебя,
Я купила бы молодчика молоденькаго,
И молоденькаго и хорошенькова...

— Не хочу я свою добрую славу порочить—въ раздумьѣ проговорила Анфиса,—не хочу наводить печаль на моего родителя и срамъ на родную мою матушку.

— Развѣ тебя и теперь не порочатъ—замѣтила гостья—послыхала бы ты что говоритъ о тебѣ Устинья Ермиловна.

— Съ гнѣва, а не съ правды хулитъ она за то, что разъ какъ-то жаловалась я ей за чѣмъ она меня за Андрея Викулыча сосва-

тала, да и какъ мнѣ не жалиться? Ну, пускай онъ и старъ для меня и пьяница, да хоть бы любилъ меня, тогда онъ жалѣлъ бы меня и по-пусту не билъ бы и не мучилъ какъ теперь.

— Да ты зазови къ себѣ Матрену Ивановну, она приворожитъ къ тебѣ Андрея Викулыча, да, пожалуй, за разъ и того парня, что тебѣ приглянулся, и тогда тебѣ хорошо заживется. Мужъ тебѣ угождать будетъ, а съ молодчикомъ въ тихомолку любиться начнешь...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда Тябота ушелъ на имянины къ своему пріятелю, Мавруша привела къ Анфисѣ ворожею, знахарку, вѣдунью и колдунью Матрену Ивановну, по прозванію Хрипунью. Послѣ разныхъ оханій и распросовъ то слишкомъ откровенныхъ, то двухсмысленныхъ и загадочныхъ, начался наговоръ вѣдуньи на любовь мужа къ Анфисѣ.

Долго бормоча что-то себѣ подъ длинный носъ, старуха выбирала изъ мѣшечка сушенныя зелья, обнюхивала ихъ и смотрѣла къ свѣту, желая тѣмъ самымъ придать важность своимъ чарамъ. Потомъ, приказавъ Анфисѣ стать задомъ къ столу, на которомъ были разложены волшебныя снадобья, она начала невнятно произносить слѣдующій заговоръ:

— «Бросьтесь тоски въ его буйную голову, въ тылъ, въ ликъ, въ ясныя очи, въ уста, въ усы, въ бороду, въ ретивое сердце, умъ и разумъ, въ волю, въ хотѣнье, и во все его тѣло, во всю кровь его горячую, во всѣ его кости, во всѣ его суставы, въ 70 суставовъ и подсуставовъ; во всѣ его жилы, въ 70 жилъ, полужилъ и поджилокъ, чтобъ онъ тосковалъ, горевалъ, плакалъ бы и рыдалъ по всякъ часъ, по всякое время; чтобъ нигдѣ бы пробыть не могъ безъ меня, какъ рыба безъ воды, чтобъ кидался, метался и бросался изъ окошка въ окошко, изъ двери въ дверь, изъ воротъ въ ворота, по пути, дорогѣ и перепутьямъ съ трепетомъ, туженіемъ, плачемъ и рыданіемъ, а любилъ бы онъ меня до вѣку по всю мою жизнь».

Старуха, вычитывая этотъ длинный заговоръ, по временамъ останавливалась и нашептывала что-то надъ зельями, а затѣмъ снова заговоривши все тише и тише, подъ конецъ уже только еле двигала губами. Потомъ, она три раза окропила эти принадлежности волхвованія богоявленскою водою, завернула зелья въ тряпочку и, сдѣлавъ изъ нихъ ладонку, приказала Анфисѣ носить ее при себѣ.

— Коли зелья не помогутъ, такъ я приворожу къ тебѣ Андрея Викулыча и инымъ средствіемъ,—сказала Матрена Ивановна, думая найти въ муравьиной кочкѣ, при помощи ворожбы крючекъ и вилку, которые, по народному повѣрію, дѣлали чудеса по любовной части, такъ какъ стоило только зацѣпить мужчину или женщину крючкомъ, чтобъ онъ или она крѣпко полюбили того,

кто зацѣпилъ, и, наоборотъ, стоило только оттолкнуть вилкою, чтобы произвести остуду въ самой горячей любви.

Въ старое время чары постоянно примѣнялись къ вопросамъ по сердечнымъ дѣламъ. Разумѣется, они не имѣли желаемаго дѣйствія, но не рѣдко сопровождались гибельными послѣдствіями: смертью и разстройствомъ здоровья отъ тѣхъ вредныхъ снадобій, которыя употреблялись иногда въ этомъ случаѣ, какъ внутреннее средство. Вѣдунамъ и вѣдуньямъ были извѣстны разные яды, которые они держали у себя въ запасѣ для извода не милаго мужа или не милой жены, если нашептываніями и безвредными зельями не удавалось водворить между ними согласіе. При несуществованіи въ ту пору судебной медицины, случаи отравленія обыкновенно сходили съ рукъ виновнымъ, а также и ихъ подстрекателямъ, такъ что приговоры о виновности въ томъ, что или мужъ — какъ тогда говорилось—«окормилъ» жену, илу жена окормила мужа,— особенно приговоры перваго рода,—были очень рѣдки. Но, въ замѣнъ того, обвиненіе въ порчѣ посредствомъ волшебства и чародѣйства были чрезвычайно часты — и дѣла этого рода должны были оканчиваться сожженіемъ виновныхъ, чему преимущественно подвергались старухи, слывшія въ народѣ подъ названіемъ «вѣщихъ бабъ» или «вѣщихъ женокъ». Такія казни, производимыя въ Москвѣ, на Болотѣ, случались, даже въ исходѣ XVIII вѣка. Трудно только было уличить вѣдуна или вѣдунью въ ихъ волшебствѣ. такъ какъ рѣдко кто рѣшался свидѣтельствовать противъ нихъ изъ боязни, что они наведутъ за это какую нибудь бѣду или порчу.

Данныя Матреной Ивановной молодой женщинѣ таинственныя снадобья не производили пока въ Андреѣ Викулычѣ никакой благопріятной для нея перемѣны. Онъ запивалъ по прежнему и житье Анфисы становилось еще хуже. Прошло однако, нѣсколько времени и Анфисѣ немного полегчало въ томъ отношеніи, что Андрей сдѣлался почему-то менѣе подозрителенъ на счетъ жены. Онъ сталъ отпускать ее одну въ гости и Анфиса начала вѣрить въ силу чаръ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это произошло отъ того, что Анфиса понадоѣла Андрею и онъ завелъ себѣ на сторонѣ полюбовницу, веселую и разбитную бабёнку, которая была ему болѣе подстать, нежели его тихая и задумчивая, законная сожительница.

XVIII.

Въ назначенное воскресенье Никита отправился къ отцу Онуфрію. Онъ хотѣлъ не только воспользоваться ласковымъ приглашеніемъ его и попадьи, но и потому еще, что надѣялся увидѣть тамъ Добротворяева, съ которымъ намѣревался поговорить о книжномъ ученіи.

Отецъ Онуфрій, по прозванію Безпокосный, жилъ, какъ подобаетъ честному іерею, отъ праведной мзды, т. е., не богато, но домовито. Семья была у него не большая: только дочь бывшая въ замужествѣ за дьякономъ, жившимъ въ Серпуховѣ, да двѣнадцатилѣтній сынъ, котораго онъ обучалъ съ большимъ тщаніемъ, разсчитывая, что подроставшій поповичъ со временемъ, быть можетъ, сдѣлается преемникомъ своего отца на пастырскомъ служеніи, къ которому Онуфрій, не такъ какъ другіе его сослужебники, относился съ большою заботливостію. Отстоявъ у Стрѣтенья обѣдню, Никита пришелъ въ домъ отца Онуфрія. Въ ожиданіи званнаго гостя попадья напекла оладей и приготовила разныхъ сластей. Студіозусъ также явился къ дядѣ на обѣдъ. Пришли къ отцу Онуфрію и другіе еще гости.

Покончивъ съ обѣдомъ, во время котораго шла бесѣда о Москвѣ и о Сѣвскѣ, отецъ Онуфрій обратился къ Никитѣ.

— Вотъ теперь племянникъ мой разскажетъ тебѣ объ академіи, а ты послушай, да и пораскинь умомъ: пригоже ли тебѣ вступить туда и не примешь ли ты на себя бремя, которое, можетъ быть, тебѣ и не подъ силу.

На Добротворяева легъ уже замѣтный отпечатокъ тогдашняго схоластическаго обученія. Хотя онъ былъ парень добрый и по природѣ скромный, но нельзя не сказать, что это послѣднее качество нѣсколько перемѣнилось въ немъ подъ вліяніемъ сознанія, что онъ, не смотря на свои молодые еще годы, знаетъ гораздо болѣе, нежели многіе сѣдобородые старцы, считавшіеся среди людей темныхъ чуть ли не мудрецами, и что онъ съумѣетъ, какъ говорится, заткнуть за поясъ почти каждаго изъ нихъ. Несмотря, однако, на такое горделивое сознаніе, теперь, когда ему пришлось говорить въ присутствіи дяди, направившаго на него свой ласковый, а вмѣстѣ съ тѣмъ умный и проницательный взглядъ, студіозусъ замѣтно смутился и началъ откашливаться, какъ бы собираясь съ силами.

— Да ты не робѣй, разсказывай все по порядку, — ободрялъ отецъ Онуфрій.

— «Крамы» наукъ, въ коихъ сѣмена... сѣмена... наукъ... Крамы,... сѣмена коихъ... повторялъ на разные лады смѣшавшійся студіозусъ и языкъ его сталъ заплетаться.

— Навыка нѣтъ у насъ говорить на людяхъ—замѣтилъ отецъ Онуфрій.—Правда, если станутъ говорить о пустяковинахъ, то мелютъ языкомъ, какъ жерновами на мельницѣ. Но ты не смущайся. Вѣдь ты не какія нибудь не пригожія, а толковыя рѣчи разсказывать собираешься—сказалъ одобрительно дядя.

Никаноръ попытался еще разъ разсказать послѣдовательно объ академіи, но изъ словъ его выходила та же самая безсвязная и запутанная рѣчь, и онъ растерялся окончательно.

— Сплошно, дядя Онуфрій, говорить мнѣ не въ моготу, а ты спрашивай меня, такъ я тебѣ отвѣчать буду,—откашливаясь снова, не безъ увѣренности сказалъ студіозусъ.

— Такъ чтожъ такое будетъ ваша Заиконоспаская славяно-греко-латинская академія?—спросилъ отецъ Онуфрій.

Такъ какъ ученики академіи обязаны были знать наизусть царскую грамату, относящуюся къ ея учрежденію и правамъ, и такъ какъ грамата эта была написана чрезвычайно витіевато, то и представителю этого учебнаго заведенія приходилось въ настоящемъ случаѣ изъясняться тогдашнимъ высокопарнымъ книжнымъ слогомъ.

Вопросъ предложенный дядею хотя и не принесъ племяннику существенной пользы, но помогъ ему въ томъ отношеніи, что молодой академистъ увидѣлъ тотъ учительскій пріемъ, къ которому онъ уже привыкъ, и подъ воздѣйствіемъ этого облегчительнаго пріема студіозусъ безъ запинки, ровнымъ и непрерывающимся голосомъ, изложилъ передъ своими слушателями слѣдующее:

— Царь Θеодоръ Алексѣевичъ, вступилъ на престолъ юношею, подобно Соломону, ни о чемъ не хотѣлъ такъ заботиться, какъ о мудрости царскихъ должностей родительницѣ и всякихъ благъ изобрѣтательницѣ и совершительницѣ, и пожелалъ устроить въ Заиконоспаскомъ монастырѣ «Храмы» чиномъ академіи и въ оныхъ сѣмена мудрости, т. е. науки гражданскія и духовныя, начиная отъ грамматики, піитики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и нравной, даже до богословіи, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія установить; при томъ же и ученію правосудія духовнаго и мірскаго и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлость академіи, сирѣчь училищъ составляется.

Все это студіозусъ выговорилъ, или точнѣе сказать—прочиталъ на память, не переводя духа. Никита внимательно слушалъ, но не понялъ ничего, а перечисленіе наукъ съ греческими названіями окончательно поставило его въ тупикъ. Отецъ Онуфрій попытался кое что пояснить Никитѣ, но оказалось, что и эти объясненія не подходили подъ понятія слабо подъучившагося Никиты.

— Царь Θеодоръ Алексѣевичъ благое дѣло совершилъ учрежденіемъ академіи, а то куда какъ дивно и непристойно было, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ ни одного училища не было,—сказалъ отецъ Василій, одинъ изъ гостей бывшихъ у Безпокоснаго.

— Ошибаешься батька, — насмѣшливо вмѣшался другой гость, подъячій Тмысляковъ,—были у насъ и прежде академіи: скоморошеское училище для шутовъ и комедіантовъ. Такое училище устроили на царскій коштъ, а о людяхъ духовнаго чина и не подумали, въ прежнемъ невѣжествѣ ихъ оставили. Царь Алексѣй Михайловичъ — какъ тебѣ, отецъ Василій, должно быть вѣдомо—

любилъ всякія потѣхи и хотя для народа всякія музикійскія орудія въ запретѣ были, а у самаго-то государя въ хоромахъ нѣмцы и на цымбалахъ, и на органахъ, и на скрипкахъ играли. Въ комедіантское-то училище, про которое я напомнилъ теперь,—къ магистру Яну Готфриду родомъ изъ нѣмцевъ, — двадцать шесть молодыхъ парней въ ученіе изъ московскихъ мѣщанъ отдать царь велѣлъ. Брали туда также въ ученики изъ нашей братьи, подъячихъ, и учили ихъ у магистра Яна разнымъ потѣшнымъ художествамъ.

— А гдѣ ты, отецъ Онуфрій Михайловичъ, обучался, — отважился съ робостью спросить хозяина Никита.

— Я-то гдѣ обучался? Привелъ мнѣ Господь учиться въ хорошемъ мѣстѣ. Лѣтъ тридцать тому назадъ бояринъ Ртищевъ завелъ своимъ иждивеніемъ здѣсь, въ Москвѣ, училище при Андреевскомъ монастырѣ и вызвалъ туда православныхъ монаховъ изъ Польши и Малой Руси. Были тамъ также и греческіе монахи, обучавшіеся въ Италіи, вотъ они-то и учили насъ философіи, риторикѣ, піитикѣ и физикѣ и познанію правосудія и другимъ такъ называемымъ математическимъ наукамъ. Безъ нихъ пришлось бы мнѣ на всю жизнь остаться темнымъ человѣкомъ.

— И теперь такое училище обрѣтается въ андреевскомъ монастырѣ?—спросилъ Никита, намѣреваясь пробраться туда, если бы ему не удалось попасть въ академію.

— Нѣтъ его ужь тамъ, оно было переведено въ Заиконоспаскій монастырь и составило одно училище съ нынѣшней академіей.

— Наша Заиконоспаская славяно-греко-латинская академія вотъ съ чего пошла—заговорилъ ободрившійся Добротворяевъ. Въ 1679 году прибылъ въ Москву изъ Іерусалима монахъ Тимофей, родомъ человѣкъ русскій, и доложилъ царю, что наука въ Греціи пришла въ конечный упадокъ и великое раззоренье. Тогда благочестивый царь захотѣлъ устроить въ Москвѣ греческое училище, чтобъ соблюсти прежнюю науку и вознамѣрился заманить туда ученыхъ грековъ, чтобъ они въ православной Москвѣ поддерживали эту науку и насъ просвѣщали ею. Царь, по благословенію святѣйшаго патріарха Іоакима, велѣлъ составить училище изъ 30 юношей и помѣстилъ это училище въ трехъ верхнихъ палатахъ надъ печатней, а мірянина изъ грековъ, Мануила, поставилъ учителемъ. Спустя нѣсколько времени, царь сталъ просить святѣйшихъ патріарховъ вселенскихъ, чтобъ они прислали къ нему въ Москву учителей по языкамъ греческому, латинскому и по свободнымъ наукамъ, и тогда, въ 1685 году, прибыли сюда греки, братья Іоанникій и Софроній Ликудьевы, изъ знатнаго, но захудалаго княжескаго рода. Помѣстили ихъ въ Богоявленскомъ монастырѣ, куда и перевели учениковъ Мануила, а потомъ уже заложили въ Заиконоспаскомъ монастырѣ каменную палату, которую и назвали академіею.

— Забылъ ты, Никаноръ одно добавить,—сказалъ отецъ Онуфрій, забылъ, сказать, на чьи деньги эта палата построена, а добродѣющихъ людей поминать надо. Былъ здѣсь въ Москвѣ іеродіаконъ, изъ грековъ, по имени Мелетій, онъ-то, послѣ праведной своей кончины, и завѣщалъ 2000 рублевъ на училище. Къ этимъ деньгамъ царь прибавилъ своихъ и на нихъ-то для академіи палаты построили.

— Правда и есть, — подтвердилъ студіозусъ я недоговорилъ этого. У насъ — продолжалъ онъ — учатъ теперь всѣмъ наукамъ, святою церковью греческаго закона невозбраненнымъ и діалектамъ иноземнымъ: греческому, латинскому и польскому. Воспрещена только строго магія естественная, и учителей этой науки, вмѣстѣ съ ихъ учениками, повелѣно сожигать въ срубахъ. Царь хотѣлъ было усроить такъ, чтобъ академія была блюстительницею истинной православной вѣры и вѣдала-бы она всѣ ереси и имѣла-бы судъ надъ всѣми еретиками. Ересями-же, съ видомъ ученаго человѣка продолжалъ Добротворяевъ—почитаются: рафли, шестокрылъ, вороноград, задей, альманахъ, и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскія. Почитались прежде ересями и астрономія и звѣздочетье и Аристотель и аристотелевы врата, а нынѣ астрономія и звѣздочетье ересями не признаются, а звѣздочетіемъ занимался даже такой благочестивый мужъ, какимъ былъ монахъ нашего-же монастыря, Симеонъ изъ Полоцка. Аристотеля тоже въ академіи у насъ не къ еретикамъ, но только къ ученымъ мужамъ сопричисляютъ.

— Что магія естественная у васъ подъ запретомъ—то дѣло разумное, но только-бы не смѣшивали ея съ чудными явленіями, происходящими отъ невѣдомыхъ намъ силъ самаго естества—заговорилъ Онуфрій Михайловичъ. Думается мнѣ, что ихъ, по крайнему разуму человѣческому разглашать можно. Да иной разъ многое изъ чудесъ провѣрять разсудкомъ должно, а то за частую на голословныя рѣчи пустыхъ вралей или злоумышленныхъ людей полагаются. Недавно,—сказать примѣромъ,—наѣзжалъ въ Москву изъ Перми какой-то торговый человѣкъ и разсказывалъ, что тамъ одинъ крестьянинъ, по прозванію Талевъ, своимъ волшебствомъ, напустилъ на людей икоту. Кажись, можетъ-ли быть такое несбыточное чудо, а вѣдь повѣрили, обвинили Талева и сожгли какъ чародѣя въ срубѣ. Или вотъ, напримѣръ, другой случай: старики еще помнятъ указы царя Михаила Ѳедоровича, въ силу коего запретили вывозить въ московское государство хлѣбъ изъ-за литовскаго рубежа, потому, молъ, что въ Литвѣ какая-то вѣщая старуха на рожь нашептываетъ и тѣмъ людей портитъ. Статочное-ли это дѣло!..

Отецъ Онуфрій усмѣхнулся и отрицательно покачалъ головою.

— А вотъ знаменія, такъ тѣ точно что бываютъ — заговорилъ

отецъ Василій. Покойникъ родитель мой много разсказывалъ мнѣ о смутномъ времени. Много въ ту пору разныхъ знаменій видимо было. Послѣ того, какъ здѣсь, на Москвѣ воровскаго царя Дмитрія убили, такъ караульщики, сторожившіе на паперти Успенскаго собора, слышали какъ по ночамъ въ соборѣ были плачъ, голоса, говоръ, крикъ, а потомъ соборъ освѣтился и одинъ толстый, словно протодіаконскій, голосъ запѣлъ за упокой. Да и при царѣ Василіѣ Ивановичѣ Шуйскомъ, въ Успенскомъ соборѣ чудеса творились. Нѣкій мужъ духовный видѣлъ во снѣ, что Христосъ явился въ Успенскій соборъ и грозилъ страшною казнью всему московскому народу за то, что народъ ругается надъ Христомъ, лукавыми дѣлами, праздными обычаями и сквернословіемъ. Объ этомъ видѣніи читали тогда въ слухъ въ Успенскомъ соборѣ и установили трехдневный постъ по всей Москвѣ.

— Кто-же сподобился видѣть такое видѣніе? — пытливо спросилъ отецъ Онуфрій.

— До сей поры того никому неизвѣстно, потому что тотъ духовный мужъ, который видѣлъ такое чудное видѣніе и разсказалъ о немъ тогдашнему успенскому протопопу Терентію, заклялъ протопопа, чтобъ тотъ никому и ни въ какомъ случаѣ имени его не открывалъ.

Никита внимательно прислушивался ко всѣмъ этимъ разговорамъ, но особенно его занималъ разсказъ объ академіи и онъ завидовалъ молодому студіозусу, который можетъ вести бесѣду съ такими людьми, какъ отецъ Онуфрій, тогда какъ онъ, Никита, не только не могъ вмѣшаться въ ихъ рѣчи, но даже большею частью и не понималъ о чемъ идетъ дѣло.

— На недѣлѣ будетъ праздникъ—сказалъ Добротворяевъ Никитѣ — заходи ко мнѣ пораньше въ академію и мы пойдемъ въ Кремль, я тебѣ покажу тамъ многое, что ты еще не видалъ, да о чемъ, по вѣроятности, и не слыхивалъ, а къ ранней обѣдни сходи въ церковь Николы Чудотворца, тамъ послушаешь «красный звонъ». Ни на одной московской колокольнѣ такъ стройно не звонятъ, какъ на тамошней. Говорятъ, что издалека пріѣзжаютъ, чтобъ его послушать. Мы сходимъ въ Кремль и въ Успенскомъ соборѣ ты сподобишься приложиться къ благословляющей десницѣ апостола Андрея Первозваннаго и къ челюсти равноапостальнаго князя Владиміра. Покажу я тебѣ эллинскихъ мудрецовъ, изображенныхъ въ этомъ храмѣ, а потомъ, какъ нибудь, когда удосужусь, проведу я тебя въ царскую печатню или друкарню, называемую по гречески, типографіею, тамъ книги печатаютъ и между печатниковъ у меня есть и знакомцы.

Студіозусъ хотѣлъ было изъ желанія показать передъ Никитою свои познанія начать разъяснять ему значеніе слова «типографія» и вообще намѣревался, какъ говорится, пустить ему пыль въ глаза,

но, сообразивъ, что все это будетъ непонятно для необученнаго еще ничему простеца, отложилъ такого рода разговоръ на будущее время.

XIX.

Григорій Дементьевичъ между тѣмъ ходилъ по своимъ дѣламъ и туда и сюда. Побывалъ онъ у многихъ изъ своихъ земляковъ. Одни изъ нихъ, какъ онъ нашелъ, устроились въ Москвѣ такъ удобно и такъ выгодно, что не хотѣли уже выѣзжать оттуда. Москва полюбилась даже и тѣмъ изъ нихъ, которые были переведены сюда по неволѣ въ силу государевыхъ указовъ, такъ какъ время отъ времени царь требовалъ въ Москву торговыхъ, промышленныхъ и ремесленныхъ людей изъ разныхъ городовъ. Такіе недобровольные поселенцы, изъ числа людей собственно торговыхъ, были обыкновенно народъ зажиточный и ихъ переводили въ Москву для того, чтобъ поддерживать личный составъ гостинной и суконной сотенъ, въ которыхъ иной разъ значительно убавлялась наличная численность торговыхъ людей. Многіе изъ нихъ раззорялись, преимущественно вслѣдствіе того, что у нихъ вырывали изъ рукъ торговое дѣло иноземцы. Московское и вообще русское купечество въ ту пору не разъ слезно жаловалось царю, что нѣмцы и казылбашцы отбили у нихъ торги и торжишки. Въ особенности русскихъ торговыхъ людей тѣснили около этого времени голландцы и англичане, слывшіе въ народѣ тоже подъ общимъ названіемъ нѣмцевъ.

— Плохо приходится намъ торговымъ людямъ — говорили въ Москвѣ русскіе купцы старики Антуфьеву—быть намъ вѣчно въ нищетѣ и скудости, а отъ того, что мало между нами самими ладу, а посмотришь у нѣмцевъ совсѣмъ не то. Живутъ у нихъ торговые люди промежъ себя союзно и другъ друга чужому не выдаютъ. Вотъ однажды поѣхалъ къ нимъ изъ Москвы со своими товарами здѣшній торговый человѣкъ Лаптевъ. Нѣмцы между собою и стакнулись: не покупайте, молъ, братцы у него ничего, а то коли однажды онъ сбудетъ у насъ выгодно свои товары, то и другіе московскіе торговые люди, глядя на него, повадятся къ намъ сами съ товарами ѣздить и торговлѣ нашей плохо будетъ. Никто у Лаптева, по этому сговору нѣмцевъ промежъ себя, ничего не купилъ и онъ по пусту къ нѣмцамъ и съѣздилъ, а у насъ торговые люди всѣ въ рознь бредутъ, неладица большая между ними, такъ какъ уже тутъ иноземцамъ на насъ не наступать и не брать надъ нами верхъ? Говорили тогда въ разсудъ нѣмцамъ русскіе люди: въ московскомъ государствѣ иноземцы торгуютъ, по милости нашего государя, многіе люди всякими товарами невольно, а заговоровъ у насъ, торговыхъ людей, никакихъ нѣтъ и такой неправды

не посмѣемъ сдѣлать по милости государя нашего къ вамъ. Говорили такъ русскія люди нѣмцамъ. Да что съ ними подѣлаешь,— они и знать ничего не хотятъ.

Поразвѣдавъ у своихъ земляковъ, а также и у другихъ толковыхъ людей, о ходѣ торговли въ Москвѣ, Демьянъ Григорьевичъ могъ убѣдиться, что купеческія дѣла идутъ въ Москвѣ нисколько не лучше, чѣмъ въ другихъ русскихъ городахъ. Присмотрѣвшись же къ самымъ способамъ торговли, онъ нашелъ, что съ добросовѣстностію тутъ тоже многаго не подѣлаешь и что такія занятія не придутся по душѣ Никитѣ. Сообразивъ все это, дядя Демьянъ перестаяъ хлопотать о томъ, чтобы устроить Никиту въ Москвѣ по торговой части и рѣшилъ, что пусть лучше онъ учится по охотѣ, нежели примется за такія дѣла, къ которымъ у него нѣтъ ни наклонности, ни способностей.

— Старайся Никита, чтобъ попасть тебѣ къ мудрымъ и благочестивымъ наставникамъ, а о торговлѣ не думай, не твое она ремесло, сказалъ однажды старикъ племяннику.

— Оно такъ, пожалуй, и выходитъ—не любо мнѣ торговое дѣло; все думается о книжной мудрости,—и при этомъ Никита разсказалъ дядѣ о своей бесѣдѣ у отца Онуфрія.

— Отецъ Онуфрій долженъ быть человѣкъ и смышленный и ученый, подумалъ Демьянъ Григорьевичъ,—развѣ потолковать съ нимъ о церковныхъ новшествахъ. Не вразумитъ ли онъ меня.

— Вотъ что, Никита, какъ пойдешь опять къ отцу Онуфрію, такъ попытай у него, не удѣлитъ ли онъ досужаго времени на собесѣдованіе со мною? сказалъ Демьянъ Григорьевичъ, начавшій со времени пріѣзда въ Москву еще болѣе тревожиться вопросомъ о томъ, оставаться ли ему въ старовѣріи или признать правильность никоновскихъ новшествъ.

Въ это время на Москвѣ стояла бурная пора. Старовѣріе крѣпко держалось въ московскихъ слободахъ, и приверженцы его все болѣе и болѣе ожесточались, вслѣдствіе поднятыхъ на нихъ гоненій и преслѣдованій. Волненія стрѣльцовъ много способствовали къ утвержденію настойчивости и развитію смѣлости среди поборниковъ древляго православія. Правительство было шатко, и даже въ самомъ царскомъ семействѣ шли раздоры, а между тѣмъ власть царевны Софіи Алексѣевны утверждалась все болѣе и болѣе. Пошли на Руси по управленію государствомъ новые небывалые прежде порядки и все это не могло не отзываться на общемъ настроеніи умовъ. Въ Москвѣ не умолкли еще толки о казни главныхъ вожаковъ старовѣрія—Никиты, прозваннаго никоніанцами Пустосвятомъ, и о бывшемъ протопопѣ Аввакумѣ, считавшемся у нихъ распопомъ. Упоминали также часто и о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ, который слылъ человѣкомъ весьма близкимъ къ правительницѣ Софіи и державшимъ сторону противниковъ патріаршей церкви. Толковали

и о боярынѣ Морозовой страстотерпицѣ за истинную православную вѣру при покойномъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Вообще всѣ были въ сильно возбужденномъ состояніи и подъ вліяніемъ всего этого старикъ Антуфьевъ приходилъ еще въ большее смущеніе при задаваемомъ имъ самому себѣ вопросѣ: гдѣ же, наконецъ, церковная истина, на сторонѣ ли патріаршей, или на сторонѣ народной церкви?

Что касается племянника его, то Никита пока не тревожился богословскими вопросами и придерживался собственно новшествъ, не безосновательно полагая, что они скорѣе могутъ способствовать книжному ученію, нежели старовѣріе, не допускавшее, какъ тогда казалось, никакого движенія въ умственной жизни народа. Само собою разумѣется, что мысль Никиты не могла быть высказана въ такихъ выраженіяхъ, свойственныхъ современному нашему языку, но тѣмъ не менѣе въ сущности она сводилась къ такому основному положенію. Мысль эта даже и не родилась въ умѣ Никиты, но была подсказана ему его новымъ знакомцемъ, заиконоспасскимъ студіозусомъ.

— Вѣдь вотъ ревнители нашего древляго благочестія, сказалъ онъ однажды Никитѣ, быть можетъ, и правы, да бѣда-то въ томъ, что если послушать ихъ, то ничему кромѣ того, что въ божественныхъ книгахъ написано, учиться не статочно, а межъ тѣмъ великіе святители, которыхъ они сами признаютъ богоугодными мужами, Златоустъ, Григорій и Василій, называемые отцами церкви, были не только сами люди ученые, но и другимъ внушали, что всѣмъ наукамъ учиться слѣдуетъ.

Разговоръ объ этомъ шелъ между молодыми людьми въ то время, когда Никита, зайдя, согласно уговору, въ академію, отправился вмѣстѣ съ Никаноромъ осматривать Кремль. Никита при первомъ своемъ посѣщеніи Кремля осмотрѣлъ его только мелькомъ и даже не попалъ ни въ одну изъ церквей, которыхъ въ ту пору насчитывалось въ Кремлѣ до тридцати пяти.

На этотъ разъ Никита шелъ подъ особымъ впечатлѣніемъ. На пути въ Заиконоспасскій монастырь изъ того дома, который взялъ въ кортому Демьянъ Григорьевичъ, онъ нарочно прошелъ мимо лавки Тяботы. Лавка была заперта, но у воротъ дома, противъ обыкновенія, стояла Анфиса. Завидѣвъ ее, робкій парень смѣшался и не зналъ идти ли ему далѣе, не рѣшаясь пройти мимо молодой женщины, но Анфиса, замѣтивъ его, ласково, вмѣсто поклона, кивнула ему головою. Никитѣ не оставалось теперь ничего болѣе, какъ пройти мимо ея и, поровнявшись съ нею, онъ молча снялъ шапку.

— Андрей Викулычъ пошелъ къ обѣдни, заговорила она,—а я вышла постоять за ворота и поджидаю его прихода.

Никита окончательно растерялся и не зналъ, что̀ отвѣчать. Иной молодецъ заговорилъ бы на его мѣстѣ, но скромный Никита

зашагалъ быстро впередъ, не обращая, повидимому, никакого вниманія на сказанное ему Анфисой.

— А какъ живется тебѣ въ Москвѣ? окликнула его вслѣдъ Анфиса.

— Слава Богу, ничего! отозвался Никита и ускорилъ шаги тѣмъ поспѣшнѣе, что на поворотѣ въ другую улицу показался Тябота, шедшій съ своимъ пріятелемъ.

Андрей сердито и подозрительно посмотрѣлъ на Анфису, грузно зашагалъ по лѣстницѣ, сзади приведеннаго имъ къ себѣ гостя—приказнаго Коробца, который приносилъ передъ свадьбою рядную запись Андрею и отбиралъ отъ него рукоприкладство.

Послѣ обычнаго поднесенія хозяйкой гостю чарки водки, Андрей, смотрѣвшій на жену изъ подлобья, повелительно сказалъ ей: ступай за ворота и не приходи оттуда, покамѣсть я не позову тебя.

Андрей выслалъ туда же и работницу. То же самое онъ сдѣлалъ бы и съ Прокопомъ, но Прокопа не было теперь дома, такъ какъ онъ, пользуясь воскресеньемъ, отпросился у своего хозяина на цѣлый день.

Тяботѣ нужно было остаться съ глазъ-на-глазъ съ приказнымъ, съ которымъ онъ хотѣлъ поговорить о чрезвычайно важномъ дѣлѣ.

XX.

Когда Никита шелъ въ Кремль вмѣстѣ съ Никаноромъ, то Красная площадь не была такъ многолюдна, какъ въ тотъ будничный день, когда онъ пришелъ туда одинъ. Теперь былъ праздникъ и присутствія въ приказахъ не было, а потому и въ Спасскихъ воротахъ не происходило прежней давки, не было также около нихъ и площадныхъ подъячихъ, и только безмѣстные попы толпились, какъ и всегда, на Фроловскомъ мосту, ведшемъ въ Спаскія ворота. У этихъ воротъ, входящихъ въ Кремль, считавшійся вообще царскимъ жилищемъ снимали шапки и за стѣнами Кремля ходили всегда съ непокрытыми головами.

Въ первую свою побывку въ Кремлѣ, Никита, оставшись тамъ одинъ,—какъ человѣкъ робкій, да въ добавокъ къ тому еще и заѣзжій, не знакомый съ московскими обычаями—боялся пріостановиться, чтобы внимательно разглядѣть что́ нибудь. Въ особенности пугали его стрѣльцы, стоявшіе въ Кремлѣ въ караулѣ. Чуть лишь пріостановится Никита, ему такъ и покажется, что вотъ стрѣлецъ сейчасъ же прогонитъ его не только съ мѣста, на которомъ онъ пріостановился, но и со всѣмъ выгонитъ изъ Кремля.

Иначе держалъ теперь себя студіозусъ. Онъ смѣло расхаживалъ по Кремлю и остановившись, на весьма, впрочемъ, почтительномъ разстояніи отъ царскаго дворца, далъ возможность Ни-

китѣ внимательно разсмотрѣть наружность этого царскаго жилища.

Съ перваго разу глазамъ Никиты представилось одно, по тому времени, громадное каменное зданіе, но вглядѣвшись не много, Никита увидѣлъ, что зданіе это состояло изъ отдѣльныхъ построекъ разной величины. Эти отдѣльныя постройки соединялись, однако, въ одно цѣлое, тѣснясь плотно одна къ другой или возвышаясь другъ надъ другомъ. Каждая отдѣльная постройка отличалась какою нибудь особенностью. На одной была крыша покатая въ видѣ скирда, на другой—въ видѣ бочки, на третьей въ видѣ огромной луковицы, а на четвертой—въ видѣ раскинутаго, о двухъ полахъ, шатра, и вдоль заостренной верхушкѣ этого шатра, а также по краямъ его скатовъ, шли золоченые съ вычурными прорѣзями высокіе гребни. Надъ дворцомъ возвышались маковки и золоченыя, и обитыя блестящею жестью и облитыя оловомъ съ разными вытиснутыми на немъ узорами. Между этими маковками поднимались башни и башеньки, то съ ровными, то съ зубчатыми верхушками. Трудно было составить какое нибудь отчетливое понятіе о томъ, что̀ такое былъ тогдашній кремлевскій дворецъ, тѣмъ болѣе, что глаза разбѣгались при взглядѣ на его отдѣлку. Дворецъ представлялся какою-то пестрою громадою: не только какая нибудь цѣлая стѣна, но и отдѣльныя ея части были окрашены въ разные цвѣта, съ самыми разнообразными оттѣнками. Окна не одинаковой величины не были расположены правильными рядами, но какъ бы раскиданы въ большомъ безпорядкѣ. Въ однихъ изъ нихъ были вставлены стекла, въ другихъ—слюда, расписанная разными узорами. Въ однихъ окнахъ были золоченыя, въ другихъ простыя, крашеныя желѣзныя рѣшетки.

Внѣшняя отдѣлка дворца дополнялась поясами, то гладкими, то сдѣланными въ видѣ крупныхъ бусъ, колецъ, кружевъ или замысловатыхъ травъ и цвѣтовъ. Украшенія, то въ видѣ дуги, то въ видѣ треугольниковъ, были надъ окнами, по сторонамъ которыхъ стояли столбики—въ одномъ мѣстѣ въ видѣ кувчинщиковъ, а въ другомъ—небольшихъ четверогранниковъ, положенныхъ другъ на друга такъ, что надъ однимъ изъ нихъ, обращеннымъ наружу гладкой стороною, другой выступалъ острымъ краемъ. На стѣнахъ виднѣлись изображенія двухглавыхъ орловъ, единороговъ, драконовъ и львовъ. Стѣны дворца пестрѣли изображеніемъ травъ, цвѣтовъ, разныхъ птицъ и небывалыхъ на свѣтѣ звѣрей, и также городками, зубчиками и ячейками. Орлы и единороги, вырѣзанные изъ жести, то раскрашенные, то позолоченые, поднимались надъ башнями. Такія же флюгарки, то въ видѣ продолговатыхъ цѣльныхъ четвероугольниковъ, то съ вырѣзанными въ нихъ клиньями и прорѣзанными въ нихъ узорами, были разставлены во множествѣ надъ крышами дворцовыхъ строеній.

Во дворецъ, съ растилавшейся передъ нимъ площади вела широкая каменная лѣстница съ вызолочеными по сторонамъ ея балясами и съ такою же замыкавшею ее рѣшеткою. Лѣстница эта называлась «краснымъ крыльцемъ». На ней, въ день пріѣзда бояръ къ государю, толпились царедводцы въ парчевыхъ и бархатныхъ ферезяхъ; а съ главной ея площадки дьяки прочитывали во всеуслышаніе царскіе указы, порою милостивые, порою грозные.

Никита, молча, дивился великолѣпію царскаго жилища, да это сдѣлалъ бы не только какой нибудь заѣзжій сѣвчанинъ, но и любой европеецъ, такъ какъ и этотъ послѣдній нигдѣ не могъ бы увидѣть зданія такой вычурной и прихотливой постройки, какимъ былъ въ ту пору кремлевскій дворецъ.

Добротворяевъ показалъ Никитѣ и вновь выстроенный о двухъ жильяхъ каменный домъ для царевны Софіи Алексѣевны и добавилъ, что въ нижнемъ жильѣ этого дома устроена большая палата для засѣданій боярской думы, почему и говорятъ въ народѣ, будто царевна отняла у своихъ братьевъ боярскую думу и хочетъ, вмѣсто ихъ, одна править государствомъ самовластно.

— Посмотрѣлъ бы ты чтó въ самыхъ-то царскихъ чертогахъ— разсказывалъ студіозусъ Никитѣ—когда я былъ пѣвчимъ въ «патріаршей станицѣ», то мнѣ приходилось бывать тамъ по праздникамъ и нельзя было надивиться, какіе тамъ чудеса. Вотъ хоть бы въ царской «крестовой палатѣ» есть камень, на которомъ Христосъ прочелъ молитву Господню, и печать, которою былъ запечатанъ его гробъ по приказанію Пилата. А образовъ-то сколько! Послѣ покойнаго царя Алексѣя Михайловича осталось 8,000 иконъ, а между ними не мало было чудотворныхъ. Царь былъ благочестивъ, хоть и куда какой тучный, а все же всякій день клалъ не менѣе тысячи земныхъ поклоновъ, а въ праздники и до тысячи съ половиною доходило, и въ пищѣ во время постовъ былъ крайне воздерженъ, кромѣ огурца, да куска хлѣба по средамъ, пятницамъ и на страстной недѣлѣ, ничего не вкушалъ.

Разсказывая это, Добротворяетъ не прибавлялъ отъ себя ничего и говорилъ только, то, чтó было въ дѣйствительности. Такъ, между прочимъ, и достопамятный камень и печать Пилата были завезены въ Москву греческими монахами, неизвѣстно только было, къ какому времени слѣдовало отнести доставку ихъ въ Москву, но въ старинныхъ описяхъ предметы эти значились въ наличности по царской крестовой палатѣ.

— А у царевны Софіи Алексѣевны, какъ говорятъ, хоромы отдѣланы куда какъ пышнѣе, чѣмъ у самихъ государей; все у нея и «листы» иноземные съ разными «персонами» и картинами и цвѣты въ горшкахъ, такіе какъ нѣмцы у себя въ слободѣ разводятъ, есть у ней и заморскія птицы и попугай—птица, которая по-человѣчески говоритъ.

Никита, слушая своего знакомца, покачивалъ отъ удивленія головою.

— А вотъ я слыхалъ еще въ Сѣвскѣ о Грановитой палатѣ; что̀ она такое будетъ? спросилъ Никита.

Студіозусъ указалъ ему рукою на право отъ «краснаго крыльца», какъ на то мѣсто, гдѣ находилась эта палата.

— Въ Грановитой палатѣ—сказалъ Добротворяевъ—цари принимаютъ чужеземныхъ пословъ. Палата эта росписана по стѣнамъ «бытейской живописью, по золотому полю, т. е. на золотѣ представлены событія изъ священнаго писанія, а также нарисованы «персоны» или лики бывшихъ великихъ князей и царей московскихъ. Тамъ же цѣлыми горами стоитъ царская столовая утварь изъ серебра и золота, на которой царь угощаетъ пріѣзжихъ пословъ. Э, братъ, добавилъ Добротворяевъ махнувъ рукой,—въ Москвѣ столько богатствъ и диковинокъ, что всѣхъ ихъ и не перечтешь и не перескажешь.

— А вотъ смотри-ка добавилъ онъ пріостанавливаясь, какъ широко раскинулись царскіе сады.

Дѣйствительно, въ ту пору сады эти занимали не только значительное пространство въ самомъ Кремлѣ, но разпространялись и въ Китай городъ.

Никита не обращалъ на это никакого вниманія, такъ какъ ему, послѣ того, что онъ сейчасъ видѣлъ, не представляла ничего любопытнаго обыкновенная зелень листвы, раскинувшейся за царскимъ дворцомъ.

Посмотрѣлъ Никита и на Чудовъ монастырь недавно только-что построенный за ново съ пятью его храмами, и на патріаршую палату, это обиталище московскаго и всероссійскаго первосвятителя, съ маленькими окнами, задѣланными толстыми желѣзными рѣшетками и съ каменными помостами и со множествомъ наружныхъ переходовъ, которое выглядывало очень сумрачно.

— Вотъ гдѣ книгъ-то множество! сказалъ студіозусъ, указывая глазами на патріаршую палату? Одинъ Арсеній Сухановъ, по приказу патріарха Никона, привезъ съ Аѳона столько книгъ и рукописей, что пожалуй, самый прилежный человѣкъ не перечитаетъ ихъ во всю свою жизнь, сколько-бы она не длилась.

— Эка вышинища! — проговорилъ вдругъ Никита, закидывая вверхъ голову, чтобъ взглянуть на золотую шапку Ивана Великаго.

— Да, въ ней мѣры сорокъ саженъ, а съ крестомъ сорокъ семь саженъ и полтора аршина считается, а ступеней по лѣстницѣ будетъ четыреста десять.

— А изъ-за чего она прозывается ивановской.

— Потому, что прежде на мѣстѣ этой дивной звонницы стояла церковь Ивана Списателя Лѣствицы, а колокольню построилъ уже

царь Борисъ Өедоровичъ, для того, чтобъ дать работой при ней прокормиться народу въ голодное время.

Отъ колокольни рѣчь перешла къ колоколамъ и любознательный студіозусъ, бывшій часто въ Кремлѣ, оказался знатокомъ и по этой части. Онъ разсказалъ Никитѣ, что главный въ Кремлѣ колоколъ называется «реутомъ» и вѣситъ до 2000 пудовъ, а другіе: «медвѣдемъ», «лебедемъ», «новгородскимъ», «ростовскимъ», «нѣмчиномъ».

Показалъ также Добротворяевъ Никитѣ и «царь-колоколъ», но не тотъ, который теперь такъ называется, а висѣвшій тогда на особой брусяной постройкѣ между колокольней Ивана Великаго и соборами Архангельскимъ и Успенскимъ, и добавилъ, что въ колоколъ этотъ ударяютъ съ большой разстановкой три раза для извѣщенія о смерти царя или членовъ его семейства, а также и патріарха.

Осмотрѣлъ Никита и соборъ Успенскій и затѣмъ перешелъ къ Благовѣщенскому.

— А гдѣ-жь тѣ писанные мудрецы, что говорилъ мнѣ твой дядя? — спросилъ Никита.

— Вотъ они, смотри—сказалъ студіозусъ, указывая Никитѣ на изображеніе старцевъ и на нарисованныхъ между ними женщинъ. Этотъ будетъ Аристотель, а на свиткѣ, что онъ держитъ, видишь написано: «первѣе Богъ, потомъ-же слово и Духъ, сіи едино». А здѣсь—Анахарсисъ, то-же ученый философъ,—и Никита на свиткѣ который держалъ Анахарсисъ прочелъ: «яко уныніе есть пагуба человѣкомъ и всяческимъ, я-же суть ихъ».

Посмотрѣли они и на Птоломея, у котораго на свиткѣ было написано: «иже истинный рабъ и праведный сохранитъ свою душу, а не радѣяй о своихъ путяхъ погибнетъ».

— Ну, а жены эти, кто-же онѣ будутъ, спросилъ Никита.

Тутъ студіозусъ съ важностію принялся объяснять ему, что онѣ — такъ называемыя «севиллы», т. е. прорицательницы и гадальщицы римскія, и что они, хотя и язычницы, но предсказывали пришествіе Христово. Онъ объяснилъ также Никитѣ, что греческихъ мудрецовъ помѣстили въ преддверіи Успенскаго храма потому, что ихъ изреченія, написанныя на свиткахъ, находящихся въ ихъ рукахъ, научаютъ христіанъ тѣмъ-же добродѣтелямъ, о которыхъ проповѣдывали и отцы церкви.

Очень не многое понималъ Никита изъ всего того, что разсказывалъ ему питомецъ Заиконоспасской академіи, но тѣмъ не менѣе ученость и познанія Никанора возбуждали въ молодомъ парнѣ охоту поскорѣе учиться самому и, если можно, то хоть впослѣдствіи сравняться съ Добротворяевымъ, который былъ годами четырьмя постарше Никиты.

«Если въ его лѣта я и не буду знать столько, сколько онъ те-

перь знаетъ, думалось Никитѣ, то все-же хоть и позднѣе, а дойду до того, до чего онъ дошелъ теперь и того съ меня будетъ».

Послѣ осмотра Кремля, Добротворяевъ и Никита пошли на обѣдъ къ отцу Онуфрію. Никита сообщилъ хозяину о желаніи своего дяди.

— Слыхалъ я объ Демьянѣ Григорьевичѣ отъ Ивана Дмитріевича Шурупова, тоже сѣвчанина, и радъ буду познакомиться съ нимъ. Проси его пожаловать ко мнѣ на этой недѣлѣ послѣ вечерень, сказалъ отецъ Онуфрій при прощаніи съ Никитой.

XXI.

Оставшись одинъ на-одинъ съ подъячимъ, Андрей выставилъ передъ нимъ водку и закуску и завелъ съ нимъ задушевную бесѣду.

— Скажу по истинѣ, не ко двору пришлась мнѣ Анфиса—началъ уже подвыпившій Тябота. Чаялъ я въ супружеской жизни съ нею совсѣмъ иное.

— Чѣмъ-же она не по тебѣ? спросилъ Коробецъ.

— Да ужъ больно тиха. Нисколько отпору не даетъ, а со сварливой женой, кажись, жить лучше, чѣмъ съ молчаливой. Побѣждаешь ея супротивности съ трудомъ и тѣмъ себя какъ будто тѣшишь. Вотъ и вспомнишь не разъ мою покойницу Агафью Мартемьяновну — ухъ, какая упорная была!.. Да и знаешь еще что, гульливому человѣку съ покорной женой и жить-то какъ-то совѣстно. Иной разъ подумаешь, вѣдь вотъ она ничѣмъ тебѣ не замутитъ, никакого соблазна не дѣлаетъ, а межъ тѣмъ я-то самъ и обманываю ее и добро наше общее къ чужой женкѣ изъ своего дома тащу. За то самое и отецъ Онуфрій меня прошлый разъ на духу гонялъ, гонялъ... Не пойду больше къ нему! Ну его!.. Говорилъ онъ мнѣ: дурно ты, Андрей Викулычъ, поступаешь, тѣмъ паче, что жена твоя къ тому причины никакой не даетъ. Могъ бы еще ты оправить себя передъ Богомъ, если-бы супруга твоя была грѣходѣлица, а вѣдь ты самъ говоришь, что она жена чистая, непорочная и передъ тобой покорная. Ну хоть бы въ чемъ она согрѣшила,—заключилъ Тябота,—такъ на совѣсти бы у меня легче стало бы, тогда, значитъ, не даромъ бы ее исправлялъ, тогда было бы за что.

— Да ты поудерживалъ бы себя — посовѣтовалъ подъячій.

— Не могу. Коли въ головѣ ничего нѣтъ, то еще такъ-сякъ, а чуть попало, я себя ужъ не помню, а вѣдь ей колотушки, да побои все равно получать, что отъ трезваго, что отъ пьянаго,—одинаково больно, да, пожалуй, еще и хуже, вѣдь, братъ, подъ пьяную руку бьешь чѣмъ и куда попало. Хочу развестись съ ней,

чтобъ отъ грѣха быть подальше, да и кто ее знаетъ: такая тихая она, а можетъ кто нибудь ее и наустить на злое дѣло; вѣдь ты знаешь, у насъ на Москвѣ, жены нѣтъ-нѣтъ да потомъ съ мужьями и расправятся... подозрительно говорилъ Андрей.

— Какъ не знать, перебилъ подъячій, всякіе способы къ тому найдутся.

— Такъ скажи мнѣ, Прохоръ Акимычъ, какъ мнѣ съ разводомъ быть?

— Въ прежнюю пору дѣлалось это куда какъ просто, началъ подъячій, бывало, дастъ мужъ женѣ разводное письмо, ну и ступай жена куда хочетъ, а нынѣ не то: еще патріархъ Филаретъ Никитичъ письма такія давать воспретилъ, а установилъ супружескій разводъ по церковнымъ правиламъ. Да вотъ что—ступай-ко, братъ, въ монахи, тогда и она должна постричься...

— Что ты? Изъ-за какой благодати я въ монахи пойду? — вскрикнулъ Тябота, да я въ монастырѣ-то въ первый же день на цѣпь попаду, а не то колоду на ноги или рогатку на шею набьютъ, да еще отецъ игуменъ плетьми отжарить велитъ. Вишь что придумалъ!—добавилъ Андрей, захохотавъ во все горло. А съ чего жь святѣйшій патріархъ разводныя письма отставилъ, вѣдь съ ними легко было отъ женъ отдѣлываться?

— Браки уже больно зазорны у насъ стали. Ты, конечно, никакихъ царскихъ указовъ и грамотъ не знаешь, а мнѣ-то они нужны бываютъ и потому я ихъ у себя записываю и, говоря это, подъячій вытащилъ изъ-за пазухи свертокъ бумагъ. Вотъ послушай что въ грамотѣ своей писалъ Филаретъ Никитичъ. Служилъ я одной порой въ патріаршемъ приказѣ, такъ тамъ и повыписалъ все, что мнѣ пригожимъ показалось.«

Перебравъ нѣсколько листовъ, положенныхъ на столъ, подъячій откашлялся и началъ читать слѣдующее:

«Многіе русскіе люди поимаютъ за себя сестры свои родныя и двоюродныя, и кумы крестныя, а иныя и на матерей посягаютъ блудомъ и женятся на дочеряхъ и сестрахъ, еже и въ поганыхъ, не знающихъ Бога, не обрѣтается; а иные жены свои въ деньгахъ закладываютъ на срокъ и отдаютъ тѣхъ женъ своихъ въ закладъ мужья ихъ сами, а тѣ люди, у которыхъ онѣ бываютъ въ закладѣ, съ ними до сроку, покамѣсть которой жены мужъ не выкупитъ, блудъ творятъ беззазорно, и какъ тѣхъ женъ на сроки мужья не выкупятъ, и они ихъ продаютъ на воровство же и въ рабство всякимъ людямъ». Такъ видишь какъ въ недавнюю еще старину велось у насъ, такъ тогда и разводное письмо грѣхомъ нечего было почитать, потому что отдача въ закладъ жены мужемъ была уже прямымъ воровствомъ передъ людьми и окаянствомъ передъ Богомъ.

— Или вотъ еще что писалъ царь Алексѣй Михайловичъ патріарху Никону—сталъ читать подъячій, выбравъ другой листокъ:

«Во время мора, изъ страха смерти, мужья отъ женъ постригались, а жены отъ мужей, а послѣ мора многіе живутъ на своихъ дворахъ съ женами, и многіе постриженные въ рядахъ торгуютъ».

— Знаю, знаю я такихъ монаховъ—перебилъ весело Андрей—вотъ хоть бы Поликарпъ Мироничъ. Ему бы въ лавкѣ въ клобукѣ съ четками сидѣть слѣдовало, да отцомъ Парфеніемъ, по постриженію, называться, а онъ о томъ и не думаетъ. Приставъ-то изъ Андроньевскаго монастыря сколько ужъ разъ за нимъ приходилъ и на расправу въ святую обитель тянуть принимался, иной разъ и поведетъ его, да на дорогѣ, разумѣется, не даромъ, отпуститъ, а потомъ самъ Поликарпъ къ отцу настоятелю на поклонъ сходитъ, да разные дары поднесетъ, такъ въ покоѣ его на время и оставятъ.

— Да ты слушай дальше, чтò царь-то патріарху писалъ. Писалъ онъ вотъ чтò: «Многіе постриженные въ рядахъ торгуютъ, пьянствуютъ и воровство умножилось»... А святѣйшій патріархъ отъ себя грамоту о томъ разослалъ, да потомъ какъ въ церкви пошли нелады, такъ ужъ теперь и не до монаховъ. Такъ ты вотъ и постригись, тогда Анфиса Семеновна тоже должна будетъ невольно постричься, а потомъ ты изъ монастыря уйди, объявись міряниномъ, да и женись на третьей. По «Уложенію», да и по «новоуказаннымъ статьямъ» за то никакого наказанія не полагается, а пойдешь просить развода законно, по правиламъ святыхъ отецъ, такъ на разныя препоны претыкаться будешь. Умный я тебѣ совѣтъ даю, повѣрь мнѣ. Въ монастырѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ тоски и не умрешь, и не исчахнешь...

— Совѣтъ-то твой ужъ больно хитеръ, подумать нужно, а ты мнѣ лучше скажи, какъ по церковнымъ правиламъ нынѣ съ женой разойтись можно. Что монастырь? Попадешь разъ туда, а тамъ чего добраго, глядишь — раньше чѣмъ на волю выберешься, въ Соловки угодишь...

— По церковнымъ правиламъ разведутъ тебя тогда, буде бы жена твоя знала бы чьей либо злой умыселъ противъ царя, да не сказала бы противъ того «государева слова и дѣла»—началъ приказный.

— Ну это не подходитъ — отозвался Андрей — какой ей злой умыселъ знать противъ великаго государя.

— Буде бы ты уличилъ ее въ прелюбодѣяніи.

— Да какъ ее уличишь? За ней этого грѣха пока не водится.

— Буде бы стала она умышлять на твою жизнь, или зная, что кто другой на то посягаетъ, не объявила бы объ этомъ.

— Да какъ о томъ довѣдаешься?.. Можетъ и умышляетъ, кто ее знаетъ, чтò у ней на умѣ... Пробормоталъ Андрей. — Ну, а дальше?

— Буде противъ воли твоей стала бы пировать или мыться въ банѣ съ чужими мужчинами—продолжалъ Коробецъ.

— Ну ее ни на какіе пиры изъ дому и силой не выгонишь, не охоча она до нихъ, да и въ баню-то безстыдно не пойдетъ. Притомъ вѣдь это у насъ въ обычаѣ, такъ и разводить въ такомъ случаѣ не за что̀.

— Оно точно, что за это у насъ не разводятъ, а по церковнымъ правиламъ надлежало бы—наставительно добавилъ подъячій.— Вѣдь ты у меня о церковныхъ правилахъ пытаешься, такъ я тебѣ ихъ и вычитываю на память, а ты ужь самъ выбирай такое правило, какое тебѣ гоже будетъ.

— Буду слушать.

— Должны развести тебя съ Анфисой и тогда, буде она безъ твоего позволенія провела бы ночь не въ твоемъ домѣ, развѣ токмо проночевала у своихъ родителей, въ такомъ разѣ причины къ разводу нѣтъ.

Андрей снова захохоталъ.

— Пойди-ка, что святые отцы выдумали! Да вѣдь такъ полъ Москвы развести бы привелось. Нешто мало наши бабы загуливаютъ?—Да иныя изъ нихъ къ ряду по нѣсколько ночей отъ мужей пропадаютъ! Ну, а меня, буде бы я не проночевалъ дома, небось, тоже развели бы съ женою? — подперши руки въ бока, спросилъ Андрей подъячаго.

— Нѣтъ, ни тебя и никакого другаго мужа за ночлегъ на сторонѣ не развели бы, а развели бы тебя тогда, буде бы ты сталъ грѣшить съ чужою женою въ своемъ домѣ, или буде бы ты не унялся отъ такого грѣха хоть и на сторонѣ, но послѣ того, какъ тебя бы единожды въ томъ обличили.

— Предиковенныя ты мнѣ околичности разсказываешь. Ничего такого прежде я не слыхивалъ. Вишь вѣдь какъ ты приспособился: все знаешь. Ну, а за что̀ бы еще развели меня съ Анфисой?

— Развели бы тебя за то, буде бы ты узналъ, что она умышляетъ зло на государя, или бы ты покушался на ея жизнь, или не защитилъ бы ее отъ убійцы, или продалъ бы ее для прелюбодѣянія другому, или буде сталъ бы обвинять ее въ плотскомъ грѣхѣ, да того не доказалъ бы передъ судомъ духовнымъ...

— А я думалъ, что развестись съ женой будетъ гораздо легче: просто-на-просто сунулъ ей въ руки разводное письмо, да и ступай она на всѣ стороны куда хочетъ, а выходитъ, значитъ, не то, поди судись съ ней.

— Говорятъ тебѣ, что такъ было предъ сего, а нынѣ иные ужъ завелись порядки—отвѣтилъ Коробецъ.

— Ну, а скажи-ко, что мнѣ будетъ, коли бы я, примѣромъ, убилъ Анфису?—запальчиво крикнулъ Андрей.

— По «Уложенію» за то никакого наказанія не полагается, а когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, простой человѣкъ, Ивашко

Долгой, повинился въ убійствѣ жены своей, то великій государь указалъ бить его кнутомъ и отдать на чистыя поруки, т. е. отпустить его куда онъ идти похочетъ, и не было даже указано, чтобъ бить его «нещадно», а такъ побить его ради лишь страха; выходитъ, что онъ только спиной, да и то слегка поплатился.

Андрей промычалъ что-то и призадумался. Подъячій, помалчивая, пропускалъ чарку за чаркой, но замѣтно было, что на его плечахъ сидѣла крѣпкая голова: сколько онъ не пилъ, онъ не терялъ ни памяти, ни разсудка, и даже послѣ самой сильной попойки стоялъ твердо на ногахъ. Совершенно иное дѣлалось съ Андреемъ. Языкъ его, послѣ нѣсколькихъ чарокъ, начиналъ заплетаться и онъ, сидя на лавкѣ, клевалъ носомъ въ столъ.

— Такъ, значитъ, уйти мнѣ что ли отъ Анфиски въ монастырь? Такъ ты говоришь?.. Какъ же! Пойду-ка я лучше въ пономари, да оттрезвоню ее хорошенько—бормоталъ онъ, безсмысленно глядя на подъячаго. А ты съ чего вздумалъ меня въ монастырь посылать?—вдругъ крикнулъ онъ.—Меня въ монастырь спровадить хочешь, а Анфиску къ себѣ переманить? Ахъ ты—страдникъ эдакой! Ахъ ты — окаянный! Затѣмъ ты только ко мнѣ и пришелъ! А?..

— Помилуй, Андрей Викулычъ, да развѣ не ты самъ запросилъ меня къ себѣ на совѣтъ въ гости? Вѣдь не безъ зова, не самъ по себѣ я пришелъ къ тебѣ—перебилъ удивленный подъячій.

— Вонъ пошелъ!.. Разнесу тебя... закричалъ Андрей, подымаясь съ лавки.

Коробецъ видѣлъ, что Андрей сталъ приходить въ изступленіе, и что съ нимъ не будетъ теперь уже никакого ладу. Струхнувшій подъячій схватилъ со стола свертокъ своихъ выписей, быстро скомкалъ ихъ, засунулъ за пазуху и поторопился выбраться изъ горницы. Андрей поплелся слѣдомъ за нимъ, а Коробецъ ускорялъ свой побѣгъ отъ расходившагося хозяина. Тябота, осыпая его вслѣдъ бранью и угрозами, выбрался кое-какъ на крыльцо.

— Чего ты за воротами-то стоишь!—крикнулъ онъ на жену.—Ступай сюда!.. Съ чего взяла ты за ворота выбѣгать?

— Самъ ты, Андрей Викулычъ, изъ дома меня выслалъ и приказалъ побыть за воротами. Нешто забылъ?—а я, какъ ты велѣлъ, такъ и сидѣла, попыталась было оправдаться Анфиса, говоря съ мужемъ почтительно и кротко.

— Постой, вотъ я тебя въ монастырь запру—крикнулъ Андрей, входя въ избу. Знаю я теперь какъ съ тобой справиться. Добрые люди научили меня.

— Во всемъ твоя супружеская воля, Андрей Викулычъ — покорно проговорила Анфиса, идя за нимъ.

— Пойду и я въ монастырь... Разнесу всѣхъ монаховъ и игумновъ!.. Какъ же дамся я имъ, чтобъ они меня на цѣпь посадили!

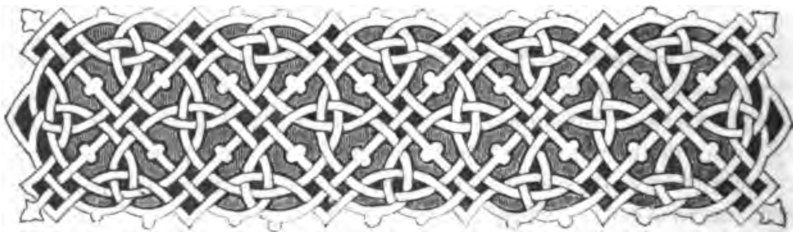
Да, что въ самомъ дѣлѣ, развѣ я имъ Пѣганка что ли достался?.. До архіереевъ доберусь, до самого патріарха! Всѣхъ ихъ разнесу!.. бурлилъ Андрей, пробираясь въ горницу:—Анфиска, иди сюда!

Дрожа, переступила бѣдная женщина порогъ немилаго ей дома. Въ горницѣ послышались шумъ, стукъ и брань, и Анфиса вышла оттуда, заливаясь слезами.

Е. Карновичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ПЕСЛЯКА.

Предлагаемыя здѣсь записки ссыльнаго Алоизія Песляка, памятнаго по своей дѣятельности въ оренбургскомъ краѣ, любопытны въ томъ отношеніи, что проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на неудачную, малоизвѣстную у насъ въ литературѣ, степную хивинскую экспедицію оренбургскаго генералъ-губернатора графа Перовскаго. Сверхъ того, записки эти рисуютъ и замѣчательную по превратностямъ судьбы личность автора, который много пережилъ и много испыталъ. Не разъ случалось ему доходить до отчаянія, но нравственная сила поддержала его во всѣхъ испытаніяхъ жизни и позволила спокойно умереть среди любимаго семейства, облегчавшаго послѣднія минуты страдальца, насколько это было возможно.

Дорого заплатилъ А. С. Песлякъ за ошибочное увлеченіе своей ранней молодости, но увлеченіе это выкупилъ онъ всей своей остальной грустно-тяжолой жизнью, съ рѣдкими, выпадавшими повременамъ и на его долю, мгновеніями покоя и счастья.

Мы оставляемъ записки почти въ томъ видѣ, какъ они были написаны А. С. Песлякомъ, позволивъ себѣ только кое-гдѣ сгладить слогъ и исключить нѣкоторыя малоинтересныя подробности.

Больно и трудно обратиться мнѣ къ воспоминаніямъ первыхъ лѣтъ моей скитальческой и многострадальной жизни, такъ жестоко и такъ надолго закрывшей мнѣ доступъ къ карьерѣ, на которую я имѣлъ право по рожденію и воспитанію. Но что̀ случилось, то случилось и прошлаго не воротишь; не воротишь и тѣхъ силъ, той энергіи, которыя въ молодости моей растратились по мелочамъ,

растратились не такъ, какъ бы имъ слѣдовало. Грустно вспоминать обо всемъ этомъ!

Родился я въ 1807 году, въ Троицкомъ уѣздѣ Виленской губерніи, и по происхожденію принадлежалъ въ древней, благородной литовской фамиліи. Родители мои были люди съ весьма ограниченнымъ состояніемъ, ограниченнымъ на столько, что едва лишь могли, и то съ большимъ трудомъ, дать приличное воспитаніе своему семейству, состоявшему, кромѣ меня, еще изъ сестры и пяти братьевъ, о которыхъ я сохранилъ самыя дружественныя и пріятныя воспоминанія.

Первые годы моей жизни прошли въ домашнемъ воспитаніи нѣжнолюбимыми отцомъ и матерью, послѣ чего, по достиженіи извѣстнаго возраста, меня отдали для дальнѣйшаго воспитанія и образованія въ Крожскую гимназію, находившуюся въ Самогитіи, составляющей въ настоящее время Ковенскую губернію. При самомъ окончаніи мною гимназическаго курса, у воспитанниковъ нашей гимназіи были найдены стихотворенія, направленныя противъ правительства. Это случилось какъ разъ въ то время, когда слѣдственная коммисія подъ предсѣдательствомъ сенатора Новосильцева, назначенная надъ обществами якобинцевъ, раздѣлявшихся на «филаретовъ» и «иллюминатовъ», была переведена изъ Варшавы въ г. Вильно для продолженія слѣдствія.

Дѣло крожскихъ гимназистовъ неожиданно получило въ глазахъ коммисіи весьма важное значеніе: открылось тайное общество подъ названіемъ Черныхъ братій, къ которому оказался прикосновеннымъ и я вслѣдствіе того, что зналъ лишь одно изъ стихотвореній этого общества. Знаніе этого оказалось настолько пагубнымъ и роковымъ, что въ 1823 году, имѣя отъ роду всего 16 лѣтъ, мнѣ пришлось явиться передъ военно-судной коммисіей вмѣстѣ съ товарищами по гимназіи: Янчевскимъ, Ивашкевичемъ, Зеленовичемъ, Сухотскимъ и Виткевичемъ, которому было всего только 14 лѣтъ; по годамъ я былъ между ними самый старшій. По опредѣленію коммисіи, Янчевскій и Зеленовичъ приговорены были къ смертной казни, а остальные къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на каторгу,—но по приказу его императорскаго высочества великаго князя Константина Павловича, въ 1824 году, въ мартѣ, намъ объявили конфирмацію: приговоренныхъ къ смерти помиловать и заключить въ Бобруйскую крѣпость на работы безсрочно, съ заковкою въ цѣпи.

Спустя 9 мѣсяцевъ по приведеніи въ исполненіе конфирмаціи, Зеленовичъ, не вынеся нравственныхъ и физическихъ страданій, сошелъ съума и въ такомъ жалкомъ положеніи умеръ, не придя въ сознаніе даже передъ смертью, а Янчевскій, по милостивому приказу великаго князя Михаила Павловича, былъ впослѣдствіи отъ работы освобожденъ и назначенъ рядовымъ, такъ что имѣлъ возможность участвовать въ турецкой кампаніи 1828—1829 годовъ и

за храбрость произведенъ въ унтеръ-офицеры; затѣмъ, въ сраженіяхъ во время польскаго мятожа 1830 года, раненъ и произведенъ въ чинъ офицера и закончилъ свою карьеру шавельскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

Не менѣе тяжкая участь выпала на долю насъ четырехъ: меня, Ивашкевича, Сухотскаго и Витквевича. По конфирмаціи намъ было объявлено, что мы лишены всѣхъ правъ состоянія и ссылаемся въ оренбургскій отдѣльный корпусъ для размѣщенія по баталіонамъ рядовыми: Виткевичъ въ Орскій, я въ Верхнеуральскій, Ивашкевичъ въ Троицкій и Сухотскій въ Звѣриноголовскій безъ выслуги. Какъ громомъ поразило насъ это опредѣленіе, но слѣдовало покориться ему и отправиться въ невѣдомую, совершенно дикую по нашимъ понятіямъ страну.

Къ мѣсту назначенія мы слѣдовали закованными въ тяжолыя пудовыя цѣпи, причинявшія намъ въ пути жестокія мученія, какъ отъ непривычки носить и справляться съ ними, такъ и отъ чрезмѣрной для нашихъ слабыхъ силъ тяжести, дававшей себя чувствовать во время большихъ переходовъ по этапамъ. По прибытіи на мѣсто, къ намъ, по исполненіи разныхъ формальностей и по размѣщеніи въ назначенные баталіоны, приставлены для надзора солдаты и унтеръ-офицеры. Въ числѣ другихъ карательныхъ мѣръ послѣдовало запрещеніе всякой переписки—даже съ родными, и вообще имѣть съ ними какое-либо, сношеніе, а такъ же и знакомиться съ кѣмъ бы-то ни было. Однимъ словомъ, можно сказать, что тогдашняя крайне строгая военная дисциплина была примѣнена къ намъ въ полной мѣрѣ и насъ держали подъ самымъ строгимъ надзоромъ.

Съ этого времени начинается длинный рядъ тяжолыхъ испытаній...

Чтобы хоть чѣмъ нибудь обезпечить и улучшить болѣе чѣмъ скромное матеріальное существованіе ссыльнаго, заброшеннаго по волѣ Провидѣнія въ совершенно невѣдомый до тѣхъ поръ край, и поддержать бодрость духа и нравственныя силы, я, въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время, училъ читать и писать дѣтей. Дѣло обученія шло довольно успѣшно и получаемая мною за уроки плата по 10—12 к. въ мѣсяцъ съ ученика, позволяла нѣсколько улучшить пищу и обзавестись приличнымъ бѣльемъ и одеждой, и я уже мечталъ о болѣе удобномъ образѣ жизни, чѣмъ казарменная, казенная обстановка, но, черезъ три года моихъ занятій съ дѣтьми, мнѣ запретили уроки. Приходилось изобрѣтать другое какое либо средство для сноснаго существованія, къ которому въ послѣднее время я началъ привыкать, о возвращеніи же вновь къ первоначальному положенію, какъ въ первое время ссылки, я не могъ и подумать безъ невольнаго содроганія и ужаса. И вотъ, оправдывая на себѣ пословицу, что «голь хитра на выдумки», я вспомнилъ, что у меня

еще есть исходъ: искусство вязать чулки, вареги, рукавицы, косить и вообще исполнять всѣ хозяйственныя работы. Недовольствуясь этимъ, я выучился шить башмаки и солдатскіе сапоги, получая за шитье пары сапогъ по 20, а башмаковъ по 6 к. ас. и такимъ образомъ шитьемъ тѣхъ и другихъ замѣнился доходъ отъ обученія дѣтей. Но хотя я и радовался своимъ успѣхамъ въ мастерствѣ, трудовъ моихъ все еще было не вполнѣ достаточно для улучшенія содержанія на столько, какъ мнѣ того хотѣлось, такъ что я вынужденъ былъ самъ печь себѣ хлѣбъ, который нерѣдко одинъ только составлялъ мой завтракъ, обѣдъ и ужинъ на берегу рѣки Урала, гдѣ я, закусивъ круто насоленнымъ ломтемъ хлѣба, частенько принимался за стирку бѣлья. Не довольствуясь однакоже одной чисто животно-растительной жизнью, я жаждалъ и болѣе интеллигентнаго препровожденія времени для удовлетворенія потребности ума и духовной стороны жизни, почему, по врожденной наклонности къ естествознанію, принялся за самостоятельное изученіе естественныхъ наукъ и, примѣняя теорію къ практикѣ, занялся собираніемъ травъ, насѣкомыхъ, минераловъ и проч., посвящая на это малѣйшее свободное время, остававшееся мнѣ отъ служебныхъ занятій и мастерства.

По неимѣнію подъ руками зачастую необходимыхъ книгъ для руководства и по невозможности вслѣдствіе этого опредѣлять виды, роды и семейства растеній, я описывалъ ихъ мѣсторожденіе и способы употребленія ихъ мѣстными жителями при леченіи различныхъ болѣзней. Собранныя мною растенія, вмѣстѣ съ замѣтками, впослѣдствіи были пересланы въ виленскій университетъ черезъ посредство сосланныхъ послѣ меня старшихъ товарищей, кончившихъ университетскій курсъ: Зана, Чечета и Сузика; за коллекціи мои отъ университета было прислано мнѣ небольшое денежное вспомоществованіе и необходимыя руководства и сочиненія по естествознанію, которыя однакоже отъ меня были отобраны, при чемъ запрещено и собираніе растеній и насѣкомыхъ. Распоряженіе это повело къ тому, что матеріальные недостатки мои снова возобновились; ослушаться же приказанія начальства и заняться тайно составленіемъ коллекцій я не могъ рисковать, боясь нажить непріятности и ухудшить и безъ того не легкое положеніе отверженника отъ родины, общества и даже своихъ сослуживцевъ-солдатъ не ссыльныхъ.

Продолжаю дальше грустную повѣсть почти непрерывнаго ряда тяжелыхъ невыносимыхъ страданій.

При исполненіи военныхъ служебныхъ обязанностей, мнѣ приходилось выстаивать въ суточныхъ караулахъ по 3 часа, нерѣдко при морозѣ въ 30° по R., попеременно съ товарищами, послѣ чего я снова посылался въ ночной караулъ, который и выстаивалъ, прикрывшись одною только солдатской шинелью. Сильное и крѣп-

кое сложеніе и твердая воля одолѣли все и сохранили меня отъ опасныхъ и серьезныхъ болѣзней.

По службѣ я старался быть всегда, по мѣрѣ возможности, исполнительнымъ и, желая хоть нѣсколько смягчить суровыя отношенія къ себѣ сотоварищей, просилъ фельдфебеля, чтобы онъ назначалъ меня за старыхъ солдатъ на дальніе выставочные посты.

Это привлекло ко мнѣ отчасти расположеніе сотоварищей по службѣ и даже презрительное прозвище: «безмозглый полячишка» замѣнилось болѣе человѣчнымъ «Леонтіемъ», какъ они по своему назвали меня, а въ частовременныхъ дальнихъ караулахъ удостоивался я порою отъ нихъ угощенія горячими щами, приносимыми имъ женами. Но и при такомъ положеніи дѣлъ участь моя, не могу сказать, чтобы была особенно хороша и приходилось многое и многое терпѣть и переносить, чтобы еще болѣе не ухудшить своего положенія въ столь мало свойственной мнѣ по рожденію и воспитанію обстановкѣ, о которой и теперь еще, послѣ столькихъ лѣтъ болѣе удобной и относительно покойной жизни, я не могу вспомнить вполнѣ хладнокровно.

Проведя утомительные часы караульной службы и дождавшись очередной смѣны, утомленный нравственно и физически, буквально падая отъ изнеможенія и истощенія силъ, я радъ былъ, если, по тѣснотѣ помѣщенія караулки, могъ найдти себѣ пріютъ подъ лавкою, но и тутъ сонъ мой нерѣдко прерывался толчкомъ ногою въ бокъ и раздавался грубый и сердитый голосъ:

— Убирайся безмозглый фармазонъ, я лягу тутъ!

Раздраженіе весьма понятное въ обезсиленномъ и измученномъ человѣкѣ, жаждущемъ мѣста для успокоенія и ненаходящемъ его по недостатку мѣста; ясно, что въ такомъ состояніи раздраженіе и злоба, не находя себѣ исхода, легко можетъ обрушиться и на ни въ чемъ неповиннаго.

Описывать подробно всѣ мои страданія было бы слишкомъ трудно и потребовалось бы много времени, а потому, умалчивая о большей части ихъ, обращаюсь снова къ моей автобіографіи.

Неудачи въ моихъ научныхъ занятіяхъ, преслѣдуемыхъ запрещеніями и отобраніями научныхъ пособій, доставленныхъ мнѣ виленскимъ университетомъ, и коллекцій, составлявшихся мною съ такимъ трудомъ, принудили меня обратиться къ другому роду занятій, менѣе подозрительнымъ въ глазахъ начальства, именно коммерческимъ, и я занялся дѣланіемъ головныхъ щетокъ съ помощью чуть не первобытныхъ орудій: перочиннаго ножа и гвоздя, украшая свои издѣлія стеклянными обломками и черепаховыми подвѣсками для серегъ. Утомительный и малоблагодарный трудъ этотъ оказался въ высшей степени неудобнымъ и неудачнымъ еще въ томъ отношеніи, что уравнивая волоса на щеткахъ при слабомъ освѣщеніи одной свѣчи на довольно большое помѣщеніе, я засорилъ

себѣ обрѣзками волосъ глаза и вслѣдствіе этой несчастной случайности подвергся тяжкимъ страданіямъ на цѣлыхъ два мѣсяца. Несмотря однакоже на это обстоятельство, сдѣланныя мною щетки, черезъ тѣхъ же товарищей моихъ—Зана и Чечета, были проданы и на вырученныя деньги я обзавелся сапогами, бѣльемъ, сносной шинелью и кромѣ того могъ улучшить пищу настолько, что прекратилъ обѣды и ужины на Уралѣ. Но относительное довольство это продолжалось не долго; благодаря не особенно воздержному дядькѣ моему, взводному унтеръ-офицеру, а также и ротному командиру, скромный запасъ мой скоро истощился и я опять пришелъ въ прежнее положеніе. Между тѣмъ прошло уже пять лѣтъ моей службы рядовымъ и во все это время маршировкой, дѣланіемъ артикуловъ ружьемъ, военною выправкою и строгою нравственностью, я заслужилъ вниманіе начальства и, благодаря ловкости и стройности сравнительно съ своими баталліонными сослуживцами, былъ назначаемъ въ караулы за ефрейтора и на вѣсти къ высшему начальству, почему и успѣлъ заслужить лестное вниманіе генералъ-губернатора Эссена, который представилъ меня вмѣстѣ съ моими товарищами въ унтеръ-офицеры, но къ нашему несчастью одновременно съ нами былъ представленъ разжалованный штабсъ-капитанъ Брандтъ, извѣстный своими проступками государю императору, почему въ представленіи послѣдовалъ отказъ, съ подтвержденіемъ: «никогда впредь не представлять насъ болѣе».

Я перенесъ этотъ ударъ спокойно, но Сухотскій, при своей впечатлительной, нервной натурѣ, не вынеся тяжкаго испытанія, застрѣлился.

Не покидавшая во всѣхъ несчастіяхъ мысль о возможномъ улучшеніи своего положенія, натолкнула меня на счастливую идею устройства танцъ-класса, что̀ было мнѣ не особенно трудно, такъ какъ я зналъ вполнѣ правила танцевъ, входившихъ въ то время въ моду.

Нашлись многіе, приглашавшіе меня учить своихъ дѣтей и этому искусству, что̀ дало мнѣ сносную заработную плату. Родители восхищались успѣхами моихъ учениковъ и учеництъ, а я, получая довольно денегъ, имѣлъ возможность жить порядочно; къ тому же мнѣ дали позволеніе охотиться. При изобиліи на Уралѣ дичи и рыбы, я и дьядка мой, рядовой Изотъ Феоктистовъ, страстный рыболовъ, постоянно были богаты какъ дичью, такъ и рыбой, остатокъ же продавали, получая за пару утокъ отъ 6 до 7 коп. ас., и на деньги эти покупали себѣ молоко и калачи. Такимъ образомъ, матеріальная сторона жизни улучшалась еще болѣе, но за то событіе 14-го декабря 1825 года увеличило строгости.

На меня обращено было особенное вниманіе и обрушилась вся тяжесть обученія ружейнымъ пріемамъ, маршировкѣ и проч. въ учебной, гдѣ приходилось по нѣскольку часовъ сряду употреблять

одновременно въ дѣло горло, руки и ноги, такъ что свободнаго отъ ученія времени оставалось не болѣе 8-ми часовъ въ сутки, часть которыхъ — около двухъ часовъ — опять-таки посвящалась на то, чтобы сапоги, пуговицы, ружье и проч., отчищенные кирпичемъ, блистали какъ зеркало, а остальные 6 часовъ проходили незамѣтно въ отдохновеніи и чтеніи «Четиминеи», данной мнѣ священникомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы я, въ видѣ контроля, передавалъ въ разсказахъ жизнь святыхъ отцовъ его многочисленному семейству, благодаря чему жизнь святыхъ и ихъ страданія остались такъ твердо въ моей памяти, что я впослѣдствіи могъ передавать эти разсказы своимъ малолѣтнимъ дѣтямъ. Ненависть и зависть нѣсколькихъ собратій, грубыхъ и закоснѣлыхъ солдатъ, произвела то, что меня называли въ баталіонѣ фармазономъ, такъ что начальство, подозрѣвая, не принадлежу ли я дѣйствительно къ массонскому обществу, нѣсколько разъ приказывало приводить меня подъ конвоемъ къ развернутому фронту баталіона и здѣсь, передъ аналоемъ съ лежащимъ на немъ евангеліемъ, священникъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукѣ, заставлялъ меня слагать крестное знаменіе, которое нѣсколько разъ поправлялось имъ и баталіоннымъ командиромъ, затѣмъ поднять правую руку съ этимъ знаменіемъ вверхъ и повторять за нимъ какъ можно громче, что «я клянусь не принадлежать болѣе ни къ какимъ массонскимъ ложамъ». Ясно, что клятвы эти нисколько не разъувѣряли солдатъ въ моемъ мнимомъ фармазонствѣ, а напротивъ каждый разъ въ нихъ укоренялось и увеличивалось какое-то непріязненное ко мнѣ отношеніе, ухудшавшее и безъ того незавидную мою долю, среди нихъ.

Потерявъ при такой необыкновенной строгости совершенно всякую надежду на улучшеніе участи, я впалъ въ уныніе и въ отчаяніи рѣшился на все... Физическія и нравственныя силы стали ослабѣвать. Опасаясь, что личность моя можетъ пострадать отъ наказанія, примѣнявшагося къ сотоварищамъ, привыкшимъ къ этому, я запасся кинжаломъ и ядомъ, доставъ послѣдній отъ фельдшера и носилъ и то, и другое, постоянно при себѣ съ твердымъ намѣреніемъ, что если буду наказанъ физически наравнѣ съ товарищами, поразить кинжаломъ виновнаго, а ядомъ прекратить свои невыносимыя страданія.

Въ такомъ отчаянномъ положеніи, близкій къ помѣшательству, преступленію или самоубійству, я былъ спасенъ и удержанъ отъ гибельнаго намѣренія незабвеннымъ другомъ моимъ — Алексѣемъ Веденяпинымъ. Это былъ декабристъ, лишенный офицерскаго званія съ выслугою. Къ моему счастью, онъ былъ сосланъ въ тотъ самый 5-й баталіонъ, въ которомъ томился и я. Страданія, лѣта и сходство характеровъ, соединили насъ узами неразрывной дружбы, но и тутъ злобный и ошибочный взглядъ людей нашелъ въ на-

шихъ отношеніяхъ небывалый вредъ. Насъ помѣстили на разныя квартиры и приставили къ обоимъ стражу, такъ что мы не могли имѣть между собою никакихъ сношеній, кромѣ баталіоннаго ученія, да въ учебной комнатѣ, гдѣ насъ однако же всегда разставляли въ разныхъ углахъ экзерциръ-гауза. Потребность обмѣна мыслей, чувствъ и желаній—указали на способъ къ свиданіямъ, и мы, сходясь съ величайшими предосторожностями, незамѣтно проводили время, дѣлясь дѣйствительностью и мечтами, и были счастливы и этимъ немногимъ.

Изучивъ въ совершенствѣ мой характеръ, Веденяпинъ упросилъ меня бросить ядъ и кинжалъ; дружба взяла верхъ — я покорился его желанію.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, много воды утекло, а Алексѣй, какъ половина души моей, всегда живетъ въ моихъ воспоминаніяхъ.

По высочайшему повелѣнію, Веденяпинъ вмѣстѣ съ своими сотоварищами: Бестужевымъ (извѣстнымъ въ литературѣ подъ псевдонимомъ Марлинскаго), Кожевниковымъ и Вишневскимъ, былъ переведенъ на Кавказъ, чтò сдѣлано съ цѣлью дать имъ возможность или отличиться и вновь занять подобающее положеніе, или же смертью загладить преступленія, въ которыя они были вовлечены. Въ Оренбургѣ они дожидались для совмѣстной отправки на Кавказъ еще двухъ товарищей изъ сибирскаго корпуса — Фока и Лаппа, а потому мы съ Веденяпинымъ имѣли возможность вести переписку черезъ киргизскую степь, и продолжали ее до прибытія отправляемыхъ въ Астрахань. Съ этого времени Веденяпинъ навсегда исчезъ для меня и я снова остался одинокимъ. Не стало того, кто совѣтами и утѣшеніями поддерживалъ меня нравственно, кто унесъ съ собою много отраднаго, еще живущаго въ моей душѣ!

Оставленный одинъ на произволъ судьбы, я снова вынужденъ былъ вести упорную борьбу съ невѣжествомъ и безнравственностью; не было уже человѣка, который заглянулъ бы въ мою душу и понялъ ежедневно испытываемыя мною пытки, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, судьбѣ угодно было утѣшить меня отдаленной надеждой.

Знаменитый естествоиспытатель Александръ фонъ-Гумбольдтъ, путешествовавшій въ то время по Россіи съ ученою цѣлью, вздумалъ осмотрѣть прорывъ Губерлинскихъ горъ рѣкою Ураломъ. Мнѣ было извѣстно, что онъ будетъ проѣзжать черезъ Верхнеуральскъ и слѣдовать по линіи до крѣпости Орской, а потому я постарался видѣться съ нимъ. Это послужило къ моему счастью. По прибытіи его въ Орскую крѣпость, я явился къ нему, и онъ, разспросивъ меня подробно о занятіяхъ естественными науками и о составленіи ботаническихъ, минералогическихъ и энтомологическихъ коллекцій, не мало удивился, найдя въ библіотекѣ моего товарища Вит-

кевича 18 томовъ своихъ сочиненій и узнавъ, что онъ занимается изученіемъ восточныхъ языковъ, которыхъ зналъ вмѣстѣ съ европейскими 19.

Провожая Гумбольдта на Губерлинскія горы, Витковичъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и открылъ ему свое намѣреніе перебраться черезъ Среднюю Азію въ англійскія колоніи вмѣстѣ со мною, причемъ я долженъ былъ слѣдовать за нимъ въ видѣ глухонѣмаго, по незванію восточныхъ языковъ. Для исполненія этого плана, въ киргизской степи были выставлены лошади; я былъ посвященъ въ планъ бѣгства, но не согласился на него и убѣдилъ Витковича оставить это намѣреніе, а съ терпѣніемъ дожидаться лучшей участи. Случай этотъ фонъ-Гумбольдтъ разсказываетъ, между прочимъ, въ своемъ «Путешествіи по Россіи».

По отъѣздѣ фонъ-Гумбольдта, чреда обыденной труженической жизни наступила снова. Прошло 5 мѣсяцевъ безъ всякаго ожиданія и надежды на улучшеніе участи; но внезапно въ Оренбургѣ получилось изъ С.-Петербурга распоряженіе, что я и Ивашкевичъ по высочайшему повелѣнію пожалованы въ унтеръ-офицеры, а Витковичъ, какъ знающій восточные языки, въ портупей-прапорщики, съ назначеніемъ состоять переводчикомъ при оренбургской пограничной коммисіи.

Прошло уже нѣсколько времени службы моей унтеръ-офицеромъ, какъ я, случайно, рискуя собой, спасъ жизнь протоіерея Андреева и его семейства во время происшедшаго ночью въ его домѣ пожара; хотя руки и лицо мое сильно обгорѣли и страданія отъ боли обжоговъ были едва выносимы, мнѣ удалось отстоять церковь. Протоіерей Андреевъ и все его семейство, въ порывѣ признательности за спасенную имъ жизнь, при всѣхъ бросились къ моимъ ногамъ, изъявляя мнѣ свою признательность; но обманчивая судьба только играла мною и надежда, едва вспыхнувъ обманчивымъ блескомъ, потухла въ самомъ началѣ: польскій мятежъ въ Варшавѣ уничтожилъ всѣ мои мечты. За мое самоотверженіе и человѣколюбивый подвигъ я былъ награжденъ вмѣсто званія офицера, на что̀ разсчитывалъ, только признательностью спасенныхъ. Въ то время военнымъ губернаторомъ былъ высокій добродѣтелью и рѣдкими качествами графъ Сухтеленъ, который распорядился объявить мнѣ, что похвальный мой поступокъ будетъ имѣть въ виду, но за смертью ничего не успѣлъ для меня сдѣлать.

Послѣ Сухтелена генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Перовскій.

Онъ скоро замѣтилъ Витковича и черезъ годъ произвелъ его въ первый офицерскій чинъ, еще черезъ годъ въ поручики и назначилъ старшимъ своимъ адъютантомъ. Въ это время быстрой служебной карьеры, Витковичъ сдѣлалъ путешествіе верхомъ черезъ Усть-Уртъ въ Хиву, а оттуда въ Бухарію, гдѣ его узналъ

бѣглый русскій рядовой, служившій у Хана поваромъ и выдалъ его. Обреченный на смерть, онъ спасся отъ предстоявшихъ ему мученій и смерти только благодаря чудесному случаю и ловкости преданнаго бухарца Шепулата, помогшаго ему спастись бѣгствомъ.

Туманы и чрезвычайно подвижные пески способствовали къ скрытію слѣдовъ побѣга. Преодолѣвъ необыкновенныя трудности въ пути и оставивъ въ одномъ мѣстѣ уже безполезныхъ при дальнѣйшемъ бѣгствѣ лошадей съ подрѣзанными жилами у заднихъ ногъ, вмѣстѣ съ платьемъ, оружіемъ, деньгами и вещами, и просидѣвъ сутки въ кустарникахъ саксаула, занесенныхъ пескомъ, онъ въ самомъ жалкомъ положеніи добрался до Оренбурга и составилъ возможно вѣрнѣйшую карту пути по необозримымъ Кайсакъ-киргизскимъ, Хивинскимъ и Бухарскимъ степямъ. Карта эта была представлена императору Николаю Павловичу, вслѣдствіе чего, будучи вызванъ въ С.-Петербургъ, Виткевичъ удостоился личнаго объясненія съ государемъ. Отсюда его отправили въ Тегеранъ въ распоряженіе нашего посольства.

На пути слѣдованія Виткевичъ посѣтилъ развалины послѣднихъ памятниковъ завоеваній Александра Македонскаго: Сузу и Персеполисъ. Въ письмахъ своихъ ко мнѣ, онъ, зная мою любовь къ исторіи, изъявлялъ сожалѣніе, что я не могъ вмѣстѣ съ нимъ осмотрѣть эти замѣчательные памятники великаго завоевателя.

Пробывши въ Тегеранѣ три года, онъ возвратился въ С.-Петербургъ и здѣсь неожиданно застрѣлился.

Тайна его самоубійства осталась неразгаданной, тѣмъ болѣе, что ничто повидимому не вынуждало его къ такому поступку. Между тѣмъ, Ивашкевичъ и я, прослужа 5 лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи, удостоились, наконецъ, производства въ офицерскіе чины; этотъ переворотъ въ моей судьбѣ чрезвычайно меня обрадовалъ. Наконецъ-то, думалъ я, страданія мои кончились; все, казалось, благопріятствовало мнѣ. Товарищи мои—офицеры и солдаты, относившіеся до сихъ поръ ко мнѣ крайне строго и презрительно, смотрѣли на меня уже иначе, а баталіонный командиръ полковникъ Битнеръ, человѣкъ добрый и справедливый, но крайне строгій и исполнительный по службѣ, всегда отдававшій мнѣ справедливость, взялъ меня къ себѣ адъютантомъ. Здѣсь наступилъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ моей жизни, неизгладимыми чертами запечатлѣвшійся въ моей памяти.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1839 года былъ предположенъ знаменитый хивинскій походъ и я съ баталіономъ былъ переведенъ въ Оренбургъ, гдѣ уже начинались приготовленія къ походу, въ который мы и выступили 15-го ноября того же года, пользуясь дорогой, изслѣдованной и нанесенной на карту, какъ я говорилъ уже, въ первый разъ Виткевичемъ.

Передъ выступленіемъ, всѣ войска были собраны за рѣкою Ураломъ, близь Оренбурга, составлено каре, отслуженъ молебенъ и прочтенъ всѣмъ высочайшій приказъ, которымъ экспедиціонный начальникъ генералъ-адъютантъ графъ Перовскій уполномочивался жаловать собственною властью чинами до маіора включительно и наказывать смертью.

Во время похода насъ сопровождали страшные бураны, вьюги и мятели, настолько сильные, что несмотря на принимаемыя предосторожности и на то, что колонны разставлялись на мѣстахъ ночлеговъ въ самыхъ близкихъ разстояніяхъ, мы не видали другъ друга. Военная дисциплина все время соблюдалась весьма строго и это иногда порождало недоразумѣнія и плачевныя ошибки; такъ, однажды рядовой, сбившись съ своего поста и попавъ по нечаянности и невозможности отыскать свою—въ другую колонну, былъ принятъ за дезертира и разстрѣлянъ.

Изъ похода этого въ моей памяти осталось нѣсколько особенно поразительныхъ случаевъ, о которыхъ я упомяну здѣсь, не вдаваясь въ подробности, въ немногихъ словахъ.

Близъ Эмбенской крѣпости, по причинѣ жестокихъ бурановъ и морозовъ, не дозволявшихъ намъ продолжать походъ, мы принуждены были стоять въ бездѣйствіи почти цѣлый мѣсяцъ и все это время продолжались холода на столько жестокіе, что часовые замерзали на своихъ постахъ и буквально обращались въ глыбы льда.

Взятыхъ проводниками при верблюдахъ киргизъ было съ нами до 1,000 человѣкъ; многіе изъ нихъ въ это жестокое и трудное время замерзли, а остальные, страшась холода и подобной же участи, не хотѣли продолжать путь, такъ что вынуждены были для примѣра двухъ изъ нихъ разстрѣлять. При исполненіи этой казни, бунтовщики-киргизы оказали необыкновенный азіатскій фанатизмъ и такое присутствіе духа и фаталистическое отношеніе къ жизни, что не дали даже привязать себя къ роковому столбу, не позволили завязать глазъ и до послѣдней минуты съ ожесточеніемъ продолжали уговаривать своихъ товарищей не повиноваться русскимъ. По разстрѣляніи зачинщиковъ, остальные киргизы смирились и пришли въ повиновеніе.

Предположено было срыть и очистить Акъ-Булакскую крѣпость, гдѣ въ это время находились поручики—Ѣздаковъ и Ерофеевъ съ ротою, 50 человѣками оренбургскихъ казаковъ и однимъ легкимъ орудіемъ; имъ велѣно было выпроводить больныхъ изъ Акъ-Булака въ Эмбенскую крѣпость. При самомъ выходѣ изъ крѣпостныхъ воротъ, ихъ внезапно окружили верховые хивинцы въ количествѣ до 7,000 человѣкъ.

Команда не успѣла еще стянуться и постоить каре, какъ 40 верблюдовъ, навьюченныхъ провіантомъ, одинъ рядовой и поручикъ Ѣздаковъ были схвачены; послѣдняго долго тащили по землѣ

наброшеннымъ на шею арканомъ два верховые хивинца и, только благодаря одному рядовому, который успѣлъ убить наѣздниковъ, поручикъ Ѣздаковъ успѣлъ освободиться отъ душившаго его аркана и позорной участи, ожидавшей его, но рядовой палъ жертвою геройскаго самоотверженія: трудно было бы изобразить перенесенныя имъ неистовства хивинцевъ, долго мучившихъ и, наконецъ, изжарившихъ его на медленномъ огнѣ.

Поручикъ Ерофеевъ, свидѣтель этой варварской сцены, совершавшейся на его глазахъ, до того былъ пораженъ ужасомъ, что не въ состояніи былъ командовать, почему обязанность эту приняли на себя рядовые изъ ссыльныхъ Бѣльчинскій и Павловскій и сформировавъ кое-какъ каре, прогнали хивинцевъ, отбивъ обратно захваченныхъ ими верблюдовъ. Уронъ нашъ оказался незначительный.

За свой подвигъ рядовые Бѣльчинскій и Павловскій произведены въ офицеры, поручикъ Ерофеевъ въ чинъ капитана и пожалованъ орденомъ св. Владиміра съ бантомъ, а рядовые и казаки, въ числѣ 23 человѣкъ, награждены георгіевскими крестами.

Съ величайшими затрудненіями достигли мы наконецъ Усть-Урта, но здѣсь дальнѣйшее наше движеніе остановилось за жестокими морозами, доходившими до 40°. Снѣжная и буранная зима разстроила всѣ планы, и мы вынуждены были вернуться, не достигнувъ цѣли похода. Число войскъ, доходившихъ до 8½ тысячъ, начало быстро уменьшаться. Вслѣдъ за людьми начали падать и животныя: верблюды, до 12 тысячъ, крайне полезные въ настоящемъ степномъ походѣ, вѣрно служившіе намъ до сихъ поръ; лошади, которыхъ насчитывалось до 19 тысячъ, частью подъ провозомъ провіанта до временныхъ крѣпостей: Эмбы и Акъ-Булака,— падали одни за другими. Много мѣшковъ съ мукой и другими припасами и провіантомъ зарыты были въ этотъ походъ въ снѣгахъ степей. Однимъ словомъ, несчастья одни за другими преслѣдовали насъ съ самаго выступленія и до конца похода, прерваннаго только необходимостью. Несчастья эти были такъ сильны, такъ неотразимы и такъ всецѣло занимали мысли графа Перовскаго, что часто, сидя въ глубокой задумчивости въ палаткѣ, съ склоненной на руки головою, онъ не слыхалъ доклада адъютантовъ о томъ, что расчищенный впереди солдатами отъ снѣга путь, занесенъ снова, или другое въ подобномъ родѣ.

Во все время похода я командовалъ 2 ротою 5 линейнаго баталіона, состоявшею изъ 284 человѣкъ съ нестроевыми. Въ Акъ-Булакской крѣпости мною былъ полученъ приказъ взять на походѣ съ ротою, въ которой осталось только 165 человѣкъ, съ 50 оренбургскими казаками и однимъ легкимъ орудіемъ съ прислугою,—187 больныхъ, страдавшихъ сильно цингою и разслабленіемъ желудка. По данному маршруту, я долженъ былъ сдать ихъ въ Эмбенской крѣпости, употребивъ на переходъ 16 дней на разстоя-

нія 160 верстъ и послѣ этого снова вернуться въ Акъ-Булакъ. Прошло много лѣтъ со времени этого порученія, но воспоминаніе объ этомъ переходѣ такъ свѣжо и отчетливо въ моей памяти, что и до сихъ поръ замираетъ сердце отъ ужаса. Стоны, вопли умирающихъ и больныхъ, томящихся въ предсмертныхъ мукахъ раздаются еще въ моихъ ушахъ. Быть свидѣтелемъ и видѣть невыносимыя страданія людей, не имѣя никакой возможности помочь—ужасно! Но натура человѣческая привыкаетъ ко всему. Съ ужасомъ и тоскою должно было равнодушно смотрѣть, какъ страдальцы, безпомощные больные томились и умирали, умоляя раздирающимъ сердце голосомъ о помощи, или прощались съ нами и съ своими отсутствующими семействами. Не было никакой возможности ни пособить имъ, ни облегчить ихъ страданія. Чтобы не потерять въ снѣговой пустынѣ и остальныхъ живыхъ и здоровыхъ людей, оставалось одно спасеніе—ускорить на сколько возможно переходъ. Буранъ закрывалъ все — мы не видѣли другъ друга; вой волковъ, степныхъ лисицъ, стоны верблюдовъ, крики часовыхъ, говоръ живыхъ людей, смѣшанный съ предсмертными стонами умирающихъ — возмущали, раздирали душу. Сцены эти продолжались 9 сутокъ, въ теченіе которыхъ я ускореннымъ маршемъ прибылъ съ больными въ Эмбенскую крѣпость; изъ 180 человѣкъ ихъ осталось въ живыхъ только трое; изъ роты моей потерявшихся или замерзшихъ въ пути—погибло 17 человѣкъ, 14 казаковъ и 3 артиллериста. Конечно, за такой подвигъ и самовольное сокращеніе маршрута, я долженъ былъ подвергнуться разстрѣлянію, каковые примѣры уже были, но особенное снисхожденіе ко мнѣ дивизіоннаго начальника, генералъ-лейтенанта Толмачева, который, цѣня мою ревностную и усердную службу, обращалъ на меня особенное вниманіе,—спасло меня. Онъ вполнѣ понялъ, что мое самовольное сокращеніе маршрута было единственнымъ способомъ спасенія отъ смерти остальныхъ живыхъ и здоровыхъ. Я былъ оправданъ.

Наступилъ мартъ мѣсяцъ. Снѣгъ таялъ, но морозы и бураны мало уменьшились, такъ что еще 20-го марта мы теряли людей, отлучавшихся за 50 саж. отъ лагеря, который они, за сильными мятелями и вьюгами, не могли найти при возвращеніи въ него. Въ началѣ апрѣля, 2-й колоннѣ, гдѣ находилась моя рота, приказано было перейдти лагеремъ на рѣку Эмбу при устьѣ рѣки Атъ-Джаксы, гдѣ уже размѣстились остальныя колонны. Казалось — тепло, покойно, съѣстныхъ припасовъ много — все обезпечивало жизнь и здоровье,—но, несмотря на это, между людьми начала распространяться жестокая цынга и страшно опустошала наши ряды. Составъ войска быстро уменьшался. Сняться съ лагеря и идти въ Оренбургъ не было никакой возможности: всѣ верблюды и лошади пали; пришлось дожидаться изъ Оренбурга быковъ, которые и

явились къ намъ только въ началѣ мая. Колонны двинулись въ Оренбургъ подъ командою генералъ-лейтенанта Толмачева. Извѣстный по своей храбрости, предусмотрительности, дѣятельности по службѣ и строгости военной дисциплины, Толмачевъ назначилъ меня командиромъ летучаго отряда, обязаннаго цѣлыми сутками опережать на маршѣ колонны. Несмотря на всѣ трудности, я благополучно исполнилъ эту командировку.

Въ Оренбургъ мы прибыли 8-го іюля 1840 года въ составѣ 1500 чечеловѣкъ, изъ которыхъ половина тотчасъ же отправилась въ военный госпиталь. По возвращеніи, мнѣ предписано было всѣ вещи и запасы, оставшіеся отъ похода, съ вѣрностью и точностью сдать по назначенію; за походъ я былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й степени, монаршимъ благоволеніемъ и 70 рублями изъ оставшихся экспедиціонныхъ суммъ. Здѣсь меня прикомандировали въ помощь полиціймейстеру Оренбурга для предупрежденія пожаровъ въ 1-мъ и 2-мъ кварталахъ. Эта трудная обязанность, недававшая мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью, исполнялась мною однакоже довольно удачно,—въ моихъ кварталахъ пожаровъ не случалось. Въ октябрѣ мѣсяцѣ мнѣ было предписано немедленно отправиться въ г. Мензелинскъ военнымъ пріемщикомъ рекрутъ, которыхъ я и принялъ около 900 человѣкъ и получилъ отъ оренбургскаго генералъ-губернатора за точное и добросовѣстное исполненіе командировки благодарность, объявленную по корпусу. Въ Оренбургѣ въ это время за отсутствіемъ генералъ-губернатора, должность его исправлялъ генералъ-лейтенантъ Толмачевъ, который по возвращеніи моемъ изъ особенной благосклонности и вниманія, назначилъ меня для отличія по службѣ на Кавказъ, но къ несчастью разстроенное хивинскимъ походомъ здоровье недозволило мнѣ воспользоваться столь лестнымъ и полезнымъ въ отношеніи служебной карьеры вниманіемъ, за чтò пришлось попасть въ немилость и тогда же получить строгое приказаніе отправиться въ Илецкую защиту и принять тамъ въ завѣдываніе 2 роты, впредь до назначенія штабъ-офицера. Немилость сердечно-уважаемаго мною начальника смягчилась для меня въ томъ отношеніи, что въ Илецкѣ я нашолъ прекрасное общество; но пребываніе мое тамъ продолжалось недолго; вскорѣ мною получено было новое предписаніе принять 800 четвертей сухарей отъ коменданта Илецкой защиты, полковника Поплавскаго, для предположеннаго шестимѣсячнаго степнаго похода. По исполненіи этого порученія, я 27-го марта 1841 года просилъ съ летучею почтой дозволенія явиться къ генералу Толмачеву для личныхъ объясненій, чтò онъ и дозволилъ. При этомъ объясненіи я просилъ у него отпуска на 15 дней, которымъ до сихъ поръ не пользовался еще ни разу во все время службы; хотя не безъ труда, но онъ согласился и тутъ же объявилъ мнѣ, что я назначенъ въ степь съ командою въ 120 человѣкъ рядовыхъ въ составъ

отряда для прикрытія 4 орудій подъ командою полковника генеральнаго штаба Бларамберга, который какъ не воинъ, а ученый человѣкъ, нуждался въ опытномъ офицерѣ, уже бывавшемъ въ степныхъ походахъ. Приказаніе это, не смотря на разстроенное предъидущимъ походомъ здоровье, я принялъ съ удовольствіемъ.

Пользуясь отпускомъ, я рѣшился на важный шагъ: одинокая и скитальческая жизнь крайне надоѣла мнѣ, и я, задумавъ жениться, отправился въ Бирскій уѣздъ (нынѣ Уфимской губерніи) въ сельцо Алексѣевку, гдѣ помолвилъ невѣсту, дочь мѣстнаго помѣщика Лукина.

Возвратясь въ Оренбургъ, я получилъ приказаніе немедленно явиться съ ввѣренной мнѣ командой къ отрядному начальнику Бларамбергу. 15-го мая мы выступили въ степь. Отрядъ, въ которомъ находился я, долженъ былъ провожать хивинскую и бухарскую миссіи; хивинскую на устье рѣки Сыръ-Дарьи къ урочищу Камышъ-Тубашъ, а бухарскую,—придерживаясь лѣваго берега Сыръ-Дарьи, на ея верховья, къ древнему азіатскому кладбищу Милибашъ. И устье Сыръ-Дарьи, и кладбище Милибашъ невольно привлекали къ себѣ вниманіе прелестными видами, любопытными по новизнѣ, а такъ же и по особенной флорѣ и фаунѣ, заинтересовавшими меня въ научномъ отношеніи.

Переправивши черезъ Сыръ-Дарью обѣ миссіи, мы хотѣли осмотрѣть свинцовыя руды, находящіяся въ изобиліи въ киргизской степи, но приближающаяся осень помѣшала нашему намѣренію и мы поспѣшили возвратиться въ предѣлы Россіи, по маршруту на Орскую крѣпость. Въ походѣ этомъ смертности у насъ не было, хотя приходилось выносить до 57° жара на открытомъ воздухѣ въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Барсуки, песчаной и безводной, прилегающей къ берегамъ рѣки Сыръ-Дарьи. Въ вожакахъ мы не нуждались: намъ указывали дорогу груды костей людей и животныхъ, оставшихся отъ хивинской экспедиціи. За Аманджерскими горами мы поворотили на устьѣ Сыръ-Дарьи степью, еще намъ неизвѣстной.

Какъ въ хивинской экспедиціи, такъ и въ этой, путешествовалъ извѣстный натуралистъ Лиманъ, которому я способствовалъ въ сборѣ растеній и въ составленіи коллекцій насѣкомыхъ. Между прочимъ намъ удалось добыть двухъ хамелеоновъ, но къ неудовольствію нашему, по опущеніи ихъ въ спиртъ, замѣчательная игра и переливы красокъ ихъ кожи у живыхъ, совершенно исчезла и кожа обезцвѣтилась.

Въ Орской крѣпости отрядъ нашъ раздѣлился: кайсакъ-киргизы подъ командою правителя или султана Средней орды, генерала Баймухамета [1]), были распущены по своимъ ауламъ, Ураль-

[1]) Сынъ хана Малой орды Айчувака, утвержденъ султаномъ въ 1839 году,

скій казачій полкъ возвратился въ Уральскъ, артиллерія съ снарядами и прочими принадлежностями бывшаго отряда передана въ мое завѣдываніе.

По прибытіи въ Оренбургъ, я былъ награжденъ за походъ, по высочайшему повелѣнію, годовымъ окладомъ жалованья въ размѣрѣ 230 р. с. и, сдавъ 18-го сентября команду, получилъ отпускъ, которымъ и воспользовался, чтобы жениться. Послѣ женитьбы меня прикомандировали къ Уфимскому баталіону съ назначеніемъ ротнымъ командиромъ. Здѣсь моя дѣятельность ознаменовалась тѣмъ, что при новомъ устройствѣ казармъ, мнѣ первому предписано было перемѣститься туда съ ротою и устроить хозяйственно-экономическій порядокъ, который и былъ введенъ впослѣдствіи. Между прочими многочисленными порученіями военнаго начальства, я былъ постояннымъ военнымъ пріемщикомъ вмѣсто баталіоннаго командира въ губернскомъ рекрутскомъ присутствіи. При этихъ и другихъ по службѣ многосложныхъ занятіяхъ и непосильныхъ трудахъ, здоровье мое совершенно разстроилось, такъ что, имѣя въ виду хозяйственныя занятія въ маленькомъ имѣніи жены моей и заслуженную пенсію въ размѣрѣ двухъ третей получаемаго жалованья, я принялъ намѣреніе проситься въ отставку, но прошеніе мое было возвращено баталіонному командиру съ тѣмъ, чтобы онъ убѣдилъ меня остаться на службѣ. Болѣзнь моя не позволила воспользоваться этимъ лестнымъ предложеніемъ, тѣмъ болѣе, что надежда отдохнуть и пожить на свободѣ послѣ столькихъ трудовъ и испытаній,—обольщала меня. Я вышелъ въ отставку и поселился въ 30 верстахъ отъ уѣзднаго города Бирска, въ небольшой деревушкѣ Алексѣевкѣ—родинѣ жены моей, а впослѣдствіи и всѣхъ моихъ дѣтей. Но терпѣніе мое еще продолжало подвергаться испытаніямъ: вмѣсто слѣдовавшей мнѣ пенсіи я былъ отданъ подъ присмотръ полиціи, подъ опекою которой съ прискорбіемъ находился цѣлыхъ

онъ много дѣлалъ услугъ русскому правительству: выкупалъ плѣнниковъ, возвращалъ захваченный ордынцами скотъ, удерживалъ киргизъ отъ хищническихъ набѣговъ, всегда содѣйствовалъ къ снаряженію отправляемыхъ по волѣ правительства съ оренбургской линіи въ киргизскую степь для ученыхъ цѣлей военныхъ отрядовъ и лично участвовалъ въ трудномъ походѣ хивинской экспедиціи. Пользовался любовью и привязанностью ордынцевъ въ такой степени, что они называли его Бай-ака, т. е. добрый отецъ. Въ началѣ 1847 г. по дѣламъ ввѣренныхъ ему ордынцевъ, онъ былъ въ С.-Петербургѣ со свитою въ 12 человѣкъ и между прочимъ посѣщалъ изъ любопытства публичныя и учебныя заведенія. Передъ выѣздомъ изъ С.-Петербурга всѣ состоящіе въ его свитѣ получили щедрыя награды, а самъ онъ удостоился производства въ чинъ генералъ-маіора, какою милостью до него не пользовался ни одинъ изъ зауральскихъ султановъ. При возвратномъ пути, переправляясь близъ Затоннаго форпоста на нарочно устроенномъ по его приказанію изъ плетня на двухъ лодкахъ паромѣ, онъ, въ виду аула, 28 марта со всѣми бывшими при немъ утонулъ на 57 году своей славной жизни.

6 лѣтъ. Съ теченіемъ времени жизненныя потребности увеличивались съ рожденіемъ дѣтей, требовавшихъ воспитанія, открылась нужда въ средствахъ и вотъ послѣ двадцатилѣтней военной службы все мое вниманіе и заботы сосредоточились на устройствѣ небольшаго клочка земли въ 580 дес. съ 28 ревизскими душами, принадлежащими моей женѣ. Занятіе это въ опустѣломъ и совершенно заброшенномъ мѣстечкѣ было для меня ново и пріятно; хлѣбопашество, скотоводство и поташевареніе составили мой главный трудъ. Здѣсь, казалось мнѣ, я попалъ среди дикарей, инородцевъ, черемисъ, почти первобытныхъ дѣтей природы и полюбилъ ихъ.

Видя мои хозяйственныя нововведенія, черемисы сначала съ удивленіемъ присматривались къ нимъ, потомъ понемногу начали перенимать и примѣнять ихъ къ своему хозяйству и, въ концѣ концовъ, получили полное довѣріе ко мнѣ, такъ что нерѣдко являлись за совѣтами въ своихъ домашнихъ дѣлахъ и семейныхъ непріятностяхъ. Я свыкся съ простотою сельской жизни и привязался къ своему дикому, уединенному пріюту.

Дѣла мои шли удачно — я былъ счастливъ, покоенъ и, по совѣту добраго друга, ксендза Зеленки, извѣстнаго въ Оренбургскомъ краѣ своимъ благородствомъ, человѣколюбивыми поступками и образованностью, рѣшился хлопотать о пенсіи. По ходатайству военнаго министра князя А. И. Чернышева, по случаю юбилея 25-ти-лѣтняго царствованія государя императора Николая Павловича, когда послѣдовало прощеніе всѣхъ принадлежавшихъ къ тайнымъ обществамъ до 1826 года, я удостоенъ былъ заслуженной пенсіи въ 163 руб. 37 коп. въ годъ. Въ то же время я былъ неожиданно обрадованъ и тронутъ до глубины души извѣстіемъ о незабвенномъ другѣ моемъ Алексѣѣ Веденяпинѣ, который, какъ я узналъ, былъ на Кавказѣ раненъ, получилъ чинъ 14 класса и принятъ и обласканъ извѣстнымъ министромъ Дашковымъ, подъ кровомъ котораго онъ впослѣдствіи женился, жилъ и перешолъ въ вѣчность, оставивъ на рукахъ своего высокаго покровителя двухъ сыновей и дочь, которымъ Дашковъ далъ воспитаніе. И, вотъ, одинъ изъ сыновей Веденяпина, бывшій въ Оренбургской губерніи для пользованія кумысомъ, на возвратномъ пути въ С.-Петербургъ, желалъ видѣться со мной, но желаніе его не сбылось—онъ нашелъ только моего сына въ уфимской гимназіи и обнялъ его вмѣсто меня, какъ друга.

Черезъ нѣсколько времени судьбѣ угодно было дать другое направленіе моей покойной и отрадной жизни. Внезапно домъ мой въ деревнѣ, такъ удобно и хорошо мною устроенный, сгорѣлъ во время моего отсутствія, какъ я предполагаю, отъ поджога. Но это еще не все. Весеннею водою снесло мельницу, приносившую порядочный доходъ и совершенно уничтожило плотину. Раззорившись отъ такихъ неожиданныхъ и жестокихъ потерь, мнѣ по необходимости

пришлось вновь поступить на службу, но уже по гражданскому вѣдомству, не имѣя къ ней призванія. Перемѣнивъ военный чинъ поручика на соотвѣтственный гражданскій, я получилъ мѣсто городничаго въ г. Бирскѣ, но, по стеченію разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не могъ тамъ долго оставаться и, имѣя въ виду непрочность своего положенія въ случаѣ назначенія на это мѣсто кого-либо комитетомъ о раненыхъ, просилъ увольненія и, получивъ его, снова удалился въ свой завѣтный, пустынный уголокъ къ любимымъ дикарямъ, простымъ и безхитростнымъ дѣтямъ природы. Началась снова трудовая жизнь; все приходилось начинать снова, хотя силы и энергія уже замѣтно измѣняли мнѣ. Чтобы устроить какъ-нибудь пріютъ для семейства и начать вновь хозяйство, я, собравъ все, что̀ было нажито честнымъ трудомъ, снова занялся постройкою дома, мельницы и домашнихъ заведеній. Дѣла, выключая нѣкоторыхъ семейныхъ лишеній и огорченій, въ началѣ пошли очень удачно. Торговля хлѣбомъ и увеличеніе посѣвовъ помогли мнѣ; я отдохнулъ, жизнь снова пошла спокойною чредой. Въ 1861 году, съ самаго введенія въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ 19-го февраля, я удостоился назначенія мировымъ посредникомъ и, по мѣрѣ силъ, старался быть полезнымъ правительству и обществу, имѣя главною цѣлью устроивать все миролюбиво между помѣщиками и крестьянами, что̀ и удавалось мнѣ. При переходномъ состояніи крестьянъ удѣльныхъ, государственныхъ и башкиръ, случались частыя затрудненія, но, живя много лѣтъ между народомъ, я успѣлъ узнать и вникнуть въ его характеръ настолько, что преодолѣвалъ всѣ затрудненія. Выкупные платежи, подати, недоимки, натуральныя повинности и улучшеніе на сколько возможно крестьянскаго быта—шло удачно; меня утѣшало въ особенности то, что я видѣлъ отъ многихъ изъ этихъ грубыхъ людей искреннюю къ себѣ признательность. Во многихъ удѣльныхъ и временно-обязанныхъ селеніяхъ я открылъ школы для мальчиковъ и дѣвочекъ и далъ имъ прочное основаніе. Уже и этого одного было для меня достаточно. Прослужа въ должности посредника почти 6 лѣтъ, я утѣшался тѣмъ, что время мною потрачено не даромъ. Но горькій опытъ уже научилъ меня, что въ мірѣ ничего нѣтъ прочнаго! И дѣйствительно, спокойствіе, такъ необходимое въ моихъ преклонныхъ лѣтахъ, нарушилось интригами составившейся противъ меня партіи, всѣми мѣрами старавшейся вредить мнѣ изъ какихъ-то особыхъ видовъ и цѣлей въ глазахъ правительства доносами и клеветами, хотя совѣсть моя была чиста, а жизнь безукоризненна. Начались снова тяжкія испытанія и хотя я твердъ въ душѣ, но силы уже измѣняютъ мнѣ.

Въ 1866 году 23-го декабря, внезапный пожаръ отъ неизвѣстной причины уничтожилъ до основанія мукомольную мельницу съ запасомъ хлѣба. Эта потеря страшно поразила меня. Но это еще

не все—къ потерямъ матеріальнымъ присоединились и муки нравственныя.

Въ 1867 году 18-го января, получено мною отъ г. начальника губерніи увѣдомленіе, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ, по сношенію съ шефомъ жандармовъ, нашолъ необходимымъ временно удалить меня отъ занимаемой мною должности мироваго посредника съ прекращеніемъ пенсіи. Провѣряя всю мою службу, всю мою жизнь, я не вижу ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ, ни одного проступка, который могъ бы подвергнуть меня такому тяжолому наказанію, запятнавшему не только ревностную и труженническую 30-ти-лѣтнюю мою службу, но и мою фамилію. Соображая всѣ мои поступки, я не постигаю причины такого ужаснаго случая. Мысли мои останавливаются на моемъ происхожденіи... Но я 42 года проживаю въ восточной части Европейской Россіи. Жизнь моя чиста, безукоризненна! Безвыѣздно живя въ Бирскомъ уѣздѣ 23 года, я имѣлъ друзей, но и враговъ себѣ нажилъ: обязанность мироваго посредника давала мнѣ возможность и случаи преслѣдовать низость, лихоимство и грязные поступки; къ этому присоединились нѣкоторыя родственныя ссоры, породившія непріязненныя ко мнѣ отношенія нѣкоторыхъ; не имѣя возможности повредить мнѣ ничѣмъ здѣсь, они употребили низкую клевету предъ правительствомъ...

На этомъ записки ссыльнаго А. С. Песляка прерываются. Неожиданная смерть, заставшая его среди любимаго семейства, не позволила ему дождаться при жизни полнаго оправданія отъ нелѣпыхъ подозрѣній, наброшенныхъ на него враждебной ему партіей. Смерть А. С. заставила прекратить клевету и преслѣдованіе злобствовавшихъ, не пощадившихъ ни сѣдинъ, ни 30-ти-лѣтнихъ трудовъ на пользу отечества престарѣлаго страдальца.

Послѣ А. С. Песляка осталось много рукописей, замѣтокъ, коллекцій минераловъ и проч. Время быть можетъ выдвинетъ на свѣтъ Божій и эти остатки.

М. В. Лоссіевскій.

ЗАТЕРЯННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА [1].

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

Мелочи и отрывки.

I.

ѢТЪ, я не измѣнялъ родной странѣ,
Своихъ отцовъ достоинъ я вполнѣ
И—походить на васъ нисколько не желаю—
На костыляхъ чужихъ, какъ вы, не ковыляю.

II.

Не потому-ль, что стыдъ за васъ мнѣ щёки жжётъ,
Что звонъ цѣпей мнѣ слуха не ласкаетъ,
Что блескъ штыковъ меня не привлекаетъ,
Кричите вы, что я не патріотъ?

---

[1]) Странно, горькой ироніей звучатъ для русскаго уха эти слова: «стихотворенія Лермонтова въ переводѣ съ нѣмецкаго». Однако, случай или небрежность тѣхъ, въ чьи руки попали бумаги и рукописи автора «Героя нашего времени», привели къ тому, что съ нѣкоторыми изъ посмертныхъ стихотвореній знаменитаго поэта приходится знакомиться только по переводу ихъ на языкъ Шиллера и Гёте. Но лучше что̀ нибудь, чѣмъ ничего, и для насъ должны быть интересны и дороги поэтическія переводы затерянныхъ стихотвореній Лермонтова. Его блестящую и такъ безвременно порванную дѣятельность вообще можно сравнить съ замѣчательной геніальной книгой, отъ которой уцѣлѣлъ одинъ только первый томъ, а всѣ остальные томы сгорѣли или пропали безслѣдно. Отъ

III.

Не потому-ль, что я не старовѣръ, что въ жилахъ
Кровь у меня кипитъ и я стремлюсь впередъ,
Вы утверждаете, что я не патріотъ
И край родной любить и понимать не въ силахъ?

IV.

Можетъ быть, они и правы: тутъ самъ бѣсъ собьется съ толку.
Тотъ у насъ идетъ быстрѣе, кто всегда назадъ ползетъ
И своей достигнетъ цѣли, не замѣтно, въ тихомолку,
Между тѣмъ я въ это время только двинулся впередъ.

V.

Глаза и ноги Богъ мнѣ даровалъ; когда-жъ
Хотѣлъ я сдѣлать шагъ; испытывая зрѣнье,
Хотѣлъ взглянуть вокругъ на міръ печальный нашъ—
Ждала меня тюрьма за это преступленье.

VI.

Языкъ мой—Божій даръ, но я заговорилъ.
И что-то вдругъ сдавило мнѣ дыханье,
О, странный край! здѣсь разумъ нуженъ былъ
Всегда для глупости, языкъ же—для молчанья.

нихъ остались одни только отрывки, одни «эпиграфы невѣдомыхъ твореній», а потому для насъ драгоцѣнно и то, что̀ уцѣлѣло отъ этихъ отрывковъ даже въ пересказѣ иностраннаго стихотворца-переводчика Боденштедта.

Имя, плодотворная дѣятельность послѣдняго и его добросовѣстные и очень близкіе къ подлиннику переводы «Евгенія Онѣгина» Пушкина и нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ поэмъ Лермонтова могутъ служить достаточнымъ ручательствомъ въ близости его переводовъ и тѣхъ затерянныхъ стихотвореній Лермонтова, которые вошли въ книгу Боденштедта: „Michail Lermontoff's poetischer Nachlass, zum Ersten mal in den Versmassen der Urschrift aus dem Russischen übersetzt und mit einem biographich-kritischen Schlussworte versehen von Friedrich Bodenstedt, 1—2 Bde. Berlin, 1882“.

Фридрихъ Мартинъ Боденштедтъ, извѣстный нѣмецкій писатель и поэтъ, зналъ основательно русскій языкъ и самъ жилъ въ сороковыхъ годахъ на Кавказѣ. Генералъ Нейгардтъ пригласилъ его въ Тифлисъ и Боденштедтъ въ теченіи года былъ въ Тифлисѣ учителемъ въ педагогическомъ институтѣ. На Кавказѣ же Боденштедтъ лично познакомился съ Лермонтовымъ въ послѣдній годъ его жизни въ концѣ 1840 года и, какъ видно, пользовался для своихъ переводовъ нѣкоторыми его стихотвореніями съ рукописи. Рукописи эти, нужно думать, затерялись, но переводъ неизвѣстныхъ намъ XIX стихотворныхъ пьесъ, мы находимъ въ вышеприведенной книгѣ Боденштедта и въ свой чередъ считаемъ далеко не лишнимъ перевести ихъ русскими стихами. Въ книгѣ Боденштедта онѣ раздѣлены на двѣ группы и носятъ названіе: „Kleine Betrachtungen“ и „Kleine Einfälle und Ausfälle“.

VII.

Они меня за то терзали безъ пощады,
Что я осмѣлился свободно размышлять,
И закидать меня камнями были рады
За то, что мысль свою я не умѣлъ скрывать.
Когда же пѣлъ со скорбью гражданина,
Я пѣсни, полныя и правды, и огня—
Заставить не могли они молчать меня,—
И вотъ ихъ бѣшенства безсильнаго причина!

VIII.

Всегда я чувствовалъ къ вамъ полное презрѣнье,
Названіемъ ословъ клеймилъ васъ, шельмовалъ
И-вы же у меня просили извиненья
Въ томъ, что я васъ ослами величалъ.
Когда я въ обществѣ блисталъ, вы съ малолѣтства
Льстецы, позоръ которымъ не въ позоръ,
Употребляли все искусство и всѣ средства,
Чтобъ мнѣ понравиться, поймать одинъ мой взоръ.
Теперь совсѣмъ не то. Вы въ силѣ и въ почетѣ,
Въ блестящихъ орденахъ; у васъ и видъ иной
И вы уже меня въ толпѣ не узнаете,
Хоть пресмыкались такъ недавно предо мной.

IX.

Какъ измѣнились времена!
Вы были горе-люди,
Была гибка у васъ спина,
А нынче звѣзды, ордена
Покрыли ваши груди.
Идите мимо, господа,
Васъ не желаю никогда
Встрѣчать, по крайней мѣрѣ...
Меня избавьте отъ труда
Васъ вышвырнуть за двери.

X.

Ни вашимъ чинамъ, ни крестамъ, не завидую.
Ни вашей холопской спинѣ,
И сходство съ такими людьми я обидою
Позорной считалъ бы вполнѣ.

Ликуйте! подобный порядокъ является
Не новымъ. Весь міръ исходи:
Все то, что въ груди одного сохраняется,
То носитъ другой на груди.

XI.

Пусть обвинятъ меня и предадутъ суду,
Молчаніемъ однимъ отвѣчу на вражду...
Оправдывать себя — какое униженье!
Одно могу сказать передъ лицемъ суда,
Что съ низкими людьми неладилъ никогда
И не былъ пошлякомъ ни одного мгновенья.

XII.

Вы отняли все у меня, что имѣлъ я, но силы
И гордости вамъ не отнять у меня до могилы;
Какъ жилъ я, такимъ и умру —
Мелькая, какъ тѣни, какъ грезы капризной видѣнья,
Идутъ, чередуясь, одно за другимъ, поколѣнья
И смѣна такая къ добру.

* * *

Пройдете и вы и займутъ ваше мѣсто другіе;
Ихъ кровь будетъ чище, разумнѣй дѣянья благія.
Тогда на житейскомъ пиру
Поймутъ меня люди и будетъ для каждаго ново
И памятно долго мое позабытое слово:
Оно прозвучало къ добру.

XIII.

Также ясны глаза мои были,
Какъ и очи твои, что глядятъ на меня такъ блаженно,
Горячо было сердце мое, но его постепенно,
День за днемъ навсегда охладили.
Дорогихъ, лучшихъ благъ я лишился
И людскую неправду привыкъ понимать и предвидѣть...
Я у неба любить научился,
А поживши съ людьми, научился людей ненавидѣть.

XIV.

Какъ пылко въ прошлые года
Все то любилъ я, что̀ прекрасно,

И пѣсни звучныя тогда
Изъ сердца вырывались страстно;
Съ житейскимъ зломъ вступилъ я въ бой
Безтрепетно съ сознаньемъ права,
А вы, довольные собой,
Смѣялись надо мной лукаво.
Разбивши лиру у пѣвца,
Меня свободы вы лишили,
Въ тюрьмѣ терзая безъ конца
Чело сѣдинами покрыли;
Тогда-то я привыкъ молчать,
Ушелъ въ себя, въ свои сомнѣнья,
И сталъ къ вамъ ненависть питать
И безграничное презрѣнье.
Какъ соглядатаи, вполнѣ
Своей вы достигали цѣли
Но этимъ возбудить во мнѣ,
Лишь отвращеніе съумѣли.

XV.

Довольно было слова одного,
Раскаянья единственнаго слова,
Чтобъ съ прежней благосклонностью ко мнѣ,
Враги мои, вы относились снова;
Но я скорѣй сгнію въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ,
Чѣмъ вамъ, мои гонители, въ угоду
Смиренно слово выскажу одно,
Чтобъ ложью воротить себѣ свободу.

XVI.

Безъ вины я страдалъ безконечно
И свободою брежу теперь;
Но пусть лучше тюремная дверь
Въ заперти стережетъ меня вѣчно,
Чѣмъ стоять, господа, съ вами мнѣ
Въ шутовствѣ и во лжи наравнѣ.

XVII.

Заключеннаго въ тюрьму
Вы жалѣете. Къ чему?
Вѣдь для всѣхъ людей безспорно
Жизнь всегда тюрьмой была:
Лишь у васъ тюрьма просторна
А моя тюрьма — мала.

XVIII.

Мнѣ сожалѣнія не нужно и къ словамъ
Участія я глухъ; тая свои страданья,
Я ваши радости всѣ оставляю вамъ
И вамъ дарю я ваше состраданье.

XIX.

Съ шумомъ дождь струится,
Слышенъ грохотъ грома,
И спѣшатъ укрыться
Всѣ подъ кровлей дома.
Мнѣ же для простора
Нуженъ свѣтъ раздольный:
Я изъ подъ затвора
Рвусь на воздухъ вольный.

* * *

Жадно рвусь на волю
И за гнетъ суровый
Проклинаю долю
Узника, готовый,
Какъ былинка, сгинуть
Подъ грозою въ полѣ,
Только-бы мнѣ вынуть
Жребій: — быть на волѣ!

Димитрій Минаевъ.

ВЫГОРѢЦКІЕ СОВРАТИТЕЛИ.

Черты изъ быта и новые факты изъ исторіи поморскихъ раскольниковъ.

I.

Роль сѣвернаго поморья въ исторіи раскола.—Вліяніе Павла, епископа коломенскаго.—«Запоры палеостровскіе».—Бѣглые старцы.—Скиты и кельи.—Захарій, Данило Викулинъ и Андрей Денисовъ.—Начало Выгорѣцкаго скита.—Лексинская женская обитель.—Усиленіе выгорцевъ и распространеніе ихъ ученія.

Въ ВЕЛИКОЙ борьбѣ «древляго благочестія» съ «Никоновыми еретическими новинами» сѣверное поморье Россіи, т. е. страны, прилегающія къ Ледовитому океану и Бѣлому морю, ознаменовало себя самымъ пламеннымъ и упорнымъ сопротивленіемъ. Начавшись въ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ, борьба распространилась по всей Россіи, но всего ожесточеннѣе завязалась на сѣверѣ. Туда, въ непроходимую глушь высокихъ лѣсовъ, болотъ и тундры, на необитаемые и далекіе острова Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, хлынули массы приверженцевъ старины, недовольныхъ, обиженныхъ, привлеченныхъ громкимъ голосомъ протеста, раздавшимся изъ-за стѣнъ осажденнаго Соловецкаго монастыря. Павелъ, епископъ коломенскій, возставшій, вмѣстѣ съ протопопомъ Аввакумомъ, противъ Никона на московскомъ соборѣ, былъ сосланъ, какъ будто нарочно, туда же, на «озеро Онего», въ палеостровскій монастырь, и своимъ авторитетнымъ архипастырскимъ словомъ и примѣромъ утверждалъ всѣхъ

въ «твердомъ стояніи» противъ «Никоновой нововводной ереси». Затѣмъ пронеслись вѣсти о многочисленныхъ «гаряхъ», т. е. самосожженіяхъ «за старую вѣру», цѣлыми скитами и селеніями, которыя учиняли старовѣры, нежелая отдаться въ руки розыскивавшимъ ихъ властямъ, и между ними о двухъ грандіозныхъ безпримѣрныхъ «запорахъ палеостровскихъ», гдѣ безстрашные поморы врываются въ несогласный съ ними монастырь, выгоняютъ монаховъ и горятъ заперщись въ соборной церкви, въ первый разъ въ 1687 году, 4-го марта, въ количествѣ 2,700 человѣкъ, а во второй въ 1689 году, 23-го ноября, въ количествѣ 1,500 человѣкъ, всего въ двѣ гари—4,200 человѣкъ!..

Пересказывались вѣсти обо всѣхъ такихъ дѣлахъ по всему пространству великой Руси, и за сѣвернымъ поморьемъ укрѣплялась слава непоколебимой крѣпости «православія», радушнаго пріюта для всѣхъ, не могшихъ стерпѣть «лютаго антихристова нашествія».

Глухія и отъ вѣка необитаемыя мѣста заселялись бѣжавшими туда старовѣрами. Ихъ встрѣчала скудная и суровая природа, но озлобленному міромъ, обрекшемуся на «нуждное и скудное житіе», бѣглецу сладко было бороться съ нею и преодолѣвать ее.

Дѣвственные лѣса сосняка и ельника рубились на постройку келій, затѣмъ ихъ зажигали въ сухую лѣтнюю погоду, лѣса выгорали на большія пространства и по этимъ «огненнымъ нудямъ» поселенцы сѣяли хлѣбъ съ житомъ, «мѣшая рожь межь жито, ржи полагая пятую или шестую долю; и возростѣ жита того лѣта много, а на другой годъ ржи» [1]).

Переселялись туда и въ одиночку и съ семействами; въ послѣднемъ случаѣ келійку рубили двойную, чтобы стѣною отдѣлить женскій полъ отъ мужскаго. Живя разбросанно, одиночными келіями, поселенцы, начавшіе называться «старцами» и «отцами», тѣмъ не менѣе видѣлись между собой, приходя другъ къ другу на лыжахъ и на суденышкахъ по рѣкамъ, разговаривали «о вѣрѣ», разсказывали кто, откуда и почему бѣжалъ, признавали старшинство другъ надъ другомъ, по лѣтамъ и по давности поселенія.

Мало по малу одиночные старцы собираются въ общины, скиты.

По сгорѣніи, во второй запоръ, въ палеостровскомъ монастырѣ Игнатія, Германа Соловецкаго и Емеліана Повѣнецкаго, остался отъ нихъ единомышленникъ, «добрый останокъ, изрядный членъ», Даніилъ Викулинъ, который сначала скитался въ олонецкихъ и каргопольскихъ предѣлахъ, потомъ устроился скитомъ на Саро-озерѣ; чрезъ нѣсколько времени къ нему присталъ «села Повѣнецкаго прозябеніе, отрокъ нѣкій юнъ сый лѣты», Андрей Денисовъ съ товарищемъ Иваномъ Бѣлоостровымъ.

---

[1]) «Исторія Выговской старообрядческой пустыни», Ивана Филиппова. Спб. 1862 года.

Даніила и Андрея въ свою очередь пригласилъ на свое мѣсто нѣкій Захарій Стефановъ, Толбуйской волости, поселившійся раньше ихъ (въ 1691 г.) между рѣкою Выгомъ и озеромъ Горѣлѣшемъ съ отцомъ, матерью и сестрами. У Захарія на заселенномъ имъ мѣстѣ уже былъ посѣянъ и собранъ обильный хлѣбъ и срублены постройки.

Братіи Даніила и Андрея «вельми мѣсто слюбися», но соединились они съ Захаріемъ не раньше, какъ у нихъ все погорѣло пожаромъ.

Тогда, съ благословленія еще жившаго тогда великаго постника и пустынника Корнилія (умеръ въ 1695 г.), Даніилъ Викулинъ и Андрей Денисовъ пришли съ братіею къ Захарію на Выгъ и «сложишася во обще жити съ Захаріемъ, въ лѣто отъ міроզданія 7203 (1695) году, во осень послѣ Покрова Богородицы. И собрашеся вси на мѣсто, гдѣ нынѣ часовня и столовая и помолившеся Богу и пѣша молебенъ на мѣсто, и начаша бревенъ связи валнягу, около того мѣста близъ, и начаша столовую строити, тутъ же къ столовой и хлѣбню присовокупиша и построиша въ одной связи скоро, и собрахуся на богомоленіе въ одну столовую, въ одной половинѣ братія, а въ другой сестры, а посредѣ ихъ завѣса во всю столовую. Братія въ столовой хлѣбъ ядяху, а овые и живяху ту, а сестры въ хлѣбнѣ собирахуся на обѣды и на ужины, а овыя и живяху въ хлѣбнѣ, а иніи же въ ригачи (ригѣ) и въ построенной келіи. А братія построила келію и живяху самымъ нуждныкъ пустыннымъ житіемъ, и уже собрася всѣхъ до сорока человѣкъ» [1]).

Вотъ вѣрное и точное извѣстіе о самомъ началѣ столь славной впослѣдствіи Выгорѣцкой обители, извѣстіе написанное самовидцемъ и чуть ли не участникомъ въ первоначальномъ устроеніи этого зерна разросшихся потомъ скитовъ, такъ называвшагося Даниловскаго скита, Иваномъ Филипповымъ.

Съ этихъ поръ въ новопостроенный скитъ начали сходиться разныхъ чиновъ люди, мужчины и женщины; явились знающіе службу и уставы церковные, швали сапожные и для платья, мѣдники и другіе ремесленники, плотниками и земледѣльцами были всѣ; нашлись люди, годные для торговли и для хожденія по дѣламъ обители въ другихъ городахъ.

Съ расширеніемъ начало рости и благосостояніе обители отъ торговли, найма рыбныхъ ловель, а главнымъ образомъ отъ доброхотныхъ даяній многочисленныхъ, разсыпанныхъ по Россіи купцовъ-старообрядцевъ, тайныхъ и явныхъ, и приношеній вновь поступающихъ.

Петръ Великій узналъ о крѣпкомъ и трудолюбивомъ народѣ, населившемъ отъ вѣка пустыя лѣса—и далъ имъ волю жить «по

---

[1]) Тамъ же.

своей вѣрѣ», обязавъ ихъ лишь работою на новопостроенныхъ по сосѣдству съ ними олонецкихъ Устрѣцкихъ желѣзодѣлательныхъ заводахъ.

Десять лѣтъ спустя, умножившееся населеніе скита потребовало отдѣленія женщинъ отъ мужчинъ, и въ 1706 году, выбравъ мѣсто на рѣкѣ Лексѣ «за двадесять поприщъ» отъ Данилова скита, начали рубить кельи, часовню и столовую, а также скотный дворъ и все это огородили заборомъ. Туда перевели женщинъ, поставили нѣкую старицу игуменіею, а Соломонію, сестру Андрея и Семена Денисовыхъ, надсмотрицею; затѣмъ дали уставщиковъ пѣвцовъ, псаломщиковъ, словомъ, вполнѣ устроили женскую обитель съ ежедневными богослуженіями.

Обитель выросла современемъ въ богатую и сильную торгово-промышленную общину, въ 1731 году была построена пристань на Пигматкѣ у Онега «для пріѣзда судовъ съ припасами братскими съ Вытегры». Пристань была построена прочно на сваяхъ и срубахъ, наполненныхъ камнемъ, съ амбаромъ «двожирнымъ» съ гостиною келіею, постоялымъ дворомъ и даже братскими судами для найма постороннимъ, а также и лошадями для той же цѣли.

Выгорѣцкая обитель скоро сдѣлалась метрополіею, нѣкотораго рода «святою землею», откуда распространялось «благочестіе» путемъ проповѣди. Миссіонерское дѣло поморовъ среди «никоніанъ» было устроено въ обширныхъ размѣрахъ и охватило своими тайными нитями почти всю Россію, массами привлекая къ себѣ неофитовъ всѣхъ возрастовъ, состояній и сословій. Все исходящее изъ Суземка, съ Поморья, было «свято и честно» въ глазахъ старообрядцевъ. О ростѣ старообрядческаго «записного» населенія на самомъ Олонцѣ даютъ свѣдѣніе справки, наведенныя олонецкимъ духовнымъ правленіемъ во время производства дѣла по доносу Халтурина, о которомъ будетъ сказано ниже. Справка эта показываетъ, что въ 1726 году раскольниковъ было 1,816 человѣкъ, въ 1727 году—2,291 человѣкъ, а въ 1729 году число это возрасло до 12,448 человѣкъ! [1]) Въ послѣдующіе годы прогрессъ шелъ въ такомъ же порядкѣ, слѣдовательно, мы дойдемъ до громадной цифры, если примемъ во вниманіе и тѣ сотни тысячъ «поморскихъ», которые обитали тайно и явно внутри Россіи.

---

[1]) «Раскольничьи дѣла XVIII стол.», Г. В. Есипова, Спб. 1851 года.

II.

Лихіе годы поморцевъ.—Двойной рекрутскій наборъ.—Искусство выгорѣцкихъ стряпчихъ.—Благоувѣтливый Павелъ Ивановичъ.—Самовольцы и безчинники.—Кузнецовъ и Халтуринъ.—Доносъ Халтурина и энергичныя мѣры стряпчаго.—Выпутались.

Но не всегда спокойно ширилось и богатѣло «поморское согласіе»: были на нихъ годы лютаго гоненья и жестокой «волокиты» по судамъ, консисторіямъ, архіерейскимъ приказамъ и въ самой пресловутой тайной канцеляріи. Годы эти были бѣдственны для «старцевъ», но урожайны и веселы для той же массы приказнаго люда, въ рукахъ которой обращались «хлѣбныя» дѣла о раскольникахъ.

Богатое общежительство не скупилось на «дары» и подмазываніе «нужныхъ людей» чрезъ своихъ ловкихъ и умныхъ «ходоковъ» около синода и архіереевъ и всегда успѣвало если не отвратить, то ослабить силу обрушившейся на нихъ бѣды.

Одна изъ сильныхъ напастей стряслась надъ ними въ 1731 году, когда изъ московской камеръ-коллегіи былъ посланъ на Олонецъ указъ, чтобы съ Выгорѣцкихъ пустынныхъ скитовъ и общежительства взять солдатъ въ двойномъ числѣ противъ крестьянъ уѣздныхъ и для того посланъ капитанъ Философовъ, для набора рекрутовъ.

Всполошилось Поморье и прибѣгло къ своему дѣйствительному средству: тотчасъ-же послало въ Москву челобитную, а съ нею и не малое, вѣроятно, количество денегъ, а въ Олонецъ—доношеніе со стряпчимъ, чтобы подождали исполненіемъ указа до результата челобитной въ Москвѣ. Дѣла съ челобитною затянулись около года, а между тѣмъ начали приходить указы, торопящіе производствомъ набора. Стряпчаго посадили за караулъ, и поставили «на правежъ», онъ молилъ только, чтобъ еще немного подождали. Написали челобитчикамъ въ Москву, чтобъ дѣйствовали энергичнѣе, и наконецъ искомая лазейка была найдена: «положи Богъ одному генералу Павлу Ивановичу [1]) по сердцу быть милостивому, и вступися крѣпко за истинныхъ жителей, и вельми спирашеся, и стояше; также и прочіи премѣнишася къ милосердію, скоро сдѣлаша указъ, чтобы съ выговской пустыни и прочихъ скитовъ солдатъ не спрашивать и впредь не брать». Въ октябрѣ 1732 года, указъ этотъ достигъ Олонца, гдѣ сидѣлъ стряпчій подъ арестомъ, и всѣ «возрадовашася радостію веліею».

---

[1]) Здѣсь Иванъ Филипповъ, достовѣрнымъ разсказомъ котораго мы пользуемся, благоразумно умалчиваетъ о фамиліи генерала (Ягужинскаго)?

«Скоропишущая трость» руки Ивана Филиппова украсила это событіе разсказомъ о чудѣ отъ умершаго уже въ то время Андрея Денисова, который явился въ видѣніи нѣкоему «ревнителю» идущимъ на выручку своей обители съ цѣлымъ полкомъ «чудныхъ необычныхъ мужей, вельми свѣтлыхъ».

Вторая большая бѣда случилась вскорѣ послѣ дѣла о наборѣ.

Среди населенія Выгорѣцкой пустыни иногда появлялись «буйные своевольцы и злые безчинники», которые, понимая нелегальное положеніе скитниковъ, позволяли себѣ слишкомъ много относительно ихъ или покушались выманивать деньги подъ угрозою доноса за совращеніе въ расколъ и за недозволенное совершеніе требъ и таинствъ. Старцы старались тушить злобу и усмирять безчинниковъ дома, не доводя до огласки и «московской волокиты», но это не всегда имъ удавалось.

Въ верховскомъ Кадозерскомъ скитѣ, нѣкій Егоръ Гавриловъ Кузнецовъ преступилъ скитскіе уставы, «свинское житіе возлюби, сыскавъ себѣ подобныхъ смрадныхъ блудницъ и нача съ ними жити и водворятися скаредно, блудя безсрамно». Къ этому онъ присоединилъ и воровство по лабазамъ, и вотъ скитники, по неоднократномъ «отеческомъ наставленіи», наконецъ жестоко его избили и выгнали отъ себя вонъ.

Озлобленный Кузнецовъ прибѣгнулъ къ доносу: началъ писать всякія «не былые и не праведные крамолы на неповинныхъ пустынниковъ, еже невозможно и писанію предати». Умыслилъ это онъ съ другими, подобно ему обезкураженными насчетъ «прохладнаго житія» въ скитахъ, и, написавъ крамолы, пошелъ съ ними на Москву, чтобы дать дѣлу ходъ. Въ Москвѣ онъ нашелъ толбуйскаго дьячка Петра Халтурина, «перваго коварника и новинамъ Никоновымъ поборника», уже давно точившаго зубы на выговцевъ. Халтуринъ обрадовался обилію обличающаго матеріала, прочитавъ «воровскія письма» Кузнецова, и началъ поощрять ихъ къ доносу, взявшись самъ даже написать челобитную. Но тутъ узналъ о собирающейся на старцевъ грозѣ оборотистый стряпчій выгорѣцкій Стахій Осиповъ, находившійся случайно въ Москвѣ, послѣ поздравленія императрицы Анны Ивановны съ восшествіемъ на престолъ и «ласково принятый» у господъ. Стахій узналъ это чрезъ толбуйскихъ плотниковъ и поспѣшилъ затушить дѣло: началъ уговаривать Кузнецова бросить это дѣло, никакихъ писемъ не подавать и крамолъ не заводить и обѣщалъ ему дать за это денегъ. Кузнецовъ сдался, получилъ деньги, отдалъ Стахію всѣ письма и бросилъ дѣло. Стахій уѣхалъ въ пустынь и разсказалъ о бѣдѣ, а Халтуринъ вновь отыскалъ Кузнецова, оставшагося въ Москвѣ, и снова натравилъ его на доносъ. По оставшимся чернякамъ возстановили челобитную, и Кузнецовъ, зная, что задаренное чиновничество можетъ и не дать хода его бумагѣ, рѣшился подать свою

«плетенцу, клеветы исполненную» въ руки самой императрицы. Подстерегли удобный случай, когда государыня садилась въ карету, и доносъ былъ поданъ въ собственныя руки; но, по странному стеченію обстоятельствъ, императрица передала его тому же доброжелательному генералу Павлу Ивановичу Ягужинскому, который еще прежде по божьему внушенію «крѣпцѣ спирашеся» съ коллегами объ отмѣнѣ набора съ выговцевъ. Павелъ Ивановичъ взялъ Кузнецова съ товарищемъ (не Халтуринымъ) за крѣпкій караулъ, а Халтуринъ, наблюдавшій за этой сценой издали, видя такой неблагопріятный оборотъ дѣла, счелъ за лучшее скрыться изъ Москвы, чтобы не попасться въ розыски. Благоувѣтливый къ выговцамъ генералъ придрался къ травамъ и кореньямъ, найденнымъ въ шапкѣ доносчиковъ, и началъ ихъ жестоко пытать — не замышляли-ли колдовство на императрицу? и пыткою добился отъ нихъ показаній, что написали они письмо «яряся на старцевъ», неправедно, «хотяще разореніе навести». Выданъ былъ и Халтуринъ, но его не нашли въ Москвѣ, «человѣкообразенъ-бо змій сей, между человѣки скрыся и необрѣтенъ бысть».

Дѣло по докладу Павла Ивановича, кончилось худо для доносчиковъ: ихъ били плетьми и сослали. «Выгопустинніи жителіе умилишася», слыша объ этомъ и воздали моленіе. Но не даромъ «златое теченіе скоропишущей трости» поморскаго бытописателя Ивана Филиппова надѣляло Халтурина нелестными эпитетами «змія», «ехидны» и т. п.—онъ еще далъ себя знать выговцамъ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого онъ нашелъ въ Москвѣ нѣкоего Лососева, раскольника изъ Повѣнца, привезшаго въ казну раскольничьи оброки, и какимъ-то способомъ выманилъ у него 500 рублей, частію на росписку, а частію такъ. Можетъ быть эти деньги даны были раскольниками Халтурину и для того, чтобы «зажать ротъ» неспокойному человѣку, но, вѣроятно, вышло несогласіе, и счетчикъ Семенъ Лососевъ, сдавая деньги въ казну, показалъ недочетъ въ 500 рублей, взятыхъ будто бы Халтуринымъ. Недочетъ съ раскольниковъ, конечно, «доправили», но и Халтурина взяли подъ крѣпкій караулъ,—и начались мытарства.

Въ 1732 году, сидя въ острогѣ, Халтуринъ рѣшился наконецъ «насолить» выговцамъ и написалъ самъ доносъ въ архіерейскій приказъ, доносъ обширный по содержанію, обильный именами, гдѣ головою выдавались всѣ «столпы» и коренники-совратители. Дѣло приняло оборотъ нешуточный, пошло въ синодъ. Въ Петербургѣ опять «прилучися» тотъ же искусный стряпчій Стахій Осиповъ съ товарищами, метнулся онъ къ синодскимъ съ «дарами», тѣ пріостановили указъ о «сыскѣ раскольниковъ» по доносу Халтурина, а Стахій подалъ челодитную на имя императрицы Анны Ивановны, чтобы безъ обстоятельнаго розыска не чинили по доносу такого сомнительнаго человѣка, какъ Халтуринъ. Пущены

были въ ходъ всѣ средства со стороны выговцевъ, почувствовавшихъ себя весьма худо, ибо доносъ Халтурина былъ справедливъ.

Челобитная Стахія возымѣла дѣйствіе—дѣло затянулось, войдя въ неисходный лабиринтъ «справокъ» и другихъ канцелярскихъ ухищреній. Прошло три года, Халтуринъ все сидѣлъ за карауломъ, волочась изъ города въ городъ и не зная о результатѣ дѣла о доносѣ. Въ 1735 году, Халтуринъ написалъ новое письмо къ Өеофану Прокоповичу, изъ новгородской губернской канцеляріи, гдѣ онъ сидѣлъ, напоминая о сдѣланномъ имъ доносѣ, но письмо, рѣшительно чудомъ, попало въ руки, вмѣсто Өеофана Прокоповича,—къ Стахію Осиповичу!! [1]) Раскольничій стряпчій распорядился съ письмомъ по своему, придрались къ нѣкоторымъ выраженіямъ и послѣ долгой волокиты спросовъ и допросовъ, наконецъ въ 1738 году все дѣло рѣшилось тѣмъ, что доносамъ не дать вѣры, а Халтурина, «яко уже шельмованнаго», сослать на сибирскіе казенные заводы въ работу вѣчно.

Но Халтуринъ умеръ въ острогѣ черезъ три мѣсяца, не дождавшись ссылки.

III.

«Послѣдняя горше первыхъ». — Новый безчинникъ—Кругловъ.—Его доносы. — Полная выдача выговцевъ.—Великій страхъ всего поморья.—Мысль о всеобщемъ самосожженіи.—Пріѣздъ страшной коммисіи.—Допросы.—«Дивное преложеніе» Круглова.—Отъѣздъ коммисіи.—Трагическій конецъ Круглова.

Послѣдняя всегда бываетъ горше первыхъ: новое дѣло обрушившееся на смиренныхъ старцевъ поморскихъ, когда еще не успѣло окончиться халтуринское, обошлось имъ гораздо дороже и надѣлало много хлопотъ.

Виновникъ этого дѣла, олонецкій крестьянинъ Иванъ Ивановъ Кругловъ, играетъ роль совратителя и въ томъ дѣлѣ, предисловіемъ къ которому служатъ настоящія главы, и потому мы его разскажемъ также просто, какъ и предыдущія, чтобы дать болѣе ясное понятіе объ исторіи знаменитаго въ лѣтописяхъ раскола выгорѣцкаго общежительства.

Кругловъ сначала жилъ въ скиту Данилы Викулина «смиренъ и кротокъ» и за разсторопность его посылали скитскіе старцы по торговымъ дѣламъ на судахъ въ Петербургъ и иные города.

---

[1]) Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ ходомъ дѣлъ о доносахъ на выговцевъ мы отсылаемъ къ прекрасной, но рѣдкой теперь книгѣ Г. В. Есипова «Раскольничьи дѣла, XVIII ст.».

Поторговавъ и нажившись на скитскія деньги, Кругловъ вышелъ изъ братства и началъ торговать на свой страхъ и рискъ, женился, овдовѣлъ и вновь женился въ Выгозерскомъ погостѣ, гдѣ его поставили старостою. Въ старостахъ Кругловъ «вельми нача буе и гордо жити по властельски», за что на другой годъ выгозерцы его въ старосты не выбрали; онъ началъ судиться съ ними у властей Петровскихъ заводовъ, проигралъ тяжбу, былъ наказанъ, посаженъ за караулъ и бѣжалъ къ выговцамъ. За нимъ послали команду на Выгъ. Кругловъ сталъ просить помирить его съ сельчанами, гдѣ онъ былъ старостою; это не удалось, даже при содѣйствіи Семена Денисова, настоятеля даниловскаго скита, и Кругловъ снова очутился въ острогѣ.

Тамъ Кругловъ додумался объявить за собою «слово и дѣло», и его вмѣстѣ съ оговоренными имъ выгозерскими крестьянами, закованными отправили въ тайную канцелярію въ Петербургъ, 18-го марта 1737 года. Здѣсь онъ объявилъ, что одинъ изъ крестьянъ въ попойкѣ говорилъ непристойныя слова про царицу Евдокію, и православный выгозерскій попъ Григорій Гавриловъ вѣнчалъ его, Круглова, за деньги, «по-солонь», противно православному, по-раскольничьи. Крестьянъ нещадно выдрали плетьми, а попа лишили сана, но и Кругловъ не оправдался: его за расколъ велѣно было отдать въ Синодъ. Подъ стражей онъ заболѣлъ и просилъ исповѣди, но не исповѣдался, а покусился лишить себя жизни, перерѣзавъ чѣмъ-то горло, но неудачно. По выздоровленіи его, въ январѣ 1738 года, къ нему снова приступили съ допросами, а въ февралѣ онъ объявилъ желаніе присоединиться къ православію, и по этому поводу ему прислали вопросы о томъ, кто совратилъ, гдѣ, и прочее. Когда Кругловъ отвѣтилъ на нихъ и отрекся отъ раскола съ проклятіемъ и преданіемъ его анаѳемѣ, отъ него потребовали свѣдѣній: сколько въ скитахъ ихъ мужеска и женска пола людей? и такъ далѣе—все подробнѣе и подробнѣе. Видно старанія выговскихъ стряпчихъ не имѣли того благопріятнаго успѣха, какъ прежде, ибо дѣло, безъ всякаго понужденія, разгоралось все шире и шире, завлекая массу именъ и свѣдѣній обличающаго раскольниковъ характера. Вскорѣ оно приняло совсѣмъ непоправимый объемъ и подробность; Кругловъ изобличилъ все:— начальниковъ, должностныхъ лицъ, перекрещиванье, службы, перечислилъ всѣ скиты и часовни и живущихъ въ нихъ, словомъ—обнаружилъ выгорѣцкія тайны до дна!... Сказалъ даже, что и за царей они со времени Петра Великаго не молятся!

Такой бѣды еще не приходило на выговцевъ!

Спѣшная посылка въ Петербургъ стряпчаго Мануила Петрова, чтобы онъ какимъ нибудь «челобитьемъ» позадержалъ не много дѣло—не помогла. Мануилъ Петровъ узналъ, что онъ опоздалъ, что челобитной не примутъ, такъ какъ уже готово синодское поста-

новленіе о посылкѣ въ выгорѣцкіе скиты цѣлой коммисіи для слѣдствія по оговору Круглова, состоящей изъ офицера, конвоя солдатъ, подъячихъ, архимандрита, попа, дьякона и множества понятыхъ!

«И возмятеся весь Суземокъ! бысть страхъ велій и трепетъ на спасающихся и боящихся Бога. И собрашася со всего Суземка лучшіе люди во общежительство, начаша думати, что сотворити»?...

Почуявъ себя разоблачонными до самыхъ сокровенныхъ тайнъ, не будучи въ состояніи прибѣгнуть къ своему столь спасительному средству хожденія около склонныхъ къ божьему наитію генераловъ, выговцы, дѣйствительно, почуяли было свой послѣдній конецъ, и на совѣщаніи масса голосовъ раздались за «всеобщее самосожженіе», за истребленіе огнемъ всего Поморья!... Не хотѣвшимъ горѣть предлагалось бѣжать еще дальше къ сѣверу, на острова, но не даваться въ руки коммисіи!... Способъ былъ излюбленный и популярный; къ мысли о самосожженіи были готовы всѣ, притомъ же и славный, мученическій, въ глазахъ поморовъ, подвигъ палеостровскихъ затворниковъ былъ у всѣхъ въ памяти. Если жглись отдѣльными скитами—такъ отчего-же не сожечься всѣмъ? и этимъ запечатлѣть свою непоколебимую привязанность къ старой вѣрѣ. Однако до такого поистинѣ ужаснаго дѣла не дошло: нашлись благоразумные люди, начавшіе отговаривать отъ этого, чтобы «безсловесно не страдать», а изыскать другія средства оправдаться предъ правительствомъ. «Лучшіе мужи» со всего Суземска рѣшили вновь написать челобитную императрицѣ и «книгу отвѣтную» и послать искуснаго Стахія Осипова въ Петербургъ на помогу Мануилу Петрову. Въ Петербургѣ Мануилъ Петровъ, узнавшій дѣло хорошо, отговорилъ снова Стахія Осипова чтò-либо начинать, ибо слѣдственная коммисія уже отъѣхала изъ Петербурга въ олонецкую губернію. Одна усердная скитница добилась какъ-то къ герцогу Бирону, но тотъ ничего не сдѣлалъ, и всѣ стряпчіе помчались на Выгъ, обогнали слѣдственную коммисію на дорогѣ и разсказали, что рѣшительно сдѣлать ничего нельзя—а не будетъ-ли податлива на скитскую ласку сама коммисія? Начали готовиться къ пріему коммисіи и допросамъ. Мысль о самосожженіи все-таки не исчезла: на всякій случай «тихимъ словомъ», приказано было изготовить мѣста для запора и снабдить горючимъ матеріаломъ для поджога и въ Лексинской женской обители, и въ Даниловскомъ скиту, и по прочимъ скитамъ и обителямъ.

Наконецъ, слѣдственная коммисія съ ассесоромъ О. Т. Квашнинымъ-Самаринымъ во главѣ, состоящая болѣе чѣмъ изъ сорока человѣкъ, пріѣхала на Шунгу, погостъ на сѣверныхъ берегахъ Онежскаго озера, оттуда къ Волозеру въ небольшой скитокъ Захарія, затѣмъ къ Данилову скиту на Выгъ, куда и пріѣхала внезапно 27-го марта 1737 года. Начались допросы. Семенъ Денисовъ спрятался и велѣлъ сказать, что онъ уѣхалъ въ Каргополь по дѣламъ,

а между тѣмъ тайно видѣлся съ братіею и научалъ, какъ говорить на допросахъ. Къ Самарину, архимандриту бѣлозерскаго монастыря Кириллу (который также состоялъ при слѣдственной коммисіи) и даже къ солдатамъ забѣжали съ гостинцами; ихъ, по словамъ Ивана Филиппова, не приняли, но все-таки строгій по началу Самаринъ вдругъ смягчился и сказалъ Минуилу Петрову:

— Давайте людей къ допросу помаленьку, пошлите хорошихъ людей, которые бы ни на себя, ни на васъ не напутали напасти!..

Допросы пошли какъ по маслу, ловкіе отвѣты старцевъ гдѣ вся вина падала или на умершихъ, или на безвѣстно пропавшихъ, похваливали даже сами подъячіе, и страхъ пустынниковъ поотпалъ. Вдругъ Самарину кто-то, яко Іуда, шепнулъ, что Семенъ Денисовъ тутъ же въ монастырѣ, только прячется, Самаринъ пошелъ его отыскивать и нашелъ гдѣ-то въ чуланѣ.

На очной ставкѣ съ Денисовымъ доносчикъ Кругловъ яростно закричалъ:

— Его-то и надобно!.. Онъ-то и есть матка всему, другіе только дѣтки! Онъ-то и совратилъ все Поморье! да и Россію всю совратитъ! Теперь вашему ученію конецъ!

Семенъ Денисовъ поклонился Круглову и «кротко» отвѣчалъ:

— Напрасно Иванъ Ивановичъ клевещешь! Богъ видитъ твою и нашу правду!..

Денисова заковали, начали допрашивать, а потомъ вся коммисія изъ Данилова скита вмѣстѣ съ закованными раскольниками и конвоемъ, выѣхала на Шунгу, и допросы пошли своимъ порядкомъ.

Услышавъ объ арестѣ своей «матки», Семена Денисова, всѣ раскольники пришли въ неописанное смятеніе, подумали, что всему конецъ и начали собираться къ сожженію, особенно въ Лексинской обители. Этого испугался и самъ Самаринъ, велѣлъ Денисову написать увѣщаніе и послалъ на Лексу съ Иваномъ Филипповымъ. Бѣду отвратили, допросы продолжались, но такъ тайно, что Иванъ Филипповъ даже въ своей «Исторіи Выговской пустыни» не сказалъ, о чемъ его спрашивали, хотя исторія эта назначалась достояніемъ только раскольниковъ. Но вдругъ, совершенно неожиданно, совершилось «дивное преложеніе Круглова, силою невидимаго Бога»—Кругловъ, на одной изъ очныхъ ставокъ въ Шунгѣ, объявилъ, что показывать больше ничего не будетъ, что доносъ онъ сдѣлалъ по злобѣ, ложный, а нынѣ, боясь суда Божія и радѣя о душѣ, все отвергаетъ, и будь за то на немъ воля государыни!.. Удивленная коммисія начала Круглова пытать, но ничего не добилась, ибо онъ крѣпко стоялъ на своемъ и все отвергалъ!.. Самаринъ наконецъ отправилъ его въ Петербургъ за конвоемъ, а самъ остался въ Шунгѣ, ожидая, что̀ велитъ ему дѣлать синодъ и тайная канцелярія, такъ какъ главное его дѣло по слѣдствію было испор-

чено отрекательствомъ Круглова да и пылъ его прошелъ почему-то, такъ какъ онъ находилъ, что разбросанность скитовъ мѣшаетъ ему производить допросы.

Страшное по началу дѣло было смято и затерто сразу.

Въ сентябрѣ 1739 года велѣно было освободить Семена Денисова и прочихъ «лучшихъ мужей» выговскихъ, а въ январѣ 1740 года и Самаринъ со всею коммисіею выѣхалъ изъ Олонецкой губерніи въ Петербургъ съ небольшими результатами слѣдствія.

Выгорѣцкая обитель вздохнула свободно, и опять чудомъ избыла бѣду.

Доносчикъ Кругловъ кончилъ худо: послѣ безуспѣшныхъ увѣщаній синода и тайной канцеляріи, его били кнутомъ и, вырвавъ ноздри сослали въ Рогервикъ на каторгу вѣчно. Это было 20-го сентября 1739 года, а въ февралѣ 1741 года Круглова, вмѣстѣ съ другими, перевели въ Кронштадтъ.

Въ Кронштадтѣ онъ, какъ видно изъ слѣдующаго за симъ дѣла, занимается совращеніемъ людей въ расколъ и весьма успѣшно. Никита Прокофьевъ Пищальниковъ, молодой ярославецъ — лавочникъ, прельстясь разсказами Круглова о праведномъ житіи на Выгѣ, бѣжитъ туда, захвативъ изъ хозяйской кассы денегъ на дорогу, и изъ этого возникаетъ цѣлое дѣло.

Въ 1744 году, въ мартѣ, Кругловъ вдругъ не захотѣлъ идти къ исповѣди и причастію, возвратясь вновь къ расколу. Его выдрали кошками, но безуспѣшно; послали ученаго священника для увѣщанія—Кругловъ наотрѣзъ объявилъ, что до конца будетъ вѣренъ «выговскому согласію». За это его, «яко сосудъ непотребный» велѣно посадить въ Шлиссельбургъ въ неисходную тюрьму, замуровавъ двери и окна. Тамъ Кругловъ началъ морить себя голодомъ, не принимая пищи, и черезъ 20 слишкомъ дней, 17-го ноября 1745 года, разобравъ двери камеры, Круглова нашли мертвымъ.

IV.

Новое необнародованное дѣло по доносу священника. — Выгорѣцкія мощи Корнилія, Виталія и Кирилла. — Допросъ Тучина.—Совратители въ Петербургѣ. — Поморскіе учители въ Москвѣ до основанія покровской молельни.—Тучинъ ѣдетъ въ скиты.—Первоначальное ознакомленіе.—У старца Терентья.—Постъ и крещеніе въ расколъ на Умбѣ.

Описавъ кратко возникновеніе и судьбы знаменитой Выговской пустыни отъ самаго ея начала до цвѣтущаго уже періода, почти за цѣлое полустолѣтіе, мы перейдемъ къ дѣлу, возникшему въ Пе-

тербургѣ по поводу обнаружившагося «совратительства» поморовъ, которое всегда причиняло имъ бѣды, какъ это видно изъ предыдущихъ главъ.

Настоящее дѣло, въ первый разъ являющееся въ печати и извлеченное изъ древнихъ синодальныхъ дѣлъ о раскольникахъ, интересно, и какъ бытовыя картины отшедшаго въ вѣчность стараго времени, и какъ новые матеріалы для дальнѣйшей и болѣе полной исторіи выгорѣцкаго согласія, роль котораго въ исторіи раскола — одна изъ первостепенныхъ. Оно заключаетъ частность, имѣющую большую важность для исторіи раскола, не встрѣчающуюся ни въ одномъ изъ предшествующихъ дѣлъ,—именно свѣдѣніе о «нетлѣнныхъ мощахъ», имѣвшихся у выгорѣцкихъ раскольниковъ.

Но будемъ разсказывать это дѣло такъ, какъ оно сохранилось въ бумагахъ того времени, сообщенныхъ намъ редакціею «Историческаго Вѣстника».

Въ посту 1746 года у священника церкви Сергія Радонежскаго въ Петербургѣ, Игнатія Васильева, исповѣдывался огородникъ Иванъ Федоровъ Тучинъ, и между прочимъ сказалъ, что года полтора тому назадъ онъ состоялъ раскольникомъ поморскаго согласія. Священникъ началъ выспрашивать Тучина поподробнѣе, и тотъ сообщилъ ему, что на Выгѣ есть и нетлѣнныя мощи. Священникъ обрадовался, свѣдѣніе это было новостью; ревнуя о церкви, онъ рѣшилъ донести объ этомъ синоду, но колебался или его уговаривали дѣла не начинать.

Однако въ слѣдующемъ 1773 году, 6-го февраля, отъ священника поступило въ синодъ «нижайшее доношеніе». Въ немъ священникъ не преминулъ упомянуть, что Ивану Тучину «въ совершеннѣйшее тоя прелести омерзѣніе было отъ него нѣкоторое наставленіе». Далѣе онъ говоритъ, «что-де выгоцкіе раскольники, сверхъ всякихъ ко прелести своей увѣщаній, показуютъ еще въ лучшее вѣры своея утвержденіе, нѣкоихъ трехъ святыхъ, явившихся въ Олонецкомъ уѣздѣ, жившихъ во плоти близъ Даниловскаго скита, на рѣкѣ Выгу, именами Корнилій и Витарій (Виталій), а третьяго не упомнитъ (Кириллъ). И по представленіи-де ихъ уже съ пятьдесятъ лѣтъ [1]), мощи ихъ нетлѣнны суть. Что-де имъ есть великимъ оправданіемъ о несогласіи ихъ съ нынѣшнимъ церковнымъ преданіемъ и свидѣтельствомъ правоты ихъ. О которыхъ-де святыхъ мощахъ знаютъ нѣкоторые с.-петербургскіе купцы. А оніи-де святіи въ жизни сей пророчески, духомъ святымъ, пред-

[1]) Это три славныхъ и популярныхъ у поморцевъ святыхъ имени. О жизни ихъ сохранилось много свѣдѣній; они—одни изъ первонасельниковъ поморскихъ пустынь. Кириллъ и Виталій умерли до начала Данилова скита, а Корнилій въ 1695 году, въ годъ основанія.

возвѣщали, что-де сіе пустое мѣсто (гдѣ они всельшеся обитали) будетъ по нихъ тоя ихъ вѣры народомъ многимъ, живущимъ съ женами и со скоты, населено, что-де по пророчеству ихъ и сбыстся. Отчего я, нижайшій, сомнительство возъимѣлъ, извѣстно ли до нынѣ святѣйшему правительствующему синоду о вышеозначенныхъ лжеподставныхъ отъ раскольниковъ святыхъ, аки бы въ заблужденіи ихъ просіявшихъ и нетлѣніемъ тѣлесъ отъ Бога прославленныхъ, и привлеченіи раскольниками тою лжею, аки знатнымъ чудомъ, сыновъ святыя церкви къ своему ихъ заблужденію. Буде же въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ о выписанныхъ, раскольниками прославляемыхъ, тѣлахъ, аки бы святыхъ, извѣстія доднесь еще не было, то нынѣ чрезъ меня, нижайшаго, вашему святѣйшеству симъ благопокорно объявляется. О семъ пространнѣйшее можетъ дать извѣстіе объявившій мнѣ вышесказанный Иванъ Ѳедоровъ».

Трудно сказать, съ согласія ли самого Тучина сдѣлалъ священникъ этотъ доносъ?—только онъ затянулъ этимъ Тучина въ многолѣтнюю волокиту по допросамъ, очнымъ ставкамъ и прочимъ пріятностямъ прежняго синодскаго раскольничьяго процесса.

Дѣлу дали немедленный ходъ: уже черезъ три дня, 9-го февраля, Иванъ Ѳедоровъ Тучинъ стоялъ въ канцеляріи синода и показывалъ:

«Родомъ онъ Ростовскаго уѣзда, вотчины синодальнаго члена, преосвященнаго Арсенія, митрополита ростовскаго, села Порѣчья крестьянинъ. О прежнемъ своемъ расколѣ и о мощахъ въ Олонецкомъ уѣздѣ священнику говорилъ. А той раскольнической прелести сперва наученъ онъ здѣсь, въ С.-Петербургѣ, въ началѣ 741 года, пріѣхавшимъ съ Олонца, изъ Даниловскаго скита, раскольникомъ Кузьмою Львовымъ, который похвалялъ ихъ тамо въ скитахъ житіе и двоеперстное креста сложеніе, и что онымъ подобаетъ креститися всѣмъ; а ныне-де тотъ Кузьма въ ономъ-ли Даниловскомъ, или въ другихъ скитахъ живетъ, или же въ С.-Петербургѣ пребываетъ,—о томъ онъ не свѣдалъ. Да того же согласія пріѣзжающій въ С.-Петербургъ изъ того жъ даниловскаго скита раскольникъ Иванъ Никифоровъ, братъ по матери Дорофѣеву (который, какъ онъ слыхалъ, природою города Бѣлева, изъ купечества, и живетъ въ Москвѣ и имѣетъ на Нѣмецкомъ рынкѣ, противъ кузницъ, мучной и харчевой въ лавкѣ торгъ, и приходится братомъ по матери с.-петербургскому купцу Афанасью Афанасьеву Дорофѣеву, и отецъ ихъ Афанасій Ивановъ и мать Дарья Ипатьева состоятъ въ расколѣ; и оный отецъ обрѣтается въ Олонцѣ, а мать въ Москвѣ при дѣтяхъ онаго Ивана Никифорова). Въ ономъ же 741 году, въ осень, по имѣющемуся чрезъ показаннаго раскольника Кузьму Львова, приходя къ нему, Ивану, на наемный при домѣ генералъ-маіора князя Дадіани огородъ, ему, Ивану, говаривалъ, чтобъ онъ сообщился въ ихъ

согласіе, и ежели-де желаетъ потрудиться за грѣхи свои, то-де у нихъ есть такія мѣста въ Олонцѣ, а буде хочетъ, то и въ Москвѣ есть же. А потомъ, будучи онъ, Иванъ, съ нимъ же, Никифоровымъ, по лѣту при морскомъ рынкѣ мучного ряда въ лавкѣ у раскольника дмитровца, Ивана Петрова (который и нынѣ въ томъ ряду торгуетъ), на верху той лавки, въ чердакѣ, таковыя жъ слова онъ, Никифоровъ, ему, Ивану, говорилъ же; и ежели онъ, Иванъ, имѣетъ намѣреніе туда, въ скиты побывать, то-де тамо ихъ житіе и увидитъ. Потомъ и оный Иванъ Петровъ, когда къ нему онъ, Иванъ, приходилъ въ ту лавку, тогда онъ, Петровъ, въ показанномъ же чердакѣ ему, Ивану, читывалъ раскольческой прелести письменныя тетрадки, а потомъ и онъ, Петровъ, приходя къ нему, Ивану, на вышеписанный огородъ и съ матерью своею Анною, а чья дочь—сказать онъ не упомнитъ, и имѣли многажды о раскольнической прелести разговоры и уговаривались въ Олонецъ, въ скиты, ѣхать вмѣстѣ, понеже, какъ онъ, Петровъ, ему сказывалъ, что и онъ тамо не бывалъ же и желаетъ посмотрѣть. А третично увидясь, онъ же, Иванъ Никифоровъ, говорилъ ему, Ивану, что тамъ-де, въ Олонцѣ, вверхъ по Выгѣ рѣкѣ, за даниловскимъ и сергіевскимъ скитами, верстъ шесть или семь, а точно сказать не упомнитъ, по правую сторону сергіевскаго скита [1]), той же ихъ раскольнической прелести въ прошлыхъ годахъ жили двое пустынножителями, Корнилій и Витарій (Виталій), о которыхъ-де въ бытность его, Никифорова, какъ-де онъ былъ въ Олонцѣ, «за мхами», у старца Терентья, тотъ Терентій сказывалъ, что оные умерли назадъ тому лѣтъ съ пятьдесятъ и о житіи-де ихъ, какъ они постъ и трудъ имѣли, тетрадки [2]) ему, Ивану, показывалъ, которые-де по смерти своей и понынѣ, проявясь отъ земли, лежатъ нетлѣнны. Онъ же-де Никифоровъ сказывалъ и о третьемъ такомъ же пустынножителѣ, токмо-де какъ ему имя (Кириллъ) и гдѣ онъ лежитъ, сказать не припомнитъ; но которой-де раскольнической вѣры, тѣ тѣла и по нынѣ лежатъ нетлѣнны. И когда жъ-де онъ, Иванъ, будетъ тамо, въ Олонцѣ, и доищется старца Серапіона, который превесьма искуснаго житія, и оный-де Серапіонъ, приходящихъ въ ихъ согласіе людей перекрещиваетъ и исповѣдываетъ; а держатъ-де онаго старца раскольники въ даниловскомъ скиту тайно, а житіе-де оной старецъ имѣетъ на Олексѣ

[1]) Старецъ Сергій пришелъ на Выгъ раньше «заводу монастырскаго Данилова», помогалъ строить келью Корнилію и собралъ братію, вопреки волѣ Корнилія, еще раньше Данилова скита, учредивъ скитъ, носившій его имя.

[2]) Раскольничья «Повѣсть о житіи преподобнаго отца Корнилія, иже бысть на Выгу рѣцѣ», издана С. В. Максимовымъ. Спб., 1861 года. Тамъ находятся свѣдѣнія о Кириллѣ, и о Виталіи. О нихъ также много говорится и у Ивана Филиппова, въ «Исторіи Выговской пустыни».

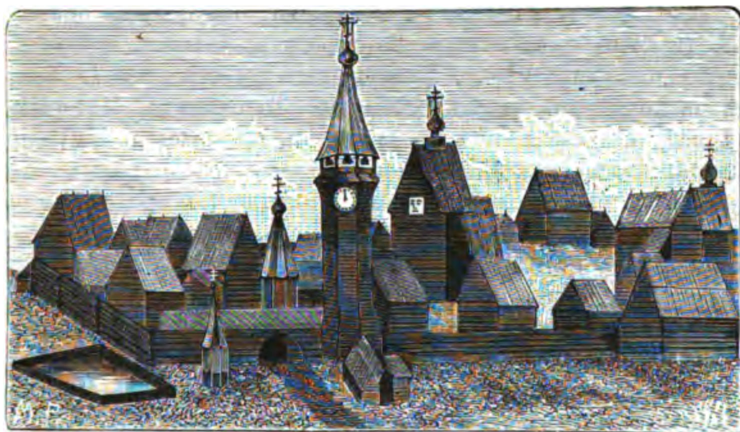
(Лексѣ) рѣкѣ, ихъ же толку въ женскомъ алексинскомъ скиту [1]). И по вышеписанному съ Иваномъ Никифоровымъ знакомству, того жь года, сначала лѣта, ходилъ онъ въ имѣющей подъ Невскимъ монастыремъ, на землѣ княгини Черкаской, показаннаго купца Афанасья Дорофѣева мучной лабазъ, къ прикащику его, вотчины ростовскаго архіерея, села Николы-бой, Ивану Филимонову, который ему въ томъ лабазѣ читывалъ старопечатныя книги о вѣрѣ и двоеперстномъ креста сложеніи; да притомъ же, ему жъ, Ивану, въ томъ же лабазѣ работникъ онаго жь Афанасья Дорофѣева, города Романова купецкій человѣкъ Илья Ѳедоровъ, который съ показаннымъ Иваномъ Филимоновымъ состоитъ въ согласіи, сказывалъ и похвалялъ двоеперстное сложеніе, и когда случалось у нихъ обѣдывать, то они съ нимъ вмѣстѣ не ѣдали, а ѣли особо, яко бы имъ не ихъ прелести съ людьми ѣсть не надлежитъ. И показанный же Иванъ Филимоновъ сказывалъ ему, Ивану, что онъ Иванъ Филимоновъ, въ даниловскомъ скиту старцемъ Филиппомъ (который, назадъ тому лѣтъ съ восемь или болѣе, въ бытность тамо коммисіи сгорѣлъ) перекрещиванъ. А въ 742 году, сначала зимы, ѣздилъ онъ, Иванъ, изъ Петербурга въ Москву для смотрѣнія состоящихъ тамо, по совѣту показаннаго Ивана Никифорова, раскольниковъ, и по пріѣздѣ отыскалъ онъ, Иванъ, его Никифирова, живущаго въ Москвѣ у покровскаго рынка, что за Яузой рѣчкой, въ домѣ московскаго купца Ивана Алексѣева Мучникова, и просилъ его, Никифорова, чтобы онъ ему показалъ раскольническихъ учителей, отъ которыхъ онъ желалъ той ихъ прелести обучитися, по которой его просьбѣ онъ, Никифоровъ, водилъ въ Покровскую улицу, близъ пильной мельницы, въ домъ даниловскаго толку къ учителю Мокѣю Гаврилову (который превращаемыхъ въ свою прелесть перекрещиваетъ и исповѣдываетъ, отъ котораго онъ слышалъ, что онъ напредъ за таковое же перекрещиванье былъ и розыскиванъ въ бывшей въ Москвѣ коммисіи, а въ какой именно, не упомнитъ; а взятъ-де былъ въ ту коммисію изъ Стародуба [2]), только онъ въ томъ не признался, за которые его розыски, какъ Никифоровъ, такъ и прочіе, называли его, яко бы за правую вѣру

---

[1]) Серапіонъ поселился на Лексѣ лѣтъ за пятьдесятъ предъ симъ и былъ уже въ глубокой старости.

[2]) Стародубскія слободы, Черниговской губерніи, также играютъ важную роль въ исторіи раскола. Впервые стародубскіе лѣса были заселены бѣглецами-раскольниками, спасавшимися отъ розысковъ послѣ стрѣлецкаго бунта, и ласково принятыми панами, какъ новые данники. Много лѣтъ спустя, въ 1765 году, по разореніи Вѣтки (славныхъ раскольничьихъ поселеній въ Польшѣ) стародубовцы перевезли оттуда къ себѣ упраздненную церковь Покрова, и съ этихъ поръ разрослись и расширились до громадныхъ размѣровъ.

страдальцемъ, да и о себѣ оный Мокѣй Гавриловъ объявлялъ, что онъ яко бы перекрещиванъ отъ вышедшаго въ даниловскій скитъ изъ Соловковъ старца [1]), и означенный Мокѣй Гавриловъ его, Ивана, довольно о той ихъ прелести разговаривая отъ книжнаго писанія наставлялъ и говорилъ, еже ли онъ, Иванъ, совершенное намѣреніе въ ихъ согласіе идти имѣетъ, то онъ его перекреститъ. А потомъ Иванъ Никифоровъ водилъ его въ Преображенскую слободу къ раскольническимъ учителямъ: Михаилу Кириллову, Максиму Маркову, которые жительство имѣли вмѣстѣ съ позументщикомъ Ѳедоромъ Никитинымъ, да того жъ толка къ ихъ учителямъ же Ипату Григорьеву, да Ѳедору Михайлову, да пріѣхавшему изъ Данилова скита Григорью Яковлеву, которые всѣ

Выгорѣцкая старообрядческая пустынь въ XVIII столѣтія.

его своей прелести учили, и свои раскольническія книги и тетрадки читали; токмо по ихъ прелести не крестился. И отъ онаго жь Никифорова слыхалъ, что показанный Михайло Кирилловъ и Мокѣй Гавриловъ вечерни, часы, заутрени и прочее служеніе, кромѣ литургіи, отправляютъ, а самъ чинимыхъ ими дѣйствій не видалъ».

Эта часть показаній Ивана Тучина интересна для исторіи, потому что рисуетъ намъ распространеніе поморскаго толка въ Москвѣ, до возникновенія тамъ первой Монинской поморской молельни и богадѣленъ при ней.

Поживъ въ Москвѣ двѣ недѣли и насмотрѣвшись на раскольничьихъ учителей, Тучинъ, къ совращенію котораго были примѣ-

[1]) «Старцы изъ Соловковъ»—это уловка, къ которой поморы всегда прибѣгали, когда надо было указать на лицо перекрещивателя. На нихъ же, безъименныхъ, валили вину выговцы и предъ Самаринымъ.

нены всѣ мѣры, убѣдился наконецъ въ ихъ правотѣ и, съ твердымъ рѣшеніемъ перейдти въ расколъ, поѣхалъ изъ Москвы сначала домой, въ Ростовскій уѣздъ за паспортомъ, а потомъ въ Петербургъ, гдѣ попрежнему держалъ изъ найма огородъ.

«А послѣ онаго 742 года, согласясь съ Иваномъ Филимоновымъ, да съ крещенымъ шведомъ Дмитріемъ Ивановымъ, поѣхали для принятія по ихъ прелести крещенія въ Олонецъ, въ Даниловскій скитъ; и Дмитрію Иванову Иванъ Никифоровъ за его бѣдность и что онъ въ расколъ сталъ быть склоненъ по его увѣщанію далъ отъ себя на дорогу нѣсколько денегъ, также и отъ прочихъ въ милостыню ему собралъ, а когда они собирались къ поѣздкѣ туда, къ стоящему противъ показаннаго Дорофѣева лабаза на судно, тогда означеннаго Дорофѣева прикащикъ, Романовскаго уѣзда крестьянинъ, Емельянъ Дмитріевъ Олсуфьевъ, одному-жь Дмитрію Иванову далъ денегъ на дорогу рубль. А поѣхали они на суднѣ Олонецкаго уѣзда, Челмужскаго погоста крестьянина, записнаго раскольника Авдѣя Антипова Толочанина, который на томъ суднѣ и довезъ ихъ до пристани, называемой Пигматка. Да съ ними-жъ ѣхалъ Даниловскаго скита раскольникъ Иванъ Григорьевъ, по прозванію Мошенниковъ [1]), а пригорода Навгорода купецъ, да изъ Берцовскаго скита раскольникъ Степанъ Ивановъ съ сыномъ. И по пріѣздѣ, поѣхали, онъ Иванъ, и Иванъ Филимоновъ, да Дмитрій Ивановъ и показанные раскольники Иванъ Григорьевъ въ Даниловскій скитъ и, по пріѣздѣ въ оный скитъ, Иванъ Григорьевъ отъ нихъ отсталъ и пошелъ въ свою квартиру [2]), а онъ, Иванъ, и Филимоновъ, и Ивановъ, въ называемое ими, раскольниками гостиное мѣсто къ раскольнику Ивану Максимову по прозванію Устьзору и ночевали у онаго сутки».

Иванъ Филимоновъ отправилъ крещенаго шведа въ малый Корельскій скитъ къ учителю Никитѣ Данилову, такъ какъ шведъ былъ безъ паспорта. Живя въ гостиницѣ, Тучинъ ходилъ къ службѣ, но его въ часовню, какъ еще неперекрещеннаго, не пускали; служилъ учитель Иванъ Гавриловъ. Иванъ Филимоновъ послалъ Тучина къ знаменитому выгорѣцкому адвокату, и впослѣдствіи настоятелю Даниловскаго скита, Мануилу Петрову, чтобы онъ позволилъ пожить

---

[1]) Иванъ Григорьевъ Мошенниковъ часто упоминается въ доносѣ Круглова. Такъ, однажды Мошенниковъ говорилъ Круглову, что мастеръ на кирпичномъ заводѣ обители Тукачевъ—бѣглый солдатъ, котораго Семенъ Денисовъ, сидя подъ арестомъ въ Новгородѣ при Іовѣ митрополитѣ, совратилъ въ расколъ и вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ на Выгъ.

[2]) При подробномъ перечисленіи всѣхъ келій Даниловскаго скита съ именами живущихъ въ нихъ, Кругловъ не забылъ и кельи Мошенникова: «да по среди того скита двадцать пятая келья, въ ней живетъ новгородецъ посадскій человѣкъ, Иванъ Григорьевъ сынъ Мошенниковъ.

въ скиту, и тотъ позволилъ Тучину, отославъ для лучшаго утвержденія въ расколѣ къ учителю Данилѣ Матвѣеву. Продержавъ Тучина въ гостиницѣ недѣлю и взявъ съ него за прокормъ рубль денегъ [1]), Иванъ Филимоновъ повелъ Тучина изъ скита «за мхи», сначала въ малый Корельскій скитъ къ Никитѣ Данилову, а черезъ двое сутокъ, захвативъ крещенаго шведа и сына Никиты, Якова, всѣ въ четверомъ отправились къ нѣкоему старцу Терентью, «который живетъ собрався особо отъ всѣхъ».

«И когда они шли по берегу вверхъ Выга рѣки, и мимо Сергіевскаго скита, тогда онъ, по словамъ показаннаго Ивана Никифорова, по другую сторону той же рѣки видѣлъ огороженный заборомъ дворъ и тамъ часовню, а какое оное мѣсто, о томъ у тѣхъ своихъ товарищей не спросилъ [2]). И по приходѣ къ оному старцу, жили они всѣ четверо трое сутокъ, а потомъ, по просьбѣ Филимонова, тотъ старецъ принялъ его, Иванова и Дмитрія Иванова, къ себѣ въ скитъ».

Филимоновъ далъ старцу Терентію нѣсколько денегъ «въ милостыню» и ушелъ съ Яковомъ назадъ. Терентій заставилъ ихъ поститься весь великій постъ, а по прошествіи того поста, Ивана Тучина, Дмитрія Иванова, да еще «отставного прапорщика морскаго флота» Ивана Андреева, да матроса Михайла Петрова, да города Романова купца Никиту Прокофьева (Пищальникова), того скита лжеучитель Матвѣй Ермоловъ всѣхъ по своей прелести въ лежащей подлѣ онаго скита рѣкѣ Умбѣ перекрестилъ и нарекъ имъ имена всѣмъ Игнатіями [3]), и первые съ нихъ кресты онъ снялъ, а положилъ свои раскольническіе».

Мѣдные кресты суземской работы, литые, осмиконечные, были въ большомъ уваженіи у раскольниковъ поморскаго согласія и расходились по всей Россіи въ громадномъ количествѣ. Наравнѣ съ крестами, въ Олонецкомъ уѣздѣ лились изъ мѣди складни, деисусы и образа съ грубо сдѣланными барельефомъ изображеніями Христа, Богородицы и святыхъ. Это была одна изъ важныхъ статей дохода выгорѣцкихъ раскольниковъ.

---

[1]) Въ доносѣ Халтурина говорится между прочимъ, что Иванъ Филимоновъ въ домѣ своемъ держитъ для раскольниковъ постой, т. е. постоялый дворъ или гостиницу. Понятно, почему онъ получаетъ деньги съ Тучина за прокормъ.

[2]) Никифоровъ указывалъ имъ на могилы Корнилія и его «спостника» Виталія, но не объяснилъ, такъ какъ Тучинъ не спрашивалъ.

[3]) Обычай нарекать одно имя всей партіи новоперекрещиваемыхъ былъ, какъ видно, въ употребленіи у выговцевъ. Въ показаціи Круглова встрѣчается такой же фактъ: старика Круглова и нѣкоего Дементья старецъ Ѳеодосій крестилъ на Выгѣ и нарекъ обоихъ Иванами.

V.

Житье въ скитахъ.—Тайные раздоры скитскихъ старцевъ между собой.—Тучина не пускаютъ посмотрѣть мощи.—Тучинъ самъ принимаетъ участіе въ тайныхъ проискахъ.—Разочарованіе Тучина въ чистомъ благочестіи выговцевъ.—Отъѣздъ въ Москву и новый учитель.—Переходъ въ православіе.—Тучинъ на синодской цѣпи.

Крестившись, Тучинъ остался въ скиту Терентья, и его при богослуженіи стали уже допускать внутрь часовни, какъ «своего». На него, по скитскимъ правиламъ, наложили «послушаніе»—заставили исправлять пономарскую должность и въ то же время продолжали «утверждать» въ вѣрѣ самъ Терентій и еще нѣкій старецъ Филаретъ. Но утвержденіе это имѣло особенный, для самого Тучина странный и неожиданный, оттѣнокъ: Терентій, заполучивъ зажиточнаго огородника въ ученики, захотѣлъ укрѣпить его за собою однимъ и охладить его къ даниловскимъ старцамъ. Безъ сомнѣнія въ Терентьѣ сильно говорили и зависть къ даниловцамъ, богатымъ и вліятельнымъ, неограниченно господствовавшимъ на всемъ Поморьѣ. Наружно подчиняясь даниловцамъ, ибо открытый разрывъ съ ними былъ-бы равносиленъ изгнанію изъ Суземка, и даже заискивая передъ ними, чтобы получать чрезъ нихъ учениковъ и «кормиться»,—Терентій изъ подтишка внушаетъ ученикамъ-неофитамъ, что даниловцы слишкомъ «обмірщились», входя въ тѣсныя сношенія съ никоніянами, что благочестіе ихъ зѣло пострадало и упало отъ этого, и что строгое и спасительное ученіе сохранилось только въ уединенныхъ и малыхъ скитахъ, въ родѣ его, Терентьева.

Да кромѣ того Терентій указывалъ и на какія-то разности въ «писаніи», вслѣдствіе чего онъ и «собрался особо отъ всѣхъ», чтобы чище сохранить ученіе.

О мощахъ Терентій подтвердилъ слышанное Тучинымъ раньше и также читалъ ему тетрадки о житіи ихъ и о пророчествахъ насчетъ заселенія пустаго мѣста. «Они погребены въ вышеписанномъ по Выгѣ рѣкѣ лежащемъ кладбищѣ и лежатъ за чистое свое житіе нетлѣнны».

Тучинъ захотѣлъ посмотрѣть ихъ и поклониться, но это его желаніе не исполнилось по весьма странной причинѣ, обнаруживающей внутренніе раздоры, существовавшіе между различными скитами, именно—Тучина на кладбище не пустили, «понеже согласниковъ того старца (Терентья) въ то кладбище и скиты къ себѣ не пущаютъ»!... Это обезкуражило Тучина, человѣка увѣровавшаго уже въ немолодыхъ лѣтахъ и не отъ нищеты прибѣгшаго въ расколъ, а по убѣжденію. Тутъ еще больше выросло его

недовольство «нестроеніями» старцевъ, поселенное навѣтами Терентія, истинную причину которыхъ практическій умъ Тучина увидѣлъ скоро.

Живя у Терентья въ скиту, Тучинъ «для посмотрѣнія вѣры» ходитъ по другимъ скитамъ и между прочимъ въ малый Корѣльскій скитъ, держащійся «Терентьева согласія»; тамъ его училъ Яковъ Никитинъ, сынъ наставника; у него находилась тамъ жена Александра, да сестра-дѣвка Авдотья.

Нѣсколько времени спустя, Иванъ Тучинъ услышалъ, что въ Даниловскій скитъ пріѣхалъ его петербургскій знакомецъ и совратитель, лабазникъ Иванъ Петровъ въ матерью Анною, да старухою, по прозвищу Мокѣевою. Тучинъ поѣхалъ къ нему повидаться, и Петровъ, пріѣхавшій съ большими деньгами и принятый ласково даниловцами, сообщилъ Тучину, что свою мать и старуху отдалъ «въ наученіе» даниловскимъ «первачамъ» Мануилу Петрову да Алексѣю Андрееву [1]), которые ихъ и свезли изъ Даниловскаго скита на рѣку Лексу, въ женскій скитъ.

Тучинъ, желая порадѣть своему учителю Терентью, да отчасти и уязвленный самомнѣніемъ даниловцевъ, начинаетъ уговаривать богатаго богомольца крестить своихъ старухъ не въ Даниловскомъ скиту, а у старца Терентья.

— Тамъ и народу меньше, и житіе тише и чище, мірской прелести совсѣмъ нѣтъ, не такъ какъ у Даниловцевъ—сутолока и общеніе съ никоніанами повседневное! За то ихъ и Терентій, мужъ весьма искуснаго житія и твердаго благочестія, не похваляетъ! уговаривалъ Тучинъ Петрова.

Лабазникъ Петровъ сдался на увѣщанія Тучина и обѣщалъ ему отдать для перекрещиванія старуху непремѣнно къ Терентью, но съѣздить самъ къ нему по этому дѣлу не успѣлъ, такъ какъ за нимъ пріѣхалъ съ корѣльскаго бора раскольникъ Семенъ Гавриловъ звать въ Петербургъ по спѣшному дѣлу къ зятю своему Иларіону Акимову, жившему въ Петербургѣ, на землѣ графа Чернышева «своимъ дворомъ».

Уѣзжая, Петровъ поручилъ старухъ Тучину, чтобъ онъ самъ безъ него свезъ ихъ къ Терентью и для этого далъ Тучину для передачи Терентью въ «милостину» 50 рублей денегъ, да ладону 6 фунтовъ. Тучинъ деньги и ладонъ роздалъ въ Терентіевомъ скиту «по всѣмъ», а старухъ свезти къ нему почему-то «времени такого не сыскалъ», и старухи поэтому совсѣмъ остались въ Лексинскомъ скиту.

---

[1]) Это было уже по смерти третьяго, отъ начала Даниловскаго скита, настоятеля Семена Денисова († въ 1741 г.) при настоятельствѣ Ивана Филиппова, историка пустыни (съ 1741 по 1744 г.). Послѣ него киновіархомъ Данилова скита былъ этотъ Мануилъ Петровъ, стряпчій (съ 1744 по 1759 г.).

«И всего его, Ивана, житія у того старца было отъ Филиппова поста 743 года по святую Пасху, а со св. Пасхи вышелъ онъ отъ того же согласія въ Надежинъ скитъ, который стоитъ на рѣкѣ Алексѣ, къ мѣднику Мартыну Михайлову и по приходѣ былъ у него боленъ, недѣль съ шесть, а по выздоровленіи пришелъ въ Сергіевскій скитъ къ учителю Григорію Яковлеву, который его расколу, будучи еще въ Москвѣ, училъ».

Въ Сергіевскомъ скитѣ онъ услышалъ тоже о раздорахъ и нестроеніяхъ. Григорій Яковлевъ сталъ жаловаться Тучину на нѣкоего Якова Григорьева Сергѣева, который «отсталъ отъ ихъ толку и состоитъ самъ собою». Въ чемъ состояла разность Сергѣева ученія Тучинъ не допытывался, но худое было въ этомъ то, что Сергѣевъ, отставъ отъ толка, «чинилъ имъ великія обиды». Слыша это, Тучинъ окончательно пришелъ въ сомнѣніе въ чистомъ и строгомъ «благочестіи» выговцевъ; онъ ясно увидѣлъ, что и тутъ, какъ въ оставленной имъ православной церкви, интересы благочестія и христіанскихъ добродѣтелей заглушаются и служатъ интересамъ мірскимъ, корыстнымъ или властолюбивымъ. И въ «обителяхъ древняго крѣпкаго благочестія» онъ увидѣлъ ту же мѣну Христа на сребренники, отъ которой бѣжалъ, обуреваемый религіозными сомнѣніями. Въ немъ зародилась мысль, что не стоитъ «страдать» и подвергаться всѣмъ неудобствамъ «раскольническаго состоянія», если и они не лучше не чище съ духовной стороны, чѣмъ никоніяне. Но онъ все-таки еще держится раскола и живетъ въ Олонецкой губерніи, водитъ Григорья Яковлева съ двоюродною сестрою да съ женою его дяди Фаддѣя Михайлова, къ Терентью на двое сутокъ «посмотрѣть житія» и проживаетъ въ Надежиномъ скиту до Петрова поста, а затѣмъ рѣшается покинуть разочаровавшіе его поморскіе скиты.

Лѣто и осень 1843 года Тучинъ прожилъ дома, въ Ростовскомъ уѣздѣ, а потомъ пошелъ въ Москву и отыскалъ тамъ раскольника Якова Сергѣева, на котораго столько жаловались ему въ Сергіевскомъ скиту. Тучинъ пошелъ къ нему поговорить все о томъ же заинтересовавшемъ его вопросѣ о раскольничьихъ нестроеніяхъ— ему тяжело было разочароваться въ томъ, что принялъ онъ не съ маху, не съ юношескимъ неразсуждающимъ фанатизмомъ, а по долгой борьбѣ съ самимъ собою и въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Яковъ Сергѣевъ, самъ оторвавшійся отъ выговцевъ и враждовавшій съ ними, вполнѣ увѣрилъ Тучина въ ихъ плохомъ благочестіи и тотчасъ же началъ просвѣщать его по своему, вычитывая изъ книгъ свои «разности въ писаніи» и объясняя ихъ преимущества и спасительную силу.

Тучинъ сдѣлался его послѣдователемъ, а Сергѣевъ, умствуя дальше и дальше, пришелъ къ мысли снова обратиться въ православіе, въ чемъ согласился съ нимъ и Тучинъ, у котораго

эта мысль уже давно засѣла въ головѣ. Въ 1745 году, Сергѣевъ и Тучинъ были обращены отъ раскола и приняты въ лоно православной церкви, проклявъ по формулѣ своихъ учителей и отметя всѣ прелести, яко сатанины ухищренія.

«И состоитъ отъ онаго времени неподвижно въ числѣ сыновъ святыя соборныя церкви, и въ выписанныхъ учиненныхъ имъ продерзостяхъ проситъ онъ отъ святѣйшаго правительствующаго синода отеческаго помилованія. А чего нынѣ не припомнитъ, о томъ впредь объявитъ, и ежели кого будетъ знать, о томъ будетъ доносить, и въ семъ допросѣ сказалъ онъ, Иванъ, самую правду, а ежели сказалъ что ложно — и за то подвергаетъ себя штрафу, каковъ указомъ ея императорскаго величества опредѣлится».

Такою казенною, стереотипною фразою заканчивается допросъ Ивана Федорова Тучина, послужившій матеріаломъ для начатія розысковъ и допросовъ всѣхъ помянутыхъ въ немъ людей.

Тучина обязали пребывать безвыходно до конца дѣла въ Петербургѣ, хотя и на свободѣ, но съ приказаніемъ ежедневно являться въ канцелярію синода, вставать на очныя ставки со всѣми розысканными участниками, давать всѣ нужныя справки и объясненія.

Раскольничьи дѣла, особенно неимѣющія надобности быстраго рѣшенія, тянулись долго, десятками лѣтъ, и потому понятно, что Тучинъ былъ разоренъ этимъ окончательно: уѣзжать для найма рабочихъ и закупокъ сѣмянъ онъ не могъ, лично работать и хорошо наблюдать за огородомъ онъ тоже не могъ изъ-за ежедневной явки въ синодальную канцелярію, гдѣ ихъ держали по долгу безо всякой надобности. Тучинъ, по милости священника, попалъ въ бѣду непоправимую, а дѣло пошло своимъ черепашьимъ шагомъ впередъ.

VI.

Розыски показанныхъ Тучинымъ лицъ.—Выемка въ Ростовской епархіи.—Хулительныя письма молодого раскольника.—Показанія Пищальникова отца.—Раскольникъ Пятошинъ и его обращеніе къ церкви.—Прочное укрѣпленіе за церковью новаго сына.—Переписка выговскаго неофита.—Содержаніе раскольничьяго «сборника».

Черезъ девять мѣсяцевъ послѣ допроса Ивана Тучина, 30-го октября 1747 года, синодъ написалъ ростовскому архіерею Арсенію, чтобы онъ розыскалъ и допросилъ находяшихся въ его епархіи раскольниковъ: Ростовскаго уѣзда, села Николы-бой, Ивана Филимонова, романовскихъ купцовъ Илью Федорова и Никиту Прокофьева

(съ которымъ вмѣстѣ Тучинъ, по его словамъ, крестился на Умбѣ) и романовскаго крестьянина Емельяна Дмитріева Олсуфьева. Арсеній послалъ отыскивать ихъ, но синодъ, не получая долго отъ ростовскаго архіерея извѣстій, черезъ четыре мѣсяца, 23-го февраля 1748 года, подтвердилъ свой указъ о томъ же.

Апрѣля 30-го, 1748 года преосвященный Арсеній прислалъ наконецъ въ синодъ «доношеніе» о произведенныхъ имъ розыскахъ и допросахъ.

«По силѣ оныхъ ея императорскаго величества указовъ святѣйшему правительствующему синоду благопочтенно представляю: ради сыску и взятья показанныхъ раскольниковъ по приказанію моему изъ ростовской моей духовной консисторіи посланы были нарочные, по инструкціямъ ноября 4-го дня 1747 года, кои, возвратясь, поданными въ мою консисторію доношеніями представили, что они означенныхъ раскольниковъ никого не изыскали, а означеннаго-де Ильи Федорова въ градѣ Романовѣ и дома не имѣется; и вмѣсто объявленныхъ раскольниковъ: Ивана Филимонова предъявили вышеявленнаго села Никольскаго, что на Бою, старосту Семена Васильева, вмѣсто Емельяна Дмитріева—Романовскаго уѣзда, вотчины Спасоярославскаго монастыря, деревни Голоперова, выборнаго Дементія Федорова, вмѣсто Никиты Прокофьева—отца его, града Романова купца Прокофья Андреева сына Пищальникова, у коего, при взятьѣ его въ домѣ его, найдены неискусно рѣзанные кресты, складные деревянные, старопечатныя и письменныя книги да тетради, такожъ присланныя отъ показаннаго сына его Никиты хулительныя на пресвятыя Христа Спасителя нашего тайны и приличествующія къ раскольническому заблужденію письма, кои отъ тѣхъ посланныхъ (нарочныхъ) въ консисторію съ описью и приняты».

Письма Никиты Прокофьева Пищальникова явились важнымъ и характернымъ, обличающимъ документомъ; изъ нихъ Арсеній дѣлаетъ краткое извлеченіе «хуламъ», а затѣмъ приводитъ допросныя рѣчи остальныхъ представленныхъ въ консисторію людей.

Староста села Николы-бой показалъ, что въ ихъ селѣ крестьянинъ Иванъ Филимоновъ былъ и во время прежней генеральной переписи, еще при Петрѣ Великомъ, купно съ отцемъ его и съ братьями Васильемъ, Яковомъ и Андреемъ, написанъ въ томъ селѣ, а потомъ изъ того села всѣ означенныя лица, отецъ съ дѣтьми бѣжали, назадъ тому лѣтъ съ двадцать пять и больше, «а чего ради и куда, и гдѣ нынѣ обрѣтаются, староста не знаетъ, а при нынѣшней ревизіи всѣ они записаны «въ бѣгахъ».

Выборный деревни Голоперова сказалъ: въ вотчинѣ Спасоярославскаго монастыря, въ деревнѣ Петрецовѣ былъ крестьянинъ Андрей Дмитріевъ, Олсуфьевъ, который лѣтъ съ десять, какъ померъ, а послѣ него остались братья Емельянъ и Федоръ Дмит-

ріевы, которыхъ называютъ Боровиковы, изъ которыхъ Емельянъ, взявъ изъ воеводской канцеляріи паспортъ, ушелъ въ Петербургъ годъ тому назадъ.

Показанія Прокофья Андреева Пищальникова, отца раскольника, скомпрометированнаго «хулительными» письмами сына, были пространнѣе — его заставили разсказать о дѣтяхъ подробно и онъ разсказалъ:

Самъ онъ и жена его православные, исповѣдывались и причащались повсягодно. Дѣтей у нихъ четверо; сыновья: Борисъ 32-хъ, Прокофій 27-ми и Никита 24-хъ лѣтъ и дочь Авдотья 23-хъ лѣтъ, замужемъ за православнымъ. Всѣ дѣти его крещены въ православіе и ходили къ исповѣди и причастію съ 7-ми лѣтъ. Въ 1737 году, Прокофій Пищальниковъ свезъ своихъ сыновей изъ Романова въ Кронштадтъ къ знакомымъ купцамъ въ ученье на пять лѣтъ, а черезъ три года Борисъ и Прокофій написали ему въ Романовъ, что младшій братъ ихъ Никита пропалъ изъ Кронштадта безвѣстно. Отецъ пріѣхалъ по этому поводу въ Кронштадтъ, оказалось, что Никита унесъ съ собою полтораста рублей хозяйскихъ денегъ и бѣжалъ — невѣдомо куда; отецъ велѣлъ сыновьямъ заработать за брата и уѣхалъ снова въ Романовъ. Сыновья его отживъ годы ученья, торгуютъ нынѣ въ Петербургѣ сами. Относительно двухъ деревянныхъ осьмиконечныхъ крестовъ и складней найденныхъ у него въ домѣ, Пищальниковъ показалъ, что остались отъ отца его, а самъ онъ, «утверждается вѣрою по Христѣ Іисусѣ, а не въ концы креста, и поклоняется-де, какъ четвероконечному, такъ и осьмиконечному кресту». Книги онъ привезъ послѣ осмотра изъ лавки, гдѣ торговалъ бѣжавшій Никита, а «тѣхъ книгъ и тетрадей, какъ самъ никогда не читывалъ, такъ и читать никому не давалъ», а письма Никиты, перемѣнившаго себѣ имя Игнатьемъ, писанныя къ нему и сыновьямъ его, онъ получилъ въ 1746 году, въ зимнее время, запечатанныя въ одномъ пакетѣ въ Романовѣ на торгу отъ прохожаго человѣка, а чей, откудова и какъ зовутъ, онъ, Прокофій — не знаетъ, только сказалъ тотъ прохожій, что пакетъ отданъ ему въ Тихвинѣ, а кѣмъ—не сказалъ. Письма эти Прокофій, будто бы читалъ дома про себя, а женѣ сказалъ только, что они отъ Никиты, а больше ничего (?). На ехидный вопросъ — почему же онъ, не раздѣляя мнѣній сына, не объявилъ о тѣхъ письмахъ «въ указныхъ мѣстахъ гдѣ надлежитъ»?—Прокофій отвѣчалъ, что хотѣлъ, какъ только сынъ явится, то самому выдать его головою начальству. Затѣмъ Пищальниковъ снова завѣряетъ синодъ въ своемъ православіи, а все раскольническое отметаетъ и проклинаетъ и желаетъ даже публично прочесть клятвенное обѣщаніе безъ всякаго отмѣненія и сомнѣнія. Книги «о мытарствахъ», которую просилъ сынъ въ письмахъ, у него нѣтъ вовсе, а также не знаетъ никого изъ упомя-

нутыхъ въ письмахъ именъ, кромѣ Дмитрія Иванова Пятошина, чрезъ котораго сынъ просилъ отца и братьевъ посылать ему деньги, харчи и прочее, ибо отъ него къ нимъ на Олонецъ «ѣздоки» есть. «Пятошинъ, сказалъ Пищальниковъ, въ Романовѣ есть, купецъ, живетъ въ приходѣ церкви Преображенія Господня своимъ домомъ, записной раскольникъ» а есть ли къ нему ѣздоки— Прокофій не знаетъ.

Но въ правовѣріи старика Пищальникова все таки сомнѣвались, и вотъ онъ въ «отраженіе сомнительства», ходилъ по приказу архіерея въ Ростовскій соборъ цѣлую недѣлю ко всѣмъ службамъ и читалъ самъ публично «исповѣданіе клятвенное, каковое напечатано при концѣ чиноположенія отъ расколовъ къ православной вѣрѣ приходящихъ», исповѣдывался и причащался. Только послѣ этого успокоились насчетъ его правовѣрія, и Арсеній продолжалъ розыски дальше. Послали нарочнаго въ Романовъ за женой и дѣтьми Пищальникова, а главнымъ образомъ за злокозненнымъ «комиссіонеромъ» выговцевъ, записнымъ раскольникомъ Пятошинымъ. Жены и дѣтей Пищальникова не нашли, ибо даже домъ его въ Романовѣ оказался запертъ и пустъ, а живущіе бѣжали неизвѣстно куда отъ переполоха, произведеннаго взятіемъ хозяина на допросъ, а Дмитрія Пятошина посланный представилъ лично въ консисторію.

Пятошинъ на допросѣ показалъ: «отецъ-де и мать, и братъ его, и онъ состоятъ въ расколѣ, а записанъ-де онъ вь расколъ дѣдомъ своимъ (кой де съ женою его умре), для того, чтобъ крестное на себѣ знаменіе полагать двоеперстнымъ, а не троеперстнымъ сложеніемъ и на исповѣдь-бы къ правовѣрнымъ іереямъ не ходить и отъ нихъ Христовыхъ таинъ не причащаться. А святымъ иконамъ, какъ Спасову образу, который бы съ какою благословящею рукою ни изображенъ былъ, такожъ и Богоматери и св. кресту Господню, хотя бы оный и четвероконечный былъ, и угодниковъ Божіихъ всѣхъ, какого-бы изображенія не были (хотя бы и съ троеперстнымъ сложеніемъ), онъ, Дмитрій покланяется и лобызаетъ безъ всякаго сомнѣнія». Бѣжавшаго Никиту Пищальникова зналъ маленькимъ, при отцѣ, а теперь 17 лѣтъ не видалъ его и ничего о немъ не знаетъ, также и о письмахъ его къ отцу. Никто изъ Пищальниковыхъ для отсылки Никитѣ ему ничего не давали, и онъ не отсылалъ; ѣздоковъ къ нему изъ Олонца никакихъ никогда не бывало, и самъ Пятошинъ тамъ никогда не былъ и никого изъ упомянутыхъ въ письмахъ Никиты лицъ не знаетъ.

На такого умѣреннаго въ своихъ отрицаніяхъ раскольника, какъ Пятошинъ, пребывающаго въ расколѣ болѣе по семейной традиціи, чѣмъ по горячему собственному убѣжденію, архіерей Арсеній обратилъ вниманіе и, держа его подъ карауломъ, началъ посылать къ нему своего ризничаго іеродіакона Іоакима для увѣщанія обратиться въ

православіе. Увѣщаніе подѣйствовало; 15-го января 1748 года, Пятошинъ «всемѣрно воспріялъ намѣреніе» оставить расколъ и ко св. церкви присовокупиться, чтò и выразилъ въ прошеніи къ архіерею. Пятошина заставили поститься, ходить въ ростовскую соборную церковь, исповѣдали и причастили, а затѣмъ сіе душевное дѣло постарались, для вѣрности, укрѣпить со всѣхъ сторонъ такъ, чтобы новопріобрѣтенный сынъ церкви изъ лона ея никакой «утечки» совершить рѣшительно не могъ. Для этого его отослали за карауломъ въ Романовское духовное правленіе и тамъ взяли съ Пятошина письменное обязательство съ поруками, а потомъ взяли письменное же обязательство съ его приходскаго духовенства «о твердомъ и всеприлежномъ надъ нимъ смотрѣніи, чтобъ онъ впредь въ правовѣріи былъ непоколебимо».

Прокопій Пищальниковъ, сидя въ консисторіи за карауломъ, началъ проситься, чтобъ его отпустили для отысканія сбѣжавшей изъ дому жены его Татьяны Григорьевой, которая по его упованію «не индѣ гдѣ, токмо въ томъ-же градѣ пребываетъ», а также для поставки къ допросу сыновей Бориса и Прокопія, которые въ Петербургѣ. Никиту отыскать и представить онъ отказался. Его отпустили, назначивъ для поставки указные сроки и взявъ по немъ самомъ поруки отъ романовскихъ купцовъ.

Выборный села Голоперова доставить Емельяна Олсуфьева въ указной срокъ обязался, а староста села Николы-бой сказалъ, что Ивана Филимонова доставить ему невозможно, а получилъ онъ свѣдѣнія изъ ростовской воеводской канцеляріи чрезъ указъ отъ главнаго магистрата, что въ 1745 году родной братъ его, Василій Филимоновъ, записался въ Петербургское купечество и тамъ «торгоборствуетъ» и можетъ больше его, старосты, дать свѣдѣній о братѣ, а потому и проситъ отъ доставки Ивана Филимонова его уволить. Консисторія уволила старосту, но въ то же время попросила синодъ отыскать Василья Филимонова, какъ пребывающаго въ Петербургѣ, самому, чрезъ магистратъ.

Въ заключеніе своего доношенія, Арсеній пишетъ, что обо всемъ, что произойдетъ послѣ и о всѣхъ новыхъ допросахъ онъ своевременно донесетъ синоду.

Затѣмъ прилагается опись и выписки изъ писемъ Никиты Пищальника; мы ихъ печатаемъ, какъ интересный бытовой и даже догматическій матеріалъ.

Переписка выговскаго неофита.

Обозрѣніе содержанія этой переписки показываетъ намъ, что показанія Пищальникова—отца о его полномъ незнаніи, гдѣ находится сынъ, совсѣмъ неправдоподобны, а что напротивъ—онъ зналъ объ этомъ, знали и братья его и относились къ его побѣгу и обраще-

нію въ расколъ довольно сочувственно, хотя это и было не съ ихъ позволенія. Они даже исполняли, какъ могли, просьбы Никиты и посылали къ нему, черезъ Пятошина или другихъ «ѣздоковъ», кое-что деньгами и натурой.

Первое письмо отъ 1740 года, ноября 29-го, къ отцу и матери, «чтобы они молились Господу Богу о здоровьѣ его и о счастливомъ ему пути и чтобъ прислать къ нему книгу, въ которой «мытарства».

Второе—безъ числа, къ отцу, матери, сестрѣ и ко всѣмъ пріятелямъ своимъ «о томъ, что онъ въ живыхъ обрѣтается, а отшатился не ради славы и чести міра сего, но ради антихристовы прелести, что-де тѣхъ подъ свою власть приводитъ; настали-де у насъ церкви—костелы, попы—волки, что Ипполитъ, папа римскій пишетъ: «Церкви Божіи, яко прости храми будутъ, ниже тѣла, ниже крови Христовы, ниже службы, ниже кадила, ниже приношенія». Святѣйшаго Никона патріарха называетъ сущимъ еретикомъ и богоотступникомъ явнымъ и Арсенія (грека), который-де книги перепечатывалъ и именовалъ Сына Божія «грѣшнымъ» и сличить бы книги старыя и новыя и тако-де узнаете прелесть антихристову. Не подобаетъ-де четвероконечному крыжу поклонятися вмѣсто осьмиконечнаго креста; не подобаетъ же-де на пяти просфорахъ литургіи совершать и не подобаетъ-де противъ солнца ходити, но противиться кругу небесному не подобаетъ же. Священнику платья нѣмецкаго носить или табаку пить (не подобаетъ же)—то-де все проклято отъ святыхъ отецъ, а нонеча-де не токмо попы пьютъ табакъ (курятъ)—и иноцы мнози. Не подобаетъ-де христіанамъ табакъ пити или брадъ брити, не подобаетъ и тремя персты креститеся, но двумя персты, и на образахъ-де щепотью пишутъ (т. е. крестное знаменіе пишутъ сложенное щепотью, какъ табакъ нюхаютъ). И узнайте-де вы премѣненіе вѣры старыя. И что онъ живетъ на океанѣ-морѣ, въ дальнихъ непроходныхъ мѣстахъ. И о присылкѣ ему святцевъ да часовника тетки Анны, по которому онъ учился, и о прочемъ».

Третье письмо, безъ числа, къ матери Татьянѣ, «чтобъ она по немъ не печалилась, но паче радовалась, чтобы его Господь укрѣпилъ въ такомъ состояніи и объ отправленіи поклона теткѣ Аннѣ и о испрошеніи у ней какой книги, чтобъ печатана при Іосифѣ патріархѣ, или прежде. А Никона-де патріарха не присылайте—еретическія онъ, развратныя вѣры. И оная бы мать его оберегалась бы антихристова тѣла, сирѣчь нынѣшняго причастія, называя святыя церкви костелами, Никона патріарха—еретикомъ и развратникомъ христіанскія вѣры. И о прочтеніи въ «соборникѣ» Ипполитова слова—на Никоновы-де годы укажетъ и на антихристовы, число-де его 666 — тутъ-де разумѣйте пре-

лесть сатанину. И о присылкѣ къ нему святцевъ да «потребника», который съ мѣдными гвоздями; а онъ-де живетъ около Окіана-моря, въ непроходимыхъ мѣстахъ».

Четвертое письмо, безъ числа, къ братьямъ Борису и Прокофью, «съ поученіемъ кривотолковымъ, нарицая крестъ святый крыжемъ, вѣнчаніе браковъ, и постриженіе, и исповѣдь, и причащеніе святыхъ таинъ — службою бѣсовскою. Въ томъ же пишетъ тако: «Отецъ нашъ сгорѣлъ, и съ нимъ сгорѣло 97 человѣкъ, и который-де къ тебѣ приходилъ Иванъ Петровъ—сгорѣлъ». А онъ-де далѣ 15-ти верстъ жилъ въ лѣсу, не вѣдалъ; и наше-де житіе не продолжится — сожгутъ, вельми нападаютъ. И о присылкѣ съ подателемъ того письма чтò-нибудь на пропитаніе».

Пятое письмо, безъ числа, къ братьямъ и особенно къ Прокофью, «чтобъ онъ былъ къ нему милосердъ, хотя онъ въ немъ пріинялъ и великое разореніе; но онъ-де пошелъ не на разбой, и ему-де пришло, что уже нельзя стало жить отъ діавольскаго нападенія, что-де въ явь сталъ деньги уносить (?!). И о присылкѣ къ нему денегъ, хоша бы рублевъ трехъ; съ часу-де на часъ ждутъ коммисіи, и ежели-де пріѣдетъ, то всѣ въ сожженіе придутъ, какъ и отецъ Филиппъ пострадалъ. И у нихъ-де, у отца Филиппа, невредимыхъ мощей лежитъ съ двадцать. А что-де Ларіонъ на дорогѣ всего обрелъ и ушелъ въ Череповцѣ, и унесъ деньги, больше 500 (рублей). А онъ-де Игнатій пребываетъ въ самыхъ непроходимыхъ мѣстахъ, и къ нимъ-де нѣтъ дороги ни откуда, только-де на лыжахъ, и то знающіе, ходятъ. Да ихъ-де согласія пріѣдетъ человѣкъ въ Питеръ; чтобъ отдать деньги Петровичу, хоша и масла, или толокна, или какихъ крупъ—онъ-де ему отдастъ».

Шестое письмо, безъ числа, къ Прокофью, брату, «о томъ, чтобъ онъ (Прокофій) у нихъ (на поморьи) хоша на едину недѣлю побывалъ и посмотрѣлъ бы ихъ житія», а также о присылкѣ чего нибудь съ подателемъ письма.

Седьмое письмо, безъ числа, къ братьямъ Борису и Прокофью «о благодареніи за ихъ его неоставленіе и чтобъ удалялись отъ всякихъ ересей, которые-де знающіе, и чтобъ не могли ходить въ костелы—воистину-де всѣхъ сатана ослѣпилъ своими всякими кознями; и прислали бы къ нему на прокормленіе какого нибудь харчу и денегъ, и чтобы отдали Дмитрію Иванову Пятошину, къ нему-де отъ нихъ ѣздоки есть, и они-де ему обѣщали привезть. Аще-де съ симъ человѣкомъ (имени, отечества и прозванія не показано) не пришлете (то) иныхъ отъ нихъ не будетъ. А нонеча-де онъ живетъ «во мхахъ», далѣ верстъ 60 отъ жилья — вблизи-де жить не даютъ, ищутъ, которые не записались въ перепись (для платежа двойного оклада, который былъ установленъ

для раскольниковъ). И прислали бы къ нему бѣлыя бумаги, а еще-де надобно обиходникъ, по чемъ они всю службу совершаютъ, и онъ-де его вышлетъ».

Осьмое письмо, безъ числа, къ братьямъ «о присылкѣ на прокормленіе какого харчу и бумаги бѣлыя и объ отдачѣ того показанному Дмитрію Пятошину; аще-де захочешь створы прислать, какія у Филиппа Климова, 12 праздниковъ — и онъ-де къ нему вышлетъ, или ино что—отпиши». Тутъ же написано, что-де «онъ занялъ денегъ 1 р. 50 к. у Ивана Андреева».

Девятое письмо, безъ числа, къ братьямъ «о присылкѣ къ нему, Игнатью, на пропитаніе крупъ какихъ нибудь, да масла и денегъ, что нибудь со вручителемъ того письма; онъ-де себѣ станетъ брать крупъ и всякаго харчу и онъ-де сошлетъ къ нимъ на суднѣ; и о присылкѣ къ нему жъ, Игнатью, ряски, что старцы носятъ; уже-де онъ далѣ подвинулся къ Океану-морю».

Десятое письмо, отъ 1744 года, 29-го марта, къ братьямъ, «о неоставленіи его во всякихъ нуждахъ, и чтобъ храниться, елико можно, никоніанскихъ костеловъ, а наипаче тѣла антихристова и демоновъ, и о держаніи на всякій день съ поклонами правила, каково въ томъ письмѣ изображено (вѣроятно, правило было приложено отдѣльнымъ листочкомъ), и о присылкѣ (матеріи), что старцы на клобукахъ и на рясках носятъ, аршинъ 15, и попросить бы у нашихъ романовцовъ или у своихъ знакомыхъ, и хощетъ-де онъ мнихъ быти и ѣхать на Океанъ-море ста за четыре отъ Даниловскаго монастыря, въ острова за Соловецкій монастырь, сто съ полчетверта».

Тутъ кончается переписка Никиты—Игнатія Пищальникова; у отца, кромѣ того, взята была книга письменная въ тетрадяхъ; выписываемъ ея содержаніе, чтобы показать изъ какихъ статей состояли раскольничьи «соборники» или «цвѣтники» XVIII столѣтія. «Книга скорописная, вначалѣ написанная ваѣя (палея?) о сотвореніи міра, о солнцѣ, о ковчегѣ ноевѣ, о вразѣ, о исходѣ людей израильскихъ изъ Египта и о прочемъ. Тутъ же уставъ письменный о литургіи и раскольническіе вопросы и отвѣты о четвероконечномъ и осьмиконечномъ крестѣ, изъ коихъ четвероконечный крестъ нарицали крыжемъ и печати: у никоніанъ-де на просфорахъ четвероконечный крестъ. И о кажденіи троекратномъ и двоекратномъ, и о бывшихъ въ 7217 и 7219 (1709—11) годахъ праздныхъ мѣсяцахъ (?) и числахъ, въ раскольническихъ скитахъ соборныхъ ихъ раскольническихъ дѣяніяхъ и о честномъ крестѣ разговорахъ и несогласіяхъ, объ аввакумовыхъ письмахъ, кои письма раскольники на собраніи своемъ иныя отложили, а другія называли правыми и чтобы икону аввакумову писать и кланяться ей, яко святому. А одинъ-де раскольникъ при всѣхъ отцахъ тогда исповѣдалъ о воплощеніи Сына Божія сице: «я-де таковыхъ прок-

линаю, кто сошедшаго съ небесъ Сына Божія самое существо его исповѣдуетъ воплотившагося». И что-де попъ принятъ не по правиламъ святыхъ отецъ—во вторыя постриганъ послѣ никоніанъ (?), и о принужденіи о проклинаніи ереси никоніанской, и о прочемъ». Всего на 260 листахъ.

VII.

Новое нашествіе на выговцевъ.—Смѣлое запирательство даниловцевъ.—Поиски за мощами.—Они отрекаются отъ терентьевцевъ.—Коммисія въ умбинскіе скиты.—Старцы готовы къ самосожженію.—Непослушаніе и переговоры чрезъ окно.—Вѣроятный исходъ энергическихъ мѣръ.—Сторонній разъяснитель.—Точное указаніе могилъ трехъ святыхъ старцевъ.

Одновременно съ указомъ ростовскому архіерею Арсенію, синодомъ были посланы указы и въ новгородскую духовную консисторію Стефану, архіепископу великоновгородскому и великолуцкому, чтобы онъ произвелъ нужные допросы въ Олонецкой губерніи, на самомъ мѣстѣ обиталища выговцевъ.

Стефанъ, въ свою очередь, передалъ это дѣло олонецкому духовному правленію и Стороженскаго монастыря строителю, іеромонаху Филарету, какъ ближайшимъ къ выговцамъ правительственнымъ лицамъ.

2-го мая 1748 года, сіи послѣдніе донесли Стефану о результатѣ произведенныхъ ими розысковъ, а 8-го іюня, то есть чрезъ полтора года послѣ допроса Тучина, и Стефанъ прислалъ свое доношеніе синоду.

Этимъ новымъ слѣдствіемъ, направленнымъ въ олонецкіе предѣлы, въ несчетный разъ тревожили выговскихъ старцевъ и производили панику въ наиболѣе густо населенныхъ раскольниками мѣстахъ Поморья. Заслыша о новомъ наѣздѣ правительственныхъ чиновниковъ, которые съ самаринскихъ временъ получили у раскольниковъ общее названіе «коммисіи», старцы въ сотый разъ воображали, что будутъ ихъ «разорять въ конецъ», огнемъ и мечемъ преклонять «во власть антихриста»—и принимали всегда старыя, освященныя обычаемъ, свои мѣры: одиночки крылись въ лѣсахъ и разныхъ «непроходимыхъ мѣстахъ», скиты «изготовляли храмину», гдѣ бы имъ всѣмъ собраться, клали во всѣхъ мѣстахъ «поджогу», на окна и двери сколачивали бревенчатые щиты, чтобы не выломили ихъ,—и ждали наѣзда.

Если «коммисія» вела себя относительно ихъ безъ «жестокаго прещенія»,—старцы давали показанія, путали и сваливали на «соловецкихъ старцевъ», на «дальнія отлучки» и упорно отрицали

«перекрещиваніе» и требы. Но чуть только коммисія приступила съ высокомѣрною грозою и военною командою — безъ дальнихъ разговоровъ запирались наглухо, и «храмина» чрезъ минуту пропадала въ дымѣ и пламени, откуда доносились только пѣснопѣнія и предсмертные стоны фанатиковъ...

Такъ было и въ настоящемъ случаѣ, при слѣдствіи по доносу Тучина, но обратимся къ подлинному доношенію новгородской консисторіи.

«Обрѣтающіеся въ выгорѣцкихъ раскольническихъ жилищахъ показанные въ наученіи Ивана Тучина, раскольническаго суевѣрія лжѣ-учители даниловскаго скита, Кузьма Львовъ съ товарищи 14 человѣкъ сысканы и при слѣдствіи того дѣла допросами показали, что того Тучина они не знаютъ и раскольнической прелести никакого ученія ему и прочимъ никому они не производили, и о показанныхъ имъ, Тучинымъ, яко бы нетлѣнныхъ раскольничьихъ трехъ старцевъ трупахъ, какъ оные подлежащіе къ слѣдствію, такъ и другихъ, тѣхъ же выгорѣцкихъ раскольническихъ разныхъ мужеска и женска пола скитовъ, раскольники показали не точію тѣхъ раскольническихъ трехъ старцевъ труповъ, но и прочихъ никакихъ умершихъ, проявившихся отъ земли нетлѣнныхъ же труповъ—не слыхали (?) и невѣдаютъ (??)

«И о житіи тѣхъ старцевъ и о пророчествахъ ихъ — никакихъ тетрадей ни отъ кого не видали у себя они, раскольники, и не имѣютъ.

«А мертвыя-де у нихъ раскольниковъ тѣла зарываются при часовняхъ, по ихъ обычаю, подъ малыми деревянными клѣтками, которыя мѣста и показали; и въ тѣхъ мѣстахъ, по объявленію вышеименованнаго Тучина, у Сергіевскаго скита, по другую сторону рѣки отъ скита за одну версту, въ огороженной заборомъ часовнѣ, и при часовнѣ съ кладбищемъ, на могилахъ никакихъ проявившихся отъ земли нетлѣнныхъ труповъ помянутые выгорѣцкіе раскольники не объявили. И по свидѣтельству Стороженскаго монастыря строителя, іеромонаха Филарета и посланнаго отъ олонецкаго духовнаго правленія повѣреннаго, какъ въ оной часовнѣ внутри, такъ и въ другихъ часовняхъ и при тѣхъ часовняхъ въ кладбищахъ ихъ—на могилахъ никакихъ нетлѣнныхъ труповъ, проявившихся отъ земли, не явилось. А въ землѣ лежащіе подъ оными деревянными малыми, по ихъ обыкновенію, многими клѣтками показанныя отъ раскольниковъ мертвыя тѣла, для того осмотра за многимъ числомъ надъ тѣми клѣтками оныхъ зарытыхъ тѣлъ, за незнаніемъ о вышеозначенныхъ нетлѣнныхъ трупахъ, гдѣ они лежатъ, подлиннаго о томъ объявленія, изъ земли подъ клѣтками не вырывано.

«А достальные тѣхъ же выгорѣцкихъ скитахъ раскольники, три человѣка: Григорій Яковлевъ, Иванъ Мошенниковъ и Мартынъ

Михайловъ, при слѣдствіи того дѣла показаны въ дальнихъ отлучкахъ, и по прибытіи изъ оныхъ отлучекъ о представленіи ихъ къ слѣдствію—тамошній раскольническій староста обязанъ письменно.

«А о старцѣ Серапіонѣ и вышедшемъ изъ Соловковъ старцѣ-жъ, которому имени не показано, и раскольникѣ Афанасіи Ивановѣ, при слѣдствіи раскольники Даниловскаго скита и раскольницы Лексинскаго показали, что у нихъ оные старцы и раскольникъ—въ тѣхъ скитахъ напредъ сего не бывали, и они ихъ не знаютъ. Что-же до показанныхъ у Тучина старца Терентья и учителя Матвѣя Ермолаева, который Тучина и перекрещивалъ, и сотоварищи 10 человѣкъ, то даниловцы показали, что они не ихъ вѣдѣнія и съ ними согласія и сообщенія никакого не имѣютъ и живутъ отъ нихъ въ дальнемъ разстояніи, по лѣсу «за мхами», собрався съ незнаемыми людьми (какъ въ допросѣ Тучина показано). И для сыску и приговору ихъ, раскольническихъ старцевъ и бѣльцовъ, подлежащихъ къ тому слѣдствію, въ означенныя мѣста, гдѣ они въ собраніи находятся, за мхи, урочищемъ на рѣчку Умбу, отъ слѣдствія посланъ нарочный, съ придачею изъ тамошнихъ обывателей надлежащаго числа понятыхъ».

Раскольники Умбинскихъ скитовъ Терентьева согласія при наѣздѣ нарочнаго «въ двухъ избахъ запершись, учинились имъ непослушны, объявя изъ окна, что потребные-де къ оному слѣдствію старецъ Терентій съ прочими въ прошлыхъ годахъ сгорѣли, а нынѣ-де изъ нихъ отставной прапорщикъ (морского флота) Иванъ Андреевъ да лжеучитель Матвѣй Ермолаевъ—съ ними, въ тѣхъ избахъ на лицо, только-же они, раскольники, къ тому слѣдствію за старостію идти не могутъ. О чемъ тому посланному и письмо на четвертинкѣ листа за рукою своею изъ окна-жъ подали, съ котораго (письма) при донесеніи сообщена копія. А сколько человѣкъ мужеска и женска полу въ тѣхъ двухъ избахъ запершись находятся—того они имъ, посланнымъ, не объявляли. И въ закладенныхъ въ тѣ избы воротахъ, ломать оные посланные по указу были опасны, дабы они себѣ не учинили поджога, какъ и напредъ сего въ томъ мѣстѣ въ прошлыхъ годахъ, со старцами Филиппомъ и Терентьемъ, въ два собранія, сгорѣли».

Въ пріобщенномъ при томъ донесеніи письмѣ раскольниковъ, поданномъ изъ окна, написано: «которые въ указѣ помянутые старцы Терентій и Филаретъ, да матросъ Михайло Петровъ—и оные, слышали они, что въ прошедшіе годы сгорѣли; а крещенаго изъ шведовъ Дмитрія Иванова, да Никиту Прокофьева (Пищальникова), Алексѣя Андреева, Ивана Петрова и матерь Анны и старухи прозваніемъ Макѣевой,—у нихъ оныхъ нѣтъ, и про нихъ

не знаютъ. А имѣются здѣсь бывшій морского флота прапорщикъ Иванъ Андреевъ и Матвѣй Ермолаевъ».

Посланные отъ олонецкаго духовнаго правленія и Стороженскаго архимандрита при такомъ упорствѣ, умбинскихъ скитскихъ старцевъ, не смѣя рѣшаться на крутыя мѣры, воротились ни съ чѣмъ и представили только письмо.

7-го мая 1748 года, новгородская консисторія велѣла указомъ на Олонецъ кончить слѣдствіе скорѣе, но изъ дѣла не видно—къ чему привела эта энергія? Позволительно думать, что «Терентіевы согласники» послѣдовали за своимъ учителемъ, т. е. всѣ сгорѣли, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшія разъясненія даетъ какой-то обратившійся къ церкви раскольникъ, поповъ сынъ Алексѣй Иродіоновъ:

«Во время-де обрѣтательства его, Иларіонова, прошлаго 1747 года въ Даниловскомъ скиту, изъ показанныхъ по доношенію, старецъ Серапіонъ жительство имѣлъ въ Алексинскомъ скиту, по разнымъ домамъ, а прочіе раскольники: Дмитрій Ивановъ, Никита Прокофьевъ, Алексѣй Андреевъ, Иванъ Петровъ съ матерью и старухой, и вышедшій изъ Соловковъ старецъ, да Афанасій Ивановъ—напредъ сего были-ль и гдѣ нынѣ обрѣтаются—онъ, Алексѣй, не извѣстенъ. А старцы: Терентій и Филаретъ, да матросъ Михайло Петровъ, подлинно сгорѣли. А показанные Тучинымъ, якобы нетлѣнныхъ трехъ старцевъ трупы лежатъ: Корнилій и Виталій—отъ Данилова скита въ 12 верстахъ, на «Жаломъ мѣстечкѣ» [1]), называемомъ кирпичномъ заводѣ, подъ часовнею, а Кириллъ—отъ мѣстечка «Кирилловой пристани» разстояніемъ въ одной верстѣ, а отъ показаннаго Даниловскаго скита—въ восьми верстахъ; лежитъ на пустомъ мѣстечкѣ, подъ часовнею-жъ. А тлѣнны-ли, или нетлѣнны—о томъ письменнаго извѣстія не имѣется, и онъ, Алексѣй, не знаетъ, и никѣмъ не свидѣтельствованы—точію слава о нихъ пронесена пустая и весьма ложная ко всѣмъ скитамъ отъ раскольниковъ, яко-бы они нетлѣнны. А онъ, Алексѣй, въ оныхъ часовняхъ былъ и видѣлъ, что лежатъ означенные трупы подъ землею, а не на верху земли, а самыхъ тѣхъ труповъ не видалъ».

Подъ отношеніемъ новгородской консисторіи подписались: Павелъ, архимандритъ Юрьевскій, Дамаскинъ, архимандритъ Хутынскій, Виссаріонъ, ахимандритъ Вологодскій.

---

[1]) «Жалое мѣсто», «жальница»—слово древнее и означаетъ могилу, кладбище.

VIII.

Показанія Василья Филимонова, Прокофья и Бориса Пищальниковыхъ.—Тучинъ пытается еще напутать.—Поиски за Никитой - Игнатіемъ.—Никита черезъ четыре года найденъ и разсказываетъ свою исторію.—Личность Никиты.—Вліяніе каторжника Круглова.

Результаты слѣдствія въ средѣ самыхъ олонецкихъ раскольниковъ были не полны: не нашли многихъ, и между прочимъ Ивана Филимонова и Никиту Прокофьева Пищальникова, котораго сильно желали доискаться, прочтя его «хулительныя» на церковь письма. Согласно просьбѣ ростовскаго архіерея Арсенія, синодъ послалъ въ контору главнаго магистрата въ Петербургѣ указъ о сыскѣ и приводѣ Василья Филимонова (брата Ивана), а также братьевъ Никиты Пищальникова, Бориса и Прокофья, такъ какъ всѣ трое были записаны въ петербургское купечество.

О Никитѣ, сверхъ всего, велѣно было написать еще архангельскому архіепископу Варсонофію, чтобъ поискалъ его во всей епархіи, на «океанъ-морѣ», т. е. на островахъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, куда поморскіе раскольники ходили за рыбнымъ промысломъ, а наиболѣе ревностные къ «нуждному» житію и селились въ одиночку.

Указъ въ магистратъ былъ посланъ въ іюнѣ 1748 года, а черезъ два мѣсяца, въ августѣ (25-го) былъ найденъ въ Петербургѣ и поставленъ къ допросу въ синодъ Василій Филимоновъ и показалъ, что 13 лѣтъ тому назадъ отецъ его и съ сыновьями, его братьями, уѣхалъ изъ деревни Николы-бой въ Петербургъ, затѣмъ въ Ригу. Братъ Иванъ отправился будто бы въ Сибирь, къ Демидову на заводы, и съ тѣхъ поръ о немъ **никакихъ извѣстій** не получалъ. Нынѣ онъ, Василій состоитъ въ петербургскомъ купечествѣ, служилъ на галіотѣ у лабазника Дорофѣева по 12 р. въ годъ, а въ настоящемъ году (1748) выбранъ въ «вѣрные цѣловальники, для продажи казеннаго вина и пива». Православный, къ исповѣди и причастію ходитъ, но не каждый годъ, ибо за многими трудами и отлучками не приходится.

Черезъ мѣсяцъ, въ сентябрѣ, доставили въ синодъ средняго брата Пищальникова, Прокофья, и допросили. Показанія его объ отдачѣ ихъ въ Кронштадтъ въ ученье и о безвѣстномъ побѣгѣ Никиты точь-въ точь сходно съ показаніемъ отца.

Выйдя изъ ученья, они торговали въ Петербургѣ, потомъ поѣхали къ отцу въ Романовъ, гдѣ тоже торговали, разъѣзжая по разнымъ городамъ, въ 1747 году пріѣхали опять въ Петербургъ, и братъ Борисъ ушелъ торговать на баркахъ. Въ домѣ отца въ Романовѣ онъ, Прокофій, **никакихъ** книгъ не видалъ; о братѣ Ни-

китѣ, со времени побѣга, никакихъ извѣстій не имѣетъ, ничего ему не посылалъ, писемъ отъ него не получалъ. Самъ онъ исповѣдуетъ православіе, къ исповѣди и причастію ходитъ, крестится тремя перстами.

Словомъ, показаніе Прокофья было такъ ловко составлено, что не давало повода придраться ни къ одному новому имени.

Еще черезъ два мѣсяца, въ ноябрѣ того же 1748 года, въ синодъ явился своею волею старшій братъ Пищальникова, Борисъ, для дачи показаній и показалъ точъ-въ-точь тоже, что и средній братъ, а о братѣ Никитѣ отговорился полнымъ незнаніемъ. Ни книгъ, ни писемъ, не видалъ и не читалъ, такъ какъ грамотѣ не умѣетъ. Самъ православный и прочее.

Въ октябрѣ 1748 года, безвыѣздно находящемуся въ Петербургѣ Тучину пришла новая бѣда: у него уже давно не было паспорта, для взятья котораго ему надо было съѣздить въ Ростовскій уѣздъ, но безъ указа онъ не смѣлъ отлучиться изъ Петербурга. По этой причинѣ онъ написалъ въ синодъ прошеніе, гдѣ просилъ, чтобы рѣшеніе по его дѣлу было учинено и ему «въ оправданіе и въ вѣрную его по святой церкви службу» данъ указъ, а также, чтобъ было сообщено въ ростовскую епархію о его безпаспортномъ пребываніи въ Петербургѣ, а ему дано свидѣтельство.

Свидѣтельство ему было дано въ декабрѣ и ободренный Тучинъ въ томъ же декабрѣ новымъ доношеніемъ въ синодъ попытался дать кое какія разъясненія и дополненія къ своему первоначальному доносу: «Въ канцеляріи святѣйшаго правительствующаго синода дѣло мое имѣется, при которомъ, по ревности моей къ св. церкви, показано мною на раскольниковъ, какъ о потаенныхъ, такъ и записныхъ съ изъясненіемъ имянъ и званія городовъ вотчинъ и раскольническихъ скитовъ. Въ томъ числѣ за бытіемъ моимъ показано города Романова на купца Илью Федорова, а по достовѣрной моей о немъ справкѣ, оный Федоровъ означеннаго города купцомъ не бывалъ, но токмо того-жь Романовскаго уѣзда вотчины Спасоярославскаго монастыря, деревни Есиплева (?) крестьянинъ, который по увѣдомленію моему нынѣ жительство свое имѣетъ въ С.-Петербургѣ, на землѣ господина Черкасскаго, близъ монастыря Невскаго, въ хлѣбномъ лабазѣ, той же вотчины, деревни Петрецова съ крестьяниномъ Емельяномъ Дмитріевымъ Олсуфьевымъ въ одномъ покоѣ, обще. Никита Пищальниковъ живетъ въ Олонецкомъ уѣздѣ, въ терентіевскомъ согласіи и понынѣ, о которомъ засвидѣтельствовать можетъ обратившійся раскольникъ Сергіева скита, Даниловa согласія, Григорій Яковлевъ, къ которому Пищальниковъ, въ нынѣшнемъ 1748 году, неоднократно приходилъ и разговоры имѣлъ, о чемъ подробнѣе покажетъ самъ Григорій Яковлевъ. Содержащійся въ канцеляріи святѣйшаго синода Василій Филимоновъ подъ арестомъ, который, по допросѣ своемъ, освобож-

наѣ «на роспиську», показалъ въ допросѣ объ отцѣ своемъ Филимонѣ Михайловѣ сущую неправду, которую могу изобличить свидѣтельствомъ».

Въ заключеніе Тучинъ проситъ всѣхъ означенныхъ лицъ сыскать и допросить.

Къ доносу Тучина, по безграмотности его, руку приложилъ маляръ Александръ Ветошниковъ.

Послѣ этого доношенія дѣло затянулось надолго. Допросами и розысками не торопились, такъ какъ изъ дѣла ничего новаго или особенно важнаго не выяснялось. Только въ Олонецкой губерніи по прежнему чрезъ уѣздныхъ «сыщиковъ» дѣлали облавы на старцевъ, отыскивая лицъ, требуемыхъ разными консисторіями. Никиты Пищальникова не находили долго, онъ весьма успѣшно избѣгалъ поимки, скрываясь въ «непроходимыхъ мѣстахъ».

Все это время Тучинъ жилъ въ Петербургѣ, кое-чѣмъ перебиваясь и бросивъ свое огородное дѣло.

Наконецъ, черезъ четыре года по возникновеніи дѣла олонецкимъ сыщикомъ, между прочимъ народомъ попался и Никита Прокофьевъ Пищальниковъ, нынѣ уже монахъ Игнатій. Когда пойманныхъ разсортировали—Никиту отправили въ ростовскую духовную консисторію, такъ какъ оттуда онъ былъ требованъ у олонецкихъ властей.

Въ іюнѣ 1751 года, архіерей Арсеній произвелъ допросъ долго жданному «хулителю святыя церкви», и до сентября объ этомъ ничего не знали въ Петербургѣ, пока Арсеній не прислалъ новаго донесенія синоду, отъ 30-го сентября.

Въ этомъ второмъ доношеніи сначала повторено почти все то, что̀ писано въ первомъ, а затѣмъ приводятся допросныя рѣчи Никиты Пищальникова.

Въ началѣ показаній о своемъ дѣтствѣ, родителяхъ и объ отвозѣ въ Кронштадтъ, онъ говоритъ совершенно сходно съ показаніями отца и братьевъ, и ничего новаго не обнаруживается. Но затѣмъ идетъ разсказъ о его похожденіяхъ въ олонецкихъ предѣлахъ и о совращеніи его въ расколъ Кругловымъ.

Разсказъ этомъ интересенъ въ сопоставленіи съ разсказомъ Тучина своею яркою противоположностію второму. Какъ тамъ, у Тучина, во всей исторіи совращенія преобладало разсужденіе и спокойное обсужденіе догматовъ и «разностей въ писаніи», такъ здѣсь, у Никиты, видно фанатическое увлеченіе словами искуснаго совратителя. Тучинъ два года говоритъ съ разными раскольниками въ Москвѣ и Петербургѣ, «смотритъ житіе», обсуждаетъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и не сразу рѣшается перейти въ расколъ. Напротивъ того, Никита Пищальниковъ, послѣ нѣсколькихъ увлекательныхъ разсказовъ «клейменаго», съ рваными ноздрями, каторжника Круглова, слѣпо, съ молодой беззавѣтной энергіей

бросаетъ все и бѣжитъ въ тѣ мѣста, гдѣ цвѣтетъ благочестіе, гдѣ люди идутъ прямою дорогою въ царствіе небесное. Да и самая личность Круглова, пострадавшаго «за вѣру», должна была производить на молодаго увлекающагося Никиту сильное впечатлѣніе.

Изъ всѣхъ братьевъ, Никита выдѣляется особенно: онъ грамотенъ, тогда какъ оба старшіе братья безграмотны; онъ въ очень молодыхъ годахъ пишетъ прекрасныя письма, гдѣ обнаруживаетъ начитанность богословскими книгами, стремится проповѣдывать другимъ истины, только-что воспринятыя самимъ, — и вообще въ немъ видны всѣ задатки для того, чтобъ впослѣдствіи изъ него выработался старецъ — раскольничій учитель, «сосудъ избранный благодати Божіей». Но послушаемъ его собственныхъ показаній, какъ они записаны приказною рукою консисторскаго писца.

IX.

Кругловъ совращаетъ Никиту.—Бѣгство изъ Кронштадта.—Дорожныя приключенія.—Никита обворованъ.—Приходъ въ Умбинскіе скиты.—Постъ и крещеніе.—Никита въ «непроходимыхъ мѣстахъ». — Поимка Никиты и «успѣшное обращеніе» всего раскольничьяго улова.—Обращеніе Никиты къ церкви. — Дополнительныя свѣдѣнія о раскольникахъ.—Конецъ допроса.

Начало показаній Пищальникова, какъ мы уже сказали, во всемъ сходны съ показаніями отца и братьевъ; мы прослѣдимъ за ними съ того мѣста, которое даетъ новыя свѣдѣнія о его пребываніи въ Кронштадтѣ.

«Въ 1739 (37?) году онъ, Никита, былъ свезенъ въ Кронштадтъ, а сколькихъ отъ рожденія въ то время былъ лѣтъ — не припомнитъ [1]), и жилъ у брата своего родного Прокофья Пищальникова и сидѣлъ отъ него въ лавкѣ за мучнымъ товаромъ, полшеста года. И живучи-де тамъ, онъ, Никита, отца духовнаго себѣ имѣлъ кронштадтской церкви Казанской попа Василья Федорова, у коего-де повсягодно исповѣдывался и святыхъ таинъ пріобщался. И во время-де этого его, Никиты, въ томъ Кронштадтѣ житія, приходя къ нему, Никитѣ, въ лавку сосланный на каторгу въ оный Кронштадтъ изъ выгорѣцкихъ записныхъ раскольниковъ, раскольникъ Иванъ Ивановъ сынъ Кругловъ [2]), для покупки муки,

---

[1]) Въ годъ допроса Никиты (1751) ему, по его словамъ, было 25 лѣтъ — слѣдовательно, въ годъ привоза его въ Кронштадтъ (1737) ему было 11—12 лѣтъ.

[2]) Кругловъ, какъ видно изъ дѣла о немъ, обнародованнаго Г. В. Есиповымъ («Раск. дѣла», т. I), былъ, послѣ рванія ноздрей, сосланъ въ Рогервикъ, а оттуда, въ 1741 году, 6-го февраля, въ Кронштадтъ. Тамъ онъ про-

меду и прочаго, и между прочими-де разговорами — **похвалялъ** выгорѣцкихъ и олонецкихъ раскольниковъ, **житіе ихъ, и богомолье, и вѣру ихъ**. И называлъ-де ихъ, раскольниковъ, — **православными**, а православную вѣру и православныхъ христіанъ— хулилъ и называлъ ихъ **еретиками** и раскольниками. И **уговаривалъ**-де его, Никиту, **принять** оную выгорѣцкихъ и олонецкихъ раскольниковъ вѣру, и говорилъ, что-де уже **отъ времени Никонова** церкви и священства, и таинъ Христовыхъ—**нѣтъ**, и спастись-де, **кромѣ таковыхъ** мѣстъ (то-есть мѣстъ, въ родѣ Выгорѣцкихъ скитовъ), **нигдѣ индѣ не можно**. Кое-де его внушеніе день-ото-дня онъ, Никита, внималъ, токмо-де еще содержалъ себя въ правовѣріи и крестное на себѣ знаменіе изображалъ **троеперстнымъ** сложеніемъ, и въ церковь для слушанія божественнаго пѣнія, ходилъ. А въ С.-Петербургъ-де онъ, Никита, пріѣзживалъ временно, на галіотѣ, для покупки и нагруженія изъ барокъ муки и отвезенія въ Кронштадтъ, въ лавку для продажи, и бывалъ-де тамъ только по однимъ суткамъ, ово С.-Петербургскихъ, ово Новгородскихъ, ово же Тверскихъ купцовъ на баркахъ, у прикащиковъ ихъ, а кто именно—не упомнитъ.

«А села-де Порѣчья крестьянина Ивана Тучина, изъ Олонца, Даниловскаго скита раскольниковъ: Кузьму Львова и Ивана Никифорова—**не знаетъ**.

«И подъ Невскимъ монастыремъ, купца Афанасія Дорофѣева въ мучномъ лабазѣ **не бывалъ**, и романовскаго же купца Илью Федорова—**не знаетъ же**.

«И по внушенію-де онаго раскольника Круглова, въ одинъ изъ годовъ, **а въ коемъ именно**—не припомнитъ,—**неотмѣнно воспріялъ онъ**, Никита, **намѣреніе** идти въ олонецкіе предѣлы къ раскольникамъ для принятія вѣры ихъ. И, таясь брата своего Прокофья, сталъ креститься двоеперстнымъ сложеніемъ и согласясь съ крестьяниномъ Пошехонскаго уѣзда, вотчины Андріанова монастыря, села Пертомы Иваномъ Ѳедоровымъ, который-де въ томъ же ряду сидѣлъ въ лавкѣ за «щепьемъ» (т. е. за «щепянымъ» товаромъ, какъ называютъ деревянныя ложки, ковши, тарелки, чашки, корыта и т. п.),—**и заперши** и запечатавши лавку, въ коей онъ, Никита, сидѣлъ, **взявъ** съ собой денегъ рублей съ 30 (?), **въ небытность** онаго брата его въ Кронштадтѣ (а былъ-де онъ тогда въ Петербургѣ, въ апрѣлѣ или маѣ мѣсяцѣ), взявъ отъ помянутаго каторжника Круглова, **какъ на Олонецъ идти**

былъ до 6-го августа **того** же года, когда его отослали обратно въ Рогервикъ. Кругловъ могъ видѣться съ Никотою **только въ этотъ періодъ**; а между тѣмъ **первое** письмо Никиты, **съ пути**, т. е. когда онъ уже бѣжалъ въ скиты, помѣчено 1740 годомъ, 29-го ноября. Можетъ быть, дата перваго письма ошибочно списана въ дѣлѣ.

письмо (то есть путеводитель до скитовъ), и потому-де письму, изъ Кронштадта вышедъ на Ораніенбаумскую сторону, а оттуда на пригородокъ Копорья, изъ Копорья въ Новгородъ, а въ Новгородѣ, нанявъ изъ московскихъ ямщиковъ ямщика (а какъ ему имя не знаетъ) на парѣ, давъ ему по договору 7 р. 50 к., опасаясь отъ онаго брата Прокофья погони, поѣхали на Тверь.

«И пріѣхали въ Угличъ, а въ Угличѣ, нанявъ изъ попутчиковъ «бѣлозеровъ», далъ полтора рубля до села Череповца. А въ томъ-де селѣ Череповцѣ показанный товарищъ его, пошехонецъ. отъ него, Никиты, отсталъ и пошелъ въ Пошехонье, въ село Пертому и унесъ у него денегъ изъ сумки рублей съ 20 [1]).

«А онъ-де, Никита, изъ Череповца пошелъ одинъ на Бѣлоозеро, а съ Бѣлоозера на вотчину Бадогу, а съ Бадоги на Вытегру, а съ Вытегры въ Суземокъ, гдѣ живутъ все раскольники. И пришедъ въ скитъ, называемый Умбинскій, находящійся на рѣкѣ Умбѣ, къ раскольническому учителю Матвѣю Ермолаеву, въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ первыхъ числахъ, у коего-де въономъ скитѣ, мужеска полу было человѣкъ съ 90, а большей части много изъ новгородцевъ, а женска полу было человѣкъ съ 20, кои-де въ особой кельѣ. И оный-де раскольническій учитель Матвѣй Ермолаевъ, велѣлъ ему, Никитѣ, а съ нимъ вмѣстѣ въ томъ же скитѣ тогда бывшимъ: изъ шведовъ Дмитрію Иванову, да отставнымъ: прапорщику морскаго флота Ивану Андрееву, да матросу Михайлу Петрову—поститься шесть недѣль, по коему-де его повелѣнію они и постились. А для слушанія вечерень, утрень и часовъ и для моленія ходили въ имѣющуюся въ томъ скитѣ часовню деревянную, въ коей-де по ихъ раскольнической прелести оному моленію «начала» читалъ Ермолаевъ. Потомъ Ермолаевъ въ лежащей подлѣ того скита рѣкѣ Умбѣ его, Никиту, Дмитрія Иванова, прапорщика и матроса—перекрещивалъ и нарекъ имъ имена всѣмъ Игнатіями, и имѣющіеся на нихъ кресты снялъ, а положилъ свои кресты, каковые дѣлаются въ Суземкѣ по ихъ раскольнической прелести, мѣдные. И тогда-жъ, въ томъ же-де скитѣ былъ Иванъ Филимоновъ, который-де родомъ изъ Ростовскаго уѣзда, села Николы-бой, крестьянинъ; который-де въ тотъ скитъ пріѣхалъ еще до пріѣзда его, Никиты, задолго и при немъ-де побылъ только дней съ шесть, поѣхалъ въ С.-Петербургъ. А показаннаго-де порѣчанина Ивана Федорова Тучина — тогда при немъ, Никитѣ, не было, и съ нимъ онъ не перекрещиванъ [2]), и когда онъ Тучинъ перекре-

[1]) Въ пятомъ своемъ письмѣ къ родителямъ Никита называлъ своего спутника Ларіономъ и сумму украденныхъ въ Череповцѣ денегъ показывалъ въ 500 рублей.

[2]) Замѣчательно согласіе показаній Тучина и Пищальникова относительно крещенія ихъ на Умбѣ, и лицъ присутствовавшихъ при этомъ. Однако Никита

щенъ—онъ, Никита, не знаетъ. И жилъ-де онъ, Никита, въ скитѣ до второй недѣли великаго поста, и на первой недѣлѣ онъ исповѣдывался у Матвѣя Ермолаева, а не причащался, понеже-де у нихъ въ скитѣ никакого причастія не имѣется. И принявъ отъ того лжеучителя благословеніе и взявъ съ собою псалтирь, да общую минею всѣхъ святыхъ, да часовникъ—старопечатные,—да святцы, кои назывались обиходникомъ съ тропарями и кондаками—письменныя,—изъ того скита пошелъ къ морю, на востокъ, за Еригорскій (?) монастырь, въ коемъ-де почиваетъ преподобный Діодоръ, и имѣются-де въ томъ монастырѣ строитель да монахи, а сколько человѣкъ—не знаетъ, православнаго исповѣданія. Токмо-де онъ въ томъ монастырѣ не былъ, а прокатывался мимо него на лыжахъ, за оный монастырь въ лѣсъ, верстъ двадцать, а отъ онаго Умбинскаго скита—верстъ съ восемьдесятъ и болѣе, при самой той рѣки Умбы верхотинѣ. И избравъ мѣсто, и построя спаленку, жилъ одинъ, и питался, привозя самъ отъ онаго лжеучителя Матвѣя муки пуда по два, и дровъ съ большихъ сосенъ, корку, сушилъ и толокъ въ ступѣ, и мололъ въ жерновахъ, и, мѣшая съ тою мукою, пекъ—то и ѣлъ, а пилъ воду. И поживъ съ годъ, на святую недѣлю пришелъ въ тотъ же скитъ къ Матвѣю, и просилъ, чтобы его, Никиту, постригъ. И онъ, лжеучитель, призвавъ того же скита раскольническаго монаха Іоанна, который и положилъ на него, Никиту, по раскольническому обряду ряску черную да куколь и мантію, безъ всякаго молитвословія, и нарекъ ему имя Іоасафомъ, и велѣлъ ему исполнять правило монашеское. И по облаченіи-де онаго монашескаго платья, въ томъ скиту онъ, Никита, бытъ только святую да ѳомину недѣлю, и отбылъ обратно въ свою келію, и былъ въ ней до взятія его присланнымъ отъ обрѣтающагося въ городѣ Олонцѣ сыщика, капитана Афанасія Петрова Жеребцова, поручикомъ Ксенофонтомъ Григорьевымъ Лотовымъ, который-де его, Никиту взялъ въ прошломъ 1750 году, на сырной недѣлѣ и отослалъ съ прочими таковыми-жъ перекрещеными, коихъ съ нимъ было человѣкъ съ 20 (въ томъ числѣ новгородчанъ 8, москвичей 2, и съ Бѣжецка 2, изъ города Устюжны 1, изъ города Архангельскаго 2, Ярославскаго уѣзда, вотчины помѣщика Дохтурова, изъ-подъ Углича, крестьянинъ Матвѣй Алексѣевъ, да означенный изъ шведовъ Дмитрій Ивановъ) въ Олонецъ къ показанному сыщику Жеребцову, и оный-де сыщикъ по допросамъ ихъ писалъ о нихъ въ святѣйшій правительствующій синодъ, а изъ синода по присланному къ сыщику указу, онъ отослалъ ихъ въ новгородскую духовную кон-

отрицаетъ присутствіе между крестившимися Тучина, хотя ему нѣтъ никакого разсчета дѣлать это нарочно. Остается предположить, что Никита Пищальниковъ просто забылъ о Тучинѣ.

систорію въ петропавловскій постъ. И въ той-де консисторіи ихъ всѣхъ допрашивали обстоятельно, въ коихъ-де своихъ допросахъ, между прочимъ (всѣ) обратиться паки въ православную вѣру желаніе показали. И по допросамъ, для надлежащаго въ православной вѣрѣ утвержденія, разосланы они были въ разные монастыри, для содержанія и хожденія въ тѣхъ монастыряхъ въ церкви Божіи для слушанія вечернихъ, утреннихъ пѣній и всенощныхъ бдѣній и божественныхъ литургій. Въ томъ числѣ онъ, Никита, посланъ былъ въ Антоніевъ монастырь, въ коемъ, того монастыря архимандритъ Іоасафъ, въ имѣвшейся въ томъ монастырѣ семинаріи, въ которой онъ имѣется главнымъ учителемъ,—завсегда его, Никиту, къ содержанію въ вѣрѣ православнаго грекороссійскаго исповѣданія, наставливалъ и утверждалъ, самъ показуя отъ божественнаго писанія о томъ, что́ душепагубное и богомерзкое раскольническое заблужденіе есть. Такожде и прочими той семинаріи учителями наставляемъ былъ недѣль съ двадцать (!), по коему ихъ наставленію онъ, Никита, позналъ, что оное его въ расколѣ пребываніе — было богомерзкое и весьма душепагубное, подлинно. И того ради возжелалъ обратиться къ церкви святой, въ православную вѣру, всеусердно и быти сыномъ святой церкви всегда, неотступно. И потому-де его желанію, онъ, Никита, по отсылкѣ изъ того монастыря въ консисторію, сего 1751 года, въ св. великій постъ, по надлежащемъ говѣніи, съ вышепоказанными, присланными отъ сыщика Жеребцова, во св. великій пятокъ, къ отрицательной отъ раскола присягѣ приведены Хутыня монастыря архимандритомъ Дамаскинымъ, а во исповѣданіи были Софійскаго собора у протоіерея Досиѳея и пресвятыхъ христовыхъ таинъ причащены во св. великую субботу, при присутствіи преосвященнаго Стефана, архіепископа великоновгородскаго и великолуцкаго, въ Софійскомъ соборѣ архимандритомъ Дамаскинымъ, а потомъ взяты у нихъ обязательства съ подписками ихъ токмо другъ по другѣ, въ томъ, что имъ впредь содержать себя въ правовѣріи твердо и не поколебимо и о прочемъ. И на третьей же недѣлѣ послѣ пасхи, въ понедѣльникъ, изъ оной новгородской консисторіи отосланы они въ новгородскую губернскую канцелярію для отсылки ихъ на прежнія жилища. А изъ оной-де губернской канцеляріи, куда кои подлежатъ, въ томъ числѣ онъ, Никита, наипервѣе въ тверскую, а изъ тверской въ углицкую провинціальныя, а изъ углицкой въ романовскую воеводскую канцеляріи. А изъ романовской воеводской канцеляріи въ романовскій магистратъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, изъ котораго онъ, Никита, и отданъ присланнымъ по него изъ ростовской духовной консисторіи. А на воровствахъ и на разбояхъ и за то въ розыскахъ и публичномъ наказаніи нигдѣ не бывалъ; а письма-де, кои онъ, Никита, будучи въ раскольнической прелести, писалъ, каковы взяты въ домѣ предъявленнаго отца его, къ оному

отцу и матери и братьямъ. И тѣми письмами Христа Спасителя нашего Бога и пресвятыя и животворящія его тайны хулилъ и называлъ антихристовымъ тѣломъ; и церковь Божію и священный чинъ духовный и св. патріарха Никона хулилъ же. И то-де все онъ, Никита, писалъ по внушенію умбинскаго скита учителя Матвѣя Ермолаева и прочихъ раскольниковъ. И тѣ-де письма для отсылки отдавалъ онъ Матвѣю, а онъ-де съ кѣмъ ссылалъ—о томъ Никита не знаетъ. И о томъ, что онъ Никита по внушенію раскольниковъ тѣ хульныя письма писалъ,—нынѣ кается и весьма о томъ сокрушается сердцемъ и жалѣетъ. И оный-де лжеучитель Матвѣй и прочіе съ нимъ раскольники и раскольницы, собрався вси въ предпомянутую часовню, въ прошломъ 1750 году, въ арцивуріеву, т. е. сплошную недѣлю, и зажегши ее, вси сгорѣли. Да напрежъ-де того, въ разныхъ годахъ, въ тѣхъ же олонецкихъ мѣстахъ и на той же рѣкѣ Умбѣ были еще «три гари», изъ коихъ съ Терентьемъ старцемъ (коего онъ въ письмѣ именовалъ отцомъ) сожглось 98 человѣкъ, да съ Филиппомъ (коего тако-жъ въ письмѣ своемъ писалъ отцомъ же) 60 человѣкъ. А во всѣхъ же тѣхъ трехъ «гаряхъ» сожглось обоего пола людей не малое число, о чемъ-де онъ слышалъ отъ Матвѣя. И вси-де тѣ скиты были Данилова толку. И въ тѣхъ же своихъ письмахъ писалъ, якобы тамъ имѣются нетлѣнныя, невредимыя мощи числомъ 20—и то-де онъ, Никита, писалъ съ повелѣнія онаго же Матвѣя и прочихъ раскольниковъ, а самъ-де онъ, Никита,—ихъ не видѣлъ. А къ Дмитрію-де Пятошину оттуда кто ѣздоки были — о томъ онъ не знаетъ; а на дорогѣ-де его обралъ, т. е. деньги у него унесъ пертомецъ Иванъ Федоровъ, а не Ларіонъ—написанъ ошибкою;—и денегъ у него 500 рублей тогда не было. И Филиппа Климова, коему-де оттуда выслано 12 праздниковъ написанныхъ, онъ не знаетъ, и гдѣ онъ живетъ—не вѣдаетъ. И что нынѣ онъ, Никита, подлинно сынъ святыя православныя церкви и въ вѣрѣ православнаго исповѣданія содержитъ и впредь содержать себя будетъ неотмѣнно, — въ знакъ того своего правовѣрія всѣхъ раскольниковъ и церкви святой противниковъ, онъ, Никита, въ церкви Божіей публично по печатному клятвенному исповѣданію, — проклянетъ безъ всякаго къ тому сомнѣнія и отлагательства, а потомъ и грѣховъ своихъ исповѣдь учинитъ и св. таинъ причаститься желаетъ всеусердно. И впредь повсягодно исповѣдываться и причащаться будетъ неотмѣнно».

Тутъ кончается допросъ Никиты Пищальникова, сообщенный синоду ростовскимъ архіереемъ Арсеніемъ въ сентябрѣ 1751 года.

X.

Особыя черты въ показаніи Никиты. — Десятилѣтній промежутокъ. — Слезное прошеніе Тучина, чтобъ отпустили отъ Синода.—Заключеніе.

Показаніе Никиты - Игнатія - Іоасафа Пищальникова рисуетъ намъ новыя черты быта поморскихъ раскольниковъ—ихъ отъѣзды на лыжахъ въ лѣсную глушь, чтобы искусить себя «нужднымъ пустыннымъ житіемъ» передъ тѣмъ, какъ принять на себя чинъ монашескій. Въ показаніи его еще замѣчателенъ тотъ фактъ, что всѣ двадцать человѣкъ раскольниковъ, пойманныхъ Жеребцовымъ, единодушно возжелали отречься отъ раскола и были разосланы въ разные монастыри, гдѣ ихъ начали увѣщать и увѣщали, если судить по Пищальникову, довольно долго—пять мѣсяцевъ!—и это при выраженномъ ими всемѣрномъ желаніи присовокупиться въ церкви!.. Въ доношеніи архіерея, писанномъ опытнымъ консисторскимъ дѣльцомъ, все это выходитъ чисто, гладко и тихо, но факты заставляютъ предполагать за этимъ «всемѣрнымъ желаніемъ»—«властельскую грозу» и принужденіе, разъ раскольники попали «въ руки» и сожечься, разосланные въ разные монастыри, не могутъ!

Во всякомъ случаѣ,—дѣлу-бы на этомъ и кончиться, такъ какъ главные персонажи его—или обратились въ православіе, или сгорѣли, но нѣтъ!—Синоду требовалось ждать сысковъ и допросовъ всѣхъ, даже самомалѣйшихъ участниковъ, а это тянулось десятками лѣтъ!..

И все это время несчастный Тучинъ жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ, и черезъ пятнадцать слишкомъ лѣтъ послѣ начала дѣла мы встрѣчаемъ еще прошеніе Тучина въ синодъ, но уже не съ прежнимъ задорнымъ желаніемъ «обличить» и доказать, а жалостное и смиренное.

Вотъ что писалъ Иванъ Тучинъ въ маѣ 1762 года:

«По истинному моему къ святой каѳолической церкви усердію и ревности, въ прошломъ 1747 году доносилъ я, именованный, въ святѣйшій правительствующій синодъ о раскольническихъ мощахъ и учителяхъ и о потаенныхъ раскольникахъ, по которому дѣлу велѣно мнѣ было въ С.-Петербургѣ до указу безотлучно; почему съ даннымъ отъ святѣйшаго правительствующаго синода въ 1748 году, декабря 14-го, письменнымъ свидѣтельствомъ и нахожусь здѣсь безвыѣздно четырнадцатый годъ, а понеже, сверхъ объявленнаго моего въ 1747 году доносу, за старостію и многопрошедшимъ временемъ, по тому дѣлу показывать болѣе ничего не знаю, почему и быть мнѣ при святѣйшемъ синодѣ уже нужды не нахожу, но безъ указа отлучиться мнѣ изъ С.-Петербурга невозможно.

«Къ тому-жъ, за дряхлостію и немощію моею въ свою деревню нынѣ и ѣхать не могу, да и домишко мой крестьянскій чрезъ такое долгое время совсѣмъ разорился; и для того желаю быть въ С.-Петербургѣ и записаться въ цехъ, дабы безъ пропитанія остаться не могъ.

«Того ради всепокорнѣйше прошу святѣйшій правительствующій синодъ, въ оправданіе мое, что я предписанное время въ С.-Петербургѣ находился по указу,—дать мнѣ указъ, чтобъ мнѣ можно было, имѣя о себѣ свидѣтельство, записаться въ цехъ, и о семъ моемъ прошеніи милостивую резолюцію учинить».

Уже и въ началѣ дѣла пожилому Тучину пришлось, во время этой долговременной «волокиты», учиться въ Петербургѣ какому-нибудь ремеслу «для пропитанія», ибо «ревность къ церкви», нестолько его, сколько благопоспѣшнаго сергіевскаго попа, привела его къ разоренію, нищетѣ и тасканью по чужимъ людямъ, ради куска хлѣба.

А съ приблизившеюся «дряхлостію и немощію» ярче возникли мысли и «о душѣ», о томъ горѣ и смертяхъ и «волокитѣ», какія онъ причинилъ своимъ доносомъ десяткамъ другихъ людей, которые не добромъ поминаютъ его, немощнаго старика... Да и въ Синодѣ-то онъ не видитъ уваженія къ своей «ревности», а совсѣмъ напротивъ...

Не будемъ жалѣть о томъ, канувшемъ въ вѣчность, времени, когда на душу человѣка было наложено «иго тяжкое и не удобоносимое», и съ радостію привѣтствуемъ загорающуюся зарю свободы совѣсти и вѣротерпимости!

А. В. Арсеньевъ.

НАШЪ ТЕАТРЪ ВЪ ЭПОХУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ [1].

Въ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ годъ отечественной войны, дѣятельность русскаго театра въ Петербургѣ не прерывалась. Напротивъ, репертуаръ новыхъ патріотическихъ пьесъ каждодневно обогащался; появилось даже много балетовъ, относящихся къ военнымъ событіямъ того времени.

Спектакли въ этотъ годъ давали только на Маломъ театрѣ (нынѣшній Александринскій) и въ домѣ Кушелева, гдѣ теперь главный штабъ. На первомъ играли французы и русскіе; на второмъ нѣмцы и молодая русская труппа, составленная изъ воспитанниковъ театральнаго училища и немногихъ вновь опредѣляющихся дебютантовъ.

Въ то тяжелое время всеобщій патріотизмъ сильно отразился на нашей сценѣ. Каждый стихъ, каждое слово, примѣнимое къ тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ, вызывало цѣлую бурю рукоплесканій и самые неистовые, изступленные крики: браво, «bis»! Когда, напримѣръ въ трагедіи «Фингалъ»—актеръ говорилъ:

«Могила храбраго отечеству священна!»

или въ «Дмитріи Донскомъ»:

«Умремъ коль смерть въ бою назначена судьбою!»

или когда бояринъ возвѣщалъ Ксеніи побѣду произнося:

«Разбитый ханъ бѣжитъ, Россія освобождена!»

оглушительные единодушные аплодисменты неслись и раздавались повсюду. Актеръ стоялъ безмолвствуя по получасу, не смѣя продолжать монолога.

---

[1]) Отрывокъ изъ приготовляемой къ печати исторіи русскаго театра.

При исполненіи драмы С. И. Висковатова «Всеобщее ополченіе», одинъ изъ зрителей, видя какъ на сценѣ всѣ приносятъ въ даръ отечеству свое имущество, до того забылся, что бросилъ на сцену свой бумажникъ вскричавъ: «вотъ возьмите и мои послѣдніе 75 рублей»!

Въ этой пьесѣ мастистый семидесятилѣтній старецъ И. А. Дмитріевскій исполнялъ главную роль унтеръ-офицера Усердова, который, не имѣя уже силы идти въ ополченіе, приноситъ свои медали въ пользу ополченцевъ; артистъ изображалъ больнаго дряхлаго мужа, убѣленнаго сѣдиною, съ открытымъ челомъ, въ рубищѣ, то одушевленнаго порывомъ патріотизма, то плачущаго о своемъ безсиліи, то трепещущаго за святую свою родину. Около старца вѣяло какой-то святыней, и минуты его увлеченія были высокія минуты. Всѣ плакали отъ умиленія, самъ Дмитріевскій рыдалъ и не могъ выговорить слова, когда послѣ единодушнаго вызова хотѣлъ благодарить публику. Заслуженнаго артиста почти безъ чувствъ привезли домой. На другой день, рано, онъ получилъ запечатанный ящикъ, въ которомъ лежалъ драгоцѣнный перстень съ запиской, «Истинному сыну отечества и великому актеру».

Это былъ подарокъ великаго князя Николая Павловича.

Въ этотъ же патріотическій спектакль шелъ балетъ сочиненія Вальберха и Огюста—«Любовь къ отечеству» съ хорами и пѣніемъ, музыка сочинія Кавоса; пѣвецъ Самойловъ представлялъ русскаго генерала и пѣлъ арію. Въ драмѣ и балетѣ вся труппа была на сценѣ.

Въ тотъ день, когда было получено извѣстіе о Клястицкомъ и Кобринскомъ сраженіяхъ, шла русская опера «Старинныя святки» и Сандунова играла «Настасью». Когда, по обыкновенію, она запѣла пѣсню: «Слава Богу на небѣ, слава», то вдругъ остановилась, подошла къ рампѣ, и съ самымъ пламеннымъ чувствомъ запѣла:

«Слава храброму графу Виттенштейну,
Поразившему силы вражески! Слава!
Слава храброму генералу Тормасову,
Поборовшему супостата нашего! Слава!

Театръ загремѣлъ и потрясся отъ рукоплесканій и криковъ ура! Когда же пѣвицу заставили повторить, то она снова подошла къ рампѣ и медленно запѣла тихимъ, дрожащимъ голосомъ!

«Слава храброму генералу Кульневу,
Положившѐму животъ свой за отечество! Слава!

На этотъ разъ, весь театръ залился слезами вмѣстѣ съ пѣвицей. Энтузіазмъ артистовъ нерѣдко заходилъ и далѣе, актеры и актрисы забывали свои роли и неудержимо предавались патріотическому чувству. Такъ, знаменитая трагическая актриса К. С. Семенова, узнавъ нечаянно за кулисами о новомъ торжествѣ рус-

скаго оружія, съ радости выбѣжала на сцену и закричала. Побѣда! Побѣда!! Разумѣется, этого ни въ пьесѣ, ни въ роли ея не было.

Театръ ежедневно давалъ что нибудь патріотическое, и зала театра всегда была полна, восторгъ зрителей, при каждомъ словѣ, имѣющемъ какую нибудь аналогію, доходилъ до изступленія. Любимыми въ то время пьесами были: «Пожарскій», «Дмитрій Донской», «Всеобщее ополченіе», «Илья Богатырь»; въ послѣдней пьесѣ куплеты: «Побѣда, побѣда, русскому герою» всегда приводили публику въ патріотической восторгъ. Балетъ «Любовь къ отечеству» и множество дивертисементовъ, въ которые П. А. Корсаковъ вставлялъ свои куплеты, всегда приходились по вкусу зрителей.

При вступленіи русскихъ въ Парижъ, и по полученіи о томъ извѣстія, поставленъ былъ на сценѣ балетъ Огюста «Геній Благости». Это былъ аллегорическій апоѳеозъ виновнику славы Россіи, Александру Благословенному. При перемѣнѣ декорацій аллегорія оканчивалась и побѣдители являлись въ Парижъ, гдѣ побѣжденные и побѣдители вмѣстѣ праздновали торжество «Генія Благости». Стихи:

«Честь Александру
Хвала царю царей!

пѣтые актеромъ Бобровымъ, не пѣвцемъ, производили громовый эффектъ. Въ комедіяхъ «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ» насмѣшки и каррикатуры на французовъ вызывали также полный и неудержимый смѣхъ.

Иногда и французскіе актеры, игравшіе въ то время въ Петербургѣ, жертвуя своимъ роднымъ патріотическимъ чувствомъ, разыгрывали русскія патріотическія пьесы на французскомъ языкѣ. Такъ, извѣстный въ то время актеръ Дальмасъ поставилъ въ свой бенефисъ Озеровскаго «Дмитрія Донского», а знаменитая трагическая актриса Жоржъ исполняла роль княжны «Ксеніи». Но такіе спектакли въ петербургской публикѣ не находили сочувствія и встрѣчали одно холодное вниманіе.

Вся высшая аристократія, съ открытіемъ войны, перестала посѣщать французскій театръ. Разсказываютъ, что передъ объявленіемъ войны случился въ немъ слѣдующій казусъ:

Въ то время существовалъ обычай возвѣщать со сцены составъ спектакля на слѣдующій день, и актеры, выходя всегда съ тремя обычными поклонами, говорили: Messieurs, demain nous aurons l'honneur de vous donner и проч. Когда же началась война, то однажды первый актеръ Дюренъ, выйдя для анонса и начавъ свою всегдашнюю фразу: Messieurs! увидалъ, что въ залѣ всего сидитъ одинъ зритель, и то кажется должностное лицо, а потому тотчасъ же перемѣнилъ начало рѣчи и сказалъ: Monsieur, demain nous aurons l'honneur... закрыть спектакли, распустить труппу и т. д.

Ненависть къ французамъ, въ годъ войны, въ народѣ была чрезвычайно сильна. Много людей пострадало за то только, что не оставило обыкновенія говорить на улицѣ по-французски. Простой народъ останавливалъ такихъ господъ, подозрѣвалъ ихъ въ шпіонствѣ и передавалъ въ руки полиціи. Чуть-чуть за такую привычку говорить по-французски не поплатился жизнью директоръ петербургскихъ театровъ, князь Тюфякинъ, заговорившій въ Казанскомъ соборѣ, во время обѣдни, со своимъ знакомымъ на этомъ ненавистномъ въ то время языкѣ. Только находчивость и распорядительность ловкаго полицейскаго офицера спасла жизнь князя. Онъ пробился сквозь толпу и учтиво попросилъ князя Тюфякина послѣдовать за нимъ къ главнокомандующему, графу Вязьмитинову. Князь повиновался и нѣсколько сотъ людей послѣдовали за нимъ въ Большую Морскую. Толпа эта безпрестанно возрастала дорогою; всѣ твердили, что поймали важнаго шпіона. Непріязненное и враждебное расположеніе толпы на дорогѣ все увеличивалось и безъ полицейскаго конвоя едва ли князь остался бы живъ. Графъ избавилъ князя отъ печальныхъ сценъ, выпустивъ его изъ другихъ воротъ и выславъ къ народу полицеймейстера Чихачева съ объясненіемъ, что приведенный человѣкъ вовсе не шпіонъ, а русскій князь.

Въ петербургѣ за все время войны спектакли не прерывались. Но въ Москвѣ ихъ уже не было. Грозный громъ битвы подъ Бородинымъ уже гремѣлъ—и жрицы и жрецы Таліи и Мельпомены испуганно бѣжали изъ предѣловъ Бѣлокаменной.

Князь Долгоруковъ въ «Капищѣ моего сердца» разсказываетъ два эпизода изъ бѣгства нашихъ актеровъ изъ Москвы, во время вступленія французовъ. «Когда партизаны непріятельскіе уже начинали грабить около нашей подмосковной, тогда мы снабдили подводами семейства актеровъ: Мочалова съ женою и дочерью и пѣвицу Носову съ матерью — и доставили имъ возможность дотащиться до Ярославля, куда изъ Москвы выѣхали ихъ начальники. При всемъ горѣ и несчастіи, въ которомъ всякій изъ насъ тогда находился, были минуты, въ которыя нельзя было не расхохотаться. Напримѣръ, когда я увидѣлъ, что Носова натягивала дугу у телѣги и сама въ нее впрягала лошадь. Носову, которую я помню въ театрѣ, дающую оперу въ свой бенефисъ, которой, кромѣ четырехъ тысячъ сбору въ одинъ вечеръ, летали еще изъ партера на сцену кошельки съ особенными подарками признательности, видѣть ее же около лагуна съ дегтемъ и клячи—было жалко и смѣшно... Не меньше былъ забавенъ и Мочаловъ, когда онъ вдругъ прибѣжалъ къ матери моей и трагически вопіялъ противъ невѣжества нашего управителя. Дѣло было въ слѣдующемъ: Мочаловъ, видя, что мы слишкомъ стѣснены, желалъ нанять квартиру на

заводѣ, отъ котораго мы жили въ верстѣ разстоянія. Управляющій заводомъ узнавъ, что онъ актеръ, запретилъ ему отдавать квартиру, говоря, что Господь покараетъ весь заводъ за то, что онъ пріютилъ въ такое тяжкое время грѣшника-актера».

Послѣднее театральное представленіе въ Москвѣ давали 30-го августа 1812 года, во вновь построенномъ театрѣ у Арбатскихъ воротъ. Шла драма С. Н. Глинки «Наталья, боярская дочь». Главную роль въ этой драмѣ игралъ пожаръ. Представленіе это было дурнымъ предзнаменованіемъ. Театръ не простоялъ и двухъ мѣсяцевъ, и съ первыхъ же дней представленія онъ неохотно посѣщался публикой и сборами едва окупалъ ежедневные расходы. Графъ Растопчинъ, тогдашній губернаторъ Москвы, по открытіи его сказалъ: «чтобъ поддержать его, нужно купить двѣ тысячи душъ крестьянъ и приписать ихъ къ нему, такъ какъ на одну публику надѣяться нельзя». Въ этомъ театрѣ шли спектакли на русскомъ и французскомъ языкѣ—послѣдніе, впрочемъ, уже очень неохотно посѣщались — были даже такіе ненавистники французовъ, которые публично выражали свое неудовольствіе къ французскимъ актерамъ. Въ числѣ такихъ былъ нѣкто Гусятниковъ, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, изъ купеческаго сословія, но вращавшійся въ лучшемъ московскомъ обществѣ. Онъ былъ большой театралъ и поклонникъ извѣстной пѣвицы Лизаньки Сандуновой— допѣвавшей уже свои аріи. Въ то время, о которомъ говоримъ, пріѣхала изъ Петербурга въ Москву на нѣсколько представленій извѣстная французская пѣвица Филисъ Андріе. Русскія театралы взволновались и вооружились противъ француженки. Поклонникъ Сандуновой и всего отечественнаго, Гусятниковъ, сталъ во главѣ недовольныхъ, и въ первый же спектакль садится въ первый рядъ креселъ, и только что начинаетъ Филисъ дѣлать свои рулады, онъ затыкаетъ себѣ уши, встаетъ съ креселъ и съ заткнутыми ушами торжественно проходитъ всю залу, кидая направо и налѣво взгляды презрѣнія и негодованія на всѣхъ французолюбцевъ, какъ ихъ тогда уже называли, съ легкой руки патріота С. Н. Глинки.

При вступленіи Наполеона въ Москву, ни одного уже театра не существовало. Префектъ двора императора, генералъ Боссе, искалъ театра для придворныхъ представленій. Во время занятія Москвы французами, уцѣлѣлъ отъ пожара, но не отъ разграбленія, одинъ только частный театръ Познякова, на Никитской улицѣ, гдѣ теперь домъ князя Юсупова. Этотъ театръ славился въ старой Москвѣ своею роскошью, своимъ зимнимъ садомъ и своими затѣями вельможъ прошедшаго вѣка. Его спектакли привлекали массу посѣтителей. Крѣпостная труппа Познякова была вполнѣ прекрасная. Вся Москва такъ и рвалась смотрѣть ихъ. Самъ хозяинъ очень любилъ важно расхаживать на своихъ маскарадахъ

наряженнымъ не то персіаниномъ, не то китайцемъ. Про него сказалъ Грибоѣдовъ въ своей комедіи:

На лбу написано: театръ и маскарадъ.

У него же находился садовникъ—бородачъ—который во время баловъ и маскарадовъ, прячась въ кустахъ и померанцевыхъ деревьяхъ, щелкалъ и заливался соловьемъ.

Пѣвецъ зимой—погоды лѣтней.

Этотъ-то домъ Познякова и избралъ генералъ Боссе для представленія уцѣлѣвшей французской труппы во время пребыванія Наполеона въ Москвѣ.

Нѣсколько лѣтъ еще до вступленія Наполеона, въ Москвѣ существовала труппа французскихъ актеровъ, подъ управленіемъ даровитой г-жи Бюрсей. Забытая всѣми во время всеобщаго бѣгства изъ Москвы, семья этихъ артистовъ пріютилась въ огромномъ домѣ князя Гагарина въ Басманной, въ части города, совершенно противоположной той, куда должна была вступить армія.

Вотъ какъ описываетъ актриса Фюзи свое пребываніе въ то время въ Москвѣ (см. «Souvenirs d'une actrice, par madame Louise Fusil»): «Начался пожаръ Москвы; отъ сильнаго вѣтра огонь разливался съ необычайною быстротою. Ночью мы не зажигали свѣчъ, потому что было гораздо свѣтлѣе нежели днемъ. По временамъ раздавались взрывы, въ родѣ ружейныхъ выстрѣловъ. Домъ, въ которомъ мы думали найти безопасное убѣжище, загорѣлся, и мы съ трудомъ успѣли вынести нужнѣйшія изъ своихъ вещей въ садъ. Мы хотѣли искать убѣжища въ Петровскомъ, гдѣ жилъ Наполеонъ, но безъ военнаго конвоя не смѣли туда отправиться. Блуждая изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ, мы вездѣ находили слѣды грабежа и опустѣнія. Между тѣмъ приказано было отыскать артистовъ, жившихъ въ Москвѣ, изъ которыхъ одни должны были пѣть во дворцѣ, другіе играть комедіи. Исполненіе такого приказа казалось весьма затруднительнымъ въ городѣ, начисто ограбленномъ: гдѣ было найдти нужныхъ костюмовъ, декорацій, свѣчъ, масла для лампъ и т. д. Короли кулисъ утратили свои пурпуровыя мантіи, и облеклись въ одежды сермяжныя. Лапти замѣнили имъ державныя сандаліи. Въ такомъ печальномъ положеніи нашелъ питомцевъ музъ генералъ Боссе. Онъ доложилъ императору о печальной участи артистовъ. Императоръ приказалъ немедленно имъ выдать значительную сумму денегъ».

Г-жа Бюрсей представила генералу Боссе всѣхъ членовъ своей труппы, которая состояла изъ гг. Адне, перваго трагика парижскаго театра Сен-Мартенъ, Перу, Госсе, Лефевра и г-жъ Андре, Перигюи, Лекенъ, Фюзи, Ламираль и Адне.

Но въ какомъ жалкомъ видѣ предстали эти артисты передъ взоромъ своего начальника — первый трагикъ явился въ фризовой шинели и шапкѣ ополченія; первый любовникъ въ семинарскомъ

сюртукѣ и треугольной шляпѣ; благородной отецъ безъ сапогъ и съ дырявыми локтями; злодѣй безъ необходимѣйшей части туалета— безъ штановъ, въ коротенькомъ испанскомъ плащѣ. Дамы были еще скуднѣе одѣты—вся труппа была разряжена, какъ будто шла въ маскарадъ нищихъ и бродягъ. Одна только директриса, г-жа Бюрсей, была одѣта въ красной душегрейкѣ на заячьемъ мѣху и въ головномъ уборѣ Маріи Стюартъ съ чернымъ страусовымъ перомъ и въ чалмѣ, въ которой нѣкогда играла въ «Трехъ султанахъ» и Заирѣ.

Полуразрушенный театръ Позднякова былъ приведенъ въ порядокъ. Его очистили, выбѣлили, ложи одѣли драпировкою, занавѣсъ сшили изъ цѣльной парчи, которой довольно нашлось въ золотокружныхъ рядахъ, спасенныхъ отъ разграбленія. Повѣшено было стосемидесятимѣстное паникадило, изъ чистаго серебра, которое нѣкогда украшало храмъ Божій. Сцена была убрана съ роскошью. Богатѣйшая мебель, драгоцѣнныя украшенія, мраморы, бронзы, явились въ изобиліи. Ихъ извлекали изъ-подъ пепла и изъ погребовъ, куда москвичи прятали свои сокровища, предавая жилища огню. Кремлевскія палаты, галлереи Чудова монастыря и колокольня Ивана Великаго, были биткомъ набиты всевозможными сокровищами и драгоцѣнностями.

Графъ Дюма, которому Наполеонъ поручилъ надзоръ за Кремлемъ, все это отрылъ въ подземельяхъ и радушно открылъ эти богатства передъ новымъ директоромъ театра, который и обратилъ ихъ въ бутафорныя и гардеробныя вещи. Гардеробъ наполеоновскаго театра могъ щегольнуть богатствомъ и роскошью невиданною и неслыханною. Здѣсь не было ничего мишурнаго, все было чистое золото и серебро. Фюзи разсказываетъ: «нельзя себѣ представить той жадности, съ которою оборванные, почти нагіе артисты бросились вскрывать тяжелые сундуки бояръ московскихъ. Мужчины дѣлили дѣдовскіе кафтаны русскихъ, женщины отнимали другъ у дружки старинныя атласныя робронды бабушекъ и т. д. Въ порывѣ восторга актеры и не замѣчали, что подъ пышною одеждою у нихъ недоставало самаго необходимѣйшаго—бѣлья». Три дня спустя послѣ приказа Наполеона, театръ былъ открытъ для военной публики. Вотъ первая афиша, которую передаемъ съ фотографическою точностію.

Théâtre Francais á Moscou

Les comediens francais auront l'honneur de donner mercredi prochain 7 octobre 1812.

Une premiere representation

du Jeu de l'amour et du hasard,

comedie en 3 actes et en prose de Mariveau

suivie

de L'amant auteur et valet
comedie en 1 acte et en prose de Ceron.

Dans le «Jeu de l'amour»: M-rs Adnet, Perroud, St. Clair, Belcour, Bertrand. M-mes André, Fusil.

Prix de places

Premieres galeries	5 roubles ou	5 francs.
Parquet	3 roubles our	3 francs.
Seconde galerie	1 roubles ou	1 franc.

On commencera a 6 heures precises.

La salle du spectacle est dans la grande Nikitskaia, maison de Posniakoff.

Первый спектакль прошелъ блистательно, зрители не переставали аплодировать и кричать bravo. Весь партеръ былъ занятъ солдатами, изъ которыхъ старые драбанты гвардіи сидѣли въ первыхъ рядахъ въ полной формѣ, съ крестами почетнаго легіона на груди. Оба ряда ложъ были наполнены чиновниками штаба и офицерами всѣхъ войскъ и націй. Публика при всякой вѣрной оказіи кричала: Vive l'Empereur! Vive Napoleon! Не много женщинъ можно было насчитать въ театрѣ; изъ присутствовавшихъ женщинъ, почти всѣ были обитательницы Кузнецкаго моста—модистки и нѣсколько гувернантокъ безъ мѣстъ. Оркестръ состоялъ изъ лучшихъ музыкантовъ гвардіи и былъ вполнѣ превосходный. Между тѣмъ, какъ солдаты аплодировали и кричали браво артистамъ, товарищи ихъ поочередно охраняли театръ. Кой гдѣ разложены были огни, и чрезвычайное множество бочекъ съ водою и ведеръ стояло около самаго театра. По всей же Никитской и по бульварамъ тянулись сторожевые кордоны и пикеты; такія строгія мѣры предпринимались на случай пожара могущаго произойти на сценѣ.

За все время пребыванія французовъ въ Москвѣ дано было одиннадцать представленій. Пьесы имѣвшіе особенный успѣхъ повторялись нѣсколько разъ, давали: «Три султана», «Figaro», «Le procureur arbitie», «Side et Zaira» и многія другія.

Но не весело было актерамъ и актрисамъ. Вотъ что говоритъ Фюзи: «Когда намъ велѣли играть комедію, мы думали, что надъ нами шутятъ. У насъ не было ни платья, ни бѣлья, ни башмаковъ. Однако ленты и цвѣты посыпались на насъ градомъ; ихъ находили въ казармахъ нашей гвардіи; къ стыду французовъ—эти казармы гвардіи, гдѣ развѣвались ленты, были святые соборы кремлевскій, успенскій, благовѣщенскій и архангельскій». По преданію самъ Наполеонъ не удостоилъ своимъ присутствіемъ ни одного представленія. Впрочемъ Фюзи въ своихъ запискахъ разсказваетъ что онъ заходилъ однажды въ спектакль, когда давали пьесу «Открытая война».

Но для императора префектъ Боссе устроилъ совершенно другого рода удовольствіе: между иностранцами, жившими въ Москвѣ и уцѣлѣвшими при общемъ погромѣ, нашли итальянца—пѣвца Таркиніо. Онъ пользовался извѣстностью въ Москвѣ какъ преподаватель пѣнія. Къ нему добыли пьяниста Мартини, сына автора оперы: «Рѣдкая вещь» (La cosa rara) и «Діанино древо». Еще взяли пѣвицу романсовъ и аріетокъ г-жу Фюзи. Артисты были представлены ко двору и каждый вечеръ составляли Наполеону концертъ изъ пьесъ любимыхъ его авторовъ.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ такихъ концертовъ г-жи Фюзи:

«Я пѣла романсъ, которымъ прославила себя въ московскихъ гостиныхъ. Въ присутствіи Наполеона зрители не аплодировали; но романсъ, никому неизвѣстный, произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе. Наполеонъ, разговаривая съ кѣмъ то во время пѣнія, не слышалъ романса; однакожъ, шумъ въ залѣ заставилъ его спросить о причинѣ графа Боссе. Мнѣ приказано было повторить романсъ. Съ тѣхъ поръ меня безпрестанно мучили этимъ романсомъ. Король неаполитанскій выпросилъ у меня музыку. Романсъ былъ написанъ въ рыцарскомъ духѣ»...

На театрѣ также привлекалъ особенное вниманіе военной публики родъ балета—или разнохарактернаго дивертисемента, который цѣликомъ былъ взятъ французскими актерами у русскихъ. Онъ состоялъ изъ разныхъ танцевъ и преимущественно изъ русской пляски, которую превосходно плясали двѣ сестры Ламираль—по рожденію русскія.

«Седьмаго октября, разсказываетъ графъ Боссе въ своихъ воспоминаніяхъ императоръ призвалъ меня и началъ расспрашивать объ улучшеніяхъ касательно театра. Онъ началъ перечислять артистовъ, которыхъ можно взять съ театра большой комедіи въ Парижѣ, не вредя его составу. Отмѣчая имена ихъ карандашемъ на лоскуткѣ бумаги, онъ говорилъ о мѣрахъ, которыя нужно принять для скорѣйшаго доставленія ихъ въ Москву. Списокъ не былъ еще конченъ, какъ наши занятія были прерваны неожиданнымъ пріѣздомъ адьютанта Мюрата. Что новаго? спросилъ императоръ, все еще разсматривая свой списокъ... Государь! Мы разбиты!—отвѣчалъ посланный. Наполеонъ ждалъ отъ русскаго императора мирныхъ переговоровъ, онъ писалъ къ нему. Отвѣтъ этотъ былъ—пораженіе короля неополитанскаго подъ Тарутинымъ войсками Бенингсена».

Въ тотъ же вечеръ былъ отданъ приказъ выступить изъ города и строиться за Калужскою заставой. Эта внезапная вѣсть изумила все войско. Графъ Боссе поспѣшилъ увѣдомить объ ней свою труппу, предоставляя на волю актеровъ, оставаться въ разграбленной Москвѣ, или слѣдовать за войскомъ.

Выступленіе французовъ изъ Москвы продолжалось нѣсколько дней сряду. Сперва выступили команды съ заграбленными сокрови-

щами, потомъ пошли обозы, лазареты, наконецъ потянулись и самые полки въ разныя заставы. Девятаго октября маршалъ Мортье вывелъ изъ Москвы послѣдній остатокъ войска.

Очень не многіе изъ актеровъ Наполеона вернулиеь на родину.

Выѣхали артисты изъ Москвы довольно забавно—первый любовникъ поѣхалъ верхомъ, трагики и комики помѣстились въ лазаретномъ фургонѣ. Первая любовница г-жа Андре, вмѣстѣ съ директоршей г-жой Бюрсей раздобыли ландо—и выѣхали на тройкѣ лошадей подаренныхъ имъ префектомъ. До Смоленска еще кое-какъ они дотащились—но уже въ Смоленскѣ обрушились на нихъ всевозможныя несчастія. Пероне, первый любовникъ, потерялъ тамъ своего буцефала и отморозилъ ноги, при выѣздѣ же изъ Смоленска, въ лазаретной фурѣ, онъ былъ безжалостно брошенъ на большой дорогѣ и умеръ съ голоду. Адне—первый сюжетъ труппы тоже скоро извѣдалъ всю превратность судьбы человѣческой: въ Смоленскѣ онъ забылъ запастись рукавицами и валенками, и на пути отморозилъ себѣ руки и ноги, а при переправѣ черезъ Березину, утопилъ свою коляску и жену. Г-жа Андре и Бюрсей—долго путешествовали на одной хромой кавалерійской лошади въ старомъ зарядномъ ящикѣ—но подъ конецъ на одномъ изъ приваловъ, во время партизанскаго наѣзда, ядро раздробило ихъ колесницу и тяжело ранило г-жу Андре, отъ чего первая любовница скоро на пути и умерла. Самъ директоръ, графъ Боссе, долго путешествовалъ верхомъ на пушкѣ, отморозилъ себѣ ноги, и кое какъ добрался до Франціи. Одна водевильная актриса Фюзи, послѣдовательница этого скорбнаго путешествія, благополучно и безъ особенныхъ приключеній добралась до предѣловъ родины и еще ознаменовала свой походъ дѣломъ человѣколюбія: во время входа французскихъ войскъ въ Вильно, въ суматохѣ, какіе-то родители потеряли ребенка—Фюзи взяла его подъ свою защиту—и при всей своей бѣдности, она дѣлилась съ пріемышемъ послѣднею крохою и воспитала дѣвочку, которую французы прозвали «виленской сироткой». Въ послѣдствіи ея исторія дала поводъ Скрибу написать драму «Ольга, русская сирота».

По выходѣ французовъ, первый посѣтилъ придворный театръ императора Наполеона—извѣстный драматическій писатель князь А. А. Шаховской. Вотъ какое печальное зрѣлище онъ увидѣлъ: на сценѣ валялись дохлыя лошади и падаль, лѣстница, корридоры и зала были загромождены мебелью, зеркалами, инструментами. Въ уборныхъ валялись обрѣзки парчевыхъ и бархатныхъ матерій, изъ которыхъ артисты выкраивали себѣ кафтаны, а артистки сооружали юбки, береты и шпенсеры и т. д.

Въ ожиданіи возрожденія Москвы и московскаго театра, нѣкоторые изъ московскихъ артистовъ жили въ Петербургѣ, хотя и считались московскими.

Это были: Зловъ, Толченовъ и Сандуновъ—всѣ они подъ конецъ перешли на здѣшнюю сцену; только передъ смертью Сандунова покинула Петербургъ и умерла въ Москвѣ.

Театръ московскій возродился только въ 1814 году. Первая пьеса имѣвшая на московской сценѣ большой успѣхъ—и игранная болѣе тридцати разъ къ ряду, была драма Бориса Ѳедорова «Крестьянинъ-офицеръ, или извѣстіе о прогнаніи французовъ изъ Москвы».

Въ 1814 году, въ Москвѣ, первоначально театральныя представленія давали въ домѣ Ст. Ст. Апраксина—на Знаменкѣ. Спектакли открылись 30-го августа любимою въ то время оперою: «Старинныя святки»—затѣмъ, по мимо названной нами пьесы, имѣли большой успѣхъ драмы: «Храбрые кириловцы при нашествіи враговъ» соч. Врончонки. Затѣмъ «Освобожденіе Смоленска», «Всеобщее ополченіе»—и комедія Бориса Ѳедорова «Прасковья Борисовна Правдухина.

Даже балеты были примѣнены къ обстоятельствамъ того времени и носили чисто патріотическіе характеры; вотъ они: «Любовь къ отечеству», «Русскіе въ Германіи», «Русскіе въ Парижѣ» «Казакъ въ Лондонѣ», «Праздникъ въ станѣ союзныхъ армій».

Позднѣе, въ 1815 году, большой успѣхъ производилъ дивертисементъ «Семикъ или гулянье въ Марьиной рощѣ»—въ этомъ дивертисементѣ русскіе солдаты славили подвиги русскаго оружія, лучшіе пѣвцы и пѣвицы пѣли патріотическія пѣсни—и балетные артисты рисовались въ русской пляскѣ въ богатыхъ національныхъ костюмахъ. Здѣсь же знаменитый въ то время пѣсельникъ Лебедевъ пѣлъ со своимъ хоромъ. Этотъ семикъ былъ перенесенъ балетмейстеромъ Глушковскимъ на сцену Останкинскаго театра—гдѣ и давался во время пребыванія тамъ короля прусскаго.

М. И. Пыляевъ.

ЖЕНЩИНА ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ [1]).

(Окончаніе).

ЫЫ ДОЛЖНЫ перейти теперь къ святилищу, которое хотя и было посвящено богу, а не богинѣ, но въ которомъ тѣмъ не менѣе женщина играла первенствующую роль. Я разумѣю храмъ Аполлона дельфійскаго и жреческое служеніе Пиѳіи.

Никто не имѣетъ права приближаться непосредственно къ верховной жрицѣ или предлагать ей лично вопросы. Просящій совѣта или откровенія божества, послѣ предварительнаго очищенія и требуемыхъ закономъ жертвоприношеній, получаетъ, или въ порядкѣ указанномъ жребіемъ или по времени прибытія къ святилищу, доступъ въ храмъ. Онъ подаетъ жрецу, которому поручено записывать отвѣты пиѳіи, досчечку, на которой написанъ вопросъ. Съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, онъ держитъ въ рукѣ символъ молитвы, оливковую вѣтвь, перевязанную бѣлою шерстью. Жрица являлась взорамъ вопрошающаго не иначе, какъ въ облакахъ ѳиміама. Первоначально это была молодая дѣвушка, передававшая отвѣты оракула; но послѣ того, какъ одна молодая и прекрасная собою жрица была обольщена, въ должность пиѳіи начали избирать старухъ старше пятидесяти лѣтъ. Не смотря однако на это, пиѳія продолжала и въ этомъ возрастѣ носить костюмъ, который былъ усвоенъ обычаемъ только молодымъ дѣвушкамъ.

Приготовляясь къ принятію откровеній, пиѳія жевала листья лавра—дерева, посвященнаго Аполлону. Сплетенный изъ этихъ листьевъ вѣнецъ, украшалъ ея голову; изъ нихъ же были свиты гирлянды, окружавшія ея треножникъ, подъ которымъ изображена была ползущая змѣя—символъ прорицанія.

---

[1]) См. «Истор. Вѣстн.», т. XIII, стр. 386—416.

Напившись изъ кастальскаго источника, вода котораго, по мнѣнію грековъ, имѣла свойство вдохновлять и которую пили обыкновенно поэты, пиѳія садилась на пророческій треножникъ. Не безъинтересно упомянуть здѣсь о томъ, что въ настоящее время подлѣ этого самаго источника, вдохновлявшаго когда-то верховную жрицу Аполлона и питомцевъ его—поэтовъ, стоитъ часовня, воздвигнутая въ честь истиннаго и великаго пророка, омывавшаго духовную нечистоту людей въ волнахъ Іордана.

Священная вода вдохновляла пиѳію; мистическіе обряды, которые она передъ тѣмъ исполняла, и безъ сомнѣнія магнетическая сила жреца, все это взятое вмѣстѣ дѣйствовало раздражающимъ образомъ на воображеніе пиѳіи и производило въ ней сильное нервное возбужденіе. Грудь ея подымалась, краска въ лицѣ попеременно то являлась, то пропадала, у нея начинались конвульсивныя движенія, въ глазахъ появлялось пламя, на губахъ показывалась пѣна, и прорицательница, которую жрецы крѣпко между тѣмъ держали на треножникѣ, не позволяя ей спасаться бѣгствомъ, мучась душевно и физически, начинала неясную рѣчь... Отрывистыя, часто безсвязныя произносимыя ею слова, принимали за голосъ божества... Жрецы подхватывали эти слова на лету, и составивъ изъ нихъ полный отвѣтъ, заключали его въ гекзаметры, и въ этой формѣ передавали отвѣтъ.

Къ пиѳіи обращались иногда, прося у нея разъясненія какихъ нибудь мало понятныхъ прорицаній Додоны, но оракулъ давалъ въ этихъ случаяхъ двусмысленные отвѣты. Мало этого, иногда онъ былъ продаженъ, тѣмъ не менѣе, говоря вообще, совѣты прорицалища отличались благороднымъ патріотическимъ духомъ, что до извѣстной степени объясняетъ его популярность въ Греціи.

Эллинскія племена и чужеземные цари обращались къ пиѳіи за совѣтомъ. По ея слову греки выселяются въ Италію и Африку, и приносятъ туда свою высокую цивилизацію. Дельфійская прорицательница освящаетъ своимъ одобреніемъ законы; она внушаетъ Ликургу, что наилучшіе законы тѣ, которые обязываютъ правителей къ хорошему управленію... Пусть повиновеніе будетъ результатомъ не рабства, вѣчнаго источника раздора и несчастій, а дѣломъ свободы, основанной на согласіи гражданъ, охраной которой должно служить ихъ мужество. Пиѳія утверждаетъ царское достоинство одного изъ самыхъ могущественныхъ азіатскихъ властителей. Пиѳія рѣшаетъ вопросы о предпринятіи войны и ея ходѣ; она же предсказываетъ и ея исходъ. Она внушаетъ побѣжденнымъ покорность судьбѣ и надежду, или одушевляетъ ихъ мыслью о блистательномъ возмездіи въ будущемъ. Тѣмъ, которые потерпѣли пораженіе или страдаютъ отъ голода, равно какъ и ищущимъ завоеваній, пиѳія предписываетъ усиленное обращеніе къ божеству, или же совѣтуетъ воздать должное поклоненіе праху ге-

Греческія женщины.

роя, котораго его сограждане въ свое время не признали, или перестали чтить память; прорицательница ходатайствуетъ также въ подобныхъ случаевъ за изгнанниковъ. Такимъ образомъ, она стремится поселить въ умахъ людей мысль, что народы возстаютъ и бываютъ сильны только тогда, когда они признаютъ могущество божества, когда они чтутъ память великихъ людей и подражаютъ ихъ доблести; наконецъ, она говоритъ, что люди достигаютъ примиренія съ небомъ только тогда, когда являются милосердыми. Только одинъ разъ прорицательница обусловливаетъ спасеніе народа цѣною человѣческой жертвы, и именно принесеніемъ въ жертву дѣвы. Приведемъ нѣкоторые изъ дошедшихъ до насъ отвѣтовъ пиѳіи.

Прорицательница объявляетъ царю, что если онъ несчастливъ, то виною этого—несправедливости, совершенныя имъ и его предшественниками; она же напоминаетъ этому самому государю о милосердіи въ то время, когда онъ снова готовится войти въ страну, откуда его изгнали его собственные подданные. Пиѳія отказывается отвѣчать убійцѣ, святотатцу, трусу. Она утверждаетъ, что самый счастливый въ мірѣ человѣкъ тотъ, кто полагаетъ душу свою за отечество. Но, если она видитъ счастіе въ славной смерти, то также приписываетъ счастіе и трудолюбивой жизни, говоря повелителю одного изъ самыхъ знаменитыхъ въ то время государствъ, что есть человѣкъ, счастіе котораго превосходитъ его собственное: это старый земледѣлецъ, жившій вдали отъ гористой Аркадіи и не имѣвшій того ненасытнаго честолюбія, которое причиняетъ столько заботъ богачу.

Спартанецъ Главкъ искалъ оправданія съ помощію оракула въ клятвопреступленіи, которое должно было сдѣлать его владѣтелемъ сокровища. Пиѳія отвѣчаетъ ему, что потомство человѣка вѣрнаго клятвѣ бываетъ счастливо, а потомство клятвопреступника погибаетъ. Когда же раскаявшійся лакедемонянинъ проситъ у Аполлона прощенія за то прошеніе, съ которымъ онъ позволилъ себѣ къ нему обратиться, пророчица строго отвѣчаетъ ему, что человѣкъ, который разсчитывалъ на содѣйствіе божества въ незаконномъ дѣлѣ, виновенъ точно также, какъ и тотъ, который исполнилъ свое намѣреніе. Черезъ нѣсколько поколѣній родъ Главка угасъ.

При такой чистой и возвышенной морали, дельфійскій оракулъ былъ достоинъ оцѣнивать заслуги людей и устанавливать культъ боговъ. Пиѳія провозглашаетъ Ликурга существомъ болѣе близкимъ къ безсмертнымъ богамъ, нежели къ людямъ. Она также назначаетъ золотой треножникъ наградою мудрости. Семь мудрецовъ Греціи объявляютъ себя недостойными этого дара и взаимно передаютъ его другъ другу, пока наконецъ онъ былъ посвященъ Аполлону. Пиѳія объявляетъ Сократа самымъ добродѣтельнымъ изъ смертныхъ. Пиндаръ воспламеняетъ своими вдохновенными пѣс-

Видъ Аѳинъ съ дороги въ Элевзисъ.

нями всю Грецію, прорицательница совѣтуетъ дельфійцамъ удѣлить ему изъ жертвоприношеній, приносимыхъ богу поэзіи, такую же часть, какую получаютъ жрецы Аполлона. Пиѳіи, наконецъ, принадлежало окончательное рѣшеніе по такимъ вопросамъ, какъ, напримѣръ, признаніе апоѳеозы великихъ людей, или же помѣщеніе въ эллинскомъ пантеонѣ новаго божества.

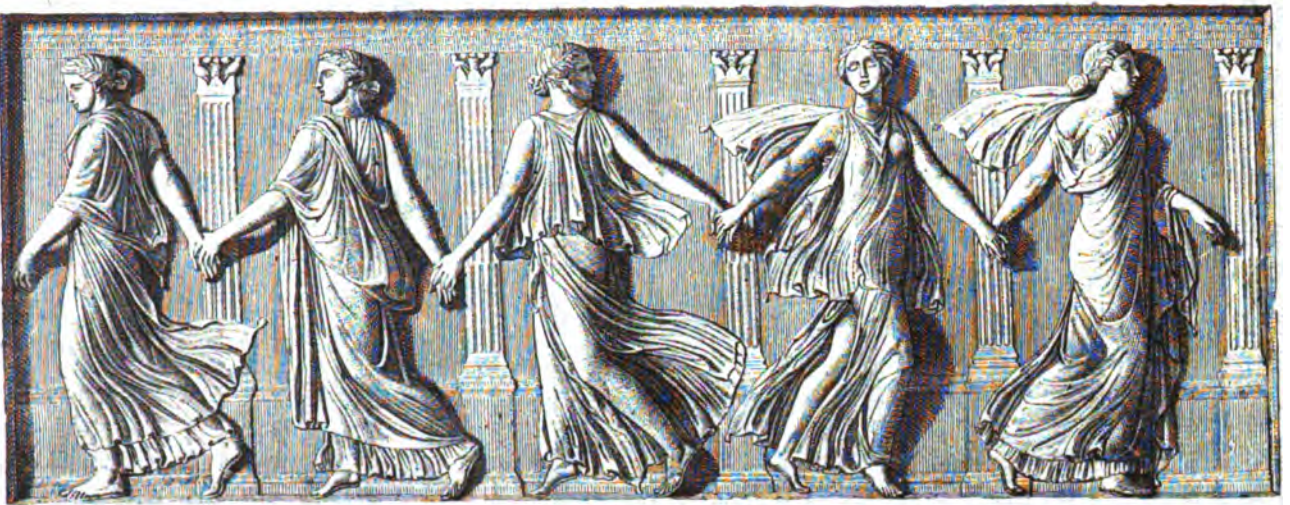
Въ лицѣ пиѳіи мы видимъ проявленіе высшаго нравственнаго могущества женщины въ древней Греціи. Слабое и нервное существо,—она является первенствующимъ по своему значенію органомъ религіознаго учрежденія, которое было наиболѣе вліятельно въ языческомъ мірѣ; она располагаетъ судьбами великой націи, и цари отдаленнѣйшихъ странъ міра преклоняются передъ ея прорицаніями. Намъ возразятъ, что слабая тѣломъ и духомъ пиѳія была не что̀ иное, какъ орудіе жрецовъ? Пусть такъ. Тѣмъ не менѣе, въ высшей степени знаменателенъ тотъ фактъ, что древній грекъ приписывалъ именно женщинѣ даръ ясновидѣнія, способность прозрѣнія въ будущее. Для полученія небесныхъ откровеній, для сообщенія съ богомъ свѣта — требовалась чистая жизнь, и эту чистоту древній грекъ надѣялся найти исключительно въ женщинѣ. Но странная несообразность! Женщинѣ было предоставлено въ дельфійскомъ храмѣ такое высокое служеніе, что она получала откровенія непосредственно отъ самого божества, а между тѣмъ вхо̀дъ въ святилище Аполлона былъ женщинамъ безусловно запрещенъ.

Каждые два года, во время зимняго солнцестоянія, въ самую долгую ночь, эхо горы Парнаса повторяло крики, выражавшіе вдохновенный экстазъ, менѣе благородный, чѣмъ экстазъ пиѳіи, хотя иногда ихъ смѣшивали... Это было въ то время, когда аѳинскія тизіады, жрицы Діониза, соединялись съ дельфійскими женщинами для прославленія страданій бога виноградныхъ лозъ, терявшихъ въ это время свои листья.

На основаніи старинной легенды, гора Парнасъ была спеціально назначена для праздника вакханокъ: двѣ вершины горы, изъ которыхъ одна была посвящена Аполлону и Артемидѣ, а другая Діонизу, освѣщались въ теченіе ночи факелами, которые богъ вина танцуя держалъ въ рукахъ.

Празднества въ честь Діониза (вакханаліи), которыя совершали исключительно женщины, были возобновляемы черезъ каждые три года. Это были оргіи, на которыхъ печаль принимала характеръ мрачнаго безумія. Ѳракіянки, женщины Фокиды, Беоціи и лакедемонянки оставляли въ это время свои домашнія работы. Имъ навѣрно чудилось, что онѣ слышали призывъ, который ихъ богъ Эвіосъ [1]) адресовалъ къ лидіянкамъ: «мужество, мужество

[1]) Другое имя Діониза (Вакха) данное ему отъ припѣва вакханокъ: эвоэ, эвоэ!

Пляшущія дѣвушки.

вакханки, утѣха Тмола, котораго золото обогатило Пактолъ. Воспѣвайте Діониза при громѣ звонкихъ барабановъ! Эвоэ! Прославляйте вашего бога Эвіоса криками радости, фригійскими пѣснями, въ то время, когда раздаются пріятные звуки священной флейты и слышатся священные напѣвы въ соединеніи съ вашимъ быстрымъ бѣгомъ. На гору! На гору!»

Вакханки — менады, тизіады и другія, стремятся въ пещеры Олимпіи, на мрачныя вершины Парнаса, Киѳерона, Тайгета.

Надѣвъ длинную тунику, на которую набрасывалась оленья кожа, жрица Діониза надѣвала корону изъ листьевъ плюща, листьевъ дуба и виноградныхъ лозъ. Въ правой рукѣ ея тирсъ— легкій жезлъ, украшенный перевязью, на концѣ котораго находится сосновая шишка. Змѣи переплетаются въ ея волосахъ, или опоясываютъ накинутую на ея тунику оленью кожу. Менада, которую сопровождаетъ скачущій барсъ, ударяетъ въ тимпанъ съ помощію змѣй, обвивающихся вокругъ ея руки; барабанъ гремитъ, барсъ воетъ, змѣя шипитъ, и подъ звуки этого зловѣщаго концерта другія менады, безпорядочно распустивъ одежды, предаются пляскѣ до головокруженія, такъ что вѣнки скатываются съ ихъ опрокинувшихся назадъ головъ и огнистые волосы ихъ развѣваются вѣтромъ.

Въ порывахъ плотоядныхъ наклонностей, вакханки не дѣлаютъ различія между человѣкомъ и животнымъ. Даже мать растерзываетъ своего сына, котораго принимаетъ за молодого льва, и потомъ съ гордостью выставляетъ на концѣ своего тирса его окровавленную голову.

Надобно однако замѣтить, что аѳиняне были мало причастны этимъ дикимъ оргіямъ. Празднества Вакха въ Аттикѣ отличались болѣе мягкимъ характеромъ. Наступленіе времени собиранія винограда было началомъ празднества, издержки котораго богатые аѳиняне принимали на свой счетъ, и въ продолженіе котораго виноградныя вѣтви и плоды, привязанныя къ священнымъ вѣтвямъ, были торжественно носимы въ пышной церемоніи. После того, какъ виноградъ подвергали прессовкѣ и отвѣдывали его сокъ, но прежде чѣмъ въ немъ началось броженіе, устроивалась процессія, съ которой соединяютъ начало комедіи. Здѣсь можно было видѣть спутницъ бога—вакханокъ и носительницъ сосудовъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ аѳинскимъ фамиліямъ.

Во время анѳестерій, когда изъ открытыхъ бочекъ можно было отвѣдывать содержимую ими жидкость, совершались ночью таинственные обряды Ленеоса, и самый древній, самый знаменитый храмъ Вакха, входъ въ который былъ вообще запрещенъ аѳинянамъ, открывался въ это время для супруги архонта—царя. Эта послѣдняя входила въ него въ сопровожденіи четырнадцати почтенныхъ женщинъ, назначенныхъ ея мужемъ, и подлѣ жертвен-

ника принимала отъ своихъ спутницъ клятву въ томъ, что онѣ были непорочны. На основаніи закона, начертаннаго на находившейся въ храмѣ мраморной колоннѣ, супруга архонта царя,—аѳинская гражданка и женщина безукоризненной нравственности приносила жертвы о благоденствіи государства.

Анѳестеріи праздновались весною; на этомъ празднествѣ всѣ, до малыхъ дѣтей включительно, увѣнчивались весенними цвѣтами.

Дѣвушка, играющая въ кости.

Когда праздникъ оканчивался, гирлянды были посвящаемы Діонизу его жрицею.

Богъ производительной силы природы, Діонизъ, былъ иногда, именно во время антистерій, чествуемъ вмѣстѣ съ велики богинями земледѣлія. Культъ Діониза естественно напоминаетъ по этому служеніе Деметрѣ и Персефонѣ.

На празднествѣ ѳесмофорій, во время осеннихъ посѣвовъ, въ теченіи пяти дней воздавалось поклоненіе Деметрѣ—законодательницѣ-богинѣ, которая установила начала земледѣлія и права собственности.

Θесмофоріи представляли собою празднество женщинъ, которое совершалось исключительно ими. Двѣ женщины, избранныя своими подругами изъ каждой трибы, обязаны были предсѣдательствовать на этихъ празднествахъ. Онѣ непремѣнно должны были быть замужними, потому что только мать могла представлять собою символъ плодородной земли. Если мужья этихъ женщинъ обладали имуществомъ въ три таланта, они должны были предоставлять въ ихъ распоряженіе сумму, необходимую для покрытія издержекъ праздника. Но этимъ и ограничивалось все участіе мужчинъ въ этомъ праздникѣ: смертная казнь ожидала дерзновеннаго, который осмѣлился бы проникнуть въ святилище, въ которомъ женщины совершали ночью таинственные обряды θесмофорій. Женщины должны были приготовляться къ этому торжеству; только непорочная жизнь давала имъ право принимать участіе въ торжествѣ, на которомъ онѣ являлись покрытыми бѣлыми покрывалами. Въ первый день θесмофорій, 9 числа мѣсяца піанепеіона, онѣ отправлялись на то мѣсто, гдѣ празднество совершалось первоначально— на Галимусъ, подлѣ мыса Коліаса. Съ свойственными умному аθинскому народу серьезностью и легкомысліемъ, онѣ оживляли своими шутками это религіозное торжество; здѣсь, говорятъ, именно вспоминались тѣ шутки, съ помощью которыхъ рабыни вызывали улыбку на уста Цереры, сѣтующей о похищеніи ея дочери Плутономъ. Прибывъ въ храмъ Деметры и Персефоны, на берегъ моря, женщины совершали тамъ ночью религіозныя церемоніи, вѣроятно представлявшія одно цѣлое съ богослуженіемъ Афродиты, которой статуя находилась неподолеку отъ мыса Коліаса. 11-го числа процессія возвращалась въ Аθины; слѣдующія ночи до 13-го числа празднество продолжалось въ Θесмофоріонѣ. На другой день по возвращеніи, женщины, расположившись на полу въ храмѣ Деметры, постились до вечера. Онѣ призывали боговъ звуками киθары, или танцовали распѣвая гимны. Въ числѣ другихъ онѣ обращались къ Палладѣ, дѣвственной покровительницѣ Аθинъ. Онѣ выражали желаніе, чтобы спутникомъ мудрой и свободной воительницы былъ миръ и призывали Деметру и Персефону, покровительницъ цивилизаціи и земледѣлія, присутствовать въ ихъ храмѣ при совершеніи религіозныхъ церемоній. Въ 13-й день піанепеіона, послѣдній день θесмофорій, была приносима жертва богинѣ Каллигеніи... Это—имя, которое аθиняне дали Деметрѣ, матери прекраснаго дитяти. Въ продолженіе празднества θесмофорій, участвовавшія въ немъ женщины вспоминали равнымъ образомъ и то, что къ радостямъ Деметры примѣшивалось много страданій. Драматическія сцены представляли похищеніе Персефоны и скорбь ея матери.

Миθическое сказаніе о великихъ богиняхъ послужило основаніемъ гомерическаго гимна, который, по всей вѣроятности, представляетъ самую древнюю аттическую поэму, какая только до насъ дошла.

Великія элевзинскія таинства праздновались осенью, во время посѣвовъ. Это было то самое время, когда Прозерпина сходила въ подземное царство. Празднества эти продолжались отъ 15-го боэдроміона до конца мѣсяца. Первые дни, которые проводились обыкновенно въ Аѳинахъ, были посвящаемы очищеніямъ, жертвоприношеніямъ и исполненію разнаго рода формальностей. Вотъ одинъ изъ обрядовъ, который совершался при этомъ случаѣ: Маленькій мальчикъ или маленькая дѣвочка, въ жилахъ которыхъ должна была течь чистая аттическая кровь—помѣщались прямо подлѣ жертвеннаго пламени и дитя должно было совершать очистительные обряды во имя будущихъ посвященныхъ.

Дѣвушки изъ Танагры.

На четвертый день, калаѳосъ—священная корзина Цереры,—прибывала изъ Элевзиса въ Аѳины на колесницѣ, которую сопровождала толпа людей съ обнаженными головами и ногами, восклицая при этомъ: «привѣтъ тебѣ Деметра, привѣтъ тебѣ богиня-питательница, богиня жатвъ»!

20-го числа боэдроміона, Элевзисъ дѣлался театромъ празднества. Процессія сопровождала въ этотъ городъ изображеніе Якха, олицетвореніе Діониза, какъ начала жизни, одушевляющаго тварей. При звукахъ гимновъ и радостныхъ восклицаніяхъ, процессія направлялась по священному пути и достигала Элевзиса ночью, при свѣтѣ факеловъ.

Согласно повелѣнію Деметры, Элевзиніумъ, храмъ великихъ богинь, былъ построенъ на холмѣ Каллихорѣ: на этомъ возвышеніи устроили элевзинянки вокругъ колодца первый хороводъ, плясками и пѣснями прославлявшій Цереру. Храмъ былъ перестроенъ во времена Перикла нѣсколькими художниками лучшаго періода греческаго искусства.

Ночью, послушницы (les novices) одѣтые въ длинные льняные туники, увѣнчанные миртомъ, съ заплетенными въ волоса изображеніями кузнечиковъ изъ золота, входили въ храмъ, при восклицаніяхъ герольда: «удалитесь отсюда непосвященные, нечестивые и всѣ осквернившіе душу свою преступленіями». Тогда начиналось посвященіе въ таинства.

Всѣ вообще обряды элевзинскаго культа имѣли цѣлью дѣйствовать на воображеніе посвящаемыхъ, и въ то же время возвышать ихъ душу. Здѣсь мы видимъ проявленіе нравственнаго начала въ наиболѣе чистомъ его видѣ. Съ инымъ нѣсколько характеромъ является культъ Афродиты. Многіе обряды его заставляли грековъ забывать, что они воздвигли храмъ богинѣ стыдливости. Но если въ Гнидѣ изящный рѣзецъ Праксителя даетъ намъ видѣть въ изображеніи матери любви не болѣе какъ типъ Гетеры, если въ Коринѳѣ въ храмѣ богини прислуживали иногда куртизанки и возносили тамъ свои нечистыя моленія за Грецію, то въ Лакедемонѣ Афродита являлась истинною богинею брака. Съ покрываломъ на головѣ она имѣла на ногахъ цѣпи, какъ символъ супружеской вѣрности, и въ томъ же самомъ зданіи она являлась вооруженною,—символъ того, что спартанки умѣли соединить мужество и красоту.

Вообще Афродита-воительница и Афродита-побѣдительница служили олицетвореніемъ могущества красоты. Лучшее изображеніе Венеры-побѣдительницы—Венера милосская.

Эта статуя представляетъ собою самый совершенный типъ, какой только можетъ создать наше воображеніе. Художникъ умѣлъ сообщить жизнь паросскому мрамору, и эта жизнь столько же принадлежитъ женщинѣ, сколько и безсмертной богинѣ.

Мы представили въ общихъ чертахъ бытъ и характеръ греческой женщины въ гомерическій вѣкъ, коснувшись предварительно того, какъ воплотилъ древній грекъ свой идеалъ женщины въ личностяхъ созданныхъ имъ богинь; затѣмъ мы разсмотрѣли, какъ выразился этотъ идеалъ въ произведеніяхъ греческаго искусства, и какую роль играла гречанка въ греческомъ богослуженіи, въ греческомъ храмѣ и мистеріяхъ. Теперь мы приступаемъ къ самой важной и существенной сторонѣ нашего вопроса—къ положенію гречанки въ историческій вѣкъ. Само собою разумѣется, что мы ограничимся въ этомъ случаѣ двумя главными представительницами эллинскаго племени — республиками аѳинской и спартанской.

Если мы всмотримся въ общія черты женщины іоническаго племени—аѳинянки и женщины дорическаго племени—спартанки, то нельзя не замѣтить между ними съ перваго разу существеннаго различія, и это различіе относится не только къ характеру, съ какимъ является женщина въ той и другой республикѣ, но и къ степени тѣхъ правъ, которыя были ей предоставлены въ обоихъ государствахъ. Въ то время какъ въ Спартѣ женщина является личностью равною мужчинѣ, въ Аѳинахъ она является существомъ низшимъ, состоящимъ подъ опекой и руководствомъ. Спартанскій законодатель, опредѣляя общія черты воспитанія женщины, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ образовать изъ нея—мать, т. е. назначилъ ей именно ту роль, осуществленіе которой сдѣлалось задачею многихъ послѣдующихъ столѣтій. Но съ какимъ характеромъ является намъ спартанская женщина, воспитанная въ духѣ законодательства Ликурга? Спартанскій законодатель желалъ, чтобы дѣвушка спартанка упражнялась въ бѣгѣ, въ борьбѣ, въ метаніи диска и дротика, однимъ словомъ желалъ развить и укрѣпить ее посредствомъ воспитанія такимъ образомъ, чтобы она, сдѣлавшись потомъ женщиной, не только производила на свѣтъ сильныхъ и здоровыхъ дѣтей, но могла бы въ случаѣ нужды и сама защищать свой домашній очагъ и свое отечество. Съ характеромъ занятій спартанки сообразовался и ея костюмъ. Ничто не стѣсняло свободы движеній въ одеждѣ молодой лакедемонянки. У нея не было другого платья, кромѣ дорическаго хитона, который не достигая часто до колѣнъ, имѣлъ внизу боковой разрѣзъ.

Молодая дѣвушка спартанка не скрывалась отъ взоровъ мужчинъ, ни при гимнастическихъ играхъ, ни при религіозныхъ церемоніяхъ. Дочери Спарты знали наизусть пѣсни, въ которыхъ онѣ въ присутствіи царей, геронтовъ и всѣхъ гражданъ, прославляли того изъ своихъ молодыхъ соотечественниковъ, который ознаменовалъ себя какимъ нибудь геройскимъ подвигомъ, и осмѣивали того, который запятналъ себя безславнымъ дѣломъ. Молодые люди иногда были простыми зрителями хороводовъ и плясокъ молодыхъ дѣвушекъ, а иногда принимали въ нихъ непосредственное участіе. Въ хороводѣ, носившемъ названіе ὅρμος молодой человѣкъ открывалъ шествіе и принималъ воинственныя позы; молодая особа слѣдовала за нимъ мѣрнымъ шагомъ, держа себя такъ, какъ прилично женщинѣ. Характеръ этого рода танцевъ тѣмъ больше обращаетъ на себя вниманіе, что онъ стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣмъ мужскимъ воспитаніемъ, какое давали спартанцы своимъ дочерямъ. Величайшая ошибка государственнаго устройства Спарты въ томъ именно и заключалась, что въ немъ не было принято въ разсчетъ тѣхъ вѣчныхъ законовъ, по которымъ каждому отдѣльному существу принадлежитъ извѣстная, ему исключительно свойственная роль въ міровой гармоніи. Мужчина, который предназначался

въ Спартѣ главнымъ образомъ къ воинскимъ занятіямъ, долженъ былъ приготовляться къ нимъ особеннымъ, спеціально приспособленнымъ къ этой будущей профессіи его, воспитаніемъ. Что же касается до женщины, то ея воспитаніе должно было приготовлять ее къ жизни семейной, домашней.

Спартанцы, которые поставляли задачей воспитанія исключительно практическія цѣли, и полагали, что ребенокъ долженъ учиться только тому, что можетъ быть для него полезно впослѣдствіи времени,—принимали ли они въ соображеніе этотъ принципъ при воспитаніи своихъ дочерей? Думали ли они о томъ, чтобы развивать въ нихъ врожденныя качества женщины—грацію, кротость, чувствительность, которыя должны въ ней соединяться съ нравственною силою? Празднества и общественныя игры, приготовляли ли они къ той уединенной жизни, которую должна была вести въ Спартѣ замужняя женщина? Наконецъ, какое вліяніе должны были оказывать эти гимнастическія упражненія и игры на нравственное чувство дѣвушки, какъ скоро она являлась передъ мужчинами полуобнаженною? Нельзя не признать коренныхъ недостатковъ въ такой системѣ, которая превращала общественныя мѣста въ мѣсто воспитанія для тихой, домашней жизни. Представимъ теперь общія черты воспитанія аѳинянки.

Какъ скоро въ домѣ раждался ребенокъ,—эмблема выставленная надъ дверьми давала знать о томъ—родился ли мальчикъ или дѣвочка... Вѣнокъ изъ листьевъ оливы означалъ рожденіе мальчика, шерстяная повязка—рожденіе дѣвочки. Шерсть очевидно служила здѣсь символомъ будущихъ занятій женщины — домашнихъ работъ.

Заключенная въ гинекеѣ дѣвушка іонійскаго племени была лишена той свободы, которою пользовались героини Гомера. Молодая аѳинянка не смѣла поднимать ни на кого глазъ, исключая самыхъ близкихъ родныхъ. Занятія ея состоятъ въ пряжѣ шерсти, тканьѣ и вышиваньѣ. Очевидно, что при такомъ затворническомъ образѣ жизни, среди занятій исключительно механическихъ, образованіе ума было невозможно. Знакомство съ практическою жизнью и общественными интересами было также недоступно для аѳинской женщины. Если въ ней пробуждалась любознательность, аѳинянка не имѣла возможности ей удовлетворять, точно также какъ не имѣла возможности приподнимать покрывала, скрывавшаго отъ нея дѣйствительную жизнь. Изрѣдка только передъ нею растворялись двери ея темницы, и она являлась публично при разныхъ религіозныхъ церемоніяхъ.

Очевидно, что и здѣсь, въ Аѳинахъ, воспитаніе женщины представляло не менѣе важные и существенные недостатки, чѣмъ въ Спартѣ. Если въ послѣднемъ государствѣ не принимались во вниманіе различіе половъ и особенности нравственной природы жен-

Артемида, богиня охоты.

щины, то воспитаніе аѳинское представляло тотъ колоссальный недостатокъ, что отказывало ей въ развитіи ума.

Эолійское племя, равно какъ и народы дорическаго племени—неспартанцы предохраняли своихъ дочерей отъ крайностей этихъ двухъ родовъ воспитанія. Покровительствуя склонность женщины къ домашнимъ занятіямъ, они въ то же время старались развивать въ женщинѣ ея умственныя способности.

Законодательства древняго міра назначали женщинѣ больше или меньше поздній періодъ для вступленія въ замужство. Нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить, въ какомъ именно возрастѣ Ликургъ разрѣшалъ молодымъ людямъ вступленіе въ бракъ; тѣмъ не менѣе извѣстно, что онъ запрещалъ молодымъ людямъ брачный союзъ прежде чѣмъ они достигали полной физической зрѣлости. Тотъ, кто не соглашался предоставить своихъ дѣтей въ полное распоряженіе Спарты, подвергался безславію въ общественномъ мнѣніи. Въ числѣ разныхъ другихъ, опредѣленныхъ для него въ этомъ случаѣ наказаній, существовало и то, что женщины тащили его вокругъ жертвенника и наносили ему удары; равнымъ образомъ онъ не могъ присутствовать при гимнастическихъ состязаніяхъ молодыхъ дѣвушекъ, изъ числа которыхъ онъ отказался выбрать себѣ подругу.

Въ Аѳинахъ брачный возрастъ опредѣлялся нѣкогда 35-ю годами для мужчины и двадцатью шестью для женщины. Впослѣдствіи времени это требованіе было понижено.

Во многихъ греческихъ государствахъ существовалъ законъ, въ силу котораго заключеніе браковъ было возможно только между уроженцами одной и той же страны. Аѳиняне по преимуществу строго запрещали брачные союзы съ иностранцами. Ревниво охраняя чистоту своего племеннаго начала и привилегіи своей свободы, они не допускали союзовъ, которые могли бы ввести въ ихъ республику членовъ другихъ расъ, и которые могли бы сдѣлать людей чуждаго племени участниками ихъ славныхъ привилегій.

Иностранецъ или иностранка, заключавшіе бракъ въ средѣ аѳинскаго племени, были продаваемы какъ рабы; ихъ имущество было конфискуемо, и треть ихъ состоянія была предоставляема лицу, представлявшему ихъ на судъ ѳесмотетовъ. Аѳинянинъ, который, выдававъ чужестранку за свою дочь, обманомъ соединялъ ее съ однимъ изъ своихъ согражданъ, равнымъ образомъ терялъ свое достояніе и лишался гражданскихъ правъ. Что же касается до того, который самъ соединялся бракомъ съ чужестранкою, то законъ смотрѣлъ въ этомъ случаѣ на дѣло такъ, что аѳинянинъ находилъ уже достаточное наказаніе свое въ томъ, что его подруга была продаваема въ рабство, и потому приговаривалъ его только къ пенѣ въ тысячу драхмъ; дѣти, родившіяся отъ подобнаго брака, были исключаемы изъ списковъ гражданъ государства, и если они,

представивъ жалобу по этому поводу въ судъ, проигрывали процессъ, то были также продаваемы какъ рабы.

Въ выборѣ жены лакедемоняне имѣли то преимущество передъ другими греками, что они часто имѣли случай, видѣть дѣвушекъ своей родины, которыя славились красотою въ цѣлой Греціи, и слѣдовательно, могли заключать браки пò-сердцу, — выгода, которою рѣдко пользовались аѳиняне, видѣвшіе дѣвицъ только при религіозныхъ церемоніяхъ.

Оба законодателя—спартанскій и аѳинскій согласно постановили въ своихъ законахъ уничтоженіе, или по крайней мѣрѣ отмѣну приданаго. Ликургъ желалъ, чтобы однѣ только добродѣтели молодой дѣвушки привлекали вниманіе искателя ея руки, и чтобы ничто постороннее не заслоняло ихъ въ его глазахъ. Онъ запрещалъ дѣвушкѣ блистать тою искусственною красотой, которую сообщаютъ румяна и разнаго рода уборы, равно какъ и предлагать своимъ искателямъ въ приданое за собою состояніе, которое заставляло бы молодыхъ людей забывать о ея личныхъ достоинствахъ.

Точно также смотрѣлъ на супружескій союзъ и законодатель аѳинскій Солонъ, который видитъ въ немъ не соединеніе имуществъ, а союзъ сердецъ. Въ силу этого онъ постановилъ закономъ, чтобы невѣста приносила въ приданое жениху не болѣе трехъ платьевъ и самую обыкновенную домашнюю утварь. Впрочемъ, это было только на первыхъ порахъ. Въ позднѣйшія времена приданое, которое приносила новобрачная своему мужу, было иногда довольно значительно, а бѣдная дѣвушка рисковала остаться старою дѣвой, и вообще говоря, приданое составляло то, чѣмъ отличалась законная жена отъ фаворитки. Въ Спартѣ точно также какъ и въ Аѳинахъ женщина, если она не имѣла брата, могла быть единственной наслѣдницей, и такимъ образомъ имущество ея могло увеличиться. Въ этомъ случаѣ, будучи единственною, или по крайней мѣрѣ старшею дочерью, она могла наслѣдовать своему отцу во владѣніи землею, которую Ликургъ раздѣлилъ между девятью тысячами гражданъ. Выборъ жениха производился по всей вѣроятности отцомъ молодой дѣвушки, однако непроизвольно, но если отецъ умиралъ, не сдѣлавъ относительно этаго распоряженія, то рѣшеніе участи сироты предоставлялось царю.

Аѳинянинъ, имѣвшій дочь, не могъ предоставить ей право наслѣдованія, не выдавая ее замужъ. Если онъ умиралъ безъ завѣщанія, то его наслѣдница должна была выйти замужъ за одного изъ ближайшихъ родственниковъ. Если аѳинянинъ оставлялъ нѣсколько дочерей, то онѣ раздѣляли между собою его имущество, и выходили замужъ—каждая за того изъ ближайшихъ побочныхъ наслѣдниковъ, къ которому она чувствовала склонность.

Наслѣдница должна была быть представляема защитнику беззпомощныхъ—архонту-эпониму, и представлялъ ее обыкновенно тотъ

изъ ея родственниковъ, который предъявлялъ права на полученіе ея руки. Если же случалось, что другой сонаслѣдникъ оспаривалъ это право, то архонтъ-эпонимъ вносилъ дѣло въ судъ, который и рѣшалъ, за котораго изъ двухъ претендентовъ должна была, на основаніи большей близости родства, выйти молодая дѣвушка.

Если она была уже выдана замужъ отцомъ, то, оставшись сиротою, она должна была снова выйти замужъ за человѣка, котораго назначалъ ей законъ. Тотъ, кому выпадало на долю сочетаться бракомъ съ наслѣдницей, могъ отвергнуть свою первую жену.

Ребенокъ, рождавшійся отъ сироты, получалъ имя дѣда съ материей стороны. Онъ долженъ былъ продолжать родъ и наслѣдовать достояніе своего дѣда.

Аѳиняне имѣли обычай давать приданое дочерямъ великихъ людей, оказавшихъ особенныя услуги государству. Прибавимъ къ этому, что устройство судьбы сиротъ принимали иногда на себя и чужія семейства.

Въ Спартѣ, какъ скоро отецъ соглашался взять зятемъ молодаго человѣка, послѣдній долженъ былъ похитить свою невѣсту изъ родительскаго дома. Онъ помѣщалъ ее у женщины, которая устраивала его бракъ, и которая, принявъ ее у себя въ домѣ, давала ей мужское платье и обувь. Пообѣдавъ, обыкновенно умѣренно, за общественнымъ столомъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, новобрачный отправлялся въ домъ, гдѣ находилась его подруга, и гдѣ она еще оставалась нѣкоторое время. Молодые супруги могли видѣться не иначе какъ только украдкою до самаго того времени, когда новобрачный вводилъ молодую жену въ свой домъ. Случалось иногда, что новобрачная была уже матерью, когда она входила въ домъ мужа.

Въ Аѳинахъ молодые люди не могли заключать брачнаго союза безъ согласія своихъ отцевъ и матерей. Если аѳинянка оставалась сиротою послѣ отца, то ея рукою располагалъ ея братъ, дѣдъ или опекунъ. Въ присутствіи членовъ обѣихъ фамилій, отецъ молодой дѣвушки адресовался къ молодому человѣку, за котораго отдавалъ дочь, съ обыкновенною употреблявшеюся въ такихъ случаяхъ фразою: «я отдаю тебѣ мою дочь для произведенія на свѣтъ законныхъ дѣтей». Обрученные произносили взаимныя клятвы, при чемъ подавали другъ другу правую руку или заключали другъ друга въ объятія; обрученная получала отъ своего жениха въ знакъ любви какой-нибудь подарокъ.

Въ разныхъ греческихъ республикахъ, при заключеніи браковъ, на новобрачныхъ съ помощію молитвъ и жертвоприношеній старались низводить благословеніе божествъ, покровительствующихъ браку. Съ помощію разнаго рода жертвоприношеній старались узнать— угоденъ ли богамъ бракъ, который предполагали заключить. Внут-

Развалины Дельфъ.

ренности жертвы подвергались тщательному разсмотрѣнію, и смотря потому—благопріятныя или неблагопріятныя предзнаменованія видѣли въ нихъ гадатели — бракъ былъ заключаемъ, или же дѣло расходилось. Появленіе двухъ горлинокъ или воронъ также относилось къ числу благопріятныхъ предзнаменованій. Первыя служили доказательствомъ, что бракъ заключался по любви, а вторыя, извѣстныя своимъ долголѣтіемъ и вѣрностью, обѣщали новообручаемымъ долгую жизнь и постоянную любовь. Но ворона, которая такимъ образомъ служила для жениха и невѣсты счастливымъ предзнаменованіемъ, — иногда наоборотъ служила предвѣстницей будущаго горя. «Прогони, молодая дѣвушка, ворону», — находимъ мы въ одной изъ брачныхъ пѣсенъ. Это потому что ворона, какъ птица, по преимуществу вѣрная, считалась символомъ неутѣшнаго вдовства, если она появлялась одна. При совершеніи жертвоприношеній Герѣ, покровительницѣ браковъ, желчь жертвеннаго животнаго бросалась за жертвенникъ. Этимъ способомъ думали удалить отъ новобрачныхъ гнѣвъ боговъ и показать имъ, что чувства неудовольствія и досады не должны проявляться въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Какъ въ Палестинѣ, омовеніе въ купальнѣ составляло въ Греціи одну изъ принадлежностей брачныхъ церемоній. Омовеніе совершалось водою изъ источника Каллирое («прекрасно текущій источникъ»), вокругъ котораго собирались женщины и который Пизистратъ изящно разукрасилъ. На празднествѣ брачной церемоніи, невѣста, одѣтая въ пурпуръ, съ развивающимися, надушенными благовоніями волосами, надѣвала себѣ на голову вѣнокъ изъ цвѣтовъ, посвященныхъ Афродитѣ. Первое празднество, по случаю совершенія брачной церемоніи, происходило въ домѣ невѣсты. Вечеромъ новобрачная отправлялась на колесницѣ въ свое новое жилище. На колесницѣ она занимала мѣсто между мужемъ и наиболѣе близкимъ изъ его друзей. Домъ, въ который она пріѣзжала, также какъ и тотъ, изъ котораго выѣхала—украшался въ день праздника гирляндами изъ лавра и плюща. Какъ выразительны были въ настоящемъ случаѣ эти эмблемы! Лавръ—символъ торжества силы умственной или физической, награда за подвиги и побѣду, и робко вьющійся плющъ—олицетвореніе безпомощности, ищущей себѣ опоры! Эти эмблемы—эмблемы мужчины и женщины! Когда супруги, подъѣхавъ къ дому, переступали черезъ порогъ, имъ въ ту же минуту ставили на головы корзины съ фигами и другими плодами: это было символомъ изобилія, которое вмѣстѣ съ новобрачными вступало въ ихъ домъ. Какъ и въ гомерическія времена, къ числу торжествъ, которыми сопровождалась брачная церемонія, принадлежало и пиршество, на которомъ присутствовали всѣ свидѣтели заключеннаго союза. Хотя въ Аѳинахъ женщины не участвовали въ пирахъ, на которыхъ присутствовали мужчины, тѣмъ не менѣе пиршество, дававшееся по случаю совершенія

брачнаго обряда, составляло исключеніе; но кажется, что новобрачная, не снимавшая съ себя покрывала, занимала вмѣстѣ съ другими женщинами отдѣльный столъ. Пѣсни и танцы составляли главныя увеселенія брачнаго торжества. Но вотъ новобрачные направляются наконецъ въ свои покои, при свѣтѣ факеловъ. Матери ихъ особенно заботятся о томъ, чтобы при этомъ не были забыты факелы.

Приведемъ теперь нѣкоторыя черты изъ жизни греческой женщины и представимъ общую характеристику ея положенія въ семейной и общественной жизни.

Женская головка въ мюнхенской глипотекѣ.

Когда замужняя женщина выходила изъ дому, лицо ея было закрыто покрываломъ. Когда Харилаю однажды предложили вопросъ—почему покрывало, котораго не знала дѣвушка, считается необходимымъ для женщины, онъ отвѣчалъ: «это потому, что дѣвушкѣ нужно найти мужа, а женщинѣ нужно удержать при себѣ того, котораго она уже имѣетъ».

Нравственная также какъ и физическая красота женщины никогда не могла быть для постороннихъ людей предметомъ похвалъ: дѣлать замужней женщинѣ похвалы могъ только ея мужъ.

Если въ Спартѣ, также такъ и въ Аѳинахъ, начальственныя лица наблюдали за нравственностью женщинъ, то за то никакой другой надзоръ не связывалъ жены спартанца. Если эта послѣдняя была хорошею хозяйкой и вѣрною женой, она была совершенно свободна. И какъ велико было ея вліяніе! мужъ ея, вѣчно занятый войною, предоставляетъ ей управленіе домомъ: суровый воинъ— онъ смиренно преклоняется передъ волею своей подруги. Впрочемъ, еще Аристотель замѣтилъ, что воинственные характеры легче всего поддаются вліянію женщины: не даромъ же въ эллинской миѳологіи существовалъ союзъ бога войны и богини красоты—Арея (Марса) и Афродиты. Спартанецъ не затруднялся открыто признавать за своей женою первенствующую роль въ домашней жизни; онъ давалъ ей имя δεσποίνα госпожа.

Во времена Аристотеля, Спарта не была уже убѣжищемъ суровой простоты и честной бѣдности. Чтобы пріобрѣсти въ ту эпоху любовь спартанца, котораго пожирала страсть къ золоту, необходимо было богатство; въ столицѣ Спарты водворилась роскошь, которую спартанскій законодатель, казалось, совершенно подавилъ. Спарта не была уже болѣе городомъ мужественныхъ и цѣломудренныхъ женщинъ. Разсматривая этотъ упадокъ нравовъ, Аристотель дѣлаетъ Ликургу упрекъ въ томъ, что онъ не распространилъ на женщинъ тѣхъ преобразованій, которыя ввелъ для мужчинъ. Но такой характеръ спартанской женщины составляетъ, какъ читатель сейчасъ видѣлъ, явленіе позднѣйшаго времени; въ лучшее время греческой жизни спартанка представляла собою образецъ цѣломудрія и чистоты нравовъ.

Мы представили самыя общія черты быта и положенія аѳинской и спартанской женщины въ семьѣ, среди ихъ домашней обстановки; скажемъ теперь нѣсколько словъ о жилищѣ греческой семьи, какъ о томъ мѣстѣ, гдѣ по преимуществу проявлялось вліяніе женщины. Говорить о спартанскомъ жильѣ нѣтъ необходимости, такъ какъ его черезъ чуръ убогій характеръ не даетъ даже матеріала для описанія. Итакъ мы остановимся на аѳинскомъ домѣ.

Дома аѳинянъ, говоря вообще, отличались простотою, такъ какъ аѳиняне воздвигали роскошныя въ архитектурномъ смыслѣ зданія исключительно въ честь боговъ. Переступивъ черезъ порогъ дома, мы входимъ въ коридоръ, и затѣмъ проникаемъ узкимъ проходомъ въ перестиль—дворъ, украшенный четырьмя портиками, которые украшаютъ мужское отдѣленіе. Здѣсь находится жертвенникъ домашнихъ боговъ. Женщины занимаютъ особое отдѣленіе. Здѣсь онѣ таятся отъ любопытныхъ взоровъ подъ покрывалами, которыхъ не оставляютъ и въ замужествѣ, не смѣя свободно разговаривать съ посторонними мужчинами.

Въ столовой небольшіе круглые столы утверждаются на трехъ

оленьихъ ногахъ, или на трехъ головахъ и трехъ львиныхъ лапахъ. Скамья назначается для хозяина дома, который обѣдаетъ лежа, въ то время какъ женщины, принадлежащія къ его семьѣ, помѣщаются на стульяхъ, на которыхъ для сидѣнья клалась подушка, а спинка покрывалась ковромъ. Въ центрѣ жилья, занимаемаго аѳинянкой, находится ея спальня, гдѣ помѣщаются самые драгоцѣнные ковры и сосуды, какіе только есть въ домѣ; здѣсь же возвышается ея ложе, съ различными украшеніями изъ слоновой кости и покрытое подушкой и шитымъ покрываломъ. Вѣроятно, что въ этой же комнатѣ аѳинянка занималась своимъ туалетомъ, въ то время какъ рабыня держала передъ ней бронзовое, круглое или овальное, зеркало.

Чтобы видѣть аѳинянку во всемъ блескѣ ея наряда, ее необходимо было видѣть въ пріемной залѣ. Всѣ онѣ носятъ длинную іонійскую тунику съ болѣе или менѣе длинными рукавами, которая спускается до самыхъ ногъ, обутыхъ въ башмаки или въ сандаліи. Многія аѳинянки украшались сверхъ того пеплосомъ. Сверхъ длинной туники бѣлой аѳинянка носила еще тунику небеснаго цвѣта—короткую и съ широкими рукавами.

Наконецъ третья туника круглой формы была нѣсколько короче предыдущей. Эта послѣдняя у богатыхъ женщинъ была чрезвычайно нарядна; чаще всего она блистала золотыми звѣздочками, разными не менѣе блестящими кругами, и оканчивалась обыкновенно каймой.

Лампы и канделябры.

Роскошные волосы свои аѳинянка заплетала обыкновенно въ косу; прическа прикалывалась золотыми или серебряными булавками.

На головѣ она носила нѣчто въ родѣ круглаго чепца—саккосъ. Вообще же головнымъ уборомъ ея служило широкое покрывало изъ какой нибудь матеріи.

Шею и руки аѳинской женщины украшали ожерелье и браслеты. Первое чаще всего состояло изъ небольшихъ амфоръ, прикрѣпленныхъ къ бантамъ, а цѣпь, на которой утверждались эти послѣдніе, отличалась большимъ изяществомъ.

Браслеты обязаны своимъ греческимъ названіемъ той формѣ, какую имъ обыкновенно давали греки[1]). Форма эта была—изображеніе змѣи.

Форма серегъ была до безконечности разнообразна и привлекательна своей оригинальностью. Бѣлая эмалевая лебедь, которой клювъ, крылья, лапки и хвостъ были золотые, голубка, сфинксъ, голова барса, кисть винограда на золотомъ стволѣ, наконецъ разнаго рода небольшія вазочки—таковы были разнообразныя формы серегъ древней гречанки.

Но если аѳинянка умѣла украшать свою наружность, то этого далеко нельзя сказать объ украшеніи другого рода — украшеніи внутреннемъ—о ея умственномъ и нравственномъ образованіи. Виновата въ этомъ случаѣ была разумѣется не она, а то воспитаніе, которое она получала, а въ узкомъ и ограниченномъ воспитаніи ея виновата была прежде всего общественная среда. Въ этомъ отношеніи—въ воспитаніи женщины, утонченно образованный, гуманный аѳинянинъ уступалъ лишенному научнаго образованія спартанцу, потому что если въ Спартѣ воспитаніе женщины было односторонне, если тамъ ее воспитывали исключительно для цѣлей государственныхъ, то во всякомъ случаѣ въ Спартѣ гораздо больше понимали высокое общественное значеніе женщины. Недостатокъ умственнаго образованія въ аѳинянкѣ не могъ не отражаться вреднымъ образомъ и на ея семейной жизни. Если жена аѳинскаго гражданина была неразвита—то это конечно не могло не удалять его отъ домашняго очага, и тѣ самые часы, которые онъ, при другой постановкѣ дѣла, провелъ бы охотно дома, въ бесѣдѣ съ своей умной и развитой подругой, онъ праздно проводилъ на аѳинской площади, слушая и передавая другимъ разнаго рода новости. Эта же умственная приниженность и неразвитость аѳинской женщины не могла не вліять отчасти и на то, что браки въ Аѳинахъ заключались иногда не по склонности сердца, а по чисто практическимъ соображеніямъ, при чемъ вопросъ о состояніи стоялъ, разумѣется, на первомъ планѣ. Случалось, что аѳинскій гражданинъ, вступая въ бракъ, останавливался прежде всего мыслью на талантахъ, минахъ, драхмахъ и оболахъ своей будущей жены, и рѣшительно забывалъ задать себѣ вопросъ: обладаетъ ли его будущая подруга

---

[1]) Ὄφις—змѣя и браслетъ.

самымъ драгоцѣннымъ въ супружествѣ талантомъ—талантомъ составить счастіе того, кто назоветъ ее своей женой? Удивительно ли, что такой мужъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ брачной жизни, говоритъ иногда о своемъ счастіи такъ, какъ заставляетъ говорить одного изъ подобныхъ господъ поэтъ: «я вступилъ въ супружество съ демономъ, которой имѣлъ приданое. Я получилъ за нею домъ и земли, но чтобы все это получить, нужно было взять и её: о, какое несчастіе»!

Умственная неразвитость и отсутствіе научнаго образованія въ аѳинской женщинѣ вносили въ семейную жизнь аѳинскаго граж-

Флаконы, зеркала, опахала.

данина и другое существенное зло. Лишенный той нравственной поддержки и того утѣшенія, которыя даетъ мужчинѣ умственно-развитая и любимая жена, аѳинянинъ вынужденъ былъ искать утѣшенія на сторонѣ и находилъ его — въ гетерѣ.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ именами Аспазіи, Фрины и другихъ не менѣе знаменитыхъ гетеръ, бывшихъ — къ сожалѣнію въ одну изъ самыхъ блестящихъ эпохъ аѳинской жизни — царицами аѳинскаго общества. Гетера того времени (IV вѣка до Р. Х.) соединяла вокругъ себя все лучшее современное аѳинское общество. Вотъ какъ рисуетъ одну изъ нихъ современный намъ русскій поэтъ:

Ты слыхалъ ли имя Фрины?
Покорялися Аѳины
Взгляду гордой красоты,—

Но на насъ она взирала
Какъ богиня съ пьедестала
Недоступной высоты.

* * *

На пирахъ ея быть званнымъ—
Это честь была избраннымъ.
Принимала какъ сатрапъ!
Всѣмъ серебряныя блюды,
И хрустальные сосуды,
И за каждымъ черный рабъ.

Посланники персидскаго царя, архонты, великіе художники, привилегированные любимцы аѳинской публики — софисты, наконецъ аѳинскіе денди въ родѣ Алкивіада — все это склонялось передъ взоромъ и всепобѣдной красотой аѳинской гетеры.

Много можно было бы затронуть здѣсь еще вопросовъ, касающихся жизни аѳинянки въ блестящій періодъ аѳинской исторіи; но статья наша вышла и безъ того слишкомъ длинна. Оставляя поэтому въ сторонѣ многіе частные, относящіеся сюда вопросы—я остановлюсь на самой важной и существенной сторонѣ дѣла — на значеніи древней гречанки, какъ матери. Этимъ мы и заключимъ нашу статью, разсмотрѣвъ мать-спартанку и мать-аѳинянку.

Если спартанка разрѣшалась отъ бремени сыномъ — для нея наступали страданія, которыхъ не знала другая женщина. Новорожденнаго тотчасъ отнимали у матери, и отецъ относилъ его въ мѣсто публичныхъ собраній, гдѣ его подвергали изслѣдованію старѣйшины трибы. Если ребенокъ раждался слабымъ, такъ что не могъ быть впослѣдствіи защитникомъ государства, то отецъ возвращался домой одинъ, а несчастный мальчикъ погибалъ въ пропасти, куда бросали его старѣйшины. Мать только въ такомъ случаѣ могла снова увидѣть своего сына, если его тѣлосложеніе обѣщало въ немъ въ будущемъ физически сильнаго гражданина.

Оружіе окружаетъ колыбель новорожденнаго младенца. Необходимо, чтобы его взоры привыкали къ нему съ дѣтства. Но приходитъ, наконецъ, день, когда сама мать облекаетъ своего сына оружіемъ, когда она подаетъ ему щитъ съ словами: «или съ нимъ, или на немъ», когда она говоритъ своему сыну, жалующемуся на свою хромоту: «при каждомъ шагѣ, который ты сдѣлаешь, помни о доблести».

Высокое гражданское чувство—едва ли не преобладающая черта въ характерѣ спартанки-матери. Если одинъ изъ ея сыновей погибаетъ въ битвѣ—она тотчасъ замѣняетъ его другимъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ она ожидаетъ извѣстія объ исходѣ битвы у городскихъ воротъ. «Пятеро твоихъ сыновей погибли въ битвѣ», сообщаетъ ей одинъ изъ товарищей ея сына. «Несчастный—говоритъ ему спартанка—развѣ я тебя объ этомъ спрашиваю? Я хочу знать

объ исходѣ битвы».—«Мы побѣдили».—«Въ такомъ случаѣ я узнаю безъ сожалѣнія о смерти моихъ сыновей».

Лакедемонянка входитъ въ подробности относительно смерти своего сына. Она желаетъ знать какія онъ получилъ раны. Если онѣ по характеру своему таковы, что онѣ могли быть нанесены ему только во время бѣгства, тогда спартанка удаляется въ уединеніе

Побѣдительница въ бѣгѣ.

для того, чтобы оплакать не смерть своего сына, а его позоръ. Самый трупъ его она похороняетъ въ такомъ случаѣ тайно; но если спартанецъ получитъ нѣсколько ранъ въ грудь—его мать съ гордостью похороняетъ его въ гробницѣ предковъ, которыхъ онъ показалъ себя достойнымъ. Во время совершенія погребальной церемоніи, къ ней приближается женщина для того, чтобы ее утѣ-

шить. «Я произвела моего сына на свѣтъ для того, чтобы онъ умеръ за отечество»—отвѣчаетъ ей съ гордымъ достоинствомъ спартанка.

Горе тому спартанцу, который бы возвратился домой, и о которомъ его матери сообщили бы, что онъ спасся бѣгствомъ. «Или оправдайся или умри»—отвѣтила бы ему мать, не затруднявшаяся въ подобныхъ случаяхъ убивать сына собственными руками!

Съ инымъ характеромъ является мать семейства въ республикѣ аѳинской. Въ этой послѣдней мы не видимъ того героизма и той жестокости, которые отличали спартанку. Здѣсь мы находимъ напротивъ черты болѣе мягкія и женственныя, а иногда даже чувство, въ которомъ выражалась материнская слабость. Такъ, одна аѳинянка пишетъ своему сыну, бѣжавшему съ поля битвы, что она довольна тѣмъ, что онъ сохранилъ себя для нея. Этотъ послѣдній случай принадлежитъ конечно къ исключительнымъ; но вообще контрастъ между матерью аѳинянкой и спартанкой относительно женственности и материнскихъ чувствъ слишкомъ рѣзокъ...

Дмитрій Лебедевъ.

ТОРКВАТО ТАССО И ЕГО ВѢКЪ [1].

(окончаніе).

VI.

Въ XIV и XV столѣтіяхъ, въ золотой вѣкъ Возрожденія гуманисты иногда оставляли дворъ государя, но только для того, чтобы немедленно поступить въ свиту другаго, такъ какъ жить внѣ придворнаго блеска имъ казалось немыслимымъ; единственнымъ побужденіемъ къ перемѣнѣ мѣста была выгода; ихъ рѣдко касалась интрига, да они и не боялись ея, потому что сами были опытны въ этомъ дѣлѣ. Придворные оставляли въ покоѣ гуманиста, потому что онъ занималъ исключительное положеніе: не милости государя, при дворѣ котораго жилъ, обязанъ онъ былъ возвышеніемъ, а своимъ знаніямъ древности и литературному таланту. Кромѣ того, въ его рукахъ было оружіе, страшное въ эпоху общаго увлеченія литературой, это «инвектива», нѣчто среднее между сатирой и пасквилемъ. Благодаря всему этому, гуманистъ стоялъ выше придворнаго. Когда, съ измѣненіемъ общественнаго настроенія въ XVI вѣкѣ, гуманисты утратили свой престижъ, но сохранили любовь къ придворной жизни, то ихъ положеніе во дворцахъ сдѣлалось крайне затруднительно. Они старались въ качествѣ царедворцевъ удержать то значеніе, которое они потеряли въ качествѣ гуманистовъ; но здѣсь имъ пришлось столкнуться съ оппозиціей при-

---

[1] См. «Историческій Вѣстникъ», т. XIII, стр. 417—432.

дворныхъ, которые видѣли въ нихъ простыхъ фаворитовъ-выскочекъ, и поэтому, преимущественно, ихъ дѣлали мишенью интригъ. Въ концѣ концовъ, гуманисту представлялось два выхода изъ такого положенія: онъ долженъ былъ или усвоить себѣ образъ дѣйствій и пріемы прочихъ придворныхъ, или отказаться отъ дворцовъ и удалиться въ частную жизнь. Такая же альтернатива представилась и Тассо. Первоначально онъ хотѣлъ быть ученымъ совѣтникомъ князя; пользуясь славой поэта, онъ думалъ вліять на дѣла въ качествѣ политика, но неудачи при французскомъ дворѣ и безсиліе при феррарскомъ показали, что на этомъ пути онъ не пріобрѣтетъ успѣха. Результатомъ этого было разочарованіе въ современномъ политическомъ строѣ; подобно Петраркѣ и Кола-ди-Ріенци, онъ началъ мечтать о древнемъ Римѣ, только не республиканскомъ, а императорскомъ, отрицалъ всякій наслѣдственный авторитетъ и требовалъ, чтобы въ основаніе общественнаго строя было положено естественное право. Само собою разумѣется, что въ этихъ идеалахъ видѣли бредъ больнаго поэта. Что же касается до интригъ, Тассо чувствовалъ къ нимъ неодолимое отвращеніе; честность характера и самолюбіе не позволяли ему унизиться до подобныхъ средствъ, такъ что единственнымъ исходомъ оказалось удаленіе изъ Феррары.

Немилость герцога, охлажденіе принцессы и интриги придворныхъ заставляли Тассо воображать спокойную жизнь частнаго человѣка въ особенно привлекательномъ видѣ. Онъ мечталъ заработать своими произведеніями сумму, необходимую для независимой жизни, и поселиться свободнымъ гражданиномъ въ Римѣ. «Почему мнѣ не жить свободно и независимо? пишетъ онъ къ друзьямъ изъ Феррары. Здѣсь меня многіе мучатъ, но никто не гонитъ; несмотря на то, я рѣшился оставить это мѣсто, и не легко меня отговорить отъ этого намѣренія, потому что здѣшняя жизнь далеко не удовлетворяетъ меня: быть постоянно готовымъ къ борьбѣ слишкомъ безпокойно и мучительно; притомъ, выгоды, почести и надежды на будущее вовсе не таковы, чтобы изъ-за нихъ каждую минуту стоило защищаться» (164). Подъ вліяніемъ такихъ мыслей Тассо переселился къ своей сестрѣ въ Сорренто; но скоро оказалось, что уединенная жизнь представлялась привлекательною поэту только въ мечтахъ. «Мысль жить въ уединеніи, когда враги будутъ наслаждаться принадлежащими ему почестями, была для Тассо невыносима, говоритъ Чекки. Непреодолимо тѣснимый честолюбіемъ и любовью постоянно обращаетъ онъ свои взоры къ Феррарѣ и пускаетъ въ ходъ всѣ средства, чтобы получить возможность возвратиться туда; онъ пишетъ къ принцессѣ и герцогу, объясняетъ ему свой образъ дѣйствій и хлопочетъ о возвращеніи потеряннаго мѣста при дворѣ» (187). Всѣ хлопоты оказались напрасными: Альфонсъ не отвѣтилъ на письмо поэта; принцесса дала понять, что не можетъ за него ходатайствовать; но, несмотря на

все это, вопреки совѣтамъ друзей и родныхъ, Тассо рѣшился возвратиться въ Феррару.

Неудержимое, почти болѣзненное стремленіе Тассо ко двору представляется страннымъ и съ перваго взгляда необъяснимымъ; внѣ придворной сферы ему какъ будто недостаетъ воздуха; пребываніе въ Сорренто ему кажется не жизнью, а жалкимъ прозябаніемъ. Какая-то могучая сила постоянно влечетъ его туда, гдѣ онъ не могъ найти удовлетворенія и счастья, какъ ясно видѣли близкіе ему люди. При ближайшемъ разсмотрѣніи этой силы біографы Тассо нашли двѣ причины его тяготѣнія ко двору: любовь къ принцессѣ Элеонорѣ и честолюбіе. Но вліяніе этихъ причинъ, если и допустить ихъ совмѣстное существованіе, было далеко не одинаково; тѣмъ не менѣе вопросъ объ отношеніи поэта къ принцессѣ и къ женщинамъ вообще чрезвычайно интересенъ.

Переходная эпоха, въ которую пришлось жить Тассо, оказала неблагопріятное вліяніе на его личную жизнь. Его отношеніе къ семьѣ и женщинѣ внесло не мало горечи въ его существованіе: идеалы и въ этомъ случаѣ стояли въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Средневѣковой взглядъ на женщину, видѣвшій въ ней орудіе зла, источникъ и путь всякаго грѣха въ мірѣ, «факелъ сатаны», по выраженію одного лица церкви, смѣнился въ XIV вѣкѣ преклоненіемъ передъ ея красотой и требованіемъ ея равенства въ сферѣ семейныхъ отношеній. Но семейныя узы, противъ которыхъ возставало монашество, какъ противъ помѣхи къ спасенію, расшатывались тогда съ другой стороны: первые гуманисты, увлекаясь борьбой противъ аскетизма въ теоріи, давали слишкомъ большой просторъ чувственности въ жизни и ослабляли семейныя связи. Въ XVI вѣкѣ, когда увлеченіе борьбою прошло, возрасло уваженіе къ семейной жизни, и въ женщинѣ выше всего стали цѣнить жену и мать. На такой точкѣ зрѣнія стоялъ и Тассо. «Семейное счастье мужа, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что всякое дѣло идетъ у него легко, пріятно и успѣшно; дѣятельность мужа должна интересовать жену, и онъ въ свою очередь не долженъ оставаться безучастнымъ къ ея занятіямъ — словомъ они должны имѣть не только общее ложе, но быть истинными товарищами въ мысляхъ и дѣлахъ» (25). У него слышится протестъ противъ крайностей того положенія, которое занимала женщина въ эпоху Возрожденія. «Женщина должна одѣваться сообразно своему состоянію со вкусомъ и красиво, пишетъ онъ въ діалогѣ «Отецъ семейства», и не должна безобразить своей естественной красоты бѣлилами и всякаго рода искуственными прикрасами, она посѣщаетъ только тѣ празднества и общественныя удовольствія, гдѣ обыкновенно собирается хорошее и приличное общество, и не злоупотребляетъ развлеченіями; она старается нравиться только своему мужу, воспитываетъ и охраняетъ дѣтей; на ней лежитъ управ-

леніе домомъ, забота о заготовленіи запасовъ, въ особенности полотна, холста и шелковыхъ тканей. Такимъ образомъ она не только будетъ имѣть все необходимое для домашнихъ нуждъ и приличной обстановки, но можетъ получить даже значительный доходъ. Она должна быть опытна въ этомъ искусствѣ, чтобы приготовить своей дочери обильное и приличное содержаніе» (26). Передъ поэтомъ носился идеалъ тихаго семейнаго счастья при скромной, но довольной обстановкѣ трудовой жизни. Но въ противоположность этимъ стремленіямъ существовали другія и болѣе сильныя: блескъ и роскошь придворной жизни, почетъ и вліяніе, достававшееся прежде на долю литературной знаменитости. Примиреніе этихъ противоположныхъ желаній было тѣмъ менѣе возможно, что придворныя дамы весьма мало напоминали его идеалъ женщины. Онѣ смотрѣли на бракъ, какъ на выгодную сдѣлку, тяготились семейной жизнію, болѣе всего любили удовольствія и дюжинами считали своихъ счастливыхъ обожателей. Тѣмъ не менѣе блескъ и прелесть придворныхъ красавицъ, ихъ внимательность и ласка очаровывали поэта, и онъ увлекался ими, забывая о своихъ мечтаніяхъ. Конечно, при такихъ условіяхъ не могло возникнуть серьезнаго чувства; масса сонетъ, не всегда скромныхъ, и «Разговоръ о любви» служатъ лучшей иллюстраціей къ исторіи сердца Тассо во время его жизни въ Ферраро; это былъ цѣлый рядъ увлеченій всѣми красавицами поочередно, а иногда и многими заразъ, увлеченій, по большей части, мимолетныхъ и во всякомъ случаѣ неглубокихъ. Нѣтъ основанія полагать, чтобы отношенія Тассо и принцессы отличались инымъ характеромъ. Это видно уже изъ того, что написаны цѣлые томы съ цѣлью рѣшить вопросъ, кто составлялъ предметъ страсти Тассо, Элеонора, или сестра ея Лукреція, или обѣ онѣ вмѣстѣ, и каждое предположеніе имѣло своихъ защитниковъ. Дѣйствительно, холодный отвѣтъ Элеоноры на письмо поэта изъ Сорренто исключаетъ возможность предположенія въ ней глубокаго чувства къ Торквато; съ другой стороны разрывъ съ ней Тассо не привелъ его къ отчаянію, а посвященные ей сонеты не отличаются по тону отъ прочихъ его стихотвореній съ подобнымъ содержаніемъ; въ его воображеніи носился въ это время образъ женщины-хозяйки и матери, образъ, мало напоминающій Элеонору и тѣмъ не менѣе становившійся все болѣе и болѣе привлекательнымъ для поэта. Сомнительно поэтому, чтобы любовь главнымъ образомъ привлекла Тассо къ феррарскому двору.

Гораздо сильнѣе дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ другой мотивъ— «желаніе возстановить свою честь», какъ онъ самъ его называетъ. Удаленіе отъ двора, по мнѣнію Тассо и его современниковъ, равносильно безчестію; на дворъ привыкли смотрѣть, какъ на сосредоточіе ума и таланта, на источникъ славы и безсмертія; внѣ княжескихъ палатъ нѣтъ настоящей жизни, не можетъ быть вліянія,

нельзя достигнуть извѣстности; забвеніе—это самый лучшій удѣлъ, котораго могъ желать писатель, избѣгавшій двора. Въ XIV вѣкѣ ученые доставляли славу князю, въ XVI отъ дворца зависѣла репутація литератора или ученаго; тѣ же самыя отношенія простирались и на другія сферы. Лучшіе люди жаловались на такой порядокъ вещей, но признавали, что жить безъ связи съ дворомъ невозможно. Гуарини, хорошо знакомый съ современными ему порядками Италіи XVI столѣтія, въ яркихъ краскахъ рисуетъ положеніе человѣка, не желавшаго имѣть дѣло съ придворными. «Богачъ, который не служитъ при дворѣ, говоритъ онъ, а, всетаки, желаетъ посѣщать его, можетъ дѣлать это; но тогда онъ будетъ стоять наравнѣ съ дворцовыми слугами, занимающими какую нибудь должность; если же онъ остается вдали отъ двора, чтобы вести независимый образъ жизни, то на него смотрятъ, какъ на скупца или на смѣшного и гордаго чудака; князь даетъ ему почувствовать свое презрѣніе, и, когда это доходитъ до всеобщаго свѣдѣнія, онъ уничтоженъ. Каждый прокутившійся придворный, каждый жалкій мѣщанинъ, каждый негодяй, осмѣливается его безчестить; никакія жалобы не въ состояніи прекратить преслѣдованія; если онъ запутается въ процессъ, то не доживетъ до конца его. Каждый хорошій поступокъ, каждое слово, будетъ вмѣнено ему въ грѣхъ и въ преступленіе; каждый шагъ, каждое предпріятіе подвергнутъ его новой опасности. Если дѣло идетъ объ общественныхъ налогахъ, то его перваго подвергнутъ имъ съ крайнею строгостью, и какъ бы ни было тяжело давленіе, жалобы на это нисколько не помогутъ. Если нужно помѣстить на квартиру чужеземца, то немедленно освободятъ для этого его жилище; если князь предпринимаетъ постройки, или дворъ отправляется въ путешествіе, то его людей первыхъ отправляютъ на работы или берутъ въ услуженіе. Если полицейскіе и сыщики идутъ на поиски, они останавливаются въ его помѣстьѣ, и горе ему, если ключи не скоро поданы! Ворота вылетаютъ вонъ, жилище разграбляется, прислуга подвергается истязаніямъ—однимъ словомъ, нѣтъ такого несчастія, котораго не испыталъ бы на себѣ отвергнутый княземъ. Если гонимый для смягченія тяжелаго положенія рѣшался привлечь на свою сторону кого нибудь изъ сильныхъ, то онъ долженъ былъ сдѣлаться его рабомъ, всѣмъ служить ему, давать все, что тотъ требуетъ и все-таки не получалъ желаемой защиты, потому что при первомъ случаѣ, когда онъ отказывалъ въ чемъ нибудь своему мнимому покровителю и другу, тотъ подъ покровомъ дружбы не гнушался мести и измѣны, приносилъ на него жалобу и его осуждали. Тщетно прибѣгалъ онъ къ князю, его всегда признавали виновнымъ. Вдали отъ двора жить нельзя; но и при дворѣ легко можно испытать кораблекрушеніе, подобно лоцману въ непогоду, съ тою только разницей, что кто умѣетъ смѣло и хорошо править сво-

имъ судномъ, на морѣ можетъ избѣжать опасности, а при дворѣ счастливо достигнетъ цѣли тотъ, кто дѣйствуетъ нечестно. Тамъ все ложь и обманъ; въ этой жалкой жизни, гдѣ нѣтъ увѣренности, нѣтъ твердыхъ основъ, гдѣ господствуетъ слѣпой случай, исходъ бываетъ обыкновенно неожиданный. Тамъ умѣть ловко направлять корабль—значитъ имѣть всегда наготовѣ ѳиміамъ, а также клевету и притворство, и никогда не отказываться отъ рабской покорности» (92—93). Если такъ жилось человѣку съ независимыми средствами, то можно себѣ представить, какъ чувствовали себя при дворѣ поэты и ученые. Тассо хорошо зналъ придворную жизнь, чувствовалъ отвращеніе къ ея темнымъ сторонамъ, но не находилъ другаго исхода. «Все общество, говоритъ онъ, раздѣлено на двѣ части: толпу безъ имени и придворныхъ; слѣдуетъ примкнуть къ тѣмъ или другимъ, хотя сознаешь и чувствуешь ихъ темныя стороны, ихъ жестокости и несправедливости, хотя отвертываешся отъ нихъ въ моментъ нравственнаго негодованія и презрѣнія» (95). Онъ предпочелъ дворъ.

Возвратившись въ Феррару, Тассо нашелъ довольно благосклонный пріемъ у герцога, ожидавшаго лестнаго посвященія «Освобожденнаго Іерусалима»; но прежнее положеніе исчезло безвозвратно. Отъ него требовали, чтобы онъ «не изъявлялъ болѣе притязанія на славу генія, на репутацію ученаго, а лучше съ полной безпечностью предался бы удовольствіямъ, велъ праздную и изнѣженную жизнь и такимъ образомъ отказался отъ честолюбія, отъ Парнаса и академіи и вступилъ въ чертоги Эпикура, въ тѣ чертоги, гдѣ нельзя встрѣтить ни Виргилія, ни Катулла, ни Гомера, ни даже Лукреція» (189). Понятно, что на такую роль не былъ способенъ поэтъ, мечтавшій о безсмертіи. «Я скорѣе буду слугой враждебнаго вамъ государя, отвѣчалъ онъ Альфонсу, чѣмъ подвергнусь такому униженію» (190). Протестъ возымѣлъ дѣйствіе, и Тассо оставили въ покоѣ, не обращали на него болѣе никакого вниманія. Предоставленный самому себѣ, онъ началъ обдумывать свое положеніе и пришелъ къ неутѣшительнымъ выводамъ. Съ одной стороны уединенная жизнь среди придворнаго блеска казалась ему чрезвычайно тягостной; вмѣсто славы и почета онъ повсюду встрѣчалъ интриги и вражду; съ другой, его преслѣдовала инквизиція, вниманіе которой обратили на поэта его друзья-критики и противъ которой онъ не находилъ защиты у герцога. Обремененный тяжелыми мыслями, не находя подъ ногами никакой опоры, Тассо, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, рѣшился во второй разъ бѣжать изъ Феррары.

Но не смотря на всю горечь придворной жизни, поэтъ не могъ отказаться отъ нея и только промѣнялъ Феррару на Урбино, однако и здѣсь не нашелъ того, къ чему такъ сильно стремился. Пережитыя неудачи, отчаяніе въ достиженіи желанныхъ цѣлей, произвели на него такое удручающее впечатлѣніе, что его начали считать больнымъ, почти помѣшаннымъ. Эта молва, расходившаяся повсюду

и поддерживаемая его врагами, причиняла большое огорченіе Тассо. Чуждый литературныхъ и ученыхъ интересовъ герцогъ Урбинскій, ко двору котораго онъ явился, не понимая причины горя поэта, посовѣтывалъ ему лѣчиться. «Если вы хотите дѣйствительно помочь мнѣ, отвѣчалъ ему Торквато, то возвратите мнѣ почести, обращеніе съ благородными людьми и то же самое положеніе у князей, которымъ я привыкъ пользоваться и пользовался до сихъ поръ» (195). Просьба осталась неисполненною: въ Урбино не оцѣнили поэта, и онъ удалился въ Туринъ; но ласковый пріемъ въ домѣ д'Эсте доставилъ мало успокоенія; онъ продолжаетъ скорбѣть объ утраченномъ положеніи и о прежней славѣ. Одобреніе со стороны лица, стоящаго близко къ придворныръ сферамъ, возбуждаетъ въ немъ приливъ новыхъ силъ. Такъ, услыхавши отъ кардинала Альбано, что его имя пользуется общимъ уваженіемъ, Тассо тотчасъ берется за перо и пишетъ «Діалогъ о дворянствѣ» для доказательства того, что «онъ вполнѣ обладаетъ своими духовными способностями» и нуждается только въ покоѣ. Приглашеніе Альфонса вернуться въ Феррару казалась ему самымъ лучшимъ доказательствомъ справедливости словъ Альбано, онъ снова ожилъ: возбужденная фантазія рисовала ему самыя обольстительныя картины недалекаго будущаго, онъ мечталъ, что его прежнее положеніе вполнѣ возстановлено, что онъ снова пользуется расположеніемъ герцога и симпатіей принцессы... «Богъ справедливъ, писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей, а я не только невиненъ, но немногіе могутъ даже сравняться со мною; поэтому я могу надѣяться на все хорошее». Но и этимъ надеждамъ суждено было рухнуть: почти тотчасъ по возвращеніи въ Феррару, Тассо подъ предлогомъ болѣзни былъ заключенъ въ госпиталь св. Анны, гдѣ около 7-ми лѣтъ оставался арестантомъ.

Причину семилѣтняго заключенія ни въ чемъ неповиннаго поэта различнымъ образомъ объясняли его біографы: одни, разсматривая его отношенія къ Элеонорѣ, проводили параллель между нимъ и Овидіемъ; другіе въ его суровомъ заключеніи видѣли обычное въ то время обращеніе съ сумасшедшими. Очень вѣроятно, что нескромность Тассо, не умѣвшаго скрывать секретовъ, огорчала герцога и его сестру; но Альфонсъ несомнѣнно смотрѣлъ на это снисходительнѣе Августа, а Элеонора могла разсчитывать на почтительную скромность придворныхъ и оправданіе со стороны тогдашняго общественнаго мнѣнія, легко извинявшаго подобныя слабости. Что же касается до второй причины, выставленной предлогомъ ареста самимъ герцогомъ, то она несомнѣнно имѣла вліяніе, хотя не въ томъ смыслѣ, какъ думаютъ біографы. Тассо былъ столько же помѣшанъ на своей славѣ и вліяніи, сколько Альфонсъ на удовольствіяхъ и власти. Настроеніе духа Тассо было мрачно, потому что его повсюду преслѣдовали неудачи, а внутри себя онъ не находилъ

душевной твердости, которая дала бы ему возможность не ставить всю свою жизнь въ зависимость отъ капризнаго расположенія князя. Печальное лицо не нравилось герцогу, а поэтъ по своей впечатлительности не умѣлъ сдерживаться и лицемѣрить. Будучи человѣкомъ вполнѣ искреннимъ, онъ признавалъ кромѣ того своей обязанностью «глаголомъ жечь сердца людей», что доставляло ему много враговъ при дворѣ. Первымъ свойствомъ придворнаго онъ считалъ смѣлость прямо и открыто высказывать свое мнѣніе, самъ постоянно держался того правила и не щадилъ фаворитовъ. Вслѣдствіе такого поведенія, онъ вооружилъ противъ себя знать и навлекъ герцогскую немилость, результатомъ которой и было семилѣтнее заключеніе. Для характеристики эпохи интересна самая возможность ареста: въ XIV вѣкѣ полуграмотный тиранъ, предъ которымъ трепетали самыя цвѣтущія государства Италіи, заискивалъ передъ какимъ нибудь риемачемъ-пройдохой въ родѣ Филельеро или Поджіо, въ XVI столѣтіи ничтожный герцогъ небольшаго города обращается какъ съ послѣднимъ изъ слугъ съ величайшимъ поэтомъ своего времени.

VII.

Вступая въ придворную жизнь, Тассо не рѣшилъ двухъ вопросовъ, обнимающихъ собою почти всю внутреннюю жизнь человѣка— вопросовъ о религіи и морали. Занятія классической философіей и литературой подорвали его религіозныя убѣжденія, но религіозное чувство или, вѣрнѣе, страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ сохранился въ его душѣ. То же самое можно сказать и о морали: нравственное чувство не позволяло унижаться и льстить, заставляло открыто высказывать свои мысли и мнѣнія, хотя бы это и навлекло немилость знати; но твердыхъ моральныхъ принциповъ, на которые можно было бы опереться въ несчастіи, у него не было. Въ счастливую пору молодости, онъ предавался удовольствіямъ свѣтской жизни, наслаждался легкими побѣдами надъ сердцами придворныхъ дамъ и принцессъ и пожиналъ плоды своей славы. Всѣ интересы были поглощены поэзіей; въ его фантазіи носились образы героевъ, сражающихся съ врагами, рыцарей, совершающихъ блистательные подвиги, и дамъ, дивныхъ своей физической и нравственной красотой; съ храбрыми рыцарями и добродѣтельными дамами чередовались нѣжные пастушки и очаровательныя пастушки; идилліи смѣнялись сонетами, канцоны—мадригалами. Чувство было занято любовью, мысль изыскивала средства слить въ одно цѣлое красоты классическаго эпоса съ прелестью средневѣковой поэзіи. Внутреннее разъединеніе, отсутствіе твердаго міросозерцанія, давало себя знать только по временамъ! Тассо не замѣчалъ тучъ, собиравшихся надъ его головой, и когда неожиданно разразилась гроза,

онъ почувствовалъ свое внутреннее безсиліе и началъ искать убѣжища тамъ, откуда его только что выжили. Онъ снова стремится къ придворной жизни, думаетъ въ ней найти успокоеніе, но встрѣчаетъ только вражду и интриги; его заслугъ не цѣнятъ, передъ его славой не преклоняются, и онъ начинаетъ задумываться о самомъ себѣ, анализируя сначала свое внѣшнее положеніе, а потомъ и внутренній міръ. Мысль останавливается прежде всего на религіозныхъ вопросахъ. Отстаивая интересы католической церкви передъ французскимъ дворомъ, Тассо имѣлъ въ виду болѣе политическія, чѣмъ религіозныя цѣли; знакомыя уже прежде религіозныя сомнѣнія, впервые вернулись къ нему позже, послѣ перваго бѣгства изъ Феррары. Преслѣдуемый инквизиціей, онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что и прекращеніе этого преслѣдованія не принесетъ собою душевнаго спокойствія; онъ чувствовалъ, что для примиренія съ мучившей его совѣстью, необходимъ какой нибудь внѣ его стоящій авторитетъ, но признать существованіе такого авторитета препятствовали выводы, къ которымъ привело его занятіе древней философіей. Сознавая свое безсиліе выйти изъ такого противорѣчія, онъ обращался за совѣтами и помощью къ своимъ друзьямъ, но вмѣсто разрѣшенія сомнѣній, ему совѣтовали лѣчиться. Въ госпиталѣ старыя мученія возникли съ новой силой; сначала узнику кажется, что освобожденіе изъ тюрьмы избавило бы его и отъ этихъ терзаній. Онъ пишетъ цѣлый рядъ писемъ съ цѣлью доказать свою невинность; онъ обращается съ просьбами къ герцогу, къ принцессамъ, къ иностраннымъ государямъ, но тюрьма не раскрывается. Тогда въ его душѣ возникаетъ мысль, не виновенъ ли ужъ онъ и на самомъ дѣлѣ? «Я грѣшилъ сомнѣніемъ и инквизиція увѣщевала меня; ужъ не въ этомъ ли мое преступленіе? Не церковь ли наказываетъ меня? Да, это вѣрно, я сомнѣвался и относился отрицательно къ догмамъ, но дѣлалъ это не изъ желанія возмутиться противъ священныхъ истинъ, а потому, что духъ изслѣдованія привелъ меня къ инымъ заключеніямъ, чѣмъ я думалъ. Пусть церковь приметъ въ соображеніе, что я дѣлалъ это не изъ ложнаго толкованія авторитета св. писанія, но по многимъ философскимъ основаніямъ; намѣреніе стать съ нею въ оппозицію было мнѣ настолько чуждо, что я лучше бы совсѣмъ умолкъ, чтобы только не дать понять нѣмецкимъ курфюрстамъ, что они могутъ бороться съ церковью другимъ путемъ, чѣмъ тотъ, по которому они до сихъ поръ шли» (211).

Замѣчательно, что въ словахъ Тассо видно непониманіе, а въ тонѣ слышится вражда къ тому самому движенію, которому предшествовалъ процессъ, аналогичный до извѣстной степени съ его собственными мученіями. Лютеръ также былъ подавленъ сознаніемъ своей грѣховности и не вѣрилъ въ силу тѣхъ ученій, которыя предлагала церковь, но онъ нашелъ выходъ въ священномъ писаніи, авторитетъ котораго для него былъ выше всякихъ сомнѣній

и колебаній. Положеніе Тассо было безъисходнѣе. Онъ пытался найти успокоеніе въ Богѣ: «Ты знаешь меня, всемогущій!» восклицалъ онъ, но внутренній голосъ отнималъ и это послѣднее утѣшеніе. «Что говоришь ты? Можетъ быть ты чувствуешь успокоеніе? Но вѣруешь ли ты дѣйствительно съ полнымъ убѣжденіемъ въ религіозные догматы, въ самого Бога? Съ закрытыми глазами признаешь ты таинство троичности, съ помощію священныхъ книгъ объясняешь ты философскіе вопросы, но взоръ твоего духа проникаетъ далѣе позволенныхъ границъ и оставляетъ тебя въ неизвѣстности и сомнѣніи относительно того, во что ты долженъ просто вѣровать» (212). То, что Лютеръ нашелъ въ библіи, Тассо тщетно старался найти въ церкви. «Возвратите мнѣ твердую вѣру, говоритъ онъ церковнымъ пастырямъ, которую отняли у меня выводы разума; старайтесь наставить, убѣдить меня, и я буду свободенъ отъ всякой вины — въ этомъ ваша обязанность. Не убѣдивши наказывать—несправедливость; никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла совѣсти; убѣжденіемъ достигнете того, чтобы мой разумъ самъ собою слѣдовалъ за волею». Но католическая церковь не привыкла такъ дѣйствовать, внутренняя борьба продолжалась въ душѣ Тассо и онъ остановился на своемъ старомъ утѣшеніи «на твердой вѣрѣ, что ты, боже, великій, простишь даже и тѣхъ, которые не вѣровали въ тебя, если только ихъ невѣріе не питалось упорствомъ и злобой!» (212). Но такая вѣра не можетъ дать успокоенія, потому что не разрѣшаетъ мучительныхъ вопросовъ; старыя муки настолько сильны, что вызываютъ галлюцинаціи, столь обычныя въ такомъ положеніи. Подобно Лютеру, Тассо являются видѣнія; но онъ видитъ не дьявола, какъ Лютеръ, не святыхъ и ангеловъ, какъ благочестивые отшельники, а образы древняго міра. То представляется ему Сократъ, и поэтъ привѣтствуетъ его радостнымъ восклицаніемъ: «ты пришелъ открыть мнѣ вѣчныя идеи, какъ Венера Энею»! То встаетъ передъ нимъ въ образѣ красиваго юноши идеальный міръ Платона. Ясно видно, что онъ продолжаетъ искать истину не тамъ, гдѣ желалъ, и разумъ все еще отказывается слѣдовать за волей. Тассо снова обращается къ древнимъ и въ ихъ изученіи думаетъ найти успокоеніе. «Я прибѣгну къ философіи, говоритъ онъ, и въ разсмотрѣніи истиннаго и добраго найду спокойствіе совѣсти и твердость сужденія» (214). Суровая дѣйствительность, о которой постоянно напоминаетъ несправедливое и тягостное заключеніе, иногда привлекаетъ къ себѣ снова вниманіе поэта и на время освобождаетъ его отъ внутреннихъ терзаній; въ цѣломъ рядѣ статей онъ бичуетъ современниковъ, не исключая Альфонса, и сопоставляетъ съ своими идеалами реальную жизнь; на всѣ современныя событія онъ продолжаетъ отзываться, но только не въ одахъ и сонетахъ, а въ письмахъ и діалогахъ. Поэтъ уступилъ мѣсто мыслителю, а это

привело весьма скоро къ старымъ мучительнымъ сомнѣніямъ. Сравнивая себя съ другими, онъ успокоивается на время, поставивъ своей цѣлью рѣшеніе въ жизни какой-нибудь простой нравственной проблеммы, въ родѣ презрѣнія къ лести и одинаково справедливаго отношенія ко всѣмъ людямъ, не взирая на ихъ санъ и положеніе; но, развивая далѣе подобную мысль, онъ приходитъ къ основнымъ вопросамъ философіи и морали, и отчаяніе въ собственныхъ силахъ снова овладѣваетъ имъ. Угнетенное состояніе духа, тяжесть и несправедливость заключенія, оскорбленное самолюбіе, религіозныя сомнѣнія и муки — все это затемняло мысль Тассо, лишенную возможности освѣжиться въ людскомъ обществѣ. При изслѣдованіи философскихъ системъ онъ не находитъ критерія; пытаясь примирить Платона и Аристотеля и дополнить ихъ неоплатониками, чтобы такимъ путемъ найти истину, онъ механически соединяетъ ихъ идеи, впадаетъ въ противорѣчія и окончательно запутывается въ лабиринтѣ опредѣленій и раздѣленій. Къ этому присоединились физическія страданія, и Тассо все болѣе и болѣе становится пессимистомъ, потерявъ довѣріе къ своимъ силамъ и уваженіе къ другимъ людямъ. Прежній интересъ къ окружающей его дѣйствительности исчезъ; самая жизнь кажется ему жалкой и ненужной, и онъ охотно думаетъ о смерти. Но, мало-помалу, эти припадки отчаянія смѣнились равнодушіемъ, и поэтъ, когда-то полный силъ и жизни, погружается въ полнѣйшую апатію. Но промелькнулъ свѣтлый лучъ надежды на освобожденіе изъ тюрьмы, и въ душѣ Тассо снова начинается жизнь, а вмѣстѣ съ нею старыя сомнѣнія и новыя попытки отъ нихъ освободиться, его психическая жизнь вступаетъ въ новый фазисъ: — онъ дѣлается аскетомъ.

Религіозное убѣжденіе, къ которому пришелъ Тассо и которое заключалось въ надеждѣ на милосердіе творца, спасающаго и того, кто не вѣруетъ, имѣло нѣсколько важныхъ для поэта недостатковъ. Вопервыхъ, оно шло въ разрѣзъ съ ученіемъ церкви, съ которою онъ стремился сблизиться; кромѣ того, оно не могло и успокоить несчастнаго узника, который колебался въ вѣрѣ, въ самый источникъ своего спасенія. Поэтому укрѣпленіе въ вѣрѣ стало теперь главною задачею для Тассо; онъ обращается за помощью въ этомъ дѣлѣ къ окружавшимъ его францисканцамъ, и тѣ указали ему обычныя средства: богомолье, посты, молитвы и другія аскетическія упражненія. Поэтъ, съ свойственною ему впечатлительностью, немедленно начинаетъ исполнять данные ему совѣты: съ радостію даетъ обѣтъ идти на поклоненіе святынямъ въ Лоретто и Ассизи, подолгу постится, проводитъ на молитвѣ цѣлыя ночи, составляетъ торжественные гимны въ честь богородицы и святыхъ и постоянно поетъ ихъ. Въ это же время онъ особенно сблизился съ однимъ доминиканцемъ, который ласковымъ и гуманнымъ об-

ращеніемъ съумѣлъ пріобрѣсти его довѣріе и расположеніе. Кроткія рѣчи этого монаха, рисовавшаго привлекательныя картины тихой безмятежной иноческой жизни, произвели сильное впечатлѣніе на изстрадавшагося поэта. Онъ начинаетъ мечтать о монашествѣ, усиливаетъ свои аскетическіе подвиги; душевное спокойствіе ему кажется уже близкимъ. Въ діалогѣ «О мирѣ души», написанномъ въ это время, Тассо разсуждаетъ о суетности мірской жизни; иночество начинаетъ ему представляться самымъ привлекательнымъ состояніемъ; монастырь онъ считаетъ «превосходнымъ, счастливымъ мѣстомъ, гдѣ живутъ наиболѣе достойные люди; тамъ въ возвышенномъ спокойствіи занимаются они святыми, спасительными трудами, плоды которыхъ они собираютъ и распространяютъ для питанія трезвыхъ умовъ; это убѣжище избранныхъ, гдѣ пользуются чистымъ миромъ и откуда вступаютъ въ царство небесное» (237). Въ ночныхъ видѣніяхъ является ему теперь не Сократъ, а св. дѣва съ свѣтлою короной на головѣ; она доставляетъ ему помощь и подкрѣпляетъ въ борьбѣ съ плотью; пробуждаясь, онъ слагаетъ въ честь ея стихи.

Все прошлое представляется Тассо сплошною массою грѣховъ. Онъ признаетъ справедливыми нападки на «Освобожденный Іерусалимъ»; упреки критиковъ за безнравственность нѣкоторыхъ эпизодовъ поэмы кажутся ему вполнѣ основательными. «Слѣдуетъ устранить изъ поэмы эпизодъ о Софроніи, говоритъ онъ, и вообще все, что отзывается язычествомъ; нужно сдѣлать, кромѣ того, много вставокъ изъ книги бл. Августина «О государствѣ божіи», изъ апокалипсиса св. Іоанна и изъ сочиненія «Объ открытіи копья Христова», точно также должны быть упомянуты разсказы и чудеса, которые встрѣчаются въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ» (247). Вся прежняя литературная дѣятельность представляется грѣховной и ничтожной, поэтому Тассо задумалъ новое произведеніе, которое «по своему значительному объему и содержанію должно быть замѣчательнымъ»; источниками для предполагаемой работы должны служить слѣдующія сочиненія: книга св. Григорія объ іерархіи ангеловъ, комментаріи къ апокалипсису и посланіямъ апостола Павла и «Новое разсужденіе объ оружіи и сѣтяхъ злыхъ духовъ» архидіакона Джуліо Кандіотти. Поэтъ любви довольно быстро превращался въ аскета; но гораздо труднѣе оказалось измѣнить ходъ мыслей, чѣмъ направленіе фантазіи. Воззрѣнія, заимствованныя изъ классической литературы, смущали мысль, желавшую сдѣлаться вполнѣ благочестивой; поэтому всѣ попытки составить полное міросозерцаніе въ духѣ аскетизма постоянно оканчиваются неудачей и снова приводятъ къ внутреннему раздвоенію. Прежде всего Тассо пересматриваетъ свою мораль; два діалога (Разсужденіе о бракѣ и реплики) посвящаетъ онъ этому предмету и послѣ цѣлаго ряда сомнѣній и колебаній приходитъ къ печальному вы-

воду, что «было бы полезнѣе всего избѣгать нагромоздившихся цѣлою массой затрудненій и выбросить изъ головы всѣ человѣческія мысли. Еслибы мы могли это сдѣлать, мы были бы счастливы». Ему приходитъ въ голову мысль о бѣгствѣ изъ тюрьмы, какъ единственномъ спасеніи, но онъ тотчасъ же оставляетъ ее: «ты хочешь бѣжать? спрашиваетъ онъ. Но развѣ не въ самомъ себѣ ты носишь раздвоеніе»? Внутреннимъ раздвоеніемъ, глубокимъ разладомъ, борьбой крайнихъ противоположностей, проникнуты всѣ его произведенія за это время. Въ діалогѣ la Cavaletta, разсуждая о поэзіи, онъ, хотя съ сомнѣніями и оговорками, признаетъ за нею право на существованіе и высказываетъ о ней довольно здравыя сужденія; любовь, особенно частый предметъ поэзіи, онъ называетъ «достойнѣйшею наградою добродѣтели и спутницею чести»; но немного спустя, снова возвращается къ аскетическимъ взглядамъ и называетъ любовь «губительницею нравственности». «Оставимъ ее! восклицаетъ онъ. Въ молодости я самъ грѣшилъ этимъ идолопоклонствомъ, и мнѣ казалось, что только образъ моей возлюбленной, подобно образу Минервы, можетъ спасти меня отъ опасности смерти. Прочь этихъ идоловъ, которыми населенъ міръ» (250). Кромѣ любви и поэзіи, прекрасные образы греческой миѳологіи, съ которыми сроднилась душа Тассо, носятся въ его воображеніи и смущаютъ его религіозность. Въ діалогѣ Malpiglio онъ является настоящимъ гуманистомъ съ горячею любовью къ древности; языческіе боги являются передъ нимъ очаровательною толпою и требуютъ признанія. «Мы были могущественные люди, говорятъ они ему; насъ считали богами за нашу плодотворную дѣятельность и обильную помощь, которую мы оказывали бѣднымъ смертнымъ. Наше царство распространялось все болѣе и болѣе и, хотя при перемѣнѣ временъ ложные боги должны были уступить высочайшее мѣсто въ религіи Богу истинному, наши античныя статуи еще сохраняются, знаменитые люди въ рѣчахъ и поэмахъ воспѣваютъ и прославляютъ насъ даже на этомъ новомъ языкѣ, который, какъ кажется, освѣжилъ нашу славу; даже въ Ватиканѣ насъ признаютъ достойными похвалы. Такъ угодно было безконечной силѣ того, который не оставляетъ безъ заслуженной награды ни одного добраго дѣла» (251). Тассо готовъ признать защиту справедливой и причислить ихъ къ лику святыхъ, но вдругъ пугается этой мысли, которая кажется ему идолопоклонствомъ. Боязнь впасть въ язычество, мало-по-малу, совершенно овладѣваетъ душою поэта: въ діалогѣ Cataneo онъ уже утверждаетъ, что «всякое чувство, всякій аферентъ есть идолъ, узурпирующій права божества и развращающій душу, которая должна быть чиста отъ всякаго идолопоклонства. Оно должно быть вырвано съ корнемъ, чтобы можно было путемъ вѣры и религіи уподобиться Богу» (251). Но идолы во всевозможныхъ формахъ продолжаютъ осаждать его душу; онъ

чувствуетъ себя не въ силахъ переработать поэму, потому что старыя мечты и знакомые образы овладѣваютъ фантазіей. Тассо убѣжденъ, что для новаго творчества необходимо новое мѣсто, и самымъ подходящимъ для этой цѣли ему представляется Римъ. «О еслибы я могъ, восклицаетъ онъ, пожить въ Ватиканѣ, погрузившись въ созерцаніе мощей и чудотворныхъ иконъ! Тогда всякая нечестивая муза, какъ ложное божество, должна была бы умолкнуть» (253). Для этого было необходимо прежде всего освобожденіе, которое, наконецъ, и послѣдовало.

Какъ ни измѣнились интересы итальянскаго общества въ XVI столѣтіи, тѣмъ не менѣе семилѣтнее страданіе извѣстнаго поэта возбудило къ нему всеобщее сочувствіе. Папа и весьма многіе изъ вліятельныхъ лицъ въ Италіи и заграницей ходатайствовали за Тассо передъ Альфонсомъ; особенно же настаивалъ на его освобожденіи герцогъ Мантуанскій. Послѣ долгихъ возраженій и споровъ Альфонсъ согласился на уступку: онъ отпускалъ Тассо въ Мантую, но не на свободу и требовалъ, чтобы госпиталь св. Анны былъ замѣненъ мантуанской тюрьмой. Герцогъ согласился на всѣ условія, но нарушилъ обѣщаніе, и поэтъ получилъ полную свободу.

VIII.

Семилѣтнее заключеніе совершенно измѣнило характеръ Тассо: любовь и поэзія, слава и придворный блескъ, потеряли для него свою прелесть; радостный взглядъ на міръ, полнота кипѣвшей ключемъ жизни, замѣнилась мрачнымъ міросозерцаніемъ аскета, посвятившаго себя благочестивымъ размышленіямъ и подвигамъ. Но госпиталь св. Анны не устранилъ причины его страданій; пропасть, отдѣляющая классическое міросозерцаніе отъ аскетическаго, не могла быть устранена ни постомъ, ни молитвой; составляя божественные гимны, Тассо продолжалъ сомнѣваться въ основномъ догматѣ каждой религіи; удостоиваясь во время ночныхъ молитвъ успокоительныхъ видѣній, онъ утромъ признавалъ ихъ не чудомъ, а естественной галлюцинаціей. Поэтому тотчасъ послѣ освобожденія начинается въ его душѣ тотъ же процессъ, который происходилъ въ тюрьмѣ; первымъ шагомъ его на свободѣ было стремленіе въ Римъ, къ папскому престолу, который считался высшимъ религіознымъ авторитетомъ въ глазахъ католическаго христіанства. Отъ папы ожидаетъ Тассо окончательнаго рѣшенія своихъ вопросовъ.

Освобожденіе подѣйствовало на Тассо сначала весьма благотворно; онъ думаетъ снова посвятить себя поэзіи, которую считаетъ способной возвысить человѣка не только надъ толпою, но и надъ знатью; онъ чувствуетъ въ себѣ приливъ новыхъ силъ. «Я

бѣденъ и боленъ, говоритъ онъ; но развѣ не заслуживаетъ почестей превосходная сила духа? Развѣ поэтъ не стоитъ выше князя»? (250). Мысль о придворной жизни снова приходитъ ему въ голову: «ты потерялъ почести, пишетъ онъ, благодаря соперникамъ, благодаря собственной дерзости, которая хочетъ сдѣлать изъ людей боговъ, благодаря упорству и смѣлой рѣчи при требованіи награды за сочиненія. Гдѣ и какъ ихъ снова пріобрѣсти? Необходимость жить при дворѣ сковываетъ чувство свободы» (262). Но припоминая все, что пришлось претерпѣть отъ княжескаго произвола, Тассо гонитъ отъ себя эту мысль. «Прочь придворная жизнь! восклицаетъ онъ. Я не хочу болѣе господъ надъ собою». Поэтъ желаетъ независимой жизни и опять наталкивается на старый вопросъ: на что̀ нужна ему внѣшняя свобода, если душу попрежнему терзаютъ сомнѣнія. «Уже много лѣтъ душа моя борется съ различными мыслями, говоритъ онъ; когда же достигну я какого нибудь успокоенія»? (259). Прежде чѣмъ избрать себѣ родъ занятій, Тассо задаетъ себѣ общій вопросъ, что̀ такое жизнь? Вдумываясь въ условія, среди которыхъ приходится дѣйствовать людямъ, онъ теряетъ минутное оживленіе и снова впадаетъ въ крайній пессимизмъ. «Счастливы тѣ, которые не родились, говоритъ онъ: они не могутъ ничего претерпѣть отъ настоящаго, ничего не ожидаютъ отъ будущаго. Что мы знаемъ? Къ чему мы стремимся? Зачѣмъ мы такъ много воображаемъ о нашемъ знаніи, которое дѣлаетъ насъ столь высокомѣрными, тогда какъ это знаніе въ нашей жизни, въ здѣшнемъ мірѣ, не иное что̀, какъ заблужденіе? Если счастье заключается въ наукѣ, а истиннаго знанія можно достигнуть только въ загробной жизни, то она зависитъ отъ смерти» (262). Оглядываясь на свое собственное прошлое, Тассо еще болѣе укрѣпляется въ такомъ мрачномъ настроеніи. «Я чувствую, что утомился жизнью, прежде чѣмъ успѣлъ ею насладиться», замѣчаетъ онъ и переноситъ всѣ надежды на загробное существованіе, отказавшись ожидать лучшаго будущаго въ этомъ мірѣ. «Будемъ вести добродѣтельную жизнь, заключаетъ онъ свои разсужденія, и ожидать того часа, когда божество перестанетъ быть для насъ тайною, и мы познаемъ Бога изъ непосредственнаго созерцанія». Подъ вліяніемъ такого настроенія Тассо не замѣчаетъ измѣнившагося отношенія къ нему общества. Люди всѣхъ классовъ и состояній тѣснятся вокругъ него, желая добыть какое нибудь стихотвореніе или получить посвященіе поэмы; но этотъ почетъ не занимаетъ поэта: его физическія и умственныя силы ослабѣли: онъ не можетъ сразу писать болѣе двухъ страницъ; поэтическое творчество безсильно создать что-либо новое, такъ что Тассо занятъ исключительно передѣлкой и исправленіемъ старыхъ произведеній. Одна только мысль занимаетъ его — это мысль о царствѣ небесномъ. «Здѣшняя жизнь не можетъ дать спокойствія, думаетъ онъ; только въ раю, передъ лицемъ истиннаго Бога начи-

нается свобода». Книга блаженнаго Августина De civitate Dei, въ которой образъ Божія царства, въ противоположность юдоли зла и бѣдствій, рисуется въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ, совпала съ настроеніемъ Тассо и произвела на него сильное впечатлѣніе. Онъ переноситъ черты «Божьяго града» на Римъ, который представляется ему воплощеніемъ идеала блаженнаго Августина. «Тамъ подъ эгидою намѣстника Христа, между князьями церкви, ты будешь жить, мечтаетъ онъ, просвѣтленный лучами свѣта и блескомъ религіи; тамъ земля свободы, отчего же ты не идешь туда?» (273). Къ Риму направлены теперь всѣ помышленія Тассо; чтобы совершить туда путешествіе, онъ отказывается отъ мѣста въ генуэзской академіи, хотя оно доставило бы ему возможность осуществить мечты о безбѣдной и независимой жизни. Но прежде чѣмъ отправиться въ святой городъ, они считаетъ нужнымъ исполнить сдѣланный имъ еще въ тюрьмѣ обѣтъ: пѣшкомъ, безъ денегъ, въ ветхой одеждѣ, идетъ онъ на поклоненіе Лоретской Богоматери. Поглощенный религіозными размышленіями, онъ отказывается отъ спокойнаго жилища и денежныхъ средствъ, которыя предлагаютъ ему его друзья, и высказываетъ твердое намѣреніе посвятить съ этихъ поръ всѣ свои силы и свой талантъ на служеніе Богу. «Ты, святая дѣва, направляй мое перо, служившее суетности и заблужденію, обращается онъ съ молитвою къ Богородицѣ: милостиво прими мою измѣненную пѣснь и не презирай мою неискусную руку; если же мои нечистыя уста недостойны прославлять тебя, то измѣни пѣснь въ слезы» (277).

Возбужденная фантазія неудержимо влекла Тассо въ Римъ. «Ватиканъ представлялся ему, говоритъ Чекки, подобнымъ небу, гдѣ не господствуетъ бури, гдѣ противоположность примиряется, гдѣ высочайшія добродѣтели встрѣчаются въ полномъ совершенствѣ; у престола св. Петра не можетъ быть вражды, и при взглядѣ на живой образъ Христа, всякая жаждущая спасенная душа должна найти успокоеніе» (242). Но прибывъ въ священный городъ, Тассо, подобно многимъ благочестивымъ людямъ, весьма скоро замѣтилъ, что встрѣченная имъ дѣйствительность далеко не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ. Принятый радушно нѣкоторыми кардиналами, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что «князья церкви» стоятъ гораздо ниже той высоты, на которую ставило ихъ его воображеніе; прежде всего его поразило двоедушіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ: встрѣчаясь, они разсыпались въ любезностяхъ другъ другу, а заочно постоянно надсмѣхались одинъ надъ другимъ и не скрывали взаимнаго презрѣнія. Кромѣ того, религіозный интересъ, наполнявшій душу поэта, былъ совершенно чуждъ прелатамъ; они не охотно выслушивали его мысли по этому предмету, оствались холодны къ его сомнѣніямъ и приписывали физическому недугу мученія его совѣсти; гораздо болѣе занимали ихъ придворныя интриги, город-

скія сплетни и скандальныя происшествія. Все это изумляло и огорчало Тассо; когда же онъ узналъ, что кардиналы пишутъ сатиры на англійскую королеву Марію и Филиппа II испанскаго, въ которыхъ онъ видѣлъ самыхъ усердныхъ борцовъ за вѣру, то его негодованіе вылилось въ цѣлый рядъ упрековъ, быстро охладившихъ сочувствіе къ нему со стороны прелатовъ. Разочаровавшись въ князьяхъ церкви, Тассо возложилъ все свое упованіе на ея главу. Папа, думалось ему, который «созерцаетъ чистую истину, насквозь видитъ ложныя и льстивыя рѣчи людей, зритъ Бога лицомъ къ лицу», удостоитъ выслушать бѣднаго поэта. Онъ «можетъ разсѣять мракъ, среди котораго я бродилъ цѣлые годы, можетъ указать слѣды пути, который перевелъ бы меня черезъ бездонную пропасть» (296). Но Тассо не удалось добиться папской аудіенціи, и онъ отправился въ Неаполь, все еще увѣренный, что спасеніе въ Римѣ.

Не смотря на радушіе неаполитанской знати, поэтъ отказался поселиться въ городѣ и добровольно заключилъ себя въ монастырь. Полное уединеніе, обстановка, постоянно наводящая на размышленіе о религіозныхъ вопросахъ, частыя бесѣды съ монахами, усилили въ немъ аскетическое настроеніе; теперь онъ твердо вступилъ на тотъ путь, который впослѣдствіи привелъ его къ самоотрицанію. Всегда занятый одною мыслью, онъ снова подвергся галлюцинаціямъ: ему являлся ангелъ, который говорилъ «о крестѣ, о святыхъ, объ Іисусѣ и Маріи». Теперь Тассо признавалъ эти видѣнія не продуктомъ разстроеннаго воображенія, какъ въ госпиталѣ св. Анны, а настоящимъ чудомъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ впечатлѣній онъ принимается за новую поэму «Масличная гора» (Monte Olivetо), при началѣ которой онъ призываетъ не музу, а «святаго божественнаго, животворящаго Духа и вѣчную любовь Отца и Сына». Вся поэма проникнута презрѣніемъ къ міру и стремленіемъ къ будущей жизни; «бѣжимъ отсюда! восклицаетъ авторъ; міръ суетенъ и суетно стремленіе того, кто ищетъ въ немъ блага»; тамъ, гдѣ поэтъ изображаетъ свое внутреннее состояніе, его произведеніе возвышается до истинной поэзіи; но большая часть поэмы занята изложеніемъ и объясненіемъ средневѣковыхъ схоластическихъ доктринъ, въ непроходимомъ лабиринтѣ которыхъ запутывается въ концѣ концовъ самъ авторъ.

Усилившійся тѣлесный недугъ и продолжавшаяся еще внутренняя борьба все сильнѣе и сильнѣе удручали Тассо; онъ оставилъ Неаполь и переселился во Флоренцію. Въ это время на папскій престолъ вступилъ Урбанъ VII. Вѣсть объ избраніи новаго папы снова пробудила въ Тассо стремленіе къ Риму: онъ надѣется проникнуть къ папскому трону и изъ устъ намѣстника Христа получить душевное успокоеніе. Зная, что папа избирается изъ тѣхъ же прелатовъ, которыхъ кающійся грѣшникъ чувствовалъ себя

въ правѣ упрекать въ цѣлой массѣ пороковъ, Тассо тѣмъ не менѣе вѣрилъ въ мистическую силу сана, былъ убѣжденъ, что папское достоинство не только перерождаетъ человѣка, но и даетъ возможность другимъ доставлять спасеніе. Движимый этой вѣрой, Тассо отправился въ Римъ: длинное путешествіе окончательно разстроило его безъ того слабое здоровье; онъ слегъ въ постель тотчасъ по прибытіи въ папскую столицу. Больной, страдая отъ душевныхъ и тѣлесныхъ мукъ, лежалъ онъ въ плохой гостинницѣ, когда узналъ, что Урбанъ умеръ и на его мѣсто выбранъ подъ именемъ Григорія XIV кардиналъ Сфондрато. Новый папа былъ стариннымъ покровителемъ Торквато, поэтому имъ овладѣло радостное чувство: громкимъ пѣніемъ псалма привѣтствовалъ онъ это событіе, но пламенному желанію видѣть папу не суждено было исполниться и на этотъ разъ: болѣзнь настолько усилилась, что Тассо, оставивъ гостинницу, перешелъ въ одинъ изъ монастырей, чтобы, постригшись тамъ въ монахи, достойнымъ образомъ подготовиться къ смерти. Это намѣреніе онъ думалъ привести въ исполненіе даже и тогда, когда здоровье его поправилось; только съ большимъ трудомъ удалось его другу Константини уговорить поэта переѣхать въ Мантую.

Заботливое попеченіе и тщательный уходъ, которымъ пользовался Тассо въ домѣ своего друга, возстановили нѣсколько его физическія силы, но не измѣнили настроенія духа: прошлая дѣятельность гнететъ его, «Освобожденный Іерусалимъ» представляется ему болѣе чѣмъ проступкомъ, почти преступленіемъ. Чтобы изгладить изъ памяти людей свое лучшее произведеніе, онъ задумалъ планъ новой поэмы—«Завоеванный Іерусалимъ». Онъ смотритъ на свою работу, какъ на религіозный подвигъ, считаетъ нужнымъ испросить для нея особое благословеніе папы. Совершивши еще разъ не болѣе прежнихъ удачное путешествіе въ Римъ, онъ окончилъ свое произведеніе въ Неаполѣ, но не удовлетворился имъ; новая поэма кажется ему еще слишкомъ мірской, слишкомъ грѣховной. Онъ началъ составлять планъ третьяго Іерусалима, но въ это время познакомился съ матерью своего друга Мансо, женщиной чрезвычайно религіозной и очень начитанной въ священномъ писаніи: подъ ея вліяніемъ онъ измѣнилъ тэму и написалъ гимнъ «Семь дней творенія». Это произведеніе, не лишенное поэтическаго одушевленія, представляетъ большой интересъ, какъ выраженіе настроенія духа автора въ это время. Оказывается, что религіозный энтузіазмъ и аскетическіе подвиги не вытѣснили до сихъ поръ еще классическихъ идей изъ убѣжденій Тассо. Говоря о божествѣ, онъ безразлично приводитъ мнѣнія язычниковъ и христіанъ, греческихъ философовъ и средневѣковыхъ аскетовъ. Еще рѣзче проявляется эта раздвоенность во взглядѣ на міръ: крайній пессимизмъ и презрѣніе къ міру уживается съ восторженнымъ поклоне-

ніемъ дружбѣ. О людяхъ поэтъ не высокаго мнѣнія: порочный человѣкъ, по его мнѣнію, ниже всякаго скота, а такихъ людей большинство, отсюда презрѣніе къ міру. «Бѣги, другъ, земной суетности, восклицаетъ онъ: здѣсь поведеніе людей лицемѣрно, нравы развращены». Единственное исключеніе изъ всѣхъ суетныхъ желаній и стремленій представляетъ дружба. «Дружба — гавань, къ которой стремится человѣкъ; она доставляетъ твердость и спокойствіе духа, она отдохновеніе въ этой жизни, и начало небесной».

Занятый своими произведеніями, Тассо на время позабылъ о Римѣ, гдѣ за этотъ промежутокъ перемѣнилось уже нѣсколько папъ. Онъ утратилъ прежнее благоговѣніе къ священному городу, и только избраніе Климента VIII снова возбудило въ немъ желаніе увидать папу. Тассо зналъ и высоко цѣнилъ этого папу: «Климентъ подобенъ Богу, говорилъ онъ, Астрея живетъ въ немъ; Брутъ и Фабрицій позавидовали бы ей въ этомъ». Поэтъ снова отправился въ Римъ и на этотъ разъ нетолько былъ принятъ папой, но и получалъ иногда приглашенія къ его столу. Благосклонный пріемъ со стороны главы христіанства произвелъ успокоительное дѣйствіе на Тассо. Онъ еще разъ передѣлываетъ «Завоеванный Іерусалимъ»; удовлетворяется этой передѣлкой и, сравнивая ее съ «Освобожденнымъ Іерусалимомъ», отдаетъ ей полное преимущество. «Какъ отцы не любятъ дѣтей непокорныхъ и такихъ, относительно рожденія которыхъ существуетъ подозрѣніе въ прелюбодѣяніи, точно также и я не чувствую склонности къ «Освобожденному Іерусалиму». Но эта поэма вышла изъ моей головы, какъ Минерва изъ головы Юпитера; я довѣрилъ бы ей поэтому свою жизнь и свою душу» (333). Перерожденіе Тассо приближалось къ концу; онъ утратилъ теперь пониманіе поэтическихъ красотъ, къ которымъ былъ такъ чутокъ даже въ госпиталѣ св. Анны.

Ухудшеніе здоровья заставило Тассо вернуться въ Неаполь. Здѣсь, поселившись въ монастырѣ св. Бенедикта, онъ началъ готовиться къ смерти; молитвы и духовные гимны, чтеніе священнаго писанія и твореній отцевъ церкви составляли его почти исключительное занятіе, но среди этихъ благочестивыхъ трудовъ, онъ составилъ еще одинъ діалогъ, свидѣтельствующій, что въ средневѣковомъ аскетѣ еще не умеръ классическій философъ. Это произведеніе, «О дружбѣ», было лебединою пѣснью Тассо; онъ сталъ теперь совершеннымъ анахоретомъ, равнодушнымъ и холоднымъ къ интересамъ жизни. Но въ то время, какъ онъ забывалъ міръ, люди снова вспомнили о немъ: папа декретировалъ его коронованіе на Капитоліи; мечта Тассо сбылась; его честолюбіе получало самое широкое удовлетвореніе, но награда запоздала. Тотъ, кого желали вѣнчать лаврами поэта, ожидалъ себѣ только вѣнца небеснаго и холодно принялъ вѣсть о высокой почести. Только уступая убѣжденіямъ друзей, отправился Тассо въ Римъ, но идя за вѣн-

комъ, онъ думаетъ совершенно о другомъ и заходитъ въ Монте-Кассино, чтобы поклониться гробу св. Бенедикта. Въ воротахъ Рима его встрѣчаетъ блестящая свита кардиналовъ и торжествующій народъ, но поэтъ не радуется. Когда дурная погода заставила отложить церемонію, онъ готовится не къ почестямъ, а къ смерти. Болѣзнь дѣйствительно усиливается и вызываетъ въ немъ желаніе примириться со всѣми, а въ особенности съ Альфонсомъ II Феррарскимъ; въ крайне смиренномъ тонѣ пишетъ онъ письмо къ погубившему его герцогу и умоляетъ его же о прощеніи. Передъ самой смертью онъ вспоминаетъ о своихъ произведеніяхъ и называетъ ихъ своимъ потомствомъ. «Вспомните о моихъ дѣтяхъ, говоритъ онъ кардиналу Чинціо, но такъ какъ я не могъ примирить зло съ «Семью днями творенія», то пусть всѣ мои несовершенныя произведенія, а въ особенности «Освобожденный Іерусалимъ», будутъ сожжены» (338).

25-го апрѣля 1595 года умеръ Торквато Тассо. Великій поэтъ кончилъ свою жизнь отрицаніемъ того произведенія, которое доставило ему безсмертіе.

Трагическая личность Тассо служитъ превосходной иллюстраціей переходной эпохи, въ которую онъ жилъ. Въ немъ боролись два начала, принадлежащія различнымъ періодамъ исторіи человѣчества. Его обширный умъ усвоилъ себѣ духъ классической философіи и литературы, духъ, лежащій въ основѣ новѣйшей цивилизаціи, но онъ былъ не въ силахъ отрѣшиться отъ формъ средневѣковой культурной жизни. Его античное міросозерцаніе не могло вполнѣ вытѣснить традиціонныхъ воззрѣній католичества, его религіозное чувство было не въ силахъ найти иное выраженіе, кромѣ средневѣковаго аскетизма. Желая примирить мучившія его противорѣчія, Тассо рѣшился пойти на компромиссъ, но это было не химическое соединеніе, а механическая смѣсь, не воскресеніе стараго духа въ новой формѣ, а новое вино, влитое въ старые мѣхи. Только въ области поэзіи удалось ему создать великое произведеніе, написанное въ духѣ древнихъ, но въ области философіи и морали попытка примиренія противоположностей привела къ чисто внѣшнему эклектизму, неудовлетворившему и самого Тассо. Привязанность къ узкимъ формамъ католическаго міросозерцанія погубила поэта, предварительно измучивъ его сухостью и нетерпимостью религіозной схоластики. «Тассо жилъ какъ человѣкъ, а умеръ какъ ангелъ», говоритъ Чекки. Правильнѣе было бы сказать, что Тассо жилъ и умеръ мученикомъ; онъ былъ одною изъ жертвъ средневѣковаго католицизма. На полстолѣтіе позже, въ Англіи Мильтонъ безъ труда и мученій рѣшилъ задачу примиренія языческой древности и христіанства. Въ знаніи и пониманіи древно-

сти, въ благородствѣ политическихъ мнѣній, въ чистотѣ нравственныхъ побужденій, въ искренности религіознаго чувства, Тассо не уступалъ Мильтону. Но въ то время, какъ первый изнывалъ въ безсильной попыткѣ примирить съ средневѣковымъ католицизмомъ элементы новой исторіи, англійскій поэтъ создалъ себѣ міровоззрѣніе, въ которомъ классическіе идеалы соединялись съ христіанскими въ одно органическое цѣлое. Разница духовной жизни отразилась во внѣшней судьбѣ обоихъ поэтовъ. Въ сравнительно спокойное время Тассо умиралъ измученнымъ аскетомъ, обманувшимся въ своихъ лучшихъ стремленіяхъ; Мильтонъ пережилъ революцію, испыталъ на себѣ всѣ ея превратности и постоянно сохранялъ спокойствіе духа и ясность воззрѣній. Между величественнымъ слѣпымъ старцемъ, который диктуетъ своимъ дочерямъ «Потерянный Рай», одно изъ величайшихъ произведеній англійской литературы, и безвременно состарившимся, оканчивающимъ страдальческую жизнь на чужихъ рукахъ Тассо, который на смертномъ одрѣ отказывается отъ своей безсмертной поэмы, глубокое различіе, но оно понятно и легко объяснимо: ихъ отдѣляла реформація со всѣми ея послѣдствіями.

М. Корелинъ.

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

(Rivarol et la société francaise pendant la révolution et l'émigration, par m-r de Lescure).

СѢМЪ, кто интересуется воспоминаніями о французской революціи, извѣстна курьезная карикатура, выпущенная въ 1790 году. На ней представленъ аббатъ Мори, вождь правой въ конституціонномъ собраніи. Аббатъ стоитъ на колѣняхъ передъ своимъ отцомъ, сапожникомъ по професіи, который замахивается на него сапожной колодкой, приговаривая: «Безстыжій аристократъ, ты отрекаешься отъ третьяго сословія»! По странному совпаденію, третье сословіе той же области, откуда вышелъ и Мори, наградило роялистскую партію другимъ поборникомъ, Антуаномъ Риваролемъ. Вышеприведенный этюдъ Лескюра и посвященъ этому Риваролю и его времени.

Антуанъ Риваролъ родился 26-го іюня 1753 года въ Баньолѣ, въ Лангедокѣ, первымъ изъ шестнадцати дѣтей одного трактирщика, возводившаго свой родъ къ дворянской фамиліи въ Италіи. Претензія эта, однако, подлежитъ спору. Тѣмъ не менѣе Риваролъ пользовался подложнымъ дворянскимъ титуломъ во времена революціи, когда многіе изъ дѣйствительныхъ дворянъ старались скрывать свое званіе. Несмотря на гордость Ривароля своимъ благороднымъ происхожденіемъ, своимъ мнимымъ графскимъ титуломъ, французская аристократія держалась вдали отъ блестящаго памфлетиста даже въ тотъ моментъ, когда онъ оказывалъ большія услуги дѣлу роялистовъ. Однажды, напримѣръ, маркизъ де-Креки, услышавъ заявленіе Ривароля «мы дворяне»... отвѣтилъ: «voilà un

pluriel qui me semble singulier» (тутъ, мнѣ кажется слѣдовало бы вмѣсто множественнаго числа употребить единственное). Уже эти частности характеризують личность памфлетиста. Въ 1777 году лангедокскій авантюристъ, побывавъ въ семинаріи вмѣстѣ съ будущимъ аббатомъ Мори, 24-хъ лѣтъ явился въ Парижъ и всячески добивался пристроиться къ большому свѣту. Въ теченіе семи лѣтъ фантастическій графъ велъ жизнь богемы, слылъ остpякомъ, фигурировалъ не безъ успѣховъ въ разныхъ салонахъ, время отъ времени посылая эпиграммы или мадригалы въ «Mercure». И только въ 1782 году этотъ неутомимый краснобай рѣшился взяться за перо, чтобъ настрочить памфлетъ противъ Делилля, и сочиненьице объ аэростатахъ. Въ то же время Ривароль женился на англичанкѣ Матеръ-Флинтъ. Супруги жили не долго въ добромъ согласіи и Ривароль рѣшился покинуть свою Генріетту. Эта измѣна супруга въ свое время тѣмъ болѣе надѣлала шуму, что академія наукъ присудила премію за добродѣтель служанкѣ, которая кормила брошенную супругу. Съ 1783 по 1787 годъ Ривароль успѣлъ заложить фундаментъ для своей литературной репутаціи. Онъ написалъ тогда для берлинской академіи «Discours sur l'universalité de la langue française», за которое попалъ въ милость къ Фридриху II; тогда же онъ перевелъ и Дантовъ «Адъ». Во Франціи эта поэма была почти неизвѣстна въ то время и даже посредственный переводъ памфлетиста оказалъ нѣкоторую услугу тогдашнимъ французскимъ литераторамъ, хотя въ этомъ переводѣ столько безсмыслицы, что къ Риваролю вполнѣ примѣнимы слова, сказанныя имъ о переводѣ Делилля Виргиліевыхъ «Георгикъ»: «онъ вышелъ хромымъ, подобно Іакову изъ своей борьбы съ Богомъ». Въ 35 лѣтъ Ривароль вошелъ въ моду. У него находятся почитатели, хотя нѣтъ недостатка и въ хулителяхъ. Чтобъ еще болѣе упрочить свою извѣстность, онъ рѣшается тогда произвести шумъ и печатаетъ «Petit almanach des grands hommes pour 1788». Всѣ собратья Ривароля, всѣ тѣ, чья репутація ему была не по нутру, всѣ, кто не смѣялся надъ его остротами, пригвождены были къ позорному столбу въ этомъ «Альманахѣ». Псевдографъ самъ уклоняется, однако, отъ того, чтобъ давать удовлетвореніе своимъ жертвамъ. «Я сочиняю эпиграммы, говоритъ онъ, а Шансенецъ дерется за меня». Неустрашимость, безцеремонность пасквилей Ривароля дошли до того, что публика стала презирать пасквилянта. Тогда Ривароль напечаталъ два письма къ Неккеру въ отвѣтъ на сочиненіе женевскаго философа («Importance des opinions religieuses»). Эти письма обнаруживали въ пасквилянтѣ и критическое чутье, и политическую ловкость, а также невѣдомую въ прежнихъ его писаніяхъ смѣлость и силу идей. Авторъ «Альманаха», какъ вѣрный ученикъ д'Аламбера, покровительствовавшаго его литературнымъ дебютамъ, выступилъ теперь поборникомъ независимой прав-

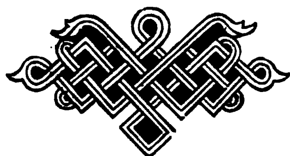
ственности. Вскорѣ затѣмъ онъ, впрочемъ, въ угоду двору, отрекся отъ своихъ философскихъ доктринъ, внушенныхъ изученіемъ энциклопедистовъ.

Въ 1789 году Ривароль явился, конечно, противникомъ революціи. И не потому, что онъ имѣлъ твердыя убѣжденія, но потому собственно, что его трактирные и уличные друзья почти всѣ принадлежали къ кастѣ антиреволюціонеровъ. Памфлетистъ подвизался нѣкоторое время въ «Journal politique national» аббата Сабатье де-Кастра, переводчика Боккачіо, потомъ онъ принялся за свое прежнее ремесло пасквилянта и напечаталъ «Petit Dictionnaire des grands hommes de la Révolution». Предисловіе къ этому сборнику, посвященному г-жѣ де-Сталь, а также нѣкоторыя анонимныя статьи въ «Galerie des dames françaises», свидѣтельствуютъ о томъ вѣроломствѣ, съ какимъ онъ умѣлъ мстить дамамъ, салоны которыхъ были враждебны ему. Тутъ была его настоящая почва. Когда, послѣ октябрьскихъ дней, власть короля была поколеблена, Ривароль взялся за свое страшное перо и пошелъ въ бой съ революціонерами въ «Actes des apostres». Эти «Actes» навсегда останутся типомъ скандальнаго органа. Въ нападкахъ на личность ни одинъ изъ органовъ ни прежде, ни послѣ не могъ превзойти эти «Actes». «Апостолы роялистской демократіи» объявляли всѣхъ своихъ противниковъ измѣнниками, негодяями, ворами, нисколько не щадя женщинъ наряду съ мужчинами. Матью де-Монморанси, напримѣръ, провинившійся тѣмъ, что онъ засѣдалъ вмѣстѣ съ депутатами, которые требовали робкихъ реформъ, объявлялся «сыномъ лакея его матери». Изданіе «Actes» длилось всего два года. Самъ дворъ долженъ былъ убѣдиться въ медвѣжьихъ услугахъ его компрометирующихъ защитниковъ. Изъ королевской шкатулки перестали выдавать субсидіи, и «апостолы» разсѣялись. Ривароль провелъ затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, но рестораны и будуары закрылись для него. Онъ эмигрировалъ въ іюнѣ 1792 года. Первоначально онъ попалъ въ Брюссель. Здѣсь французскіе эмигранты не ладили между собой и Лескюръ даетъ любопытныя свѣдѣнія объ этомъ летучемъ лагерѣ. Вскорѣ Ривароль переселился въ Лондонъ, гдѣ Питтъ и Боркъ приняли его, какъ подобало врагамъ Франціи, поощрявшимъ француза, который такъ мастерки поносилъ свое отечество. Въ Лондонѣ собрались маркизы и герцогини, размѣщавшіяся по мансардамъ, жившія отъ своихъ рукодѣлій. Такая среда не по вкусу пришлась Риваролю. Онъ отправился въ Гамбургъ, гдѣ сливки французской эмиграціи также должны были работать изъ-за куска хлѣба. Первыя аристократическія фамиліи красовались на мѣстныхъ лавкахъ, на ресторанахъ, на кафе, на мебельныхъ магазинахъ. Одинъ изъ «Монморанси» былъ пирожникомъ. Ривароль, журналистъ до мозга костей, искалъ примѣненія своимъ способностямъ. Книгопродавецъ Фошъ изда-

валъ тогда въ Гамбургѣ «Spectateur du Nord»; онъ-то и отвелъ мѣсто въ своей газетѣ автору «Альманаха великихъ людей». Затѣмъ Фошъ поручилъ ему составить «Nouveau dictionnaire de la langue française», но эмигрантъ, забравъ деньги, не исполнилъ условiя. Онъ велъ жизнь паразита, фланируя по салонамъ гамбургцевъ и парижанъ-эмигрантовъ. Мало по малу, однако, ряды эмигрантовъ стали рѣдѣть. Многiе изъ нихъ, поклявшiеся въ вѣчной ненависти къ революцiонной Францiи, уступили и рѣшились воспользоваться льготами, предоставленными эмигрантамъ сначала директорiей, потомъ консульствомъ. Къ тому же и гамбургскiй сенатъ косо посматривалъ на эмигрантовъ, которые слишкомъ открыто объявляли себя врагами побѣдоносной Францiи. И Риваролъ, страшась за свою безопасность, отправился въ Берлинъ въ 1800 году съ оффицiальнымъ порученiемъ отъ Людовика XVIII къ Прусскому королю, въ качествѣ посланника безъ вѣрительныхъ грамотъ отъ короля, потерявшаго корону.

Риваролъ явился теперь слѣдовательно дипломатомъ. Членъ берлинской академiи, бывшiй фаворитъ Фридриха II, былъ принятъ въ Берлинѣ милостиво, благодаря своей литературной извѣстности. Но дворъ не могъ принять оффицiально посланника короля, потерявшаго власть. Риваролъ за неуспѣхъ своихъ дипломатическихъ происковъ былъ награжденъ успѣхами въ салонахъ, и между прочимъ благосклонностью той княгини Долгорукой, которая плѣняла сердце Потемкина. Но надорванное всякими излишествами здоровье Ривароля не выдержало такой лихорадочной жизни. Онъ умеръ 11-го апрѣля 1801 года, 48 лѣтъ, послѣ кратковременной болѣзни.

Ѳ. В.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Архивъ князя Воронцова. Книги двадцать седьмая и двадцать восьмая. Москва, 1883 г.

ВАДЦАТЬ седьмая книга этого «Архива» начинается сообщеніемъ, очень пріятнымъ для изыскателей и любителей исторической науки, что рукописныя сокровища Воронцовскаго архива, по кончинѣ князя Семена Михаиловича Воронцова, по мысли и при непосредственномъ участіи котораго возникло изданіе «Архива князя Воронцова», перешли маіоратнымъ наслѣдствомъ къ сыну сестры его, графини Софіи Михаиловны Шуваловой, графу Павлу Андреевичу Шувалову, принявшему и его княжеское достоинство, и что «Архивъ князя Воронцова» будетъ продолжаться. Такимъ объявленіемъ прекращены всѣ сомнѣнія, возникшія въ прошломъ году, послѣ смерти князя С. М. Воронцова, относительно продолженія изданія этой исторической библіотеки.

Въ вышедшей нынѣ двадцать седьмой книгѣ помѣщены письма къ графамъ А. Р. и С. Р. Воронцовымъ князя Григорія Григорьевича Орлова, графовъ Ивана Григорьевича, Владиміра Григорьевича, Алексѣя Григорьевича (Чесменскаго) и Григорія Владиміровича Орловыхъ; 10 писемъ графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго къ братьямъ Воронцовымъ; 12 писемъ графа Сергѣя Петровича Румянцева; 54 письма его брата, графа Николая Петровича; письма швейцарца Льва Сожи къ братьямъ Воронцовымъ; 153 письма князя Кастельчикалы (бывшаго министромъ въ королевствѣ обѣихъ Сицилій, неаполитанскимъ посланникомъ въ Лондонѣ и Парижѣ) къ графу Семену Романовичу Воронцову; пять писемъ неизвѣстнаго лица къ графу С. Р. Воронцову изъ Берлина, Вѣны и Лейпцига въ 1797 — 1801 годахъ (полагаютъ, что это письма Степана Алексѣевича Колычева, бывшаго русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, самостоятельнаго русскаго дипломата, котораго не жаловали за то въ Берлинѣ); замѣчательная записка на французскомъ языкѣ о Лагарпѣ, воспитателѣ императора

Александра Павловича, выставляющая Лагарпа въ особенномъ свѣтѣ; описаніе геройскаго подвига князя Михаила Семеновича Воронцова въ 1804 году, при взятіи княземъ Циціановымъ приступомъ крѣпости Ганжи, 3-го января, когда онъ вывелъ подъ градомъ пуль и ядеръ раненаго офицера; письмо герцога Серра-Капріолы (неаполитанскаго посланника въ Петербургѣ), письмо князя Кутузова-Смоленскаго къ его супругѣ и письмо прусскаго генерала Гнейзенау къ графу С. Р. Воронцову въ 1815 году.

Въ двадцать восьмой книгѣ «Архива князя Воронцова» помѣщены письма русскихъ государей, особъ царскаго дома и иностранныхъ принцевъ къ графамъ Воронцовымъ. Въ числѣ ихъ находятся 11 писемъ императрицы Елисаветы Петровны къ графу Михаилу Илларіоновичу Воронцову, изъ которыхъ иныя писаны ею еще до вступленія на престолъ. Точно также изъ писемъ къ нему же (въ числѣ 20) императрицы Екатерины II, нѣкоторыя относятся къ тому времени, когда она еще была великою княгинею. Писемъ, рескриптовъ и указовъ этой императрицы къ графамъ А. Р. и С. Р. Воронцовымъ напечатано въ этой книжкѣ 42; писемъ и рескриптовъ императора Павла къ графу С. Р. Воронцову 33; писемъ императрицы Маріи Θеодоровны къ графу А. Р. Воронцову 116, а къ его брату 22; два письма ея же къ графу (князю) М. С. Воронцову въ 1825 году, когда онъ былъ уже новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ; 45 писемъ и рескриптовъ императора Александра Павловича къ А. Р. Воронцову и 23 къ С. Р. Воронцову; 14 писемъ императрицы Елисаветы Алексѣевны къ А. Р. Воронцову и 11 къ его брату; письма короля польскаго Станислава-Августа, герцога Виртембергскаго Фридриха-Вильгельма, короля Лудовика XVIII, короля Сардинскаго Виктора-Эммануила, королевы Шведской Фредерики, принца Густава Шведскаго, герцога Іоркскаго, принца Ангальта, принца Петра Курляндскаго, герцога Петра Гольстинскаго, принца Гольштейнъ-Ольденбургскаго, королевы Виртембергской Екатерины Павловны, герцога Фердинанда Виртембергскаго, великой княгини Маріи Павловны, и, наконецъ, 12 отвѣтныхъ писемъ графа С. Р. Воронцова къ императрицѣ Екатеринѣ II, къ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, къ императору Александру Павловичу.

Большая часть бумагъ, помѣщенныхъ въ двухъ означенныхъ книжкахъ «Архива князя Воронцова», имѣютъ общій интересъ, потому что касаются многихъ лицъ и событій прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій. Такъ, изъ писемъ князя Григорія Григорьевича Орлова видно, что онъ остался въ дружбѣ и съ Петромъ Васильевичемъ Завадовскимъ и съ Семеномъ Гавриловичемъ Зоричемъ, которые одинъ за другимъ заступали его мѣсто при императрицѣ Екатеринѣ II. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, прося графа С. Р. Воронцова, купить для него въ Англіи пару жеребцовъ и шесть кобылъ скаковыхъ, пишетъ, 5-го февраля 1792 года, что онъ «пріохотился къ скаковымъ лошадямъ и у насъ завелись скачки въ день Чесменской побѣды (24-го іюня 1770 г.). Хотя оный день по многимъ прошедшимъ причинамъ и не уваженъ и въ календарѣ не отмѣченъ, но мнѣ разсудилось въ оный день давать для публики удовольствіе, а между многими и я своихъ лошадей пускаю». Орловъ былъ недоволенъ, что день побѣды при Чесмѣ не былъ включенъ въ число «викторіальныхъ дней», по примѣру Полтавской битвы. Настроеніе чесменскаго героя вылилось въ нѣсколькихъ письмахъ къ графу С. Р. Воронцову: «О себѣ же (писалъ онъ 10-го мая 1797 года, изъ Лейпцига) теперича не знаю, что сказать, какая я птица: орелъ или синица.

Изъ Россіи выѣхалъ я по просьбѣ моей къ водамъ, а сколько со мною странностей происходило (въ декабрѣ 1796 года, на вторичныхъ похоронахъ императора Петра III, графъ А. Г. Орловъ долженъ былъ нести императорскую корону), и теперича сообразиться не могу... Ѣду въ Карлсбадъ и пробуду осень здѣсь, а когда могу возвратиться въ Россію, того прямо сказать не могу. У насъ старая пословица теперича опять сильно въ употребленіи, которую господинъ Веселовскій употреблялъ, живучи въ Швейцаріи: Божье да государево; безъ вины виноватъ; хоть не радъ да готовъ». Извѣстно, что Веселовскій, опасаясь преслѣдованія по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, остался жить въ чужихъ краяхъ. Императрица Елисавета Петровна звала Веселовскаго обратно въ Россію, но онъ отвѣчалъ, что возвратится на родину только тогда, когда въ ней утратятъ силу три пословицы, приведенныя Орловымъ-Чесменскимъ. Отъ этого Веселовскаго, по словамъ г. Бартенева, происходитъ Диксонъ, извѣстный англійскій писатель нынѣшняго времени. Затѣмъ опальный побѣдитель турокъ писалъ къ Воронцову изъ Дрездена, въ маѣ 1801 года, послѣ возшествія на престолъ императора Александра Павловича: «И мы всѣ, россіяне, можемъ сказать: возсіялъ намъ свѣтъ присносущный и не до конца нашъ Господь на насъ прогнѣвался, и прежде воскресенія Христова воскресилъ Россію и насъ съ нею, съ чѣмъ имѣю честь васъ поздравить... Но теперь да восхвалимъ Господа, что и совсѣмъ насъ не пожрали. Аллилуія, аллилуія и паки аллилуія!.. У меня жъ большой камень съ сердца моего свалился; за дочь мою я всегда опасался, чтобы покойный государь не приказалъ ее выдать, противъ желанія ея, а теперь оной безпокойной и снѣдающей меня мысли совершенно по благости Господней освобожденъ. Да и вся Россія стала спокойнѣе дышать. Удивительное дѣло, какъ себя до такой степени довести, что и здѣшніе жители, какъ высшіе, такъ же и нижніе, отмѣнно оному случаю обрадовались».

Письма князя Кастельчикалы, обнимая собою періодъ времени съ 1795 года по 1825 годъ, сообщаютъ множество интересныхъ подробностей о борьбѣ европейскихъ монархистовъ противъ республики и имперіи во Франціи, о временахъ реставраціи во Франціи и указываютъ на то сильное вліяніе, какое имѣлъ въ Англіи и на ея министерства русскій посланникъ, графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ. Князь Кастельчикала пишетъ, между прочимъ, изъ Парижа, отъ 12-го ноября (31-го октября) 1818 года, что на тогдашнемъ Ахенскомъ конгрессѣ императоръ Александръ I имѣлъ изумительное вліяніе на всѣхъ. «Сдѣлано было все то, чего онъ только хотѣлъ».

Обнародованныя въ двадцать восьмой книжкѣ письма русскихъ императрицъ и императоровъ къ Воронцовымъ указываютъ на важное значеніе, какое послѣдніе имѣли на различныхъ поприщахъ своей служебной дѣятельности при различныхъ государяхъ. Екатерина Великая, Павелъ I, Александръ Павловичъ цѣнили заслуги графовъ А. Р. и С. Р. Воронцовыхъ и награждали ихъ за то своимъ лестнымъ вниманіемъ. Въ числѣ писемъ Екатерины II напечатаны двѣ записки, адресованныя ею, въ 1762 году, къ графу Михаилу Илларіоновичу Воронцову и относящіяся до Елисаветы Романовны Воронцовой (его племянницы), извѣстной любимицы императора Петра III. Въ одной запискѣ Екатерина II пишетъ: «Неоднократно я уже приказывала безъ всякаго подозрѣнія и остановки отсылать къ Елисаветѣ Романовнѣ письма ея фамильи, и отвѣты къ нимъ на оныя дозволить писать, а нынѣ вновь подтверждаю не лишить ихъ сего невиннаго удовольствія, и о томъ

дать знать Роману Ларіоновичу». Другая записка слѣдующая: «По моему мнѣнію, дочь не можеть быть лучше, какъ у отца на рукахъ, но я разумѣю такова отца, какъ надлежитъ по христіанской должности, а естьли ей малѣйшее огорченіе или, сохрани Богъ, суровость показаны будутъ, то оное мнѣ весьма чувствительно будетъ, по той причинѣ, что я не намѣрена съ ней поступать съ гнѣвомъ, но съ милостію, сколько нынѣшній несчастливый ей случай допускаетъ. Екатерина». Эти двѣ записки характеризуютъ Екатерину Вторую, какъ женщину. Въ одной запискѣ къ М. Л. Воронцову, императрица Екатерина, прося его держать въ глубокомъ секретѣ приложенныя реляціи (не сказано о чемъ) и не давать ихъ никому, присовокупляетъ, что «естьли вы по нѣмецкому не довольно знаете, чтобъ ихъ разумѣть, то я ихъ сама переводить буду». Отъ 20-го августа 1791 года, императрица Екатерина сообщила графу Семену Романовичу Воронцову, чтобы онъ «поблагодарилъ отъ ея имени лорда Фицъ-Улліамса за уступку имъ ей бюста своего друга, г. Фокса, который я помѣщу на своей колонадѣ въ Царскомъ Селѣ между Демосѳеномъ и Цицерономъ».

Изъ числа писемъ императора Александра I къ С. Р. Воронцову въ особенности интересенъ рескриптъ отъ 5-го іюля 1801 года, изъ Петергофа, въ которомъ государь подробно (15 печатныхъ страницъ) излагаетъ, какой онъ намѣренъ держаться внѣшней политики, при своемъ восшествіи на престолъ, когда онъ очутился въ войнѣ съ Англіею, при разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Австріею, Испаніею и проч. Также замѣчательно слѣдующее письмо императора Александра Павловича (въ 1804 году) къ тогдашнему канцлеру, графу Александру Романовичу Воронцову: «Отдавая всю должную справедливость подвигу вашего сіятельства, въ непринятіи подарковъ отъ чужестранныхъ державъ, за долгъ поставляю себѣ изъявить вамъ то уваженіе, которое привыкъ всегда къ вамъ чувствовать». Императору были извѣстны подарки и даже деньги, которыя въ предшествовавшія царствованія иностранныя правительства подносили вліятельнымъ русскимъ сановникамъ для привлеченія ихъ на сторону своихъ интересовъ, и онъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобы выразить свое отвращеніе къ подобнымъ подкупамъ.

Вообще выпущенныя нынѣ двѣ книжки «Архива князя Воронцова» не уступаютъ прежнимъ интересомъ своего содержанія.

П. У.

Отчетъ императорской публичной библіотеки за 1881 годъ. Спб. 1883 г.

Коллекція этихъ отчетовъ, взятая за нѣсколько лѣтъ, представляетъ много любопытныхъ фактовъ, относящихся къ развитію нашего просвѣщенія. Поэтому нельзя не сожалѣть, что отчеты выходятъ нѣсколько поздно. Такъ, въ настоящее время, только что вышедшая книга говоритъ о 1881 годѣ, возвращаясь съ первыхъ строкъ къ катастрофѣ 1-го марта. Покойный государь относился всегда со вниманіемъ къ сокровищницѣ русской интеллигенціи и неоднократно давалъ ей средства для очень значительныхъ пріобрѣтеній, которыми библіотека наша можетъ по справедливости гордиться. Къ такимъ пріобрѣтеніямъ отчетъ причисляетъ: коллекцію греческихъ и восточныхъ палимпсестовъ и рукописей, пріобрѣтенную отъ покойнаго лейпциг-

ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Притязанія нашихъ добрыхъ сосѣдей. — Разные «ланды» какъ часть общаго фатерланда. — Брошюра объ аграрныхъ порядкахъ въ Балтійскихъ провинціяхъ. — Начала искусства въ Греціи. — Исторія нѣмецкаго народа. — Картины внутренней жизни Рима. — Реальный лексиконъ художественныхъ издѣлій. — Новая біографія Челлини. — Герои XIX столѣтія. — Механикъ и астрономъ. — Итальянскій психіатръ. — Теорія доктора Крупова въ примѣненіи къ историческимъ личностямъ. — Римскій журналистъ. — Психіатро-зоологическая теорія революцій. — Римскій трибунъ XIV вѣка и Неаполитанскій XVII. — Связь между геніемъ, безуміемъ и преступленіемъ. — «Маттоиды». — Роковой кругъ для мыслителя и историка [1]).

БОЛѢЕ всѣхъ частей Россіи нѣмцевъ интересуютъ, конечно, наши Балтійскія или, какъ они ихъ называютъ, Остзейскія провинціи. Большинство нѣмецкихъ ученыхъ и мыслителей, надо сознаться, не перестаютъ считать эти провинціи частью своего общаго отечества — «Gesamtvaterland». Правительственныя и административныя лица остаются въ сторонѣ отъ этихъ родственныхъ поползновеній на достояніе сосѣда, но масса геллертеровъ и простыхъ бюргеровъ даже не считаетъ нужнымъ скрывать своихъ притязаній на разные ланды, въ сущности принадлежащія эстамъ, ливамъ и куронамъ, да еще въ послѣднее время прибавляютъ къ нимъ ковенъ-ландъ и другіе ланды. Присоединеніе всѣхъ ихъ къ германскому отечеству считается только вопросомъ времени, и это высказывается, хотя, конечно, не прямо, во множествѣ продолжающихъ появляться брошюръ по этому предмету. Въ другихъ подобныхъ брошюрахъ, положеніе Балтійскихъ земель представляется въ такой картинѣ, что невольно дѣлается выводъ о невозможности оставить ихъ въ настоящемъ видѣ, а для улучшенія этого положенія исходъ остается одинъ, очень ясно подразумѣваемый, хотя не указываемый прямо. Къ числу такихъ брошюръ

---

[1]) Упомянутыя здѣсь книги получены въ магазинѣ Шмицдорфа (Невскій, 5).

относится и появившаяся на дняхъ въ Берлинѣ: «Аграрныя отношенія въ русскихъ Балтійскихъ провинціяхъ» («Die agraren Verhältnisse in den Russischen Ostseeprovinzen»). Авторъ брошюры, Эрнстъ фон-дер-Брюггенъ, съ первыхъ фразъ предисловія, устанавливаетъ свой штандъ-пунктъ на этотъ вопросъ. По его мнѣнію, событія, случившіяся въ прошломъ году въ этихъ провинціяхъ, имѣютъ интересъ «переходящій далеко за русскія границы». Онѣ нисколько не виноваты въ томъ, что въ европейской политикѣ сталъ на очереди «Балтійскій вопросъ». Первоначально вопросъ этотъ былъ поднятъ русскою прессой, которая, передъ всею Европой, возвела на провинціи всякаго рода ложныя обвиненія. Обвиненія эти, все по словамъ того же автора, возбудили въ странѣ волненія, слѣдствіемъ которыхъ были «эпидимически возбуждаемыя» преступленія противъ жизни и собственности высшихъ классовъ въ Остзейскихъ провинціяхъ. Это обратило, конечно, вниманіе и Европы на эти страны «пользовавшіяся всегда всѣми условіями благоденствія и мирнаго развитія благосостоянія». «Постороннее честолюбіе» вывело провинціи изъ этого завиднаго положенія. Отъ этого возникло множество недоразумѣній. Эти-то печальныя событія авторъ и старается изобразить въ своей брошюрѣ, конечно, не съ цѣлью возбуждать національныя или политическія страсти, но въ видахъ совершеннаго безпристрастія и побужденія сохранить въ провинціяхъ тѣ старые порядки, которыми онѣ управляются уже 700 лѣтъ. Мы не будемъ перечислять этихъ старыхъ порядковъ, дорогихъ и любезныхъ не однимъ остзейскимъ баронамъ, но и самобытнымъ русскимъ крѣпостникамъ стараго закала. Мудрено ли, что берлинскій нѣмецъ плачется о томъ, что прекраснымъ аграрнымъ порядкамъ въ Балтикѣ, столь дорогимъ и выгоднымъ для остзейскихъ нѣмцевъ, угрожаетъ коренное измѣненіе, что бѣднымъ эстонскимъ и латышскимъ батракамъ хотятъ дать возможность пріобрѣсти въ собственность хоть клочокъ земли. Мы, конечно, не будемъ опровергать мнѣнія г. фон-дер-Брюггена о томъ, что лучше нынѣшнихъ аграрныхъ порядковъ въ Балтійскихъ провинціяхъ и быть не можетъ, но указать на такое мнѣніе слѣдуетъ.

— Отъ тенденціозныхъ и партійныхъ нѣмецкихъ сочиненій гораздо пріятнѣе перейти къ сочиненіямъ, касающимся чистаго искусства. Брокгаузъ издалъ чрезвычайно любопытное изслѣдованіе приватъ-доцента археологіи въ гётингенскомъ университетѣ Мильгёфера. «Начала искусства въ Греціи» («Die Anfänge der Kunst in Griechenland»). Этотъ предметъ еще мало разработанъ, даже въ нѣмецкой литературѣ. До послѣдняго времени происхожденіе греческаго искусства можно было прослѣдить только по немногимъ архаическимъ памятникамъ и камнямъ. Только въ самое недавнее время раскопки Шлимана, въ Иліонѣ и Микенахъ, доставили довольно богатый матеріалъ по этой части. Ученый авторъ подробно говоритъ о происхожденіи эллинскаго искусства, начиная съ первыхъ слѣдовъ его въ остаткахъ стѣнъ Микенъ и гробницъ этого города. Подробно разбирая коллекцію камней, собранную на островахъ Архипелага, особенно въ Критѣ, онъ представляетъ довольно полную картину древней греческой культуры, явившейся вслѣдъ за пеласгическою, говоритъ о гомерическихъ временахъ, сосудахъ съ барельефами изъ красной глины, эпохи Гезіода и Гераклидовъ (выдѣлывались эти сосуды, преимущественно, въ Сициліи) и оканчиваетъ произведеніями первобытнаго греческаго искусства, найденными въ Италіи, гдѣ, впрочемъ, они часто смѣшиваются съ этрускими и даже карѳагенскими типами. Въ

книгѣ Мильгёфера помѣщено много любопытныхъ рисунковъ, придающихъ еще болѣе значенія этому во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательному сочиненію.

— Къ чисто историческимъ сочиненіямъ принадлежитъ первый томъ «Исторіи нѣмецкаго народа» («Geschichte des deutschen Volkes») Карла Вильгельма Нитцша, умершаго въ 1880 году. Исторія эта доведена покойнымъ только до Аугсбургскаго мира и составлена по его бумагамъ и лекціямъ адъюнктъ-профессоромъ Маттеи. Это—настоящая исторія народа, а не государства, большинства жителей страны, а не ея властителей, націи, а не административныхъ учрежденій. Въ этомъ заключается особенность этого сочиненія. Послѣ вступленія, въ которомъ авторъ излагаетъ свой историческій методъ, въ сравненіи съ прежними историками, онъ рисуетъ широкими чертами первобытную культуру индо-германскихъ племенъ, кельтовъ и германовъ, свевовъ и херусковъ, ихъ процвѣтаніе и паденіе, войну Арминія съ Германикомъ, возстаніе батавовъ, Германію Тацита, послѣднюю эпоху переселенія народовъ, періодъ готовъ, франковъ и аллемановъ, введеніе германскаго элемента въ войско при Константинѣ, вліяніе христіанства и вторженіе гунновъ. Второй періодъ обнимаетъ собою Франкское королевство до смерти Конрада I (918), исторію Остготскаго царства, эпоху Карла Великаго. Далѣе слѣдуетъ исторія Германіи при Оттонахъ. Этотъ томъ оканчивается смертью императора Гейнриха II, въ 1024 году. Вся исторія будетъ заключаться въ трехъ томахъ.

— Г. Бушманъ написалъ весьма полезное историческое сочиненіе «Картины изъ древняго Рима» («Bilder aus dem alten Rom»), это исторія внутренней, а не внѣшней жизни Рима, его быта, нравовъ, учрежденій. Авторъ говоритъ о ремеслахъ и ремесленникахъ, о рабствѣ, о пищѣ и напиткахъ, о театрѣ и бытѣ артистовъ, о бояхъ гладіаторовъ между собою и съ дикими звѣрями, о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, о жизни женщинъ, о циркѣ и играхъ въ немъ, о торговлѣ и промышленности, о свадебныхъ и погребальныхъ обрядахъ, о положеніи ученыхъ и художниковъ, наконецъ, о земледѣліи. Всѣ эти свѣдѣнія изложены ясно, систематично, подкрѣплены цитатами изъ лучшихъ авторовъ и даютъ полное понятіе обо всѣхъ сторонахъ общественной и частной жизни Рима.

— Романтическая личность Бенвенуто Челлини послужила предметомъ любопытныхъ изслѣдованій Евгенія Плона: «Benvenuto Cellini. Recherches sur sa vie, sur son oeuvre et sur les pièces, qui lui sont attribuées». Извѣстно, что самъ знаменитый артистъ оставилъ свою автобіографію, которую Гёте перевелъ на нѣмецкій языкъ. Правда, біографія эта во многихъ подробностяхъ возбуждаетъ недовѣріе въ самыхъ снисходительныхъ читателяхъ и подробности многихъ фантастическихъ сказаній художника требовали серьезной провѣрки. За этотъ нелегкій трудъ взялся французскій писатель и исполнилъ его съ большимъ успѣхомъ. Любопытнѣе всего то, что въ автобіографіи Челлини гораздо меньше фантазіи, чѣмъ думали строгіе историки. Конечно, это не касается такихъ разсказовъ, какъ происхожденіе Челлини отъ одного изъ самыхъ храбрыхъ сподвижниковъ Юлія Цезаря, но Плонъ нисколько не сомнѣвается, что Челлини, во время осады Рима, застрѣлилъ изъ мушкета великаго Коннетабля Бурбонскаго, тогда какъ нѣкоторые критики отрицаютъ самое присутствіе Челлини въ замкѣ Святого Ангела, гдѣ онъ, по собственнымъ словамъ, дрался очень храбро, тогда какъ остальные солдаты папы побросали свои мушкеты. Сохранились, однако, документы, изъ

которыхъ видно, что имена всѣхъ солдатъ, товарищей Челлини, о которыхъ онъ говоритъ въ своей біографіи, находятся въ оффиціальномъ спискѣ папскихъ бомбардировъ, гдѣ также часто повторяется имя Бенвенуто. Нельзя сказать, конечно, чтобы Челлини не помѣщалъ небылицъ въ своей книгѣ, но Плонъ очень удачно отдѣляетъ ихъ отъ дѣйствительныхъ фактовъ, и даетъ намъ вполнѣ правдивую исторію художника. Любопытно, что Челлини обратилъ на себя вниманіе одного изъ своихъ первыхъ покровителей, папы Климента VII, не какъ скульпторъ и ювелиръ, а какъ музыкантъ. Онъ игралъ передъ папою на флейтѣ, хотя въ то же время занимался уже ювелирнымъ искусствомъ, а музыкантомъ хотѣлъ его сдѣлать отецъ, противъ желанія мальчика. Челлини въ эту эпоху было 23 года, такъ какъ онъ родился въ первый годъ XVI столѣтія. Папа, принявъ въ немъ участіе, какъ въ музыкантѣ, вскорѣ убѣдился, что покровительствуемый имъ художникъ гораздо болѣе замѣчательный ювелиръ, рѣзчикъ и скульпторъ, нежели флейтистъ. По примѣру папы, кардиналы и другіе сановники стали осыпать его заказами драгоцѣнныхъ вещей, и онъ могъ бы вести безбѣдную и спокойную жизнь, если бы не его гордый и раздражительный характеръ. Съ первыхъ же шаговъ на артистическомъ поприщѣ, онъ высказалъ свой неукротимый нравъ и вошелъ въ столкновеніе съ сильными міра. Саламанкскій епископъ заказалъ ему драгоцѣнную вазу, но оскорбленный высокомѣріемъ художника, отказался уплатить за его произведеніе требуемую имъ сумму, и возвратилъ вазу художнику для исправленія. Челлини объявилъ, что не отдастъ вазы, и епископъ прислалъ за нею вооруженныхъ испанцевъ, но Бенвенуто схватилъ свой мушкетъ и защищался со своими учениками противъ свиты епископа до тѣхъ поръ, пока народъ, привлеченный неравною борьбой, не принялъ его сторону и не помогъ ему прогнать испанцевъ. Вся жизнь художника полна подобными бурными эпизодами. За насильственную смерть своего брата, онъ отомстилъ убійствомъ его убійцы, и избѣгнулъ смертной казни только благодаря покровительству папы, для котораго онъ чеканилъ монету. Преемникъ Климента, Павелъ III, также пользовался его услугами, и оставилъ безъ наказанія второе, еще менѣе извинительное убійство художникомъ своего соперника, скульптора Помпео. Замѣчательно, что пользуясь безнаказанностью, когда онъ совершалъ убійства, Челлини былъ заключенъ въ крѣпость Святого Ангела, когда не былъ ни въ чемъ виноватъ, и единственно по обвиненію работникомъ Челлини въ кражѣ драгоцѣнныхъ камней изъ папской тіары, ввѣренной его храненію во время осады Рима. Бѣгство художника изъ крѣпости Святого Ангела, пребываніе его во Франціи при дворѣ Франциска I, жизнь при тосканскомъ дворѣ, вступленіе въ монастырь и выходъ изъ него черезъ два года, потому что «желая имѣть законныхъ дѣтей, получилъ разрѣшеніе отъ своего обѣта и выпущенъ былъ на свободу»; наконецъ, женитьба на 64-мъ году на своей служанкѣ, отъ которой онъ имѣлъ троихъ дѣтей, смерть его на 71-мъ году—все это разсказано Плономъ подробно и увлекательно.

— Исторія XIX вѣка не представляетъ типовъ, похожихъ на высокоталантливаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и высоко-безпутнаго Челлини, она сохраняетъ для потомства жизнь и подвиги дѣятелей иного рода. Самуэль Смайльсъ, съ лучшими сочиненіями котораго: «Самопомощь», «Характеръ», «Бережливость», знакома уже русская публика въ быстро разошедшихся переводахъ, издалъ недавно любопытную автобіографію Джемса Насмита, одного

изъ даровитѣйшихъ людей современной Англіи (James Nasmyth, engineer; an autobiography). Книга эта, по языку и группировкѣ фактовъ, напоминаетъ «Исторію шотландскаго натуралиста» того же автора. Но личность Насмита еще интереснѣе и гораздо рельефнѣе. Жизнь его раздѣляется рѣзко на двѣ части: первая съ дѣтства и до 48-ми-лѣтняго возраста посвящена механикѣ и фабричному дѣлу, вторая, съ 1856 года до настоящаго времени, занятіямъ астрономіей. Въ первую эпоху Насмитъ изобрѣлъ паровой молотъ, самое могучее современное механическое орудіе, такое же важное, какъ рычагъ или винтъ. Въ 1874 году, Насмитъ издалъ книгу: «Луна разсматриваемая какъ планета, міръ и спутникъ». Это чрезвычайно любопытная геологическая исторія нашего спутника. Наконецъ, второе сочиненіе его—названная выше автобіографія, съ особеннымъ сочувствіемъ встрѣченная всѣми серьезными журналами. Такъ «Quarterly Review» говоритъ, что Насмитъ оказалъ большую услугу своему поколѣнію напечатавъ автобіографію, которая навсегда останется одною изъ самыхъ интересныхъ страницъ въ исторіи механики, и будетъ служить полезнымъ примѣромъ юношеству въ томъ, чего можетъ достигнуть осмысленный трудъ. «Edinburgh Review» находитъ, что во всей біографической литературѣ нѣтъ болѣе интереснаго разсказа, какъ автобіографія дѣятельной, полезной и счастливой жизни Насмита. «Athenaeum» замѣчаетъ, что книгу Насмита можно рекомендовать всѣмъ и каждому. Написана она совершенно популярно, какъ всѣ книги Смайльса, и это доказываетъ, что онъ принималъ участіе въ ея составленіи. Насмитъ не принадлежитъ къ числу самоучекъ, которыхъ такъ художественно изображаетъ Смайльсъ. Отецъ механика-астронома былъ хорошій живописецъ, талантливый инженеръ, изобрѣтатель особой системы мостовъ, другъ Вальтеръ-Скотта, Борнса, лорда Брума; онъ открыто сочувствовалъ Фоксу и либеральнымъ реформамъ. Джемсъ Насмитъ воспитывался сначала отцомъ, знакомившимъ сына съ практической механикой и химіей, но отданный въ классическую школу долженъ былъ зубрить латынь и греческій языкъ, и учителя-классики приходили въ такую ярость отъ неспособности мальчика къ спряженію неправильныхъ глаголовъ, что били его головою объ стѣну до кровотеченія изъ носу. И Насмитъ вышелъ изъ эдинбургской высшей школы съ очень плохимъ знаніемъ классическихъ языковъ, не принесшихъ ему никакой пользы въ жизни. Тогда онъ сталъ заниматься на практикѣ механикой и химіей, устроилъ въ своей комнатѣ литейную и сдѣлалъ въ ней двѣ модели паровой машины, изобрѣлъ паровой экипажъ, и поступилъ въ Лондонѣ на механическій заводъ Модслея, по смерти котораго открылъ въ Манчестерѣ свою собственную мастерскую, потомъ основалъ Бриджватерскій механическій заводъ, сдѣлавшійся центромъ его дѣятельности. Одно описаніе его 36 изобрѣтеній, занимаетъ десятки страницъ его біографіи. Паровой молотъ изобрѣлъ онъ въ 1829 году: имъ можно, по желанію, разомъ сплющить громадную массу металла, или расколоть орѣхъ. Любопытенъ фактъ, что прежде всего паровой молотъ былъ введенъ на механическомъ заводѣ во Франціи. Англійское адмиралтейство долго не вводило его у себя, и его опередило, въ этомъ отношеніи, на цѣлый годъ русское правительство, заказавъ Насмиту нѣсколько паровыхъ молотовъ. Точно также Россія, раньше другихъ державъ, воспользовалась и вторымъ изобрѣтеніемъ его: паровымъ копромъ для вбиванія свай. Этотъ коперъ былъ употребленъ при постройкѣ кронштадтскихъ фортовъ. Николай I послалъ изобрѣтателю брилліантовый

веретень. Описывая свои машины, Насмитъ говоритъ, что все механическое искусство заключается въ примѣненіи здраваго смысла къ употребленію матеріаловъ. Вмѣстѣ съ извѣстностью Насмита развивалось и его заводское производство. Съ цѣлью распространенія своихъ изобрѣтеній и машинъ, онъ ѣздилъ во Францію, Германію, Италію, Швецію и Россію. О Петербургѣ, гдѣ онъ былъ въ 1843 году, онъ говоритъ съ большою похвалой, хотя и не получилъ здѣсь заказа на локомотивы, для строившейся тогда Московской желѣзной дороги. Наживъ большое состояніе, помѣщенное имъ въ англійскій банкъ на три процента, механикъ отказался отъ дальнѣйшей коммерческой дѣятельности, передалъ Бриджватерскій заводъ компаньону и поселился въ маленькомъ помѣстьѣ съ женой, отъ которой у него нѣтъ дѣтей. Въ настоящее время, несмотря на свои 75 лѣтъ, Насмитъ занимается постоянно астрономическими наблюденіями въ телескопъ, имъ самимъ устроенный. Онъ издалъ, кромѣ своей книги о «Лунѣ», превосходныя фотографіи этого спутника. Онъ открылъ также, что дискъ солнца, за исключеніемъ мѣстъ занятыхъ пятнами, покрытъ безчисленными, свѣтящимися листообразными полосками. Такова личность этого настоящаго героя XIX столѣтія, въ которомъ практическая дѣятельность механика соединяется съ созерцательными изслѣдованіями астронома. Молотъ и телескопъ оказали одинаково огромныя услуги человѣчеству въ рукахъ ученаго дѣятеля, опытомъ и размышленіемъ доказавшаго, что все искусство состоитъ «въ примѣненіи здраваго смысла къ употребленію матеріаловъ».

— Но, кромѣ практическихъ мыслителей, изслѣдователей положительныхъ наукъ, нашъ вѣкъ производитъ не мало тревожныхъ, эксцентрическихъ умовъ, напоминающихъ отчасти авантюристовъ и дѣятелей XVI столѣтія. Такую личность обрисовалъ замѣчательный молодой итальянскій ученый Чезаре Ломброзо (р. въ 1836 г.), мало знакомый русской публикѣ, хотя извѣстный въ Италіи своими трудами болѣе двадцати лѣтъ. Только въ послѣднее время наша періодическая печать сообщила нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній о его капитальномъ трудѣ: «Человѣкъ, какъ преступникъ» (L'uomo delinquente). Но еще замѣчательнѣе трудъ его, вышедшій въ прошломъ году четвертымъ изданіемъ: «Геній и безуміе» (Genio e follia). Редакторъ ученаго журнала «Архивъ психіатріи и уголовной науки» (Archivio di Psichiatria e scienza penale) высоко цѣнимаго иностранными юристами и врачами, Ломброзо прославился, какъ ревностный пропагандистъ теоріи, видящей въ преступникѣ субъекта, дѣйствующаго въ силу ненормальнаго, болѣзненнаго состоянія своего организма. Этотъ-то исключительный организмъ, слѣдствіе психіатрическихъ особенностей, подавляетъ свободную волю человѣка и заставляетъ его совершать преступленія. Въ книгѣ «Геній и безуміе» Ломброзо доказываетъ, что геній одна изъ формъ ненормальнаго, психическаго состоянія человѣка, что Наполеонъ, Байронъ, Дантъ, Галилей, Рафаэль и пр. были не болѣе, какъ безумцы, то есть органически и психически ненормальные люди. Для насъ русскихъ, теорія эта не нова, и еще высокоталантливый Герценъ, въ лицѣ созданнаго имъ блестящаго типа доктора Крупова, доказывалъ, что почти у всѣхъ мало развитыхъ людей есть своего рода манія, доводящая ихъ нерѣдко до поступковъ и убѣжденій, которые никакъ нельзя признать логичными, а необходимо причислить къ легкому помѣшательству. Въ новомъ своемъ сочиненіи, написанномъ по поводу недавно окончившагося процесса въ Римѣ, Ломброзо развиваетъ ту же теорію. Книга его носитъ на-

званіе: «Два трибуна, изслѣдуемые alienистомъ» (Due tribune studiati da un allienista). Герой процесса, давшій поводъ ученому вспомнить о двухъ трибунахъ XIV и XVII вѣка, Коканьелеръ, редакторъ газеты-памфлета «Ezio» преслѣдующей произволъ и папистскій обскурантизмъ, но, въ то же время, бичующей и радикаловъ, которые, подъ маской народолюбія и патріотизма, скрываютъ эгоистическіе интересы и цѣли. Коканьелеръ былъ членомъ антиклерикальнаго общества, основаннаго въ Римѣ съ цѣлью противодѣйствовать вліянію Ватикана, но увидя, что вожаки общества дѣйствуютъ неискренно, что у нихъ свои личные, неблаговидные разсчеты, вышелъ изъ общества и сталъ осыпать его бранью и насмѣшками въ своей газетѣ. Это не понравилось бывшимъ товарищамъ Коканьелера и они сговорились проучить его—на итальянскій манеръ, съ револьверами въ рукахъ. Редактору устроили засаду, и глава недовольныхъ Тоньети выстрѣлилъ въ него четыре раза и ранилъ въ руку. Нападавшихъ арестовали, но приверженцы ихъ возбудили волненіе въ городѣ, требуя наказанія врагу патріотизма, оскорбителю честныхъ людей. Судъ однако обвинилъ Тоньети въ предумышленномъ покушеніи на убійство и приговорилъ его къ пятилѣтнему тюремному заключенію. Пока производилось слѣдствіе, Коканьелеръ сидѣлъ также въ тюрьмѣ, оставленный всѣми, ненавидимый правительствомъ за жестокія нападки на министровъ и аристократовъ, ненавидимый народомъ за обличеніе мнимыхъ друзей народа и либераловъ — клерикалами и папистами за насмѣшки надъ непогрѣшимостію папы и продѣлками духовенства. Но въ прошломъ ноябрѣ въ то время, когда слѣдователь убѣдился, что Коканьелеръ только защищался отъ напавшихъ на него негодяевъ и что поэтому его незачто было посадить въ тюрьму, происходили общіе выборы въ итальянскій парламентъ. Затибрская часть Рима, населенная бѣднѣйшими рабочими, но считающими себя истинными потомками древнихъ римлянъ, почти единогласно избрала своимъ представителемъ въ парламентъ Коканьелера. До 10,000 народа явилось къ стѣнамъ тюрьмы съ извѣстіемъ объ этомъ избраніи, и такъ какъ депутатъ, состоящій только подъ слѣдствіемъ, не можетъ быть заключенъ въ тюрьму, то Коканьелеръ тотчасъ же былъ выпущенъ на свободу. Толпа подняла его на руки и понесла по всему городу, какъ древняго тріумфатора, съ музыкой и радостными криками. Эта овація была неподготовленною, потому что Коканьелеръ, сидя въ тюрьмѣ, не могъ устраивать въ свою пользу избирательной агитаціи, и какъ человѣкъ, живущій своимъ трудомъ, не могъ деньгами подготовить своего избранія. Буржуазія его ненавидѣла, друзей между правительственными и вліятельными лицами у него не было, и своимъ избраніемъ онъ обязанъ только тому вліянію, которое имѣлъ на народныя массы. Подобныя народныя движенія и увлеченія какимъ нибудь выдающимся дѣятелемъ, выходящимъ изъ толпы, Ломброзо объясняетъ психіатро-зоологическою теоріею переворотовъ и разнаго рода революцій. Съ этой точки зрѣнія, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, онъ разбираетъ личности Савонароллы, предводителя послѣдней китайской революціи Ганъ-Сіонъ-Тіуена, Лютера, Фокса и другихъ историческихъ дѣятелей, увлекавшихъ массы, и руководившихъ народными движеніями, несмотря на то, что въ поступкахъ этихъ лицъ часто не было ни послѣдовательности, ни твердости, ни глубоко обдуманной мысли. Подробнѣе всего Ломброзо разбираетъ двухъ трибуновъ, характеристикѣ которыхъ посвятилъ свою книгу: Кола-ди-Ріензи и Мазаньелло. Римскій трибунъ, сынъ прачки и кабатчика, едва умѣлъ читать

и писать, говорять также былъ не мастеръ, храбростью не отличался, дипломатъ былъ самый непрактичный, а между тѣмъ 30-ти лѣтъ отъ роду пріобрѣлъ такое громадное вліяніе въ Римѣ, что не только подавилъ римскихъ феодаловъ, угнетавшихъ народъ, но и отстоялъ народное самоуправленіе отъ произвола папъ и императоровъ. И тѣ и другіе оффиціально признавали его главенство въ качествѣ народнаго трибуна, оказывали ему почетъ, содержали при немъ своихъ посланниковъ. Онъ далъ народу, находившемуся въ бѣдственномъ безпомощномъ положеніи, благодѣтельные законы, лишилъ патриціевъ права содержать войско и воздвигать укрѣпленные замки; сформировалъ народную милицію, замѣнившую государственную армію, учредилъ первый, не только въ Италіи, но и во всей Европѣ, парламентъ съ истинно народнымъ представительствомъ; сравнялъ въ правахъ съ римскими гражданами жителей всѣхъ итальянскихъ городовъ; постановилъ, чтобы всѣ тяжбы рѣшались не позже двухъ недѣль, установилъ пенсіи для вдовъ и сиротъ, запретилъ азартныя игры, продажу испорченныхъ припасовъ и пр. За 550 лѣтъ до Кавура и Мадзини, онъ доказывалъ необходимость объединенія Италіи для блага народа. У него не было постояннаго войска, готоваго своимъ оружіемъ поддерживать его предписанія; онъ не одерживалъ блистательныхъ побѣдъ; вся сила его заключалась въ громадномъ вліяніи на народъ, и причины этого вліянія представляютъ историческую загадку, которая, по мнѣнію Ломброзо, можетъ быть рѣшена только психіатро-зоологическими изслѣдованіями.

Еще болѣе загадочною представляется личность неаполитанскаго трибуна Мазаньелло, безграмотнаго рыбака, страннаго, непослѣдовательнаго, но который въ нѣсколько дней увлекъ за собою весь народъ, сбросилъ тяготѣвшее на немъ иго испанцевъ, издалъ цѣлый рядъ мудрыхъ законовъ, и заставилъ всѣхъ строго соблюдать ихъ, пока пуля предателя не поразила его на церковной папертн. И здѣсь вліяніе на народъ составляетъ такую же загадку. Оба трибуна проявляли государственную мудрость, гуманныя чувства, благородныя цѣли и, въ то же время, поражаютъ рядомъ сумасбродныхъ, не логичныхъ выходокъ, дающихъ право считать ихъ психически больными людьми. По мнѣнію Ломброзо, всѣ уклоненія отъ нормальнаго организма, въ мозговой и нервной области, вызываютъ соотвѣтствующія уклоненія въ дѣятельности психической. Поэтому-то онъ принимаетъ, что всякое психическое уклоненіе: геніальность, склонность къ извѣстнаго рода преступленіямъ и т. д. суть непосредственныя слѣдствія органическихъ, исключительныхъ особенностей человѣка. Между геніями и преступниками съ одной стороны, и безумными съ другой, гораздо больше сходства, чѣмъ между геніями, преступниками и здоровыми людьми, нормальнаго типа. Съ зоологической точки зрѣнія, большая часть геніевъ, преступниковъ и душевно больныхъ, относится къ одному и тому же разряду; только отъ жизненныхъ обстоятельствъ и степени уклоненія ихъ отъ нормальнаго типа зависитъ, что одни изъ этихъ лицъ попадаютъ въ геніи, другіе въ больницы умалишенныхъ, третьи—въ тюрьмы и на висѣлицы. Но это уже рѣзкія уклоненія отъ законовъ природы. На ряду съ этими тремя разрядами лицъ, существуетъ четвертый, къ которому принадлежатъ лица, обладающія здравымъ смысломъ въ обыкновенной жизни, но по временамъ поступающія до того непрактично и сумасбродно, что ихъ нельзя признать за нормальныхъ людей, хотя съ другой стороны не за что ни посадить въ

тюрьму, ни запереть въ домъ сумасшедшихъ, ни возвести въ геніи. Такихъ людей Ломброзо называетъ «маттоидами», т. е. нѣсколько помѣшанными (отъ итальянскаго слова «matto» помѣшанный). Одинъ изъ главнѣйшихъ признаковъ этого рода заключается въ преданности ихъ извѣстной идеѣ и въ увѣренности, что они должны провести въ жизнь эту идею. Маттоиды большею частію считаютъ себя вдохновенными свыше, какъ Ріенци и Мазаньелло. Ломброзо приводитъ нѣсколько типовъ подобныхъ маттоидовъ, въ которыхъ онъ видитъ психическую ненормальность; многіе изъ нихъ принадлежатъ къ высшимъ учрежденіямъ въ государствѣ: парламенту, сенату, королевскому совѣту, другіе—судьи, священники, писатели, механики; но большая часть занимаютъ извѣстныя должности, пользуются почетомъ и довѣріемъ общества. Коканьелеръ принадлежитъ къ числу такихъ маттоидовъ и далъ поводъ Ломброзо сравнить его съ Ріенци и Мазаньелло и изложить свою теорію. Маттоиды заставляютъ массы преодолевать врожденную имъ инерцію. Народъ консервативенъ по своей природѣ, туго освоивается съ нововведеніями, даже приносящими ему прямую пользу; только страдая отъ лишеній и бѣдствій онъ рѣшается искать улучшенія своей участи и тогда вождями его являются маттоиды, презирающіе дѣйствительность, живущіе въ мірѣ утопій, жертвующіе всѣмъ для осуществленія своихъ идей. Корифеи французской революціи почти всѣ принадлежали къ такимъ людямъ, забывшимъ личный эгоизмъ и соединившимъ въ себѣ фанатическую увѣренность помѣшанныхъ, блистательные разсчеты геніевъ и безпощадные софизмы преступниковъ. Это соединеніе разнородныхъ элементовъ даетъ имъ такую силу, которая побѣждаетъ всѣ препятствія, опровергаетъ всѣ логическіе выводы. Эти лица не создаютъ сами ничего, но проводятъ въ жизнь, въ практику, идеи, выработанныя мыслителями и теоретиками. Они даютъ толчекъ народному движенію и часто достигаютъ успѣха тамъ, гдѣ здравомыслящіе люди, соображающіе ходъ прогресса съ законами природы и исторіи, теряютъ напрасно свои силы. Если они успѣваютъ, если перевороты, совершаемые ими оставляютъ прочные, благородные слѣды—ихъ называютъ геніями, благодѣтелями человѣчества; если они не имѣютъ успѣха — ихъ считаютъ сумасшедшими, если къ тому же попытки ихъ приносятъ зло и вредъ — ихъ называютъ преступниками, и, такимъ образомъ, поступки, однородные по замыслу, но различные по исполненію, вращаются все въ томъ же роковомъ кругу генія, безумства и преступленія, куда отнесъ ихъ Ломброзо и надъ которымъ нельзя не задуматься и скромному мыслителю и наслѣдователю судебъ человѣчества.

СМѢСЬ.

Тысячелѣтній юбилей св. Ольги. 11-го іюля, Псковъ праздновалъ тысячелѣтній юбилей св. княгини Ольги. Другіе города не откликнулись на это торжество, и только въ имѣніи великаго князя Михаила Николаевича, Дудергофѣ, въ тотъ же день освященъ небольшой храмъ во имя этой святой, начатый постройкою въ 1879 году, по проекту архитектора Токарева. Въ Псковѣ празднество началось еще 10-го іюля, панихидой по всѣмъ князьямъ псковскимъ и русскимъ государямъ, до Александра II включительно. Затѣмъ слѣдовалъ обычный крестный ходъ къ часовнѣ св. Ольги, и только небольшая часть его отправилась на мѣсто рожденія княгини, погостъ Выбутки, въ 12 верстахъ отъ города, гдѣ она была перевозчицей черезъ рѣку Великую, и гдѣ, по преданію, познакомился съ нею князь Игорь, сдѣлавшій ее впослѣдствіи своею женою. 11-го іюля, послѣ торжественной литургіи, былъ также крестный ходъ на городскую площадь, гдѣ, на устроенной эстрадѣ, былъ молебенъ. Крестный ходъ обошелъ также набережную Великой, нѣсколько улицъ, и такъ называемую Среднюю стѣну, съ массою хоругвей разныхъ цвѣтовъ и видовъ, и съ тридцатью историческими иконами въ серебряныхъ и золоченыхъ ризахъ. Потомъ городскимъ головою данъ былъ, какъ водится, парадный обѣдъ въ дворянскомъ собраніи, въ присутствіи начальника губерніи, представителей разныхъ учрежденій и проч. Городская дума постановила въ честь юбилея учредить училище для дѣвочекъ, съ преподаваніемъ въ немъ ремеслъ и рукодѣлій. Обсуждался также вопросъ о постройкѣ храма во имя св. Ольги, для чего общество хотѣло испросить разрѣшеніе на учрежденіе повсемѣстной подписки, но вопросъ этотъ такъ и остался открытымъ, хотя, дѣйствительно, если гдѣ слѣдовало бы воздвигнуть храмъ этой святой, то именно въ Псковѣ, мѣсторожденіи первой исторической женщины, и первой христіанки на Руси. На нее, какъ на идеалъ женщины какъ на мудрѣйшую правительницу русской земли, смотрятъ лѣтописи, передавшія намъ образъ этой замѣчательной личности. Народъ сохранилъ объ ней множество пре-

данiй, конечно украшенныхъ фантазiею, но въ основѣ которыхъ, лежать все-таки историческiе факты. Въ прошломъ году И. С. Ремезовъ издалъ, въ числѣ своихъ книгъ для народнаго чтенiя, очень хорошо составленную бiографiю княгини. Ольга отличалась мудростью, по тогдашнимъ понятiямъ синонимомъ хитрости. Месть ея за убитаго мужа считалась священнымъ долгомъ. По нашимъ понятiямъ Ольга кажется коварной и жестокой, но при тогдашней неразвитости общественныхъ отношенiй, месть за родичей, замѣнявшая правосудiе, была естественнымъ закономъ, управлявшимъ тогдашнимъ обществомъ. Героемъ правды, образцовымъ гражданиномъ, блюстителямъ закона, являлся тотъ, кто умѣлъ лучше отомстить, и Ольга, которую внукъ ея Владимiръ, называлъ «мудрѣйшею изъ всѣхъ людей», прославилась именно тѣмъ, что умѣла достойно отомстить за смерть своего мужа. Къ ней относились съ особеннымъ уваженiемъ за то, что она мстила съ изысканной жестокостью, хитростью взявъ Коростенъ, обманувъ древлянскихъ пословъ, и въ Цареградѣ перехитривъ самого императора, хотя греки считались всегда самымъ лукавымъ и хитрымъ народомъ. Ольга была также первою устроительницею земли русской и первою законодательницею: она установила количество и видъ дани, опредѣлила правила для ея выполненiя, сама объѣзжала свою землю, вводя вездѣ хозяйственныя распоряженiя; установила земскiй строй, наконецъ первая приняла христiанство въ Царьградѣ, понимая превосходство этой религiи надъ вѣрою въ бездушныхъ идоловъ. Но въ то же время она рѣшила быть самостоятельною княгинею на Руси, и не приняла предложенiя императора Константина Багрянороднаго—сдѣлаться его женою. Преданiе говоритъ, что въ этомъ случаѣ Ольга обманула его, потребовавъ прежде, чтобы императоръ былъ ея воспрiемникомъ при крещенiи, а потомъ отвѣтивъ ему, что по христiанскому закону, крестный отецъ не можетъ жениться на своей крестницѣ. Константинъ самъ описалъ все это событiе, и изъ описанiя видно, что прiемъ русской княгини въ Константинополѣ далъ ей почувствовать разстоянiе, отдѣлявшее ее отъ императора. Но Ольга сама поставила себя выше всѣхъ знатныхъ гречанокъ, привѣтствовавъ Константина только легкимъ поклономъ, въ то время когда всѣ остальныя падали передъ нимъ ницъ. Этимъ поступкомъ она внушила къ себѣ уваженiе, и вернулась въ Кiевъ съ богатыми дарами. Она не успѣла однако же уговорить принять христiанство своего сына Святослава, боявшагося насмѣшекъ своей дружины. Но примѣръ христiанки-княгини имѣлъ конечно громадное влiянiе на ея народъ.

Памятникъ Богдану Хмельницкому. Неутѣшительныя извѣстiя сообщаютъ мѣстныя газеты о ходѣ сооруженiя въ Кiевѣ памятника Хмельницкому. Комитетъ, завѣдующiй этимъ сооруженiемъ, постоянно нуждается въ денежныхъ средствахъ, и не имѣетъ никакихъ источниковъ, кромѣ сбора добровольныхъ пожертвованiй. Самый памятникъ, нѣсколько разъ передѣлываемый, послѣ самыхъ разнообразныхъ мытарствъ, былъ наконецъ оконченъ М. О. Микѣшинымъ. Но пьедесталъ его, на которомъ проектировано было нѣсколько группъ, по смѣтѣ долженъ былъ стоить до 100 тыс. руб. Эту сумму комитетъ нашелъ невозможнымъ пожертвовать и замѣнилъ пьедесталъ просто проектомъ землянаго кургана, и проектъ получилъ высочайшее утвержденiе. Но инженеры-техники признали и пьедесталъ-курганъ неудобнымъ, по его непрочности, такъ какъ онъ требовалъ бы постояннаго ремонта и ухода. Приходилось придумать еще что нибудь проще и дешевле. Художникъ-академикъ г. Сычуговъ составилъ проектъ пьедестала въ 3 тысячи руб. Эту сумму комитетъ могъ истратить и, въ половинѣ марта, приступилъ къ работамъ, но въ апрѣлѣ присланъ былъ новый, утвержденный проектъ кургана, только не изъ земли, а изъ неправильныхъ кусковъ гранита. На это по смѣтѣ требовалось 17 тысячъ. Сумма, для пополненiя которой, по

словамъ комитета, не предвидится никакой возможности. Между тѣмъ артель каменотесовъ была нанята до 1-го октября. Поэтому комитетъ рѣшилъ продолжать работы до этого срока, не желая нарушить контрактъ съ рабочими, и разсчитывая, что каменныя плиты, которыя будутъ вытесаны въ это время, могутъ пригодиться для рѣшетки, тротуара и т. п. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не находя источника къ пополненію недостающихъ 12 тысячъ, комитетъ постановилъ прекратить съ 1-го октября всѣ работы по сооруженію памятника, и даже не предвидитъ, когда можно будетъ возобновить постройку. Такимъ образомъ, столько лѣтъ тому назадъ задуманный и уже исполненный г. Микѣшинымъ памятникъ остается неоконченнымъ, если не придутъ на помощь частныя пожертвованія.

Археологическій съѣздъ въ древнемъ Галичѣ. Стольный городъ русскихъ князей, куда при Романѣ и Даніилѣ Галицкихъ перешелъ отъ Днѣпра центръ жизни южной Руси, теперь бѣдный городокъ на Днѣстрѣ, въ которомъ нѣтъ и 3 тысячъ жителей. А между тѣмъ это одно изъ древнѣйшихъ поселеній въ славянскихъ земляхъ. Въ самыя отдаленныя времена, на высокомъ берегу Днѣстра, возникло городище съ валами, подземнымъ ходомъ, и капищемъ богини Лады. На мѣстѣ этого капища выстроена впослѣдствіи церковь во имя Богородицы, а на городищѣ князь Владимірко, въ началѣ XII столѣтія, выстроилъ укрѣпленный замокъ, увеличенный при Казимірѣ великомъ, присоединившимъ Галичъ къ Польшѣ. Эта столица князей Галицкихъ вела обширную торговлю съ греческими черноморскими колоніями; въ нее съѣзжались иноземные гости, пріобрѣтавшіе мѣха, лѣсъ, медъ и въ особенности янтарь. Одна изъ мѣстностей Галича до сихъ поръ сохранила названіе «Бурштина», т. е. янтаря. Храбро отражали галичане нападенія мадьяръ, литвы, поляковъ, монголовъ, но полчища хана Бату превратили Галичъ въ груду развалинъ, и онъ не возставалъ уже съ той поры. Столица Галиціи была перенесена во Львовъ. Изъ многихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, память которыхъ сохранилась въ преданіяхъ народа и названіяхъ мѣстностей, уцѣлѣла только одна церковь Богородицы. Но послѣ многихъ вѣковъ забвенія, древняя столица Червонной Руси начала возрождаться, благодаря усиліямъ и изслѣдованіямъ знатока галицкой старины, доктора Шараневича. Вмѣстѣ съ львовскимъ профессоромъ Захарьевичемъ и уніатскимъ священникомъ Лаврецкимъ, онъ началъ археологическіе поиски, на собственный счетъ, и отрылъ фундаменты нѣсколькихъ церквей: св. Спаса, и др. опредѣлилъ мѣсто церкви св. Пантелеймона, изъ развалинъ которой при Сигизмундѣ III выстроенъ монастырь францисканов. Въ этихъ развалинахъ онъ нашелъ много полированныхъ изразцовъ, бронзовыхъ издѣлій, крестовъ и складней, со слѣдами эмали и позолоты, обломки камней, со слѣдами живописи и много другихъ вещей. Для того, чтобы опредѣлить дальнѣйшія работы, по слѣдамъ Шараневича, предсѣдатель археологическаго общества, извѣстный писатель графъ Дѣдушицкій, депутатъ рейхстрата и галицкаго сейма, созвалъ съѣздъ руссинскихъ и польскихъ ученыхъ, открытый въ Галичѣ 28-го іюня. По ходатайству Дѣдушицкаго, сеймъ ассигновалъ для изслѣдованія 2 тысячи гульденовъ. На съѣздъ прибыли въ Галичъ краковскіе академики: извѣстный археологъ профессоръ Лепковскій, предсѣдатель отдѣла раскопокъ первобытныхъ древностей А. К. Киркоръ, бывшій редакторъ «Виленскаго Вѣстника» и «Новаго Времени». Произносилось много рѣчей. Графъ Дѣдушицкій, богатый польскій панъ, въ родствѣ съ первыми представителями польской аристократіи, прямо назвалъ себя русиномъ, говорилъ съ любовью и увлеченіемъ о прошломъ величіи, о славномъ историческомъ значеніи Галича и Червонной Руси, «своего дорогого отечества». Члены съѣзда сами на мѣстѣ производили раскопки, отрыли развалины одной церкви, и подробно изслѣдовали древнее городище въ Кры-

лосѣ, съ сохранившимися до нашего времени валами. Результаты съѣзда были весьма важны; онъ постановилъ слѣдующее:

Соборную церковь Богородицы, въ Галичѣ, съ которою связано такъ много воспоминаній для галицкихъ русиновъ, реставрировать и возстановить въ первоначальномъ ея видѣ; земли, на которыхъ отрыты развалины древнихъ храмовъ, пріобрѣсти въ собственность, на счетъ страны, и обезпечить ихъ навсегда отъ разрушенія; при церкви Богородицы воздвигнуть особое зданіе: музей древностей, помѣстивъ въ немъ всѣ предметы, добытые изъ развалинъ, и все то, что будетъ отыскано при дальнѣйшихъ раскопкахъ. Этимъ путемъ представится возможность не только сохранить навсегда эти предметы, но при научныхъ изслѣдованіяхъ связать ихъ съ мѣстною исторической топографіей. Рѣшено также возобновить и костелъ св. Станислава, съ сохраненіемъ, по возможности, прежняго стиля. Докторъ Шараневичъ обѣщалъ продолжать свои изслѣдованія и раскопки, а Дѣдушицкій ходатайствовать у сейма средства для продолженія начатыхъ и исполненія предположенныхъ работъ.

Сорокалѣтній юбилей Брайта. На Западѣ праздновалось въ это время нѣсколько юбилеевъ. Первымъ изъ нихъ былъ юбилей самаго популярнаго человѣка во всей Англіи, послѣ Гладстона, Джона Брайта. Знаменитому поборнику свободы вообще, и женской въ особенности, уже 72 года, но онъ все еще свѣжъ и бодръ, и также твердо и высоко держитъ знамя либерализма, какъ и при началѣ своей политической и общественной дѣятельности. Простой работникъ бумаго-прядильной фабрики въ дни своей молодости, онъ близко ознакомился съ бытомъ рабочихъ и выступилъ горячимъ защитникомъ ихъ интересовъ. Самый дѣятельный членъ лиги противъ хлѣбныхъ законовъ, онъ съ первыхъ рѣчей своихъ въ парламентѣ, 1863 года, возстановилъ противъ себя всѣхъ консерваторовъ. Избранный, въ 1867 году, депутатомъ Манчестера, онъ десять лѣтъ отстаивалъ свободу торговли и промышленности. Съ 1858 года онъ былъ представителемъ Бирмингама, и теперь этотъ городъ, празднуя 40 лѣтъ политической дѣятельности Брайта, празднуетъ 25-ти-лѣтній юбилей его представительства отъ этого города. Про эту послѣднюю четверть вѣка можно сказать то же, что и про всю жизнь проповѣдника свободныхъ идей: онъ ни разу не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, всегда былъ сторонникомъ всякой либеральной мѣры, защитникомъ, другомъ рабочаго класса. «Ваше имя будетъ занесено на страницы исторіи Англіи» говорится въ адресѣ бирмингамской либеральной ассоціаціи. Процессія въ 12,000 человѣкъ провожала его на вокзалъ; въ рѣчахъ торжественно заявляли, что принципы защищаемые Брайтомъ, нашли полное сочувствіе и входять въ жизнь народа. Какъ велико вліяніе Брайта въ Англіи, лучше всего доказываетъ недавній случай въ парламентѣ. Остъ-индскій генералъ-губернаторъ лордъ Рипонъ давно уже не пользуется благосклонностью большинства эгоистичныхъ и безсердечныхъ членовъ англійской аристократіи; они недовольны имъ за то, что онъ гуманно относится къ индусамъ, старается сколько можно облегчить тяжелый гнетъ англійскаго владычества и даетъ имъ, хотя и въ микроскопическихъ размѣрахъ, мѣстное самоуправленіе. По мнѣнію лордовъ, это лишаетъ Англію ея престижа, уменьшаетъ ея политическое могущество, и палата, по поводу одной незначительной законодательной мѣры Рипона, рѣшила протестовать противъ его управленія Индіею и требовать у правительства его отставки. Быстро сформировалось большинство, враждебное губернатору, и онъ долженъ былъ бы неминуемо сдѣлаться жертвою интриги и нетерпимости лордовъ. Но, противникъ всякой неправды, Брайтъ на митингѣ, произнеся блистательную рѣчь въ защиту Рипона и его индійской политики, доказалъ какъ незначительны облегченія, требуемыя для туземцевъ Рипономъ, дѣйствующимъ во имя правды и гуманности. До-

воды Брайта были такъ краснорѣчивы, аргументы такъ убѣдительны, что аристократія постыдилась своей несправедливости и большинство высказалось за одобреніе мѣръ, принятыхъ генералъ-губернаторомъ.

Столѣтній юбилей Боливара. Южная Америка также праздновала столѣтіе дня рожденія своего освободителя Боливара. Европа почти забыла этого борца за независимость своей родины, а между тѣмъ не мѣшаетъ напомнить о томъ, что̀ сдѣлалъ для своего отечества этотъ Вашингтонъ Южной Америки, посвятившій всю жизнь освобожденію своихъ согражданъ отъ невыносимаго гнета Испаніи. Изъ Каракаса, гдѣ онъ родился, молодой Боливаръ отправился для довершенія своего образованія въ Европу. Думая только о благѣ своихъ согражданъ, онъ изучалъ политическую экономію, съ цѣлью улучшить бытъ рабочаго класса. Выучившись французскому, итальянскому, англійскому и нѣмецкому языкамъ, онъ слушалъ лекціи въ городахъ Европы и Сѣверной Америки и, вернувшись на родину, началъ подвигъ освобожденія съ того, что далъ свободу неграмъ, работавшимъ на его земляхъ. Положеніе Южной Америки было самое печальное. Восстанія 1780, 87, 94 и 97 годовъ были потушены въ крови инсургентовъ. Въ 1811 году Боливаръ сталъ подъ знамена Миранды, но этотъ инсурекціонный вождь, вслѣдствіе неудачныхъ операцій, принужденъ былъ капитулировать и, вопреки подписаннымъ условіямъ, вмѣсто отправленія въ ссылку, былъ схваченъ, увезенъ въ Европу и посаженъ въ мадридскую тюрьму. Испанцы преслѣдовали побѣжденныхъ съ неслыханною жестокостью. Намѣстникъ Монтеверде изобрѣталъ всякій день новые заговоры, чтобы захватить богатыя семейства, налагать чудовищныя пени на города и цѣлыя общины. Онъ выпустилъ изъ тюрьмы преступниковъ, вооружилъ ихъ и приказалъ имъ истреблять инсургентовъ, ихъ земли и имущества. Но въ 1812 году Боливаръ, съ войскомъ всего въ тысячу человѣкъ, разбилъ во всѣхъ сраженіяхъ Монтеверде и его многочисленную армію, выгналъ его изъ Венецуэллы и заставилъ бѣжать, чтобы спастись отъ мести своихъ собственныхъ солдатъ. Освободивъ отъ непріятеля всѣ города Колумбіи, Боливаръ получилъ отъ народа титулъ освободителя (Liberador) и диктаторскую власть. Онъ хотѣлъ отказаться отъ нея на конгресѣ 1814 года, но война приняла снова такой оборотъ, что онъ долженъ былъ сохранить свои полномочія, хотя принужденъ былъ бѣжать и скрываться сначала на островѣ Ямайкѣ, потомъ въ Гаити. Неистовства испанцевъ въ это время превзошли всякую мѣру: до 600 патріотовъ были казнены рукою палача; убивали молодыхъ дѣвушекъ, братья которыхъ сражались въ рядахъ инсургентовъ. 1815 и 1816 годъ были гибельны для республиканцевъ, но въ декабрѣ 1816 года, Боливаръ съ тремя стами сподвижниковъ неожиданно высадился на островъ Маргариты, овладѣлъ имъ, потомъ учредилъ временное правительство на твердой землѣ въ Барселонѣ, сжегъ свои суда, чтобы отрѣзать себѣ путь къ отступленію и двинулся противъ непріятеля. Въ 1817 году онъ уже освободилъ всю страну отъ устья Ореноко до Даріенскаго залива. Въ то же время происходили упорныя, кровавыя битвы на берегахъ Тихаго океана, у подножья Кордильеръ, на песчаныхъ равнинахъ вдоль Гвіаны. Въ слѣдующемъ году успѣхи патріотовъ были еще блистательнѣе и рѣшительнѣе. Менѣе чѣмъ въ 50 дней Боливаръ очистилъ болѣе 300 миль отъ непріятеля и, сражаясь почти каждый день, выигралъ пять большихъ битвъ отъ 12-го по 17-е февраля. 15-го августа, 20,000 испанцевъ легли подъ Венецуэллой и въ ноябрѣ правительство города и области объявило ее независимой республикой. Въ 1819 году, она соединилась съ Новой Гренадой подъ названіемъ республики Колумбіи и президентомъ былъ избранъ Боливаръ, облеченный диктаторской властью; генералъ Морильо, много разъ побѣжденный Боливаромъ, появился снова въ Новой Гренадѣ съ новыми, свѣжими силами, но при Бойяко былъ разбитъ на голову втрое слабѣйшею арміею республиканцевъ. Въ 1820 году, Испанія потребовала наконецъ переми-

рія съ цѣлью выиграть время и собрать новые полки. Боливаръ, не ожидая возобновленія войны, снова отказался отъ диктатуры, желая быть только простымъ гражданиномъ въ республикѣ, но когда испанцы возобновили враждебныя дѣйствія, принялъ начальство надъ республиканскими войсками, взялъ крѣпость Картагену, города Тенерифъ, Кунегу и Санта-Марту. Послѣ сраженія при Карабобо и Кумана, желтый флагъ съ семью звѣздами взвился во всей странѣ. Въ 1821 году, Панама провозгласила свою независимость. Въ слѣдующемъ году испанцы начали новую кампанію, но были окончательно разбиты въ сраженіи при Пичинчи, и Боливаръ провозглашенъ президентомъ Перуанской республики. Никогда ни одного героя не встрѣчалъ народъ съ такимъ восторгомъ, да и никто не заслуживалъ такой народной привязанности, какъ Боливаръ. Онъ принялъ «ненавистную» ему диктатуру для того, чтобы прекратить гражданскіе раздоры и дать укрѣпиться новому порядку вещей, но граждане должны были обѣщать ему, что «никакой Наполеонъ, во имя свободы не уничтожитъ ту свободу, которую они купили цѣною своей крови и не присвоитъ себѣ воинской славы, принадлежащей всѣмъ гражданамъ». Въ 1823 году, испанцы были окончательно изгнаны изъ Южной Америки. Независимость ея, скрѣпленная конфедераціею республикъ Перу, Чили, Буэнос-Айреса, Ріо-де-ла Плата и Мексики была признана Англіею и Сѣверо-американскими штатами, но еще въ слѣдующемъ году испанцы попытались возвратить утраченную власть въ Перу. Блистательная побѣда республиканцевъ при Аякуча положила конецъ войнѣ за освобожденіе и владычеству испанцевъ въ Америкѣ. Боливаръ сложилъ съ себя неограниченную власть и отказался отъ статуи, которую хотѣли поставить ему граждане Каракаса. «Не воздвигайте никогда памятника живому человѣку, сказалъ онъ: человѣкъ можетъ измѣниться. Подождите моей смерти, чтобы судить обо мнѣ безъ предубѣжденія». И согражданамъ его пришлось ждать недолго. Здоровье его было потрясено заботами военной жизни, а послѣдніе годы—тяжелымъ положеніемъ освобожденной имъ страны, клеветою враговъ, неблагодарностью и честолюбіемъ друзей. Генералы, сражавшіеся за освобожденіе родины, начали составлять противъ нея заговоры, съ цѣлью захватить власть въ свои руки; монархисты стали подсылать наемныхъ убійцъ, чтобы избавиться отъ Боливара; стали обвинять его въ желаніи сдѣлаться императоромъ. Онъ рѣшился обречь себя на добровольное изгнаніе изъ отечества, но на пути умеръ въ 1830 году, 47-ми лѣтъ. Конгресъ передъ его смертью назвалъ его «первымъ гражданиномъ Колумбіи» и незначилъ ему пенсію въ 40,000 р., которою ему не пришлось воспользоваться. Такова была незавидная судьба этого истинно великаго человѣка и гражданина.

Четырехстолѣтній юбилей Лютера. 8-го августа, Германія съ особенною торжественностью праздновала въ Эрфуртѣ четырехстолѣтній юбилей своего великаго реформатора. Это былъ дѣйствительно національный праздникъ. День начался богослуженіемъ въ церкви августиновъ. Порядокъ въ городѣ господствовалъ образцовый. Студенческія депутаціи прибыли не только изо всѣхъ германскихъ университетовъ, но даже изъ Упсалы, и шведская депутація принесла привѣтъ короля Оскара городу Эрфурту. Городъ былъ украшенъ по праздничному, вездѣ вывѣшены портреты Мартина Лютера, на всѣхъ дверяхъ и воротахъ начертаны его псалмы и стихотворенія. Дома исчезали подъ массою зелени; черезъ улицы были перекинуты гирлянды изъ дубовыхъ листьевъ и живыхъ цвѣтовъ, импровизованы бульвары изъ молодыхъ елей, дубковъ и березокъ. Вездѣ возвышались высокія мачты съ развѣвающимися національными флагами, на многихъ яркими буквами выступали слова гимна Лютера «Eine feste Burg ist unser Gott». Но почему память этого важнаго историческаго событія праздновалась именно въ Эрфуртѣ? Эту честь могли справедливо оспаривать у Эрфурта Эйслебенъ, гдѣ Лютеръ родился, Виттенбергъ и Вормсъ, гдѣ онъ вступилъ въ открытую борьбу съ папствомъ; но Эрфуртъ былъ избранъ потому, что городъ этотъ достаточно богатъ, чтобы

обставить празднество подобающею торжественностью, вмѣстить въ себѣ многочисленныхъ гостей, а также потому, что изъ всѣхъ городовъ, бывшихъ театромъ дѣятельности Лютера, онъ пользуется большими выгодами центральнаго положенія. Къ тому же Эрфуртъ справедливо считаетъ себя умственною родиною реформатора. Лютеръ слушалъ лекціи въ знаменитомъ въ то время эрфуртскомъ университетѣ и въ Эрфуртѣ же поступилъ послушникомъ въ августинскій монастырь. Причины, побудившія зажиточнаго, веселаго магистра юриспруденціи Лютера поступить въ монастырь, до сихъ поръ еще не достаточно изслѣдованы. Извѣстно только, что въ одну прекрасную ночь онъ пригласилъ друзей на прощальную пирушку и, не дождавшись конца ея, вышелъ, никѣмъ не замѣченный, изъ дома и отправился въ монастырь. Здѣсь онъ впервые убѣдился въ недостаткахъ монашескихъ орденовъ, въ заблужденіяхъ римскаго церковнаго ученія. Сдѣлавшись священникомъ, Лютеръ получилъ каѳедру въ только что основанномъ виттенбергскомъ университетѣ. Здѣсь онъ впервые выступилъ въ роли реформатора, но первый городъ, который безусловно и восторженно примкнулъ къ Лютеру, былъ именно Эрфуртъ. Когда Лютеръ, отправляясь въ Вормсъ, прибылъ въ Эрфуртъ, у воротъ города встрѣтилъ его блестящій кортежъ, точное воспроизведеніе котораго составило одинъ изъ главныхъ нумеровъ програмы нынѣшнихъ эрфуртскихъ праздниковъ. Лютеръ отправился на имперскій сеймъ, засѣдавшій въ Вормсѣ, и городъ Эрфуртъ, желая произвести извѣстное давленіе на сеймъ, оказалъ Лютеру королевскія почести. Кортежъ начала XVI столѣтія былъ воспроизведенъ съ величайшею точностью и роскошью. Историческое шествіе, въ память Лютера, состоялось при благопріятной погодѣ и было великолѣпно. Въ главѣ процесіи шли ландскнехты; за ними слѣдовали, верхомъ, студенты и профессора, патриціи, патриціанки, лютерова колесница съ изображеніемъ Лютера и его друзей, также торгаускіе латники. Во многихъ мѣстахъ шествіе было встрѣчено разставленными по дорогѣ хорами пѣвцовъ. На площади Фридриха-Вильгельма придворный проповѣдникъ Рогге произнесъ рѣчь въ честь великаго реформатора.

† Московскія газеты сообщили, что еще въ половинѣ іюля умеръ одинъ изъ рѣдкихъ ученыхъ, представлявшихъ образецъ честнаго отношенія къ дѣлу и непоколебимой твердости въ общественныхъ столкновеніяхъ: Алексѣй Егоровичъ Викторовъ—хранитель отдѣленія рукописей московскаго румянцевскаго музея, трудами котораго, можно сказать, создалось это отдѣленіе (когда онъ вступилъ въ музей, тамъ было всего 500 рукописей; теперь ихъ больше 5,000). Онъ издалъ «Славянорусскія рукописи В. М. Ундольскаго»; описаніе рукописей П. И. Севастьянова, И. Д. Бѣляева, составилъ библіографію письменныхъ источниковъ русской археологіи и проч. Онъ умеръ въ Пятигорскѣ и похороненъ на одномъ изъ кладбищъ близъ города. Викторовъ былъ членъ академіи наукъ, общества любителей россійской словесности, общества древностей россійскихъ и проч., похороненъ чуть ли не втихомолку. Если бы не случайность, въ Москвѣ и теперь никто бы не зналъ его смерти. Онъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, кавалеръ нѣсколькихъ орденовъ, всю жизнь, до самой смерти и непрерывно и безустанно работавшій, похороненъ на счетъ полиціи, которая ассигновала на его похороны, какъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, сто рублей.

† Въ Краковѣ умеръ въ бѣдности, какъ большинство славянскихъ писателей, человѣкъ, о которомъ у насъ мало знали, но который заслуживалъ глубокой симпатіи, потому что посвятилъ всю свою жизнь, весь свой талантъ служенію той идеѣ, которая воодушевляетъ также и лучшихъ русскихъ людей. Владиславъ Анчицъ родился въ 1824 г. въ Вильнѣ, и въ теченіи почти сорокалѣтней литературной дѣятельности вдохновлялся одною мыслью—служенія народу. Отецъ его былъ актеръ, мать актриса; отъ нихъ онъ наслѣдовалъ любовь къ театру, но родители не желали, чтобы сынъ

былъ актеромъ, и молодой Анчицъ кончилъ курсъ въ краковскомъ университетѣ со степенью магистра фармаціи и сдѣлался провизоромъ. Занимаясь въ аптекѣ приготовленіемъ лекарствъ для исцѣленія тѣлесныхъ недуговъ, онъ постоянно думалъ о тѣхъ недугахъ, которыми страдаетъ до сихъ поръ народная масса. Что эта мысль тогда уже занимала его, видно изъ перваго его зрѣлаго произведенія, «Крестьяне-аристократы» появившагося въ концѣ 1849 года и доставившаго Анчицу громкую извѣстность. Это была драматическая картинка изъ народной жизни. Въ этомъ произведеніи Анчицъ вступилъ на путь, которому слѣдовалъ въ теченіи всей жизни. Слѣдовавшая затѣмъ комедія «Крестьянская эмиграція» получила премію. Третья пьеса въ томъ же родѣ изображала жизнь крестьянъ, работающихъ на плотахъ и паромахъ. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ авторъ явился не только тонкимъ наблюдателемъ крестьянской жизни, но умѣлъ дать себѣ отчетъ въ ненормальныхъ ея условіяхъ и задался вопросомъ, какъ ихъ устранить. Вся его послѣдующая дѣятельность служила отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Главный недугъ крестьянства онъ видѣлъ въ невѣжествѣ и, поэтому, дѣлалъ все, чтобы разсѣять мракъ и внести живительный свѣтъ науки въ крестьянскую жизнь. Онъ составлялъ учебники для крестьянскихъ дѣтей (нѣсколько поколѣній уже воспиталось на этихъ учебникахъ), популяризовалъ науку (исторію, физику, географію), издавалъ въ Варшавѣ лучшій изъ польскихъ народныхъ журналовъ («Kmiotek»—«Мужичекъ», 1861—1866), создалъ драмы изъ крестьянской жизни. До него польская драматическая литература не возвышалась въ изображеніи крестьянской жизни надъ буколической поэзіею, Анчицъ первый вывелъ на сцену мужика такимъ, какимъ онъ есть, съ его горемъ, съ его шумнымъ весельемъ, запахомъ сивухи и навоза, грубыми шутками и ругательствами и, въ то же время, со всѣми его симпатичными сторонами: съ самороднымъ юморомъ, добродушіемъ, здравымъ разумомъ. Къ сожалѣнію, онъ не могъ отрѣшиться отъ существующихъ соціальныхъ формъ и видѣлъ, согласно старопольскимъ традиціямъ, все спасеніе только въ разумной и плодотворной дѣятельности помѣщика и ксендза; племенная вражда также звучала въ его произведеніяхъ. Типы помѣщика, ксендза и добродѣтельнаго крестьянина выходятъ у него ходульными, а фабула драмы рѣдко реальна и убѣдительна.

† Англійскій генералъ Вилліамсъ, имя котораго осталось и въ русской исторіи, родился въ 1800 году въ Аннаполисѣ, въ Новой Шотландіи. 25-ти лѣтъ онъ поступилъ въ артиллерію, въ 1840 году получилъ чинъ капитана и перешелъ въ турецкую службу. Въ Эрзерумѣ онъ принималъ участіе, вмѣстѣ съ турецкими и персидскими уполномоченными, въ мирномъ трактатѣ 1847 года. Въ 1848 году, въ званіи англійскаго коммисара, онъ участвовалъ въ проведеніи границы между Турціей и Персіей и получилъ за это орденъ Бани. Въ 1854 году, онъ находился въ штабѣ лорда Раглана и былъ очень полезенъ ему знаніемъ Востока. Участвуя въ первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи, онъ сдѣланъ былъ скоро полковникомъ, потомъ генералъ-маіоромъ. Въ слѣдующемъ году, собравъ отряды турецкой арміи, дѣйствовавшей на границахъ Анатоліи, онъ заперся съ ними въ крѣпость Карсъ и назначенъ былъ ея комендантомъ. Отразивъ первый штурмъ Муравьева, онъ получилъ за это отъ султана титулъ мушира (главнокомандующаго), но черезъ два мѣсяца, испытавъ всѣ бѣдствія голода, принужденъ былъ сдаться на капитуляцію. Онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и, по заключеніи мира и возвращеніи въ Англію, встрѣченъ тамъ съ особеннымъ восторгомъ. Его сдѣлали начальникомъ вульвичскаго арсенала, выбрали членомъ палаты общинъ. Потомъ онъ былъ начальникомъ войскъ въ Канадѣ, губернаторомъ Гибралтара и, съ 1877 года выйдя въ отставку, жилъ частнымъ человѣкомъ.

† 12-го августа, окончились предсмертныя, длившіяся болѣе мѣсяца, страданія послѣдняго представителя французскаго легитимизма, графа Шам-

бора, или короля Генриха V, какъ его называли роялисты. Никогда, при жизни своей, эта послѣдняя отрасль французскихъ бурбоновъ не возбуждала въ печати стольких толковъ, какъ въ дни, предшествовавшіе его смерти. Когда показались первые симптомы болѣзни, положившей конецъ тихому и мирному житію этого «величества in partibus infidelium», вся пресса наполнилась размышленіями о судьбѣ законной монархіи во Франціи, о наслѣдникахъ короля, принадлежащихъ къ категоріи «praesomptivus», а не «apparens». И не только монархически-скандалезные листки въ родѣ «Figaro» и «Gaulois», но и серьезные органы англійской и нѣмецкой печати посвятили цѣлыя страницы оцѣнкѣ положенія партій, въ виду кончины легитимизма купно съ его главою. Одинъ изъ лучшихъ англійскихъ журналовъ «Edinburg Review», органъ виговъ и министерства Гладстона, высказалъ мнѣніе англійскаго правительства относительно тѣхъ послѣдствій, которыя вызоветъ смерть Шамбора. Нельзя сказать, чтобы мнѣніе это клонилось въ пользу Шамбора, но оно, во всякомъ случаѣ, на сторонѣ его преемниковъ, орлеанскихъ принцевъ. Многіе видятъ даже въ англійскомъ органѣ политическій манифестъ принцевъ, котораго они не осмѣлились помѣстить во французскихъ газетахъ. «Принцъ, говоритъ эта статья, который послѣ смерти графа Шамбора сдѣлается представителемъ дома бурбоновъ, воспитался въ другой школѣ. Фамилія Орлеановъ приняла либеральные принципы первой революціи. Графъ Шамборъ держался, подобно Стюартамъ или Якобитамъ, принципа монархіи, основанной на божественномъ правѣ; орлеанскіе принцы, подобно англійскимъ вигамъ, признали принципъ монархическаго престолонаслѣдія, основаннаго на конституціонномъ договорѣ. Они покинули родину только когда преслѣдованія изгнали ихъ, во время конвента и царствованія двухъ Наполеоновъ. Они служили въ рядахъ арміи и всегда исполняли всѣ обязанности французскихъ гражданъ. Это — французы XIX столѣтія, и основной принципъ ихъ политики—принятіе всякой формы правленія, избраннаго націей, принимая во вниманіе только счастіе Франціи. Они никогда не мечтали создать и организовать политическую партію, въ видахъ личныхъ, династическихъ интересовъ. Вѣрные принципамъ конституціонной монархіи, какъ правительственной системы, согласующей въ наибольшей мѣрѣ свободу, вѣротерпимость и устойчивость, они приняли твердое рѣшеніе—никогда не пробовать дѣйствовать интригой или насиліемъ противъ существующихъ учрежденій, до тѣхъ поръ, пока нація принимаетъ эти учрежденія». Статья оканчивается прямымъ утвержденіемъ, что «у Франціи нѣтъ лучшихъ сыновъ, какъ современные представители ея древнихъ монарховъ». Этотъ, не совсѣмъ скромный панегирикъ орлеанскимъ принцамъ, между которыми нѣтъ ни одной личности, выдающейся изъ уровня заурядныхъ дѣятелей, ярко обрисовываетъ, однако, надежды монархистовъ, старавшихся, въ началѣ болѣзни Шамбора, поднять общественное мнѣніе въ пользу ихъ партіи. Для этого были употреблены всѣ средства: ежечасныя телеграмы, депутаціи, пилигримства, оваціи паломниковъ въ Фрошдорфъ, статьи съ аршинными заголовками: «La maladie de Sa Majesté», «L'Auguste malade», «La France en prière» и пр. Когда же присланный изъ Парижа докторъ, повидимому, спасъ августѣйшаго больного, а въ сущности только продлилъ его страданія, газетные возгласы замолкли и, при возобновившихся припадкахъ, даже телеграфъ сталъ сообщать объ нихъ кратко и отрывисто. Вмѣстѣ съ Генрихомъ Дьедоне, герцогомъ Бордоскимъ, графомъ Шамборомъ, кончилась мужская линія старшей вѣтви французскаго королевскаго дома, родоначальникомъ котораго былъ Людовикъ XIV. Единственными прямыми и законными наслѣдниками этого монарха являются итальянскіе и испанскіе бурбоны; но такъ какъ они, лѣтъ двѣсти тому назадъ, отказались отъ французской національности, то вмѣстѣ съ этимъ потеряли и права на французскій престолъ. Французскій законъ совершенно исключаетъ изъ французской національности лицъ, перешедшихъ въ другую національность. Законными наслѣдниками являются

потомки Филиппа Орлеанскаго, сына Людовика XIII и брата Людовика XIV, и прежде всѣхъ графъ Парижскій, сынъ Луи-Филиппа, старшій представитель орлеанской вѣтви. Этотъ фактъ былъ признанъ и Шамборомъ, когда онъ сдѣлалъ, въ 1873 году, графа Парижскаго своимъ наслѣдникомъ. Это признаніе было подтверждено недавнимъ свиданіемъ графа съ умирающимъ родственникомъ. Жизнь Шамбора была рядомъ политическихъ неудачъ. Убійство его отца предшествовало его рожденію. Ему не было и десяти лѣтъ, когда упрямство его дѣда сдѣлало то, что мальчикъ потерялъ всякую надежду быть когда-либо наслѣдникомъ престола. Въ теченіи полувѣка онъ провелъ въ изгнаніи, чуждый французскому народу, но непоколебимо вѣрный принципамъ, сдѣлавшимся совершенно чуждыми современнымъ французамъ. Онъ пожертвовалъ настоящимъ и будущимъ романтической вѣрѣ въ прошлое и сохранилъ съ достоинствомъ положеніе, въ которомъ былъ рожденъ, хотя величіе, какимъ онъ себя окутывалъ, было мечтою и иллюзіей. Нельзя отказать въ уваженіи вѣрѣ, добросовѣстно хранимой, и убѣжденіямъ, хотя бы они были ложны и устарѣлы. Все поведеніе графа Шамбора шло совершенно въ разрѣзъ съ интересами монархіи, и во многомъ способствовало установленію республики. Бѣлое знамя, съ которымъ онъ ни за что не хотѣлъ разстаться, было въ его глазахъ символомъ религіознаго и политическаго самодержавія. Реставрація престола была одно время возможна—послѣ паденія второй имперіи; но реставрація престола, съ исключительнымъ союзомъ клерикализма, основанная на принципахъ неограниченной монархіи, была немыслима. Это прошедшее, которое не можетъ воскреснуть, исчезло не съ его послѣднимъ представителемъ, а въ тотъ день, когда Людовикъ XVI погибъ на эшафотѣ. Графу Шамбору не было еще 63-хъ лѣтъ (онъ родился 29-го сентября 1820 года), но ведя сидячую жизнь, слѣдствіе его полноты и хромоты, онъ давно уже страдалъ желудочными болѣзнями, отъ которыхъ и умеръ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, онъ издалъ нѣсколько политическихъ брошюръ, въ которыхъ пропагандировалъ свои принципы: «Proclamation», «Mes idées», «Lettres sur les ouvriers, sur l'agriculture», «Manifestes et programmes politiques», «Correspondances». Все это не выходитъ изъ уровня общихъ мѣстъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Портретъ Гоголя рисованный П. А. Каратыгинымъ.

Артистъ въ душѣ въ обширномъ смыслѣ слова, покойный П. А. Каратыгинъ, кромѣ родной своей сцены, на которой прослужилъ пятьдесятъ шесть лѣтъ—страстно любилъ музыку, ваяніе, живопись и вообще всѣ изящныя искусства.

Никогда не учившись живописи, покойный артистъ умѣлъ однако же очень порядочно рисовать карандашемъ и акварелью, будучи одаренъ замѣчательною памятью на лица и способностью улавливать сходство, при первомъ же свиданіи съ кѣмъ либо. Шутливо относясь къ этому дарованію, онъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ» о рисованныхъ имъ портретахъ Хозрева-Мирзы и оперной пѣвицы Н. С. Семеновой [1]), но, къ сожалѣнію, по скромности, умалчиваетъ о томъ, что рисованье было, до послѣдняго года его жизни, когда онъ писалъ еще свои воспоминанія, его любимѣйшимъ занятіемъ въ досужее время. По моему счету, основанному на устныхъ разсказахъ покойнаго, онъ, въ теченіе пятидесяти пяти лѣтъ (1823—1878) нарисовалъ, по крайней мѣрѣ, до тысячи портретовъ, акварелью и карандашемъ, изъ которыхъ многіе до нынѣ, можетъ быть, сохраняются кромѣ близкихъ Каратыгина въ семействахъ артистовъ былыхъ временъ, въ альбомахъ его знакомыхъ и т. д. Портретъ Грибоѣдова, рисованный Каратыгинымъ на круглой костяной бостонной маркѣ, послужилъ единственнымъ оригиналомъ

---

[1]) «Записки», изд. 1880 г., стр. 183—188 и 218—219.

нашему высокоталантливому И. Н. Крамскому для большаго портрета автора «Горе отъ ума» въ 1874 году [1]). Можемъ сказать, безъ всякаго преувеличенія, что, кромѣ артистовъ всѣхъ труппъ, артистовъ какъ первоклассныхъ такъ и второстепенныхъ,—не было ни одного, сколько нибудь замѣчательнаго лица изъ высшихъ административныхъ сферъ, изъ міровъ литературнаго, художественнаго, военнаго, ученаго, промышленнаго — котораго бы артистъ не нарисовалъ, такъ сказать, себѣ на память, съ поразительнымъ сходствомъ. Изъ всѣхъ этихъ портретовъ можно было бы составить цѣлый біографическій лексиконъ въ лицахъ. Нѣкоторые изъ нихъ были раздарены самимъ артистомъ своимъ знакомымъ, большая часть растеряна, сохранилась самая ничтожная. Любимѣйшимъ образцомъ мужественной красоты и самаго внушительнаго величія былъ для покойнаго императоръ Николай Павловичъ — всегда боготворимый Каратыгинымъ. Помню, что онъ нарисовалъ множество весьма схожихъ портретовъ государя изъ которыхъ послѣднимъ было изображеніе императора уже усопшимъ, каковымъ видѣлъ его живописецъ-любитель.

Брюлловъ, пересматривая какъ-то портреты рисованные Каратыгинымъ, отзывался о нѣкоторыхъ съ весьма лестною похвалою. На замѣчаніе Каратыгина, что онъ рисуетъ самоучкою, знаменитый живописецъ сказалъ смѣясь: «есть чѣмъ хвастаться... тѣмъ хуже для тебя»!

Въ великомъ посту 1836 года, при театрѣ начались репитиціи новой комедіи, по слухамъ запрещенной цензурою, но дозволенной къ представленію самимъ государемъ, по усердному ходатайству Жуковскаго. При ея чтеніи самимъ авторомъ у Сосницкаго, въ присутствіи артистовъ, которымъ предназначены были роли, большинство ихъ, воспитанное на оригинальныхъ комедіяхъ Княжнина, Шаховскаго, Хмѣльницкаго, Загоскина или на переводныхъ скучнѣйшаго Дюсиса и напыщеннаго Мариво, новая комедія, написанная какимъ-то молодымъ малороссіяниномъ, Гоголемъ, годъ тому назадъ напечатавшимъ нѣсколько забавныхъ повѣстей, подъ заглавіемъ «Миргородъ»—большинство артистовъ, говоримъ мы, пришло въ какое-то недоумѣніе. «Что же это такое?» шептали слушатели другъ другу по окончаніи чтенія, «развѣ это комедія? Читаетъ-то онъ хорошо, но что же это за языкъ? Лакей такъ-таки и говоритъ лакейскимъ языкомъ, а слесарша Пошлепкина, какъ есть простая баба взятая съ Сѣнной площади... Чѣмъ же тутъ нашъ Сосницкій-то восхищается. Что тутъ хорошаго находятъ Жуковскій и Пушкинъ?»

Такъ отнеслись къ «Ревизору» первые исполнители этой комедіи; къ числу порицателей принадлежалъ, скажемъ съ сожалѣніемъ—П. А. Каратыгинъ. Ученикъ старой классической школы, онъ, до времени, не могъ отрѣшиться отъ классическихъ традицій. Преобразователь отечественной словесности, основатель реальной, или какъ тогда называли натуральной школы, Гоголь былъ для классиковъ тѣмъ же, чѣмъ Петръ Великій для старовѣровъ. Какъ послѣднимъ тяжело было разставаться съ бородами и платьемъ стараго покроя, такъ здѣсь, на оборотъ, и артисты и многіе писатели не могли рѣшиться сбросить съ головъ пудренные парики, съ плечъ—французскіе кафтаны и облечься въ русское платье, въ настоящую сибирку купца «Абдулина», или затасканный и засаленный сюртукъ «Осипа». Новое вино въ старые мѣха не наливаютъ, сказали бы мы по этому поводу, если бы враждебныя отношенія артистовъ къ произведенію Гоголя не сопровождались явленіемъ крайне замѣчательнымъ: именно два старѣйшіе актера обѣихъ столичныхъ сценъ, Щепкинъ—московской и Сосницкій — петербургской отнеслись къ «Ревизору» съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Разъясненіе причинъ этаго отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ главнаго предмета нашей замѣтки.

Подобно всѣмъ своимъ сослуживцамъ, П. А. Каратыгинъ отнесся къ комедіи Гоголя, если не съ пренебреженіемъ, то съ полнѣйшимъ равнодушіемъ; но самая личность автора обратила на себя особенное вниманіе артиста и глубоко врѣзалась въ его памяти. Во время одной изъ репетицій «Ревизора», Каратыгинъ, находясь за кулисами, набросалъ карандашемъ на

---

[1]) Гравированная на деревѣ Л. А. Сѣряковымъ фотографическая копія съ него была приложена къ «Русской Старинѣ», 1874 г. (Томъ X) къ составленной мною біографіи Грибоѣдова.

обертке своей роли, сложенной пополамъ, тотъ самый портретъ Гоголя, ксилографическая копія съ котораго, сдѣланная въ Парижѣ извѣстнымъ граверомъ Паннемакеромъ, прилагается къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника». По разсказамъ покойнаго П. А. Каратыгина, это было на утренней репетиціи, въ воскресенье, 18-го апрѣля 1836 года, т. е. наканунѣ перваго представленія «Ревизора». Гоголь былъ сильно встревоженъ и, видимо, разстроенъ; часто вполголоса говорилъ съ Сосницкимъ, почти исключительно съ нимъ, и лишь изрѣдка съ начальникомъ репертуара А. И. Храповицкимъ. Послѣдній, пощипывая усы, во многихъ сценахъ ехидно улыбался и пожималъ плечами. Нѣкоторые изъ молодыхъ актеровъ и актрисъ тайкомъ перемигивались. Ихъ нескромную веселость возбуждала не комедія, но ея авторъ. Не высокаго роста блондинъ съ огромнымъ тупеемъ, въ золотыхъ очкахъ на длинномъ, птичьемъ носу, съ прищуренными глазками и плотно сжатыми, какъ бы прикуснутыми губами. Зеленый фракъ съ длинными фалдами и мелкими перламутровыми пуговицами, коричневыя брюки и высокая шляпа цилиндръ, которую Гоголь, то порывисто снималъ, запуская пальцы въ свой тупей, то вертѣлъ въ рукахъ. Все это придавало фигурѣ великаго писателя нѣчто карикатурное. Никто не догадывался какой великій талантъ скрывался въ этомъ слабомъ тѣлѣ, какія страданія онъ испытывалъ предугадывая, что ни актеры-исполнители, ни большинство публики не оцѣнятъ и не поймутъ «Ревизора» при его первомъ представленіи...

Единственнымъ вѣрнымъ и справедливомъ цѣнителемъ комедіи Гоголя былъ покойный императоръ Николай Павловичъ. Пріѣхавъ неожиданно въ театръ, онъ пробылъ до окончанія пьесы, отъ души смѣялся и выходя изъ ложи сказалъ:

— Ну, пьеска! Всѣмъ досталось, а мнѣ—болѣе всѣхъ [1]).

Эти слова были какъ бы сѣтованіемъ блюстителя чести и величія Россіи—на существованіе въ ней Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Ляпкиныхъ-Тяпкиныхъ и Хлестаковыхъ, которые, къ сожалѣнію, не переводятся до сихъ поръ.

П. Каратыгинъ.

Къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей.

Мы получили отъ гг. Лебединскаго и Бурнашева слѣдующія дополненія къ замѣткѣ г. Катенева о псевдонимахъ русскихъ писателей, напечатанной въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» (стр. 236—238).

Довольно извѣстный, въ свое время, сотрудникъ «Голоса», «Пчелы» и разныхъ юмористическихъ журналовъ, Николай Петровичъ Кильбергъ († въ 1878 г.) подписывалъ свои стихотворенія псевдонимами «Густавъ-не-Надô» и «Реалистъ». Стихотворенія его были изданы и отдѣльно, въ 1871 году, подъ заглавіемъ «Пока» сборникъ стихотвореній Густава-не-Надо».

И. Н. Измайловъ, кромѣ псевдонимовъ «Баронъ Миловзоровъ», «Гамлетъ», «Иксъ», писалъ еще подъ псевдонимомъ «Ольгинъ» (въ «Русской Правдѣ»). Изъ сочиненій его, имѣлись, въ 1879—1883 гг., въ продажѣ, изданныя отдѣльно «Весельчакъ» — стихотворенія; «Прости мечты, прости желанья»—водевиль; «Наши комики»—сценки, и «Въ минуту досуга»—разсказы и стихотворенія.

Владиміръ Михайловичъ Строевъ писалъ (въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Иллюстраціи» Вашуцкаго) подъ псевдонимами «Родственникъ Магомета», «Р. М.» и «В. В. В.».

Владиміръ Петровичъ Бурнашевъ писалъ подъ псевдонимами: «Викторъ Бурьяновъ» и «Борисъ Волжинъ» (въ «Сѣверной Пчелѣ», «Журналѣ общеполезныхъ свѣдѣній» и др.); «Зетзетовъ» (въ «Иллюстрированной газетѣ» изд. Баумана); «Артемій Арбашевъ» (въ «Земледѣльческой газетѣ» и журналѣ «Сельское хозяйство»); «Эртауловъ» (въ журналѣ «Дѣло»); «Вадимъ Байдаровъ» (въ «Пчелѣ» изд. Микѣшина); «Старый петербуржецъ» (въ «Петербургской газетѣ») и «Касьянъ Касьяновичъ Касьяновъ» (этимъ псевдонимомъ подписана отдѣльно изданная, въ 1875 году, книга подъ заглавіемъ «Наши чудодѣи»).

[1]) Эти слова покойный Каратыгинъ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ артистовъ, самъ слышалъ, находясь за кулисами при выходѣ государя изъ ложи на сцену.

Во всемъ замкѣ, вмѣстѣ съ запахомъ цвѣтовъ и свѣжей зелени, вѣяло дыханіемъ обновленной жизни и радостныхъ надеждъ. Веселое расположеніе духа баронета благотворно дѣйствовало на окружающихъ; одинъ Гевитъ казался печальнымъ и озабоченнымъ.

Священникъ, послѣ своего возвращенія изъ Кембриджа, пользуясь радушнымъ приглашеніемъ сэра Товія, временно поселился въ его домѣ. Но онъ далеко не чувствовалъ себя такъ хорошо въ Чильдерлейскомъ замкѣ, какъ въ своемъ тихомъ приходскомъ домѣ, гдѣ теперь поселился его преемникъ, назначенный синодомъ.

Баронетъ сердечно жалѣлъ о своемъ другѣ и по возможности старался утѣшить его:

— Стоитъ ли огорчаться такими вещами въ настоящее время, когда мы находимся на хорошемъ пути, говорилъ онъ.—Повѣрьте, что этотъ коротковолосый негодяй не долго проживетъ въ приходскомъ домѣ, и его опять выгонятъ изъ гнѣзда, гдѣ онъ хочетъ снести свои кукушкины яица. Нашъ король положитъ конецъ такому порядку вещей!..

Но краснорѣчіе баронета не производило никакого впечатлѣнія на молодаго священника. Теперь, когда цѣль казалась почти достигнутой, его болѣе чѣмъ когда нибудь безпокоила будущность короля. Послѣдній разговоръ съ Франкомъ еще больше усилилъ мучившія его сомнѣнія. До этого онъ былъ убѣжденъ, что благосостояніе отечества, миръ и счастье народа въ глазахъ его друга выше того, что̀ онъ называлъ своимъ политическимъ идеаломъ. Но въ дѣйствительности безкорыстный и уступчивый Франкъ Гербертъ, способный на всякія жертвы въ любви и дружбѣ, становился жестокимъ, рѣзкимъ и себялюбивымъ, когда дѣло касалось этого пункта, въ которомъ онъ не допускалъ сомнѣній. Онъ любилъ созданный и взлелѣянный имъ идеалъ съ упорствомъ отца, не признающаго недостатковъ въ своемъ ребенкѣ. Но развѣ это̀ не былъ своего рода эгоизмъ? Неужели, спрашивалъ себя Гевитъ, вѣра въ непреложность своихъ убѣжденій можетъ настолько ослѣплять людей, что они не хотятъ знать основныхъ законовъ бытія и насильственно подводятъ все подъ одну мѣрку? Между тѣмъ республиканскія идеи, которыя поддерживались въ его другѣ изученіемъ классиковъ и примѣромъ Венеціи и Голландіи, по его глубокому убѣжденію, были непримѣнимы къ Англіи и должны были перейти извѣстный кругъ развитія. Запальчивость и раздражительность Франка болѣзненно подѣйствовала на него при ихъ послѣднемъ свиданіи.

Во времена своей ранней юности они говорили, что никакое различіе въ мнѣніяхъ не можетъ разъединить ихъ; но теперь Гевитъ ясно видѣлъ, что разрывъ неизбѣженъ, если его другъ также упорно и слѣпо пойдетъ по избранному имъ пути. Онъ даже не допускалъ мысли о примиреніи съ королемъ при какихъ бы то ни

было условіяхъ и считалъ это равносильнымъ государственной измѣнѣ.

Франкъ говорилъ, что такъ думаетъ вся армія; Гевитъ съ своей стороны былъ убѣжденъ, что это мнѣніе небольшой партіи; но онъ считалъ ее далеко не безопасной, если къ ней принадлежали люди, подобные Франку. Тѣмъ не менѣе по временамъ, глядя на Оливію, у него являлась слабая надежда обратить своего друга на путь истины. Быть можетъ, думалъ онъ, голосу сердца удастся сдѣлать то, чего не могло достигнуть краснорѣчіе стараго товарища.

Между тѣмъ на имя Чильдерлейскаго баронета, сэра Товія Кутсъ, было получено письмо, съ извѣстіемъ, что его величество по пути въ армію изволитъ остановиться въ замкѣ своего любезнаго и вѣрнаго приверженца, гдѣ и назначена аудіенція начальникамъ войскъ, служащимъ ближайшихъ графствъ и представителямъ ученыхъ корпорацій Кембриджа.

Письмо это доставило искреннюю радость почтенному баронету. Онъ былъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, что все казалось ему въ розовомъ свѣтѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что наступили дни общаго мира и благоденствія; что король окруженный прежнимъ великолѣпіемъ будетъ властвовать надъ своими подданными, которые станутъ относиться къ нему съ должнымъ повиновеніемъ. Названія: Уайтъ-Голль и С. Джемсъ опять пріятно звучали для его слуха; когда онъ глядѣлъ изъ окна на свои засѣянныя поля и превосходныя пастбища, имъ овладѣвало чувство благосостоянія. Все это принадлежало ему, и онъ могъ спокойно наслаждаться своими прекрасными владѣніями. Ни одна мрачная мысль не примѣшивалась къ тому счастью, которое онъ испытывалъ въ последніе дни. Улыбаясь смотрѣлъ онъ на стѣны своего замка, которыя, то погружались въ зелень окружавшихъ деревьевъ, то отчетливо обрисовывались на безоблачномъ небѣ съ своими зубцами и башнями, почернѣвшими отъ времени. Наконецъ, незамѣтно для него самого, старый кавелеръ началъ напѣвать любимую пѣсню сэра Альдингара, которая начиналась словами:

«Она непоколебима какъ камень
На стѣнѣ моего замка»...

Веселое настроеніе баронета не измѣнилось даже при видѣ всадниковъ, ѣхавшихъ по большой дорогѣ изъ Кембриджа, хотя по цвѣту ихъ мундировъ и блестящимъ панцырямъ, на которыхъ отсвѣчивало вечернее солнце, онъ не могъ сомнѣваться, что это отрядъ Кромвелевскихъ кавалеристовъ.

Подобная терпимость со стороны сэра Товія отчасти объясняется тѣмъ, что ему было заранѣе сообщено, что вокругъ Чильдерлейскаго замка будутъ разставлены отряды всѣхъ полковъ парламентской арміи, чтобы составить почетную стражу короля и затѣмъ

сопровождать его въ одинъ изъ королевскихъ замковъ, гдѣ окончательно будутъ заключены и подписаны мирныя условія. Выборъ замка былъ предоставленъ волѣ его величества, и отсюда по окончаніи всѣхъ формальностей долженъ былъ совершиться торжественный въѣздъ короля въ Лондонъ. Сердце баронета переполнялось радостнымъ чувствомъ, когда онъ представлялъ себѣ короля, верхомъ на статной лошади, во главѣ покорнаго ему войска, Сити убранный гирляндами и вѣнками и Тауеръ съ развѣвающимися королевскими знаменами.

— Не думаютъ ли они заѣхать сюда? спрашивалъ себя сэръ Товій, видя, что отрядъ повернулъ на проселочную дорогу ведущую въ замокъ и вслѣдъ затѣмъ скрылся за зеленью деревьевъ.—Кто знаетъ, быть можетъ я ошибся въ Кромвелѣ! сказалъ онъ вполголоса, задумчиво глядя въ окно (Въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ, онъ рѣшился произнести это ненавистное для него имя). Честному человѣку не трудно сознаться въ своей ошибкѣ... Дѣйствительно я былъ бы безконечно счастливъ, если бы могъ пожать ему руку и сказать: Оливеръ, мы нѣкогда были друзьями...

Замокъ былъ окончательно прибранъ и приготовленъ для пріема многочисленныхъ гостей. Вечернее солнце опять освѣщало башню, въ которой прежде жила Мануэлла; но теперь эта башня представляла груду почернѣвшихъ развалинъ. Оливія, проходя мимо, невольно вспомнила о своей подругѣ. Она шла по той же тропинкѣ, по которой онѣ много разъ проходили вмѣстѣ. Заходящее солнце точно также вплетало свои лучи въ листья деревьевъ, какъ и въ памятный для нея вечеръ. Соловей замолкъ и вмѣсто него пѣли другія птицы. У того мѣста, гдѣ онѣ сидѣли тогда, разцвѣлъ жасминъ; тонкій ароматъ его цвѣтовъ смѣшивался съ дуновеніемъ западнаго вѣтра. Оливія вышла изъ парка въ поле черезъ большіе ворота, которые сегодня были отворены настежъ. Вдали слышенъ былъ звонъ деревенскихъ колоколовъ, пѣсни поселянъ, кончившихъ полевую работу, и блѣяніе возвращавшихся стадъ. У дороги протекалъ ручей, который съ шумомъ струился по каменьямъ; по берегамъ его росли незабудки. Оливія наклонилась и нарвала цвѣтовъ; въ дѣтствѣ она часто бывала здѣсь съ своей матерью, и поэтому невольно образъ прекрасной блѣдной женщины воскресъ въ ея памяти. Она вышла на проселочную дорогу, которая извивалась среди заросшихъ изгородей, куда съ трудомъ проникали лучи заходящаго солнца. По обѣимъ сторонамъ на земляныхъ насыпяхъ росли полевые цвѣты и кусты жимолости покрытые красноватыми бутонами. Оливія прибавляла цвѣтокъ за цвѣткомъ къ своему букету.—Неужели, думала она, могила матери останется неубранной, когда весь замокъ и залы украшены цвѣтами и гирляндами!

Лошадиный топотъ и пыль внезапно поднявшаяся съ дороги вывели ее изъ задумчивости. Это были тѣ самые кавалеристы,

которыхъ сэръ Товій видѣлъ изъ окна своей залы; они повернули на прочелочную дорогу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насыпи, на которой она стояла; Оливія хотѣла поспѣшно удалиться; но въ это время молодой полковникъ, ѣхавшій позади отряда, увидя ее, осадилъ свою лошадь. Она подняла голову и узнала Франка Герберта. Эта неожиданная встрѣча такъ поразила ее, что она выронила цвѣты, которые несла обѣими руками. Можно было думать, что это своего рода невинное кокетство, потому что молодая дѣвушка была необыкновенно хороша въ эту минуту. Послѣдній отблескъ вечерней зари придавалъ нѣчто фантастическое ея фигурѣ, отчетливо обрисованной на темнозеленомъ фонѣ изгороди, и цвѣтамъ, разсыпаннымъ у ея ногъ. Но кокетство было чуждо хорошенькой дочери баронета; она наклонилась, чтобы скрыть яркій румянецъ выступившій на ея щекахъ и хотѣла поднять цвѣты, что̀ придало ей еще большую прелесть.

Франкъ Гербертъ соскочилъ съ лошади и, отдавъ ее ѣхавшему за нимъ конюху, приказалъ ему слѣдовать за отрядомъ и ожидать его возвращенія у воротъ замка. Затѣмъ онъ быстрыми шагами подошелъ къ возвышенію, на которомъ стаяла молодая дѣвушка; и, прежде чѣмъ они обмѣнялись словомъ, началъ подбирать цвѣты. Онъ всталъ на колѣни передъ Оливіей, которая въ смущеніи наклонилась къ нему, такъ что посторонній наблюдатель, на извѣстномъ разстояніи, могъ иначе объяснить рыцарскую услугу Герберта. Цвѣты были скоро собраны; онъ подалъ букетъ молодой дѣвушкѣ со словами:

— Очень радъ, что случай доставилъ мнѣ возможность привѣтствовать васъ въ этой формѣ.

— Эти цвѣты были назначены для могилы моей матери, сказала Оливія, подавая ему руку.

Сердце ея усиленно билось; упоминая о матери, она какъ бы прибѣгала къ ея невидимому покровительству.

Лицо Франка Герберта, сіявшее счастьемъ и веселіемъ, сдѣлалось серьезнымъ.

— Дѣйствительно, сказалъ онъ,—въ наше время болѣе чѣмъ когда нибудь жизнь и смерть идутъ рука объ руку. Сколько могилъ вырыто въ послѣдніе годы! Никто не можетъ разсчитывать, что онъ спокойно достигнетъ цѣли своихъ завѣтныхъ стремленій, такъ какъ нѣтъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Безпокойство овладѣло умами и мѣшаетъ наслаждаться тѣмъ, что̀ дано намъ для наслажденія. Если только можно имѣть подобныя желанія, то я сказалъ бы: какъ жаль, что намъ не суждено существовать въ другомъ столѣтіи и при лучшихъ условіяхъ.

Слова человѣка, котораго она полюбила съ первой встрѣчи и не переставала любить, несмотря на продолжительную разлуку, произвели глубокое впечатлѣніе на молодую неопытную дѣвушку.

Она вопросительно взглянула на него; но въ этомъ недоумѣвающемъ взглядѣ было столько надежды на лучшую будущность, что онъ былъ краснорѣчивѣе всякаго отвѣта.

Влюбленный юноша съ благодарностью поцѣловалъ ея руку.

— Простите, сказалъ онъ,—что я нарушилъ вашъ душевный миръ своими мрачными размышленіями. Я увѣренъ, что ваше присутствіе разсѣетъ ихъ, тѣмъ болѣе, что цѣль моего путешествія—Чильдерлейскій замокъ. Я долженъ сообщить баронету, что завтра генералъ Кромвель явится сюда съ своимъ штабомъ.

Глаза Оливіи засвѣтились отъ радости.

— Слава Богу! воскликнула она.—Значитъ завтра съѣдутся сюда всѣ тѣ, которыхъ разъединила эта злополучная война: прежнія друзья и родственники, король и подданные. Наконецъ наступитъ миръ для нашей дорогой родины, и люди снова будутъ наслаждаться счастьемъ!

Они сошли съ возвышенія и вступили на тропинку, которая вела въ паркъ вдоль ручья.

— Если хотите, то я укажу вамъ самую короткую дорогу въ замокъ сказала Оливія.—Отецъ будетъ очень радъ видѣть васъ.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ убѣждены въ этомъ! Врядъ ли кого можетъ радовать военный постой! Мы явимся къ нему непрошенными гостями.

— Вы напрасно думаете это! возразила Оливія. Я знаю, что отецъ готовъ отказаться отъ всѣхъ своихъ прежнихъ предразсудковъ въ виду общей радости, которую испытываетъ каждый изъ нашихъ соотечественниковъ.

— А если вашъ отецъ и всѣ остальные ошибаются! замѣтилъ Гербертъ.

— Тонъ, какимъ были сказаны эти слова, поразилъ Оливію; они дошли молча до воротъ парка; послѣдніе вечерніе лучи освѣщали верхушки деревьевъ, разсыпая золотистыя искры среди вѣтокъ.

— Выслушайте меня Оливія, сказалъ Франкъ Гербертъ взволнованнымъ голосомъ.—Зачѣмъ стану я скрывать отъ васъ, что эта минута свиданія была моей завѣтной мечтой въ продолженіи двухъ лѣтъ... Вы дрожите и блѣднѣя отнимаете руку... Вы напрасно боитесь меня! Я умѣю владѣть собой и своими чувствами. То, что я хочу сказать вамъ, больше относится къ вамъ, нежели ко мнѣ.

Онъ вошелъ въ ворота, увлекая за собой молодую дѣвушку, которая почти машинально слѣдовала за нимъ. Въ паркѣ совсѣмъ стемнѣло; подъ деревьями господствовалъ таинственный полумракъ наступающихъ сумерокъ, который особенно способствуетъ сближенію влюбленныхъ.

— Оливія, сказалъ онъ обращаясь къ дѣвушкѣ, стоявшей передъ нимъ съ опущенными глазами,—простите, если я рѣшаюсь нарушить ваши розовыя мечты. Вы надѣетесь на невозможное.

Будущность, которую вы созидаете, не болѣе какъ роскошный фантастическій замокъ построенный на облакахъ, который иногда рисуется нашему воображенію на вечернемъ небѣ, освѣщенномъ солнцемъ. Но развѣ черезъ это облака перестаютъ быть паромъ, который поднимается вверхъ уносимый вѣтромъ? Вы надѣетесь на миръ, но развѣ онъ возможенъ въ настоящее время! Попробуйте сдержать морскую волну, поднятую бурей со дна морскаго или заставьте умолкнуть вулканъ, когда онъ съ шумомъ и трескомъ выбрасываетъ огонь и лаву. Бушующія силы природы смѣются надъ людскою мудростью; онѣ глухи и нѣмы къ нашимъ желаніямъ, молитвамъ и проклятіямъ. Повѣрьте мнѣ Оливія, что мы пережили только половину страшной грозы, и должны ожидать ея послѣднихъ ударовъ...

Оливія опустила голову, и какъ бы разсуждая сама съ собой сказала чуть слышно робкимъ, прерывающимся голосомъ:

— Неужели отдѣльныя личности должны также отказаться отъ всякой надежды на счастье?..

Они шли медленно, безпрестанно останавливаясь, пока не достигли того мѣста, гдѣ нѣкогда Оливія сидѣла съ Мануэллой подъ липами въ тотъ весенній вечеръ, когда пѣсня соловья и величественное зрѣлище приближавшейся грозы наполнило ея сердце грустью объ отсутствующемъ.

Цвѣты давно выпали изъ ея рукъ; но теперь она не наклонилась, чтобы поднять ихъ. Такъ, подъ наплывомъ жизненныхъ ощущеній и вліяніемъ живыхъ людей, даже въ самомъ нѣжномъ и любящемъ сердцѣ слабѣетъ воспоминаніе объ умершихъ близкихъ людяхъ.

Гербертъ держалъ обѣ руки Оливіи въ своихъ рукахъ; она не отнимала ихъ отъ него.

— Для мужчины не можетъ быть лучшаго призванія, какъ бороться за идею свободы! продолжалъ онъ съ воодушевленіемъ.— Мало людей остаются побѣдителями въ этой борьбѣ. Но развѣ не тысячу разъ хуже жалкое прозябаніе при невозможныхъ условіяхъ, когда приходится постоянно входить въ сдѣлку съ своею совѣстью, и когда люди готовы пожертвовать будущностью ради минувшаго благосостоянія. Нѣчто подобное я вижу въ предполагаемомъ примиреніи, и поэтому не жду добра отъ этого свиданія! Для человѣка мыслящаго нѣтъ ничего ужаснѣе какъ потерять вѣру въ своихъ боговъ... До сихъ поръ я безусловно поклонялся Кромвелю; но въ послѣднее время у меня явились мучительныя сомнѣнія...

Голосъ Герберта задрожалъ при послѣднихъ словахъ; послѣ минутнаго молчанія онъ продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Вы спросили меня, Оливія, должны ли отдѣльныя личности также отказаться отъ всякой надежды на счастье? Для нихъ одинъ

исходъ удалиться съ поля дѣйствій, отрѣшиться отъ всякихъ мечтаній о благѣ человѣчества, умереть безславно, заняться земледѣліемъ... но мы не римляне, а англичане, и намъ не къ лицу изображать изъ себя цинцинатовъ!

— Но развѣ человѣкъ ничѣмъ не можетъ вознаградить себя за принесенныя имъ жертвы? сказала Оливія полусознательно; любовь подсказала ей этотъ вопросъ.

Гербертъ вмѣсто отвѣта обнялъ ее съ горячностью первой любви; она прильнула къ его груди и чувствовала какъ въ полуснѣ поцѣлуи, которыми онъ покрывалъ ея разгорѣвшееся лицо. Онъ увлекъ ее за собою на дерновую скамью, гдѣ нѣкогда Мануэлла, какъ бы предчувствуя эту сцену, прочла Оливіи извѣстные стихи Мильтона «Жалоба соловья».

Оливія опустилась передъ нимъ на колѣни; онъ ласково гладилъ рукой бѣлокурую головку своей возлюбленной.

— Дорогая моя, говорилъ онъ,—если бы я могъ увезти тебя на мою родину, къ полямъ, гдѣ я провелъ мое дѣтство, и гдѣ стоитъ мой зáмокъ, окруженный роскошнымъ вѣнкомъ зеленыхъ лѣсовъ! Поѣдемъ туда моя ненаглядная!.. Тамъ будемъ мы наслаждаться безконечнымъ блаженствомъ, вдали отъ шумнаго свѣта и вражды людской... Любовь... въ ней одно спасеніе!

Онъ поднялъ съ земли плачущую дѣвушку и снова заключилъ ее въ свои объятія.

Было совсѣмъ тѣмно, когда они вернулись въ зáмокъ; въ нѣкоторыхъ окнахъ виднѣлись зажженныя свѣчи; лошадь Франка стоявшая у воротъ, нетерпѣливо била копытами землю, ожидая запоздавшаго всадника.

Хозяинъ Чильдерлейскаго замка радушно принялъ кромвелевскаго солдата, такъ какъ видѣлъ въ его лицѣ залогъ иной лучшей будущности.

Оливія была молчаливѣе обыкновеннаго, хотя въ продолженіи всей своей недолгой жизни, она никогда не была такъ счастлива, какъ въ этотъ вечеръ, но сознаніе, что у ней есть тайна, которую она должна скрывать отъ другихъ, дѣлало ее робкой и боязливой.

Послѣ ужина Франкъ Гербертъ, взявъ подъ руку бывшаго Чильдерлейскаго священника повелъ его въ паркъ, гдѣ сквозь вѣтви темныхъ деревьевъ свѣтились звѣзды.

Холодность, съ какой они разстались въ послѣдній разъ, неловкость которую они не могли преодолѣть при новой встрѣчѣ— все это было забыто, когда Франкъ Гербертъ въ безсвязныхъ словахъ сообщилъ Гевиту о своемъ объясненіи съ Оливіей.

— Я откажусь отъ своей должности, говорилъ влюбленный юноша подъ вліяніемъ страсти,—и выйду изъ арміи... Ты поль-

зуешься довѣріемъ баронета; онъ вѣроятно согласится выслушать тебя... Когда найдешь возможнымъ, скажи ему, что я прошу у него руку Оливіи...

Гевитъ былъ искренно обрадованъ рѣшеніемъ своего друга. То, что казалось ему несбыточной мечтой исполнилось такъ скоро и неожиданно! Боязнь лишиться навсегда любимаго товарища школьныхъ лѣтъ оказалась напрасною. Теперь всѣ его помыслы обратились на предполагаемое свиданіе короля съ Кромвелемъ; не смотря на мучившія его сомнѣнія, онъ видѣлъ единственное спасеніе государства и гонимой эпископальной церкви.

ГЛАВА IV.

Король Карлъ и Оливеръ Кромвель.

На слѣдующее утро въ Чильдерлейскомъ замкѣ получено было извѣстіе о скоромъ прибытіи короля. Сэръ Товій, ради этого торжественнаго случая сѣлъ на лошадь и, пользуясь прекраснымъ солнечнымъ днемъ, отправился на встрѣчу приближавшемуся шествію въ сопровожденіи единственнаго сына и своихъ арендаторовъ. Доѣхавъ до границы своихъ владѣній, онъ остановился; но ему не долго пришлось ждать; громкіе крики, раздавшіеся на большей дорогѣ и повторенные крестьянами, собравшимися изъ окрестныхъ деревень, извѣстили его о прибытіи короля.

Карлъ I, видимо тронутый радостными привѣтствіями своихъ подданныхъ, все время раскланивался на обѣ стороны, между тѣмъ какъ почтенный баронетъ силился подъѣхать къ королевской каретѣ на своемъ конѣ, разукрашенномъ пучками перьевъ и серебряными колокольчиками. Но конь упорно пятился назадъ, такъ какъ уже давно не носилъ такого убранства и не видалъ такой многочисленной толпы. Наконецъ король замѣтилъ владѣльца Чильдерлейскаго замка, который былъ въ полномъ парадѣ, съ перьями на шляпѣ и вышитомъ плащѣ, и приказалъ остановить карету. Баронетъ круто повернулъ свою лошадь; но такъ какъ онъ также давно не упражнялся въ верховой ѣздѣ, то сдѣлалъ это довольно неловко. Лошадь взвилась на дыбы, затѣмъ сдѣлала легкій прыжокъ и съ громкимъ ржаніемъ подъѣхала къ дверцамъ королевской кареты. На глазахъ баронета навернулись слезы, когда его рука прикоснулась къ изящной рукѣ короля.

— Вы еще бодро сидите на лошади, г. кавалеръ, сказалъ улыбаясь король;—я не предполагалъ, чтобы въ наши годы возможны были такія смѣлыя наѣздническія продѣлки!

— Господь да сохранитъ ваше величество, возразилъ баронетъ;— но развѣ можно сравнивать наши годы! Я радъ, что дожилъ до этого счастливаго дня и что воспоминаніе о немъ украситъ остатокъ моей жизни...

— Вы всегда были моимъ вѣрнымъ подданнымъ. Мнѣ отрадно слышать подобныя рѣчи.

— Пусть отсохнетъ языкъ у каждаго, кто осмѣливается говорить иначе! Въ послѣдніе годы мы достаточно насмотрѣлись на этихъ господъ! воскликнулъ баронетъ, у котораго старая злоба еще не совсѣмъ утихла въ сердцѣ, такъ что достаточно было перваго повода, чтобы она вновь проснулась въ его сердцѣ.

— Постараемся забыть то, что насъ просили забыть, сказалъ король съ краснорѣчивымъ жестомъ руки.

Непріятное выраженіе, которое приняло его лицо въ эту минуту, ясно доказывало, что уроки несчастія быть можетъ сдѣлали на него извѣстное впечатлѣніе, но не измѣнили его міровоззрѣнія. Хотя онъ дѣйствительно желалъ водворить миръ въ своемъ государствѣ съ помощью извѣстныхъ уступокъ, но не могъ подавить въ себѣ тяжелаго чувства принужденія. Главная ошибка Карла I заключалась въ томъ, что онъ ничего не могъ давать сполна; и даже теперь при послѣднемъ поворотѣ его судьбы, когда всѣ шансы были тщательно взвѣшены и не оставалось иного выбора, онъ продолжалъ разсчитывать. Прекрасныя и человѣчныя побужденія, на которыя онъ былъ способенъ, заглушались гордымъ сознаніемъ своего права, какъ Rex Angliae, который послѣ Бога былъ вторымъ на землѣ, лучше и выше всѣхъ остальныхъ людей. Въ глубинѣ своей души онъ былъ твердо убѣжденъ, что никогда не ошибался и не могъ быть несправедливымъ и что народъ ничего не можетъ требовать отъ него кромѣ того, что̀ ему самому заблагоразсудится дать, потому что за свои поступки онъ отвѣтственъ передъ однимъ Богомъ.

Такъ думали въ средніе вѣка, и то же понятіе о королевской власти было у Карла I.

— Постараемся забыть прошлое, продолжалъ онъ съ разсѣяннымъ взглядомъ, который для внимательнаго наблюдателя могъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ, что король не забылъ послѣдней причины своего разлада съ парламентомъ, и что это обстоятельство помѣшаетъ заключенію честнаго и прочнаго мира. Затѣмъ, повернувъ голову въ ту сторону, гдѣ стояли спутники баронета, онъ спросилъ, указывая на Джона, кто этотъ красивый юноша?

— Джонъ Кутсъ, ваше величество, мой единственный сынъ! отвѣтилъ баронетъ.

— Онъ долженъ быть почти одних лѣтъ съ принцемъ Уэльскимъ! сказалъ король, съ кроткой улыбкой, освѣтившей его лицо

при воспоминаніи о любимомъ сынѣ, который уже три года жилъ въ изгнаніи.—Быть можетъ Господь скоро возвратитъ намъ его вмѣстѣ съ ея величествомъ королевой. Вашъ сынъ живо напомнилъ мнѣ молодаго принца по своей фигурѣ, манерамъ, росту, такъ что я желалъ бы выразить ему мое благоволеніе. Если вы рѣшитесь разстаться съ нимъ, то съ настоящаго дня онъ будетъ моимъ пажемъ.

— Жизнь его принадлежитъ вашему величеству! воскликнулъ баронетъ, не помня себя отъ счастья.

По знаку короля шествіе вновь двинулось въ путь, сопровождаемое криками собравшейся толпы, которые становились все громче и восторженнѣе по мѣрѣ приближенія къ замку, благодаря усердію Бумпуса, созвавшаго съ этой цѣлью всѣхъ жителей Чильдерлейской деревни отъ мала до велика.

У подъемнаго моста стояла Оливія; она почтительно поклонилась королю и привѣтствовала его въ качествѣ хозяйки Чильдерлейскаго замка.

Карлъ I былъ очень доволенъ предупредительностью молодой дѣвушки. Выйдя изъ кареты, онъ подалъ ей руку со словами, что для короля не можетъ быть ничего отраднѣе, какъ изъявленія преданности со стороны его вѣрноподданныхъ и привѣтъ красоты. Онъ былъ опять въ наилучшемъ расположеніи духа и также сіялъ радостью, какъ солнце, освѣщавшее каменный Чильдерлейскій зáмокъ, на башняхъ котораго въ лѣтнемъ прозрачномъ воздухѣ привѣтливо развѣвался соединенный флагъ Англіи и Ирландіи и его фамильный—шотландскій флагъ.

Король вошелъ въ зáмокъ подъ руку съ Оливіей; на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ слѣдовали члены коммисіи изъ Гольмби, которые старались по возможности остаться незамѣченными. Въ главной залѣ Чильдерлейскаго замка королю былъ приготовленъ пріятный сюрпризъ. Здѣсь ожидали его многія изъ лицъ нѣкогда служившихъ при дворѣ, его оберъ-камергеръ, дворецкій и знатнѣйшіе лорды его придворнаго штата—герцогъ Ричмондъ, графъ Соутгемптонъ, маркизъ Гертфордъ, графъ Линдзей,—его неизмѣнные друзья и приверженцы, храбро сражавшіеся за него до послѣдней минуты, несмотря на убитыхъ братьевъ и сыновей и потерю всего имущества, конфискованнаго парламентомъ. Они были въ своихъ обычныхъ придворныхъ костюмахъ, украшенныхъ бриллiантами и орденами, какъ будто ничто не измѣнилось въ ихъ жизни; лица ихъ сіяли отъ счастья, что они вновь видятъ своего короля, и самому Карлу казалось, что онъ на большомъ пріемѣ въ Уайтъ-голлѣ или Гамптонъ-Кортѣ.

— Друзья мои! воскликнулъ король, подходя торопливыми шагами къ своимъ бывшимъ сановникамъ и обнимая ихъ со слезами радости. Но онъ былъ еще больше тронутъ, когда увидѣлъ своихъ

двухъ капеллановъ: Шельдона и Гамлонда.—Какъ! и вы здѣсь досточтенные сэры? спросилъ съ изумленіемъ король.—И вы возвращены мнѣ!

— Съ тѣмъ, чтобы никогда больше не разлучаться съ вашимъ величествомъ, отвѣтили капелланы, преклонивъ колѣна.

Король тотчасъ же предложилъ имъ встать съ земли.

— Не вы, а я долженъ встать на колѣни передъ вами вѣстниками милости Божіей, сказалъ Карлъ преклонивъ голову.

Капелланы, поднявъ руки, благословили его съ молитвой.

Затѣмъ королю представлялись незнакомыя для него лица, ученые мужи изъ Кембриджа, представители всѣхъ коллегій и различныхъ ученыхъ степеней, доктора четырехъ факультетовъ, магистры, бакалавры и студенты. Всѣ они были въ своеобразныхъ старинныхъ костюмахъ, усвоенныхъ различными коллегіями; ученая корпорація «Trinity» отличалась отъ другихъ свѣтло-голубымъ плащемъ съ бѣлой обшивкой: у «Christ's College» былъ синій плащъ съ желтымъ; у «Pembroke и King's»—черный; у «Magtalen's и St John's»—черный съ желтымъ. Во главѣ коллегій былъ вице-канцлеръ въ пурпуровой мантіи, обшитой горностаемъ; онъ подалъ его величеству адресъ университета, написанный на латинскомъ языкѣ.

Король въ своей отвѣтственной рѣчи выразилъ надежду, что теперь, съ помощью Всевышняго, для наукъ и искусствъ наступитъ новая эра и что съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій, ничто не будетъ препятствовать ихъ процвѣтанію.

У дверей залы стоялъ почетный караулъ: красные мундиры съ пиками. Король внимательно всматривался въ загорѣлыя, суровыя лица людей, побѣдившихъ его при Марстонмурѣ и Незби.

Въ это время къ королю подошелъ господинъ въ генеральскомъ мундирѣ и съ замѣчательнымъ смущеніемъ поклонился ему. Карлъ I хорошо помнилъ его лицо. Это былъ тотъ самый человѣкъ, который при Гейвортѣ, передъ самымъ началомъ войны, принудилъ его принять просьбу о мирѣ, подписанную сорока тысячами жителей графства Іорка, горожанами, арендаторами, свободными землепашцами. Для подачи петиціи они сами явились къ нему огромной толпой на лошадяхъ и пѣшкомъ; тогда королевскій конь едва не затопталъ смѣльчала, который бросился подъ его копыта, чтобы вынудить короля прочитать просьбу.

Тѣмъ не менѣе король вслѣдъ за этимъ началъ междоусобную войну, а тотъ, который напрасно умолялъ его о мирѣ, всталъ во главѣ арміи бунтовщиковъ. Это былъ Томасъ Ферфаксъ.

Король, при своемъ мелочномъ характерѣ, не могъ забыть этой непріятной для него сцены и простить человѣку, который послѣ всѣхъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ имъ на войнѣ, явился къ нему почти въ качествѣ скромнаго просителя. Посторонній наблюдатель въ эту минуту вѣроятно принялъ бы Ферфакса за побѣж-

деннаго и былъ бы въ полной увѣренности, что онъ пришелъ къ побѣдителю съ изъявленіями покорности. По всѣмъ даннымъ королю не стоило бы большаго труда окончательно привлечь на свою сторону генерала Ферфакса. Хотя послѣдній все еще числился главнокомандующимъ парламентской арміи, но, подъ вліяніемъ своей супруги, все болѣе и болѣе колебался и готовъ былъ примкнуть къ противной партіи.

Но король былъ суровъ и рѣзокъ въ обращеніи съ нимъ.

Ферфаксъ пришелъ на это свиданіе съ чувствомъ искренняго сожалѣнія, что дѣло зашло такъ далеко и съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы возстановить Карла I въ его правахъ. Онъ почтительно поцѣловалъ руку короля и объяснилъ въ свое оправданіе, что его величество былъ увезенъ въ Гольмби безъ его согласія, и что если бы онъ зналъ заранѣе объ этомъ, то никогда не допустилъ бы до подобнаго насилія.

— Я вполнѣ вѣрю этому! отвѣтилъ холодно король.

Ферфаксъ добавилъ, что онъ назначитъ слѣдствіе по этому дѣлу и прикажетъ подвергнуть виновныхъ военному суду. Затѣмъ довѣрчиво и съ полною откровенностью онъ распространился о тѣхъ опасностяхъ, какимъ по его мнѣнію подвергается особа короля среди безпокойной арміи, и, съ свойственной ему сдержанностью, совѣтовалъ избрать иной путь для возвращенія въ Лондонъ.

Король прервалъ его съ видимымъ нетерпѣніемъ:

— Меня удивляетъ, какъ вы не можете понять сэръ, что армія настолько же близка моему сердцу, какъ и вашему!

Съ этими словами король быстро отвернулся отъ Ферфакса и оставилъ его одного среди залы.

Ферфаксъ былъ скорѣе огорченъ, нежели разсерженъ обращеніемъ короля. Онъ ясно видѣлъ, что Карлъ I какъ всякій утопающій готовъ схватиться за соломенку, и искренно сожалѣлъ, что упрямство мѣшаетъ ему принять добрый совѣтъ.

Графъ Линдзей попросилъ дозволенія представить его величеству бывшаго Чильдерлейскаго священника, д-ра Гевита.

— Я уже имѣлъ удовольствіе видѣть васъ въ Оксфордѣ, сказалъ король, милостиво протягивая руку для поцѣлуя бывшему священнику.—Очень жалѣю, что враги церкви и престола отрѣшили васъ отъ должности, которая вполнѣ соотвѣтствовала вашимъ способностямъ. Наше правосудіе должно вознаградить васъ за ту потерю, которую вы понесли отъ слѣпой ненависти нашихъ враговъ. Отнынѣ я назначаю васъ моимъ капелланомъ.

— Я считаю для себя величайшимъ счастіемъ, что съ этой минуты могу вездѣ слѣдовать за вашимъ величествомъ! отвѣтилъ Гевитъ съ низкимъ поклономъ.

— Будемъ надѣяться, что на пути къ благополучію и славѣ! сказалъ король.

— Прежде всего къ миру, ваше величество, замѣтилъ Гевитъ.

— Beati pacifici! блаженны миротворцы!» говаривалъ мой отецъ, блаженной памяти король Іаковъ I. Того же правила держался и мой покойный тесть, французскій король Генрихъ IV, который говорилъ, что «нѣтъ ничего болѣе варварскаго и противнаго христіанству и природѣ, какъ вести войну изъ любви къ войнѣ, и, что ни одинъ христіанскій король не можетъ отказаться отъ сколько нибудь выгоднаго мира». Но даже помимо уваженія къ памяти этихъ двухъ дорогихъ для меня людей, неужели вы думаете, что я самъ не желаю прекратить эту злополучную войну, которая ведетъ къ полному разоренію нашего государства и разъединенію семьи! Но отъ меня не должны требовать того, что несовмѣстимо съ моимъ достоинствомъ. Честь и права короля должны остаться неприкосновенными.

— Они не потребуютъ невозможнаго отъ вашего величества! возразилъ Гевитъ.

— Мнѣ извѣстно, что вы содѣйствовали моему свиданію съ Кромвелемъ, и я сердечно благодаренъ вамъ за это. Вѣроятно вы имѣете также понятіе о пунктахъ договора, который они предлагаютъ мнѣ?

— Ваше величество не откажите имъ въ тѣхъ уступкахъ, которыя возможны для васъ! сказалъ Гевитъ умоляющимъ голосомъ.

— Да, насколько я могу это сдѣлать какъ человѣкъ, христіанинъ и монархъ, сказалъ король, переходя изъ дружескаго тона въ повелительный.—Я готовъ скорѣе отказаться отъ короны, нежели отъ моихъ убѣжденій, и больше дорожу моей честью, чѣмъ моими королевствами.

— Эти слова стоятъ того, чтобы ихъ записали золотыми буквами! воскликнулъ съ умиленіемъ вѣрный королевскій слуга, мистеръ Гербертъ.

— Всѣмъ извѣстно, что изъ всѣхъ моихъ титуловъ и прерогативъ я больше всего дорожу моимъ правомъ быть защитникомъ вѣры и главнымъ руководителемъ церкви въ моихъ владѣніяхъ. Между тѣмъ отъ меня требуютъ, чтобы я пожертвовалъ нашей эпископальной церковью!

— Ваше величество, они желаютъ только, чтобы диссидентамъ были предоставлены одинаковыя права.

— Другими словами, чтобы эпископальная церковь потеряла всякое значеніе, продолжалъ съ раздраженіемъ король.—Вообще не желаютъ больше имѣть господствующей церкви и христіанскаго государства.

— Я осмѣливаюсь утверждать противное, сказалъ Гевитъ.—Изъ моего знакомства съ нѣкоторыми выдающимися людьми враждебной намъ партіи, я вывелъ заключеніе, что, несмотря на внѣшнее

различіе ихъ религіи, это вполнѣ благочестивые люди, которые ничего не требуютъ и не желаютъ кромѣ вѣротерпимости!

— Вѣротерпимости! воскликнулъ король.—Хотятъ, чтобы я допустилъ то, чтò считаю положительно вреднымъ для моего наслѣдственнаго права. Мой покойный отецъ всегда говорилъ, что «ни одна форма церковнаго управленія несовмѣстима съ монархіей, кромѣ епископальной. Не будетъ епископа, не будетъ и короля!» и онъ былъ совершенно правъ. Ученіе диссидентовъ антимонархично, что доказали и ихъ митинги, которые были главной причиной распространенія духа строптивости въ народѣ. Онъ не будетъ подавленъ до тѣхъ поръ, пока священники во всѣхъ церквахъ не станутъ проповѣдывать о необходимости повиновенія властямъ, а этого нечего ожидать отъ пресвитеріанъ и другихъ диссидентовъ! Повѣрьте, что у насъ не будетъ прочнаго мира до тѣхъ поръ, пока всѣ не вернутся къ тому убѣжденію, что народъ не долженъ принимать никакого участія въ правленіи...

— Быть можетъ мнѣ, какъ сыну епископальной церкви, не слѣдуетъ говорить противъ своей родной матери! возразилъ Гевитъ.— Но то, чтò я скажу должно служить средствомъ для спасенія нашей церкви, которая для меня дороже всего въ мірѣ, такъ какъ я поклялся, что буду принадлежать ей до послѣдняго дня моей жизни. Мнѣ кажется, что здѣсь можетъ быть рѣчь только о томъ, чтò создано человѣческими руками, какъ напримѣръ, свѣтская власть епископовъ. Пожертвуемъ ей, чтобы удержать въ нашей церкви то, чтò установлено самимъ Богомъ. Предоставимъ блескъ и обаяніе власти помазаннику божьему на землѣ и вернемся къ евангельской простотѣ. Мы не лишимся черезъ это божественной милости и только выиграемъ въ глазахъ нашихъ противниковъ.

Тонъ глубокаго убѣжденія, съ которымъ говорилъ Гевитъ подѣйствовалъ на короля и его окружающихъ.

— Когда я слышу такія рѣчи изъ вашихъ устъ многоуважаемый г. капелланъ, то онѣ должны неизбѣжно повліять на мои рѣшенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что во всѣхъ важныхъ дѣлахъ я буду прибѣгать къ вашей духовной помощи. Благодарю васъ за добрый совѣтъ.

Съ этими словами король удалился, чтобы въ сопровожденіи своего гостепріимнаго хозяина взглянуть на комнаты, приготовленныя для его помѣщенія. По дорогѣ онъ разспрашивалъ баронета о старинныхъ гербахъ, надписяхъ и фамильныхъ портретахъ, которыми были украшены стѣны залъ и большой лѣстницы, по которой никто не ходилъ съ тѣхъ поръ, какъ опустѣлъ Чильдерлейскій зáмокъ. Теперь эта лѣстница была покрыта коврами и сверху до низу убрана зелеными вѣтками и гирляндами цвѣтовъ.

Король обѣдалъ въ такъ называемой «Presence-Chamber», самой обширной и великолѣпной комнатѣ во всемъ зáмкѣ. На галлереяхъ

была помѣщена музыка; толпа любопытныхъ тѣснилась у входа, чтобы видѣть и привѣтствовать короля. За стуломъ его величества стоялъ будущій владѣлецъ Чильдерлея въ костюмѣ пажа. Этикетъ англійскаго двора былъ соблюденъ до мельчайшихъ подробностей; всѣ придворные чины были налицо. Пажи (за исключеніемъ Джона) подавали кушанье на серебряныхъ закрытыхъ блюдахъ. Вновь назначенный придворный капелланъ прочиталъ обѣденную молитву. Кубокъ съ виномъ былъ поданъ королю на колѣняхъ; онъ всталъ съ мѣста и провозгласилъ тостъ за друзей, которые были возвращены ему. Въ отвѣтъ на это раздались громкіе крики восторга, которые вмѣстѣ съ звуками музыки далеко разнеслись по окрестнымъ полямъ, освѣщеннымъ лѣтнимъ солнцемъ.

Послѣ обѣда пріѣхалъ Кромвель, сопровождаемый многочисленной свитой генераловъ, полковниковъ и капитановъ своего штаба. Иретонъ и Дезборо находились неотлучно при немъ.

Король въ это время удалился въ приготовленные для него покои, и когда ему доложили о пріѣздѣ Кромвеля, то онъ отложилъ аудіенцію до вечера.

Но тѣмъ задушевнѣе и непринужденнѣе была встрѣча Оливіи съ Кромвелемъ, которая первая вышла къ нему на встрѣчу.

— Дитя мое, спросилъ Кромвель,—что съ тобой? Я никогда не видѣлъ тебя такой серьезной!

— Но я никогда не чувствовала себя такой счастливой, какъ теперь... сказала она, и какъ бы опомнившись добавила торопливо:— Я такъ рада, что опять вижу васъ въ Чильдерлейскомъ замкѣ!

Вошелъ баронетъ и дружески протянулъ руку человѣку, котораго онъ ненавидѣлъ въ послѣдніе годы всѣми силами своей души.

— Я сдержалъ свое слово Оливеръ! сказалъ баронетъ.

— И я также сэръ! возразилъ Кромвель.—Вы видите вашъ замокъ стоитъ нетронутый до сихъ поръ въ своемъ прежнемъ великолѣпіи.

— Дай Богъ, чтобы онъ остался такимъ какъ можно долѣе! сказалъ баронетъ.—Я желалъ бы передать его моимъ дѣтямъ въ томъ видѣ, какимъ я получилъ его отъ моихъ родителей.

— Быть можетъ, вы оставите его еще въ лучшемъ видѣ, отвѣтилъ шутя Кромвель. Затѣмъ положивъ руку на голову Оливіи, онъ сказалъ:—Знаешь ли ты милое дитя мое, что я былъ твоимъ крестнымъ отцомъ и что тебя назвали Оливіей въ честь меня.

— Я никогда не забывала этого!

— Ну, а какъ ты поживаешь мой будущій капитанъ! спросилъ Кромвель, ударивъ слегка по плечу молодаго Джона.

Но сынъ баронета, проникнутый сознаніемъ своихъ обязанностей относительно новаго господина, презрительно отвернулся со словами:

— Я пажъ его величества, и поэтому не могу быть вашимъ капитаномъ, генералъ!

Наступилъ вечеръ, и яркій свѣтъ множества зажженныхъ свѣчей разлился по большой залѣ, въ которой его величество намѣревался принять Кромвеля.

Въ назначенный часъ дверь отворились настежъ; вошелъ маршалъ съ бѣлымъ жезломъ; за нимъ слѣдовали пажи въ пунцовой одеждѣ съ золотомъ, держа въ рукахъ зажженныя восковыя свѣчи. Затѣмъ въ залу вошелъ король въ сопровожденіи дворянъ. Онъ былъ такъ одѣтъ, какъ одѣвался въ былыя времена для пріема знатныхъ посѣтителей или въ особенно торжественныхъ случаяхъ. На немъ было голубое бархатное платье, украшенное орденами. На лѣвомъ колѣнѣ отсвѣчивалъ бриллiантовый орденъ Подвязки; на груди была звѣзда св. Георгія изъ дорогаго оникса окруженнаго крупными алмазами. Не мало было на немъ и другихъ дорогихъ камней, сверкавшихъ при яркомъ освѣщеніи залы, такъ что король казался какъ бы окруженнымъ сіяніемъ, когда онъ подошелъ къ срединѣ залы, гдѣ стоялъ тронъ подъ богатымъ балдахиномъ.

Всѣ подошли къ его рукѣ; дошла очередь до Кромвеля и Иретона. Невольный ужасъ охватилъ сердца присутствующихъ, когда герольдъ возвѣстилъ громкимъ голосомъ:

— Его превосходительство, генералъ Оливеръ Кромвель!

Кромвель сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, поклонился королю, но, не выразивъ ни малѣйшаго желанія поцѣловать его руку, снова выпрямился. Затѣмъ герольдъ назвалъ имя Иретона; онъ поклонился королю издали и всталъ рядомъ съ своимъ тестемъ.

По знаку его величества всѣ удалились изъ залы кромѣ почетной стражи; король остался наединѣ съ самыми вліятельными лицами въ арміи. Королю было трудно выказать равнодушіе, котораго онъ не чувствовалъ на дѣлѣ. Передъ нимъ стоялъ человѣкъ незнатнаго происхожденія; но этотъ человѣкъ держалъ судьбу государства въ своихъ рукахъ. Разумъ предписывалъ ему обласкать Оливера Кромвеля; но онъ чувствовалъ къ послѣднему непреодолимое отвращеніе и былъ слишкомъ гордъ, чтобы пересилить себя. Онъ бросилъ полупрезрительный боязливый взглядъ на приземистую фигуру своего противника, одѣтаго въ простое платье, безъ всякихъ орденовъ и украшеній, и сталъ внимательно разсматривать его. Казалось, что въ эту минуту онъ съ недовѣріемъ взвѣшивалъ его силы и мысленно спрашивалъ себя: неужели соединенныя усилія его дворянъ и приверженцевъ не могутъ отстранить этаго ненавистнаго человѣка и весь блескъ англійской короны недостаточенъ, чтобы подкупить его или привлечь на свою сторону. Но чувство полной безпомощности овладѣло королемъ, когда онъ разглядѣлъ суровое лицо Кромвеля, покрытое глубокими морщинами отъ усиленной умственной работы и невзгодъ войны, загорѣлое отъ воздуха лагерной жизни, съ полными губами, большимъ носомъ, густыми бровями, металлическимъ блескомъ голубыхъ

глазъ, отяжелѣвшими вѣками и большой бородавкой на правомъ глазу.

— Благодарю васъ, генералъ, за тотъ почетъ, съ какимъ меня встрѣтили солдаты вашихъ полковъ, сказалъ король глухимъ нерѣшительнымъ голосомъ.

Кромвель сохранялъ полное спокойствіе честнаго человѣка не имѣющаго никакихъ затаенныхъ мыслей. Въ его обращеніи съ королемъ не замѣтно было ни малѣйшаго принужденія; онъ не имѣлъ притязанія состязаться съ придворными въ утонченныхъ манерахъ и желалъ быть только вѣжливымъ.

— Ваше величество, сказалъ онъ,—я обязался своей честью исполнить то, чтò вамъ обѣщано, и сдержу слово.

Король былъ самъ убѣжденъ въ этомъ; но ему было недостаточно общаго обѣщанія, которое гарантировало ему безопасность его личности и обхожденіе приличное его высокому сану. Поэтому онъ употребилъ всю изворотливость своего ума, чтобы добиться болѣе существенныхъ обѣщаній, которыя бы обезпечивали его права, какъ главы государства.

Но Кромвель и Иретонъ были на-сторòжѣ и настолько сдержанны въ своихъ выраженіяхъ, что изъ ихъ словъ трудно было вывести какое либо заключеніе. Они отклонили отъ себя рѣшеніе вопроса подъ предлогомъ недовѣрія, съ какимъ относится къ нимъ парламентъ, и добавили, что, по ихъ мнѣнію, армія и народные представители должны сообща обсудить дѣло и дать отвѣтъ его величеству.

Король, выведенный изъ терпѣнія медленностью, съ какой велись переговоры, едва не позволилъ себѣ рѣзкой выходки, такъ какъ по своему нерѣшительному характеру всегда слѣдовалъ впечатлѣнію минуты и оставался вѣренъ только своимъ предразсудкамъ и недовѣрію къ той или другой личности. Въ этихъ случаяхъ разумъ и сознаніе крайней необходимости нерѣдко оказывались безсильными.

Разговоръ происходилъ вполголоса, такъ что многія подробности ускользнули отъ слуха почетной стражи, стоявшей у дверей. Но, по свидѣтельству нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ офицеровъ, Иретонъ возвысивъ голосъ сказалъ:

— Ваше величество желаетъ быть посредникомъ между нами и парламентомъ; но мы полагали, что на насъ возложена обязанность быть посредниками между вашимъ величествомъ и парламентомъ.

Кромвель однимъ взглядомъ остановилъ вспышку своего зятя, и разговоръ опять продолжался въ прежнемъ тонѣ.

Такимъ образомъ Кромвель, какъ видно изъ показаній свидѣтелей, такъ и изъ мемуаровъ и описаній его враговъ, сохранилъ въ данномъ случаѣ полнѣйшее спокойствіе, которое не могло быть

нарушено никакимъ побочнымъ обстоятельствомъ. Онъ отнесся къ королю съ участіемъ и при встрѣчѣ съ нимъ настолько отрѣшился отъ преимуществъ и внѣшняго блеска своего положенія, насколько это было совмѣстимо съ его цѣлями. Сознаніе, что судьба короля въ его рукахъ не дѣлало его заносчивымъ и жестокимъ; онъ считалъ себя орудіемъ предначертаній Всевышняго, которому онъ прежде всего обязанъ отдать отчетъ въ вѣрномъ исполненіи возложеннаго на него долга. Послѣднее обстоятельство всего болѣе способствовало его чувству собственнаго достоинства и тому такту, который онъ выказалъ во время своего свиданія съ королемъ.

Но Карлъ I, сообразно своей мелочной натурѣ, не былъ въ состояніи оцѣнить характеръ этого великаго человѣка и судилъ о немъ съ своей узкой точки зрѣнія. Видя, что убѣжденія не дѣйствуютъ, онъ перемѣнилъ тонъ и старался склонить на свою сторону «раззорившагося арендатора Эли» (какъ называлъ Кромвеля Филиппъ Уорвикъ) блистательными обѣщаніями почестей и богатства. Говорятъ, что онъ даже предлагалъ ему титулъ графа Эссенса съ годовымъ содержаніемъ въ 10,000 ф. стерлинговъ и обѣщалъ ему и его зятю орденъ Подвязки. Но никто изъ составителей мемуаровъ того времени, ни даже самъ Уорвикъ, роялистъ по убѣжденіямъ, не говоритъ, что Кромвель или Иретонъ соблазнились этими обѣщаніями.

Король замѣтно пришелъ въ дурное расположеніе духа:

— Я вижу изъ вашихъ словъ, что долженъ сообразно обстоятельствамъ поступить такъ, какъ признàю наилучшимъ! сказалъ онъ возвысивъ голосъ.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ Иретонъ,—ваше величество дозволитъ и намъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Вмѣшательство Кромвеля тотчасъ же остановило эту новую вспышку раздраженія. Затѣмъ разговоръ опять перешелъ въ полушопотъ.

Изъ всѣхъ находившихся въ залѣ никто не слѣдилъ за бесѣдой короля съ Кромвелемъ съ болѣе напряженнымъ вниманіемъ, какъ Франкъ Гербертъ. Въ то время какъ всѣ его товарищи по службѣ относились съ безусловнымъ довѣріемъ къ своему предводителю, онъ видѣлъ поводъ къ подозрѣнію даже въ спокойномъ и вѣжливомъ обращеніи Кромвеля съ королемъ. Разговоръ, который онъ имѣлъ утромъ съ двумя своими близкими родственниками, графомъ Пемброкъ, приверженцемъ парламента, и мистеромъ Гербертомъ, преданнымъ слугой короля, еще болѣе усили его сомнѣнія. Мысль о предстоящемъ счастьи только отчасти смягчала глубокую грусть, охватившую его сердце. Быть можетъ онъ считалъ себя сильнѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности? невольно спрашивалъ онъ себя. Развѣ не малодушіе покинуть свою родину въ тотъ моментъ, когда ей грозитъ наибольшая опасность, отказаться отъ борьбы за сво-

боду своихъ соотечественниковъ ради блаженства любви!.. Но въ эти минуты мучительныхъ сомнѣній и душевной тревоги ему достаточно было взглянуть на Оливію, чтобы почувствовать успокоеніе. Никогда не казалась она ему такой красивой, какъ въ этотъ день, въ своемъ длинномъ платьѣ изъ бѣлаго атласа, съ шлейфомъ вышитымъ золотомъ и подобраннымъ голубыми лентами.

Король подалъ знакъ, что аудіенція кончена, и въ тотъ же моментъ зала наполнилась лицами принадлежавшими къ главному штабу Кромвеля и представителями высшаго англійскаго дворянства. Король, видя себя окруженнымъ своими вѣрными приверженцами, опять пришелъ въ хорошее расположеніе духа, которое было временно нарушено предъидущимъ разговоромъ.

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ перешли изъ большой залы въ сосѣднюю комнату, гдѣ король, любитель рѣдкостей, внимательно разсматривалъ старое оружіе, боевые снаряды, шлифованные кубки и бокалы богато украшенные рѣзьбой.

Это была та самая комната, въ которой два года тому назадъ, владѣлецъ Чильдерлейскаго замка угощалъ ужиномъ герцога Бокингема и сэра Генри Слингсби. Копья, ружья, сѣкиры и щиты висѣли по стѣнамъ на прежнихъ мѣстахъ. Король остановился передъ портретомъ, висѣвшимъ на задней стѣнѣ комнаты.

— Чей это портретъ? спросилъ король, обращаясь къ Оливіи, которая сопровождала его въ качествѣ хозяйки дома.—Онъ удивительно похожъ на васъ миледи!

— Это мать Оливера Кромвеля, ваше величество! отвѣтила Оливія съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

Тѣнь неудовольствія пробѣжала по лицу короля; онъ торопливо отвернулся.

Слѣдующій предметъ, обратившій вниманіе короля среди множества другихъ рѣдкостей, была изящная арфа украшенная тонкой рѣзьбой. Повидимому она уже давно не была въ употребленіи, такъ какъ стояла въ углу комнаты, на половину закрытая стуломъ.

— Господа, нѣтъ ли между вами пѣвцовъ въ родѣ царя Давида? сказалъ съ улыбкой король, обращаясь къ окружающимъ, потому что Саулъ чувствуетъ, что злой духъ скоро опять начнетъ возмущать его.

— Давидъ былъ опасный пѣвецъ и стремился къ коронѣ; я не желаю походить на него! сказалъ Джемсъ Стюартъ, герцогъ Леноксъ и Ричмондъ, близкій родственникъ короля, перебирая струны арфы, которая издала протяжный мелодичный звукъ.

Всѣ бывшіе въ залѣ столпились къ дверямъ. Строгій пуританинъ Кромвель былъ также въ числѣ ихъ, онъ безучастно смотрѣлъ на придворную забаву. Это не понравилось королю, который тотчасъ же повернулся къ нему спиной.

Герцогъ пропѣлъ двѣ любовныя аллегорическія пѣсни, испол-

ненныя двусмысленныхъ намековъ, соотвѣтствовавшихъ легкомысленному настроенію господствовавшему при дворѣ Карла I. Поэтъ въ одной изъ нихъ сравнивалъ лицо своей возлюбленной съ садомъ, прелестнымъ какъ рай, въ которомъ цвѣтутъ розы и лиліи и въ числѣ другихъ плодовъ ростутъ вишни. Но никто не можетъ купить этихъ вишень, добавилъ поэтъ, пока онѣ сами не захотятъ продать себя. Ни пэръ королевства, ни принцъ не могутъ купить ихъ, пока юноша не выскажетъ своихъ надеждъ и своимъ постоянствомъ и вѣрностью не обезпечитъ себѣ права наслаждаться вишнями (подъ вишнями поэтъ подразумѣвалъ губы воспѣтой имъ красавицы).

Затѣмъ слѣдовало хоровое пѣніе. Это была одна изъ тѣхъ опереттокъ пасторальнаго характера, которыя были въ модѣ во времена королевы Елизаветы, и не разъ исполнялись при дворѣ Карла I. Герцогъ аккомпанировалъ на арфѣ; графъ Соутгемптонъ исполнялъ роль пастуха, графъ Линдзей—нимфы, маркизъ Гертфордъ и другіе придворные составляли хоръ. Слова Бэна Джонсона и музыка Генри Лауса, любимаго композитора того времени, подражателя итальянскаго стиля, вызвали въ душѣ короля воспоминаніе о прошломъ счастьѣ. Онъ опять видѣлъ себя въ Уайтголлѣ, въ роскошной банкетной залѣ, расписанной Рубенсомъ; передъ кулисами красиво устроеннаго придворнаго театра проходили фантастическіе хоры, изящныя фигуры женщинъ, которыхъ обезсмертилъ Ванъ-Дикъ въ своихъ картинахъ.

Гевитъ, видя, что всѣ занялись музыкой, воспользовался удобнымъ случаемъ чтобы подойти къ Франку Герберту, стоявшему въ сторонѣ отъ остального общества. Онъ сообщилъ ему вполголоса, что говорилъ съ отцомъ Оливіи, но что баронетъ, благодаря своимъ закоснѣлымъ предразсудкамъ, отнесся къ дѣлу не совсѣмъ благосклонно.

— Впрочемъ, добавилъ Гевитъ съ таинственной улыбкой,—если будетъ угодно Всевышнему, все устроится наилучшимъ образомъ не далѣе какъ сегодня вечеромъ.

— Сегодня вечеромъ? спросилъ съ удивленіемъ Гербертъ.

Но этотъ вопросъ остался безъ отвѣта, такъ какъ хоръ замолкъ, и король обратился къ Оливіи съ просьбой спѣть что нибудь и доставить этимъ удовольствіе собравшемуся обществу.

Оливія менѣе чѣмъ когда нибудь была расположена къ пѣнію. Чувство необъяснимаго страха овладѣло ею съ того момента, когда она вошла въ эту комнату. Волновало ли ее воспоминаніе о томъ памятномъ для нея вечерѣ, послѣ котораго произошло столько перемѣнъ въ ея жизни, или это было предчувствіе близкой бѣды. Ей казалось, что портретъ, висѣвшій на стѣнѣ, смотритъ на нее съ какимъ-то страннымъ грустнымъ выраженіемъ.

Но дочь баронета придавала слишкомъ большое значеніе же

ланію короля, чтобы отказать ему или выказать колебаніе. Съ тяжелымъ сердцемъ взялась она за инструментъ, до котораго давно не прикасалась ея рука, и начала наигрывать серьезную грустную мелодію. Она дѣлала надъ собой напрасныя усилія; но никакая другая пѣсня не приходила ей въ голову, кромѣ той, которую она когда-то нашла въ старомъ сборникѣ пѣсенъ. Она начала пѣть дрожащимъ голосомъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ мелодичнѣе становилось ея пѣніе; въ немъ выразилась вся глубина и чарующая сила любящей души, объятой страхомъ передъ неизвѣстной будущностью:

«Ты лжешь весна!—Не дашь ты намъ прочнаго счастья.
«Быстро отцвѣтаетъ краса природы обновленной весеннимъ ливнемъ,
«Все, что ты даешь весна, носитъ въ себѣ зародышъ смерти.
«Ярко горитъ вечерняя заря на небосклонѣ
«Но свѣтъ ея померкнетъ съ твоимъ первымъ привѣтомъ—
«О лживый міръ!—Лучшее въ тебѣ мечта».

Чѣмъ дальше пѣла Оливія, тѣмъ болѣе овладѣвало ею чувство безотчетнаго страха. Она охотно отказалась бы отъ пѣнія; но присутствіе короля мѣшало ей поддаться внушенію фантазіи. Сердце ея усиленно билось. Быть можетъ это была робость молодой дѣвушки мало привыкшей къ обществу, при видѣ такого множества незнакомыхъ людей; или ее смущала близость Франка Герберта? Она чувствовала его мрачный взглядъ, неподвижно устремленный на нее. Неужели въ душѣ его уже проснулось сожалѣніе, что онъ такъ рано покидаетъ путь ведущій къ славѣ? Неужели любовь ничего не можетъ дать взамѣнъ мимолетнаго удовлетворенія честолюбія?.. Или онъ сердится на нее? Но въ чемъ она могла провиниться передъ нимъ?..

Она усиленно старалась побороть въ себѣ эти мысли, что еще увеличивало ея возбужденное состояніе и придавало ту выразительность и задушевность ея пѣнію, которая не всегда выпадаетъ на долю даже настоящихъ артистокъ.

«Ты лжешь лѣто! Не ты ли ослѣпляешь мечтами отуманенный умъ,
«Указывая ему открытый путь славы и великихъ дѣлъ,
«Который такъ высоко цѣнятъ люди.
«Безумецъ не страшится борьбы и смѣло вступаетъ на скользкій путь
«Не тронетъ его голосъ нѣжной мольбы.
«Но твоя слава, о лживый свѣтъ—пустое слово!
«Твой лавровый вѣнокъ—поблекшія листья!»

«Ты лжешь осень! Кроткими прощальными лучами
«Озаряешь ты картину сжатыхъ полей,
«Гдѣ виднѣются только снопы и могилы:
«Но что бы не потеряли и не пріобрѣли люди
«Сердце ихъ спокойно;
«Съ благодарностью упивается грудь вѣяніемъ мира.
«Но какъ вѣтеръ сметаетъ листья съ кустарника,
«О лживый свѣтъ, такъ разлетаются и эти послѣднія мечты».

Оливія остановилась. Все ближе и ближе надвигались на нее тѣни; свѣчи горѣли тусклымъ желтоватымъ свѣтомъ; ей казалось, что густой чадъ спускается на нихъ сверху и они начинаютъ меркнуть. Мало по малу все стушевалось въ этомъ зловѣщемъ полумракѣ; изъ всѣхъ присутствующихъ она видѣла только Франка Герберта и короля стоявшаго подъ тяжелой сѣкирой висѣвшей на стѣнѣ. Въ головѣ ея промелькнула мысль, что сѣкира можетъ упасть со стѣны; она содрогнулась при этой мысли; ей хотѣлось протянуть руку, чтобы спасти короля; но у ней не достало на это силъ. Чей-то невидимый голосъ настойчиво шепталъ ей, что она должна спѣть пѣсню до конца.

Она снова запѣла:

«Лжешь и ты зима!—Когда своимъ кроткимъ отблескомъ
«Даешь намъ въ тѣсной комнатѣ счастье любви,
«Которое мы искали въ цѣломъ мірѣ,—
«Ахъ если бы ты всегда осталась для насъ такой!
«Но тише! слышешь стукъ, онъ все ближе и ближе
«Къ тебѣ прикоснулась холодная рука... тебя зовутъ...
«О лживый свѣтъ, правда въ немъ—одна могила!..»

Оливія пропѣла послѣднія слова пѣсни блѣдными помертвѣвшими губами. Съ ней дѣлалось головокруженіе; она едва не упала; но Франкъ Гербертъ успѣлъ во-время поддержать ее. Она узнала его, несмотря на полусознательное состояніе, и довѣрчиво обвила его шею обѣими руками, къ смущенію всѣхъ присутствующихъ.

Въ комнатѣ водворилось мертвое молчаніе.

Король воспользовался этой минутой, чтобы исполнить обѣщаніе данное имъ своему новому капеллану.

— Мнѣ извѣстно мой храбрый полковникъ, сказалъ онъ обращаясь къ Франку Герберту, который машинально прислушивался къ его словамъ,—что вы любите эту молодую дѣвушку, и что она отвѣчаетъ вамъ тѣмъ же чувствомъ. Сэръ Товій, одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ и преданныхъ мнѣ подданныхъ; онъ не желаетъ, чтобы вы женились на его дочери, потому что вы принадлежали до сихъ поръ къ непріязненной мнѣ партіи. Но я хочу доказать моимъ приверженцамъ, что могу быть великодушнымъ къ моимъ бывшимъ врагамъ. Чильдерлейскій баронетъ, отказавъ вамъ въ рукѣ своей дочери, не откажетъ мнѣ въ правѣ устроить ея судьбу. Вы въ числѣ многихъ другихъ подняли противъ меня знамя возмущенія; примите теперь отъ меня залогъ мира въ лицѣ вашей невѣсты. Я позабочусь о вашемъ будущемъ благосостояніи.

Франкъ Гербертъ внимательно выслушалъ окончаніе рѣчи короля. Онъ выпрямился во весь ростъ и отвѣтилъ глухимъ голосомъ:

— Ваше величество я не могу принять отъ васъ подобной милости. Я никогда не измѣню своимъ убѣжденіямъ ради любви. Это была бы сдѣлка съ совѣстью; о Франкѣ Гербертѣ никто не скажетъ, что онъ продалъ себя.

— Молодой человѣкъ, совѣтую вамъ хорошенько подумать, прежде, чѣмъ принять какое нибудь рѣшеніе! сказалъ король болѣе удивленный, нежели разгнѣванный, потому что онъ не совсѣмъ понялъ отвѣтъ молодаго республиканца.

Франкъ Гербертъ продолжалъ:

— Я дѣйствительно считалъ для себя величайшимъ счастьемъ жениться на этой дѣвушкѣ; и хотѣлъ удалиться съ нею отъ противорѣчій нашего времени въ уединеніе безмятежной сельской жизни. Но я могъ сдѣлать это какъ свободный человѣкъ. Вы, ваше величество, разрушили эту мечту своимъ вмѣшательствомъ. Красота моей возлюбленной ежеминутно напомнила бы мнѣ эту минуту, когда я измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ. Ея улыбка и ласки дѣйствовали бы на меня какъ медленный ядъ; онѣ не могли бы заглушить того презрѣнія, которое я чувствовалъ бы къ самому себѣ. Ничто на свѣтѣ, ни даже любовь къ женщинѣ избранной моимъ сердцемъ не заставитъ меня быть клятвопреступникомъ. Моя честь не позволяетъ мнѣ ни обманывать васъ, ни принимать какія бы то ни было милости отъ вашего величества.

Франкъ Гербертъ замолчалъ. Король казался серьезнымъ и задумчивымъ; но окружавшіе его придворные обнажили шпаги.

— Это государственное преступленіе! говорили они.—Оскорбленіе его величества!.. Мы не можемъ допускать подобныхъ вещей...

Владѣлецъ Чильдерлейскаго замка прежде всѣхъ бросился на Герберта съ поднятой шпагой; но этотъ спокойно отразилъ нападеніе.

— Не забывайте, что вы въ присутствіи короля! сказалъ Карлъ I беззвучнымъ голосомъ.—Не нарушайте правъ гостепріимства.

Франкъ Гербертъ подошелъ медленнымъ, но твердымъ шагомъ къ бархатному дивану, стоявшему у стѣны, на которомъ сидѣла Оливія блѣдная какъ смерть. Она подняла на него глаза; въ этомъ взглядѣ было столько любви и безутѣшняго горя, что онъ невольно отвернулся на минуту. Затѣмъ онъ бросился на колѣни передъ блѣдной огорченной дѣвушкой:

— Ты одна знаешь какъ велика моя жертва, такъ какъ тебѣ одной извѣстно, какъ я люблю тебя! сказалъ онъ взволнованнымъ прерывающимся голосомъ. Но мы должны разстаться моя дорогая. Я увѣренъ, что вспоминая обо мнѣ ты не будешь упрекать меня, что я не рѣшился измѣнить своимъ убѣжденіямъ ради личнаго счастья.

Оливія, убитая горемъ, не въ силахъ была произнести ни одного слова. Онъ поднялся на ноги и тѣмъ же медленнымъ твердымъ шагомъ вышелъ изъ комнаты.

— Это опасный человѣкъ! пробормоталъ Иретонъ сквозь зубы.

Кромвель молчалъ; но взглядъ его былъ внимательно устремленъ на его подчиненнаго, пока онъ не исчезъ въ дверяхъ.

Франкъ Гербертъ вышелъ въ поле. Вѣтеръ освѣжилъ его. Онъ дошелъ до дерновой скамьи, на которой наканунѣ сидѣлъ съ Оливіей и сдѣлалъ ей признаніе въ любви. Онъ съ отчаяніемъ опустился на землю; глухія рыданія вырвались изъ его груди. Но черезъ минуту несчастный юноша снова всталъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ;—борьба еще не окончена; но, противъ кого она не была бы направлена, я буду до конца служить дѣлу свободы!..

Нѣсколько дней спустя король, окруженный многочисленнымъ и блестящимъ штатомъ придворныхъ, въѣхалъ въ великолѣпный замокъ Гамптонъ-Кортъ близъ Темзы. Одновременно съ этимъ армія вступила въ Лондонъ; во главѣ ея ѣхали верхами Кромвель и Ферфаксъ. Войска торжественно прошли по Сити и заняли Тоуэръ, лондонскую цитадель, С.-Джемсъ, королевскіе дворцы, весь Вестминстеръ. Лондонъ, сердце Англіи и слѣдовательно вся страна были въ рукахъ арміи. Пресвитеріане были удалены изъ парламента; городской и муниципальный совѣтъ распущены и сформированы заново. Эти первые изгнанники народной партіи отправились во Францію; въ числѣ ихъ былъ лордъ Дензилъ Голлисъ, глава пресвитеріанской партіи, написавшій впослѣдствіи свои «Мемуары», которые онъ закончилъ словами: «Мнѣ остается только воскликнуть подобно Бруту: злополучная добродѣтель ты была пустымъ словомъ; я хотѣлъ возвеличить тебя и служить тебѣ какъ чему-то дѣйствительно существующему, но ты сама повинуешься успѣху!»

ГЛАВА IV.

Пасха.

Былъ одинъ изъ тѣхъ холодныхъ и сырыхъ дней, которые такъ часто бываютъ въ Лондонѣ даже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Наступали сумерки.

Мы попросимъ нашего читателя послѣдовать за нами въ домъ еврея Авраама въ Сити, гдѣ онъ наконецъ нашелъ пріютъ съ своей семьей и прожилъ спокойно нѣсколько мѣсяцевъ послѣ всѣхъ бѣдствій, испытанныхъ имъ во время междоусобной войны. Хотя ничто не связывало его съ почвой Англіи пропитанной кровью ея сыновъ, но тѣмъ не менѣе и онъ попалъ въ общій водоворотъ, который засталъ его врасплохъ и насильственно увлекъ за собой. Въ это печальное время фанатизма и безумныхъ религіозныхъ

преслѣдованій, еврей слишкомъ привыкъ смотрѣть на себя какъ на отверженца, стоящаго внѣ общества, чтобы интересоваться текущими политическими событіями. Какое было ему дѣло до того, что короли и народы ссорились между собой, что государство враждовало съ церковью! Вокругъ него толковали о свободѣ личности и совѣсти, о правахъ и государственномъ устройствѣ. Но для него, безроднаго и гонимаго въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ, не существовало ни свободы, ни права. Могъ ли онъ относиться съ участіемъ къ исходу борьбы, въ которой даже не упоминалось его имя? На чьей бы сторонѣ ни былъ перевѣсъ онъ дѣлался добычей побѣдителя.

Англія возставшая за свою свободу, виновница одной изъ самыхъ великихъ революцій міра, была менѣе либеральна относительно евреевъ, нежели Германія, такъ какъ она даже не допускала ихъ присутствія въ странѣ. Въ силу формальнаго королевскаго декрета, изданнаго четыре столѣтія тому назадъ, ни одинъ еврей не имѣлъ права вступать на почву Англіи. Исключеніе сдѣланное Карломъ I въ пользу Авраама еще больше усилило народную ненависть противъ послѣдняго и навлекло на него подозрѣніе въ государственной измѣнѣ, хотя онъ никогда не вмѣшивался въ политическія дѣла. Ограбленный роялистами, преслѣдуемый благочестивыми пресвитеріанами, онъ не видѣлъ въ будущемъ иного исхода для себя и своей семьи, кромѣ крайней нищеты или постыдной смерти. Поэтому мысль о предстоящемъ свиданіи съ предводителемъ мятежной арміи приводила его въ ужасъ. Но, вмѣсто ожидаемой жестокости и суроваго приговора надъ нимъ и его единовѣрцами, къ нему отнеслись съ искреннимъ участіемъ и симпатіей. Онъ впервые услышалъ слово: «вѣротерпимость» изъ устъ человѣка, передъ которымъ начинала трепетать вся Европа.

Это слово магически подѣйствовало на душу бѣднаго еврея. Передъ его умственнымъ кругозоромъ открылся новый міръ; надежда проснулась въ его сердцѣ. Неужели, спрашивалъ онъ себя, евреямъ позволятъ жить какъ другимъ людямъ, открыто молиться своему богу, и имъ не придется больше страдать отъ ненависти и презрѣнія другихъ націй! Быть можетъ слова Божественнаго Откровенія должны быть объяснены иначе нежели ихъ толковали до сихъ поръ. Новый Іерусалимъ не тамъ, гдѣ его ожидали евреи; они обрѣтутъ родину въ чужой землѣ, чужой народъ скажетъ имъ: Будьте равноправны съ нами; стройте себѣ жилища, занимайтесь земледѣліемъ, искусствами, ремеслами, наукой и торговлей наравнѣ съ нами! Раздѣлите съ нами счастье и несчастье; у васъ будутъ тѣ же права и обязанности!

Освобожденіе еврейскаго народа уже не представлялось болѣе Аврааму въ неопредѣленной дали. Это была не мечта, а дѣйствительность, надъ осуществленіемъ которой обязанъ былъ трудиться

каждый еврей. Эта мысль придавала ему бодрость и поддерживала его силы. Тоже высказалъ и Кромвель. Авраамъ твердо вѣрилъ въ высокое призваніе этого человѣка и надѣялся, что онъ сдѣлаетъ многое для евреевъ, если побѣда останется на его сторонѣ, и что его примѣръ благодѣтельно отразится въ остальной Европѣ и побудитъ другія страны подражать Англіи. Поэтому побѣда Кромвеля не могла быть безразлична для Авраама; онъ сталъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за ходомъ событій, и политика впервые получила для него живой интересъ.

Домъ Авраама въ Сити въ продолженіи послѣднихъ трехъ лѣтъ стоялъ запертый наглухо отъ солнца и свѣта, и только крысы и мыши жили въ немъ. Почтенный еврей, прежде чѣмъ вступить во владѣніе своимъ прежнимъ жилищемъ, долженъ былъ преодолѣть рядъ затрудненій. Лондонскій муниципальный совѣтъ неохотно исполнилъ приказаніе Кромвеля и отнесся къ еврею, пользующемуся его покровительствомъ, съ крайнимъ недоброжелательствомъ, такъ какъ видѣлъ въ немъ интригана, отъ котораго нужно избавиться при первой возможности. Также непріязненно встрѣтили его обитатели сосѣднихъ домовъ, и только немногіе имѣвшіе съ нимъ болѣе близкія сношенія оцѣнили честность и природный умъ Авраама, и находили, что онъ можетъ быть такимъ же хорошимъ сосѣдомъ, какъ любой христіанинъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ м-ръ Эдвардъ Никласъ, секретарь Кромвеля, человѣкъ, обладающій обширными знаніями, особенно въ богословіи, которое согласно духу того времени пользовалось особеннымъ почетомъ. Онъ настолько зналъ по-еврейски, насколько можно было изучить этотъ языкъ въ Оксфордѣ, и, хотя съ нѣкоторымъ трудомъ, но могъ читать въ подлинникѣ библію, что̀ было необходимо для него при постоянныхъ богословскихъ спорахъ, которые велись тогда не только съ церковныхъ каѳедръ, но и въ кабинетахъ ученыхъ. Знакомство съ такимъ образованнымъ евреемъ, какъ Авраамъ, было большой находкой для Никласа. Теперь онъ не только имѣлъ возможность до тонкости изучить еврейскій языкъ, но и познакомиться съ Талмудомъ, этой замѣчательной книгой, исполненной величайшей мудрости, гдѣ преданія, легенды и лирическія стихотворенія встрѣчались наряду съ юридическими тонкостями и глубокомысленными изреченіями. М-ръ Никласъ скоро понялъ, какую выгоду онъ можетъ извлечь изъ этого малоизвѣстнаго источника, если воспользуется его богатымъ нетронутымъ матеріаломъ для своихъ богословскихъ сочиненій, направленныхъ противъ пресвитеріанъ. Онъ заранѣе мечталъ о томъ, какъ онъ побьетъ и ослѣпитъ своихъ противниковъ ссылками на писателей, которыхъ они никогда не читали, и въ особенности на книгу Талмуда, которая была бы непонятна для него самого безъ помощи Авраама. Поэтому м-ръ Никласъ дорожилъ своимъ сосѣдомъ, какъ важнымъ случайно сдѣ-

ланнымъ открытіемъ, и относился къ нему какъ скупецъ къ своему скрытому сокровищу. Но мы были бы несправедливы къ почтенному секретарю, если бы стали утверждать, что въ данномъ случаѣ онъ руководился одной выгодой. По цѣлымъ вечерамъ просиживалъ онъ около Авраама, и такъ какъ помимо любви къ наукѣ и пытливаго ума, онъ былъ крайне сообщителенъ, то эти продолжительныя и откровенныя бесѣды привели къ тому, что уваженіе, которое онъ сначала чувствовалъ къ умному еврею, мало по малу перешло въ искреннюю дружбу. Одновременно съ этимъ изученіемъ священнаго писанія евреевъ возбудило въ немъ интересъ ко всему еврейству. Онъ убѣждался съ каждымъ днемъ въ какой степени ложны были обвиненія, взводимыя на евреевъ современными богословами. Какъ индепендентъ онъ не находилъ ничего противнаго своей религіи въ терпимости относительно другихъ вѣроисповѣданій; и какъ мыслящій человѣкъ онъ осуждалъ способъ, съ какимъ до сихъ поръ обходились съ евреями. Онъ видѣлъ какъ, вопреки всѣмъ преслѣдованіямъ, эти грандіозные остатки исчезнувшаго древняго міра все болѣе и болѣе проникали въ новѣйшую культуру и пришелъ къ убѣжденію, что нѣтъ иного исхода, какъ признать ихъ легально.

Въ связи съ еврейской религіей м-ръ Никласъ интересовался также своеобразными церемоніями и обычаями своихъ новыхъ друзей. Вслѣдствіе этого онъ пришелъ къ нимъ сегодня вечеромъ ранѣе обыкновеннаго. Приближалась пасха, а этотъ праздникъ, какъ извѣстно, связанъ съ торжественными приготовленіями у евреевъ. Вся посуда въ погребѣ и на кухнѣ замѣняется той, которая употребляется исключительно въ это время; осматриваютъ каждый уголъ, всѣ полки и шкапы, чтобы въ домѣ не осталось ни одной крохи «квашеннаго» хлѣба. Въ продолженіи восьми дней ѣдятъ тонкія жесткія лепешки безъ закваски, которыя, согласно преданію, ѣли при выходѣ изъ Египта дѣти Израиля, не успѣвшія испечь квашеннаго хлѣба, и которыя съ тѣхъ поръ ѣдятъ ихъ потомки въ продолженіи многихъ столѣтій..

Все это разсказалъ Авраамъ своему пожилому другу, широкоплечему приземистому человѣку, съ открытой, честной физіономіей. М-ръ Никласъ съ своей стороны внимательно слушалъ почтеннаго еврея, который съ ученостью раввина соединялъ въ себѣ обходительность свѣтскаго человѣка, и охотно отвѣчалъ на всѣ его вопросы.

Въ это время были особенно распространены баснословные слухи объ еврейской пасхѣ. Во многихъ серьезныхъ сочиненіяхъ говорилось какъ о непреложномъ фактѣ, что евреи для этого праздника употребляютъ христіанскую кровь. М-ръ Никласъ чувствовалъ смущеніе при одной мысли, что онъ самъ въ былыя времена вѣрилъ этому. Единственное заключеніе, которое онъ могъ вывести изъ

прямыхъ указаній библіи и изъ всего, что̀ онъ видѣлъ въ домѣ Авраама, что не послѣднюю роль на этомъ праздникѣ играетъ самая педантичная чистота. Первое, что̀ поразило его, когда онъ вошелъ въ пріемную своихъ друзей, это былъ сырой свѣжій воздухъ недавно вымытыхъ половъ и начисто сметенной пыли, чего онъ никогда не допустилъ бы въ своемъ кабинетѣ, гдѣ безпорядокъ составлялъ для него потребность; и если бы онъ увидѣлъ метлу или ведро воды среди своихъ книгъ, то счелъ бы это величайшимъ для себя несчастіемъ. Но онъ былъ слишкомъ благовоспитанъ, чтобы позволить себѣ какое нибудь замѣчаніе въ чужомъ домѣ.

Онъ засталъ женскую половину семьи Авраама уставшими отъ дневной работы и въ простомъ домашнемъ платьѣ. Сначала онъ протянулъ руку хозяйкѣ дома, видной и все еще красивой женщинѣ лѣтъ пятидесяти; затѣмъ поздоровался съ дочерью Авраама и Мануэллой. Почтенный секретарь былъ со всей семьей въ наилучшихъ отношеніяхъ и относился ко всѣмъ съ одинаковымъ сердечнымъ участіемъ.

Дочь Авраама два мѣсяца тому назадъ вышла замужъ за португальскаго еврея изъ Амстердама, по имени Леонъ-дель-Бланко, съ которымъ она познакомилась въ Бристолѣ. Когда его земляки по приказу Кромвеля сѣли на корабли въ Лондонѣ, чтобы вернуться на родину, Леонъ остался и, съ согласія молодой дѣвушки, просилъ ея руки у Авраама и его жены. Но, чтобы бракъ этотъ могъ состояться, нужно было преодолѣть два препятствія: одно заключалось въ разладѣ, который существовалъ между двумя вѣтвями еврейства. Сара была дочь нѣмецкаго еврея, а Леонъ-дель-Бланко принадлежалъ къ португальской синагогѣ, которая съ давнихъ временъ считала себя выше и знатнѣе другихъ и избѣгала всякихъ сношеній съ своими нѣмецкими единовѣрцами. Второе и главное препятствіе заключалось въ томъ, что Кромвель сдѣлалъ исключеніе для одного Авраама и только ему одному съ семьей дозволилъ жить въ Лондонѣ, а Леонъ-дель-Бланко пока былъ для него постороннимъ человѣкомъ. По статуту Эдуарда I ни одинъ еврей не имѣлъ права даже временно жить въ Англіи, а тѣмъ болѣе пріобрѣсти домъ, землю или какое нибудь имущество. Этотъ статутъ былъ въ силѣ въ продолженіи четырехъ столѣтій и соблюдался и теперь, не смотря на вражду существовавшую между королемъ и парламентомъ. Ненависть къ евреямъ, увеличенная невѣжествомъ, была настолько глубока въ народѣ, что даже лучшіе и наиболѣе развитые люди невольно чувствовали ее, не отдавая себѣ отчета въ ея дѣйствительныхъ или воображаемыхъ причинахъ. Въ данный моментъ весь вопросъ заключался въ томъ, достаточно ли силенъ Кромвель и сочтетъ ли онъ дѣло настолько важнымъ, чтобы идти наперекоръ общему настроенію массы.

Но Кромвель никогда не отклонялся отъ избраннаго имъ пути,

и ничего не дѣлалъ на половину. Хотя онъ прислушивался къ голосу народа и по возможности соображался съ нимъ въ своихъ дѣйствіяхъ; но имѣлъ мужество идти противъ него, когда этого требовала его совѣсть или сознаніе необходимости. Поэтому секретарь Кромвеля, не задумываясь, взялъ на себя ходатайство передъ своимъ патрономъ за Леона-дель-Бланко. Это была первая услуга, которую онъ могъ оказать своему другу, а также первое доказательство уваженія къ его особѣ и новаго, болѣе просвѣщеннаго взгляда на его единовѣрцевъ. Хлопоты м-ра Никласа увѣнчались полнымъ успѣхомъ: онъ принесъ патентъ подписанный главнокомандующимъ арміи, по которому еврею Леону-дель-Бланко предоставлялось жить въ Лондонѣ столько времени, сколько онъ пожелаетъ, имѣть свой домъ и вести торговлю.

Вскорѣ послѣ того совершенъ былъ брачный обрядъ въ небольшой молельнѣ, съ окнами обращенными во дворъ, которую Авраамъ устроилъ въ верхнемъ этажѣ своего дома. Естественно, что м-ръ Никласъ былъ однимъ изъ свидѣтелей, подписавшимъ брачный договоръ, и почетнымъ гостемъ за веселымъ обѣдомъ, который былъ данъ по этому случаю въ домѣ отца невѣсты.

Самъ м-ръ Никласъ во время этой свадьбы былъ несравненно веселѣе и разговорчивѣе, нежели въ описываемый вечеръ. Всѣ замѣтили по выраженію его лица, что онъ былъ чѣмъ-то сильно озабоченъ.

— Не хотите-ли вы закурить трубочку, м-ръ Никласъ? спросила Ревекка, жена Авраама, зная нѣжное пристрастіе стараго ученаго къ табаку.

М-ръ Никласъ окинулъ комнату робкимъ взглядомъ:—здѣсь все такъ чисто и прибрано, сказалъ онъ, я право не знаю...

— Помилуйте, еще не сдѣлано и трети того, что̀ нужно! Вѣдь сегодня только начало пасхальной недѣли! Приходите завтра, тогда вы еще не то увидите...

М-ръ Никласъ не на шутку испугался. Воображеніе рисовало ему разставленныя ведра, къ которымъ онъ чувствовалъ инстинктивное отвращеніе; ему казалось, что льютъ воду ему подъ ноги. Но эти непріятныя размышленія были прерваны хозяиномъ дома, который подалъ ему жестянку съ табакомъ.

— Ну дѣлать нечего! сказалъ м-ръ Никласъ и, вынувъ изъ кармана трубку изъ чернаго дерева въ серебряной оправѣ, съ видимымъ удовольствіемъ набилъ ее. Это былъ настоящій испанскій табакъ выписанный вмѣстѣ съ другимъ товаромъ Леономъ-дель-Бланко, который съ помощью своихъ родныхъ завелъ довольно значительную заграничную торговлю. Въ то время хорошій табакъ составлялъ большую рѣдкость въ Лондонѣ; приходилось довольствоваться плохимъ табакомъ колоній, который употребляли солдаты и простой народъ, или фабрикованнымъ въ Голландіи.

М-ръ Никласъ затянулся съ видомъ знатока, который испытываетъ величайшее наслажденіе. Мало по малу незамѣтно для него самого запахъ превосходнаго табака и голубоватый дымъ, поднимавшійся кольцами, привели его въ кроткое и миролюбивое настроеніе духа, хотя лицо его сохраняло прежнее озабоченное выраженіе. Онъ сѣлъ въ широкое кресло, стоявшее у камина; Авраамъ помѣстился рядомъ съ нимъ.

— Что случилось съ вами, м-ръ Никласъ? спросилъ хозяинъ дома, когда всѣ удалились и они остались одни. Какъ вы ни старается казаться веселымъ, но я слишкомъ хорошо знаю васъ, и вижу по вашему лицу, что у васъ какая-то печаль на сердцѣ.

— Быть можетъ, вы правы, возразилъ гость, не выпуская изо рта трубки. Дѣйствительно я не гожусь въ дипломаты, хотя его превосходительство сдѣлалъ мнѣ честь выбрать меня въ свои секретари. Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время я не имѣю покоя, ни днемъ, ни ночью.

— Но что за причина этого?

— Почемъ я знаю? возразилъ м-ръ Никласъ. Никогда не видалъ я генерала такимъ озабоченнымъ. Собирается гроза. Говорятъ, что между роялистами начинается движеніе и что они заключили союзъ съ пресвитеріанами. Господи, когда же Ты даруешь миръ нашей несчастной измученной странѣ!...

Авраамъ сложилъ руки, какъ онъ это всегда дѣлалъ для молитвы; м-ръ Никласъ продолжалъ:

— Миръ далъ-бы возможность каждому заняться своимъ дѣломъ: крестьянину, торговцу, ремесленнику и я могъ бы опять вернуться къ моимъ книгамъ...

М-ръ Никласъ глубоко вздохнулъ при послѣднихъ словахъ и выпустилъ изо рта густое облако дыма.

— Я готовъ служить моему отечеству, добавилъ онъ, какъ-бы въ свое оправданіе; но мое сердце не можетъ примириться съ такимъ порядкомъ вещей. Вѣрьте, что мнѣ не было бы такъ больно, если бы мы могли предвидѣть исходъ изъ всей этой путаницы. Зима и лѣто продолжаются только извѣстное время; но это печальное неопредѣленное положеніе не кончится до тѣхъ поръ... пока...

М-ръ Никласъ замолчалъ и задумчиво устремилъ свои глаза на огонь, горѣвшій въ каминѣ.

— Продолжайте, что̀ вы хотѣли сказать? спросилъ Авраамъ съ невольнымъ любопытствомъ.

— Какъ вамъ извѣстно, источникъ всего зла король, который внушаетъ намъ серіозныя опасенія, хотя онъ объявленъ плѣнникомъ арміи и посаженъ въ замокъ Каррисбрукъ.

Тѣмъ не менѣе онъ по природѣ добрый человѣкъ, сказалъ Авраамъ пачальнымъ голосомъ.

— Еще этого не доставало! воскликнулъ съ неудовольствіемъ м-ръ Никласъ. Вы кажется жалѣете о немъ?

— Жалѣю не о немъ, а о постигшемъ его несчастіи.

— Если онъ несчастливъ, то вполнѣ заслужилъ это! Вы сами не много видѣли отъ него добра! Это неблагодарный человѣкъ, который прежде всего жертвуетъ своими друзьями. Развѣ онъ не довелъ васъ до нищеты?

— Я не долженъ чувствовать противъ него никакой злобы. Вы видите Всевышній, да будетъ благословенно имя Его, опять возвратилъ меня въ домъ мой; дѣла мои со дня на день идутъ лучше благодаря моему зятю.

— Изъ вашихъ словъ, возразилъ съ горячностью м-ръ Никласъ, можно вывести заключеніе, что вы не прочь примкнуть къ партіи нашихъ враговъ, отъ которыхъ вы ничего не видѣли кромѣ презрѣнія и вреда, противъ друзей, которые отнеслись къ вамъ съ искреннимъ участіемъ.

— Примкнуть къ партіи! повторилъ Авраамъ, спокойнымъ голосомъ человѣка привыкшаго покоряться судьбѣ. Бѣдный еврей, осужденный на вѣчное странствованіе, не имѣющій никакихъ правъ, не можетъ принадлежать къ какой либо партіи? Вы называете Карла I моимъ врагомъ! Правда, мнѣ пришлось вынести много страданій изъ-за него; въ нѣкоторыхъ вещахъ дѣйствительно можно обвинять его, а не во всемъ. Но что-же изъ этого? На томъ-же основаніи я долженъ былъ бы враждебно относиться ко всему свѣту и ненавидѣть его. Если бы я сталъ радоваться паденію моего противника, то навлекъ бы на себя этимъ гнѣвъ Господень!

— И вы рядомъ съ этимъ мечтаете объ освобожденіи и равноправности съ другими народами! воскликнулъ съ раздраженіемъ м-ръ Никласъ. Кажется вы знаете не хуже меня, что если побѣда останется на сторонѣ индепендентовъ, во главѣ которыхъ Кромвель, то вамъ-же будетъ лучше.

— Я знаю это, возразилъ Авраамъ, и молю Бога чтобы Онъ ниспослалъ свое благословеніе, но развѣ необходимо ненавидѣть враговъ, чтобы любить тѣхъ, которые сдѣлали намъ добро?"

— При настоящемъ положеніи вещей, сказалъ м-ръ Никласъ, каждый долженъ открыто стоять на той или другой сторонѣ. Одинъ изъ нихъ долженъ пасть: Карлъ I или Кромвель. Выбирайтъ любаго изъ нихъ?

— Выборъ зависитъ отъ Бога, а не отъ людей! отвѣтилъ набожный еврей.

— Господь произнесъ свой приговоръ, продолжалъ торжественнымъ тономъ м-ръ Никласъ; людямъ остается только выполнить его. Подробности также извѣстны вамъ, какъ и мнѣ. Вы знаете, что со времени прибытія короля въ армію до настоящаго момента, всѣ его поступки и слова представляли безконечную цѣпь лжи,

притворства и предательства. Начальство арміи дружелюбно встрѣтило его и проводило до замка Гамптонъ-Кортъ; ему предоставили возможную свободу, допустили къ нему его дѣтей и даже капеллановъ. Чѣмъ-же все это кончилось! Въ то время, какъ онъ открыто велъ переговоры съ Кромвелемъ и парламентомъ, онъ втайнѣ сносился съ шотландцами и шотландскими пресвитеріанами, герцогомъ Гамильтономъ, графомъ Лаудердалемъ, врагами свободной Англіи! Эмигранты цѣлыми толпами высаживаются въ гаваняхъ; вездѣ снуютъ агенты королевы... Кстати, позвольте вамъ припомнить послѣднюю исторію, которая случилась въ шинкѣ подъ вывѣской «Голубой Кабанъ?» Здѣсь, въ этомъ грязномъ вертепѣ нашли зашитое въ сѣдлѣ письмо короля къ его женѣ, которое долженъ былъ доставить во Францію одинъ изъ слугъ ея величества. Въ этомъ письмѣ было сказано, чтобы королева не придавала серіознаго значенія переговорамъ короля съ Кромвелемъ, что единственная цѣль ихъ—выиграть время, пока поднимется шотландская армія, подъ предводительствомъ Гамильтона и Лаудердаля; какъ только она войдетъ въ Англію, король встанетъ во главѣ ея, чтобы усмирить мятежную страну и наказать надлежащимъ образомъ зачинщиковъ бунта. Что же касается этого негодяя Кромвеля, то ея величество также можетъ быть совершенно спокойна: король только что обѣщалъ ему орденъ «Подвязки» въ Чильдерлейскомъ замкѣ; но вмѣсто этого надѣется украсить его шею крѣпкой веревкой и...

М-ръ Никласъ, внезапно прервавъ разсказъ, спросилъ встревоженнымъ голосомъ Авраама:—Вы ничего не слыхали? Мнѣ показалось, что кто-то назвалъ меня по имени.

— Нѣтъ, ни единаго звука.

Все было тихо; слышенъ былъ только стукъ часоваго маятника на каминѣ.

— Должно быть я ошибся! сказалъ м-ъ Никласъ. Вотъ это письмо, найденное въ шинкѣ, и попало въ руки Кромвеля...

Разскащикъ еще разъ остановился.—Впрочемъ къ чему я сообщаю вамъ эти подробности! Они всѣмъ извѣстны—съ тѣхъ поръ прошло не болѣе пяти мѣсяцевъ... Но у людей замѣчательно коротка память!... Тутъ главнокомандующій увидѣлъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло и положилъ извѣстныя границы свободѣ, которой пользовался король, придвинулъ ближе стражу и не приказалъ впускать въ ворота Гамптонъ-Корта ни одного шатландскаго герцога или графа и ни одного шпіона изъ Франціи, что же вышло изъ всего этого? Въ одинъ прекрасный день клѣтка оказалась пустой; короля не нашли въ замкѣ—онъ убѣжалъ. Вся Англія была озадачена; нѣсколько дней не было извѣстно, гдѣ находился бѣглецъ. Всѣ предсказывали возобновленіе междуусобной войны; говорили, что король отправился во Францію и вернется оттуда съ иноземной ар-

